

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

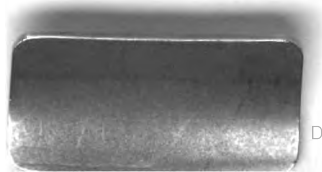
- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Н. Харламовичъ.

Kharklamovich, K. V.

ЗАПАДНОРУССКІЯ

ПРАВОСЛАВНЫЯ ШКОЛЫ

XVI и начала XVII вѣка,

отношеніе ихъ къ инославнымъ,

религіозное обученіе въ нихъ и заслуги ихъ въ дѣлѣ защиты
православной вѣры и церкви.

38-491

НАЗАНЬ.

Типо-литографія Императорскаго Университета.

1898.

Печатать дозволяется. 15 ноября 1897 г. Ректоръ Академіи Епископъ Іоаннъ.

ВВЕДЕНИЕ.

Подъ западной Россіей разумѣютъ обыкновенно всѣ русскія земли, принадлежавшія польско-литовскому государству и жившія политическою жизнью, отдѣльной отъ московской Руси. Сюда входили, слѣдовательно, нынѣшнія губерніи: кіевская, подольская, волынская, черниговская, смоленская, могилевская, минская, витебская, виленская, гродненская, отчасти сѣдлецкая, люблинская и ковенская, и Галиція. Такова русская точка зрѣнія на объемъ и границы западной Россіи; въ основѣ ея лежитъ этнографическій принципъ. Съ точки же зрѣнія политическаго принципа, котораго держатся польскіе ученые, подкрѣпляющіе его односторонними историческими данными, говорить о русскомъ въ областяхъ, входившихъ когда—либо въ составъ Польши, не слѣдовало бы.... Намъ нѣтъ однако нужды спорить съ ними и доказывать присутствіе русскаго элемента и его преобладаніе во всѣхъ означенныхъ областяхъ: по отношенію и къ настоящему времени, и къ истекшимъ вѣкамъ это ясно доказывается безпристрастными исторіей и этнографіей. Чтобы показать, что мы, очертивши такъ широко границу западнорусскаго племени, не выступили за предѣлы правды, намъ достаточно остановиться на двухъ пунктахъ ея, повидимому, очень слабо защищенныхъ,—на губерніяхъ люблинской и сѣдлецкой и—виленской и ковенской. Уже принадлежность первыхъ двухъ къ „царству польскому“ можетъ укрѣплять нѣкоторыхъ въ мнѣніи, что онѣ населены польскимъ племенемъ. Но что восточныя и южныя части ихъ по своему этнографическому составу ближе къ Галиціи и Волыни, чѣмъ къ Польшѣ—это фактъ не только современный, но и историческій. Въ XVI вѣкѣ этнографическая граница русскаго и польскаго племени проходила даже значительно западнѣе, чѣмъ теперь. Теперь города Любартовъ, Люблинъ, Красноставъ, Соколовъ на этнографическихъ картахъ (напр. Риттиха) представляются островками русскаго племени на морѣ польскаго,

прежде же кругомъ ихъ включомъ была русская жизнь; въ нихъ же самихъ въ XVI в. существовали не только православныя церкви, но и монастыри, братства, училища,—высшія проявленія тогдашней русской культуры. Относительно виленской и ковенской губерній мы готовы согласиться, что теперъ онѣ очень значительно окатоличены и отчасти ополячены, но все же наибольшій процентъ населенія составляютъ не поляки, а литовцы и русскіе. Еще замѣтнѣе это было въ XVI в., когда польское племя имѣло здѣсь еще меньшее число представителей. И если русскихъ на пространствѣ этихъ двухъ губерній было гораздо меньше, чѣмъ литовцевъ, то нужно принять во вниманіе то обстоятельство, что Русь была сильнѣе Литвы своей культурой. Еще съ XIII ст. литовское государство начало завоевывать одно за другимъ русскія княжества и естественно стало перенимать у русскихъ всѣ стороны ихъ жизни—и социальныя отношенія, и военное искусство, и формы судопроизводства, и языкъ. Послѣдній былъ официальнымъ языкомъ на всемъ пространствѣ литовско-русскаго государства, даже въ коренной Жмуди. О какихъ-либо проявленіяхъ литовской культуры, кромѣ развѣ язычества, мы въ XVI в. ничего не знаемъ.

Но, настаивая на существованіи извѣстныхъ этнографическихъ границъ между польскимъ и русскимъ племенами, мы далеки отъ мысли что для XVI в. онѣ были настолько рѣзко очерченными, что восточнѣе ихъ не было ничего нерусскаго, ничего неправославнаго. Какъ бы строго границы государствъ и народовъ ни охранялись, онѣ всегда бываютъ безсильны въ области явленій умственныхъ, культурныхъ. Тѣмъ болѣе это должно было случиться съ западной Россіей, которая была политически связана съ Польшей. Нравственную фізіономію XVI ст., которое стоитъ на порогѣ среднихъ и новыхъ вѣковъ, нѣтъ сомнѣнія, создала великая реформація, освободившая мысль европейца отъ узъ схоластицизма и провозгласившая принципъ духовной свободы. Но она вызвала на борьбу съ собой католическую церковь. Главными орудіями этой борьбы съ обѣихъ сторонъ были литература, типографія и школы, размножившіяся въ XVI в. въ небываломъ дотолѣ количествѣ и способствовавшія необычайному умственному оживленію общества. И хотя главное вниманіе послѣдняго сосредоточивалось на религіозныхъ вопросахъ, но и школы и типографія стали служить и общимъ интересамъ просвѣщенія. Начинаетъ все болѣе развиваться педагогика, какъ отдѣльная наука... Обращаясь къ польско-литовскому государству, мы видимъ, что и здѣсь были данныя для возникновенія и размноженія школъ различныхъ религіозныхъ типовъ, были они, въ частности, и въ западной Россіи. Здѣсь давно уже жили поляки и имѣло успѣхъ латинство. Въ XVI в. появились здѣсь протестанты различныхъ толковъ, и заки-

пѣла ожесточенная борьба ихъ съ католиками, въ которую были вовлечены и православные. Такъ какъ первымъ приходилось еще завоевывать себѣ положеніе въ государствѣ и обществѣ, то они должны были, наряду съ устной и письменной пропагандой своихъ идей, организовать въ самыхъ широкихъ размѣрахъ школьное образованіе въ духѣ своего вѣроисповѣданія. Не отстали отъ нихъ и католики, которые, не надѣясь на свои училища, существованія здѣсь уже давно, но оказавшіяся непригодными въ борьбѣ съ реформаціей, вызвали сюда извѣстныхъ тогда въ европейскомъ мірѣ педагоговъ—членовъ іезуитскаго ордена. Іезуиты сразу овладѣли положеніемъ и повели школьную и литературную войну на два фронта—противъ протестантовъ и православныхъ. Пришлось и послѣднимъ подумать объ умноженіи своихъ школъ и о приспособленіи ихъ къ новымъ религіознымъ и умственнымъ потребностямъ. Такимъ образомъ у насъ являются училища острожское и цѣлый рядъ братскихъ. По своему направленію наши школы держались греческо-православныхъ идеаловъ, но очень скоро совмѣстное существованіе съ высоко стоявшими въ мѣстнѣи общества католическими и протестантскими коллегіями и гимназіями, а также отдаленность Греціи создали почву для заимствованій нашими школьными дѣятелями тѣхъ или другихъ чертъ и особенностей инославныхъ школъ и частныхъ подробностей ихъ быта. Это было тѣмъ естественнѣе, что многіе наши учителя получили образованіе въ католическихъ и протестантскихъ училищахъ Польши и Европы, а иные и сами были протестантами.

Этимъ историческимъ ходомъ образованія въ западной Россіи обуславливаются и содержаніе и планъ нашей работы. Главный предметъ ея и цѣль—обслѣдованіе внѣшней и внутренней судьбы православныхъ школъ. Но уже въ силу того, что на ту и на другую въ концѣ XVI ст. оказали большое вліяніе инословныя училища, намъ приходится говорить и о нихъ,—сначала о католическихъ, какъ болѣе давнихъ, потомъ о протестантскихъ. Тѣмъ и другимъ отведено по одному отдѣлу нашего сочиненія; православныя школы составляютъ третій отдѣлъ его. Затѣмъ, такъ какъ мы доводимъ его до 1633 г., до вступленія на польскій престолъ короля Владислава IV, съ чѣмъ совпало обнаруженіе болѣе терпимыхъ отношеній правительства къ православнымъ и протестантскимъ школамъ и менѣе пристрастныхъ къ католическимъ (разумѣемъ выселеніе іезуитовъ изъ Кракова и допущеніе въ государство піаровъ),—то въ кругъ нашего излѣдованія входятъ еще школы уніатскія, которыя по своему характеру и исторіи представляли переходъ отъ православныхъ къ католическимъ; онѣ служатъ предметомъ четвертаго и послѣдняго отдѣла сочиненія. Въ каждомъ отдѣлѣ мы обзрѣваемъ сначала условія появленія школъ извѣстнаго типа на территоріи западной Россіи и

внѣшнюю судьбу ихъ до конца избраннаго нами періода, а затѣмъ—внутреннюю сторону ихъ жизни, организацію ихъ, учебную программу, систему воспитанія. Получается такимъ образомъ изложеніе исторіи всѣхъ школъ, въ которыхъ учился западнорусскій народъ въ XVI и въ началѣ XVII в., не выходя за этнографическія границы своего племени. Въ частности, въ первомъ отдѣлѣ мы говоримъ о школахъ каедральныхъ и приходскихъ (гл. 1), объ іезуитскихъ училищахъ и организаціи ихъ (гл. 2 и 3), о духовныхъ семинаріяхъ (гл. 4) и о замостской академіи (гл. 5). Во второмъ отдѣлѣ излагается судьба западнорусскихъ протестантскихъ школъ въ связи съ исторіей самого протестантства въ зап. Россіи (гл. 6)

говорится объ организаціи ихъ (гл. 7). Третій отдѣлъ начинается съ обрисовки положенія православнаго просвѣщенія въ зап. Россіи до XVI в. и въ первой половинѣ его и съ выясненія тѣхъ условій, которыя способствовали оживленію его во второй половинѣ XVI ст. (гл. 8), содержитъ исторію острожской школы (гл. 9), братскихъ училищъ и небратскихъ (гл. 10), сообщаетъ автобіографическія данныя объ извѣстнѣйшихъ учителяхъ братскихъ школъ (гл. 11) и заключается выясненіемъ общаго характера нашихъ братскихъ школъ и степени ихъ самостоятельности, постановки учебныхъ предметовъ и педагогическихъ идеаловъ и требованій (гл. 12). Наконецъ, въ четвертомъ отдѣлѣ сообщаются свѣдѣнія объ уніатскихъ школахъ до брестской уніи и послѣ нея и объ ихъ внутреннемъ устройствѣ (гл. 13).

Неравномѣрность отдѣловъ и главъ и различная степень нашей самостоятельности въ обслѣдованіи отдѣльныхъ школъ стоятъ въ зависимости отъ количества и качества того матеріала, которымъ мы располагали. По первоисточникамъ рукописнымъ и печатнымъ нами написаны не всѣ главы; на многихъ главахъ, особенно о протестантскихъ школахъ, замѣтно отразились вліяніе тѣхъ сочиненій, которыя служили намъ пособіями.—Источники мы дѣлимъ на рукописные и печатные. Первыми мы пользовались въ Архивѣ греко-уніатскихъ митрополитовъ, хранящемся въ архивѣ свят. Синода, и въ бібліотекахъ: Императорской публичной въ Петербургѣ и софійской и печерской въ Кіевѣ. Эти же бібліотеки, виленская публичная, а также принадлежація духовнымъ академіямъ—С.-Петербургской и Казанской, и наконецъ С.-Петербургской римско-католической духовной академіи,—дали намъ возможность познакомиться съ учебниками школъ изслѣдуемой нами эпохи и съ другими старопечатными изданіями, преимущественно же съ церковнобогослужебными книгами, предисловія и послѣловія которыхъ заключаютъ иногда въ себѣ цѣнныя историческія свѣдѣнія о школахъ и лицахъ, прикосновенныхъ къ нимъ. Отсутствие недостававшихъ старыхъ изданій и

рукописей отчасти восполнили слѣдующіе библиографическіе труды и описанія рукописей:

Iocher, *Obraz bibliograficzno — historyczny literatury i nauk w Polsce*, I—III (1840. 1842).

Востоковъ, Описание рукописей Румянцевскаго музея (СПБ., 1842).

Émile Legrand, *Bibliographie Hellénique, ou description raisonnée des ouvrages publiés en grec par des grecs aux XVI-e siècles*, tt. I et II (Paris, 1888) и томы I—IV того же изданія за XVII-й вѣкъ (Paris, 1894—1896).

Добрянскій, Описание рукописей Виленской публичной библіотеки (Вильна, 1882).

Описание рукописнаго отдѣленія Виленской публичной библіотеки, Вып. I (1895).

Каратаевъ, Описание славяно-русскихъ книгъ, напечатанныхъ ерицловскими буквами, вып. I (1491—1652 г.), 1883 г.

Maciejowski, *Piśmiennictwo Polskie od czasów najdawniejszych aż do r. 1830*, I—III (1853).

Поповъ, Описание рукописей и каталогъ книгъ церковной печати библіотеки Хлудова. М. 1872.

Wierzbowski Th., *Bibliographia polonica XV et XVI saeculi* (Varsoviae, 1889—1894).

Wiszniewski, *Historya literatury Polskiej*, Krakow, 1840—1857.

Затѣмъ, мы пользовались слѣдующими изданіями историческихъ документовъ всякаго рода и сочиненіями лицъ, жившихъ въ изслѣдуемую нами эпоху или очень близко къ ней, цитуемыми нами въ текстѣ подъ такими сокращеніями.

А. В. А. К.—Акты Виленской археографической комиссіи (преимущественно т.т. VIII, XVI, XXII).

А. З. Р.—Акты, относящіеся къ исторіи западной Россіи (III—V).

А. Ю. и З. Р.—Акты южной и западной Россіи (II).

Akta Lwowskie—Akta grodzkie i ziemskie z czasów Rzeczypospolitej Polskiej z archiwum tak zwanego bernardynskiego we Lwowie (III и IV).

Academia et universitas Vilnensis Soc. Iesu, privilegiis, Constitutionibus, decretis erecta, aucta, roborata... 1738.

Albertrandi, *Pamiętniki o dawnej Polsce z czasów Zygmunta Augusta*, obejmujące listy Iana Franciszka Commendone do Karola Borromeusza, I—II. Wilno, 1851.

Argent Ian, *De rebus Societatis Iesu in Regno Poloniae, Cracoviae*, 1620.

Арх. Сб. = Археографическій сборникъ документовъ, относящихся къ исторіи сѣверо-западнаго края (преимущественно томы II, VI, ¹⁾ VII, VIII, XI).

Арх. Ю-З. Р. — Архивъ юго-западной Россіи (преим. томы I, VI, VII и IX первой части; въ VII томѣ помѣщены памятники полемической литературы).

Arch. Sanguszków = Archiwum książąt Lubartowiczów Sanguszków w Slawucie (I—IV). Lwow. 1887.

Arch. Sapieh. = Archivum domus Sapiehanae (t. I; 1893, Leopoli) *Barącz Sadok*, Pamiętnik dziejow polskich, z aktow urzędowych lwowskich i z rękopismów (Lw., 1855).

Bibliotheca fratrum polonorum, quos unitarios vocant. Irenopoli, 1656.

Bobrowicz, Zbior pamiętnikow o dawnej Polsce, wydanie nowe, 1838.

Бѣлор. арх. = Бѣлорусскій архивъ древнихъ грамотъ, I, 1824.

Витебская старина, изд. А. Сапунова, V, Витебскъ, 1888.

Виленскія грамоты — Собрание древнихъ грамотъ и актовъ городовъ Вильны, Ковны, Трокъ, православныхъ монастырей, церквей и по разнымъ предметамъ, II, 1843. Вильна.

Голубевъ С. Т., Приложенія къ сочиненію: „Кіевскій митрополитъ Петръ Могила и его сподвижники“, т. I, 1883 г. ²⁾, Кіевъ.

Онъ-же, Приложенія къ „Исторіи кіевской духовной академіи“, вып. I (1886), Кіевъ.

Decreta congregationum generalium Soc. Iesu (Antverpiae, 1635).

Rat. Stud. S. I. = Ratio et institutio Societatis Iesu (1606. Romae).

Regulae S. I. (Vilnae, 1582). У насъ подъ руками было также позднѣйшее и полнѣйшее изданіе конституцій и декретовъ конгрегацій ордена — Institutum S. I., 1705, Pragaе.

Зубрицкій, Лѣтопись львовскаго ставропигіального братства (Ж. М. Н. Пр., 1849, кн. 62). Ее можно отнести къ числу источниковъ потому, что она составлена на основаніи подлинныхъ, современныхъ событіямъ документовъ.

Kojałowicz Alb. W., Miscellanea rerum ad statum ecclesiasticum in Magno Ducatu Lithuaniae pertinentium, Vilnae, 1650.

---

¹⁾ VI-ой томъ Археографическаго сборника составилъ изъ документовъ, первоначально напечатанныхъ въ Литовскихъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ за 1867—1869 г. г.

²⁾ Первоначально огромное большинство документовъ, вошедшихъ сюда, было напечатано въ приложеніи къ «Тр. Кіев. дух. акад.», 1878 г., подъ названіемъ: «Матеріалы для исторіи западно-русской церкви».

Крыловскій А. С., Акты—Невышедшее еще въ свѣтъ приложение въ ненапечатанному еще изслѣдованію г. Крыловскаго о львовскомъ братствѣ.

Кулишъ П., Матеріалы для исторіи воссоединенія Руси, I. М. 1877.

Litterae annuae S. I. (Ежегодные отчеты о состояніи іезуитскихъ учреждений) даютъ первостепенной важности матеріаль для исторіи іезуитскихъ школъ. Къ сожалѣнію, мы не могли достать ихъ за всѣ годы нашего періода.

Magnum Bullarium Romanum ab V. Leone Magno, usque ad S. D. N. Clementem X. Lugduni, 1673, и

Bullarium Romanum. Augustiae Taurinorum, tt. X, XIII, XIV.

Минскія грамоты = Собраніе древнихъ грамотъ и актовъ городовъ Минской губерніи, православныхъ монастырей, церквей и по разнымъ предметамъ (1848), Минскъ

Niemcewicz, Zbiór pamiętnikow o dawnej Polsce, IV (1822, Warszawa).

П. К. К. = Памятники Кіевской комиссіи—Памятники, изданные временной комиссіей для разбора древнихъ актовъ... въ Кіевѣ, I—III. Кіевъ.

П. П. Л.—Памятники полемической литературы въ западной Россіи, книги I, II и III, представляющія IV, VII и ? томы Русской исторической бібліотеки, издаваемой археографической комиссіей.

Relacye nuncyuszów apostolskich i innych osób w Polsce, 1548—1690. I—II. Berlin—Poznań, 1864.

Rostowski, Lithuanicarum S. I. Historiarum provincialium pars prima. Wilnae, 1768.

Sandius, Bibliotheca Anti-trinitariorum, Sive catalogus scriptorum, et succincta narratio de vita eorum auctorum, Freistadii, 1684.

Сборникъ лѣтописей, относящихся къ исторіи южной и западной Россіи, Кіевъ, 1888.

Scriptores rerum polonicarum, tt. VII, X, XIV, заключающіе дневникъ краковскаго іезуита *Велевицкаго*—*Historicum diarium domus professae Societatis Iesu Cracoviensis ab anno 1579 ad 1637 inclusive* (въ XIV томѣ дневникъ оканчивается 1619 годомъ). Краковъ, 1881. 1886. 1889.

Smotrski Mel., *Θρονος*, Apologia, Paraenesis, Exethesis (въ текстѣ будутъ указаны полные ихъ заголовки).

Сказ. Курб.—Сказанія кн. Курбскаго, изд. Устрялова, II-ое, 1842, и Жизнь кн. Курбскаго въ Литвѣ и на Волыни,—акты, изданные Пванишевымъ, I—II, Кіевъ, 1849.

Starczewski Adal., Historiae ruthenicæ scriptores exteri saeculi XVI (I—II, 1841. 1842).

Starowolski Simon, Scriptorum polonicorum 'Εκατοντάς, seu Centum illustrium Poloniae scriptorum elogía et vitae, editio nova, 1733 (*Simonis Starowolsci Tractatus tres*, III)

Susza, Saulus et Paulus, sive Meletius transformatus, Romae, 1666 (Новое изданіе этого сочиненія сдѣлано іез. Мартыновымъ въ 1864 г. въ Брюсселѣ).

Suppl.—Supplementum ad Historica Russiae Monumenta, ex archivis ac bibliothecis extraneis deprompta et a collegio archaeographico edita, 1848.

Theiner, Annales ecclesiastici, quos post Caesarem S. R. E. Baronium, Odoricum Raynaldum ac Iacobum Laderchium, ab anno 1563 ad nostra usque tempora continuat Augurtinus Theiner, III, Romae, 1856.

Theiner, Vetera Monumenta Poloniae et Lithuaniae, III, Romae, 1861.

Юбил. Изд. Львов. братства—Юбилейное изданіе въ память 300-лѣтняго основанія львовскаго ставропигіального братства, т. I (1886).

Dipl. stat.—Diplomata statuaria a Patriarchis Orientalibus Confraternitati Stauropigianae Leopoliensi a. 1586—1592 data, cum aliis litteris coaevis et appendice (1895 г.; это—второй томъ Юбилейнаго изданія).

Monum. Confr.—Monumenta confraternitatis Stauropigianae Leopoliensis, I, 1895. (Часть документовъ, вошедшихъ въ составъ этихъ трехъ изданій, дающихъ весьма цѣнный матеріалъ для исторіи львовскаго братскаго училища и находившихся въ сношеніяхъ съ нимъ, раньше того была напечатана въ Временникѣ института ставропигіальскаго, въ Науковомъ сборникѣ (Акты относящіяся къ южнозападной Руси, Петрушевича) и въ др. періодическихъ изданіяхъ.

Volumina legum, изд. Огрызки, СПб. 1859.

Таковы болѣе важные источники нашихъ свѣдѣній о западнорусскихъ шеолахъ, но не всѣ они послужили намъ въ одинаковой мѣрѣ. Изъ нѣкоторыхъ мы извлекли не болѣе двухъ-трехъ извѣстій.

Переходимъ къ пособіямъ. Полной исторіи западнорусскихъ шеоля за избранное нами время у насъ нѣтъ; нѣтъ въ частности и исторіи православныхъ училищъ. Изслѣдованіе *Йосифа Лукашевича*—*Historya szkół w Koronie i w Wielkim Księstwie Litewskim do najdawniejszych czasów aż do roku 1794* (I—IV, Poznań, 1849—1851)¹⁾, представляю-

---

¹⁾ III и IV-й томы тогда-же вышли и подъ другимъ названіемъ: *Zakłady naukowe w Koronie i t. d.*, tt. I i II.

щее единственное сочиненіе въ польской и въ русской литературѣ, излагающее судьбу и внутреннее устройство училищъ въ польско-литовскомъ государствѣ, почти ничего не даетъ для исторіи школъ православныхъ и униатскихъ въ XVI и нач. XVII в., до и по отношенію къ католическимъ и протестантскимъ школамъ значительно можетъ быть дополнено и исправлено на основаніи матеріаловъ какъ обнародованныхъ въ послѣднее время, такъ и старыхъ, о которыхъ Лукашевичъ, повидимому, не зналъ.

Въ сочиненіи г. *С. Миропольскаго*: Очеркъ исторіи церковно-приходской школы отъ перваго ея возникновенія на Руси до настоящаго времени, нашему предмету посвященъ одинъ отдѣлъ III выпуска (1895), но онъ очень кратокъ, не полонъ и притомъ составленъ не по первоисточникамъ, что неблагоприятно отозвалось на точности сообщаемыхъ авторомъ свѣдѣній.

Распредѣляя пособия по отдѣламъ нашего сочиненія, мы укажемъ для католическихъ школъ слѣдующія главнѣйшія, кромѣ Лукашевича:

Balinski, *Historya miasta Wilna*, I, II (Wilno, 1836—7).

Balinski i Lipinski, *Starożytna Polska*, I—IV (1843—1846, Warszawa).

Kraszewski, *Wilno od początków iego do roku 1750*, I—IV (1840—1842, Wilno).

Iaroszewicz, *Obraz Litwy pod względem jej cywilizacyi*, II, III (1844. 1845. Wilno).

Narbutt, *Dzieje starożytne narodu Litewskiego*, VIII, IX (1840, Wilno).

Przyąłgowski, *Zywoty biskupów Wileńskich*, I, II (1860, S.—Petersburg).

Baliński, *Dawna akademia Wileńska*, 1862, Petersburg.

Załęski, *Czy iezuici zgubili Polskę?* wydanie III, 1883. Krakow.

Для исторіи протестантскихъ школъ, кромѣ той же Исторіи школъ Лукашевича, пособиями служили:

Его же *Dzieje kościołow wyznania Helweckiego w Litwie*, I, II (1842. 1843).

Krasinski Val., *Seschichte des Ursprungs, Fortschritt und Verfalls der Reformation in Polen*, въ нѣмецкомъ переводѣ Линдау. Leipzig, 1841.

Соколовъ Ив., *Отношеніе протестантизма къ Россіи въ XVI и XVII вв.* (Москва, 1880).

Bukowski, *Dzieje reformacyi w Polsce*, I, 1883. Krakow.

При изображеніи внутренняго строя іезуитскихъ и протестантскихъ училищъ мы пользовались сочиненіями *Раумера Карла*: Исторія воспитанія и ученія отъ возрожденія классицизма до нашего времени, переводъ съ III нѣм. изд. Н. Весселя, 1878, СПБ., I, II, и *Шмидта Карла*: Исторія педагогики, въ переводѣ Циммермана, II и III.

Исторія православныхъ западнорусскихъ училищъ всего болѣе разработана въ Исторіи русской церкви м. *Макарія*, т. т. IX—XI, и въ указанныхъ уже нами монографіяхъ *проф. Голубева*. Затѣмъ въ нашихъ періодическихъ изданіяхъ помѣщено очень много и матеріаловъ и статей, относящихся къ той или другой западнорусской школѣ и затрагивающихъ тотъ или другой частный вопросъ. Таковы: Чтенія въ московскомъ обществѣ исторіи и древностей россійскихъ, Чтенія въ историческомъ обществѣ Нестора лѣтописца, Вѣстникъ юго-Западной и западной Россіи, Журналъ министерства народнаго просвѣщенія, Труды кievской духовной академіи, Волынскія, Литовскія, Кіевскія, Подольскія, Минскія епархіальныя вѣдомости, Холмско—Варшавскій епархіальный вѣстникъ, и нѣкоторыя другія.

Объ уніатскихъ школахъ кое-что можно найти въ статьѣ *прот. А. Сосновскаго*—О средствахъ умноженія въ греко-унитскомъ духовенствѣ просвѣщенія (Лит. еп. вѣд. 1874 г. и А. В. А. К., XVI), въ изслѣдованіи *проф. Петрова* о базилианскомъ орденѣ (Тр. кiev. дух. акад., 1870), въ Очеркахъ уніатской церкви *Ю. Крачковскаго* (Чт. въ моск. общ. ист. и др. рос., 1871), у м. *Макарія*.

Въ заключеніе мы должны заявить, что наше изслѣдованіе стоитъ далеко отъ того идеала его, который предносился предъ нашими глазами и осуществленіе котораго возможно только въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ, когда будутъ изданы всѣ рукописные матеріалы, могущіе имѣть то или другое отношеніе къ западнорусскимъ школамъ и къ западнорусской образованности вообще, и когда пользованіе старопечатными книгами славяно-русскими, польскими, латинскими, разсѣянными теперь по множеству библіотекъ общественныхъ и частныхъ, русскихъ и заграничныхъ, сдѣлается болѣе возможнымъ и легкимъ. Если же мы взялись за эту работу, то это по слѣдующимъ причинамъ.

Во 1-хъ, мы видѣли, что литература вопроса о западнорусскихъ школахъ, вопроса въ высшей степени интереснаго и самого по себѣ и по его современному значенію, и не богата, и избытуетъ массой неточностей, ошибокъ и догадокъ, выдаваемыхъ за историческіе факты. Во 2-хъ, мы желали выяснитъ детальнѣе обстоятельства, создавшія умственный подъемъ въ западной Россіи въ концѣ XVI ст. и такимъ образомъ опредѣлитъ характеръ возродившейся у насъ школьной науки и образо-

ванности. Въ 3-хъ, наконецъ, мы думали и думаемъ, что и при различныхъ данныхъ и условіяхъ можетъ быть болѣе или менѣе полно представлено состояніе учебныхъ и образовательныхъ средствъ западной Россіи, особенно православной, въ избранную нами эпоху. Удалось ли намъ сдѣлать это—судить не намъ.

ОТДѢЛЪ I.

КАТОЛИЧЕСКІЯ ШКОЛЫ.

ГЛАВА I.

Школы кафедральныя и приходскія.

Давнія и мирныя, и военныя отношенія между Русью и Польшею послужили первымъ поводомъ къ провинновенію въ русскія княжества римскаго католичества. Но послѣднее, повятно, не могло имѣть здѣсь большого успѣха до завоеванія части этихъ княжествъ Польшею и до соединенія съ нею другой части ихъ съ принятіемъ литовскимъ княземъ Ягеллой польской короны. Съ этого именно времени оно получило возможность распространяться среди православнаго населенія при помощи также правительства. Въ Польшѣ уже Казимиръ великій проектировалъ учрежденіе нѣсколькихъ католическихъ кафедръ—во Львовѣ, Перемишлѣ, Галичѣ, Холмѣ, что и было выполнено въ 1375 г. ¹⁾ Нѣсколько позже выступилъ въ роли апостола латинства въ литовско-русскихъ областяхъ Ягелло. Тотчасъ послѣ своего бракосочетанія съ королевою Ядвигой онъ крестилъ въ Вильнѣ толпы подданныхъ-язычниковъ и на съѣздѣ литовскихъ князей провелъ постановленіе, чтобы „всѣ литовцы, проживающіе въ Литвѣ и на Руси, переходили въ католическую вѣру отъ всякой другой секты“. Въ 1387 году король учредилъ виленскую латинскую епархію и въ нѣсколькихъ декретахъ опредѣлилъ положеніе католичества, какъ религіи государственной, дающей только своимъ послѣдователямъ политическія права ²⁾. Затѣмъ онъ въ продолженіе цѣлаго года ѣздилъ по Литвѣ для его введенія и утвержденія ³⁾. Послѣ него проводниками католичества въ массы литовско-русскаго населенія въ теченіе XV—XVI ст. были многіе изъ его преемниковъ и латинскіе епископы въ Кіевѣ, Вильнѣ, Луцкѣ, въ Мѣдникахъ (на Жмуди), въ Каменцѣ Подольскомъ.

---

¹⁾ *Pelesz, Geschichte der Union der Ruthenischen Kirche mit Rom, Wien, 1880, I Band, 412—416.*

²⁾ *Danilowicz, Scarbiec diplomatów, I, № 538—540.*

³⁾ *Стрыйковский—у Вестужева-Рюмина, Русская Исторія, т. II, вып. I, 119, примѣчаніе 263.*

Ко второй половинѣ XIV в. должно относить и появленіе первыхъ латинскихъ училищъ въ западной Россіи. Заботиться о нихъ прежде всего должны были епископы и состоявшія при нихъ капитулы. Но ихъ вызывало на это не возрѣніе на школу, какъ на самое удобное орудіе пропаганды римско-католическихъ идей, а практическая нужда,—необходимость восполнять составъ священно-церковно-служителей людьми, умѣющими читать и пѣть. Древнѣйшая католическая школа въ Польшѣ и Литвѣ была по своему назначенію духовной, а по программѣ —начальной. Однако программа эта въ нѣкоторыхъ школахъ была очень расширяема, благодаря отчасти вліянію краковскаго университета, бакалавры, магистры и доктора котораго стали мало-по-малу наполнять ряды членовъ капитулъ, особенно обладавшихъ значительными фундами¹⁾. Къ XVI-му же вѣку создалась такая практика, что кандидатъ въ епископы обязательно долженъ былъ имѣть ученую степень или, въ противномъ случаѣ, свидѣтельство краковскаго университета о своей умственной, такъ сказать, зрѣлости²⁾. Одновременно съ школами каѳедральными, имѣвшими въ нѣкоторомъ смыслѣ оффиціальныи характеръ, въ предѣлахъ западной Россіи стали появляться школы парохіальныя, приходскія, заводившіяся отдѣльными всендзами, хотя по побужденіямъ такого же рода, практическимъ. Въ городахъ на помощь духовенству приходять мѣщане, какъ классъ народа и болѣе развитой, и болѣе богатый. Но они преслѣдуютъ при устройствѣ школъ цѣли не только церковныя, но и свои личныя: грамота нужна была имъ въ интересахъ и торговли, и самоуправления. Но и городскія школы оставались подъ контролемъ церкви: онѣ устраивались при костелахъ и поручались обыкновенно духовенству. Наконецъ, и правительство польское не оставалось безучастнымъ къ вопросу о народномъ образованіи. Не говоря уже объ учрежденіи польскими королями краковской академіи, мы имѣемъ факты его заботъ о распространеніи просвѣщенія среди даже простого народа, кметовъ. Такъ, петроковскій статутъ 1496 г. далъ право одному изъ сыновей каждаго крестьянина (если только онъ не единственный сынъ) оставлять родину для обученія наукамъ и ремесламъ. Петроковская же конституція 1501 г. сдѣлала еще одинъ шагъ впередъ, благодаря образованному королю Яну Альбрехту. § 20 ея позволилъ сыновьямъ хлоповъ на пространствѣ всей Польши оставлять отцовскіе грунты, къ которымъ привязывало ихъ подданство, съ цѣлью обученія наукамъ, искусствамъ и ремесламъ. И хотя удаленіе въ чужіе края могло совершаться только съ вѣдома и согласія вла-

---

¹⁾ Начало краковскаго университета ныне относятъ къ 1364 г., когда король Казимиръ вел. издалъ грамоту объ его открытіи и его статутъ Но Лукашевичъ не находитъ слѣдовъ его существованія до временъ короля Ягеллы, который въ 1397 г. исходатайствовалъ у п. Бонифація IX буллу и около 1400 г., дѣйствительно, открылъ университетъ (Hist. szkół, I, 33 et seq.)

²⁾ Объ этомъ имѣется свидѣтельство папскаго нунція въ Польшѣ Коммендоне, 1565 г. (*Albertranzi, Pamiętniki o dawnej Polsce z czasów Żygmunta, obejmujące listy Jana Franciszka Commendonii do Karola Borromeusza, II, p. 98.*)

дѣльца, но послѣдній обязывался давать позволеніе по каждой просьбѣ. Правда, спустя два года, при королѣ Александрѣ, этотъ параграфъ былъ нѣсколько ограниченъ тѣмъ, что, дозволяя сыновьямъ хлоповъ уходить для обученія ремесламъ во всякомъ возрастѣ, сталъ требовать, чтобы отпуска для изученія наукъ совершались только передъ 12-мъ годомъ жизни. Во всякомъ случаѣ эта конституція должна была сильнѣйшимъ образомъ поспособствовать развитію просвѣщенія въ населеніи Польши и, слѣдовательно, русскихъ областей ея ¹⁾. Впрочемъ, заботы правительства о народномъ образованіи въ польско-литовскомъ государствѣ до учрежденія въ 1773 г. эдукаціонной комиссіи не были систематическими. Онѣ выражались въ фундаціи королями частныхъ школъ, іезуитскихъ коллегій, въ покровительствѣ краковскому университету и его корпораціи ²⁾.

Изъ всѣхъ русскихъ областей богаче другихъ католическими школами должна была быть Галиція, какъ страна издавна подвергшаяся польско-католическому вліянію и вслѣдствіе этого ранѣе другихъ начавшая олатиниваться. Здѣсь мы уже въ концѣ XIV ст. находимъ католическія училища во *Лвовѣ*, *Любми* ³⁾. Въ XV ст. становятся извѣстными школы *перемышльская* (каедральная, 1439 г.), *самоцкая* (подъ 1439 г. упоминается Іаковъ, ректоръ ея), *ново-сонцкая* (1456 г.), *остатковичская* (коломыйскаго повѣта, 1475 г.), *митвиновская* (галичскаго повѣта, 1483 г.), *комарнская*. Наконецъ, вѣроятно были школы въ *Гуковичахъ* (перемышльскаго повѣта) и *Гочовѣ* (близъ Санока), плебаны которыхъ Андрей и Іоаннъ названы *artium baccalaurei* (1461 и 1467 гг.): возможно, что эти бакалавры краковскаго университета прививали и школьную науку своимъ прихожанамъ ⁴⁾. Что до литовско-русскихъ областей, то извѣстны по именамъ только двѣ католическія шко-

---

¹⁾ Volumina legum, I (1859), p. 119. 134. *Bostel*, «Niezznana konstytucya wejmowa z roku 1501». (Kwartalnik historyczny, 1887, I, str. 411 и 418). Король Александръ сдѣлалъ большой подрывъ образованію въ Польшѣ еще и тѣмъ, что запретилъ быть капонниками людямъ плебейскаго происхожденія (*Lukasz*, I, 82).

²⁾ Народное образованіе въ польско-литовскомъ государствѣ до XVIII в. не было сосредоточено въ однѣхъ рукахъ. Его вѣдали различныя учрежденія и лица: духовенство различныхъ исповѣданій и отдѣльные представители его, краковскій университетъ и всякій, кто хотѣлъ или имѣлъ къ тому средства. Однако, уже въ нашъ періодъ раздавались голоса, чтобы его взяло въ свои руки правительство. Такъ Христ. Варшавскій въ панегиричѣ, написанномъ въ честь короля Стефана въ 1580 г., по случаю учрежденія имъ судебного трибунала, говоритъ, обращаясь къ королю: «Fas adhuc tribunal instructionis publicae. Respublica alit, respublica instruet, et hoc peracto rex nostrorum abnepotum in eorum gratitudine eris». Точно также рассуждалъ въ 1632 г. Каспаръ Сежекъ (*Siemok*) въ сочиненіи: *Civis bonus descriptus*. Исхода изъ мысли, что отъ добраго воспитанія молодежи зависитъ счастье государства, онъ требовалъ, чтобы послѣднее само заботилось объ этомъ. «Nec a quopiam altero, praeter rempublicam dependebunt (studentes), ne magis alteri, quam reipublicae parere cogantur» (*Czacki*, O Litewskich i Polskich prawach, I, 52, uwaga 6; 53, uwaga 1).

³⁾ Akta Lwowskie, III, № 70, str. 137. *Lukasz*, I, 12.

⁴⁾ Akta Lwowskie, III, № 126; VI, № 121; IX, №№ 59, 63; XI, №№ 1180—1184; cf. № 2691; XVI, № 3222. *Lukasz*, I, 80.

лы, существовавшія еще до XVI ст.,—виленская кафедральная и трокская ¹⁾).

Съ началомъ XVI ст. число католическихъ училищъ въ западной Россіи сильно умножается. Въ открытіи ихъ принимаютъ участіе не только духовенство и горожане, но и шляхта, и магнаты, и члены королевскаго дома. Но если представители высшихъ сословій заботились просто о подлѣмѣ образованія въ народѣ, который сильно отсталъ въ этомъ отношеніи отъ западной Европы, съ училищами и просвѣщеніемъ которыхъ они были хорошо знакомы и по собственному опыту, и по наслышкѣ, то духовенство было заинтересовано въ умноженіи школъ и съ другой стороны: съ запада надвигалась грозная туча въ лицѣ протестантства. Католическая іерархія очень скоро поняла, какъ неустойчива должна быть въ своихъ религіозныхъ убѣжденіяхъ та масса народа, которая и вѣрѣ и нравственности могла поучаться только изъ богослуженія и то на чуждомъ языкѣ. Нужно было спѣшить принимать рѣшительныя мѣры къ укрѣпленію пасомыхъ въ вѣрѣ ²⁾. Отзвѣчивъ на другіе католическихъ епископовъ къ нуждамъ церкви оказался виленскій епископъ Янъ, изъ литовскихъ князей незаконный сынъ короля Сигизмунда I). Онъ въ 1526 г. созвалъ въ Вильнѣ епархіальный соборъ, который въ своихъ постановленіяхъ рекомендовалъ приходскому духовенству заводить при костелахъ школы, назначилъ фундуши для учителей и строго запретилъ принимать въ преподаватели прибывающихъ изъ Германіи. Въмѣстѣ съ тѣмъ епископъ рекомендовалъ излагать въ школахъ Евангеліе и Посланія апостола Павла не только по-литовски, но и по-польски ³⁾. Одновременно съ этимъ и епископы другихъ епархій польско-литовскаго государства начинаютъ тревожиться за своихъ пасомыхъ и созывать частые соборы. Въ числѣ другихъ мѣръ къ укрѣпленію вѣры ихъ, проектированныхъ на этихъ соборахъ, много разъ подвергался обсужденію и вопросъ объ училищахъ. Стараясь отвратить толпы молодежи отъ нѣмецкихъ университетовъ, соборы обратили вниманіе на реформу краковскаго университета ⁴⁾ и на умноженіе низшихъ школъ — приходскихъ, кафедральныхъ и частныхъ, которыя всѣ они стремятся подчинить контролю духовенства. Что до улучшенія университета, духовенство здѣсь ничего не могло сдѣлать, хотя его побу-

¹⁾ *Łukasz.*, I, 66, прим. 2.

²⁾ Что, дѣйствительно, протестанты посодѣйствовали подъему католическаго просвѣщенія, объ этомъ свидѣтельствуетъ іезуитъ Скарга «Przed Lutrem, говорить онъ въ одной изъ проповѣдей, bardzo byli w nauce y powinności awey stępieli naszymu kapłanu, zbroje ich i księgi y bibleie y szkoły, zarzadzewiale leżały. Gdy powstanie nieprzyjaciel, wszy atko sie ma polerować, y do wojny a szczęśliwego zwycięstwa sposabia» (*Maciejowski*, *Pamiętnictwo polskie*, I, 44. 45).

³⁾ *Locher*, III, 381. *Baliński*, *Historia miasta Wilna*, II, 87, прим. 26. *Przytykowski*, *Żywoty biskupów Wileńskich*, I, 113—115.

⁴⁾ *Constitutiones Synodorum Metropolitanæ Ecclesiae Gnesnensis provincialium...* 1630 г., Cracoviae, pp. 259—264. *Pawliński*, *Źródła dziejowe*, IV, № 122 и 123: *Capita eorum, quae S. E. Majestati ex S. Synodo provinciali Petricoviensi relata sunt...* 1577, 12 iunii...

ждали къ тому и сеймы, въ родѣ петроковскаго 1562—1563 г. ¹⁾: ихъ усилія разбивались о косность самого университета, корпорація котораго не хотѣла никакихъ перемѣнъ. Епископамъ приходилось довольствоваться посылкой на свой счетъ даровитыхъ юношей въ заграничныя католическія академіи ²⁾. Изъ соборныхъ декретовъ относительно низшихъ школъ обращаетъ прежде всего вниманіе предписаніе второго ланчицкаго (Lanciciensis) собора 1527 г., чтобы духовенство при всѣхъ каеэдрахъ и коллегіатахъ содержало въ качествѣ ректоровъ школъ—магистровъ свободныхъ наукъ, во всѣхъ большихъ и малыхъ городахъ, гдѣ средства бѣднѣе,—хотя бы бакалавровъ, а въ меньшихъ мѣстахъ даже взрослыхъ студентовъ (scholares maturos), только бы они были свѣдущи и годны къ учительству; причѣмъ духовенству поручалось имѣть надзоръ за школами, чтобы ученики были скромны, послушны и соблюдали дисциплину и чтобы ректора вручали ему неисправныхъ для наказанія. Петроковскій соборъ 1542 г. подтвердилъ зависимость школъ отъ плебановъ, коимъ внушалъ ревизовать ихъ по крайней мѣрѣ дважды въ годъ. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ запретилъ чтеніе въ школахъ книгъ Лютера, Меланхтона и ихъ приверженцевъ и рекомендовалъ тщательно изучать десять заповѣдей, Евангелія, Посланія апостола Павла, *Sermo magis*, Изоврата, „О должностяхъ“ блаженнаго Амвросія, гимны, Цицерона, Виргилія, Эзопа, Сенеку и другихъ поэтовъ и ораторовъ, одобренныхъ и нисколько не заподозрѣнныхъ въ вѣрѣ. Высшій надзоръ надъ частными школами и домашними учителями синодъ поручилъ архидіаконамъ и другимъ офиціаламъ, которые и должны были производить визитаціи ихъ. Въ такомъ же родѣ издавали постановленія и другіе соборы ³⁾. И хотя попытки католической іерархіи поднять народное образованіе часто парализовались лѣнью и бездѣятельностью отдѣльныхъ представителей духовенства, а также протестантскими панами, которые въ своихъ владѣніяхъ закрывали католическія школы или гнали учениковъ на полевая работы ⁴⁾, во всякомъ случаѣ онѣ должны были замѣтно отразиться на поднятій какъ количественной стороны католическаго образованія, такъ и качественной, и не только въ чисто польскихъ областяхъ, но и въ русскихъ, такъ какъ на подобныхъ соборахъ присутствовали и представители латинскаго духовенства русскихъ земель. Въ частности, качественная сторона низшаго образованія въ католическихъ школахъ должна была замѣтно улучшиться съ начала XVII ст., когда іерархія привлекла къ выработкѣ программъ низшихъ и среднихъ училищъ самое компетентное въ государствѣ учрежденіе—браковскій университетъ, который въ этому времени и самъ поднялся

¹⁾ Volumina legum, II, p. 21.

²⁾ Постановленіе петроковскаго собора 1551 г. (Acta historica... I, № 848, p. 515).

³⁾ Constitutiones synodorum... 257—259. Cf. Reformationes generales ad clerum et populum Dioecesis Cracoviensis pertinentes. Ab Ill-mo D. Martino Szyszkowski episcopo Cracoviensi in Synodo dioecesana saucitae et promulgatae, 10 febr. 1621, pp. 44—47.

⁴⁾ Жалоба королю петроковскаго собора 1577 г. (*Pawinski, Źródła dziejowe*, IV, № 122).

въ научномъ отношеніи, поддавшись требованіямъ реформы—и со стороны іерархіи и изъ опасенія конкуренціи іезуитовъ. Это привлеченіе произошло въ 1612 г., когда краковскій діоцезальный соборъ, обнаружившій въ училищахъ упадокъ музыки, ариѳметики и другихъ свободныхъ наукъ, необходимыхъ для служенія церкви, просилъ университетъ составить учебно-воспитательный планъ для городскихъ и сельскихъ школъ. Планъ дѣйствительно былъ составленъ и напечатанъ въ томъ же году вмѣстѣ съ конституціями собора ¹⁾.

Изъ каѳедральныхъ западнорусскихъ школъ одной изъ самыхъ древнихъ была *виленская*.

Нѣкоторые историки относятъ начало ея къ zaloженію самой каѳедры, т. е. къ 1387—8 г., но твердыхъ данныхъ для установленія этой даты нѣтъ и ее можно принимать только предположительно. Но есть ясныя слѣды существованія этой школы въ первой половинѣ XV в. (Литовская метрика); во второй половинѣ XV ст. есть упоминаніе о ней въ архивѣ виленской капитулы ²⁾. Повидимому, до начала XVI ст. это была единственная школа въ Вильнѣ; притомъ она обладала монополіей на обученіе: виленская капитула, которая имѣла надзоръ за ней, получила „привилей“, въ силу котораго никто въ городѣ не могъ, безъ ея разрѣшенія, заводить и содержать школы, и если въ 1513 г. такое позволеніе было дано настоятелю св.-янского костела, то только по особой милости и то съ нѣкоторымъ ограниченіемъ числа учениковъ ³⁾. Еще болѣе выразительный примѣръ осторожности или даже боязливости за свое право и за результаты образованія обнаружила капитула въ 1539 году. Виленскій воевода Войтъхъ Гаштольдъ ходатайствовалъ передъ нею за нѣкоего Георгія изъ Эйпшишекъ, магистра свободныхъ наукъ, который просилъ позволенія открыть частную школу для шляхты. Капитула обсуждала это ходатайство *in occulto* и разрѣшенія не дала, находя, что отсюда можетъ возникнуть зло для молодежи, да и преподаваніе въ школахъ замковой (каѳедральной) и св.-янской можетъ упасть за недостаткомъ учениковъ. Вѣроятно, тутъ на членовъ

---

¹⁾ *Muczkowski*, Statuta nec non liber promotionum philosophorum ordinis in universitate Jagellonica ab anno 1402 ad annum 1849 (Cracoviae, 1849), praef., p. CXLVII et sqq., in adnotatione.

²⁾ *Kraszewski*, Wilno, IV, 88; *Iaroszewicz*, Obraz Litwy, III, прибавл. къ 39 стр. II тома.

³⁾ *Baliński*, Dawna Akademia Wileńska, 26, 27. Крашевскій, по поводу постановленія капитулы 1513 г., замѣчаетъ. «Какая осторожность, какая бережливость въ удѣленіи свѣта высказывается здѣсь!—Какъ бы до какой тайны, допускали учениковъ до познанія глоссъ. Какъ это хорошо рисуетъ важность тогдашняго даже элементарнаго образованія и монополію, которую дѣлали изъ него, оставляя его только одному классу». (Wilno, IV, 4 и прим. 2 на стр. 41).

капитулы дѣйствовалъ и страхъ предъ протестантствомъ, которое могло удобно распространиться черезъ школу, содержимую не духовнымъ лицомъ ¹⁾).

Виленская каедральная школа получила особенное развитіе только около 1523 г., т. е. со времени учрежденія должности схоластика, специальной обязанностью котораго была именно забота объ училищѣ ²⁾. Первый виленскій схоластикъ Яковъ Сташковскій, человекъ умный и науколюбивый, упорядочилъ школу и нѣсколько регламентировалъ ея жизнь; онъ же установилъ плату съ учениковъ (*scholares arcenses*) за право обученія въ ней ³⁾. Около этого же времени много сдѣлалъ въ ея пользу извѣстный виленскій филантропъ, докторъ медицины и свободныхъ наукъ, виленскій каноникъ Мартинъ изъ Душниковъ, заложившій въ Вильнѣ первый госпиталь и построившій дома для канониковъ и для училища. О мотивахъ къ послѣднему въ актахъ капитулы говорится, что онъ „возлюбилъ украшеніе церкви... ибо.. и школы на свои средства воздвигъ“ ⁴⁾. Существовавшая сначала съ единственною цѣлью готовить служителей церкви, виленская каедральная школа послѣ расширила свою дѣятельность и стала общеобразовательнымъ училищемъ, не оставляя, конечно, первоначальной и главной задачи и не выходя изъ-подъ вѣдѣнія капитулы. Тѣсная связь ея съ капитулой и костеломъ выражалась въ томъ, что ученики ея принимали участіе въ церковномъ богослуженіи. Такъ, капитула опредѣляя въ 1557 г. порядокъ заупокойнаго богослуженія о душѣ кн. Витовта, постановила, чтобы схоластикъ пѣлъ обѣдню вмѣстѣ съ учениками второго и третьяго классовъ каедральной школы. Учителемъ послѣдній былъ въ то время пѣвчій Николай Еленекъ (*Jelenek*) ⁵⁾. Около 1560 г. ректоромъ школы

¹⁾ *Kraszewski*, IV, 4. 5 и прим. 3 (на стр. 42) содержащее текстъ опредѣленія капитулы 28 апр. 1539 г. *Bukowski*, о. с., 358.

²⁾ Должность схоластика учреждена была виленскимъ епископомъ Яномъ въ 1523 г., на что капитула изъявила свое согласіе еще въ предыдущемъ году (Описаніе рукоп. отдѣленія виленской публичной бібліотеки, вып. I, 1895 г. Прилож., стр. 3 и 53). Цитуемое нами здѣсь и ниже подъ именемъ «актовъ или протококовъ вил. капитулы» приложеніе къ «Опис. рукоп. вил. публ. библ.» носитъ такое заглавіе: «*Summągujny wypis z protokółow aktow kapituły katedralney Wilenskiej od r. 1501 do r. 1783 Paziernika 22, przez J. W. Xawierego Bohusza, Prelata Kantora Katedry Wileńskiej uczyniony*».

³⁾ *Baliński*, Akademia, 26.

⁴⁾ *Kraszewski*, I, 214 и прим. 49 (на стр. 392).

⁵⁾ *Id.* IV, 5. Впрочемъ, нужно замѣтить, въ ежедневной заупокойной витовтовской обѣднѣ участвовали не всѣ ученики, а только четверо изъ нихъ и притомъ обычай этотъ не всегда существовалъ. Еп. Павелъ Гольшанскій каждому изъ пѣвчихъ учениковъ каедральной школы платилъ каждый кварталъ (четверть года) по 12 лит. грошей и со своего двора ежедневно отпускалъ имъ по порціи мяса, хлѣба и пива. Въ 1573 г. еп. Валеріанъ Протасевичъ хотѣлъ возобновить витовтовскую мшу, неизвѣстно при комъ прекратившуюся — при немъ или предшественникѣ его, но такъ какъ при этомъ возникли пререканія между нимъ и капитулой изъ-за того, кто долженъ платить пѣвчимъ, попытка его, кажется, не удалась (*Wizerunki*, XXII, 1841 г.: «*Kilka uwag nad dziełem: Wilno od początków jego do roku 1750, przez Kraszewskiego*». Str. 47, 48).

былъ панъ Войгѣхъ Стобницкій, который вытребовалъ отъ капитулы, чтобы она произвела ремонтъ школы, дала дрова и т. п. Другимъ учителемъ былъ Михайлъ; когда онъ оставилъ школу и затѣмъ опять просился въ учителя, Стобницкій былъ противъ этого, указывая капитулѣ, что Михайлъ человекъ молодой и малосвѣдущій ¹⁾. Дальнѣйшее упоминаніе о каедральной школѣ встрѣчается въ привилей короля Сигизмунда Августа отъ 16 сентября 1567 г., данномъ по просьбѣ и на имя еп. Валеріана. Привилей этотъ предоставлялъ ей по одному полѣну съ каждаго воза дровъ, ввозимаго въ городъ на торгъ по антокольской дорогѣ ²⁾. Въ 1570 г. въ Вильнѣ открылось іезуитское училище и сразу подорвало значеніе каедральной школы. Уже въ 1572 г. капитулѣ пришлось принимать мѣры къ тому, чтобы гарантировать хотя существованіе ея. Завѣдывавшій школой виленскій суффраганъ еп. Кипріанъ добился отъ іезуитовъ, чтобы они уступили ему изъ инфимы 20 мальчиковъ и другихъ 20—изъ св.-янской школы, и этимъ способомъ восполнилъ въ своей нужное количество учениковъ. Черезъ годъ каедра, по уговору съ коллегіей, возвращала іезуитамъ этихъ учениковъ, обучивши ихъ грамматикѣ, и взамѣнъ ихъ брала 20 новыхъ ³⁾. Послѣднія извѣстія о виленской каедральной школѣ относятся къ 1603 г., подѣ которымъ упоминается ея учитель Стан. Галонзка, послѣ виленскій юристъ, и къ 1604 г., когда ученики ея приняли участіе въ процессіи по случаю канонизаціи св. Казимира ⁴⁾. Въ исторіи ея мы не встрѣчаемъ указаній, въ какія отношенія она стала къ учрежденной въ Вильнѣ духовной семинаріи (1582 г.).

Львовская каедральная школа по своему происхожденію была городской и во все время своего существованія сохраняла зависимость отъ магистрата, раздѣливъ только ее, со второй половины XV в., съ подчиненіемъ и капитулѣ. Впрочемъ, и въ первомъ періодѣ своего существованія она не стояла внѣ всякой зависимости отъ духовенства: въ то время, какъ содержаніе и ремонтъ зданія и пріисканіе наставника (informator) для школы лежало на обязанности гражданъ Львова, которые ее и соорудили на своей землѣ и на свой счетъ, „ректору“ и настоятелю костела пресвятой Дѣвы Маріи предоставлено было участіе въ расходахъ на содержаніе учителя и, очевидно, надзоръ за ученіемъ. Въ самомъ концѣ XIV ст. (1399 г.) произошло столкновеніе между магистратомъ города и настоятелемъ маріинской церкви Яномъ Русинномъ (Rutnopus), по поводу притязанія послѣдняго отстранить бурмистровъ и „райцевъ“ города отъ заботъ объ учителѣ и власти надъ нимъ, съ оставленіемъ однако за ними всѣхъ рѣшительно матеріальныхъ затратъ на его содержаніе (мы не касаемся другихъ пунктовъ тяжбы). Споръ между ними былъ на разсмотрѣніи Якова, галицкаго

¹⁾ *Przyatgowski*, I, 171. *Baliński*, о. с., 26. прим. 1.

²⁾ Описаніе рукоп. отд. вил. публ. библ., вып. 1, стр. 19; *Taraszewicz*, II, 39; *Kraszewski*, IV, 5 и прим. 6. Оба отмѣчаютъ тотъ фактъ, что привилей писанъ по-русски.

³⁾ *Baliński*, 45, 81, 82.

⁴⁾ *Przyatgowski*, I, 172; *Baliński*, 26, прим. 1, и 104.

архієпископа, а затѣмъ въ 1400 г. перешель къ королю Ягеллѣ, который рѣшилъ его, кажется, скорѣе въ пользу ректора маріинскаго костела, чѣмъ города, судя по тому, что на гражданъ возложена была обязанность строить и ремонтировать школу и отыскивать ректора ея, котораго они должны были представлять плебану; за послѣднимъ же оставалось право, если онъ найдетъ кандидата неисправнымъ, непокладистымъ (*discortus*), несвѣдущимъ или неповорнымъ себѣ, о всѣхъ недостаткахъ его докладывать городскимъ властямъ и предлагать имъ найти другого; т. е. безъ воли настоятеля костела граждане не могли провести своего кандидата ¹⁾. Во всякомъ случаѣ, магистратъ остался доволенъ этимъ рѣшеніемъ и когда въ 1402 г. открылась необходимость участія школы въ особыхъ богослуженіяхъ въ костелѣ пресв. Дѣвы, по случаю дарованія ему галицкимъ архієпископомъ Іаковомъ отпустовъ, магистратъ назначилъ ректору вознагражденіе въ количествѣ одной марки польскаго счета обычной монеты ²⁾.

Неизвѣстно, благодаря чему, но эта школа, спустя нѣкоторое время, прекратила свое существованіе, и львовскія власти въ 1444 г. испрашиваютъ вновь разрѣшеніе короля Владислава Варнскаго на построеніе внутри города, при церкви св. Духа, дома или школы для обученія дѣтей. Позволеніе было дано съ предоставленіемъ гражданамъ права избирать учителя по собственной волѣ и смѣщать его. Учиться въ школѣ могутъ не только дѣти ихъ самихъ, но и шляхты туземной (*pobiliū terrigenarū*) и простыхъ людей, да и въ другія школы по всѣмъ городамъ королевства свободно имъ поступать и учиться тамъ; и впредь власти города вольны распоряжаться школой, какъ ея истинные фундаторы и ректоры. Королевскую грамоту львовяне представили въ Римъ, и папа Евгений IV въ 1446 г. одобрилъ ихъ намѣреніе, такъ какъ „черезъ занятіе науками люди грубые дѣлаются образованными и вѣра католическая укрѣпляется“ ³⁾. Построеніе и дальнѣйшее существованіе львовской р.-католической школы удостовѣряется упоминаніемъ объ учителяхъ ея. Такъ, подъ 1464—6 гг. извѣстенъ магистръ Николай изъ Коментаръ (*de Komary*), подъ 1472 г. и 1484 г.—Климентъ, бакалавръ и алтаристъ львовскій, подъ 1503 г.—свободныхъ наукъ бакалавръ и львовской школы ректоръ Бенедиктъ Врачиславскій ⁴⁾.

Съ конца XV ст., со времени перенесенія въ Львовъ архієпископской кафедры изъ Галича, городская школа, въ силу какого-то договора магистрата съ капитулой, была помѣщена въ новомъ зданіи вблизи кафедры и надзоръ за нею сталъ принадлежать обоимъ учрежденіямъ. Но, повидимому, въ этомъ договорѣ права и обязанности ихъ по отно-

¹⁾ Akta Lwowskie, III, №№ 70 (str. 137) и 75.

²⁾ Akta Lwowskie, IV, № 5. Марка въ это время равнялась приблизительно 7 нынѣшнимъ рублямъ (*Горбачевскій*, Словарь древняго актовaго языка сѣверо-западнаго края и царства польскаго, Вильна, 1874 г., 209).

³⁾ Akta Lwowskie, V, №№ 105 и 118.

⁴⁾ *Ibidem*, II, № 128; IX, №№ 152, 153; XV, №№ 1079—1081, 3284, 3348. Сф. *Lukasz*, о. с., III, 461—463.

шенію въ школѣ не были точно опредѣлены, такъ какъ въ началѣ XVI ст. между ними произошелъ споръ изъ-за магистра училища. Споръ кончился въ 1514 г. „компактами“; заключенными въ присутствіи королевскихъ уполномоченныхъ и сохранявшими силу въ теченіе цѣлаго столѣтія ¹⁾. По новому соглашенію, избраніе ректора школы предоставлялось магистрату, а утвержденіе его — капитулѣ, при чемъ ему внушалось, что онъ долженъ одинаково учить дѣтей и горожанъ и шляхты, даже бѣдныхъ, и повиноваться одинаково какъ магистрату, такъ и капитулѣ. Капитула могла смѣстить ректора за всякое проявленіе высокомерія и непослушанія, съ увѣдомленіемъ только магистрата, и послѣдній обязанъ былъ пріискивать новаго начальника школы. Отъ этихъ же учрежденій ректоръ школы зависѣлъ и въ матеріальномъ отношеніи. Расходы со стороны города на школу выражались въ починкѣ на его счетъ зданія училища и въ ежегодной уплатѣ ректору 4 золотыхъ отъ себя и 2-хъ — изъ львовскаго таможеннаго сбора (сіа). Капитула съ своей стороны платила тоже 4 золотыхъ. Если самъ ректоръ не былъ магистромъ или бакалавромъ свободныхъ наукъ, онъ долженъ былъ содержать учителя съ такой ученой степенью на свой счетъ; онъ же долженъ былъ нанимать и кантора, или регента ²⁾. Съ теченіемъ времени матеріальное положеніе львовскаго ректора значительно улучшилось. Такъ, кромѣ означеннаго жалованья, онъ сталъ получать по записи шляхтича Гавриила Розена 24 золотыхъ, отъ городскихъ жидовъ добровольной дачи 20 золотыхъ, отъ жидовъ львовскихъ предмѣстій—9 зл. 10 гр., по записи львовскаго епископа Яна Замойскаго 30 зл., не говоря о доходахъ съ учениковъ; а какъ велики были эти доходы, можно судить по тому, что въ началѣ XVII ст. іезуиты львовскіе обязались платить 100 золотыхъ, въ вознагражденіе за уплату части ихъ, въ виду предполагаемаго перехода многихъ учениковъ въ іезуитскую коллегію.

Также разнообразны были источники содержанія и учениковъ, которые получали еженедѣльной дачи отъ капитулы 16 грошей и отъ жидовъ еженедѣльно же 10 грошей, а также проценты съ суммъ, пожертвованныхъ Мелецкимъ и Моравинскимъ. Кромѣ того отъ капитулы школьники получали ежегодно 11 золотыхъ и угощеніе за участіе въ обѣдахъ въ день св. креста и св. Духа (въ прочіе праздники они пѣли даромъ, по обязанности) ³⁾.

---

¹⁾ Въ 1592 г. договоръ этотъ былъ подтвержденъ кор. Сягизмундомъ III.

²⁾ *Pirawski, Relatio status Almae archidioecesis Leopoliensis*—въ «*Biblioteka narodowego zakładu imienia Ossolinskich*», XI, 368—370. Пиравскій-львовскій деканъ, † 1625 г. См. также *Iosephowicz, Leopoliensis archiepiscopatus historia* (Рук. Имп. публ. библ. Лат. Е, I, № 585), л. 110. Исторія эта, обнимающая періодъ отъ 1614 по 1700 г., составлена въ срединѣ 18 столѣтія львовскимъ каноникомъ Ѳомой Юзефовичемъ на основаніи, между прочимъ, подлинныхъ актовъ.

³⁾ *Pirawski*—*Bibliot. Ossolin.*, XI, 370—372. По Юзефовичу, участіе жидовъ въ содержаніи ректора и учениковъ относится по своему началу къ 1611 (*ibid.*, л. 111), но, вѣроятно, происхожденіе его должно отодвинуть гораздо дальше, если Пиравскій называетъ его «давнимъ обычаемъ».

Въ XVI в. львовская кафедральная школа состояла изъ трехъ классовъ и управлялась ректоромъ, который самъ и преподавалъ, иногда только съ помощью другихъ учителей. Такъ, поступивъ въ 1550 г. въ учителя и ректора львовской школы, Бенедиктъ Гербестъ сначала занимался одинъ, а послѣ съ Григоріемъ Вигиланціемъ и Андреемъ Баргелемъ, уроженцами Самбора ¹⁾; въ 70 годахъ здѣсь преподавали одновременно доктора Пенацій Педіанъ и Перлицвій. Изъ другихъ преподавателей и ректоровъ львовской школы мы можемъ отмѣтить Яна Урсина, Адама Бурскаго (Bursius; впоследствии оба были профессорами замостской академіи), Фабіана Бирковскаго (1589), славнаго проповѣдника польскаго, „пана Крыштофа“, Тому Брозовскаго, магистра свободныхъ наукъ и философіи, Лаврентія Брозку (+ 1617), большого филантропа, Ст Пенація, Лаврентія Свѣчковича (1627) ²⁾.

Безъ сомнѣнія, самымъ крупнымъ событіемъ въ жизни львовскаго кафедральнаго училища было открытіе въ городѣ іезуитской коллегіи въ 1608 г. Какое большое вліяніе должно было оказать оно на его судьбу, видно уже изъ того, что капитула и сенатъ (магистратъ) города обусловили это открытіе особымъ актомъ. Они потребовали отъ іезуитовъ обезпеченія прерогативъ и процвѣтанія своей древней школы, чтобы имъ

---

¹⁾ Заслуги Бенедикта Гербеста для педагогіи побуждаютъ насъ нѣсколько остановиться на этой личности. Уроженецъ Новаго Города близъ Самбора (Nowe Miasto, Nowa Civitas; отсюда усвоенное имъ себѣ прозвище Neapolitanus), Бенедиктъ Гербестъ двадцати лѣтъ отъ роду получилъ степень доктора философіи въ краковскомъ университетѣ. Послѣ трехлѣтнихъ занятій въ львовской школѣ, оставивши и въ львовскихъ гражданахъ уваженіе къ себѣ, и самъ проникшись уваженіемъ къ нимъ, изъ которыхъ многие получили образованіе въ Краковѣ и отличались любовью къ наукѣ, Гербестъ перешелъ по предложенію краковскаго магистрата въ Краковъ, гдѣ сталъ преподавать въ школѣ при костелѣ Дѣвы Маріи. Уходя отсюда въ ректора скерневицкаго училища, содержащаго припасомъ Яномъ Пржерембскимъ, Б. Гербестъ оставилъ гражданамъ Краковскимъ наставленіе для преподаванія свободныхъ наукъ, подъ названіемъ: «Benedicti Herbesti Neapolitani, Cracoviensis Scholae apud s. Mariae templum, institutio. Ex qua omnes scholarum rectores, omnes etiam paedagogi, rectam in formandis pueris methodum petere possunt. Cracoviae, 1559». Черезъ два года онъ былъ призванъ изъ Скерневицъ на кафедру краснорѣчія въ краковскій университетъ. Въ званіи профессора онъ занялся изданіемъ рѣчей и писемъ Цицерона съ самымъ обстоятельнымъ комментариемъ ихъ со всевозможныхъ точекъ зрѣнія. Изданія эти вовлекли его въ горячую литературную полемику съ другимъ извѣстнымъ профессоромъ Гурскимъ. Въ періодъ же своего пребыванія въ Краковѣ Гербестъ издалъ — *Computus ecclesiasticus* (пасхалія), *Arithmetica linealis* (1561), *M. Tullii Ciceronis vita* (1561). Изъ Кракова Гербестъ перешелъ въ ректора познанской гимназіи и окончилъ жизнь іезуитомъ (1593), оставивши послѣ себя еще нѣсколько богословскихъ сочиненій, въ томъ числѣ *Maluczki catechizm Kosciola Powszechnego* (См. предисловіе къ Учебному плану Гербеста. Cf. *Wielewicki*, *Historicum diarium domus professorum S. I. Cracoviae* (Scriptores rerum polonic., VII, 178—180); *Starovolski*, *Scriptorum polonicorum* (Εκατοντάς, ed. 1733, №53. *Sołtykowicz*, *O stanie akademii Krakowskiej i o publicznych a mianowicie uczonych pracach akademikow. 1810. 327 et sqq.*)

²⁾ «Vita Iohannis Ursini... y *Iocher'a*, I, 178. 179. *Sołtykowicz*, 328. 430. *Barącz*, *Pamiętnik dziejow polskich z aktow urzędowych i z rekopismow. Lwow, 1855, str. 8. Iosephowicz*, o. c., 38. 110 об. и 111. *Monumenta contraternitatis Leopoliensis Stauropigiánae*, №№ 260. 261. 263. *Simomis Starovolski*, o. c., ed. 1733, № 72. *Lukasz*, I, 156, прим. 1; III, 466. 467.

не пришлось терпѣть уменьшенія числа учениковъ отъ перехода ихъ въ отцамъ общества Іисусова; вмѣстѣ съ тѣмъ они добились, чтобы ректору ихъ училища іезуиты платили ежегодно по сту флориновъ съ дер. Стрыанице, записанной имъ еще епископомъ Соликовскимъ, какъ бы въ вознагражденіе за предполагаемый подрывъ его доходовъ. Оо. іезуиты обязались при этомъ не принимать въ свою коллегію тѣхъ мальчиковъ, которые не знали ореографіи и этимологіи, а отсылать ихъ въ каедральную школу, которая дѣлалась какъ бы пригготовительнымъ классомъ коллегіи. Переходъ изъ нея въ послѣднюю могъ совершаться только послѣ экзамена, который имѣлъ происходить въ присутствіи префекта коллегіи и ректора школы. Для избѣжанія недоразумѣній всякаго рода эти лица приглашались жить между собою въ ладу и сноситься другъ съ другомъ. Но іезуиты вопреки этому соглашенію стали обучать не только ореографіи и этимологіи, но даже и азбуку (при помощи своихъ студентовъ), что было въ ущербъ не только каедральной школѣ, но и церкви, которая не могла имѣть годныхъ прислужниковъ, такъ что въ торжественные дни капитула должна была нанимать чуть не нищихъ мальчиковъ, одѣтыхъ въ лохмотья, тогда какъ еще въ началѣ XVI ст. въ ней обучалось не менѣе 30 человекъ¹⁾). Понятно, что капитулъ приходилось напоминать не разъ іезуитамъ объ ихъ обязательствѣ не учить дѣтей начальнымъ правиламъ грамматики, какъ это было, напр., въ 1623 г. Но иногда изъ-за школы происходили недоразумѣнія у капитулы съ магистратомъ. Такъ, въ 1626 г. бурмистры и „райцы“ позвали „директора гимназіи школьной“ и серьезно внушали ему, чтобы ученики перваго и втораго классовъ, обязанные пѣть при богослуженіи, не присутствовали въ церкви; тоже велѣли кантору и органисту²⁾).

Въ 1423 г. декретомъ короля Владислава Ягеллы была учреждена *перемышльская* капитула въ составѣ девяти канониковъ, по примѣру другихъ каедральныхъ церквей. Это обстоятельство должно было вызвать появленіе и школы каедральной. И, дѣйствительно, подъ 1437 г. уже упоминается Михаилъ бакалавръ, подъ 1444 г. Стефанъ, викарій и ректоръ школы перемышльской, подъ 1462 г. ректоръ Георгій, въ 1469 г. ректоръ Мартинъ, краковскій бакалавръ, въ 1477 г. Павелъ-бакалавръ и т. д.³⁾

Въ *Красноставѣ*, который былъ съ конца XV в. резиденціей холмскихъ епископовъ, каедральная школа, кажется, образовалась изъ городской, которая, по мнѣнію Лукашевича, существовала уже въ 1407 г.⁴⁾ Около 1545 г. учителемъ въ ней былъ Михаилъ Радрузіанъ, впослед-

¹⁾ Текстъ договора у Лукашевича, I, 156, пр. 1; ср. III, 464 и прим. *Barcz*, *Pamiętnik dziejow polskich*, str. 9. 10. 12. 13. *Josephowicz*, *Leopoliensis archiepiscopatus Historia*, л. 26, 110 об. и 111.

²⁾ *Josephowicz*, *Leopoliensis archiepiscopatus Historia*, л. 30.

³⁾ *Acta Lwowskie*, VIII, №№ 46, 70, 74; XIII, pp. 589. 394; IX, 83. *Wistocki*, *Acta rectoralia Almae Universitatis studii Cracoviensis*. Tomi 1 fasciculus I, Cr., 1893, p. 27.

⁴⁾ *Łukasz.*, I, 19, прим. 3.

ствіи проповѣдникъ, кононикъ и оффиціалъ въ Красноставѣ ¹⁾. Здѣсь учился извѣстный польскій канцлеръ Янъ Замоискій.

Вѣроятно, кафедральную именно школу заложилъ въ *Кіевѣ* еп. Войтѣхъ Нарбуттъ ²⁾. „Латинская“ школа въ Кіевѣ упоминается въ разсказѣ польскаго мемуариста Типловскаго: въ ней будто-бы учился гетманъ Богданъ Хмѣльницкій (до 1620 г.) ³⁾.

Относительно *мѣдницкой* или *жмудской* кафедральной школы намъ извѣстно только то, что тамъ установился обычай, послѣ возведенный капитулой въ законъ, чтобы новый архидіаконъ дѣлалъ въ пользу ея магистра единовременный взносъ въ количествѣ 12 грошей; подобная контрибуція взыскивалась и въ пользу викаріевъ, канониковъ и нотаріа капитулы ⁴⁾.

О *луцкой* кафедральной школѣ мы знаемъ только то, что въ 1586 г. ученики ея, подъ предводительствомъ пьянаго ксендза Григорія, напали на городской рынокъ и изранили многихъ людей, а черезъ десять лѣтъ они же выступаютъ подъ именемъ „жаковъ школы костела головного“ въ жалобѣ на ихъ городскихъ властей, у которыхъ они, „выпавши зъ конвенту“, отбили одного изъ ведомыхъ мимо на смерть ⁵⁾.

Для луцкой епархіи большее значеніе имѣла *олимпская* коллегіатская школа, аналогичная съ кафедральными и по участию въ ея учрежденіи епископа, и по своему отношенію къ коллегіатѣ или капитулѣ олимпской, и по своей дальнѣйшей судьбѣ (она превращена была въ 30 годахъ XVII ст. въ духовную семинарію). По новѣйшему изслѣдованію епископа Франциска-Албина Сымона: „De ecclesiis, collegiata, seminario clericorum, scholisque academicis quondam Olycensibus“ ⁶⁾, исторія олимпской школы въ нашъ періодъ представляется въ такомъ видѣ Новый владѣлецъ мѣстечка Олыки, Станиславъ Радивиллъ, ревностный католикъ, возстановилъ въ 1588 г. олимпскій костелъ, освященный прежнимъ владѣльцемъ—кальвинистомъ, и обязалъ „пароха“ (настоятеля) содержать, между прочимъ, „для обученія дѣтей годнаго ученаго и старательнаго юношу (mlodzieńca)“ ⁷⁾ Въ этомъ же году прибылъ въ свою епархію новый луцкій епископъ Бернардъ Мацѣевскій, сразу обратившій вниманіе на печальное положеніе своего діоцеза. Луцкая римско-католическая епархіа занимала въ XVI ст. огромный районъ, границы котораго опредѣлились съ запада р. Ливецъ (Liviec, недалеко отъ Вар-

¹⁾ *Стороженко*, «Кіевъ триста лѣтъ назадъ». (Кіев. старина, 1894 г., февр., 213).

²⁾ *Jaroszewicz*, II, 121. Нарбуттъ былъ кіевскимъ бискупомъ до 1506 г. (*Маркевичъ*, Исторія Малороссіи, V, 189).

³⁾ Лѣтопись Величка, IV, стр. 152, 158.

⁴⁾ *Constitutiones Ecclesiae Mednicensis*. Рук. Имп. публ. библ. Лат. Q, II, № 426, л. 12 об.

⁵⁾ Арх. Ю.-З. Р., ч. I, т. I, № 48; ч. III, т. I, № 37.

⁶⁾ Напечатано оно въ годичномъ отчетѣ Спб. римско-католической академіи—*Academia Saeculari Romano-catholica ecclesiastica Petropolitana anno academico 1889—1890*. Изслѣдованіе доведено здѣсь только до 1640 г.

⁷⁾ *X. Symon*, o. c., Appendix, № 2.

шавы), съ востока Пинскомъ, съ юга Черновцами, Браславлемъ и Уманью и съ сѣвера Тыкоцыномъ. Частыя нападенія татаръ заставили епископовъ еще въ половинѣ XV ст. переселиться въ м. Яново (сѣдл. губ.); туда же перебрались и члены капитулы. Въ Луцкѣ оставался одинъ кустосъ. Отдаленность епископа и капитулы отзывалась въ Луцкѣ отсутствіемъ церковной дисциплины и слабымъ образованіемъ клира; среди ксендзовъ попадались люди, не знавшіе даже краткаго катихизиса. Въ виду всего этого новый епископъ, пользуясь ревностью Станислава Радивилла къ католической церкви, убѣждаетъ его и помогаетъ ему въ его заботахъ о благоустройствѣ олыкской церкви и школы. Въ 1593 г. было дано новое устройство олыкскому костелу и новая фундація, что отразилось и на положеніи школы. Именно бакалавру или ректору ея, человѣку съ ученой степеню и добрыхъ нравовъ, назначено было 140 флориновъ въ годъ,—30 изъ городской казны и 110 флориновъ столовыхъ—съ питейнаго сбора, причемъ ему не запрещено было взимать и другіе доходы за свою науку. Утвержденіе учителя въ должности предоставлялось плебану ¹⁾. По ординаціи 1596 г. значительно увеличиваются какъ средства содержанія олыкского костела, такъ и ея персоналъ: „препозитъ“ костела долженъ былъ содержать четырехъ „мансіонаровъ“, обязанности которыхъ отчасти соотвѣтствуютъ обязанностямъ членовъ капитулы, и звонаря (*campanator*). Что до школы, то по прежнему забота о ней лежала на магистратѣ подъ надзоромъ настоятеля; матеріальное положеніе бакалавра осталось тоже, какъ и его двоякая зависимость—отъ властей города и отъ „препозита“; вновь сдѣлано подтвержденіе о его церковныхъ обязанностяхъ, именно онъ долженъ былъ присутствовать съ своей школой при ежедневной утренней молитвѣ и при обѣднѣ въ праздничные дни ²⁾. Переходъ Олыки въ руки сына Станислава Радивилла—Альберта Станислава, воспитанника виленскихъ іезуитовъ и человѣка настолько религіознаго, что онъ изобрѣлъ даже особую машину для бичеванія себя, долженъ былъ еще болѣе способствовать устройенію олыкского костела и школы, тѣмъ болѣе, что новый владѣлецъ былъ человѣкъ европейски образованный: по окончаніи курса виленской академіи онъ четыре года провелъ въ учебныхъ занятіяхъ за границей. Въ 1631 г. онъ пожертвовалъ краковскимъ доминиканамъ 11 тысячъ флориновъ на 4 стипендіи. Вотъ онъ то и учредилъ при олыкской церкви коллегіату или капитулу, по соглашенію съ епископомъ Гроховскимъ. Не вдаваясь въ изложеніе всѣхъ обязанностей членовъ ея, мы укажемъ только на то, что по новой ординаціи школьный персоналъ увеличивался канторомъ, который, понятно, долженъ былъ учить пѣнію воспитанниковъ, помогать викаріямъ въ церковномъ пѣніи въ извѣстныхъ случаяхъ, а обѣдню пѣть со всей школой. Онъ освобождался отъ городскихъ платежей за домъ, если былъ жепать, а если нѣтъ—получалъ изъ казны князя извѣстное содержаніе. Олыкская коллегіата утверждена окончательно въ 1632 г. ³⁾.

¹⁾ X. *Symon*, Appendix, № 3, p. 113.

²⁾ X. *Symon*, pp. 27—34.

³⁾ X. *Symon*, pp. 42, 43, 50—52, 53, 60, 65

Одновременно съ этимъ въ судьбахъ ольвской школы произошла значительная переменѣна: умершій 27 ноября 1631 г. препозитъ Францискъ Заерскій по завѣщанію 11 сентября отказалъ двѣ деревни—Лудзинъ и Амбуовъ на учрежденіе при коллегіатѣ коллегіи клириковъ и семинаріи, въ которой бы юноши, учась наукамъ, усвоивали церковную дисциплину и приготавливались къ занятію священныхъ должностей, причемъ въ качествѣ руководства при устройствѣ ея указалъ постановленіе тридентскаго собора и организацію сандомирской семинаріи. Хотя воля Заерскаго была выполнена княземъ только въ 1638 г., когда онъ по соглашенію съ коллегіатою и съ замостской академіей, которой подчинилъ ольвскую школу, какъ ся колонію, учредилъ семинарію съ пятью классами: 1) священнаго писанія и богословія, 2) логики и риторики, 3) поэзіи, 4) аналогіи и 5) первыхъ началъ науки, чему прежде училъ бакалавръ старой школы, за которымъ и оставлялись прежнія обязанности,—но еще до своей смерти Заерскій успѣлъ позаботиться, чтобы выстроены были зданія для будущей коллегіи и семинаріи и тогда же, призвавши годныхъ и ученыхъ наставниковъ и собравши немало юношей, открылъ школы и занятія ¹⁾.

Каедральныя школы находились въ завѣдываніи состоящихъ при епископахъ капитулъ и, въ частности, схоластиковъ ²⁾. На обязанности ихъ лежало поддерживать на счетъ доходовъ съ имѣній капитулы или схоластеріи школьное зданіе, давать содержаніе учителю, слѣдить за преподаваніемъ, за добрыми нравами и римско-католическими убѣжденіями какъ учениковъ, такъ и самого учителя. Въ случаѣ жалобы на кого-либо изъ учениковъ, поступокъ послѣдняго обсуждался ректоромъ вмѣстѣ съ представителемъ капитулы, обыкновенно схоластикомъ же ³⁾. Къ характеристикѣ заботливости капитулъ объ ученикахъ относится то, что онѣ посылали ихъ каждыя 1—2 недѣли въ свои бани, требуя при этомъ, чтобы ученики пѣли въ банѣ псаломъ „De profundis clamavi“ и пѣснь: „Ave maris stella“ ⁴⁾.

Но подъ этотъ общій типъ каедральныхъ школъ не подходила школа львовская, насколько можно судить объ этомъ по указанной

---

¹⁾ X. Symon, pp. 65—67. 69. 79—84. (Ср. *Fukasz.*, III, 472—473). Въ 1638 г. ольвскія коллегія и коллегіата были утверждены варшавскимъ сеймомъ (Volum. legum, III, 461) — съ названіемъ «аналогія» мы встрѣтимся и ниже. Это была одна изъ частей грамматики, не выдѣляющаяся теперь изъ общаго содержанія науки. Въ *Encyklopedia powszechna* она опредѣляется какъ *zgodność w utworzeniu wyrazów*, основывающаяся на сравненіи формъ сходныхъ; потому аналогія есть основаніе всѣхъ грамматическихъ правилъ, выведенныхъ при ея помощи грамматистами послѣ того, какъ языкъ получилъ полное развитіе (I, str. 719).

²⁾ Схоластику, по самому названію его, принадлежалъ надзоръ за школами: но въ Польшѣ къ XVI вѣку должность эта сдѣлалась болѣе почетной и прибыльной, чѣмъ влекущей за собой дѣйствительныя обязанности по отношенію къ школамъ. Ее часто занимали даже люди необразованные, на что жаловались поляки въ родѣ Модржевскаго или Марицкаго (Слав. сборникъ, III, 73. 74. *Fukaszewicz Lesław*, *Rys dziejów piśmiennictwa polskiego*, wyd. 2, 164).

³⁾ Monum. confrat., I, № 263.

⁴⁾ Такъ было во Львовѣ (*Fukasz.*, *Hist. szkół*, III, 464, прим. *Baliński*, *Akad. Wileń.*, 26, прим. 1).

нами брошюрѣ Бенедикта Гербеста: „Cracoviensis Scholae, apud S. Mariae templum, institutio“. Основаніе, по которому это „Наставленіе“ мы принимаемъ въ качествѣ документа для характеристики устройства и львовской школы, заключается въ томъ соображеніи, что Гербестъ излагалъ въ немъ не теорію, а результаты своего педагогическаго опыта, между прочимъ, во Львовѣ, какъ самъ онъ объясняетъ въ „Посвятительномъ письмѣ къ сенату краковскому“. Такимъ образомъ, во Львовѣ Гербестомъ была уже осуществлена или вся эта программа, или значительная часть ея. Но, далѣе, едва ли она цѣликомъ была впервые введена туда Гербестомъ; скорѣе нужно допустить, что она есть плодъ соглашенія его педагогическихъ убѣжденій съ требованіями львовскихъ гражданъ, какъ подобнымъ же образомъ въ Краковѣ Гербестъ ввелъ въ нее и нѣмецкій языкъ, сообразуясь съ существовавшимъ здѣсь обычаемъ. Съ другой стороны, планъ этотъ долженъ былъ оставаться дѣйствующимъ во Львовѣ и послѣ удаленія Гербеста, крайней мѣрѣ, около 1590 г. Янъ Урсинъ преподавалъ всѣ предметы, указанные въ его программѣ. Такъ, онъ обучалъ латинской и греческой грамматикѣ и діалектикѣ (по этимъ предметамъ онъ оставилъ для учениковъ записки), ариметикѣ, геометріи, пасхалии (ecclesiasticus computus). Истолкованіе писемъ Циперона въ домашнимъ и къ Аттiku онъ сопровождалъ разъясненіями событій римской исторіи ¹⁾.

Вступая въ Краковъ въ должность префекта маріинской школы, Гербестъ заявилъ, что начальникомъ школы долженъ быть онъ и что граждане не должны вмѣшиваться въ дѣла. Ректоръ школы имѣетъ самъ принимать учениковъ и раздѣлять ихъ на классы, съ порученіемъ каждому отдѣльному учителю. Подобный порядокъ Б. Гербестъ, очевидно, завелъ и въ Львовѣ, ограничивъ вмѣшательство гражданъ во внутреннія дѣла училища. По обученіи учениковъ (латинскому) чтенію, что совершалось обычнымъ путемъ знакомства съ буквами, складыванія слоговъ и словъ, и письму, школьныя занятія по плану Гербеста распредѣлялись такимъ образомъ. Въ воскресенье, а также въ праздничные дни, по утрамъ, ученики присутствовали при проповѣди и слушали истолкованіе какого-нибудь апостольскаго посланія или чего-либо подобнаго. Послѣ обѣда слушали объясненіе на польскомъ языкѣ Евангелія, затѣмъ чтеніе по гречески одной изъ новозавѣтныхъ книгъ, что было необходимо для уснѣховъ учениковъ въ греческомъ языкѣ ²⁾. Въ понедѣльникъ все утро посвящалось греческой грамматикѣ—изъясненію ея, изученію и спрашиванію. Проходились всѣ части ея—этимологія, синтаксисъ,

---

¹⁾ *Jocher*, I, 178, 179. Въ виду послѣдняго обстоятельства для насъ не представляетъ существенной важности, былъ ли осуществленъ этотъ планъ въ Краковѣ или онъ представлялъ только *ria desideria* Гербеста, высказанныя имъ по адресу краковскихъ гражданъ, какъ утверждаетъ Лукашевичъ (I, 69, прим. 3).

²⁾ Греческій языкъ вошелъ въ программу западнорусской римско-католической школы едва ли ранѣ середины XVI ст., такъ какъ и въ самомъ краковскомъ университетѣ онъ сталъ преподаваться только съ начала этого столѣтія и то — встрѣтивъ большое неудовольствіе и даже преслѣдованія въ средѣ академической корпораціи. (*Jocher*, I, 109. 110. 132. *Лукasz.*, I, 54, прим. 1).

просодія. Обращалось вниманіе и на пункты несходства греческой грамматики съ латинской. Послѣ обѣда читался Цицеронъ и изъяснялся на польскомъ языкѣ. Въ теченіе слѣдующаго часа ученики должны были выучить урокъ и отвѣтить его. Здѣсь же и дома вечеромъ должны были переписать урокъ, слѣдя одновременно и за каллиграфіей. Такія же послѣобѣденныя занятія были въ школѣ и въ другіе дни до пятницы включительно, а въ предъобѣденное время толковалась и изучалась латинская грамматика, причемъ въ одну недѣлю этимологія съ просодіей и текстъ Цицерона (для укрѣпленія памяти его заучивали наизусть), въ другую—просодія и Виргилій. Въ субботу до обѣда выслушивалось чтеніе наизусть Цицерона, выученнаго за недѣлю. Послѣ этого въ теченіе часа изучалась музыка, затѣмъ читался Эзопъ съ переводомъ его на латинскій, а потомъ на польскій языкъ: это чтеніе Гербестъ находилъ пріятнымъ для дѣтей и полезнымъ, такъ какъ оно научало ихъ не безъ удовольствія философской этикѣ. Затѣмъ истолковывались письма Цицерона. Послѣ обѣда 2 часа посвящались ариметикѣ,—часъ на изъясненіе урока и часъ на изученіе его. Употреблялись два рода ариметическаго счета—цифрный и линейный,—*et illa, quae figuris, et illa, quae lineis* (значеніе этихъ выраженій выяснимъ ниже).

Кромѣ обычнаго задаванія и заучиванія уроковъ, въ львовской школѣ существовали и особые дидактическіе приемы и прежде всего—еженедѣльное письменное упражненіе. Въ понедѣльникъ ученики писали по польски краткое и хорошо отдѣланное письмо (что важно было въ цѣляхъ изученія польской орфографіи) и чрезъ три дня, въ пятницу, представляли учителямъ тщательно слѣданный латинскій переводъ. Послѣдніе исправляли крупнѣйшія ошибки и предлагали свой переводъ, какъ образецъ для подражанія и какъ средство для собственнаго упражненія въ латинскомъ языкѣ. Но когда ученики нѣсколько выработали свой стиль, они могли обходиться и безъ подобной помощи учителя. Полезнымъ также считалось давать ученикамъ для упражненій какую-нибудь важную нравственную мысль,—ее тоже переводили на латинскій, а кто успѣлъ въ греческомъ—и на греческій языкъ. Наконецъ, по изученіи правилъ просодіи (латинской), поощряли учениковъ и къ писанію стиховъ.

Другой приемъ—диспуты по всѣмъ частямъ грамматики въ предѣлахъ выученнаго и пониманія учениковъ. Диспутировали ученики въ присутствіи бакалавра. Въ воскресенье предметомъ спора были всѣ части греческой грамматики и значеніе словъ греческихъ, въ слѣдующіе четыре дня—орфографія, просодія, этимологія и синтаксисъ латинскіе, въ пятницу—латинскія фразы.

По собственному опыту Гербестъ полезнымъ признавалъ въ опредѣленные времена года разыгрывать латинскія комедіи: это и хорошему произношенію способствовало, и пріучало учениковъ владѣть собой въ публичныхъ собраніяхъ.

При такомъ планѣ наукъ Гербестъ находилъ необходимымъ, чтобы у префекта или ректора школы было по крайней мѣрѣ два бакалавра для раздѣленія труда по обученію ¹⁾. Всѣ они должны быть объединены

¹⁾ Впрочемъ, въ послѣсловіи къ префектамъ и всѣмъ педагогамъ Гербестъ допускаетъ возможность и одному учителю, гдѣ нѣтъ другого, выполнить этотъ планъ.

однимъ убѣжденіемъ и идеей. Гербестъ предлагаетъ такое распредѣленіе занятій между ними. Ректоръ по утрамъ читаетъ одну лекцію по грамматикѣ. Одинъ изъ учителей занимается переводами изъ Цицерона и этимологіей, другой—Виргиліемъ и синтаксисомъ съ просодіей. Когда одинъ изъ учителей спрашиваетъ урокъ, другой исправляетъ написанное. Одинъ излагаетъ ариметику линейную, другой—фигурную. Въ воскресные дни они по очереди исправляютъ школьныя обязанности. Но Гербестъ на помощь этимъ преподавателямъ привлекаетъ и учениковъ—*studiosi adolescentes*, которые должны были заниматься съ дѣтьми, только что начавшими учиться и еще не дошедшими до грамматики. Дѣлалось это такимъ образомъ. Предварительно учитель изъяснялъ какой-нибудь непонятный стихъ, содержащій въ себѣ нравственную мысль, на польскомъ языкѣ и какъ можно короче и проще, а его помощники должны были тщательно выслушать объясненіе и втолковать его меньшимъ ученикамъ.

Школы каедральныя, не смотря на то, что первоначальнымъ ихъ назначеніемъ было приготовленіе священно-церковнослужителей, не были школами профессиональными: одновременно онѣ служили и цѣлямъ общеобразовательнымъ, особенно въ тѣхъ городахъ, гдѣ онѣ содержались совмѣстно капитулами и магистратами. Съ этой стороны къ нимъ легко примыкаетъ то множество парохіальныхъ школокъ, которое разбѣяно было по всему пространству зап. Россіи и программы которыхъ далеко не всегда были ниже ихъ программъ. Предлагая здѣсь перечень такихъ школъ, появившихся и существовавшихъ въ XVI и нач. XVII в., мы не выдаемъ его за полный, а смотримъ на него, какъ на матеріалъ для будущей статистики костельно-приходскихъ римско-католическихъ школъ въ зап. Россіи въ XVI в., если только она возможна.

Предполагаемъ, что тѣ училища, которыя существовали уже въ XV в., продолжали существовать и въ слѣдующемъ столѣтіи. Затѣмъ школы мы располагаемъ въ хронологическомъ порядкѣ—не появленія ихъ, а упоминаній о нихъ.

Подъ 1507 г. встрѣчается упоминаніе о *таурогенской* (россіенскаго повѣта) школѣ, открытой какимъ-то Бартошиномъ ¹⁾. Въ 1513 г. уже существовала *семятичская* (въ бѣльскомъ повѣтѣ) школа ²⁾.

Въ 1513 г. учреждена, какъ мы видѣли, *школа при св.-янскомъ костелѣ въ Вильнѣ*. Виленская капитула, давая разрѣшеніе на открытіе ея, позволила обучать въ ней только 16 человекъ и еще шестерыхъ принять специально для хора. Баквалавръ долженъ былъ тщательно наблюдать за школьниками, даже по окончаніи ими курса ученія, и держать ихъ *sub censuris ecclesiasticis* ³⁾. Св.-янская школа по происхожденію и по характеру напоминала школу львовскую и другія городскія римско-католическія училища: состоя при костелѣ, она находилась подъ нравственнымъ и матеріальнымъ надзоромъ и плебана и магистрата.

¹⁾ *Jarosz.*, II. 39.

²⁾ *Copia foundationis Siemiaticensis Ecclesiae* (документъ, принадлежащій семятичской православной церкви).

³⁾ *Baliński, Dawna akademia Wileńska*. 26. 27. *Krasz.*, IV, 4 прим. 2 на стр. 41—42.

По особому договору между виленскимъ магистратомъ и духовенствомъ св.-янского костела, заключенному въ 1521 г. и утвержденному королемъ Сигизмундомъ I въ 1527 г., ректора школы избирали по очереди плебанъ, или настоятель костела, и магистратъ. Но въ послѣднемъ случаѣ утвержденіе ректора принадлежало плебану, который могъ удалить его, найдя его не совсѣмъ удобнымъ по его характеру. Повидимому, магистратъ и содержалъ школу,—по крайней мѣрѣ онъ обязался изыскивать средства на содержаніе костела, при которомъ находилось училище. Но въ этомъ городскимъ властямъ помогала сама школа: чтеніе псалтири надъ умершими прихожанами и проводы ихъ могли совершать только школьники и сборы за это поступали въ казну членовъ магистрата — патроновъ костела ¹⁾.

Сохранилось мало слѣдовъ дальнѣйшаго существованія св.-янской школы. Знаемъ, что ея интересы, наряду съ интересами кафедральной школы, защищала въ 1539 г. капитула, запрещая магистру Георгію заводить въ Вильнѣ новое училище ²⁾. Затѣмъ она перешла вмѣстѣ съ костеломъ къ іезуитамъ и продолжала существовать въ качествѣ низшаго училища при ихъ гимназій, какъ видно изъ ординаціи еп. Кипріана 1572 г., причѣмъ она имѣла отдѣльнаго „бакалара“ ³⁾. Вѣроятно, она существовала и послѣ и ученики ея, вмѣстѣ съ питомцами другихъ „низшихъ іезуитскихъ школъ“, участвовали въ 1604 г. въ религіозномъ торжествѣ по случаю канонизаціи королевича Казимира ⁴⁾.

Въ 1514 и 1520 г. королемъ Сигизмундомъ I выданы привилегіи на постройку костеловъ и при нихъ училищъ въ *Гаевѣ* (борисовскаго повѣта) и въ *Жижморавѣ* (на Литвѣ). Въ 1529 и 1534 г. открыты школы *начская* (на Подляшья) и *трабская* (ошмянскаго повѣта), послѣдняя — виленскимъ воеводой Войтѣхомъ Гаштольдомъ ⁵⁾. Еще до 1535 г. существовало училище въ *Ярославѣ*, снабженное въ этомъ году лучшими средствами, благодаря Станиславу Одровонжу ⁶⁾. Королева Бона фондовала школы при костелахъ въ *Мостахъ* (надъ Нѣманомъ, гродненскаго повѣта) и въ *Кременцѣ* (1538 г.) ⁷⁾. Извѣстны, затѣмъ, школы *южновецкая* (возлѣ Бѣлостока, 1540 г.), *новодворская* (возлѣ Гродны, 1541), *недзвѣдская* (въ слуцкомъ повѣтѣ, 1545), фондованная виленскимъ епископомъ Павломъ, *ровенская*, фондованная въ 1548 г. кн. Беатой Острожской, *кѣвская*, открытая кѣвскимъ воеводой Мартиномъ Гаштольдомъ, *гродненская* (1555), *забудовская*, фондованная въ

¹⁾ Zbiór praw u przywilejow miastu stolecznemu W. X. L. Wilnowi nadanych, 1788 р. 42.

²⁾ Kraszewski, IV. 5. 6. 42.

³⁾ Baliński, о. с., 81. 82. Ср. II. П. Л., II, 1113.

⁴⁾ Baliński, 104.

⁵⁾ Jarosz., II, 39., Łukas., I, 66, прим. 3. Przyalgowski, I, 127, 129.

⁶⁾ Плоцанскій, «Нѣкоторыя мѣстности перемышльскаго округа».... (Науковій сборникъ, 1868 г., стр. 217).

⁷⁾ Archiwum ka. Sanguszków, IV, № 119. Przyalgowski, I, 156.

1568 г. Григ. Алекс. Ходкевичемъ, православнымъ ¹⁾, *самборская* (перемышльскаго округа) ²⁾.

Прибытіе въ польско-литовское государство іезуитовъ оказало малое вліяніе на развитіе парохіальныхъ школъ въ западной Россіи: онѣ умножаются въ той же постепенности, какъ и до того, вплоть до самыхъ шведскихъ, казацкихъ и московскихъ войнъ. Фундаторами ихъ по прежнему были короли, епископы, литовско-русскіе магнаты и шляхта. Особенно много школъ было открыто магнатами—Радивиллами, Сапѣгами, Ходкевичами, Заславскими... Представители этихъ и другихъ знатныхъ родовъ, совращаемые іезуитами въ латинство, какъ бы спѣшили засвидѣтельствовать свою ревность къ новой вѣрѣ основаніемъ латинскихъ монастырей, костеловъ, училищъ. Что до іезуитовъ, то они почти не заботились о школьномъ образованіи народныхъ массъ и объ открытіи приходскихъ школъ ³⁾. Такъ какъ имъ прежде всего необходимо было привлечь къ церкви и къ своему ордену лицъ вліятельныхъ въ государствѣ, то они и открывали свои коллегіи въ такихъ мѣстахъ, гдѣ контингентъ воспитанниковъ могъ бы состоять преимущественно изъ дѣтей аристократіи, шляхты, горожанъ. Впрочемъ, это не значитъ, чтобы они оставляли совершенно безъ вниманія крестьянскія массы: нѣтъ,—они и объ ихъ утверженіи въ латинской вѣрѣ заботились, посылая по деревнямъ изъ своихъ резиденцій миссіонеровъ. Но какъ дѣйствовали послѣдніе, видно хотя бы изъ разсказа іезуита Ростовскаго. Члены ордена, разсѣявшись въ 1583 г. изъ Вильны по окрестной странѣ, совершали обращеніе народныхъ массъ изъ язычества и православія въ римско-католичество и утверженіе въ послѣднемъ такимъ образомъ. Призывали народъ въ храмъ или собирали въ другомъ мѣстѣ для катихизаціи. Ему объясняли по частямъ символъ вѣры, молитву Господню и ангельское привѣтствіе Дѣвъ Маріи въ формѣ понятной и легко усвоиваемой памяти. Въ результатѣ было то, что народъ безъ большого труда (*negotio popi maximo*) знакомился не только съ начатками вѣры, но и со всѣмъ, что нужно для вѣры и жизни христіанской,—и тѣмъ дѣло и оканчивалось ⁴⁾. Дѣйствительнымъ результатомъ такого рода скороспѣлой миссіонерской дѣятельности было то, что въ какомъ религіозномъ невѣжествѣ находился литовскій народъ до призванія іезуитовъ, въ такомъ оставался и послѣ ⁵⁾.

¹⁾ А. В. А. К., XVII, № 699; XXI, № 1. Арх. сб., XI, № 114. *Jaros.*, II, 39, 120. *Przyalgowski*, о. с., II, 41. *Теодоровичъ*, Описаніе волынской епархіи, II, 457, прим. 1.

²⁾ Упомянутіе о ней встрѣчаемъ въ духовномъ завѣщаніи Григорія Самборчика († 1573 г.). Но, безъ сомнѣнія, она болѣе древняго происхожденія: чрезъ нее, вѣроятно, прошли самъ Григорій, Андрей Баргель, Гербесты и нѣсколько другихъ уроженцевъ Самбора, прежде чѣмъ попали въ краковскую академію (*Sołtykowiez*, 344, 359).

³⁾ Намъ извѣстна только одна такая школа, открытая и содержавшаяся іезуитами, именно въ Лазовичахъ, климовичскаго повѣта; даты не знаемъ (*Jaros.*, III, 231).

⁴⁾ *Rostowski*, 120. См. также въ *Litterae annuae, div. locis*.

⁵⁾ *Rostowski*, 118. 119. Ср. свидѣтельство папскаго нунція Маласпины, писавшаго въ 1588 г., что въ виленской епархіи находится до 100 тысячъ поселянъ, не знающихъ молитвъ, поклоняющихся идоламъ, не считаая татаръ, армянъ, еретиковъ и схизматиковъ—русскихъ (*Relacye nuncyuszów apostolskich*, I, 89).

Въ періодъ времени отъ прибытія въ польско-литовское государство іезуитовъ до 1633 г. появляются или становятся извѣстны слѣдующія парохіальныя школы: въ *Смотричь* (въ Подольѣ, 1579 г.), въ с. *Бѣлостокъ* (на Волини, 1581), *Холмь* (1582), *Старжинь* (минскаго повѣта, 1588), *Иказнь* (дисненскаго повѣта, 1593), *Скмѣань* (шавел., 1596), въ г. *Заславь* (1599), *Задорожь* (диснен., 1601), *Ляховичахъ* (случскаго, 1602), въ *Роитинь* (1602—3), въ *Депель* и *Черяхъ* (1604), *Могилевъ* (1605), *жвинговская*, *вилькійская* и *войкуцкая* (росіенскаго повѣта, 1606), *логойская* (борисов., 1609), *криничинская* (упитскаго повѣта, 1611), *тельшевская* и *жодзинская* (новоалександровскаго, 1612), въ *Шкудахъ* (тельшев., 1614), *Вел. Берестовиць* (гроднен., 1615), *Повенденъ* (тельш., 1620), *жоговская* (шавел., 1623), *клаваньская* (упит.) и *даниловская* (диснен., 1624), *чекусская* (росіен., 1625), въ *Коссовъ* (словим.) и въ *Горахъ* (оршан., 1626), *мащевская* (близь Влодавы) и *любомльская* (на Бугѣ, 1627 г.), въ *Бѣтъ* (сѣдл. губ., 1628), *декшицкая* (борисов.) и *скилондзіовская* (тельш., 1630), въ *Фециернь* (?—in Fecierna), въ имѣніи красноставскаго капитана Якова Собѣскаго, 1627—1630. Къ этому же, вѣроятно, времени относится происхожденіе приходскихъ школъ въ *Друть* и *Толочинь* ¹⁾.

Устройство римско-католическихъ приходскихъ школъ въ XVI в. въ западной Россіи было самое примитивное. Такъ какъ многія изъ нихъ учреждались съ единственной цѣлью поддерживать благолѣтіе богослуженія, то и программа въ нихъ широтой не отличалась: пѣніе, чтеніе и письмо, иногда счетъ составляли весь курсъ ихъ. И во всякомъ случаѣ единства образовательнаго плана во всѣхъ западнорусскихъ школахъ не могло быть, потому что ихъ не вѣдала одна центральная власть. Фундаторы школы могли свободно предъявлять къ учителямъ свои педагогическія требованія. Впрочемъ, въ изслѣдуемый нами періодъ времени дѣлаемы были попытки какъ объединить парохіальныя школы, такъ и повысить въ нихъ учебный уровень, въ видахъ противодѣйствія протестантскому вліянію. Такъ, напр., виленскій синодъ 1526 г. такъ формулировалъ учебно-воспитательный планъ для школъ виленскаго діоцеза: „полезныя науки, добрые обычаи и главныя добродѣтели католической религіи“. Подъ „полезными науками“, кромѣ указаныхъ уже, разумѣлись катихизисъ и изученіе или чтеніе Священнаго Писанія—Притчей Соломона изъ Ветхаго Завѣта и Евангелія и Павловыхъ Посланій изъ Новаго. Относительно повозвѣстныхъ книгъ виленскій синодъ высказалъ пожеланіе, чтобы онѣ излагались на польскомъ и литовскомъ языкахъ ²⁾. Эта программа съ теченіемъ времени дополнялась и расширялась въ отношеніи и числа учебныхъ предметовъ, и объема

¹⁾ Свѣдѣнія о фундаціи большинства этихъ школъ, дожившихъ до конца XVII ст. и даже до начала нынѣшняго, заимствованы нами у Ярошевича (III, 228—230). См. также А. В. А. К., XIX, №№ 360 и 380; XXIII, № 29. Рук. Императорской публичной бібліотеки, Лат., Р. I, № 585. л. 47 об. *Łukasz.*, IV, 275, прим. 1. *Przy, atgowski*, II, 39. 40. 99. *Симашкевичъ*, Истор.—стат. опис. подольской епархіи, прил. № 12. Подол. еп. вѣд., 1872, стр. 632. *Теодоровичъ*, Описаніе волыни. епархіи, III, 387. 421. Muzeum, 1885, 12—18: *Prochaska*, *Przejawienie nauczyciela w Rohatynie w r. 1602—3* (Рецензія—въ *Kwart. histor.*, 1895, IV, 304).

²⁾ *Przy, atgowski*, I, 115.

ихъ, причемъ въ городскихъ школахъ она всегда была шире, чѣмъ въ сельскихъ.

Для того, чтобы дать представленіе о ходѣ учебныхъ занятій въ приходскихъ римско-католическихъ школахъ конца нашего періода, мы изложимъ Планъ, выработанный въ 1612 г. краковскимъ университетомъ ¹⁾. Такъ какъ, по заявленію университета, этотъ планъ былъ возстановленіемъ упавшаго было порядка ученія въ приходскихъ школахъ, то его можно считать характернымъ и для XVI ст.,—это во первыхъ. Во вторыхъ, хотя обязательность этого плана ограничивалась однимъ краковскимъ діоцезомъ, мы, въ виду того постояннаго вліянія, какое оказывалъ краковскій университетъ на школьное образованіе не только польскихъ областей, но и русскихъ, можемъ думать, что данная имъ школьному дѣлу постановка отразилась и на училищахъ западнорусскихъ. Въ третьихъ, требованія краковского университета мы считаемъ максимальными: быть можетъ, нѣкоторыя богатія городскія школы, имѣвшія возможность нанимать въ учителя магистровъ университета, выполняли ихъ; но всѣ остальные училища только болѣе или менѣе приближались къ этому идеалу.

Краковскимъ университетомъ указаны слѣдующіе учебные предметы для городскихъ и сельскихъ приходскихъ школъ: латинскій и греческій языки, катихизисъ, риторика, поэзія, исторія, музыка, ариметика и пасхалія (*computus ecclesiasticus*) ²⁾. Всѣ эти предметы распредѣлялись между нѣсколькими классами, на которые, въ силу древняго обычая, должны были дѣлиться ученики. Основаніемъ дѣленія учениковъ на классы служило различіе въ ихъ дарованіяхъ, развитіи и прилежаніи. Для каждаго класса было составлено особое росписаніе уроковъ. Въ низшемъ, напр., и старшемъ классахъ занятія шли въ такомъ порядкѣ.

Новички учились четыре часа въ день: два до обѣда и два послѣ обѣда. Утромъ они должны были изучать буквы и соединять ихъ, произнося ихъ громко и съ надлежащимъ акцентомъ. Второй урокъ посвящался христіанскому ученію. Послѣ обѣда изучали краткія нравственныя изреченія и толкованіе обѣдни (*ministerium missae*). Навыкнувши въ этихъ предметахъ, ученики приступали къ склоненіямъ и спряженіямъ, что изучали въ первый утренній урокъ, и къ морали—во второй, именно тутъ изучались *Distichia* Катона или Михаила Верина или Сентенціи Публилія Сира мима (мимическаго актера), современника Юлія Цезаря. Послѣ обѣда изучались словарь латино-польскій и письма Цицерона къ роднымъ (*ad familiares*). Въ субботы прибавлялись ариметика и особые

¹⁾ *Muczkowski*, о. с., pp. CXLVII—CLIII, in annotatione.

²⁾ Не нужно смѣшивать ариметики съ тѣмъ, что называется *computus*, счетомъ, какъ обыкновенно переводятъ это слово. Краковскій университетъ различаетъ ихъ и говоритъ о нихъ отдѣльно: объ ариметикѣ—что она служитъ для математическихъ занятій и полезна въ жизни, а по поводу «компута» выражается, что онъ необходимъ для церкви, такъ какъ даетъ знаніе перемѣнъ праздниковъ и другихъ временъ. См. также заявленіе Бенедикта Гербеста въ предисловіи къ его «*Computus*»: «въ кануны праздниковъ я читалъ въ львовской школѣ «*Computum*», чтобы мы, чада католической церкви, не явились чуждыми и невѣжами въ различеніи ея священныяxъ временъ» (*ne... in eis computandis temporibus peregrini simus. Łukaszy, III, 464, прим. 1).*

стишки (cisiojani), написанные двойным гекзаметромъ и указывавшіе главные праздники въ каждомъ мѣсяцѣ. Стишки эти разучивались посредствомъ пѣнія (sapendo), какъ разъясняетъ краковскій синодъ 1621 г. ¹⁾. Кроме того въ послѣобѣденные часы производились упражненія на латинскомъ языкѣ и небольшіе диспуты между учениками изъ области спряженій и склоненій и латинскаго лексикона. Въ старшемъ классѣ было восемь уроковъ, которые такъ были расположены: утромъ 1-й часъ посвящался спрашиванію урока (examen memoriae) изъ грамматики, Цицерона и ариѳметики или музыки, 2-й—объясненію грамматики, 3-й—Цицерону, 4-й—ариѳметикѣ или музыкѣ (послѣднія чередовались черезъ день). Послѣ обѣда въ 1-й часъ учитель спрашивалъ уроки изъ греческаго и изъ поэзіи, во 2-й изъяснялъ греческія правила и басню или „Изреченія“ (Aprophthegmata) Плутарха, въ 3-й занимался поэзіей и въ 4-й—исторіей. Каждый урокъ при этомъ сопровождался или спрашиваніемъ или диспутаціей. По субботамъ было спрашиваніе уроковъ за всю недѣлю (generale examen), читались вслухъ Цицеронъ и поэты (для провѣрки главнымъ образомъ вѣрности произношенія), катихизисъ и ариѳметика. Въ воскресные и праздничные дни читались по-гречески Евангеліе или письма Григорія Назіанзина, а въ церкви—польскій катихизисъ.

Нетрудно видѣть, что въ Планѣ, составленномъ краковскимъ университетомъ, на первомъ мѣстѣ стоитъ латинскій языкъ. Послѣдній всегда имѣлъ огромное значеніе въ Польшѣ, гдѣ благодаря религіозному, научному и дипломатическому употребленію его онъ былъ извѣстенъ не только шляхтѣ, но и горожанамъ и даже хлопамъ, какъ свидѣлствуютъ о томъ историки Кромеръ и Гваньини, секретарь нунція Гаэтана—Муканте и др. ²⁾. И хотя со второй половины XVI в. онъ въ Польшѣ, вслѣдъ за Европой, сталъ уступать мѣсто языку народному, въ школахъ онъ надолго укрѣпилъ свое первенствующее положеніе. Соотвѣтственно этому и Планъ краковскаго университета отводилъ ему самое видное мѣсто, добиваясь, повидимому, того, чтобы ученики могли на немъ и писать и говорить. Этому имѣли служить и упражненія, диспуты и особыя тетради. Составители Плана, соглашаясь съ блаженнымъ Иеронимомъ, что урокъ безъ записыванія его—не болѣе какъ сонъ (lectio sine stylo vel calamo somnus est), рекомендовали ученикамъ завести нѣсколько тетрадей, какъ стражей памяти (custodes memoriae). Въ одну изъ нихъ они записывали бы приемы доказательствъ и искусно составленныя фразы (argumenta, artificia), въ другую—сентенціи, остроумныя изреченія, примѣры, въ третью—синонимичныя слова (соріамъ dicendi), въ четвертую—поэтическія фигуры, описанія мѣстъ, времени года и дня (напр. сумерекъ, зари, ночи), лицъ, животныхъ. Все это нужно было располагать такимъ образомъ, чтобы при случаѣ можно было заимствовать изъ тетради, какъ изъ кладовой, что нужно для рѣчи.

¹⁾ Reformationes generales, p. 46.

²⁾ Макушевъ, Общественные и государственные вопросы въ польской литературѣ XVI в. (Слав. сборникъ, III, 59. 60).

Для изученія латинскаго языка излюбленнѣйшимъ учебникомъ въ Польшѣ была грамматика Элія Доната, учителя блаженнаго Иеронима, состоящая изъ двухъ частей: а) *Ars sive editio prima de litteris sillabisque, pedibus et tonis* и б) *Editio secunda de octo partibus orationis* (первая часть извѣстна была подъ именемъ *Donatus maior*, вторая называлась—*Donatus minor*). Въ Польшѣ было множество изданій Доната, начиная съ 1503 г., когда онъ впервые вышелъ въ Краковѣ съ объясненіями Іоанна Глоговскаго, и кончая 1795 г. ¹⁾ Краковскій университетъ въ своемъ Планѣ, не упоминая ни о Донатѣ, ни о другихъ латинскихъ грамматикахъ, употреблявшихся въ польскихъ школахъ до этого времени ²⁾, рекомендовалъ съ своей стороны грамматикѣ Корнелія Ультраектина, соединявшую краткость съ легкостью и заключавшую первоначальнѣйшія правила (*rudimenta rudes*), этимологию, синтаксисъ и просодію ³⁾. При толкованіи правилъ ея совѣтовалось указывать ихъ смыслъ и разъяснять его на примѣрахъ, такъ какъ употребленіе послѣднихъ, особенно письменное, всего болѣе можетъ служить этой цѣли. Для латинскаго чтенія, кромѣ упомянутыхъ уже сочиненій, университетъ указывалъ Цицероновы трактаты: *Объ обязанностяхъ*, *О дружбѣ*, *О старости*, *Объ ораторахъ*. Изъ поэтическихъ произведеній рекомендовалъ Овидіевы скорби (*Tristia*), Понтійскія письма, *Виргилиевы Буколики*, *Георгіики* и *Энеиду*. При чтеніи нужно было избѣгать мѣстъ сладострастныхъ и грязныхъ и останавливаться на поэтическихъ перлахъ, нравственныхъ сентенціяхъ и различныхъ описаніяхъ.

Для изученія греческаго языка существовали грамматикѣ Цепорина, Кленарда и Гретцера ⁴⁾. Для практическаго навыка въ греческомъ чтеніи Планъ указалъ: *Евангеліе въ воскресные дни*, творенія *Григорія Богослова* ⁵⁾ въ праздники и въ кануны праздниковъ—*басни Эзопа*, *Апофтегматы Плутарха* и греческія сентенціи и загадки (*adagia*).

Языкомъ, на которомъ шло преподаваніе въ р.—католическихъ школахъ Польши, былъ польскій; знаніе его учениками предполагалось уже и потому изученіе его въ программу не вошло. На польскомъ же языкѣ преподаваніе происходило и въ Литвѣ (впрочемъ, здѣсь—наравнѣ съ литовскимъ, какъ видно изъ постановленія виленскаго синода 1526 г. ⁶⁾) и въ тѣхъ городахъ и селахъ собственно западной Россіи, населе-

¹⁾ Объ этихъ изданіяхъ читатель можетъ найти у *Iochera* (№№ 528—533) и у другихъ польскихъ библіографовъ.

²⁾ Онъ указанъ у *Лукашевича*, I, 82—88. 228. См. также у *Iochera*, №№ 649—667.

³⁾ Грамматика Корнелія Вол. Ультраектина издана въ 1604 г. въ Краковѣ (*Iocher*, № 668).

⁴⁾ *Iacobi Ceperini, Compendium Grammaticae Graecae, Cracoviae. 1526. Institutiones absolutissimae in graecam linguam cum annotationibus in nominum verborumque difficultatesque etc. Nic. Clenardo auctore. Vilnae, 1600. Iacobi Gretser S. J. institutionum linguae graecae libri tres. Vilnae, 1604 г. (Iocher, №№ 624. 626. 627).*

⁵⁾ Быть можетъ, имѣлись въ виду изданія въ 1565 г. въ Краковѣ *•Duo poemata Gregorii Nasiansini Theologi; alterum de virtute hominis, alterum de vitae itineribus et vanitate rerum huius seculi.* (*Iocher*, № 67).

⁶⁾ Относительно литовскаго языка должно замѣтить однако, что едва-ли онъ употреблялся въ XVI в. во всѣхъ школахъ Литвы. До конца XVI ст. онъ совсѣмъ почти не

ніе которыхъ было болѣе ополячено или гдѣ находились люди, болѣе симпатизировавшіе ему. По отношенію же къ остальнымъ областямъ западной Россіи, не такъ тронутымъ или даже совсѣмъ нетронутымъ польскимъ вліяніемъ, можно утверждать, что преподавательскимъ, если позволительно такъ выразиться, языкомъ былъ русскій. Допустить это не будетъ трудно, если мы вспомнимъ, что поляки и все польское въ литовско-русскомъ государствѣ особымъ расположеніемъ не пользовались. До самой люблинской уніи они считались здѣсь чужеземцами, и Польша въ Статутѣ 1529 г. названа чуждой землей по отношенію къ в. княжеству литовскому. Проникновеніе сюда поляковъ путемъ занятія правительственныхъ, придворныхъ и судебныхъ должностей, путемъ женитьбы и пріобрѣтенія поземельной собственности всегда вызывало протесты литовско-русскихъ пановъ противъ „иностранцевъ“. Правда эти протесты ни къ чему собственно не приводили, такъ какъ это проникновеніе согласовалось съ видами королей¹⁾, но они доказываютъ, какъ сильно было еще въ Литвѣ въ это время сознаніе національнаго достоинства. Подорвать послѣднее не всегда удавалось и р.—католической религіи. Хотя на первыхъ порахъ католическая іерархія по необходимости была восполняема въ литовско-русскомъ государствѣ поляками, но въ XVI в. уже почти всѣ высшія духовныя мѣста были заняты туземцами²⁾. Въ самомъ концѣ XVI ст. виленская капитула оказала самое энергичное сопротивление намѣренію короля и папы назначить въ виленскіе епископы поляка; на сеймѣ 1597 г. литовскіе послы отстаивали пражо Литвы имѣть туземца на этой каедрѣ³⁾. Далѣе, извѣстно, что еще до половины XVI

былъ научно разработанъ и для школьнаго употребленія представлялъ мало удобства. Съ другой стороны, Литва въ это время уже была отчасти знакома съ польскимъ языкомъ, который сталъ проникать въ нее со времени Ягайла, и еще болѣе съ русскимъ. Вліяніе русской культуры на Литву началось, надо полагать, со времени самыхъ первыхъ столкновеній между ними и особенно должно было успѣться, когда Литва начала завоевывать русскія княжества одно за другимъ. Повторилась и здѣсь старая исторія о побѣдѣ побѣжденныхъ надъ побѣдителями. Въ числѣ другихъ проявленій русской культуры литовское государство заимствовало и русскій языкъ, который сдѣлался языкомъ законодательства, управленія, суда и даже домашняго обихода. Этимъ только и можно объяснить тотъ фактъ, что всѣ сохранившіяся доселѣ отъ XVI и XVII в. актовныя книги даже коренной Жмуди составлены на русскомъ языкѣ. Извѣстенъ одинъ только документъ 1651 г. на западнорусскомъ нарѣчій съ присягою на литовскомъ языкѣ (изъ актовныхъ книгъ унитскаго земскаго суда. Зап. Имп. акад. наукъ, т. 49, 1884 г., стр. 15—17; ср. *Шолковичъ*, Сборникъ статей, разъясняющихъ польское дѣло по отношенію къ Россіи, I, 124, прим.; 137, прим.). Для знакомства съ исторіей культурныхъ вліяній на Литву можно читать, между прочимъ, статью проф. *Дашкевича*: Борьба культуръ и народностей въ литовско-русскомъ государствѣ (Кіевскія университетскія извѣстія, 1884 г., октябрь и декабрь).

¹⁾ *Тумасовъ*, Дворянство западной Россіи въ XVI в. (Чт. въ моск. общ. ист. и древн. рос., 1868, IV, 4—7).

²⁾ Изъ 18-ти виленскихъ епископовъ отъ учрежденія каедрны и до середины XVII в. только первый, третій и четвертый были поляки (*Kojałowicz*, Miscellanea, 77—82), а изъ 25-ти жмудскихъ—поляковъ было только 6—7 (*ibid.*, 83—88. *Taross.*, II, 276. 277).

³⁾ Выписи изъ актовъ капитулы, №№ 161. 162. 186—188 (Опис. рукоп. отд. вил. публ. библ., вып I, прилож., стр. 70. 72). *Голубевъ*, Петръ Могила, прилож., стр. 46. 47. (Извлеченіе изъ рукописи, содержащей описаніе варшавскаго сейма 1597 г.).

в. католическое духовенство въ западной Россіи употребляло въ официальной и даже частной перепискѣ русскій языкъ¹⁾. Мы уже отмѣтили, что королевскій привилей виленской капитулы 1567 г. былъ написанъ на русскомъ языкѣ. На немъ же писались и бумаги, имѣвшія отношеніе къ католическимъ костеламъ и монастырямъ²⁾. И только со временъ люблинской уніи русскій языкъ пересталъ быть языкомъ католическаго духовенства, такъ что уже въ 1573 г. виленская капитула „ничего не увидѣла“ въ представленныхъ ей русскихъ документахъ³⁾. Но нѣкоторые представители его (напр., луцкій епископъ Викторинъ Вержибицкій) все еще пишутъ на немъ⁴⁾.

Въ виду всего этого и можно утверждать, что русскій языкъ былъ также и языкомъ преподаванія въ католическихъ школахъ западной Россіи. Въ пользу этого говоритъ и положительное свидѣтельство Михалона Литвина. Въ своемъ сочиненіи „De moribus Lithuanorum“ онъ, заявивши, что у нихъ (на Литвѣ) нѣтъ гимназій, продолжаетъ: „мы учимся московскому языку, не древнему и не заключающему въ себѣ никакого побужденія къ доблести, такъ какъ русское нарѣчіе чуждо намъ литовцамъ, т. е. италянцамъ, происходящимъ отъ италянской крови“⁵⁾. Хотя Михалонъ говоритъ только о литовцахъ, италянское происхожденіе которыхъ онъ ниже доказываетъ, и отрицаетъ существованіе у нихъ гимназій, но утверждаетъ самый фактъ изученія ими (очевидно, школьнаго) русскаго языка. Тѣмъ съ большимъ правомъ можно говорить объ употребленіи его въ католическихъ училищахъ русскихъ областей Литвы. Конечно, съ теченіемъ времени русскій языкъ въ школахъ все болѣе долженъ былъ уступать польскому, сообразно съ тѣмъ, какъ это происходило и въ жизни, но какъ медленно это дѣлалось, показываетъ слѣдующій случай. Въ 1637 или 1638 г. краковскій епископъ Іаковъ Задзихъ учредилъ русскій приходъ изъ деревень Поврозника, Войковой и Ястребца въ Мушинскомъ ключѣ. Вмѣстѣ съ церковью онъ построилъ и школу, на содержаніе которой обязалъ подданныхъ давать ежегодно по корцу овса, съ тѣмъ, чтобы церковно-служитель училъ дѣтей польской и русской рѣчи (паузе), польскому письму, молитвѣ и обрядамъ

¹⁾ *Иконниковъ*, Опытъ русской исторіографіи, I, 500.

²⁾ Виленскій вѣстникъ, 1889 г. № 230: Историческій архивъ виленской римско-католической духовной консисторіи.

³⁾ Выпись изъ актовъ виленской капитулы, № 65. 1573 г. 6 февр. (Опис. рук. отд. вил. публ. библ., I, прилож., стр. 59).

⁴⁾ *Н. Дашкевичъ*, Люблинская унія и ея послѣдствія (Кіев. унив. вѣстия 1885 г. I, прим. 2). *Батюшковъ*, Волынь, 114.

⁵⁾ Сочиненіе Михалона Литвина было написано въ 1550 г. для короля Сигизмунда Августа. Отрывки изъ него были напечатаны въ 1615 г. въ Базелѣ Грассеромъ подъ заглавіемъ: *Michalonis Litvani de moribus Tartarorum, Lithuanorum et Moscorum fragmina decem, multiplici historia referta*. Приведенный нами отрывокъ въ подлинникѣ читается: *Gimnasiis literariis, dolendum, caremus. Literas Moscoviticas nihil antiquitatis complectentes, nullam, ad virtutem efficaciam habentes ediscimus, cum idioma Ruthenum alienum sit a nobis Lithvanis, hoc est Italianis, Italico sanguine oriundis*. (Архивъ историко-юридическихъ свидѣній, относящихся до Россіи. Второй книги половина вторая (1854), 42—43 и пред. Повидимому, отсюда перепечатанъ русскій переводъ сочиненія въ Вѣстникѣ юго-западной и западной Россіи, 186³/₄, VIII).

церковнымъ ¹⁾. Мы не знаемъ, правда, какой приходъ открытъ епископомъ—католическій или униатскій. Но будь это и православный, остается фактъ, что даже въ XVII ст. католическіе епископы въ краковскомъ діоцезѣ признавали за своими русскими хлопами право учиться родному языку.

Кромѣ языковъ, обычными предметами преподаванія въ католическихъ школахъ Польши и даже всей Европы до XVII в. были тѣ или другія науки, издавна вошедшія въ составъ системы семи свободныхъ наукъ, которая получила начало въ V в. отъ римскаго филолога Марціана Капеллы и закрѣплена была въ христіанской школѣ блаж. Августиномъ. *Septem liberales artes* распались на двѣ половины—*trivium* и *quadrivium*. Въ первую входили грамматика, риторика, діалектика, во вторую—арифметика, геометрія, музыка и астрономія. Задачи каждой изъ этихъ наукъ такъ выражены въ одномъ школьномъ стихотвореніи:

Grammatyka czcić, pisać, dobrze uczy dziatki,
Dialektika zasie rozwiązać gadki.
Rhetoryka wymowy, Arithmetika liczy,
Musika zaś spiewania. A liczyć zaś gwiazdy
Astronomia uczy co czynić w czas każdy ²⁾...

Почти всѣ эти науки указалъ и Планъ, составленный краковскимъ университетомъ.

Конечно, подѣ грамматикой въ польскихъ училищахъ XVI—XVII в. нужно разумѣть латинскую, которая одна въ то время и была научно разработана. Что до риторики, то замѣчательно, что большинство учебныхъ руководствъ по этому предмету, вышедшихъ въ Польшѣ въ XVI в., сводятъ ея задачи къ искусству письма (*Modus epistolandi* Яна Урсина, Яна Освѣдмискаго, Яна Эстикомпіана и т. д.), нѣкоторые предлагаютъ правила стихосложенія (поэзія и риторика близки другъ другу) и только немногія посвящены искусству ораторской рѣчи. Таковы труды краковскаго профессора Гурскаго—*De generibus dicendi liber, adolescenti dicendi studioso opus et utile et necessarium* (1559 г.), *De periodis atque numeris oratorii libri duo* (1558). Затѣмъ, извѣстны переложенія риторики Цицерона и Аристотеля:—*Rhetorica ex omnibus M. Tullii Ciceronis Rhetoricis verbis ejusdem collecta. Opera Ioannis Herbesti, Cr., 1566*, и *Aristotelis de arte rhetorica libri tres. Carolo Sigoni interprete, 1577* ³⁾. Планъ не указалъ руководства по этой наукѣ, но, порекомендовавъ чтеніе *De oratore* Цицерона, направивъ учителей отъ комментаторовъ этого писателя къ нему самому.

Діалектика въ низшихъ школахъ проходила лишь постольку, постольку имѣла приложение къ риторикѣ, и въ учебникахъ послѣдней можно было найти и правила первой науки. Но кромѣ такого рода изданій, какъ *Dialecticae et rhetoricae graecepta* (1563. 1581), были

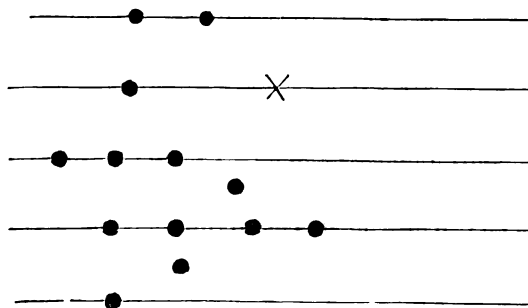
¹⁾ *Szaraniewicz, Rzecz o ka[na] beneficyna kościoła ruskiego za czasów Kr. polskiego* (1875), стр. 12. 13.

²⁾ *Maciejowski, Piśmiennictwo polskie*, III, 145.

³⁾ *Lukasz.*, I, 90—92.

и специальные учебники диалектики, напр. *Dialectica Ioannis Caesarei*, 1569 г.

Польская литература XVI в. очень богата учебниками арифметики. Такъ, уже въ 1509 г. въ Краковѣ былъ изданъ *Algorithmus* ¹⁾ *Ioannis de Sacro Busto*, выдержавшій до 1533 г. девять изданій. Затѣмъ, въ теченіе 1513—1562 г. вышло тринадцать изданій *Algorithmus linealis* магистра Иоанна изъ Ланцуты. Въ 1538 г. издана первая арифметика на польскомъ языкѣ Ксендза О. Клоса—*Algorithmus t. j. nauka liczby*. Послѣ этого появились: *De VI. arithmeticae practicae speciebus Henrici Glareani epitome* и *Algorithm, t. j. nauka liczby po polsku na liniach uczyniony, Bernarda Wojewodki*, Krakow, 1553 г. (второе изданіе вышло тамъ же въ 1573 г. и третье въ Вильнѣ въ 1602 г.). Наконецъ, извѣстны намъ *Arithmetices introductio ex variis authoribus concinnata* (1556—1565) и *Arithmetica linealis* Бенедикта Гербеста, выдержавшая въ теченіе 1561—1577 гг. пять изданій.—Арифметика Клоса, которой мы пользовались ²⁾, представляетъ собой образецъ учебника арифметики линейной или колонной ³⁾. Отличіе ея отъ арифметики нелинейной состоитъ въ томъ, что въ послѣдней значеніе каждой цифры обуславливается тѣмъ мѣстомъ, какое занимаетъ она въ числѣ, а въ линейной арифметикѣ показателями значенія числа являются линіи, на которыхъ и распредѣляются—не цифры, а точки или кружки, подобно тому, какъ шарикъ на счетахъ обозначаетъ единицу, десятокъ, сотню и т. д. въ зависимости отъ того, на какой проволоцѣ помѣщается. Для наглядности мы приведемъ примѣръ линейной записи числа.

На нижней линіи помѣщаются единицы, на слѣдующей десятки, далѣе сотни, на линіи, обозначенной крестомъ, тысячи и т. д. Точка между первой и второй линіей равняется пяти, между второй и третьей—50 и т. д. Такимъ образомъ, все число должно прочитаться 21396. Какимъ образомъ производились при такой системѣ арифметическія дѣйствія, учебникъ Клоса видѣть не даетъ и вообще онъ составленъ такъ нераціонально, что не могъ быть очень понятенъ для дѣтей безъ коммента-

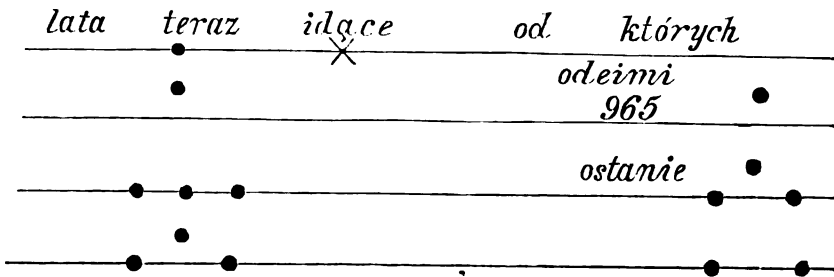
нально, что не могъ быть очень понятенъ для дѣтей безъ коммента-

¹⁾ «Algorithmus» происходитъ отъ имени провинціи Charism, уроженцемъ которой былъ авторъ цифровой арабской арифметики, жившій въ срединѣ IX в. и называвшійся Muhammed ibn Muza Alchwarizmi.

²⁾ Она переиздана въ 1839 г. въ «Bibliotheka pisarzów polskich. Wydawnictwo Akademii Umiejętności w Krakowie». Въ предисловіи г. Баранецкаго перечислены почти все указанныя нами польскія изданія арифметики. Ср. *Fukasz.*, 1, 92 et sqq.

³⁾ Происхожденіе колонной системы счета, которая представляетъ переходъ отъ системы предметныхъ счетовъ къ письменному закрѣпленію результатовъ арифметическихъ дѣйствій, выяснено въ статьѣ г. Мазинга: «Историческій очеркъ развитія счисленія» (Журн. мин. нар. проsv., 1873, сент., 129—133).

ривъ учителя. Да и начало его въ состоянїи было подавить всякую мыслительную способность въ видахъ, вѣроятно, развитія памяти: въ немъ на 7—8 страницахъ помѣщена таблица умноженія, изъ которой ежедневно должно было заучивать наизусть по одному столбцу. Здѣсь мы встрѣчаемъ не только умноженіе единицъ на единицы, но и единицъ на десятки, единицъ на числа второго десятка, чиселъ второго десятка—но десятки (напр. $14 \times 100 = 1400$; $14 \times 90 = 1260$; $14 \times 80 = 1120$), единицъ на числа третьяго десятка ($2 \times 23 = 46$; $3 \times 23 = 69$ и т. д.) и чиселъ третьяго десятка на десятки, чиселъ второго десятка на числа второго десятка и т. д., и т. д. Наконецъ, ученикъ долженъ былъ заучить рядъ частныхъ отъ дѣленій на 2 десятковъ и нечетныхъ чиселъ: $30 : 2 = 15$, $50 : 2 = 25$, $70 : 2 = 35$, $90 : 2 = 45$; $3 : 2 = 1\frac{1}{2}$, $5 : 2 = 2\frac{1}{2}$, $19 : 2 = 9\frac{1}{2}$ и т. п. За этими таблицами слѣдуютъ §§ о дѣленїи на части римскаго фунта, о счетѣ и обозначенїи каждой цифры по мѣсту ея нахожденія въ ряду другихъ цифръ или на линїяхъ. Далѣе идутъ примѣры для произведенія на линїяхъ четырехъ ариѳметическихъ дѣйствїй, безъ поясненія, какъ ови совершаются. Такъ, напр.: Поляки приняли христіанство въ 965 г., теперь—1537 г. Отними—останется 572. На линїяхъ это такъ:

Далѣе сравненіе монетъ литовскихъ, польскихъ и другихъ. Съ 29 страницы начинается II часть—о тройномъ правилѣ въ цѣломъ числѣ и въ дроби (*regula detri w całej i w łamanej liczbie*). Съ 38 стр.— III часть—о *rozmaitym rachunku na miarce i wadze*. Здѣсь: о *towarzystwie regula*, о *porównaniu wag i miar*, *wywrócona regula*, *regula nalezenia*, *łamanie łamaniu*... Таковъ общій составъ Кюсовской ариѳметики. Большое отличіе отъ нея представляетъ „Алгоритмъ“ Іоанна Сакро Бусто, списки съ котораго можно видѣть въ Имп. публ. библиотекѣ. Послѣ обычной похвалы ариѳметикѣ здѣсь идутъ главы: *de numeratione*, *de additione*, *de subtractione*, *de mediatione*, *de duplicatione*, *de multiplicatione*, *de divisione*, *de progressionе*, *de radicum extractione*, *de radicum extractione in numeris cubicis*. Все одни правила безъ примѣровъ; образцы ариѳметическихъ дѣйствїй посредствомъ системы линеекъ даны дальше, но опять-таки безъ надлежащихъ объясненій.

Руководствами по геометрїи въ католическихъ школахъ могли быть: *De lateribus et angulis triangulorum* Николая Коперника (1542), а также *Geometria to jest miernicka nauka po polsku krótko napisana z greckich*

i łacinskiх ksiąg etc., 1566 (Kr.)¹⁾. Были еще въ ходу рукописные учебники, какъ по ариѳметикѣ, такъ и по другимъ частямъ математики, каковъ, напр., курсъ математики, списанный въ 1629 г. и состоящій изъ ариѳметики (по Фризію), пасхалии и геометріи, хранящійся въ Киево-софійской библиотекѣ подъ № 577²⁾. Но по пасхалии были и печатные руководства,—*Computi*. Изъ самыхъ заглавій „Компутьовъ“ и изъ предисловіи къ нимъ видно, что въ низшихъ училищахъ подъ именемъ астрономіи часто выступала пасхалия именно, или что къ пасхалии вся она сводилась. Таковы: *Computus novus et ecclesiasticus totius fere astronomiae fundamentum pulcherrimum continens. Clericis non minus utilis, quam necessarius* (1518, Cr.). *Computus jamjam ampliatus ac emendatus: continens perquam utile introductorium in Astronomiam* (1530). *Computus ecclesiasticus in pueriles quaestiones redactus manu, scalis, rotulis et figuris illustratus: omnibus studiosis utilis et necessarius. Authore Ioanne Spandenbergio* (1552 и 1572). *Benedicti Herbesti Neapolitani Computus, ex quo certum ejus artis usum, paucis hactenus cognitum, magnoque labore vix deprehensum, qui Ecclesiae tempora ignorare nolit, cognoscet*³⁾.

Должно, впрочемъ, замѣтить, что ариѳметика и пасхалия не были непрѣмными частями курса всѣхъ школъ. Краковскій синодъ 1621 г. относительно ихъ выразилъ только желаніе, чтобы онѣ изучались хотя въ училищахъ большихъ приходоѡ⁴⁾.

Послѣдней составной частью системы семи свободныхъ наукъ была музыка, т. е. церковное пѣніе, и ей Планъ, какъ мы видимъ, отводитъ приличное мѣсто.

Въ программѣ, составленной въ 1612 г. краковскимъ университетомъ, мы видимъ кромѣ того исторію. Предметъ этотъ былъ новостью въ курсѣ низшихъ и даже среднихъ училищъ и его не ввели еще тогда даже лучшія изъ тогдашнихъ школъ—іезуитскія. Изъ руководствъ университетомъ указаны Іустинъ и Флоръ, историки II ст. по Р. Х., Курцій и для болѣе зрѣлаго возраста—Саллюстій. Для отечественной исторіи служили Яницкій и Гербуртъ.

Конфессіональный характеръ католической школъ XVI—XVII вв. придавало, конечно, изученіе церковныхъ обрядовъ и катихизиса. Въ XVI в. въ Польшѣ было извѣстно нѣсколько катихизисовъ. Наибольшей распространенностью пользовался во всемъ латинскомъ мірѣ катихизисъ іезуита Петра Канизія—*R. P. Canisii S. I. Theologi Catechismus*. Малый катихизисъ его издавался, между прочимъ, въ 1565, 1567, 1581, 1583, 1587 гг.⁵⁾. Состоитъ онъ изъ пяти главъ: *De fide et symbolo fidei, De*

¹⁾ *Lukasz.*, I, 93. 94.

²⁾ По листамъ этой книги есть надпись: «Ex bibliotheca Киево-Могилана». Но что это по происхожденію католическій учебникъ, доказываетъ слѣдующая фраза въ началѣ пасхалии: «*ars distinguendi annua tempora juxta debilum ecclesiae catholicae usum*». Годъ написанія рукописи выводимъ изъ пасхалистическихъ примѣровъ. Рукопись неполная.

³⁾ *Lukasz.*, I. 96. 97.

⁴⁾ *Reformationes generales*, p. 46.

⁵⁾ *Wierzbowski*, №№ 393, 429, 509, 2469, 2498.

spe et oratione Dominica, De charitate et decalogo, De sacramentis, De officiis justitiae christianaе, изложенныхъ не болѣе, какъ на 12-ти страницахъ. Кромѣ катихизическаго ученія и краткой пасхалии (doctrina brevis de calendis), къ нему обыкновенно присоединялись „на пользу юношеству“ нѣкоторыя географическія свѣдѣнія въ видѣ алфавитнаго списка названій городовъ, странъ и провинцій, а также система цифръ арабскихъ и римскихъ. Въ 1570 г. Малый катихизисъ Канизія былъ переведенъ Яковомъ Вуйкомъ на польскій языкъ ¹⁾ и тогда же вышелъ другой польскій катихизисъ—Бенедикта Гербеста: *Maluczki katechizm kosciola powszechnego*, состоящій изъ двухъ частей. Вторая имѣла служить, очевидно, пособіемъ для учителей: она распространяетъ и осмысливаетъ содержаніе первой ²⁾. Краковскій университетъ рекомендовалъ въ 1612 г. греко-латинскій катихизисъ Канизія для школы и польскій—кардинала Беллярмина или Ледесмы ³⁾ для костела, гдѣ совѣтовалъ читать его наизусть въ праздничные дни въ присутствіи народа, въ формѣ вопроса-отвѣта. Наизусть же ученики должны заучивать катихизисъ для отвѣта въ классѣ и это потому, что онъ излагаетъ чистое вѣро-и нравоученіе. вмѣстѣ съ этимъ и университетъ, и синоды XVI в., и синодъ 1621 г. изгоняли всякія нечестивыя книги, откуда ученики могли почерпнуть мысли еретическія, атеистическія или баснословіе о ложныхъ богахъ или неправственные влеченія. Предписывалось избѣгать также и евангелій еретическихъ, написанныхъ стихами. Если же въ школѣ излагался какой либо языческой авторъ, то изъ него должно было выпустить все, могущее вредить нравственной чистотѣ. Христіанинъ долженъ знать прежде всего христіанское ученіе ⁴⁾. Изъ классическихъ моралистовъ наибольшимъ уваженіемъ пользовался Катонъ, потому что, хотя онъ былъ язычникомъ, говорится въ заключеніи одного изъ изданій его *Distichia Moralia*, на каждый изъ христіанъ могъ бы выучиться у него нравственнымъ обязанностямъ ⁵⁾.

Краковскій университетъ въ своемъ учебно-воспитательномъ планѣ тѣсно связываетъ съ программой ученія благочестіе и управленіе, изъ

¹⁾ *Eukasz.*, I, 336.

²⁾ Катихизисъ Бен. Гербеста представляетъ одно изъ доказательствъ того, что поляки приняли христіанство въ восточной формѣ и долго ее держались: на картинкѣ, изображающей совершеніе крещенія, мы видимъ ясно выраженное намѣреніе ксендза погрузить младенца въ купель (л. 25 об. и 134). Экземпляръ Имп. публ. библ.—Другіе латинно-польскіе катихизисы указаны у Iochera (№№ 2769 et sqq.).

³⁾ Катихизисъ іезуита Ледесмы былъ переведенъ и на литовскій языкъ жмудскимъ каноникомъ Николаемъ Даукшею. *Вольтеръ*, Литовскій катихизисъ Н. Даукши, по изданію 1595 г. (Зап. Имп. акад. наукъ, т. 53, кн. II, введ., стр. XV, XVII). Извѣстенъ также греческій переводъ этого катихизиса—*Διδαχικὰ χριστιανικὴ* (Римъ, 1595 г. *Bibliographie Hellénique* s. XV et XVI, t. II, № 286).

⁴⁾ *Reformationes generales*, 1621, p. 46.

⁵⁾ *Iocher*, I, str. 151. Въ XVI в. въ одномъ Краковѣ вышло девять изданій Катона—по латини и въ польскихъ поэтическихъ же переводахъ. Катонъ издавался здѣсь въ редакціи Эразма Роттердамскаго (*Iocher*, №№ 342—350).

каковых элементов и слагается нормальный порядок школьной жизни. Для развитія въ ученикахъ нравственнаго настроенія онъ рекомендуетъ не только изложеніе христіанскаго ученія, но и возможно частыя увѣщанія къ добродѣтели во время уроковъ, при малѣйшемъ поводѣ. Понятно, что самые уроки должно было начинать молитвой, возможно чаще нужно было водить учениковъ къ обѣднѣ, а по праздникамъ привлекать ихъ и къ участию въ пѣніи. Надлежало ученикамъ почаще исповѣдываться и причащаться ¹⁾, молиться, ложась спать и вставая, и стараться усвоить себѣ привычку предъ отходомъ ко сну испытывать свою совѣсть. Начальству школъ ввухалось поддерживать дисциплину не розгами и вагайками, а умѣренными наказаніями. Такъ какъ при религіозно-нравственномъ воспитаніи всего сильнѣе могъ вліять на учениковъ примѣръ учителя или ректора, то требовалось, чтобы послѣдніе были людьми чистой нравственности и не заражены ересью. Въ виду этого настоятели костеловъ должны были при наймѣ учителя потребовать у него его исповѣданіе вѣры (согласно съ тридентскимъ соборомъ и буллой папы Пія IV) и осмотрѣть его библіотеку. А краковскій синодъ 1621 г. добавилъ, что учителя должны представлять планы своихъ занятій,—какихъ авторовъ они желаютъ излагать и какимъ методомъ ²⁾.

Высшій надзоръ за школами принадлежалъ въ каждой епархіи капитулѣ, которая время отъ времени и снаряжала для ревизіи ихъ архидіакона или схоластика. Ревизоры должны были вникать во всѣ стороны школьной жизни, въ случаѣ усмотрѣнія чего нибудь недозволительнаго и особенно еретическаго привлекать къ отвѣтственности настоятеля. Послѣдній былъ ближайшимъ начальникомъ школы и на его обязанности лежало какъ завести ее, такъ и пріискать учителя, содержать его и наблюдать за ходомъ ученія и воспитанія дѣтей, наказывать представленныхъ ему учителемъ непослушныхъ учениковъ и лично являться въ училище по крайней мѣрѣ дважды въ годъ.

Что до средствъ содержанія учителей, что они были чрезвычайно разнообразны. Всѣ учителя имѣли, конечно, готовое помѣщеніе, но размѣръ жалованія, начинаясь отъ 5 золотыхъ, доходилъ до 40 ³⁾. Кромѣ

¹⁾ Краковскій синодъ 1621 г. требуетъ этого не только отъ учениковъ, въ число которыхъ включаетъ и пѣвчихъ, но и отъ учителей. (Reformationes generales, p. 46—47).

²⁾ Reformationes generales..., 46. При исповѣданіи вѣры учителя давала обѣщаніе хранить неизмѣнно не только догматы католической церкви, но и ея каноны, преданія, постановленія, таинства, обряды (Constitutiones synodorum Dioecesis Vilmensis... Vilnae, 1633. De scholis).

³⁾ *Łukasz.*, I, 454—461 въ прим. Польскій золотый или флоринъ въ 1505 г., когда онъ вошелъ въ обращеніе и когда онъ стоилъ 243½ нынѣшнихъ копѣекъ, къ 1629 г. упалъ въ цѣнѣ настолько, что сталъ равняться только 47½ коп. (*Н. Горбачевскій*, о. с., 133). Приведенные оклады жалованья заимствованы изъ визиты костеловъ и школъ краковскаго архидіаконата 1603 г. Что до западнорусскихъ собственно училищъ, то тамъ размѣръ жалованья не выступалъ за указанные предѣлы, но только переводился обыкновенно на копы литовскихъ грошей. Такъ, мы знаемъ, что виховецкій учитель получалъ двѣ копы (*Przyatkowski*, о. с., II, 41). Копѣ—60. Литовскій грошъ въ 1505 г. стоилъ 10, 15 коп. и, постепенно понижаясь, дошелъ въ 1629 г. до 1,98 коп. (*Горбачевскій*, 146).

денегъ или вмѣсто нихъ учителя получали часто содержаніе натурою. Такъ, ректоръ семятичской школы получалъ половину сбора овса съ русскихъ крестьянъ деревни Чечелы. Въ Ярославѣ въ пользу влирика-бакалара владѣлецъ Одровонжъ въ 1535 г. велѣлъ арендатору отпускать водку, фунтъ шафрану и 4 ф. перцу ¹⁾. Какъ разнообразны были способы обезпеченія учителей фундаторами, можно видѣть изъ фундаціи школы въ Остапковичахъ. Здѣсь учителю прихожане, католики и православные, должны были платить по одному грошу въ Пасху и по одному въ праздникъ Михаила. Кромѣ того къ нему ежегодно поступалъ грошъ съ каждой извѣстной площади полей фундатора. Сверхъ того послѣдній давалъ учителю съ двумя учениками столъ; если почему-либо учитель не явился къ обѣду, ему присылались 4 хлѣба, кусокъ жаркого и кувшинъ пива стоимостью въ одинъ грошъ ²⁾. Наконецъ, учителя получали извѣстное вознагражденіе деньгами и натурой отъ своихъ учениковъ; бывало также, что въ случаѣ нужды учителя посылали ихъ для сборовъ съѣстныхъ припасовъ ³⁾. Ученики и въ своихъ интересахъ ходили подъ окнами съ пѣніемъ священныхъ пѣсень.

Чтобы полнѣе обрисовать жизнь р.-католическихъ школъ въ XVI и XVII ст., мы должны обратить вниманіе еще на одинъ фактъ. Нѣкоторыя приходскія школы учреждались главнымъ образомъ съ тѣмъ, чтобы при церкви былъ хоръ пѣвчихъ. Отсюда главной обязанностью ректора школы было—или самому учить дѣтей церковному пѣнію и игрѣ на органахъ (какъ было въ Ярославѣ) и присутствовать съ ними на богослуженіи, или подобрать кантора и пѣвчихъ (*cantor et cantu ecclesiastico coadjutores, qui vulgo adolescentes nuncupantur*). Католическія церковныя власти требовали, чтобы и самъ ректоръ былъ трезвеннымъ, прилежнымъ и умѣреннымъ, и избиралъ пѣвчихъ съ такими же нравственными качествами ⁴⁾. Такъ какъ канторъ съ пѣвчими былъ подчиненъ ректору, а ректоръ—плебану, то въ практикѣ школьно-костельной случались часто такія коллизіи: ректоръ и канторъ, оскорбленные или обиженные плебаномъ, отказывались отъ участія въ богослуженіи даже въ самые торжественные дни. Въ концѣ изслѣдуемаго нами періода такія явленія стали такъ часто повторяться, что краковскій діоцезальный синодъ 1621 г. относительно ослушниковъ постановилъ: лишать ихъ жалованія, а объ ихъ винѣ доносить официаламъ, которые подвергали бы ихъ отлученію, пока они не дадутъ влятвы повиноваться плебанамъ ⁵⁾.

Указанныя приходскія и каедральныя училища были по программѣ низшими ими въ лучшихъ случаяхъ средними. Но западная Россія еще

¹⁾ *Пиошанскій*, Наук. сборн., 1868, 217.

²⁾ *Akta Lwowskie*. VI, № 121.

³⁾ *Maciejowski*, *Polska aż do pierwszej połowy XVII wieku pod względem obyczajów i zwyczajów*. III, 30. 31.

⁴⁾ Напр., львовскій синодъ 1593 г. постановилъ, чтобы плебаны—*scholas bene provisos et bene ordinatos habeant: praecceptores, cantores et juvenes modestos et non tabernarios* (*Łukas.*, I, 324, прим. 1).

⁵⁾ *Reformationes generales...*, p. 44.

до прибытія сюда іезуитовъ была знакома съ католическими учебными заведениями высшаго сравнительно типа. Таково, прежде всего, кievское, основанное во второй половинѣ XV в. генуэзцами, бѣжавшими сюда по разрушеніи Θεодосіи. Объ этомъ мы узнаемъ изъ рѣчи генуэзскаго посла къ королю Владиславу IV въ 1645 г. „Послѣ разрушенія Θεодосіи, говорилъ онъ, генуэзскіе бѣглецы обучали въ Кіевѣ, во владѣніяхъ короля польскаго, греческому и латинскому языкамъ и другимъ высшимъ наукамъ“¹⁾.

Вторымъ училищемъ, носившимъ притомъ профессиональный характеръ, было училище гражданскаго права (*praw cywilnych*), заведенное въ Вильнѣ въ 1566 г. при костелѣ св. Яна, по инициативѣ короля Сигизмунда Августа. Начальникомъ этой юридической академіи былъ кустось костела, архидіаконъ Петръ Роизій, читавшій право римское, саксонское и магдебургское; мѣстное литовское право излагалъ нѣкто Гроховскій, человекъ свѣтскій. Кромѣ нихъ было нѣсколько помощниковъ (*conregretitores*). Но черезъ 13 лѣтъ эта школа перешла въ руки іезуитовъ вмѣстѣ съ костеломъ св. Яна. Такъ передаетъ исторію ея Нарбуттъ, который и открылъ ея существованіе²⁾.

Петръ Роизій, родомъ испанецъ, изъ знатной фамиліи *Ruiz de Moros* (онъ подписывался обыкновенно такъ: *Petrus Maureus Roizius Hispanus Iuriconsultus*), получилъ основательное юридическое образованіе въ Падуѣ и Болоніи. Въ послѣдней онъ самъ читалъ лекціи своимъ соотечественникамъ и приобрѣлъ такую извѣстность, что въ 1542 году краковскій епископъ вызвалъ его для чтенія лекцій въ университетѣ. Послѣ 9-ти-лѣтняго профессорства въ Краковѣ, которое онъ сопровождалъ многочисленными литературными опытами³⁾, Роизій, отклонивши приглашеніе императора Фердинанда въ Вѣну, перешелъ на службу къ королю Сигизмунду Августу, въ качествѣ придворнаго юриста. Съ званіемъ юрисконсультанта онъ затѣмъ перешелъ въ Литву, гдѣ еще въ 1549 году получилъ крожскую плебанію, а скоро послѣ того мѣсто въ жмудской капитулѣ⁴⁾. Въ 1563 г. Роизій поселяется въ Вильнѣ, гдѣ добивается званія каноника и архипресвитерства въ св.-янскомъ костелѣ, хотя и былъ и оставался до конца жизни діакономъ. Но не смотря на свои высокія должности, онъ въ душѣ больше тяготѣлъ къ учительскимъ занятіямъ, чѣмъ къ судейскимъ, больше желалъ *jus docere, quam dicere: in schola interpretari, quam in foro reddere, doctor denique, quam cognitor esse*⁵⁾. Быть можетъ, эта любовь его къ научнымъ за-

¹⁾ *Narbutt*, VIII, 205. Въ числѣ ихъ называется какая-то «гумористика».

²⁾ *Narbutt*, IX, 481, прим. Подъ «литовскимъ» правомъ надо разумѣть литовско-русское, нашедшее себѣ выраженіе въ Литовскомъ Статутѣ (*Encyklopedia powszechna*, XXII, 207).

³⁾ Большинство стихотворныхъ произведеній П. Роизія за это время вызвано свадебными торжествами и похоронами (*Encykl. powsz.*, XXII, 207. 208).

⁴⁾ Памятникомъ пребыванія Роизія въ жмудской капитулѣ остается сдѣланное имъ собраніе ея правъ и уставовъ—«*Constitutiones Ecclesiae Mednicensis*» (Рук. Имп. публ. библ. Лат. Q, II, № 426). *Ossoliński*, *Wiadomości histor.-krytyczne*, II, 162.

⁵⁾ *Decisiones Petri Roisii Maurei alcagnicen. regii Jurisconsulti. Cracoviae, 1563 г.*

нтямъ въ области права, этой „науки добраго и справедливаго“, и, съ другой стороны, желаніе короля поднять въ Литвѣ изученіе права, особенно мѣстнаго (къ этому времени относятся заботы Сигизмунда II объ редакціи Литовскаго Статута), и обусловили появленіе юридической школы. Одновременно съ Роизіемъ жить въ Вильнѣ другой извѣстный правовѣдъ—докторъ права Ротундъ Милезій, получившій образованіе въ Виртембергѣ и отличавшійся любовью къ наукамъ. Очень правдоподобна потому догадка Лувашевича, что и онъ преподавалъ въ Роизіевской школѣ, хотя это не болѣе какъ догадка ¹⁾.

У насъ нѣтъ данныхъ для сужденія объ устройствѣ школы Роизія и ея значеніи въ подготовкѣ полезныхъ для государства дѣятелей. Малая извѣстность ея писателямъ можетъ указывать на малую пользу ея для врая. Осторожно отнесшійся къ сообщенію Нарбутта Крашевскій полагаетъ, что эта юридическая школа была чѣмъ-то въ родѣ частной „палестры“. „Такихъ школъ, говоритъ онъ, было, вѣроятно, и больше. Если мы правильно понимаемъ, то въ нихъ ученики учились практически, какъ ремесленники у мастеровыхъ. Такова была отчасти наука права или скорѣе традицій правовыхъ и судебныхъ даже въ болѣе просвѣщенныхъ странахъ. Подобнымъ образомъ учились и медики по большей части, хирурги, аптекари. Ученіе проникался убѣжденіями и приѣмами учителя, котораго и былъ образомъ или продолженіемъ, учился не систематически, а случайно“ ²⁾. Но предположеніе Крашевскаго было бы только тогда вѣрно, если бы не король заложилъ эту школу и если-бы здѣсь не преподавались ненужныя для юристовъ—практиковъ въ Литвѣ свѣдѣнія изъ римскаго и саксонскаго права. Но, тѣмъ не менѣе, мы не можемъ утверждать, чтобы эта школа долго существовала: даже 13-ти лѣтній періодъ, указываемый Нарбуттомъ, кажется намъ большимъ, такъ какъ Роизій, по смерти котораго св.-янскій костелъ перешелъ къ иезуитамъ, скончался въ 1571 г. ³⁾.

Таковы были образовательныя средства, которыми располагала въ западной Россіи католическая церковь. Они вообще не были скудны, но развились они и въ количественномъ и въ качественномъ отношеніи только со второй половины XVI в. До этого же они были настолько недостаточны, что пришлось восполнить ихъ вызовомъ сюда иезуитовъ.

Письмо Роизія къ Сигизмунду Августу (въ предисл., стр. 20, нумер.); ср. *Ossolinski, Wiadomości histor.-krytyczne*, II, 155. 161. 162. 205.

¹⁾ *Hist. szkół.*, I, 66, прим. 2.

²⁾ *Kraszewski*, IV, 4. 7.

³⁾ *Krasz.*, II, 462—464. Письмо кардинала Коммендоне въ Римъ въ 1565 г. 18 янв. сообщаетъ намъ объ одномъ неизвѣстномъ, повидному, биографамъ Роизія эпизодѣ изъ его жизни. Послѣдній возмѣлъ было въ 1564 г. желаніе возвратиться на родину и просилъ короля и папскаго нунція Коммендоне ходатайствовать предъ папою о дарованіи ему какой-нибудь духовной должности въ аррагонскомъ королевствѣ, гдѣ бы онъ могъ провести остатокъ дней. Нунцій рекомендовалъ его, какъ вѣрнаго сына костела и лучшаго правовѣда въ государствѣ, но желаніе Роизія почему-то не исполнилось. Онъ утѣшенъ былъ въ 1567 г. принятіемъ въ виденскую капитулу (*Albertrandi, Pamiętniki o dawnej Polsce*, II, 5. Опис. рук. отд. вид. публ. библ., вып. I, прилож., стр. 56).

ГЛАВА II.

Іезуитскія училища. Історія ихъ.

Орденъ братьевъ Іисуса, учрежденный Ігнатіемъ Лойолой, представляетъ замѣчательнѣйшее явленіе въ исторіи всего человѣчества. Основатель ордена первоначально хотѣлъ направить дѣятельность своихъ приверженцевъ противъ невѣрныхъ, т. е. мусульманъ, но такъ какъ оказалось, что въ самой Европѣ существовали болѣе грозные враги католической церкви, именно протестанты, то противъ послѣднихъ и противъ всякихъ проявленій либерализма и невѣрія и выступилъ новый орденъ. Орудія борьбы съ ними опредѣлялись цѣлю ордена, а послѣдняя такъ формулировалась въ утвержденіи ордена папой Павломъ III въ 1540 году: усовершеніе душъ въ жизни и ученіи христіанскомъ и распространеніе вѣры чрезъ публичную проповѣдь и служеніе слова Божія, духовныя упражненія, дѣла любви и особенно чрезъ христіанское обученіе дѣтей и необразованныхъ ¹⁾). Послѣдняя цѣль, въ виду того вліянія, какое могло оказать школьное образованіе на цѣлыя поколѣнія молодежи, сразу же заняла въ орденскихъ конституціяхъ важнѣйшее мѣсто и, хотя орденъ былъ признанъ собственно нищенствующимъ, папы Павелъ III и Юлій III позволили ему принимать и владѣть имѣніями и доходами спеціально на содержаніе и обученіе молодежи; такое право было дано не всѣмъ резиденціямъ іезуитскимъ, а только коллегіямъ, т. е. тѣмъ колоніямъ, при которыхъ устраивались школы ²⁾).

Римскимъ папамъ нетрудно было увидѣть, какою силою могъ представить новый орденъ съ его школами, и они охотно предоставили іезуитамъ свободу повсюду основывать свои училища, даже высшія, съ привилегіей производить въ ученныя степени бакалавровъ, магистровъ, лиценціатовъ и докторовъ ³⁾). И эти учебныя права іезуитовъ подтвердились всякимъ новымъ папой при его вступленіи на апостольскій престолъ.

---

¹⁾ Institutum S. I., Pragmae, 1705, vol. I, p. 2. (Ср. утвержденіе ордена Юліемъ III въ 1550 г. p. 17).

²⁾ Ibid., pp. 3, 17.

³⁾ Юлій III (1552), Пій IV (1561), Пій V (1571), Григорій VIII и др. (Ibid. 22. 23. 27, 35, 59 et passim).

Покровительству папъ и энергій своихъ первыхъ руководителей-генераловъ ордена іезуиты обязаны быстрому своему распространенію по всей Европѣ и по всему міру. Немало помогъ имъ въ этомъ тридентскій соборъ, гдѣ они хорошо познакомили съ своимъ уставомъ и своими цѣлями высшее католическое духовенство Европы. Высшіе представители католической церкви поняли, какую огромную услугу могутъ оказать латинству эти самоотверженные дѣятели, отречьшіеся отъ отечества, семьи и собственной воли и предавшіе себя всецѣло въ руки папы, и наперерывъ стали приглашать ихъ въ свои епархіи. Такимъ же образомъ совершилось и поселеніе ихъ въ предѣлахъ польско-литовскаго государства.

Мы уже видѣли, въ какомъ печальномъ положеніи находилось въ польско-литовскомъ государствѣ католическое образованіе въ половинѣ XVI столѣтія. Католическіе епископы пытались поднять его собственными силами, но это имъ не удавалось, какъ не смогли они реорганизовать и приспособить для болѣе успѣшной борьбы съ иновѣріемъ и краковскій университетъ. Оставалось одно—вызвать іезуитовъ. Мысль объ этомъ не была новостью. Еще на соборѣ въ Петроковѣ (1542—1544) было предположено пригласить іезуитовъ съ тѣмъ, чтобы они въ главныхъ городахъ (Краковѣ, Познани, Варшавѣ, Львовѣ, Вильнѣ) занялись воспитаніемъ молодежи для противодѣйствія ереси и возмѣщенія недостатка образованныхъ ксендзовъ¹⁾. Съ другой стороны, и самъ орденъ послалъ въ 1558 году въ Польшу одного изъ сочленовъ, Канизія, для изслѣдованія положенія мѣстныхъ дѣлъ. Онъ бесѣдовалъ здѣсь съ высшими духовными лицами, нашель, что вся страна заражена ересью, благодаря, главнымъ образомъ, нежеланію короля подавить послѣднюю насильственными мѣрами, но возвратился безъ опредѣленныхъ результатовъ своей миссіи²⁾. Идею о вызовѣ въ польско-литовское государство іезуитовъ двинулъ впередъ папскій нунцій въ Польшѣ Коммендоне. Онъ убѣждалъ короля завести коллегіи іезуитовъ, какъ крѣпости вѣры (*quasi praesidia religionis*), въ главныхъ городахъ государства — въ Краковѣ, Вильнѣ, Львовѣ. Коммендоне удалось скорѣе привлечь къ дѣлу другое важное лицо въ государствѣ—польскаго кардинала и вармійскаго епископа Станислава Гозія³⁾. Впрочемъ, послѣднему, возвратившемуся въ 1564 году съ тридентскаго собора, самому было очевидно, что безъ іезуитовъ не обойтись, и онъ просилъ генерала ордена Лайнеза прислать нѣсколькихъ членовъ ордена, и въ Брунсбергѣ въ 1565 году была основана первая въ Польшѣ іезуитская коллегія. Въ этомъ-же году епископъ плоцкій Андрей Носковскій, тоже не безъ внушенія со стороны Коммендоне, рѣшилъ основать іезуитскую коллегію въ своей епархіи, въ городѣ Пултускѣ, на что и получилъ отъ короля 8 октября позволеніе. Но такъ какъ Сигизмундъ Августъ признавалъ необходимымъ поддер-

¹⁾ *Bukowski*, *Dzieje reformacyi w Polsce*, I, 566, примѣч.

²⁾ *Krasinski*, *Geschichte des Ursprungs, Fortschritts und Verfalls der Reformation in Polen*, 157.

³⁾ *Лобовичъ*, Папскій нунцій Коммендоне въ Польшѣ (Журн. мин. нар. проsv. 1887, февр., 233).

жать чрезъ іезуитовъ „благочестіе и вѣру Христову“, то его привиллегія, адресованная на имя Носковскаго, имѣла и общее значеніе: король обѣщалъ ордену отъ себя и своихъ преемниковъ помощь и покровительство на пространствѣ всего государства ¹⁾). Чрезъ 4 года іезуиты появились уже и въ предѣлахъ западной Россіи—въ Вильнѣ, и такимъ образомъ Брунсбергъ, Пултускъ и Вильна сдѣлались операціонными базами іезуитовъ при ихъ распространеніи по всему польско-литовскому государству. А какъ быстро совершалось послѣднее, можно судить по тому, что уже въ 1574 году образовалась отдѣльная отъ австрійской польско-литовская іезуитская провинція, а въ 1608 году пришлось послѣднюю раздѣлить на двѣ самостоятельныя провинціи ²⁾).

Умноженію и процвѣтанію іезуитскихъ коллегій и школъ въ польско-литовскомъ государствѣ въ нашъ періодъ весьма много содѣйствовало и сочувствіе къ нимъ польскихъ королей, особенно Стефана Баторія и Сигизмунда III. Симпатіи къ іезуитамъ Баторія простирались до того, что онъ въ ихъ интересахъ не рѣдко допускалъ несправедливость въ отношеніи къ некаатолическимъ исповѣданіямъ, хотя вообще отличался безпристрастіемъ, терпимостью и политической мудростью ³⁾. Нѣкоторые объясняютъ этотъ фактъ такимъ образомъ: Баторій, говорятъ они, былъ полководецъ, приверженецъ строгой дисциплины и монархической формы правленія, въ разнузданномъ же польско-литовскомъ шляхетско-демократическомъ обществѣ іезуиты одни казались ему защитниками монархическаго принципа, уваженія къ закону, какое и проводили въ своихъ школахъ ⁴⁾. Возможно, что и это соображеніе имѣло значеніе, но имъ однимъ нельзя объяснить расположенности Баторія къ іезуитамъ: въ от-

¹⁾ *Albertrandi, Pamiętniki o dawnej Polsce*, II, 116—118; 245. 246. *Pieknorzeccki, Gratia plebański*, 1627, 55. *Любовичъ, Ж. М. Н. Пр.*, 1887, февр., 238.

²⁾ Въ 1616 году польскую провинцію составляли дома профессовъ и новиціатъ въ Краковѣ, коллегіи: познанская, калышская, люблинская, львовская, ярославская, сандомирская, луцкая, торнская, каменецкая, и резиденціи: данцигская, черемышльская, равская и кросенская, съ 459 членами ордена, а литовскую—дома профессовъ и коллегіи въ Варшавѣ и Вильнѣ, коллегіи: брунсбергская, пултуская, несвижская, полоцкая, рижская, дерптская, оршанская, ломжинская, крожская и резиденціи: плотцкая и смоленская, съ 336 особами (*Łukaszc.*, I, 126, прим. 1)

³⁾ Въ 1531 году Стефанъ Баторій писалъ по поводу сожженія въ Вильнѣ протестантскихъ книгъ и нападенія школьничковъ и «гмина» на протестантскихъ министровъ, что хотя онъ желалъ бы, что бы всѣ обыватели исповѣдывали католическую вѣру, но все таки онъ протавъ насилій въ дѣлахъ вѣры, ибо онъ знаетъ, что въ тѣхъ государствахъ, гдѣ вѣра утверждается насиліемъ, огнемъ, мечемъ, а не образованіемъ и добрыми обычаями, происходятъ кровопролитія и большія междоусобія (Письмо къ Август. Ротунду изъ - подъ Пскова, 26 сентября 1531 г. «Апокрисисъ». П. П. Л., II, 111. sqq.). Исторія Польши блистательно оправдала Баторія. Извѣстенъ и еще случай, когда Баторій, отпуская въ 1585 г. типографа Родецкаго, арестованнаго за напечатаніе книги Франкена «*Libri contra Trinitatem*», въ письмѣ къ Станиславу Ташуцкому выразился, что онъ, ради процвѣтанія одной только католической религіи, готовъ пролить собственную кровь, но не располагаетъ употребить для этого преслѣдованія или насиловать чужую совѣсть.... (*Sandius, Bibliotheca anti-trinitariorum*, 82. 83. 87.)

⁴⁾ *Łukaszciewicz, Dzieje Kościołów Wyznania Helwieckiego w Litwie*, I, 44, примѣч. I. *Baliński, Dawna akademia Wileńska*, 55.

ношеніяхъ короля въ нимъ яснѣе проглядываютъ другіе мотивы и, прежде всего, религіозный. Стефанъ Баторій былъ искреннимъ католикомъ и, слѣдовательно, считалъ своею нравственною обязанностью заботиться о распространеніи латинской церкви среди иновѣрцевъ и устройствѣ душевнаго спасенія подданныхъ¹⁾. Въ іезуитахъ же онъ видѣлъ умѣлыхъ проповѣдниковъ католичества и способнѣйшихъ миссіонеровъ. „Такъ какъ, писалъ онъ іезуитамъ изъ-подъ Данцига въ 1577 году, орденъ вашъ кажется мнѣ весьма годнымъ для распространенія славы Божіей и царства Христова, то онъ всегда будетъ мнѣ милъ, и я докажу это не только на словахъ, но и на дѣлѣ²⁾“. Но, и не будучи убѣжденнымъ католикомъ, Стефанъ Баторій могъ поддерживать іезуитовъ изъ видовъ политическихъ, какъ представителей господствующей въ государствѣ религіи, — могъ дѣйствовать въ духѣ тѣхъ наставленій, какія преподавалъ ему Янъ Соликовскій, привезшій ему въ Трансильванію извѣстіе объ его избраніи въ польскіе короли. И Баторій, дѣйствительно, заявлялъ въ жалованныхъ грамотахъ іезуитамъ, что святая католическая вѣра служитъ опорой и защитой противъ всякаго рода опасностей для государства³⁾. Въ ней онъ видѣлъ средство для ассимиляціи новоприсоединяемыхъ областей и — основывалъ въ нихъ коллегіи (Дерптъ, Рига, Полоцкъ). Наконецъ, у Баторія былъ еще мотивъ къ содѣйствію успѣхамъ іезуитовъ, — желаніе приобщить народности своего государства къ польско-католической культурѣ. Въ „Дневникѣ послѣдняго похода Баторія на Россію“ записано объясненіе короля предъ полоцкой шляхтой по поводу отдачи имъ іезуитамъ нѣкоторыхъ городскихъ плацовъ. Онъ говорилъ шляхтѣ, что не для того поселяетъ здѣсь іезуитовъ, чтобы нарушать ея вольности и права, но чтобы они наставляли въ христіанской вѣрѣ и добрыхъ нравахъ и обычаяхъ (*politioribus moribus*) здѣшнихъ обывателей, которые не имѣютъ никакой гражданственности и ведутъ почти звѣрскаго образъ жизни, и что іезуиты воспитаніемъ юношества прославились не только въ Польшѣ, но и на весь свѣтъ⁴⁾. — Что до Сигизмунда III, то симпатіи этого „короля іезуитовъ“ къ ордену объясняются тѣмъ, что онъ былъ воспитанъ іезуитами.

Но такъ какъ утвержденіе іезуитовъ въ томъ или другомъ городѣ обуславливалось не столько расположеніемъ къ нимъ королей, сколько матеріальными пожертвованіями частныхъ лицъ, то главная заслуга въ дѣлѣ распространенія по западной Россіи іезуитскаго просвѣщенія принадлежитъ не польскому правительству, а епископамъ съ капитулами и

¹⁾ Самъ Баторій относитъ къ своимъ обязанностямъ и то, чтобы утверждать подданныхъ въ истинной вѣрѣ и устраивать ихъ вѣчное спасеніе (см. привиллегію его виленской академіи 1 апр. 1579 г. и жалованную грамоту полоцкимъ іезуитамъ 2 янв. 1582 г. — *Baliński, Akademia Wileńska, Dodatki, № 4; Витебская старина, V, ч. I, № 49*).

²⁾ *Rostowski, Lithuanicarum Societatis Jesu historiarum provincialium pars prima, p. 59.*

³⁾ *Iana Dymitra Solikowskiego Krótki pamiętnik rzeczy polskich. Przekład Syrokomli (1855), str. 26. 27. Вит. стар., V, I, № 49.*

⁴⁾ *Кулишъ, Изъ исторіи Зап.-рус. церкви (Чт. въ общ. любит. дух. просвѣщ., 1877, I, 375, примѣч. 1.)*

еще болѣе представителямъ польской и окатоличившейся русско-литовской аристократіи.

Виленская академія среди другихъ западно-русскихъ іезуитскихъ училищъ занимала первое мѣсто и по времени происхожденія, и по значенію. Идея открытія въ Вильнѣ іезуитской коллегии принадлежала папскому нунцію въ Польшѣ кардиналу Коммендоне (1563—5 гг.). Онъ много разъ внушалъ эту мысль королю Сигизмунду. Капля долбитъ камень и — 12 января 1565 г. Коммендоне извѣщалъ своего римскаго корреспондента кардинала Борромея, что Сигизмундъ Августъ даетъ въ Вильнѣ для помѣщенія іезуитовъ собственное зданіе, обширное и доходное, а также принимаетъ на себя издержки по устройству коллегии и что король поручилъ ему написать Лайнезу, чтобы тотъ прислалъ полный комплектъ іезуитовъ, т. е. профессоровъ богословія, философіи, математики и иныхъ болѣе простыхъ и доступныхъ наукъ. Увлекаемая мыслию объ учрежденіи литовскаго университета, Коммендоне просилъ кардинала Борромея убѣдить генерала ордена принять предложеніе короля и назначить хорошихъ профессоровъ и проповѣдниковъ. Хотя одно время казалось, что политическія отношенія между Польшей и Литвой помѣшаютъ осуществленію проекта, но въ іюнѣ Коммендоне опять писалъ о полной готовности короля учредить въ Вильнѣ университетъ, который онъ намѣренъ поручить іезуитамъ, какъ опытнымъ и способнымъ людямъ; теперь это представлялось Коммендоне тѣмъ болѣе удобнымъ, что предъ тѣмъ умеръ главный покровитель протестантовъ виленскій воевода Николай Радивилль (Черный)¹⁾. Проектъ Коммендоне не осуществился, по той-ли причинѣ, что за его скорымъ выбытіемъ изъ Польши некому было вліять въ этомъ смыслѣ на короля или потому, что сами іезуиты нашли его пока неудобнымъ. Во всякомъ случаѣ, въ 1565 году генералъ ордена Фр. Боржіа посылалъ въ Вильну для ближайшаго ознакомленія съ мѣстными условіями Фр. Суннера²⁾.

Честь водворенія въ Вильнѣ іезуитовъ принадлежитъ по справедливости не кому другому, какъ виленскому епископу Валеріану Протасевичу Сушковскому, который употребилъ все, что было въ его власти, чтобы устроить въ столицѣ Литвы іезуитскую академію. Мы не совсѣмъ согласны съ принятымъ мнѣніемъ о томъ, что главнѣйшей и даже единственной цѣлью призванія имъ іезуитовъ было желаніе затормозить успѣхи протестантства³⁾. Мы знаемъ, что этотъ епископъ, по перемѣщеніи съ луцкой кафедры въ Вильну (1555), не заявлялъ особенной ревности къ католической церкви, такъ что капитула находила себя вынуждаемой напоминать ему объ его пастырскихъ обязанностяхъ⁴⁾. Можно поэтому думать, что главнымъ мотивомъ къ призванію іезуитовъ была у Прота-

¹⁾ *Albertrandi, Pamiętnik o dawnej Polsce*, II, 10, 170, 246. (Listy Commendon). См. также письмо Коммендоне къ Гозию отъ 10 янв. (Н. Любовичъ, Папскій нунцій Коммендоне въ Польшѣ—Журн. мин. нар. пр., 1887, февр., 238, прим. 3).

²⁾ *Baliński, Dawna akademia Wileńska*, 29. 30.

³⁾ *Kraszewski, Wilno*, I, 282. *Encykł. powszechna*, XXVII, 107.

⁴⁾ 1557, 1559 гг. Выписи изъ актовъ виленской капитулы, №№ 22. 23 (Описание рукопис. отд. вил. публ. библ., вып. I, прилож., стр. 54. 55.) *Daniłowicz, Scarbiec diplomatów...*, № 2355.

севича не вѣра, а нѣчто другое, именно наука, просвѣщеніе. И, дѣйствительно, этотъ мотивъ проглядываетъ въ ходѣ самаго дѣла и весьма ясно выражается самимъ епископомъ въ его фундушовой записи на іезуитскую коллегію 25 августа 1578 г. „Такъ какъ мы давно уже замѣтили, говорить онъ здѣсь, что родинѣ (т. е. велик. княжеству литовскому), во всемъ великой, обильной и цвѣтущей, недостаетъ только одного,—что нѣтъ у нея никакихъ школъ и коллегій, гдѣ для славы Божіей и пользы Рѣчи Посполитой могли бы публично преподаваться добрыя науки, гдѣ молодежь могла бы получать образованіе, а люди возмужалые приобрѣтать добродѣтель и учтивость (humanitatem), не тратя средствъ на поѣздки въ заграничныя училища, и такъ какъ мы видимъ, что въ то время, когда другія провинціи терпятъ въ этомъ недостатокъ, а избытокъ, наша, въ которой, кромѣ католиковъ, есть много различныхъ отщепенцевъ и магометанъ, лишена этого блага, столь важнаго для церкви и государства, — то мы, обдумывая, чѣмъ бы могли быть полезны этой нашей родинѣ и матери, которая вознесла насъ на такую высоту чести и достоинства, порѣшили, съ согласія и совѣта нѣкоторыхъ лицъ, призвать іезуитовъ—людей извѣстныхъ и по учености и по благочестію ¹⁾“... Правда, уже въ этомъ свозитъ та мысль, что наряду съ общеобразовательными цѣлями призванія іезуитовъ у Протасевича были и другія—пропаганда истинной вѣры среди невѣрныхъ. Но иначе и быть не могло: школа почти во всѣ времена мыслилась въ союзѣ съ церковью. Понятно, что и Протасевичу, который не былъ реформаторомъ въ области педагогики и который притомъ носилъ санъ католическаго епископа, предстояло просвѣщать Вильну и Литву на основаніи латинской вѣры. Однако и у него, и у виленскихъ горожанъ, дѣйствовавшихъ заодно съ нимъ, интересы вѣры на первыхъ порахъ нѣсколько ступшеывались предъ интересами знанія. Нѣтъ сомнѣнія, что іезуитовъ приглашали въ Вильну *прежде всего* съ цѣлю произвести въ Литвѣ умственный подъемъ, хотя бы и на почвѣ р.-католической религіи, а послѣ этого — парализовать успѣхи протестантизма и подкопать схизму. Это уже другое дѣло, какъ поняли свою миссію сами іезуиты, переставившіе цѣли своего призванія одну на мѣсто другой и заявлявшіе, что Протасевичъ пригласилъ ихъ въ Вильну и воздвигъ училище, какъ крѣпчайшее оружіе противъ ересей и какъ нѣкую крѣпость воиновъ Христовыхъ, изъ коей бы, какъ изъ троянскаго коня, выходили отряды защитниковъ церкви. Они и сами смотрѣли на себя, какъ на псовъ, призванныхъ оберегать стадо Христово отъ расхищенія его хищными волками—протестантами, и другимъ внушили эту же мысль ²⁾.

Хлопоты еп. Валеріана по устройству въ Вильнѣ коллегіи начались съ 1567 г. Поводомъ къ этому послужило намѣреніе кальвинистовъ завести здѣсь высшую школу. Боясь, чтобы общественное образованіе не перешло въ ихъ руки и чтобы вмѣстѣ съ тѣхъ протестанты не совратили всю его паству, Протасевичъ завязываетъ съ кардин. Гозіемъ пере-

¹⁾ *Lukas.*, IV. 11—12, въ примѣч.

²⁾ *Petri Scargae, Pro sacratissima eucharistia contra haeresim Zwinglianam*, 1576. Посвященіе В. Протасевичу и Юрію Радзивиллу, коадьютору.

писеу чрезъ виленскаго войта Августина Ротунда Милезія. Съ призваніемъ іезуитовъ въ Вильнѣ заторопились и для ихъ помѣщенія уже приторговывали домъ умершаго архидіакона Ясинскаго, а для содержанія будущей коллегіи епископъ рѣшилъ купить у короля мѣстечко Мейшаголы съ принадлежащими къ нему деревнями. Но въ Брунсбергѣ не спѣшили, и вотъ Милезій въ новомъ письмѣ (3 янв. 1568) настойчиво убѣждаетъ Гозія посодѣйствовать прислать въ Вильну іезуитовъ, прежде чѣмъ придутъ вызванные Бландратой протестантскіе ученые и возьмутъ въ руки воспитаніе дѣтей всей Литвы. Милезій сообщалъ о Протасевичѣ, что онъ все уже приготовилъ для приема и обитанія іезуитовъ и ничего такъ не желаетъ, какъ дожидаться того дня, когда ему удастся „услышать своими ушами голосъ ихъ, проповѣдующихъ слово Божіе и публично учащихъ наукамъ“ (*literas publice docentium*). вмѣстѣ съ тѣмъ Ротундъ писалъ, что и многіе еретики ждуть съ нетерпѣніемъ іезуитовъ, чтобы избавиться отъ расходовъ на посылку дѣтей за границу ¹⁾.

Но, оказалось, не все еще было готово: вышеупомянутый домъ Ясинскаго купленъ былъ только 1 іюля 1568 г. Въ этотъ только день домъ повѣреннымъ наслѣдниковъ Ясинскаго былъ проданъ епископу за 4 тысячи копъ лит. грошей и послѣдному былъ врученъ „увязчій листъ“. Замѣчательно, что при этомъ продавецъ поставилъ условіе: „внзъ бискупъ его милость кн. Валеріанъ“ и его преемники „не мають того дому за живота и по животехъ своихъ ни на што иного держати, ани оборочати, одно на пожитокъ речи посполитое земское тутошнего панства великаго бнзства литовскаго для наукъ и цвиченъя въ немъ сыновъ земскихъ и иныхъ и всякихъ обчихъ, т. е. меновите на колениумъ докторовъ товариства езуитовъ и иныхъ людей ученыхъ послушенства вѣры и костела св. Римскаго, которыхъ внзъ бискупъ его милость до того панства и до места Виленьскаго призвати и въ томъ дому мешчанемъ ихъ уфундовати и осадити умыслилъ ²⁾“... Мы, въ сожалѣнію, лишены возможности судить, выражалось ли въ этомъ условіи Ясинскаго его лич-

¹⁾ *Eukaszewicz*, I, 120, примѣч. 1. Слухъ объ этихъ переговорахъ разошелся по Польшѣ и далъ поводъ папскому нунцію Юлію Руджіери сказать въ своемъ донесеніи о положеніи Польши (1568), что іезуиты золожили три коллегіи: въ Вильнѣ, Брунсбергѣ, Пултускѣ и приносятъ огромную пользу, проповѣдая, научая и воспитывая множество дворянскихъ дѣтей въ своихъ школахъ, въ которыя даже еретики отдають своихъ сыновей для избѣжанія, какъ они говорятъ, расходовъ на учителей (*Relacye nuncyuszów apostolskich i innych osób w Polsce*, I, 193. 194; id. *Bobrowicz*, Zbior pamiętników o dawnej Polsce, III, 10). Послѣдняя фраза—передача своими словами одного мѣста изъ письма Ротунда къ Гозію отъ 3 янв. 1568 г.

²⁾ А. В. А. К., XX, № 21. Это требованіе 28 сентября Михаилъ Ясинскій (наслѣдникъ архидіакона) дополняетъ такой статьей: „а где бы тая братья закону езуитовъ не яко въ тотъ край и до того мѣста прійти и въ немъ осѣсти воли не мѣли, тогда тотъ домъ ни нашто много, одно предъ се на колениумъ иныхъ докторовъ и людей ученыхъ, а ку наукамъ и цвиченю сыновъ земскихъ подле обычаю колениумъ вншихъ мѣсть держанъ и хованъ быти маеть, веры христіанское повшехное и послушенства святое столицы апоштольское рымское а не инакшихъ вѣръ, а ни законовъ“. (А. В. А. К., XX, № 23; id.—Арх. сб., III, № 20.)

ное желаніе содѣйствовать устроению учебнаго католическаго заведенія въ Вильнѣ и самостоятельно выработанное имъ представленіе объ іезуитахъ, какъ наставникахъ по преимуществу, или то и другое было внушено ему епископомъ, что, судя по условію, очень вѣроятно. Въ такомъ случаѣ здѣсь заключается подтвержденіе той нашей мысли, что для еп. Валеріана нужны были больше преподаватели, чѣмъ миссіонеры, и ихъ онъ искалъ въ іезуитахъ. А знакомство съ образованнѣйшими вильнянами—войтомъ и королевскимъ секретаремъ Августиномъ Ротундомъ, „докторомъ обойга права“, и „Сымономъ Милецыусомъ, докторомъ философіей въ лекарстве“ (sic!)¹⁾, могло только поддержать его въ его просвѣтительныхъ замыслахъ.

Между тѣмъ переписка между Вильной и Брунсбергомъ продолжалась; въ ней принялъ личное участіе и самъ Протасевичъ: онъ 20 авг. 1568 г. написалъ два письма къ Гозію и въ брунсбергскую коллегію съ приглашеніемъ къ себѣ членовъ ордена. Австрійскій провинціалъ Маджіо тоже торопилъ іезуитовъ, указывая на старость Протасевича, на множество ересей въ Вильнѣ и на попытку сектантовъ устроить тамъ свою гимназію, каковой замыселъ всего легче можетъ быть разстроень ихъ появленіемъ въ городѣ.²⁾ Наконецъ, въ сентябрѣ 1569 г. Вильна съ любопытствомъ встрѣтила четырехъ первыхъ іезуитовъ, сопутствуемыхъ военной силой, прикомандированной епископомъ для ихъ защиты отъ протестантовъ, которые, какъ ходили слухи, готовились напасть на нихъ. Въ числѣ первыхъ іезуитовъ было два духовныхъ и два лаика (непосвященныхъ); сопровождалъ ихъ виварій провинціала Суннеръ³⁾.

Въ Вильнѣ іезуитовъ уже ждала готовая квартира, рассчитанная на 30 человѣкъ и снабженная всѣмъ необходимымъ. Къ коллегіи были приписаны имѣнія, могущія снабжать провизіей около 40 обитателей. Но первоначальный фундушъ епископъ и капитула увеличивали съ каждымъ годомъ и въ 1573 году виленскіе іезуиты владѣли шестью селами изъ епископскихъ столовыхъ имѣній (Мѣдниками или Каменнымъ Лохомъ, Бѣнюнцами, Сословцами, Пильцюнами, Меречью и Рикойной), фольваркомъ Дворищемъ, заставленнымъ епископу за 3 тыс. копѣ лит. грошей Николаемъ Христофоромъ Радивилломъ, двумя тысячами копѣ лит. грошей ежегоднаго дохода съ имѣнія Ширвинты, св.-янскимъ костеломъ съ дворомъ, двумя плапами противъ епископскаго дворца и двумя алтарями въ Мейшаголахъ⁴⁾. Ко всему этому іезуиты присоединили нѣ-

¹⁾ А. В. А. К., XX, № 21.

²⁾ *Rostowski*, 30—32.

³⁾ *Kojatowicz*, *Miscellanea*, 68. 69. *Rost.*, 33. 34. Лукашевичъ (I, 122, прим. 1) и Нарбуттъ (IX, 480) ошибочно полагаютъ, что іезуиты введены были въ Вильну только въ іюні—іюль 1570 г. То письмо Маджіо, на которое ссылается первый, указываетъ, очевидно, на приглашеніе Маджіо къ торжественному открытію коллегіи.

⁴⁾ Выписки изъ протоколовъ капитулы отъ 3 октября 1569 года и 6 февраля 1573 г., № 42, 65. (Опис. рукоп. отд. вил. публ. библіотеки, вып. I, прилож., стр. 56 и 59). Письма епископа Протасевича къ Н. Хр. Радивиллу отъ 10 мая и 18 іюня 1570 г., 9 іюля 1571 г., 31 мая 1572 г. (Рукописи Импер. публ. библіотеки, Пол. F, IV, № 184. Копія.) *Rostowski*, 37. А. В. А. К., XIV, № 31. *Jaroszewicz*, III, 213.—Передача янскаго костела іезуитамъ совершилась не безъ препятствій. Облюбовавъ этотъ храмъ, какъ находив-

сколько домовъ, купленныхъ ими вблизи коллегии на пожертвованныя имъ денежныя средства ¹⁾).

Оффициальное открытіе виленской коллегии и школы совершилось только въ началѣ іюля 1570 года при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Австрійско-польскій провинціалъ Маджіо началъ торжество рѣчью, въ которой благодарилъ еп. Валеріана за его расположеніе къ іезуитамъ и надѣялся, что скоро латинство, чрезъ воспитаніе юношей въ католическомъ духѣ, возстановится въ краѣ. Растроганный старецъ въ своемъ отвѣтѣ выразилъ радость по поводу осуществленія своего давняго желанія и обѣщалъ и впредь не оставлять іезуитовъ, этихъ „героевъ Христа“, какъ онъ ихъ называлъ, и угостилъ ихъ обѣдомъ. Чрезъ нѣсколько дней онъ посѣтилъ коллегію и здѣсь вторично былъ привѣтствованъ братьями и учащимися рѣчью на латинскомъ языкѣ и стихами на еврейскомъ и греческомъ, въ которыхъ выражалась благодарность епископу отъ имени учреждающихся коллегии и гимназіи. Затѣмъ Янъ Гай, учитель риторики, держалъ къ молодежи, сколько ея тамъ уже собралось, рѣчь о пользѣ свободныхъ наукъ и ихъ достоинствѣ; наконецъ, остальные профессора восхваляли въ рѣчахъ каждый свою науку. Но число учениковъ въ открытой такъ торжественно гимназіи на первыхъ порахъ было очень невелико: повидимому, населеніе города, состоявшее болѣе чѣмъ на половину изъ протестантовъ и православныхъ, было предубѣждено противъ іезуитовъ; притомъ же о новой школѣ не знала ничего провинція. Въ виду послѣдняго обстоятельства епископъ Валеріанъ, которому, до назначенія Стан. Варшевицкаго (3 окт. 1570 г.) ректоромъ коллегии и, слѣдовательно, школы, принадлежали ближайшій надзоръ и забота о послѣдней, разослалъ по Литвѣ письма, въ которыхъ сообщалъ шляхтѣ, что въ Вильнѣ открыта для общей пользы гимназія, — пусть туда посылаютъ своихъ дѣтей, такъ какъ въ ней только они могутъ получить приличнѣйшее образованіе: учителя ея—избраннѣйшіе мужи, съ ученостію соединяющіе благочестіе. Къ 8 мая желательно было бы, писалъ епископъ, видѣть въ гимназіи какъ можно большее число юношей. Съ своей стороны сами іезуиты принимаютъ мѣры къ тому, чтобы зарекомендовать себя мѣстному населенію съ хорошей стороны. Перешедшій къ нимъ св.-янской костель они украшаютъ наилучшимъ обра-

---

шійся ближе другихъ къ коллегии, іезуиты, не желавшіе строить своего (хотя для этого у нихъ уже имѣлись деньги и плацъ), обратились черезъ посредство еп. Валеріана къ его настоятелю Ронзію съ предложеніемъ уступить костель: взаимѣнъ его епископъ обѣщавъ дать Ронзію не менѣе богатый костель. Но добродушный старикъ почему-то не влюбилъ іезуитовъ и отказалъ имъ. Мало того, боясь, вѣроятно, подрыва для своихъ школъ со стороны іезуитовъ, онъ предостерегалъ родителей отъ посланія дѣтей къ іезуитамъ. Тѣмъ не менѣе іезуиты чрезъ посредство королевы Анны, нунція и Протасевича выхлопотали право овладѣть костеломъ по смерти Ронзія. Послѣдній къ большой радости іезуитовъ не заставлялъ долго себя ждать (+26 апр. 1571) и костель перешелъ къ нимъ. Впрочемъ, у іезуитовъ еще долго продолжались пререканія и съ капитулой и съ магистратомъ (Выпись изъ актовъ капитулы, МЖ 52, 54, 55. 90 — Опис. рук. отд. вил. публ. библ., вып. 1, прил., стр. 53. 61. *Rostow.*, 44. 46. *Krasz.*, II, 437. *Encykł. powaz.*, XXVII, 80. *Любовичъ*, Къ исторіи іезуитовъ въ лит.-рус. земляхъ въ XVI ст., 6, 7 и прим. 1.)

¹⁾ А. В. А. К., XX, МЖ 24, 25, 34, 35, 42, 99.

зомъ, упорядочиваютъ богослуженіе, музыку, организуютъ непрерывную почти проповѣдь на четырехъ языкахъ: польскомъ, нѣмецкомъ, итальянскомъ и латинскомъ. Случай-же и хитрость помогаютъ іезуитамъ принизить авторитетъ протестантовъ: послѣ перваго диспута съ кальвинистами, на который ихъ вызвалъ Андрей Волянъ, они стали практиковать публичные диспуты съ протестантами различныхъ толковъ, замѣняя отсутствующихъ оппонентовъ своими сочленами. Понятно, что подставные Кальвинъ, Арій, Лютеръ и Цвингли терпѣли всегда поражение ¹⁾. Все это подняло репутацію іезуитовъ и значительно увеличило контингентъ учениковъ. Но правильное ученіе, едва начавшись осенью 1571 г., скоро опять затормозилось: благодаря разразившемуся въ городѣ повѣтрію, іезуиты должны были распустить школу, лишившись вмѣстѣ съ тѣмъ дѣятельнаго проповѣдника и преподавателя грамматики Луки Красовскаго. Возобновленіе ученія сопровождалось извѣстнымъ договоромъ іезуитовъ съ капитулой (4 февраля 1572 г.). Но своего обязательства—отсылать въ каедральную школу мальчиковъ, не знающихъ грамматики Доната, іезуиты не выполняли и продолжали пополнять свою гимназію на счетъ каедральнаго училища, какъ видно изъ вторичной жалобы капитулы отъ 12 декабря ²⁾.

Дильнѣйшая исторія іезуитской гимназіи до 1578 года въ повѣствованіи іезуитскихъ историковъ, напр. Ростовскаго, совершенно заслоняется общей жизнью коллегіи, ея отношеніями къ событіямъ политическимъ и церковнымъ. Дѣятельность виленскихъ іезуитовъ на этомъ поприщѣ хотя и имѣла нѣкоторое отношеніе къ педагогической сторонѣ, создавая славу іезуитскихъ ученыхъ и ихъ школъ, но прямо вліять на ходъ учебныхъ занятій не могла. Послѣднія шли своимъ чередомъ, пока гимназія не была преобразована въ академію. Но здѣсь мы должны сдѣлать оговорку: называя, вслѣдъ за Ростовскимъ, первоначальное іезуитское училище въ Вильнѣ гимназіей, мы утверждаемъ, что оно не было обычной пятиклассной общеобразовательной школой. Мы находимъ нѣкоторыя основанія думать, что въ Вильнѣ еще до открытія академіи существовали высшіе курсы. Что здѣсь читалась, въ частности, философія, въ этомъ убѣждаетъ насъ дарственная запись на коллегію еп. Валеріана отъ 25 августа 1578 года, въ которой онъ выражаетъ желаніе, чтобы въ будущей академіи читались лекціи не только по философіи, „какъ уже началось“, но и по богословію. Сохранилось и имя перваго профессора философіи Томы Зеларитца, словака, ученаго лингвиста ³⁾. Съ самаго же начала, вѣроятно, еп. Валеріанъ общалъ ввести въ преподаваніе и богословіе и кое-что было имъ сдѣлано для этого, хотя, кажется, богословскіе предметы не были выдѣлены въ особые курсы ⁴⁾. И

¹⁾ *Rostowski*, 39—43, 46.

²⁾ Выпись изъ актовъ капитулы, № 60 (опис. рукоп. отдѣл вил. публ. библ., вып. I, прилож., стр. 58). *Baliński*, 45.

³⁾ *Lukasg.*, IV, 13 въ приж. *Baliński*, *Akademia*. 40. 41. 61. 420.

⁴⁾ Въ 1576 году Скарга говорилъ, обращаясь къ епископу: «Nec hactenus in institenda etiam S. Theologiae exactiore professione, desinis esse de aliqua accessione sollicitus» (*Petri Scargae*, Pro sacratissima eucharistia, посвященіе).

это тѣмъ болѣе должно допустить, что иначе не достигалась бы главная цѣль, ради которой были вызваны іезуиты — религиозное въ католическомъ духѣ образованіе юношества, такъ какъ вѣроученію въ гимназіяхъ іезуитскихъ было отведено самое ничтожное мѣсто ¹⁾. За это-же говорить и заявленіе еп. Валеріана въ письмѣ къ папѣ, что въ виленской академіи за время ея существованія число классовъ возросло дивнымъ образомъ, при ревностномъ занятіи іезуитовъ изложеніемъ богословія, философіи и свободныхъ, моральныхъ и греческихъ наукъ ²⁾. Во всякомъ случаѣ, когда Протасевичъ и іезуиты желали имѣть въ Вильнѣ академію, то они добивались не права читать здѣсь тѣ или другіе предметы философскихъ и богословскихъ курсовъ, такъ какъ ихъ можно было преподавать въ любой коллегіи, а права давать ученые степени и, главное, — титула академіи.

Проектъ устройства въ Вильнѣ не простой іезуитской коллегіи, а академической, существовалъ уже въ 1564—5 годахъ у Коммендоне и короля Сигизмунда Августа. Къ нему примкнулъ и еп. Валеріанъ, выывая іезуитовъ. По крайней мѣрѣ Маджіо свидѣтельствовалъ въ 1568 году, что Протасевичъ намѣренъ учредить въ Вильнѣ католическую академію, въ противовѣсъ протестантскимъ попыткамъ поднять свою школу ³⁾. И хотя по независѣвшимъ отъ Протасевича обстоятельствамъ пришлось на первыхъ порахъ довольствоваться низшимъ училищемъ, но своей мысли епископъ не оставилъ, понимая, что въ академію или университетъ охотнѣе будутъ стекаться толпы учащейся молодежи ⁴⁾, и много лѣтъ просилъ короля о дарованіи виленской коллегіи титула академіи ⁵⁾. Но добиться послѣдняго епископу удалось только въ 1578 году при королѣ Стефанѣ. Въ своемъ дипломѣ на академію, датированномъ 7 іюля, Баторій заявляетъ, что, раздѣляя мысль еп. Валеріана о томъ, какъ много прибавилось бы славы и пользы литовскому княжеству, если бы виленская коллегія іезуитовъ получила права университета, т. е., если бы въ ней могли быть раздаваемы ученые степени бакалавровъ и магистровъ свободныхъ наукъ и философіи и лиценціатовъ и докторовъ богословія, такъ чтобы дана была возможность получать дешево образованіе не только туземцамъ, но и жителямъ сосѣднихъ странъ — еретическихъ и схизматическихъ, которые могли бы учиться здѣсь въ като-

¹⁾ Въ IV классѣ на изученіе катехизиса полагалось не болѣе получаса въ недѣлю (*Łukasz.*, I, 243).

²⁾ Булла п. Григорія XIII отъ 19 окт. 1579 г. (*Łukasz.*, IV, 6, примѣч. I; id.—*Valiński*, *Akademia Wileńska*, *Dodatki*, № 3).

³⁾ *Rostowski*, 32; cf. 37.

⁴⁾ *Theiner*, *Annales ecclesiastici*, III, № 57. Письмо Протасевича къ папѣ отъ 29 окт. 1579 г.

⁵⁾ *Iana Dymitra Solikowskiego Krótki pamiętnik rzeczy polskich*. 1855, str. 54. Что Протасевичъ, учредивъ гимназію, не считалъ своего дѣла законченнымъ, на это можетъ указывать и письмо къ нему Ник. Христ. Радивилла, отъ 16 іюня 1574 г., который обѣщаль содѣйствовать епископу «особенно въ начатомъ его милостью предпріятіи относительно іезуитской коллегіи и записать на нее свое имѣніе Дворище, какъ только дѣло будетъ кончено и подтверждено королевемъ». *Archiwum domu Radziwiłłów (Scriptores rerum polonicarum, VIII)*, № 2.

лическомъ духѣ, — онъ, король, охотно уступаетъ виленской коллегіи всѣ права и привилегіи, какими владѣютъ академіи и пользуются коллегіи въ прочихъ христіанскихъ странахъ. Именно Баторій разрѣшилъ ей возводить въ ученые степени различныхъ наукъ, кромѣ медицины и гражданскаго права, давъ будущимъ бакалаврамъ, магистрамъ и докторамъ тѣ же права, какими пользовались до того удостоенные этихъ званій краковскимъ университетомъ, освободилъ ее и ее имѣнія отъ всякихъ повинностей, а корпорацію и учащихся — отъ всякихъ податей и подсудности городскимъ и замковымъ властямъ и судамъ. Право суда надъ ними усвоилось ректору коллегіи, а въ болѣе важныхъ случаяхъ канцлеру академіи или „защитнику“ (defensor). Канцлеромъ былъ назначенъ виленскій епископъ, защитникомъ — жмудскій ¹⁾.

Новое положеніе виленской коллегіи требовало, разумѣется, усиленныхъ расходовъ по ея содержанию, и епископъ Валеріанъ увеличилъ средства новыми пожертвованіями, закрѣпивъ всѣ ихъ фондушовой записью 25 августа 1578 года. Изъ нея мы узнаемъ, что еп. Протасевичъ съ капитулой въ теченіе десяти лѣтъ передалъ іезуитамъ, кромѣ того, что было указано нами выше, еще слѣдующія имущество и доходныя статьи: три дома, обращенные на площадь, прилегавшую къ коллегіи съ сѣверной стороны, плацъ на другомъ берегу Вилии, безпошлинный помоль на епископскихъ мельницахъ и три имѣнія, перешедшія къ епископу за неуплату ссуды. Въ слѣдующемъ году іезуиты, воспользовавшись пріѣздомъ въ Вильну короля Стефана, который былъ такъ любезенъ, что посѣтилъ ихъ шкolu, обратились къ нему съ просьбой подтвердить дарственную запись Протасевича и свой дипломъ на академію. Король согласился и 1 апрѣля 1579 подтвердилъ то и другое ²⁾, хотя и встрѣтилъ сильное сопротивленіе со стороны литовско-русскихъ сенаторовъ и въ частности канцлера Н. Радивилла и подканцлера Евст. Волловича, которые не хотѣли приложить къ документу печати великаго княжества литовскаго, пока король не пригрозилъ послѣднему, что совсѣмъ отниметъ ее у него. Король, возмущенный упорствомъ пановъ, велѣлъ передать имъ, что ему „противна свобода, которая не хочетъ ни

¹⁾ Текстъ привилеи напечатанъ въ «Academia et Universitas Vilnensis S. I.», 1738, № 1, а также у Крашевскаго (IV, 43, 44), Лукашевича (IV, 2, прим.), Балинскаго (Akad., Dodatki, № 1), Онацевича (Panowanie Henryka Walezjusza, Stephana Batorego królów polskich. Z rękopismów Albertrandego podług wydania Z. Onacewicza. Krakow. 1849, str. 319).

²⁾ Текстъ фондушовой записи Валеріана Протасевича, утвержденной королемъ 1 апрѣля 1579 г. и затѣмъ 23 февр. 1585 г. на варшавскомъ сеймѣ, съ освобожденіемъ всего имущества коллегіи отъ всякихъ податей и повинностей, государственныхъ и городскихъ, — у *Łukaszevicza* — IV, 10, примѣч. 1; см. также *Academia et Universitas Vilnensis S. I.*, № 4, и *Baliński, Dodatki*, № 2. Текстъ диплома на академію — у *Łukaszevicza*, IV, 3, прим. 1; Онацевича, о. с., 324. — Второй привилей на академію, составленный королевскимъ секретаремъ Соликовскимъ и представляющій распространеніе королевскаго диплома 7 іюля 1578 г., хотя датированъ 1 апр. 1579 г., на самомъ дѣлѣ былъ опубликованъ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, по возвращеніи короля Стефана изъ-подъ Полоцка, бытъ можетъ, въ виду важныхъ военныхъ и политическихъ дѣлъ, занимавшихъ короля, а также — несочувственнаго отношенія къ іезуитамъ литовско-русскихъ пановъ (*Baliński* 69, прим. 1).

сама просвѣщаться, ни быть просвѣщаемой. Недоумѣваю, говорилъ онъ, откуда они могли взять такія привилегіи, которыя дозволяли бы навсегда оставаться въ варварствѣ и невѣдѣніи Бога, почитанія Его и добрыхъ обычаевъ и даже безъ любви въ религіи Божіей и полезнымъ наукамъ¹⁾“. Баторій не хотѣлъ, повиллимому, понять, что у сенаторовъ, большинство которыхъ состояло изъ людей европейски образованныхъ, мотивомъ для ихъ сопротивленія была боязнь не науки вообще, а образованія іезуитскаго, грозившаго опасностью для общественнаго спокойствія и правъ диссидентовъ.

Теперь оставалось получить для академіи высшую санкцію—апостольскаго престола. Съ просьбой объ этомъ 26 іюля 1579 г. адресовался къ папѣ Григорію XIII все тотъ же еп. Валеріанъ, препроводившій при этомъ и королевскую привилегію. Въ письмѣ Протасевича обращаетъ на себя особенное вниманіе стремленіе его ограничить власть епископа по отношенію къ академіи. Указавши на то, что въ дипломѣ короля ему, Протасевичу, усвоенъ титулъ канцлера академіи, а жмудскому епископу—судьи и протектора, епископъ Валеріанъ старается доказать, что присвоеніе имъ такихъ званій можетъ принести академіи больше вреда, чѣмъ пользы, и вообще неудобно, такъ какъ епископъ можетъ быть занятъ другими дѣлами, можетъ отсутствовать или не быть расположенъ къ іезуитамъ, что протекторство надъ академіей обязываетъ епископа знать хорошо тѣ предметы, какіе тамъ преподаются, а далеко не всѣ епископы могутъ быть свѣдущи въ философіи и въ другихъ наукахъ, что самъ онъ въ дѣла академіи не можетъ входить по болѣзни и что всего удобнѣе, чтобы высшій надзоръ за нею былъ присвоенъ компетентному лицу изъ среды самихъ же іезуитовъ. Въ концѣ концовъ Протасевичъ просилъ папу измѣнить въ этомъ смыслѣ привилегію, что „будетъ величайшимъ благомъ для него и для всѣхъ добрыхъ²⁾“. Но папа, очевидно, понялъ, кто тѣ „добрые“, которымъ освобожденіе отъ епископскаго надзора принесло бы „величайшее благо“ и которые водили рукой епископа, и, утвердивъ 29 октября 1579 г. всѣ пункты королевской привилегіи, просимаго Протасевичемъ измѣненія не произвелъ³⁾. Наконецъ, виленская академія была признана и на варшавскомъ сеймѣ 1585 года, утвердившемъ за нею права и преимущества краковскаго университета и пожертвованія еп. Валеріана съ капитулой⁴⁾.

Такъ было положено начало знаменитой виленской академіи, которая около 200 лѣтъ была источникомъ просвѣщенія для всего обширнаго западнорусскаго края. Но какого рода науку намѣрены были преподавать въ ней іезуиты и съ какими цѣлями учреждали ее, видно изъ того же письма Вал. Протасевича къ папѣ Григорію. Цѣлью возведенія іезуитской коллегіи въ Вильнѣ на степень университета и академіи выставлялось здѣсь привлеченіе въ нее возможно большаго числа уче-

¹⁾ *Solikowskiego Krótki pamiętnik rzeczy polskich*, Petersb. 1855, 54. 55.

²⁾ *Theiner, Annales ecclesiastici*, III, № 57, p. 66. 67.

³⁾ *Magnum Bullarium Romanum*, II, 439. (Id. *Academia et Universitas Vilnensis S. I., privilegia, constitutionibus, decretis erecta, aucta, roborata...* 1738, № 2; Cf. *Eukaszewicz*, IV, 6, примѣч.; *Ba'inski*, Dodatki, № 3; *Onacewicz*, str. 320).

⁴⁾ *Eukaszewicz*, IV, 18—19, въ примѣч.; *Onacewicz*, str. 327.

никовъ со всего обширнаго виленскаго діоцеза, а сама коллегія являлась, какъ крѣпость и миссіонерское учрежденіе для распространенія католичества среди татаръ, русскихъ и всякаго рода сеѣтантовъ. Вслѣдствіе этого виленская академія со всѣми ея факультетами должна была принять характеръ высшаго духовнаго римско-католическаго училища; неудивительно поэтому, что въ программу ея не были включены не только медицина и гражданское право, какъ отрасли наукъ, не могшихъ служить миссіонерскимъ цѣлямъ, но и другіе предметы, въ родѣ гражданской исторіи ¹⁾.

Вѣроятно, виленская академія начала осуществлять программу высшихъ курсовъ въ томъ-же 1579 году,—по крайней мѣрѣ, въ одномъ сочиненіи, вышедшемъ изъ коллегіи въ 1580 году, встрѣчаются указанія на различные учебные предметы философскаго и богословскаго факультетовъ,—именно на философію, математику, логику, риторику, поэзію, грамматику латинскую, греческую, еврейскую ²⁾. „Начала осуществлять“, потому что и послѣ не всѣ предметы здѣсь преподавались и вообще составъ курса часто мѣнялся въ зависимости отъ матеріальной обеспеченности коллегіи, отъ отвлеченія ученыхъ силъ въ другіе центры іезуитской дѣятельности ³⁾, отъ эпидемій и пожаровъ и т. п. У насъ нѣтъ однако данныхъ для выясненія числа преподавателей и каедръ за первые годы жизни академіи, и только подъ 1591 годомъ мы находимъ указаніе на существованіе въ ней 6-ти низшихъ классовъ съ шестью учителями ⁴⁾, философскаго съ однимъ преподавателемъ и богословскаго отдѣленія съ двумя профессорами схоластическаго богословія, однимъ—казуистическаго и однимъ—положительнаго и полемическаго богословій и еврейскаго языка ⁵⁾. Профессору полемическаго богословія впоследствии было вмѣнено въ обязанность читать и священное писаніе ⁶⁾. Число профессоровъ въ слѣдующіе годы колеблется между десятью и двѣнадцатью. Такъ, въ 1599 г. ихъ было только 10 (схо-

---

¹⁾ Только впоследствии, въ 1641 г., король Владиславъ IV предоставилъ виленскимъ іезуитамъ преподавать, кромѣ гуманитарныхъ наукъ и богословія съ философіей, еще каноническое и гражданское право и медицину (Текстъ привиллегіи—въ *Academia et Universitas Vilnensis S. J.*, 1738, № 5. id. *Lukaszew.*, IV, 25, примѣч.). Юридическій факультетъ былъ, дѣйствительно, открытъ въ виленской академіи, благодаря фундаціи Льва Сапѣги, медицинскій же открываемъ не былъ (*Lukaszew.*, IV, 24. 25. 29. 30).

²⁾ *Epicedia in funebres exequias Valeriani episcopi Vilnensis* (*Lukasz.*, IV, 22).

³⁾ Такъ, въ 1582 г. орденъ отправилъ въ Англію виленскаго профессора математики Якова Бозgrave, какъ хорошаго богослова и умѣлаго защитника вѣры. Но схваченный здѣсь, онъ едва не заплатилъ жизнью, если бы не заступничество за него предъ королевой англійской Елисаветой Стефана Баторія (*Baliński, Akademia Wileńska*, 88 и *Dodatki*, № 5: письмо короля Стефана къ Елисаветѣ отъ 29 янв. 1583 г.).

⁴⁾ Низшихъ классовъ, по іезуитскому учебному плану, было только 5: три грамматики, одинъ-поэзіи и одинъ риторики, но въ Вильнѣ первый классъ, по многочисленности учениковъ, состоялъ изъ двухъ отдѣленій.

⁵⁾ *Lit. an. S. J.* 1591, p. 764. Казуистика введена была въ курсъ въ 1583 г. (*Lit. an.* 1583, p. 82).

⁶⁾ *Ibid.*, 1596, p. 11.

ластическое богословіе читалось однимъ), въ 1600 г.—12, въ 1602 г.—11, въ 1606—8 гг.—то 12, то 11¹⁾.

Епископъ Валеріанъ Протасевичъ не ошибся въ расчетахъ, когда думалъ, что титулъ академіи привлечетъ въ виленскую коллегію множество юношей. Дѣйствительно, уже въ іюлѣ 1579 г. іезуиты насчитывали около 600 студентовъ, чрезъ семь лѣтъ число это возрасло до 700, а въ 1597—1600 гг. доходило до 800²⁾. Если не считать случайныхъ уменьшеній этой цифры по причинѣ пожаровъ, эпидемій, то число 700—800 можно принять за норму для виленской коллегіи во все время нашего періода. Такъ, въ 1627 году студентовъ было 700³⁾. Такой наплывъ учащихся естественно велъ за собой и соотвѣтствующее увеличеніе педагогическаго персонала и расширеніе коллегіи. Число іезуитовъ въ виленской коллегіи въ 80-хъ годахъ было свыше 50 и, увеличиваясь съ году на годъ, оно въ 1594 году дошло до 64 человекъ, а еще чрезъ 10 лѣтъ—до 95⁴⁾. Въ виду этого данныя коллегіи еп. Валеріаномъ средства содержанія оказались бы очень недостаточными, если бы на помощь не пришло множество другихъ благодѣтелей, въ которыхъ нашла сочувствіе энергичная педагогическая и миссіонерская дѣятельность іезуитовъ. Во главѣ новыхъ благодѣтелей виленской коллегіи сталъ самъ король Стефанъ, который еще въ 1579 году велѣлъ отпускать ежегодно изъ королевской казны на ея нужды 20 плотовъ дровъ, а также освободилъ отъ десятины дрова, доставлявшіяся іезуитамъ сплавомъ по р. Вили ⁵⁾. За епископомъ и королемъ пошли и другіе. Стан. Радивиллъ отдалъ академіи (1584) виленское предмѣстье Лукишки со всѣми угодьями и въ 1593 году подгородную виллу, Левъ Сапѣга—двѣ плебаніи (1593), Юрій Тышкевичъ — имѣніе (1597), Янъ Величко, опмянскій подстолий, урочище Савсупы (1598), Мельхиоръ Гелройць, жмудскій епископъ, — фольваркъ Ржешу (Rzesza) съ свободной ловлей рыбы на всѣхъ гелройскихъ озерахъ (1608), Ст. Вильчовскій, виленскій каноникъ, — фольваркъ Безданы (1609) и каменный домъ (1610), Янъ-Корсакъ—400

¹⁾ *Litterae annuae* S. J. 1599, p. 466; 1600, p. 545; 1602, p. 711; 1606—8, p. 760; и отд. 1607, 448; 1608, 741.

²⁾ *Theiner*, *Annales ecclesiastici*, III, p. 66. *Annuae litterae* S. J. 1586—7, p. 133. 134; 1597, p. 46; 1600, p. 546.

³⁾ *Rostowski*, 307. Въ составъ этого числа не входятъ іезуитскіе альюмны, т. е. молодые люди, готовившіеся къ поступленію въ орденъ и слушавшіе отдѣльно отъ прочихъ студентовъ лекціи по риторикѣ, философскимъ и богословскимъ наукамъ. Количество ихъ не было велико; напр., въ 1599 году ихъ только 15. И если въ предыдущемъ году новиціевъ или схоластиковъ было 24, то, вѣроятно, въ это число входили альюмны францискапскаго ордена, присланные сюда въ 1594 году въ количествѣ 11 человекъ: двое на богословіе, пятеро на философію и четверо на риторикъ (*Litterae annuae* S. J., 1594, p. 321; 1598, 404; 1599, p. 466). Впрочемъ, въ началѣ XVII ст. количество альюмновъ доходило до 25 (*Lit. an.* 1607, 448; 1608, 741).

⁴⁾ Въ 1605 году въ Вильнѣ всѣ іезуиты распредѣлялись по тремъ учрежденіямъ: въ коллегіи жило 57 человекъ, въ домѣ профессоровъ 6 и въ домѣ испытанія (*domus probationis*)—32 (*Lit. an.* S. J., 1605, p. 935).

⁵⁾ *Baliński*, 68, примѣч. 1.

вопъ литовскихъ грошей (1618), Адр. Вержбицкій, королевской секретарь,—им. Блоне (1623) и т. д., и т. д.¹⁾

То, что давалось іезуитской коллегіи жертвователями, обращалось на содержаніе самихъ іезуитовъ или лицъ, имѣвшихъ въ будущемъ принадлежать къ ихъ ордену, т. е. новиціевъ. Конечно, на эти же деньги строились и поддерживались зданія коллегіи, въ томъ числѣ училища, и иногда приобрѣтались книги. Вся масса учащихся, не подававшихъ надеждъ на увеличеніе собою Общества Іисусова, учась даромъ въ іезуитскихъ школахъ, содержалась на свой счетъ, за исключеніемъ тѣхъ немногихъ, которые попадали въ бурсы или конвикты. Но и эти общежитія при іезуитскихъ коллегіяхъ устраивались, какъ и всѣ другія учрежденія, на счетъ щедрости благодѣтелей, которые старались дать юношамъ возможность учиться, не озабочиваясь вопросами о еровѣ и пропитаніи. Въ западной же Россіи къ этому присоединялся еще иногда и другой мотивъ — желаніе избавить юношей-католиковъ отъ необходимости жить на квартирахъ у еретиковъ и схизматиковъ, которыхъ въ такихъ городахъ, какъ Вильна, было гораздо больше, чѣмъ католическихъ обывателей. По такимъ именно побужденіямъ возникла первая іезуитская *бурса* въ Вильнѣ—*Валеріановская*, основанная еп. Валеріаномъ Протасевичемъ. Когда учреждена она — достовѣрно неизвѣстно. Ярошевичъ, пользовавшійся актами виленской капитулы, указываетъ двѣ даты—годы 1575 и 1577, изъ которыхъ въ первомъ устроенъ былъ конвентъ, а во второмъ—бурса²⁾. О конвентѣ, для котораго епископъ купилъ домъ на Замковой улицѣ, мы болѣе ничего не знаемъ, какъ не знаемъ, въ какія отношенія онъ сталъ къ бурсѣ, которая, вѣроятно, получила свое начало въ 1577 году, когда подъ нее былъ отведенъ домъ, купленный епископомъ на Бернардинской улицѣ. а на содержаніе бурсаковъ назначены были доходы съ двухъ другихъ домовъ на Бискупской улицѣ, рядомъ съ коллегіей, и обширный погребъ, выходившій на Замковую улицу. Черезъ два года фундація эта получила формальное подтвержденіе³⁾. Тогда же, или нѣсколько позже, еп. Валеріанъ пожертвовалъ въ пользу бурсы 750 злотыхъ⁴⁾.

Оставивъ за епископомъ и капитулой надзоръ надъ зданіями бурсы и завѣдываніе ея капиталами, Протасевичъ поручилъ внутреннее управленіе ею ректору академіи. Послѣднему было предоставлено право

¹⁾ Litterae annuae S. J. 1584, p. 150; 1593, p. 255; 1608, 746. *Kojałowicz*, Miscellanea, p. 15. *Bostowski*, p. 128. *Łukaszewicz*, IV, 20. 21 и 38, прим. *Baliński*, 90.

²⁾ *Jaros.*, III, 217. 218. Бурсой называлось такое общежитіе, въ которомъ ученики содержались на счетъ благотворителей (ex eleemosyna), обитатели же конвикта жили на средства своихъ родителей (Lit. an. 1607, 494).

³⁾ Въ документахъ указаны двѣ даты фундушовой [записи: 1577 и 1579 гг. Первый годъ видѣлъ Ярошевичъ въ актахъ капитулы и это подтверждается визитой архива капитулы въ 1828 г. (Опис. рукоп. отдѣленія вил. публ. бібліотеки, вып. 1, стр. 28). 1579 годъ значится въ краткой выписи изъ актовъ капитулы, сдѣланной въ концѣ XVIII ст. и напечатанной въ томъ же выпускѣ Опис. рук. отд. вил. публ. библ. (Прилож., стр. 61, Ж 85: 10 апр. 1579 г), а также на томъ фундушовомъ актѣ, какой напечаталъ Балинскій въ *Historya miasta Wilna*, II, 254—264.

⁴⁾ *Baliński*, *Hist. miasta Wilna*, I, 217.

назначать туда сеніора или префекта (іезуита, конечно), который слѣдилъ бы за жизнью бурсаковъ и воспитывалъ ихъ, уча ихъ правиламъ набожности, учтивости и братской любви, непослушныхъ карая, лѣнивыхъ побуждая и всѣхъ отечески любя. Содержаться въ бурсѣ могли только бѣдные (число ихъ не опредѣлено), которые свою благодарность къ фундатору должны были выражать въ молитвѣ о немъ, участвуя пѣніемъ въ обѣднѣ, совершавшейся каждые три мѣсяца.¹⁾ Впослѣдствіи жизнь бурсаковъ была еще подробнѣе регламентирована, и отъ нихъ требовали болѣе частаго участія въ торжественныхъ богослуженіяхъ. Наконецъ, кромѣ самого Протасевича на его бурсу жертвовали и другія лица, преимущественно изъ виленскихъ канонниковъ: въ 1583 г. на нее записалъ 2500 злотыхъ Стан. Горепкій, въ 1586 г. 250 зл. Вольскій и 500 зл. Март. Суходольскій, въ 1588 г. 250 зл. (100 копѣ литов. грошей) Юрій Юрьевичъ Ходкевичъ²⁾. Но при богатыхъ сравнительно средствахъ дѣла Валеріановской бursы шли плохо, быть можетъ, оттого, что не были точно опредѣлены отношенія къ ней епископа съ капитулой, съ одной стороны, и коллегіи—съ другой. Столкновения между капитулой и іезуитами начались очень скоро, если уже въ 1588 году капитула, постановляя, чтобы убогіе студенты Валеріановской бursы въ праздничные и поминальные дни присутствовали въ каѳедрѣ при богослуженіяхъ и церемоніяхъ, добавила: „а если бы іезуиты тому воспротивились, тогда процентъ съ суммъ, пожертвованныхъ бурсѣ, которыхъ распорядительницей состоитъ капитула, она имѣетъ обращать на каѳедральную шеолу и содержаніе извѣстнаго числа учениковъ“³⁾.

Положеніе бursы улучшилось лишь въ 1595 году, когда на нее обратилъ вниманіе папскій легатъ Александръ Комулей, который купилъ для нея на счетъ вакантной каѳедры домъ на рынкѣ и далъ ей новый уставъ. По уставу Комулея Валеріановская бурса назначалась исключительно для литовцевъ. Воспитанники ея въ знакъ того, что они не попусту пользовались даровымъ содержаніемъ, при окончаніи курса наукъ обязаны были публично защитить какое-нибудь разсужденіе по физикѣ или логикѣ; въ случаѣ нежеланія слѣлать это, должны были платить по 50 злотыхъ за каждый годъ пребыванія въ бурсѣ. Скоро послѣ того новый епископъ Бенедиктъ Война предложилъ капитулѣ озаботится расширеніемъ бursы и самъ въ 1601 году далъ въ ея пользу домъ. Вновь возникшія недоразумѣнія административнаго характера были поводомъ къ отказу іезуитовъ отъ завѣдыванія Валеріановской бурсой

---

¹⁾ *Baliński*, *Historya m. Wilna*, II, 254—264. *Kraszewski*, *Wilno*, IV, 27. 28. Въ Валеріановскую бурсу принимались вообще бѣдные, а не шляхтичи только, какъ говоритъ Ростовскій (р. 68).

²⁾ Опис. рук. отд. вил. публ. библ., вып. I, прилож., стр. 21 и 28 (изъ книги визитъ) и 63 и 76 (выписи изъ журналовъ капитулы, № № 110 и 234). *Baliński*, *Hist. m. Wilna*, I, 216. 217; *Akademia Wileńska*, 91.

³⁾ Выпись изъ протоколовъ капитулы, № 125 (Опис. рукоп. отд. вил. публ. библ., вып. I, прилож., стр. 65—66); ср. *Baliński*, *Akademia Wileńska*, 91.—Нужно замѣтить, что большая часть суммъ бursы была взята въ долгъ самой капитулой, обязавшейся платить по 6 слишкомъ процентовъ (Выписи изъ актовъ капитулы, № № 103, 105, 110—въ прилож. къ Опис. рукоп. отд. вил. публ. библ., вып. I, стр. 63).

(1604), но въ 1631 году они опять приняли на себя надзоръ надъ ней. Ректоръ академіи Фризій, увеличивши фундушовый капиталъ въ 4000 золотыхъ своими 1500-ми, отдалъ эту сумму виленскому кагалу, съ котораго и получалось вплоть до 1763 года по 8⁰/₀. Этотъ же Фризій, купивъ въ 1632 году у жмудскаго епископа Еліашевича домъ въ Вильнѣ, приносившій 800 злот. чиншу, половину послѣдняго обратилъ на Валеріановскую бурсу ¹⁾.

Въ 1602 году получила начало другая бурса—*Бейнартовская* или *Амвросіанская*. Основаніе ей положилъ всендзъ Амвросій Бейнартъ, записавшій на содержаніе бѣдныхъ учениковъ 4 тыс. копъ грошей (или 10 тыс. злот.), включая сюда стоимость пожертвованной имъ деревни Бологое, проданной въ 1609 году за 1 тыс. копъ. Въ 1605 году Янъ Мелешко пожертвовалъ на новую бурсу 1 тыс. копъ; въ 1606 году по волѣ визитатора виленскаго діоцеза Комуля къ этому фондушу присоединено изъ епископскихъ доходовъ 8 тыс. зл. пол. Кромѣ того Амвросіанской же бурсѣ принадлежалъ домъ на Рыбномъ концѣ, который отданъ былъ въ 1610 году въ аренду съ платой въ 200 злот.; впослѣдствіи плата была увеличена до 100 копъ грошей (т. е. до 250 злот.); арендаторъ же долженъ былъ и ремонтировать зданіе. Бейнартовская бурса помѣщалась на Скоповской улицѣ и находилась въ полномъ завѣдываніи капитулы. Послѣ пожара 1610 года на той же Скоповской улицѣ провизоромъ бурсы былъ купленъ другой плацъ, отъ чинша за который, какъ лежавшій въ ея юрисдикціи, капитула отказалась въ 1613 г., и построено новое зданіе, которое было открыто въ 1619 году ²⁾.

Набонецъ, въ 1618 году Янъ Николай Корсаевъ, земскій судья ошмянскаго повѣта, положилъ начало еще одной бурсѣ—*Корсаковской*, записавъ на нее домъ на Скоповской улицѣ, имѣніе Ясевъ въ ошмянскомъ повѣтѣ и 800 копъ грошей, съ тѣмъ, чтобы доходы съ имѣнія и суммы шли единственно на содержаніе бурсаковъ; послѣдніе, кромѣ того, получили право ловить рыбу въ озерѣ Нарочъ. Эта бурса была немногочисленна и носила чисто шлятетскій характеръ: жертвователю поставилъ условіемъ, чтобы въ ней жило 20 молодыхъ дворянъ—литовцевъ, въ томъ числѣ 10 изъ фамиліи Корсаковъ. Николай Корсаевъ скончался въ 1618 году и попеченіе объ устройствѣ бурсы его имени перешло по завѣщанію къ капитулѣ, которая, въ лицѣ еп. Войны, отдала деньги въ долгъ и въ 1622 году купила для бурсы каменный домъ ³⁾.

Кромѣ бурсы жизнь нѣкоторыхъ виленскихъ студентовъ облегчали стипендіи, хотя ихъ было очень немного. Извѣстно, что епископъ жмуд-

¹⁾ Выписи изъ актовъ капитулы, №№ 205. 217. 224 311 — въ Опис. рукоп. отд. вилен. публ. библ., вып. I, прилож., стр. 74. 75. 82. «Bursae Valerianaе melioratio» Ал. Комуля—Akademia, Dodatki, № IV и стр. 91 и 102. *Baliński*, Hist. m. Wilna, I, 216. 217. *Jaros.*, III, 218. 219.

²⁾ Опис. рук. отд. вилен. публ. библ., вып. I, стр. 28 и прилож. стр. 77—79. 84 (выписи изъ актовъ капитулы, №№ 243, 257, 267, 321). *Baliński*, Hist. m. Wilna, I, 217; *Kraszewski*, IV, 23; *Jaros.*, III, 219; *Lukaszew.*, IV, 37.

³⁾ Описаніе рукопис. отдѣл. вилен. публ. библ., вып. I, прилож. стр. 21. 28; *Krasz.*, IV, 28. 29; *Lukaszew.*, IV, 38, примѣч. 1.

скій Мельхіоръ Гедройць содержалъ въ академіи на свой счетъ четырехъ студентовъ и на свои средства обучалъ свободнымъ наукамъ и воспитывалъ юношей изъ еретическихъ фамилій. Въ 1604 году два шведа занимали стипендіи Сигизмунда III ¹⁾. Остальной массѣ бѣдныхъ студентовъ приходилось побираться по домамъ гражданъ, распѣвая пѣсни и часто подвергаясь крупнымъ неприяностямъ.

Заговоривши о бурсахъ, мы скажемъ здѣсь же и о двухъ другихъ учрежденіяхъ, существовавшихъ при виленской коллегіи и имѣвшихъ огромное значеніе для просвѣтительной дѣятельности іезуитовъ. Мы имѣемъ въ виду библіотеку и типографію ²⁾.

Начало первой положилъ еп. Валеріанъ, побудившій капитулу 12 мая 1570 г. передать въ коллегію книги, оставшіяся по смерти суффрагана Юрія Альбина,—того самаго, котораго въ 1550 году капитула заподозрила въ привозѣ еретическихъ сочиненій ³⁾. Затѣмъ, король Сигизмундъ II отказалъ іезуитамъ по завѣщанію (1572) всю свою библіотеку (за исключеніемъ богослужебныхъ книгъ), стоившую около 10 тыс. червонцевъ ⁴⁾. Послѣ этого іезуитская библіотека умножалась постепенно, благодаря пожертвованіямъ всендзовъ и епископовъ. Такъ, въ нее поступило нѣсколько тысячъ томовъ по смерти епископа Валеріана († 1579), книги Ниволая Паца, епископа жмудскаго († 1619), всендза Луки Краснодубскаго, Казимира Войсаровича, виленскаго каноника, Ниволая Диціуса, виленскаго декана, Евстафія Волловича, виленскаго епископа († 1630). Въ 1623 году Адріанъ Вержбицкій, королевскій секретарь, записалъ коллегіи имѣніе Блоне съ тѣмъ, чтобы изъ доходовъ его 100 злот. ежегодно шло на приобрѣтеніе книгъ ⁵⁾.

Типографія подарена была виленской коллегіи мѣстнымъ воеводой Ниволаемъ Христофоромъ Радивилломъ, который этимъ актомъ хотѣлъ, очевидно, загладить грѣхъ противъ католичества своего отца, напечатавшаго въ этой типографіи кальвинскую польскую біблію (Брестъ, 1563 г.). Передача ея іезуитамъ состоялась въ 1576 г. или незадолго до него. По крайней мѣрѣ, въ датированномъ 12 мая 1576 года посвященіи первой книги, напечатанной здѣсь, говорится, что Ник. Христ. Радивиллъ недавно (nuper) совершилъ новое благодѣяніе, подаривши іезуитамъ изъ ревности къ распространенію слова Божія типографію... ⁶⁾. Тѣмъ не менѣе и на этомъ сочиненіи и на нѣкоторыхъ позднѣйшихъ

¹⁾ *Kojałowicz*, *Miscellanea*, 15; *Baliński*, *Akademia Wileńska*, 110.

²⁾ Исторію двухъ семинарій, которыми завѣдывали виленскіе іезуиты, излагаемъ въ другихъ мѣстахъ: епархіальной въ IV главѣ, а папской—въ послѣдней (XIII)

³⁾ Выписи изъ протоколовъ капитулы, № № 12 и 44 (Опис. рук. отд. вил. публ. библ., вып. I, прилож., стр. 53. 57).

⁴⁾ Уже у Сигизмунда I было до 85 книгъ на латинскомъ, русскомъ (славян.), чешскомъ и польскомъ языкахъ (каталогъ ихъ у *Krasz.*, IV, 108-110). Сиг. Августъ издержалъ на книги нѣсколько тысячъ рублей на наши деньги (*Baliński*, *Akad.*, 46 и прим. 2; *Krasz.*, IV, 79—80).

⁵⁾ *Fukasz*, IV, 41; *Baliński*, *Akad.*, 90.

⁶⁾ *Scarga*, *Pro sacratissima eucharistia contra Haeresim Zwinglianam. Vilnae ex typographia et sumptibus Illus. D. Domini Nicolai Christ. Radivili Ducis in Olica et Niesuiss. M. D. L. Marssalci. 1576.*

изданіяхъ типографія академическая обозначалась именемъ своего прежняго владѣльца. Кажется, первой книгой, вышедшей изъ іезуитской „академической“ типографіи, было надгробное слово Стан. Гродзицкаго, 1592 года ¹⁾. Въ началѣ XVII ст. іезуитская типографія была помѣщена въ каменномъ домѣ, записанномъ коллегіи каноникомъ Стан. Вильчовскимъ ²⁾.

Теперь мы можемъ перейти къ передачѣ фактовъ внутренней жизни академіи и тѣхъ внѣшнихъ событій, которыя особенно близко касались ея, вызывая какъ профессоровъ, такъ и студентовъ на то или другое отношеніе къ себѣ.

Исторія виленской академіи началась торжествомъ: іезуиты встрѣчали въ янскомъ костелѣ своего высокаго покровителя—короля Стефана, возвращавшагося изъ-подъ Полоцка. Профессора почтили его латинскими рѣчами, студенты—стихами. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ академія справила другое торжество, но уже печальнаго характера,—она хоронила своего отца и благодѣтеля—еп. Валеріана († 31 дек. 1579.) ³⁾. Еще черезъ нѣсколько мѣсяцевъ коллегія со студентами встрѣчала новаго виленскаго епископа и стараго благодѣтеля—Юрія Радивилла.—Юрій Радивилль, одинъ изъ четырехъ сыновей ревностнѣйшаго пропагандиста вальвинскихъ идей, Николая Радивилла Чернаго, перейдя съ братьями по смерти отца въ католичество, отдалъ всѣ силы свои на служеніе послѣднему. Въ 1575 году онъ сдѣлался коадьюторомъ виленскаго епископа Валеріана Протасевича ⁴⁾ и раздѣлилъ вмѣстѣ съ тѣмъ всю силу его симпатій къ іезуитамъ. Въ немалой долѣ его участію и протекціи предъ королемъ сама академія обязана была своимъ именемъ и привилегіями ⁵⁾. Когда онъ явился въ 1581 г. въ Вильну, какъ преемникъ Протасевича, учащаяся въ коллегіи молодежь встрѣтила его цѣлой серіей мелкихъ стихотвореній, изданныхъ подъ титуломъ: „*Gratulationes illustrissimo ac reverendissimo Dno D. Georgio Radivilo*“ etc. Студенты выражали въ нихъ свою радость, по случаю назначенія его епископомъ и благополучнаго прибытія въ Вильну, и надежду, что онъ будетъ патрономъ академіи и музъ и защитникомъ вѣры и церкви отъ еретиковъ, которымъ сулили не особенно пріятныя вещи. Надежда не обманула студентовъ: Юрій Радивилль ассигновалъ коллегіи 8 тыс. флориновъ (или пол. злотыхъ) и устроилъ торжественное аутодафе еретическихъ книгъ, разжегшее страсти католической черни до того, что она готовилась разрушить и

¹⁾ *Wierzbowski*, Bibliographia polonica XV et XVI saeculi, № 577.

²⁾ *Kraszewski*, IV. 64-65.

³⁾ Литературнымъ памятникомъ этихъ похоронъ осталось изданіе — *Epicedia in funebres exequias Rnd. Valeriani Epp. Vilmensis Collegij Soc. Jesu in eadem Lithw. Metropoli fundatoris conscripta ab eodem collegio et gymnasiis Vilmensibus S. J.*, 1530. *Krasz.*, IV, 119. 120. *Baliniski*, 71. 76.

⁴⁾ Въ коадьютору Ю. Радивилль избранъ капитулой 28 мая 1574 г. (Выписи изъ актовъ капитулы, ЖМ 70. 74. 77—въ Опис. рук. отд. вид. публ. библ., вып. I, прил., стр. 59. 60.)

⁵⁾ *Wielewicki*, *Historicum diarium domus professae S. J. ad S. Barbaram Cracoviae Script. rerum polonic.*, X), p. 2.

храмы протестантскіе ¹⁾. Этотъ случай употребленія въ религіозной полемикѣ средствъ болѣе сильныхъ, чѣмъ диспуты, очень скоро отразился на отношеніяхъ къ протестантамъ и учащейся католической молодежи. Уже въ томъ же 1581 году ученики св.-янской школы, къ которымъ, должно быть, присоединились и іезуитскіе питомцы, вмѣстѣ съ гминомъ едва не убили камнями двухъ „министровъ“ кальвинскихъ, шедшихъ съ погребенія ²⁾. Фанатическое отношеніе студентовъ академіи къ ино-вѣрцамъ, глубоко коренившееся къ самой воспитательной системѣ іезуитской, въ теченіе нашего періода времени проявилось много разъ. Таковы были случаи массовыхъ нападеній ихъ съ чернью на троицкое православное братство, его школу и св.-духовскую церковь въ великую субботу и свѣтлое воскресенье 1598 года и разгрома въ 1611 году кальвинскихъ збора и гимназій ³⁾, не говоря уже о множествѣ единичныхъ покушеній студентовъ на жизнь и спокойствіе горожанъ, въ родѣ происшедшаго въ 1597 году ⁴⁾.

Мы уже говорили о быстромъ увеличеніи числа студентовъ виленской академіи. Сюда шли учиться представители различныхъ національностей, даже не входившихъ въ составъ польскаго государства, и различныхъ вѣроисповѣданій ⁵⁾. Этотъ успѣхъ академіи обусловливался не только развившейся тогда общей потребностью въ образованіи, но и репутацией іезуитовъ, какъ отличныхъ педагоговъ. А какъ создавалась эта репутация и какими средствами они привлекали къ себѣ молодежь, ясно изъ слѣдующаго. Въ 1586 году іезуиты обставили церемонію перенесенія Божьяго Тѣла невиданной до того въ краѣ помпой. Собрана была молодежь изъ всѣхъ подвластныхъ имъ школъ и одѣта въ нарядныя цвѣтныя одежды. Всѣ ученики дѣлили на четыре отряда. Одни шли съ факелами, другіе пѣли пѣсни, третьи изображали пророковъ,

¹⁾ *Narbutt*, *Pomniesjze piśma historyczne szczegòlnie do historyi Litwy odnoszące się*. Wilno, 1856, str. 249. Епс. powsz., XXVII. 81.

²⁾ Письмо Баторія къ Августину Ротунду и магистрату—26 сентября 1581 г. («Апокрисисъ»—въ П. П. Л., II, 1113. 1114.) Объ іезуитскихъ студентахъ король не упоминаетъ, но онъ не говоритъ и объ іезуитахъ вообще, хотя при сожженіи книгъ они играли видную роль.

³⁾ А. В. А. К., VIII, № 13-15. *Васильевскій*, Вильна (Памятники русской старины въ западныхъ губерніяхъ, V, 78; VI, 10. 11).

⁴⁾ А. В. А. К., XX, № 93. Впрочемъ, іезуитскіе студенты не всегда были стороною нападавшей и побѣждавшей. Такъ, въ 1595 году въ городскія книги занесена жалоба студента Брововскаго на мѣщанина Медвѣцкаго, который избилъ и изранилъ его во время собранія вмѣстѣ съ пѣвчими товарищами подаенія. Точно также въ 1608 году братья Корсаки напали на студента Ласковскаго и хотя тотъ оборонялся «пулгакомъ» (ружьей), избили его, изорвали на немъ одежду и заперли въ своемъ домѣ, отпустивъ только на другой день (А. В. А. К., VIII, №№ 179. 188). Въ 1619 году студенты академіи потерпѣли рѣшительное пораженіе въ «диспутѣ» съ учениками лютеранской школы, когда тѣ пустили въ ходъ «argumentum baculinum» (*Bostowski*, 273; *Baliński*, 120).

⁵⁾ Крашевскій сообщаетъ со словъ іезуита Наражовскаго извѣстіе, которому и самъ съ трудомъ вѣрить,—будто возвращавшіеся въ 1585 году отъ короля татарскіе послы отдали въ науку виленскимъ іезуитамъ двухъ своихъ сыновей, взявши заложникомъ ксендза (I, 303. 304).

ангеловъ, кающихся. Участники процессіи несли крестъ и другія орудія мученій Христа. Смотрѣтъ на это торжество явилось множество католиковъ и иновѣрцевъ и въ результатъ его было увеличеніе у іезуитовъ числа студентовъ, особенно на счетъ „цвингліанской школы“, на что собственно и рассчитывали іезуиты, напечатавшіе даже описаніе церемоніи¹⁾. Вообще участіе іезуитскихъ питомцевъ въ торжественныхъ процессіяхъ, гдѣ многимъ изъ нихъ приходилось играть очень лестныя роли, привлекало въ академію немалое число молодежи. Но не менѣе сильно дѣйствовали на послѣднюю и тѣ религіозныя подвиги, которые совершали при публичныхъ процессіяхъ члены студенческаго братства (*sodalitas*), заведеннаго въ Вильнѣ въ 1585 году²⁾: хожденіе босикомъ по улицамъ, самобичеваніе до крови и подобныя проявленія католическаго благочестія въ дѣтяхъ возбуждали и въ сверстникахъ ихъ желаніе отличиться такимъ же образомъ. Наконецъ, однимъ изъ самыхъ важныхъ средствъ, всегда и вездѣ покорявшимъ іезуитамъ сердца нерасположеннаго къ нимъ на первыхъ порахъ населенія, были спектакли въ стѣнахъ коллегіи. Виленскіе іезуиты, кромѣ обычныхъ зрѣлищъ, очень часто устраивали особенно торжественныя представленія въ честь посѣщавшихъ ихъ высокопоставленныхъ лицъ, которымъ организовали триумфальныя встрѣчи. Случаевъ такого рода въ академіи за нашъ періодъ было немало. Въ *Litterae annuae S. J.* можно читать, что студенты встрѣчали стихами новаго епископа или короля, то праздновали побѣду Карла Ходкевича надъ шведами, то сыграли „комедію о св. Казимирѣ“ въ честь королевской четы, то встрѣчали возвращеніе изъ-подъ Смоленска короля-побѣдителя, то почтили драмой смерть того или другого благодѣтеля коллегіи. Понимая значеніе всѣхъ такого рода торжествъ для успѣха академіи, іезуиты не упускали поводовъ къ нимъ, хотя приготовленіе къ нимъ студентовъ отнимало у послѣднихъ очень много учебнаго времени. Такъ, приготовленіе къ празднованію канонизаціи королевича Казимира, совершившемуся 10 мая 1604 года, продолжалось цѣлый годъ. О грандіозности приготовленія можно судить по тому, что къ этому времени 84 студента составили 91 стихотвореніе на латинскомъ и греческомъ языкахъ, вошедшихъ въ составъ напечатаннаго въ 1604 году „*Theatrum sancti Casimiri*“, не говоря уже о поэтическихъ произведеніяхъ, составившихъ содержаніе „*Litotika*“ и написанныхъ ко дню заложения костела св. Казимира³⁾.

Впрочемъ, успѣхъ виленской академіи создавался не только личными усиліями іезуитовъ, но и расположеніемъ въ немъ короля Сигизмунда III, который, по словамъ Яна Аргента, въ основаніи іезуитскихъ коллегій и дарованіи имъ привилегій видѣлъ „единственное средство для упроченія въ Польшѣ католическихъ дѣлъ и уврачеванія развращенныхъ ересью“.

¹⁾ *Litterae annuae S. J.* 1586—1587, p. 134-135; *Rostowski*, 157. 158.

²⁾ *Lit. an. S. J.* 1585, p. 203.

³⁾ *Rostowski*, p. 219. У Балинскаго читатель найдетъ любопытное описаніе этого торжества (стр. 102—109). Дѣло о канонизаціи Казимира, сына короля Казимира Ягелловича, началось еще въ 1516—1517 гг. (*Theiner*, *Vetera Monumenta Poloniae*, II, №№ 396. 400. 401), но только въ 1603 году получило конецъ (выписи изъ актовъ виленской капитулы, №№ 211. 214. 220).

мыслей¹⁾). Такое отношеніе короля къ іезуитамъ должно было отразиться благопріятнымъ образомъ и на виленской академіи. Въ первый уже годъ своего правленія король Сигизмундъ оказалъ послѣдней величайшую услугу, обезопасивъ ее отъ весьма сильной конкуренціи Виленскіе кальвинисты, школа которыхъ до возведенія іезуитской коллегіи на степень академіи привлекала къ себѣ молодежь всей почти Вильны²⁾, а послѣ того должна была утратить огромную долю своего значенія,— чтобы сохранить послѣднее, рѣшились было реорганизовать виленскую школу въ академію и въ 1588 году энергично взялись за это дѣло. Но іезуиты чрезъ посредство епископа Юрія Радивилла успѣли убѣдить короля, что устройство въ Вильнѣ „академіи сатаны“ подорветъ іезуитскую академію и произведетъ въ государствѣ междоусобіа³⁾). Планъ кальвинистовъ не удался, и это повліяло самымъ рѣшительнымъ образомъ на судьбу кальвинской школы, которая къ концу XVI вѣка почти совершенно упала. Но за то тѣмъ болѣе должна была процвѣсть іезуитская академія, получившая возможность овладѣть общественнымъ образованіемъ края.

Росту іезуитской академіи и ходу ученія въ ней мѣшали только стихійныя бѣдствія. Такъ, свирѣпствовавшее въ 1588 году моровое повѣтріе заставило виленскихъ іезуитовъ закрыть академію и распустить учениковъ по домамъ. Это было осенью; въ февралѣ 1589 года отцы педагоги возвратились, но въ августѣ новый взрывъ болѣзни и голода въ въ городѣ опять прервалъ ученіе. Оно едва возобновилось весной слѣдующаго года. Въ 1600 и 1602 гг. школы опять были закрываемы по той же причинѣ, правда, не надолго. И теперь не обошлось безъ жертвъ: скончался отъ эпидеміи профессоръ богословія и философіи Ричардъ Сниглетонъ, англичанинъ родомъ. Въ 1625 году повѣтріе опять прервало занятія; студентовъ теологіи должны были отправить въ несвижскую коллегію⁴⁾). Въ хроникѣ печальныхъ событій виленской академіи долженъ быть занесенъ и пожаръ 1 іюля 1610 года, истребившій полгорода. Въ этомъ страшномъ несчастіи потерпѣли и іезуиты: сгорѣли не только папскій аллюнатъ и католическая семинарія, но и всѣ почти зданія коллегіи и даже классы и библіотека. Остались цѣлы только костель и каменные кельи. Прибывшій въ Вильну по слухамъ о пожарѣ литовскій провинціалъ Бокша, чтобы не прерывать занятій со студентами высшихъ курсовъ, на время отослалъ ихъ въ другіе города—богослововъ въ Несвижъ, а философовъ въ Пултускъ. Что до пяти низшихъ классовъ, то помѣщенія для нихъ кое-какъ были устроены, благодаря особенно участию королевы, и въ нихъ въ началѣ сентября было открыто ученіе при довольно большомъ числѣ учениковъ⁵⁾).

¹⁾ De rebus Soc. Jesu in regno Poloniae, edit. 1620, p. 90.

²⁾ Lit. ann. 1586—1587, p. 135.

³⁾ Theiner, Vetera Monumenta Poloniae et Lithuaniae, III, № 39.

⁴⁾ Lit. an. S. J. 1588, p. 81; 1589, p. 113. 114; 1602, p. 715. 722. Rostowski, 167. 303. Łukasiewicz, Dzieje Wyznania Helweckiego w Litwie, I, 59.

⁵⁾ Literae annuae S. J. 1610, p. 435—439.

Оканчивая исторію виленской академіи за періодъ времени отъ ея учрежденія до смерти Сигизмунда III, должно сказать еще нѣсколько словъ объ ея ректорахъ и извѣстнѣйшихъ профессорахъ за это же время.

Первымъ ректоромъ виленской іезуитской коллегіи и гимназіи былъ Стан Варшевицкій (1570—1578), человекъ съ прекраснымъ знаніемъ классическихъ языковъ; вторымъ Яковъ Вуйкъ изъ знатной польской фамиліи. Онъ въ краковской академіи получилъ степень бакалавра свободныхъ наукъ и въ Вѣнѣ—магистра. Въ Римѣ онъ вступилъ въ іезуитскій орденъ и въ тамошней коллегіи слушалъ схоластическое богословіе; тамъ же онъ началъ свою педагогическую и административную службу, которую продолжалъ въ Пултускѣ, въ Вильнѣ, Клавдіуполѣ и Краковѣ. Извѣстны его полемическія произведенія противъ протестантовъ и переводъ Библии на польскій языкъ, вышедшій въ 1599 году. Первымъ ректоромъ академіи былъ Петръ Скарга (1580—1583), знаменитѣйшій польскій проповѣдникъ и стилистъ († 1612) ¹⁾. За нимъ слѣдовали менѣе извѣстные люди: Фридрихъ Бартшъ ²⁾, Павелъ Бокша, Гарсій Алабианъ, испанецъ, Леонардъ Кравіери, Михаилъ Ортиць, до ректорства въ теченіе 9 лѣтъ излагавшій въ академіи философію и схоластическое богословіе, Стан. Влошекъ, Симонъ Никлевичъ, русинъ, бывшій дважды ректоромъ, выстроившій великолѣпное школьное зданіе, Іоаннъ Гружевскій, Симонъ Угневскій и Фризіій. Почти всѣ они заканчивали свою карьеру провинціалами.

Изъ академическихъ профессоровъ, которые согласно съ правилами ордена и его традиціями, въ теченіе своей жизни преподавали чуть-ли не всѣ предметы школьной программы, могутъ быть названы слѣдующіе: Эммануиль Вега, португалець, профессоръ полемическаго богословія, Крюгеръ, англичанинъ, излагавшій математику и астрономію; Симеонъ

---

¹⁾ Перечень сочиненій Скарги съ краткой его біографіей можно найти у Велевицкаго въ *Script. rerum polonic.*, XIV, 72. 77. 81. 82. Ему же посвящена монографія гр. Дзѣдушицкаго: «*Piotr Scarga i jego wiek*». О Вуйкѣ и Скаргѣ, какъ проповѣдникахъ, можно читать въ сочин. Mecherzynskiego: *Historya wumowy w Polsce*, t. II, Kr., 1856-9 г.

²⁾ Приведемъ изъ Велевицкаго краткую біографію Бартша (Barvius), въ видѣ иллюстраціи къ тому, какъ орденъ іезуитовъ кидаль своихъ сочленовъ изъ одной коллегіи въ другую. Бартшъ окончилъ іезуитскую гимназію въ Брунсбергѣ, въ Римѣ слушалъ философію, въ 1572 г. вступилъ въ общество и, прослушавъ въ Вѣнѣ богословіе, преподавалъ въ Брунсбергѣ греческую литературу, въ Познани и опять въ Брунсбергѣ казуистическое и полемическое богословіе. Затѣмъ болѣе года былъ въ Брунсбергѣ префектомъ студентовъ и 5 лѣтъ проповѣдникомъ и вице-ректоромъ въ различныхъ мѣстахъ, пока не получилъ въ 1583 г. ректорства въ Вильнѣ. Управлялъ затѣмъ данцигской резиденціей, а въ 1587 г. въ Вильнѣ сдѣлался докторомъ богословія; въ 1590 г. въ Несвижѣ произнесъ исповѣданіе четырехъ обѣтовъ, былъ вице-провинціаломъ польско-литовской провинціи и умеръ въ 1611 г. подъ Смоленскомъ въ званіи королевскаго духовника. Подъ именемъ Боруссія издалъ нѣсколько полемическихъ сочиненій противъ кальвинскихъ свѣтилъ—Андрея Волана, Дан. Крамера, практическо-полемическое богословіе для народа и Руководство къ благочестивымъ упражненіямъ для людей всѣхъ положеній и особенно для учащихся (*Scr. rer. pol.*, XIV, 10—12).

Блецкій, полякъ,—философію; Станиславъ Гродзицкій—схоластическое богословіе и краснорѣчіе; Маркъ Антоній Муретъ, итальянецъ,—латинскій и греческій языки; Валер. Фабрицій (Ковальскій), русскій, чловѣкъ съ большой ученостью и ораторскимъ талантомъ, преподавалъ 8 лѣтъ краснорѣчіе, 3—философію и 5—богословіе; Григорій Гружевскій, преподававшій вмѣстѣ съ Фабриціемъ нравственное и полемическое богословіе (на русскомъ языкѣ) Юсафату Кунцевичу; Іер. Стефановскій, читавшій 4 года философію, 5 лѣтъ схоластическое богословіе и 2 священное писаніе; Яковъ Ортицъ, испанецъ, богословъ; Лавр. Бойеръ (Bojer), шведъ, училъ математику и краснорѣчію; прославился, какъ авторъ поэмы „Carolomachia“; Юрій Тышкевичъ и Касперъ Савицкій, литвинъ, профессора богословія. Но въ то время, какъ ученая извѣстность этихъ лицъ не выходила за предѣлы ордена, если только не поддерживалась полемическими произведеніями, къ писанію которыхъ были склонны очень многіе изъ нихъ, начиная съ Сварги и кончая Савицкимъ, издававшимъ свои сочиненія преимущественно подъ псевдонимами, нѣкоторые профессора создали свою славу исключительно на почвѣ ученой и литературной въ собственномъ смыслѣ. Изъ нихъ на первомъ планѣ стоитъ Мартинъ Шмиглецкій, родомъ русскій—изъ Львова. Онъ послѣдовательно былъ профессоромъ философіи и схоластическаго богословія, полемизируя вмѣстѣ съ тѣмъ и съ сочиненіями. Издаваемъ въ 1618 г. въ Ингольштадтѣ двухъ томовъ своихъ „Selectarum disputationum in Organon Aristotelis“ онъ надолго упрочилъ за собой извѣстность прекраснѣйшаго философа; въ XVII в. его книга считалась наилучшимъ учебникомъ логики. По словамъ Балинскаго, „Шмиглецкій съ немногими современниками понялъ лучше всѣхъ Аристотеля, съ большой проницательностью оцѣнилъ его основныя воззрѣнія и наилучше ихъ изложилъ“. Но при всемъ томъ онъ не сбѣжалъ эпохи и исторіи философіи, такъ какъ не могъ отрѣшиться отъ Аристотеля и санціонированной школьнымъ уставомъ іезуитовъ рутины. Гордилась виленская академія, наряду съ философомъ Шмиглецкимъ, и поэтомъ Сарбѣвскимъ, о которомъ Гуго Гроцій сказалъ, что „онъ не только сравнился съ Горациемъ, но и превзошелъ его“. Ксендзь Мацѣй Казимиръ Сарбѣвскій оказалъ способности къ поэзіи, еще учась въ Вильнѣ въ 1618—1619 годахъ и особенно въ Крожахъ, гдѣ излагалъ краснорѣчіе. Послѣ трехлѣтняго преподаванія философіи въ академіи онъ былъ высланъ въ Римъ для усовершенствованія въ богословіи и тамъ отличился своими поэтическими произведеніями. Даже папа (Урбанъ VIII) не только публично украсилъ его лавровымъ вѣнкомъ, но и велѣлъ помѣстить нѣкоторые его гимны въ свой бревиарій. Затѣмъ Сарбѣвскій въ Вильнѣ читалъ богословіе, не переставая писать „дышашія огнемъ и гармоніей оды и эпиграммы“. Въ 1636 году, по желанію Владислава IV, онъ былъ удостоенъ степени доктора богословія и торжественно, въ присутствіи короля, нунція и избранной публики, возведенъ въ черви въ это званіе ¹⁾. Наконецъ, должно отмѣтить Константина Ширвида

¹⁾ Carmina Sarbievii были изданы впервые въ Антверпенѣ въ 1632 г. До настоящаго времени вышло болѣе 40 изданій Сарбѣвскаго (Przegląd powzeczny, 1892, IV).

(† 1631), доктора свободныхъ наукъ и философіи, профессора священнаго писанія. Родомъ литовецъ, онъ прославился, какъ отличный литовскій филологъ и авторъ руководствъ къ изученію этого языка. Ему принадлежатъ: *Clavis linguae litvanicae* и *Dictionarium polono-latino-litvanicum* ¹⁾.

Лучи католическаго просвѣщенія изъ виленской академіи, какъ изъ фокуса, мало-по-малу распространились по всему краю, сосредоточиваясь главнымъ образомъ въ большихъ городахъ. Табъ какъ іезуитамъ важно было не столько просвѣщеніе темныхъ массъ народа, сколько то, чтобы овладѣть воспитаніемъ въ ультра-католическомъ духѣ высшихъ классовъ общества, то они и стремятся устраиваться преимущественно въ городахъ и притомъ болѣе важныхъ. Что у іезуитовъ, дѣйствительно, было въ принципѣ „не закладывать коллегій въ мѣстахъ бѣдныхъ и малонаселенныхъ“ ²⁾, это подтверждается фактомъ ихъ сопротивленія намѣренію Ник. Христ. Раливилла устроить коллегію въ Несвижѣ. Хотя князь находилъ, что въ Несвижѣ и его окрестностяхъ живетъ множество „язычниковъ и схизматиковъ“, на которыхъ и должна быть направлена миссіонерско-просвѣтительная дѣятельность іезуитовъ, послѣдніе, обративъ вниманіе на то, что здѣсь почти нѣтъ дворянскихъ фамилій и что Несвижъ—небольшой городокъ, долго отказывались поселиться въ этой „деревенской пустынь“, пока не были побѣждены—не столько доводами князя, сколько благочестіемъ его и расположенностью къ нимъ ³⁾.

Церемонія возведенія Сарбѣвскаго въ доктора описана въ *Annae Collegii Vilenensis S. I. anni 1636* (Рук. Имп. публ. библ., равнояз., F, I, IV, 126: *Pisma o Historyi Koscielnej Wilna i Ktakowa*, № 4).—Были также извѣстны три ученика Сарбѣвскаго: Николай Кмицицъ (Kmicic), написавшій поэму: *Iosaphatidos, sive de nece Iosaphat Kunciewicz* († 1632, отъ усиленныхъ занятій); Варооломей Орѣховскій, написавшій въ 1622 г. *Żold niezwyścieżonego męstwa*, поэму на геройскую смерть Завиши, молодого литовца, навшаго въ божь съ турками; заслуживаетъ, впрочемъ вниманія, не самая поэма, а то, что она въ вѣкъ латини написана по-польски; Павелъ Димитровичъ, переведшій Кромера на польскій языкъ и издавшій въ сокращеніи (1625 г.).

¹⁾ *Kojałowicz*, *Miscellanea*, 121—128. *Rostowski*, 70, 193, 225, 294, 295, 303 304, 457. *Wielewiczki*, *Diarium histor.* (*Script. rer. polonic.*, XIV, *passim*). *Kraszewski*, II, 458; IV, 29—39. *Baliński*, *Akademia Wileńska*, 92, 95, 96, 123, 124, 127—130, 144. Болѣе подробныя біо—и библиографическія свѣдѣнія обо всѣхъ этихъ лицахъ читатель найдетъ, помимо цитованныхъ сочиненій, въ курсахъ исторіи польской литературы, напр., у Вишневскаго, Леслава Лукашевича, Кондратовича, отчасти Ёхера.

²⁾ *Monita privata* S. I., I, § 5. О подлинности этой іезуитской инструкціи будетъ сказано въ III главѣ.

³⁾ *Rostowski*, 110. 111. 123—124.

Переходимъ теперь къ изложенію исторіи іезуитскихъ коллегій и школъ, появившихся въ предѣлахъ западной Россіи послѣ учрежденія виленской коллегіи, въ порядкѣ ихъ происхожденія ¹⁾.

Въ Ярославль коллегія была заложена Софіей Одровонжовой, по первому мужу Тарновской, въ 1571 году и въ слѣдующемъ году формально была открыта Петромъ Скаргой, который и побудилъ Одровонжовую еще въ 1568 году къ введенію іезуитовъ въ городъ. ²⁾ Но дальнѣйшихъ свѣдѣній объ ярославской коллегіи и школѣ мы не имѣемъ до 1584 года, подъ которымъ встрѣчаемъ извѣстіе, что мистерія „Навуходоносоръ“, разыгранная воспитанниками, привлекла сюда множество новыхъ учениковъ и расположила въ пользу іезуитовъ умы населенія. Театральныя сцены и всенародныя самоистязанія членовъ студенческаго братства, обезпечивая успѣхи школы, въ то-же время привлекали въ орденъ новыя силы; такъ, въ 1585 г. въ общество было принято шесть юношей изъ множества желавшихъ. Въ Ярославль въ это время учились даже татарскіе юноши, обращенные въ христіанство; трое изъ нихъ были посланы въ 1589 году въ папскую семинарію въ Римъ. Но всего болѣе развитію ярославской коллегіи содѣйствовало поставленіе во главѣ ея Бенедикта Гербеста, опытнаго педагога и человѣка близко знакомаго съ мѣстными условіями (онъ самъ былъ галицкій шляхтичъ и совершилъ путешествіе по Галиціи). Рядъ несчастій затормозилъ однако учебныя успѣхи. Въ 1590 году сгорѣла школа и ученіе прекратилось; въ слѣдующемъ году было выстроено новое зданіе, но лекціи пока читались только семи новіціямъ. Но не успѣли собраться экстерны, какъ чума, свирѣпствовавшая въ теченіе 9 мѣсяцевъ, разогнала ихъ; прекращеніе чумы и трагикомедія „Ангель хранитель“ (Philacangelus) собрали ихъ опять, причемъ и здѣсь число воспитанниковъ увеличилось значительно на счетъ протестантскихъ училищъ. Основаніе вблизи Ярослава замостской академіи нисколько не повліяло ни на уменьшеніе числа студентовъ въ ярославской коллегіи, ни на успѣхи ихъ въ благочестіи, какъ съ радостію замѣтилъ авторъ „Отчета“ (Lit. an.). Напротивъ, можно думать, что процвѣтаніе самой академіи тормозилось успѣхами ярославской коллегіи, въ которой число студентовъ возросло въ 1598 году до 600 человѣкъ, считая схоластиковъ. Въ однихъ низшихъ классахъ преподавали шесть учителей (какъ и въ Вильнѣ). Такой наплывъ учащихся заставилъ іезуитовъ еще въ 1597 году строить новое школьное зданіе. Но въ маѣ 1600 года пожаръ, а затѣмъ моровая язва опять нанесли ярославской коллегіи огромный вредъ и надолго прервали учебныя занятія; только въ началѣ 1602 года была открыта школа, въ которой изъ пяти учителей двое пре-

---

¹⁾ Изъ различныхъ видовъ іезуитскихъ резиденцій только коллегіямъ было дано право заводить школы и принимать въ видѣ пожертвованій необходимыя для того средства (*Argentus, De rebus Societatis Iesu in Regno Poloniae, 1620, p. 128—130; здѣсь выясняется различіе іезуитскихъ колоній по ихъ задачамъ и отношенію къ имущественнымъ правамъ*). Но въ предѣлахъ западной Россіи въ нашъ періодъ существовало нѣсколько школъ и не при коллегіяхъ.

²⁾ *Wielewicki, Scr. rer. polon., XIV, 75. 76. Любовичъ, Къ исторіи іезуитовъ въ литовско-русскихъ земляхъ въ XVI в., стр. 8.*

подавали въ низшихъ классахъ, и вмѣстѣ возобновлено Богородичное студенческое братство. Но и въ этотъ разъ недолго пришлось заниматься: чума разсѣяла учениковъ; ученіе возобновилось въ январѣ 1603 года и продолжалось 9-ть мѣсяцевъ, пока опять въ концѣ октября не было прервано на 5 недѣль эпидеміей. Все это надолго лишило бы ярославскую коллегію ея прежняго значенія, если бы не пришли къ ней на помощь добрые люди. Благодаря имъ, іезуиты возстановили къ 1608 г. зданія коллегіи, оградил ихъ со стороны города высокимъ брандмауеромъ и учебный персоналъ низшихъ классовъ довели до пяти человекъ. Ярославская коллегія нашла особенно щедрую благодѣтельницу въ лицѣ дочери своей фундаторши Анны Костковой, княгини Острожской. Супруга князя Александра Острожскаго обнаруживала большую заботливость о студентахъ, одѣвая бѣдныхъ на свой счетъ и вспомоествуя бурсѣ. Въ 1610 году она отдала въ іезуитское училище двухъ своихъ сыновей. Изъ свѣтлыхъ сторонъ жизни ярославской коллегіи въ началѣ XVII стол. можно отмѣтить торжественное и пышное празднованіе памяти блаж. Станислава Костки (1605 г.), въ честь котораго были написаны многія стихотворенія, рѣчи, были приготовлены эмблематическія изображенія, выведены были на сцену ангелы (двухъ изъ нихъ представляли два мальчика изъ фамиліи Костковъ); спектакль въ честь блаж. Криспа (1613 г.), торжественную встрѣчу возвращавшагося изъ-за границы князя К. Острожскаго, въ честь котораго было напечатано стихотвореніе „Charisterion“ (Львовъ, 1615) ¹⁾.

На іезуитскую школу въ Замостьи можно смотрѣть, какъ на колонію ярославской коллегіи. Она получила начало не ранѣе марта 1581 г., когда былъ посланъ сюда Янъ Гербестъ, братъ Бенедикта. Занявшись главнымъ образомъ обращеніемъ въ католичество при помощи исповѣди схизматиковъ и еретиковъ, Янъ Гербестъ не замедлилъ открыть и школу, которая къ концу года стала наполняться шляхтой. Первоначально она помѣщалась внѣ города; но въ томъ же году ее собирались перевести въ самый городъ, въ домъ одного шляхтича. Тогда же начали строить и собственныя помѣщенія. Замостскіе іезуиты пользовались покровительствомъ Яна Замойскаго, который не чуждъ былъ даже мысли превратить замостскую резиденцію іезуитовъ въ коллегію ²⁾. Съ открытіемъ въ Замостьи академіи іезуитская школа прекратила свое существованіе, по крайней мѣрѣ мы не встрѣчаемъ болѣе о ней упоминанія, хотя миссія іезуитская была здѣсь еще въ 1607 г. ³⁾.

¹⁾ Litterae annuae S. I. 1584, pp. 148, 151; 1585, 209, 210; 1589, 127, 128; 1591, 747, 753; 1592, 68; 1593, 260; 1594—5, 328; 1598, 429, 430; 1599, 453, 459; 1600, 558, 559; 1602, 738—741; 1603, 676, 677; 1605, 915—917; 1608, 663, 691, 692; 1610, 413; 1611, 622; 1613—14, 412. *Bandtkie*, Historia drukarń w Królestwie Polskim i księstwie Litewskim (Kr., 1826), I, 316. 317. *Łukasz*, IV, 74. 75. *Демьяновичъ*, Іезуиты въ Западной Россіи, 66—68.

²⁾ *Любовичъ*, Къ исторіи іезуитовъ... Прилож. №№ IV и V: письма Яна Гербеста и Каллгари къ Яну Замойскому 1 мая и 20 декабря 1581 г. *Pierling*, Vathory et Possevino, Paris, 1837 г., № 37: письмо Поссевина къ кардиналу ди-Комо 26 января 1582 г.

³⁾ Lit. an. S. I. 1607, 445. 446.

Основаніе *полоцкой коллегіи* должно относить къ 1581 году, хотя еще за два года до этого іезуитамъ дана была возможность поселиться въ этомъ городѣ. Стефанъ Баторій, осадивъ въ августѣ 1579 года Полоцкъ, взялъ его послѣ даннаго по совѣту находившихся въ лагерѣ іезуитовъ обѣта и тотчасъ же написалъ въ Вильну Петру Скаргѣ: „пусть прибудетъ начальникъ съ братіей и возьмемъ то, что посвящено Богу за дарованную побѣду. Пусть виленскіе іезуиты не завидуютъ своимъ лужитанскимъ и испанскимъ собратіямъ, которые въ Азій и Америкѣ приобрѣтаютъ поклонниковъ истиннаго Бога: къ нимъ индѣйцы и японцы еще ближе,—это русскіе полочане, жители города, весьма невѣжественнаго въ дѣлахъ вѣры“. ¹⁾ Но такъ какъ основаніе новой коллегіи требовало сношеній съ Римомъ, то, несмотря на горячее желаніе короля, дѣло нѣсколько затянулось, тѣмъ болѣе, что нужно было еще послать королевскихъ ровизоровъ для опредѣленія будущихъ владѣній іезуитовъ. Съ ними - то въ 1580 году поѣхало въ Полоцкъ нѣсколько іезуитовъ, а въ іюль 1581 года король, отправляясь тудъ же, взялъ съ собою и Скаргу. Здѣсь король лично распорядился возвратить дворянамъ и гражданамъ то имущество, на владѣніе которымъ они предъявили законныя основанія, а прочее передалъ іезуитамъ съ тѣмъ условіемъ, чтобы хорошо устроенная коллегія могла содержать до 50 членовъ общества, а если бы оказался остатокъ, то чтобы была фундована семинарія, парохія или госпиталь, по усмотрѣнію коллегіи. ²⁾ 2 января 1582 года Баторій закрѣпилъ свой даръ жалованный грамотой, въ которой заявлялъ, что желая обратить къ намѣстнику Христа и просвѣтить науками, изящными искусствами и истинной религіей здѣшній народъ, погруженный въ схизму и невѣжество, онъ порѣшилъ передать полоцкимъ іезуитамъ имѣнія всѣхъ городскихъ церквей, кромѣ кафедральной (т. е. имѣнія семи монастырей и 8 церквей), мыто съ моста черезъ Двину, плацъ въ верхнемъ замкѣ, плацъ между городомъ и замкомъ, островъ на рѣкѣ („Островъ“) для постройки на немъ коллегіи и право построенія мельницы на рѣкѣ Полотѣ. вмѣстѣ съ тѣмъ король приказывалъ немедленно передать іезуитамъ тѣ изъ указанныхъ имѣній, котрыя находились въ рукахъ частныхъ лицъ. Однако въ Польшѣ королю легче было приказать, чѣмъ заставить повиноваться себѣ. Отдано было іезуитамъ не все, да и отданное, какъ опустошенное войной, было такъ ничтожно, что „не стоило людской зависти“: въ первые четыре года на доходъ съ селъ нельзя было содержать даже трехъ отцовъ. Всего болѣе вредило полоцкимъ іезуитамъ нерасположеніе къ нимъ мѣстнаго населенія во главѣ съ православнымъ епископомъ и воеводой Николаемъ Монвидомъ Дорогостайскимъ, кальвинистомъ. Послѣдній съ самаго же начала сталъ во граждебное къ нимъ отношеніе. Когда въ 1583 г. онъ вошелъ было въ составъ королевской комиссіи для разграниченія надѣловъ полоцкой коллегіи, то совершенно затормозилъ ея дѣятельность,

¹⁾ *Rostowski*, 90. 91.

²⁾ *Pierling*, Bathory et Possevino, № 23. *Wielewicki*, *Scriptores rerum polonicarum*, VII, 18. *Любовичъ*, Къ исторіи іезуитовъ въ литовско-русскихъ земляхъ въ XVI в., 15, прим.

вооруживши противъ іезуитовъ всю шляхту подѣ тѣмъ предлогомъ, что софійскій соборъ и монастырь Спаса отданы имъ королемъ безъ всякаго права, такъ какъ они владѣютъ древними привиллегіями. Исключенный Баторіемъ, по донесенію Скарги, изъ состава комиссіи, Дорогостайскій не унялся и нѣсколько разъ пытался отнять у іезуитовъ замковое имѣніе Екимани (Iekimani) ¹⁾. При всѣхъ этихъ неблагопріятныхъ для учебныхъ занятій обстоятельствахъ іезуиты собрали пять мальчиковъ и открыли ученіе еще, кажется, въ 1581 году. ²⁾ Но скоро положеніе іезуитовъ и школы улучшилось и тѣ самыя „фотиніане“, которые, не имѣя своей школы, по зависти не посылали къ нимъ дѣтей, послѣдовавъ примѣру воеводы и епископа, изъ которыхъ первый отдалъ въ училище своихъ сыновей, а второй—племянника,—стали пользоваться трудами ихъ по части образованія ювоншества, такъ что уже въ апрѣлѣ 1582 года іезуиты имѣли или надѣялись имѣть достаточно учениковъ. ³⁾ Дисциплина школы, драмы и нѣсколько діалоговъ, разыгранныхъ учениками, торжественность іезуитскаго богослуженія, подвиги членовъ студенческаго братства, общежитіе для бѣдныхъ учениковъ,—все это также имѣло немалое значеніе въ этой перемѣнѣ настроенія гражданъ. Наконецъ, полоцкимъ іезуитамъ побѣдить нерасположеніе православныхъ къ своей школѣ удалось тѣмъ легче, что они въ 1584 году стали „обучать ихъ дѣтей русскимъ письменамъ“: конечно, простодушные граждане не знали, что это дѣлается для того и „такимъ образомъ, чтобы дѣти привыкали къ латинскимъ буквамъ и обрядамъ“. Въ виду этихъ успѣховъ и въ ожиданіи большихъ, іезуиты въ 1585 году начали строить для школы отдѣльное зданіе, такъ какъ до этого она, повидимому, занимала временное помѣщеніе. И, дѣйствительно, полочане сдѣлались настолько ревностны къ іезуитскому просвѣщенію, что нѣкоторые изъ нихъ стали покупать дома близъ коллегіи, чтобы дѣтямъ было ближе ходить въ школу, а иные требовали учителей къ себѣ на домъ. Послѣднее однако едва ли могло быть допущено, такъ какъ въ октябрѣ 1586 года въ Полоцкѣ изъ десяти человекъ іезуитовъ только трое занимались учительствомъ, да и они нужны были для публичнаго преподаванія. При всемъ томъ іезуиты не были довольны школой: она была малолюдна. Объясняя это не только враждой къ себѣ иновѣрцевъ, но и тѣмъ обстоятельствомъ, что школа отстояла довольно далеко отъ го-

¹⁾ Витебская старина, V, ч. I, №№ 49. 51; Ср. А. З. Р., III, № 143; *Wielewicki, Scriptores rerum polonicarum*, VII, 43. 44. 59. 74. *Rostowski*, 112. Исторія утвержденія полоцкихъ іезуитовъ во владѣльческихъ правахъ тянется долго и выходитъ за предѣлы нашего періода (См. относящіяся сюда документы въ А. Ю. и З. Р. I, № 215, и «*Informacja o fundacji collegium polockiego*»—въ Витеб. губ. вѣд., 1867 г., № 32).

²⁾ Ростовскій сообщаетъ о Стан. Лэнчицкомъ (*Lanciciensis*), ученомъ математикѣ, что онъ первый началъ ученіе (*magisterii labores*) и умеръ 7 января 1581 г. (р. 93).

³⁾ О расположенности къ іезуитамъ полоцкаго епископа Теофана Рыпинскаго свидѣтельствовалъ Посевинъ въ апрѣлѣ 1582 г. (*Turgieniew, Supplementum ad histor. Russiae monumenta*, 401). Но онъ не своего сына отдалъ въ іезуитскую школу, какъ сообщаетъ Ростовскій (93), а сына сестры. Впрочемъ, *Litterae annuae* свидѣлствуютъ, что возвращеніе мальчика въ католичество совершилось безъ вѣдома епископа.

рода, иезуиты въ 1597 году заложили въ самомъ городѣ новое деревянное зданіе для коллегіи, куда въ ноябрѣ слѣдующаго года и перебрались вмѣстѣ съ школой, оставивъ на старомъ мѣстѣ, въ замкѣ, только новиціевъ, жившихъ здѣсь до 1602 года. Но и на новомъ мѣстѣ едва ли успѣхи школы были очень значительны: иезуиты попрежнему жаждутся на малое число учениковъ, попрежнему въ ней три класса (два грамматики и одинъ поэзіи) и три преподавателя ¹⁾. Но въ послѣдствіи, быть можетъ, въ полоцкую школу было введено и преподаваніе риторики и философіи съ богословіемъ, если только извѣстіе Ростовскаго о двухъ умершихъ въ 1625 году въ Полоцкѣ профессорахъ—Стан. Кнапскомъ и Нив. Бенедиктѣ, изъ которыхъ первый протрудился въ школѣ 20 лѣтъ, преподавая грамматику и краснорѣчіе, второй—краснорѣчіе, философію и богословіе ²⁾,—можно понимать такъ, что эти лица провели все время въ Полоцкѣ и притомъ имѣли дѣло не съ новиціями.

Изъ другихъ свѣдѣній о жизни полоцкой школы можно отмѣтить слѣдующія. Въ 1596 году моровое повѣтріе унесло нѣсколько юношей: въ 1602 году коллегія пострадала отъ пожара, вслѣдствіе чего число учениковъ значительно уменьшилось; въ 1603 году библіотека коллегіи увеличилась изданіями докторовъ церкви на сумму въ 580 фл.; въ этомъ же году особенно торжественно отпразднованы были дни Пасхи и Тѣла Христова, причемъ въ процессіи принималъ участіе и русскій (уніатскій) епископъ, который присутствовалъ и на драмѣ, разыгранной школьниками. Эпидемія 1604 года, вѣроятно, надолго прекратила ученіе, если новиціевъ во главѣ съ ректоромъ Михаиломъ Беканомъ перевели въ Вильну и купили для нихъ даже два дома. Въ 1607 г. здѣсь были для нихъ выстроены деревянные бурса и конвиктъ ³⁾.

Полоцкіе иезуиты завели еще двѣ школы, кромѣ полоцкой: въ *Оршѣ* и еще въ какомъ-то сосѣднемъ городѣ, причемъ и тамъ и здѣсь главный

¹⁾ Lit. annuae S. I. 1584, p. 151. 152; 1585, 213. 214; 1586—7, 157. 158; 1588, 105; 1591, 782. 783; 1594, 334; 1596, 44; 1597, 64; 1598, 409; 1599, 477; 1600, 560, 561; 1602, 712, 747, 748, 753, 754; 1604, 752, 753; 1606—8, 761; 1611, 644. Ростовскій (p. 361) и г. Сапуновъ («Замѣтка о коллегіи и академіи въ Полоцкѣ», 9—11) утверждаютъ, вѣроятно, на основаніи королевской грамоты 2 января 1582 г., что первоначально школа была построена на Островѣ, откуда перенесена была въ городъ только въ 1641 году въ виду неудобства сообщенія. Но Litterae annuae прямо говорятъ, что училище съ коллегіей существовали до 1598 г. въ замкѣ (in arce), а послѣ перенесены были въ городъ. Велевицкій же сообщаетъ, что комиссары въ 1583 г. назначили для коллегіи и школы площадь возлѣ храма въ городѣ (Scriptores rerum polon., VII, 44).

²⁾ *Rostow.*, 304.

³⁾ Litt. ann. 1596, 44; 1602, 751—3; 1603, 685; 1604, 758; 1607, 494. *Rostow.*, 219. Что полоцкихъ схоластикомъ перевели въ Вильну не навсегда, а только на время, хотя и значительное, видно изъ упоминанія о нихъ подъ 1608—1611 годами. Въ 1608 г. въ Полоцкѣ перенесенъ риторическій классъ изъ Несвижа (Lit. an. 1608, 767. 770). Для исторіи полоцкой коллегіи, быть можетъ, дастъ что-нибудь новое брошюрка: «Notatka o akademii i szkołach iezuitów w Połocku» (Poznań, 1884); мы, къ сожалѣнію, не могли до-
стать ее.

контингентъ учащихся составляли дѣти шляхты и еретиковъ ¹⁾. Въ Оршѣ школа существовала непрерывно до учрежденія коллегіи, вопросъ о коей назрѣлъ уже къ 1606 году и рѣшенъ былъ въ положительномъ смыслѣ самимъ королемъ, который и выстроилъ ее не позже 1620 года. Возведеніе резиденціи въ Оршѣ на степень коллегіи имѣло для школы благотворное значеніе: іезуиты, пожелавъ монополизировать образованіе, выхлопотали чрезъ своего благожелателя Яна Ходкевича привилей, въ силу котораго никому изъ „фотиніанъ“ не дозволялось устраивать школы ни въ Оршѣ, ни въ сосѣднихъ мѣстахъ ²⁾.

Учрежденіе *люблинской коллегіи* обусловилося весьма щедрыми пожертвованіями нѣсколькихъ знатныхъ поляковъ (1581). По донесеніямъ въ Римъ нунція Калигари, молодой Бернардъ Мацѣевскій (впослѣдствіи гнѣзненскій архіепископъ) пожертвовалъ для люблинской коллегіи имѣній на 30 тысячъ флориновъ, лежавшій на нихъ долгъ въ 10 тыс. флорин. погасила его двоюродная сестра Ваповская, Н. Зебржидовскій подарилъ на 14 тысячъ имѣній съ рыбными ловлями и лѣсами и, наконецъ, Тенчинскій, белзскій воевода, отдалъ подъ коллегію большой каменный домъ въ городѣ. Домъ Тенчинскаго и былъ облюбованъ іезуитами, которые перебрались въ него на второй день послѣ своего прибытія въ Люблинъ (1 сент. 1581 г.). Къ этимъ пожертвованіямъ присоединились новыя: превосходный садъ, подаренный сестрой Тенчинскаго, площадь, уступленная гражданами, и т. п. Самъ Баторій ассигновалъ въ теченіе пяти лѣтъ пять тысячъ флориновъ на постройку коллегіи, а въ 1585 году въ три дни на нее собрано было 20 тысячъ флориновъ ³⁾. Когда именно была открыта школа, неизвѣстно; можно только думать, что скоро по основаніи самой коллегіи или одновременно съ нею, если въ 1586-7 гг. всѣ четыре класса ея были наполнены учениками, которыхъ собралось болѣе 500. Впрочемъ, этотъ необычайный успѣхъ люблинской школы, вслѣдствіе какихъ-то печальныхъ для іезуитовъ обстоятельствъ, скоро былъ парализованъ и въ 1589 году учениковъ насчитывалось только 300. Случилось въ этомъ году и еще одно неблагопріятное событіе: во время пребыванія короля въ Люблинѣ, на другой день послѣ того, какъ онъ посѣтилъ іезуитовъ и былъ привѣтствованъ рѣчами и стихами студентовъ, вспыхнулъ пожаръ и истребилъ постройки коллегіи. Однако, случай этотъ учебныхъ занятій не прервалъ: они продолжались въ приспособленномъ для того домѣ. Болѣе серьезный ударъ нанесенъ былъ коллегіи моровымъ повѣтріемъ, посѣтившимъ Люблинъ въ 1591 году и заставившимъ іезуитовъ удалиться отсюда и закрыть на время свою все еще процвѣтавшую школу, въ которой уже преподавало семь человѣкъ: пять—въ низшихъ классахъ и два—казуистическое и полемическое богословіе. Но скоро люблинское училище опять поднялось на прежнюю высоту и въ 1596 году мы опять

¹⁾ Litt. ann. 1594—5, 332.

²⁾ Relacye nuncyuszów apostolskich, II, 103. 104. Lit. an. 1609, 461; 1611, 673. *Argentus*, p. 30. *Rostowski*, 241. 291.

³⁾ *Wielewicki*, *Scriptores rerum polonicarum*, VII, 25, 26. *Любовичъ*. Къ исторіи іезуитовъ., 16, примѣч. 1.

видимъ въ немъ 400 студентовъ. Многіе изъ нихъ обнаружили въ этомъ году свои ораторскіе и поэтическіе таланты при встрѣчѣ кардинала Юрія Радвилла, который два года тому назадъ записалъ на люблинскую коллегію село Лезово. Между тѣмъ спектакли, дававшіеся студентами, понравились особенно шляхтѣ, посѣщавшей трибунальные суды въ Люблинѣ, и цифра учениковъ, ежегодно повышаясь, дошла въ 1600 году до 600. Эта масса попрежнему была раздѣлена на пять низшихъ классовъ и богословское отдѣленіе, состоявшее изъ двухъ каедръ—казуистики и полемики. 1602-й годъ ознаменовался въ исторіи люблинской коллегіи трехмѣсячнымъ перерывомъ въ занятіяхъ по случаю эпидеміи, приобрѣтеніемъ весьма удобной и живописной пригородной дачи и перенесеніемъ сюда изъ Ярослава риторическихъ курсовъ для схоластиковъ, такъ называемой академіи. На слѣдующіе годы падаютъ въ люблинской коллегіи торжества, въ которыхъ принимали участіе и студенты. Въ 1605 году они встрѣчали проѣзжавшихъ чрезъ Люблинъ персидскаго посла и пословъ Лжедмитрія; послѣдніе, осмотрѣвъ классы, заявили иезуитамъ, что ихъ государь имѣетъ намѣреніе воспитывать молодежь подобнымъ же образомъ и на Москвѣ, а на обратномъ пути обѣщали прислать сюда для образованія учениковъ изъ московскаго государства. Въ 1606 году студенты привѣтствовали въ храмѣ латинскою рѣчью и латинскими и польскими стихами невѣсту Лжедмитрія. Въ этомъ же году продолжалось нѣсколько дней торжество въ честь блаж. Станислава Костки, съ пѣніемъ, „симфоніями“ и спектаклемъ. Ко времени 1606—1610 годовъ относятся обогащеніе бібліотеки коллегіи книгами, завѣщанными мѣстнымъ земскимъ судьей Конецпольскимъ, на сумму въ 600 фл., учрежденіе конвикта и построеніе новаго училищнаго зданія, на счетъ Варвары Замойской¹⁾.

На конецъ изслѣдуемаго нами періода въ жизни люблинской коллегіи приходятся событія, рисующія ее въ неблагопріятномъ свѣтѣ, хотя характерныя для иезуитскаго учебнаго заведенія. Въ 1614 году люблинскіе иезуитскіе студенты разрушили протестантскій храмъ²⁾; спустя 13 лѣтъ они произвели еще большій разгромъ, при которомъ пострадали зборы кальвинскій и соцініанскій и дома многихъ изъ шляхты. Поводомъ къ нему было слѣдующее обстоятельство. 1 августа 1627 года студенты провожали въ Калишъ своихъ профессоровъ. Возвращаясь назадъ, они на предмѣстьи города задѣли нѣмецкую стражу белзскаго воеводы. Нѣмцы въ обиду себя не дали и—на полѣ стычки остался трупъ одного студента. Возбудивъ народъ извѣстіемъ о томъ, что протестанты убиваютъ католиковъ, студенты и разрушили съ его помощью оба збора. Трибунальный декретъ о выселеніи протестантовъ изъ Лю-

---

¹⁾ *Litterae annuae* S. I. 1584, 152; 1585, 201, 215; 1586—7, 163; 1589, 123; 1591, 747, 756; 1594—5, 329; 1596, 28—31; 1598, 430; 1599, 459; 1600, 562; 1602, 712, 738, 741, 743; 1605, 913; 1607, 396; 1608, 603, 688 (cf. 1606—8, 729, 731); 1609, 420; 1610, 402, 411. *Wielewicki, Diarium* (*Script. rerum polonic.*, X, 2, 120).

²⁾ *Relacya nuncyuszów apostol.*, II, 111, прим. 1.

блина способствовалъ, конечно, успѣхамъ іезуитской коллегіи ¹⁾. Но, вѣроятно, не только этими двумя подвигами создалась слава люблинскихъ іезуитскихъ студентовъ, какъ самыхъ буйныхъ, наряду съ виленскими, почему на конвокаціонномъ сеймѣ 1632 года диссиденты и просили о перенесеніи коллегій изъ Вильны и Люблина на другія, болѣе спокойныя мѣста ²⁾.

Несвижская коллегія основана Ник. Христ. Радивилломъ (Сиротой) въ 1584 году. Князь приглашалъ въ Несвижъ іезуитовъ еще въ 1582 году, но они тогда отклонили приглашеніе, хотя и послали на всякій случай для приготовленія почвы двухъ братьевъ. Укрѣпившись послѣ путешествія въ Іерусалимъ въ своемъ намѣреніи водворить іезуитовъ въ своихъ многочисленныхъ имѣніяхъ, „въ которыхъ не оставалось почти никакого слѣда св. вѣры“, Радивиллъ настоялъ на своемъ и въ 1584 году несвижская резиденція была преобразована въ коллегію, а въ слѣдующемъ году была открыта школа грамматики, въ которую набралось 40 учениковъ. вмѣстѣ съ тѣмъ іезуиты начали катихизацію мальчиковъ, не посѣщавшихъ училища ³⁾. Первоначально іезуиты со школой были помѣщены въ какомъ-то жалкомъ деревянномъ домѣ (w drzewie białym), поэтому, а также потому, что число учениковъ чрезъ годъ увеличилось вдвое, въ силу чего должно было умножиться и число самихъ іезуитовъ, приступлено было въ 1586 году къ построенію на пожертвованныя Радивилломъ 8 тыс. флориновъ на отведенномъ имъ же мѣстѣ каменныхъ зданій, настолько, повидимому грандіозныхъ, что въ три года была отдѣлана только половина ихъ, хотя и большая; тѣмъ не менѣе въ 1588 году іезуиты уже перебрались въ оконченную часть коллегіи, гдѣ ученики и привѣтствовали фундатора. Поддержаніе коллегіи и новаго храма, который князь началъ воздвигать для іезуитовъ, потребовало опредѣленной фундаціи и Радивиллъ далъ іезуитамъ дарственную запись на волость Липскую съ 8 деревнями, утвержденную сеймомъ 1589 года. Но и кромѣ этой фундаціи Радивиллъ часто оказывалъ благодѣянія школьникамъ, одѣвая бѣдныхъ на свой счетъ. Другія же благодѣтели собрали 1500 флориновъ на устройство общежитія при коллегіи ⁴⁾. Въ 1591 году несвижская коллегія представляла такой видъ. Изъ 30 іезуитовъ шестеро состояли преподавателями: два грамматики, одинъ поэтѣи, одинъ риторѣи и двое казуистическаго и полемическаго богословія; изъ остальныхъ нѣкоторые слушали богословскія науки (5) и риторику (16), а нѣкоторые занимались дѣлами миссіи. Кромѣ этихъ 30 іезуитовъ, въ коллегіи жило 8 братьевъ ордена, присланныхъ изъ Юрьева по случаю ливонскихъ бѣдствій и изучавшихъ

¹⁾ Письмо Петра Станкара 1627 года къ польному литовскому гетману (Рук. Имп. публ. библ. Пол. F, IV, 216). *Lubiczescius*, Hist. reform. Poloniae, 261. 263. 269.

²⁾ *Голубевъ*, Петръ Могила, Прилож., стр. 412.

³⁾ Lit. an. 1584, 146. 152; 1585, p. 221; *Rostow.*, 110. 111. 123. 124; *Theiner*, *Annales ecclesiastici*, III, подъ 1584 г., № 75.

⁴⁾ Рук. Имп. публ. библ. Пол., F, IV, 190,—письмо Ник. Хр. Радивилла отъ 1589 г. 16 іюля; Lit. ann. 1586—7, p. 181; 1588, p. 108; 1589, 138. *Wielewicki*, *Scriptores rerum polonicarum*, VII, 92. *Volumina legum*, II, 288.

здѣсь гуманитарныя науки. Ученики обнаружили какъ свое благочестіе, подвергнувъ себя въ великомъ посту самобичеваніямъ и другимъ проявленіямъ религіозности, требуемымъ правилами образовавшагося среди нихъ въ 1586-7 гг. Богородичнаго братства, такъ и успѣхи въ наукахъ, разыгравши въ присутствіи папскаго нунція Рагонии драму ¹⁾. Не менѣе учениковъ другихъ іезуитскихъ гимназій они проявляли стремленіе къ писанію по всякимъ поводамъ высокопарныхъ и трескучихъ стихотвореній. Таково, напр., „*Carmen votivum ad angelorum principes*“, по случаю благополучнаго возвращенія князя Ник. Христ. Радивилла съ генеральнаго сейма 1601 года ²⁾. Такого же рода стихи писались, вѣроятно, и по случаю возвращенія Радивилла изъ Италіи въ 1593 году и по случаю посѣщенія коллегіи уніатскимъ митрополитомъ и канцлеромъ Львомъ Сапѣгой въ 1600 году. Въ 1606 году одинъ изъ несвижскихъ студентовъ привѣтствовалъ рѣчью на латинскомъ языкѣ сан-домирскаго воеводу, отправлявшагося съ дочерью въ Москву; приготовлена была рѣчь и для невѣсты Димитрія Самозванца, но послѣдняя отклонила ее ³⁾.

Составъ преподававшихся въ несвижской школѣ учебныхъ предметовъ подвергался значительнымъ колебаніямъ. Мы видѣли, что въ 1591 году она состояла изъ 4-хъ низшихъ классовъ и богословскаго отдѣленія съ преподавателями казуистическаго и полемическаго богословій. Но съ слѣдующаго года число несвижскихъ іезуитовъ падаетъ съ 30 на 16 и вмѣстѣ съ собою сокращается число учителей: въ 1596 году ихъ только трое и преподаютъ они въ трехъ низшихъ классахъ. Къ самому концу XVI столѣтія дѣла улучшаются; ученики—иновѣрцы проявляютъ всё большее стремленіе къ католичеству и самая школа помѣщается въ нижнемъ этажѣ вновь выстроеннаго флигеля. Въ 1600 году опять вводятся полемическое и казуистическое богословіе и число учителей возрастаетъ до 5, кромѣ тѣхъ, которые занимались съ новиціями; изъ нихъ двое преподаютъ богословскіе предметы, одинъ гуманитарные и двое грамматику. Въ 1602 году преподавали трое въ низшихъ классахъ, двое на богословскомъ отдѣленіи и одинъ занимался съ новиціями—академиками, изъ которыхъ 6 слушали казуистическое богословіе и 6 риторику. Черезъ нѣсколько лѣтъ профессору полемическаго богословія поручили читать и священное писаніе. Изъ низшихъ классовъ и въ 1606—8 годахъ въ двухъ преподавалась грамматика, въ одномъ—позвія; риторика читалась только новиціямъ. Одновременно съ этимъ развилась, благодаря щедрости нѣкоего граждаина, и бурса для бѣдныхъ. Послѣднее извѣстіе изъ исторіи несвижской коллегіи въ нашъ періодъ находимъ у Ростовскаго подъ 1625 годомъ. Въ этомъ году сюда были переведены по случаю мороваго повѣтрія виленскіе студенты богословія, но и въ Несвижъ пробравшаяся зараза разогнала коллегію. Остались только іезуиты для попеченія объ умирающихъ и двѣнадцать новиціевъ, слушавшихъ богословіе у о. Аланда ⁴⁾.

¹⁾ Lit. ann. 1591, p. 784—5; cf. 764.

²⁾ Рук. Имп. публ. библ. Лат., Q, XIV, 175.

³⁾ Lit. ann. 1593, 265; 1600, 574. *Wielewicki*, *Scriptores rerum polonic.*, X, p. 121.

⁴⁾ Lit. ann. 1596, 42; 1598, 412; 1599, 493; 1600, 573; 1602, 712; 1606—8, 761 (ср. 1603, 742; 1609, 450; 1611, 665. *Kostowski*, 303.

Начало іезуитской коллегіи и школы во *Львовѣ* должно быть отнесено къ 1608 году, хотя іезуиты появились здѣсь впервые въ 1585-1586 годахъ, вызванные сюда мѣстнымъ латинскимъ архіепископомъ Яномъ Димитріемъ Соликовскимъ, который отвелъ имъ на первыхъ порахъ нѣкоторыя зданія каеэдры. Львовскіе іезуиты, хотя число ихъ до открытія коллегіи не превышало тринадцати, успѣли развить самую широкую дѣятельность на пользу католичества. Дѣйствуя за предѣлами Львова, іезуитскія миссіи привели къ униі три города и 30 русскихъ сель. 43 попа, по словамъ „Годичнаго отчета“, проклинали схизму и затѣмъ служили и говорили проповѣди на своемъ языкѣ и по своимъ обрядамъ въ католическихъ церквахъ, а іезуиты служили латинскія мши въ униатскихъ храмахъ, проповѣдуя по-польски и по-русски. Ревностнымъ католикамъ желалось для еще большихъ успѣховъ латинства возвести львовскую резиденцію въ разрядъ коллегій еще съ первыхъ годовъ ея существованія, и они дѣлали щедрыя пожертвованія на этотъ предметъ и деньгами и деревнями. Но на пути къ осуществленію этого желанія стояли городскія власти, которыя опасались за свою школу и за спокойствіе города. И, дѣйствительно, іезуиты успѣли уже заявить себя насиліями: въ 1600 году они попытались отнять у львовскихъ евреевъ синагогу, ¹⁾ что имъ и удалось потомъ. Теперь іезуиты были недалеко отъ того, чтобы открыть школу въ „своемъ“ уголкѣ, но этому опять энергично воспротивились львовскіе граждане, защищавшіе интересы краковскаго университета, и имъ пришлось продолжать тяжбу съ магистратомъ; въ концѣ концовъ іезуиты при помощи вельможныхъ покровителей и самого короля добились того, что граждане уступили имъ за 9 тысячъ флориновъ плацъ у ихъ калити, баню и домъ магистратскій подъ названіемъ „старая школа“, и 2 октября 1608 года іезуиты открыли уже ученіе въ своей гимназіи, послѣ договора, заключеннаго съ магистратомъ и капитулой ²⁾. Но нечего говорить, что іезуиты этого договора не исполнили, да и не могли исполнить, если отъ учениковъ не было отбою. А что въ самомъ дѣлѣ наплывъ къ нимъ учащихся былъ великъ, видно изъ того, что при открытіи гимназіи ихъ оказалось болѣе 200, а на другой годъ—400 человекъ. Въ виду такого обилія учени-

¹⁾ Въ «Оглашеніи церкви братской Львовской» (1600) читаемъ:... «невѣрный и каменосердечный твердостный народъ отверженный отъ лица Божія ратунокъ одъ всюду подали и вставали противко отцомъ езуитомъ и недали взяти школы собѣ albo божници своей жидовской во Львовѣ» (Тр. Кіев. д. ак., 1876. I, 386—7).

²⁾ *Litterae annuae* 1598, 436; 1599, 465; 1603. 996—700; 1606—1608, 746. 747. *Wielewicki*, *Script. rerum polon.*, X, 280. *Barcz*, *Pamiętnik dziejów polskich*, 9—13. Вопреки всѣмъ этимъ свидѣтельствамъ, Тома Юзефовичъ въ своихъ сочиненіяхъ: «*Leopoliensis archiepiscopatus Historia*» (Рук. Имп. публ. библ. Лат., F, I, № 585, л 50) и «*Annales urbis Leopoliensis*» (Bibliot. narod. zakładu im. Ossolinskich, IX, 254) утверждаетъ, на основаніи будто-бы рукописныхъ данныхъ коллегіи, что учебныя занятія въ Львовѣ начались въ 1609 г. Съ другой стороны, Март. Ржеховскій, о которомъ говоритъ Юзефовичъ, и Зиморовичъ, авторъ сочиненія: «*Codex archivalis civitatis Metropolitanis Leopoliensis*», 1765 г. (Рукоп. Имп. публ. библ., Лат., F, IV, 173) приурочиваютъ начало уроковъ къ сентябрю 1608 г. За принятую нами дату—авторитетъ *Litterae annuae*, Велевицкаго и документа, изданнаго Барончемъ (*Liber resignationum* 1600—1620).

ковъ уже въ 1611 году пришлось купить новый домъ для школы, въ которомъ и было устроено 6 классовъ. Значеніе львовской коллегіи съ школой скоро еще болѣе увеличилось, когда ей была пожертвована библиотека, оцѣненная въ тысячу червонцевъ, и 14300 флоринновъ деньгами (1614 г.). Составъ курса опредѣлился въ 1615 г. такимъ образомъ: два профессора читали богословіе схоластическое и моральное (по другому извѣстію, двое читали казуистику), одинъ—полемиическое и въ трехъ классахъ преподавались гуманитарныя науки. Въ такомъ видѣ программа выполнялась по крайней мѣрѣ до 1630 г. ¹⁾ Впослѣдствіи, во второй половинѣ XVII в., львовскіе іезуиты пытались, но неудачно, возвести свою школу на степень академіи ²⁾. — Свойственная всѣмъ іезуитскимъ школамъ страсть къ виршениванію во Львовѣ нашла себѣ выраженіе въ двухъ панегирикахъ, изъ которыхъ первый— „Vota, fausta, omina, gratulationes“ былъ составленъ по поводу вступленія на львовскую кафедру новаго архіепископа Іоанна Андрея Прохницькаго ³⁾, а второй— „Aprophetum Generthiasum“—представляетъ изъ себя именное стихотворное поздравленіе на латинскомъ и греческомъ языкахъ львовскому гражданину Эразму Сиксту, издателю и знатоку классической литературы, составленное его сыномъ и товарищемъ послѣдняго въ 1622 г. и полное міеологія ⁴⁾.

Въ г. *Савинъ* холмскаго повѣта, въ двухъ миляхъ къ сѣверу отъ Холма, существовала въ 1608 г. школа при іезуитской миссіи, но мы не знаемъ, когда она была заведена. Способъ же выраженія Годичнаго отчета даетъ думать, что іезуиты возстановили въ Савинѣ пришедшую въ упадокъ мѣстную католическую школу, а не учредили вновь свою ⁵⁾.

Въ 1609 г. была основана коллегія въ *Луцкѣ*. Необходимость въ іезуитахъ для улучшенія печальнаго религіознаго положенія луцкой католической епархіи была признана еще еп. Бернардомъ Мацѣвскимъ, который и пригласилъ сюда двухъ миссіонеровъ; съ ними онъ ѣздилъ и по епархіи. Въ 1604 г. новый луцкій епископъ Мартинъ Шишковскій, объѣзжая съ приглашенными имъ іезуитами свой діоцезъ, нашель, что волинская земля, владѣющая еретическими и схизматическими школами, не имѣетъ католической, почему предложилъ капитулѣ вызвать въ Луцкъ членовъ ордена. Капитула согласилась и предоставила обсужденіе способовъ фундаціи коллегіи самому епископу, причемъ дала и средства—частью новыя, частью назначенныя раньше на построеніе

¹⁾ Lit. an. S. I. 1608, 663. 692—694; 1609, 421. 422; 1610, 416; 1611, 590. 623. *Wielewicki*, Script. rer. polon., XIV, 116 et praefatio, p. IX. *Iusephowicz*—Рук. Имп. публ. библ., лат., F. I, № 585, л. 49 об., и *Bibl. Ossolinskich*, IX, 254.

²⁾ *Łukasz*, I, 156 et sqq.

³⁾ *Bandkie*, I, 397. Панегирикъ напечатанъ въ 1615 г.

⁴⁾ Рукон. Имп. публ. библ., Лат., Q, XIV, № 105.

⁵⁾ Lit. an. 1608, p. 714. Савинъ съ половины XV ст. принадлежалъ холмскимъ католическимъ епископамъ, которые, вѣроятно, и заводи здѣсь школу. О ней встрѣчаемъ упоминаніе позднѣе, въ 1642 г.; завѣдывалъ ея тогда холмскій деканъ (А. В. А. К., XXIII, № 209 и пред., стр. 182. 184).

семинаріи. Рѣшено было отдать іезуитамъ въ пользованіе каедральный востель и часть епископскаго помѣщенія, пока не будетъ выстроено зданіе коллегіи. Но еще до открытія послѣдней іезуиты приступили къ обученію дѣтей, сначала частнымъ образомъ, а съ 1608 г. и публично; одинъ изъ пяти членовъ лудской колоніи излагалъ грамматику. И хотя нѣкоторые изъ лудскихъ православныхъ дворянъ открыто заявляли о вредѣ іезуитскаго образованія и громко выражали опасеніе, чтобы греческая религія не была изгнана изъ тѣхъ мѣстъ,—на сторонѣ іезуитовъ стояла масса шляхты, жаждавшей просвѣщенія для своей молодежи. Она постановила на сеймикѣ 1608 г. ходатайствовать предъ правительствомъ объ умиротвореніи Лудка, волнуемаго безпокойными людьми, съ тою главнымъ образомъ цѣлью, чтобы юношество могло учиться у іезуитовъ благочестію и наукамъ. При такомъ настроеніи дворянъ и при нравственномъ и матеріальномъ сочувствіи мѣстныхъ католическаго и уніатскаго епископовъ, іезуитамъ удалось приобрѣсть въ нижнемъ замкѣ домъ и плацъ для постройки нужныхъ зданій. 6 февраля 1609 г. іезуиты испросили у короля привилегію на построеніе коллегіи съ освобожденіемъ ея отъ всякихъ повинностей. Вслѣдъ за этимъ, 20 мая, лудскій епископъ Павелъ Волюцкій съ своей капитулой публично заложилъ коллегію и ассигновалъ на нее 6 тыс. червонцевъ (aurei) одновременно и по тысячѣ ежегодно, не отказываясь и помимо этого жертвовать на нее крупныя суммы. Теперь можно было подумать и о расширеніи училища. Сначала было устроено два грамматическихъ класса съ 150 учащимися. Спектавлъ, данный учениками, а также посѣщеніе гимназій мѣстнымъ уніатскимъ епископомъ, который, польщенный обращенными къ нему стихами на латинскомъ и греческомъ языкахъ, обнаружилъ свою благорасположенность къ училищу,—безъ сомнѣнія, были въ числѣ тѣхъ обстоятельствъ, которыя обусловили такую цифру. Въ слѣдующемъ году (1610) было прибавлено еще два класса—поэзіи и казуистики и число учителей возрасло до четырехъ. Открыто было и братство школьное ¹⁾.

Іезуиты, пропагандируя вообще довольно смѣло и открыто католичество среди учащихся у нихъ дѣтей иновѣрцевъ, въ Лудцѣ нашли нужнымъ принять нѣкоторыя мѣры предосторожности. Именно они, чтобы устранить всякія подозрѣнія относительно характера даваемого ими образованія, стали снабжать совращаемыхъ дѣтей особыми наставленіями ²⁾. Для большаго привлеченія въ свои школы русскихъ дѣтей, лудціе іезуиты въ 1614 году ввели въ преподаваніе славянскій языкъ, какъ понятный имъ по церковному употребленію. Въ этомъ дѣлѣ іезуитамъ оказала помощь уніатскій митрополитъ Іосифъ Рутскій, приславшій славянскихъ книгъ. За это митрополита, при посѣщеніи имъ училища, шкельники привѣтствовали стихотвореніями на славянскомъ языкѣ, чѣмъ

¹⁾ Lit. an. S. I. 1588, 114; 1604, 734. 735; 1607, 396. 443; 1608, 663. 715—717; 1609, 424; 1610, 403, 417; 1611, 624; 1612, 481. 482. *Wielewicki*, Script. rer. polonic., X, 74; XIV, 2. 3. 7.

²⁾ Наставленія эти составлены были въ 1613 году римскими богословами-казуистами, по предложенію лудскаго епископа Волюцкаго (*Wielewicki*, Scr. rer. pol., XIV, pp. 101—102). Къ этому документу мы вернемся ниже.

онъ очень услаждался. Изъ другихъ благодѣтелей лучшій гимназiи нужно отмѣтить одного „князя греческаго обряда“ (Юрiя Вишневецкаго?), который въ 1613 году купилъ удобный плацъ для построения общежитiя для нуждающихся учениковъ и готовился назначить ежегодные доходы ¹⁾. Въ 1627 году въ лучшій iезуитской гимназiи училось около 200 человекъ и они, подущаемые своимъ начальствомъ, совершили разгромъ братской православной школы, къ чему подготовились, впрочемъ, предшествующими нападенiями на монастырь, госпиталь и братскихъ пѣвчихъ ²⁾.

Въ 1608 году ввелъ iезуитовъ въ *Каменецъ-Подольскъ* мѣстный католическiй епископъ Янъ Андрей Прохницкiй. Онъ же подарилъ имъ въ 1609 году каменный домъ стоимостью въ 4 тысячи червонцевъ (аугей) и тысячу—деньгами. Въ 1611 году на новооткрытую коллегiю были сдѣланы новыя пожертвованiя; подарена была ей и очень цѣнная библиотека, стоившая три тысячи червонцевъ. Но такъ какъ матеріальныя средства iезуитовъ все еще представлялись недостаточными, то въ 1611 году прибѣгли къ мѣрѣ чрезвычайной, именно подольская шляхта на повѣтовыхъ сеймикахъ въ Каменцѣ и Латычовѣ назначила на устройство коллегiи контрибуцiю (извѣстный процентъ съ доходовъ имѣній), съ чѣмъ согласился даже одинъ протестантъ, побывавшiй на спектаклѣ въ коллегiи. Эта мѣра, утвержденная въ ноябрѣ 1611 года на варшавскомъ сеймѣ, который опредѣлилъ собирать этотъ взносъ вмѣстѣ съ главными даже при помощи реквизицiй, дала нѣсколько тысячъ... Въ 1612 году коллегiя содержала уже 15 iезуитовъ. Школа въ Каменцѣ была открыта одновременно съ открытiемъ коллегiи и уже въ 1611 году насчитывала 180 учащихся. На увеличенiе ихъ числа имѣлъ большое влiянiе разгромъ iезуитами протестантской школы, находившейся въ одной верстѣ (leuca) отъ города, послѣ смерти въ московскомъ походѣ ея фундатора, brasлавскаго воеводы (1611). Мальчики отсюда перешли большею частью въ iезуитскую школу и нѣкоторые приняли даже католичество. Каменецкая школа на первыхъ порахъ была низшей; преподаванiе едва ли шло далѣе грамматики. Извѣстны имена двухъ преподавателей этого предмета—Павла Фальтина и Стан. Вуйка, умершихъ одинъ за другимъ въ 1611 и 1612 годахъ ³⁾.

Въ *Крожахъ*, въ центрѣ Жмуди, уже въ 1608 году существовала небольшая колонiя iезуитовъ (2 человекъ). Въ 1614 году Янъ Карлъ Ходкевичъ заложилъ здѣсь коллегiю. Ник. Христ. Радивилъ, виленскiй воевода, которому въ то время принадлежали Крожи, отдалъ на постройку жилища и школы дворещъ и плацъ. Въ 1615 году пожертвованiя были утверждены сеймовою конституцiей и въ слѣдующемъ году коллегiя была открыта; сюда прибыли изъ Вержболова 6 священниковъ,

¹⁾ Lit. an. 1613—1614, p. 413. 414. «Отчетъ» относительно введенiя славянскаго языка такъ выражается: «Slavonicae linguae scholam excitavimus». Cf. *Łukas.*, IV, 111.

²⁾ Арх. юго-запад. Рос., ч. I, т. VI, №№ 238—239.

³⁾ Lit. an. 1608, 719; 1609, 433; 1610, 418. 419; 1611. 625—627, 636. 637; 1612, 449 483. *Volumina legum*, III, p. 16, § 69. *Łukas.*, IV, 84. 85. *Симашиевичъ*, 148.

3 лаика и 2 учителя (scholarum magistri), которые и открыли школу. Въ томъ же году школьная молодежь уже фигурировала въ качествѣ хора при встрѣчѣ рельевій, принесенныхъ въ Крожь изъ Ломжи и Вильны ¹⁾. Дальнѣйшее существованіе врожской школы открывается подъ 1629 годомъ въ написаніи учениками ея панегирика своему ректору ²⁾.

Въ 1617 году въ *Перемышль*, благодаря щедрости белзскаго воеводы Адама Стадницкаго и мѣстнаго пробоща Гер. Красицкаго, существовавшая здѣсь съ 1610 года іезуитская резиденція была преобразована въ коллегію со школой ³⁾. Около 1618 года учреждена школа въ *Смоленскѣ*—на первыхъ порахъ въ составѣ двухъ или трехъ грамматическихъ классовъ ⁴⁾. Въ 1610—1614 годахъ основана іезуитская резиденція въ *Барѣ*. Когда была открыта здѣсь школа—неизвѣстно, но до 1627 года она уже существовала, если вѣрить іезуиту Шембеку. По его же свидѣтельству, въ это время уже существовала школа въ *Винницѣ*, въ коллегіи, открытой во второмъ десятилѣтіи XVII вѣка ⁵⁾. Въ 1622 году основана была коллегія со школой въ *Фастовѣ*, куда переселились кievскіе іезуиты. Фундаторомъ ея былъ кievскій католическій епископъ Богуславъ Радошевскій ⁶⁾.

Въ 1624 году устроена была коллегія въ *Острогѣ*, гдѣ іезуиты явились уже въ 1612 году при князѣ Янушѣ Острожскомъ. Послѣ его смерти Острогъ перешелъ къ княгинѣ Аннѣ—Алоизѣ Ходкевичъ, мать которой, жена кн. А. К. Острожскаго, какъ мы видѣли, была ревностнѣйшею католичкой и благотѣльницей іезуитовъ. По ея то совѣту и примѣру Анна—Алоиза и задумала построить въ Острогѣ коллегію съ костелами и школой, чтобы „вѣра католическая ширилась наубами и проповѣданіемъ слова Божія“. Для этого она особымъ актомъ отвела подъ постройку плацъ между улицами Згнилою и Звягельскою или Бодяною и другой плацъ надъ прудомъ, между Новымъ мѣстомъ и Наливайковскою пасѣвкой,—подъ садъ. На построеніе костела она вручила ректору коллегіи Яну Бортинскому 30 тыс. злот., а на содержаніе іезуитовъ записала цѣлый княгининской ключъ, состоявшій изъ 10 селъ, со всѣмъ,

¹⁾ *Argentus*, 34. 35. *Rost.*, 232. 264. 265. *Lukaszewicz*, IV. 98—100.

²⁾ Рук. Имп. публ. библ. Лат., Q, XIV, 224: «Idyllion angelorum principi D. Michaeli, ejusque cultori adm. Rndo Patri Michaeli Kownacki Rectori Collegii Crosensis S. I. ab ejusdem Collegii juventute subeas (?) animo dedicatur, 1629». Панегирикъ этотъ не представляетъ, впрочемъ, никакихъ историческихъ свѣдѣній, кромѣ заключающихся въ названіи его.

³⁾ Lit. an. S. I. 1610, p. 425. *Lukasz.*, IV, 141. Въ Перемышль (или Львовъ) замышлялъ ввести іезуитовъ еще въ 1570 г. перемышльскій латинскій епископъ Валентъ Гербуртъ (*Lukasz.*, I, 122).

⁴⁾ *Argentus*, De rebus S. I., 1620. p. 32—34; *Rost.*, 302.

⁵⁾ *Pieknorzecki*, Cratic plebański, 34. *Lukasz.*, IV, 47. 43. 185—186. *Argentus*, 44. 45. Барская коллегія утверждена варшавскимъ сеймомъ 1635 г. (Volum. legum, III, 413).

⁶⁾ *Pieknorzecki*, 34. *Starożytna Polska*, II, 496. *Lukasz.*, IV, 87. Въ Кіевѣ коллегія была основана предъ 1620 г., но іезуиты не могли удержаться здѣсь, въ виду народныхъ волненій (*Argentus*, 43—44).

что въ немъ было, даже съ русскими церквами (право подаванья). Въ 1626 и 1627 годахъ Анна—Алоиза дала еще нѣсколько сель. Ученіе, надо полагать, открылось съ самого же начала, такъ какъ уже въ 1624 году здѣсь была построена бурса для учащихся изъ бѣдной шляхты. На первыхъ порахъ это была школа низшая: философія введена была сюда только въ 1636 г. ¹⁾.

Въ 1633 году открыта была Альбрехтомъ Стан. Радивилломъ, канцлеромъ литовскимъ, коллегія съ училищемъ въ *Пинскъ*, утвержденная сеймомъ 1635 года ²⁾. Къ нашему же періоду относится появленіе іезуитскаго училища въ *Новгородъ—Сѣверскъ*, куда іезуитовъ вызвалъ въ началѣ XVII столѣтія мѣстный плебанъ Мартинъ Градовскій, выстроившій для нихъ домъ и школу и обезпечившій ихъ свудными доходами ³⁾.

Мы должны отмѣтить, наконецъ, что въ царствованіе короля Сигизмунда III іезуиты утвердились и еще въ нѣсколькихъ западнорусскихъ городахъ, каковы Брестъ, Гродна, Ковна, Бобруйскъ, Кросно (перемышльскаго округа) ⁴⁾. Возможно, что въ нѣкоторыхъ по крайней мѣрѣ городахъ они открыли училища еще въ нашъ періодъ ⁵⁾, но документальныхъ основаній утверждать это мы не имѣемъ.

Такимъ образомъ, число іезуитскихъ школъ, распространявшихъ католическое просвѣщеніе среди общества и народа западной Россіи, доходило до двадцати. Повидимому, немного для такого обширнаго странства, но однако ихъ оказалось вполне достаточно, чтобы совершенно измѣнить здѣсь религіозныя отношенія и укрѣпить римскую церковь. Причины этого заключались какъ въ тѣсной связи ихъ со всею дѣятельностью ордена, такъ и въ самомъ внутреннемъ устройствѣ ихъ.

---

¹⁾ *Stebelski*, Przydatek do chronologii ks. Ostrogskich, III, 137. 138. *Теодоровичъ*, Описание волынской епархіи, II, 646—647. *Церковскій*—Вол. епарх. вѣд., 1868 г., № 55. 56. Kraj, 1891, № 44, str. 24.

²⁾ *Rostowski*, 332. 333; *Volumina legum*, III, 413.

³⁾ *Lukasz*, IV, 121. Коллегія въ Новгородъ—Сѣверскъ открыта гораздо позже, какъ видно изъ факта утвержденія ея сеймомъ только въ 1638 г. (*Volum. legum*, III, 458).

⁴⁾ *Lukasz*, IV, 48. 55. 68. 88. 97. Относительно Гродны нужно замѣтить, что еще Стефанъ Баторій въ 1584 году настойчиво приглашалъ туда іезуитовъ и сдѣлалъ даже въ ихъ пользу значительное пожертвованіе. Но величина дара и опасеніе возбудить зависть въ другихъ побудили іезуитовъ отказаться отъ приглашенія; такъ по крайней мѣрѣ они сами мотивировали свой отказъ. Поселились они въ Гроднѣ только въ концѣ правленія Сигизмунда III (*Rostowski*, 124—127. 291).

⁵⁾ Относительно Бреста имѣется указаніе, что тотъ же Стефанъ Баторій думалъ открыть здѣсь школу, повидимому, іезуитскую. Указаніе это заключается въ письмѣ лужскаго епископа Мацѣевского къ Ник. Христ. Радивиллу, воеводѣ троцкому, отъ 22 февр. 1593 г.: «благодарю, пишетъ епископъ, за копію мандата к. Стефана, которую я уже получилъ отъ короля на эти новыя брестскія школы» (Копіи писемъ Мацѣевского къ Радивиллу—Рук. Имп. публ. библ. Пол., F, IV, № 195)

ГЛАВА III.

Иезуитскія училища. Организація ихъ.

Устройство иезуитскихъ школъ, характеръ ихъ педагогики и дидактики опредѣлялись тѣми историческими условіями, которыя вызвали самое существованіе ордена. Борьба съ протестантствомъ и затѣмъ со всякаго рода иновѣріемъ требовала, во первыхъ, воспитанія чадъ римской церкви въ вѣрности латинству, во вторыхъ—образованія изъ нихъ, если не миссіонеровъ католичества, то, по крайней мѣрѣ, лицъ, способныхъ защищать интересы римской церкви—и духовные, и политическіе. Это была основная задача общественной педагогики иезуитовъ; ею же одушевлялась и школьная ихъ педагогика.

Въ виду этого не покажется страннымъ, если скажемъ, что уже Лойола привелъ воспитаніе въ систему, что онъ установилъ порядокъ занятій, методъ, дисциплину, внутреннее устройство школъ, предметы преподаванія и что все это вошло въ составъ основныхъ конституцій ордена ¹⁾). Система Лойолы легла въ основу иезуитской школьной дѣятельности и выполняется въ существенныхъ чертахъ и до сихъ поръ, хотя и подвергалась не разъ болѣе или менѣе значительнымъ исправленіямъ и дополненіямъ со стороны генеральныхъ конгрегацій ордена ²⁾). Но особенно крупную роль въ судьбахъ иезуитскаго школьнаго устава сыграли генераль ордена Клавдій Аквавива (1581—1614) и V-ая конгрегація, благодаря которымъ явился извѣстный „Учебно-воспитательный планъ“— „Ratio et institutio studiorum societatis Jesu—superiorum permissu, Moguntiae, 1600“ ³⁾). Этотъ планъ—результатъ длинной работы надъ усовершенствованіемъ и упорядоченіемъ педагогической системы основателя ордена, сообразно съ тѣми требованіями, какія успѣла создать школь-

---

¹⁾ Constitutiones Societatis Iesu, pars IV. Ed. 1606 (въ указателѣ см. подъ Scholasticis externi). Шмидтъ, Исторія педагогики, III, 215.

²⁾ Такъ, напр., уже I-я Конгрегація XIV главу конституцій Лойолы дополнила такимъ образомъ: къ философскимъ учебнымъ предметамъ—логикѣ, философіи натуральной и моральной она добавила метафизику и затѣмъ, кромѣ «магистра сентенцій», позволила читать «суммы» или курсы схоластическихъ богослововъ, какіе покажутся болѣе удобными (декреты 33 и 66. Decreta congregationum generalium, 1635, pp. 38, 52).

³⁾ Клавдія Аквавиву сами иезуитскіе писатели считаютъ авторомъ этого произведенія (Wielewicki, Scriptores rerum polonic., XIV, 145) и многіе—настоящимъ отцомъ иезуитской педагогики.

ная практика, но съ соблюденіемъ вѣрности ея духу и общему направле- нію. Приемы работъ надъ этими планами показываютъ, какъ заботливо относился орденъ къ школьному дѣлу и съ какой предусмотрительностью вводилъ въ жизнь новыя правила. „Ratio et institutio studiorum Societatis Jesu“ въ первоначальной редакціи было составлено въ 1584 г. шестью патерами изъ различныхъ католическихъ государствъ, затѣмъ было отослано въ провинціи, чтобы ученые іезуиты дали отзывы объ его пригодности. Послѣ этого его разсматривали доктора римской коллегіи въ присутствіи трехъ депутатовъ отъ ордена. Послѣ прочтенія его генераломъ, планъ былъ посланъ провинціаламъ, чтобы они опытно извѣдали примѣнимость его къ дѣлу. Наконецъ онъ былъ утвержденъ V-ой генеральной конгрегаціей послѣ того, какъ она согласилась съ доложенными ей соображеніями комиссіи, составленной изъ депутатовъ отъ разныхъ націй для позаго разсмотрѣнія книги ¹⁾). Соотвѣтствіе этого устава задачамъ іезуитовъ и всей программѣ ихъ дѣйствій было таково, что новая редакція его сдѣлана была только черезъ двѣсти слишкомъ лѣтъ, въ 1832 г. Но и этотъ послѣдній учебный планъ, по заявленію генерала ордена Ротгана, не представлялъ чего либо новаго, а былъ только приноровленіемъ старыхъ принциповъ іезуитской педагогикѣ къ потребностямъ и духу времени ²⁾).

„Ratio et institutio studiorum“ представляетъ подробную и тща- тельно продуманную регламентацію всѣхъ сторонъ училищной жизни и отношеній воспитанниковъ, учителей и начальниковъ школъ другъ къ другу и къ высшимъ властямъ ордена. Но, тѣмъ не менѣе, этотъ планъ не былъ чѣмъ либо безусловно новымъ и оригинальнымъ. Аквавива и другіе составители его и не могли совершенно освободиться отъ влія- нія обнаружившихся до нихъ педагогическихъ и дидактическихъ тенден-

¹⁾ См. предисловіе къ печатнымъ изданіямъ Ratio, датированное 8 янв. 1599 г., и Decreta V-tae generalis congregationis (особ. 41, 56, 58). Ср. Шмидтъ, III, 216; Załęski, 82, прим. 2.

²⁾ Приноровленіе это стояло во включеніи въ программу преподаванія математики и исторіи въ низшихъ классахъ и литературы—въ высшихъ, въ предоставленіи правъ гражданства родному языку, въ дозволениі здравой критики, въ томъ, наконецъ, что теперь профессора философіи и богословія не были связаны—первый Аристотелемъ, второ- рой Томой Аквинатомъ, какъ прежде (Раумеръ, Исторія воспитанія и ученія, I, 408, 409; Załęski, I, с.)—Впрочемъ, мы должны замѣтить, что «Учебный планъ» въ первой его редакціи не требовалъ безусловной вѣрности себѣ: онъ позволялъ провинціаламъ вводить новыя предметы и науки, примѣнительно къ потребностямъ и нравамъ страны (Rat. stud., Reg. provinc. 39). И, дѣйствительно, мы видимъ, что въ польской и литовской про- винціяхъ этимъ позволеніемъ воспользовались,—сначала по отношенію къ народнымъ языкамъ (о чемъ ниже), потомъ по отношенію къ исторіи и къ географіи. У насъ въ рукахъ было, напр, изданіе «Ratio et institutio Soc. Jesu. professoribus classium inferiorum», напечатанное въ концѣ XVIII ст. для школъ литовской провинціи. Этотъ планъ включаетъ въ программу такіе новыя, сравнительно, предметы, какъ сваяч и отечествен- ная исторія, общая и польская географія, космографія, и указываетъ новыя для нихъ учебники, составленные іезуитскими писателями—педагогами XVIII в.: Вырвичемъ, Папроцкимъ, Ювенціемъ, Деколоніемъ; сообразно съ этимъ сдѣлано было и новое распе- дленіе учебныхъ часовъ (экземпляръ СПб. Импер. р.—католич. духовной академіи).

цій. Съ одной стороны, цѣлыя вѣка существовали и все еще были сильны сроднившійся съ католическою церковью и крѣпко засѣвшій въ старыхъ университетахъ схоластицизмъ,—не только какъ направленіе богословско-философской мысли, но и какъ учебная система, характеризующаяся латинскимъ языкомъ, сведеніемъ всей программы низшаго и среднего образованія въ „семи свободнымъ искусствамъ“ и самымъ недидактическимъ, нераціональнымъ методомъ преподаванія. Съ другой стороны, гуманизмъ, къ концу XV ст. вступившій въ борьбу съ схоластикой и въ области науки и школьнаго преподаванія, выдвинулъ на сцену греческій и еврейскій языки, какъ учебные предметы, и вмѣсто латыни среднихъ вѣковъ сталъ изучать классическую латынь и классическій міръ. Наконецъ, обращала на себя вниманіе и реформа школы, произведенная Лютеромъ и его сподвижниками. Возставши въ церковной области противъ крайностей гуманизма, противъ перенесенія въ христіанство языческихъ понятій и нравовъ, въ области педагогики Лютеръ обрушился на схоластику, заявилъ протестъ противъ исключительнаго изученія латинскаго языка, противъ неуважительнаго отношенія къ языку греческому, языку священныхъ книгъ. По нему, изученіе древнихъ языковъ должно было совершаться не столько для воплощенія въ жизни идей классическаго міра, сколько для цѣлей религіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ Лютеръ положилъ начало, хотя слабое, реальному направленію въ области дидактики, которое впослѣдствіи обосновалъ Янъ Амосъ Коменскій, и оживилъ методы преподаванія. Реформа Лютера положила начало расцвѣту нѣмецкой педагогики; на этомъ поприщѣ заявили себя Меланхтонъ, Цвингли, Неандеръ, Вольфъ, Штурмъ, Тротцендорфъ и мн. др. Школы, ими основанныя и ими руководимыя, получили извѣстность по всей Европѣ, привлекая къ себѣ со всѣхъ концовъ ея сотни и тысячи учениковъ. Іезуитамъ не было нужды выдумывать что нибудь свое при выработкѣ педагогической системы,—имъ можно было воспользоваться уже существующими системами и, заимствовавъ подходящіе элементы, примѣнить ихъ только къ своимъ специальнымъ цѣлямъ. Они это и сдѣлали, насколько можно было примѣнить методъ гуманитарно-филологическаго образованія, какое тогда было въ ходу, къ ихъ собственной воспитательной задачѣ—приготовленія если не убѣжденныхъ, то вѣрныхъ чадъ католической церкви. Такъ, можно думать, учебную сторону и отчасти школьные порядки іезуиты позаимствовали у Штурма—по крайней мѣрѣ сходство между тѣми и другими было такъ велико, что поражало самого Штурма¹⁾. Что до внѣшней организаціи школь, то тутъ они болѣе

¹⁾ *Рауверъ*, I, 343, 407, 408; *Шмидтъ*, III, 234. Самъ Штурмъ такъ говорилъ объ іезуитахъ: ...они обучаютъ языкамъ, діалектикѣ и риторикѣ настолько хорошо, насколько сами въ состояніи». «Я видѣлъ, какихъ авторовъ они истолковываютъ и какому методу слѣдуютъ: методъ этотъ столь мало разнится отъ нашего, что, кажется, будто бы они черпали изъ нашихъ источниковъ... Штурмъ былъ 45 лѣтъ ректоромъ стразбургской школы (1538—1583) и приобрѣлъ славу отличнаго педагога. Задачу школьнаго образованія онъ ставилъ въ благочестіи, знаніи и искусствѣ рѣчи, но послѣднему придавалъ наибольшее значеніе. Изученіе латинскаго и греческаго языковъ онъ направлялъ къ тому, чтобы ученики могли владѣть ими, какъ родными. Къ этой же цѣли должно

примыкали къ Тротцендорфу: у нихъ то-же, что и у того, дѣленіе на классы, то-же привлеченіе лучшихъ учениковъ къ помощи учителямъ и начальству и т. п. подробности ¹⁾.

Переходя теперь къ изображенію внутренняго устройства западно-русскихъ школъ въ избранный нами періодъ времени, мы должны заявить, что хотя онѣ половину этого періода прожили при дѣйстви стараго устава—Лойоловской редакціи, но мы пользуемся главнымъ образомъ текстомъ „Ratio et institutio studiorum“, рисуя на основаніи его внутреннюю жизнь западнорусскихъ школъ отъ ихъ появленія до 1633 г., и это потому, что послѣдній уставъ, представляя по содержанию повтореніе конституцій ордена, по формѣ является болѣе систематизированнымъ.

ДИДАКТИКА ІЕЗУИТОВЪ: дѣленіе школъ на классы, планъ наукъ, методъ преподаванія и учебныя руководства.

Иезуитское учебное заведеніе, обнимавшее весь кругъ иезуитскихъ наукъ, распалось на два отдѣленія: низшее (*studia inferiora, gymnasium*) и высшее (*studia superiora*). Въ предѣлахъ западной Россіи въ изслѣдуемый нами періодъ времени полное иезуитское учебное заведеніе, или академія, было только въ Вильнѣ. Въ прочихъ коллегіяхъ изъ высшихъ, богословскихъ и философскихъ предметовъ читался одинъ—два, а чаще образованіе учениковъ заканчивалось низшими науками: риторикой, а то поэзіей или даже грамматикой. Объясняется это такъ.

Иезуиты своего имущества не имѣли (по идеѣ). Открыть гдѣ-нибудь новую коллегію съ школой они могли только тогда, когда какой-нибудь благодѣтель давалъ для этого средства. Но средства эти должны быть вполне вѣрными и постоянными и притомъ обезпечивать всю коллегію. Составъ же послѣдней конституціи и конгрегации опредѣляли такимъ образомъ. Если желаютъ имѣть трехъ учителей гуманитарныхъ наукъ, то при нихъ долженъ быть четвертый, который могъ бы замѣнить при случаѣ одного изъ нихъ, и три священника для отправленія богослуженія (одинъ изъ нихъ—ректоръ). Такъ какъ польза дѣла требуетъ, чтобы это число дѣятелей коллегіи никогда не прекращалось и не уменьшалось,

было вести и разгнриваніе на сценѣ пьесъ Теренція, Плавта, Аристофана, Эврипида и Софокла. Вниманіе учениковъ обращалось на особенности употребленія языка въ поэзіи и краснорѣчьи,—ихъ заставляли вносить въ «ежедневники» замѣчательныя мѣста изъ классиковъ и заучивать отдѣльныя фразы. Идеаломъ Штурмовской учености было овладѣть Цицероновскою рѣчью. О народномъ языкѣ было забыто, реальному образованію отведено было очень мало мѣста. Впрочемъ, въ высшихъ классахъ преподавались арифметика, астрономія и нѣкоторые §§ изъ «Элементовъ чистой математики» Эвклида. (Раумеръ, I, 306, 307, 311—313, 321—328, 334, 345—354).

¹⁾ Раумеръ, I, 408. *Jukas.* I, 74, прим. Тротцендорфъ, направленный къ педагогической дѣятельности Меланхтономъ, былъ ректоромъ въ гольдбергской школь (1531—1556). Онъ, подобно другимъ педагогамъ своего времени, основалъ свою программу на *trivium*ѣ, удѣляя очень мало вниманія наукамъ *quadrivium*'а... Религію онъ считалъ душою своей школы, душою всякаго ученія и преподавалъ ее лично (Раумеръ, I, 378—385).

то нужно въ ней воспитывать столько же новиціевъ (scholares), которые въ послѣдствіи могли бы замѣнять выбывавшихъ изъ строя священниковъ и учителей. Сверхъ этихъ 14 человекъ коллегія должна держать и питать шестерыхъ служителей (adjutores) для завѣдыванія хозяйствомъ и для исправленія низшихъ обязанностей (привратника, повара и т. д.). Такимъ образомъ, получается двадцать человекъ—минимальное число членовъ коллегіи. Если коллегія желала имѣть пять учителей для гуманитарныхъ наукъ, греческаго языка и риторики, то составъ ея возрасталъ уже до 30 человекъ; новое прибавленіе учебныхъ предметовъ, поднимало цифру до 50 и, наконецъ, введеніе богословскихъ наукъ или превращеніе коллегіи въ *generale studium*, могло осуществиться при обеспеченіи полнымъ содержаніемъ 70 человекъ¹⁾. Понятно, далеко не вездѣ могли найтись средства для содержанія такихъ большихъ партій іезуитовъ. Потому и происходило, что въ большинствѣ западнорусскихъ коллегій нашего періода существовали только низшіе курсы—пятиклассные, или чаще четырех-трех- и двухклассные. Такой порядокъ вещей, обуславливаемый бѣдностью коллегій, допускался самимъ Учебнымъ планомъ²⁾. Нужно имѣть въ виду, что во многихъ коллегіяхъ, даже съ двухклассными и трехклассными училищами, существовали высшіе курсы для новиціевъ или схоластиковъ³⁾. Новиціи составляли особый учащійся кружокъ (академію), съ которымъ занимались предметами богословскими, философскими и риторикой особые учителя. Отношенія къ „внѣшнимъ ученикамъ“ (*externi*) они не имѣли, живя замкнутой жизнью⁴⁾.

Послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній можно перейти къ изложенію программы изученія въ низшихъ курсахъ. Полная іезуитская гимназія состояла изъ пяти классовъ, шедшихъ въ такомъ восходящемъ порядкѣ: 1) *infima classis grammaticae*, 2) *media classis grammaticae*, 3) *suprema classis grammaticae (aut syntaxis)*, 4) *Humanitas (aut Poësis)* и 5) *Rhetorica*. Въ каждомъ изъ этихъ классовъ былъ свой отдѣльный

¹⁾ Декреты: II конгр. 11, III—30, V—69. Послѣдній хотя опредѣлялъ минимальныя числа членовъ коллегій съ гуманитарнымъ курсомъ, съ курсомъ философскимъ и съ богословскими науками въ 30, 50 и 100 человекъ и только подъ условіемъ обеспеченія такого количества ихъ позволилъ принимать пожертвованія на новыя коллегіи, — разрѣшилъ генералу руководиться и прежними декретами.

²⁾ *Ratio studiorum S. I. Regulae praefecti studiorum inferiorum*, 8, §§ 5—8.

³⁾ Требовалось, чтобы новиціаты были въ каждой коллегіи. Но мы видѣли, что они не вездѣ существовали; напр., изъ Ярославля новиціатъ былъ переведенъ въ Люблинъ. Въ послѣдствіи VI конгрегация (1608) позволила воспитывать новиціевъ или въ каждой коллегіи, или отсылать ихъ въ общіе новиціаты (декр. 18).

⁴⁾ Положеніе схоластиковъ, ихъ отношенія къ ордену, образъ жизни опредѣлены подробно конституціями ордена и декретами различныхъ конгрегаций, особенно VI-й (декр. 40). Подобные іезуитскимъ новиціатамъ существовали въ монастыряхъ и другихъ католическихъ монашескихъ орденовъ. Въ нихъ молодые люди приготовлялись къ принятію габита не только духовными упражненіями, но и изученіемъ наукъ. Въ нѣкоторыхъ новиціатахъ читались даже богословскіе и философскіе предметы, устраивались диспуты и раздавались ученныя степени. Въ предѣлахъ западной Россіи высшіе курсы были у францисканъ и доминиканъ въ Вильнѣ, Львовѣ и Люблинѣ, у кармелитовъ въ Перемишлѣ и Львовѣ, у тринитаріевъ во Львовѣ (*Жизн. и. д.*, I, 309—316).

преподаватель; учились по году за исключеніемъ риторическаго класса, который иногда проходилъ въ два года ¹⁾.

Въ низшемъ грамматическомъ классѣ изучались этимологія и начало синтаксиса. Если поступало въ первый классъ очень много учениковъ и они обладали неодинаковыми познаніями и способностями, то изъ нихъ составляли два отдѣленія, если, конечно, былъ налицо; лишній преподаватель; такъ было въ Вильнѣ, въ Ярославѣ. Въ такомъ случаѣ въ низшемъ отдѣленіи учили изъ первой части грамматики Альвара объ именахъ и словахъ ²⁾, 14 правилъ о конструвціи и о родѣ именъ; въ высшемъ же отдѣленіи—о склоненіи, о прошедшихъ временахъ и причастіи и изъ второй части Альвара—введеніе въ синтаксисъ. Для перевода съ латинскаго языка на польскій брались болѣе легкіе отрывки изъ Цицерона, Басни Федра, Жизнеописанія Корнелія Непота. Въ инфимѣ же начиналось изученіе греческой грамматики.

Планъ занятій въ низшемъ грамматическомъ классѣ, какъ и въ среднемъ и высшемъ, былъ слѣдующій. Въ первомъ часу ³⁾ ученики повторяли наизусть предъ „декуріонами“ отрывки изъ Цицерона и уроки изъ грамматики, пока учитель поправлялъ письменныя упражненія. Во второмъ часу читали Цицерона, писали подъ диктовку учителя упражненія, заучивали уроки изъ Альвара. Послѣ обѣда отвѣчали наизусть уроки греческаго и латинскаго языковъ; учитель слушалъ, поправляя упражненія. Во второмъ часу учили грамматику. Суббота отличалась отъ прочихъ дней тѣмъ, что до полудня происходило спрашиваніе уроковъ за всю недѣлю; послѣ обѣда ученики занимались переводомъ болѣе легкіхъ вещей съ польскаго на латинскій и Цицерона—на польскій (съ выписываніемъ въ тетради замѣчательныхъ мѣстъ и мыслей его), латинскими и греческими упражненіями и диспутами въ области грамматики ⁴⁾.

Сущность этихъ состязаній (*congregationes*), имѣвшихъ значеніе не только дидактическое, но и воспитательное, состояла въ слѣдующемъ. Учитель дѣлилъ классъ на двѣ части и во главѣ ихъ ставилъ двухъ учениковъ, написавшихъ лучше другихъ данное упражненіе и получавшихъ названіе консуловъ. Помощниками у нихъ были евесторы—два ученика, по достоинству своихъ письменныхъ работъ слѣдовавшіе за консулами. Остальные шевольники дѣлились по парамъ, состоявшимъ

---

¹⁾ Относительно этого практика не была однообразной, что доказывается слѣдующимъ случаемъ: когда въ 1612 г. краковскую коллегію посетилъ визитаторъ Аргентъ, его спросили, не полезно ли будетъ переводить экстерновъ на логику лишь послѣ того, какъ они пробудутъ два года на риторикѣ, и онъ отвѣчалъ, что это можно дѣлать для большаго преуспѣанія учениковъ, но никто не долженъ быть принуждаемъ къ этому (*Wielewicki, Scriptores regum polonicarum, XIV, p. 72*).

²⁾ Обыкновенно въ іезуитскую гимназію поступали умѣющіе читать, писать, считать и даже знакомые съ латинскими сентенціями (*Rat. stud. Reg. praef. stud. infer., 16*). Въ Вильнѣ и Львовѣ іезуиты принимали, по соглашенію съ капитулами, только изучившихъ часть грамматики.

³⁾ Учебный день дѣлился на четыре часа: два до обѣда и два послѣ обѣда; въ рекреационные дни (вторникъ и четвергъ) послѣ обѣда уроковъ не было.

⁴⁾ *Rat. stud. Regulae professoribus classis grammat., 1—9; cf. Łukasz., I, 248.*

каждая изъ одинаковыхъ по успѣхамъ величинъ и называвшихся соперниками (aemuli). Такимъ образомъ получались двѣ равныя приблизительно по силамъ партіи, которыя получали имя римлянъ и варрегенянъ или грековъ и македонянъ. Если преподаватель спрашивалъ, положимъ, римлянина, вставлялъ и его противникъ, чтобы отвѣтить за спрошеннаго въ случаѣ его незнанія. Если оба молчали—учитель поднималъ другую пару. Хорошій отвѣтъ римлянина записывался какъ плюсъ его партіи и какъ минусъ—противной, и наоборотъ. Къ концу мѣсяца подводился итогъ плюсамъ и минусамъ, доставлявшій торжество и побѣду одному лагерю и униженіе—другому¹⁾. Такія состязанія происходили также и въ другихъ классахъ, а иногда и между цѣлыми классами.

Въ среднемъ грамматическомъ классѣ ученики проходили вторую книгу Альвара—до *syntaxis ornata* (одни только правила безъ примѣровъ и исключеній), изучали греческія склоненія и спряженія, читали на латинскомъ языкѣ письма Цицерона—*ad familiares*, Комментаріи Цезаря, болѣе легкое изъ Овидія, и на греческомъ—Басни Эзопа и избранныя діалоги Лукіана. Во второе полугодіе прибавляли ватихизисъ и Кебеса²⁾. Изученіе Цицерона и др. авторовъ происходило такимъ образомъ: учитель читалъ цѣлый отдѣлъ, излагалъ его на отечественномъ языкѣ и на немъ же выслушивалъ дословный пересказъ учениковъ, причемъ обращалъ вниманіе на словорасположеніе и напоминалъ грамматическія правила. Письменные упражненія состояли въ переложеніи продиктованныхъ учителемъ польскихъ стиховъ на латинскій языкъ. При исправленіи ихъ обращалось особенное вниманіе на ошибки грамматическія и орфографическія³⁾.

Въ высшемъ грамматическомъ классѣ оканчивали изученіе грамматики, присоединяя къ синтаксису просодию. Изъ классиковъ читали или—вѣрнѣе—могли читать: Цицерона, Ливія, Саллюстія, Овидія, Катутла, Тибулла, Проперція и Виргилія. По гречески изучали о восьми частяхъ рѣчи и синтаксисъ и переводили Эзопа, Златоуста. Кромѣ обычныхъ письменныхъ упражненій въ этомъ классѣ разъ въ мѣсяцъ писали упражненіе на дому или во время урока для полученія школьныхъ достоинствъ—декуріоновъ и цензоровъ. Чаще всего писали ихъ въ формѣ писемъ. Въ этомъ же классѣ вводились упражненія въ стихосложеніи⁴⁾.

Въ классѣ поэзіи ученики должны были еще болѣе овладѣть искусствомъ латинской рѣчи, прозаической и поэтической, и записать нѣкоторые необходимыми для того свѣдѣніями изъ области вспомо-

¹⁾ *Ratio studiorum. Regulae professoribus classium inferiorum*, 31—35; cf. *Zajęski*, 111.

²⁾ Кебесъ (Κέβης) былъ ученикомъ Сократа. Изъ трехъ его философскихъ бесѣдъ еще до іезуитовъ употреблялась въ школахъ *Πλάτ*, содержащая аллегорическую картину человеческой жизни и состоянія человеческой души до соединенія съ тѣломъ. Цѣль сочиненія—показать, что только образованіе ума и добродѣтель ведутъ къ блаженству (*Любкеръ*, Реальный словарь классической древности, — см. подъ «Севесъ»).

³⁾ *Reg. profes. mediae classis gram.*, 1—10. Cf. *Lukas.*, I, 247.

⁴⁾ *Reg. profes. suprem. clas. gram.*, 1—10; cf. *Lukas.*, I, 245—6.

ныхъ предметовъ: исторіи, міеологіи, географіи, археологіи ¹⁾: Изъ латинскихъ писателей они должны были читать съ пониманіемъ Цицерона (особенно его рѣчи и сочиненія нравственнаго характера), Цезаря, Саллюстія, Ливія, Курція; изъ поэтовъ Virgilія (кромѣ Эвлогъ и IV книги Энеиды), избранныя оды Горачія, а также другихъ поэтовъ. Изъ греческихъ авторовъ здѣсь читали Изократа, Платона, Плутарха, Оувидида, Теогнида, Синезія и свв. Василія Великаго, Григорія Богослова, Іоанна Златоуста. Изъ вспомогательныхъ наукъ сообщалось только то, что было положительно необходимо для объясненія изучаемыхъ авторовъ, причеиъ объясненіе текста для большей понятности позволялось дѣлать на народномъ языкѣ.

Такъ какъ IV-й классъ обязанъ былъ дать ученикамъ умѣніе сочинять прозой и стихами на любяя темы, то наибольшее вниманіе и удѣлялось здѣсь упражненіямъ въ переложеніи прозы на поэтическую рѣчь и въ составленіи собственныхъ хрій, повѣстей, описаній и стиховъ—не только на латинскомъ, но и на польскомъ и греческомъ языкахъ. Лучшія прозаическія и поэтическія сочиненія каждыя два мѣсяца вывѣшивались на стѣнѣ класса, въ знакъ отличія.

Распредѣленіе занятій въ поэзи (а также и въ риторикѣ) было приблизительно слѣдующее. Въ началѣ учебнаго дня декуріоны выслушивали уроки, а учитель поправлялъ въ это время письменныя упражненія, затѣиъ онъ самъ спрашивалъ того или иного ученика, провѣряя докладъ декуріоновъ. Въ второй урокъ читался Цицеронъ или другой древній авторъ, излагались правила метрики (или риторики—въ послѣднемъ классѣ) и ученики упражнялись въ устной литературной рѣчи. Оставшееся время посвящалось состязаніямъ, состоявшихъ въ томъ, что одинъ ученикъ предлагалъ другому вопросъ изъ грамматикн, древней исторіи или археологіи; всѣ остальные должны были внимательно слѣдить, чтобы сумѣть и успѣть исправить ошибку того или иного диспутанта. Послѣ обѣда возобновлялся этотъ же порядокъ,—выспрашиваніе урока, исправленіе упражненій, чтеніе извѣстныхъ отрывковъ изъ классиковъ, объясненіе соотвѣтствующихъ мѣстъ изъ учебника поэтики (или риторики), заучиваніе урока и состязанія. По субботамъ происходило повтореніе всего выученнаго за недѣлю и, кромѣ того, послѣ обѣда заучивался и объяснялся катихизисъ ²⁾.

Въ риторикѣ излагали теорію краснорѣчія, стилистику и вспомогательныя науки. Пособіями для перваго служили ораторскія произведенія Цицерона и риторика и поэтика Аристотеля, а также книжка Суареца. Для того, чтобы научить учениковъ владѣть собой и обогатить ихъ память, іезуиты заставляли ихъ заучивать цѣлыя выдержки изъ лучшихъ латинскихъ писателей, особенно Цицерона, и провозносить ихъ съ каеедры. Параллельно съ латинскимъ шло изученіе и греческаго языка; въ этомъ классѣ уже знакомились съ просодіей и діалектами и

¹⁾ Археологія сводилась къ отрывочнымъ свѣдѣніямъ о нравѣ и военномъ искусствѣ грековъ и римлянъ, объ ихъ жилищахъ, одеждѣ, садахъ, триумфахъ, сибиллахъ и т. п.; по содержанію она приближалась къ «классическимъ древностямъ».

²⁾ *Rat. stud. Reg. profes. human.*, 1—10; cf. *Zukasz*, I, 241—244.

читали Демосоена, Платона, Оужидида, Гомера, Гезіода, Пиндара, и тѣхъ же греческихъ свв. отцовъ, что и въ классѣ поэзіи. Свободное отъ устныхъ и письменныхъ отвѣтовъ и упражненій время употреблялось на диспуты между учениками. Поправка письменныхъ работъ производилась самымъ тщательнымъ образомъ, причеиъ главное вниманіе обращалось на ошибки противъ правилъ риторики и поэзіи, на неудачные обороты, темноту и слабость стиля. Ученикъ самъ долженъ былъ исправлять написанное, сообразно съ сдѣланными замѣчаніями. Въ этомъ же классѣ ученики приучались дѣлать самостоятельные разборы литературныхъ (преимущественно риторическихъ и поэтическихъ) произведеній и писать сочиненія на данныя темы, имитируя притомъ стиль извѣстныхъ классиковъ—латинскихъ и греческихъ. Каждая двѣ недѣли одинъ изъ учениковъ декламировалъ или читалъ рѣчь на греческомъ языкѣ, имъ же составленную, или поэму ¹⁾. Каждый мѣсяць кто нибудь читалъ въ актовомъ залѣ или костелѣ собственные рѣчи, стихи или діалогъ на латинскомъ языкѣ. Каждые два мѣсяца въ классѣ вывѣшивали лучшія сочиненія—въ награду автору. Изрѣдка разучивалась и разыгрывалась въ классѣ какая нибудь сцена изъ драматическаго произведенія, но безъ театральной обстановки ²⁾.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что среднее или гуманитарное образованіе, даваемое іезуитами, было формальное, филологическое. Цѣль его въ юбилейномъ изданіи ордена, по случаю исполнившагося столѣтія его существованія, опредѣляется такъ:—научить челоуѣка говорить и писать искусно и учено (*apte docteque*) и читать латинскихъ и греческихъ авторовъ, а также воспитывать добрые нравы ³⁾. Центральное мѣсто въ гимназической программѣ занимали грамматика и риторика—латинскаго языка, конечно. Сами классическіе писатели служили для іезуитовъ средствомъ только „въ совершенствованію слога и больше ни къ чему“; изъ нихъ выше всѣхъ ставился Цицеронъ, „какъ самый истинный и важнѣйшій учитель“, подобно Аристотелю въ философіи и Аввинату въ богословіи ⁴⁾. Такъ какъ идеаломъ гуманитарнаго образованія у іезуитовъ было возведеніе латинскаго языка на степень языка живого, разговорнаго, то они и „обучали своихъ питомцевъ по правилу: *lege*,

¹⁾ Въ риторикѣ отводилось видное мѣсто какъ теоретическому изученію правилъ поэзіи, такъ и практическимъ упражненіямъ въ писаніи стихотвореній всѣхъ родовъ: эпиграммъ, эпитафій, эпиталямій, одъ, элегій, даже эпопей и трагедій.

²⁾ *Reg. professa. rhetoricae*, 1—20. Cf. *Lukasz.*, I, 236—241. Комедіи и трагедіи, которыя разыгрывались не только въ классѣ, но и въ присутствіи публики, сначала допускались для упражненія въ латинскомъ языкѣ и брались изъ классическаго репертуара. Послѣ онѣ получили нравственно-воспитательный характеръ; сюжеты для нихъ брались по большей части изъ библейской или церковной исторіи. (Такъ какъ въ зап. Россіи онѣ должны были служить также приманкой для общества и народа, то позволено было играть ихъ и на народныхъ языкахъ, т. е. польскомъ, а можетъ быть и русскомъ. Во всякомъ случаѣ, каждая пьеса проходила не черезъ одну цензуру (*Regulae S. I. Reg provinc.*, 58; ср. инструкцію генерала ордена литов. іезуитамъ, 1634 г. (*Krasz.*, IV, 54, прим. 61).

³⁾ *Mexger*, *Imago primi saeculi S. I. Antverpiae*, 1640, p. 342.

⁴⁾ *Раумеръ*, I, 409—412.

scribe. loquere“. Съ этой цѣлью имъ запрещено было говорить на языкѣ „площадномъ“, т. е. народномъ, за исключеніемъ новичковъ, которые, понятно, не могли изъясняться по латыни ¹⁾). Однако и „Учебный планъ“ не изгонялъ совершенно изъ школьнаго употребленія народныхъ языковъ ²⁾, и въ практикѣ школъ западнорусскихъ мы не видимъ подобнаго устраненія: народныя языки отодвигались только на задній планъ, но не совершенно были игнорируемы. Что это такъ, видно изъ *Litterae annuae*, сообщающихъ, что тамъ-то и тогда-то ученики читали и пѣли на народномъ языкѣ религіозныя гимны (напр., при духовныхъ упражненіяхъ членовъ братства) или разыграли даже драму, какъ это было, напр., въ Полоцкѣ ³⁾). Правда, подъ тѣмъ *vernacula lingua*, о которыхъ говорятъ западнорусскіе іезуиты, всего вѣрнѣе понимать польскій языкъ: большинство ихъ были поляки, или ополячившіеся русскіе, смотрѣвшіе на Русь съ польской точки зрѣнія и часто забывавшіе о томъ, что она была населена особымъ народомъ,—изъ-за немногихъ представителей польской культуры они не видѣли тѣхъ массъ народа, которыхъ еще не коснулась она. Во всякомъ случаѣ польскій языкъ въ западнорусскихъ коллегіяхъ имѣлъ не только религіозное приложеніе, но и въ собственномъ смыслѣ школьное. На немъ иногда дѣлались учителемъ объясненія и на него переводили классиковъ; на польскомъ же языкѣ писали въ торжественныхъ случаяхъ стихотворенія. Напр., польскими стихами встрѣчали люблинскіе схоластики невѣсту Лжедимитрія ⁴⁾, а виленскіе студенты—короля Сигизмунда III по возвращеніи его изъ-подъ Смоленска въ 1611 г. ⁵⁾). Въ несвижской же коллегіи сдѣлана была

¹⁾ *Rat. stud., reg. comm. profess. stud. inter.*, 18. Подобное запрещеніе было и у Штурма.

²⁾ Извѣстное мѣсто въ программѣ даетъ народнымъ языкамъ и тотъ пунктъ Плана, который велитъ сообразоваться съ мѣстными условіями (*Reg. comm. prof. stud. infer.*, 10—30. *Załęski*, 77. 78). Все же мы должны отмѣтить въ постановленіяхъ іезуитскаго ордена тенденцію давать перевѣсъ общему характеру Учебнаго плана надъ возможными мѣстными видоизмѣненіями его. Такъ, VII конгрегация постановила избѣгать помѣщенія въ одной коллегіи членовъ ордена, принадлежащихъ къ одной націи, и не допускать, чтобы профессора и особенно начальствующія лица коллегіи были изъ одного народа,—надлежало перемѣшивать представителей различныхъ національностей и это для того, чтобы въ жизнь коллегіи не введены были различія народности (*gentium discrimina*, *decr.* XXI, p. 3; такъ, напр., въ польской іезуитской провинціи до 1590 года профессорами схоластики, полемики, казуистики и другихъ высшихъ предметовъ были исключительно итальянцы и нѣмцы, какъ свидѣлствуетъ Велевицкій. *Scriptores regum polon.*, VII, 136). Это постановленіе должно было отражаться нѣкоторымъ образомъ и на жизни школъ, такъ какъ ректора и провинціалы—иноземцы не расположены были бы отступать отъ общихъ требованій устава въ пользу національныхъ интересовъ своихъ воспитанниковъ даже въ такой степени, въ какой допускалъ это уставъ школъ.

³⁾ *Lit. an.* 1602, 754; 1603, 685.

⁴⁾ *Wielewicki*, *Scr. rerum polonic.*, X, p. 120.

⁵⁾ «*Sturm pociaszny Smoleńska*», Балтазара Озминскаго и «*Pienia wesole dziatek na przyjazd do Wilna króla Imci*»... Замѣтимъ однако, что Валинскій на основаніи этихъ произведеній высказываетъ сужденіе объ упадкѣ въ іезуитскихъ школахъ польскаго языка: такъ далеко они ушли отъ чистоты и выразительности языка XVI в. (*Dawna akademia Wileńska*, 118).

даже попытка приложения правил риторики и поэзии къ польскому языку ¹⁾. Значительно хуже стояло дѣло съ русскимъ языкомъ. Собственно іезуитамъ западной Россіи и не было особенной нужды обучать ему: въ немъ поступали преимущественно дѣти аристократіи, шляхты и горожанъ,—словесъ народа, уже владѣвшихъ польскимъ языкомъ. Но, по мѣрѣ углубленія іезуитовъ въ области съ чисто-русскимъ населеніемъ, имъ приходилось знакомиться и съ русскимъ языкомъ: безъ того невозможно была никакая пропаганда ²⁾. Конечно, проповѣдывать на русскомъ языкѣ могли и русскіе по происхожденію, но важно было дать такимъ проповѣдникамъ школьную подготовку на русскомъ языкѣ, тѣмъ болѣе, что послѣдній получалъ мѣсто въ школахъ диссидентскихъ—отчасти въ протестантскихъ и, главнымъ образомъ, въ православныхъ. И, дѣйствительно, намъ удалось натолкнуться на указанія относительно изученія русскаго языка въ одной изъ коллегій (полоцкой). „Дѣти русскихъ, говорится въ Годичномъ отчетѣ, хотя имѣютъ родителей, которые отвращаются отъ всего латинскаго, такъ однако изучаютъ русскія письмена (*Ruthenas litteras*), что привыкаютъ къ наукамъ (*litteris*) и обрядамъ латинянь“ ³⁾. На основаніи этого сдѣланнаго какъ бы мимоходомъ замѣчанія, можно думать, что въ Полоцкѣ русскій языкъ былъ введенъ съ самаго начала и что и въ другихъ западнорусскихъ коллегіяхъ ему было отведено извѣстное мѣсто. Въ лудской же коллегіи изучался, какъ мы видѣли, славянскій языкъ,—если только подъ нимъ не нужно разумѣть русскаго, такъ какъ эти названія въ тѣ времена часто смѣшались.—Для миссіонерскихъ же надобностей въ коллегіяхъ виленской и крожской поддерживалось знаніе языка литовскаго. Въ Вильнѣ его знали и на немъ проповѣдывали не только природные литовцы, но и чужеземцы, въ родѣ о. Антонія Аріаса, испанца († 1591) ⁴⁾. Съ этой же цѣлью въ 1621 году проектировано было учредить при академіи катедры языковъ литовскаго, ливонскаго и эстонскаго, по мысли Яна Аргента, визитовавшаго въ 1614 году виленскій и жмудскій діоцезы ⁵⁾. Литовскимъ языкомъ и его нарѣчіями орденъ больше занимался въ коллегіяхъ Риги и Юрьева ⁶⁾, но и виленскіе іезуиты принимали участіе въ научной разработкѣ его (Кон. Ширвидъ).

¹⁾ Рукопись Императорской публичной библіотеки. Лат. Q. XV. 289. Подробнѣе скажемъ о ней ниже.

²⁾ Въ *Litterae annuae* встрѣчаемся съ фактами іезуитской проповѣди на русскомъ языкѣ,—напр. въ окрестностяхъ Львова, въ Несвижѣ. Въ Несвижѣ проповѣдали на русскомъ языкѣ въ русскихъ храмахъ іезуиты «возвратили первосвященнику (римскому) нѣсколько схизматиковъ». Этотъ приемъ былъ одобренъ униатскимъ митрополитомъ, который просилъ отцовъ примѣнять его и въ своей епархіи (*Lit. an. 1602, 745*).

³⁾ *Lit. an. 1584, 152*. Изъ позднѣйшаго свидѣтельства мы узнаемъ, что русскому языку обучали не сами іезуиты, а ихъ питомцы. *Iam vero scholarum frequentia non mediocriter augetur, iis pueris, qui prima litterarum elementa, polonice atque ruthenice discunt ab uno externo juvene a nobis constituto* (*Lit. an. 1607, 494*).

⁴⁾ *Rostowski, 182*.

⁵⁾ *Kraszewski, IV, 21* и прим. 49. 50.

⁶⁾ Въ 1604 году ректоръ рижской коллегіи Эдуардъ Тольгсдорфъ издалъ «*Catechismus nomenclaturae, conciones, hymni et antiphonae lingua livonica seu lothavica in usum*

Положительныя, точныя науки въ системѣ іезуитскихъ *studia inferiora* стояли очень невысоко. Даже ариѳметикѣ по „Плану“ не дано здѣсь мѣста, такъ какъ математика отнесена къ философскому курсу. И впоследствии, когда возникла мысль о включеніи началъ ея въ программу низшихъ классовъ, генераль Клавдій Аввавива не сразу согласился. Разрѣшеніе послѣдовало только въ 1614 году въ виду того, „что неудобно не знать основныхъ ариѳметическихъ дѣйствій“, но и то съ тѣмъ ограниченіемъ, чтобы имъ не отводилось особыхъ уроковъ (*ita tamen, ne justa lectio et ex professo sit*)¹⁾. И, конечно, ариѳметика не сдѣлалась самостоятельнымъ учебнымъ предметомъ, а увеличила только собой содержаніе той особой науки, которая въ „Планѣ“ названа „*Egreditio*“ и которая преподавалась ученикамъ двухъ старшихъ классовъ въ свободное время. Подъ нею разумѣлись отрывки изъ всевозможныхъ отраслей знанія. Но такъ какъ общій характеръ іезуитскаго средняго образованія былъ филологическо-классическій, то, вѣроятно, ученики всего чаще выслушивали здѣсь свѣдѣнія изъ римскихъ и греческихъ древностей и всего рѣже изъ естественныхъ наукъ. Наконецъ, и эстетическимъ развитіемъ учениковъ іезуиты занимались мало. Пѣніе—такъ какъ о немъ идетъ здѣсь рѣчь—поставлено было такъ слабо, что на это находили возможнымъ указывать противники іезуитскихъ шкѳлъ въ родѣ Бросція, и іезуиты защищались отъ обвиненія не очень рѣшительно²⁾. И это тѣмъ болѣе удивительно, что конгрегациі видѣли въ пѣніи одно изъ средствъ обученія христіанской вѣрѣ и нравственности³⁾. Даже и религиозное образованіе въ іезуитскихъ гимназіяхъ стояло далеко не на надлежащей высотѣ, такъ какъ получасовой урокъ въ недѣлю, въ одномъ притомъ классѣ, немного могъ дать, а чтеніе твореній свв. отцовъ—нельзя думать, чтобы помогало дѣлу, такъ какъ трудно допустить, чтобы въ каждый урокъ прочитывались цѣлыя главы. Правда, отведеніе небольшого мѣста катихизису согласовалась съ общей педагогической тенденціей католической церкви, которая воспитываетъ массы болѣе религиозными обрядами, чѣмъ посредствомъ вѣроученія. И въ іезуитскихъ школахъ развитіе „благочестія“ совершалось больше путемъ привлеченія учениковъ къ Богородичнымъ братствамъ и къ участию въ церковныхъ обрядахъ и подвигахъ,—здѣсь культивировалось благочестіе практическое и воля и вкусъ воспитывались на вѣрности церковнымъ установленіямъ и на красотѣ и благолѣпнн церковной обрядности⁴⁾. Изъ

---

excursion. conscr. a. D. 1604». Его преемникъ Юрій Эльгеръ въ 1620 г. напечаталъ на литовскомъ языкѣ *Institutiones christianae* (Vilnae, typis acad. S. I.) (Kwartalnik historyczny, 1890, 764).

¹⁾ *Krasz.*, IV, 52, прим. 42. Впоследствии западнорусскія коллегіи еще болѣе уступили требованіямъ жизни и уже въ 1736 г. литовскій провинціалъ Деушка совѣтовалъ обратить особенное вниманіе на ариѳметику съ чистописаніемъ (Историко-юридическіе матеріалы, извлеченные изъ актовъ книгъ губерній витебской и могилевской, XVIII, № 46, п. 19).

²⁾ *Pieknorzecki*, *Gratis plebański*, 1627, 356. 357.

³⁾ I конгрегациі 137 декретъ и 14 канонъ, утвержденные IV конгрегацией.

⁴⁾ *Марковъ*, Объ іезуитскомъ воспитаніи (Чт. въ общ. люб. дух. просвѣщенія, 1871, V, 29. 30).

умственныхъ же способностей дѣтей въ іезуитскихъ гимназіяхъ развивались преимущественно память ¹⁾, отъ которой требовалось удерживать массу разнообразнѣйшихъ свѣдѣній по всевозможнымъ отраслямъ знаній, не связанныхъ между собою ничѣмъ общимъ ²⁾, и находчивость,— находчивость въ спорахъ. Іезуиты думали, что самое знаніе истины холодно, если въ человѣкѣ не развита способность диспутировать ³⁾.

Но перейдемъ къ разсмотрѣнію постановки учебнаго дѣла въ studia superiora,—быть можетъ, они восполняли недостатки программъ низшихъ классовъ.

Философскій курсъ длился три года и на немъ изучались различныя части философіи и математики и древніе языки. Философія читалась въ теченіе всѣхъ трехъ лѣтъ по два часа ежедневно. Въ первой годъ излагалась логика по Толету или Фонсекѣ (схоластическіе писатели-философы), во второй—физика по Аристотелевымъ книгамъ: De coelo, De generatione (первая часть) и Meteorologia, въ третій—вторая часть De generatione, De anima и его же Метафизика. По Аристотелю же читалась и моральная философія или этика. О способахъ обращенія преподавателей съ тѣмъ философскимъ матеріаломъ, какой заключается у Аристотеля, надлежащія наставленія преподавала V-я конгрегация, санкціонировавшая „Ratio studiorum“. Здѣсь мы читаемъ такіе совѣты. Профессора философіи пусть слѣдуютъ во всемъ Аристотелю, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда онъ самъ отступаетъ отъ ученія, принятаго повсюду академіями, и особенно когда противорѣчитъ правой вѣрѣ. Противныя истинной вѣрѣ аргументы его и другихъ философовъ нужно рѣшительно опровергать, какъ повелѣваетъ латеранскій соборъ. Съ большимъ выборомъ должно пользоваться и тѣми толкователями Аристотеля, которые комментировали его не въ интересахъ христіанской церкви. Особенно необходимо остерегаться Аверроеса; если у него и есть что доброе—не хвалить, а стараться показать, что онъ заимствовалъ это отъ другихъ. Избѣгая заблужденій аверроистовъ, александрийцевъ и др. сектъ и унижая авторитетъ ихъ, ничего не нужно говорить противъ св. Томи, которому и должно слѣдовать. Выразившееся такъ сильно довѣріе къ Аристотелю было плодомъ прельщенія предъ средневѣковыми схоластическими богословами, почитателями этого философа. Слѣдованіе тому или другому авторитету и вообще было поставлено въ основу философскаго образованія. Профессоръ философіи поэтому не долженъ былъ ни вводить новыхъ мнѣній, ни трактовать новыхъ вопросовъ, основанія которымъ нельзя было найти ни у какого вѣскаго автора (quae idonei nullius auctoris sint), ни защищать ничего противнаго „аксіомамъ“ философовъ и общему пониманію ихъ школами (католическими). Въ виду этого люди, наклонные къ новшествамъ и свободомыслящіе, безъ всякаго колебанія должны быть отдаляемы отъ учительства. Въ тѣхъ же пунктахъ, гдѣ

¹⁾ *Rat. stud.*, reg. comm. prof. stud. infer., 19.

²⁾ Замѣчательно, что даже грамматическія правила предлагалось заучивать безсознательно, безъ выясненія ихъ на примѣрахъ, и въ передачѣ объясненій учителя требовалась безусловная точность.

³⁾ *Mezger*, *Imago primi saeculi S. I.*, p. 340.

допускается свобода мнѣній, конгрегация, согласно съ предложеніемъ комиссіи, обсуждавшей „Ratio studiorum“, рекомендовала: если профессоръ защищаетъ извѣстное положеніе, то онъ не долженъ очень сильно опровергать противоположное ему, особенно если за послѣднее стоялъ его предшественникъ по кафедрѣ. Съ этой точки зрѣнія желательны были бы сѣзды профессоровъ для установленія соглашенія между собой по нѣкоторымъ вопросамъ (*Quin etiam cum conciliari possunt auctores, ne negligatur optandum est*) ¹⁾.

На философскомъ факультетѣ указаны еще математика, излагавшаяся по Эвклиду, и наука о „сферахъ“ (стереометрія). Профессоръ же математики долженъ былъ сообщить студентамъ кое-что изъ географіи. Читалъ онъ эти предметы на второмъ году философскаго курса, по $\frac{3}{4}$ часа ежедневно. Оказавшіе способность къ математикѣ могли по окончаніи курса слушать ее частнымъ образомъ ²⁾. Относительно древнихъ языковъ мы можемъ думать, что они, изученные въ гимназій, здѣсь только практически повторялись и эксплуатировались, такъ сказать ³⁾.

Итакъ, предметы философскаго курса должны были значительно расширять умственный горизонтъ учащихся, и сообщая имъ новыя свѣдѣнія, и развивая ихъ умственные способности для самостоятельнаго трактованія вопросовъ знанія. Но, во первыхъ, въ изслѣдуемый нами періодъ времени философскій факультетъ изъ всѣхъ западнорусскихъ коллегій существовалъ только въ виленской. Во вторыхъ, доступъ къ нему былъ не такъ легокъ. Огромное большинство учащихся ограничивалось низшими классами, такъ какъ при нераціональномъ методѣ обученія въ нихъ часто приходилось сидѣть гораздо больше шести лѣтъ, а съ другой стороны, иезуиты допускали къ философіи только тѣхъ, кто съ ихъ точки зрѣнія казался благонадежнымъ. Ректору предписывалось даже не пропускать на философскій курсъ тѣхъ, *ex quibus revertatur potius timeatur* ⁴⁾. И въ третьихъ, самая философія иезуитская была не столько философіей Аристотеля, сколько схоластической поддѣлкой подъ него, почему и отзывалась на умахъ юношей такъ же тяжело, какъ и все схоластическое. И это тѣмъ болѣе, что и преподавалась она такъ, чтобы могла служить схоластическому богословію ⁵⁾.

¹⁾ *Regula pro delectu opinionum, pro philosophis*, 1—5. V конгр. 41 декретъ. Cf. *Rat. stud.*, reg. prof. philosoph., 1—15. См. также 8 канонъ III конгрегации.

²⁾ *Rat. stud.*, reg. prof. mathem., 1; reg. prov., 20. Cf. *Раумеръ*, I, 418, 419.

³⁾ Точно ли преподавались въ западнорусскихъ коллегіяхъ иностранные языки, какъ утверждаютъ нѣкоторые по отношенію къ виленской, по крайней мѣрѣ (*Ликаузъ*, I, 274; IV, 22. Славянскій сборникъ, III, 58),—указаній на это изъ нашего періода мы не нашли никакихъ.

⁴⁾ *Rat. stud.*, reg. rect., 12.

⁵⁾ 47 декретъ III генеральной конгрегации требуетъ, чтобы учителя *ita philosophiam interpretentur, ut verae Theologiae scholasticae, quam nobis commendant Constitutiones, ancillari et subservire faciant*. Тоже въ существѣ дѣла говоритъ и *Rat. stud.*—reg. prof. philos., 1: «Такъ какъ философія prepares умы къ богословію и другимъ наукамъ и служитъ къ совершенному ихъ познанію и сама по себѣ много вліяетъ на раз-

Хотя въ системѣ іезуитскихъ наукъ богословскій курсъ слѣдовалъ за философскимъ, но въ западной Россіи нѣкоторые предметы его (преимущественно казуистическое и полемическое богословіе) читались и въ такихъ коллегіяхъ, гдѣ философія не была введена (напр., въ Несвижѣ, Люблинѣ, Львовѣ, Луцкѣ). И только въ виленской академіи, при полномъ философскомъ курсѣ, осуществлялась почти цѣликомъ программа богословскаго факультета.

Богословскій курсъ длился четыре года. Въ теченіе ихъ читались богословіе схоластическое и положительное ¹⁾, нравственное, полемическое и казуистическое, каноническое право, священное писаніе, еврейскій языкъ. Само собой разумѣется, что богословіе стояло на первомъ планѣ, по самому значенію его для католичества, защищать которое отъ нападеній протестантовъ явился орденъ ²⁾.

По схоластическому богословію главнымъ руководствомъ служила система *Томы Аквината*; изложеніе ея по частямъ въ продолженіе всего курса было обязанностью двухъ профессоровъ. Ученіе *Томы* они должны были не только излагать, но и защищать. Самое допущеніе къ учительству извѣстнаго кандидата обуславливалось его принадлежностью къ числу *омистовъ*; нерасположеніе профессора къ *Аквинату* или равнодушіе къ нему лишало его должности. Усвояя *Аквинату* такой авторитетъ, авторы Учебнаго плана и отцы *V* конгрегаціи замѣтили, что ученіе этого князя (*principis*) богословія есть и самое основательное и безопасное, и одобрено конституціями ордена и папами. Тѣмъ не менѣе по нѣкоторымъ пунктамъ, напр. по вопросу о зачатіи Пресв. Дѣвы *Маріи*, о соблюденіи обѣтовъ, профессорамъ внушалось слѣдовать обычному церковному ученію ³⁾. Вообще же запрещалось говорить о тѣхъ матеріяхъ, о которыхъ *Томасъ* специально не трактовалъ и которыя могутъ оказаться несогласными съ церковнымъ разумомъ. Должно отвергать непринятое и ненаходимое у какихъ нибудь авторитетныхъ церковныхъ писателей, слѣдовать которымъ и рекомендуется въ вопросахъ, не обследованныхъ *Томомъ* (напр., по философіи, по каноническому праву, свящ. писанію). Что же касается тѣхъ предметовъ, о которыхъ возможны и допустимы два мнѣнія, то и тутъ рекомендовалось не защищать рѣшительно положеній, противоположныхъ принятымъ въ какой нибудь провинціи или

витіе разума и усовершенствованіе воли, то учитель пусть излагаетъ ее съ усердіемъ, во всемъ искренно ища чести и славы Божіей, чтобы приготовить слушателей къ изученію богословія и другихъ наукъ, обезопасивъ ихъ отъ ересей.

¹⁾ Подъ положительнымъ богословіемъ (*positiva*), вѣроятно, нужно разумѣть догматическое, которое иногда выдѣлялось, какъ особый предметъ, изъ системъ схоластиковъ, заключающихъ въ себѣ элементы различныхъ богословскихъ наукъ. Позитивное богословіе читалось послѣ схоластическаго (*Constitutiones S. J.*, p. IV, c. V, § 1; c. VI, § 3).

²⁾ «*Vera certe possessio ipsorum est Theologia: hic illis thesaurus, hic Marathon, in quo versantur plurimum*», сказано о богословіи въ одной противіезуитской брошюрѣ (*Iarosz.*, III, 190).

³⁾ *Ratio studiorum* опредѣляетъ до мелочей, что изъ *Аквината* должно читать, какіе вопросы рѣшать, о какихъ умалчивать, какъ истолковывать ихъ (*Reg. prof. scholast.*, 1—12).

академіи. Въ такихъ случаяхъ совѣтовалось прилагать къ дѣлу принципъ благоразумной любви ¹⁾.

Нравственное богословіе, руководствомъ по которому служила вторая книга II части того же Томы,—не видно, чтобы преподавалось въ нашъ періодъ даже въ виленской академіи. Изъ разъясненій VII конгрегаціи мы узнаемъ, что нравственныя матеріи входили обыкновенно въ составъ схоластическаго богословія. Выдѣлять ихъ въ особый предметъ конгрегація рекомендовала въ тѣхъ только случаяхъ, когда онѣ кратко пройдены профессорами схоластики и когда была возможность учредить новую кафедру ²⁾. Въ такомъ разѣ нравственное богословіе читалось въ теченіе двухъ первыхъ лѣтъ богословскаго курса.—Не видимъ мы также въ виленской академіи и каноническаго права.

Профессоръ казуистики долженъ былъ готовить священнослужителей. Онъ излагалъ ученіе о таинствахъ, о нравственныхъ обязанностяхъ человека, объяснял 10 заповѣдей Божіихъ. Сомнительные случаи ему внушалось разрѣшать, ссылаясь на авторитеты, но не злоупотребляя ими. Ему же рекомендовалось устраивать диспуты о дѣлахъ совѣсти ³⁾.

По какому руководству и какъ читалось полемическое богословіе (*controversiae adversus haereses*)—неизвѣстно. Во всякомъ случаѣ оно въ системѣ богословскаго образованія должно было занять видное мѣсто у іезуитовъ, „героевъ Христа“. Въ Вильнѣ особенно извѣстнымъ профессоромъ полемики былъ Эммануилъ Вега, вызванный Сваргой и воспитавшій много искусныхъ полемистовъ ⁴⁾.

¹⁾ *Regula pro delectu opinionum pro theologis*, 41 и 56 декр. V конгр. *Ratio studiorum*, reg. prov., 9. Весьма характеренъ для іезуитской школы тотъ фактъ, что даже такое ясно выраженное требованіе подчиненія извѣстнымъ авторитетамъ въ области философіи и богословія казалось нѣкоторымъ изъ отцовъ неудобнымъ и они, въ предупрежденіе вызываемыхъ «такой свободой» колебаній профессоровъ, предлагали поручить избраннымъ профессорамъ и теологамъ общества составить разъ навсегда определенную систему наиболее принятыхъ Томой и писателями ордена мнѣній. Конгрегація, правда отложила этотъ вопросъ до болѣе удобнаго времени (VII конгр., декр. 23). Еще ранѣе, на V-й конгрегаціи, было предложено составить обязательныя для всѣхъ курсовъ по философіи; конгрегація постановила предоставить вопросъ сужденію генерала ордена (V конгр., декр. 70).

²⁾ *Congr. VII, descr. XXXIII, p. 7.*

³⁾ *Regulae prof. casuum conscientiae*, 1—6. Ср. *Раумеръ*, I, 420. Диспуты, впрочемъ, обязанъ былъ устраивать по субботамъ каждый профессоръ высшихъ курсовъ. Длались они часа по два. Иногда въ большихъ городахъ бывали публичныя диспуты (*Łukas., I, 251*).

⁴⁾ Въ Вильнѣ студенты богословія даже печатно выступали противъ иновѣрцевъ. Таково полемическое произведеніе кс. Мартина Жагеля, «*audytora Theologiae w akademii Wileńskiej S. I.*»: «*Termin na protestacyę ministra jednego ewangelickiego*» (1599. *Łukas., I, 275*, прим. 1). Таково же сочиненіе студента Іоанна Боболи (псевдонимъ Росцѣшевскаго):—«*Ad orationem Andreae Volani*»... (1600). Присоединенныя къ нему стихи 14 авторовъ противъ Волана, наполненные массой недостойныхъ выходовъ противъ этого кальвинскаго министра (*Baliński, Piśma historyczne*, III, 125), могутъ, пожалуй, характеризовать тонъ и приемы и самого полемич. богословія іезуитскаго. Впрочемъ, іезуиты не отличались въ этомъ отношеніи отъ полемистовъ другихъ исповѣданій того времени.

При чтеніи свящ. писанія должно было держаться Вульгаты и въ другимъ текстамъ обращаться только въ рѣдкихъ случаяхъ. Не слѣдовало придавать большой цѣнности толкованіямъ раввиновъ, ни тратить много времени на хронологію, географію Палестины и т. п. мало-полезныя знанія. Рекомендовалось останавливаться особенно на тѣхъ мѣстахъ, которыми отражаются еретики: Истоковывать Свящ. Писаніе должно согласно съ папами, соборами, отцами. Ветхій и Новый Завѣты изучались по году, чередуясь ¹⁾).

Профессору еврейскаго языка также внушалось отстаивать достоинство и значеніе Вульгаты. Онъ преподавалъ начатки грамматики еврейскаго языка и затѣмъ, параллельно съ дальнѣйшимъ изложеніемъ ея, читалъ съ учениками одну изъ наиболѣе легкихъ книгъ Ветхаго Завѣта и заботился главнымъ образомъ о томъ, чтобы смягчить въ нихъ „непріятное чувство, производимое этимъ чуждымъ и жествымъ языкомъ“. Такъ какъ еврейскій языкъ нуженъ собственно для толкованія Священнаго Писанія, то желательно было, чтобы преподавалъ его профессоръ послѣдняго, знакомый притомъ съ греческимъ языкомъ и, если можно, съ халдейскимъ и сирскимъ ²⁾).

Если программа низшихъ классовъ могла подвергаться измѣненіямъ и дополненіямъ, то программа высшихъ курсовъ отличалась своей устойчивостью. Никто изъ профессоровъ богословія и философіи не могъ ввести ни въ методъ преподаванія, ни въ учебникахъ, ни въ объемъ науки никакой перемѣны, хотя бы она влопилась къ лучшему ³⁾). Также неизмѣнны были и всѣ дидактическіе приемы іезуитовъ, каковы, напр., диспуты и экзамены. Что диспуты получили въ іезуитской школѣ очень видное мѣсто, это неудивительно, такъ какъ и сама школа явилась въ вѣкъ и по обстоятельствамъ, требовавшимъ особенныхъ способностей и искусства въ полемизированіи. Экзамены служили средствомъ контроля учебныхъ успѣховъ воспитанниковъ. Они производились въ видѣ репетицій каждую недѣлю и въ году — послѣ изученія какой-либо части грамматики или другой науки. Но настоящими экзаменами были годовыя и они, вѣроятно, были довольно строги, если іезуитовъ упрекали въ томъ, что ихъ питомцы слишкомъ долго учатся въ гимназіяхъ; но это, впрочемъ, зависѣло и отъ нераціональности метода. Но особенно строги были экзамены на высшихъ курсахъ. Здѣсь они были частымъ рѣшетомъ, черезъ которое проходили только люди, основательнымъ образомъ, на зубокъ изучившіе предметы своего класса. 33-й декретъ VII конгрегаціи требовалъ, чтобы изъ класса въ классъ не были пропускаемы студенты, не достигшіе среднихъ успѣховъ, или нехорошо понимающіе, что они услышали, или не могущіе защищать его. Безъ этихъ условій логика нельзя перевести на физику и физика—на метафизику, а тѣмъ болѣе философа на схоластическое богословіе. Иногда іезуиты устраивали публичные экзамены, происходившіе послѣ дѣйствительныхъ. На нихъ лучшіе ученики выступали предъ своими родителями и избранной

¹⁾ Reg. prof. a. scripturae, 1—11, 14, 17. Ср. Раумеръ, I, 419, 420.

²⁾ Rat. stud., reg. profes. linguae Hebraicae, 2—5; reg. provinc., 7.

³⁾ Rat. stud., reg. profess. super. facultatum, 2.

публикой въ качествѣ искусныхъ декламаторовъ, актеровъ, знатоковъ древнихъ языковъ и т. п. Одобреніе слушателей служило имъ наградою.

Учебныя руководства, употреблявшіяся въ западнорусскихъ іезуитскихъ коллегіяхъ, отчасти уже указаны въ отдѣлѣ о планѣ наукъ. Считаемъ нужнымъ остановиться нѣсколько на нѣкоторыхъ изъ нихъ.

Для латинскаго языка была назначена грамматика пресловутаго Альвара (испанецъ, родомъ съ Мадеры, 1528—1582): *Emmanuelis Alvari e Societatis Jesu de institutione Grammatica libri tres*. Употребленіе этого учебника было санкціонировано самими коренными уставами іезуитской школы, одинъ изъ параграфовъ которыхъ гласитъ: „Dabit operam (provincialis), ut nostri magistri utantur grammatica Emmanuelis“¹⁾. Въ силу этого грамматика Альвара употреблялась въ іезуитскихъ школахъ всего свѣта и всѣхъ временъ, даже въ срединѣ этого столѣтія во Франціи. Послѣднимъ фактомъ защитники іезуитскихъ школъ пользуются для доказательства пригодности этой грамматики²⁾. Но не то говорятъ другіе. „Нѣтъ, быть можетъ, худшей книжки для изученія латинскаго языка, какъ грамматика Альвара, говоритъ Лукашевичъ. Ибо авторъ, желая быть очень яснымъ и обстоятельнымъ, благодаря старанію достигнуть этихъ качествъ, сдѣлался темнымъ и непонятнымъ не только для начинающихъ изучать латинскій языкъ, но даже для владѣющихъ уже имъ“. Пониманіе грамматики затруднялось еще и тѣмъ, что нѣкоторыя правила ея изложены стихами, по образцу древнѣйшихъ латинскихъ грамматикъ. Неудивительно, заключаетъ Лукашевичъ, что для изученія этой книжки понадобилось три класса и три года³⁾.

Для упражненія въ латинскомъ чтеніи и для знакомства съ римской жизнью, литературой и исторіей употреблялись заграничныя или польскія изданія латинскихъ классиковъ, но непремѣнно пересмотрѣнныя и очищенныя отъ мѣстъ, грѣшащихъ противъ добрыхъ нравовъ и порядочности (такъ назыв. *editiones castigatae*). А тѣ авторы, которые не могутъ быть очищены, какъ Теренцій, говоритъ одно изъ правилъ провинціалу,—пусть и совсѣмъ не читаются⁴⁾. Этотъ похвальный обычай не іезуитами однако былъ введенъ, но благодаря имъ распространился. Можно предполагать, что въ іезуитскихъ коллегіяхъ употреблялись рукописныя хрестоматіи, въ которыхъ преподавателями помѣщались вы-

¹⁾ *Rat. stud., reg. provinc.*, 23.

²⁾ *Załęski*, 88, 89. За сравнительное достоинство этой грамматики говоритъ и издавна сложившееся выраженіе: «on się z alwara uczu», означавшее хорошаго латиниста (*Encyklopedia powszechna*, I, 545).

³⁾ *Fukasz.*, I, 276. 277. Раздѣленіе грамматики Альвара на три части и для трехъ классовъ узаконено уставомъ же (*Reg. praef. stud. infer.*, 8, §§ 2. 3).

⁴⁾ *Fukasz.*, I, 277. У іезуитовъ изъ латинскихъ писателей цѣликомъ могли читаться Цицеронъ, Ливій, Тацитъ, Саллюстій, Цезарь, Непотъ, Курцій, «Элегинъ» и «Календаръ» Овидія, Гораций, Проперцій, Тибулль, Ювеналъ, Марціалъ, «Метаморфозы» Овидія—являлись въ рукахъ учениковъ іезуитскихъ школъ въ очищенныхъ редакціяхъ. Теренцій, Марціалъ и «Наука Любви» Овидія совсѣмъ не были допускаемы къ употребленію (*Załęski*, 96, прим. 1). О. Заленскій къ числу авторовъ, совсѣмъ не употреблявшихся въ школахъ, относитъ Марціала, но нѣкоторыя іезуитскія изданія его, очищенныя, разумѣется (*Locher*, I, ЖЖ 321—3).

борки изъ лучшихъ классическихъ писателей,—иначе нельзя допустить, чтобы ученики успѣли познакомиться со всѣми указанными авторами по отдѣльнымъ изданіямъ ихъ, да и не всѣ они были изданы.

Для изученія греческаго языка употреблялась грамматика іезуита Гретцера: „*Jaеobi Gretzeri S. I. Institutionum linguae graecae libri tres. Vilnae, typis Ioann. Karcani. 1604*“. До ея изданія могли употребляться рукописные учебники и печатная грамматика Кленарда ¹⁾).

Пособіями при изученіи древнихъ языковъ, кромѣ христоматій, служили первоначально тѣ словари ихъ, какіе іезуиты могли найти и въ западной Европѣ, и въ Польшѣ. Въ послѣдніе же годы нашего періода къ составленію лексиконовъ приступили они сами. Такъ, краковскій іезуитъ Григорій Кнапскій издалъ: „*Thesaurus Polono-Latino-Graecus seu Promptuarium Linguae Latinae et Graecae polonorum usui accommodatum*“, tt. I—III (Cracoviae, 1621, 1626, 1632) ²⁾.

Печатнымъ руководствомъ по риторикѣ могла быть книжка Киприана Суареца, гренадскаго іезуита ³⁾). Ораторскія произведенія Цицерона учебниками не были, но служили пособіями для преподавателей этого предмета. Не менѣе Цицерона преподаватели пользовались и сочиненіями по риторикѣ Аристотеля, по которымъ составляли рукописные курсы. Таковъ, напр., трудъ львовскаго профессора Шидловскаго, записанный іезуитомъ Папроцкимъ: „*Epitome Aristotelis trium librorum de arte Rhetorica*“ (1622) ⁴⁾). Въ первой части его, послѣ разсужденія о сходствѣ и пользѣ риторики и діалектики, содержатся общія правила искусства краснорѣчія; во второй, озаглавливающейся „*de moribus et affectibus*“, говорится о сильныхъ движеніяхъ души, о нравахъ отдѣльныхъ возрастовъ, сословіи и излагаются правдоподобныя доказательства. Въ заключеніи кратко указаны положенія діалектики, примѣняющіяся въ риторикѣ (*loci dialectici*) и заимствованныя изъ „общихъ мѣстъ“ (*topica*) Аристотеля. Этотъ курсъ дополненъ тремя главами изъ Цицерона: *de generibus dicendi* (изъ третьей книги „*De oratore*“), *De universa ratione elog. rhetor.* и *De periodis*. Въ пользованіи Аристотелемъ и Цицерономъ преподаватели краснорѣчія въ іезуитскихъ школахъ проявляли ту или другую степень самостоятельности и, быть можетъ, внесли уже въ нашъ періодъ что нибудь оригинальное и новое, по крайней мѣрѣ, въ смыслѣ сближенія правилъ риторики и поэзій съ польскимъ языкомъ. Поводъ такъ думать даетъ „*Specimen eloquentiae studiosos instruendi gratia*“, составленный въ 1610 г. подъ руководствомъ несвижскаго преподавателя краснорѣчія Стан. Яворскаго. Это произведеніе—результатъ волеятивныхъ усилій 25 несвижскихъ студентовъ, по инициативѣ Н. Хр. Радивилла попытавшихся дать курсъ краснорѣчія. Но дѣлю остановилось, кажется, на первой книгѣ его—*De primis fundamen-*

¹⁾ *Iocher*, № 626—627; *Lukasz.*, I, 239.

²⁾ *Iocher*, № 712—714.

³⁾ *Lukasz.*, I, 278. *Baliński*, Dawna akademia Wileńska, 40.

⁴⁾ Рукопись Императорской публ. библ. Лат. Q. XV. № 138. Здѣсь же содержится и краткій курсъ діалектики или логики.

tis rhetoricis, въ составъ коей включены образцы стиховъ и рѣчей на всякіе случаи и, преимущественно, на польскомъ языкѣ¹⁾).

Но кромѣ риторикѣ Аристотеля и Цицерона въ іезуитскихъ школахъ преподавалась и „риторика христіанская“, т. е. имѣвшая болѣе близкое отношеніе къ задачамъ оратора—христіанина. Въ той же рукописной книгѣ львовскаго іезуита Варс. Папроцкаго мы находимъ еще такой курсъ: „Rhetoricae christianaе Breviarium“. Первый раздѣлъ его трактуеть de eloquentia christiana, второй—de inventione locis (?) et argumentatione rhetorica и 3-й—de dispositione, elocutione, memoria, pronuntiatiōne. Эпилогъ, содержащій praxim christ. oratorium (рѣчи, проповѣди), позволяетъ сближать эту „христіанскую риторикѣ“ съ гомилетикой²⁾).

Схоластическое богословіе изучалось по Томѣ Аввинату. Это значитъ, что каждый почти профессоръ составлялъ свой курсъ догматики, держась, какъ можно ближе, къ Summa totius theologiae „ангельскаго учителя“, приспособляясь при этомъ, разумѣется, къ пониманію слушателей. Въ Императорской публичной петербургской библиотекѣ сохранилось нѣсколько такихъ курсовъ (напр., Іакова Ортізіа, 1614—15 и 1618 гг., Іакова Маргуарта, 1621—22 гг.), излагающихъ ту или другую часть системы Тома Аввинскаго и записанныхъ руками ближайшихъ слушателей этихъ іезуитскихъ богослововъ³⁾).

Администрація іезуитскихъ школъ и преподавательскій персоналъ.

Во главѣ всѣхъ іезуитскихъ школъ, какъ и всего ордена, стоялъ генераль. Безъ его воли и вѣдома нельзя было ввести что-либо новое въ планѣ наукъ, въ характерѣ и направленіи преподаванія, въ методѣ изложенія.

Значенію генерала ордена для всѣхъ школъ соотвѣтствовалъ авторитетъ провинціала въ отдѣльныхъ провинціяхъ. Такъ какъ чрезъ школы, главнымъ образомъ, увеличивалась сила ордена, то онѣ поручались особенному попеченію провинціала. Онъ назначалъ префектовъ и учителей⁴⁾, выдвигалъ способнѣйшихъ на болѣе видныя мѣста, утверждалъ представленія къ ученымъ степенямъ, опредѣлялъ составъ учителей на каждомъ факультетѣ, начало и конецъ ученія и праздничные дни; назначалъ ассистентовъ на экзамены по богословію, сверхъ префекта и профессора богословскаго факультета, если это казалось ему полезнымъ. Онъ же

¹⁾ Рук. Имп. публ. библ. Лат. Q. XV. 299.

²⁾ Рук. Имп. публ. библ. Лат. Q. XV. 138. Мы затрудняемся отнести этотъ предметъ къ какому либо курсу общаго іезуитскаго училища: въ Ratio studiorum для него нѣтъ мѣста. Всего вѣрнѣе, что эта система «христіанской риторикѣ» читана была Шидловскимъ, львовскимъ іезуитомъ, своимъ слушателямъ—схоластикамъ или новіціямъ.

³⁾ Лат. Q. I. № 374, 380, 389.

⁴⁾ VII конгрег. декр. 26 п. 3 напоминаетъ провинціалу, чтобы онъ при назначеніи учителей руководился общимъ благомъ, а не своими симпатіями. Даже прошедшаго полный богословскій курсъ онъ могъ не назначить на учительство, если находилъ его недостойнымъ этого.

слѣдилъ за составомъ бібліотекъ и за тѣмъ, чтобы ни одинъ іезуитъ не издалъ и не перевелъ самовольно ни одной книги. Лично или черезъ назначенное лицо провинціалъ ревизовалъ школы. Наконецъ, онъ же наблюдалъ, чтобы учителя исполняли то, что касается воспитанія добрыхъ нравовъ. Вообще же на обязанности провинціаловъ лежало принимать всѣ мѣры къ обезпеченію успѣха школъ. Имъ, напр., VI конгрегация поручила поднять упавшее было изученіе гуманитарныхъ наукъ. Провинціаламъ позволялось Учебнымъ планомъ и конгрегациями не стѣсняться буквой устава, а дѣйствовать по своему благоусмотрѣнію, лишь бы съ пользою для учебнаго дѣла. Съ этой цѣлью они могли собирать даже совѣты изъ лицъ долго учительствовавшихъ и обсуждать съ ними вопросы о лучшей постановкѣ школьнаго дѣла,—но, конечно, руководствуясь „Планомъ“ и испрашивая на введеніе выработанныхъ приѣмовъ разрѣшеніе у генерала. Безъ позволенія генерала провинціалъ не могъ ни расширить программы, ни основать новой школы¹⁾.

Во главѣ каждой отдѣльной школы, высшей или низшей, стоялъ ректоръ коллегіи. Но его власть была не велика. Не онъ назначалъ учителей²⁾, не онъ и смѣнялъ ихъ; онъ только заботился о подготовкѣ преподавателей, дѣлалъ о нихъ представленія и въ концѣ учебнаго года доносилъ провинціалу о способностяхъ ихъ и усердіи. Каждый годъ ректоръ читалъ публично въ столовой правила поведенія для учениковъ и слѣдилъ за ихъ выполненіемъ. Изрѣдка посѣщалъ классы, особенно грамматическіе, присутствовалъ на богословскихъ и философскихъ диспутахъ, слѣдилъ за тѣмъ, чтобы ученики неизмѣнно говорили на латинскомъ языкѣ. Еженедѣльно назначалъ день для отдыха, причѣмъ иногда отпускалъ въ садъ своихъ питомцевъ. Ректору принадлежалъ общій надзоръ за состояніемъ школы и особенно административная и инспекторская часть; онъ долженъ былъ устранять препятствія къ ученію³⁾.

Научная сторона дѣла находилась въ завѣдываніи префекта (*praefectus studiorum*), который потому былъ „главнымъ орудіемъ ректора въ упорядоченіи занятій“ (*generale rectoris instrumentum ad studia bene ordinanda*). Отъ него требовалась высшая степень учености. Обязанностью его было исполнять въ точности предписанія относительно организации школы и плана наукъ, бывать на лекціяхъ учителей (у каждаго по крайней мѣрѣ разъ въ мѣсяцъ), просматривать иногда упраж-

¹⁾ *Ratio studiorum, regulae provinc.*, 2—6. 8—18. 27. 33—40. 47. *Regulae societatis Jesu, reg. provinc.*, 60. VI-ae congregationis instructio 20.

²⁾ Только въ случаяхъ крайней необходимости ректоръ могъ назначать своей властью учителя (*Rat. stud.*, *reg. rectoris*, 37. 40).

³⁾ *Rat. stud.*, *reg. rectoris*, 3—9. 12. 18—20. 31.—Согласно съ привилеемъ Ст. Баторія и буллою Григорія XIII, въ виленской академіи, кромѣ ректора коллегіи, былъ еще начальникъ—виленскій епископъ, канцлеръ академіи. Впрочемъ, какъ онъ, такъ и проректоръ (я (жмудскій епископъ) были больше почетными начальниками; не вмѣшиваясь во внутреннія дѣла академіи, они выступали только тогда, когда приходилось защищать ея права или интересы. Во всемъ прочемъ виленская академія подчинялась обычнымъ правиламъ (*Lukasz.*, IV, 41). Во всякомъ случаѣ, провинціалу предоставлено было распредѣлять обязанности между прямымъ начальствомъ школы и канцлеромъ, если такой случайно (*forte*) окажется (*Rat. stud.*, *reg. praef. stud.*, 2).

ненія учениковъ, устраивать диспуты и публичные экзамены. Впрочемъ, ему же принадлежалъ и инспекторскій надзоръ за нравственностью какъ учениковъ (екстерновъ и интерновъ), такъ и профессоровъ. Въ особенно многочисленныхъ школахъ для низшихъ курсовъ назначался другой префектъ, подчиненный ректору въ дѣлахъ, касающихся дисциплины, и сносившійся во всемъ прочемъ съ префектомъ старшихъ курсовъ. Онъ обязанъ былъ каждыя двѣ недѣли бывать на лекціяхъ учителей, слѣдить за выполненьемъ ими программы и обращеньемъ ихъ съ учениками и, такъ какъ „магистры“ низшихъ классовъ были обыкновенно людьми молодыми и неопытными, то онъ руководилъ ими даже въ ихъ учебныхъ занятіяхъ, былъ ихъ начальникомъ въ собственномъ смыслѣ. Префектъ низшихъ курсовъ принималъ въ школы новопоступившихъ (но тѣхъ только, кого привели родители или опекуны), переводилъ ихъ въ высшіе классы, руководилъ экзаменами, велъ списки, наблюдалъ за библіотекой и пополненьемъ ея, назначалъ время для частныхъ занятій, для мѣсячныхъ „декламаций“, диспутовъ, распределялъ награды. Онъ же назначалъ въ каждомъ классѣ цензора или главнаго декуріона (иначе претора) и „корректора“ (экзекутора) ¹⁾.

Учительство въ іезуитскихъ школахъ было должностью высокой, почетной и отвѣтственной и попасть на нее было очень нелегко,—труднѣе даже, чѣмъ попасть въ орденъ. Въ учителя іезуиты выбирали изъ своихъ питомцевъ людей, которыхъ характеры, нравственность, способности, образъ мыслей подходили къ ихъ планамъ. Такихъ изъ риторики или философіи переводили на два года въ новиціатъ, гдѣ наряду съ науками схоластикъ (*novitius scholasticus*) набирался „духа ордена“ и, принуждаемый говорить только по латыни, окончательно осваивался съ этимъ языкомъ. По окончаніи новиціата, онъ вторично проходилъ въ теченіе двухъ лѣтъ общеобразовательные предметы, преимущественно риторику. Въ это время онъ занимался древними авторами, писалъ обширныя сочиненія на заданныя темы, совершенствовался въ языкахъ классическихъ и польскомъ и упражнялся въ благочестіи ²⁾. Послѣ этого кандидаты на учительство продолжали подготовку, слушая въ теченіе двухъ-трехъ лѣтъ философію, физику, математику; если кто слушалъ до того эти науки, обязанъ былъ вторично пройти ихъ. У кого оказывался особый талантъ къ одной изъ этихъ наукъ, тому давали еще годъ

---

¹⁾ *Ratio stud.*, reg. praef. stud., 1. 4—28; reg. praef. stud. infer., 1—37.; reg. provinc., 2; cf. *Łukaszy*, I, 233. 234. Мы не увѣрены, были ли въ виленской академіи въ нашъ періодъ времени деканы философскаго и богословскаго факультетовъ (*Baliński*, *Dawna akademia Wileńska*, 75).

²⁾ Въ теченіе этихъ двухъ лѣтъ кандидатъ на учительство нѣсколько разъ въ общихъ литературныхъ собраніяхъ («академіяхъ») читалъ свои сочиненія—поэтическія или риторическія, разбиралъ лучшія рѣчи Цицерона и Демосоеена, сопровождая разборъ комментаріями изъ классическихъ древностей и древней исторіи (*Rat. stud. Reg. acad. rhetoricae humanist.*). Цѣль этихъ академій была—пріучить будущихъ учителей владѣть собой въ большихъ собраніяхъ и дать старшимъ возможность оцѣнить ихъ дарованія, исправить невѣрныя познанія, указать направленіе, въ какомъ вести ученіе. Если здѣсь оказывалось, что они неспособны къ учительству, ихъ назначали на другія должности—проповѣдниковъ, духовниковъ, завѣдывающихъ госпиталями.

для усовершенствованія въ ней. Послѣ каждаго года философскаго курса бывалъ строгій экзаменъ, а по окончаніи всего курса будущій учитель на публичномъ актѣ испытывался по всей программѣ курса. Экзаменъ давалъ ему право занять, въ званіи магистра, учительское мѣсто въ низшихъ классахъ, причѣмъ онъ переходилъ съ учениками изъ класса въ классъ. Пробывши учителемъ minimum три года, онъ начиналъ слушать богословіе, подвергаясь каждый годъ испытанію, которое длилось въ первые два года полчаса, въ третій—часъ и въ четвертый—два часа. Экзаминаторовъ, въ количествѣ не менѣе четырехъ человекъ, назначалъ провинціалъ, стараясь по возможности, чтобы ими были не профессора экзаменуемыхъ и обязывая ихъ клятвой судить по совѣсти. Только послѣ выдержанія такого строгаго и нелицепріятнаго экзамена новиціи могъ быть допущенъ къ занятію болѣе важныхъ каѳедръ. Наконецъ, только по окончаніи всѣхъ этихъ испытаній іезуиту давалось право произнести всѣ четыре обѣта ордена и открывался доступъ къ высшимъ должностямъ¹⁾.—Изъ этого видно, съ какой заботливостью общество іезуитовъ относилось къ подготовкѣ учителей. Но, съ другой стороны, такой способъ замѣщенія преподавательскихъ должностей имѣлъ и свои недостатки, зависѣвшіе отъ слишкомъ частой смѣны учителей. Не пройдетъ года—двухъ по назначеніи какаго-нибудь человекъ въ наставники, какъ его переводятъ на другой предметъ. Не успѣетъ онъ освоиться съ нимъ, какъ его переводятъ опять на новый. Рѣдкій изъ болѣе видныхъ школьныхъ дѣятелей не перебивалъ въ теченіе своей педагогической карьеры на всѣхъ каѳедрахъ полного курса. Допустимъ, что уже самымъ способомъ назначенія учителей гарантировалось полное знаніе ими той или другой науки. Но вѣдь кромѣ знанія предмета нужно было обладать педагогическимъ опытомъ,—здѣсь самому нужно было выработать приемы для преподаванія этой именно науки. И сами іезуиты сознавали невыгоду такой частой смѣны лицъ преподавательскаго персонала и на VII конгрегации были дѣлаемы предложенія назначить опредѣленное число лѣтъ для прохожденія учительскихъ и профессорскихъ должностей. Однако они приняты не были; постановлено было только предоставить рѣшеніе вопросовъ такого рода старшимъ, т. е. провинціаламъ²⁾.

Слѣдуетъ отмѣтить еще одну неудобную сторону въ положеніи учителей іезуитскихъ школъ,—ихъ малочисленность по сравненію съ количествомъ учениковъ. Въ 1600 году мы видимъ въ виленской академіи до 800 студентовъ, а профессоровъ только 12; въ Люблинѣ при 400 ученикахъ было только 5 учителей³⁾ и т. д. Это объясняется тѣмъ, что у іезуитовъ учителя за исключеніемъ риторики и высшихъ курсовъ, гдѣ каждый профессоръ вѣдалъ свою науку, были преподавателями не отдѣльныхъ предметовъ, а—классовъ. Если это и имѣло свои выгоды,

---

¹⁾ Къ произнесенію четырехъ обѣтовъ допускались и не успѣвшіе въ философіи и богословіи, но обнаружившіе талантъ проповѣдническій или административный, но для нихъ навсегда былъ закрытъ доступъ къ учительству (*Rat. stud., reg. provinc., 4. 18. 19, § 8. 32—39. Congreg. gener. VI, decr. 29; VII, 33. Łukas., 1, 234. 235. Baliński, o. c., 72. 73*).

²⁾ VII Congr., decr. 26, § 2; decr. 95.

³⁾ Lit. an. 1596, 28. 30.

такъ какъ давало наставнику больше возможности изучить учениковъ своего класса и вліять на нихъ въ нравственнымъ отношеніи ¹⁾, то въ учебномъ отношеніи было не особенно удобно, такъ какъ онъ положительно не могъ слѣдить за успѣхами всѣхъ учениковъ. Притомъ же въ низшихъ классахъ, изъ которыхъ въ каждомъ бывало до 100 мальчиковъ, одному учителю трудно было поддерживать надлежащую дисциплину, что опять должно было невыгодно отражаться на учебныхъ успѣхахъ. Неудобства этого порядка вещей нѣсколько парализовали институтъ декуріоновъ.

Декуріоны избирались префектомъ изъ лучшихъ учениковъ класса и были помощниками какъ его, такъ и преподавателей. Они слѣдили за порядкомъ въ классѣ, отмѣчали отсутствовавшихъ или не сидѣвшихъ на своихъ мѣстахъ и о замѣченныхъ неисправностяхъ доносили ежедневно префекту. Съ другой стороны, декуріоны каждый день спрашивали уроки у товарищей, пока учитель исправлялъ упражненія, и послѣднему оставалось только провѣрять ихъ докладъ о выучившихъ и не выучившихъ заданное ²⁾. Но и декуріонство, заимствованное у нѣмецкихъ педагоговъ, имѣло недидактической характеръ. Декуріоны, спѣшившіе выспросить всѣхъ товарищей, могли оцѣнивать отвѣты только съ точки зрѣнія близости ихъ къ учебнику; провѣрять, какъ осмысленно отнесся тотъ или другой къ уроку, и некогда было, да, вѣроятно, и не приходило въ голову декуріонамъ. Думаютъ, впрочемъ, что и вообще іезуиты не требовали отъ своихъ учениковъ большой осмысленности въ отвѣтахъ, цѣня выше достоинства крѣпкой памяти, чѣмъ развитаго ума...

Педагогика іезуитовъ; воспитательные приемы.

Основной принципъ іезуитской педагогики, находившійся въ связи съ главной цѣлью существованія самого ордена іезуитовъ, состоялъ въ воспитаніи въ ученикахъ духа религіозности (или набожности). Это была собственно основная тенденція іезуитскихъ—и педагогики, и дидактики. И образованіе, и воспитаніе молодежи были направлены къ тому, чтобы сообщить ей истинное, т. е. римско-католическое, понятіе о Богѣ и научить служить Ему по разуму латинской церкви. Что религіозность и благочестіе извѣстнаго рода были главнымъ плодомъ, какой хотѣли выростить въ іезуитскихъ школахъ, видно изъ того, что наставленія объ этомъ даются въ „Учебномъ планѣ“ и ректору, и префекту, и всѣмъ профессорамъ вообще, и отдѣльно профессорамъ низшихъ и высшихъ курсовъ, а также изъ того, что „Годичные отчеты“ іезуитовъ слѣдятъ съ не меньшей заботливостью за удаленіемъ учениковъ отъ „нечестія“ и укрѣпленіемъ въ набожности, чѣмъ за ихъ успѣхами въ наукахъ ³⁾.

Въ цѣляхъ религіозно-нравственнаго воспитанія ученики обязаны были каждую лекцію начинать и оканчивать молитвой, стоя на колѣнахъ,

¹⁾ *Марковъ*, Чт. въ общ. люб. дух. просвѣщ., 1871, V, 28. 29.

²⁾ *Rat. stud. Reg. praeef. stud. infer.*, 37. *Reg. comm. profes. stud. infer.*, 19. 36.

³⁾ «*Ipse porro pueri non magis docentur litteras, quam dedocentur impietatem*», говорится о полоцкихъ школьникахъ (*Lit. an.* 1586—7, 157).

каждый день бывать у обѣдни, а въ воскресенье должны были отслушать литургію, проповѣдь и вечерню; каждую недѣлю (послѣ—каждый мѣсяць) бывать у исповѣди ¹⁾. Ученики іезуитскихъ школъ принимали самое живое участіе въ церковныхъ церемоніяхъ и торжествахъ; ради послѣднихъ отодвигались въ сторону интересы науки и образованія. Мы видѣли, напр., что виленскіе студенты начали готовиться къ празднованію канонизаціи св. Казимира за годъ. По силѣ воспитательнаго вліянія рядомъ съ церковными церемоніями стояли спектакли въ стѣнахъ коллегій, отличавшіеся религіозно-нравственнымъ содержаніемъ и часто состоявшіе изъ пьесъ на библейскіе сюжеты ²⁾. Но всего сильнѣе должно было дѣйствовать на возбужденіе религіознаго чувства учениковъ участіе ихъ въ студентскихъ Богородичныхъ братствахъ. Братства въ іезуитскихъ школахъ учреждены были впервые папой Григоріемъ XIII въ 1584 году, подъ именемъ братства Благовѣщенія, и въ 1586—1587 гг. были подтверждены папой Сикстомъ V, который позволилъ вмѣстѣ съ тѣмъ организовать при коллегіяхъ братства и нестудентскія ³⁾. Такія братства заводились въ западнорусскихъ коллегіяхъ обыкновенно въ первые же годы ихъ существованія, и съ самаго же начала стали производить чрезвычайное дѣйствіе на воспитанниковъ. Мы не повѣримъ іезуитамъ, когда они утверждаютъ, что обыкновенно члены братствъ оказывали наибольшіе успѣхи въ наукахъ, но что на нравственную сторону ихъ характера и на укрѣпленіе ихъ религіознаго настроенія принадлежность къ братству должна была сильно вліять, противъ этого спорить не станемъ.—Сущность обязанностей братчиковъ состояла въ строгомъ исполненіи обрядовыхъ и нравственныхъ церковныхъ требованій. Соблюденіе церковныхъ обрядовъ братчики доводили до степени подвиговъ, уличная посты, богослуженія, молитвы; послѣднія продолжались иногда по сорока часовъ. Частыя церковныя процессіи они совершали босикомъ, иногда въ сильный холодъ; до крови били себя плетями, вызывая слезы даже у праздныхъ зѣвакъ. Въ страстной четвергъ братчики, подражая великому примѣру смиренія, явленнаго Спасителемъ, омывали ноги нищимъ и затѣмъ прислуживали имъ при столѣ. Члены студентскихъ братствъ кончали очень часто тѣмъ, что поступали въ іезуитскій и другіе ордена ⁴⁾.

¹⁾ *Rat. stud. Reg. comm. profess. class. infer; reg. externorum auditorum*, 3.

²⁾ «*Tragaediarum argumentum sacrum sit, ac pium*» (*Reg. rectoris*)

³⁾ *Magnum bullarium Romanum*, II, 421. 574; cf. *Institutum societatis Iesu*, 1705, I, pp. 83, 87, 90. *Argentus*. 39. 40. Въ Вильнѣ въ составъ двухъ студентскихъ братствъ, кромѣ 300 студентовъ, входили нѣкоторые епископы, многіе прелаты, шляхта и горожане (*Lit. an. S. J.* 1607, 448).

⁴⁾ *Lit. an.* 1596, 12; 1605, 912. 945. 946; 1606—8, 770 et passim. По булламъ папъ Григорія XIII и Сикста V, члены іезуитскихъ студентскихъ содалій (братствъ) должны были праздновать болѣе половины года: они освобождались отъ ученія въ теченіе всего апрѣля, нѣкоторыхъ недѣль и дней, связанныхъ съ подвижными праздниками и свыше 70 непрерывающихся праздниковъ (послѣдніе перечислены въ *Bullae et brevvia summorum Pontificum, sacragum Congregationum etc.*, 1767, pars I, p. 30—35).

Но важно было не только сохранить католической церкви ее собственных чадъ,—нужно было возвратить отторженных отъ нея и приобрѣсть новыхъ. Иезуитская школа и эту задачу исполняла наилучшимъ образомъ. Дѣлалось это такъ. При всякомъ удобномъ случаѣ внушалось протестантскимъ и православнымъ юношамъ, что истинная вѣра—латинство и что римскій папа—глава истинной церкви. Торжественность и великолѣпіе римско-католическаго богослуженія, при сопоставленіи съ сравнительной простотой православнаго и протестантскаго, легко могли подерѣпить эти выводы и заставить согласиться съ ними малолѣтнихъ. Болѣе возрастные ученики подвергались дѣйствию другихъ средствъ: имъ раздавали сочиненія въ римско-католическомъ духѣ ¹⁾, внушали на лекціяхъ, особенно полемическаго и догматическаго богословія, убѣжденіе въ превосходствѣ католичества предъ другими исповѣданіями. Присутствіе же учениковъ на примѣрныхъ и дѣйствительныхъ диспутахъ иезуитовъ, на которыхъ они всегда почти силой діалектики поражали некатолическія мнѣнія, еще болѣе должно было возбудить недовѣріе въ своимъ исповѣданіямъ у юношей, быть можетъ, не умѣвшихъ отличать діалектики отъ того, что ею защищается. На русскихъ воспитанниковъ дѣйствовалъ и еще одинъ доводъ, какой иезуиты часто приводили и въ своихъ полемическихъ сочиненіяхъ, какъ доказательство неистинности православія,—именно указаніе на жалкое положеніе восточныхъ патріархатовъ подъ властью турокъ и на разстройство дѣлъ въ западнорусской церкви.

Случаи совращенія иезуитами своихъ иновѣрныхъ питомцевъ въ католичество обнаружидись очень скоро и обратили на себя вниманіе и протестантовъ и православныхъ. Но въ тѣхъ городахъ, гдѣ было много католиковъ и гдѣ репутація училища прочно установилась, какъ напр., въ Вильнѣ, иезуиты этимъ не смущались. Беречься нужно было только въ мѣстностяхъ съ сплошнымъ русскимъ населеніемъ, чтобы не возбудить его подозрѣній и не повредить своей педагогической репутаціи. По такому то побужденію и была выработана римскими богословами цѣлая система правилъ для лудкой коллегіи. Инструкція эта была составлена въ 1613 г. по просьбѣ лудскаго епископа Павла Волюцкаго, но она, повидимому, должна была имѣть болѣе общее значеніе, по крайней мѣрѣ она тогда же сообщена была спутникомъ епископа иезуитомъ Савицкимъ въ польскую провинцію. Для иезуитской педагогики она такъ характерна, что мы должны изложить ее подробнѣе. 1) Дѣтямъ схизматиковъ, сдѣлавшимся католиками, позволительно для избѣжанія препятствій и трудностей, принимать таинства вмѣстѣ съ родителями и исповѣдываться у схизматиковъ, даже если они не терпятъ притѣсненій, а тѣмъ болѣе—если предвидать ихъ. 2) Когда родители совращенныхъ въ латинство станутъ спрашивать ихъ, не перемѣнили ли они вѣры, то послѣдніе, если замѣтятъ изъ обстоятельство и общаго способа рѣчи, что родителями подъ вѣрой понимаются обряды и церемоніи восточной церкви (какъ это часто бываетъ у грековъ), то могутъ свободно отвѣ-

---

¹⁾ Списокъ сочиненій, рекомендованныхъ Посевинномъ для этой цѣли,—Supplem., 39—41.

чать, что не перемѣнили, ибо, хотя сдѣлались латинянами и употребляютъ по временамъ латинскіе обряды, но сейчасъ, находясь у родителей и подъ ихъ властью, содержатъ свои греческіе обряды. 3) Могутъ отвѣчать, что никогда не измѣнять той вѣрѣ, которую приняла отъ святыхъ отцовъ—Василія, Златоуста и др. и сохраняетъ Божья церковь, и анаема да будетъ тому, кто вѣритъ и учитъ иначе. 4) Если будетъ поставленъ прямой вопросъ, не причастились-ли подъ однимъ видомъ, по обычаю латинянъ, и искренній отвѣтъ на это будетъ невыгоденъ, могутъ воспользоваться двусмысленностью такой и въ такой мѣрѣ, какая и какъ позволительна въ важныхъ вещахъ, которыя мы по праву можемъ скрывать. 5) Если рѣчь зайдетъ о пунктахъ разногласія между греками и латинянами и спрошенные не будутъ въ состояніи защищать свои убѣжденія по непосвященности въ богословскія тонкости, то пусть говорятъ, что они исповѣдуютъ то ученіе, какое держитъ св. церковь, наученная Св. Духомъ чрезъ свв. отцовъ. 6) И только тогда, когда нельзя никакимъ образомъ отвергнуться (*avertere*) отъ распросовъ родителей, ученики должны исповѣдать правую вѣру даже съ опасностью для жизни. 7) Тоже, наконецъ, они должны сдѣлать и въ томъ случаѣ, если отъ нихъ потребуютъ исповѣдать схизматическую вѣру или сдѣлать что-либо оскорбительное для католической церкви ¹⁾).

Не будемъ останавливаться на оцѣнкѣ педагогическаго значенія этого документа. Всякому видно теперь происхожденіе той изворотливости, лживости и подобныхъ качествъ, характеризующихъ іезуитовъ и ихъ воспитанниковъ, которыя справедливо окрещены названіемъ „іезуитизма“.

Итакъ, іезуиты не запрещали своимъ воспитанникамъ, совращеннымъ ими въ латинство, исповѣдывать новую вѣру или даже проповѣдывать ее родителямъ ²⁾). Но, къ сожалѣнію, іезуиты на этомъ не останавливались. Процессъ олатиниванія шелъ дальше и раждалъ массу фанатиковъ, питавшихъ рядомъ съ горячей преданностью новой вѣрѣ не менѣе горячую ненависть къ старой. Изъ іезуитскихъ именно шло выходили тѣ ярые ненавистники всего неіезуитскаго, всего некаатолическаго, которые обострили до крайности религіозную борьбу въ польско-литовскомъ государствѣ и способствовали его паденію ³⁾). Для фанатизированія молодежи іезуитская педагогика употребляла отчасти тѣ же средства, что и для совращенія иновѣрныхъ воспитанниковъ, отчасти и новыя. Таково, прежде всего, дозволеніе воспитанникамъ присутствовать при диспутахъ съ иновѣрцами, которые иногда и происходили въ гимназіяхъ ⁴⁾). Здѣсь, конечно, нельзя было бы видѣть ничего другого, кромѣ

---

¹⁾ *Resolutiones dubiorum circa professionem fidei a filiis schismaticorum, faciendam, per Theologos Romanos (Wielewicki, Scriptores rerum polon., XIV. 111. 112).*

²⁾ *Litterae annuae* представляютъ немало фактовъ обращенія въ латинство протестантовъ и православныхъ ихъ сыновьями-питомцами іезуитскихъ школъ.

³⁾ Кс. Залѣнскій не можетъ понять, что если іезуиты воспитывали учениковъ въ ненависти къ ереси и схизмѣ, то они тѣмъ самымъ покушались на спокойствіе и права диссидентовъ (123).

⁴⁾ *Lit. an. 1589, p. 139.*

желанія знакомить студентовъ на практикѣ съ приемами полемики. Но если иногда студенты такъ наэлектризовывались, что готовы были переносить дебаты за предѣлы коллегіи, съ перемѣной словесныхъ доводовъ на *argumenta baculina* ¹⁾),—мы принуждены признать участіе студентовъ въ публичныхъ диспутахъ не совсѣмъ педагогическимъ. Далѣе. Хотя іезуитскимъ ученикамъ запрещалось присутствовать на казняхъ, но для казней еретиковъ было сдѣлано формальное исключеніе: воспитанники іезуитовъ съ дѣтства могли и должны были знакомиться съ доходящею до кровавыхъ казней строгостью по отношенію въ заблуждающимся ²⁾). Но, возбуждаемая наказаніями послѣднихъ, толпа іезуитскихъ студентовъ часто и сами мстили врагамъ католической вѣры. Такъ было, напр., въ Вильнѣ въ 1611 г., когда послѣ казни Лоренцо Франко студенты академіи, въ сопровожденіи католической черни, разгромили кальвинскій зборъ. Вообще Вильна не разъ терпѣла отъ непокойныхъ іезуитскихъ воспитанниковъ; доставалось отъ нихъ и протестантамъ, и православнымъ. Тоже бывало и въ другихъ городахъ зап. Россіи ³⁾). И такія „шалости“ іезуитскихъ учениковъ всегда сходили имъ съ рукъ: онѣ носили религиозно-воспитательный характеръ. Насколько легко смотрѣли на нихъ іезуиты, видно изъ того, что они не запрещали учащимся носить даже огнестрѣльное оружіе; по „Учебному плану“ нельзя было только являться съ нимъ въ гимназію, въ классы ⁴⁾).

Но, прорывая строгость дисциплины въ этомъ пунктѣ, іезуитскіе воспитанники могли идти дальше, могли дѣлать нападенія и вообще на неугодныхъ имъ людей. И въ этомъ они не находили препятствій со стороны своего начальства. Напротивъ, послѣднее смотрѣло на проказы учениковъ снисходительно и всегда спасало виновныхъ отъ наказанія, само находя иногда удобнымъ пользоваться физической силой нѣсколькихъ сотъ молодыхъ людей для своихъ интересовъ, напуская ихъ, напр.,

---

¹⁾ Подъ 1615 годомъ Велевицкій записалъ диспуты люблинскихъ іезуитовъ съ кальвинистами и соцініанами. Хотя они кончились мирно, но отцы нашли нужнымъ вывести соцініанъ изъ храма подъ своей охраной, ибо, замѣчаетъ авторъ, *savebant diligenter nostri, ne vel a studiosis vel ab aliis quibusque aliquid molestiae haberent (ariani)* (Scr. rer. pol., XIV. p. 158, 159).

²⁾ *Rat. stud. Reg. externorum*, 13. Ср. *Раумеръ*, I, 428. 429.

³⁾ Справедливость требуетъ однако сказать, что нападенія учащихся на иновѣрцевъ и военные ихъ подвиги введены были въ школьные нравы не іезуитами: они практиковались въ католическихъ школахъ и раньше. Въ 70-хъ годахъ XVI ст. много разъ потерпѣли отъ краковскихъ студентовъ тамошніе протестанты (*Łukasъ*, III, 306, прим. 2. *Zatęski*, 431—433). Въ Холмѣ еще въ 1582 г. ректоръ католической школы съ учениками буйствовалъ въ синагогѣ и угрожалъ ежечъ ее, а въ слѣдующемъ году напалъ на монастырскаго «бакаляра» (А. В. А. К., XIX, № 360, 380). Въ Луцкѣ псендъзъ Грегоръ съ учениками разгромилъ въ 1586 г. городской рынокъ (Арх. Ю.-З. Р., I, т. I, № 48).

⁴⁾ А. В. А. К., VIII, № 188; XX, 93. *Rat. stud. Reg. extern. audit.*, 5. Нужно впрочемъ сказать, что въ 1606 г. конгрегация польско-литовскихъ іезуитовъ постановила, чтобы въ школьные правила внесено было запрещеніе носить ученикамъ оружіе. Генералъ Акъавива похвалялъ это мудрое распоряженіе, но, предвидя большую трудность въ исполненіи его, рекомендовалъ обратиться за помощью къ королю и магнатамъ (*Zatęski*, 179, пр. 2).

на бургомистра и радець города, не соглашавшихся на уступку коллегіи нужнаго плаца или дома, или на православное братство, если оно не желало уступить полюбившагося іезуитамъ пѣвчаго ¹⁾. „Никогда, говоритъ М. О. Кояловичъ, наука не была такъ далека отъ своихъ цѣлей; никогда она такъ не развращала людей, какъ въ рукахъ іезуитскихъ, а если перевернуть медаль на другую сторону, то нужно согласиться, что никогда и нигдѣ въ мірѣ школьники и сами іезуиты не имѣли такой силы, какъ въ школахъ іезуитскихъ. Школьники держали въ рукахъ власти городскія, способны были взять крѣпость, снести съ лица земли церковь, домъ и потомъ смиренно сидѣли надъ латинскою грамматикою, съ покорностью протягивали руку почтенному іезуиту для отеческихъ ударовъ его линейкой по ладони“ ²⁾. Такого рода поведеніе іезуитскихъ воспитанниковъ поощрялось еще и безнаказанностью ихъ предъ всякими другими властями, даже въ уголовныхъ дѣлахъ. Право своего суда дано было собственно виленской академіи, но и другія коллегіи усвоили его себѣ и избавляли провинившагося студента отъ гражданской отвѣтственности. Но если случалось, что дѣло доходило до суда, то и тутъ виновные не терпѣли ничего, такъ какъ съ ними являлись сотни защитниковъ—товарищей ³⁾.

Наконецъ, къ извѣстнаго вида нравственной распущенности и безпокойности права могло располагать учениковъ іезуитскихъ школъ обиліе праздничныхъ дней и свободнаго времени. Кромѣ лѣтнихъ каникулъ, продолжавшихся весь мѣсяцъ августъ ⁴⁾, іезуитскіе воспитанники праздновали множество различнаго рода торжествъ общецерковныхъ, мѣстныхъ, городскихъ и особенно орденскихъ, причемъ памяти такихъ іезуитскихъ святыхъ, какъ Игнатій Лойола, Францискъ Ксаверій ⁵⁾, Станиславъ

¹⁾ Арх. Ю.-З. Р., ч. I, т. VI, №№ 238, 239. *Łukasż*, I, 268. 269. Свидѣтельство Лукашевича о томъ, что архивы городовъ Короны и Литвы наполнены жалобами на своеволія студентовъ іезуитскихъ школъ, хотя относится къ позднѣйшему времени, приложимо отчасти и къ нашему періоду.

²⁾ Литовская церковная унія, II, 104. М. О. Кояловичъ своеволіе іезуитскихъ учениковъ и ихъ безнравственность во многихъ отношеніяхъ ставитъ въ связь со всей системою воспитанія: буйства и насилія іезуиты допускали намѣренно, чтобы дать исходъ молодымъ силамъ своихъ питомцевъ, которыхъ умъ и мысль систематически усмилялись, а воля подавлялась полнѣйшимъ подчиненіемъ имъ. «Но такъ какъ молодая натура съ трудомъ можетъ нести такое иго, то они открывали ей широкій просторъ своеволія во всѣхъ случаяхъ, которые были или безвредны іезуитамъ, или полезны» (*ibid.*, 104. 105. Ср. Лекція по исторіи Зап. Россіи, изд. III, 186).

³⁾ На конвокаціонномъ сеймѣ 1632 г. послы диссидентовъ спрашивали: «Jeśli z Wilna i z Lublina collegia na insze spokojniejsze miejsca przeniesione być nie mogą, które turbas czynią, sublata aequalitate przewodzą; Bo nikomu nie wolno nad pięćdziesiąt człowieka pod tribunał, mieć przy sobie, a studenci w tysiącu, chodzą człowieka pod tribunał, i co chcą, czynią impune. Przeto dać jakie rationes praesidii et securitatis od ich wiołencyj cerkwiom, zborom i osobom dysudentów» (*Голубевъ*, Петръ Могила, прилож., 412 стр.).

⁴⁾ Впрочемъ, продолжительность лѣтнаго ваката была неодинакова у различныхъ курсовъ (*Ratio studiorum*. Reg. prov., 36. 37).

⁵⁾ Оба эти лица канонизованы папой Урбаномъ VIII въ 1623 г. (*Magnum bullarium Romanum*, IV, p. 11 и 15; *Bullarium Romanum*, XIII, №№ 3 и 4).

Коства, Францискъ Боржіа, посвящались цѣлыя недѣли. И въ учебные дни приходилось заниматься не болѣе четырехъ часовъ—и подготовкой уроковъ, и сдаваніемъ ихъ. Справедливо потому замѣчаніе Лукашевича, что нигдѣ такъ напрасно не тратили времени, какъ въ іезуитскихъ училищахъ ¹⁾).

Но если іезуитскіе студенты являлись нарушителями общественнаго спокойствія и порядка, то въ стѣнахъ учебнаго заведенія они были связаны строгими правилами, нарушение которыхъ всегда отражалось на нихъ невыгоднымъ образомъ. Однако и здѣсь не обходилось безъ снисхожденія и поблажки. Прежде всего, при изложеніи правилъ школьной дисциплины нужно имѣть въ виду два разряда воспитанниковъ—экстерновъ и интерновъ. Послѣдніе жили въ бурсахъ, или семинаріяхъ, содержась на средства, пожертвованныя тѣми или другими благодѣтелями. Бурсаки въ своемъ поведеніи были болѣе стѣснены, чѣмъ приходящіе. Кроме того, что они принимали на себя тѣ или другія обязательства по отношенію къ фундаторамъ общежитія, они были подъ постояннымъ надзоромъ своихъ префектовъ, учителей, да и другихъ отцовъ коллегіи, особенно если общежитіе находилось во дворѣ ея. Бурсакамъ нельзя было выходить изъ зданія и даже для прогуловъ въ саду нужно было особое разрѣшеніе начальства. Къ нимъ же съ преимущественной строгостью примѣнялись изложенныя выше правила относительно посѣщенія богослуженій и участія въ таинствахъ церкви ²⁾).

Нѣсколько свободнѣе было житье того огромнаго большинства студентовъ, которое помѣщалось на частныхъ квартирахъ и которое нерѣдко само добывало себѣ средства пропитанія пѣніемъ подъ окнами ³⁾). Но жизнь и этого рода студентовъ была регламентирована „Учебно-воспитательнымъ планомъ“. Они должны были жить на квартирахъ, извѣстныхъ начальству и доступныхъ посѣщенію префектовъ, которые привлекали и хозяевъ къ надзору за учениками. Такъ какъ и экстерновъ надлежало „напоить благочестіемъ и другими добродѣтелями не менѣе, чѣмъ науками“, то и имъ вмѣнено было въ обязанность являться на обѣдни и на проповѣди, и исповѣдываться, и выслушивать по субботамъ толкованіе катихизиса. Запрещалось имъ бывать въ неприличныхъ мѣстахъ и зрѣлищахъ и клясться и вообще дѣлать что либо безнравственное. Къ числу поступковъ, подлежащихъ наказанію, относились: появленіе въ классѣ съ оружіемъ, порча классной мебели, неповиновеніе учителямъ ⁴⁾).

Въ связи съ дисциплиной стоятъ система наградъ и наказаній.

Для побужденія учениковъ къ занятіямъ науками еще первая конгрегация постановила давать экстернамъ маленькіе подарки, „преміи“, съ тѣмъ только, чтобы это дѣлалось не на счетъ орлена и съ соблюденіемъ способа приличнаго и благочестиваго. Учебный же планъ указалъ,

¹⁾ *Lukasz.*, I, 256. 257.

²⁾ *Rat. stud. Reg. praef. stud. infer.*, 42—48.

³⁾ А. В. А. К., VIII, № 179. Иногда іезуиты формально выговаривали своимъ воспитанникамъ право собирать милостыню, напр., въ Львовѣ, при договорѣ съ капитулой въ 1608 г. (*Lukasz.*, I, 156, прим.).

⁴⁾ *Rat. stud. Regulae externorum auditorum*; cf. *Zajęski*, 128—130.

когда можно награждать ими учениковъ, именно: когда кто побѣдитъ противника въ диспутѣ, или повторитъ всю какую нибудь книгу, или наизусть что нибудь хорошо выучить, или вообще окажется успѣхъ въ наукѣ¹⁾. Но кромѣ этихъ вещественныхъ наградъ существовали еще почетные титулы—декуріоновъ, цензоровъ, преторовъ, императоровъ и пр. Этотъ способъ развитія соревнованія, хотя имѣлъ свои недостатки, такъ какъ часто велъ къ возбужденію зависти или тщеславія, самъ по себѣ заслуживаетъ меньшаго порицанія, чѣмъ какому онъ подвергается, такъ какъ дѣйствительно усиливалъ успѣшность учениковъ. Даже противники іезуитовъ въ то время находили его настолько цѣлесообразнымъ, что сами перенимали его. Такъ, по свидѣтельству Шембека, этотъ обычай съ пользою для дѣла позаимствовали у іезуитовъ тѣ самые краковскіе профессора, которые осуждали ихъ за него²⁾. Дѣло только въ томъ, что іезуиты не соблюдали здѣсь того безпристрастія, какое было, напр., у Тротцендорфа, у котораго, дѣйствительно, первенство давали ученикамъ ихъ способности, прилежаніе, успѣхи. У іезуитовъ же учебные успѣхи приносились въ жертву одному стремленію, ничего общаго съ наукой не имѣвшему,—стремленію ордена захватить въ каждомъ государствѣ въ свои руки политическія и матеріальныя силы. Въ польско-литовскомъ государствѣ для этого нужно было приобрѣсть вліяніе на правящее сословіе—на магнатовъ и шляхту. Потому іезуиты и старались усиленно завлечь въ свои училища дѣтей этихъ классовъ. Чтобы расположить къ себѣ знатныхъ, іезуиты часто приглашали ихъ въ свои школы, привѣтствовали ихъ стихами, рѣчами на различныхъ языкахъ и пр.³⁾ Но чтобы еще болѣе увеличить наплывъ въ школы дѣтей именно знатныхъ, нужно было дать имъ какія нибудь привилегіи. За этимъ дѣло не стало. Іезуиты начали оказывать дѣтямъ пановъ и особенно магнатовъ всевозможныя послабленія. Легче относясь къ ихъ проступкамъ, іезуиты охотнѣе награждали ихъ почетными званіями, сажали на переднія скамьи, въ торжественныхъ случаяхъ (при процессіяхъ, встрѣчахъ королей, пословъ, епископовъ и др. высокопоставленныхъ особъ, на публичныхъ экзаменахъ) ихъ именно выставляли въ

¹⁾ 1—*mae congreg. 123 descr.; cī. canon 16* (последній былъ подтвержденъ IV конгрегаціей. *Rat. stud. Reg. graef. stud. infer.* Замѣчательна оговорка относительно того, чтобы преміи выдавались не на средства ордена. Іезуитскій орденъ не дѣлалъ вообще никакихъ матеріальныхъ пожертвованій на просвѣщеніе, онъ предлагалъ свои знанія и трудъ только тамъ, гдѣ являлись матеріальныя средства. Обезпечено содержаніе столькихъ то членовъ общества—они готовы учить бесплатно, но достаточно уменьшиться этимъ средствамъ, размѣръ курса неизбежно сокращался. И самый принципъ бесплатности обученія, проводимый іезуитами, долженъ быть понимаемъ очень относительно. «Хвалятся тѣмъ у полякувъ Езуитове, же дармо учать, и молоди цвнчатъ, писалъ въ 1614 г. львовскому братству п. Кирилъ Лукарисъ, а и тыи далеко болшую нагороду мають и нѣякимъ иншимъ способомъ надъ иншихъ болше берутъ» (*Голубевъ, Петръ Могила, прил., стр. 201*). Этотъ «иный способъ» заключался, кромѣ предварительнаго солиднаго фундаша на коллегію, въ тѣхъ дѣнныхъ подаркахъ и приношеніяхъ, какіе іезуиты не отказывались брать отъ родителей своихъ учениковъ (*Лукаса, I, 269, прим.*).

²⁾ *Pieknorzecki, Gratis plebański, p. 236.*

³⁾ *Monita privata 8. I., cap. II, § 11.*

особенно лестныхъ и привлекательныхъ роляхъ. А все это должно было пріятно дѣйствовать на самолюбіе польско-литовской шляхты, тщеславіе которой давно извѣстно... Неодинаковость отношеній іезуитовъ къ ученикамъ, хотя она противорѣчила „Учебному плану“¹⁾, особенно разительно проявлялась въ такихъ случаяхъ, когда дѣло шло о привлеченіи того или другого студента въ орденъ. „*Monita privata*“ рекомендовали такіе приемы для заманиванія въ орденъ юношей „благородныхъ, красивой наружности, принадлежащихъ къ хорошимъ фамиліямъ и богатыхъ“ (*iuvenes ingenii boni, forma non contemnenda, genere nobiles et opulentos*): префекты должны оказывать имъ особенное расположеніе, не дозволять преподавателямъ оскорблять ихъ, должны какъ можно чаще хвалить, допускать ихъ въ садъ и угощать тамъ плодами, въ торжественныхъ случаяхъ приглашать ихъ къ общему столу. Съ прочими же можно доходить и до розогъ, обвинять ихъ въ различныхъ проступкахъ на основаніи однѣхъ догадокъ, показывать имъ всегда суровый видъ, строжайше принуждать ихъ къ занятіямъ и всячески наказывать²⁾.

¹⁾ *Rat. stud. Reg. comm. profess. stud. infer.*, 47.

²⁾ Cap. XIII.—Мы нѣсколько разъ ссылались на «*Monita privata (secreta)* S. I» и здѣсь должны сказать о нихъ нѣсколько словъ. Авторство ихъ сами іезуиты предположительно приписываютъ Іерониму Загоровскому, бывшему іезуиту. О немъ Велевицкій рассказываетъ, что онъ по злобѣ на іезуитовъ, которые нашли его успѣхи въ наукахъ не особенно блестящими и заставили изучать въ Ярославѣ лишній годъ богословіе и затѣмъ опредѣлили въ учителя низшихъ школъ въ Сандомирѣ,—по злобѣ на нихъ сталъ разсмѣлять къ разнымъ лицамъ анонимныя письма, переписанныя руками своихъ учениковъ. Въ нихъ онъ сообщалъ, что іезуиты обманомъ увлекаютъ дѣтей въ свою религію, что они ищутъ только имѣній, что учительство нужно поручить монахамъ другихъ орденовъ, а іезуитовъ изгнать и пр. Іезуитскія власти, узнавши, кто авторъ писемъ, осудили его въ 1614 году и изгнали изъ общества. На этомъ же основаніи они сочили Загоровскаго и авторомъ появившихся въ этомъ же году «*Monita*» (*Script. rer. polon.*, XIV, pp. 110. 111. 124. 125). «*Monita privata*» представляютъ по формѣ рядъ свѣтовъ высшей іезуитской власти подчиненнымъ. Объ общемъ характерѣ этой цинично-откровенной инструкціи могутъ свидѣтельствовать уже приведенные нами отрывки изъ нея. Понятно, что іезуитамъ не пришлось по вкусу обнародованіе столь компрометирующаго ихъ документа и они обрушились на него. Книга была внесена въ *Index librorum prohibitorum* и осуждена нѣсколькими епископами и папскимъ нунціемъ въ Польшѣ (*ibid.*, p. 157. 160. 163. 188. *Pieknorzecki, Gratia plebański*, 253—260). Что «*Monita privata*»—дѣйствительная инструкція общества, опубликованная только Загоровскимъ, а не замышленный имъ памфлетъ на его дѣятельность, это вполне удовлетворительно доказываетъ Ю. Ө. Самаринимъ, на основаніи обстоятельствъ открытія имъ текста «Наставленій» въ пражскомъ сборникѣ, имѣющемъ оффиціальныя свойства, помимо того, что «можно бы историческою практикою ордена доказать внутреннюю правду ихъ» (Іезуиты и ихъ отношеніе къ Россіи, изд. III, 414, 417—424; ср. *Iaros.*, III, 66, 67).—«*Monita privata*» были издаваемы много разъ и на различныхъ языкахъ. Намъ извѣстны латинскія изданія ихъ 1614, 1666, 1668 гг., польское 1784 (*Przewodnik czyli skryte rzade oo. Iezuitów*), греческое съ латинскимъ текстомъ 1860 г. (*Ἀπόκρυφα παραγγέλματα τοῦ ταγματός τῶν ἱεροσολιτῶν*). Въ русскомъ переводѣ «Наставленія» напечатаны у Самарина (стр. 457 и слѣд., здѣсь же и латин. текстъ) и еще ранѣе въ «Сборникѣ документовъ, уясняющихъ отношенія латинско-польской пропаганды къ русской вѣрѣ и народности» (I, 17—64. Вильна, 1865 г.).

Политика эта дѣйствительно примѣнялась и приносила ордену плоды, обезпечивая за нимъ и нѣкоторое политическое вліяніе и обладаніе имуществомъ поступившихъ въ орденъ ¹⁾).

За нарушеніе школьной дисциплины назначались различнаго рода наказанія, утверждавшіяся префектомъ или въ серьезныхъ случаяхъ — ректоромъ. Были въ ходу и тѣлесныя наказанія. Хотя по смыслу устава они должны были употребляться рѣдко ²⁾, но ими, повидимому, оо. педагоги слишкомъ злоупотребляли, если въ 1665 году литовскому провинціалу пришлось опредѣлить, подъ угрозой тѣлеснаго наказанія самихъ профессоровъ за неисполненіе постановленія, чтобы они назначали не болѣе 3—5 ударовъ, а префекты 10—15 ³⁾. Замѣчательно при этомъ, что декреты требовали, чтобы исполнителемъ наказанія былъ не кто либо изъ членовъ ордена, а человекъ посторонній, содержащій на счетъ коллегіи. Такъ, II-ая конгрегация, опредѣляя составъ коллегіи, добавила: „кромѣ того должно содержать экзекутора, который бы не былъ членомъ общества и который наказывалъ бы учениковъ, по приговорамъ наставниковъ“ (*ultra quos providendum erit, unde corrector, qui de societate non sit, alatur ad eos castigandos pueros, qui scholas frequentabuntur, prout illi ab ipsis praeseptoribus praescribetur*) ⁴⁾. Чисто иезуитскій приемъ, имѣвшій цѣлью нерасположеніе наказываемыхъ обращать не на членовъ ордена, а на исполнителей наказанія... Слѣдующей степенью наказанія было заключеніе въ карцеръ, послѣдней — исключеніе изъ училища (за маневрированіе лекцій ⁵⁾).

Достоинства и недостатки иезуитской педагогической системы.

При изложеніи исторіи отдѣльныхъ иезуитскихъ коллегій мы видѣли, что въ рѣдкой изъ нихъ училось менѣе ста человекъ. Иногда въ открытію школъ являлось двѣсти учениковъ и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ цифра эта въ коллегіяхъ, обставленныхъ болѣе благоприятными условіями, доходила до 400—600, а въ Вильнѣ и до 800. Виѣшній, такъ сказать, успѣхъ иезуитскихъ школъ въ польско-литовскомъ

---

¹⁾ Уже иезуиту Савицкому можно было похвалиться, что у нихъ всѣ почти ректора и префекты — благороднаго происхожденія (*nobiles*). Правда, эту знатность Савицкій понимаетъ не только въ смыслѣ происхожденія, но и добродѣтелей и дарованій, но все же настаиваетъ на томъ, что начальниками въ ихъ коллегіяхъ состоятъ знатные, — не такъ, какъ у еретиковъ (*Cichocki, Anatomia consilii editi, Crac., 1611, 15—17*).

²⁾ *Rat. stud. Reg. praef. stud. infer.*, 38.

³⁾ Опредѣленіе это не всегда было исполняемо, и послѣ литовскимъ провинціаламъ приходилось напоминать о немъ виленскому ректору, по поводу дошедшихъ до него, провинціала, слуховъ, что учителя обращаются съ воспитанниками слишкомъ жестоко, подвергая ихъ иногда нѣсколькимъстамъ ударовъ (*Krasz., IV, 17 и пр. 36. Истор.-юридич. матеріалы, извлеченные изъ актовъ книгъ губерній витебской и могилевской, т. XVIII, № 43*).

⁴⁾ *Decreta congregationum S. I., 1635, p. 159.*

⁵⁾ *Rat. stud. Reg. praef. stud. infer.*, 39—41.

королевствѣ станетъ очевиднѣе, если сообщимъ, что во всѣхъ ихъ предъ 1620 годомъ училось до 10 тысячъ человекъ¹⁾).

Этотъ крупный успѣхъ находитъ себѣ объясненіе не только въ обстоятельствахъ появленія іезуитовъ въ западной Россіи, но и въ достоинствахъ ихъ учебно-воспитательной системы. Орденъ іезуитовъ появился здѣсь въ такое время, когда римско-католическое населеніе западной Россіи почувствовало недостаточность своихъ школъ и ихъ неприспособленность къ новымъ вѣяніямъ. Съ другой стороны, и у православныхъ западноруссовъ не было ни одного училища, сколько нибудь поднимавшагося надъ уровнемъ церковно-приходскихъ школъ, между тѣмъ какъ потребность въ образованіи и притомъ не исключительно славяно-русскомъ, у насъ давно уже существовала и проявлялась въ фактахъ учебныхъ поѣздокъ русскихъ въ Краковъ и за границу. Выше другихъ ко времени призыва іезуитовъ стояли протестантскія училища, въ которыхъ иногда число учащихся измѣнялось тоже сотнями, а въ Раковѣ въ началѣ XVII столѣтія доходило даже до тысячи. Но и ихъ было мало, иныя отличались сословнымъ характеромъ и всѣ, наконецъ, были очень неустойчивы, завися отъ религіозныхъ убѣжденій своихъ основателей. Умиралъ ли фундаторъ, переходилъ ли въ другую протестантскую секту, или принималъ католичество—учителя разгонялись и школа или совсѣмъ закрывалась или вела дѣло подъ другой, такъ сказать, вывѣской.

Помимо этого іезуитскія школы имѣли много сторонъ очень привлекательныхъ для того времени. Прежде всего, онѣ не брали платы за ученіе. Не велики были взносы, какіе дѣлали за ученіе западноруссы всѣхъ исповѣданій и до того, но іезуиты совсѣмъ отказывались отъ денегъ, и притомъ за образованіе даже высшее. Насколько это обусловило успѣхъ ихъ, видно изъ цитованнаго выше письма Милезія Ротунда къ кардиналу Гозію, гдѣ онъ сообщалъ, что іезуитовъ ждуть въ Вильну даже еретики, чтобы не тратиться на ученіе за граицей. Іезуитскій же учебный планъ, дѣйствительно, и представлялъ собою нѣчто такое, что можно было найти или въ Краковѣ, или за границей. Латинская грамматика въ полномъ ея объемѣ, греческій языкъ, такъ хорошо поставленный, что ученики могли на немъ писать даже стихи, развитіе послѣдняго искусства, считавшагося выше прозаическаго изложенія мыслей, полный курсъ риторики, знаніе которой особенно цѣнилось въ Польшѣ при ея формѣ управленія, развитіе въ ученикахъ участіемъ въ спектакляхъ умѣнія держать себя въ обществѣ и иногда сообщеніе имъ свѣдѣній по философскимъ и богословскимъ предметамъ— всего этого было болѣе чѣмъ достаточно, чтобы угодить поляку и западнорусскому шляхтичу XVI столѣтія. Можетъ быть, юноша выходилъ изъ іезуитской коллегіи съ знаніемъ неширокимъ и несистематизированнымъ, но онъ могъ бойко болтать на приблизительно чистомъ латинскомъ языкѣ, украшая свою рѣчь множествомъ самыхъ изысканныхъ выраженій и тѣми словечками и оборотами, какіе его память извлекала

---

¹⁾ Argentus, p. 15. Однако во Франціи въ то же время орденъ воспитывалъ 60 т. человекъ (*Załęski*, 108).

изъ его тетради. Не могла не обратить на себя вниманія западнорусскаго общества и воспитательная часть дѣла. Не вездѣ студенты поражали своимъ буйствомъ, а въ отношеніяхъ къ своимъ наставникамъ—іезуитамъ они соблюдали строжайшую дисциплину. Эта дисциплина и внутренняя упорядоченность коллегій при тѣхъ средствахъ и духовнаго развитія и развлеченія, какія доставлялись спектаклями, публичными экзаменами, религиозными торжествами,—могли располагать къ іезуитскимъ школамъ не менѣ ихъ дидактическихъ достоинствъ.

При всемъ томъ іезуитская школьная система была не чужда и крупныхъ недостатковъ, смотрѣть ли на нее съ точки зрѣнія общепедagogическихъ требованій, или съ точки зрѣнія тѣхъ требованій, какія могло предъявить польское и русское общество къ ордену, вызванному въ западную Россію для просвѣщенія ея невѣжества и имѣвшему притязаніе захватить все образованіе ея въ свои руки. Недостатковъ перваго рода мы касались, излагая устройство іезуитскихъ школъ и ихъ дисциплину. Состояли они главнымъ образомъ въ односторонности образованія, обращеннаго больше на древнюю жизнь, чѣмъ на современную, притомъ же занимавшася больше филологической стороной классическихъ твореній, чѣмъ идейной, и развивавшаго больше память и ложно направленное религиозное чувство, чѣмъ разсудокъ. Даже католики конца XVI и начала XVII вѣковъ находили, что такое направленіе образованія приносило и наукамъ и молодежи больше вреда, чѣмъ пользы, такъ какъ оно только притупляло разсудокъ и быстроту ума и, вмѣсто свободнаго развитія способностей, вгоняло учащихся въ извѣстнаго рода одеревенѣлость¹⁾. И этотъ результатъ едва-ли былъ несознательнымъ плодомъ іезуитскаго воспитанія. Очень правдоподобнымъ является слѣдующее объясненіе этого явленія однимъ изъ противниковъ іезуитовъ, профессоромъ краковской академіи Яномъ Бросціемъ (Бржозкой—Broscius, Brozek). „Іезуиты, говоритъ онъ, уча дѣтей по грамматикѣ Альвара, очень трудной для пониманія и запоминанія, тратятъ на нее много времени и по слѣдующимъ именно причинамъ: во 1), чтобы подольше получать отъ родителей тѣ подарки, стоимость которыхъ превышаетъ условленную съ бакаляромъ плату въ другихъ школахъ; во 2), чтобы могли изучить характеры и настроеніе дѣтей; въ 3), чтобы молодого волченка вышколить на свой манеръ и руководить его молодостью; въ 4), чтобы въ случаѣ чьего либо желанія взять у нихъ сына, имѣть такую отговорку: „пустъ онъ поучится по крайней мѣрѣ грамматикѣ, которая есть основаніе науки, и тогда возьмите его“; въ 5), чтобы прoderжавши мальчика до зрѣлаго возраста, привлечь его въ свой орденъ, если онъ окажется человекомъ приличнымъ (stateczny), съ дарованіями, съ матеріальными средствами, съ видами на наслѣдство и подасть надежды, что будетъ хорошо вести орденскія дѣла. Іезуиты, продолжалъ Бросцій, свободно отпускаютъ юношу, если дарованія окажутся неважными, или родители хотятъ взять его, или самъ не хочетъ учиться или оставаться у нихъ. Но что ста-

---

¹⁾ Consilium datum amico de recuperanda et in perpetuum stabilienda pace Regni Poloniae, 1606 г.—у *Iaropz.*, III, 64, 65.

неть дѣлать этотъ студентишко (żaczysko) съ усами? Въ мальчибахъ служить—великъ; слугою—глупъ; учиться—поздно; быть ремесленникомъ—стыдно. И приходится просить о мѣстѣ іезуитовъ же; а они даютъ ему или „инспекторство“ (т. е. надзоръ за учениками въ школахъ), или писарство у какого нибудь изъ своихъ благодѣтелей, или духовную должность, и потомъ пользуются имъ, какъ орудіемъ своихъ дѣйствій¹⁾.

Классически-формальнымъ направлениемъ іезуитской дидактики можно было не удовлетворяться въ западной Россіи и съ точки зрѣнія мѣстныхъ требованій. Іезуитская школа служила не народу или государству, а римской церкви. Оттого образованіе, получаемое въ ней, носило больше католическо-космополитическій характеръ, чѣмъ приспособленный къ государственнымъ или народнымъ нуждамъ. Мы уже не говоримъ о томъ, что для русскаго населенія, для развитія его языка, литературы іезуиты не сдѣлали ничего и что тѣ два извѣстные намъ случая включенія въ программу русскаго и славянскаго языковъ были только средствами привлеченія въ школы дѣтей мѣстнаго русскаго населенія: въ этомъ нужно винить не самый орденъ, а то обстоятельство, что въ западной Россіи верхніе, по крайней мѣрѣ, слои ея уже приобщились къ польской культурѣ и языку и не всегда дорожили своимъ, роднымъ. Съ точки зрѣнія этихъ отщепенцевъ и поляковъ смотрѣлъ на Русь и орденъ. Мы хотимъ указать на то, что и для самой польской культуры іезуитская школа въ нашъ вѣкъ сдѣлала очень мало. Въ Польшѣ родной языкъ въ срединѣ XVI ст. опять воскресъ къ жизни, сталъ дѣлаться языкомъ литературы, законодательства, администраціи. Іезуиты же, при исключительномъ почти употребленіи латинскаго языка, затормозили его развитіе. Если оставить въ сторонѣ Вуйковъ переводъ Библии, проповѣди и полемическія произведенія на польскомъ языкѣ Скарги и нѣкоторыхъ другихъ членовъ ордена, образовавшихся не въ его школахъ, то немного найдется произведеній польско-русскихъ іезуитовъ, посвященныхъ разработкѣ этого языка въ нашъ періодъ. Таковыми окажутся развѣ только словари К. Ширвида, Гр. Кнапскаго. Благодаря, безъ сомнѣнія, іезуитамъ же, въ началѣ XVII в. польскій литературный и разговорный языкъ потерялъ свою чистоту и сталъ пестрѣть латинизмами.

Тѣмъ менѣе могли быть довольны въ Польшѣ образовательной системой іезуитовъ, что здѣсь еще до ихъ прибытія высказывались педагогическіе и дидактическіе взгляды, совершенно противоположные. Уже Рей изъ Нагловицъ осудилъ систему „семи свободныхъ наукъ“ съ ея преимущественно формальнымъ характеромъ при той постановкѣ, какая дана была ей въ старыхъ польскихъ школахъ, и взамѣнъ ея предлагалъ реальное образованіе, сообщеніе положительныхъ свѣдѣній. „Какая тебѣ польза, писалъ онъ, отъ Овидія и Горація, писателей трудныхъ и преисполненныхъ баснями? Хорошо знать природу каждаго звѣрька, каждой птички, каждаго деревца, каждой травки, что можетъ пригодиться тебѣ

---

¹⁾ Gratis plebański albo dyskurs Ziemiańska z Plebanem o mniemanem bezpłatnem utrzymaniu szkół przez iezuitów i sposobie uczenia (1625). *Iarosz*, III, 68. 69. (id. *Jocher*, I, 328).

въ хозяйствѣ и сдѣлать тебя человѣкомъ пріятнымъ въ обществѣ“¹⁾. И если партія реалистовъ была не велика, то группа защитниковъ классическаго образованія, во главѣ которой стояли такія литературныя знаменитости, какъ Модржевскій, Оржеховскій, Гурницкій, и цѣль его понимала болѣе разумно, чѣмъ іезуиты, и новымъ языкамъ отводила широкое мѣсто. „Я хочу, говоритъ Гурницкій, чтобы шляхтичъ зналъ не только латинскій и греческій языки ради тѣхъ произведеній, которыя на нихъ написаны, но также чтобы понималъ по нѣмецки, по итальянски, по французски, по испански. Необходимо, чтобы онъ тщательно перечиталъ и обдумалъ всѣхъ поэтовъ, ораторовъ и историковъ, такъ чтобы понималъ каждое мѣсто... Пусть умѣетъ написать самостоятельно (z głowy) и письмо хорошее, и дѣловую бумагу, и стихи... что и при дворѣ будетъ полезно, и дома доставитъ ему удовольствіе“²⁾. Съ другой стороны, специальная педагогическая литература, оригинальная и переводная³⁾, проводила въ общество убѣжденіе, что дѣтей нужно воспитывать сообразно съ ихъ будущимъ призваніемъ, образовывать изъ нихъ гражданъ, полезныхъ своему отечеству и достойныхъ его. Предстоявшая же политическая дѣятельность обязывала не только умѣть говорить по латыни, но и знать кое-что другое—исторію, этику, политику и т. п. Идеаль образованія польской и ополчившейся аристократіи въ концѣ XVI и первой половинѣ XVII вѣка получалъ поэтому видъ, нѣсколько отличный отъ іезуитскаго. Слагался онъ изъ знанія новыхъ языковъ, прекрасно выработаннаго стиля въ устной и письменной рѣчи, чему должно было помогать кромѣ риторики чтеніе изящныхъ историковъ и изученіе діалектики, изъ физики, этики, права, фортификаціи, музыки⁴⁾.

Нельзя, конечно, сказать, что іезуиты держали своихъ воспитанниковъ совершенно въ сторонѣ отъ жизни и политическихъ интересовъ. Мы видимъ, что послѣдніе принимаютъ участіе въ проводахъ и встрѣ-

¹⁾ Славянскій сборникъ, III, 60—64: *Макушевъ*, «Общественные и государственные вопросы въ польской литературѣ XVI в.».

²⁾ *Górnicki*, *Dworzani polski* (1566). Гурницкій замѣчательнъ и тѣмъ, что отстаивалъ преимущественныя права на употребленіе польскаго языка, и тѣмъ, что провозгласилъ равноправность женщинъ съ мужчинами и одинаковую съ послѣдними способность ихъ заниматься съ успѣхомъ науками, поэзіей и государственными дѣлами (*Zbiór pisarzy polskich*, I, 121, 136).

³⁾ Изъ болѣе извѣстныхъ переводныхъ педагогическихъ сочиненій упомянемъ «*Książeczki goskoszne*», 1564, перев. *Март. Квятковскаго, Рейнарда Лоризія* «*Księgi o wychowaniu i o ćwiczeniu*», 1588, пер. Кошутскаго. Оригинальными были сочиненія: *Гличнера*—«*Książki o wychowaniu dzieci*» (0 педагогическихъ воззрѣніяхъ Эразма Гличнера см. *Przewodnik naukowy i literacki*, 1886, статья Отмана Рудольфа), *Модржевскаго* «*Commentariorum de republica emendanda libri V.*», одна изъ которыхъ посвящена школѣ. Помимо польская педагогическая литература указана у *Iochera* (ЖМ 916 et seq.), *Wierzbowskiego* (ЖМ 87. 352. 1382. 1389. 1538. 2126. 2268. 2454).

⁴⁾ *Czermak*, *Młodość Ierzego Lubomirskiego* (*Kwartalnik historyczny*, 1894, I, 48—51). Ср. инструкцію люблинскаго каштеляна Петра Мышковскаго при отправленіи сына за границу (1602; Рук. Имп. публ. библ. Лат. Q, XV, 95), а также лелевскаго старосты Дуговскаго (1639—1641 г. *Bibliot. Warsz.*, 1886, VII, 32—33). Такіхъ инструкцій отъ того времени сохранилось немало.

чахъ короля Сигизмунда III при его отправленіи въ походъ противъ москвитянъ и при его возвращеніи, встрѣчаютъ невѣсту Димитрія (Самозванца), иностранныхъ пословъ. И панегирики и стихи, появлявшіеся при такихъ случаяхъ, далеко не всегда представляютъ только громкія фразы,—въ нихъ иногда проглядываетъ ясное сознаніе текущаго положенія политическихъ и религіозныхъ дѣлъ въ государствѣ. Тѣ „Gratulationes“, которыми студенты виленской академіи встрѣтили въ 1581 году Юрія Радивилла, начертывали, можно сказать, даже программу его дѣятельности, поощряя его къ враждебнымъ по отношенію къ еретикамъ дѣйствіямъ. Но въ томъ то и состояла дурная сторона воспитанія у іезуитовъ, что они не съ разумной политикой знакомили своихъ учениковъ, что они, „права не читая, политику смѣшивали съ богословіемъ“, какъ справедливо замѣтилъ Н. Хр. Радивилль, фундаторъ несвижской коллегіи, на основаніи собственнаго опыта. Въ 1603 году онъ завѣщалъ, чтобы три его сына, послѣ занятій у несвижскихъ отцовъ, довершили свое образованіе въ Германіи, Италіи, Испаніи, Франціи, подъ руководствомъ одного изъ нихъ же. Но уже въ 1607 князь, разочарованный въ іезуитской педагогикѣ, писалъ виленскому каноннику Мартину Жагелю, что домашній наставникъ—іезуитъ, отправившійся съ его дѣтьми, испортилъ все дѣло, такъ какъ повторялъ съ ними тѣ пустяки (fraszki), какими они занимались и въ коллегіи, и вообще поступалъ съ ними такъ, какъ будто бы готовилъ ихъ не къ свѣтской, а къ духовной карьерѣ. Въ то время, какъ людямъ такого положенія, какъ мои дѣти, говорилъ князь, нужно бы читать право и политику, имъ предлагаютъ какую то смѣшанную съ политикой теологію; отвращая юношей отъ исторіи и того, что нужнѣе всего, ихъ развлекаютъ „Виргиліями, грекой и другими ненужными забавами“ (Virgiliuszami a greczuzną i innemi niepotrzebnemi zabawkami). Старшимъ сыномъ Н. Хр. Радивилль еще утѣшался: онъ писалъ отцу бойкія письма по всѣмъ политическимъ дѣламъ на чистомъ латинскомъ языкѣ, но младшіе ни о чемъ не могли писать, точно десятилѣтнія дѣти (замѣтимъ, что они были отданы іезуитамъ, по свидѣтельству ихъ же „Годового отчета“, еще въ 1596 году, т. е. за одиннадцать лѣтъ предъ тѣмъ); кажется, они только и научатся читать „Неистоваго Орланда“¹⁾. И заслуживаетъ вниманія, что ту же страсть іезуитовъ къ политиканству замѣтилъ и другой государственный мужъ—Янъ Замойскій, почему и не пригласилъ ихъ въ свою академію, которую и основалъ въ противодѣйствіе ихъ педагогической системѣ и вліянію.

Но, быть можетъ, скажутъ, что и нельзя было требовать отъ духовныхъ воспитателей юношества, чтобы они посвящали послѣднее въ его будущія свѣтскія обязанности, учили ихъ гражданскому праву и политикѣ. Однако, опытъ двухъ католическихъ духовныхъ семинарій, порученныхъ ихъ надзору, виленской и жмудской, показалъ и долженъ убѣдить всякаго, что іезуитамъ не удавалось, или они не хотѣли приготовить и хорошихъ пастырей церкви (объ этомъ ниже).

---

¹⁾ Рук. Имп. публ. библ. Пол. F. IV. 190. (Копія писемъ Н. Хр. Радивилла). Archiwum domu Radziwiłłów (Ser. rer. polon., VIII), pp. 53, 59. Litterae annuae, 1596, p. 42.

Для оцѣнки заслугъ іезуитовъ для западнорусскаго просвѣщенія намъ остается указать еще на одинъ фактъ. Безъ сомнѣнія, орденъ іезуитовъ самымъ своимъ появленіемъ въ странѣ и заведеніемъ училищъ поднялъ въ ней образованіе и католическое, и иновѣрное, побудивъ православныхъ и протестантовъ завести и поднять на должную высоту свои школы, которыя бы могли хотя нѣсколько ослабить миссіонерскіе успѣхи іезуитскихъ коллегій. Но, съ другой стороны, онъ же и старался тормозить въ странѣ всякое другое образованіе. Такъ, благодаря іезуитамъ, были закрыты кальвинскія школы въ Несвижѣ и въ Вильнѣ (1640), православная въ Пинскѣ. Оршанскіе іезуиты еще до 1621 года выхлопотали привилегію, по которой ни въ самомъ городѣ, ни въ окрестностяхъ его не могли появляться православныя училища ¹⁾. Мало того. Хотя провинціальныя власти были лишены права открывать безъ сношенія съ генераломъ ордена даже такія школы, въ которыхъ бы учили только читать и писать, онѣ старались стѣснять всякія попытки къ просвѣщенію народа, если даже послѣднія шли со стороны католиковъ ²⁾. Такимъ образомъ упали виленская и львовская кафедральныя школы и было закрыто много другихъ, по свидѣтельству Войтѣха Калишскаго въ его „Oratio nobilis equitis“ (1590) и затѣмъ Бржозки (1625 г.). Войтѣхъ приписываетъ іезуитамъ упадокъ и краковской академіи. Она, говорилъ Войтѣхъ, воспитавшая столько гражданъ, славныхъ ученостію въ различныхъ областяхъ науки и полезныхъ краю, между прочимъ Гозія, Кромера, Оржеховскаго, Модржевскаго, и считавшая до 4000 студентовъ, теперь стоитъ пустой ³⁾. Конечно, и сама краковская академія, упорно противившаяся всякимъ реформамъ, была виновата въ томъ, что тѣ тысячи ея студентовъ, которые стекались въ нее изъ разныхъ мѣстностей польско-литовскаго государства и даже изъ-за границы, разсѣялись теперь по различнымъ іезуитскимъ коллегіямъ, протестантскимъ гимназіямъ и заграничнымъ университетамъ, но и іезуиты не были совсѣмъ правы. Интересно вспомнить при этомъ о тѣхъ усиліяхъ и средствахъ, при помощи которыхъ іезуиты стремились занять извѣстное мѣсто въ педагогическомъ мірѣ Кракова. Поселились они здѣсь въ 1579 году ⁴⁾ и, прежде чѣмъ получили возможность открыть здѣсь свою коллегію, пожелали быть допущенными въ академію въ качествѣ профессоровъ философіи и богословія, о чемъ и сдѣлали заявленіе на петроковскомъ синодѣ 1589 г. Весь синодъ воспротивился этому пред-

¹⁾ Rostowski, 291. 332. 333.

²⁾ Rat. stud. Reg. provinc., 2. «Monita privata» совѣтуютъ, въ случаѣ если орденъ столкнется въ своей школьной дѣятельности съ другими католическими орденами, противиться устройству ими школъ и стараться увѣрить высшія церковныя и государственныя власти, что іезуиты одни въ состояніи вести дѣло общественнаго образованія (с. V, §§ 3. 4).

³⁾ Oratio nobilis equitis poloni (1590)—у Jarosz., III, 61. Cf. Pieknorzecki, 355. 356.

⁴⁾ Wielewicki, (Scriptores rerum polonicarum, VII, 4—6). Тотъ же Велевицкій сообщаетъ, что іезуитамъ въ 1583 г. было дано право открыть въ Краковѣ школы, но, какъ видно изъ дальнѣйшаго, они тогда имъ не воспользовались (р. 33—40).

ложенію, какъ противорѣчившему издавнимъ привилегіямъ академіи и просто невысказанному. Но тѣмъ не менѣе, „искусство нѣкоторыхъ людей“ произвело то, что въ актахъ синода по его окончаніи оказалось нѣчто въ пользу іезуитовъ.... Академіи пришлось обратиться чрезъ своего канцлера, краковскаго епископа Петра Мышковскаго въ папѣ Сиксту V съ жалобой и просьбой о заступничествѣ ¹⁾. Іезуитамъ удалось открыть въ Краковѣ свои школы только въ 1622 г., но черезъ 13 лѣтъ, послѣ ожесточенной борьбы и литературной полемики, они были удалены отсюда по сеймовой конституціи 1635 г. ²⁾. Послѣ всего сказаннаго не удивительно и тѣ ожесточенные нападки на іезуитскія школы, которые мы встрѣчаемъ во многихъ литературныхъ памятникахъ того времени. Авторы этихъ сочиненій предлагали даже изгнать орденъ изъ государства, а имѣнія его обратить на улучшеніе краковской академіи и открытіе другихъ училищъ, которыя слѣдовало поручить опытнымъ свѣтскимъ и духовнымъ людямъ. Тогда, говорили они, можно будетъ имѣть молодежь, соединяющую съ благочестіемъ и наукой чувства любви и заботливости о благѣ родины и способную служить ей ³⁾.

Въ заключеніе приведемъ отзывы объ іезуитскихъ училищахъ іезуита же Яна Аргента, хорошо знакомаго съ польско-латинскими коллегами, которыя онъ ревизовалъ. „Я не такъ безстыденъ или неразуменъ, писать онъ, чтобы предпочитать наши школы всѣмъ другимъ или даже сравнивать; но для меня достаточно свидѣтельства мудрыхъ и ученыхъ мужей, которые вотъ уже около пятидесяти лѣтъ учатся и посылаютъ дѣтей въ наши школы“. Онъ же указываетъ на одного образованнаго германца, который хвалилъ іезуитскія школы, говоря, что не встрѣчалъ лучше ихъ, но хотѣлъ уничтожить ихъ! ⁴⁾.

---

¹⁾ *Theiner, Vetera monumenta Poloniae, III, № 401.*

²⁾ *Volumina legum, III, 407* *Łukasz., I, 138.* Замѣчательно, что въ этой борьбѣ на сторонѣ университета становились не только лица свѣтскія, но и духовныя, каковы: еп. Петръ Мышковскій, еп. Соколовскій и др. Соколовскій писалъ, напр., куявскому епископу: „Takъ bymъ rad iezuity do kościoła a żaki do szkoły pognać, nie tylko tu u nas ale i wszędzie bo inaczej ani nauki ani też pobożność do swej perfectiej nie przyjdzie“ (*Grabowski, Starozytności historyczne polskie, I, 93—99*).

³⁾ *Iarosz., III, 65. 66.* У Ярошевича читатель найдетъ изложеніе содержанія нѣсколькихъ подобнаго рода брошюръ и проектовъ удаленія іезуитовъ или изъ всего государства или изъ нѣкоторыхъ только городовъ (стр. 58—71 и прим.).

⁴⁾ *Argentus, p. 114. 115.*

ГЛАВА IV.

Духовныя семинаріи.

Немногія западнорусскія католическія семинаріи въ изслѣдуемый нами періодъ времени были вызваны къ жизни тридентскимъ соборомъ, который въ своемъ 23 засѣданіи, 15 іюля 1563 г., постановилъ, чтобы въ каждой епархіи епископы съ капитулами заводили училища для приготовленія кандидатовъ священства ¹⁾. Это опредѣленіе собора было вызвано борьбой латинской церкви съ протестантствомъ, требовавшей, чтобы по крайней мѣрѣ пастыри церкви знали основанія своего вѣроученія. Но объ этомъ нужно было думать и въ польско-литовскомъ государствѣ. Мѣстное низшее духовенство представляло въ XVI в. по своему умственному развитію двѣ крайности. Съ одной стороны, въ рядахъ его было немало лицъ съ высшимъ, университетскимъ образованіемъ, съ учеными степенями бакалавровъ, магистровъ и даже докторовъ свободныхъ наукъ, философіи, богословія, правъ, съ другой—полное невѣжество. До половины XVI ст. во всемъ государствѣ не было ни одного спеціальнаго заведенія для образованія низшаго бѣлаго клира. Каѳедральныя школы, хотя по идеѣ должны были служить этой цѣли, на дѣлѣ не давали своимъ питомцамъ богословскихъ свѣдѣній; требованіе же отъ учениковъ пѣнія и прислуживанія въ костелахъ могло скорѣе выработать изъ нихъ церковнослужителей, чѣмъ священнослужителей. Впрочемъ, до появленія протестантовъ отъ духовенства немного и требовалось, какъ видно изъ предисловія къ вышедшему въ 1522 г. въ Краковѣ сочиненію „Summarius computus“. „Церковный клиръ, говорится здѣсь, пусть знаетъ четыре вещи: грамматику, музыку, каноны и праздники“ ²⁾.

Понятно, что при напорѣ протестантства должны были сильно пострадать религіозныя убѣжденія не только католической пасты, но

---

¹⁾ Sacros. concilii Tridentini canones et decreta, sess. XXIII. de reformatione, c. 18. (Edit. 1643, p. 410—415). Cf. Poïan, De Seminario clericorum, Parisiis—Lipsiae, 1874, p. 92—97.

²⁾ «Clerus in ecclesia quatuor sciatur esse tenenda, Grammaticam, Musicam, Ius canonum atque Calendas». *Lukas.*, Hist. szkół, I, 19, прим. 2.

и самихъ пастырей, образованныхъ по программѣ, въ которую не было включено вѣроученіе, и въ этомъ отношеніи настолько невѣжественныхъ, что иногда ксендзы проповѣдывали по протестантскимъ постилламъ (сборникамъ проповѣдей) ¹⁾. И, дѣйствительно, латинская церковь понесла крупныя потери. Въ одной виленской епархіи, по словамъ Скарги, было передано протестантамъ 500 церквей, а по свидѣтельству Цихоцкаго и Кояловича, во всей Жмуди къ 1566 г. едва оставалось шесть ксендзовъ, вѣрныхъ апостольскому престолу, а изъ паствы—едва одна тысячная часть ²⁾. Конечно, вполне довѣрять этимъ лицамъ не приходится, такъ какъ въ интересахъ іезуитовъ было представить въ болѣе ужасномъ видѣ опасность, грозившую католической церкви, чтобы въ болѣе блестящемъ свѣтѣ явились ихъ труды и достигнутые ими результаты. Тѣмъ не менѣе латинскимъ епископамъ стало очевидно, что противъ новыхъ идей нужно бороться образованіемъ. И вотъ они на многихъ соборахъ не только постановляютъ рѣшенія о реформированіи наличныхъ, приходскихъ и кафедральныхъ школъ, но и о заведеніи новыхъ на счетъ доходовъ схоластиковъ и прочихъ прелатовъ. А варшавскій соборъ 1561 г. пришелъ даже къ мысли о необходимости открытія специальныхъ коллегій для образованія членовъ клира, предупредивъ такимъ образомъ двумя годами опредѣленіе тридентскаго собора ³⁾.

Несмотря на это, католическіе епископы не спѣшили осуществлять синодальныя постановленія. Когда львовскій архіепископъ Павелъ Тарло созвалъ въ ноябрѣ 1564 г., по инициативѣ нунція Коммендоне, провинціальный соборъ для русскихъ земель ⁴⁾, то отцы его, принявъ тридентскіе декреты, относительно нѣкоторыхъ изъ нихъ рѣшили просить папу не настаивать на немедленномъ выполненіи ихъ, въ виду того, что по бѣдности епископовъ и капитулъ и разоренности приходоу они не отыскивали никакихъ пригодныхъ къ тому способовъ. Въ числѣ

¹⁾ *Pieknorzecki*, *Gratis plebani*, 52. 358. Слово «постилла» введено было въ употребленіе Лютеромъ и, происходя отъ *post illa* (подразумѣвается *textus verba*), первоначально обозначало поученіе, которое слѣдовало за прочтеніемъ евангельскаго текста (*L. Łukaszewicz*, *Wzrost dziejów piśmiennictwa polskiego*, wyd. 2, 111, прим.).

²⁾ *Kojatowicz*, *Miscellanea*, 67. Нарбуттъ заявляетъ, что заимствованная Кояловичемъ у Цихоцкаго дата 1576 г. должна быть замѣнена 1566 г., какъ видно изъ хода рѣчи (*Dzieje narodu Litewskiego*, IX, 479, прим. I).

³⁾ «Statuit praeterea haec sancta Synodus, ut singuli RR. DD. Locorum Ordinarii curarent, ut in loco aliquo Dioecesium suarum commodo, collegium instituerent, in eoque certum scholarium, de victu et amictu providerent, ac stipendiis certis, illis qui ingenio et diligentia in discendo praestarent, subvenirent: ex quorum numero aliqui successivae, juxta uniusquisque aetatem ac qualitatem, ad sacros ordines promoveri, et post susceptos ordines, ad officia et munia ecclesiastica obeunda, beneficiaque prouehi possint. Hac enim ratione, certum seminarium, idoneorum clericorum, haec s. Synodus futurum esse sperat» (*Constitutiones synodorum Metropolitanæ Eccl. Gnesnen. provincialium, Cracoviae*, 1630, p. 264).

⁴⁾ На этомъ соборѣ присутствовали, кромѣ львовскаго архіепископа, епископъ холмскій и представители перемишльскаго и каменецкаго епископовъ; изъ Луцка не было прислано никого.

этихъ неудобныхъ для отцовъ постановленій былъ декретъ и о семинаріяхъ. Но все же они поручили епископамъ перемышльскому и холмскому, изъ которыхъ первый участвовалъ въ тридентскихъ засѣданіяхъ, разыскать къ будущему собору необходимыя для устройства семинарій средства ¹⁾. Неизвѣстно, какъ отозвался на эту просьбу апостольскій престолъ, но мы знаемъ, что папамъ еще долго приходилось настаивать на принятіи польской церковію тридентскихъ канонѣвъ, а послѣ принятія (на соборѣ въ Петроковѣ, 1577 г.) — на необходимости устройства семинарій ²⁾. Впрочемъ, уже въ 1568 г. одинъ изъ польскихъ епископовъ Станиславъ Карниковскій (влоцлавскій или куявскій) завелъ семинарію въ своей епархіи, за что и удостоился папской похвалы ³⁾.

Въ предѣлахъ западной Россіи первая духовная семинарія—въ *Вильнѣ* открыта была въ 1582 г. Но уже до того еп. Валеріаномъ было кое-что сдѣлано для приготовленія кандидатовъ священства. Вызывая іезуитовъ, Протасевичъ намѣренъ былъ передать имъ и образованіе духовенства и для этой именно цѣли онъ выдѣлилъ имъ изъ столовыхъ епископскихъ имѣній шесть извѣстныхъ сель (Мѣдники, Бѣнкюпы, Носковцы, Пильцюны, Меречь и Рыкойне): по крайней мѣрѣ, испрашивая 3 окт. 1569 г. у капитулы согласія на эту передачу, онъ мотивировалъ ее тѣмъ, что обязанность учрежденія семинарій лежитъ на кафедральныхъ костелахъ ⁴⁾. Но іезуиты, завладѣвъ имѣніями, и не подумали завести что-либо въ родѣ духовной семинаріи и доходы съ нихъ употребляли на нужды самой коллегіи. Въ виду этого епархіальной власти пришлось изыскивать новыя средства. Остановились на трокскомъ пробощствѣ, настоятель котораго былъ близокъ къ смерти. Въ устройствѣ семинаріи приняли участіе и кафедрныя, и папскія легаты (Lancus), и особенно Николай Христофоръ Радзивиллъ, который далъ епископу Валеріану слово выхлопотать у короля грамоту на передачу пробощства и вообще помогать, чѣмъ можно ⁵⁾. При всемъ томъ открытіе семинаріи состоялось только въ 1582 г., когда новый виленскій епископъ Юрій Радзивиллъ, въ виду разоренія столовыхъ и капитульныхъ имѣній московской войною, записалъ на семинарію свой наследственный фольварекъ Возгелишки (11 янв.) ⁶⁾. Въ томъ же году Стефанъ Баторій, котораго Ю. Радзивиллъ просилъ взять новую семинарію подъ свое покровительство и на щедрость котораго выражалъ надежду,—

---

¹⁾ *Любовичъ*, Папскій нунцій Коммендоне въ Польшѣ (Ж. М. Н. Пр., 1837 г., янв., 94—96). *Albertrandi*, Pamiętniki o dawnej Polsce, I, 223. 224.

²⁾ См. напр. инструкцію монсеньору Симонетти, папскому нунцію въ Польшѣ, 1606 г. (*Relacye nuncyuszów apostol.*, II, 97).

³⁾ *Theiner*. Vetera monumenta Poloniae et Lithuaniae, II, № 770. *Роданъ*, р. 106. *Лукашъ*, 300—302.

⁴⁾ Выпись изъ актовъ вил. капитулы, № 42 (Опис. рукоп. отд. вил. публ. библ., вып. I, прилож., стр. 56). *Тарозъ*, III, 86. 87.

⁵⁾ Письмо Н. Хр. Радзивилла къ еп. Протасевичу. *Scriptores rerum polonicarum*, VIII (Archiwum domu Radziwińów), № 2.

⁶⁾ *Baliński*, Historia miasta Wilna, II, 270—278 (дарственная запись).

подтвердилъ дарственную запись епископа, подарилъ семинаріи Штемшловскій каменный домъ, а въ 1585 г. предоставилъ въ ея пользу доходы съ богатой новгородской плебаніи ¹⁾.

Сообразуясь съ совѣтомъ конгрегациі кардиналовъ, рѣшившей недоумѣнные вопросы, возбужденные текстомъ тридентскихъ канонѳвъ и признавшей лучшими учителями духовнаго юношества членѳвъ общества Иисусова ²⁾, еп. Радивиллъ возложилъ на виленскихъ іезуитѳвъ, съ согласія ихъ самихъ и генерала ордена, завѣдываніе всею учебною, педагогическою и административно-экономической частями своей семинаріи. Согласиться на это іезуитамъ ихъ законы не мѣшали,—напротивъ уже на II-ой генеральной конгрегациі предусмотрительный орденъ успѣлъ заблаговременно опредѣлить свои отношенія въ такого рода просьбамъ. Тогда было дозволено членамъ коллегіи принимать попеченіе о семинаріи, если только содержаніе ея достаточно и навсегда обезпечено, если отъ этого можетъ произойти польза коллегіи и самому ордену и если будетъ гарантирована свобода въ дѣлѣ управленія ею. Но и при этомъ велѣно было давать семинаріи не отдѣльныхъ учителей, а тѣхъ же, что преподаютъ въ іезуитскихъ школахъ ³⁾. Тѣмъ не менѣе, полной свободы виленскимъ іезуитамъ не было дано, такъ какъ Ю. Радивиллъ оставилъ за собой и за капитулою не только заботу объ увеличеніи числа воспитанниковъ семинаріи, но и высшій надзоръ за нею. И надзоръ этотъ не былъ только формальнымъ. Въ 1584 г. капитула, вслѣдствіе предложенія епископа назначить изъ своей среды провизора для семинаріи, постановила возлагать эту должность на всѣхъ членѳвъ по очереди, начиная съ старѣйшаго, срокомъ на годъ. А когда обнаружилась непроизводительная трата денегъ на семинарію, капитула 11 февр. 1588 г. сдѣлала распоряженіе, чтобы „регенты“ ея ежегодно отдавали отчетъ въ израсходованныхъ суммахъ провизору, а тотъ—всей капитулѣ. Если же іезуиты—добавила она—не согласятся на это, пусть позволяютъ жить въ семинаріи, для надзора за приходами и расходами, „шафару“, назначенному провизоромъ ⁴⁾.

Уже изъ этого постановленія видно, что капитула не совѣмъ была довольна экономничаньемъ оо. іезуитѳвъ. Но послѣдними и учебная часть была поставлена едва ли удовлетворительно, какъ можно заключать изъ слѣдующаго. Въ 1595 г. ревизовалъ виленскій діоцезъ извѣстный уже намъ папскій легатъ Ал. Комулей. Онъ нашелъ литовскій гминъ въ самомъ печальномъ религіозномъ состояніи и, объясняя темноту его тѣмъ, что далеко не всѣ капланы знали литовскій языкъ, обратился къ

---

¹⁾ Выписи изъ актовъ вил. капитулы, №№ 104, 146 (Опис. рукоп. отд. вил. публ. библ., вып. I, прил., стр. 63. 68). *Iarosz.*, II, 29. *Lukasz.*, IV, 323. *Сливовъ*, Русскій вѣстн., 1875, VIII, 732. 733. 738.

²⁾ «Si reperiantur Iesuitae, ceteris antepoŋendi sunt». Resp. 213 circa Trid. sess. 23. c. 18 de reform. (*Mezger*, *Imago primi saeculi S. J.*, p. 347).

³⁾ II Congr. decr. 18 (post electionem; cf. canon 13).

⁴⁾ Выписи изъ протоколовъ капитулы, №№ 93 и 125 (Опис. рук. отд. вил. публ. библ., вып. I, прил., стр. 62 и 65).

королю съ представлениемъ о необходимости назначить фундушъ на содержание и обучение въ виленской семинаріи по крайней мѣрѣ 20 молодыхъ литовцевъ. Король отказывался, не надѣясь получить согласіе сейма. Тогда Комулей, послѣ разныхъ проектовъ, рѣшилъ назначить на этотъ предметъ 10 т. зл. изъ доходовъ вакантной тогда виленской каведры ¹⁾. Случай этотъ показываетъ, что іезуиты не постарались сообразоваться при веденіи дѣла съ потребностями епархіи. Вѣроятно, отпущенная Комулеемъ съ согласія капитулы сумма привлекла въ семинарію многихъ юношей, такъ что чрезъ пять лѣтъ уже возникъ вопросъ о расширеніи ея ²⁾. Однако виленскія епархіальныя власти и потомъ имѣли поводы быть недовольными іезуитскимъ управленіемъ семинаріей: въ 1628 г. епископомъ поднятъ былъ вопросъ объ освобожденіи членовъ іезуитской коллегіи отъ этой обязанности, что и состоялось въ 1652 г. ³⁾.

Свѣдѣнія о началѣ *жмудской епархіальной семинаріи*, находящіяся у Лукашевича и выписанныя имъ изъ сочиненія: „Wspomnienia Żmudzi przez ks. Ludw. Adama Iucewicza“ ⁴⁾, не отличаются ни обстоятельностью, ни точностью. По Юцевичу, потребность въ образованныхъ капланахъ была признана жмудскими епископами еще задолго до открытія семинаріи, но на первыхъ порахъ они въ удовлетвореніи ея ограничивались тѣмъ, что посылали молодыхъ людей къ виленскимъ іезуитамъ. Такъ, Юрій Петкевичъ, назначивъ по завѣщанію 1700 копъ грошей на воспитаніе 12-ти юношей изъ шляхетскаго и крестьянскаго сословій въ виленской коллегіи, поставилъ условіемъ, чтобы каждый изъ нихъ, проучившись десять лѣтъ, служилъ послѣ въ жмудской епархіи. Преемникъ Петкевича, еп. Мельхіоръ Гедройць выстроилъ въ Вильнѣ для этихъ стипендіатовъ отдѣльный домъ (1581), въ которомъ мѣдницкая капитула и содержала ихъ на проценты съ завѣщанной Юріемъ Петкевичемъ суммы. Въ 1601 г. племянникъ послѣдняго Петръ Петкевичъ, ксендзъ, пожертвовалъ уже специально на жмудскую семинарію 3700 копъ гр. Но, очевидно, и этого оказалось недостаточно, и еп. Гедройць употребилъ эти деньги на увеличеніе числа алюмновъ въ Вильнѣ. „Но при всемъ томъ онъ заложилъ своею рода семинарію въ Ворняхъ, поручивъ надзоръ за нею двумъ іезуитамъ. Это учрежденіе существовало до 1614 г., когда смерть о. Довгялло, одного изъ іезуитовъ, освободила Ворни на восемь лѣтъ и отъ нихъ и отъ семинаріи“. Такъ рассказываетъ кс. Юцевичъ, не опредѣляя года основанія жмудской семинаріи. Мы думаемъ, что послѣднее нужно отодвинуть нѣсколько дальше отъ начала XVII ст. и что преемнику Гедройца Николаю Пацу пришлось не возстановлять семинарію, какъ передаетъ Юцевичъ, а впервые открывать. Этотъ самый Паць, епископъ жмудскій и каноникъ виленскій, еще въ мартѣ 1613 г. просилъ виленскую капитулу

¹⁾ *Iarosz.*, II, 29.

²⁾ Выпись изъ проток. капит., № 205 (стр. 75).

³⁾ Выпись изъ актовъ капитулы, № 298 (*ibid.*, стр. 81); *Iarosz.*, III, 93 и прим. 101.

⁴⁾ *Eukasz.*, *Hist. szkół*, IV, 333—335.

принимать въ свою семинарію жмудскихъ клириковъ. Капитула согласилась, съ тѣмъ однако, чтобы необходимая для этого реставрація семинаріи, на сумму въ 40 копъ, была произведена на счетъ жмудской каѳедры и чтобы жмудскіе клирики прислуживали въ каѳедральномъ костелѣ наравнѣ съ мѣстными ¹⁾. Очевидно, что до 1613 г. въ жмудской епархіи своей семинаріи совсѣмъ не было, и если, дѣйствительно, она была открыта Пацомъ, то или въ этомъ году или въ слѣдующемъ ²⁾. Произошло же это такимъ образомъ. Паць, быть можетъ не согласившійся на поставленные ему виленской капитулой условія, пересталъ—продолжаемъ разсказъ Юцевича—высылать въ Вильну клириковъ, а, уступивъ крожскимъ іезуитамъ нѣсколько фольварковъ, обязалъ ихъ взаимнѣ этого построить въ Ворняхъ домъ для семинаріи. Іезуиты охотно завладѣли имѣніями, но къ исполненію второй части договора приступили не сразу и то—понуждаемые епископомъ. Но и выстроивъ семинарію и начавши ученіе, они проявили такую небрежность, что „прокураторъ“ заведенія, каноникъ Янъ Казаневичъ нашель въ 1621 г., что семинаріи этой для нуждъ епархіи недостаточно, и совѣтовалъ епископу и капитулѣ попрежнему посылать кандидатовъ священства въ Вильну. Въмѣсто этого еп. Станиславъ Кишка купилъ въ 1622 г. въ самихъ Крожахъ обширный домъ для помѣщенія семинаристовъ и поручилъ учебную часть каѳедральному проповѣднику. На конецъ нашего періода падаетъ тяжба епископа съ іезуитами изъ-за крожскихъ фольварковъ.

Въ прочихъ западнорусскихъ католическихъ епархіяхъ въ изслѣдуемый нами періодъ времени духовныхъ семинарій не было, хотя луцкая капитула, какъ мы уже видѣли, ассигновала на этотъ предметъ нѣкоторую сумму еще задолго до 1604 г., а въ Олыкѣ было положено начало преобразованію тамошней школы въ семинарію ³⁾.

Внутреннее устройство епископскихъ или епархіальныхъ семинарій опредѣлено было тридентскимъ соборомъ ⁴⁾. Послѣдній всю заботу объ учрежденіи ихъ возложилъ на каѳедры, т. е. на епархіальныхъ епископовъ и капитулы. Епископъ съ двумя ея членами и двумя представителями прочаго городского духовенства обязанъ былъ прежде всего изыскать средства на устройство и содержаніе семинаріи; можно было употреблять на это имѣнія епископскаго стола, капитулы, духовныхъ и благотворительныхъ учреждений діоцеза. Епископу же съ двумя болѣе почтенными канониками принадлежалъ надзоръ за семинаріей уже открытой; имъ рекомендовалось посѣщать ее возможно чаще.

¹⁾ Выписъ изъ актовъ вил. капитулы, № 268 (ibid., стр. 79).

²⁾ Въ 1614 г. Ник. Паць уже умеръ (Miscellanea, 86). Сообщаемаго здѣсь же Кояловичемъ извѣстія, что Юрій Петкевичъ Seminarium Dioecesanum fundavit, мы не можемъ принять въ виду вышеизложеннаго.

³⁾ Litterae annuae 1604, p. 735. Academia caes. Rom.—cathol. petropolitana anno acad. 1889—1890, pp. 67. 79. 80.

⁴⁾ «Forma erigendi seminarium clericorum praecipue tenuiorum, in cujus erectione plurima veniunt observanda, pro educatione promovendorum in cathedralibus et majoribus ecclesiis» (Sacros. concilii Tridentini canones et decreta, 1643, p. 410—415).

Условія приѣма воспитанниковъ были слѣдующія. Въ семинарію могли поступить законнорожденные мальчики, не моложе 12-ти лѣтъ, умѣющіе довольно хорошо (*competenter*) читать и писать и притомъ такіе, которыхъ способности и склонности подавали надежду, что они всегда будутъ преданными дѣлу священнослужителями. Принимались преимущественно дѣти бѣдныхъ родителей, но не было отказа и богатымъ, они должны были только содержаться на свой счетъ. Поступившихъ въ семинарію самъ епископъ распредѣлялъ по классамъ, сообразно съ ихъ числомъ, возрастомъ, способностями и успѣхами. Болѣе возрастныхъ онъ могъ сразу же опредѣлить на службу церкви, съ тѣмъ, очевидно, чтобы они одновременно слушали курсъ наукъ. Но и относительно прочихъ не забывалось, къ чему они готовятся, и ихъ заставляли ежедневно присутствовать при богослуженіи—домашнемъ, разумѣется, а въ праздничные дни—въ каѳедральномъ или другихъ костелахъ, ежемѣсячно исповѣдываться и пр. Семинаристы отличались и внѣшнимъ видомъ—тонсурой и духовной одеждой.

Программа состояла изъ слѣдующихъ учебныхъ предметовъ: грамматики, пѣнія, церковнаго счета или пасхалии (*computus ecclesiasticus*), свободныхъ наукъ, свящ. писанія, изученія церковныхъ книгъ, проповѣдничества (*homiliae sanctorum*), формъ совершенія таинствъ и церковныхъ обрядовъ; не исключилъ соборъ и философію ¹⁾. Программа эта въ своей основѣ была выработана еще блаж. Августиномъ и держалась въ католической церкви до XVI в. Тридентскій соборъ только расширилъ ее введеніемъ гомилетики и изученія священныхъ и богослужбныхъ книгъ ²⁾.

Обязанность преподаванія въ духовныхъ семинаріяхъ соборъ возложилъ на схоластиковъ и прелатовъ, наиболѣе прикосновенныхъ въ учебному дѣлу. Если они сами не могли заниматься въ классахъ, то должны были подыскать способныхъ къ тому замѣстителей, иначе лишались своихъ доходовъ. О пригодности учителя судилъ епископъ. Соборъ потребовалъ вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы впредь схоластиками назначались лица, соотвѣтствующія новымъ условіямъ ихъ службы,—доктора, магистры и лиценціаты свящ. писанія (*in sacra pagina*) или каноническаго права ³⁾. То обстоятельство, что въ виленской и жмудской семинаріяхъ учителями были іезуиты, уполномочиваетъ думать, что здѣсь не только науки преподавались по іезуитскимъ учебникамъ и курсамъ, но что и строй жизни явился подражаніемъ образу жизни іезуитскихъ новиціевъ.—Дальнѣйшее образованіе западнорусскіе католическіе семинаристы получали или въ виленской академіи, или въ заграничныхъ, по преимуществу іезуитскихъ ⁴⁾.

---

¹⁾ Cf. *Poïan*, 237. 239. 242—245. 251.

²⁾ *Poïan*, 14. 21—23. 235.

³⁾ *Poïan*, 96; cf. 229—231.

⁴⁾ *Łukasz.*, *Hist. szkół*, I, 306. 307. 309.

ГЛАВА V.

Замостская академія.

Открытие академіи въ Замостыи ¹⁾ вызвано было широкими взглядами ея основателя Яна Замойскаго на значеніе науки для государства и—его отношеніями къ іезуитамъ.

Польскій канцлеръ Янъ Замойскій выдавался своей ученостью даже въ вѣкъ, богатый образованными людьми. Воспитанный красноставской школы, онъ закончилъ свое образованіе въ Падуѣ, гдѣ выдвинулся, какъ авторъ трактата „De senatu Romano“. Затѣмъ, въ качествѣ декана юридическаго факультета или, по другимъ извѣстіямъ, ректора падуанской академіи, Замойскій привелъ въ систему ея права и уставы ²⁾. По возвращеніи на родину онъ принялъ видное участіе въ государственныхъ дѣлахъ, благодаря своимъ талантамъ и дружбѣ съ королемъ Стефаномъ. Съ Баторіемъ Замойскій былъ однихъ взглядовъ на религіозныя дѣла и, подобно ему, съ помощью іезуитовъ старался овалочивать своихъ русскихъ подданныхъ. Съ этой же цѣлью онъ вызвалъ членовъ ордена въ только что основанный имъ городъ Замостье (1580 г.) и намѣренъ былъ возвести ихъ резиденцію въ коллегію ³⁾. Но въ его отношеніяхъ къ іезуитамъ скоро произошла перемѣна, — вѣроятно, канцлеръ столкнулся съ ними по какому-нибудь политическому вопросу. По крайней мѣрѣ, Замойскій сталъ высказывать желаніе, чтобы іезуитамъ запрещено было вмѣшиваться въ государственный дѣла, какъ свидѣтельствовалъ объ этомъ Войгѣхъ Калишскій еще въ 1590 г. Подобнымъ образомъ и Ваноци,

¹⁾ Замостье—нынѣ убадный городъ люблинской губерніи.

²⁾ Zbiór pamiętników o dawniej Polsce. Wydanie nowe przez Jana Bobrowicza (1838), II, 165. 186. Симонъ Старовольскій дѣлаетъ такой панегирической отзывъ о Янѣ Замойскомъ: «въ философіи онъ былъ свѣдущъ, какъ Платонъ, въ геометріи—какъ Евклидъ, въ краснорѣчій—второй Демосенъ, земледѣліе зналъ, какъ Виргилій, въ политикѣ казался равнымъ самому Аристотелю, въ веденіи войнъ—Юлію Цезарю». *Sim. Starowolski, Scriptorum Polonicorum* 'Εκατοντάς, № XIX). Ко всему этому присоединилось знаніе пяти или шести европейскіихъ языковъ.

³⁾ *Pierling, Bathory et Possevino*, № 37. *Любовичъ, Къ исторіи іезуитовъ въ литовско-русскихъ земляхъ*, стр. 12, 14, 15 и прилож., № II, IV, V.

секретарь папской миссии, посетивший канцлера въ декабрѣ 1596 г., объяснял его нерасположенность къ иезуитамъ тѣмъ, что онъ видѣлъ въ нихъ очень изворотливыхъ политиковъ. Ванюци указывалъ, впрочемъ, и еще одинъ мотивъ—дурной отзывъ Поссевина о полякахъ въ его „*Moscovia*“¹⁾).

Какъ бы то ни было, Замойскій, придя къ мысли учредить академію, совершенно отказался отъ услугъ иезуитовъ, хотя они и пользовались тогда большимъ педагогическимъ авторитетомъ. Онъ, очевидно, замѣтилъ, что и въ сферу воспитанія орденъ вноситъ тотъ же зловерднй элементъ политиканства, каковой уже успѣлъ проявиться въ прочихъ сторонахъ его дѣятельности. Мало того. Усматривая, повидимому, корень того направленія педагогики, выразителями котораго были иезуиты, въ католическомъ богословіи, способномъ при своемъ полемическомъ характерѣ возбуждать религіозныя и политическія страсти, Замойскій исключилъ его изъ программы своей академіи. Онъ одинъ изъ первыхъ сдѣлалъ попытку отдѣлить школу отъ церкви, положивъ всю силу воспитывающаго вліянія науки не въ связи ея съ религіей, а въ ней самой. Попытка эта не была однако осуществлена: съ самаго же начала часть каедръ была замѣщена духовными лицами, какъ это было и въ Краковѣ, а спустя нѣсколько десятковъ лѣтъ здѣсь стало преподаваться и богословіе.

Мотивы основанія академіи и общіе педагогическіе принципы свои Янъ Замойскій счелъ нужнымъ заявить самъ при ея открытіи. „Въ жизни нѣтъ ничего болѣе полезнаго и желаннаго, говорилъ онъ въ своемъ „Обращеніи къ полякамъ“, какъ наука и добродѣтель. Безъ науки и знанія не можетъ быть ни добродѣтели даже, ни славы. Безъ нихъ не удастся никакое предпріятіе, не можетъ быть твердо государство. Наука нужна вездѣ,—и дома, и въ сенатѣ, и на войнѣ. Если бы я могъ, я обогатилъ бы васъ, но я думаю, что образованныя дѣти дороже богатства, и я отрываю источникъ этого благословенія въ только что заложеной академіи, въ которой ваши дѣти будутъ черпать науки мудрости. О, если бы изъ нея выходили полезные Польшѣ граждане!—Но какъ земледѣлецъ выбираетъ хорошія сѣмена, такъ и учитель долженъ излагать тѣ науки, которыя даютъ истинную мудрость, добродѣтельныя правила, внушаютъ дѣятельность только на пользу государства. Я ненавижу, сказалъ въ заключеніе канцлеръ, учителей, обременяющихъ молодежь спекулятивными науками, рагоняющихъ умы въ пропасти, и самъ я, сообразивши, что всего полезнѣе нашему краю, уважу и науки, и писателей, и методъ ученія“²⁾).

Первый актъ, которымъ открывается существованіе замостской академіи, есть фундаціонная запись на нее имѣнія Буковины, 19 ноября 1593 г.³⁾ Въ этомъ же году или въ слѣдующемъ канцлеръ обратился

¹⁾ *Bobrowicz, ibid*, p. 189. *Jaroszewicz*, III, 60.

²⁾ «*Do polaków odezwawa...* Niemcewicz, *Zbiór pamiętników historycznych o dawnej Polsce*, IV (1822), 111.

³⁾ *Łukasz.*, III, 326, въ прим. Свѣдѣнія о началѣ академіи и средствахъ ея извлекаются изъ помѣщенной Лукашевичемъ въ III, 324—331, въ прим., записки: «*Status*

въ Римъ за утвержденіемъ, и папа Климентъ VIII прислалъ ему буллу (1594 г.), которою предоставлялъ новой академіи всѣ тѣ привиллегіи, какими пользовались повсюду всѣ прочіе университеты и, въ частности, право давать степени докторовъ философіи, обихъ правъ и медицины, а также нотаріевъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ папа назначилъ канцлеромъ академіи холмскаго епископа, въ епархіи котораго находилось Замостье ¹⁾. Въ то же время Замойскій дѣлалъ и другія приготовленія въ осуществленію своего плана, напечатавъ, между прочимъ, два учебника (1593 и 1594 гг.). Повидимому, въ 1594 г. все уже было готово, и въ этомъ году въ Ригѣ успѣлъ уже появиться панегирикъ открытой академіи ²⁾. Но, кажется, онъ предупредилъ событіе: пріемъ студентовъ начался только 15 марта 1595 г.,—по крайней мѣрѣ, въ сохранившемся *Universitatis generalis studii Samosciensis Album'*ъ это—первая дата ³⁾. Въ слѣдующемъ году ученіе было уже въ полномъ ходу, и Ваноци сообщалъ, что въ замостской академіи учатъ всѣмъ наукамъ и даютъ докторскія степени, кромѣ богословія. Онъ же видѣлъ здѣсь семинарію, т. е. бурсу, на 50 человекъ, содержащихся на средства канцлера ⁴⁾.

Средства содержанія самой академіи слугались изъ нѣсколькихъ источниковъ. Однимъ изъ нихъ было с. Буковина (въ перемышльскомъ повѣтѣ), наданное въ 1593 г. и легшее въ основу фундаціонной записи Яна Замойскаго 1601 г. Доходы съ него были высчитаны въ 1000 злотыхъ ⁵⁾. Но этой суммы не могло хватить даже на содержаніе профессоровъ. Одинъ профессоръ права, вызванный изъ Шотландіи, получалъ, по словамъ Ваноци, 400 талеровъ. Всѣхъ же профессоровъ по штату 1601 г. было десять. Изъ нихъ двое—профессора поэзіи и синтаксиса, аналогіи и грамматики—получали по 130 флориновъ (польскихъ злотыхъ), одинъ—риторики и діалектики—150 фл. и семеро—по 230 фл. Къ числу послѣднихъ принадлежали профессора: 1) гражданскаго права, 2) права польскаго, 3) моральной философіи, 4) физики, 5) логики и метафизики, 6) математики и 7) краснорѣчія ⁶⁾. Вѣроятно, недостававшая сумма восполнялась изъ личной казны канцлера, пользованіе которой онъ отечески разрѣшалъ своей дочери—академіи въ извѣстной „*Dopióaków odezwie*“. Дальнѣйшее обезпеченіе профессоровъ замостской академіи было произведено такимъ образомъ. Еще въ 1594 г. канцлеръ учредилъ въ своемъ городѣ коллегіату въ составѣ трехъ, а въ 1600 г.—

---

academiae Zamosciensis in visitatione apostolica anno D. 1746. a doctoribus et professoribus ejusdem universitatis ludi publici expositus.

¹⁾ *Eukasz.*, III, 331, прим. 1.

²⁾ «Academie Samoscianaе, recens institutae, intimatio, cum Dan. Hermannii carmine in eandem academiam, Rigae, 1594» (*Jocher*, Ж 1962).

³⁾ *Maciejowski*, *Piśmiennictwo Polskie*, III. Dodatki, str. 298.

⁴⁾ *Bobrowicz*, *ibid.*, 162.

⁵⁾ Въ 1612 г., когда академія взяла это село въ свое непосредственное завѣдываніе, весь доходъ съ него, денежный и натуральный, не превышалъ 982 зл. 18 гр. (*Eukasz.*, III, 330 и 331, въ прим.)

⁶⁾ *Eukasz.*, III, 325 и 326, въ прим. *Bobrowicz*, *ibid.*, 185.

семи должностей: декана, схоластика, кустоса и четырех каноников, и эти мѣста съ ихъ доходами предоставилъ ученымъ и добрымъ профессорамъ академіи ¹⁾. Послѣ него значительно увеличенъ былъ фондъ академіи его сыномъ Томой, записавшимъ въ ея пользу 13600 зл., приносящихъ 1088 зл. доходу. Кромѣ того Тома Замойскій, вновь увеличивъ составъ коллегіаты, ассигновалъ ей 12688 злот., значительная часть процентовъ съ которыхъ опять-таки шла въ пользу членовъ академической корпораціи. Были и другія пожертвованія:—Гаспара Сольскаго, записавшаго 17 т. зл. на кафедру медицины, Симона Симоновича, Симона Бирвовскаго. Послѣдній записалъ 18 т. зл. на содержаніе профессоровъ и студентовъ, на увеличеніе жалованья преподавателя исторіи и на другія нужды академіи ²⁾.

Мы видѣли, что Янъ Замойскій исключилъ изъ программы своей академіи богословіе, и оно, дѣйствительно, не преподавалось здѣсь до 1639 г., когда Екатерина Замойская, вдова по Томѣ, заложила здѣсь духовную семинарію, обратившуюся въ богословскій факультетъ ³⁾. Поэтому должно считать плодомъ недоразумѣнія заявленіе п. Павла V, къ которому Тома Замойскій обратился за новымъ подтвержденіемъ академіи, что его отецъ ввелъ будто бы богословіе въ кругъ тѣхъ наукъ, которыми онъ хотѣлъ просвѣщать своихъ подданныхъ. Въ своей буллѣ, отъ 6 іюня 1617 г., папа требовалъ также, чтобы весь служебный персоналъ академіи предъ вступленіемъ въ должность произносилъ исповѣданіе вѣры и давалъ присягу предъ ректоромъ или канцлеромъ, что не будетъ преподавать чего-либо противнаго ей. Канцлерами академіи Павелъ V назначилъ, вмѣсто холмскаго епископа, — гнѣзненскаго и львовскаго архіепископовъ и перемышльскаго епископа ⁴⁾.

Дальнѣйшія утвержденія замостской академіи, дальнѣйшія измѣненія ея программы и дальнѣйшее увеличеніе ея фондушей выходятъ за рамки изслѣдуемаго нами времени. Къ позднѣйшему же періоду ея жизни относится и раздѣленіе ея на факультеты: богословскій, юридическій, медицинскій и философскій. Первоначально же академія дѣлилась только на классы. Самъ Янъ Замойскій сдѣлалъ такое распредѣленіе наукъ по восьми классамъ. „Въ первомъ классѣ будутъ преподаваться начатки морали и языковъ польскаго, латинскаго и греческаго. Во 2-мъ—мораль, синтаксисъ и просодія означенныхъ языковъ. Въ 3-мъ—первыя начатки риторики, толкованіе и выясненіе идей избранныхъ писателей на тѣхъ же языкахъ, „сфера“, ариметика, геометрія съ практическими упражненіями (*z doświadczeniem w polu*) и логика. Въ 4-мъ—

---

¹⁾ Bullarium Romanum, X (Augustae Taurinorum, 1865 г.), № 110. *Lukasz.*, III, 325, въ прим.

²⁾ *Lukasz.*, III, 326 и 327, въ прим.

³⁾ *Lukasz.*, III, 334; IV, 350.

⁴⁾ Bullarium Romanum, XII, № 291, р. 389. Вѣроятно, подъ вліяніемъ папской буллы Симонъ Симоновичъ ассигновалъ 5 т. зл. на кафедру богословія (*Lukasz.*, III, 327, въ прим.).

натуральная исторія, физика и медицина ¹⁾. Въ 5-мъ—исторія общая и краснорѣчіе. Учитель краснорѣчія обязанъ всегда давать ученикамъ предметы, относящіеся въ Польшѣ, а въ исторіи долженъ отыскивать причины различныхъ перемѣнъ въ управленіи и стараться находить имъ аналогіи въ отечественной исторіи. Въ 6-мъ—наставники моральной науки будутъ учить обязанностямъ челоуѣка и гражданина. Въ 7-мъ—будутъ объяснять право общее (w powszechności) ²⁾. Въ 8-мъ—права отечественныя, статуты, конституціи, роды судовъ, способы судоустройства и канцелярское дѣлопроизводство ³⁾.

Мы должны замѣтить, что эта программа не исчерпываетъ всѣхъ предметовъ курса замостской академіи. Такъ, здѣсь не упомянута философія, которая въ дѣйствительности получила столь широкую постановку, что иногда старшіе классы академіи (5—8) назывались даже философскимъ факультетомъ ⁴⁾. И хотя катедры права получили первенствующее значеніе и при новой группировкѣ учебныхъ предметовъ въ 1601 г., когда прибавлено было еще два класса, замостская академія и впослѣдствіи сохранила преимущественно философскій характеръ, будучи руководима, главнымъ образомъ, краковскими магистрами и докторами философіи ⁵⁾. Въ ней въ нашъ періодъ гораздо болѣе обращалось вниманіе даже на классическую филологію и на риторику съ діалектикой, чѣмъ на изученіе юридическихъ наукъ. Въ области послѣднихъ, кажется, только одинъ Дрезнеръ кое-что сдѣлалъ.

Такъ какъ это положеніе подтверждаютъ и дошедшія до насъ учебныя руководства замостской академіи, то мы здѣсь скажемъ о нихъ нѣсколько словъ.

Учебниками по латинскому языку были: „D. Aurelii Augustini Hipponensis Episcopi de Grammatica Liber pro elementariis Hippei Sa-

---

¹⁾ Медицина значится и въ буллѣ п. Климента VIII. Для преподаванія этого предмета Янъ Замоискій избралъ Яна Урсина и отправилъ въ Падую съ цѣлью изученія его. Но, несмотря на этотъ шагъ и на обезпеченіе катедры медицины проф. Сольскимъ, катедра эта въ теченіе двухсотлѣтняго періода существованія академіи занималась только нѣсколько разъ, а самая наука преподавалась въ видѣ «спекулятивной медицины». Такъ, кромѣ указанныхъ Лукашевичемъ двухъ профессоровъ медицины—Яна Леонидеса (предъ 1649 г.) и Бернарда Монегина (предъ 1691 г.), извѣстенъ еще Іеронимъ Колаковский, ординарный профессоръ философіи и спекулятивной медицины, бывшій въ 1644 г. ректоромъ (*Лилевъ*, Описаніе рукописей, хранящихся въ бібліотекѣ черниговской дух. семинаріи, Ж 154. *Жукавъ*, III, 335. 336 Автобіографія Игн. Левлевича—*Голубевъ*, Ист. Кіев. дух. акад., прилож., 78).

²⁾ Здѣсь, вѣроятно, являгаль въ 1596 г. Пандекты профессоръ—шотландецъ.

³⁾ *Жукавъ*, III, 335, прим. 1 Cf Uwagi nad życiem Jana Zamoyskiego, 1785 г., str. 8. 9.

⁴⁾ *Maciejowski*, o. c., III. Dod., 298 Въ «Альбомѣ» академіи подъ 1597 г. упоминается деканъ философскаго факультета Лавр. Старнигельскій (Starnigelius), профессоръ краснорѣчія и замостскій каноникъ, докторъ философіи.

⁵⁾ Нѣкоторые ученые сочиненія и курсы по философіи, сохранившіеся въ рукописяхъ, указаны Мацѣевскимъ (*ibid.*, 299. 300).

mosciani, Samosci, 1593⁴; ¹⁾ „Aelii Donati viri clarissimi grammatica pro elementariis Hippei Samosciani, 1594⁴“; „Ioannis Ursini Leopoliensis Grammaticae methodicae libri quatuor. Primus de Orthographia. Secundus de Prosodia. Tertius de Analogia, cum appendice. Quartus de Syntaxi“. Грамматика Урсина впервые была напечатана во Львовѣ въ 1592 г. для учениковъ каѳедральной школы, въ Замостыи же была перепечатана въ 1619 и 1640 гг. „Narrationes. Sententiae. Similia. Ex libris M. Tulli Ciceronis pro usu studiosorum Analogiae in Academia Samoscensi, collectore Simone Piechovio, Phil. et Medic. Doctore. 1611“. Пособіемъ при изученіи риторики служилъ трудъ Симона Бирковского: „Dionysii Halic. de collocatione verborum graece et latine, 1602⁴“, представляющій изложеніе риторическихъ правилъ Діонисія съ примѣрами, извлеченными изъ греческой и римской литературы. Ученики діалектики могли пользоваться сочиненіемъ Адама Бурсія: „Dialectica Ciceronis, quae disperse in scriptis reliquit, maxime ex stoicorum sententia, 1604⁴.²⁾).

Безъ сомнѣнія, кромѣ этихъ учебниковъ мѣстнаго происхожденія, въ замостской академіи употреблялись и изданные въ другихъ городахъ, особенно въ Краковѣ. И рукописные учебные курсы замостскихъ профессоровъ не всегда принадлежали имъ. Такъ, въ 1609 г. С. Бирковский излагалъ предъ студентами „Descriptio universae naturae“ Іакова Карпентарія; излагали его послѣ и другіе профессора. Нѣкоторые курсы составлены были по Цицерону, Платону, Проклу, Галену. Но изъ всѣхъ новѣйшихъ и древнихъ ученыхъ, по которымъ читались лекціи въ Замостыи, наибольшимъ авторитетомъ пользовался Аристотель; его эксплоатировали чуть ли не всѣ профессора, такъ какъ по нему трактовались не только различныя части философіи—метафизика, логика, этика, политика, но и физика и риторика ³⁾.

По своему внутреннему устройству замостская академія нѣсколько напоминала краковскій университетъ, о которомъ Замойскій былъ хорошаго мнѣнія ⁴⁾ и откуда онъ взялъ для нея первыхъ профессоровъ ⁵⁾. Они то, по порученію канцлера, выработали первоначальный уставъ академіи, содержащій правила о приѣмѣ студентовъ, объ обязанностяхъ

¹⁾ Указываютъ и второе изданіе этой книжки, 1594 г. (*Bandtkie*, II, 328; *Jocher*, № 535).

²⁾ *Bandtkie*, II, 328. *Jocher*, №№ 183. 532. 532. 575. 576. 667.

³⁾ *Maciejowski*, о. с., III. *Dodatki*, 299—304.

⁴⁾ Свое объявленіе объ открытіи академіи Замойскій заключилъ выраженіемъ желанія, чтобы она служила опорой государству, наравнѣ съ краковскимъ университетомъ (*Nietcewicz*, IV, 111).

⁵⁾ Можно, впрочемъ, дать вѣру и свидѣтельству Любенецкаго, что Замойскій при устройствѣ своей академіи руководился совѣтами Войтѣха Альберта Калишскаго, ректора любартовской школы (*Lubienczius*, *Historia reformationis Polonicae*, p. 225); Калишскій былъ извѣстнымъ въ то время педагогомъ, притомъ же могъ обратить на себя вниманіе канцлера критикой іезуитской школьной системы въ своей «Oratio nobilis equitis poloni»; съ другой стороны, Замойскій вообще не чуждался мновѣрныхъ ученыхъ и, по свидѣтельству «Перестроги», старался привлечь въ свою академію даже грека Никифора, котораго пригласилъ въ свою школу кн. К. Е. Острожскій (А. З. Р., IV, стр. 213. 214).

декана и студентовъ. Уставъ этотъ, утвержденный самимъ Яномъ Замойскимъ, который оставлялъ навсегда за собой и своими потомками высшій надзоръ за академіей, былъ дополненъ въ 1611 г. ректоромъ Симономъ Пеховичемъ, включившимъ въ него формы присяги для должностныхъ лицъ академіи и студентовъ, форму диплома на ученую степень бакалавра свободныхъ наукъ и философіи, правила объ избраніи ректора и объ обязанностяхъ профессоровъ. Еще ранѣе того холмскій епископъ Стан. Гомолинскій, какъ канцлеръ академіи, ввелъ въ уставъ статью объ академическихъ ваканціяхъ и праздникахъ ¹⁾.

Обязанности и взаимныя отношенія должностныхъ лицъ и студентовъ академіи по этому статуту представляются въ такомъ видѣ.

Ближайшими начальниками академіи были два лица—ректоръ и деканъ. Оба избирались изъ наличныхъ профессоровъ академіи срокомъ на одинъ годъ. Избирателями были всѣ профессора и пять студентовъ высшихъ классовъ (по числу націй). Новые ректоръ и деканъ давали клятву надъ св. евангеліемъ, что порученныя имъ обязанности будутъ нести честно и по совѣсти, не отступая ни въ чемъ отъ устава академіи.

Ректоръ правилъ академіей съ помощью совѣта, составлявшагося имъ же изъ двухъ профессоровъ старшихъ классовъ, двухъ—младшихъ и одного студента, участвовавшаго въ подачѣ голосовъ ²⁾. Всѣ административныя распоряженія его имѣли силу только тогда, когда дѣлался съ вѣдома и согласія этого совѣта. Личныя обязанности ректора состояли въ слѣдующемъ. Онъ держалъ у себя „альбомъ“, куда вписывалъ вновь поступавшихъ студентовъ, хранилъ деньги, вносившіяся ими за право ученія, составлялъ распisanіе уроковъ, причемъ обращалъ вниманіе на сравнительную трудность предметовъ. Послѣ семестровыхъ экзаменовъ, на которыхъ онъ предсѣдательствовалъ, ректоръ обращался къ студентамъ съ увѣщаніемъ исполнять и впредь всѣ академическія правила, согласно съ данною ими присягой, упражняясь и въ наукахъ и въ добродѣтеляхъ. Съ своимъ совѣтомъ ректоръ судилъ виновныхъ студентовъ и профессоровъ. Отъ послѣднихъ онъ по субботамъ принималъ заявленія и жалобы. Къ прерогативамъ ректорскаго званія относилось предсѣдательство на собраніяхъ, на публичныхъ актахъ, однимъ словомъ—всегда и вездѣ, гдѣ онъ являлся, какъ ректоръ. Въ этой должности онъ занималъ мѣсто, соотвѣтствовавшее его каедрѣ ³⁾.

¹⁾ «Privilegium vetus» замостской академіи съ дополненіями Пеховича перепечаталъ Лукашевичъ съ рукописи архива гр. Замойскихъ въ своей «Исторіи школь» (III, 350—362). Имъ мы и пользуемся.

²⁾ Иногда въ составъ совѣта входило только три профессора. Такъ, Янъ Урсинъ, третій ректоръ академіи, избралъ въ члены его—Адама Бурсіа, своего предшественника, Сехинія, профессора философіи, декана, и Зарембу, профессора начатковъ философіи и риторикъ, а изъ студентовъ—Иеронима Вержбицкаго (*Maciejowski, ibid., 299*).

³⁾ Ректорами замостской академіи въ нашъ періодъ, по сохранившимся отрывочнымъ свѣдѣніямъ, были слѣдующіе профессора: Мельхіоръ Стефановичъ (*Stephanides*), профессоръ логики (1595 г.), Адамъ Бурсіа (1597 и 1607), Янъ Урсинъ, Матвій Яворовскій, Янъ Сехиній (1608), Симонъ Бирковскій (1609), Симонъ Пеховичъ (*Piechovius*, 1611), Фома Дрезнеръ (1616).. (*Łukasz., III, 337, прим. 2, и 353. Maciejowski, ibid., 298. 299.*)

Деканъ завѣдывалъ преимущественно ученой и учебной частями академической жизни. Онъ производилъ приемные экзамены и распределялъ учениковъ по классамъ. Не вступая затѣмъ въ болѣе близкія отношенія съ ними, если только кто-нибудь не поручался родителями его непосредственному надзору, деканъ слѣдилъ за тѣмъ, чтобы профессора аккуратно читали лекціи и о небрежныхъ докладывалъ ректору. Въ послѣднюю субботу каждаго мѣсяца деканъ экзаменовалъ учениковъ низшихъ классовъ. Иногда присутствовалъ вмѣсто ректора на семестровыхъ экзаменахъ и вмѣстѣ съ преподавателемъ каждаго класса рѣшалъ вопросъ о переводѣ и непереvodѣ учениковъ; онъ же торжественно объявлялъ и о результатахъ испытаній. Въ другихъ случаяхъ деканъ являлся исполнителемъ предписаній ректора и его совѣта. На обязанности его лежало также наблюдать, чтобы лекціи и другія дѣйствія совершались въ опредѣленное время, почему онъ завѣдывалъ и звонкомъ. Неисполненіе каждой изъ означенныхъ обязанностей деканомъ или ректоромъ влекло за собой денежный штрафъ въ различныхъ размѣрахъ, начиная съ пяти грошей и кончая червонцемъ (aureus).

Статутъ не упоминаетъ о правахъ и обязанностяхъ ни канцлера академіи, ни схоластика коллегіаты, но оба эти лица принимали, безъ сомнѣнія, нѣкоторое участіе въ дѣлахъ академіи, особенно послѣдній. Схоластикъ заботился обо всемъ, что относилось къ благу заведенія, побуждалъ всѣхъ къ исполненію ими ихъ долга, замѣщалъ вмѣстѣ съ ректоромъ свободныя кафедры достойными людьми и удалялъ нарушителей устава ¹⁾).

Собственно исполнительная власть принадлежала квестору и педелямъ. Квесторъ избирался на годъ и предъ вступленіемъ въ должность приносилъ присягу. Въ чемъ состояло его дѣло—въ *Vetus privilegium* не выяснено. Педеля (*bedelli*) прислуживали при торжественныхъ случаяхъ, наблюдали за внѣшней стороною академической жизни, звали виновныхъ на судъ ректора и исполняли вообще низшія обязанности.

Жизнь профессоровъ академіи регулировалась цѣлымъ рядомъ предписаній и взысканій. Каждый профессоръ въ Замостыи вѣдалъ не ту или другую науку, а порученный ему классъ. Но такъ какъ въ успѣхахъ его учениковъ могли быть заинтересованы и другіе преподаватели, то по уставу 1611 г. каждому изъ нихъ предоставлено было право провѣрять познанія учениковъ другихъ классовъ и не только на экзаменахъ, но и въ году, частнымъ образомъ, лишь бы это дѣлалось безъ оскорбленія самолюбія профессоровъ этихъ классовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ было постановлено, чтобы учитель философіи назначалъ диспуты по логикѣ не только своимъ слушателямъ, но и ученикамъ другихъ классовъ; точно также и профессоръ краснорѣчія давалъ упражненія въ декламаціи и стилистикѣ ученикамъ и другихъ классовъ, кромѣ своего. Но слѣдить за работами и исправлять ихъ приходилось учителямъ каждаго отдѣльнаго класса. Вѣроятно, имъ не приходилось раздѣлять трудовъ только профессора математики, которому внушалось съ одинаковымъ усердіемъ упражнять въ своей наукѣ учениковъ различныхъ классовъ.

¹⁾ *Eukasz.*, III, 337.

Аккуратное отношеніе къ своему дѣлу профессоръ академіи уставъ старался гарантировать все тѣми же денежными штрафами. Если кому привелось опустить по небрежности лекцію или субботнюю репетицію, онъ лишался 15 грошей (или 7, если это былъ преподаватель одного изъ низшихъ классовъ). Деньгами же откупался профессоръ отъ наказанія за пьянство, за нанесеніе кому-либо оскорбленія. Если онъ при изъясненіи Цицерона или другихъ авторовъ отступалъ отъ установленныхъ приемовъ и методовъ, то лишался части изъ денегъ, поступавшихъ въ пользу академической корпораціи за переводъ студентовъ въ старшіе классы и за присужденіе ученыхъ степеней. А въ случаѣ, если онъ и совсѣмъ не читалъ лекцій по доставшемуся ему предмету, его могли удалить изъ академіи, какъ клятвопреступника. Судилъ виновнаго профессора ректоръ. За неявку къ суду по его зову чрезъ педели профессоръ подвергался замѣчанію или даже штрафу въ одинъ флоринъ. Преподаватель, оскорбленный коллегой, держалъ предъ судьей обвинительную рѣчь и она рѣшала дѣло въ пользу отвѣтчика или истца. Если послѣдній не сумѣлъ доказать обвиненія, то самъ и платился за него, какъ за клевету. Въ противномъ случаѣ виновный долженъ былъ просить прощенія у обиженнаго.

У общаго стола учителямъ предписывалось располагаться по важности занимаемыхъ ими кафедръ (чѣмъ опредѣлялись ихъ мѣста и во всѣхъ другихъ случаяхъ) и ѣсть, слушая внимательно священное чтеніе и не допуская грязныхъ разговоровъ и шутокъ, чтобы не соблазнить учениковъ, если послѣднихъ держали у себя. На обязанности ихъ же лежало заботиться о соблюденіи студентами благопристойности въ словахъ и въ поступкахъ.

Содержаніе профессоръ замостской академіи состояло изъ опредѣленнаго жалованья, окладъ котораго былъ установленъ въ 1601 г., и неопредѣленныхъ доходовъ, слагавшихся изъ платы за ученіе, за возведеніе въ ученые степени и изъ штрафныхъ денегъ. Кромѣ того многіе профессора пользовались доходами замостской коллегіаты въ качествѣ ея членовъ. Вѣроятно, можно было занимать имъ и другія должности; уставъ запрещалъ только принимать на себя постороннія обязанности безъ вѣдома и согласія ректора и академіи. Наконецъ, нѣкоторыя кафедры были обезпечены особыми фундашами, напр., кафедры медицины, исторіи ¹⁾

Повидимому, жаловаться на необезпеченность замостскому преподавательскому персоналу не приходилось, тѣмъ болѣе, что и занятія его прерывались частыми отдыхами. Учебный годъ академіи начинался съ половины мая, послѣ торжественной мессы. Предшествовавшія двѣ недѣли были временемъ переходнымъ отъ стараго года къ новому: тутъ происходили экзамены, распределеніе по классамъ учениковъ, переведенныхъ изъ низшихъ классовъ и вновь принятыхъ, избраніе ректора и прочихъ должностныхъ лицъ и приготовленіе профессоровъ къ лекціямъ. Вѣроятно, въ это же время оканчивавшіе академію торжественно удостоивались уче-

---

¹⁾ *Eukasz.*, III, 327, въ прим.

ныхъ степеней ¹⁾). Лѣтній семестръ, продолжавшійся до 15 октября, прерывался для старшихъ курсовъ трехнедѣльными каникулами, начинавшимися 20 юля ²⁾. По окончаніи лѣтняго семестра и трехдневнаго перерыва, въ который производились новые экзамены и переводъ учениковъ въ слѣдующіе классы, академія вступала 18 окт. въ зимній семестръ, продолжавшійся до конца апрѣля. Рождественская недѣля, страстная и пасхальная были свободны отъ занятій. Помимо этого въ учебномъ календарѣ замостской академіи было очень немало праздничныхъ дней, большинство которыхъ захватывало и послѣобѣденное время кануновъ. Кромѣ общихъ католическихъ праздниковъ сюда входили тавія торжества, какъ освященіе новой замостской церкви, память блаж. Августина, патрона академіи, день смерти Яна Замойскаго и т. п. Наконецъ, въ течение всего года въ пятницу не было лекцій послѣ обѣда. Впрочемъ, въ нѣкоторые воскресные и второстепенные праздничные дни профессора обязаны были производить, по назначенію ректора, священныя чтенія (*lectiones sacrae*), которыя велись во всѣхъ классахъ на греческомъ или на латинскомъ языкѣ.

Всякаго новопоступавшаго въ академію студента направляли прежде всего къ ректору, у котораго онъ и вписывалъ въ альбомъ свое имя. Послѣ экзамена у декана онъ вторично являлся къ ректору и вносилъ плату за право ученія: болѣе богатый 10 грошей, менѣе состоятельный—6. Бѣднымъ внушалось только молиться о благосостояніи академіи. Если опредѣлившійся въ академію студентъ имѣлъ 14 лѣтъ, то онъ теперь же приносилъ присягу на соблюденіе училищныхъ уставовъ, а если былъ моложе (въ академію допускались и шестилѣтніе), то давалъ клятву уже при переходѣ въ старшіе классы.

Бѣдные студенты не только освобождались отъ платы за ученіе, но и содержались на счетъ фондатора академіи въ основанной имъ бурсѣ. Тотъ же Янъ Замойскій заложилъ особый банкъ, подъ названіемъ „Гора благочестія“ (*Mons pietatis*), съ основнымъ фондомъ въ 10 т. зл. Проценты изъ этой суммы давались взаймы ремесленникамъ замостской ординаціи, а проценты съ нихъ шли въ пользу бѣдныхъ учениковъ ³⁾. Въ пользу ихъ же съ 1623 г. шли 128 золотыхъ процентовъ съ суммы въ 1600 зл., назначенной на этотъ предметъ Фомой Замойскимъ. Бурса однако сгорѣла въ 1627 г. и только чрезъ подвѣвка была замѣнена другой ⁴⁾. Студенты, не попавшіе въ общежитіе, помѣщались на частныхъ квартирахъ и преимущественно у своихъ учителей. Это давало послѣднимъ возможность слѣдить не только за ихъ учебными успѣхами, но и за нравственностью.

---

¹⁾ До насъ дошелъ одинъ печатный стихотворный памятникъ «промоцій» замостской академіи,—полученія кандидатской степени четырьмя ея студентами: «*Melos Parnassium etc...*» Фомы Веселовскаго (Krakow, 1628). *Jocher*, № 1965.

²⁾ Въ младшихъ классахъ каникулы начинались 27 юля и продолжались только двѣ недѣли, и праздничныхъ дней въ нихъ было меньше, чѣмъ въ старшихъ классахъ. Въ лѣтнія каникулы младшіе ученики не распускались по домамъ, а оставались въ Замости, занимаясь подъ руководствомъ студентовъ старшихъ курсовъ.

³⁾ *Encyklopedia powszechna*, XXVII, 281.

⁴⁾ *Lukasz.*, III, 326, въ прим.; 339.

Лѣнвивыхъ и небрежныхъ профессора передавали въ руки академическаго правосудія. По донесенію ихъ студенты наказывались даже въ томъ случаѣ, если когда-либо и гдѣ-либо заговаривали не по латыни или не по гречески съ людьми, знающими эти языки.

Наказанія, которымъ подвергались студенты замостской академіи, были различнаго рода: выговоры, денежные штрафы, начиная съ пяти грошей и кончая флориномъ и даже талеромъ¹⁾, розги, которыя часто замѣняли денежную пеню въ случаѣ несостоятельности виновнаго, заключеніе въ карцеръ и, наконецъ, увольненіе. Студентъ долженъ былъ знать, что ему не избѣгнуть одного изъ означенныхъ наказаній, если онъ не пойдетъ на лекцію, или не выучитъ на-память заданнаго урока, или не отвѣтитъ его въ назначенное время, если посѣтитъ харчевню, побранится или подерется съ кѣмъ-либо, если приметъ участіе въ бунтѣ, если не явится по зову ректора или явится въ неприличной одеждѣ, если оскорбитъ честь товарища или преподавателя—присутствующаго ли то, или отсутствующаго, или кого-либо изъ гражданъ. Запрещалось также студентамъ, педагогамъ, прислугѣ носить и даже держать у себя какое-либо оружіе безъ особаго разрѣшенія ректора, а также продавать или закладывать свои или чьи бо то ни было вещи. Въ тѣхъ случаяхъ, когда судъ надъ виновнымъ начинался по доносу студента же, послѣдній держалъ предъ ректоромъ и членами его совѣта обвинительную рѣчь и, если не могъ доказать обвиненія, платился 15 грошами штрафа и получалъ частное или публичное внушеніе.

Такимъ образомъ, въ самой школѣ студентъ приучался уже къ извѣстнымъ формамъ судоговоренія, къ умѣнію держать себя предъ публикой и къ искусству рѣчи. Самостоятельности и самодѣятельности студентовъ замостской академіи давалось мѣсто, какъ мы видѣли, и въ другихъ случаяхъ—при выборѣ должностныхъ лицъ и даже въ управленіи академіей, хотя представителемъ всѣхъ ихъ былъ только одинъ человекъ. Все это очень отличало замостскую академію отъ іезуитскихъ, сразу кладя на студентовъ печать ума и развитія, чтѣ уже въ 1596 г. замѣтилъ Ваноци, давшій о нихъ такой лестный отзывъ: „въ алумнахъ виденъ умъ (*dowcip*) и они обѣщаютъ быть хорошими людьми (*wyborne subjecta*)“ . Правда, на первыя генерации студентовъ оказывала весьма благотворное вліяніе личность самого основателя академіи, человекъ съ педагогическимъ опытомъ и съ самымъ живымъ интересомъ къ успѣхамъ своихъ питомцевъ. Онъ часто посѣщалъ ихъ, бывалъ на экзаменахъ, причемъ лично спрашивалъ ихъ, давалъ сюжеты изъ римской исторіи для составленія пьесъ на латинскомъ языкѣ, присутствовалъ на студенческихъ спектакляхъ и т. п.²⁾

Не меньшее значеніе для развитія студентовъ замостской академіи имѣло то раздѣленіе ихъ по націямъ, какое ввелъ Янъ Замоискій по примѣру европейскихъ и краковскаго университетовъ. Такъ какъ здѣсь

---

¹⁾ Талеръ, равнявшійся въ нач. XVI ст. 30 грошамъ или золотому, въ 1611 г. стоилъ 40 гр., а къ 1650 г. превысилъ стоимость флорина въ три раза (*Горбачевскій*, Словарь древняго актовaго языка сѣв.—зап. края, 356).

²⁾ *Bobrowicz*, II, 187.

учились представители національностей польской, русской, литовской, прусско-ливонской и иностранцы, то всё ученики и были раздѣлены на пять группъ. Въ статутѣ есть указаніе только на участіе представителей этихъ группъ въ избраніи должностныхъ лицъ академіи, но, очевидно, дѣленіе это имѣло смыслъ болѣе глубокой, чѣмъ одно только представительство при избраніи. Оно указываетъ на то, что въ Замостьи не было той космополитической нивелировки, каковой подвергались студенты іезуитскихъ хотя бы школъ. Самымъ фактомъ дѣленія по націямъ каждому студенту внушалось, что онъ не только членъ школьной республики, но и гражданинъ своего отечества и сынъ своего народа, занимающаго въ государствѣ то или другое положеііе и имѣющаго тѣ или другія права и особенности въ управленіи и жизни.

Несмотря на всё эти благопріятныя для умственнаго и нравственнаго развитія юношей условія, какими ихъ обставляла замостская академія, она многочисленностью никогда не отличалась. Если въ 1596 г. студентовъ было въ ней больше 50 (при предположеніи, что были заняты всё вакансіи въ бурсѣ), то чрезъ два года ихъ оказывается только 32. Въ началѣ XVII ст. ихъ было больше сотни—118 (въ 1608 г.), но цифра эта была самой высокой; въ 1609 г. она сразу понизилась до 67, а въ 1616 г. даже до 36 ¹⁾. Главной причиною такой непопулярности замостской академіи было, по нашему мнѣнію, ея неудобное географическое положеніе вблизи извѣстныхъ уже населенію іезуитскихъ коллегій люблинской, ярославской и др. Іезуитскія школы были тогда модными и въ нихъ охотнѣе поступала молодежь, чѣмъ въ новозаложенную академію. Неблагопріятствовали послѣдней и нѣкоторыя другія обстоятельства, — сравнительная ея необеспеченность, недостатокъ ученыхъ и учебныхъ пособій и собраній, въ родѣ физическаго кабинета, бібліотеки ²⁾. Меньше важности имѣли другія причины, указываемыя Лукашевичемъ ³⁾. То обстоятельство, что большинство профессоровъ были канониками, чѣмъ уничтожалось будто бы значеніе отсутствія въ программѣ богословія, такъ же мало могло мѣшать успѣхамъ замостской академіи, какъ успѣхамъ коллегій — сутаны іезуитовъ. Напротивъ, намъ думается даже, что Замойскій сдѣлалъ ошибку, исключивъ богословіе изъ курса: въ то время, при всеобщемъ религіозномъ одушевленіи и интересѣ къ богословскимъ вопросамъ, студенты готовы были слушать теологію, въ какомъ бы духѣ она ни преподавалась, лишь бы она давала такой или иной отвѣтъ на тревожившіе вопросы и знакомила съ богословской литературой. Относительно мнимой молодости замостскихъ профессоровъ, не могшихъ будто бы внушать къ себѣ довѣрія въ обществѣ, замѣтимъ, что вѣдь и въ низшихъ классахъ іезуитскихъ коллегій преподавали люди молодые и настолько иногда неопытныя,

¹⁾ *Łukasz.*, III, 337, прим. 2. Въ 1650 г. въ академіи было 49 человекъ (I, 212).

²⁾ Спустя полтора года по открытіи ученія въ академіи, масса книгъ, принадлежавшихъ Замойскому, преимущественно на греческомъ и армянскомъ языкахъ, еще находилась въ сундукахъ (*Bobrowicz*, II, 187). Быть можетъ, и послѣ не особенно ревностно снабжали академію книгами.

³⁾ *Łukasz.*, I, 128. 129.

что нуждались въ руководствѣ со стороны префекта. Притомъ же нѣкоторые изъ замостскихъ профессоровъ уже до перехода сюда считали за собой по нѣскольку лѣтъ педагогической и литературной дѣятельности. Подтверженіемъ нашей мысли могутъ служить тѣ краткія біографическія свѣдѣнія о болѣе выдающихся изъ нихъ, какія мы сообщаемъ.

Такъ, Адамъ Бурсій (или Бурскій), докторъ свободныхъ наукъ и философіи краковскаго университета (1580), прежде чѣмъ попасть въ Замостье, нѣсколько лѣтъ ректорствовалъ въ львовской школѣ, гдѣ прежде и самъ учился, а затѣмъ профессорствовалъ въ Краковѣ. Янъ Замойскій, которому была извѣстна его ученость, предоставилъ ему въ своей академіи катедру философіи. До насъ дошло два рукописныхъ курса Бурсія: первый, читанный въ 1607 г., содержитъ начатки философіи (*elementa philosophiae,—nomen, finitio, divisio, ordo*), краткую исторію ея и Цицероновскія похвалы ей, второй представляетъ *Commentarii in Aristotelis ethicorum libros X*. Изъ печатныхъ произведеній Бурсія извѣстна его „*Dialectica Ciceronis*“ (1604), излагающая чистые принципы стоической діалектики съ выдѣленіемъ изъ сочиненій Аристотеля вліяній перипатетиковъ и академиковъ. Умеръ Бурсій не ранѣе 1627 г. ¹⁾.

Янъ Урсинъ, львовянинъ и воспитанникъ мѣстной школы, получивъ первую ученую степень въ Краковѣ (1587), занялъ должность учителя въ львовскомъ городскомъ училищѣ. Но около 1591 г. долженъ былъ оставить ее по неудовольствію на него нѣкоторой части гражданъ, питавшей отвращеніе къ греческому языку, который онъ усердно преподавалъ, и не любившей его за слишкомъ суровое обращеніе съ учениками. Изъ Львова Урсинъ перешелъ вмѣстѣ съ Бурсіемъ въ Краковъ, гдѣ сталъ изучать астрономію. Намѣченный канцлеромъ въ профессора новой академіи, онъ готовился занять тамъ катедру свободныхъ наукъ и математики, но былъ отправленъ въ Падую учиться медицинѣ, откуда возвратился чрезъ пять лѣтъ съ званіемъ доктора медицины; но въ академіи преподавалъ не ее, а физику, а по смерти Яна Замойскаго занимался съ его сыномъ математикой ²⁾. Умеръ 1 янв. 1613.—Кромѣ упомянутой выше грамматики, Урсинъ составилъ для своихъ львовскихъ учениковъ діалектику по

---

¹⁾ *Starovolsciuss*, Ἐκχρονιάς, № 71. *Maciejowski*, Piśmiennictwo Polskie, III. Dodatki, 298. *Jocher*, № 575 и стр. 164. 165. 178. 179. *Sołtykowiez*, O stanie akademii Krakowskiej (1810), str. 433—436.—Тотъ фактъ, что большинство профессоровъ замостскихъ были родомъ изъ Львова, можетъ быть объясненъ слѣдующимъ образомъ. У Яна Замойскаго былъ секретаремъ и очень близкимъ къ нему человѣкомъ Симонъ Симоновичъ, извѣстный поэтъ, львовянинъ. Онъ и могъ рекомендовать канцлеру нѣкоторыхъ изъ своихъ земляковъ («*Kilka nieznanych listów Szymona Szymonowicza*», Biblioteka Warszawska, 1895, II, 141—161).

²⁾ Первоначально Тома Замойскій учился по желанію отца вмѣстѣ съ дѣтьми прочіихъ гражданъ, ибо Янъ Замойскій понималъ, что для всѣхъ состояній полезно правильное воспитаніе и что одна академія, какъ единое лице, должна всѣмъ свѣтить (*Sołtykowiez*, 434, прим. 1; ср. *Łukasz*, I, 439).

Аристотелю и, уже будучи профессоромъ, написалъ изслѣдованіе: „*De ossibus humani corporis tractatus tres*“¹⁾.

Симонъ Бирковскій, изъ Львова, докторъ медицины, болѣе извѣстный какъ филологъ, приглашенъ былъ Замойскимъ на кафедру краснорѣчія и въ качествѣ доктора сына его Томы. За свои труды Бирковскій получилъ отъ канцлера въ подарокъ село. Съ Томой Замойскимъ онъ совершилъ путешествіе по Европѣ. Умеръ въ 1626 г. Изъ сочиненій Бирковского дважды издано слѣдующее: „*Dionysii Halicarnassei de collocacione verborum graeae et latine, Simon Bircovius in acad. Zamosciensi professor recensuit et nunc primum convertit*“... (Zamoscii, 1602. 1604). Въ предисловіи къ своему труду Бирковскій ставилъ на видъ, что греки—настоящіе мастера краснорѣчія, но объ этомъ почему то забывали, но что онъ, призванный въ замостскую академію, оставилъ предубѣжденіе противъ нихъ и обратился къ греческимъ писателямъ. Сообразно съ этимъ Бирковскій комментировалъ главнымъ образомъ греческихъ риторовъ—Афеонія, Порфирія. Но и эти толкованія, и „*Tractatus logicae, in logicam Aristotelis Commentarius*“ (1603), и множество греческихъ и латинскихъ стиховъ остались ненапечатанными. Въ рукописяхъ же сохранились его объясненія нѣкоторыхъ медицинскихъ произведеній Галена (*arg parva*), изложеніе анатоміи и сифилидологіи²⁾.

Симонъ Пеховичъ, докторъ философіи и медицины, извѣстенъ своей редакціей академическаго устава (1611) и изданіемъ для учениковъ аналогіи сборника—„*Narrationes. Sententiae. Similia. Ex libris M. Tullii Ciceronis*“.

Тома Дрезнеръ, львовянинъ, высшее образованіе получилъ въ Краковѣ и Парижѣ. Всѣ его литературные труды относятся къ области права. Таковы: *Liber Collationum Juris Polonici et Romani. Centuria legum Polonicarum atque Gallicarum Institutionum. Juris polonici libri quatuor. Processus judiciarius. Thomae Dresneri Dris, in M. T. Ciceronis lib. 3. de legibus Scholia, ejusdem Platonis de legibus duodecim librorum compendium, item quatuor florentissimarum rerum publicarum, Persarum, Lacedaemoniorum, Atheniensium, Romanorum instituta ac mores, aliquot libellis ab eodem persecuti*³⁾.

Въ заключеніе мы должны обратить вниманіе на то, что замостская академія, признанная впоследствии королемъ Михайломъ Корибутомъ единственнымъ на всю Русь университетомъ (1669),⁴⁾ и въ нашъ

---

¹⁾ *Jocher*, I, № 667 и прим. къ нему (стр. 176—180), гдѣ перепечатана біографія Урсина, помѣщенная въ предисловіи къ изданію его грамматики 1619 г. *Starovolsciuss*, о. с., № 72.

²⁾ *Jocher*, I, № 183. 184 и стр. 139. *Maciejowski*, *ibid.*, 299. 301. *Encykl. powsz.*, III, 572. 573.

³⁾ *Starovolsciuss*, о. с., № 51. *Maciejowski*, 302.

⁴⁾ *Łukasz.*, III, 331, прим. 1.

періодъ времени должна была играть и сыграла нѣкоторую роль въ исторіи православнаго просвѣщенія: изъ нея вышли Кассіанъ Саковичъ, ректоръ кievской братской школы, Сильвестръ Коссовъ и Исаія Трофимовичъ, первые ректоръ и префектъ могиланской коллегіи. Учились въ ней также и другіе русскіе юноши, особенно изъ воспитанниковъ львовской братской школы.

ОТДѢЛЪ II.

ПРОТЕСТАНТСКІЯ ШКОЛЫ. .

ГЛАВА VI.

Распространеніе реформациі въ западной Россіи и судьба протестантскихъ школь.

Въ нашу задачу не входитъ говорить подробно о причинахъ появленія и быстрыхъ успѣховъ протестантства въ польско-литовскомъ государствѣ и о дальнѣйшей его исторіи, тѣмъ болѣе, что этому предмету посвящено немало специальныхъ изслѣдованій ¹⁾. Мы воснемся лишь тѣхъ условій роста его въ западнорусскихъ областяхъ, которыя всего легче могутъ объяснить и судьбу и характеръ протестантскихъ просвѣщенія и школь.

На проникновеніе въ западную Россію протестантскихъ идей, кромѣ оживленныхъ торговыхъ сношеній русскихъ городовъ съ нѣмецкими странами ²⁾, всего больше повліяли поѣздки молодыхъ людей въ заграничные университеты. Обычай путешествовать по разнымъ странамъ

---

¹⁾ Кромѣ названныхъ въ нашемъ предисловіи сочиненій Лукашевича, Красинскаго, Буковскаго, здѣсь мы можемъ указать еще слѣдующія: *Regenvolsciус Аdr.*, *Systema Historico-chronologicum Ecclesiarum Slavonicarum*, 1652 (Авторъ—Венгерскій; подъ настоящимъ его именемъ сочиненіе вышло вторымъ изданіемъ въ 1679 г. съ измѣненнымъ заголовкомъ: *Slavoniae reformatae libri IV.*); *Lubiencius Stan.*, *Historia reformationis Polonicae in qua tum reformatorum, tum antitrinitariorum origo et progressus in Polonia et finitimis provinciis narrantur*, *Freistadii*, 1685. *Łukaszewicz*, *Dzieje kościołow wyznania Helweckiego w Malej Polsce* (1853). *Adamowicz*, *Kościół augsburski w Wilnie* (1855). *Szujski Jov.*, *Odrodzenie i reformacya w Polsce* (1880). Изъ русскихъ: *Соколовъ Ив.*, *Отношеніе протестантизма къ Россіи въ XVI и XVII вв.* (1880). *Жуковичъ П.*, *Кардиналь Гозій и польская церковь его времени*. *Любовичъ Н.*, *Исторія реформациі въ Польшѣ* (1883) и *Начало католической реакціи и упадокъ реформациі въ Польшѣ* (1890). *Карпесъ Н.*, *Реформациа и католическая реакція въ Польшѣ* (*Вѣстникъ Европы*, 1885; ср. *Очеркъ исторіи реформационнаго движенія и катол. реакціи въ Польшѣ*, 1886). Въ частности, о соцініанствѣ писали: *Ив. Малышевскій* (*Подложное письмо полольца Ив. Смеры къ в. кн. Владиміру*, въ *Тр. Кіев. д. ак.*, 1876), *Ор. Левицкій* (*Соцініанство въ Польшѣ и Юго-западной Россіи*, въ *Кіев. стар.*, 1882; ср. предисл. къ VI тому I части *Арх. Ю.-З. Р.*), *Евл. Будринъ* (*II выпн изслѣдованія: Антитринитаріи шестнадцатаго вѣка*, 1886. Казань).

²⁾ Къ числу такихъ городовъ принадлежали Вильна, Люблинъ, Брестъ, Львовъ (*Вукowski*, I, 89—94). Брестъ, напр., велъ торговныя сношенія съ Торномъ, Данцигомъ, Познанью, которые очень скоро познакомились съ реформой Лютера (*Арх. сб.*, III, № 112).

западной Европы для довершения образованія давно уже существовалъ въ высшихъ слояхъ польскаго и литовско-русскаго общества, и онъ-то сталъ съ 30-хъ годовъ XVI ст. главнымъ путемъ, по которому плыли въ сознание западноруссовъ новыя религіозныя идеи. Источниками же ихъ были университеты Виттенберга, Лейпцига, Женевы, затѣмъ Крелевца (Кенигсберга) ¹⁾. Послѣдній, преобразованный въ 1544 г. изъ педагогическаго института (*archipaedagogium*), имѣлъ даже своей спеціальной цѣлью распространеніе лютеранства, между прочимъ, въ Польшѣ. Основатель его Альбертъ I, великій магистръ восточной Пруссіи, открылъ въ немъ нѣсколько кафедръ съ преподаваніемъ на польскомъ языкѣ и назначилъ по семи стипендій для поляковъ и литовцевъ. На разосланныя имъ по всей Польшѣ приглашенія отозвалось немало юношей, чему содѣйствовало, вѣроятно, и то, что разсылалъ ихъ кульмскій католическій епископъ Тидеманъ Гизе. Кромѣ того, Альбертъ развилъ въ Крелевцѣ широкую издательскую дѣятельность на польскомъ языкѣ въ духѣ лютеранства, вызвавъ сюда Яна Себюціана, Трепку, Марг. Квятковскаго и др. ²⁾.

Что школа и книга были главными орудіями распространенія въ польско-литовскомъ государствѣ реформаціонныхъ идей, это видно, между прочимъ, изъ того, что католическое духовенство и польское правительство въ своихъ усиліяхъ парализовать развитіе протестантства, обрушиваются прежде всего на нихъ. Такъ, уже въ 1525 г. виленскій епископъ Янъ издалъ синодальное постановленіе, которымъ рѣшительно запрещалъ принимать въ школы діоцеза учителей, приходящихъ изъ нѣмецкихъ земель ³⁾. Этотъ декретъ важенъ и потому, что ясно показываетъ, какъ скоро идеи Лютера проникли въ зап. Россію. Въ 1535 и 1542 гг. король Сигизмундъ I велѣлъ опубликовать по цѣлой Литвѣ эдикты противъ еретиковъ, грозившіе за отступничество отъ католичества конфискаціей имущества, и одновременно (въ 1541 г.) запретилъ посѣщеніе еретическихъ заграничныхъ школъ. Впрочемъ, чрезъ два года это запрещеніе было отмѣнено, не дозволено было только привозить изъ-за границы протестантскія сочиненія и книги ⁴⁾.

---

¹⁾ Не должно однако преувеличивать вліянія на западнорусское общество виттенбергскаго университета. Онъ сталъ особенно славенъ, когда въ числѣ его профессоровъ оказался Меланхтонъ. Но изъ русскихъ (*ruthenus*) мы только подъ 1537 г. встрѣчаемъ пять человѣкъ, въ 1553 г. четырехъ, да въ 1539 г. четырехъ поляковъ изъ Россіи и въ 1541 г.—одного литовца. Поляковъ не изъ Россіи было гораздо больше, но и они, даже въ періодъ наибольшаго наплыва въ Виттенбергъ (50-ые годы), въ общей массѣ поступавшихъ въ университетъ студентовъ составляли 1%—1½% (*Album academiae Vittembergensis ab an. Chr. 1502 usque ad 1560. Ed. Foerstemann; 1841*).—Въ Лейпцигѣ въ первую половину XVI в. учились представители литовскихъ дворянскихъ родовъ—Гедройцевъ, Сапѣговъ, Ходкевичей, Головчинскихъ, Кишекъ и др. (*Bukow.*, I, 335, прим. 3).

²⁾ *Любовичъ*, Альбрехтъ, герцогъ Пруссій, и реформація въ Польшѣ (*Ж. М. Н. Пр.*, 1885, авг., 176 et sqq.). *Bukowski*, I, 336. 337.

³⁾ *Adamowicz*, 8. *Bukowski*, I, 335, прим. 3.

⁴⁾ *Kojatowicz*, *Miscellanea*, 62. *Rostowski*, 3. *Daniłowicz*, *Scarbic*, II, 313, 314. *Bukowski*, I, 340, 342, 343.

Но ни декреты короля, ни мѣры католической іерархіи, въ родѣ постановленія ловичскаго синода 1556 г. о закрытіи протестантскихъ училищъ и о запрещеніи молодымъ людямъ поѣздовъ за границу съ образовательными цѣлями ¹⁾, не могли затормозить распространеніе протестантизма, тѣмъ болѣе, что оно нашло себѣ покровителя въ лицѣ кор. Сигизмунда Августа (1548—1572).

Объ отношеніяхъ Сигизмунда II въ иновѣрцамъ славянскій переводъ хроникъ Павла Пясецкаго, перемышльскаго латинскаго епископа, такъ выражается. Король „межь руками иноземцевъ воспитанъ, книмъ и ихъ намѣреніи былъ склоннѣйшій, и волнѣйшее закону житіе живя, въ почитаніи католицкаго благочестія слабѣе, а сіе что склоннѣйши былъ къ наукамъ любоиспытательнымъ: въ нихъ упражняшеса радѣніемъ нѣмцевъ еретиковъ, которые пріятствомъ королевскимъ безопасны, свободнѣе беззаконія свои разглашали“ ²⁾. Дѣйствительно, онъ былъ очень расположенъ къ дѣятелямъ реформаціи и подъ ихъ вліяніемъ сталъ задумываться надъ реорганизаціей польской церкви ³⁾. Выдающіеся протестанты Европы и Польши не только посвящали ему свои литературные труды и писали ему письма, но и находили пріютъ въ его дворцѣ (напр. Дискордія) ⁴⁾. Насколько поведеніе Сигизмунда Августа было предосудительно съ католической точки зрѣнія, видно изъ обвинительнаго акта противъ него, состоящаго изъ 17 пунктовъ и посланнаго въ Римъ папскимъ нунціемъ Бернардомъ Бонжіованни ⁵⁾.

Та сравнительная свобода, которою пользовались литовскіе протестанты, пока Сигизмундъ Августъ былъ только великимъ княземъ литовскимъ, съ переходомъ къ нему польской короны должна была распространиться и на польскихъ проповѣдниковъ новыхъ идей; къ его царствованію и должно относить начало и быстрый ростъ ихъ въ Польшѣ и ея русскихъ областяхъ,—въ Галиціи, перемышльскаго землѣ, Подолии ⁶⁾. Нельзя при этомъ пройти молчаніемъ еще одного частнаго событія, совпавшаго съ началомъ новаго царствованія и тоже немало повредившаго католичеству. Студенты и ученики краковскихъ университета и школъ, въ количествѣ 6670 человекъ, не удовлетворенные королемъ и епископомъ въ своемъ желаніи наказать убійцъ нѣсколькихъ

---

¹⁾ Constitutiones synodorum metropolitanae Eccles. Gnesn. provinc. (1630), p. 262. Въ 1568 г. Сигизмундъ II, дѣйствительно, закрылъ лютеранскую школу въ Познань, по просьбѣ тамошняго епископа (Проф Карѣвъ, Реформація и католическая реакція въ Польшѣ,—Вѣстн. Евр., 1885, X, 443).

²⁾ Церк.-сл. и рус. рукоп. Имп. публ. библ. F, IV, № 163, л. 67. Ср. свидѣтельство Липпомани, папскаго нунція (*Bobrowicz, Zbiór pamiętników o dawnej Polsce*, IV, 67).

³⁾ Сигизмундъ II, какъ извѣстно, посылалъ Лизманини въ зап. Европу, между прочимъ, съ цѣлью ближайшаго ознакомленія съ устройствомъ и обрядами реформированныхъ церквей (*Любовичъ, Ист. реформ. въ Польшѣ*, 157, 159).

⁴⁾ *Acta historica res gestas Poloniae illustrantia*, I, p. 443.

⁵⁾ *Relacye nuncyuszów apostolskich*, I, 95, 96: *Objectiones contra Sigismundum Augustum regem Poloniae*. Бонжіованни былъ нунціемъ въ Польшѣ въ 1560—1563 гг.

⁶⁾ *Карѣвъ, Вѣстн. Евр.*, 1885, IX, 40. 41. *Любовичъ, Исторія реформаціи въ Польшѣ*, 73—80.

своихъ товарищей, порѣшили оставить городъ и, за исключеніемъ немногихъ, которыхъ убѣдили остаться, ушли изъ Кракова, причемъ большая часть ихъ отправилась для продолженія образованія въ Германію, Пруссію, Чехію, гдѣ должна была, конечно, заразиться протестантскими ученіями и разнести ихъ потомъ по всѣмъ областямъ польско-литовскаго государства ¹⁾).

Изъ различныхъ протестантскихъ исповѣданій, нашедшихъ себѣ пріютъ въ западной Россіи, лютеранство пользовалось наименьшимъ сочувствіемъ. Кромѣ нѣмцевъ да мѣщанъ нѣкоторыхъ городовъ, имъ почти никто не увлекался ни изъ простаго народа, ни изъ шляхты. И если иногда магнаты фундавали лютеранскіе храмы, то въ этомъ нельзя не усматривать желанія секуляризовать костельное имущество ²⁾). Сообщенія историковъ о чрезвычайныхъ успѣхахъ реформачіи въ литовско-русскихъ земляхъ въ срединѣ XVI ст. главнымъ образомъ должны быть относимы къ кальвинству. Принятое могущественнѣйшею фамиліею Радивилловъ, оно въ ревности этихъ адептовъ своихъ получило самое благопріятное условіе для своего развитія. Просвѣщенные Радивиллы содѣйствовали этому открытіемъ зборовъ, школъ и типографій въ своихъ многочисленныхъ имѣніяхъ и привлеченіемъ на свою сторону шляхты силою своего политическаго вліянія. Но и въ самомъ себѣ кальвинство заключало много привлекательнаго для литовско-русской аристократіи, если его стали исповѣдывать Кишки, Ходкевичи, Глѣбовичи, Сапѣги, Завиши, Вишневецкіе, Войны, Пацы, Абрамовичи, Воловичи, Огинскіе, Зѣновичи, Пронскіе, Нарушевичи, Дорогостайскіе, Пузины, Горскіе, Грушевскіе и др. Конечно, всѣ эти фамиліи способствовали успѣхамъ его, заводя у себя зборы. Уже въ 1557 г. на виленскомъ кальвинскомъ синодѣ присутствовало нѣсколько десятковъ пасторовъ ³⁾).

Но свой успѣхъ кальвинство очень скоро должно было раздѣлить съ ученіемъ, которое, являясь естественнымъ плодомъ протестантскаго рационализма, въ то-же время приближалось къ одной изъ древнихъ ересей. Мы говоримъ о соцініанствѣ, называвшемся иногда новымъ аріанствомъ за его отрицаніе троичности лицъ въ Богѣ и божественности Іисуса Христа. Польскій антиринитаризмъ получилъ имя соцініанства лишь со временъ Фауста Социна, прибывшаго въ Польшу въ 1579 г., но онъ сдѣлался извѣстенъ здѣсь еще съ середины XVI ст., съ тѣхъ поръ, какъ сюда стали являться изъ зап. Европы вольнодумцы, въ родѣ Духа (Spiritus), Лелія Социна, Станкара, и колебать догматъ троичности. Противъ послѣдняго уже въ 1556 г. открыто выступилъ Петръ Гонезій, а чрезъ десять лѣтъ секта антиринитаріевъ имѣла въ Малой Польшѣ опредѣленное устройство, свои храмы, училища, типографіи, свою литературу и управлялась соборами. Средоточіемъ ихъ былъ г. Пинчовъ, а затѣмъ Краковъ ⁴⁾). Для этого ученія не было препятствій

¹⁾ Acta historica res gestas Poloniae illustrantia, I, №№ 827. 829. 830. Bukowski, I, 230—235.

²⁾ Łukasz., Dzieje kościołów wuzn. Helw. w Litwie, I, 17, прим.

³⁾ Łukasz., o. et l. c.

⁴⁾ Sandius, Bibliotheca anti—trinitariorum, 210. 211. Krasinski, 140. Будримъ, II, 231 et sq.; 288. 289. Любовичъ, Начало катол. реакціи..., 106.

проникнуть скоро и въ русскія области государства, благодаря посредству жмудскаго старосты Яна Кишки, сдѣлавшаго для соцініанства столько же, сколько Радивиллы для кальвинства ¹⁾. Западная Русь была открыта для антитринитаризма и съ другой стороны, съ которой его всего меньше можно было ожидать, именно изъ восточной Россіи, откуда въ 1552 г. вышли чернцы Θεодосій (Косоѣ), Игнатій и Θома ²⁾. Совокупныя усилія двухъ видовъ раціонализма, итальянскаго и московскаго, произвели въ рядахъ православной церкви не меньшія опустошенія, чѣмъ кальвинская пропаганда—въ церкви католической. Соцініанствомъ увлекались даже простолудины, что легко объяснить самымъ свойствомъ раціонализма, сочувствовать которому можно людямъ и безъ высокихъ умственныхъ дарованій и развитія, но съ слабостью нравственныхъ требованій ³⁾. „Аріанство“ сдѣлало особенно большіе успѣхи въ новгородскомъ и брестскомъ повѣтахъ, а на Волыни въ началѣ XVII ст. пропагандировалось такъ настойчиво, что даже католическое духовенство стало привлекать соцініанскихъ министровъ къ суду за „проповѣдане и россиване науки и секты арианской и привожене и наворочене людей хрестіанскихъ, такъ з релиеи егрецкое, яко и католицъкое на секту арианскую“ ⁴⁾.

Быстрое распространеніе въ польско-литовскомъ государствѣ протестантскихъ ученій всѣхъ видовъ, начиная съ лютеранства и кончая самыми крайними фракціями антитринитаризма, обуславливалось съ одной стороны, нестроеніями въ церквяхъ католической и православной, невѣжественностью и крайней деморализаціей представителей той и другой, политической свободой и даже распушенностью высшихъ классовъ населенія, что все подготовило для нихъ очень благопріятную почву. Съ другой стороны, пропагандисты новыхъ ученій не лѣнились сѣять щедрой рукой сѣмена ересей, избравъ самыя дѣйствительныя для того средства: публичную проповѣдь, типографіи, училища. И кто знаетъ, быть можетъ, вѣроисповѣдная карта Россіи представляла бы теперь совсѣмъ иной видъ, если бы католичество не выставило противъ нихъ искусныхъ и опытныхъ борцовъ въ лицѣ іезуитовъ, а православная церковь не противопоставила ихъ дѣятельности—ревности по вѣрѣ своихъ братствъ и, добавимъ, если бы тому и другой не помогли сами протестанты междоусобіями и пререканіями въ своей средѣ.

¹⁾ Яномъ Кишкой устроено было три соцініанскихъ типографіи: въ Лозкахъ (опшмян. пов.), въ Заславѣ (минскаго пов.) и Любчѣ (новгород. пов.). Цѣлмй рядъ школъ, открытыхъ Кишкой, подчиненъ былъ завѣдыванію особаго ректора. Таковъ, напр., ректоръ Іоаннъ Лициній, упоминающійся подъ 1592 годомъ, — *Johannes Licinius Namyslowiensis Silesius, Rector scholarum Dn. Kiszkae castellani Vlnensis etc. et Pastor Novogrodensis in Lithuania* (*Sandius*, p. 94).

²⁾ *Regentwolscius*, p. 262. 263. Прэф. Малышевскій предполагаетъ, что Θома Венгерскаго есть Вассіанъ, бѣгство котораго изъ Москвы удостовѣряется «сказаніемъ» при посланіи Зиновія Отенскаго (Тр. Киев. д. ак., 1876, II, 522—529). Впрочемъ, г. Калугинъ думаетъ, что этотъ Θома—мѣстный протестантъ («Зиновій инокъ отенскій», 1894 г. Спб., 14).

³⁾ Московскій же выгодець, старецъ Артемій писалъ, что «и мнози отъ простыхъ послѣдуютъ злыхъ ученій нечистотамъ, въ нихже путь истинный похуленъ есть» (П. П. Л., I, столб. 1269).

⁴⁾ *Kołatowicz, Miscellanea*, p. 72. Арх. Юго-западной Россіи, I, VI, № 234.

Дробленіе протестантства на секты—явленіе, органически связанное съ самой его сущностью: гдѣ высшимъ авторитетомъ оказывается разумъ человѣческій, тамъ всякому вольно думать и по вопросамъ вѣры, какъ ему заблагоразсудится. А въ Польшѣ въ XVI в. сектантамъ тѣмъ легче было дробиться на самыя мелкія группы, что это не представляло для нихъ никакой опасности: сюда могъ свободно явиться представитель самыхъ крайнихъ раціоналистическихъ воззрѣній, не терпимый нигдѣ въ Европѣ, и, живя подъ крыломъ какаго-нибудь вельможи или даже простого шляхтича, проповѣдывать свое собственное ученіе, вербуя адептовъ его ¹⁾. И хотя иногда на сеймахъ (напр., парчовскомъ 1564 г.) заходила рѣчь объ изгнаніи изъ государства всѣхъ пропагандистовъ реформы и король, дѣйствительно, издалъ два эдикта въ этомъ родѣ ²⁾, они почти всѣ продолжали оставаться въ государствѣ и взаимными пререканіями, обезсилившими другъ друга, доказывали мудрость политики Гозія и Коммендоне, которые проводили предъ парчовскимъ сеймомъ и послѣ него ту мысль, что если нельзя изгнать изъ Польши всѣхъ еретиковъ, то надлежитъ всѣхъ ихъ оставить ³⁾. На какія мелкія группы должны были раздѣлиться протестанты, видно изъ того, что въ одной Вильнѣ венеціанскій посоль Петръ Дуодо насчиталъ въ 1592 г. 72 секты ⁴⁾. Очевидно, протестанты отдѣлялись другъ отъ друга по самымъ неважнымъ пунктамъ ученія и не были способны поступиться особенностями своихъ доктринъ даже въ виду общихъ враговъ. Правда, они не разъ подумывали о необходимости сплотиться въ одно цѣлое, и на соборѣ въ Сандомирѣ кальвинисты, лютеране и чешскіе братья пришли было къ религіозному соглашенію, но послѣднее не имѣло прочной основы, такъ какъ выходило изъ политическихъ видовъ болѣе, чѣмъ изъ стремленія къ догматическому объединенію различныхъ исповѣданій. Потому-то, вѣроятно, и не былъ осуществленъ планъ учрежденія высшей школы, общей для всѣхъ согласившихся исповѣданій. На устройство ея патроны обѣщали на петроковскомъ съѣздѣ дать по одному флорину съ каждаго подданнаго (канонъ 8). Спустя пять лѣтъ владиславскій синодъ (1583), напомнивъ патронамъ объ ихъ обѣщаніи и о необходимости для церкви такой школы, грозилъ небрегущимъ объ этомъ дѣлѣ церковной эпитиміей (*disciplina ecclesiastica*) отъ министровъ (кан. 10). Торнская же конфедерация 1595 г. опредѣлила даже порядокъ сбора, хранения и распоряженія деньгами, позволивъ остатки отъ собранной и умноженной

¹⁾ «Въ Польшѣ не одна ересь, а всѣ, писалъ въ 1568 г. папскій пунцій Юлія Руджіери,—всѣ сектанты сошлись здѣсь и отстроили вавилонскую башню. Тѣ, кто были изгнаны за свои новшества не только изъ Италіи, но и изъ нѣмецкихъ земель, даже изъ самой Женевы, находятъ пріютъ въ этомъ королевствѣ, какъ въ своемъ послѣднемъ убѣжищѣ» (*Relacye pascyuszow apost.*, I, 186).

²⁾ *Albertrandi*, *Pamiętniki o dawnej Polsce*, I, 185. 188.

³⁾ *П. Жуковичъ*, Кардиналъ Гозій, 317. 328. 329. *Любовичъ*, Начало католической реакціи въ Польшѣ, 53—55. 146—148.

⁴⁾ *Bobrowicz*, *Zbiór pamiętników o dawnej Polsce*, IV, 71. Спустя 30 лѣтъ папскій пунцій Торресъ находилъ въ той же Вильнѣ до 60 различныхъ сектъ (*Relacye pascyuszow apostol.*, II, 143).

процентами суммы употреблять на частныя школы, не обеспеченныя мѣстными источниками доходовъ, причемъ поручила сеніорамъ и министрамъ располагать къ складчинѣ на училище и не бывшихъ въ Торнѣ владѣльцевъ ¹⁾). Проектированная школа не была учреждена, благодаря между прочимъ небрежности патроновъ. Но кромѣ того дѣлу соглашенія и внутренняго укрѣпленія протестантовъ много повредило социніанство. Социніане дискредитировали реформацію въ зап. Россіи уже самымъ фактомъ своего существованія,—крайностями своего ученія, холодно-разсудочнымъ отношеніемъ къ Свящ. Писанію, на которое они смотрѣли, какъ на простой литературный памятникъ; отказомъ же отъ государственной службы они возбудили въ обществѣ недоувѣріе и нерасположеніе вообще къ протестантству ²⁾). Социніане пытались, правда, уничтожить распри въ своей средѣ, примкнуть къ сандомирскому соглашенію, но послѣ того, какъ оказалось, что они не могутъ отказаться отъ своихъ догматическихъ принциповъ, и протестанты ихъ отвергли,—антитринитаріи стали дѣйствовать отдѣльно отъ прочихъ протестантовъ и вопреки имъ. Они пропагандировали свое ученіе какъ среди католиковъ и православныхъ, такъ и между протестантами, пользуясь для этого не только школой, но и средствами довольно неблаговидными, въ родѣ изданія кальвинскихъ богослужебныхъ книгъ съ своими прибавленіями, фальсификаціи ихъ катихизисовъ и сборниковъ духовныхъ пѣсень въ духѣ своего исповѣданія и т. п. ³⁾). И уже въ концѣ XVI ст. послѣдователямъ сандомирскаго соглашенія приходилось принимать мѣры противъ социніанской пропаганды. Такъ, торнская конфедерація не только запретила братьямъ принимать къ себѣ на домъ и читать „аріанскія“ книги, но и учить своихъ дѣтей въ социніанскихъ школахъ. „Кто вопреки постановленіямъ предшествующихъ синодовъ посылаетъ своихъ сыновей въ школы и академіи аріанскія или инныя, гдѣ не преподается чистое ученіе евангелія, въ королевствѣ или внѣ его, да лишается вечера Господней и церковнаго общенія. И если кто нынѣ имѣетъ дѣтей въ этихъ школахъ, пусть возьметъ оттуда въ теченіе 12 недѣль отъ этого торнскаго синода, подъ угрозой того же наказанія“,—говоритъ 7 канонъ конфедераціи ⁴⁾). Но эти мѣры къ цѣли не приводили.

Западнорусскимъ протестантамъ, въ частности кальвинистамъ, не помогло и союзъ ихъ съ православными. Сближеніе это было вызвано общимъ ихъ желаніемъ противопоставить правительству и католичеству силу соединен-

¹⁾ *Jablonski*, *Historia consensus Sandomiriensis*. Berolini, 1731, pp. 212. 213. 217. 218. 233.

²⁾ *Krasinski*, 327. Среди социніанъ была партія людей съ крайними политическими воззрѣніями, отрицательно относившихся къ гражданскимъ должностямъ, къ судамъ, къ войнѣ и ношенію оружія, къ обладанію имуществомъ и т. п. Такихъ убѣжденных держались не только отдѣльныя личности, но и цѣлые соборы. Напр., соборъ 1605 г. требовалъ, чтобы жители областей, подвергавшихся нападеніямъ татаръ, не поднимали противъ нихъ оружія. Впрочемъ, вопросы этого рода служили предметомъ сильной литературной полемики среди самихъ социніанъ, и самъ Ф. Социнъ настаивалъ на необходимости безусловнаго повиновенія мірскимъ властямъ (*Sandius*, 43—45. 51. 55. *Krasinski*, 315).

³⁾ *Krasinski*, 212. 213. 320, прим. 1. *Łukasz*, *Dzieje... w Litwie*, I, 115, прим. 2; 169.

⁴⁾ *Jablonski*, *Historia consensus Sandomiriensis*, 230. 231.

наго диссидентства и совмѣстно защищать свои религіозныя и гражданскія права. Такимъ образомъ, оно имѣло характеръ политической уніи, съ каковымъ оно и явилось на торнской и виленской конфедераціяхъ (1595 и 1599 гг.); на послѣдней были назначены даже особые провизоры для защиты правъ протестантовъ и православныхъ отъ покушеній на нихъ со стороны католиковъ. Была при этомъ высказана мысль и о религіозной уніи и о заведеніи общихъ школъ въ повѣтахъ, но она, понятно, не могла быть принята православной церковью ¹⁾. Несмотря на все это, западно-русскимъ протестантамъ во все время правленія Сигизмунда III приходилось терпѣть немало неудачъ. Смерть нѣсколькихъ видныхъ ихъ сторонниковъ, ограниченіе правъ на занятіе государственныхъ и гражданскихъ должностей, нападенія католической черни на ихъ министровъ и проповѣдниковъ, полные разгромы зборовъ, типографій, училищъ (напр. въ Вильнѣ, Люблинѣ),—все это должно было страшно повредить имъ и подорвать ихъ значеніе въ странѣ; послѣднее не могло возстановиться и въ свободное сравнительно царствованіе Владислава IV ²⁾. Въ нѣсколько болѣе благопріятныхъ условіяхъ продолжало существовать соцініанство, но и ему скоро были нанесены два страшные удара: народное возстаніе 1648 г. и изгнаніе антитринитаріевъ изъ государства въ 1658—1660 гг. освободили отъ него западную Русь ³⁾.

Мы потому сочли нужнымъ такъ долго остановиться на судьбѣ и положеніи протестантовъ въ зап. Россіи, что съ ними была тѣсно связана и исторія ихъ школъ—и выясняющая эту судьбу, и сама ею выясняемая.

Протестантство, какъ религія по преимуществу разума, въ противоположность слѣпой часто вѣрѣ католичества, должно было обратить особенное вниманіе на размноженіе училищъ и возможно лучшую постановку ихъ. Протестанты, примкнувшіе къ гуманистамъ по своей любви къ наукѣ, къ просвѣщенію, тѣмъ болѣе должны были заботиться о хорошей организаціи школъ, что имъ приходилось еще завоевывать себѣ положеніе въ обществѣ и государствѣ. А школа была наилучшимъ средствомъ для пропаганды новыхъ идей. Сообразно съ этимъ и въ польско-литовскомъ государствѣ параллельно съ распространеніемъ протестантства шло размноженіе числа училищъ, и они раскинулись здѣсь цѣлой сѣтью, еще до прибытія іезуитовъ. И вообще пропаганда протестантами своихъ ученій носила по преимуществу характеръ просвѣтительный, въ отличіе отъ католической пропаганды, хотя бы во времена Ягеллы. Они тѣмъ и выиграли, что старались удовлетворить потребности въ просвѣщеніи и дали полное развитіе родному слову. Какъ широко смотрѣли польскіе

---

¹⁾ Łukasz., Dzieje... I, 117. 120. 123. 134. 137. 138.

²⁾ Какъ ослабѣло кальвинство въ зап. Россіи, видно изъ того хотя бы, что со времени Скарги до 1650 г. число реформы ованнихъ церквей въ Литвѣ сократилось въ пять разъ (Krasinski, 287. 288).

³⁾ Арх. Ю.—З. Р., I, VI, пред. 177—180.

протестанты на школы и образованіе, видно и изъ того факта, что они еще съ 1550 г. стали заводить даже женскія училища ¹⁾.

Но слѣдуетъ ограничить то общее почти утвержденіе, что протестанты какъ бы по самой идеѣ своей были ревнителями просвѣщенія и распространяли свое ученіе исключительно чрезъ школы и подобныя средства. Нужно отрѣшиться, прежде всего, отъ того взгляда, что они были вѣротерпимы и уважали чужія религіозныя убѣжденія. Нетерпимыми проявили себя первые реформаторы—Лютеръ, Кальвинъ; не были толерантными и западнорусскіе ихъ послѣдователи ²⁾. На крестьянина польско-русско-литовская шляхта и протестантскаго исповѣданія смотрѣла, какъ на существо, свободой и убѣжденіями котораго можетъ по своему желанію распорядиться его господинъ. Это она выработала на избирательномъ сеймѣ 1573 г. принципъ: „*cujus regio, ejus religio*“ ³⁾. Но если уже одинъ фактъ принадлежности пана къ протестантству давалъ ему право приневоливать къ послѣднему и своихъ подданныхъ, то зачѣмъ тутъ былъ нуженъ длинный путь школьнаго перевоспитанія ихъ религіознаго міровоззрѣнія? Малопольскіе, напр., протестанты обнаружили настолько небрежное отношеніе къ этому дѣлу, что ихъ подростающему поколѣнію сплошь и рядомъ приходилось учиться въ католическихъ школахъ даже въ срединѣ XVI ст.; не заботились они даже объ образованіи своего духовенства ⁴⁾. Такъ же туго подвигалось у нихъ дѣло изданія исповѣданія вѣры и Библии на народномъ языкѣ. И все это—въ цвѣтущую пору жизни ихъ общинъ ⁵⁾. Исторія литовско-русскихъ училищъ покажетъ, что и здѣсь просвѣщеніе протестантское было ниже пріобрѣтенной имъ славы. Если добавимъ, что польско-русскіе сторон-

---

¹⁾ *Макушевъ*, Слав. сборникъ, III, 58. Дочь одного лешненскаго министра и учителя—Анна Мемората, польская поэтесса, знала языки: польскій, нѣмецкій, латинскій и греческій (*Łukaszy*, Hist. szkół, I, 391. 392).

²⁾ Это констатировалъ и за это укорялъ протестантовъ, между прочимъ, извѣстный старецъ Артемій (П. И. Л., I, 1247—1250).

³⁾ Къ такому именно принципу сводится извѣстное ограниченіе смысла религіозной конфедерации 1573 г., гарантировавшей религіозную свободу польско-литовской шляхты,—ограниченіе, предоставлявшее панамъ власть надъ подданными *tam in spiritualibus quam in secularibus rebus* (*Картевъ*, Вѣсти. Евр., 1885, XI, 164. Впрочемъ, находятъ возможнымъ читать вмѣсто «*rebus*»—«*bonis*» и толковать смыслъ ограниченія совсѣмъ иначе. *Уманецъ*, Вырожденіе Польши, 284, прим. 1). Отсюда одинъ шагъ до проявленія нетерпимости и на дѣлѣ, и этимъ можно объяснить огромное количество «профанированныхъ» костеловъ. Ихъ на Литвѣ и на Руси насчитывалось въ 1595 г. до трехъ тысячъ, если вѣрить автору брошюры «*Proces confederatiey*», который упрекаетъ протестантовъ въ отсутствіи той терпимости, какой они добиваются для себя (*Maciejowski*, о. с., III, 48). О послѣднемъ свидѣтельствуютъ и папскіе нунціи Бернардъ Бонжіованни (1560) и Фувльвій Руджіери (1565 г.). Первый говоритъ, между прочимъ: «Кресь въ Польшѣ имѣетъ свое пребываніе не въ городахъ, не среди хлоповъ, но только между шляхтой, которая живетъ въ деревняхъ и принуждаетъ своихъ подданныхъ къ отреченію отъ религіи предковъ» (*Kełacze nunc. apost.*, I, 87; cf. 160).

⁴⁾ *Лобовицъ*, Исторія реформъ въ Польшѣ, 268. 295; Къ исторіи іезуитовъ въ литовско-русскихъ земляхъ, 4.

⁵⁾ *Картевъ*, Вѣсти. Евр., 1885, X, 451.

ники реформации не относились равнодушно къ школамъ другихъ исповѣданій и вредили имъ, гдѣ это было можно, то этимъ должны еще болѣе ограничить ихъ значеніе въ исторіи развитія просвѣщенія въ польско-литовскомъ государствѣ.

Перейдемъ теперь къ самымъ школамъ западнорусскихъ протестантовъ и прежде всего скажемъ о лютеранскихъ.

Лютеранскія школы. Первой по времени происхожденія лютеранской школой въ западной Россіи была виленская школа Кульвы. Авраамъ Кульва, родомъ литвинъ, пройдя курсъ наукъ въ Краковѣ, Виттенбергѣ и Сіенѣ (въ Итали), воротился въ 1538 г. со степенью доктора обоихъ правъ на родину и въ слѣдующемъ году открылъ въ Вильнѣ рядъ проповѣдей на нѣмецкомъ языкѣ и школу, вѣроятно, тайную, какъ догадывается Буковский. Сюда Кульва привлекъ много польскихъ и литовскихъ юношей, которые учились предъ тѣмъ вмѣстѣ съ нимъ въ Виттенбергѣ. Несмотря на свою краткую дѣятельность, онъ обучилъ въ ней 60 человекъ¹⁾. Прервана же она была католическимъ епископомъ Павломъ Ольшанскимъ, выхлопотавшимъ королевскій декретъ, подчинившій Кульву его суду. Избѣгая послѣдствій этого декрета, Кульва скрылся изъ Вильны. Въ 1543 г. Альбертъ прусскій сдѣлалъ его ректоромъ и профессоромъ греческаго языка въ королевскомъ архипедagogіонѣ, а въ слѣдующемъ году—профессоромъ университета по каедрѣ богословія. Но въ скоромъ времени Кульва удалился на родину, гдѣ и умеръ въ 1546 г.²⁾

Въ 1550 г. явился въ Вильну другой лютеранскій учитель—ксендзъ Янъ Винглеръ³⁾. Чтобы успѣшнѣе дѣйствовать среди жителей города, онъ удержалъ священническую одежду и съ позволенія духовной власти началъ проповѣдывать въ костелѣ св. Анны. Внушивъ публикѣ довѣріе, къ себѣ, онъ сталъ проводить лютеранскія мнѣнія, пока декретомъ еп. Павла не былъ лишенъ доступа въ костелы и общенія вѣрныхъ. Тогда Винглеръ перебрался на Нѣмецкую улицу и здѣсь, въ домѣ богатаго купца Морштина, устроилъ храмъ и положилъ основаніе школѣ (*jesuit fundamenta scholae luteranae*). По смерти своего покровителя Винглеръ бѣжалъ изъ Вильны, боясь за свою безопасность, и не безосновательно, такъ какъ еще при жизни Морштина была сдѣлана со стороны католиковъ попытка избить и проповѣдника и его слушателей⁴⁾. Дальнѣйшее

---

¹⁾ *Bukowski*, I, 311. 342. *Lukaszewicz*, *Dzieje...* w Litwie, II, 156 (здѣсь говорится о 50 только ученикахъ). Нарбуттъ передаетъ, что Кульва занялъ мѣсто учителя въ нѣмецкой школѣ, какъ будто такая уже до него существовала въ Вильнѣ (*Dzieje narodu Litewskiego*, IX, 468). Интересно знать поэтому, не былъ ли извѣстный Георгій изъ Эйпшишегъ лютеранинъ и не удалось ли ему открыть въ 1539 г. училище, несмотря на запрещеніе капитулы, какъ и предполагаетъ Адамовичъ (стр. 10)?

²⁾ *Fukasz*, о. с., I, 7. 8. *Bukowski*, I, 342.

³⁾ Иезуиты Кояловичъ (*Miscel.*, p. 64; *Historia Lithuaniae*, p. 428) и Ростовскій (p. 5) называютъ его Виклефомъ. Но уже Адамовичъ замѣтилъ, что они дали ему это имя изъ ненависти, для уподобленія англійскому реформатору, и что на самомъ дѣлѣ онъ назывался Wiglef или Wingler (p. 23). Что Винглеръ явился въ Вильну въ 1550, а не въ 1555 г., какъ говоритъ Кояловичъ,—доказываетъ на основаніи одной рукописи Нарбуттъ (*ibid.*, 469, прим.).

⁴⁾ *Miscel.*, 64, 65. *Rostowski*, 5. 6. *Narbutt*, IX, 469. 470.

упоминаніе о виленской лютеранской школѣ мы встрѣчаемъ подѣ 1619 г. — въ извѣстіи о диспутѣ ея учениковъ съ іезуитскими студентами ¹⁾. Въ 1633 г. 20 іюля и она сама, и лютеранская община получили отъ в. Владислава полныя права гражданства: виленскіе лютеране могли совершать богослуженіе на польскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, какъ было и до того, держать „министровъ зборовыхъ, мистровъ школьныхъ и убогихъ шпитальныхъ“, могли владѣть суммами, имѣніями, съ освобожденіемъ домовъ школьныхъ, зборовыхъ, шпитальныхъ и „цминтарныхъ“ (кладбищенскихъ) отъ постоевъ ²⁾. Благодаря этому привилею, лютеранская виленская община и ея школа почувствовали себя настолько твердо, что очень скоро нашли возможнымъ и необходимымъ регулированіе всѣхъ сторонъ своей жизни. Отъ 1648 г. въ архивѣ виленской лютеранской кирхи сохранилась „Księga statutow kollegium kosciola Ewangelickiego... takoz porządki dla duchowienstwa, nauczycielow szkoly“ etc. (отд. I, № 5). Содержаніе школьнаго устава нами будетъ изложено ниже, здѣсь же мы должны сказать, что у виленской лютер. общины въ первой половинѣ XVII в. существовала наряду съ мужской школой и женская, въ которой вмѣстѣ съ учителемъ занималась и его жена (если онъ былъ женатъ. Carut V. Von der Mägdchen Schule).

Наконецъ, если дѣйствительно тѣ школы съ нѣмецкимъ преподавательскимъ языкомъ, которыя, кромѣ Вильны находились, по словамъ Нарбутта, въ Ковнѣ, Меречи и Витебскѣ, были протестантскими, какъ увѣряетъ Ярошевичъ ³⁾, а не католическими, то ихъ скорѣе нужно причесть къ лютеранскимъ, чѣмъ къ кальвинскимъ, судя по тому, что въ этихъ городахъ преобладало лютеранское исповѣданіе.

Кальвинскія школы. Мы уже сказали, что принятіе кальвинства Радивиллами дало въ Литвѣ перевѣсъ этой формѣ протестантства. Просвѣщенный Николай Радивиллъ Черный употреблялъ всѣ средства къ пропагандѣ кальвинскихъ идей и особенно—школьное образованіе. Съ этой цѣлью онъ высылалъ молодыхъ людей въ заграничныя университеты, гдѣ учредилъ нѣсколько стипендій ⁴⁾, и устроилъ нѣсколько училищъ въ своихъ имѣніяхъ. Но въ самой Вильнѣ, пока средоточнымъ пунктомъ кальвинской общины были Лукншки, предмѣстье города, едва ли была школа, и только съ перенесеніемъ его въ домъ, доставшійся Радивиллу по смерти Гаштольда (на углу Большой и Ивановской улицъ, гдѣ нынѣ зданіе почты), явилась возможность открыть вмѣстѣ съ зборомъ и училище. Оно на первыхъ порахъ пользовалось очень большимъ успѣ-

¹⁾ *Rostowski*, 273: «Vilnae e schola Luteranica Marcipori, petulci Juvenes»... Крашевскій называетъ ея школой Марципора, который, вѣроятно, былъ ея ректоромъ (Wilno, II, 428). Въ древнѣйшей дошедшей до насъ приходо-расходной книгѣ лютеранской кирхи подѣ 1619 г. записанъ расходъ въ нѣсколько талеровъ на студентовъ королевскаго университета, обучавшихся, повидимому, раньше въ виленской школѣ (Арх. вил. лютер. кирхи, отд. III, № 1).

²⁾ Арх. сб., III, № 63.

³⁾ *Narbutt*, IX, 480. *Iaroszewicz*, III, 80.

⁴⁾ Ярошевичъ указываетъ слѣдующіе университеты со стипендіями имени Радивилла: королевскій, марбургскій, лейденскій (?—w Leidzie) и оксфордскій (III, 34).

хомъ, будучи усердно посѣщаемо дѣтьми знати. Но скоро, именно въ 1565 г., виленская школа по причинѣ недостатка хорошихъ преподавателей, стала падать, и въ ней въ 1568 году насчитывалось не больше десяти учениковъ. Этого было слишкомъ мало для мѣстныхъ кальвинистовъ и они рѣшили придать ей характеръ публичной коллегии, для чего собрали значительную сумму денегъ и поручили Бландратъ пригласить изъ-за границы необходимыхъ для того людей. Но призывъ въ Вильну іезуитовъ и несочувствіе короля и католическихъ вельможъ замыслу протестантовъ разстроили ихъ планы ¹⁾. Мало того. Іезуитамъ скоро посчастливилось избавиться отъ слишкомъ близкаго и потому не совсемъ удобнаго сосѣдства съ кальвинской „синагогой“. Изъ четырехъ сыновей Николая Радивилла Чернаго, возвратившихся послѣ его смерти въ католичество, младшій—Юрій принялъ духовный санъ, и въ 1574 г. поставленъ былъ вопросомъ объ его кандидатурѣ въ виленскіе коадьюторы. Этимъ поводомъ воспользовался папскій нунцій (Wincenty Lancus) и поставилъ условіемъ для полученія имъ этого званія уничтоженіе кальвинскаго храма въ Вильнѣ, находя совершеннымъ абсурдомъ, чтобы католическій епископъ терпѣлъ въ своемъ домѣ и притомъ рядомъ съ церковью Божіей—еретическій зборъ. Братья непрочъ были покончить со всѣми кальвинскими учрежденіями въ своихъ помѣстьяхъ, но, боясь своего дяди, виленскаго воеводы Николая Радивилла Рыжаго, дѣлали это исподволь, постепенно замѣняя кальвинскихъ пасторовъ католическими капланами. Не рѣшались они изгнать кальвинистовъ и изъ Гаштольдскаго дома въ Вильнѣ. Впрочемъ, старшій изъ нихъ, Николай Христофоръ надѣялся, что дядя не будетъ противъ этого, такъ какъ онъ благопріятствовалъ полученію Юріемъ епископства. Прося дядю удалить отсюда кальвинистовъ, Николай Христофоръ ставилъ на видъ, что чѣмъ высшаго достоинства достигнетъ Юрій, тѣмъ лучше будетъ и самому виленскому воеводѣ ²⁾. Тѣмъ не менѣе, освобожденіе Гаштольдскаго дома отъ кальвинскихъ збора и училища совершилось не сразу. Въ 1576 г. Николай Радивиллъ Рыжій купилъ у Евстафія Горностая, новгородскаго воеводича, плацъ близъ цокровской церкви и, построивъ на немъ домъ, подарилъ его 20 марта 1577 г. своимъ единовѣрцамъ для устройства на немъ храма и, конечно, школы ³⁾. Однако, послѣднее не обошлось безъ препятствій со стороны католиковъ. Едва только стало имъ извѣстно содержаніе дарственной записи Радивилла, какъ епископъ Валеріанъ послалъ королю жалобу на то, что кальвинисты посягаютъ будто бы на права латинской церкви въ государствѣ. Въ

---

¹⁾ *Łukasz.*, Hist. szkół, I, 120, прим. 1. *Kojałowicz*, Miscell., 66. 67. 69. *Rostowski*, 32. Бландрата—одинъ изъ выдающихся дѣателей реформы въ польско-литовскомъ государствѣ; впоследствии онъ проповѣдывалъ антиринитаризмъ.

²⁾ *Archiwum domu Radziwiłłów* (Scriptores rerum polon., VIII), № 2: Письмо Н. Хр. Радивилла къ еп. Протасевичу, отъ 16 іюня 1574 г., и требованія папскаго легата, обусловливавшія коадьюторство Юрія Радивилла, п. 4. Рук. Им. публ. библ. Пол. F. IV. 185: Письмо его же къ дядѣ, отъ 17 сент. 1574 г. (копія).

³⁾ А. В. А. К., XX, №№ 27. 23. На этомъ мѣстѣ теперь находится зданіе конвикта—общегитія для учениковъ гимназій и реального училища.

отвѣтъ на нее Стефанъ Баторій написалъ виленскому старостѣ Николаю Радивиллу письмо такого содержанія: узнали мы, что въ Вильнѣ куплены нѣкоторые дома, съ цѣлю открытія въ нихъ новыхъ школъ, что воздвигаются новые храмы и учреждаются чуждыя и неустановленныя общества (*caetus*), каковыя дѣйствія противорѣчатъ не только юрисдикціи виленскаго епископа, которому принадлежитъ забота о храмахъ и школахъ, но еще больше нашей королевской власти, безъ согласія которой не могутъ ни строиться новые храмы и училища, ни созываться небывалыя прежде собранія; а потому мы настоящимъ мандатомъ запрещаемъ всѣмъ, какого бы кто ни былъ достоинства и званія, строить или пытаться строить публично и приватно новые дворы для школъ и собраній или новые зборы, подъ угрозой штрафа въ 10 тысячъ коп. лит. грошей ¹⁾. Но съ этимъ мандатомъ стало то же, что и съ другими декретами польскихъ королей, принужденныхъ лавировать между желаніемъ поддержать католическую церковь и боязнью протестантовъ: онъ не помѣшалъ виленскимъ кальвинистамъ устроиться на новомъ мѣстѣ, тѣмъ болѣе, что чрезъ два года Радивиллъ Рыжій получилъ королевскую подтвердительную грамоту на продажу имъ Горностаевского двора ²⁾.

Съ перенесеніемъ кальвинской школы въ новое помѣщеніе, сопровождавшимся, надо полагать, и нѣкоторымъ улучшеніемъ учебной части, дѣла ея настолько поправились, что она могла конкурировать даже съ іезуитской гимназіей, пова послѣдняя не была возведена на степень академіи, и притягивала къ себѣ чуть ли не всю городскую молодежь ³⁾. Кальвинисты поняли, что успѣхъ ея еще болѣе увеличится, если она будетъ превращена въ университетъ. Необходимость послѣдняго стала особенно сильно ощущаться ими съ тѣхъ поръ, какъ обнаружилась опасность для вѣры отъ высшаго іезуитскаго образованія, которое ихъ молодежь могла получать въ виленской академіи. Съ другой стороны, протестантамъ съ 1579 г. былъ закрытъ доступъ къ ученымъ степенямъ въ краковскомъ университетѣ, такъ какъ тамъ стали требовать отъ ищущихъ ихъ исповѣданія католической вѣры ⁴⁾. Возможно потому, что уже въ 1579 г. литовскіе кальвинисты имѣли проектъ преобразованія своего училища въ университетъ, почему такъ горячо и противились желанію епископа и іезуитовъ сдѣлать виленскую коллегію академическою ⁵⁾. Во всякомъ

¹⁾ А. В. А. К., VIII, № 1.

²⁾ *Prawa i wolności dysydentów w nabożeństwie chrześcijańskim w Koronie Polskiej i W. X. Litewskim służące*. W Warszawie, 1791, str. 35—37. Арх. сб., III, № 29. Новымъ привилеемъ король позволилъ продать плацъ «лютеранамъ для постройки на немъ збора». Если это не ошибка, такъ какъ то фактъ, что плацъ былъ проданъ или подаренъ кальвинистамъ, то нельзя ли думать, что онъ отводился подъ общій зборъ кальвинистовъ и лютеранъ, которые не такъ давно (въ 1570 г.) пришли въ Сандомиръ къ нѣкоторому соглашенію? За это предположеніе говоритъ и то, что королевскимъ привилеемъ 20 іюля 1633 г., даннымъ диссидентамъ и особенно обывателямъ Вильны, которые суть «аугсбургскаго исповѣданія и его апологіи и соглашенія сандомирскаго», въ Вильнѣ утверждался одинъ только «зборъ ихъ, по привилею короля Стефана, лежащій на переулкѣ (na zaułku), идущемъ отъ Замковой улицы» (*ibid.*, str. 57—60).

³⁾ *Litterae annuae S. J. 1586—1587*, p. 135. *Rostowski*, 158.

⁴⁾ *Theiner. Annales ecclesiastici*, III, 1579 г., № 56, p. 66.

⁵⁾ *Adamowicz*, 17.

случаѣ ихъ попытка 1588 г. была не первой, хотя и она оказалась столь же неудачной, какъ и нѣсколько предыдущихъ. Въ этотъ разъ вопросъ о кальвинской академіи собралъ въ Вильну до 60 министровъ не только изъ Литвы, но и изъ Польши. Они выработали ея программу, выбрали для нея мѣсто и, рѣшивъ уже собрать деньги и пригласить ученыхъ людей изъ Польши, Ляты и нѣмецкихъ земель, послали къ королю за разрѣшеніемъ. Но теперь іезуиты обратили ихъ замыселъ въ ничто, найдя за себя холатаевъ предъ новымъ королемъ въ лицѣ Юрія Радивилла и папскаго нунція Аннибала изъ Капуи. Въ горячемъ посланіи къ королю Сигизмунду III Радивиллъ просилъ его запретить еретикамъ воздвигать въ Вильнѣ академію или университетъ, ибо невозможно, писалъ онъ, чтобы въ одномъ городѣ находилось два университета даже одного исповѣданія, такъ какъ это повело бы къ нарушенію общественнаго спокойствія; тѣмъ менѣе можно ожидать добра, если въ Вильнѣ откроется академія сатаны напротивъ академіи Иисуса: и до того, когда протестантская школа была низшей, не всегда удавалось сохранять миръ. „Самъ демонъ, продолжалъ раздраженный епископъ, ничего не могъ бы придумать болѣе удобнаго для возмущенія общественнаго мира, политическаго и церковнаго, и для возбужденія безпорядковъ, какъ эти люди, побуждаемые злымъ духомъ“. Сигизмунду III нетрудно было согласиться съ доводами Радивилла, и онъ въ письмахъ къ нему и къ виленскому воеводѣ запретилъ кальвинистамъ даже думать о высшей школѣ. Приказывая послѣднему воспрепятствовать založeniu „еретической коллегии“, король желалъ знать, „каковы будутъ послѣдствія этого дѣла“ ¹⁾. Не знаемъ, что донесъ ему воевода, но можемъ думать, что попытка кальвинистовъ не прошла совершенно безслѣдно для ихъ училища, — хотя оно не получило названія академіи, но во всякомъ случаѣ должно было подняться еще на одну ступень и стать выше всѣхъ другихъ протестантскихъ училищъ западной Россіи. Сюда ѣздили дѣти не только литовскихъ протестантовъ, даже аристократовъ, но и изъ Польши, Королевской Пруссіи, Инфлянтовъ, Курляндіи. Состояло оно въ это время изъ пяти классовъ ²⁾ и по программѣ соответствовало, вѣроятно, іезуитской гимназіи. Есть основаніе думать, что оно раздавало и ученые степени, по гуманитарнымъ, конечно, наукамъ ³⁾. Но и этого казалось мало, и на торнской конфедераціи протестанты опять дѣлаютъ постановленіе объ открытіи въ срединѣ государства высшей школы ⁴⁾. Это представлялось тѣмъ болѣе необходимымъ, что стали обнаруживаться симптомы упадка виленской гимназіи, которая въ послѣднее десятилѣтіе XVI в. не разъ подвергалась опасностямъ со стороны

---

¹⁾ *Theiner, Vetera monumenta Poloniae et Lithvaniae*, III, № 39. *Łukaszewicz, Dzieje kościołów wyzn. Helw. w Litwie*, I, 62. 63.

²⁾ *Łukasz.*, *Hist. szkół*, I, 375.

³⁾ Ростовскій рассказываетъ подъ 1590 г. о Ник. Ленчицкомъ, сынѣ известнаго виленскаго типографа, воспитаникѣ кальвинской школы, что онъ, усомнившись въ истинѣ протестантства, *misso denique calvinistici paedagogii pistrino, Poëticae jam candidatus*, in caetum academicorum nostrorum se aggregavit (p. 176).

⁴⁾ *Krasinski*, 213.

католической черни и иезуитовъ. Такъ, вѣроятно, она потерпѣла уже въ 1591 г., когда былъ разгромленъ и сожженъ зборъ ¹⁾. Въ 1599 г. толпа едва не избила кальвинскихъ проповѣдника и учителя и чуть не разрушила збора, причѣмъ дѣло не обошлось безъ кровопролитія ²⁾. Эта внѣшняя необезпеченность школы все болѣе затрудняла ей возможность конкурировать съ иезуитской академіей. Дошло до того, что отъ нея стали отбивать учениковъ и переманивать въ иезуитскую коллегію даже протестантскіе министры, заразившіеся латинствомъ, какъ жаловались кальвинисты на виленской конфедераціи ³⁾. Не счастливиѣе началось для кальвинской школы и новое столѣтіе. На нее и на шпиталь было за вѣщапо Доминикой Стравинской, женой витебскаго каштеляна, имѣніе Кены (виленскаго повѣта). Но едва она умерла (12 іюня 1603 г.) и едва сеніоры збора были утверждены въ правахъ, какъ канцлеръ Левъ Сапѣга насладъ на имѣніе своихъ слугъ и гайдамаковъ и завладѣлъ имъ. Сеніоры подали на него жалобу ⁴⁾, но не видно, чтобы они выиграли тяжбу. Въ 1611-мъ же году школу постигла и положительная катастрофа,—она вмѣстѣ съ зборомъ и помѣщеніями для учителей и министровъ погибла въ огнѣ; костра едва избѣжалъ и ея ректоръ. Погибло и все движимое имущество збора и школы; бібліотека частью сгорѣла, частью была расхищена. Ни жалоба, представленная королю сеніоромъ Швейковскимъ, ни смѣлая рѣчь на сеймѣ Януша Радивилла о несправедливомъ и гибельномъ для самого трона отношеніи правительства къ протестантамъ не заставили короля искать и наказать виновныхъ: дѣло шло объ его фаворитахъ—иезуитахъ ⁵⁾. Кальвинисты должны были остаться довольны тѣмъ хотя, что имъ не запретили отстроить сожженные зданія. На синодѣ 1 іюля 1612 г. они порѣшили ассигновать на этотъ предметъ по шести грошей съ каждаго хлопа, а въ слѣдующемъ году шляхта согласилась дать по золотому съ волоки земли спеціально на постройку школы. На эти взносы и на пожертвованія Радивилловъ и другихъ богатыхъ кальвинскихъ родовъ не только было возвыгнуто училище, но и было устроено при немъ, по синодальному постановленію 1614 г., общежитіе для воспитанниковъ и для учителей съ эконომомъ ⁶⁾. Виленская кальвинская школа выступаетъ еще въ 1621 г. при погребеніи виленскаго воеводы Яна Христофора Радивилла. Въ длиннѣйшей похоронной процессіи выступала въ числѣ другихъ „зборовая учащаяся молодежь, которая пѣла что-то по-польски на мотивъ „Sepulto Domino signatum est monumentum“... ⁷⁾.

Но общее положеніе дѣлъ становилось все хуже,—падало значеніе кальвинистовъ въ государствѣ, падали и ихъ школы. Многіе кальви-

¹⁾ *Biełski*, *Dalszy ciąg kroniki polskiej* (1851), str. 145. 147. *Васильевскій*, *Вильна*, 40 (Памятн. рус. стар. въ зап. губерніяхъ, V).

²⁾ *Baliński*, *Dawna akademia Wileńska*, 98 и *Dodatki*, № 7.

³⁾ *Łukasz*, *Dzieje...* w Litwie, I, 139. 140.

⁴⁾ *A. B. A. K.*, VIII, № 220.

⁵⁾ *Łukasz*, *Dzieje...* I, 147—151.

⁶⁾ *Łukasz*, *Dzieje...* II, 164; *Hist. szkół*, I, 176.

⁷⁾ *Łukasz*, *Dzieje...* I, 163, прим.

нисты переходили въ католичество или унію, иные въ соцініанство, склоняемые и подготовляемые къ тому то школами іезуитскими и соцініанскими, то родственными связями, то желаніемъ сдѣлать карьеру, получить имѣніе. Много вреда приносили имъ и домашніе учителя—иновѣрцы. Противодѣйствуя школьному вліянію іезуитовъ, виленскій синодъ 1614 г. рекомендовалъ свѣтскимъ сеніорамъ и патронамъ зборовъ не допускать католиковъ или учившихся въ іезуитскихъ коллегіяхъ въ учителя. Тоже повторяли и другіе синоды, требовавшіе при этомъ, чтобы родители взяли изъ іезуитскихъ школъ учащихся тамъ своихъ дѣтей (1621 г.). Но эти постановленія не могли помочь дѣлу, разъ кальвинскія училища упали до того, что не могли выпускать даже достаточнаго количества кандидатовъ въ духовныя должности. Уже виленскому синоду 1611 г. пришлось сдѣлать опредѣленіе, чтобы тѣ зборы, гдѣ нѣтъ своего министра, посѣщались сосѣдними пасторами, во избѣжаніе перехода прихожанъ въ латинство. При этомъ и наличные министры были по своему образовательному цензу далеко не на высотѣ своего призванія,—среди нихъ стали попадаться такіе, которымъ и іезуиты и соцініане совершенно свободно подсовывали свои догматическія и литургическія книги. Въ виду этого виленскій синодъ 1617 г. долженъ былъ издать опредѣленіе, чтобы министры, слабо знающіе или совсѣмъ не знающіе латинскаго языка, не держали у себя папистическихъ или соцініанскихъ книжекъ, а только слѣдующія: брестскую Библію (1563 г.), Новый Завѣтъ, Постиллы Григорія изъ Жарновца и Христофора Краинскаго и, наконецъ, ватихизисъ Гиловскаго. Понятно, что это невѣжество кальвинскаго духовенства, не читавшаго богословскихъ сочиненій, не знавшаго обрядовъ своего исповѣданія и уже не рѣшавшагося диспутировать съ релігіозными противниками, въ сильной степени содѣйствовало передачѣ множества зборовъ латинскому, главнымъ образомъ, духовенству¹⁾. А со зборами въ руки послѣдняго переходили и училища.

Что до виленской, въ частности, школы, то она, убитая соперничествомъ іезуитской академіи, къ концу изслѣдуемаго нами періода пришла въ такое разстройство, что у литовскихъ кальвинистовъ не осталось даже надежды на ея улучшеніе. На синодѣ 1625 г. они рѣшили, оставивъ ее въ прежнемъ положеніи, постараться о замѣнѣ ея другими училищами. Хотя она была утверждена послѣ того королемъ Владиславомъ²⁾, дни ея были сочтены: сеймовый секретъ 1640 г прекратилъ ея существованіе³⁾.

Извѣстны имена слѣдующихъ ректоровъ виленской кальвинской школы: 1) Бенедикта Розумскаго (Rosumscius), 2) Петра Сестренцевича,

¹⁾ Łukasz., Dzieje... I, 152—155, 168.

²⁾ Prawa i wolności.... 57—60.

³⁾ Поводомъ къ закрытію кальвинской школы послужило слѣдующее обстоятельство. Одинъ ея воспитанникъ стрѣлялъ изъ лука въ летѣющую птицу и попалъ случайно въ стѣнное изображеніе архангела Михаила на костелѣ. Католики увидѣли въ этомъ намѣренное кощунство и добились декрета, который запрещалъ кальвинистамъ въ Вильнѣ даже домашнее богослуженіе внутри городскихъ стѣнъ. Понятно, послѣдніе должны были проститься съ Горностаевскимъ плацомъ и со всеми своими учрежденіями (Krasinski, 260. Łukaszewicz, Dzieje... I, 163; II, 165).

3) Павла Димитровича, 4) Андрея Вельзіуша изъ Данцига, 5) Войтѣха Гартлиба (пруссакъ), 6) Иоанна Вендланда ¹⁾ и 7) Артика, въ 1633 г. ²⁾ Лукашевичъ указываетъ ученые и литературные труды Сестренцевича, Димитровича, а также нѣкоторыхъ изъ учителей, напр. Кириака Моллера, Квирина Кноглера; почти всѣ они сводятся къ рѣчамъ и стихамъ при погребеніи знатныхъ единовѣрцевъ; исключеніе составляютъ Исторія Польши Димитровича и переводы догматическихъ сочиненій ³⁾.

Въ предѣлахъ литовской Руси высшими сравнительно кальвинскими училищами, приближавшимися по программѣ къ виленскому, были гимназіи биржанская, кейданская (обѣ—въ ковенской губерніи) и слуцкая (въ минской).

Биржанскую школу открылъ Николай Радивилль Рыжій. Хотя она съ самаго начала состояла изъ нѣсколькихъ классовъ, но въ гимназію преобразована была только въ первые годы XVII ст. ⁴⁾. Сюда поступали ученики не только изъ Литвы, но и изъ Курляндіи и Инфлянтовъ. Преподавались въ ней латинскій, польскій, нѣмецкій языки, исторія, ариѳметика, религія и другіе обычные тогда въ протестантскихъ училищахъ предметы. Въ 1620 г. начальникомъ (rządca) биржанской гимназіи былъ Адамъ Разій, который оплакалъ вмѣстѣ съ учениками смерть Яна Радивилла и его сына Войтѣха въ двухъ стихотвореніяхъ: „Iusta funebria“.... и „Lachrimae exequiales“ ⁵⁾...

Слуцкая гимназія была фундована кн. Яномъ Радивилломъ, который взялъ Слуцкъ за женой, единственной дочерью кн. Юрія Омельковича Слуцкаго. Въ годъ смерти жены (1617) онъ выразилъ желаніе, чтобы были возведены близъ запущенной церкви св. Георгія помѣщенія для проповѣдниковъ и училища и тогда же на деньги збора былъ купленъ плацъ для этого ⁶⁾. Но тогда школа или не была открыта, какъ увѣряютъ авторы „Старой Польши“, или ея фундушъ оказался недостаточнымъ, почему по смерти Яна Радивилла его брату Христофору, литовскому гетману, пришлось сдѣлать на нее новую запись, давшую возможность устроить при школѣ и конвиктъ (1624 г.). Спустя нѣкоторое время школа была надѣлена землей. Основывая слуцкую гимназію, кн. Христофоръ намѣренъ былъ ввести въ нее преподаваніе и „русскихъ наукъ“, съ каковою цѣлю обратился къ кievскому митрополиту Іову Борецкому, прося его прислать подходящаго учителя. Митрополитъ не имѣлъ тогда возможности исполнить желаніе князя и совѣтовалъ ему поискать въ самомъ Слуцкѣ людей, знающихъ русскій языкъ ⁷⁾. Въ заботахъ о

¹⁾ *Regenvolscius*, 149. *Łukasz.*, о. с., I, 147.

²⁾ *Wizerunki i roztrząsania naukowe*, IX, 33.

³⁾ *Łukasz.*, о. с., II, 166—169.

⁴⁾ *Baliński i Lipiński*, *Starożytna Polska*, III, 455. Во второй половинѣ XVII в. биржанская гимназія низшла въ рядъ элементарныхъ школъ.

⁵⁾ Первое составлено пятью учениками (посвященіе написалъ самъ ректоръ), второе—22-мя, съ фамиліями польскими, литовскими, нѣмецкими и русскими. Стихи написаны на латинскомъ и польскомъ языкахъ (*Łukasz.*, *Dzieje*.... II, 156—158).

⁶⁾ А. В. А. К. XII, № 101 и 103.

⁷⁾ *Арх. сб.*, VII, № 55.

внутреннемъ благоустроеніи своей гимназіи Христофоръ Радивилль велѣлъ также напечатать ея уставъ, который и былъ изданъ въ 1628 г. въ Любчѣ. Слуцкая гимназія имѣла характеръ духовнаго кальвинскаго училища, какъ видно изъ извѣстія, по которому въ бурсѣ ея жили бѣдные воспитанники, готовившіеся къ духовному званію; слѣдовательно, здѣсь изучались и богословскія науки.—Изъ ректоровъ слуцкихъ извѣстны Андрей Музоній, Адамъ Рейнгольдъ, при которомъ былъ напечатанъ уставъ, Іеремія Силниусъ¹⁾.

Когда была учреждена *кейданская школа*, неизвѣстно. Сохранился только документъ, въ силу котораго она преобразована была въ гимназію съ богословскимъ курсомъ. Это—фундушова записъ на кейданскій зборъ и его учрежденія, сдѣланная Христ. Радивилломъ и его женой Анной 8 іюля 1631 г. По этой записи большой каменный зборъ, построенный княземъ, надѣленъ былъ домомъ, купленнымъ у кейданскихъ мѣщанъ за 5 тыс. зл., причемъ одна половина дома имѣла быть обращена на устройство классовъ, а другая—подъ помѣщенія для проповѣдниковъ, катихизаторовъ, учителей и пансіонеровъ (*alumnów*) школы. Изъ двухъ проповѣдниковъ одному вмѣнено было въ обязанность совершать богослуженіе на польскомъ языкѣ, другому—на литовскомъ, и обимъ имъ—публично читать въ школѣ богословіе, какъ это постановлено было на евангелическомъ синодѣ литовскихъ министровъ. Кромѣ нихъ въ школѣ имѣли преподавать и завѣдывать ею ректоръ и три его помощника. Всѣ они должны быть людьми достойными, благочестивыми, учеными и истинными кальвинистами. На содержаніе всего служебнаго персонала збора и гимназіи, а также алюминовъ и призрѣваемыхъ въ сиротскомъ домѣ и въ госпиталѣ жертвователи назначили вѣчный фондъ въ 25 т. зл., обезпеченный на Кейданахъ и имѣющій приносить 2500 зл. ежегоднаго дохода, а также огороды въ самомъ городѣ. Сверхъ того не запрещалось собирать пожертвованія отъ другихъ благотворителей. Для наблюденія за всѣми учрежденіями назначались четыре сеніора, двухъ изъ которыхъ могъ избирать синодъ. Вступая въ должность, они должны были давать присягу въ томъ, что будутъ по совѣсти расходовать всѣ деньги, что пансіонеровъ и сиротъ будутъ содержать сообразно съ школьными средствами, учителей и проповѣдниковъ избирать достойныхъ, во всѣхъ учрежденіяхъ поддерживать дисциплину, порядокъ и благочестивую жизнь; но присяга не избавляла ихъ отъ необходимости ежегодно представлять синоду отчетъ о своей дѣятельности. Что касается, въ частности, школы, то на сеніоровъ возлагалась обязанность составлять росписаніе уроковъ, выработать школьный уставъ, присутствовать на экзаменахъ, декламацияхъ, диспутахъ, публичныхъ актахъ²⁾). Записъ Радивилловъ должна была войти въ силу съ новаго года, и съ этого времени кейданская гимназія становится предметомъ особыхъ попеченій литовскихъ кальвинистовъ. Въ 1637 г. они ассигновали на увеличеніе ея штата по 2 тысячи злотыхъ въ

¹⁾ Staroż. Polska, III, 671. 672. *Łukasz.*, Dzieje... II, 162. 163. *Bukowski*, I, 386.

²⁾ Арх. сб., VIII, № 14. Стоимость тогдашняго золата равняется 47 нынѣшнимъ копѣйкамъ (*Горбачевскій*, Словарь древняго актовaго языка, 133).

теченіе пяти лѣтъ. Послѣ 1647 г. здѣсь было девять учителей ¹⁾.

Въ русскихъ областяхъ, принадлежавшихъ въ Коронѣ, высшей кальвинской школой была *паневецкая* (надъ р. Сморгичемъ, въ Подоліи), называвшаяся иногда академіей. Учреждена она была вмѣстѣ съ молитвеннымъ домомъ и типографіей въ 1590 г. браславскимъ воеводой Яномъ Потоцкимъ. Въ ней изучались кромѣ свободныхъ наукъ философія и богословіе. Въ началѣ XVII ст. ея преподавательскій персоналъ состоялъ изъ трехъ человѣкъ: ректора Панкратія Бальцера, вице—ректора Яна Мая и учителя Сам. Пельцеля. Паневецкая школа существовала только до 1611 г., когда Паневцы послѣ смерти Потоцкаго перешли къ его племяннику Стан. Реверѣ, католику, который обратилъ просвѣтительныя учрежденія въ хозяйственныя помѣщенія ²⁾.

Изъ низшихъ кальвинскихъ западнорусскихъ училищъ большая часть приходилась на Подляшье и люблинское воеводство. Школа въ *Бѣль* (сѣдл. губ.) существовала еще до 60-хъ годовъ XVI ст.; въ это время она перестала служить кальвинскому исповѣданію, за переходомъ ея учителя Іоанна Фальконія и владѣльца города Яна Кишеи въ социніанство ³⁾. Такая же участь постигла школы *дубеикую* (въ саноккомъ пов.) и *туробинскую* (близъ Замостья). Въ срединѣ же XVI ст. существовала школа въ *Ланцуцѣ* (въ землѣ перемышльской) ⁴⁾. *Люблинская* школа помѣщалась первоначально въ домѣ белзскаго воеводы Стан. Тенчинскаго, но по его смерти прекратилось года на три богослуженіе въ зборѣ, а школа была переведена въ *Бѣльскъ*; возобновлялось ли послѣ того ученіе въ самомъ Люблинѣ, мы не знаемъ ⁵⁾. Но и въ такомъ случаѣ люблинская школа не могла пользоваться широкой популярностью, благодаря іезуитской коллегіи, которая тормозила успѣхи даже *бѣльницкой* кальвинской школы, находившейся въ трехъ миляхъ отъ Люблина и состоявшей изъ четырехъ классовъ ⁶⁾. Въ самомъ концѣ XVI ст. заложена была Лещинскими школа въ *Влодавѣ* ⁷⁾. Въ 1609 или 1610 г. браславскій воевода и каменецкій староста Іоаннъ Потоцкій ввелъ кальвинистовъ въ свое *подкаменецкое* имѣніе и назначилъ четыре тысячи золотыхъ ежегодно на содержаніе школы и типографіи. Но въ московскомъ походѣ онъ умеръ и его братья—католики прислали вдовѣ приказъ изгнать еретиковъ. За дѣло взялись каменецкіе іезуиты, которые разогнали

¹⁾ *Łukasz., Dzieje...* II, 158—160. Изъ завѣдывавшихъ кальвинской школой сеніоровъ упоминаются подъ 1632 г. Іоаннъ и Фридрихъ Старкин (*Wizerunki i roztrząsania naukowe*, IX, 32—34).

²⁾ *Łukasz., Hist. szkół*, I, 371 и прим. *Staroż. Polska*, II, 952. *Соколовъ*, Отношеніе протестантизма къ Россіи, прим. 155 на 49—50 стр. примѣчаній. Труды Подольскаго епарх. истор.-стат. Комитета, т. VII (1895), 129. 130; здѣсь помѣщенъ перечень семи догматико-полемиическихъ сочиненій, вышедшихъ въ 1608—1611 гг. изъ паневецкой типографіи. Бандтке указываетъ одно свадебное стихотвореніе (*Epitalamia*), написанное ректоромъ школы Іоанна Потоцкаго Балтазаромъ Фелльгибелемъ и студентомъ свободныхъ наукъ Ф. Циммерманомъ (II, 33. 34). Вѣроятно, они принадлежали къ школѣ паневецкой.

³⁾ *Staroż. Polska*, III, 740. *Будримъ*, о. с., II, 247.

⁴⁾ *Staroż. Polska*, II, 663. 679. 813. *Bukowski*, I, 379. 380.

⁵⁾ *Fischer, Versuch einer Geschichte der Reformation in Polen—у Соколова*, прим. 155 на 49 стр. примѣчаній.

⁶⁾ *Łukasz., Hist. szkół*, I, 372. 373. *Staroż. Polska*, II, 1140. *Bukowski*, I, 374. 375.

⁷⁾ *Staroż. Polska*, III, 751.

министровъ и учениковъ, перетасили въ свою коллегію зборовое и школьное имущество, вырыли и раскидали по полямъ трупы покойниковъ, закрыли типографію и всѣ еретическія книги поручили студентамъ сжечь на площади коллегіи ¹⁾.

Меньше было школъ въ литовско-русскихъ областяхъ государства. Къ нимъ принадлежали *ворнянская* (виленскаго пов.), *сморгонская*, *глубокская* (полоцкаго пов.) и *новгородская*. Въ Ворнянахъ устроилъ кальвинскую школу Янъ Абрамовичъ въ концѣ XVI ст.; кромѣ учителя, онъ содержалъ на свой счетъ и 12 юношей—дворянъ ²⁾. Въ 1611 г. брестскій воевода Христофоръ Зеновичъ выразилъ въ своемъ духовномъ завѣщаніи желаніе, чтобы при сморгонскомъ и глубокомъ зборахъ были учителя свободныхъ наукъ и, такъ какъ онъ умеръ только въ 1615 г., то, вѣроятно, самъ и осуществилъ свое желаніе. Но во всякомъ случаѣ школы эти существовали недолго, такъ какъ сынъ фундатора скоро перешелъ въ католичество и сморгонскій зборъ отдалъ ксепдзу ³⁾. Исторія открытія кальвинскаго училища въ Новгородѣ интересна въ томъ отношеніи, что показываетъ, какими путями кальвинисты создавали успѣхи своихъ учебныхъ заведеній. Въ августѣ 1615 г. прибыли сюда министръ Янъ Зекровіушъ (Зигровскій), ректоръ Лука Вондловскій и „другіе бакаляры“. Основавши зборъ и заложивши школу по сосѣдству съ митрополичьимъ дворомъ, они „заразъ почали розмантые прикрости чинити“ уніатамъ, стараясь переманить къ себѣ русскихъ учениковъ ихъ школы. На первыхъ порахъ они „выкрали“ оттуда двухъ „хлопчатъ“. Дальнѣйшій планъ ихъ дѣйствій состоялъ въ томъ, что они, приходя въ уніатское училище и насылая туда своихъ студентовъ, бранили ребятъ, грозили имъ, затѣмъ производили нападенія на митрополичій дворъ и церковь съ улицы и со стороны своего збора, на уніатскія процессіи, на школьники и монаховъ, которые являлись къ нимъ съ протестами ⁴⁾.

Социніанскія школы.—Польско-русскіе социніане XVI—XVII вв. заботились о просвѣщеніи своихъ единовѣрцевъ не менѣе, если не болѣе, чѣмъ кальвинисты; изъ ихъ 150 общинъ рѣдка не имѣла своей школы и рѣдка не была руководима образованнѣйшими пасторами, прошедшими заграничные университеты. Ихъ энергичная просвѣтительная дѣятельность свискала имъ расположеніе даже католическихъ и православныхъ ревнителей образованія, каковы, напр., Янъ Замойскій и Константинъ Константиновичъ Острожскій ⁵⁾. Ихъ училища по числу студентовъ равнялись иезуитскимъ, араковская ихъ академія превосходила даже виленскую, насчитывая у

¹⁾ Litterae annuae S. I. 1611, 625. 626. *Siarczynski*, *Obraz wieku panowania Zygmunta* III, t. II, 96 (Lwów, 1823).

²⁾ *Staroż. Polska*, III, 211. *Соколовъ*, о. с., 304.

³⁾ «Do tego aby bakalarze in artibus liberalibus dobrze czwyczeni byli, tak w Smurgoniach jako w Hlubokim», говорится въ завѣщаніи. *Круповичъ*, *Собраніе государственныхъ и частныхъ актовъ, касающихся исторіи Литвы*, Вильна, 1858 г., № 39 (стр. 50). *Staroż. Polska*, III, 239

⁴⁾ Архивъ б. уніат. митрополитовъ, № 393. Жалоба новгородскаго игумена Сильвестра Котлубая, отъ 30 мая 1616 г.

⁵⁾ Письмо кн. К. К. Острожскаго къ еп. Ипатію Потѣю, отъ 25 марта 1595 г.,—*П. П. Л.*, III, 599. *Lubienecius*, *Hist. reform. polon.*, 225.

себя до тысячи учащихся¹⁾. Какъ высоко было поставлено у социніанъ школьное дѣло, доказываетъ хотя бы тотъ фактъ, что они, при всѣхъ крайностяхъ своего ученія, имѣли прозелитовъ въ различныхъ исповѣданіяхъ, похищая даже у кальвинистовъ ихъ лучшихъ министровъ, напр., Чеховича, Іоанна и Оому Фальконіевъ, Буднаго, Крышковскаго и др. Уже торнской конфедераціи пришлось считаться съ ихъ училищами и подумать объ устройствѣ своихъ²⁾. Благодаря этому же, кальвинисты потеряли много своихъ школъ, которыя дѣлались социніанскими съ переходомъ къ антитринитаріямъ ихъ основателей или патроновъ. Таковы, напр., упомянутыя нами школы *бѣльская* (сѣдл. губ.), *туробинская*, *берестечская*, *дубецкая*. Последняя стала проводить антитринитарскія воззрѣнія приблизительно съ 1560 г., когда она была поручена Станкару, который бѣжалъ или былъ изгнанъ изъ Пинчова за обнаруженіе аріанскихъ идей. Вѣроятно, Станкаръ осуществилъ въ дубецкомъ училищѣ тотъ планъ, который провель въ предисловіи къ написанному имъ канонамъ, а въ немъ онъ заявлялъ, что въ школѣ должны преподаваться чистое богословіе, языки, діалектика, риторика. Въ его ректорство дубецкое училище достигло такого успѣха, что въ немъ насчитывалось до 300 шляхетскихъ дѣтей при пяти учителяхъ. Но смерть фундатора Стадницкаго (1563) была причиной ея упадка³⁾. Въ 60-хъ же годахъ социніанство проникло въ Подолію, гдѣ нашло себѣ патроновъ въ лицѣ подольскаго воеводы и хмѣльницкаго старосты Николая Мелецкаго и братьевъ Олесницкихъ, Самуила и Николая. Въ городѣ послѣднихъ *Хмѣльнички*, который не разъ бывалъ мѣстомъ социніанскихъ соборовъ⁴⁾, была устроена и школа. Ея первымъ ректоромъ былъ Франкенъ; послѣ изгнанія его въ 1586 г. изъ города и государства за изданіе книгъ противъ пресв. Троицы, его мѣсто занялъ Альбертъ Калишскій. Переходъ послѣдняго въ Любартовъ, а также неблагопріятныя внѣшнія обстоятельства, въ родѣ частыхъ татарскихъ набѣговъ и эпидемій, должны были сильно отразиться на значеніи и процвѣтаніи хмѣльницею школы⁵⁾.

Упомянутая сейчасъ *любартовская школа*, лучшая изъ западно-русскихъ социніанскихъ школъ⁶⁾, основана была люблинскимъ воеводой Николаемъ Фирлеемъ, который выписалъ для нея учителей изъ Германіи. Стараніями его жены и зятя Николая Казимирскаго любартовская школа достигла значительной высоты, чему много помогъ ея новый ректоръ—Альбертъ, приглашенный сюда ея схолахрами. Альбертъ

¹⁾ Sandius, 97.

²⁾ Jablonski, о. с., 230. Krasinski, 212. 213. Ср. *Op. Левинский*, Архивъ юго-зап. Россіи, I, VI. пред. стр. 128. 129. 136.

³⁾ Stanislaw Orichovii Roxolani Chimaera: sive de Stancari funesta regno Poloniae secta, 1562, fol. 17, 20, 21. Krasinski, 57. Bukowski, I, 379. 380.

⁴⁾ Epistolae F. Socini, Racoviae, 1618.

⁵⁾ Staroż. Polska, II, 1021. *Симашкевичъ*, 118—121. Историко-статистическое описаніе г. Хмѣльника (Подол. епарх. вѣд., 1869, № 10, стр. 424. 425).

⁶⁾ Что любартовская школа была социніанской, а не кальвинской, какъ сообщаетъ Венгерскій, это очевидно само собой. Лукашевичъ допускаетъ только, что она могла быть кальвинской въ первые годы своего существованія (Hist. szkół, I, 356, прим. 1).

Калишскій, окончившій въ 1582 г. страсбургское училище съ такимъ отличіемъ, что получилъ, кромѣ установленнаго диплома, личную похвалу отъ знаменитаго основателя этой гимназіи Іоанна Штурма, и затѣмъ приобрѣвшій извѣстность, какъ опытный учитель и ректоръ хмѣльницкой школы, въ Любартовѣ началъ съ того, что пересоздалъ мѣстную школу по образцу пинчовской ¹⁾, раздѣлилъ ее на пять классовъ, подыскалъ подходящихъ учителей и далъ каждому соотвѣтствующую инструкцію. Эти наставленія въ видѣ писемъ къ каждому преподавателю и къ ученикамъ старшаго класса, съ которыми занимался самъ Калишскій, были напечатаны и создали любартовской гимназіи такую извѣстность, что сюда направилась молодежь всѣхъ исповѣданій; зданіе ея съ трудомъ вмѣщало учащихся, а въ городѣ пріѣзжему трудно было отыскать квартиру. Этому внѣшнему успѣху школы соотвѣтствовало и внутреннее ея достоинство: воспитанники ея приводили въ восторгъ профессоровъ нѣмецкихъ университетовъ обширными познаніями и діалектическимъ развитіемъ. Но скоро печальныя обстоятельства подорвали ея значеніе. Страхъ татаръ, которые появились въ Подоліи, смерть Фирлеовой,— щедрой покровительницы училища, и происшедшая отсюда неувѣренность въ дальнѣйшемъ существованіи его—заставили многихъ родителей взять отсюда своихъ сыновей или перевести ихъ въ другія учебныя заведенія. А чума 1592 г., продолжавшаяся шесть мѣсяцевъ, разсѣяла и то небольшое число учениковъ, которое еще оставалось вѣрно любартовской школѣ; не покинули Альберта только уроженцы Риги и Юрьева, съ которыми онъ и продолжалъ заниматься при помощи одного только учителя. Однако Калишскій, вѣрный своему призванію, не пришелъ въ отчаяніе. Въ надеждѣ на помощь и сочувствіе Ник. Казимирскаго, онъ оставилъ *Leges scholae Levartovianae* и, присоединивъ къ нимъ свои прежніе педагогическіе труды, т. е. письма къ учителямъ, издалъ ихъ въ свѣтъ съ посвященіемъ ему. Но Казимирскій въ 1597 г. умеръ, будучи предъ смертью обращенъ Петромъ Скаргой въ латинство, и Альберту уже не приходилось рассчитывать ни на чью поддержку, такъ какъ новая владѣлица города, вдова Казимирскаго, была католичкой. Понятно, любартовской школѣ при такихъ условіяхъ приходилось влечь жалкую жизнь, но Альбертъ Калишскій продолжалъ оставаться ея ректоромъ даже въ 1600 г. Но еще задолго до этого средоточнымъ пунктомъ польско-русскаго соціанства сдѣлался Раковъ (въ сандомир. воеводствѣ), славный своей типографіей (съ 1575 г.), своими учеными министрами, которые составили особую литературно-богословскую школу. Раковъ то и перетянулъ къ себѣ центръ тяжести учебной дѣятельности соціантъ съ тѣхъ поръ, какъ открылась въ немъ ок. 1600—1602 г. гимназія съ высшими курсами, называвшаяся иногда академіей.—Изъ учителей любартовской школы въ лучшій періодъ ея жизни уставъ Альберта Калишскаго сохранилъ имена слѣдующихъ: преподавателя 5-го класса (младшаго) Іоанна Соколовскаго, 4-го—Самуила Пабіановскаго, 3-го—Самуила Брелія, 2-го—Андрея Войдовскаго, котораго смѣнилъ

---

¹⁾ Пинчовская гимназія (въ сандомирскомъ воеводствѣ) была сначала кальвинской, затѣмъ соціанской (съ 60-хъ годовъ) и къ концу XVI ст. прекратила свое существованіе.

Іоаннъ Поэтивинскій, и Генриха Росція, преподавателя музыки и арифметики. Изъ нихъ болѣе другихъ извѣстны Поэтивинскій, учившійся въ Страсбургѣ и Парижѣ, и Войдовскій, котораго мы видимъ въ 1583 г. въ Краковѣ. Съ высшимъ же заграничнымъ образованіемъ были и другія должностныя лица любартовской школы—ея экзаминаторы, напр., Бальцеровскій ¹⁾).

Вблизи Любартова находились еще соцініанскія школы въ *Сематичахъ* (бѣльскаго уѣзда гродн. губ.), *Люблинъ*. Последняя, послѣ своего разоренія іезуитскими студентами въ 1627 г. и трибунальнаго декрета, перешла въ *Бѣлжицы* ²⁾).

Въ первой половинѣ XVII ст. выдвинулись волынскія соцініанскія училища. Хотя историческія свѣдѣнія о нихъ не восходятъ далѣе 1614 г., происхождение ихъ можно относить еще задолго до этого, въ виду того, что антитринитарство сдѣлало на Волыни крупныя успѣхи еще во времена кн. А. М. Курбскаго ³⁾. Изъ волынскихъ пановъ, съ именами которыхъ связана исторія соцініанскихъ школъ, первое мѣсто принадлежитъ фамиліямъ Чапличей—Шпановскихъ ⁴⁾ и Гойскихъ. Такъ, Юрію Чапличу приписывается основаніе или только преобразование въ высшую *киселинскою* школы (владимир. пов.), что произошло около 1614 г. Изъ ректоровъ этой школы извѣстны другіе Евстафій Кисель (или, по Занду и Любенецкому, Giselius), человекъ ученый, хорошо знакомый съ языками. Ему принадлежитъ переводъ на греческій языкъ сочиненія Ѳомы Кемпійскаго „О подражаніи Христу“ (Франкфуртъ на Віадрѣ, 1626 г.) ⁵⁾.

¹⁾ *Albertus Calissius. Schola Levartoviana restituta, sive epistolae aliquot: quibus ratio descripta: quam istius scholae praecceptores in docendo adhibent* (1593),—*Jocher*, I, № 1645 и стр. 341—345 (извлеченія изъ этой брошюры). *Sandius*, 175. 176. *Fausti Socini Epistolae ad amicos, Casoviae*, 1618, p. 565. *Jukasz.*, *Hist. szkół*, I, 355—358. *Staroż. Polska*, II, 294. 295.

²⁾ *Sandius*, 54. *Staroż. Polska*, II, 1141. Тр. Кіев. дух. акад., 1876, III, 189. 190. Арх. Ю.-З. Р., I, VI, пред., 149. *Соловѣвъ*, 293.

³⁾ Сказанія кн. Курбскаго, изд. II, стр. 285.

⁴⁾ Чапличи заразились антитринитаризмомъ московскаго происхожденія еще въ 70-хъ годахъ XVI ст. (Сказанія кн. Курбскаго, стр. 266 и слѣд.).

⁵⁾ *Sandius*, 143. *Lubienescius*, 277. Арх. Ю.-З. Рос., I, VI, пред. 143. 144. Зандъ, а знимъ множество библиографовъ и историковъ (въ томъ числѣ и г. Ор. Левицкій), приписываютъ Киселю еще одно сочиненіе—извѣстную Антапологию, написанную въ 1631 г. противъ Апологіи Мелегія Смотрицкаго и посвященную Петру Могилѣ, подъ псевдонимомъ Геласія Диплиця. Но что авторомъ Антапологиіи не былъ протестантъ, за это говорятъ и тонъ и содержаніе ея. Тѣмъ менѣе могъ быть имъ Кисель, что богословская бібліотека киселинской школы едва ли ограничивалась тѣми однимъ—двумя церковными докторами и то въ славянскомъ переводѣ, которыми пользовался Диплицъ по его призванію (стр. 57). Наконецъ, Диплицъ—ученикъ (w izdebsce moiey w którey się uzcze pisałem, такъ опредѣляетъ онъ мѣсто написанія книги), но можно ли допустить, чтобы учащійся въ соцініанской школѣ сталъ принимать на себя защиту православной церкви и произвелъ это такъ умѣло? Въ виду этого правдоподобнѣе могла бы быть догадка г. Студинскаго, автора изслѣдованія о Перестрогѣ (Львовъ, 1895 г.), который называетъ Диплиця ученикомъ кіевской могилянскій коллегіи (ср. Гр. Кіев. д. акад., 1876, III, 189, прим.). Но въ мартѣ 1631 г., коимъ помѣчено предисловіе Антапологиіи, этой коллегіи еще не было. А затѣмъ, многія мѣста предисловія показываютъ, что книга писана не въ Кіевѣ, а вдали отъ него—поближе къ Луцку или къ Вильнѣ.

Почти одновременно съ киселинской появилась школа: въ *Берестечкѣ* или *Берескѣ* (луцкаго повѣта), преобразованная изъ кальвинской братомъ Юрія Чаплича Мартиномъ ¹⁾. Послѣ разоренія въ 1638 г. раковской академіи обѣ волынскія школы значительно поднялись въ своемъ авторитетѣ, такъ какъ въ нихъ перебрались нѣкоторые раковскіе профессора. Но и онѣ сами доживали уже послѣдніе дни. Въ 1640 г. луцкій католическій епископъ возбудилъ противъ Чапличей дѣло, обвиняя ихъ въ томъ, что они, устроивъ школы, распространяютъ „блуждирскую и чертовскую профессію“, т. е. антитринитарское исповѣданіе, и тамошніе учителя, избѣгая послѣдствій декрета трибунала (1644 г.), поспѣшили удалиться оттуда ²⁾.

Еще ранѣ соцініанскіе преподаватели были вытѣснены и еще изъ одной волынской школы—*гощской* (острожскаго пов.). Здѣсь соцініанскія община и училище были открыты братьями Гойскими, Гавріиломъ и Романомъ, православными, но сочувствовавшими антитринитаризму ³⁾. Гоцкая школа извѣстна тѣмъ, между прочимъ, что въ ней учился польскому и латинскому языкамъ Лжедимитрій ⁴⁾. Изъ ректоровъ ея называютъ Теофила Молитора, Даніила Дуроссія, Соломона Палюдія, доктора медицины, и Войтѣха Каперія ⁵⁾. Съ гоцкими соцініанами покончила въ 1639 г. Регина Соломирецкая, сестра Гойскихъ, къ которой перешла Гоца. Она устроила здѣсь православный монастырь съ училищемъ съ тою именно цѣлью, „абы еретическіе науки надъ католическою религіею болшъ не триумфовали“, причемъ дала игумену обѣщаніе за себя и за своихъ наслѣдниковъ не позволять аріанамъ селиться въ Гоцѣ ⁶⁾.

Закрытіемъ волынскихъ школъ и заканчивается исторія западно-русскихъ соцініанскихъ училищъ.

¹⁾ *Starożytna Polska*, II, 835. Арх. юго.-зап. Россіи, I, VI, пред., 144.

²⁾ Арх. Ю.-З. Р., I, VI, №№ 307. 308. 314. 319 и пред., стр. 153—155. *Sandius*, 236—237. Авторъ «Письма о жизни А. Вишоватаго» отрицаетъ, впрочемъ, фактъ перехода на Волынь раковскихъ профессоровъ.

³⁾ Соцініанскіе писатели включили Романа Гойскаго, наравнѣ съ К. К. Острожскимъ, въ число своихъ тайныхъ, а Гавріила—даже явныхъ послѣдователей. «*Quin et Constantinus Dux in Ostrog, palatinus Kijoviensis, et Romanus Hoysci Dominus in Moszcza, castellanus Kijoviensis, capitaneus Volodimieriensis, quamvis religionem unitariam, quam in corde amplectebantur, aperte non sint professi, unitariorum tamen fautores et patroni fuerunt*» (Стан. Любенецкій, *Sandius*, 283 и прим.).

⁴⁾ Вѣст. Зап. Россіи, 1868, VII, отд. II, стр. 1. Вол. губ. вѣд., 1868, № 8. Здѣсь же доказывается, что эта Гоца—острожскаго уѣзда, а не луцкаго или владимирскаго.

⁵⁾ *Lubienscius*, p. 276.

⁶⁾ Арх. Ю.-З. Р., I, VI, № 303. Впрочемъ, спустя два года, при новомъ владѣльцѣ Адамѣ Киселѣ, соцініане опять получили доступъ въ Гоцу (пред., стр. 159).

ГЛАВА VII.

Организація протестантскихъ школъ.

Протестантскія школы въ русскихъ областяхъ Польши и Литвы, по внутреннему устройству ихъ и общему направленію, необходимо ставить въ генетическую связь не съ католическими польскими училищами, а съ протестантскими германскими. Это и понятно: учителями и ректорами ихъ были по большей части или нѣмцы, или люди, получившіе образованіе и ученые степени въ нѣмецкихъ протестантскихъ университетахъ. Послѣдніе же организовались въ XVI в. по типу, совершенно отличному отъ средневѣковыхъ латинскихъ школъ, по образцу которыхъ были устроены и польскія католическія школы,—они получили совершенно другую постановку учебную и административную, сообразно съ новыми религіозными вѣяніями и умственными запросами.

Выше было сказано, что гуманисты ввели уже нѣкоторыя улучшенія въ школьное дѣло. Они имѣли въ виду, прежде всего, облегчить изученіе латинскаго языка изгнаніемъ изъ школъ варварскихъ учебниковъ латыни и словарей и замѣной средневѣковыхъ латинскихъ авторовъ классическими; они же дали въ учебныхъ программахъ мѣсто греческой литературѣ и еврейскому языку, которые до того были въ пренебреженіи ¹⁾. вмѣстѣ съ тѣмъ повышеніе образовательнаго ценза учителей, отъ которыхъ стали требовать хотя низшей академической степени, и улучшеніе методовъ преподаванія сократили срокъ пребыванія въ училищахъ ²⁾. Сама школа начала отдѣляться отъ церкви и послѣдняя перестала считать себя обязанной давать ей матеріальныя средства.

Реформація, бывшей реакціей противъ испорченныхъ гуманизмомъ

---

¹⁾ До начала XVI ст. католическіе богословы считали даже ересью знакомство съ греческимъ языкомъ. Онъ введенъ въ германскія школы Эразмомъ Роттердамскимъ; первая еврейская грамматика составлена Іоанномъ Рейхлиномъ (*Шмидтъ*, *Исторія педагогики*, II, 450. 458).

²⁾ Этотъ фактъ былъ отмѣченъ Лютеромъ въ одномъ его посланіи: «Развѣ не на нашихъ глазахъ произошло, что теперь въ какіе-нибудь три года мальчика приготавливаютъ настолько, что онъ въ 15 или 18 лѣтъ знаетъ больше, чѣмъ могли до сихъ поръ научить всѣ высшія школы и монастыря? Да и что дѣлали они до сихъ поръ, какъ не превращали своихъ воспитанниковъ въ ословъ, болвановъ и чурбановъ? Иной учился; въ нихъ 20, 40 лѣтъ и не зналъ ни по-латыни, ни по-нѣмца!» (*Раумеръ*, *Исторія воспитанія и обученія*, I, 173).

правовъ католическаго духовенства, въ школьномъ дѣлѣ воспользовалась, по выраженію Шмидта, его завоеваніями¹⁾. Согласно съ принципами послѣдняго, стала и здѣсь проводиться мысль, что школа нужна не извѣстнымъ только классамъ народа, но и всему народу,—не церкви только, но и государству и всему человѣчеству. И такъ какъ христіанская школа есть прежде всего средство къ поднятію нравственнаго уровня общества²⁾, то само общество или государство и должно заботиться о ней; она должна быть поручаема правительствомъ людямъ съ спеціальной подготовкою. И не душныя вѣли монастырей должны быть мѣстами обученія: въ нихъ нельзя обогатить дѣтей всевозможными свѣдѣніями. А свѣдѣній этихъ Лютеръ требовалъ отъ образованнаго человѣка не мало. Не говоря о древнихъ языкахъ (греческомъ, латинскомъ и еврейскомъ), которые нужны какъ для пониманія Священнаго Писанія, такъ и для разумнаго веденія гражданскаго управленія³⁾, Лютеръ вводитъ въ программу школьнаго образованія „всякія искусства, исторію“. Изучая исторію, дѣти „услышали бы поучительныя сказанія и преданія о народахъ всей вселенной, узнали бы прошедшую судьбу того или другого города или царства, ознакомились бы съ дѣяніями государей, знаменитыхъ мужей и женщинъ всѣхъ истекшихъ вѣковъ и могли бы, такимъ образомъ, въ короткое время, какъ въ зеркалѣ, представить себѣ весь міръ отъ самаго его начала, то есть его сущность, жизнь, мысли, предположенія и начинанія, его удачи и неудачи; изъ чего они могли бы, затѣмъ, свой разумъ укрѣплять и соображать свои поступки съ завѣщанными намъ всемірною исторіею примѣрами и жить въ страхѣ Божіемъ“. Лютеръ расширяетъ программу обученія также въ пользу музыки, пѣнія, поэзіи, математики. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ признаетъ необходимымъ устроить въ городахъ бібліотеки, въ которыхъ находились бы, прежде всего, книги Священнаго Писанія на всевозможныхъ языкахъ, затѣмъ классики, книги объ искусствахъ, по правовѣдѣнію, математикѣ. И особенно видное мѣсто должны занимать хроники и курсы исторіи на всѣхъ языкахъ, на какихъ только можно приобрѣсть ихъ. Главное же условіе для воспитанія и образованія юношества и народа—хорошіе школьные учителя, и на этотъ пунктъ Лютеръ обращаетъ особенное вниманіе; учительство онъ ставитъ выше всѣхъ другихъ занятій. „Я знаю, говоритъ онъ, что это дѣло, послѣ проповѣдничества, есть наиболѣе полезнѣйшее, высшее и лучшее, и я даже не знаю, которое изъ этихъ

¹⁾ Шмидтъ, о. с., II, 452.

²⁾ «Отъ соблазна дѣтей, говоритъ Лютеръ, произошелъ великій упадокъ христіанства. И если надлежитъ христіанской церкви снова быть восстановленною, то начало должно быть сдѣлано посредствомъ надлежащаго воспитанія дѣтей (Раумеръ, I, 169. 174). Свои педагогическіе взгляды Лютеръ особенно ясно выразилъ въ «Посланіи къ членамъ городскихъ управленій всей Германіи о томъ, что они должны учреждать и содержать школы», 1524 г. (Раумеръ, I, 174—194).

³⁾ «Да будетъ извѣстно, говорилъ между прочимъ Лютеръ, что мы не сохранимъ Евангелія безъ языковъ... Если мы согрѣшимъ, бросивъ языки, то мы не только лишимся Евангелія, но дойдемъ до того, что не будемъ умѣть правильно говорить или писать ни по-латыни, ни по-нѣмцки».

двухъ лучше“. Онъ выражаетъ мысль, что и въ проповѣдники слѣдовало бы избирать только прослужившихъ по нѣскольу лѣтъ учителями.

Изъ этого видно, какъ серьезно отнеслись протестанты къ реформѣ школы. Однако не Лютеръ былъ реформаторомъ школы, а его другъ Меланхтонъ, по праву названный „наставникомъ Германіи“. Онъ положилъ основаніе новой школьной системѣ и укрѣпилъ ее, благодаря своимъ универсальнымъ познаніямъ, методу, учебникамъ и энергіи ¹⁾. Въ нашу задачу не входитъ разсматривать, что собственно сдѣлалъ для школы Меланхтонъ и какъ на заложенномъ имъ фундаментѣ воздвигали зданіе нѣмецкой педагогики другіе, не менѣе извѣстные, „учители Германіи“ и челоуѣчества: Цвингли, Кальвинъ, Михаилъ Неандеръ, I. Вольфъ, Тротцендорфъ и многіе другіе. Для нашей цѣли достаточно только было указать общія черты протестантской дидактики и педагогики въ XVI вѣкѣ.

Не всѣ, конечно, нѣмецкіе педагоги осуществили тѣ идеальныя требованія, какія предъявлялъ Лютеръ, и не всѣ могли отрѣшиться отъ прежняго служенія школы исключительно церковнымъ интересамъ, отъ прежняго преобладанія латинскаго языка, хотя послѣдній у нихъ и получаетъ новую постановку. „Кругозоръ ихъ все еще ограниченъ въ сущности теологіей и латинскимъ языкомъ, поэтому они даже на еврейскій и греческій языки смотрятъ, какъ на побочные предметы, даже геометрію и ариметику они не могутъ включить въ органическое преподаваніе. Они вовсе не подозрѣвали образовательной силы родного языка и естественныхъ наукъ“ ²⁾. Но тѣмъ не менѣе они сдѣлали большой шагъ впередъ, какъ въ расширеніи школьной программы, такъ и въ смягченіи школьныхъ нравовъ и въ введеніи болѣе раціональныхъ дидактическихъ и педагогическихъ приемовъ.

Съ такими же почти особенностями протестантская школа перешла въ западную Русь.

Объ устройствѣ западнорусскихъ лютеранскихъ школъ можно сказать немного.—Общее направленіе всѣхъ ихъ опредѣлялось лютеранскими соборами, которые давали тонъ учебной и воспитательной сторонамъ ихъ жизни. Нѣтъ однако указаній относительно того, въ чемъ именно проявлялась власть западнорусскихъ лютеранскихъ синодовъ по отношенію къ училищамъ своего исповѣданія. Дошедшій до насъ уставъ виленской лютеранской школы 1648 г. ³⁾ даетъ видѣть, что каждое лютеранское училище управлялось самой общиной, которая чрезъ своихъ уполномоченныхъ заботилась о нравственномъ и матеріальномъ преуспѣяннн его,—о прннсканнн учителей, снабженнн ихъ инструментами, уплатѣ имъ жалованья и объ успѣхахъ учениковъ.

Въ Вильнѣ во главѣ школы, какъ и другихъ церковныхъ учреждений, стояли почетнѣйшіе члены общины, составлявшіе въ числѣ 30 челоуѣкъ

¹⁾ Шмидтъ, III, 63.

²⁾ Шмидтъ, III, 126.

³⁾ Арх. вил. людер. бирхи. отд. I № 5. Позволяемъ себѣ пользоваться этимъ уставомъ въ виду отсутствія болѣе раннихъ уставовъ, во 1-хъ, и во 2-хъ,—такъ какъ нѣтъ основаній думать, что данный уставъ представляетъ что-нибудь совершенно новое по отношенію къ строю жизни виленской лютеранской школы въ первую четверть XVII ст.

церковную коллегію. Изъ своей среды они избирали шестерыхъ лицъ спеціально для завѣдыванія школьными дѣлами. Эти шесть назывались старѣйшинами или патронами школы и имѣли попеченіе объ ея благоустройствѣ,—они приглашали отъ имени всей общины учителей, слѣдили за ихъ занятіями, присутствовали на полугодовыхъ экзаменахъ (Уставъ, гл. I, §§ 1. 2. 4). Для ближайшаго надзора за школою патроны избирали двухъ провизоровъ, которые по четвертямъ года представляли церковной коллегіи отчетъ о ходѣ школьнаго дѣла; на ихъ обязанности было между прочимъ награждать послѣ экзаменовъ лучшихъ учениковъ книжками, бумагой, а бѣдныхъ и одеждой. Кромѣ провизоровъ и въ помощь имъ патроны назначали одного изъ пасторовъ инспекторомъ для наблюденія за занятіями и поведеніемъ какъ учащихся, такъ и учениковъ, для чего онъ обязанъ былъ возможно чаще посѣщать школу и докладывать провизорамъ о замѣченныхъ недостаткахъ. Къ числу обязанностей инспектора относилось—назначать время для полугодичныхъ экзаменовъ (послѣ Пасхи и праздника Михаила) и объявлять объ этомъ общинѣ съ церковной кафедры, а должностнымъ лицамъ (патронамъ, провизорамъ и экзаминаторамъ) чрезъ ректора. Должность инспектора была платной (Гл. I, §§ 2 и 3; глава III, §§ 1 и 2).

Учащій персоналъ слагался изъ трехъ лицъ: ректора, его товарища (conrector) и кантора. Школьная инспекція въ Вильнѣ очень заботилась о замѣщеніи этихъ мѣстъ людьми вполне образованными, способными къ дѣлу и нравственными, выписывая ихъ иногда изъ другихъ городовъ. Приемъ учителя совершался чрезъ врученіе ему устава школы, который онъ обязывался всегда имѣть въ виду, и „вокаціи“ (vocatio). Въ вокаціи, или письменномъ приглашеніи, старѣйшины отъ имени всей лютеранской общины Вильны, послѣ привѣта новопривышему учителю, выражаютъ свой взглядъ на школу, какъ на мѣсто, гдѣ юношество должно воспитываться въ страхѣ Божіемъ и благочестіи путемъ ежедневной молитвы и изученія катихизиса. Принимая для этой цѣли такого-то ректора (или с-ректора или кантора), патроны надѣются, что онъ свой долгъ исполнитъ съ благоговѣйнымъ прилежаніемъ и вѣрою, возвращая порученное ему юношество не только въ ученіи, но и въ добродѣтельной жизни, и оказывая послушаніе патронамъ и инспекторамъ школы. Съ своей стороны старѣйшины обязываются дать учителю содержаніе. Введеніе въ школу новаго учителя совершалось при полномъ составѣ инспекціи (Глава II, §§ 1—3; гл. V, § 3). Инструкція, даваемая патронами виленской лютеранской школы учителямъ, требовала отъ нихъ ревностнаго исполненія обязанностей и добраго поведенія,—чтобы они не назначали для рекреаций лишнихъ дней (среда была неучебнымъ днемъ) и даже сокращали бы число праздниковъ, чтобы не играли въ карты, не пьянствовали, не занимались посторонними дѣлами, не вмѣшивались въ личныя отношенія инспекціи школы, безъ ея вѣдома не оставляли своихъ квартиръ. Въ случаѣ желанія оставить службу при школѣ, учитель долженъ былъ заявить объ этомъ провизорамъ за полгода впередъ, чтобы можно было заблаговременно найти ему замѣстителя (Гл. II, §§ 4, 7—13; V, § 2). Ректоръ былъ старшимъ изъ учителей и, какъ начальникъ ихъ, слѣдилъ за точнымъ исполненіемъ ими своихъ обязанностей. Когда случался полугодовой экзаменъ, ректоръ сообщалъ о немъ всѣмъ

прикосновеннымъ въ школъ лицамъ (Гл. II, §§ 5. 6). Канторъ училъ дѣтей пѣнію и музыкѣ и заботился о благоговѣйномъ и правильномъ совершеніи богослуженія. Пьесы для послѣдняго онъ выбиралъ по соглашенію съ пасторами и исполнялъ ихъ по обычному порядку, чтобы, съ одной стороны, въ пѣніи ихъ могли принимать участіе члены общины, съ другой—чтобы въ богослуженіе не проникло какое-нибудь новшество. Въ годичные праздники канторъ прискивалъ для увеличенія торжественности хорошихъ музыкантовъ. Когда кантору въ храмѣ, при польскомъ или нѣмецкомъ богослуженіи, не приходилось пѣть или играть, онъ прислуживалъ пастору; въ противномъ случаѣ прислуживали его товарищи—учителя. Если случалось, что зимой во время проповѣди дѣти выходили изъ храма въ школу погрѣться, ихъ сопровождалъ одинъ изъ учителей и въ школѣ читалъ имъ изъ катихизиса или Евангелія, не допуская, чтобы они шалили на дворѣ (§§ 14. 17). Кромѣ богослуженія, канторъ и другіе учителя принимали также участіе въ погребальныхъ церемоніяхъ. Для этой цѣли двое изъ нихъ могли отлучаться даже за городъ; въ такомъ случаѣ обязанности ихъ исполнялъ третій учитель, который за это получалъ равную долю вознагражденія за погребеніе (впрочемъ, за участіе въ погребеніи бѣдныхъ и сиротъ никто ничего не бралъ). Кромѣ погребальныхъ денегъ учителя получали еще вознагражденіе отъ патроновъ школы (по 200 талеровъ каждый), отъ нихъ же праздничные денежные подарки и отъ учениковъ—взнось за ученіе (по четвертямъ года), отъ котораго тоже освобождались сироты и бѣдные (Гл. II, §§ 2. 18; V, § 3).

Учебный день начинался съ утренней молитвы и пѣнія и затѣмъ еще дважды прерывался молитвой въ храмѣ. Учителямъ рекомендовалось заниматься во время уроковъ со всѣми и каждымъ и выслушивать каждаго спокойно, не гнѣваясь безъ мѣры и избѣгая тѣлесныхъ наказаній розгами, палкой, кулакомъ. Катихизисъ проходилъ неопустительно каждый день—по нѣмецки и по польски (Гл. V, § 1).

Польскому языку польско-литовскіе лютеране отвели видное мѣсто въ своей богословско-учебной литературѣ и, конечно, въ школѣ. Уже въ 1536 г. въ Краковѣ вышелъ польскій переводъ Лютерова катихизиса, а въ 1556 г. въ Крелевцѣ—катихизиса Бренциева. Но еще ранѣе того, въ 1540 г., Янъ Секлюціанъ издалъ *Wyznanie wiary chrześcianskiej*, а въ 1547 и 1549 гг.—свой польскій лютеранскій катихизисъ. На польскомъ же языкѣ издавались въ Крелевцѣ сборники духовныхъ пѣсней, а съ 50-хъ годовъ начали выходить книги Н. Завѣта. Тамъ же изданъ былъ въ 1564 г. *Lexicon Latino—Polonicum*, рассчитанный на потребности всѣхъ народовъ польскаго государства, и сочиненіе Квятковскаго, посвященное исторіи Польши и вопросу о пользѣ славянскаго языка ¹⁾. Не

¹⁾ *Krasinski*, 304. *Wierzbowski*, М.М. 131. 254. 1320. Второе изданіе Секлюціанова катихизиса носитъ заглавіе: «Catechismus to jest krotka a prosta (starey wiary chrześcianskiej) nauka powtore wydana przez Jana Sekluciana. Ktemu przydana krotka nauka czytania i puszania. Item Oeconomia albo nauka wszelkiego stanu ludziom potrzebna spysma więtego». Нѣчто въ родѣ катихизиса представляетъ изъ себя и сочиненіе Вергерія: «Lac

былъ забытъ лютеранами и литовскій языкъ, на которомъ въ 1547 и 1586 гг. былъ напечатанъ катихизисъ (въ 1586 г.—на латышскомъ нарѣчїи). ¹⁾—Кромѣ языковъ, въ лютеранскихъ школахъ преподавались катихизисъ, грамматика, ариметика.

Такъ какъ лютеранскія школы сосредоточивались въ сѣверо-западномъ углу государства, то ученикамъ ихъ представлялась легкая возможность совершенствоваться въ наукахъ въ сосѣднихъ высшихъ лютеранскихъ гимназіяхъ—въ Торнѣ, Данцигѣ, Эльбингѣ, какъ ѣздила туда молодежь и изъ кальвинскихъ и соцініанскихъ западнорусскихъ училищъ. Торнская гимназія во второй половинѣ XVI и въ началѣ XVII ст. стояла выше многихъ другихъ католическихъ и протестантскихъ училищъ—и по широтѣ программы, и по методамъ обученія, и цѣлямъ образованія ²⁾, и потому могла особенно сильно привлекать къ себѣ учащихся.

Гораздо больше извѣстій сохранилось о *внутренней жизни кальвинскихъ школъ*. Кальвинисты въ Польшѣ раздѣлялись на три отдѣльныя провинціи: великопольскую, малопольскую и литовскую. Объединяли ихъ только общіе соборы. Представителемъ каждой провинціи былъ суперъ-интендентъ (*senior primarius*), избиравшійся пожизненно. Онъ созывалъ синоды въ своей провинціи, осуществлялъ ихъ рѣшенія, наблюдалъ за школами, книгопечатаніемъ и проч. и былъ только исполнительнымъ органомъ синодовъ ³⁾. Такимъ образомъ, и оп отношенію къ кальвинскимъ школамъ высшая власть принадлежала собственно синодамъ. Они выработывали планъ наукъ, опредѣляли ректоровъ и учителей, назначали имъ жалованье, рекомендовали способныхъ молодыхъ людей въ качествѣ домашнихъ учителей въ семейства знатныхъ единовѣрцевъ. Наконецъ, синоды же избирали сеніоровъ—духовныхъ и свѣтскихъ. Послѣдніе (*seniores politici*), называвшіеся иногда по своему ближайшему отношенію въ училищамъ схолярхами, присутствовали на экзаменахъ, наблюдали за добропорядочностью и усердіемъ учителей, удовлетворяли текуція нужды школъ и давали ежегодно отчетъ синоду. Они же по пору-

---

spirituale pro alendis ac educandis christianorum pueris, написанное для Ник. Радивилла, старшаго сына виленскаго воеводы, и переведенное въ 1556 г. на польскій языкъ (*Любоваич.*, Альбрехтъ, герцогъ Прусскій, и реформація въ Польшѣ. Ж. М. Н. Пр., 1885. авг., 178—183).

¹⁾ *Вольтеръ*, Литовскій катихизисъ Н. Даукши (Зап. Имп. ак. наукъ, т. 53, ч. II, введ., стр. XI).

²⁾ Общій характеръ торнской гимназіи былъ историко-филологическій. Здѣсь преподавались латинскій, греческій, польскій, еврейскій языки, діалектика, риторика, философія, богословіе, музыка, математика. Состояла она изъ 6-ти классовъ, а съ конца XVI в. изъ 11-ти. На устройство ея повліяла страасбургская школа Штурма (*Łukasz.*, *Hist. szkół*, I, 396—398).

³⁾ Малая Польша дѣлилась на слѣдующіе восемь округовъ: краковскій, сандомирскій, заторскій (или освѣцимскій), люблинскій и холмскій, червонорусскій, подолевскій, волыніскій и кievскій и беласкій; литовскую составляли округи: виленскій, новгородскій, завилейскій, подляшскій, жмудскій и бѣлорусскій. Въ литовской провинціи обязанность суперъ-интендента исполнялъ виленскій сеніоръ (*Krasinski*, 285—287).

ченію синода составляли уставы и программы школъ ¹⁾. Но при всемъ томъ оставалась извѣстная доля вліянія на ту или другую изъ школъ и ихъ фундаторовъ, отъ которыхъ онѣ зависѣли и въ матеріальномъ отношеніи ²⁾.

Такъ какъ синоды кальвинскіе были властью церковною, то изъ отношеній ихъ къ школамъ уже можно дѣлать выводъ, что послѣднія у западнорусскихъ кальвинистовъ имѣли конфессіональный характеръ, что онѣ служили ближайшимъ образомъ своему исповѣданію. Дѣйствительно, и программа учебныхъ предметовъ, и распорядокъ занятій въ кальвинскихъ училищахъ убѣждаетъ насъ, что главная цѣль ихъ состояла въ образованіи не самомъ по себѣ, а—религіозномъ, въ воспитаніи изъ мальчика не человѣка, а реформата. До насъ не дошли однако планы наукъ и правила какой-либо изъ западнорусскихъ кальвинскихъ школъ, и мы можемъ судить о нихъ по аналогіи съ порядками пинчовской гимназіи, послужившей, по увѣренію Лукашевича, образцомъ какъ для прочихъ кальвинскихъ училищъ во всей Польшѣ, такъ и для социніанскихъ ³⁾.

Въ пинчовской школѣ изученію вѣроученія въ классѣ и въ храмѣ было посвящено почти столько же времени, сколько всѣмъ другимъ предметамъ вмѣстѣ. Въ воскресенье ученики вставали съ восходомъ солнца и въ теченіе цѣлаго часа выслушивали—старшіе богословіе, а младшіе истолкованіе посланій апостола Павла. Потомъ всѣ шли въ храмъ слушать проповѣдь. Послѣ полудня опять выслушивали объясненіе Павловыхъ посланій и проповѣдь въ храмѣ. Въ понедѣльникъ, вторникъ, четвергъ и пятницу утромъ всѣ ученики слушали поученіе, затѣмъ въ теченіе двухъ или трехъ часовъ сидѣли въ классѣ, послѣ полудня опять выслушивали проповѣдь и два часа посвящали класснымъ занятіямъ; отъ послѣобѣденныхъ проповѣдей они освобождались только въ среду и субботу, когда не было и уроковъ по случаю рекреаций. Суббота отличалась отъ среды тѣмъ, что въ этотъ день декуріоны отдавали въ классахъ отчетъ о поведеніи и усердіи учениковъ въ теченіе недѣли и затѣмъ происходила расправа съ виновными и неаккуратными. Вѣроученію отводилось видное мѣсто даже въ школахъ низшихъ, гдѣ оно излагалось по катихизисамъ, проводилось въ духовныхъ пѣснопѣніяхъ и укрѣплялось частыми проповѣдями. Наконецъ, религіозно-воспитательный характеръ имѣло преподаваніе и всѣхъ прочихъ предметовъ; такъ, даже классическіе языки изучались, между прочимъ, по катихизисамъ—латинскому Кальвина и греческому, изданному у Роберта Стефана.

¹⁾ Для школъ литовской провинціи написалъ уставъ новгородскій пасторъ А. Добржанскій. Уставъ этотъ вызвалъ похвалы кальвинистовъ, читавшихъ его: «Leges scholarum Lithuanicarum a Rn. Andrea Dobrzanio, sen. Novogrodensi, prudenter scriptae» (*Łukaszc., Dzieje kościołów wyuz. Helw. w Litwie. II, 208*). Въ нѣкоторыхъ школахъ, напр. въ слупской, были и свои собственные, особые уставы.

²⁾ *Łukaszc., Hist. szkół, I, 374. 375. Арх. сб., VIII, № 14.*

³⁾ Правила пинчовской школы были напечатаны подъ заглавіемъ *Gymnasii Pinczoviensis Institutio, 8°, fol. 24*, съ предисловіемъ Петра Статорія. Намъ не удалось видѣть этого изданія, хотя въ Императорской публичной бібліотекѣ оно имѣется. При изложеніи его содержанія пользуемся Лукашевичемъ (*Hist. szkół, I, 71. 72*).

Въ составъ программы кальвинскихъ польско-русскихъ гимназій входили, кромѣ катихизиса (или богословія) и церковнаго пѣнія, еще слѣдующіе предметы: языки древніе и народныя, риторика, поэзія, диалектика, математика, исторія и иногда право ¹⁾. По латинскому языку изучалась вся грамматика и читались *Distichia moralia* Катона, письма Цицерона и его риторическія и этическія сочиненія. Виргилій, Горацій, Терренцій, Іустинъ (исторіею вѣка Антонинова), *Dialogi sacri* Кастелліона (одинъ изъ лучшихъ писателей-латинистовъ въ XVI в.), *De vera sapientia* Людовика Вивиса (*Vivis*). Греческій языкъ, проходившійся, вѣроятно, съ 1600 г. по грамматикѣ Кленарда, стоялъ нѣсколько ниже латинскаго, но во всякомъ случаѣ ученики могли читать Ксенофонта, Демосѣена, Лукиана (Самосатскаго, извѣстнаго ритора и философа II столѣтія по Р. Х.) и греческій катихизисъ. Изученіе древнихъ языковъ сопровождалось письменными упражненіями, еженедѣльными диспутами (по латински), писаніемъ похвальныхъ произведеній прозаическихъ и поэтическихъ на разные случаи жизни патроновъ школъ (бравъ, полученіе высшей должности, смерть, посѣщеніе школы, спектаклями ²⁾). Изъ народныхъ языковъ въ западнорусскихъ кальвинскихъ школахъ изучались польскій и отчасти—русскій и литовскій. Относительно изученія польскаго языка у насъ не можетъ быть никакого сомнѣнія въ виду того значенія, какимъ пользовался онъ у польскихъ кальвинистовъ и вообще протестантовъ. Въ польско-литовскомъ государствѣ дѣятели реформаціи потому и имѣли успѣхъ, что выдвинули идею народной церкви съ польскимъ богослужебнымъ языкомъ; этимъ они нашли себѣ сочувствіе даже со стороны людей, не располагавшихъ отрыватья отъ католичества (Оржеховскій, напр.). Въ прямомъ и косвенномъ воздѣйствіи протестантства на развитіе польской литературы и образованности заключается крупнѣйшая заслуга его предъ польской исторіей. „Если бы не протестантство, говоритъ Мацѣвскій, наше польское просвѣщеніе было бы тѣмъ же, къ чему пришло венгерское,—углубившись въ латынь, оно не овладѣло бы польской письменностью. Польскіе протестанты сдѣлали то, что, оставивши латынь, все болѣе вели нашу письменность къ польщизнѣ (*do polskości*), все болѣе оживляя ее народнымъ духомъ“ ³⁾. Дѣло началось съ переводовъ на польскій языкъ катихизисовъ и книгъ Священнаго Писанія, чѣмъ уже заявили себя лютеране, побуждаемые герцогомъ Альбертомъ прусскимъ, и въ чемъ они предупредили самихъ католиковъ ⁴⁾. Но болѣе значительная доля участія въ созданіи польской національной литературы принадлежитъ кальвинистамъ

¹⁾ Возможно, что въ Вильнѣ изучалась и польская исторія по книгѣ Димитровича. Понятно, что въ школахъ низшихъ программа была значительно уже.

²⁾ *Bukowski*, I, 369—371. *Łukasz.*, *Dzieje...* II, 165. Въ Императорской публичной бібліотекѣ есть, между прочимъ, панегирикъ, написанный въ 1640 г. семью студентами кейданской гимназіи по случаю посѣщенія ея Яномъ Радивилломъ (Лат., F, XIV, № 33). На смерть знаменитыхъ единовѣрцевъ ученики кальвинскихъ школъ, какъ вообще протестантскихъ, отзывались не только сочиненіемъ элегій и эпитафій, но и личнымъ участіемъ въ похоронахъ, иногда за деньги.

³⁾ *Maciejowski*, *Piśmienictwo polskie*, I, 51.

⁴⁾ Интересно, что лютеранскіе переводы легли даже въ основу первой католической польской Библии—Шарфенбергеровской или Леополитовской, 1561 г. (*Jocher*, № 2257 и прим.).

и сочиніанамъ. Ими была нѣсколько разъ переведена на польскій языкъ вся Библія ¹⁾ и отдѣльно—Новый Завѣтъ ²⁾. На немъ стали издаваться и другія произведенія, въ родѣ стихотворныхъ переложеній евангельскихъ притчей (Эразма Отвиновскаго), или сборниковъ духовныхъ пѣсень (Стан. Любенецкаго, Риневицкаго, ректора киселинской школы, Немирча), молитвъ (Фарновскаго), проповѣдей (Риневицкаго, Іоанна Лицивія Намысловскаго, новгородскаго пастора и ректора школъ виленскаго каштеляна Кишки), а также полемическихъ трудовъ (Фарновскаго, Шмальца) ³⁾. Но кромѣ этого мы располагаемъ положительными доказательствами того, что польскій языкъ дѣйствительно вошелъ въ программу калвинскихъ и соцініанскихъ школъ. Къ нимъ принадлежитъ прежде всего грамматика его, составленная ректоромъ пинчовской гимназіи Петромъ Статоріемъ (на латинскомъ языкѣ) ⁴⁾, а затѣмъ тотъ фактъ, что въ Вильну въ 80-хъ годахъ былъ присланъ для изученія его (ut Polonicam linguam addisceret) одинъ юноша изъ Любека ⁵⁾.

Не такъ посчастливилось русскому языку. Такъ какъ протестанты, какъ послѣ иезуиты, свою пропаганду въ польско-литовскомъ государствѣ направили прежде всего на польское общество и ополчившіеся слои литовско-русскаго народа, то языкомъ, на которомъ совершалась она, естественно явился польскій. И какъ трудно было обходиться безъ знанія его, видно изъ того, что даже московскіе рационалисты, чтобы распространять новыя идеи, даже въ центрѣ западной Россіи, на Волини, должны были изучать „польскую барбарію“, по выраженію князя Курбскаго ⁶⁾. Тѣмъ не менѣ русскій языкъ не былъ совершенно игнорируемъ западнорусскими протестантами. Извѣстно нѣсколько опытовъ употребленія его въ ихъ оригинальной и переводной литературѣ,—опытовъ, вызванныхъ отчасти цѣлями пропаганды, отчасти національными стремленіями. Первое мѣсто въ ряду такихъ произведеній занимаетъ извѣстный несвижскій катихизисъ, изданный несвижскимъ намѣстникомъ Матвѣемъ Кавечинскимъ и министрами Симономъ Буднымъ и Лаврентіемъ Крышковскимъ въ 1562 г., подъ заглавіемъ: „Катихисисъ. То есть, наука стародавняя, хрестіанская отъ светого писма, для простыхъ людей языка руского, въ пытанияхъ и отказѣхъ собрана“. Посвящая его сыновьямъ

¹⁾ Пинчовская Библія, изданная въ 1563 г. въ Брестѣ, несвижская 1570 г., заславская 1572 г., данцигская 1632 г. (*Iocher*, №№ 2266—2269).

²⁾ Несвижскій (1563 г.), Фальконія (въ Брестѣ, 1566), Буднаго (1574), Чеховича (въ Раковѣ, 1577, 1608, 1620 гг.). *Iocher* №№ 2315 sqq.

³⁾ *Sandius*, pp. 52. 53. 83. 89. 90. 94. 104. 142. 145.

⁴⁾ *Polonicae Grammaticae institutio. In eorum gratiam qui ejus linguae elegantiam cito et facile addiscere cupiunt. Cracoviae, 1568* (*Maciejowski*, о. с., III, 343). Но это не первая польская грамматика, какъ говоритъ Мацѣевскій. Опыты систематизаціи законовъ польскаго языка появились раньше. Такъ, еще въ первой половинѣ XV столѣтія такой опытъ сдѣлалъ краковскій ректоръ Яковъ Паркосскій (*L. Łukasiewicz*, о. с., wyd. 2, str. 66). Нѣчто въ родѣ грамматики представляла и книжечка Загоровскаго: *Orthographia seu modus recte scribendi et legendi polonicum idioma quam utilissimus*, 1518, 1526 (*Wierzbowski*, №№ 48, 1028).

⁵⁾ *Lit. an. S. J.* 1586—7, p. 138.

⁶⁾ Сказанія князя Курбскаго, изд. 2, 271.

Николаевъ Радивилловъ—Чернаго и Рыжаго и объясняя цѣль напечатанія „тѣхъ малыхъ новое кузни книгъ, онымъ славнымъ здавна далеко расширеннымъ словенскимъ языкомъ“ написанныхъ, издатели говорятъ, что дѣлаютъ это съ тѣмъ, чтобы молодые князья „не только въ чужеземскихъ языкѣхъ вохали, але бы ся тежъ и того здавна славнаго языка словенскаго розмиловали и онымъ бавити рачили. Слушная бо речъ есть—обращаются они къ Радивилламъ—абы ваши княжацкіе милости того народу миловати рачили, въ которомъ предки ваши издавна преложенства (высшія должности) несутъ“¹⁾. Изъ другихъ протестантскихъ произведеній на русскомъ языкѣ можно отмѣтить письмо (подложное) половца Ивана Смеры къ князю Владимиру, собраніе духовныхъ пѣсенъ, переведенныхъ съ нѣмецкаго языка на славянскій съ примѣсью бѣлорусскихъ словъ²⁾, и переводъ Новаго Завѣта 1581 г., сдѣланный соцініаниномъ Валентиномъ Негалевскимъ въ с. Хорошовѣ (нынѣ острожскаго уѣзда). Послѣдній трудъ, по заявленію переводчика, совершенъ былъ „за namовою и напомианемъ многихъ учоныхъ, богобойныхъ, а слово Божіе милующихъ людей, которыи писма польскаго читати не умѣютъ, а языка словенскаго читаючи, писмомъ рускимъ вывладу (значенія) словъ его не розумѣютъ“. Переводъ сдѣланъ съ польскаго, хотя Негалевскій имѣлъ, повидимому, дѣло и съ греческимъ и латинскимъ текстами³⁾. Вытекающей изъ всѣхъ этихъ фактовъ литературнаго употребленія западнорусскими протестантами русскаго языка выводъ о его и школьномъ употребленіи находитъ подтвержденіе въ устройствѣ новгородскими кальвинистами „русской школы“ (въ 1615—1616 г.) и въ попыткѣ Хр. Радивилла ввести въ слудкую гимназію преподаваніе „русскихъ наукъ“. Впрочемъ, по отношенію къ западнорусскимъ соцініанамъ этотъ выводъ теряетъ значительную долю своего вѣроятія въ виду того, что они очень скоро измѣнили своей національности и стали пользоваться въ своей литературной, по крайней мѣрѣ, дѣятельности польскимъ или латинскимъ языкомъ. Такъ, русскаго языка не употребляетъ больше даже Будный, хотя онъ послѣ изданія несвижскаго катихизиса много писалъ и переводилъ. Даже на Волыни малороссъ Юрій Немиричъ пишетъ религиозныя гимны и молитвы не на

¹⁾ «Славянскій» языкъ текста—то же западно-русское нарѣчіе, на которомъ написано и посвященіе. Послѣднее перепечатано въ Арх. сб., VII, въ пред. 0 виленскомъ изданіи этого катихизиса, относимомъ профессоромъ Малышевскимъ къ 1584 г. (Труды Кіев. дух. акад., 1876, II, 537, примѣч.)—мы нигдѣ больше не читали.—Несвижскій катихизисъ пользовался большою популярностью въ Россіи, распространяясь путемъ списыванія. Отъ него и отъ лютеранскаго катихизиса 1628 г., по словамъ патр. Адріана, по «всей велико-россійской и мало-россійской нивѣ расплодился заблужденія лютерскія, латинскія и кальвинскія» (*Родоскій*, Описаніе 432 рукописей С.-Петербур. дух. акад., стр. 122). См. рукою экземпляръ С.-Пет. д. акад. № 93 и Софійской библиот. № 1184.

²⁾ Труд. Кіевской дух. акад., 1876, II, 537, примѣч.

³⁾ Рукоп. кіевской михайловской библиотекы, № 1636, предисловіе «до ласковаго чителника». Негалевскій имѣлъ въ виду и православнаго читателя,—по крайней мѣрѣ, онъ, кромѣ дѣленій на главы, сохранилъ и зачала. Изъ надписей на книгѣ видно, что влад. были между прочимъ православныя, даже священники (Ср. Арх. Ю.-З. Р., I, VI, пред., 138—141.).

русскомъ, а на польскомъ языкѣ¹⁾.—Что до учебниковъ западнорусскихъ кальвинскихъ шволь, то о нихъ можно сказать очень мало, въ виду того, что объ этомъ предметѣ почти не сохранилось свѣдѣній. Можно только относительно учебниковъ по вѣроученію и нравоученію утверждать слѣдующее. Кромѣ катихизисовъ Кальвина и Робертовскаго, которые служили больше для изученія древнихъ языковъ, въ шволахъ западнорусскихъ употреблялись катихизисы, написанные на народныхъ языкахъ. Таковъ, прежде всего, несвижскій катихизисъ, который, несмотря на свой объемъ (6 + 3 + 251 in 8-vo), изложенъ довольно просто и назначался именно для дѣтей²⁾. Состоитъ онъ изъ четырехъ частей: 1) „Заповѣди, або законъ“,—изложение десяти заповѣдей Ветхаго Завета съ подробнымъ разборомъ каждой особо. 2) „Вызнанье вѣры“,—тексты символовъ апостольскаго и никейскаго съ объясненіемъ ихъ. 3) Молитва Господня и 4) Таинства—св. крещеніе и вечера Господня.

Несвижскій катихизисъ въ послѣдствіи былъ выправленъ виденскими кальвинистами и въ переводѣ на польскій языкъ былъ изданъ въ Вильнѣ въ 1598 г. на счетъ Яна Абрамовича и на его же счетъ былъ перепечатанъ съ дополненіями въ 1600 году подъ такимъ заголовкомъ: *Katechizm albo krotkie w iedno mieysce zebranie wiary u powinności krzescianskiey, z pasterstwem zborowym u domowym, u modlitwami, psalmami u piosnkami, na cześć a chwałę Panu Bogu k zborowi iego zbudowaniū. Teraz z nowu za pilnym przeyrzeniem u poprawieniem wydany. w Wilnie, 1600.* Въ томъ же, наконецъ, году вышелъ и еще одинъ польскій кальвинскій катихизисъ: *Wykład krotki Dziesięciorga przykazania Bożego, wyznania wiary u pacierza. Dla gospodarzów, czeładzi u dziatek ludzi krzescianskich*³⁾.

Свѣдѣній о дисциплинѣ кальвинскихъ училищъ сохранилось очень мало, но можно утверждать, что она была значительно строже, чѣмъ въ современныхъ католическихъ шволахъ⁴⁾, хотя случаи въ родѣ новгородскихъ нападеній кальвинскихъ швольниковъ на униатовъ должны нѣсколько ограничить это положеніе.

Въ кальвинскія училища поступали мальчики приблизительно лѣтъ десяти отъ роду⁵⁾, причемъ бѣдные принимались въ бурсы, какія су-

¹⁾ Они изданы были въ 1653 г. *Sandius*, 145. Тр. Кіев. д. акад., 1876, III, 182. 183. 200. 201. 206.

²⁾ Предъ текстомъ стоитъ новый заголовокъ: «Катихизисъ для детокъ христіанскихъ языка Рускаго, коротко выложена». Первые вопросъ и отвѣтъ: «Што есь ты;—Человѣкъ есьмь сътворенъ божие разумное, Богомъ по образу его сътворенное». Быть можетъ, не безынтересно знать, какую программу образованія рекомендуютъ издатели несвижскаго катихизиса: «Отци повинни ся о дети старати, абы ся божественное науки научили. Т. е. абы разумѣли о Бозѣ, о законе Божіемъ, о благовѣствованью або о благодати Божіей, которую намъ о смнѣ своемъ далъ. Теже о страшномъ суде. и о вѣчномъ животѣ, Ктому еще повинни родители научити сыновъ своихъ мастерства, або ремесла какого побожного.... Нехай учаться христіане наукъ потребныхъ, яко Писанію, богословію, потомъ иныше судьбамъ (астрологія?), лѣкарству, и инымъ почтивымъ наукамъ, тѣже ж воинства, дабы церкви напотомъ услужити могли и умѣли» (л. 61).

³⁾ *Bandtkie*, II, 294—296. *Wierzbowski*, № 3116.

⁴⁾ *Bukowski*, I, 371.

⁵⁾ *Wizerunki i roztrząsania naukowe*, IX, str. 32. 33.

ществовали въ Вильнѣ, Кейданахъ, Слудцѣ; но въ бурсахъ же помѣщались и пансіонеры, дѣлившіеся по степени состоятельности на нѣсколько разрядовъ. Такъ, въ виленскомъ общежитіи болѣе богатые дворянскія дѣти въ отношеніи стола стояли наравнѣ съ учителями и экономомъ: плата по 60 злотыхъ въ годъ, они получали обѣдъ изъ четырехъ блюдовъ. Менѣе состоятельные платили 50 зл. за обѣдъ изъ трехъ блюдовъ; а въ третьемъ разрядѣ плата была понижена до 30 зл. Пива давалось всѣмъ вволю ¹⁾.

Социніанскія школы въ Польшѣ и Лѣтвѣ, какъ и кальвинскія, подлежали въ высшей инстанціи надзору синодовъ. Послѣдніе завѣдывали общимъ направленіемъ социніанскаго образованія, указывали учебники, назначали въ отдѣльныя училища схолярховъ и иногда ректоровъ и учителей и контролировали всѣ стороны школьной жизни. Схолярхи вѣдали порядки каждой отдѣльной школы, приглашали ректоровъ, слѣдили за исполненіемъ обязанностей учителями и учениками, нерадивыхъ штрафовали и даже совсѣмъ удаляли. Ближайшій надзоръ за каждой отдѣльной школой принадлежалъ ректору ея, который былъ обыкновенно и учителемъ старшаго класса. Наконецъ, въ числѣ должностныхъ лицъ въ социніанскихъ училищахъ были экзаминаторы, которые, разумѣется, наблюдали спеціально за учебной частью ²⁾.

Общій характеръ социніанскаго образованія нашель себѣ выраженіе въ письмѣ главы польскихъ социніанъ въ концѣ XVI ст. Фауста Социна къ одному юношѣ, Андрею Войдовскому, обучавшемуся въ Краковѣ (18 марта 1583 г.). Нужно учиться тому, писалъ Социнъ, что пріятно или полезно не для тебя лично, а для всѣхъ тѣхъ, кому ты обязанъ чѣмъ нибудь. Наши же обязательства простираются на духъ, тѣло и внѣшнее. Блага духа снискиваются и сохраняются истинной философіей, блага тѣла—медициной, внѣшнія—юриспруденціей. Изъ нихъ всего предпочтительнѣе философія. Состоить она въ правильномъ познаніи Бога и Его воли, содержащейся въ Священномъ Писаніи. Послѣднее и должно изучаться главнымъ образомъ и къ нему должно быть сводимо изученіе свѣтскихъ наукъ (*humaniores literae*), которыя имѣютъ только относительную цѣну ³⁾. Такъ, важно знать латинскій языкъ, чтобы умѣть изящно говорить и писать о любой вещи, которая встрѣтится при истолкованіи священныхъ предметовъ, и чтобы можно было успѣшно защищать и пропагандировать божественную истину. Греческій языкъ необходимымъ не представляется; достаточно, если будешь самъ понимать правильно Новый Завѣтъ и собственный смыслъ словъ и выраженій. Для цѣлей эзегетики важенъ и еврейскій языкъ—не только для пониманія Вѣтхаго Завѣта, но и нѣкоторыхъ еврейскихъ идиотизмовъ, встрѣчающихся въ Новомъ Завѣтѣ. Изъ наукъ—діалектика

¹⁾ *Lukasz*, *Dzieje*..... II, 164. 165.

²⁾ *Lukasz*, *Hist. szkół*, I, 367. 368. *Ioche*, I, 342. 343.

³⁾ Фаустъ Социнъ не безусловно осуждаетъ гуманитарныя науки и въ одномъ письмѣ къ В. Шмальцу хвалитъ его за то, что онъ обучаетъ имъ въ Шмигль дѣтей (1593 г. *F. Socini Senensis ad amicos epistolae*, 1618, p. 514).

полезна, какъ средство различенія истины отъ лжи, и особенно та часть ея, которая касается изобличенія софизмовъ. Но должно изучать ее по Аристотелю или по его послѣдователямъ: всякая другая діалектика опасна и бесполезна. Мало нужна риторика: проповѣдникъ церковный— не ораторъ, и ту степень искусства, какую ему можно имѣть, дать практика, а не наука. Прочіе же свѣтскіе учебные предметы еще менѣе важны для Священнаго Писанія, за исключеніемъ философской этики, но и тутъ лучше обращаться къ самой Библии ¹⁾.

Дидактическія воззрѣнія Фауста Социна, хотя онъ не имѣлъ непосредственнаго отношенія къ школьному дѣлу, однако, въ силу его авторитетности, отразились нѣсколько и на программахъ лучшихъ социніанскихъ школъ—любартовской и раковской, и на сочиненіяхъ социніанскихъ педагоговъ ²⁾.

Для сужденія о порядкахъ социніанскихъ школъ въ западной Россіи довольно было бы имѣть подѣ руками *Schola Levarioviana restituta* Альберта Калишскаго, такъ какъ по образцу любартовскаго училища устроилась впоследствии раковская академія и затѣмъ волынскія школы. Но намъ пришлось вмѣсто всей брошюры Калишскаго довольствоваться только тѣми ничтожными извлеченіями изъ нея, какія находятся у Жошега, дополнивъ ихъ свѣдѣніями, помѣщенными у Лукашевича.—Любартовская школа дѣлилась на пять классовъ, изъ которыхъ каждымъ завѣдывалъ отдѣльный учитель (старшимъ—самъ ректоръ). Кромѣ того, имѣлся еще преподаватель ариѳметики и музыки (или пѣнія), которые, очевидно, были предметами общими для всѣхъ или для многихъ классовъ. Онъ разучивалъ съ учениками псалмы Давида въ латинскомъ переводѣ Буханана и въ польскомъ — Яна Кохановскаго. Кромѣ музыки и ариѳметики, въ любартовской школы изучались и другія части системы семи свободныхъ искусствъ, въ томъ числѣ діалектика по Аристотелю съ неизбѣжными ежемѣсячными диспутами по различнымъ предметамъ, а также гражданское польское право, къ которому послѣ присоединилось изложеніе книгъ Юстипіана. Специально социніанскій характеръ любартовской школѣ придавало изученіе антитринитарскаго вѣроученія, которое предлагалось въ формѣ богословія самимъ Альбертомъ. Для успѣшнѣйшаго изученія Священнаго Писанія, которое было источни-

¹⁾ *Fausti Socini Epistolae ad amicos*, pp. 565—572 (id. *Bibliotheca fratrum polonorum*, I, 469 et sqq.).

²⁾ Такъ, раковскій профессоръ Крелль въ своей христіанской этикѣ высказываетъ тотъ же взглядъ на Священное Писаніе, какъ на единственно полезный для спасенія предметъ, который должно изучать и днемъ и ночью, и на прочіе науки и языки— лишь какъ на средства для правильнаго истолкованія его (*Bibliotheca fratrum polonorum*, IV, pp. 416. 417). См. также инструкцію другого извѣстнаго раковскаго профессора Мартина Руара молодому Ржечицкому предъ отправленіемъ его за границу. Хотя здѣсь программа образованія расширена новами языками, математикой съ географіей, политикой съ исторіей общей и польской, но въ основѣ ея—постоянное чтеніе и изученіе Священнаго Писанія (*Lukasz*, *Hist. szkół*, I, 364—367). Въ Раковѣ изучался, вѣроятно, и нѣмецкій языкъ, судя по тому, что тамъ издавались на немъ катихизисы и книги Священнаго Писанія (*Sandius*, 116).

комъ богословія, Альбертъ Калишскій сталъ, кажется, преподавать и еврейскій языкъ. Возможно также, что въ любартовской школѣ, какъ послѣ въ раковской, преподавались и физика съ этикой ¹⁾. Учебниками по „религии“ у польско-литовскихъ социніанъ были составленные ихъ богословами катихизисы. Первоначально социніане пользовались, впрочемъ, несвижскимъ катихизисомъ, передѣлывая его, сообразно съ своими вѣроисповѣдными особенностями (конечно, рукописные экземпляры его ²⁾); но одновременно стали заботиться и о собственныхъ. Уже въ 1574 году вышелъ въ свѣтъ первый раковскій катихизисъ, составленный въ Раковѣ Григоріемъ Паули, бывшимъ краковскимъ пасторомъ и сеніоромъ, и редактированный Фаустомъ Социномъ и Петромъ Статоріемъ: *Catechesis et confessio fidei coetus per Poloniam congregati in nomine Iesu Christi, Domini Nostri crucifixi et resuscitati* ³⁾. Послѣ этого къ сочиненію катихизиса приступилъ самъ Фаустъ Социнъ и, надо полагать, окончилъ его, но произведеніе это погибло въ 1591 году, вмѣстѣ съ другими сочиненіями Социна, при разгромѣ краковской чернью протестантскаго храма и дома Социна. Отъ него остался только небольшой отрывокъ, изъ котораго видно, что катихизическое ученіе Социнъ разбилъ на части по числу дней, въ которые вели бесѣду учитель съ ученикомъ, и что разъясненія учителя очень длинны и едва-ли были пригодны для малыхъ дѣтей ⁴⁾. Но необходимость въ катихизисѣ для социніанъ и ихъ школъ побудила Фауста Социна тотчасъ же приняться за составленіе новаго, однако и его онъ не кончилъ ⁵⁾. Послѣ смерти П. Статорія, взявшагося было продолжать трудъ Социна (Социнъ умеръ въ 1604, а Статорій въ 1605 г.), катихизисъ социніанскій былъ обработанъ и изданъ на польскомъ языкѣ Валентиномъ Шмальцомъ при сотрудничествѣ Иеронима Мошкоровскаго подъ заглавіемъ: *Katechizm, in Racowie, 1605*. А вмѣстѣ съ этимъ, такъ называемымъ, большимъ катихизисомъ, былъ изданъ въ Раковѣ же на польскомъ и пѣмецкомъ языкѣ—малый катихизисъ для дѣтей. Для дѣтей же (*pro parvulis*) былъ изданъ и напечатанъ катихизисъ въ 1612 г. на латинскомъ и польскомъ языкахъ. Польское изданіе большого катихизиса было повторено

¹⁾ *Iocher*, I, 343—345. *Łukasz*, I, 356. 357.

²⁾ *Bandtkie*, II, 294—296.

³⁾ *Sandius*, p. 44. *Bandtkie*, I, 374—375. *Krasinski*, 140, прим. Нѣкоторые приписываютъ составленіе этого катихизиса Шоману. Но трудно отождествлять съ нимъ дѣйствительно принадлежащій Шоману его рукописный катихизисъ: *Catechismus quem pro liberis suis ex S. Scriptura collegit* (*Sandius*, 47, 196; *Будринъ*, II, 284, прим. 2).

⁴⁾ Отрывокъ этотъ напечатанъ впервые въ *Bibliotheca fratrum polonorum*, I, 677—689: *Fragmentum catechismi prioris F. S. S., qui periit in Cracoviensi rerum ipsius directione*.

⁵⁾ Въ 1595 г. Социнъ писалъ Валентину Шмальцу: *Catechismus meus vix ante annos tres inceptus, est statim postea perpetuo fere intermissus* (*F. Socini Sen. ad amicos epistolae, Racoviae, 1618*, p. 515; *id. Bibl. frat. polon.*, I, 459). Впослѣдствіи Социнъ продолжилъ катихизисъ, но за смертію прервалъ его на ученіи объ лицѣ Іисуса Христа (*Bibliotheca fratrum polon.*, I, 651—676: *Christianae religionis brevissima institutio, per interrogationes et responsiones, quam Catechismum vulgo vocant*).

въ 1619 году; въ 1608 г. Шмальцъ перевелъ его на нѣмецкій языкъ, перепечатавъ его въ 1612 году, а Мошковорскій издалъ въ 1609 г. латинскій переводъ его. Впослѣдствіи раковскій катихизисъ еще не разъ былъ издаваемъ на разныхъ языкахъ и съ передѣлками ¹⁾).

Мы имѣли подъ руками латинское изданіе 1608 г.: *Catechesis Ecclesiarum, quae in Regno Poloniae et Magno Ducatu Lithuaniae et aliis ad istud Begnum pertinentibus provinciis, affirmant, neminem alium praeter Patrem Domini Nostri Iesu Christi, esse Unum illum Deum Israelis; hominem autem illum Nazarenum qui ex virgine natus est, nec alium, praeter aut ante ipsum, Dei Filium Unigenitum, et agnoscunt et confitentur* (Racoviae, a. 1609, 12°). Весь катихизисъ состоитъ изъ 250 страницъ и раздѣляется на слѣдующія части: о Священномъ Писаніи, о пути къ спасенію, о познаніи Бога, о познаніи Христа, о пророческомъ, царскомъ и священническомъ служеніи Христа, о церкви Христовой видимой и невидимой. Въ содержаніе ученія о пророческомъ служеніи Христа, которое состоитъ въ откровеніи воли Божіей, входитъ изложеніе заповѣдей ветхозавѣтныхъ, утвержденныхъ и дополненныхъ Христомъ (напр., первая заповѣдь—сообщеніемъ молитвы Господней, которая и истолковывается здѣсь), и новозавѣтныхъ, ученіе о таинствахъ—вечерѣ Господней и крещеніи, объ обѣщаніи вѣчной жизни и Духа св., о смерти Христовой, о вѣрѣ, о свободномъ произволеніи и объ оправданіи.

Кромѣ катихизисовъ, въ соцініанскихъ школахъ, особенно высшихъ, руководствомъ къ изученію догматики могло служить произведеніе Фелькеля (Volkelius) — *De vera Religione libri quinque*, пользовавшееся у соцініанъ огромнымъ значеніемъ и изданное послѣ его смерти (†1618). Состоитъ оно изъ шести книгъ (первая написана Креллемъ): *De Deo et ejus attributis, De Dei operibus, De religione Christiana, De praeceptis Christi, De adjumentis ad perseverantiam in fide ac pietate necessariis, De Christi ecclesia*. Такимъ руководствомъ могло служить и сочиненіе Христофора Остородта: *Unterrichtung von den vornehmsten Hauptpuncten der Christlichen Religion*. Rakow, 1612 ²⁾. Пособіями же къ изученію и догматикѣ и Священнаго Писанія въ соцініанскомъ духѣ могли служить тѣ массы толкованій на разные книги Новаго Завѣта, которыя написали вожди антитринитарства.

Точно также въ высшихъ школахъ изученіе нравственности христіанской не ограничивалось тѣмъ, что находилось въ катихизисѣ, а завершалось слушаніемъ курса этики. Этикъ христіанской при этомъ предшествовалъ курсъ морали философской, Аристотелевой. До насъ дошелъ курсъ этики, читанный въ раковской гимназій ректоромъ ея Іоанномъ Креллемъ и напечатанный лишь послѣ его смерти, съ нѣкоторыми поправками ³⁾. Первая часть ея въ амстердамскомъ изданіи

¹⁾ Sandius, p. 100, 101, 105. Krasinski, 313. *Будринъ*, вып. III, 3—5.

²⁾ Sandius, 96; *Будринъ*, III, 6, прим. 4 и стр. 9, прим.

³⁾ *Prima ethices elementa in gratiam studiosae juventutis opus posthumum: praefixa est Petri Moscorovii praefatio, 1635* (Sandius, 116).

озаглавлена: *Ethica Aristotelica ad sacrarum Literarum normam emendata* ¹⁾. Въ ней Крелль излагаетъ нравственное ученіе Аристотеля, съ ссылками на множество языческихъ писателей (Сенеку, Пивагора, Горация, Цицерона, Платона и друг.), на Священное Писаніе и на богословскую этику ²⁾. Сохранено при этомъ общее содержаніе Аристотелевой этики и ея раздѣленіе на четыре части: о высшемъ благѣ (о блаженствѣ), о добродѣтели, объ удовольствіи, о дружбѣ. Но ученіе философа освѣщено христіанскимъ свѣтомъ и изложено такимъ образомъ, чтобы могло служить основой для богословской морали: „Чему мы научились изъ философіи, заключаетъ Крелль свои лекціи, желаемъ, чтобы этимъ могли служить и помогать богословію“ ³⁾. Что до христіанской этики, то у Крелля она является „изъясненіемъ добродѣтелей и пороковъ, о которыхъ есть упоминаніе въ Священномъ Писаніи“. Раздѣляется она на пять частей: 1) о христіанской добродѣтели вообще и о добродѣтеляхъ ума въ частности (таковы: знаніе, мудрость, вѣра, надежда), 2) о добродѣтеляхъ воли вообще, 3) о моральныхъ добродѣтеляхъ, относящихся къ Богу, 4) о добродѣтеляхъ по отношенію къ ближнему и самому себѣ и 5) объ обязанностяхъ, свойственныхъ прочимъ людямъ ⁴⁾.

Руководствомъ по діалектикѣ у западнорусскихъ сочиніанъ было *Instrumentum doctrinarum Aristotelicum in usum Christianarum scholarum exemplis theologicis illustratum per Gratianum Prosperum, Losci, 1586* ⁵⁾. По математикѣ существовалъ учебникъ Іоакима Стегмана, раковскаго ректора (†1632), — *Institutionum mathematicarum libri duo, quibus initia arithmeticae et geometriae, pro incipientibus delucide explicantur et ad praxim accommodantur: jussu superiorum in usum scholae Racovianae conscripti, 1630*. Ариѳметика оканчивается здѣсь десятичными дробями, а геометрія — стереометріей ⁶⁾. Наконецъ, Зандъ, этотъ историкъ и библиографъ антитринитарской литературы, видѣлъ рукописные курсы метафизики—Христ. Остородта, логики и метафизики „реформированной“ (*reformata*)—Іоанна Стегмана и его же—*Annalecta mathematica, метафизики „очищенной“ (repurgata)* Хр. Стегмана, а также нѣкоторыя сочиненія Андрея Вишоватаго, внука Ф. Социна, которыя, если и не употреблялись въ нашъ періодъ въ социніанскихъ школахъ, какъ учебники, то во всякомъ случаѣ могутъ служить къ большому знакомству съ ихъ программой. Это—*Physicae problemata, Breves institutiones Logicae, Ethicae seu philosophiae moralis compendium, Historiarum insignium a mundo condito compendium* ⁷⁾.

¹⁾ *Bibliotheca fratrum polonorum*, IV, f. 149 et sqq.

²⁾ См., напр., ff. 156. 157. 158.

³⁾ *Ibid.*, f. 229.

⁴⁾ Въ амстердамскомъ изданіи 1656 г. обѣимъ этимъ частямъ предшествуютъ еще *Ethices seu doctrinae de moribus prolegomena* (pp. 119—148).

⁵⁾ *Sandius*, 72.

⁶⁾ *Sandius*, 133. *Fukasz.*, I, 369.

⁷⁾ *Sandius*, 91. 133. 134. 145. 146.

Итакъ, въ соцініанскихъ школахъ наибольшее вниманіе удѣлялось вѣроученію. Сообразно съ этимъ и воспитаніе было направлено къ образованію изъ воспитанника не столько человѣка и гражданина, сколько соцініанина. Неудивительно поэтому, что соцініанская молодежь проявляла не разъ фанатическое отношеніе къ другимъ исповѣданіямъ и ихъ святынямъ. Такъ, въ Раковѣ въ 1637 году студенты ниспровергли католическія скульптурныя фигуры Страстей Господнихъ (въ результатѣ чего и было закрытіе академіи) ¹⁾. Иногда бывали случаи кощунственнаго отношенія „аріанъ“ къ священнымъ предметамъ и православной церкви ²⁾. Это обстоятельство въ связи съ иностраннымъ происхожденіемъ многихъ соцініанскихъ учителей и съ пристрастіемъ учениковъ къ панегирикамъ въ честь знатныхъ единовѣрцевъ, дѣлали соцініанскія школы немногимъ выше іезуитскихъ, къ которымъ онѣ приближались и въ томъ отношеніи, что въ нихъ ректора и учителя не подолгу оставались въ своихъ должностяхъ. Учителство здѣсь было только переходной ступенью къ занятію должности проповѣдника или министра въ болѣе видныхъ и богатыхъ общинахъ.

Но при всемъ томъ соцініанскія и вообще протестантскія школы въ Польшѣ и Литвѣ въ изслѣдуемый нами періодъ времени привлекали къ себѣ массу молодежи и не только протестантской, но и католической и православной. Окончившихъ курсъ лучшихъ воспитанниковъ приглашали въ свои дома въ качествѣ учителей даже знатные католики ³⁾. Естественнымъ потому является, что противъ декрета о закрытіи раковскаго училища протестовали представители всѣхъ главныхъ исповѣданій государства ⁴⁾. Общая постановка дѣла, гуманитарная сторона образованія, педагогическая часть были въ протестантскихъ школахъ настолько недурны, что скрывать того не находить возможнымъ даже о. Буковскій ⁵⁾. Правда, онъ, признавая нѣкоторыя хорошія стороны протестантскихъ школъ въ Польшѣ и ихъ педагогики, повліявшія на развитіе народнаго образованія и, вслѣдствіе соревнованія, на развитіе католическихъ школъ,—отыскиваетъ въ нихъ и вредныя для дѣла черты. Чувство нетерпимости, возбужденное ими, и было, по нему, причиною гибели государства, тѣмъ болѣе, что въ этихъ школахъ не было народнаго духа, а былъ духъ чужой, почти космополитическій, и притомъ вѣроисповѣдной, ставившій интересы сѣты выше отечества ⁶⁾. Упреки Буковскаго отчасти справедливы, но нѣкоторыя изъ обвиненій его съ большей справедливостью могутъ быть перенесены на іезуитскія

---

¹⁾ *Łukasz.*, I, 359. 360.

²⁾ Архивъ юг-зап. Россіи, I, т. VI, № 101 и пред., стр. 160. 161.

³⁾ Такъ, внукъ Ф. Социна А. Вишоватый занимался съ дѣтьми люблинскаго воеводы Петра Тарло (1629). *Sandius*, 229—231.

⁴⁾ *Sandius*, 278, прим.

⁵⁾ *Bukowski*, I, 369.

⁶⁾ *Bukowski*, I, 394—396.

училища. — Съ другой стороны, появленіе протестантства въ западной Россіи повліяло на подъемъ просвѣщенія вообще и школьнаго въ частности, не только католическаго, но и православнаго, и не только съ отрицательной стороны, но и съ положительной.

ОТДѢЛЪ III.

ПРАВОСЛАВНЫЯ ШКОЛЫ.

ГЛАВА VIII.

Православное просвѣщеніе въ западной Россіи до учрежденія острожской и братскихъ школъ и обстоятельства, обусловившія появленіе ихъ.

Историки западнорусской церкви и западнорусскаго народа, занимавшіеся или только касавшіеся вопроса о состояніи просвѣщенія въ XVI и началѣ XVII ст., въ сужденіяхъ о качественной и количественной сторонахъ его расходятся между собою до діаметральной противоположности. Въ то время какъ одни готовы ставить его и питавшія его школы очень высоко, допуская существованіе у насъ тогда даже академій (архим. Арсеній, г. Брянцевъ),—другіе (Костомаровъ, Кулишъ, Бедрицкій) ¹⁾ ставятъ ихъ очень низко, усвоая имъ вмѣстѣ съ тѣмъ черты латино-польской или протестантской образованности. Пессимистическое отношеніе этой группы изслѣдователей къ западнорусской образованности въ XVI в. доходитъ у нѣкоторыхъ до того, что они считаютъ ее ниже даже московской за тотъ же періодъ времени ²⁾. Средину между тѣми и другими занимаютъ историки, которые, подобно Максимовичу, м. Макарію, придаютъ и школамъ и литературѣ западнорусскимъ народный характеръ и ставятъ ихъ выше того уровня, на который низ-

---

¹⁾ Ниже будутъ указаны тѣ изслѣдованія, въ которыхъ названные авторы проводятъ указанные взгляды.

²⁾ *Соколовъ*, Отношеніе протестантизма къ Россіи, 255. *Н. Бедрицкій*, Литературная полемика православныхъ съ протестантами въ юго-западной Руси въ XVI и XVII вв. (Мин. еп. вѣд., 1888, стр. 50). Г. Кулишъ отрицаетъ даже существованіе въ з. Россіи въ XVI в. грамотныхъ людей! Ссылаясь на свидѣтельство Стрыйковскаго, что знатные литвины и русины добывали себя для писарскихъ услугъ людей изъ московскаго государства, г. Кулишъ такъ объясняетъ этотъ фактъ: «сами они (западноруссы) не въ состояніи были писать грамотъ, листовъ, духовныхъ завѣщаній и др. необходимыхъ актовъ, а ихъ поны и дяки, само собой разумѣется, были невѣжественнѣ пановъ». (Исторія возсоединенія Руси, I, 202—204). Ниже мы увидимъ, справедливо ли это утвержденіе.

вели ихъ историки—пессимисты, не обольщаясь въ то же время подобно, изслѣдователямъ первой категоріи.

Для болѣе правильнаго и яснаго пониманія характера западнорусскаго просвѣщенія въ избранное время, и по существу дѣла, мы считаемъ болѣе удобнымъ раздѣлить его на двѣ части—отъ начала XVI ст. до конца 70-хъ годовъ его и отъ начала 80-хъ годовъ до 1633 г. Основаніемъ для такого дѣленія служатъ нѣсколько событій, случившихся на рубежѣ этихъ періодовъ и повліявшихъ на развитіе количественной и на улучшение качественной сторонъ нашего образованія. Это были люблинская унія, открывшая польской культурѣ доступъ во всѣ русскія области польско-литовскаго государства, успѣхи протестантизма, призваніе іезуитовъ, съ одной стороны, и съ другой,—въ качествѣ явленій, умѣрившихъ западныя просвѣтительныя вліянія, — оживленіе сношеній съ Востокомъ и культурное воздѣйствіе московской Руси.

Были ли въ западной Россіи школы до 1580 г.?—Авторъ „Перестроги“ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ въ отрицательномъ смыслѣ. Русскіе, говоритъ онъ, передавая рѣчь одного львовскаго братчика, сказанную будто бы на варшавскомъ сеймѣ 1598 г., „яко ся окрестили, и не училися, только церкви будовали“. И въ другомъ мѣстѣ онъ разсуждаетъ: русскіе, принявъ вѣру христіанскую отъ грековъ, сдѣлались большими ревнителями ея,—„много зъ великимъ коштомъ церквей и монастырей намуровали и маетностями опатрили, золотомъ, серебромъ, перлами и дорогими камнями церкви пріоздобили, книгъ великое множество языкомъ словенскимъ нанесли: лечъ того, что было напотребнѣйшее, школъ посполитыхъ не фундовали“¹⁾. Но авторъ „Перестроги“ не совсѣмъ правъ: наряду съ построеніемъ и украшеніемъ храмовъ наши предки заботились, хотя и меньше, и о просвѣщеніи, и школы наши, начавъ свое существованіе во времена Владимира св., не прекратили его и до конца XVI ст.²⁾.

¹⁾ А. З. Р. IV, стр. 204. 223. Перестрога—историко-полемическое сочиненіе, написанное въ первые годы XVII ст. Авторомъ ея до послѣдняго времени считали Андрея, львовскаго вснесенскаго священника, на томъ основаніи, что авторъ Перестроги говоритъ о своемъ присутствіи на брестскомъ соборѣ 1596 г., а изъ «Ектезиса» мы узнаемъ, что на этомъ соборѣ Андрей былъ нотаріемъ (Чт. въ моск. общ. ист. и древн. росс., 1879, I. Ekthesis abo krotkie zebranie spraw, ktore się działy na partykularnym, t. j. romiastnym synodzie w Brześciu Litewskim, пред. Попова, стр. IV—V). Дѣйствительно, тутъ, при перечисленіи депутатовъ отъ православной половины собора къ митрополиту Рагозѣ, упоминается въ первый и во второй разъ Андрей пресвитерь, но въ первомъ же и въ третьемъ посольствѣ встрѣчается имя и другаго нотарія-Григорія. Если же допустить здѣсь обычное въ то время смѣшеніе этого имени съ именемъ Георгія, то не трудно будетъ признать авторомъ Перестроги Юрія Рогатинца, одного изъ видныхъ членовъ львовскаго братства, который принималъ горячее участіе въ церковныхъ дѣлахъ того времени и извѣстенъ, какъ писатель (ср. *Franko, Z dziejów synodu Brzeskiego* 1596. *Kwartalnik historyczny*, 1895, zes. I, 19—22).

²⁾ По вопросу о древнихъ русскихъ школахъ и образованіи можно читать, кромѣ множества статей, разбѣянныхъ по разнымъ журналамъ, изслѣдованія *Н. Лагровскаго*: О древне-русскихъ училищахъ (Харьковъ, 1854), *С. Миропольскаго*: Очеркъ исторіи церковно-приходской школы отъ перваго ея возникновенія на Руси до настоящаго вре-

Нѣтъ сомнѣнія, что о школахъ уже заботился просвѣтитель Руси, св. Владимиръ, о которомъ въ Лаврентіевскомъ спискѣ Несторовой лѣтописи мы читаемъ подъ 988 г.: „и нача ставити по градомъ церкви и попы, и люди на крещенье приводити по всѣмъ градомъ и селомъ. Поставъ нача поимати у нарочитое чади дѣти, и дати нача на ученье книжное; матере же чадъ сихъ плакахуся по нихъ, еще бо не бяху ся утвердили вѣроу, но абы по мертвеци плакахуся“¹⁾. Подобнымъ же образомъ поступали и другіе князья, начиная съ Ярослава Мудраго, открывшаго въ *Новгородѣ* училище на 300 дѣтей²⁾. Имъ въ этомъ дѣлѣ помогали и епископы. Изъ древнѣйшихъ русскихъ школъ сохранились историческія извѣстія, кромѣ новгородской, о *ростовской*, завеленной въ 992 г. епископомъ Леонтіемъ, о *курской*, въ которой обучался преп. Θεодосій³⁾, о *туровской*⁴⁾. Но, конечно, училищъ въ до-

---

мени (Выш. I—III). Обширная литература этого предмета указана у г. Миропольскаго (прилож. къ вып. III), у проф. *Леонтовича* въ прилож. къ статьѣ: Школьный вопросъ въ древней Россіи (Варш. унив. изв., 1894, V; id. Церк. вѣдом., 1894, № 33).

¹⁾ Полн. собр. рус. лѣтоп., I, 51. У Длугоша подъ 6496 г. помѣщено такое извѣстіе: *Wladimirus—pueros Ruthenorum applicat litteris, artifices insuper ex Graecia adductos salateat* (Лѣт. зап. Археогр. комиссіи, 1865—6 г., вып. IV. Прилож.: Русскія извѣстія Длугоша, стр. 80, 81).

²⁾ П. С. Р. Л., V, 136.

³⁾ *Лавровскій*, о. с., 32—34, 38. Въ Курскѣ было даже нѣсколько учителей. Въ житіи Θεодосіевомъ говорится, что онъ былъ данъ «на ученіе божественныхъ книгъ *единому отъ учителя*.. и вскорѣ извѣче вся грамотакия» (Житіе преп. Θεодосія. Чт. въ моск. общ. ист. и древн. рос., 1858, III, л. 20 об.).

⁴⁾ Воспоминанія о древнемъ православіи зап. Руси (Чт. въ общ. люб. дух. пр., 1867, 160, прим. I; 178—179). Авторъ утверждаетъ существованіе въ древнѣйшую эпоху еще слѣд. училищъ: въ Пинскѣ, Слуцкѣ, Мозырѣ, Минскѣ. Представителемъ туровской школы является извѣстный проповѣдникъ св. Кириллъ, представителемъ пинской—Митрофанъ лѣтописецъ, слуцкой—священникъ Евгеній, минской—нѣвецъ князя Всеслава Баянъ.—Кромѣ лѣтописей и житій святыхъ, богатый матеріалъ для исторіи русскаго просвѣщенія въ первые вѣка даетъ Татищевъ въ своей Исторіи Россійской. Изъ нея мы узнаемъ, что кн. Всеволодъ Ярославичъ «много въ монастыри и церкви на училища подаванія подавалъ» (II, 144), что его дочь Янка превратила въ 1086 г. построенный имъ андреевскій монастырь въ женскій училищный (II, 138), что въ концѣ XI ст. на Волыни существовалъ институтъ наблюдателей церковно-приходскихъ школъ. Такъ, Татищевъ заставляетъ автора повѣствованія объ ослѣпленіи Василька галичскаго сказать о себѣ подъ 1097 г.: «Василько содержанъ былъ во Владимирѣ... и какъ приближился постъ великій, случилось мнѣ быть тогда во Владимирѣ смотрѣнія ради училищъ и наставленія учителей» (II, 181). Но послѣ выхода въ свѣтъ Исторіи русской церкви проф. *Голубинскаго* едва ли можно полагаться на эти «свидѣтельства» Татищева, у котораго, какъ доказываетъ г. Голубинскій, была явная тенденція показывать, что у насъ въ домонгольскій періодъ было просвѣщеніе, и такимъ, историческимъ путемъ обличить и посрамить защитниковъ допетровскаго невѣжества (см. въ Прилож. къ I половинѣ I тома статью: «Татищевъ объ училищахъ и просвѣщеніи у насъ въ періодъ домонгольскій», стр. 709—715). Тѣмъ не менѣе и теперь еще говорятъ о наблюдательствѣ лѣтописца Нестора, считая его, вслѣдъ за м. Евгеніемъ, авторомъ разсказа объ ослѣпленіи Василька, хотя уже доказано, что этотъ разсказъ принадлежитъ нѣкому Василію, чтб, впрочемъ, сдѣлалось извѣстно вполнѣ влѣдствіи и самому м. Евгенію (*Полетася*, Труды митрополита Кіевскаго Евгенія Болховитнинова, 278).

монгольскій періодъ было гораздо больше. Русская земля находилась тогда въ благоприятныхъ сравнительно условіяхъ для развитія образованія, благодаря оживленнымъ сношеніямъ не только съ Греціей, но и съ западно-европейскими странами. Нашествіе татаръ нѣсколько задержало успѣхи нашего просвѣщенія, но не потому, чтобы ханы враждебно относились къ церкви и къ школь: имъ они оказывали даже покровительство ¹⁾; а потому, что во время татарскихъ наѣздовъ гибли въ огнѣ пожаровъ образовательныя учрежденія—храмы, монастыри, школы. Тѣмъ не менѣе, монгольское иго не погубило литературы нашей ²⁾, и не уничтожило школь.

Доказательства существованія школь въ монгольскій періодъ на всемъ пространствѣ земли русской даютъ какъ житія святыхъ, о которыхъ почти неизмѣнно отмѣчается, что они, „времени приспѣвшу“, отдаваемы были учиться грамотѣ, книгамъ, божественному писанію и т. п. ³⁾, такъ и то самое посланіе новгородскаго архіеп. Геннадія къ м. Симону (1496—1504), которое обыкновенно приводится въ подтвержденіе мысли о полнѣйшей безграмотности Руси въ это время ⁴⁾. Правда, къ срединѣ XVI ст. школьное образованіе упало, но отцы стоглаваго собора помнили, что „преже сего въ Російскомъ царствіи на Москвѣ и въ вел. Новѣгородѣ и по инымъ городомъ многія училища бывали. грамотѣ и писати и пѣти и чести учили. и потому тогда грамоте и писати и пѣти и чести гораздыхъ много было. но пѣвцы и четцы и добры писцы славны были по всей земли и дондесь“. И соборъ опредѣлилъ, чтобы священники и діаконы во всехъ городахъ открывали въ своихъ домахъ школы, куда бы принимали дѣтей „на учение грамоте и на учение книжнаго писма и церковнаго пѣтія псалтырнаго и чтенія налойнаго“,—всему, однимъ словомъ, сколько сами умѣютъ, „ничто же скрывающе, но отъ Бога мзды ожидающе“ ⁵⁾. И хотя мы не имѣемъ данныхъ, которыя показали бы, какъ отразилось это постановленіе собора на увеличеніи числа училищъ ⁶⁾, но можно быти увѣрену, что это умноженіе послѣдовало и что во второй половинѣ XVI ст., съ усиленіемъ умственныхъ запросовъ, и училищъ было не меньше, и программы образованія были не уже, чѣмъ до стоглаваго собора. А что въ первой половинѣ XVI ст. школьное дѣло не было въ такомъ уже безнадежномъ положеніи, какъ привыкли думать, показываетъ свидѣтельство

¹⁾ *Лавровскій* (о. с., 52, прим. 1), а за нимъ г. *Миропольскій* (II, 18, 19) полагаютъ, что въ ярлыкѣ х. Узбека м. Петру термины: «книжники» и «учительные людскіе повѣстники» нужно понимать именно въ смыслѣ учителей.

²⁾ *М. Макарій* увѣряетъ, что наша литература въ монгольскій періодъ не стала бѣднѣе, а переводная была даже богаче, чѣмъ въ домонгольскій (Ист. рус. церкви, т. V, кн. II (1866), 127, 128).

³⁾ *Миропольскій*, II, 13, 15.

⁴⁾ Акты историческіе, I, № 104. Ср. *Миропольскій*, III, 25—28.

⁵⁾ Стоглавъ, изд. 1862 г., стр. 121—123 (гл. 25, 26).

⁶⁾ Скоро послѣ стоглаваго собора открыта была монастырская школа въ Казани (1557 г.), но не видно, чтобы во исполненіе его требованія (Письмо ц. Іоанна IV къ архіеп. Гурію, 7065 г.—въ Продолж. Древней Россійской Вивлюевки, ч. V (1789), 241).

путешественника Фабра (1525 г.), который находилъ въ Россіи даже „гимназіи“, хотя и немногочисленные, гдѣ дѣти знатныхъ учились на русскомъ языкѣ свободнымъ наукамъ и преимущественно священнымъ. Ради писаній св. отцовъ весьма многіе, по нему, занимались греческимъ языкомъ, иные же изучали и иностранные ¹⁾. Далѣе, когда въ 1519 г. посолъ прусскаго магистра Альберта бранденбургскаго Шонбергъ просилъ в кн. Василю Ивановича позволить магистру послать въ Новгородъ или Псковъ на годъ или на два своего слугу Вулкана Пога—учиться у пресвитера языку и грамотѣ, князь отвѣчалъ такъ, какъ будто не нашелъ ничего страннаго въ просьбѣ и ничего невозможнаго въ исполненіи: „и маистръ послалъ бы своего человѣка въ нашу отчину, гдѣ онъ похочеть, въ Новъ ли городъ или во Псковъ, а мы прикажемъ, а велимъ его человѣка тутъ устроить и языку поучити“. И, дѣйствительно, повелѣлъ: по крайней мѣрѣ чрезъ пять мѣсяцевъ Альбертъ благодарилъ князя ²⁾. Затѣмъ, съ первой половины XVI вѣка въ нѣкоторыхъ школахъ сталъ изучаться греческій языкъ, благодаря Максиму Греку, который открылъ курсы его. Переводчикъ одной грамматики (или точнѣе нѣсколькихъ грамматическихкихъ правилъ), помѣщенной въ принадлежащемъ петербургской дух. академіи сборникѣ XVI в., замѣчаетъ, что онъ перевелъ это себѣ для памяти съ греческаго на славянскій, пребывая и учась въ училищѣ ³⁾. Наконецъ, что и другіе языки начинали входить въ московской Руси въ XVI в. въ школьное употребленіе, объ этомъ говорятъ свидѣтельства Бухау, по которому Грозный хотѣлъ завести въ Новгородъ и Псковъ школы для обученія дѣтей латинскому и нѣмецкому языкамъ, и Коллинса, сообщающаго, что царь будто бы устроилъ въ Москвѣ въ 1560 г. латинское училище, которое скоро было разрушено врагами просвѣщенія ⁴⁾. Всѣ эти факты дѣлаютъ во всякомъ случаѣ ясной для насъ послышку царемъ Борисомъ Феодоровичемъ чetyрехъ боярскихъ дѣтей въ Англію. „для науки разныхъ языковъ и грамотамъ“ (1602), и пятерыхъ въ Любекъ ⁵⁾.

Но если школы продолжали существовать въ XIII—XVI ст. въ московской Руси, то тѣмъ больше должно допустить ихъ существованіе въ зап. Россіи. Могущество галицкихъ князей, объединившихъ подъ своею властью Галицію, Волынь, Подолію, кіевскую, люблинскую, гродненскую и мнѣскую земли, при дружественныхъ обыкновенно отношеніяхъ ихъ къ польскимъ и венгерскимъ королямъ и литовскимъ князьямъ, могло служить въ теченіе XIII и XIV ст. нѣкоторымъ тормазомъ для татарскихъ вторженій. Но и въ зап. Россіи это зло, въ связи съ по-

---

¹⁾ *Berum Mosconitarum anctores varii nunc in corpus nunc primum congesti*. Francofurti, 1600, p. 140 (id. *Starcewski*, *Historiae Ruthenicae scriptores exteri saeculi XVI*, vol. I, p. 11).

²⁾ Сборн. Импер. рус. истор. общества, LIII, стр. 96. 100. 152.

³⁾ Рукоп. кирил.-болгосер. библиот., № 21/1093, л. 79 об.

⁴⁾ *Иконниковъ*, Изслѣдованіе о главныхъ направленіяхъ въ наукѣ русской исторіи (Кіев. унив. извѣстія, 1869, дек., 24).

⁵⁾ Сборн. рус. истор. общ., XXXVIII, 424. 425 (ср. 428. 430. 431). Кіевскія універс. изв., *ibid.*

литическими невзгодами, должно было отразиться невыгодно на нашемъ просвѣщеніи. „Изъ неправильности въ грамматикѣ, небрежности языка письменныхъ памятниковъ того времени видно, говорить И. О. Головацкій, языкъ книжное ученіе низко упало было“¹⁾.

Документальныя доказательства существованія школъ въ западной Россіи въ это время заключаются прежде всего въ житіи митрополита Петра, который, какъ извѣстно, родился на Волыни во второй половинѣ XIII вѣка,—житіи, составленномъ епископомъ ростовскимъ Прохоромъ: „сей святой Петръ митрополитъ родися отъ родителю крестьяну... и бысть седмь лѣтъ, нача учити грамоту сію“. И замѣчательно при этомъ, что въ ученіе отдала его, сироту, бѣдная его родственница. А изъ житія св. Стефана махрицкаго узнаемъ, что въ XIV вѣкѣ и въ Киевѣ были школы²⁾.

Мало того. Существуютъ указанія, что въ XIV вѣкѣ церковная жизнь была настолько развита, что школьное просвѣщеніе составляло одну изъ важныхъ обязанностей пастырей церкви. Такова, во первыхъ, грамота Льва, сына галицкаго короля Даниила, отъ 8-го марта 1301 г. данная имъ попамъ крылосской успенской церкви (капитулѣ галицкой митрополіи) и всѣмъ духовнымъ лицамъ греческаго исповѣданія. Князь Левъ, подтвердивъ всѣ права и привилегіи церкви, освободилъ вмѣстѣ съ тѣмъ отъ свѣтскаго суда всѣхъ игуменовъ, поповъ, ихъ сыновей, странниковъ, а также *школьниковъ* (*abecedarii*)³⁾. Другой документъ—фундушова записъ князя лудьга и владимирскаго Любарта Гедимновича соборной владимирской церкви. Предоставляя епископу мѣсто „въ сынклитѣ“ князей и бояръ владѣтельнаго князя, Любартъ Гедимновичъ даетъ ему вмѣстѣ съ тѣмъ право „всеми церквями и ихъ свещенъниками, нищихъ обителми, больницами, страннопріемницами радити... еретиковъ и непослушныхъ влести“, и запрещаетъ всѣмъ безъ его благословенія „ни церкви созидати, или самовластне разорити, или свещенъниковъ отъ него благословенныхъ отъ церкви отгапати, или *дидаскалю основати*“. Последнее выраженіе и даетъ право думать, что дидаскаліи (школы) въ XIV столѣтіи не только были обыкновеннымъ явленіемъ, но что даже дѣлаемы были свѣтскими людьми попытки основывать ихъ безъ вѣдома представителей церкви. Грамота князя возвращала ихъ къ прежнему контролю епископа⁴⁾.

---

¹⁾ Зоря Галицкая яко альбумъ, 1860, 438.

²⁾ *Миропольскій*, II, 13. 15. *Митр. Макарій*, Исторія русской церкви, V, Кн. II (1866 г. СПб.), 126, прим. «Времени приспѣвшу, говорится въ житіи св. Стефана, вданъ бываетъ отъ родителей своихъ на ученіе божественныхъ книгамъ, и вскорѣ извѣче божественныхъ книгъ писанія».

³⁾ Грамота эта сохранилась въ копіи подтвержденія ея въ 1592 г. Сигизмундомъ III, которому было представлено подтвержденіе ея Стефаномъ Баторіемъ въ 1581 г. (ему же представилъ грамоту еп. Геденъ Балабанъ). Арх. гр.-уніат. митропол., кн. III, № 106.

⁴⁾ Арх. Ю.-З. Р., ч. I, VI, № 1. Напечатанный здѣсь документъ есть не подлинная грамота Любарта, а выписъ изъ Коронной метрики подтвержденія Сигизмундомъ III текста ея, который еще ранѣе того, въ 1498 г., былъ представленъ королю Александру (въ позднѣйшей польской копіи онъ напечатанъ въ Вол. губ. вѣд., 1864, № 13, и въ Арх. Ю.-З. Р., I, I, въ подстроичномъ примѣчаніи къ № 46). Безъ сомнѣнія, этимъ обстоя-

Таковы данныя относительно западнорусскихъ школъ временъ болѣе или менѣе автономнаго, такъ сказать, существованія русскихъ княжествъ. Но и съ переходомъ ихъ подъ власть польскихъ королей и литовскихъ великихъ князей, что совершилось въ XIV ст., условія умственной жизни ихъ не измѣнились къ худшему, даже наоборотъ. Политическая связь русскихъ съ Польшей приобщала ихъ къ польской культурѣ, позволяла имъ учиться въ римско-католическихъ школахъ польскихъ областей го сударства и русскихъ (въ послѣднихъ римско-католическія школы стали заводиться, какъ сказано, уже въ XIV ст.). Существованіе же послѣднихъ вызывало на заботы о просвѣщеніи и православныхъ, побуждая ихъ устраивать собственныя училища (даже если допустить, что такія у нихъ исчезли). А обезпеченіе за русскими княжествами извѣстной степени политической самостоятельности и религіозной свободы, особенно въ Литвѣ, гарантировало свободу школы и просвѣщенія и принуждало къ заботамъ о нихъ. Дѣло въ томъ, что въ числѣ правъ, оставленныхъ Польшей и Литвой русскому населенію, было усвоеніе русскому языку юридическаго значенія, какъ языку законодательства, управленія, суда. А это обстоятельство поневолѣ вызывало на изученіе русской грамоты. Отъ XIV—XVI вв. до насъ дошли тысячи письменныхъ документовъ разнаго рода: „истотъ“, „духовницъ“ (или „достаментовъ“), листовъ купчихъ, раздѣльныхъ, мировыхъ, записныхъ, заставныхъ, вѣновныхъ, поручныхъ, долговыхъ. Все это — юридическая письменность, широкое развитіе которой обусловлено отчасти закономъ ¹⁾, но, съ другой стороны, она, свидѣтельствуя о довольно широкой распространенности грамотности, служитъ доказательствомъ того, что въ то время существовали и школы русскія. Должны же были гдѣ нибудь учиться тѣ массы „урядовыхъ“ чиновниковъ, для которыхъ знаніе русскаго языка и русскаго письма было обязательно по самому роду ихъ занятій. И особенности правописанія рукописей XV и XVI вѣковъ, по убѣжденію г. Владимірова, таковы, что могутъ свидѣтельствовать о существованіи въ древней Руси, въ книжныхъ центрахъ, особыхъ школъ письма; таково, напр., совершенно послѣдовательное отклоненіе переписчиковъ нѣкоторыхъ рукописей отъ особенностей русскаго языка въ пользу совершенно чуждыхъ ему особенностей болгарскаго правописанія ²⁾.

тельствомъ нужно объяснить нѣкоторыя несообразности какъ въ датѣ грамоты, такъ и въ именахъ епископовъ. Такъ, грамота датируется 6830 годомъ (т. е. 1322), когда Любартъ не былъ еще луцкимъ княземъ (почему вѣроятнѣе указываемый въ нѣкоторыхъ редакціяхъ грамоты 1372 годъ. Вол. еп. вѣд., 1878, стр. 351). Затѣмъ, современный Александру епископъ луцкій и острожскій названъ Ефремомъ, между тѣмъ такого никогда не было здѣсь. Во всякомъ случаѣ, если допустить неподвижность грамоты (В. Ивановъ, Епископы древней луцкой епархіи, Вол. еп. вѣд., 1891, стр. 1101, прим.), — то и тогда упоминаніе о дидаскаліяхъ является знаменательнымъ какъ для XIV и XV вв., такъ и для позднѣйшаго времени, къ какому бы вѣку ни относить поддѣлку.

¹⁾ Статутъ 1529 г. (разд. 10, § 3) запрещаетъ шляхтѣ и мѣщанамъ давать въ долгъ болѣе 10 копѣ «безъ листу» (Врем. Имп. моск. общ. ист. и древн. росс., кн. 18, стр. 85).

²⁾ Владиміровъ, Чт. въ ист. общ. Нестора лѣтописца, IV, отд. II, стр. 193. Ср. Гожалчинскій, Іезуитскія школы въ Ю.—З. Руси (Тр. Кіев. духов. акад., 1869, II, 110, прим. 1).

Съ другой стороны, хотя съ XV столѣтія начались покушенія польско-католическаго правительства на православіе, они нисколько не препятствовали нашему духовенству попрежнему держать въ своихъ рукахъ народное просвѣщеніе. А что русское духовенство во всѣ времена вѣдало книжное и школьное дѣло, это фактъ историческій, находящій себѣ объясненіе и подтвержденіе въ самомъ призваніи духовнаго сословія. „Попови чьто есть ино дѣло развѣ оученія“? спрашивалъ болгарскаго экзарха черноризецъ Дуксъ ¹⁾. Но эта обязанность и эта привиллегія духовенства—учить другихъ требовала, прежде всего, чтобы оно само было образованнымъ или, по крайней мѣрѣ, грамотнымъ. Грамотность духовенства поддерживалась и избирательной системой, и наслѣдственной, причѣмъ имѣлъ значеніе и законъ объ изгойствѣ, грозившій не совсѣмъ пріятными послѣдствіями въ числѣ другихъ и „попову сыну, грамотѣ не умѣющему“ ²⁾. Въ изслѣдуемое нами время, хотя все болѣе входилъ въ силу и имѣлъ все болѣе вредныя послѣдствія новый порядокъ замѣщенія духовныхъ должностей,—порядокъ подаванія (о чемъ скажемъ ниже), все еще преобладала система передачи приходоѡтцами дѣтямъ и т. д. Такъ, королева Бона, давая наказъ пинскому державцѣ ввести нѣкоего Богданца въ наслѣдственныя священническія права, замѣтила: „яко-жъ есть обычай въ Руси, ижъ церковь и доходы церковныя на потомки спадають“ (1520) ³⁾. Но эта передача до середины XVI ст. совершалась не безъ посредства епископа, который при посвященіи провѣрялъ умственную правоспособность кандидатовъ. Послѣднимъ приходилось потому готовиться—или дома или въ монастыряхъ ⁴⁾. Подготовка эта не ограничивалась только тѣмъ, что сыновья священниковъ научались читать и писать ⁵⁾, по часто давала имъ извѣстность людей „въ науцѣ писма Божого годныхъ и умѣтныхъ“ ⁶⁾. Грамотность духовенства въ западной Россіи поддерживалась и официальными распоряженіями нѣкоторыхъ епископовъ, чтобы всякій кандидатъ священства прослужилъ нѣсколько лѣтъ учителемъ въ школѣ при той церкви, къ которой хотѣлъ поступить ⁷⁾.

Хотя у насъ не было возможности обслѣдовать вопросъ о процентномъ отношеніи грамотныхъ къ неграмотнымъ въ различныхъ классахъ западнорусскаго народа такимъ образомъ, какъ это сдѣлалъ профессоръ

¹⁾ *Калайдовичъ*, Иоаннъ экзархъ болгарскій, прилож., 129.

²⁾ *Голубинскій*, Ист. рус. церкви, т. I. 1-я половина, 332.

³⁾ Ревизія пущъ и переходовъ звѣриныхъ въ бывшемъ вел. княжествѣ литовскомъ, стр. 252.

⁴⁾ А. Ю. и З. Р., I, № 143.

⁵⁾ Михаилъ Васильевичъ, сынъ санецкаго протопопа, является переписчикомъ Цересопницкаго евангелія (Библиогр. зап., III, 462).

⁶⁾ Сыновья кievскаго протопопа Якова Гулькевича, 1566 (А. Ю. и З. Р., II, № 145).

⁷⁾ Въ существованіи такихъ распоряженій туровскихъ владыкъ увѣряетъ авторъ «Воспоминаній о древнемъ православіи Западной Руси», пользовавшійся массой рукописныхъ источниковъ, хранящихся въ архивахъ мнискон епархіи (Чт. въ общ. любит. дух. просвѣщ. 1867, 179—180).

Соболевскій въ приложеніи къ московской Россіи ¹⁾. Но и сказаннаго довольно для того, чтобы утверждать, что духовенство наше до середины XVI ст. было самымъ просвѣщеннымъ сословіемъ. За это говорятъ и тѣ многочисленныя списки богослужебныхъ, отеческихъ и другихъ книгъ южно-и западнорусскаго происхожденія, на которыхъ сохранилось имя переписчиковъ: чаще всего здѣсь встрѣчаются имена священниковъ, діаконовъ, иноковъ и особенно часто дяковъ ²⁾. Священниками же и еще чаще дяками писались и тѣ оффиціальныя документы, о которыхъ мы выше говорили; къ этому ихъ привлекали вельможи и паны ³⁾. Среди духовенства православнаго въ XVI вѣкѣ были даже лица съ юридическимъ образованіемъ (*personae juris peritae*) ⁴⁾.

Что касается въ частности монашествующаго духовенства, то и оно, какъ пополнявшееся большею частью вдовыми священниками и діаконами, въ первую половину XVI столѣтія было не безграмотнымъ. Мало того, нѣкоторые монастыри, какъ и въ прежнее время, были разсадниками просвѣщенія, или содержа училища, или занимаясь списываніемъ книгъ богослужебныхъ и отеческихъ. Такъ, значительной по тому времени библіотекой владѣлъ кіево-печерскій монастырь въ 1554 году; библіотека эта состояла не только изъ церковно-богослужебныхъ книгъ и сборниковъ всякаго рода, но изъ книгъ „посполитыхъ“ (свѣтскихъ). Этотъ умственный капиталъ въ 1593 году значительно увеличился, хотя исключительно на счетъ книгъ перваго рода ⁵⁾. Еще большей библіотекой владѣлъ въ XVI вѣкѣ супрасльскій монастырь, который прилагалъ не малыя усилія къ пополненію ея. По описи 1557 года, сдѣланной архимандритомъ Сергіемъ Кимбаромъ, до его вступленія на должность настоятеля въ монастырь было 129 книгъ, въ томъ числѣ 5 „битыхъ“ (т. е. печатныхъ). По содержанію это были книги Священнаго Писанія, отеческія, богослужебныя, толковыя, учительныя, историческія, полемическія и сборники. При Кимбарѣ эта библіотека увеличилась 74-мя книгами, не считая подаренныхъ нѣкимъ Яцкомъ, — печатными и рукописными, въ томъ числѣ латинскимъ апостоломъ и пятью греческими книгами. По всей вѣроятности, большинство ихъ было переписано самими монахами, которыхъ при Кимбарѣ было 32 человекъ ⁶⁾.

¹⁾ «Образованность Московской Руси XV—XVII вѣковъ», СПб. 1892 (Актовая рѣчь въ петербургскомъ университетѣ).

²⁾ Наибольше полный перечень западнорусскихъ рукописей представляетъ статья проф. Владимірова: «Обзоръ южнорусскихъ и западнорусскихъ памятниковъ письменности отъ XI до XVII ст.» (Чт. въ ист. общ. Нестора лѣтописца, IV). Дополненіемъ же къ ней можетъ служить «Замѣтка о малоизвѣстныхъ памятникахъ южно-западно-русскаго письма XVI—XVII вв.» проф. Соболевскаго (Чтенія въ общ. Нестора лѣтоп., IX).

³⁾ Archiwum Lubartowiczów—Sanguszków, III, № 217. Западнорусскіе дяки — по преимуществу псаломщики и вообще низшіе церковнослужители, при митрополитѣ-лато, въ церквахъ-ля, или въ монастыряхъ. Благодаря тому, что они главнымъ образомъ исполняли секретарскія должности, слово дякъ стало синонимомъ писца, писаря («Кгда пришлоъ до него (Смотрицаго) дякъ одинъ с Кіева, который добры характеръ въписаню мѣлъ, а онъ такого писаря потребоваль... говорится въ одномъ документѣ 1633 г. Кіев. еп. вѣд., 1887 г., 67). Впоследствии оно отождествилось съ именемъ учителя, бакалара.

⁴⁾ А. В. А. Ъ., XIX, № 127.

⁵⁾ Голубевъ, Петръ Могила, прилож. № 2. Арх. Ю.—З. Р., I, I, № 91.

⁶⁾ Арх. сб., IX, № 20 и стр. 56. Впрочемъ, нерѣдко иногамъ при списываніи книгъ

Безъ сомнѣнія, архим. Сергій Кимбаръ, по своему умственному развитію стоявшій выше многихъ своихъ современниковъ ¹⁾, немало содѣйствоваль просвѣтителъному направленію супрасльскаго монастыря, въ которомъ занимались литературнымъ производствомъ еще въ началѣ XVI ст. ²⁾. Есть основанія думать, что тѣ „Обличительныя списанія противъ жидовъ, латинянъ, протестантовъ и магометанъ“, списокъ съ которыхъ былъ сдѣланъ въ 1580 году въ супрасльскомъ монастырѣ, въ этомъ же монастырѣ и были соединены въ одно около 1578 года ³⁾. И хотя „Списанія“—результатъ дѣятельности не творческой, а компилятивной, но все же автору этого сборника нельзя отказать въ нѣкоторой долѣ самостоятельности, выразившейся какъ въ передѣлкахъ списываемыхъ статей, такъ и въ оригинальныхъ вставкахъ въ статьяхъ противъ латинянъ ⁴⁾. Научныхъ интересовъ на почвѣ религиозной не чужды были и другіе монастыри и ихъ настоятели. Таковъ настоятель пересопницкаго (на Волини) монастыря—іеромонахъ Григорій, переведшій въ 1556—1561 гг. „съ болгарской мовы“ на южно-русскую рѣчь Евангеліе ⁵⁾.

Нельзя думать, чтобы аристократы и вообще дворяне нашего періода были безграмотны: если они не писали сами документовъ и даже не подписывались подъ ними, прикладывая только печати, то потому, что такъ было принято до половины, приблизительно, XVI вѣка. Такъ, напр., Феодоръ Андреевичъ Сангушко, несомнѣнно умѣвшій писать, даетъ листъ только съ печатью ⁶⁾. Даже священники удостоверяли подлинность

принадлежать только «повелѣніе, замыселъ», редакція сборника, а самая работа производилась *рукою* какого нибудь дьячка Нестерпа, а то и *многихъ дьяковъ* (списокъ съ Печерскаго патерика 1554 г. Рукоп. Импер. публич. библиотеки. Ф. I. № 296. Прологъ 1512 г.—Вил. публ. библ. — Описание рукописей *Добрянскаго*, № 95).

¹⁾ Смотри его письмо къ митрополиту Макарію, около 1536 г. (напечат. въ Арх. Ю.—З. Р., ч. I, т. VII). Правда, его филологическое образованіе было неважное, если вѣрять разсказу Симона Буднаго, который въ предисловіи къ Новому Завету (1574) передаетъ слѣдующее. Кимбаръ, «философствуя», подвергъ исправленію текстъ напрестольныхъ Евангелій, замѣняя непонятныя ему еврейскія, сирскія и другія слова славянскими. Такъ, вмѣсто «блаженъ еси, Симоне, Варъ Іона», онъ писалъ: «блаженъ еси, Симоне, говори о нихъ» (т. е. молись за апостоловъ). Монахи, разсказываетъ Будный, хвалили Сергія за разумъ, но по доносу одного изъ нихъ митрополитъ назначилъ соборъ надъ архимандритомъ (*Wiszniewski*, VI, 585, 586).

²⁾ *Н. Петровъ*, Западнорусскія полемическія сочиненія XVI в. (Тр. Киев. духов. акад., 1894 г., февр., 166—168).

³⁾ Но составленіе cadaго изъ нихъ относится ко времени болѣе раннему и къ другимъ мѣстамъ. По крайней мѣрѣ, въ супрасльскомъ монастырѣ мы не находимъ ни лютеранскаго катихизиса, ни польскаго Апокалипсиса, на которые ссылается авторъ «Списанія противъ Лютеранъ» (П. II. Д, III, 58, 140, 169). Ниже откроется фактъ заимствования авторомъ цѣлыхъ тирадъ изъ посланій старца Артемія.

⁴⁾ «Списанія» эти напечатаны А. И. Поповымъ въ «Чтеніяхъ моск. общ. ист. и древн. рос., 1879, I и II. Часть же ихъ—«Списаніе противъ лютеровъ»—вторично и болѣе исправно издана П. А. Гильтебрантомъ въ III т. Памятниковъ полемической литературы.

⁵⁾ Впрочемъ, его «болгарская мова» очень близка къ четской (*Владимировъ*, Д—ръ Скорина, 235). Библиографич. зап., III, 457—467: *Терещенко*, «Объ евангеліи княгини Жеславской» (Терещенко называетъ такъ Пересопницкое евангеліе, какъ писанное «накладомъ» этой княгини).

⁶⁾ Arch. Sanguszków, IV, № 350.

документовъ однимъ только приложеніемъ печати, безъ подписи ¹⁾. Были однако князья, которые „сами своею рукою“ не только подписывались, но и писали цѣлыя дарственные записи, напр. Ѳеодоръ Ивановичъ Ярославичъ (1507 и 1520 гг. ²⁾. Впрочемъ, уже съ начала XVI ст. распространяется все больше обычай подписываться, и интересно, что въ первую половину XVI ст. аристократы—мужчины и женщины—подписываются неизмѣнно по русски ³⁾, а послѣ входятъ въ моду и польскія приписи: *penką swą, penką własną* (или *penkon własnon*). Что въ эту пору женщины—дворянки были такъ же грамотны, какъ и ихъ мужья, въ этомъ удостовѣряютъ подписи ихъ подъ множествомъ документовъ XVI—XVII вѣковъ. По словамъ г. Левицкаго, здѣсь такъ же рѣдко можно встрѣтить „писать неумѣющую“ землянку, какъ и неграмотнаго землянина ⁴⁾.

Не менѣе грамотнымъ сословіемъ въ западной Россіи въ первую половину XVI ст. были горожане. Интересы торговли и самоуправленія (по магдебургскому праву) должны были поддерживать среди нихъ не простую грамотность, но и школьное образованіе. И, дѣйствительно, мы уже въ XV ст. встрѣчаемъ среди бакалавровъ и студентовъ краковскаго университета немало уроженцевъ не только ближайшихъ къ Кракову городовъ—Перемишля, Новаго Города (*Nova Civitas*), Люблина, Бреста, но и сравнительно болѣе отдаленныхъ—Пинска, Вильны и вообще Литвы ⁵⁾. Извѣстнѣе ихъ всѣхъ былъ Францискъ Скорина изъ Полоцка ⁶⁾ „внаукахъ вызоленныхъ и въ лекарствѣ докторъ“, получившій первую степень, вѣроятно, въ Краковѣ ⁷⁾, а вторую—въ 1512 г. въ Падуѣ ⁸⁾. Несмотря на свою ученость, пріобрѣтенную въ римско-католическихъ университетахъ, Скорина остался человѣкомъ съ религиознымъ мировоззрѣніемъ и настроеніемъ, и притомъ—строго-православнымъ. Въ предисловіи къ изданной имъ въ интересахъ православнаго русскаго народа Библии онъ, „вѣдаючи все науки быти минущие“,

¹⁾ Арх. сб., VI, № 5, 25.

²⁾ Ревизія пущъ и переходовъ звѣрныхъ въ б. вел. княжествѣ литовскомъ, стр. 130, 343, 349.

³⁾ См., напр., Arch. Sangusz., IV, №№ 191, 264, 330, 346.

⁴⁾ Семейныя отношенія въ юго-западной Россіи въ XVI—XVII вв. (*Русская старина*, 1880, ноябрь, 552).

⁵⁾ *Acta rectoralia almae universitatis studii Cracoviensis inde ab anno 1469*. Т. I (1893).

⁶⁾ Скоринѣ посвящена монографія проф. Владимірова—«Д-ръ Фр. Скорина... Не имѣютъ ли Алхимъ Скорина и его сынъ Сава, упоминаемые въ Инвентарѣ имѣній полоцкой архіепископій (1601 г. В. З. Р., 1868, II, стр. 83), болѣе близкаго отношенія къ Фр. Скоринѣ, чѣмъ указываемые г. Владиміровымъ (стр. 45, прим. 3)?»

⁷⁾ Въ краковскій университетъ Скорина поступилъ въ 1504 г. и черезъ два года уже былъ произведенъ въ бакалавры (*Statuta nec non liber promotionum philosophorum ordinis in Universitate studiorum Jagellonica, 1402—1849*. Ed. *Muczkowski* (1849), p. 141; *Владиміровъ*, о. с., 51, 52).

⁸⁾ Ж. М. Н. Пр., 1892, IV. *Шляпкичъ*, «Къ біографіи Франц. Скоринны».

рекомендуетъ для чтенія Свящ. Писаніе, по которому можно изучать не только „семь свободныхъ наукъ“, но и медицину, хронологию, философію и— „науку и мудрость добрыхъ нравовъ“ ¹⁾.

Помимо того, въ такихъ городахъ, какъ Вильна и Львовъ, было много людей не только образованныхъ, но и жертвовавшихъ на развитіе просвѣщенія крупныя средства. Скорина печаталъ въ 1517-1519гг. въ Прагѣ свою Библию на средства виленскаго жителя Онкова ²⁾. Такие люди и послѣ встрѣчаются въ Вильнѣ. Таковы типографы Бабичъ, Козьма и Лука Мамоничи. Таковы же два брата Зарѣцкіе, о помощи которыхъ себѣ съ благодарностью говоритъ русскій печатникъ Петръ Мстиславецъ въ послѣсловіи къ Четвероевангелію (1575) и Псалтири (1576). Изъ львовскихъ жителей достаточно упомянуть Симеона Сѣдлара, съ которымъ переписывался князь Курбскій ³⁾, и неизвѣстнаго автора перевода съ еврейскаго языка нѣкоторыхъ книгъ Ветхаго Завѣта ⁴⁾.

Наконецъ, немало было людей грамотнымъ и въ крестьянскомъ сословіи. Неизвѣстно, многіе ли изъ православныхъ хлоповъ пользовались предоставленными имъ конституціями правами на образованіе, но что среди нихъ много было такихъ, которые могли пѣть и читать въ церкви, противъ этого едва ли можно спорить ⁵⁾.

Вотъ данныя для сужденія о состояніи просвѣщенія въ зап. Россіи въ первую половину XVI ст. и новыя основанія въ пользу того, что здѣсь были въ это время русскія и православныя школы. Несмотря на все это, встрѣчается очень мало фактическихъ указаній на существованіе ихъ. Опуская, какъ недоказанное, утвержденіе Ярошевича, который, ссылаясь на надпись надъ гробомъ князя Константина Ивановича Острожскаго (въ печерской лаврѣ), приписываетъ этому князю основаніе училищъ для мальчиковъ ⁶⁾, приведемъ положительныя историческія свидѣтельства.

¹⁾ *Владимировъ*, о. с., 115—117.

²⁾ «А то ся стало накладомъ Богдана Онкова сына радци места виленскаго» (*Владимировъ*, о. с., 47).

³⁾ Сказанія князя Курбскаго, 288—290 (id. В. Ю. и З. Р., 1863, мартъ, отд. I, 54, прим.).

⁴⁾ *Максимовичъ*, Кіевлянинъ, 1840, 251. *Владимировъ*, 239—241.

⁵⁾ Въ поученіи кіевскаго митрополита Сильвестра новопоставленному іерее (1562 г.) простыми людямъ не велѣно «ни пѣти, ни чести» въ церкви,—что не имѣло бы смысла, если бы они не умѣли этого (А. З. Р., III, № 31).

⁶⁾ *Jaroszewicz*, *Obraz Litwy*, III, 82 и прим. 90 на стр. 216. Текстъ надгробія слѣдующій: «Константинъ Іоанновичъ князь Острожскій, Гетманъ вел. княжества Литовскаго, защищеніемъ восточнаго благочестія и храбростію въ бранѣхъ пресловутый, многія церкви Божія, ради отроковъ училища, страннопріимницы немощныхъ ради, въ княженіи своемъ Острожскомъ и въ стольномъ градѣ Литовскомъ Вильнѣ создавши, вторую Геосманію пресв. Богородицы печерскія домы учредилъ пребогато, въ немъ же яко ктиторъ именитый, по преставленіи своемъ сподобися положенъ быти 1533». (Собраніе государъ грамотъ и договоровъ, I, 402, прим.). Послѣднія слова этой надписи убѣждаютъ, что она не современна смерти К. И. Острожскаго, и, быть можетъ, только нѣсколькими годами старше стихотворной эпитафіи печерскаго монаха Аванасія Кальнофойскаго, который распространялъ ея содержаніе (*Тараторуцка*, 1638, стр. 34. Ср. Кіев. стар., 1897, май, 179).

Ранѣе другихъ становится извѣстной школа въ *Красноставѣ* и по такому поводу. Король Сигизмундъ Августъ произвелъ, по собственному ли почину, или по просьбѣ мѣстныхъ православныхъ мѣщанъ, обмѣнъ усадебъ—королевской и церковной и, выдавая въ 1550 году грамоту, позволилъ свою бывшую усадьбу употребить на нужды школы, очевидно, до того уже существовавшей, и для жилища священнику ¹⁾.

Въ 1567 году получила начало школа въ *Заблудовѣ*. Въ фундушовой записи Григорія Александровича Ходкевича заблудовской успенской церкви читаемъ: „жита копь 25 и ячменю копь 25 маеть быть дано уставнику, который ижъ бы при церезви уставичне былъ установленъ человекъ грамоте умелый и церезви пилный, а другую половицу того остатку тое десятины жита копь 25, а ячменю копь 25 маеть приходить и давано быти мистру при костелѣ римскомъ а они за то послуги свое костельное мають быти пилны, и къ тому мають на науцѣ дѣтей держати“ ²⁾.

Въ 1572 г. князь К. К. Острожскій записалъ нѣкоему Дмитрію Митуричу „землю пустую“ въ *Туровѣ* съ тѣмъ, чтобы онъ вмѣсто платы за нее „порядне при церезви Божіей служилъ и пилноваль и школу держалъ и уставникомъ былъ конечно“ ³⁾.

Была, затѣмъ, приходская школа въ *Куреницѣ* (вилейскаго уѣзда), „боколарь“ которой упоминается подь 1576 г. ⁴⁾.

Наконецъ, къ первой половинѣ нашего періода относится открытіе ильинской школы во *Владимирѣ*, гдѣ, кажется, уже давно существовало соборное училище (о немъ ниже). Каштелянъ браславскій Василій Загоровскій, находясь въ татарскомъ плѣну, 11 іюля 1577 г. сдѣлалъ духовное завѣщаніе, въ силу котораго причтъ св.-ильинской владимирской церкви имѣлъ получать, между прочимъ, по 12 копь дохода съ мельницы,—попъ и діаконъ по три копы, а дьякъ шесть: „а то для того дьяку доброму большъ, говоритея здѣсь, абы вставичне въ той белой избѣ противъ шпиталное черное избы мешкаючи, дѣти, которые на науку будутъ ему даваны, а Богу и людямъ добрымъ вдячне училъ“. Въ этой же школѣ должны были учиться „руской наукѣ в писме светомъ“ сыновья самого Загоровскаго, когда имъ минеть семь лѣтъ; впрочемъ, опекуншѣ предоставлялась свобода учить ихъ тому же на дому, пригласивъ дьяка. Вмѣстѣ съ тѣмъ Загоровскій обязывалъ дьяка — „книги, якихъ церквовъ пилне потребуеть, зъ доброго зводу, жебы уставичне

¹⁾ *Starożytna Polska*, II, 785. Холм.-варш. епарх. вѣстн., 1891, № 14, стр. 221.

²⁾ Арх. сб., XI, № 114 (id. А. В. А. К., XI, № 16, но здѣсь неправильно выставлена дата: 7 іюня 1563 г.; еще хуже въ «Минскихъ грамотахъ» (№ 138), гдѣ указанъ 1597 г. Гр. Ал. Ходкевичъ, фундовавшій не только школы для православныхъ и католиковъ, но и «шпиталь» при церкви для убогихъ людей обонхъ исповѣданій,—не единственный въ то время примѣръ толерантнаго отношенія къ религіознымъ убѣжденіямъ своихъ подданныхъ.

³⁾ *Востоковъ*, Описание рукописей Румянцевскаго музея, 127 стр.

⁴⁾ А. В. А. К., XI, № 18.

писалъ, абы въ кождый тойдень (недѣлю) по три тетради дестныхъ справедливе а не фальшиве написываль“¹⁾.

Кромѣ приходскихъ, извѣстно еще нѣсколько школъ монастырскихъ, хотя историческія данныя относительно ихъ не такъ категоричны.

Къ 1563 г. относится свидѣтельство одного документа о пребываніи нѣкоего дьяка Васка, готовившагося къ священству. „у науцѣ у манастири св. архангела Михаила Золотоверхаго“ въ *Кіевѣ*²⁾. За такого же характера свидѣтельство можно принять припись на „Законоправилѣ или Номоканонѣ“ 1565 г., написанномъ въ *зимненскомъ монастырѣ* (въ 5 верстахъ отъ Владимира Вол.): „почахъ азъ... Феодоръ сынъ архимандрита Зименскаго, *тогожде и учень*... и похотехъ написати сіе писаніе“³⁾, а также сообщеніе автора Житія Іова Княгиницкаго объ ученіи его въ *увескомъ монастырѣ* (въ Галиціи)⁴⁾. Наконецъ, можно отнести къ этому же періоду и *холмскую* монастырскую школу, бакаларюмъ которой въ 1583 г. былъ „установникъ“ Ивашко Кузьмичъ⁵⁾.

Названными школами далеко не исчерпывается все число православныхъ учебныхъ заведеній до 1580 г. Ихъ, безъ сомнѣнія, было гораздо больше, если Одерборнъ могъ сдѣлать такое наблюденіе, что у русскихъ они *всегда* находятся при церквахъ⁶⁾. За это же говорятъ и данныя относительно грамотности различныхъ сословій. И если во второй половинѣ XVI и въ первой XVII ст. особенно часто поднимался вопросъ о западнорусскомъ невѣжествѣ, такъ это только потому, что при сопоставленіи съ образованіемъ, какое давали иновѣрные школы, особенно рельефно выдѣлялся низкій уровень просвѣщенія нашего народа. Училища у насъ были, но „не было иной школы, развѣ только учащей читать“, какъ говорилъ Скарга⁷⁾.

При переходѣ къ внутреннему состоянію школъ въ означенное время, обращаетъ на себя вниманіе прежде всего тотъ фактъ, что это

---

¹⁾ Арх. Ю.-З. Р., I, I, № 16, стр. 82; id. Сказ. кн. Курбскаго, 263, 276. Мы не знаемъ, когда было исполнено это завѣщаніе Загоровскаго, явленное въ судъ только 10 авг. 1579 г. Самъ онъ умеръ 29 февр. 1580 г. въ Ордѣ (Жизнь кн. Курбскаго въ Литвѣ и на Волыни, II, 290, прим.). Г. Теодоровичъ утверждаетъ, что оно и совсѣмъ не было исполнено, такъ какъ между родными начались раздоры, воспользовавшись которыми, еп. Ипатій Потѣй пытался даже отнять самое ильинскую церковь («Гор. Владимиръ», 164. 165. Arch. Sapieh., №№ 389, 391, 404). Во всякомъ случаѣ, о школахъ нигдѣ болѣе не упоминается, ни даже въ новой фундушовой записи, данной ильинской церкви въ 1608 г. вдовой Вас. Загоровскаго, которая къ тому времени, кажется, сама приняла унию (Арх. Ю.-З. Р., I, VI, № 151).

²⁾ А. Ю. и З. Р., I, № 143.

³⁾ Головацкій, Библиограф. находки во Львовѣ (Зап. Ими. акад. наукъ, XXII, прил., № 4, стр. 37—39).

⁴⁾ Зоря Галицкая яко альбумъ, 1860, 223. Іовъ Княгиницкій извѣстенъ въ литературѣ, какъ авторъ рецензій на «Зерцало богословія» Кирилла Транквилліона (напеч. въ Приложеніи къ «Петру Могила» С. Т. Голубева, № 35).

⁵⁾ А. В. А. К., XIX, № 380.

⁶⁾ Свидѣтельство Одерборна приведемъ ниже.

⁷⁾ П. П. Л., II, 486. Ср. пред. къ Евангелію Вас. Тяпинскаго (Кі-в. стар., 1889, янв., прилож.).

были школы церковныя,—что и онѣ и учителя всегда являются не иначе, какъ при церквяхъ. Уже изъ этого обстоятельства можно вывести заключение о томъ, кто такіе были древніе западнорусскіе учителя и чему они учили. Это были пономари, дьяки, уставники,—упоминаются ли они подъ этими именами, или подъ названіемъ „боколяра“. Обязанность дьяковъ, какъ чтецовъ, требовала отъ нихъ непременно грамотности, а нѣкоторый излишекъ времени позволялъ имъ заниматься и педагогическимъ трудомъ, который притомъ приносилъ имъ и нѣкоторое матеріальное подспорье ¹⁾).

Репутація дьяковъ, какъ искусныхъ, а можетъ быть, и единственныхъ педагоговъ, въ XVI в. стояла такъ прочно, что ихъ услугами, какъ домашнихъ учителей, пользовались верѣдко паны, отрывая ихъ отъ прямыхъ церковныхъ обязанностей и общественнаго служенія. Напр., въ началѣ XVI ст. отецъ упомянутого выше Іосифа Верещинскаго былъ обученъ дьякомъ (близъ Влодавы) ²⁾. Такъ и Загоровскій предлагалъ опекуншѣ своихъ дѣтей приглашать дьяка на домъ. Въ силу этого и названія „дьякъ“ и „бакаляръ“ стали почти синонимами; дьякомъ называетъ себя въ 1584 г. даже преподаватель острожской школы, псаломщическія обязанности котораго ни откуда не усматриваются ³⁾).

Такъ какъ наши западнорусскія школы до половины XVI ст. сохраняли традиціи древнихъ русскихъ училищъ и не успѣли еще подвергнуться вліянію польской и западно-европейской педагогики, то можно утверждать, что наша школьная наука носила церковный характеръ и по языку была славяно-русской, тѣмъ болѣе, что до конца XVI ст. вся наша письменность и печатныя произведенія отличались этимъ же характеромъ ⁴⁾. Такого же рода были и „научные“ интересы православныхъ западноруссовъ. Во всѣхъ случаяхъ, когда встрѣчаются указанія на бібліотеку того или другого частнаго лица, не только духовнаго ⁵⁾, но и свѣтскаго,—она оказывается состоящею изъ книгъ богослужебныхъ, рѣдко богословскихъ и еще рѣже историческихъ. Такъ, у матери Александра Солтановича (въ логойскомъ повѣтѣ, въ началѣ XVI ст.) нахо-

---

¹⁾ Мы не знаемъ, что именно получали наши церковно-приходскіе учителя. Трудно судить объ этомъ по аналогіи съ «мастерами» учебнаго дѣла сѣверо-восточной Руси, получавшими за обученіе вечернѣ горшокъ каши да гривну денегъ, то-же, если не больше, за заутреню, и особо за часы, и сверхъ «могорца» еще и поминки (подарки. Акты историч., I, № 104), и это потому, что у насъ не было такихъ мастеровъ. Но мы видимъ, что дьяку владимирской св.-ильинской церкви назначено было три лишнихъ копы грошей противъ другихъ членовъ причта (т. е. ок. 9 рублей. *Горбачевскій*, о. с., 331), и изъ нихъ 1½ копы «на сукню» и ½ копы «на кожухъ». Ему же наравнѣ съ другими членами причта назначено ежегодно «по два полти мяса свинего» (Арх. Ю.-З. Р., I, I, стр. 82, 93). Въ другихъ случаяхъ педагогическій трудъ дьяка вознаграждался только натурою, какъ въ Заблудовѣ.

²⁾ *Стороженко*, «Кіевъ 300 лѣтъ назадъ» (Кіев. стар., 1891, февр., 207).

³⁾ Тр. кiev. дух. акад., 1876, I, 626.

⁴⁾ См. перечень литерат. произведеній за разсматриваемое нами время у г. Архангельскаго въ Чт. моск. общ. ист. и древн. рос., 1838, I, 52—72, въ прим.

⁵⁾ Составъ бібліотеки іерея юрьевской росской церкви въ Вильнѣ Матвѣя, 1522 г.—Арх. сб., VI, № 5. Ср. Арх. Ю.-З. Р., I, VI, №№ 49, 65.

димъ: „Правила Григорьенскіе Григорей богословъ евангеліе... псалтыра золотомъ писана, псалтыра со следованіемъ треоди две постная и цветная“. Библиотека М. Юр. Голшанской, невѣсты кн. Курбскаго, состояла изъ евангелія, учительнаго евангелія, псалтири, двухъ октоиховъ, двухъ сборниковъ¹⁾.

Что характеръ и содержаніе школьной науки стояли въ самой тѣсной связи съ церковно-богослужебными книгами, это открывается и изъ того, что въ огромномъ большинствѣ мѣстъ, гдѣ дьякъ могъ учить дѣтей, подъ руками имѣлись только тѣ книги, по какимъ совершалось богослуженіе. Онѣ и стали книгами учебными, какъ это было и на Москвѣ²⁾, гдѣ при нихъ иногда встрѣчалось и „Наказаніе къ учителю, како имъ дѣти учить грамотѣ и како дѣтемъ учиться божественному писанію и разумѣнію“³⁾.

Но излюбленнѣйшею учебною книгою чуть-ли не во всѣ времена и вездѣ была псалтирь,—по ней учились и въ Византіи, и въ западной Европѣ въ средніе вѣка⁴⁾, и въ московской Руси. „А мой совѣтъ о томъ, что учить во училищѣ, пишетъ архіепископъ Геннадій въ митрополиту Симону, первое азбука граница истолкована совсѣмъ, да и подтительные слова, да псалтыря съ следованіемъ накрѣпко; и коли то изучать, можетъ послѣ того проучивая и конархати и чести всякія книги“⁵⁾. Что въ западной Россіи псалтирь пользовалась учебнымъ, такъ сказать, значеніемъ, на это указываетъ, между прочимъ, хранящійся въ кіево-софійской библиотекѣ рукописный экземпляръ ея (XVI в.) съ такой замѣткой: „Псалтирь Спасскаго монастыря сверенды(?). А кто сію псалтырь отъ Спаса возьметъ или на ученіе дѣтей отдастъ, судить ему Спасъ“⁶⁾. Мало того. У насъ съ самаго начала XVI ст. существовала уже печатная учебная псалтирь. Фр. Скорина, желая дать „дѣтямъ младымъ початокъ всякое доброе науки, дорослымъ помноженіе въ наукѣ“ и сознавая, что изъ ветхозавѣтныхъ книгъ предпочтительнѣе всѣхъ псалтирь, которая при простотѣ изложенія обладаетъ самымъ широкимъ содержаніемъ, „замыкая сама едина все тѣе речи въ собѣ, и всѣхъ тымъ уча и все проповѣдуя“, что заключается во всемъ Ветхомъ Завѣтѣ въ совокупности, — „повелѣлъ псалтырю тиснути рускими словами, а словенскимъ языкомъ... къ пожитку посполитого добраго, наиболѣе съ тое причины, иже милостивый Богъ съ того языка на свѣтъ

¹⁾ Лит. еп. вѣд., 1895, № 43. Приложение къ статьѣ А. Бѣлецкаго: «Родоприсхожденіе западнорусскаго митрополита Іосифа II Солтана». Жизнь кн. Курбскаго въ Литвѣ и на Волыни, I, 160. 161. Ср. А. В. А. К., XVII, № 652; VI, стр. 243.

²⁾ «Божественныя книги, говорилось на соборѣ 1551 г., писцы пишутъ съ неправильныхъ переводовъ... и по тѣмъ книгамъ въ церквахъ Божіихъ чтуть и поють, и учатся и пишутъ съ нихъ»... (Гл. 5, вопр. 5. Стоглавъ, 1862, стр. 52. 53).

³⁾ Миропольскій, III, 117.

⁴⁾ Здѣсь самое слово psalteratus обозначало, по Джанжу, того, кто умѣлъ читать: psalteratus literatus—qui scit legere psalterium scilicet (Лавровскій, о. с., 130).

⁵⁾ Акты историческіе, I, № 104.

⁶⁾ Главная опись церковнаго и ризничнаго имущества софійскаго собора, ч. I, № 57.

пустилъ“ его. При этомъ Скорина предложилъ на поляхъ объясненіе нѣкоторыхъ устарѣлыхъ славянскихъ выраженій— „для простыхъ людей“¹⁾.

Относительно программы нашихъ школъ въ XVI вѣкѣ сохранилось свидѣтельство Одерборна, который говоритъ, что въ церковныхъ школахъ обучаютъ славянскою грамотою, молитвамъ къ пресв. Дѣвѣ и свят. Николаю, нѣсколько измѣненному апостольскому символу (т. е. никеопареградскому) и псалмамъ Давида. Катихизиса не преподають²⁾. А предисловіе къ грамматикѣ Мелетія Смотрицкаго (1619) показываетъ и порядокъ обученія: издревле, говоритъ онъ, у учителей былъ обычай учить малыхъ дѣтей сначала азбукѣ, потомъ часослову и псалтири, а также писать; послѣ этого иные читали и апостоль. Въ нѣкоторыхъ школахъ изучались и начатки арифметики.

Но перечисленными учебными предметами нельзя ограничить содержаніе того, чему у насъ вообще учили въ это время. Высшія сословія не всегда, конечно, довольствовались приходскими школами и домопрощенными педагогами-дьяками, и часто или посылали своихъ дѣтей въ браковскій университетъ и другія иновѣрныя школы или приглашали къ себѣ на домъ прослушавшихъ въ нихъ курсъ. Вслѣдъ за аристократами шла простая шляхта и даже горожане³⁾.

Безъ сомнѣнія, подъ руководствомъ домашнихъ учителей развили свой умъ и обогатились своего рода ученостію и нѣкоторые наши полемисты XVI в., заявляющіе о себѣ, что они не видѣли училищъ. Та-

¹⁾ Чт. въ Моск. общ. ист. и древн. рос., 1888, I, 84—86, въ прим.

²⁾ *Scholae semper templis adjunctas habent; in illis 30 annorum juvenis prima litterarum rudimenta pueritiam docet. Litterae ipsorum alphabeticae veteribus graecis quam simillimae sunt. Catechesi nulla utuntur, sed preculas ad Beatam Virginem et D. Nicolaum in libris descriptis pueris proponunt. Symbolum tamen apostolorum verbis quibusdam immutatis addiscunt, huic adduntur hymni Davidis, quos illi nocturna versantque manu, versantque diurna (De russorum religione, ritibus nuptiarum, funerum, victu, vestitu etc. Et de Tartarorum religione ac moribus epistola ad Davidem Chytraeum recens scripta. 1532. p. 10. 11).* Что это письмо, датированное 8 авг. 1531 г., принадлежитъ Одерборну, это открывается изъ другихъ современныхъ изданій его и въ томъ числѣ—изданія самого Хитрея—*Davidis Chytraei oratio de statu ecclesiarum hoc tempore in Graecia, Asia, Boemia etc. Francofurti, 1533*, гдѣ къ его заглавію присоединено: *Paulus Oderbornius poeta laureatus, docens jam Evangelion in Lituania, Davidi Chytraeo S. P. D. (p. 211).* О нѣкоторыхъ другихъ изданіяхъ этого письма сообщаетъ Старчевскій, перепечатавшій его во II т. «*Historiae ruthenicae scriptores exteri saeculi XVI*» (praefatio, p. X, XI). Хотя многія сообщенія Одерборна относятся къ восточной Руси, но мы имѣемъ всѣ основанія видѣть въ тѣхъ школахъ, о которыхъ онъ говоритъ, западнорусскія приходскія училища, которыя ему всего ближе были знакомы по мѣсту его службы (онъ былъ проповѣдникомъ въ виленской лютеранской кирхѣ, затѣмъ служилъ въ Ригѣ, Кейданахъ, Ковнѣ; умеръ въ 1605 г. *Adamowicz*, 43, 48).

³⁾ Въ XVI ст. въ Польшѣ до того былъ распространенъ обычай приглашать учителей къ себѣ на домъ, что ихъ имѣли даже мѣщане, по свидѣтельству Эразма Гличнера (*Przewodnik naukowy i literacki*, 1886, 444). Такой бакаляръ былъ, очевидно, и у извѣстнаго Федора Евлашевскаго (род. въ 1546 г. въ Лиховичахъ, случкаго пов.), съ которымъ онъ прошелъ не только «русскую (но) и полскую науку» (*Дневникъ Евлашевскаго*, Киев. стар., 1886, I, 128). Интересно, что Евлашевскаго «въ патожъ року почато бавити наукою рускою», т. е. начали учить русской грамотѣ.

ковъ, напр., авторъ одного сочиненія 1511 г. ¹⁾, таковъ же извѣстный Герасимъ Даниловичъ Смотрицкій, котораго считаютъ ректоромъ острожской школы и который хорошо былъ знакомъ съ древними языками (о немъ ниже). Таковъ же, наконецъ, и кievскій іеродіаконъ Іоакимъ, родомъ изъ Каменца Подольскаго, который около 1584 г. далъ въ Москвѣ слѣдующія цѣнныя показанія о характерѣ домашняго образованія своего и своего спутника. Онъ говорилъ, что въ домѣ своихъ родителей научился св. книгамъ Закона Господня, св. догматамъ и благочестивому богословію и свящ. философіи и что бывшій съ нимъ „хлопецъ, сынъ изящныхъ, почтенныхъ родителей“, „бѣ много ученъ грамматикѣ и философіи Іоанна Дамаскина и иныхъ премудрѣйшихъ учителей“ ²⁾.

Но очевидно, что эти лица находились въ особенно благоприятныхъ условіяхъ для своего умственнаго развитія и что количество и домашнихъ учителей и общественныхъ далеко не соответствовало числу желавшихъ учиться, какъ не соответствовала потребностямъ времени и программа нашихъ школъ,—программа, въ которую не включенъ былъ даже катихизисъ. А между тѣмъ потребности эти, созданныя религиозной и политической борьбой, все болѣе разгоравшейся на территоріи зап. Россіи, вызвали нужду въ изученіи не только основаній вѣроученія, но и тѣхъ наукъ, при помощи которыхъ они могли быть защищены—діалектики, риторики и т. п., и которыми были вооружены противники православія, съ большимъ усердіемъ примѣнявшіе ихъ при пропагандѣ своихъ идей.

Но какъ ни велика была несоразмѣрность научныхъ силъ и средствъ православныхъ, съ одной стороны, и рим.-католиковъ и протестантовъ—съ другой, торжество послѣднихъ надъ первыми было неполнымъ и далеко не оправдавшимъ ихъ ожиданій. Дѣло въ томъ, что уже съ 70-хъ годовъ XVI ст. начался такой подъемъ религиозныхъ и умственныхъ силъ въ русскомъ народѣ, что, несмотря на все напряженіе усилій іезуитовъ, поддерживаемыхъ правительствомъ, и протестантовъ, опиравшихся на свои школы, побѣда римско-католичества выразилась лишь уніей, а не полнымъ переходомъ русскихъ въ латинство, а побѣда протестантовъ—отдѣльными совращеніями православныхъ, а не уніей съ ними. На защиту вѣры и національности поднялись всѣ лучшіе русскіе люди. Одни за другими появляются училища, типографіи, ученые кружки при нихъ; создается полемика, богословская и педагогическая, оригинальная и переводная, литература: исправляются и издаются священныя и богослужебныя книги; завязываются сношенія по разнымъ вопросамъ церковной, политической и общественной жизни частныхъ лицъ и братствъ

¹⁾ Н. Петровъ, Западнорусскія полемическія сочиненія XVI в. (Тр. Кіев. дух. акад., 1894, февр., 1сб).

²⁾ Чт. въ моск. общ. ист. и древн. рос., 1883, I, отд. V (смѣсь). Время ученія Іоакима въ Каменцѣ можно вывести такимъ образомъ. Въ своемъ показаніи о цѣли путешествія въ Москву іер. Іоакимъ говоритъ, что побѣхалъ туда «по докладу короля Сигизмунда Августа», значить, не позднѣе 1572 г. Вѣроятно, въ это время онъ былъ уже человекомъ болѣе или менѣе солидныхъ лѣтъ, если ему было дано довольно важное порученіе и вручены листъ и дары короля. Слѣдовательно, учился онъ около 1550—1560 г.,—не позже.

между собой и съ восточными патріархами и Аеономъ; созываются частые соборы съ цѣлю благоустроенія церковной жизни, посылаются къ королю и на сеймы депутаты съ просьбами и протестами противъ посягательствъ на православную вѣру и церковь. Вообще въ западнорусскомъ обществѣ возбуждается движеніе по преимуществу религіозно-просвѣтительнаго характера, и насколько оно было сильно, показываетъ свидѣтельство одного лица, очень близко стоявшаго къ нему. Именно Герасимъ Смотрицкій указалъ на то, что „не только мужичины, але изъ бѣлыхъ головъ (женщинъ) нѣкоторые хотятъ вѣдати глубокости писма таемницы догматъ церковныхъ которымъ производша бы куделя (пряжа) з веретеномъ, а нижли тое што писано перомъ“¹⁾.

При этомъ должно обратить вниманіе на тотъ фактъ, что во главѣ этого движенія стало не духовенство, которому и по существу дѣла, и по историческимъ традиціямъ оно должно было быть всего ближе, а свѣтскія сословія. Руководителями его были нѣкоторые представители аристократіи и, главнымъ образомъ, мѣщане городовъ, которые и одушевляли на дѣло служенія вѣрѣ и народности тѣхъ немногихъ лицъ изъ духовныхъ, чье участіе въ общемъ оживленіи обнаруживается въ первые годы его.

Для того, чтобы понять происхожденіе и направленіе нашего просвѣщенія въ концѣ XVI ст. и только что отмѣченное отношеніе къ нему нашего духовенства, слѣдуетъ остановиться на историческихъ обстоятельствахъ, которыя, во первыхъ, заставили русскій народъ позаботиться о своемъ образованіи и которыя, во вторыхъ, помѣшали взяться за это дѣло духовенству.

Умственное оживленіе, охватившее западную Русь со второй половины XVI ст., было результатомъ тѣхъ культурныхъ теченій, которыя въ это время хлынули на нее со всѣхъ сторонъ. Легко здѣсь различить теченія свое—народное, польское, римско-католическое, протестантское, московское и, наконецъ, греческое. Какъ каждое изъ нихъ вызывало сознаніе необходимости просвѣщенія и школъ,—и нужно показать.

Не можетъ быть никакого сомнѣнія, что въ XVI ст. польская цивилизація въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ была выше русской. Хотя орудіемъ ея до половины XVI ст. былъ почти исключительно латинскій языкъ, во всякомъ случаѣ не съ этого времени ведутъ начало польскія литература и наука. Послѣдняя болѣе столѣтія разрабатывалась и развивалась въ краковскомъ университетѣ и, конечно, западнорусская наука не могла идти въ сравненіе съ нею. Это обстоятельство, въ связи съ фактомъ политической подчиненности русскаго народа Польшѣ, и обусловило вліяніе польской культуры на русскую. Начиналось это вліяніе съ самаго неважнаго,—съ обстановки домашней жизни, съ убранства, приемовъ обращенія, затѣмъ переходило на употребленіе въ разговорахъ польской рѣчи и оканчивалось подражаніемъ польскимъ нравамъ и усвоеніемъ польскаго міровоззрѣнія—общественнаго, научно-историческаго,

---

¹⁾ Арх. Ю-3 Р. 1, VII, 234 (id. Чт. въ моск. общ. ист. и древн. рос., 1880, III, смѣсь, 86, 87).

политическаго и религіознаго. Этому вліянію прежде всего подверглись области, зависѣвшія непосредственно отъ Короны, но и литовско-русскія провинціи не оставались чужды ему, особенно послѣ люблинскаго соединенія ихъ съ Польшей. И, разумѣется, степень ополяченія этихъ областей была пропорціональна степени ихъ близости къ центру польской цивилизаціи — Кракову. Такъ, Галиція уже въ первой половинѣ XVI столѣтія произвела немало даровитыхъ писателей, которые обогатили польскую именно литературу, не написавъ, быть можетъ, ни одной строчки на родномъ, русскомъ языкѣ¹⁾. На Волыни же въ это время даже аристократія продолжаетъ употреблять въ домашнемъ обиходѣ русскій языкъ, на немъ же подписывая официальные документы. Показателемъ усиленія польскаго вліянія на Русь служатъ прежде всего именно эти подписи. Изобразить подъ документами свою фамилію польскими буквами считалось настолько моднымъ, что даже кн. Курбскій не могъ удержаться, чтобы не подписаться „писмомъ польскимъ“ или не прибавить къ своему имени словъ: „ренка сва“²⁾. Чѣмъ дальше, тѣмъ больше польскій языкъ овладѣваетъ положеніемъ въ борьбѣ съ русскимъ. Воспитаніе въ польскихъ школахъ, католическихъ и протестантскихъ, возбуждало въ русской аристократіи и шляхтѣ преклоненіе предъ польской культурой и равнодушіе къ своему, родному, особенно языку,—его стали „хулить и не любить“. Усваиваютъ мало по малу польскій языкъ и русскія дамы, хотя и медленнѣе³⁾. Даже духовенство наше уступило вліянію польскаго языка и польской литературы. Уже переводчикъ Тяпинскаго евангелія замѣтилъ, что попы, не имѣя школь для изученія русскаго языка, обучали своихъ дѣтей по польски⁴⁾. Въ концѣ XVI столѣтія встрѣчаются „польскія евангелія“ даже у игуменовъ православныхъ монастырей⁵⁾.

Конечно, это увлеченіе охватило далеко не всѣхъ. Сознаніе опасности, грозившей русскому языку, а съ нимъ и русской національности, было у многихъ, и это спасло его отъ гибели. Большое значеніе имѣло при этомъ и то обстоятельство, что въ литовскомъ государствѣ употребленіе его при судопроизводствѣ и административныхъ сношеніяхъ было обезпечено даже законодательнымъ путемъ⁶⁾. И объ этомъ не

¹⁾ Русь, говоритъ Лелевель, доставила Польшѣ избранныйшихъ стилистовъ: рѣдкаго оратора Оржеховскаго, естествовѣда Стефана Фалимича, переводчика Библии Яна Леополиту, поэта и бытового писателя Николая Рея изъ Нагдовицъ, кодификатора законовъ Яна Гербурта (*Lelewel, Polska. Dzieje i rzeczy jej*, V (1863), 201).

²⁾ Жизнь кн. Курбскаго въ Литвѣ и на Волыни, I, 200, 242.

³⁾ См. «genkon właznon» Райны Старосельской, сестры митрополита Михаила Рагозы, 1592 г. (Арх. сб., VI, № 125; ср. IV, №№ 38, 39).

⁴⁾ Киевская старина, 1889 г., январь, прилож. *Е. Карскій*, Къ вопросу о разработкѣ стараго знаиднорусскаго нарѣчія (Труды виленскаго отдѣленія моск. предварительнаго комитета по устройству въ Вильнѣ IX археолог. съѣзда, 1893, отд. III, 8, 9).

⁵⁾ Арх. Ю.-З. Р., I, I, стр. 34.

⁶⁾ 1-й артикулъ IV раздѣла Статута 1538 г. говоритъ: «А писарь земскій масть по руску, литеры и словы рускими вси листы выписы и позы писати а не инымъ языкомъ и словы». 37 артикулъ требуетъ, чтобы подстароста, гродскіе судьи и писари

забывали истинно русскіе люди, отстаивавшіе при случаѣ юридическое значеніе родного языка ¹⁾.

Но этого было мало. Не могло также имѣть большого значенія то обстоятельство, что нѣкоторые русскіе въ своихъ духовныхъ завѣщаніяхъ внушали дѣтямъ вѣрность русскому языку, обычаемъ и вѣрѣ православной, какъ скоро они же позволяли своимъ сыновьямъ ѣздить „до Вильни къ езуитомъ, бо тамъ фалать дѣтямъ добрую науку“ ²⁾: нужно было воспитать въ нихъ любовь къ родному въ школахъ православныхъ и научнымъ изученіемъ русскаго языка укрѣпить вкусъ къ нему. Западно-руссы, дѣйствительно, и пришли къ той мысли, что школьное изученіе русскаго и славянскаго языковъ есть одно изъ наилучшихъ средствъ спасенія своей національности отъ поглощенія ея польской. Такъ, митрополитъ Михаилъ Рагоза въ своемъ окружномъ посланіи изъ Львова, отъ 20 января 1592 г., указавъ на фактъ гибели многихъ, „паче же отъ благороднѣйшихъ пановъ“, въ различныхъ ересахъ, поставилъ его въ связь съ тѣмъ обстоятельствомъ, что въ Галиціи „ученіе святыхъ писаній зѣло оскудѣ, паче же Словенскаго Россійскаго языка, и вси челоуѣцы приложишася простому несъвершенному Лядскому писанію, и сего ради въ различныя ереси впадоша, не вѣдуще въ Богословіи силы съвершеннаго грамматическаго Словенскаго языка“ ³⁾. Но еще яснѣе сознание гибельности для русскаго народа польскаго вліянія и отсутствія своихъ школъ, которыя могли бы ослабить его, выразилось у автора Перестроги. Сообщивши о тяжеломъ положеніи, въ какомъ находилась въ его время западная Русь, авторъ Перестроги объясняетъ: „Велми много зашеодило (завредило) панству Русскому, же не могли школы и науки посполитыхъ расширяти, и оныхъ не фундовано: бо коли бы были науку мѣли,

---

были людьми «въ правѣ и писма русскаго умѣтными» (Временникъ москов. общ. ист. и древн. російскіихъ. 1854, кн. 19, стр. 88. 129).—Насколько такое обезпеченіе сохраняло языкъ, видно изъ того, что въ Галиціи, напр., г. Лисевичу, занимавшемуся специально вопросомъ объ официалномъ языкѣ Червонной Руси въ 1340—1506 г., удалось найти только 47 документовъ на русскомъ языкѣ въ періодъ времени до 1435 г. А съ этого времени, т. е. съ введенія въ дѣйствіе едльненской конституціи 1433 г., которая требовала единства польскаго права для Галиціи наравнѣ съ польскими областями государства, до конца изслѣдуемаго г. Лисевичемъ періода онъ не нашелъ ни одного такого документа, хотя при устныхъ объясненіяхъ въ судахъ русскій языкъ и употреблялся (Przewodnik naukowy i literacki, 1886, 245—256).

¹⁾ А. З. Р., III, № 64: Челобитная кор. Стефану браславской шляхты о томъ, чтобы королевскіе указы къ ней велѣно было писать по русски, а не по польски (1576).

²⁾ Такъ, Вас. Загоровскій требовалъ, чтобы дѣти его «писма своего Руского и мовенья Рускими словы и обычаевъ цнотливыхъ и покорныхъ Русскихъ не забачали, а наболшей веры своее, до которое ихъ Богъ вызвалъ и въ ней на сеи свѣтъ створилъ, и набоженства въ церквахъ нашихъ, Греческого закону належнаго и порядне постановленнаго, николи, ажъ до смерти своее, не опускали, посты светше пристойне... постили... а ереси всякое... пилне ся выстерегали а отъ нее ся отгребали» (Арх. Ю.-З. Р., I, 1, стр. 74. 75). См. интересную рѣчь смоленскаго каштеляна Ивана Мелешка на сеймѣ 1589 г. въ защиту русскіихъ обычаевъ и правовъ отъ порчи ихъ польскимъ и иноземныи вліяніями (Вѣстникъ ю.-зап. и западной Россіи, 1862, I).

³⁾ А. З. Р., IV, № 32.

тогда бы за невѣдомостью своею не пришли до таковыя погибели. Читаячи хроники Польскіе найдешъ о томъ достаточнѣ, якъ Поляци Рускіе паньства пообсѣдали, попріятелѣвшия зъ ними, и, царскіе цурки (дочери) своѣ за Русиновъ давши, черезъ нихъ своѣ обычаѣ оздобныя и науку укоренили, такъ, якъ Русь посполитовавшия зъ ними, позавидѣли ихъ обычаемъ, ихъ мовѣ (языку) и наукамъ, и, не маючи своихъ наукъ, у науки Римскіе своѣ дѣти давати почали которые зъ науками и вѣры ихъ навѣли, и такъ по малу-малу науками своѣми все паньство Руское до вѣры Римской привели, ижъ потомковѣ князятъ Рускихъ зъ вѣры православной на Римскую vykрестилися, и назвиска (фамиліи) и имена собѣ поотмѣняли, якобы николи не знали быти потомками благочестивыхъ прародителей своихъ“. Въ другомъ мѣстѣ онъ влагаеть въ уста нѣкоего львовскаго братчика такія слова: Русскіе „яко ся окрестили, и не училися, только церкви будовали (строили), которые имъ злые сусѣдѣ заразъ попустишили, и справу всю церковную разорвано и зневолено, и людъ даньми обтяжено, а великихъ пановъ своими науками и способами розмаитыми отъ церкви выведено, а все поспольство до знищеня приведено и убожество намножилося: про то теперъ школы на всѣхъ мѣстѣхъ закладываются, и шпитали будущося, и церкви мруються“¹⁾.

Западноруссамъ приходилось бороться не только за народность свою, но и за вѣру, и въ сознаніи нѣкоторыхъ изъ нихъ школа прежде всего должна была служить защитѣ православія, а послѣ уже и черезъ это—и національной идеѣ. „Школу наукъ христіанскихъ, грецкихъ и словенскихъ дѣтѣмъ вашимъ и всѣмъ посполите уфундовали, ижбы шючи въ чужихъ студенцахъ воды наукъ умозыческихъ вѣры своей не отпадали, зачимъ правѣ и всенародное сгиненіе (погибель) барзо (очень) блиско ходитъ“,—писали львовяне въ своемъ „Оглашеніи церкви братской Львовской“ (1600 г.)²⁾.

Религіознымъ убѣжденіямъ православныхъ западноруссовъ грозили католики и протестанты; но такъ какъ пропаганда католичества до прибытія іезуитовъ носила болѣе характеръ насильственнаго совращенія русскихъ, черезъ стѣсненіе ихъ въ ихъ гражданскихъ правахъ, а самое приглашеніе іезуитовъ вызвано успѣхами реформаціи въ западной Россіи, то удобнѣе заняться прежде выясненіемъ вліянія протестантовъ на развитіе нашего просвѣщенія.

Протестанты очень скоро по прибытіи въ западную Русь возбудили тревогу среди православныхъ. Послѣдніе при встрѣчѣ съ лютеранскими и кальвинскими догматами начинали терять почву подъ ногами, чувствуя нетвердость своихъ убѣжденій, не укрѣпленныхъ въ школахъ изученіемъ не только богословія, но и краткаго катихизиса. Между тѣмъ протестанты, обваруживъ слабость православныхъ съ этой стороны, стали распространять среди нихъ свои катихизисы на русскомъ языкѣ³⁾.

¹⁾ А. З Р., IV, стр. 204. 205. 223.

²⁾ Тр. Кіев. дух. акад., 1876, I, 386.

³⁾ Намъ извѣстенъ только одинъ такой катихизисъ—несвижскій. По нунціи Коммендоне сообщаетъ, что въ Бельзѣ въ 1564 году православные русины жаловались ему

Немного нашлось въ то время въ западной Россіи православныхъ людей, которые сумѣли разобраться въ новыхъ идеяхъ и анализировать ихъ. Къ числу ихъ принадлежали, между прочимъ, два московскіе выходца—старецъ Артемій и кн. Курбскій. Къ нимъ то и стали обращаться нѣкоторые за разрѣшеніемъ своихъ сомнѣній¹⁾, и оба они оказали огромную услугу православной церкви. Захарія Копыстенскій о первомъ изъ нихъ свидѣтельствуетъ, что онъ „въ Литвѣ отъ ереси Аріанской и Лютеранской многихъ отвернулъ, и чрезъ него Богъ справилъ, же ся весь народъ Русскій въ Литвѣ въ ереси тѣхъ не перевернулъ“²⁾. Но и Артемій при полемикѣ съ протестантами чувствовалъ, что авторитетъ его не можетъ быть вполне достаточнымъ безъ научнаго изученія источниковъ православія: „нужда, говорилъ онъ, наипаче въ нынѣшнее время, въ неже предъержать святая мѣста боговорчемниці и хриstopродавци, съ многимъ тщаніемъ и смиреніемъ испытovati истинны разумъ въ божественномъ писаніи“³⁾... Болѣе образованъ былъ князь Курбскій; но и онъ, полемизируя съ протестантами, ясно сознавалъ, что ему не выстоять предъ „искусными силлогизмами поганскихъ философовъ“, приводимыми „схизматиками“—протестантами, почему и совѣтовалъ своимъ корреспондентамъ не показывать послѣднимъ его посланій и не спорить съ ними, „бо зѣло сварливы и упрямы“⁴⁾.

Но если такіе люди, какъ Артемій и Курбскій, чувствовали свою несостоятельность въ борьбѣ съ протестантами, то каковы же должны были быть массы православнаго народа и даже священники, образованіе которыхъ часто не шло далѣе изученія той или другой богослужбной книги? Отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ историческая справка о степени распространенности протестантства въ православной средѣ. „Еретики, говорили православнымъ на брестскомъ соборѣ 1596 г. королевскіе послы, въ одномъ только новгородскомъ воеводствѣ, какъ извѣстно, опустошили 650 церквей и службу Божію въ нихъ. Тамъ изъ 600 слишкомъ шляхетскихъ домовъ греческой религіи едва осталось 16 или даже меньше, которые избѣгли новокрещенской еретической заразы“⁵⁾. Если и есть въ этомъ заявленіи преувеличеніе, то столь незначительное, что автору Апокрисиса пришлось только „зъ жалостью“ согласиться, „и жъ много церквей есть еретицствомъ змазанныхъ“⁶⁾. Людямъ, сколько нибудь внимательнымъ къ происходившему, легко было понять, что при-

---

на тотъ вредъ, какой происходитъ для ихъ церкви отъ недавно вышедшихъ въ Германіи (w Niemczech i w Księstwie Wirtembergskim) еретическихъ катихизисовъ на ихъ языкѣ (*Albertrandi, Pamiętniki o dawnej Polsce, I, 201*).

³⁾ П. П. Л., I, 1266. 132S. 1329.

¹⁾ П. П. Л., I, 913.

²⁾ П. П. Л., I, 1429. 1430. 1442. 1447.

⁴⁾ Сказанія кн. Курбскаго, 289. 290; ср. 278.

⁵⁾ «Берестейскій соборъ и оборона его» Скарги—П. П. Л., III, 213, 214 (id. П. П. Л., II, 950. 951). «Пойзрите въ Новгородскій повѣтъ, приглашаетъ авторъ Антиррисиса: яко ся тамъ тая проклятая ересь раскоренила, ледве сотный домъ шляхецкій найдешъ, которій бы тымъ поветрьемъ не былъ зараженный» (П. П. Л., III, 975).

⁶⁾ П. П. Л., II, 1288.

чина такихъ быстрыхъ успѣховъ протестантства заключается въ малой образованности православныхъ. Становилось очевиднымъ, что нужно изучать и Священное Писаніе, и „искусные силлогизмы“, но изучать не въ инославныхъ училищахъ, а въ своихъ собственныхъ,—что нужно дать народу возможность „науки христіанской слухати, а не еретическихъ вымысловъ, а не поганскихъ наукъ“¹⁾.

Какъ ни великъ былъ вредъ, приносимый православнымъ западноруссамъ пропагандой протестантовъ, между тѣми и другими существовали отношенія самыя дружественныя. Причина этого заключалась отчасти въ мирномъ характерѣ распространенія протестантства среди православнаго населенія. Проявленія насилія, если и имѣли гдѣ мѣсто, то не выходили за предѣлы владѣній того или другого пана и не носили признаковъ фанатизма, ожесточающаго и пропагандистовъ и привлекаемыхъ къ новой вѣрѣ. Было и другое обстоятельство для зарожденія и закрѣпленія взаимныхъ симпатій между православными и протестантами, на которое указалъ авторъ „Антиррисиса“. „Вы говорите, что вась еретики любятъ болѣе, чѣмъ римско-католики? Правда, любятъ, но потому, что сами не могутъ обойтись безъ вашей любви и расположенія, которыми не пользуются у католиковъ“²⁾. Но этимъ расположеніемъ не пользовались у католиковъ и православные. Одинаковость отношенія къ тѣмъ и другимъ польско-католическихъ правительства и духовенства, постоянное стремленіе сократить до минимума гражданскія и религіозныя права ихъ, какъ естественно было ожидать, должны были сблизить между собою православныхъ и протестантовъ для защиты этихъ правъ. Это сближеніе, дѣйствительно, произошло и, скрѣпленное на торнской и виленской конфедераціяхъ, выразилось какъ въ постоянной взаимной поддержкѣ другъ друга протестантскими и православными сенаторами и депутатами на сеймахъ, такъ и въ частыхъ случаяхъ столкновеній ихъ съ общимъ врагомъ³⁾. Еще предъ виленской конфедераціей православные западноруссы составили перечень своихъ „уразовъ“ (обидъ) отъ короля и латинюніатовъ и предлагали „про то ихъ милостямъ паномъ евангеликомъ восполь съ нами за наши уразы, яко и намъ за ихъ кривды, боронячи вольностей, слушнѣ ся взяти“⁴⁾.

Авторъ „Антиррисиса“ увѣрялъ, что протестанты потому „милывали“ православныхъ, что нуждались въ нихъ. На самомъ дѣлѣ скорѣе православные чувствовали въ нихъ нужду. Протестантскіе вельможи были вообще могущественнѣе православныхъ—и своимъ положеніемъ въ государствѣ, и своей энергіей и единодушіемъ въ отстаиваніи общихъ интересовъ. Потому православнымъ западноруссамъ приходилось часто обращаться за помощью къ нимъ именно, какъ къ надежной „заслонѣ“

---

1) «Выкладъ молитвы Господней», въ прилож. къ грамматикѣ Лавр. Зизанія 1596 г.

2) П. П. Л., III, 975—977.

3) Замѣчательно при этомъ полное, можно сказать, отсутствіе историческихъ свѣдѣтельств о столкновеніяхъ протестантовъ съ православными, даже уличныхъ.

4) А. З. Р., IV, № 138.

отъ папистовъ ¹⁾). Очень много случаевъ для этого дало введеніе уніи. Еще въ 1595 году кн. К. К. Острожскій приглашалъ протестантовъ къ совмѣстному дѣйствованію, въ виду стараній русскихъ епископовъ соединиться съ Римомъ ²⁾, и тогда же виленскіе братчики сдѣлали попытку образумить митрополита Михаила съ помощью виленскаго воеводы Хр. Радивилла, въ которому отправили не только письмо, но и цѣлую депутацію ³⁾. Къ нему же обращаются въ 1597—8 и 1605 гг. съ ходатайствами за преслѣдуемыхъ уніатскими духовными властями виленскихъ и брестскихъ братчиковъ Янъ Абрамовичъ и даже князь Острожскій; и Радивилль, дѣйствительно, оказываетъ виленскимъ братчикамъ помощь ⁴⁾. Въ 1616 и 1618 гг. виленское братство опять обратилось къ Хр. Радивиллу, но не какъ къ воеводѣ, а въ силу его „врожденной доброты и любви къ милой отчизнѣ“, съ жалобами на притѣсненія, чинимыя уніатами ⁵⁾. И участіе, съ каковымъ отнеслись протестанты къ положенію православной церкви, созданному уніей, было такъ велико, что въ 1597 г. возбудило удивленіе въ новгородскомъ воеводѣ Ѳеодорѣ Скуминѣ, который тяготѣлъ уже тогда къ Риму: „Удивительная вещь, что на Руси еретики такъ сильно полюбили нашу вѣру, что говорятъ больше о нашей религіи, чѣмъ о своей, указывая на то, что для насъ, русскихъ, является большой обидой и нарушеніемъ нашихъ вольностей отмѣна послушанія (патріарху)“ ⁶⁾. Даже представители нашего высшаго духовенства, какъ-то митрополитъ Іовъ Борецкій, печерскій архимандритъ Петръ Могила, сознавая всю пользу отъ протестантовъ, старались поддерживать добрыя отношенія съ ними ⁷⁾.

¹⁾ Авторъ Сборника, напечатаннаго въ Острогѣ въ 1588 г., сообщаетъ: ...и нѣкоихъ отъ христіанъ слышавомъ глаголющихъ: яко еретикове заслономъ суть вѣре здѣшнихъ христіанъ отъ зловѣрныхъ. которые за еретиками не могутъ приневолити ихъ въ зловѣріе свое. Самъ онъ, впрочемъ, опровергаетъ правильность такого взгляда: «тогда то, говоритъ онъ, отъ нехскуства таковія глаголютъ, не могучи разумѣти козней бѣсовскихъ» (л. 23; id. П. П. Л., II, 936).

²⁾ Инструкція пану Лушъковскому, до Торуна на синодъ евангелицкій, который маеть быть августа 21 дня. Антирриссъ—П. П. Л., III, 641 отъ вѣд.

³⁾ Арх. сб., VII, № 40.

⁴⁾ Рук. Имп. публ. библ. Пол., F, IV, № 198; № 223, лл. 49 и 118.

⁵⁾ Арх. сб., VII, № 51, 52.

⁶⁾ Голубевъ, Петръ Могила, прилож., № 16.

⁷⁾ Арх. сб., VII, №№ 55. 64. 263. Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Хр. Радивиллу Петръ Могила называетъ его «столпомъ отечества, бдительнымъ стражемъ отчизны, засвидѣтельствовавшимъ свою дружбу къ русскому народу, своимъ благожелательнымъ пріятелемъ». Интересно также, что п. Кирилль Лукарисъ, отправляя въ зап. Россію своего протосингела Іосифа (1620), внушалъ ему наблюдать, чтобы русскіе жили между собою мирно и «о вѣрѣ съ Лютерами не спорили, а жили бы съ ними смирно, дабы Лютеры христіанской вѣры не хулили» (Сношенія Россіи съ Востокомъ по дѣламъ церковнымъ, II, 6). Замѣчательно, что добрыя отношенія между православными западноруссами и протестантами поддерживались и много времени спустя. Такъ, въ срединѣ 18 ст. виленскіе кальвинскіе пасторы предостерегали старшихъ св.-духовскаго монастыря противъ замысловъ католиковъ. Въ 1761 г. Ѳеофанъ Леонтовичъ, старшій монастыря, назн-

Сближеніе православныхъ съ протестантами произошло не только на почвѣ политической, но и на религіозно-научной,—на основѣ богатой полемической противо-латинской литературы послѣднихъ. Пока православные не выработали своихъ собственныхъ научно-литературныхъ приемовъ борьбы съ католиками и не создали своей литературы, они не только обращаются къ протестантамъ за разъясненіемъ религіозной истины и поручаютъ имъ писаніе сочиненій противъ латинянъ ¹⁾,—но и сами, не смущаясь, пользуются ихъ сочиненіями и изданіями по церковной исторіи, догматикѣ, каноническому праву и даже Священному Писанію ²⁾. И это удостовѣряется не только укорами латино-уніатскихъ писателей, въ родѣ автора „Sowita Wina“ ³⁾, и признаніемъ Мелетія Смотрицкаго по переходѣ его въ унію ⁴⁾, но и анализомъ тогдашнихъ полемическихъ западнорусскихъ произведеній ⁵⁾.

Неудивительно поэтому, что протестантство возбуждало симпатіи даже среди ревностныхъ православныхъ и какъ система вѣроученія, какъ исповѣданіе. Еще предъ торнской конфедераціей вн. К. К. Острожскій заявлялъ, что православные и протестанты стоятъ въ отношеніи церковныхъ „церемоній“ ближе другъ къ другу, чѣмъ къ католикамъ ⁶⁾. И хотя разсужденія о религіозной уніи, мысль о которой назрѣла въ 1599 г., на виленской конфедераціи шли туго, благодаря неуступчивости со стороны православнаго духовенства, въ западной Россіи этому вопросу пытаются дать болѣе широкую постановку и стараются заинтересовать имъ и греческую церковь въ лицѣ константинопольскаго патріарха Кирилла Лукариса ⁷⁾. Попытки религіозной уніи не привели къ

ваетъ «господь протестантовъ» «союзниками и пріятелями нашими» (Матеріалы для исторіи западнорусской церкви XVIII ст.—Чтенія въ общ. Нестора лѣтописца, IX, 68. 69. 101. 143).

¹⁾ Такое порученіе далъ нѣкоему Мотовиллѣ К. К. Острожскій. И несмотря на все удивленіе и негодованіе по этому поводу кн. Курбскаго (Сказ. кн. Курб., 281 и слѣд.), онъ, кажется, повторилъ этотъ опытъ лѣтъ черезъ 20 (П. П. Л., III, 667, 669, 722).

²⁾ Мороховскій, напр., упрекаетъ Мелетія Смотрицкаго, что онъ въ своемъ Фриносѣ сослался на Новый Завѣтъ Буднаго и Чеховича (*Parergon*, 42).

³⁾ Арх. Ю.-З. Р., I, VII, 492.

⁴⁾ Апологія, 1628 г. См. также въ протестаціи Смотрицкаго противъ кіевского собора 1628 г. заявленіе Смотрицкаго, что онъ въ своемъ «Плачѣ» писалъ и вѣрилъ по еретически («Петръ Могила», прилож., стр. 335).

⁵⁾ Такъ, напр., г. Студинскій доказываетъ фактъ вліянія на сочиненіе Ст. Зизанія: «Казанье св. Кирилла Іерусалимскаго» и на полемическую часть «Перестроги»—изданія Зибранда Любберта: «De rara Romano libri decem. Frisiae in academia Franckepuа, 1594» (Пересторога, 162—166, 175—185, 192). См. также изслѣдованіе проф. Скаблановича: «Объ Апокрисисѣ Христофора Филалета» (Спб., 1873), 9—13.

⁶⁾ П. П. Л., III, 644. Православные западноруссы высказывали даже надежду, что протестанты въ знакъ политическаго единенія съ ними откажутся отъ новаго календаря и стануть «воспользъ въ ними одного патріаршаго благословенства и его владамъ въ духовныхъ справахъ заживати» (А. З. Р., IV, № 138).

⁷⁾ Переписка между православными западноруссами, протестантами и Лукарисомъ (1599—1600)—у *Маммесскаю*, «Мелетій Пигасъ», II, №№ 42—45.

цѣли по весьма понятнымъ причинамъ; тѣмъ не менѣе, многіе православные сочувствовали реформаціи: они, по словамъ автора Антиррисиса „лепей (больше) хвалили вызнанье (исповѣданіе) веры Арьянское, анижь католическое“ ¹⁾, а по увѣренію Смотрицкаго, и въ его время они привыкли говорить, что въ крайности желаютъ итти скорѣе въ кальвинскіе зборы, чѣмъ соединиться съ римскою церковью.

Въ такомъ характерѣ отношеній между православными западноруссами и протестантами заключается объясненіе той скудости полемическихъ сочиненій ихъ другъ противъ друга, на которую уже указалъ авторъ Антиррисиса ²⁾. Имъ же опредѣляется степень воздѣйствія протестантовъ на оживленіе нашего просвѣщенія. Протестанты самымъ фактомъ своего существованія въ западной Россіи должны были будить мысль населенія, призывать ее къ критикѣ существовавшихъ религіозныхъ ученій. Для православныхъ западноруссовъ имѣла большое значеніе ихъ полная энергіи просвѣтительная дѣятельность,—ихъ усердіе къ изученію слова Божія, проповѣдничество, устная и письменная полемика съ латинствомъ, заведеніе типографій и школъ. И, вѣроятно, не одному кн. К. Острожскому была симпатична эта сторона ихъ дѣятельности; а какъ онъ къ ней относился, видно изъ слѣдующаго отрывка его письма къ Ипатію Потѣю, брестскому епископу, отъ 25 марта 1595 года: „Что касается съѣздовъ, то желателно, чтобы и у насъ были такіе, какъ у тѣхъ, которыхъ называютъ некрещенными людьми, аріанами, новокрещенцами, еретиками.... Все, что постановлено ими на ихъ съѣздахъ, исполняется: очевидно, они съѣзжаются не на банкеты и пирушки, не для заговоровъ и притворства, а для совершенія богоугодныхъ и благочестивыхъ дѣлъ. Оттого у нихъ повсюду школы, типографіи, госпитали и безчисленное множество проповѣдниковъ“ ³⁾.

На почвѣ этого то сочувственнаго отношенія къ просвѣтительной дѣятельности протестантовъ, въ связи съ попыткой религіозной уніи, и созданъ проектъ общихъ православно-протестантскихъ школъ въ повѣтахъ, какой представленъ былъ на виленской конфедераціи 1599 года⁴⁾.

¹⁾ П. П. Л., III, 767.

²⁾ «Смѣтрите на ову зверхнюю милость, згуду: же зъ вами спокойне живутъ, же вамъ не докучаютъ, же противъ васъ не пишутъ; а то не видите, же такъ имъ, яко и вамъ, тое згоды поверхнее потреба; а ку тому же тежъ вы не такъ на нихъ, яко Римляне, натираете, противъ имъ не пишете, не диспутуетеся зъ ними,—а мамъ ли правду речъ,—и сами ничего не розумеете, протожъ васъ по одному ловять» (П. П. Л., III, 975).—У насъ нѣтъ еще полного обзора памятниковъ западнорусской противо-протестантской полемической литературы. Изъ таковыхъ памятниковъ ми можемъ указать, кромѣ посланій старца Артемія (напечатаны въ I-мъ томѣ П. П. Л.) и князя Курбскаго (Сказанія кн. Курбскаго), на «Списаніе противъ Люторовъ» (Чт. моск. общ. исторіи и древностей російскихъ, 1879, II; въ болѣе исправной редакціи—П. П. Л., III), на Острожскій Сборникъ 1588, Книгу о вѣрѣ или Азаріеву книгу (о двухъ ея изданіяхъ см. Голубева, Тр. Киев. д. акад., 1876 г., I, 363 и слѣд.)... Безъ сомнѣнія, имѣющій выйти въ свѣтъ цѣлый томъ памятниковъ полемической противо-протестантской литературы, пригото- вляемый къ печати проф. Голубевымъ, откроетъ наукѣ немало новаго по этому вопросу.

³⁾ П. П. Л., III, 599.

⁴⁾ Łukasz., Dzieje.... w Litwie, I, 122. 123.

Проектъ этотъ не могъ быть осуществленъ, но тѣмъ не менѣе православные для своихъ школъ пользовались учебными силами протестантовъ. Такъ, уніатъ Дубовичъ говоритъ о нѣкоторыхъ знатныхъ панахъ, не называя ихъ по имени, которые жертвовали большія средства, чтобы поднять образованіе среди русской молодежи, и приглашали въ свои школы учителей изъ нѣмецкихъ еретическихъ коллегій ¹⁾. Не отказывались отъ услугъ педагоговъ—протестантовъ и православныя братства, въ родѣ виленскаго ²⁾.

Не менѣе сильнымъ мотивомъ для православныхъ западноруссовъ къ заведенію и устройству своихъ школъ было появленіе въ предѣлахъ Польши и Литвы иезуитовъ и ихъ училищъ. Иезуиты были тѣмъ опаснѣе для православныхъ и тѣмъ сильнѣе побуждали ихъ спѣшить съ открытіемъ училищъ, что очень скоро начали примѣнять къ дѣлу выработанную ими систему литературныхъ и школьныхъ средствъ и правилъ со- вращения въ латинство православныхъ взрослыхъ и учащихся. Изъ внѣшкольныхъ средствъ пропаганды латинства на первомъ планѣ стояло изданіе и распространеніе сочиненій въ духѣ католичества и „исправленіе“ православныхъ богослужебныхъ книгъ (евангелій, псалтири, мнень, молитвослововъ). Среди сочиненій, рекомендованныхъ для этой цѣли Поссевиномъ, находились: нѣкоторыя (подложныя) творенія п. Геннадія Схоларія, сочиненія Ѳомы (Аквината) противъ греческихъ заблужденій, избранныя житія святыхъ (изъ *Vitae sanctorum*), „Объ единствѣ церкви“—Скарги, катихизисы—Римскій и Петра Канизія, Булла папы Евгенія IV объ уніи, Исповѣданіе вѣры Пія IV и т. п. Все это Поссевинъ совѣтовалъ, отпечатать на латинскомъ или греческомъ языкахъ, съ обязательнымъ русскимъ переводомъ, раздавать даромъ русскимъ попомъ для чтенія въ церквахъ, вообще православнымъ и особенно русскимъ воспитанникамъ виленской академіи, ярославской коллегіи и ольмюцкой семинаріи, для распространенія ими среди родныхъ и знакомыхъ ³⁾. Самъ Поссевинъ въ свое первое путешествіе въ Москву въ 1581 году распространялъ среди населенія „благочестивыя книжки“ (*prii libelli*), инныя на греческомъ языкѣ ⁴⁾. Живя послѣ того въ Вильнѣ, онъ приступилъ и къ издательству по выработанной имъ же программѣ. Прежде всего онъ хотѣлъ отпечатать на русскомъ языкѣ нѣсколько сотъ катихизисовъ, но русскіе типографщики посмѣялись надъ нимъ, внесши въ книгу, какъ онъ самъ признавался, различныя заблужденія ⁵⁾. Послѣ того Поссевинъ, перенесшій свою дѣятельность въ зап. Европу, завѣщалъ осуществленіе своей программы виленскимъ иезуитамъ ⁶⁾, причемъ иногда и самъ издавалъ намѣченныя книги ⁷⁾.

¹⁾ *Dubowicz, Hierarchia, 1644, str. 194.*

²⁾ *A. Z. P., IV, № 217. П. П. Л., I, 235.*

³⁾ *Supplem., 39—41.*

⁴⁾ *Lit. an. S. J., 1582, 227.*

⁵⁾ *Васильевскій, Вильна, 39 (Памятн. рус. стар. въ зап. губерніяхъ, V).*

⁶⁾ *Митр. Макарій, IX, 420—422.*

⁷⁾ Таковы, напр., *Interrogationes et responsiones de processione Spiritus Sancti a Patre et Filio: desumptae, ac brevior et dilucidior ordine digestae, ex libro Gennadii Scholarii patriarchae Constantinopolitani. Ab Antonio Possevino de S. J. In gratiam et utilitatem Ruthenorum. Ingolstadii. 1583.*

Вторымъ, не менѣе сильнымъ, факторомъ пропаганды латинства были у іезуитовъ диспуты съ иновѣрцами. При сильно развитой діалектикѣ они часто побѣждали противниковъ и поселяли въ слушателяхъ убѣжденіе въ истинѣ католичества. Они охотно вступали и въ публичные диспуты, гдѣ условія были выгодны для нихъ ¹⁾, и въ частные дебаты. Случаи публичныхъ диспутовъ православныхъ съ іезуитами почти не извѣстны ²⁾, но что частные бывали, на это указываетъ и свидѣтельство кн. Курбскаго о происходившей въ его домѣ богословской бесѣдѣ съ ними, и совѣтъ его, чтобы „несовершенные въ писаніяхъ“ православные „не сражались бы съ ними гаданьями“ „безъ искусныхъ нашихъ“, „безъ ученыхъ нашея страны“ ³⁾. Но и послѣдніе, осмѣливавшіеся даже письменно полемизировать съ іезуитами, чувствовали себя не совсѣмъ свободно безъ оружія школьной науки: „простаку неучоному за мудрого оратора отповедати—власне якъ плохому а голому за збройнаго рыцера воевати“, замѣчаетъ Герасимъ Смотрицкій ⁴⁾.

О школьныхъ средствахъ пропаганды католичества уже было сказано. Сокращеніе русскихъ юношей всего успѣшнѣе происходило въ виленской академіи и на первыхъ же порахъ дало себя чувствовать всѣмъ тѣмъ, кто интересы вѣры ставилъ выше іезуитскихъ знаній. Потому-то, какъ скоро обнаружилось, что іезуиты „не наука, первѣе мало не всѣхъ, въ неразумномъ еще будучи вѣку, намовя ихъ хитростей, отлучили отъ правовѣрія и покрестили въ свое полувѣріе“,—„многіе отцы отъ нихъ дѣти своя паки отобрали“ ⁵⁾. Но обойтись безъ образованія трудно было, и тотъ же самый князь Курбскій, который сообщалъ, что іезуиты—„ненавистники и противники зѣло великіе нашему правовѣрію“, былъ не безусловно противъ ихъ школы. Напротивъ, онъ даже хвалилъ намѣреніе княгини Чарторыйской „послати сына до Вильни, до римскаго закона честныхъ презвитеровъ Іезуитовъ“, ибо изученіе „внѣшнихъ“ и философскихъ наукъ само по себѣ хорошо, почему и

¹⁾ Когда кальвинистъ Яковъ Немоевскій предложилъ іезуитамъ устроить въ 1574 г. диспутъ въ Познани на польскомъ языкѣ и безъ употребленія схоластическихъ приемовъ въ доказательствахъ, они отказались, какъ не пожелали и того, чтобы на диспутѣ присутствовалъ простой народъ (*Любовичъ*, Начало католической реакціи... 352. 353).

²⁾ О. Заленскій сообщаетъ о происходившемъ въ Острогѣ диспутѣ Василя съ іезуитами (о. с., 121, прим.). Въ 1609 г. кн. Юрій Чарторыйскій (католикъ) предложилъ было въ Луцкѣ одному православному защититъ при помощи поповъ два положенія, — что константинопольскій патріархъ имѣетъ больше власти, чѣмъ папа, и что римляне именно отдѣлились отъ церкви. Тотъ объѣхалъ окрестности города на 50 миль кругомъ и не нашелъ годныхъ людей. Явившихъ въ Луцкъ въ день диспута, онъ долженъ былъ заявить собравшимся о послѣдовавшемъ будто бы запрещеніи отъ патріарха попомъ диспутировать (*Lit. an.* 1609, p. 425. Такъ сдѣлали въ 1574 г. и сами іезуиты, сославшись на то, что не могутъ вести преній безъ разрѣшенія папы и епископа). На подобномъ же основаніи православные вильняне отказались въ 1617 г. отъ публичнаго диспута съ униатами, для котораго тоже былъ уже назначенъ день (*Юляловичъ*, Литовская церк. униа, II, 313—315).

³⁾ Сказ. кн. Курбскаго, 260—265.

⁴⁾ Ключъ царства небеснаго, 1587 г.—Арх. Ю.-З. Р., I, VII, 238.

⁵⁾ Сказанія кн. Курбскаго, 277.

святые отцы ѣздили обучаться къ языческимъ философамъ; но нужно остерегаться, говорилъ кн. Курбскій, чтобы знаніе это не было куплено цѣной вѣры, отъ которой іезуиты успѣли уже отвратить многихъ путемъ „хитролестной намовы“¹⁾.

Такимъ-то образомъ іезуиты пробуждали въ западноруссахъ потребность въ просвѣщеніи. Они же указали и путь въ удовлетворенію ея и характеръ имѣющей возникнуть образованности. Когда Скарга писалъ (1577), что Русь не имѣетъ проповѣдниковъ, что въ ней „вся наука упала, а попы огрубѣли (zchłopieli) и овцы ихъ никогда не могутъ имѣть отъ нихъ такого руководства и помощи, въ какихъ нуждаются; что такіе пастыри, въ случаѣ появленія ереси, не смогутъ обороняться и не сумѣютъ предохранить отъ заблужденій своихъ овецъ и спасти ихъ отъ волковъ“; когда онъ ублажалъ „счастливую римскую церковь, которая всюду, гдѣ только ни привѣтъ вѣры, сейчасъ же основываетъ латинскія школы, чтобы въ каждомъ народѣ развивалась наука и чтобы вѣра не слабѣла (nie prochniała) отъ невѣжества, а наоборотъ, чтобы изъ каждой націи родились ученые люди для ея защиты“,—то этимъ онъ прямо натакивалъ русскихъ на мысль объ устройствѣ школъ, которыми бы укрѣплялась ихъ вѣра,—школъ православныхъ, преимущественно духовнаго характера. Когда онъ выставлялъ на видъ полнѣйшее незнакомство поповъ съ славянскимъ языкомъ, когда коварно увѣрялъ, что греки по зависти не познакомили ихъ съ своимъ языкомъ и не дали имъ своихъ школъ²⁾,—то этимъ направлялъ русскихъ къ изученію славяно-греческой науки.

Указанныя образовательныя вліянія, пробудившія въ нашемъ обществѣ стремленіе къ наукѣ европейской, высшей, чѣмъ та, которую до того преподавали „дьяки“, были по преимуществу враждебными намъ и отрицательными. Положительный характеръ принадлежалъ двумъ другимъ факторамъ—московскому и восточному.

Московская Русь дала значительный толчокъ религіозному и умственному оживленію западнорусскаго общества. Почти одновременно переселились оттуда къ намъ замѣчательнѣйшіе люди своего вѣка: старецъ Артемій, троицкій игуменъ, обвиненный московскою церковною властью въ неправославіи и сосланный въ Соловки³⁾, кн. Курбскій, который „отъ царскаго гнѣва бѣжалъ“⁴⁾, и бѣжавшіе отъ невѣжественной московской черни первые русскіе книгопечатники—діаконъ Иванъ Федоровъ и Петръ Тимоѣевъ Мстиславецъ. Первые двое очень скоро разобрались

¹⁾ Сказ. кн. Курбскаго, 276—278. Важна еще одна сохранившаяся собственноручная замѣтка Курбскаго на полѣ сдѣланнаго имъ перевода сочиненій Дамаскина. Противъ словъ: «еще что ото виѣ(ш)ныхъ приобрести можемъ не отменно есть»—онъ приписалъ: «не шкодитъ и чужихъ докторовъ писмо читати» (*Половъ*, Описание рукописей и каталогъ книгъ церковной печати библиотеки А. И. Хлудова, 1872, 113).

²⁾ П. П. Л., III, 484—486.

³⁾ Соборныя грамоты объ осужденіи Артемія отъ 24 янв. 1554 г. (Акты археограф. экспедиціи, I, № 239). Ср. «Исторію княжества великаго московскаго», кн. Курбскаго (Сказанія кн. Курбскаго, 133—135).

⁴⁾ Вѣгство это произошло въ 1564 г. (Жизнь кн. Курбскаго въ Литвѣ и на Волынѣ, I, 37 и предисл., стр. III).

въ церковныхъ отношеніяхъ западнорусскаго народа и стали на защиту его религиозныхъ интересовъ. Своею писательскою дѣятельностью эти лица опредѣлили нормальное отношеніе къ тѣмъ культурнымъ вліяніямъ, которыя показались имъ болѣе вредными, и побудили западноруссовъ ополчиться противъ нихъ. Но въ то время, какъ старецъ Артемій давалъ только чувствовать, что въ борьбѣ съ иновѣрцами нужно православному богословское образованіе, князь А. М. Курбскій показалъ, какъ слѣдовало взяться за дѣло. По нему, нужно было не только ограждать отъ новыхъ ересей православную паству, которая на Волыни, напр., „мало не вся заразилася, скверными догматы подущаема“, но и поднять ея нравственность. Для обѣихъ цѣлей необходимо было, по его убѣжденію, знакомство съ святоотеческой литературой, а для этого—знаніе греческаго и латинскаго языковъ. Начавъ заниматься на Волыни усерднымъ чтеніемъ Аристотеля и Священнаго Писанія, ради собственнаго удовольствія и для утѣшенія въ разлуцѣ съ домашними, кн. Курбскій вспомнилъ слова своего учителя Максима Грека, что изъ святыхъ отцовъ немногіе переведены на славянскій языкъ, тогда какъ на латинскій—почти всѣ, и рѣшилъ послужить на пользу церкви православной переводомъ твореній отцовъ съ латинскаго на славянскій языкъ. Ему непріятно стало, что „нашихъ учителей чуждые наслаждаются, а мы гладомъ духовнымъ таемъ, на свои зряще“. Ради этого онъ уже въ сѣдинахъ приступилъ къ изученію латинскаго языка и „не мало лѣтъ изнури, въ грамотическихъ, и въ діалектическихъ, и въ прочихъ наукахъ пріучаяся“. Когда онъ изучилъ ихъ „по силѣ своей“, тогда купилъ необходимыя для перевода книги и съ помощью нѣкоего юноши Амвросія, „зело въ писаніяхъ искусна суща и верхъ философіи достигша“, перевелъ списокъ сочиненій Златоуста и его слова на праздники. Для того дѣла, которому Курбскій сталъ служить, мало было одного—двухъ человѣкъ, и князь сталъ подыскивать себѣ помощниковъ, которые знали славянскій и латинскій языки. Но тѣ монахи и мірскіе, которыхъ нашель онъ, не пожелали помочь ему,—монахи по непохвальному самоуниженію, вторые—будучи объаты мірской суетой. Тогда Курбскій склонилъ своего брата (двоюроднаго) князя Михаила Оболенскаго, благороднаго юношу, учиться „виѣшнимъ наукамъ на языкѣ Римскомъ“. Оболенскій, оставивъ домъ и семью, провелъ три года въ Краковѣ и два въ Италіи и вернулся „здравъ и въ праотеческомъ благочестію цѣлъ яко корабль преполонъ дражайшимъ корыстей“. При дворѣ князя Курбскаго организовалось теперь нѣчто въ родѣ общества любителей духовнаго просвѣщенія. Предстояло перевести на славянскій языкъ купленные уже Курбскимъ творенія святыхъ Василія великаго, Григорія Богослова, Іоанна Златоуста, Кирилла александрійскаго и хроніку Никифора Каллиста. Къ работѣ приступили самъ Курбскій, князь Оболенскій и нѣкій „бакаляръ“. Но обнаружившееся недостаточное знакомство ихъ съ славянскимъ языкомъ заставляло ихъ просить помощи и на сторонѣ, у Марка Сарыгозина, служившаго у князя Слуцкаго ¹⁾. Хотя въ намѣреніи ученаго кружка, сгруп-

¹⁾ «Предисловіе многогрѣшнаго Андрея Ярославскаго на книгу сію достойную нарицатися Новый Маргаритъ» (Жизнь кн. А. М. Курбскаго въ Литвѣ и на Волыни, II-308—312). Ср. Сказанія кн. Курбскаго, 256—259.

пированнаго княземъ Курбскимъ, было перевести прежде всего творенія святыхъ отцовъ IV вѣка, но на самомъ дѣлѣ вниманіе его остановилось на произведеніяхъ Іоанна Дамаскина. Изъ сочиненій этого св. отца были переведены его богословіе, „О судномъ днѣ“, „О двухъ Христовыхъ воляхъ и дѣйствованіяхъ и о другихъ естественныхъ свойствахъ“, „Объ ересяхъ“, нѣкоторыя догматическія посланія, „Книга, въ ней же описуется гаданіе христіанина съ сарациномъ“ ¹⁾, и его діалектика ²⁾. Наконецъ, кн. Курбскій не оставялъ безъ вниманія и позднѣйшихъ памятниковъ греческой литературы. Такъ, съ Аэона онъ выписалъ переводы сочиненій Григорія и Ніла, митрополитовъ солунскихъ ³⁾.

Послѣ всего сказаннаго относительно стараній кн. Курбскаго обогатить нашу отечественную литературу переводами,—стараній, которыя и сами по себѣ должны были повліять на умственное оживленіе западно-русскаго народа, можно предполагать, что имъ же заведены были и школы и даже, быть можетъ, съ греческимъ и латинскимъ языками. Весьма естественно допустить, что въ виду трудности добывать людей, знающихъ классическіе языки ⁴⁾, князь Курбскій пришелъ къ мысли готовить ихъ путемъ школьнаго обученія, почему и завелъ у себя училище. И, дѣйствительно, у него было нѣсколько „бакаларовъ“ ⁵⁾, въ томъ числѣ панъ Станиславъ Войшевскій ⁶⁾. Учителями же, вѣроятно, были и Брумъ, и Бартоломей, и священникъ Сила, забравшіе въ Владимірѣ въ 1579 г., вмѣстѣ съ Войшевскимъ, бумагу „для перевода“ ⁷⁾. Наша мысль о существованіи у Курбскаго, въ мѣстечкѣ Миляновичахъ (владимирскаго повѣта), училища получаетъ особенно сильное подтвержденіе въ письмѣ къ князю Василию Загоровскаго, отъ 22 апрѣля 1577 г.: „бгды лет таковыхъ науцѣ годныхъ дойдутъ, пишеть Загоровскій о своихъ дѣтяхъ, же бы ихъ къ вапшности на науку дала (опекунша) и што заплати *научителем* приходити будет, же бы то (поз)бираючи платила“ ⁸⁾.

Нѣкоторые историки (напр. Кулишъ) отрицають всякое воздѣйствіе на западнорусскую образованность во второй половинѣ XVI вѣка греческой науки и школы: греки, говорятъ они, не могли вліять на наше

¹⁾ Переводъ этого сочиненія былъ напечатанъ въ 1535 году въ Вильнѣ, въ типографіи Мамоничей.

²⁾ *Поповъ*, Описание рукописей Хлудова, 115. 116. id. Библиографич. записки, I, 1853), 355: «Предисловіе Андрея грѣхми исполнена».

³⁾ Сказ. кн. Курбскаго, 264 (письмо 2 къ Мамоничу). Прав. обзор., 1873, II, 922 и слѣд.

⁴⁾ Сказ. кн. Курбскаго, 257.

⁵⁾ «То бы азъ сълзъ со единымъ бакаларомъ» (Сказ. кн. Курбскаго, 258).

⁶⁾ Жизнь кн. Курбскаго, II, 136.

⁷⁾ Жизнь кн. Курбскаго, I, прил. № 76.

⁸⁾ Жизнь кн. Курбскаго, II, 288 стр. (id. Киев. стар., 1887, февр., 363. Въ виду заботъ кн. Курбскаго о просвѣщеніи вообще и школьномъ въ частности, а также его сношеній съ К. К. Острожскимъ, съ одной стороны, и виленьскими мѣщанами Мамоничами—съ другой, можетъ быть дано нѣкоторое мѣсто тому предположенію г. Студинскаго, по которому Курбскому именно обязана своимъ появленіемъ въ свѣтъ славянская грамматика, взятая изъ бібліотеки кн. Острожскаго и напечатанная въ 1586 г. у Мамоничей (о ней ниже; *Студинскій*, Пересторога, 42).

просвѣщеніе уже потому, что сами не имѣли его ¹⁾. Взглядъ этотъ.— повтореніе тѣхъ рѣчей о греческомъ невѣжествѣ, которыя раздавались въ концѣ XVI и началѣ XVII ст. изъ латинскаго и уніатскаго лагерей съ легкой руки Скарги ²⁾). Конечно, и сами греки свидѣтельствовали объ упадкѣ у нихъ просвѣщенія. „Музы оставили Грецію и переселились въ Германію, писалъ въ 1575 году извѣстному Мартину Крузію константинопольскій протопотарій Θεодосій Зигомала,—мы же не имѣемъ ни мудрости, ни наукъ“. А въ другомъ письмѣ онъ говорилъ: „Иго порабощенія наложено агарянами на греческія земли, и не остается тамъ мѣста для свободныхъ наукъ, развѣ вое-гдѣ найдется занимающійся ими. Причиной тому то, что грековъ гнетутъ бѣдствія и тяжкая нужда снискивать пищу и одежду, что не оставляетъ и досуга для занятій науками“. И патриархи греческіе не разъ жаловались, что у нихъ „начали изсякать ручьи божественной мудрости, заглохло просвѣщеніе, настали для вселенной голодъ и жажда“ духовные. Съ другой стороны, Давидъ Хитрей, бывавшій въ Константинополѣ и имѣвшій тамъ корреспондентовъ, сообщая о совершенномъ почти охлажденіи въ Греціи любви къ философіи и наукѣ, подтверждаетъ это положеніе такими подробностями: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ епископы издали, какъ писали ему оттуда, запрещеніе читать древнихъ поэтовъ, ораторовъ, философовъ и другихъ языческихъ писателей; большинство священниковъ и монаховъ не знаютъ древняго греческаго языка и если изучаютъ его въ школахъ, то только для того, чтобы умѣть обращаться съ ороlogіемъ (служебникомъ) ³⁾.

Но взятіе турками Византіи не совсѣмъ убило въ грекахъ стремленіе къ просвѣщенію и не отняло у нихъ средствъ къ тому ⁴⁾. Не говоримъ о томъ, что въ теченіе XV—XVII вв. немало грековъ получало образованіе въ европейскихъ школахъ и университетахъ (средоточными пунктами греческаго образованія на Западѣ были Венеція, Падуга и Римъ),—греки и у себя на родинѣ имѣли возможность учиться. Воспитанники итальянскихъ и другихъ университетовъ, возвращаясь на родину, очень часто дѣлались учителями у знатныхъ и богатыхъ соотечественниковъ ⁵⁾.

¹⁾ П. А. Булинь, «Исторія возсоединенія Руси», I, 196—198.

²⁾ «O iedności» и «Synod Brzeski» Скарги (П. П. Л., VII, 486. 489, 512. 992. 995). Потпй—П. П. Л., III, 630. 1021—1023. А. З. Р., IV, стр. 222. А. Ю. и З. Р., I, № 224. Рутскій—«Петръ Могила». прилож., № 23.

³⁾ *Davidis Chytraci oratio de statu ecclesiarum hoc tempore in Graecia, Asia, Boëmia etc.* (Francofurti, 1583), pp. 13, 99. *Малышевскій*, Мелетій Пигасъ. I, 52, 53; II, № 26.

⁴⁾ О состояніи просвѣщенія у грековъ послѣ паденія Византіи можно читать на русскомъ языкѣ: I-й томъ «Мелетія Пигаса» *Малышевскаго*, «О состояніи Константинопольской церкви подъ игомъ турокъ въ первые полтора вѣка со времени взятія Константинополя Магометомъ II» (Христ. чт., 1861, II); *Голубинскаго*—«Очеркъ исторіи просвѣщенія у грековъ со времени взятія Константинополя турками до наст. столѣтія» (Правосл. обзор, 1872); *Архангельскаго*—«Очерки исторіи греческой церкви со времени паденія Константинополя до нашихъ дней» (Чтенія въ общ. люб. дух. просвѣщ., 1884); *Лебедева А.*, Исторія греко-восточной церкви подъ властію турокъ, т. I (1896), 217 и слѣд.

⁵⁾ «Чистый классическій языкъ нѣкоторые греки, писалъ въ 1575 г. Хитрей Крузію, изучаютъ въ Италіи и, воротившись домой, сами учатъ ему. Другіе принимаютъ его отъ родителей, какъ бы чрезъ нѣкоторую передачу руками, иныя, напоенныя грам-

Но у грековъ были и общественныя школы, не только первоначальныя, въ которыхъ обучали грамотѣ, часослову, псалтыри, октоиху и другимъ церковнымъ книгамъ,—но и школы съ программой болѣе широкой. Такова была патриаршая школа въ самомъ Константинополѣ, основанная, какъ полагаютъ, п. Геннадіемъ Схоларіемъ и выпустившая изъ своихъ стѣнъ нѣсколько славныхъ ученостью мужей. Она со временъ патриарха Іоасафа II (1559—1565), послѣ временнаго запусканія по случаю смутъ въ патриархіи, поднялась на довольно значительную высоту, благодаря поставленному патриархомъ во главѣ ея Іоанну Зигомалѣ, заявившему себя учительскими способностями еще въ адрианопольскомъ училищѣ ¹⁾. Еще выше должно было стать преподаваніе въ ней при Іереміи II Траносѣ (1572—1579, 1580—1584, 1586—1595 гг.), который самъ получилъ хорошее образованіе и отличался проповѣдническими способностями и такимъ богословскимъ развитіемъ, что могъ полемизировать съ профессорами тюбингенскаго университета ²⁾. При своемъ санѣ и трудахъ по управленію онъ находилъ время для ученыхъ занятій богословіемъ и св. отцами, философій и классиками. Чтобы заохотить молодежь къ школьнымъ занятіямъ, онъ самъ посѣщалъ лекціи Зигомалы по діалектикѣ, риторикѣ, иеикѣ и слушалъ комментаріи хіосскаго врача Леонарда Миндонія на Гермогена, Аммонія и Гезіода ³⁾. Въ руководители патриаршей школы Іеремія пытался еще въ 1574 г. поставить Еммануила Маргунія, тогда уже извѣстнаго падуанскаго ученаго, бывшаго впослѣдствіи епископомъ виенскимъ; но эта попытка осуществилась только чрезъ десять лѣтъ ⁴⁾. Заботы этихъ и другихъ патриарховъ настолько подняли константинопольскую школу, что ее усердно стали посѣщать не только дѣти, но и взрослые, свѣтскіе и монахи. Здѣсь учились въ 50 и 80-хъ годахъ даже „робята“ и „паробки“ изъ Мосевы ⁵⁾. Въ ней изучались не только первоначальныя науки, но и свѣтскія и богословскія; изъ свѣтскихъ здѣсь преподавались рито-

---

матическими правилами Константина Ласкариса, постояннымъ чтеніемъ научаются понимать весьма многое у отцовъ, каковы митрополиты и нѣкоторые монахи. (*Davidis Chytgaci oratio*, p. 162. Ср. письмо Герлаха отъ 17 мая 1576 г. въ *Bibliographie Hellénique XV et XVI saec., II, praeface, XXVIII, note 3*).

¹⁾ Хр. чт., 1861, II, 240. 241.

²⁾ *Acta et scripta theologorum Wirtembergensium, et patriarchae Constantinopolitani D. Hieremiae: quae utrique ab Anno MDLXXVI usque ad annum MDLXXX de Augustana Confessione inter se miserunt: Graece et Latine ab iisdem Theologis edita. Wirtembergae. 1584 (Bibliogr. Hellén. XV et XVI saec., II, № 171).*

³⁾ Σαφα Κ. Ν. Βιογραφικὸν σκεδίσμα περὶ τοῦ πατριάρχου Ιεραιίου Β' (Ἐν Αθήναις, 1870), 12, 44. 45. Ср. *Bibliographie Hellénique XV et XVI saec., II, pref., XXVIII, note 3*. О патриархѣ Іереміи извѣстно еще, что онъ составилъ нѣсколько сочиненій догматико-полемическаго содержания и пытался завести въ Константинополѣ типографію, но встрѣтилъ сопротивленіе со стороны невѣжественнаго клира (Σαφα, 90—92).

⁴⁾ *Bibliographie Hellén. XV et XVI saec., II, praeface, XXVIII. XXXII—XXXIV.*

⁵⁾ Пристройка къ школѣ при патр. Іоасафѣ нѣсколькихъ новыхъ «келій» и приглашеніе «мудрыхъ мужей, философовъ», а отчасти воспособленіе «обѣднимъ ученикамъ, чтобы они отдавали себя ученію», произошла на счетъ «царскаго жалованія» (*А. Му-*

рика, пїитива, діалектика и філософія Аристотеля, ионика, объясненіе древнихъ поэтовъ и риторовъ: Гезіода, Гермогена, астрономія, нѣкоторыя свѣдѣнія по физикѣ¹⁾).

Что Греція въ концѣ XVI ст. не была скудна учеными силами, объ этомъ говорятъ какъ свидѣтельство Зигомалы, который въ письмѣ къ Крузію „вѣдати даетъ, ижъ лидаскаловъ мудрыхъ его вѣбу живыхъ, болшъ семидесяти находится“²⁾; такъ и тотъ фактъ, что папа Григорій XIII, основывая аонасіевскую коллегію въ Римѣ, вызвалъ для преподаванія въ ней ученыхъ изъ Греціи³⁾).

Съ другой стороны, патріархи восточные, у которыхъ съ половины XVI ст. вновь завязываются болѣе правильныя и оживленныя сношенія съ Россіей, начинаютъ прилагать усилія къ тому, чтобы пересадить греческую науку на русскую почву. „Составъ училища, писалъ царю Ѳеодору Ивановичу александрійскій патріархъ Сельвестръ въ 1585 г., и поставъ наказателя, чтобы въ немъ учились эллинской грамотѣ и были бы научены, отъ многихъ божественныхъ книгъ, всей мудрости Божіей православной вѣры“⁴⁾. Къ тому же убѣждалъ царя и патріархъ Мелетій Пигасъ въ 1593 г.: „устрой у себя, царь, греческое училище, какъ живую искру священной мудрости, потому что у насъ источникъ мудрости готовъ изсякнуть до основанія“⁵⁾).

Но если уже въ восточную Россію пробивались лучи греческой науки, то проникновенію ихъ въ западную Русь доступъ былъ тѣмъ легче, что здѣсь издавна жило немало грековъ, которые во Львовѣ, напр., составляли довольно видный элементъ населенія. Князю Курбскому не такъ трудно было найти людей, знавшихъ греческій языкъ⁶⁾. Были здѣсь также люди знакомые съ философіей и богословіемъ Дамаскина (іерод. Іоакимъ). Затѣмъ, самъ Курбскій расширилъ путь греческому вліянію, завязавши сношенія съ Аеономъ и, очевидно, съ Константинополемъ, а князь Острожскій пошелъ еще дальше: можно думать, что въ открытомъ имъ училищѣ осуществлялась греческая именно программа образованія. Одновременно западноруссы начинаютъ ѣздить учиться въ Грецію „внѣшнимъ“ и богословскимъ наукамъ съ цѣлью, главнымъ образомъ, подготовки къ учительству. Таковъ, напр., Ѳеодоръ спудей⁷⁾.

расселъ, Сношенія Россіи съ Востокомъ по дѣламъ церковнымъ, I (1858, Спб.), 108, 134, 181. *Ф. Терновскій*, Изученіе Византійской исторіи и ея тенденціозное приложеніе въ древней Руси, II, 21).

¹⁾ Сноп. Россіи съ Вост., I, 108. Хр. чт., 1861, II, 242.

²⁾ «Палинодія», II. П. Л., I, 912.

³⁾ Хр. чт., 1861, II, 242, 243; Мелетій Пигасъ, I, 232.

⁴⁾ Сноп. Россіи съ Вост., I, 157, 158.

⁵⁾ *Мамышевскій*, Мелетій Пигасъ, II, № 4; ср. № 26.

⁶⁾ Сказ. кн. Курбскаго, 257.

⁷⁾ *Мамышевскій*, Мелетій Пигасъ, т. II, прилож., III, №№ 3—5. О Ѳеодорѣ Спудеймъ знаемъ очень немного. Когда въ зап. Россіи поднялись волненія изъ-за попытки короля ввести григоріанскій календарь, К. К. Острожскій обратился за поддержкой къ вселенскому патріарху. Завязалась переписка. Въ одномъ изъ писемъ къ митр. Онисифору Дѣвочки (11 янв. 1583 г.) патр. Іеремія II сообщалъ, что онъ для улаженія без-

Патріархи не только воспитывали западнорусскихъ юношей, они и отъ себя стали посылать на Русь „мужей упрямудренныхъ“ и вообще стали обнаруживать большое участіе къ западнорусскому просвѣщенію. Такъ, патріархъ антиохійскій Іоаннъ поддержалъ намѣреніе львовянъ завести типографію и школу. Патріархъ Іеремія утвердилъ порядки послѣдней и вообще съ сочувствіемъ относился къ братскимъ училищамъ—львовскому и виленскому. Въ 1597 году Мелетій Пигасъ въ трехъ посланіяхъ въ западную Россію точно также выразилъ заботливость о школахъ: „онъ повелѣвалъ и о Св. Дусѣ приповелѣвалъ, даже академіи, сирѣчь, училища составить при всякой епархіи, и изряднѣ во Львовѣ“, „нижъ единаго щадѣти иждивенія, въ воставленіе добрыхъ училищъ и составленіе“¹⁾. Патріархъ Кириллъ Лукарисъ, бывшій одно время ректоромъ острожской и виленской школъ, и по оставленіи предѣловъ западной Россіи не забывалъ объ ея училищахъ, нравственно поддерживая ихъ. Въ 1620 году онъ послалъ „въ Кіевъ, Галичь и Львовъ и на всю Бѣлую Русь, для науки и утвержденія вѣры“, своего ученаго іеромонаха и протосингела Іосифа, который „и жилъ въ тѣхъ городахъ для науки года съ два“²⁾. Такую же заботливость о западнорусскомъ про-

порядковъ и волненій въ западнорусской церкви, возбужденныхъ «латинумудрными» и прочими еретиками, посылаетъ своихъ экзарховъ—Никифора и Діонисія, «съ ними же, толкованія ради и Феодора Спудея, суща отъ предѣлъ вашихъ»; при этомъ онъ просилъ оказать послѣднему помощь деньгами, которыя нужны для покупки книгъ («во помощь книжнаго ради купованія ученій виѣшнихъ и богословскихъ подайте»). № 3) Экзархи по причинѣ небезопасности пути не могли прибыть въ Россію и изъ Яссы послали туда Феодора съ письмомъ къ Кириллу, епископу линскому и туровскому (28 апр.) Въ немъ они писали: «сему же Феодору Спудею нашему въ помощь ученія и книгъ купованія виѣшнихъ любуудрѣцовъ ученій еологовъ подай. Ся бо польза есть всѣхъ. Которое дѣла хочеть вселенскій патріархъ воскре послати къ вамъ да и во васъ виѣшние причастятся, и еологическихъ ученій, и возмогутъ посемъ стати противъ волѣнннмъ еретическимъ» (№ 4). Такая же просьба находится въ посланіи патріарха Іереміи къ православнымъ западноруссамъ. Сверхъ того здѣсь сообщается, что Феодоръ учится эллинскому языку и что патріархъ хочеть послать съ нимъ въ Россію, когда онъ усовершенствуется въ наукахъ, «и ина мужа упрямудрена» (№ 5). Безъ сомнѣнія, этотъ западнорусъ Феодоръ очутился въ Константинополѣ не случайно, а былъ посланъ туда для изученія греческаго языка и другихъ наукъ, особенно богословскихъ, съ тѣмъ, чтобы по возвращеніи на родину могъ и «виѣшнихъ причастить еологическихъ ученій». Профессоръ Малышевскій думаетъ, что Феодоръ былъ посланъ на Востокъ кн. Острожскимъ; но въ цитованныхъ нами грамотахъ нѣтъ ни малѣйшаго намека на князя Острожскаго, хотя онъ былъ, конечно, извѣстенъ въ Константинополѣ, такъ какъ самъ же завязывалъ сношенія съ нимъ. Да притомъ, неужели онъ не могъ бы снабдить одного своего «стипендіата» достаточными средствами? Мы болѣе охотно думать, что «спудей Феодоръ», если не былъ посланъ княземъ Курбскимъ, который не разъ жаловался на недостатокъ просвѣщенія въ зап. Россіи, на «простоту и глубокое нешкусство церковниковъ Русскихъ церквей» (Сказанія князя Курбскаго, 263), то, по крайней мѣрѣ, вышелъ изъ его школы.

¹⁾ Мелетій Пигасъ, II, №№ 18, 22, 23.

²⁾ Сношенія Россіи съ Востокомъ, II, 3. 6. Впослѣдствіи, въ 1632 г., этотъ Іосифъ училъ греческому языку и грамотѣ «малыхъ ребятъ» въ Москвѣ (*М. Макарій*, XI, 71—73).

свѣщеніи проявляли и другіе патріархи, охотно утверждавшіе братскія школы и убѣждавшіе западноруссовъ учиться, между прочимъ, греческому языку ¹⁾).

Мысль о томъ, что патріархамъ именно Русь обязана школами, была и у современниковъ. Въ „Перестрогѣ“ помѣщенъ таковой отвѣтъ на ту рѣчь Ипатія Потѣя, въ которой онъ заявлялъ, что владыки „патріарховъ отбѣгли, яко тыхъ, отъ которыхъ жадноѣ утѣхи, науки, порядку мѣти не могли“: „О невстыдливый языке! Не можете добрѣ мовити, злыми будучи... азали (развѣ) не присылали патріархи до васъ учителей, по всѣ часы учачи васъ? А явъ много листовъ (посланій) патріархи писали до васъ по всѣ часы о многихъ рѣчахъ, и сами до васъ особами своими приходили?“ „Школу Грецкую хто заложилъ, естли не Грекове и патріархъ самъ? И Грамматику Грецкую и зъ Словенскимъ писмомъ не Арсеній ли митрополить Еласонскій и Димонитскій, въ Львовѣ, отъ патріарха пріѣхавши, училъ двѣ дѣлѣ? И яко грамматику чрезъ своихъ учневъ зъ друку выдалъ, и тогда въ друкарни Грецкого и Словенского писма розмножился: чогу нѣгды (никогда) въ рускомъ народѣ не бывало“ ²⁾).

Итакъ, западная Русь, у которой до половины XVI вѣка умственные интересы заявляли о себѣ очень слабо, теперь оказалась подъ напоромъ нѣсколькихъ просвѣтительныхъ движеній, которыя непреодолимо должны были дѣйствовать на нее. Это были тѣ электрическіе токи, подъ воздѣйствіемъ которыхъ долженъ былъ оживиться организмъ нашей церкви и народа. Не на всѣ члены этого организма съ одинаковой силой подѣйствовали эти токи; на защиту церкви и вѣры поднялось прежде всего не духовное сословіе, а свѣтское. Объясненіе этого явленія заключается въ тѣхъ условіяхъ церковной жизни, въ какія было поставлено наше духовенство.

Послѣ раздѣленія русской церкви на двѣ митрополіи (въ срединѣ XV в.), югозападная митрополія, по политическимъ видамъ польско-литовскаго правительства, нѣсколько освободилась отъ зависимости константинопольскихъ патріарховъ, въ сношеніяхъ съ которыми могла бы почерпнуть жизненныя силы. Правда, пульсъ церковной жизни въ западной Россіи билъ на первыхъ порахъ не слабѣе, чѣмъ въ московской, но самая принадлежность польско-литовскихъ государей не къ православному исповѣданію по необходимости стѣсняла ее, даже когда они старались быть вѣротерпимыми. Но такими были далеко не всѣ. Дѣйствуя по побужденіямъ религіознаго и политическаго характера, польско-литовскіе короли, начиная съ Ягеллы, проводятъ законодательнымъ путемъ мѣры, направленныя противъ православія и русской народности. Насколько пренебрежительно они относились къ православной церкви, видно

¹⁾ «Еще же глаголемъ и завѣщаемъ, говорить въ одной своей грамотѣ патр. іерусалимскій Теофанъ, яко да имате учителя и ученія въ церквахъ и на всѣхъ събраніяхъ вашихъ. Тако убо и въ вѣрѣ утвердитесь и житію спасенному наставитесь. По саму же образу чада и отроки ваша юность свою да упражняютъ въ училищехъ языка греческаго и словенского учащеса».... (Голубевъ, Петръ Могила, прилож., № 37). Объ участіи восточныхъ патріарховъ въ дѣлахъ нашего просвѣщенія подробнѣе будетъ сказано ниже, въ исторіи братскихъ школъ.

²⁾ А. З. Р., IV, стр. 222. 223.

изъ того, напрімѣръ, что галицкая архіепископія въ теченіе полутораста лѣтъ была лишена своего предстоятеля, управляясь митрополитичьимъ намѣстникомъ, котораго назначалъ сначала львовскій староста, а съ 1509 г. львовскій католическій архіепископъ.

Но этотъ фактъ стоитъ уже въ связи съ явленіемъ болѣе общаго характера—патронатомъ, отразившимся всего гибельнѣе на судьбѣ православной западнорусской церкви и просвѣщенія.

Патронатъ выродился изъ естественнаго права покровительства надъ церковью или монастыремъ лица, построившаго ту или другой. Отношеніе фундатора-патрона къ сооруженной имъ церкви выражалось въ назначеніи или рекомендаціи священника, въ матеріальномъ обезпеченіи церковнослужителей и поддержаніи церковнаго зданія; монастырямъ фундаторы давали свои уставы (какъ Ходкевичъ—супрасльскому монастырю). Съ переходомъ имѣнія или села въ другія руки, путемъ ли наслѣдственной передачи или покупки ¹⁾, владѣлецъ принималъ на себя и эти права и обязанности по отношенію къ храму, причемъ отъ него иногда требовалось „отъ той церкви Божьи пожитковъ нѣкоторыхъ собѣ мѣти, лечь тую церковь Божью всѣими рѣчьми надавати, и направляти“. Передача правъ патроната совершалась иногда съ соизволенія мѣстнаго владыки ²⁾.

Патронатъ, развившійся окончателно въ XVI в., имѣлъ и дурную сторону, на что уже обратилъ вниманіе виленскій соборъ 1509 г., старавшійся ослабить, хотя и безуспѣшно, гибельныя для церкви послѣдствія его ³⁾. Весь вредъ его обусловливался злоупотребленіемъ правомъ „подаванія“, замѣщенія настоятельскихъ мѣстъ въ церквахъ и монастыряхъ. „Подаванье“, правильно понимаемое, состояло не въ раздачѣ церковно-іерархическихъ должностей (что собственно было дѣломъ высшей церковной власти), а въ пожалованіи новизбранному кандидату права распоряжаться и должностью и церковными имѣніями; въ этомъ именно смыслѣ патроны назывались „подавцами хлѣбовъ духовныхъ“ ⁴⁾. Но съ теченіемъ времени въ немъ стали видѣть право владѣльца имѣнія назначать къ церкви, кого ему угодно. Такого пониманія „подаванья“ держались не только паны и магнаты, но и польско-литовскіе короли,

---

¹⁾ Иногда продавались отдѣльно даже монастыри. Актъ продажи одного такого монастыря въ Галиціи (1378 г.) заключается словами: «и сталася торгуваля межѣ добрыми людьми» (Akta grodzkie i ziemskie... we Lwowie, II, № 9; id. Литерат. сборникъ, 1870 г.: Акты, собранные Лепкимъ, № 6; ср. Akta grodzkie... VII, 94 (1458 г.).

²⁾ А. З. Р., II, № 124 (1523). Archiwum Sang., III, № 258. Происхожденіе западнорусскаго патроната со всѣми его особенностями можно усматривать въ имущественномъ церковномъ правѣ греко-римской имперіи, по которому храмъ и монастырь были принадлежностью земли и, слѣдовательно, ея владѣльца. Ктиторы производили надъ церквами торговныя операціи, отдавали ихъ въ аренду, перепродавали свои права надъ ними, передавали наслѣдникамъ или отдавали въ качествѣ приданнаго (Пл. Соколовъ, Церковно-имущественное право въ греко-римской имперіи, 1896, Новгородъ, стр. 68—74).

³⁾ П. П. Л., I, 8—14.

⁴⁾ «Урядъ власне отъ духовныхъ при посвященію, добра засѣ не отъ духовныхъ, але отъ короля его милости даванн бивають», писалъ авторъ Апокрисиса (П. П. Л., II, 1292 et seq. Ср. Арх. Ю.-З. Р., I, VI, пред. 30. 31).

которые „считались зверхними подавцами и дозорцами церковей Божіих“ во всемъ государствѣ; отъ нихъ зависѣло не только назначеніе на настоятельскія мѣста въ приходскихъ церквахъ и монастыряхъ въ ихъ имѣніяхъ, но и утвержденіе рекомендуемыхъ панамъ игуменовъ, и предоставленіе епископскихъ каедръ во всемъ государствѣ. Какъ широко короли пользовались этимъ правомъ, видно изъ того, что они давали иногда епархіи и монастыри людямъ свѣтскимъ за ихъ гражданскія и военныя заслуги ¹⁾. При этомъ случалось, что одному лицу давалось нѣсколько епархій или онъ получалъ каедрю еще при жизни занимавшаго ее епископа ²⁾. Тоже повторялось и съ настоятельскими мѣстами въ монастыряхъ и церквахъ. Вслѣдствіе этого происходило, что нѣкоторые лица одновременно занимали настоятельскія мѣста въ нѣсколькихъ церквахъ и монастыряхъ ³⁾ или что мужскіе монастыри получали женщины — „до живота своего“ или даже „на вѣки“ ⁴⁾. Понятно, при такомъ отношеніи къ праву „подаванья“, духовными мѣстами овладѣвали не только лица, совсѣмъ нерасположенныя принимать духовный санъ, что отъ нихъ не всегда и требовалось ⁵⁾, но и прямо неправославныя ⁶⁾.

Въ результатѣ злоупотребленія правомъ подаванья получилась полнѣйшая деморализація православнаго духовенства, особенно высшаго. Такъ какъ многіе монастыри и каедры представляли по своему богатству очень лакомые куски ⁷⁾, то на каждый изъ нихъ всегда бывало немало

¹⁾ Въ 1520 году Сигизмундъ I далъ право Василю Евлашковичу занять, по открытіи вакансіи, каедрю луцкую или владимирово-волинскую за службу въ Ордѣ его сына, писаря Михаила Васильевича (А. Ю. и З. Р., II, № 105). Сигизмундъ III далъ межигорскій монастырь своему писарю Высоцкому «за вѣрные и пыльные службы». «хотѣчи его и впередъ охотнѣйшимъ къ службамъ (своимъ) и рѣчи Посполитой учинити» (А. З. Р., III, № 53).

²⁾ А. З. Р., II, № 146; III, №№ 20, 21.

³⁾ А. З. Р., III, №№ 110, 132. Въ 1524 г. Сигизмундъ I предоставилъ нѣкому Дягилевичу за долгъ ему изъ королевской казны три церкви въ Кіевѣ (А. Ю. и З. Р., II, № 110). Впрочемъ, нѣчто подобное и даже въ гораздо большихъ размѣрахъ практиковалось и въ католической церкви. Интересна въ этомъ отношеніи просьба пословъ литовской, жмудской и волинской земель на сеймѣ 1551 г., чтобы «каждая парсона стану духовнаго, такъ Римского яко и греческого закону, двухъ, альбо трехъ костеловъ, т. е. хлѣбовъ духовныхъ не держали» (А. З. Р., III, стр. 20).

⁴⁾ Арх. Ю.-З. Р., I, I, № 2. А. З. Р., I, № 212.

⁵⁾ Въ такихъ случаяхъ они должны были «для справъ духовныхъ церковныхъ отправованя ховати.... человека духовного у писме светомъ добре наученого» (П. К. К., I, отд. II, № 6).

⁶⁾ Авторъ Апокрисиса не разъ увѣряетъ, что «владыцтва Рускіе инѣшое релижей людямъ давано» и что они эти «владыцтва потомъ, кому хотели, за контрактномъ пуцали, побравши себе именья церквоныя, а только голые церквы пустивши», свѣжій примѣръ чего представляетъ Холмъ (П. П. Л., III, 835. 853. 855). Бывали инновѣрцы настоятелями и православныхъ монастырей. «А такъ, вгдыжъ тотъ Достоевскій, будучи человекомъ свѣтскимъ и не Греческого закону, тотъ монастырь держитъ»..., говорится въ одной королевской грамотѣ (А. З. Р., III, № 110).

⁷⁾ Владимирской, напр., каедрѣ въ 1593 г. принадлежали: замокъ и нѣсколько дворовъ въ самомъ Владимирѣ, мѣстечко Квасовъ, 16 селъ въ повѣтахъ луцкомъ и вла-

кандидатовъ, тѣмъ болѣе, что для этого не требовалось ни призванія, ни специальной подготовки. Но такъ какъ, съ другой стороны, добиться права на катедру стоило многихъ „праць, накладовъ и розныхъ практикъ“, то счастливыцѣ должны были прилагать всѣ усилія къ тому, чтобы вознаграждать себя. И вотъ дѣятельность большинства епископовъ сосредоточивается на томъ только, чтобы умножить свое имущество какими бы то ни было способами, даже путемъ насилій. Автовыя книги городскихскихъ и трибунальныхъ судовъ полны жалобъ и дѣлъ объ епископскихъ грабежахъ, разбояхъ, нападеніяхъ на монастыри, церкви, имѣнія ¹⁾. Вмѣстѣ съ этимъ епископы ссужаютъ, берутъ въ долгъ, часто подъ завладѣ церковныхъ имѣній, занимаются подрядами по поставкѣ хлѣба (Леонтій Пельчицкій, еп. холмскій), ведутъ тяжбы дѣла, цѣлыя „штатулы“ заполняя привиллегіями и „справами“ ²⁾. Очень многіе изъ нихъ, наряду съ денежными интересами, озабочиваются семейными дѣлами и отношеніями, „съ церковныхъ доходовъ, на богомолци Христовы заданныхъ, дѣвкамъ своимъ вѣно готуя (приготовляя), сыны одѣвая, жены украшая“ ³⁾. Вообще жизнь ихъ, какъ изображаетъ ее Іоаннъ Вышенскій, воспроизводила нравы польскихъ магнатовъ того времени.

Могли ли быть ревнителями вѣры и просвѣщенія такіе епископы? Они не были способны къ тому ни по подготовкѣ, ни по насущнымъ интересамъ. О подготовкѣ ихъ къ святительскому служенію Іоаннъ Вышенскій говоритъ слѣдующее: „Что бо за чинъ въ нашей церкви нынѣ на принятые стану (сана) духовного? Не тотъ ли, присмотриса и признай, если правду глаголю: днесъ вать (палачъ), а завтра священникъ; днесъ мучитель, а завтра учитель; днесъ корчмаръ и танцоводецъ, а завтра богословъ и народоводецъ; днесъ убійца, а завтра святитель и епископъ; доднесъ жертвоваль сатанѣ все время вѣка сего, а нынѣ предъ алтаремъ предстоитъ и непостижимому Божеству таинствуетъ и жертву приносить“ ⁴⁾. Подобнымъ образомъ и Мелетій Смотрицкій, изображая жизнь и нравы современнаго ему высшаго духовенства, говоритъ, что представители его съ дѣтства не упражнялись въ наукѣ слова Божія,

---

димирскомъ, волость кучеровская съ м. Веранами и 11 селами, островъ Волославъ на р. Лугѣ съ монастыремъ, рыбныя ловли и пр. Еще богаче была катедра луцкая и острожская, владѣвшая четырьмя мѣстечками и 34 селами (Арх. Ю.-З. Р., I, I, ЖЖ 45. 90. Ср. пред., стр. XX. XXI).

¹⁾ Такими подвигами прославились особенно владыки: Феодосій Лазовскій—холмскій и владимирскій, Кириллъ Терлецкій—луцкій и острожскій. Не чужды ихъ были и болѣе просвѣщенные Гедеонъ Балабанъ и Ипатій Потѣй. Богатый матеріалъ для характеристики нашей іерархіи въ концѣ XVI вѣка собранъ въ I и 6 томахъ I-ой части Архива юго-западной Россіи. Интересныя данныя сообщаютъ также нѣкоторыя посланія Іоанна Вышенскаго (А. Ю. и З. Р., II; Арх. Ю.-З. Р. I, VII).

²⁾ См., напр., перечень документовъ, принадлежавшихъ Кириллу Терлецкому (А. Ю. и З. Р., I, ЖЖ 218).

³⁾ А. Ю. и З. Р., II, стр. 225.

⁴⁾ Арх. Ю.-З. Р., I, VII, 30, 31. Ср. А. Ю. и З. Р., II, 234. См. также «Вопросы и отвѣты православному въ належакомъ», 1609 г. (П. П. Д., II, 100. 101) и Наликодѣ (П. П. Д., I, 1056. 1057).

но когда заставила нужда, взялись изъ-за золота и серебра благовѣствовать (związować), не зная, что такое благовѣствованіе, и не понимая, какъ его нужно совершать¹⁾. Не могли, конечно, такіе люди восполнять недостатки своего духовнаго образованія и на каѳедрахъ,—не тѣмъ была занята ихъ мысль. „Владыки безбожные, свидѣтельствуешь тотъ же Вышенскій, вмѣсто каноновъ и книжнаго ученія и поученія въ законѣ Господнемъ день и ночь, надъ статутами и ложью весь вѣкъ свой упражняютъ и погубляютъ, и вмѣсто богословія учатся хитростямъ человѣческимъ, адвокатской лжи и дьявольскому празднословію“²⁾. Неудивителенъ послѣ того и отзывъ о нашихъ владыкахъ Поссевина, называвшаго ихъ невѣждами въ богословіи³⁾. А между тѣмъ просвѣщенные западноруссы на епископовъ именно возлагали заботу о постановкѣ школы въ уровень потребностей времени. Еще въ 1570 году нѣкто Василій Тяпинскій⁴⁾, странствующій типографъ, въ предисловіи къ изданному имъ Евангелію, имъ переведенному на русскій языкъ, внушалъ читателямъ убѣждать владыкъ, чтобы они имѣнія обращали не на пустыки, а „на науку, только не такую, какъ теперь, когда къ вѣчному своему стыду учатся только читать и то—на своемъ языкѣ, и чтобы они постарались заложить для братіи своей школы для изученія Слова Божія, бывшаго столько лѣтъ въ пренебреженіи. И объ этой нуждѣ вашей родины я напоминаю не одному кому-либо, а всѣмъ“⁵⁾... Если наши владыки кое что сдѣлали для просвѣщенія въ началѣ новаго періода его исторіи, то только по побужденію со стороны людей свѣтскихъ. Такъ, епископъ владимирскій Ѳедосій Лазовскій рѣшился въ 1588 г. преобразовать городскую школу въ училище съ греческимъ языкомъ. „за напомнимъ“ кн. К. К. Острожскаго, какъ волынскаго маршалка и владимирскаго старосты⁶⁾. Исключеніе составлялъ только епископъ львовскій Гедeonъ Балабанъ, бывший на первыхъ порахъ руководителемъ львовянъ въ ихъ просвѣщенныхъ начинаніяхъ.

¹⁾ Ἐρῆμος, л. 13. Впрочемъ, въ то время и контингентъ римско-католическаго духовенства въ Польшѣ пополнялся такимъ же образомъ. «Нѣтъ школъ священническихъ, говоритъ Скарга: отъ двора, отъ военной службы, отъ свѣтскихъ должностей приступаютъ къ такой высокой философіи» (Лит. еп. вѣд., 1876 г., 409, прим. 119). На неученость духовныхъ жаловалась также шляхта вел. княжества Литовскаго на виленскомъ сеймѣ 1565 г. (Документы московскаго архива министерства юстиціи. М. 1897 г., I, 170—171).

²⁾ А. Ю. и З. Р., II, 226. Объ одномъ епископѣ Вышенскій выражается, что онъ «Сексономъ и Майдбургскимъ правомъ свое череву кормилъ» (ibid., 231).

³⁾ «Theologiae proterva sunt ignarissimi» — отозвался о нихъ Поссевинъ (Supplem., p. 32)

⁴⁾ Онъ такъ говоритъ о себѣ въ предисловіи къ Евангелію: «иже невлох не нѣмецъ не докторъ инякъши постановленными межю попы... (а) роусинъ своей Руск оуслужючи» (Владимировъ, о. о., 203, прим.).

⁵⁾ Киев. стар., 1889, янв., приложение III, стр. 5.

⁶⁾ Арх. Ю.-З. Р., I, I, № 55. Вѣроятно, убѣжденіе кн. Острожскаго сказалося и въ изданіи епископомъ Кирилломъ Терлецкимъ за своимъ «выдакомъ або накладомъ» небольшой брошюры (4 стр.)—«О крестномъ знаменіи» Максима Грека (Каратаевъ, Описание славянорусскихъ книгъ, напечатанныхъ кирилловскими буквами, I (1883), № 110), если справедливо предположеніе г. Каратаева и утвержденіе г. Теодоровича (Опис. волынск. епархіи, II, 162.), что она напечатана въ Острогѣ.

Не многимъ больше могли сдѣлать для школъ и православные монастыри, опять въ силу злоупотребленія правомъ подаванья. Чѣмъ богаче былъ монастырь, чѣмъ болѣе, казалось, имѣлъ онъ средствъ для развитія просвѣщенія, тѣмъ въ болѣе неблагоприятныхъ для того условіяхъ онъ находился, такъ какъ онъ являлся постояннымъ яблокомъ раздора между епископами, архимандритами и свѣтскими панами ¹⁾. Каковъ былъ образовательный и нравственный цензъ огромнаго большинства случайныхъ настоятелей западнорусскихъ монастырей, видно изъ предыдущаго. Даже болѣе образованные изъ нихъ и одушевленные самыми лучшими намѣреніями, не могли ничего сдѣлать для просвѣщенія, такъ какъ ихъ единственной, можно сказать, заботой было стремленіе охранить монастырское имущество отъ наѣздовъ алчныхъ людей ²⁾. Съ другой стороны, и этотъ самый патронатъ и духъ времени,—духъ свободы отъ авторитетовъ мысли и отъ всякихъ стѣсненій воли, произвели упадокъ монашеской дисциплины, который невыгодно отразился на умственномъ состояніи монаховъ. Къ концу XVI ст. въ уневскомъ монастырѣ половина ихъ оказалась не въ состояніи подписать свои имена ³⁾.

За исключеніемъ четырехъ монастырей (холмскаго, зимненскаго, михайловскаго—золотоверхаго и уневскаго), на протяженіи всего XVI в. и на пространствѣ всей западной Россіи нигдѣ не встрѣчаемъ свидѣтельствъ о существованіи въ монастыряхъ училища или какихъ нибудь школьныхъ принадлежностей, хотя инвентари монастырскаго имущества, сохранившіеся отъ XVI вѣка, часто отличаются большой обстоятельностью. Не было школъ даже въ богатѣйшихъ монастыряхъ, каковъ печерскій, и просвѣщеннѣйшихъ, каковъ супрасльскій. Впрочемъ, послѣдній и не могъ имѣть училища по самому общежительному уставу своему, данному ему 15 окт. 1510 г. митрополитомъ Іосифомъ Солтаномъ и Ал. Ів. Ходкевичемъ; въ этомъ уставѣ монахи читали статью: ... „а робать въ монастыри не держати, ни на науку, ни на послугу не примати“ ⁴⁾. Запрещеніе это было повторено и въ § 20 „Завѣта“, даннаго монастырю Григоріемъ и Юріемъ Ходкевичами 2 октября 1568 года ⁵⁾. Только въ 1603 году позволено было Іеронимомъ Ходкевичемъ обучать въ мона-

¹⁾ Наиболѣе богатымъ монастыремъ былъ печерскій, которому въ концѣ XVI ст. принадлежали, кромѣ множества драгоценностей, городъ Васильковъ съ замкомъ, мѣстечко Радомисль съ замкомъ, 50 сель, 5 селищъ, 3 приселка, 5 усадебъ, 2 рыбныхъ входа, рудобонный заводъ, пашеи; кромѣ того онъ получалъ нѣсколько сотъ пудовъ медовой дани (Арх. Ю.-З. Р., I, I, № 91 и пред., стр. 49, прим. I). Неудивительно, что въ ней въ теченіе 80 лѣтъ (1494—1574) смѣнилось 25 настоятелей (*Голубевъ*, Петръ Могила I, 249).

²⁾ Какъ обыкновенны и часты были въ то время попытки завладѣть церковными имѣніями, показываетъ случай, когда заручайскій (въ Овручѣ) игумень, уступая монастырь нѣкому Богухвалу Павшѣ, указывалъ на то особенно, что послѣдній—«врадникъ земскій», почему можетъ монастырь «оборонить отъ кривды» (А. Ю. и З. Р., I, № 157).

³⁾ Monumenta confraternitatis Leopoliensis staurop., I, № 199.

⁴⁾ Арх. сб., IX, № 5 (id. Вѣстн. Зап. Рос. 1869 г. VIII, отд. I, № 1).

⁵⁾ Арх. сб., IX, № 22: «Въ монастыру тежъ на науцѣ и всякой послузѣ абы робать малыхъ не держали, подлугъ давной уставы».

стырѣ дѣтей, но въ количествѣ, не превышающемъ... одного. Въ § 7 правилъ, данныхъ въ этомъ году супрасльскому монастырю, читаемъ: „Такъ какъ братія, вопреки прежнимъ уставамъ, осмѣлилась держать у себя мальчиковъ, то мы, говоритъ новый патронъ монастыря, согласно наказу славной памяти предковъ нашихъ, съ согласія всей братіи, постановляемъ, чтобы мальчиковъ не держалъ у себя никто, кромѣ о. архимандрита, которому одному вольно держать на средства монастыря одного или даже двухъ подканонарховъ и третьяго хлопца—для науки“¹⁾). Конечно, не капризъ фундаторовъ и патроновъ супрасльскаго монастыря устранилъ изъ него швольное обученіе: это ограниченіе было тѣсно связано съ самымъ уставомъ общежитія и имѣло мѣсто какъ на Востокѣ²⁾, такъ и въ московской Руси³⁾. Вѣроятно, это же было и въ другихъ западнорусскихъ общежительныхъ монастыряхъ⁴⁾.

Отъ того монастыри западнорусскіе и не могли взять въ свои руки завѣдыванія швольнымъ дѣломъ,—одни по бѣдности, другіе по составу своихъ обитателей и настоятелей.

Что касается низшаго блага духовенства, то злоупотребленіе правомъ подаванья должно было повліять и на него въ смыслѣ пониженія его умственнаго и нравственнаго уровня. Хотя не только православные патроны сознавали значеніе для церкви пошовъ „годныхъ и наученыхъ“⁵⁾, но и католики и самъ король иногда требовали при подаваніи, „и жъ бы се фала (хвала) Божая и наука вѣры и повинности хрестіанское, водле порадку закону греческого, въ той церкви и парафіи (приходѣ) монастыра того помножала“⁶⁾, — трудно было вообще ожидать добра для церкви не только отъ иновѣрцевъ, но и отъ своихъ, коль скоро помыслы ихъ были направлены на хозяйственную, матеріальную сторону. Отношеніе многихъ пановъ-католиковъ къ попамъ, какъ къ своимъ хлопамъ, съ которыми они сравнивали ихъ въ отбываніи натуральной повинности, еще печальнѣе отразилось на умственномъ и нравственномъ

¹⁾ Арх. сб., IX, № 36.

²⁾ „Да внимають себѣ самимъ—требуетъ отъ афонскихъ монаховъ общежительный уставъ, восстановленный тамъ въ 1575 г. александрийскимъ патриархомъ Сильвестромъ.— чтобы безбородые юноши отнюдь не жили въ монастыряхъ, ни для обученія, ни для испрошенія, ни по родству, ни по какимъ другимъ причинамъ“ (*Еп. Порфирій. О религіозно-нравственномъ состояніи афонскихъ обитателей во время турецкаго владычества надъ нимъ.* въ Чт. моск. общ. любит. дух. просв., 1883, II, 410—412).

³⁾ Уставъ ирещ. Евфросина, XV в. (*Митр. Макарій*, VII, 62).

⁴⁾ Въ кievскомъ Номоканонѣ 1620 г. помѣщены правила переградскаго патриарха Никифора, изъ которыхъ въ 17-мъ читаемъ: «Три главизны изгонять инокинѣхъ, измонастыра ихъ. Пръвое, аще еретикъ есть игумен. Второе, аще путь есть женамъ. Третее, аще учатся мірстѣи дѣти» (л. 51).

⁵⁾ А. В. А. К., II, № 3. 6. Интересна жалоба полоцкихъ дворянъ съ мѣщанами на своего епископа Симеона, который посылалъ въ Ригу самъ, безъ совѣта съ ними, «поповъ простыхъ людей» (1544 г.) А. З. Р., II, № 234.

⁶⁾ А. Ю. и З. Р., I, № 213. Въ 1577 г. жмудскій староста Янъ Ходкевичъ отдалъ жаренинскій монастырь Сасину Калѣчипкому. «пану филозофу», хорошо наученному «въ вѣрѣ того закону греческого» (А. З. Р., III, № 79).

развитіи нашего духовенства. И если „предложенныхъ духовныхъ“ (іерарховъ) того времени характеризовала „остатная (крайняя) простота“, если они были „неуки и простаки великіе въ писмѣ святомъ небѣглии“, то „пресвитерове отъ нихъ насвяченіи“ были „сметья (соръ) людское“. Сюда „самые толко голодныи и неукове такъ натиснули были, же южь разовнати не было, гдѣ былъ частшій (чаще) пресвитеръ въ юрчмѣ, чили (или) въ церкви“¹⁾. Необразованность большинства бѣлаго духовенства дошла до того, что нѣкоторые не умѣли читать на своемъ собственномъ языкѣ; въ попы поставлялись иногда, по свидѣтельству Мелетія Смотрицкаго, люди едва достигшіе 15 лѣтъ,—посылались проповѣдывать тѣ, которые сами не научились еще складывать слоги (syllabizowac)²⁾. Понятны отсюда тѣ нареканія на духовенство и тѣ горькіе вопли, какіе находятся въ предисловіи къ Кормчей люблинскаго священника Василя: ...„Погибе вѣра, погибе наказаніе, погибоша училища дѣтемъ, погибоша исправляющіи божественная писанія, погибоша учающеися въ православныхъ догматахъ“³⁾. И если при всемъ томъ бѣлое духовенство сохранило, быть можетъ, болѣе другихъ классовъ народа способность откликнуться на всякое просвѣтительное предпріятіе въ духѣ православной церкви⁴⁾, то оно лишено было всякой матеріальной и юридической возможности брать на себя починъ въ школьной реформѣ и въ умноженіи училищъ.

Такимъ образомъ, ни епископы, ни монахи, ни священники во второй половинѣ XVI вѣка не оказались на высотѣ своего призванія. Западная Русь далеко ушла отъ того времени, когда „всякая новая епархія дѣлалась, такъ сказать, новымъ учебнымъ округомъ, новый монастырь гимназіей, новая церковь народнымъ училищемъ“⁵⁾...

Сказаннымъ относительно умственныхъ и нравственныхъ свойствъ нашего западнорусскаго духовенства легко можно объяснить не только фактъ первоначальной отчужденности его отъ той кипучей просвѣтительной дѣятельности, какою руководили люди свѣтскіе, но и ту оппозицію, какою въ нихъ встрѣтила послѣдняя.

Когда зашла рѣчь объ устройствѣ новыхъ школъ, братства наши очутились среди множества школьныхъ теченій. Нетрудно было имъ сдѣлать выборъ—отдать перевѣсъ преданіямъ родной стороны, своимъ традиціоннымъ программамъ и методамъ обученія. Но тогда православные ничего не выиграли бы. Нужно было ввести въ преподаваніе и тѣ науки, отсутствіе которыхъ въ изначальномъ курсѣ русской школы „вельми зашкодило Русскому панству“. Такимъ образомъ, у насъ вво-

¹⁾ Палинодія, П. П. Д., I, 1056. 1057.

²⁾ Фрѣвосъ, л. 25. 26.

³⁾ Пам. рус. стар. въ зап. губ., VIII, 221.

⁴⁾ Іоаннъ Федоровъ рассказываетъ въ предисловіи къ Апостолу 1574 г., что типографію во Львовѣ онъ могъ устроить, послѣ многихъ просьбъ съ земными поклонами, только потому, что на нихъ откликнулись «маліи нѣщии въ іерейскомъ чину.... помощь подающе».

⁵⁾ *Поводникъ*, Образование и грамотность въ древнемъ періодѣ русской исторіи (Ж. М. Н. Пр., 1871, янв., 11).

дятся въ преподаваніе языки и нѣкоторыя изъ семи свободныхъ искусствъ. Послѣднія были въ XVI вѣкѣ принадлежностью всякой благоустроенной школы—не только польско-европейской, но и греческой. Но нѣкоторые православные увидѣли въ нихъ опасность для вѣры. Школы протестантская и іезуитская рѣдко выпускали своихъ православныхъ воспитанниковъ съ православными же убѣжденіями,—легко было заключить, что въ наукахъ этихъ школъ и гнѣздится опасность для чистоты вѣры. Такъ и заключали иные. Не получивъ сами школьнаго образованія, они не могли понять, что для того именно, чтобы ослабить вредное для православія дѣйствіе „латинскихъ наукъ“, ихъ нужно ввести въ свои училища. Почти всѣ наши противники этихъ наукъ, число которыхъ было не такъ мало, какъ полагаетъ г. Кулишъ¹⁾, были духовными. Оставляя въ сторонѣ епископа Гедеона Балабана, запрещавшаго мѣщанамъ учиться, такъ какъ у него были для этого особыя побужденія, какъ откроется ниже, укажемъ на представителей монашества—старца Артемія, автора „Списанія противъ Люторовъ“, Іоанна Вышенскаго. Немало ихъ было, вѣроятно, и среди бѣлаго духовенства, какъ можно видѣть изъ „Учительнаго Евангелія“ Кирилла Ставровецкаго (1619 г.; „предмова до читателя“). Если же иногда возставали противъ „грамматическаго, діалектическаго и риторическаго ученія“ и люди свѣтскіе, то здѣсь очевидно вліяніе духовенства же²⁾. Нужно остановиться на взглядахъ этихъ людей, интересныхъ и самихъ по себѣ, и потому, что они показываютъ, въ какомъ духѣ начала складываться наша западнорусская школьная образованность подъ воздѣйствіемъ вышеуказанныхъ просвѣтительныхъ вліяній.

Старецъ Артемій, полемизируя съ Симономъ Буднымъ, весьма рѣшительно опровергалъ его положеніе, высказанное въ одномъ частномъ письмѣ: „многи языки имѣти учителемъ добро“. Ссылаясь на апостольскія изреченія: „не въ словеси царство Божіе, но въ силѣ добрыхъ дѣлъ“, и—„мудрость міра сего буйство есть отъ Бога“, Артемій высказываетъ свое собственное убѣжденіе: „Можетъ бо истинное слово просвѣтити и умудрити въ благое правымъ сердцемъ безъ грамматикія и риторикія“³⁾. Буквально эти мѣста посланія повторяетъ и авторъ „Списанія противъ Люторовъ“, выражая то-же отношеніе къ „многимъ языкамъ“ и къ грамматикѣ съ риторикой, только направляя свои удары противъ лютеранъ⁴⁾. Если отрицательное отношеніе означенныхъ лицъ къ западно-европейской наукѣ вызывалось извѣстными имъ случаями отпаденій въ ереси „многихъ научныхъ во всѣхъ языцехъ“, то позднѣйшіе писатели даютъ ему и теоретическое обоснованіе. Такъ, острож-

¹⁾ Исторія возсоед. Руси, III, 179.

²⁾ А. З. Р., IV, № 24. Что до автора Перестроги (если имъ былъ свѣтскій—Рогатинецъ), который называетъ «Аристотелеву науку» «поганской философій» и считаетъ милостью Божіей по отношенію къ грекамъ, что Богъ «напервѣй мудрость свѣтскую отдалъ отъ нихъ» (А. З. Р., IV, стр. 235),—то здѣсь онъ отчасти повторяетъ З. Люберга, тоже отрицательно относившагося къ Аристотелевой философій—въ іезуитскомъ ея пониманіи. И вообще онъ не противъ «вышнихъ наукъ» (*Студинскій*, Пересторога, 185. 186).

³⁾ П. П. Л., I, 1324. 1325.

⁴⁾ П. П. Л., III, 173. 174.

скій писатель Василій въ своемъ сочиненіи: „О единой вѣрѣ“ (1588) настаиваетъ на мысли о неприложимости къ догматамъ человѣческихъ соображеній,—того, что онъ называетъ „діалектическими усилованми и соеисматами, сирѣчь злохитрствами“. Его возмущаютъ и удивляютъ тѣ, которые, „отступивши духовнаго разума, прельстившия геометрѣйскими образованми и прочими долу влачимыми брѣдными вымысловъ человѣческихъ, глаголють разумѣти—не отъ части, но всего божественнаго естества мнятся достигнути“, и которые тайну тринности покушались „выобразить треугольнымъ землемѣрія образованіемъ, и прочими суюмудрными діалектическими вымыслами“, и прельстившия сами, „и прочыхъ симъ кшталтующи (обучая) съблзняютъ“¹⁾. Подобнымъ образомъ отзывается о свѣтской наукѣ и философіи авторъ „Вопросовъ и отвѣтовъ православному зъ папезникомъ“ (1603). Онъ вслѣдъ за Василіемъ возстаетъ противъ увлеченія въ западныхъ школахъ Аристотелемъ, Платономъ, Цицерономъ „и иными, што вволо ихъ“, простирающагося до того, чтобы безъ нихъ никакая наука не кажется серьезной („жадная наука, ани человѣческая, ани Божія мощна быти не здается“). Въ отвѣтъ своему оппоненту, заявлявшему о важномъ значеніи свѣтскихъ наукъ, какъ „наукъ мяккихъ, простыхъ и съ фабулками (побасенками) змѣшанныхъ“, которыхъ требуютъ дѣти, прежде чѣмъ дойдуть „до науки вышное и ровуму зуполного“ (полнаго разумѣнія),—въ отвѣтъ на это нашъ авторъ соглашается, что онѣ нужны только для развитія и упражненія разсудка, а не для постиженія божественныхъ догматовъ, такъ какъ послѣдніе выше всякаго пониманія и уразумѣнія и могутъ быть постигнуты только вѣрою, безъ пособія какихъ-либо логическихъ ухищреній и вымысловъ. Утверждая фактъ разобщенности польско-латинской науки съ „звирхнею (вышнею) діалектикой“ и съ „внутрною Богомъ дарованой церковной философіей“, „Православный“ вмѣстѣ съ тѣмъ доказываетъ и на основаніи опытовъ всю гибельность для вѣры и нравственности западно-европейскаго образованія. Рисуемая имъ программа воспитанія не широка,—она сводится къ сообщенію дѣтямъ самыхъ основныхъ христіанскихъ понятій и къ такому укрѣпленію ихъ нравственнаго характера, которое бы приближало ихъ къ дивнымъ и святымъ мужамъ, подобно солнцу свѣтившимъ міру примѣромъ добрыхъ дѣлъ²⁾.

Но особенно вооружился противъ западной науки аеонскій инокъ—западноруссъ Іоаннь Вышенскій изъ Галиціи, громившій въ своихъ полныхъ убѣжденія и остроумія посланіяхъ новое направленіе церковной жизни, сближеніе съ латинствомъ. Вышенскій не получилъ правильнаго школьнаго образованія, удовольствовавшись, вѣроятно, тѣмъ, что могло дать ему приходское училище его роднаго села³⁾. Тѣмъ не менѣе, живя

¹⁾ П. П. Л., II, 664. 673. 699.

²⁾ П. П. Л., II, 106—110. Для удостовѣренія вліянія на автора «Вопросовъ»—Василія достаточно сличить столбцы 107, 108 съ 671, 672.

³⁾ «А о себѣ азъ и самъ свидѣтельство вамъ дамъ, яко граматическаго дробязку не изучихъ, риторичное и грушки не видахъ, философскаго высокоумчательнаго не слыхахъ» (Кіев. стар., 1889, XXV, прил., стр. 31. Ср. *Голубевъ*, Петръ Могила, прилож., стр. 68 и Арх. Ю.-З. Р., I, VII, стр. 25).

на Аѳонѣ, куда онъ удалился предъ 1580 г. ¹⁾, Вышенскій подъ вліяніемъ аскетической литературы проникся довольно устойчивыми ригористическими взглядами и на весь міръ, и на міръ латинскій, и на латинскія науки, которыя по нему только удаляютъ отъ „преблагословеннаго даскала надъ даскалами, ректора надъ ректорами, Господа и Бога нашего Іисуса Христа“, и которыя не къ царству небесному ведутъ, „але всѣхъ студентовъ своихъ въ погибель вѣчную посылають“ ²⁾. Уже въ одномъ изъ своихъ первыхъ аѳонскихъ произведеній Вышенскій сдѣлалъ полемическую вылазку противъ характера латинскаго просвѣщенія: „Нинѣже въ латинскомъ родѣ сопротивно (иначе) творять: изучивши граматичку и празднословницу велерѣчную, еже есть рыторечку, тогда уже ся дмутъ, даскалами и мудрыми ся зовуть, проповѣдають, оучать, а и сами въ безуміи и буйствѣ премудрости міра сего сѣдять“ ³⁾. Въ виду этого Вышенскій совѣтуетъ въ своемъ „Краткословномъ отвѣтѣ“ ⁴⁾ совсѣмъ отказаться отъ латинянъ и ихъ мудрости: „Досыть (довольно) намъ на томъ коли мы правовѣрны и православны, досыть намъ вѣдати о себѣ и о своихъ намъ единогласныхъ и присныхъ: тѣхъ утверждае(й)мо и воспоминаймо вѣдомостью (знаніемъ) нашего православія, писаніемъ, наукою, друкованіемъ книгъ, училищи, и довольствъ отъ избытковъ нашихъ, а латыню со всѣмъ на всѣмъ оставимо, вися ихъ о чемъ, яко мнящихся мудрыхъ, а никакоже пытаймо (не будемъ спрашивать), ни ихъ науки и православія на искушеніе слушаймо, ниже ихъ хитрости на наше цвѣченье и полерованье (просвѣщеніе) учимся... да будутъ они какъ суть, мы же будемъ предъ очима ихъ, по евангелію, прости, глупы и незлобивы, досыть намъ, спасти насъ самихъ“ ⁵⁾. Такъ какъ мудрость свѣтская, „надворная“—ядъ ⁶⁾, то Вышенскій, опасаясь, чтобы православные „дѣти свои хитростью и ересію латинскою не отравили и не поморили“, въ „Зачапкѣ“ предлагаетъ имъ свою программу образованія и рекомендуетъ свой идеаль „правовѣрной школы и порадую (совѣтъ) даетъ, чога ся учити имѣють, чтобы дѣти свои спасли“ и „христіанство своей вѣры не стратили (погубили)“. „Въ первыхъ влючь, или грецкую, или словенскую грамматику да учать. По грамматицѣ же, во мѣсто живое діалектити (sic) (зъ бѣлого черное, а зъ черного бѣлое перетворяти учащее), тогда да учать богомолёбного и праведнословнаго часословца; во мѣсто хитрорѣчныхъ силогизмъ и велерѣчивое реторики, тогда учать богоугодно молёбный псалтырь; во мѣсто философіи, надворнѣе и по воздуху мысль разумную скитатися зиждущее, тогда учать

¹⁾ Др. Иван Франко, Иван Вышенскій і его твори (Львѣв, 1895), 85.

²⁾ Петръ Могила, прилож., стр. 101—104. Что цитруемая здѣсь «Зачапка», какъ и «Краткословный отвѣтъ Феодула» принадлежать Іоанну Вышенскому—весьма удовлетворительно доказываетъ г. Франко (о. с., 242 et sqq.).

³⁾ «Слѣдъ къ постыженію и изученію художества»... Кіев. стар., 1889, т. XXV, стр. 115, 116. О мѣстѣ, занимаемомъ этимъ сочиненіемъ въ ряду другихъ,—Франко, 87, 88.

⁴⁾ 1600—1601 гг. Франко, 257.

⁵⁾ Петръ Могила, прилож., стр. 113.

⁶⁾ «Въ школахъ и наукахъ латинскихъ, завляеть въ другомъ мѣстѣ Вышенскій, тайна и гнѣздо антихрестово фундамо есть» (Петръ Могила, прилож., 103).

плачивый и смиренномудривый охтайкъ, а по нашему церковнаго благочестія догматы, осмогласникъ: та же конечное и богоугодное предспѣяніе въ разумѣ, дѣльное богословіе; тогда учать св. евангельскую и апостольскую проповѣдь, съ толкованіемъ простымъ, а не хитрымъ, не слухи чесати словомъ проповѣднымъ, але силу Духа Святаго влагати въ слышащихъ сердца... Таже во евангелской проповѣди мысль напасши, и до прочихъ книгъ тезоименитыхъ касайся, и всяко писаніе богодухновенное проходи“. Вышенскій не запрещаетъ читать и неканоническія книги Свящ. Писанія: „и тамъ, любимый брате... забавляй; точію до поганскихъ учителей и до латинское хитрословіе лжи не ходи, бо вѣру загубишь“¹⁾. Въ другомъ сочиненіи — „Порадѣ о очищеніи церкви“ Вышенскій вопрошаетъ: „Чи не лучше тобѣ изучити часословець, псалтырь, охтойкъ, апостоль и евангеліе, съ иншими церкви свойственными, и быти простымъ богоугодникомъ и жизнь вѣчную получить, нежели постигнути Аристотеля и Платона и философомъ мудрымъ ся въ жизни сей звати, и въ геену отъйти? Разсуди“²⁾. Мало того. Вышенскій попытался даже замѣнить философію Аристотеля христіанской и послалъ съ Аѳона въ западную Россію „Древо зовомое разумное, философія, не поганскаго учителя Аристотеля, але православныхъ Петра и Павла“³⁾. Впрочемъ, было время, когда и самъ Вышенскій относился къ латино-польскому образованію въ болѣе примирительномъ духѣ, подвліяніемъ своихъ просвѣщенныхъ земляковъ, съ которыми онъ свидѣлся въ свое путешествіе въ западную Россію и Львовъ. Защищаясь въ написанномъ въ это время „Посланіи къ старицѣ Домникіи“ отъ упрековъ въ томъ, что онъ возбраняетъ и „хулить граматичное ученіе и ключъ къ познанію складовъ и рѣчей, занеже самъ не учился“, Вышенскій говоритъ: „не вѣдомость хую художества, але хую, што теперешніе наши новые рускіе философы не знаютъ въ церкви ничтоже читати, ни тое самое псалтыри, ни часослова. А звать, еслибы хто што строхи

¹⁾ Петръ Могила, прилож., 72—74. «Зачапка» написана въ 1607—8 гг. (Франко, 325). Взглядъ автора «Зачапки» на соотвѣтствіе богослужебныхъ книгъ различнымъ свободнымъ наукамъ напоминаетъ разсужденіе Фр. Скорины (въ предисловіи на всю Библію), рекомендовавшего для изученія грамматики Псалтырь, логику—Іова и Павла, «красномовности»—Соломона, музыки—вообще священные пѣсни и стихи, помѣщенные въ Библію, арифметики—Числа, геометріи—Иисуса Навина, астрономіи—первыя главы Бытія, для изученія военныхъ и богатирскихъ подвиговъ—Судей, Маккавеевъ и т. д... (Каратаевъ, Описание славяно-русскихъ книгъ..., I, 31, 32).

²⁾ А. Ю. и З. Р., II, 210. «Порада» написана, по Франку, скоро послѣ 1608 г. и есть вѣчто совершенно отдѣльное отъ посланія Вышенскаго къ кн. К. К. Острожскому и ко всѣмъ православнымъ христіанамъ, съ которымъ слила ее редакція Актовъ (Франко, 349 et sqq.). Впрочемъ, г. А. Крымскій, критикъ Франковой диссертациі, доказываетъ, что время написанія «Порады» должно отнести къ послѣдному десятилѣтію XVI ст. (Кіев. стар., 1895, 14, 32 и слѣд.).

³⁾ Это произведеніе Вышенскаго не дошло до насъ; о немъ онъ упоминаетъ въ «Зачапкѣ» (Петръ Могила, прилож., стр. 74). Другое же сочиненіе Вышенскаго—«Соборникъ, т. е. зобранные всѣ таемницѣ невѣдомые разныхъ часовъ» (ibid., 75), имѣвшее, по видимому, быть церковно-богословской энциклопедіей, въ огражденіе православной мысли отъ всякихъ «самолюбивныхъ думъ», осталось только въ проектѣ (Франко, 337).

(немного) и зналъ, якъ южь досягнуть стиха якого басней аристотельскихъ, тогда южь псалтыри читати ся соромѣть (стыдится), и прочее правило церковное ни за что не вмѣняетъ и яко простое и дурное быти разумѣть“. Въ виду этого онъ совѣтовалъ „фундаторамъ благочестія во Львовѣ“ утверждать прежде дѣтей въ благочестіи, любви къ церковности и въ православной вѣрѣ, и послѣ того уже знакомить и съ свѣтскими науками ¹⁾. Но эта уступка Вышенскаго внѣшней, свѣтской наукѣ была временной ²⁾...

Однако, ни авторитетность Іоанна Вышенскаго, ревность котораго по вѣрѣ стала извѣстна еще въ 1596 г. патріарху Мелетію Пигасу ³⁾, ни то, что на сторонѣ его убѣжденій стала цѣлая группа людей, составившихъ извѣстное „Совѣтованіе о благочестіи“, въ которомъ внушалось основываться не на латинскихъ сидлогизмахъ и извращающихъ истину сочиненіяхъ, а на догматахъ и твореніяхъ св. отцовъ ⁴⁾, не могли оказать сильнаго вліянія на направленіе нашего школьнаго просвѣщенія. Сознаніе необходимости многихъ элементовъ западной науки—и для защиты вѣры, и для цѣлей гражданскихъ ⁵⁾—настолько созрѣло, что повернуть наше просвѣщеніе назадъ оказалось невозможнымъ. Мало того, что они вошли постепенно въ программы нашихъ школъ, такъ что около 1621 г. Захарія Коныстенскій скромно заявилъ, что православные и „въ внѣшней, свѣтской мудрости благодатію Божіей искусство имѣюгъ, хотя и не хвалятся ею“, — наши писатели къ этому же времени уже вырабатывали принципиальное оправданіе своего пользованія „латинской мудростью“. „Если латиняне хвалятся свѣтской наукою—они чужими перьями хвалятся, въ чужомъ плащѣ щеголяютъ! Ибо греческая мудрость—Платонова, Аристотелева и иныхъ философовъ греческихъ, и имъ только отчасти были удѣлена... И мы, русскіе, если для наукъ отправляемся въ края нѣмецкіе, то не ради латинской, но греческой науки, и ею мы пользуемся какъ собственностью, только на короткое время довѣренно западнымъ, причемъ однако, искусно отбрасывая соръ, пользуемся чи-

¹⁾ Арх. Ю.-З. Р., I, VII, 28. 29.

²⁾ Этотъ эпизодъ выясненъ у г. Франко (310—316. 356. 383—385).

³⁾ У Франко напечатано письмо патріарха къ Вышенскому съ приглашеніемъ отправиться въ зап. Россію для борьбы съ врагами православія (356—360).

⁴⁾ «Совѣтованіе о благочестіи:—Рада и способъ, яко въ народѣ Россійскомъ вѣру и догмата церкви восточней захвати и ростити и абы Митрополитове и Епископове не уставали», § 24 (И. К. К., I, стр. 249). Документъ этотъ есть не постановленіе собора 1621 года, какъ думаютъ нѣкоторые (напр., митр. Макарій, XI, 285), а только меморіалъ для предстоящаго собора (Франко, 2). Замѣчательнъ его § 22, предлагающій послать на св. гору афонскую за преподобными мужами Россами,—Кипріаномъ, Іоанномъ Вышенскимъ и прочими цвѣтущими въ житіи и богословіи, и отправлять туда русскихъ, какъ въ духовную школу (стр. 247, 248). Мѣра эта проектирована была еще ранѣе въ вилецкомъ братствѣ. См. копію письма, посланнаго имъ въ январѣ 1619 г. «Честному священноинокови господину отцу Кирилѣ (Шафнутію) (Гелисею)», афонскимъ подвижникамъ, съ приглашеніемъ вернуться на родину (Рукоп. книга Аонасія Миславскаго. Рукоп. кіево-печерской лавры, доп. катал., № 20, л. 93. Напечат. въ Лит. еп. вѣд., 1894, № 26).

⁵⁾ П. П. Л., II, 105.

стымъ зерномъ, оставляя уголь, беремъ золото. И что касается даже истиннаго богословія, то и оно съ востока,—восточнымъ богословіемъ живутъ (дыхаютъ) западные“¹⁾).

Того результата, на который указываетъ Коныстенскій, православные западноруссы достигли въ теченіе періода около сорока лѣтъ, благодаря дѣятельности острожской и братскихъ школъ; къ исторіи ихъ мы и переходимъ.

---

¹⁾ Палинодія, П. П. I., I, 900. 901. 905.

ГЛАВА IX.

Острожское училище.

Первымъ западнорусскимъ училищемъ, отразившимъ въ своемъ устройствѣ вліяніе историческихъ просвѣтительныхъ теченій того времени, было острожское. Князь Острожскій, учреждая его, сдѣлалъ первую въ зап. Россіи попытку привлечь на служеніе православной вѣрѣ и церкви, а вмѣстѣ съ тѣмъ и русскому народу греческую и латинскую науку.

Личность князя Константина Константиновича Острожскаго такъ интересна и жизнь его такъ богата фактами, имѣющими огромное значеніе для исторіи политической, церковной и общественной, что можно только удивляться отсутствію въ нашей литературѣ полной и подробной монографіи о немъ, на основаніи хотя-бы всѣхъ извѣстныхъ нынѣ матеріаловъ. И это представляется дѣломъ тѣмъ болѣе нужнымъ, что въ литературѣ все чаще начинаютъ повторяться попытки развѣнчать князя Острожскаго, низвести его съ того пьедестала, на который поставила его исторія ¹⁾. Что касается отношенія кн. Константина Константиновича Острожскаго къ вопросу о просвѣщеніи, то упрекъ одного изъ этихъ ученыхъ по адресу князя или просто пристрастенъ, или есть результатъ недостаточнаго знакомства съ его дѣятельностью. Именно г. Кулишъ ставитъ въ вину кн. Острожскому, что онъ отошелъ къ предкамъ, не обезпечивъ какимъ либо фундушемъ ни одного церковнаго братства, ни одного училища, ни одной типографіи, ни даже какого нибудь ревнителя народнаго просвѣщенія ²⁾. На самомъ же дѣлѣ историческіе факты рѣшительно свидѣтельствуютъ, что для нашего просвѣщенія, для нашихъ училищъ кн. Острожскій сдѣлалъ болѣе, чѣмъ кто другой изъ его современниковъ. Онъ завелъ двѣ типографіи, устроивъ при каждой изъ нихъ цѣлое общество ученыхъ людей, занимавшихся писательской, переводческой и издательской дѣятельностью. Онъ далъ землю для туровской школы, учредилъ училище въ Острогѣ, посылалъ въ Грецію за учителями, убѣдилъ епископа Θεодосія Лазовскаго завести греко-славянскую школу во Владимирѣ, ходатайствовалъ предъ королемъ о дарованіи львовской школѣ права преподаванія „свободныхъ наукъ“. Кто другой такъ интересовался вопросами о народномъ обра-

¹⁾ *Костомаровъ* (Историч. монографіи и изслѣдованія, т. III). *Кулишъ*, *Студинскій* (Пересторога, 35—40).

²⁾ Отпаденіе Малороссіи отъ Польши—Чт. въ моск. общ. ист. и древн. росс., 1888, II, отд. III, 173.

зованіи, какъ кн. Острожскій, который напоминалъ самимъ епископамъ о сдѣланныхъ ими соборныхъ постановленіяхъ относительно школъ и типографій и который, наконецъ, и на унию смотрѣлъ, какъ на средство поднятія, между прочимъ, образованія русскаго духовенства? Быть можетъ, не все, что замышлялъ кн. Острожскій и къ чему стремился, было выполнено имъ и выполнено такъ, какъ онъ хотѣлъ; но много было сдѣлано, благодаря его именно инициативѣ и поддержкѣ ¹⁾.

Къ мысли о необходимости устройства училища съ древними языками, вообще училища высшаго, кн. Острожскій шелъ, кажется, такимъ же путемъ, какъ и Курбскій. Училище и для него имѣло служить ближайшимъ образомъ дѣлу изданія книгъ, хотя оно сразу же расширило свои задачи. Что до издательской дѣятельности кн. Острожскаго, то на ней и отражается то вліяніе кн. Курбскаго, о которомъ мы упомянули. Оба князя находились въ близкихъ, дружескихъ отношеніяхъ, такъ что Курбскій въ обоихъ завѣщаніяхъ (1581 и 1583 гг.) поручаетъ своихъ дѣтей кн. Острожскому, — просить взять ихъ „вмилостивое выхованье до себе“ ²⁾. Сошлись они именно на почвѣ интересовъ духовно-просвѣтительныхъ, о чемъ и свидѣтельствуетъ ихъ переписка, находившаяся въ связи съ вопросомъ о переводѣ и изданіи отеческихъ и полемическихъ книгъ. Но въ то время, какъ кн. Острожскій способенъ былъ увлекаться и заявлять симпатіи къ людямъ то того, то другого религіознаго лагеря ³⁾, Курбскій твердо стоялъ въ православіи и былъ всегда холоденъ къ еретикамъ всякихъ партій: онъ одинаково укоряетъ кн. Острожскаго и негодуетъ на него за присылку ему сочиненій Скарги и еретика Мотовилла, этого „согласника и обновителя Павла Сомосатскаго ереси и Фотинуса нѣякаго“. Эта большая убѣжденность и твердость Курбскаго даетъ ему право даже выговаривать кн. Острожскому за его доброжелательное отношеніе къ Мотовиллѣ: „Въ таковую дерзость и ступидію (неразуміе) начальницы христіанскіе внидоша, иже не томо тѣхъ ядовитыхъ драконовъ въ домѣхъ своихъ питати и ховати (держати) не стыдятся; но и за обронителей и помощниковъ ихъ себѣ мнимають. И что еще дивнѣйшаго: за (отъ) духовныхъ бѣсовъ духовную церковь Божию оброняти имъ разказують и книги сопротивъ

¹⁾ Г. Кулишъ говоритъ: «Въ заведеніи училищъ, въ распространеніи по Руси богослужебныхъ и другихъ книгъ, естественно слѣдуетъ предполагать намъ вліяніе на него (кн. Острожскаго) людей, заинтересованныхъ въ этомъ хорошемъ дѣлѣ: онъ только склоняется на разумныя просьбы» (Ист. возрод. Руси, I, 277). Но кто, кромѣ кн. Курбскаго (о чемъ ниже), могъ вліять на кн. Острожскаго въ вѣкъ всеобщаго невѣжества, какъ рисуется его г. Кулишъ? Но и вліяніе Курбскаго могло быть первоначальнымъ толчкомъ, а не побудительной силой, дѣйствовавшей въ теченіе 30-ти слѣшкомъ лѣтъ.

²⁾ Жизнь кн. Курбскаго въ Литвѣ и на Волынѣ, I, 197, 237.

³⁾ Считаемо нужнымъ оговориться, что мы, выражаясь такъ, совѣмъ не раздѣляемъ мнѣнія г. Кулиша о религіозной безпринципности кн. Острожскаго и его желаніи угодить всѣмъ — и католикамъ, и протестантамъ, и православнымъ, и объ его «безпрестанныхъ переходахъ изъ одного лагеря въ другой» (Чт. въ моск. общ. ист. и древн. рос., 1888, II, 25). Тутъ было проявленіе не безпринципности, а той высшей вѣротерпимости, которая въ тотъ вѣкъ отличала такихъ людей, какъ Ротундъ, какъ нѣкоторые Радивиллы и даже нѣкоторые католическіе епископы.

полувѣрныхъ Латиновъ писати имъ повелѣвають“ Въ другомъ посланіи въ кн. Острожскому Курбскій объясняетъ эту оплошность „нерадѣніемъ ради прочтанія св. Писаній“. „Если бы, государю! былъ еси хотя мало прочталь, послухавъ мене слуги твоего вѣрнаго; не токмо бы возгнушался еси самъ отъ таковыхъ догматовъ, или отъѣтовъ просити, или изыскивати, но и другимъ нашей страны православнымъ христіаномъ возбранилъ бы еси и запретилъ“¹⁾.

Какъ разъ въ это время князь Острожскій задумалъ дѣло, которое должно было дать возможность читать Свящ. Писаніе всѣмъ западноруссамъ, и для этого избралъ не старый затруднительный и дорогой способъ распространенія книгъ—списываніе ихъ²⁾, въ данномъ случаѣ даже непримѣнимый, а обратился въ книгопечатанію.

Въ западной Россіи первой славянскою типографіей была виленская, услугами которой пользовался Фр. Скорина (1525 г.), но послѣ того книгопечатаніе прекратилось почти на полстолѣтія, пока его не возобновили бѣжавшіе изъ Москвы въ 1565 г. первопечатники—дьяконъ Иванъ Ѳедоровъ и Петръ Мстиславецъ³⁾. Оба они нашли приютъ у пана Ходкевича и въ Заблудовѣ напечатали въ 1568—1569 гг. Учебное Евангеліе, замѣчательное тѣмъ, что при изданіи его былъ возбужденъ вопросъ о переводѣ его „на простую молву“, т. е. на народную западнорусскую рѣчь. Послѣ удаленія Мстиславца въ Вильну Ѳедоровъ издалъ еще здѣсь Апостоль и затѣмъ перешелъ въ Львовъ, гдѣ опять напечаталъ въ 1574 г. Апостоль. Но въ Львовѣ ему не повезло до того, что онъ долженъ былъ заложить свою типографію евреямъ. Случайно или нѣтъ, но въ это время съ нимъ познакомился кн. Острожскій, который сдѣлалъ его „справцей“ дерманскаго монастыря⁴⁾, а послѣ сентября 1576 г. перевелъ его въ Острогъ. Отсюда Ѳедоровъ, какъ слуга (famulus) князя, ѣздитъ въ Львовъ, въ Валахію и Турцію⁵⁾.

¹⁾ Сказанія кн. Курбскаго, 281—283; ср. *Костомаровъ*, Русская исторія въ жизнеописаніяхъ ея главн. дѣятелей. Отд. I, 544—545.

²⁾ Во второй половинѣ XVI столѣтія стояли такія цѣны на рукописныя книги: Псалтирь стояла 40—60 грошей, Шестодневецъ—копу грошей, Трїодъ цвѣтная—двѣ копы, Евангеліе—четыре копы, Учебное Евангеліе—6 копъ, Требникъ и Октоихъ отъ 6 до 10 копъ и т. д. (Арх. Ю.-З. Р., I, VI, № 49. Жизнь кн. Курбскаго... I, 160. 161; ср. А. В. А. К., XVII, № 652. Вспомнимъ, что тогдашній грошъ равнялся 5—6 нынѣшнимъ копейкамъ. *Горбачевскій*, о. с., 146). Впрочемъ, цѣны колебались въ зависимости отъ качества письменныхъ матеріаловъ и достоинства письма и измѣнялись, какъ цѣны всякаго товара (*Добрянскій*, Опис. рукоп. вил. публ. библиот., № 178). Списываніе книгъ было ремесломъ, котораго не прекратило и развитіе книгопечатанія. Известны списки съ печатныхъ изданій (*Архим. Леонидъ*, Системат. опис. слав.-русскихъ рукописей собранія графа Уварова, II, № 627).

³⁾ Источниками для исторіи Ивана Ѳедорова въ зап. Руси служатъ предисловіе къ Апостолу 1574 г. и нѣкоторые документы, обнародованные А. С. Петрушевичемъ («Иванъ Ѳедоровъ русскій первопечатникъ», 1883, Львовъ), Пташицкимъ (Русская старина, 1884, мартъ), проф. Малышевскимъ (Чт. въ историч. обществѣ Нестора лѣтописца, VII, отд. II, 1893 г.).

⁴⁾ Въ такомъ званіи Ѳедоровъ является уже въ мартѣ 1575 г. (Чт. въ общ. Нестора лѣтописца, VII, отд. II, 98. 99; ср. Вол. губ. вѣдом., 1847, № 23 и Вол. еп. вѣд., 1873, стр. 291).

⁵⁾ Рус. стар., 1881, мартъ, 466—468. Чт. въ общ. Нестора лѣтописца, VII, отд. II, 105—108.

Не можетъ быть сомнѣнія, что путешествіе діакона Ѳеодорова въ эти страны стояло въ связи съ намѣреніемъ кн. Острожскаго издать Библію на славянскомъ языкѣ, которая и вышла въ свѣтъ въ 1581 г. Но принимая во вниманіе трудность и сложность работы, требовавшей прежде всего вѣрныхъ текстовъ на различныхъ языкахъ и людей, которые могли бы исправить всю Библію ¹⁾, самое исправленіе и напечатаніе,—начало замысла князя Острожскаго должно отнести къ первымъ 70-мъ годамъ, когда и былъ полученъ имъ изъ Москвы полный списокъ Геннадіевской Библии черезъ посредство литовскаго писаря Михаила Гарабурды, который бывалъ тамъ съ посольствомъ, между прочимъ, въ 1570, 1572, 1573 гг. ²⁾.

Главной задачей князя Острожскаго было издать на славянскомъ языкѣ всю Библію. Но исполненіе ея растянулось на нѣсколько лѣтъ и „первымъ оwoщемъ“ острожской типографіи была вышедшая въ 1580 г. „Книга Н. Завѣта въ ней же напереді псалмы блаж. Давида пророка и царя“. Изъ предисловія къ ней и къ Библии 1581 г. видно, что побужденіемъ къ изданію ихъ были заботы князя о распространеніи благочестія, подрывавшагося „лютими волками“ невѣрія. Какъ Библія, такъ и другія изданія острожской типографіи, были направлены противъ латинянъ и протестантовъ. Борьба съ ними велась двумя путями—посредствомъ исправленія и изданія богослужебныхъ книгъ и путемъ составленія и перевода съ греческаго сочиненій, преимущественно богословско-полемическаго характера ³⁾.

---

¹⁾ Въ предисловіи къ Библии говорится объ отправленіи кн. Острожскимъ писемъ и пословъ въ многія страны вселенной: «яко (въ) Римскіе предѣлы, тако и Кандійскіе острова, паче же (во) многіе монастыри грецкіе, сръбскіе и болгарскіе, даже и до самаго апостоломъ намѣтника и всей церкви восточныя чиноначальника» (п. Іереміи), съ требованіемъ и «моленіемъ прилежнымъ тако людей наказанныхъ въ писаніяхъ святыхъ еллинскихъ и словенскихъ. Якоже и зводовъ добре исправленныхъ».

²⁾ Пред. къ Библии 1581 г. Чт. въ общ. Нестора лѣтописца, VII, отд. II, стр. 104—105. Намъ кажется, что показаніе упомянутого уже нами кіевского іерод. Іоакима (Чт. въ моск. общ. ист. и древн. рос., 1883, I, отд. V) заключаетъ свидѣтельство о попыткѣ именно кн. Острожскаго достать изъ Москвы славянскій текстъ Библии. Іоакимъ рассказываетъ здѣсь, что былъ посланъ въ Москву еще «по докладу Сигизмунда Августа» съ письмомъ и дарами, чтобы у царя «отъ его Царскія книгохранилища испросити Библію по нашему языку русскому словенскому на списъ слово въ слово», чтобы ее въ Литвѣ «выдати тисненіемъ печатнымъ нашему народу христіанскому русскому литовскому да и русскому Московскому, да и повсюду всѣмъ православнымъ христіаномъ, иже въ болгарѣхъ, и сербехъ, въ Мыдтанехъ и Волосехъ». Вместе съ тѣмъ ему поручено было просить Бесѣды евангельскія въ переводѣ съ греческаго Сильвана, ученика Максима Грека, и Житіе препод. Антонія печерскаго. Возможно, что Іоакимъ списалъ Библію и послалъ ее чрезъ Гарабурду въ зап. Россію, но самому ему, благодаря московскимъ бѣльцамъ и монахамъ, «которые только словомъ христіане и чернецы мантіями», пришлось испытать множество несправностей и даже «язы и темницы». Изъ заключенія ему удалось выбраться, вѣроятно, только въ 1582 году, когда онъ удостоился получить аудіенцію у царя и представить ему «списокъ» (т. е. свою аналогію: облаканный Грознымъ, онъ надѣялся уже оставить Москву, но ему помѣшала война съ Польшей и затѣмъ смерть царя).

³⁾ Вол. еп. вѣд., 1881, стр. 894.

Но одной типографіи было мало для устраненія обуривших православную церковь „со всихъ сторонъ скорбей, ситованія и бѣдъ“. Князь Острожскій ясно сознавалъ, что „ани для чого инъшого розмножилося межы людьми такое ленивство, оспальство и отъступленье отъ вѣры, яко наболшей для того, ижъ устали учителя, устали проповѣдачи слова Божого, устали науки, устали казанья“¹⁾. Князь понималъ, что книги Свящ. Писанія и богослужебныя, какими бы убѣжденными предисловіями онѣ ни сопровождались, не способны противодѣйствовать широко распространившемуся протестантству, разъ не всѣ уже понимали славянскій языкъ и разъ очень многіе не умѣли читать. Онъ не могъ не видѣть, что даже для обезпеченія плодотворной для православной церкви дѣятельности самой типографіи необходимо подготовить людей и съ знаніемъ языковъ и съ несомнѣнно православными убѣжденіями: вѣдь нельзя было ручаться за то, что сгруппировавшіяся у острожскаго печатнаго станка кружокъ труженниковъ будетъ постоянно полонъ и что всѣ его члены, всѣ соработники князя Острожскаго будутъ постоянно стоять на стражѣ интересовъ православія. Нельзя было надѣяться на такихъ случайныхъ сотрудниковъ, какъ Мотовилло, Лятошъ. Такимъ образомъ, нужны были школы, на что указывалъ и Скарга, поставлявшій силу католической церкви въ ея училищахъ и наукахъ и укорявшій въ невѣжествѣ православное духовенство²⁾, и—князь Острожскій, которому посвятилъ онъ свое сочиненіе, дѣйствительно, открылъ въ Острогѣ училище.

Но, кажется, ни объ одномъ явленіи изъ исторіи нашего западно-русскаго просвѣщенія не высказано столько самыхъ противорѣчивыхъ сужденій, какъ объ этомъ училищѣ. Наиболѣе крупными спорными пунктами здѣсь являются вопросы о времени учрежденія его и о томъ, что собственно оно представляло собой—академію ли, духовную-ли семинарію, училище ли свободныхъ наукъ, или, наконецъ, низшую школу³⁾. Устранить всѣ противорѣчивыя утвержденія и установить опредѣленный взглядъ на начало школы, характеръ ея и дѣятельность острожскихъ ученыхъ пытался въ послѣднее время г. Лукьяновичъ. Онъ далъ новые и оригинальные, но не всюду выдерживающіе критику отвѣты. Въ виду всего этого считаемъ необходимымъ положить на изложенію исторіи острожскаго училища предпослать критическое разсмотрѣніе существующихъ въ литературѣ рѣшеній спорныхъ вопросовъ.

Дата, указываемая различными историками для основанія острожской школы, такъ непостоянна, что колеблется на протяженіи цѣлаго столѣтія—отъ 1498 по 1593-5 гг. За первое изъ этихъ чиселъ стоятъ тѣ историки, которые связываютъ учрежденіе школы съ именемъ Константина Ивановича Острожскаго, а Константину Константиновичу Острожскому приписываютъ лишь преобразование ея въ высшую, подѣ

¹⁾ П. П. Л., III, 583 (id. А. З. Р., IV, № 45).

²⁾ П. П. Л., II, 486.

³⁾ Перечень мнѣній по двумъ этимъ вопросамъ, находящійся у г. Лукьяновича («Къ вопросу объ Острожской школѣ (XVI в.).—Вол. епарх. вѣд., 1881 г., 767—769), можно было бы увеличить еще болѣе, но это не принесло бы пользы дѣлу.

вліанієм люблинской уніи, грозившей православною вѣрѣ и русской народности ¹⁾. Но мысль объ учрежденіи острожской школы кн. Константиномъ Ивановичемъ не можетъ быть принята уже по тому одному, что единственное основаніе, на которомъ она опирается (свидѣтельство надгробной надписи), и недостоверно, и крайне неопредѣленно: если бы и было доказано, что фраза о школахъ, фундованныхъ княземъ Константиномъ Ивановичемъ, не внесена въ эпитафію человѣкомъ, который не могъ себѣ представить, чтобы столь знаменитый князь не заботился объ образованіи народа, и что она представляетъ дѣйствительно свидѣтельство современниковъ князя объ его просвѣтительной дѣятельности, то и тогда на основаніи ея нельзя было бы утверждать, что одна изъ такихъ школъ находилась въ Острогѣ. ²⁾ Но, кромѣ того, есть нѣсколько свидѣтельствъ, даже современныхъ факту, въ пользу того, что острожское училище было основано княземъ Константиномъ Константиновичемъ. Таково, прежде всего ясное, хотя и не опредѣляющее точно времени основанія школы и характера ея, свидѣтельство автора „Перестроги“ ³⁾. Таково же свидѣтельство болѣе позднихъ писателей—Якова Суши, холмскаго уніатскаго епископа ⁴⁾, Нѣсецкаго, который утверждаетъ, что кн. К. К. Острожскій первый завелъ (fundował) въ Острогѣ греческую и латинскую школу ⁵⁾, Стебельскаго. Последний говоритъ „что три сына Константина — Константинъ, Янушъ и Александръ въ малолѣтствѣ получили образованіе въ острожскихъ школахъ, впервые основанныхъ ихъ отцемъ (nauperwiej tam wystawionych od oycsa ich) для изученія различныхъ языковъ, преимущественно же латинскаго, греческаго и славяно-русскаго ⁶⁾. Въ наши дни „анналистъ“ Гарасевичъ утверждаетъ: princeps Constantinus Ostrogiensis fundavit circa finem saeculi XVI academiam Ruthenam Ostrogensem ⁷⁾. Всѣ эти выраженія: „збудовавъ школу“, „erexit palaestram“, „nauperwiej wystawił szkołę“ „fundował“—

¹⁾ Вол. губерн. вѣд., 1864, № 15. *Проф. Петровъ*. Очеркъ исторія прав. школъ на Волыни (Тр. Киев. дух. акад., 1867, I, 181—182). *Архим. Арсеній*, Патр. Кириллъ Лукарисъ и его заслуги для прав. церкви, 1881 г., стр. 75 (первое изданіе вышло въ 1870 г. подъ фамиліей свящ. Бринцева, какою носилъ авторъ въ міру).

²⁾ И г. Ярушевичъ, авторъ спеціального изслѣдованія о К. И. Острожскомъ, признавая вообще достовернымъ свидѣтельство надгробной надписи, не пытается утверждать, что въ Острогѣ именно была открыта этимъ княземъ школа (Ревнитель православія, князь К. И. Острожскій. Смоленскъ, 1896, 222. 223).

³⁾ „Черезъ долгій часъ святѣйшіе патриархове панства нашего не навѣжали особами своими, толко чрезъ посланцевъ своихъ... Того часу, по везволенію Божиємъ, благовѣрный князь Константинъ Константиновичъ умыслилъ утвердити православную вѣру, предками своими вездѣ уфундованную. И напервѣй старался у свят. патриарха, абы ся здѣ дидаскаловъ ко розмноженію наукъ вѣрѣ православной зослалъ; а онъ на то маестностями своими ратовати готовъ и доложенъ ихъ на то не жалуетъ, яко ужъ збудовавъ школу, шпиталь и маестностями ихъ надарилъ и такожь Словенскую и Грецкую у Острогу заложилъ друкарню, обралъ со благословеніемъ и зосланіемъ патриарха вселенскаго, и тое все заложилъ“ (А. З. Р., IV, стр. 205. 206).

⁴⁾ *Susza, Saulus et Paulus* (Romae. 1666), p. 15.

⁵⁾ *Niesiecki, Korona polska*, III, 516,—у г. Лужьяновича (Вол. еп. вѣдом., 1881, 772).

⁶⁾ *Stebelski, Genealogia XX. Ostrogskich*, III, 111, 112.

⁷⁾ *Harasiewicz, Annales ecclesiae Ruthenae*, p. 145.

рѣшительно говорятъ въ пользу фѣндаторства К. К. Острожскаго, а не его отца. Таковъ первый „выводъ“ г. Лукьяновича ¹⁾, съ которымъ мы совершенно согласны.

Нѣтъ сомнѣнйя, что основалъ школу К. К. Острожскій, но когда? Конечно, должны быть отвергнуты 1593 и 1595 годы, указываемые писателями, ставящими учрежденіе острожскаго училища въ связь съ попыткой князя Острожскаго парализовать стремленіе высшаго духовенства въ униі съ римскою церквью ²⁾, такъ какъ упоминаніе объ этой школѣ встрѣчается еще задолго до обнаруженія владыками униональных тенденцій. Первое письменное свидѣтельство о ней находится у Поссевина (подъ 1581 г.): „князья русскіе, какъ Слуцкій и Острожскій, говорятъ онъ, имѣютъ свои типографіи и школы, которыми далеко и широко распространяется схизма“ ³⁾. Итакъ, въ 1581 г. острожское училище не только уже существовало, но и успѣло проявить свое значеніе для православія. Такъ какъ большинство писателей полагаютъ, что достаточно было для послѣдняго одного года, то обыкновенно основаніе школы опредѣляютъ 1580 годомъ. Другіе историки отодвигаютъ его „въ 70-мъ годамъ“ ⁴⁾ или датируютъ „ок. 1580 г.“ ⁵⁾.

Но г. Лукьяновичъ, полагаясь на свидѣтельство Стебельскаго, „этого довольно безпристрастнаго и добросовѣстнаго униатскаго писателя“, находитъ возможнымъ отнести основаніе острожскаго училища ко времени „гораздо ранѣе 70 года XVI ст., т. е. того крайняго пункта, далѣе котораго въ нашей литературѣ не отодвигается время основанія школы, если оно приписывается Константину Константиновичу“. Г. Лукьяновичъ принимаетъ за истину сообщеніе Стебельскаго о томъ, что сыновья К. К. Острожскаго получили первоначальное образованіе въ острожской школѣ, и, рѣшая вопросъ, когда это могло быть, приходитъ къ мысли, что она должна уже была существовать между 1554 и 1564 гг. ⁶⁾. Но какъ хорошо былъ освѣдомленъ Стебельскій и какъ можно полагаться на него, видно изъ сопоставленія его свидѣтельства съ другимъ сообщаемымъ имъ извѣстіемъ, по которому кн. К. К. Острожскій поручилъ воспитаніе и образованіе трехъ своихъ сыновей

¹⁾ Вол. епарх. вѣд., 1881, 774.

²⁾ *Eukasz.*, Dzieje kościołów wyznania Helweckiego w Litwie, I, 81; Hist. szkół, I, 350, 351; *Stecki*, Wołyń (1864), I, 139; *Еленевскій*—Прав. обзор., 1861, июнь, 115; *Гожалчинскій*, Тр. Киев. дух. акад., 1869, II, 110. Писатели эти, очевидно, идутъ вслѣдъ за Сушей (Saulus et Paulus, 15).

³⁾ *Habent ii Duces, quales sunt Ostrogiae et Slucensis, typographias et scholas, quibus longe lateque schisma fovetur...* (Supplem., p. 38; id. *Starczewski*, Historiae Ruthenicae scriptores exteri saeculi XVI, p. 286). О слуцкой школѣ мы не имѣемъ больше никакихъ извѣстій. Мы не знаемъ, ни кѣмъ она была основана, ни какъ долго существовала. Возможно, что она учреждена была Юріемъ Юрьевичемъ Слуцкимъ († 1586; *Максимовичъ*, Собр. сочин., I, 179; ср. Тр. Киев. дух. акад., 1876, II, 529), который настолько отличался благочестіемъ и любовью къ просвѣщенію, что въ 1582 г. собственноручно перенесъ Евангеліе для троицкой церкви слуцкаго монастыря (Мин. еп. вѣд., 1878, 271).

⁴⁾ *Максимовичъ*, *ibid.*

⁵⁾ *М. Макарій*, IX, 411.

⁶⁾ Вол. епарх. вѣд., 1881, 772—775.

Максиму (Мелетию) Смотрицкому ¹⁾. Между тѣмъ самъ Смотрицкій родился только ок. 1578 г. и былъ, слѣдовательно, моложе своихъ мнимыхъ учениковъ ²⁾.

Такимъ образомъ, мнѣніе о существованіи острожской школы до 1564 года совершенно теряетъ почву. Вообще нѣтъ ни малѣйшихъ основаній отодвигать начало ея очень далеко отъ 1580 г. Всего вѣроятнѣе, что она была открыта въ связи съ типографіей и, слѣдовательно, не ранѣе 1576—1580 гг.

Другой важный вопросъ—какое это было училище—высшее, среднее или низшее?

Нѣкоторые историки увѣрены, что въ Острогѣ была академія въ нашемъ смыслѣ слова и распространяются въ перечисленіи предметовъ преподаванія и знаменитыхъ профессоровъ ея ³⁾. Но едва ли они имѣютъ логическое основаніе по одному-двумъ случаямъ употребленія слова „академія“ въ приложеніи къ острожской школѣ ⁴⁾ возстановлять или, точнѣе, создавать сложный строй жизни университетскаго заведенія. Совершенно правъ поэтому г. Лукьяновичъ, когда отрицаетъ возможность дѣлать изъ единственнаго (о другомъ онъ не знаетъ) случая употребленія слова „академія“ тотъ выводъ, что острожское училище было академіей и по программѣ. Но совсѣмъ неправъ, когда, основываясь, между прочимъ на научномъ характерѣ того сочиненія Г. Смотрицкаго, въ которомъ сдѣлана замѣтка объ острожской академіи, хочетъ доказать, что она имѣла отношеніе собственно къ ученому острожскому кружку, обязанность большинства членовъ котораго „состояла въ трудахъ болѣе серіозныхъ и полезныхъ въ то время, чѣмъ обученіе въ школѣ, какъ, напримѣръ, въ написаніи тѣхъ или другихъ ученыхъ трактатовъ, могущихъ противостать по своимъ достоинствамъ трактатамъ враговъ православія и т. п.“. Никакъ нельзя, говорить онъ,

¹⁾ Dwa wielkie swiatła na Horyzoncie Połockim... tomik 1, 1781. Opisanie autorów... Smotrzycki Melecuzsz.

²⁾ *Голубевъ*, Петръ Могила, I, 92. Старшему изъ сыновей кн. Константина Острожскаго Янушу въ 1577 г. шелъ уже 22 годъ (*Голубевъ*, Археолог. замѣтка о древнихъ надписяхъ на стѣнахъ межирѣчской церкви. Тр. кiev. дух. акад., 1876, II, 220—222). По Вольфу (Kniaziowie Litewsko-Ruscy, Warsz., 1895), Янушъ родился въ 1554 г., а Александръ въ 1571 г. (стр. 357—358).

³⁾ Таковы: авторъ статьи «Князь Василій (К.) Острожскій» (Прав. собес., 1858, I), архим. Арсеній (П. Кирилль Лукарисъ), г. *Брянцевъ* (Исторія литовскаго государства). Последній, повторивши старый взглядъ на основаніе острожской школы Константиномъ Ивановичемъ и преобразование ея его сыномъ, вслѣдъ за архим. Арсеніемъ считаетъ ее академіей и даже выше виленской. Здѣсь, говоритъ онъ, преподавались: славянскій, греческій и латинскій языки, богословіе, философія, риторика, поэзія, исторія, медицина и естественнѣдѣніе (последнихъ двухъ наукъ въ виленской академіи не было; стр. 414).

⁴⁾ Эти случаи суть слѣдующіе. Въ 1587 г. Гер. Дан. Смотрицкій на своемъ сочиненіи: «Ключъ царства небеснаго» сдѣлалъ помѣтку: «Написано у Академіи Острожской» рх. Ю.-З. Р. I. VII, пред. XIII—XV). Затѣмъ, въ 1598—1599 г. еп. Ипатій Потѣй въ своемъ «Отписѣ на листъ някаго клирика острожского» догадывается, что послѣдній «есть ученъ академіи острожское» (П. П. Л., III, 1053).

этого кружка ученых людей, „эту академію наукъ“ отождествлять съ высшимъ училищемъ и отъ названія перваго заключать къ существованію втораго (школы) ¹⁾. Но если г. Лувьяновичъ отрицаетъ приложимость названія „академія“ къ острожской школѣ, то оно не относится и къ кружку ученыхъ. Въ то время при дворахъ многихъ вельможъ существовали такіе кружки, но никогда они не назывались академіями. Были они у Николая Радивилла Чернаго (въ Вильнѣ, Брестѣ, Несвижѣ), у Яна Костки, сандомирскаго воеводы (въ Ярославѣ ²⁾), у вн. Курбскаго и у другихъ. Мало того. Въ XVI в., по словамъ г. Кулиша, „каждая типографія была ученый, по тому времени, кружокъ, собиравшійся около печатнаго станка и шрифтовой кассы; каждая представляла собою, въ миниатюрномъ видѣ, академію свободныхъ наукъ“ ³⁾, и между тѣмъ ни одинъ изъ нихъ не назывался „академіей“. Слову „академія“ тогда принадлежало опредѣленное значеніе высшаго училища, и если въ іезуитскомъ учебномъ планѣ дѣлается уклоненіе отъ этого смысла, то опять не въ пользу г. Лувьяновича: здѣсь академіями назывались собранія новиціевъ (*scholastici*), принадлежащихъ къ тому или другому классу или факультету, для частныхъ учебныхъ упражненій и для подготовки къ педагогической дѣятельности ⁴⁾. Наконецъ, что г. Лувьяновичъ напрасно увлекся своей идеей объ острожской академіи, какъ кружкѣ ученыхъ, соединенныхъ въ своихъ работахъ единствомъ направленія, дававшагося вн. Острожскимъ, который по нему, стоялъ во главѣ „совѣта“,—видно и изъ указываемаго проф. Малышевскимъ факта работы этихъ ученыхъ независимо другъ отъ друга ⁵⁾.

Безъ сомнѣнія, слово „академія“, употребленное Смотрицкимъ, имѣло отношеніе къ училищу, какъ и выраженіе епископа Потѣя: „учень академии острожское“ и какъ приписка къ „Отпису на листъ Потѣя“ (1598 г.): „писанъ у Острогу у школѣ Кгрепкой Острожской“ ⁶⁾. Но не думаемъ, чтобы оно дѣйствительно соответствовало предмету. Во первыхъ, учрежденіе академіи въ польско-литовскомъ государствѣ обусловливалось королевской или папской привиллегіей настолько, что безъ согласія короля даже литовскіе протестанты во главѣ съ Николаемъ Радивилломъ Рыжимъ не могли и не посмѣли возвести своего виленскаго училища на эту степень ⁷⁾. Но невидно, чтобы вн. К. К. Острожскій получилъ или даже хлопоталъ о королевской привиллегіи. Во вторыхъ, съ понятіемъ академіи неразлучно связано представленіе объ извѣстныхъ правахъ, между прочимъ о правѣ раздачи ученыхъ званій, не говоря уже о высшихъ наукахъ въ программѣ. Ничего подобнаго не усма-

¹⁾ Вол. еп. вѣд., 1881, 775. 776.

²⁾ *Starożytna Polska*, wyd. I, t. II, 653. 654.

³⁾ *Исторія воссоединенія Руси*, II, 330.

⁴⁾ *Rat. stud. Reg. academiæ*, I.

⁵⁾ *Апокрисисъ*, 1870, пред., XXVII, прим. 4.

⁶⁾ П. П. Л., III, 381.

⁷⁾ *Theiner, Vetera monumenta Poloniae et Lithuaniae*, III, №39. *Lukasiewicz, Dzieje kościołów wznania Helweckiego w Litwie*, I, 62. 63.

триваемъ въ исторіи острожскаго училища. Въ третьихъ, легко понять, что Г. Смотрицкій назвалъ острожское училище академіей не потому, что оно было ею, а по чувству довольства имъ, гордости и, быть можетъ, изъ желанія видѣть его таковою. Въ четвертыхъ, свидѣтельство Ипатія Потѣя не можетъ быть принимаемо во вниманіе въ виду того, что нѣсколько ниже въ томъ же Отписѣ онъ называетъ острожское училище „Колеюмомъ“, т. е. коллегіей, и еще ниже—просто „школой“¹⁾; тѣмъ болѣе, что тонъ его болѣе проницательскій, чѣмъ серьезный. Въ пятыхъ, съ принятіемъ свидѣтельства Г. Смотрицкаго и Ипатія Потѣя является необъяснимою слѣдующая фраза въ письмѣ м. Іосифа Рутскаго въ Н. Хр. Радивиллу: „Панъ воевода кievскій хочетъ на Волыни основать какую-то академію и въ Грецію послалъ за профессорами“²⁾. Письмо это писано въ 1603 г.; но если у кн. Острожскаго уже въ 1587 г. была академія, то зачѣмъ ему понадобилась новая? Наконецъ, что училище острожское не было академіей, за это говоритъ и названіе одного изъ ея учителей обыкновеннымъ въ православныхъ низшихъ и среднихъ школахъ того времени словомъ „дьякъ“: „Тимоеей Анничъ, дьякъ школы русской Острозской“³⁾.

Острожская школа по своей программѣ и постановкѣ дѣла была *среднимъ училищемъ*, но никакъ не низшимъ, какъ доказывается тотъ же г. Лукьяновичъ вопреки большинству историковъ. Мы должны остановиться на опроверженіи и этого мнѣнія г. Лукьяновича и на обоснованіи своего положенія, причемъ намѣрены вести то и другое параллельно и въ порядкѣ аргументовъ г. Лукьяновича.

Послѣдній, прежде всего, пытается опровергнуть значеніе извѣстнаго свидѣтельства Поссевина. Онъ утверждаетъ, что выраженіе „питалась схизма“ не возвышаетъ острожской школы, ибо оно съ равнымъ правомъ могло быть примѣнено и къ тѣмъ современнымъ школамъ, о которыхъ писалъ Одерборнъ, такъ какъ программы ихъ, „будь она, какъ слѣдуетъ, выполняема, была бы вполне достаточна, чтобы сообщить питомцамъ стойкость въ вѣрѣ и умѣренное упорство въ истинности своихъ религиозныхъ убѣжденій и традицій“, и такимъ образомъ дать поводъ и ихъ считать питательницами схизмы⁴⁾. Но если острожскую школу нужно поставить на одну доску съ первоначальными, то почему Поссевинъ упомянулъ только о ней, да еще о слупцкой? Во вторыхъ, какъ могли программы низшихъ школъ давать ручательство въ православныхъ убѣжденіяхъ своихъ учениковъ, если въ нихъ, по словамъ самого Одерборна, не преподавался даже катихизисъ?

Далѣе г. Лукьяновичъ представляетъ въ пользу своего мнѣнія три положительныхъ свидѣтельства. Во первыхъ, онъ указываетъ на то, что

¹⁾ П. П. Л., III, 1073, 1115.

²⁾ Петръ Могилъ, прилож., стр. 180.

³⁾ Такъ подписался онъ самъ на евангеліи, пожертвованномъ имъ вмѣстѣ съ Ѳ. Н. Гарабурдой въ троицкую дерманскую церковь 6 мая 1584 г. (*Голубевъ*, Археологическая записка о памятникахъ старины, находящихся въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ волынской епархіи—Тр. кiev. д. акад., 1876, I, 626).

⁴⁾ Вол. еп. вѣд., 1881, 769. 770.

„Перестрога“ назвала острожскую школу просто „школой“, т. е. низшей. Но терминъ „школа“ совершенно безразличенъ по отношенію къ обозначенію училищъ низшихъ и среднихъ, почему, наприимѣръ, онъ одинаково прилагается и къ туровской школѣ, и къ луцкой братской, въ которой изучались и древніе языки и польскій ¹⁾). И львовская школа, которую „Перестрога“ будто-бы противопоставляетъ острожской, говоря о преподаваніи въ ней „вызволненныхъ наукъ“ ²⁾, на самомъ дѣлѣ не всегда такъ называется. При томъ же „школа“ въ рассказѣ „Перестроги“ объ острожскомъ училищѣ, судя по ходу изложенія, должна быть понимаема, какъ школьное званіе, а не какъ учрежденіе учебное. Тѣмъ менѣе можно настаивать на употребленномъ „Перестрогой“ терминѣ „школа“, какъ свидѣтельство въ пользу г. Лукьяновича, что здѣсь же авторъ „Перестроги“ ведетъ рѣчь объ опытныхъ дидакалахъ, людяхъ ученыхъ и о размноженіи наукъ вѣры православной: все это не приложимо къ первоначальной школѣ.

Что острожское училище было не низшимъ, за это говорить и сообщеніе „Перестроги“ о попыткѣ канцлера Яна Замойскаго пригласить извѣстнаго протосингела Никифора въ свою академію: „Гетманъ коронный Замойскій, основавшій у себя съ большими издержками коллегію, вида, въ какомъ уваженіи былъ протосингелъ у невѣрныхъ, и зная отъ него, что онъ по церковнымъ дѣламъ направляется въ Россію и хочетъ поселиться въ Острогѣ для преподаванія свободныхъ (вызволненныхъ) наукъ, обѣщаль Никифору выхлопотать у короля и Рѣчи Посполитой власть надъ всѣми духовными“ ³⁾). Силу этого доказательства г. Лукьяновичъ пытается ослабить такимъ соображеніемъ. Никифоръ, говоритъ онъ, могъ не знать, что за школа въ Острогѣ, и потому такъ выразился, а послѣ, когда побывалъ въ Острогѣ, уже говорилъ, что былъ тамъ „для науки детовъ“ ⁴⁾). Но если допустить, что эта разница въ выраженіи зависитъ не лично отъ автора „Перестроги“, то какъ можно предполагать, чтобы Никифоръ не зналъ, куда ѣдетъ? Онъ объ острожскомъ училищѣ слышалъ уже давно и уже давно отвѣчалъ князю на его приглашеніе преподавать въ его школѣ согласіемъ ⁵⁾). Наконецъ, г. Лукьяновичъ можетъ быть пораженъ имъ же собраннымъ оружіемъ. Ссылаясь на свидѣтельство Суши, онъ самъ замѣчаетъ, что оно даетъ право признать острожскую школу, по курсу преподаванія, высшей. Таковы же, по своему прямому смыслу, приводимыя имъ выраженія Нѣсецкаго и Гарасевича ⁶⁾.

¹⁾ Востокъ, 127 и П. К. К., I, № 9, § 4.

²⁾ А. З. Р., IV, стр. 206.

³⁾ А. З. Р., IV, стр. 213.

⁴⁾ Вол. еп. вѣд., 1881, 777, прим. 1.

⁵⁾ «Але протосингелъ маючи росказанье патриаршее на баченью и то, же тымъ убезпечилъ князя Острозскаго, ижъ и тую справу духовную отправати мѣлъ и дидакаломъ быти у Острогу обѣщаль еще отъ кильконаста лѣтъ, не хотѣлъ того учинити, и такъ отъ благословеннаго мѣстца и отъ православнаго князя индѣ перейти и тые науки своѣ выливати чужимъ не мзволмль» (А. З. Р., IV, стр. 213, 214).

⁶⁾ Вол. еп. вѣд., 1881, 772, 773.

Второй аргументъ, представляемый г. Лукьяновичемъ въ пользу того, что острожское училище было низшимъ, еще слабѣе, чѣмъ его соображенія по поводу свидѣтельствъ Поссевина и „Перестроги“. Онъ указываетъ на то, что получившіе здѣсь образованіе не ограничивались имъ. Такъ, Янушъ Острожскій былъ отправленъ въ нѣмецкія земли, Мелетій Смотрицкій въ виленскую іезуитскую академію, а послѣ въ заграничныя ¹⁾. Но неужели г. Лукьяновичъ сталъ бы доказывать на этомъ основаніи, что и виленская академія не была академіей, ибо ея воспитанники (тотъ же Смотрицкій, напр.) ѣздили по окончаніи ея въ заграничныя университеты. Въ тотъ вѣкъ богатая молодежь посѣщала по очереди чуть не всѣ европейскіе университеты, оставаясь въ нѣкоторыхъ изъ нихъ по нѣскольکو лѣтъ.

Большей сложностью отличается третье доказательство г. Лукьяновича, заключающееся въ сравненіи острожской школы съ львовской. Первая, полагаетъ г. Лукьяновичъ, по своей научной постановкѣ была ниже львовской, о чемъ будто бы свидѣлствуетъ письмо К. К. Острожскаго къ львовскому братству (1592), въ которомъ князь выражаетъ опасенія за православныя убѣжденія своего сына Александра, поселившагося въ Ярославль у своего тестя Яна Костки, католика. Изъ послѣдняго факта г. Лукьяновичъ дѣлаетъ такой выводъ. Если князь надѣется на львовское братство, что оно своими учителями укрѣпитъ его сына въ православіи, то, значитъ, въ львовской школѣ было болѣе опытныхъ учителей, чѣмъ въ Острогѣ, а это указываетъ на большую широту программы первой изъ нихъ. А если въ Острогѣ была „скудость учителей“, то не есть ли это прежде всего намекъ на то обстоятельство, что учителями до того времени состояли здѣсь южно-русссы, подготовлявшіеся на Востокъ, а это не служить-ли доказательствомъ, что школа острожская была низшей, если въ ней не нашлось человѣка для отправки въ Ярославль? Въ острожской школѣ, продолжаетъ г. Лукьяновичъ, не нашлось людей способныхъ къ изданію славянской грамматики, хотя вн. Острожскій, котораго, конечно, огорчилъ упрекъ Скарги православнымъ въ неимѣніи ея, и пытался сдѣлать это; и чего не могъ достигъ у себя—повліялъ, чтобы это было сдѣлано въ Львовѣ, гдѣ было болѣе способныхъ и научно-подготовленныхъ людей... Все это доказываетъ, что острожская школа была по своей программѣ и по составу преподавателей ниже львовской. А что, дѣйствительно, программа львовской школы была шире, видно и изъ того, что ученики ея болѣе знакомы съ греческимъ языкомъ и литературой, ибо они переводятъ съ греческаго патріаршія посланія. Въ острожской же академіи не было даже греческаго шрифта; не нерадѣніемъ князя нужно объяснить это, а тѣмъ, что въ Острогѣ въ немъ не было и нужды, здѣсь не было надобности въ греческихъ книгахъ, слѣдовательно, по нимъ не учились здѣсь ²⁾.

¹⁾ Вол. еп. вѣд., 1881, 813. 814. Мы уже видѣли, что Януша Острожскаго нельзя отнести къ числу воспитанниковъ острожской школы: въ годъ ея учрежденія ему было около 25 лѣтъ.

²⁾ Вол. епарх. вѣд., 1881, 814—818.

Но если и допустить, что программа львовской школы была шире и научная постановка лучше, чѣмъ въ острожской, то даетъ ли это право причислять послѣднюю къ низшимъ? Малѣйшее уклоненіе училища отъ типа средней школы къ лучшему развѣ можетъ служить доказательствомъ, что оно превратилось въ академію, и наоборотъ? Письмо князя Острожскаго отъ 1 декабря 1592 г. ¹⁾ можетъ говорить только о томъ, что къ этому году острожская школа по какимъ то причинамъ упала и ослабѣла учеными силами, о чемъ есть и другія свидѣтельства. Далѣе, если князь Острожскій не издалъ славянской грамматики, то не потому, что тутъ не было знающихъ людей, которые могли бы составить ее, а потому, что это не входило въ планы князя; и это подтверждается тѣмъ фактомъ, что и существовавшую въ Острогѣ рукописную славянскую грамматику князь не пытался напечатать, а передалъ ее въ Вильну по просьбѣ тамошнихъ жителей, которые и издали ее въ 1586 г. (о ней ниже). Наконецъ, если князь Острожскій, дѣйствительно, обратилъ вниманіе на слова Скарги, то почему г. Лукьяновичъ думаетъ, что грамматику долженъ былъ написать кто-нибудь изъ учителей школы? Почему бы кн. Острожскій не поручилъ этого дѣла кому либо изъ членовъ ученой академіи, организацію которой г. Лукьяновичъ такъ тщательнo изслѣдуетъ? По его же словамъ, въ составъ ея „входили представители всѣхъ отраслей тогдашней науки, — медицины, астрономіи, астрологіи, философіи, *филологіи*, богословія, проповѣдничества“ ²⁾.

Невѣрно, что въ Острогѣ не было греческаго шрифта. Письмо кн. Острожскаго, на которое ссылается г. Лукьяновичъ ³⁾, не подтверждаетъ его мысли. Если князь просилъ у львовскаго братства греческаго шрифта, то потому, „иже на тотъ часъ литеръ готовыхъ грецкихъ не имѣлъ“, т. е., очевидно, онѣ были набраны для другихъ книгъ, а тутъ непредвидѣнно потребовалось поскорѣе напечатать „Розмову блаж. Мелетія противу схизматикомъ и прочимъ сектаторомъ написаную“. Литеры князь просилъ только для этого и по напечатаніи Діалога общалъ отослать обратно. Подобнымъ образомъ кн. Острожскій просилъ львовянъ въ концѣ 1596 г. „дать ему на время греческихъ и славянскихъ литеръ для напечатанія книжки о бресткомъ соборѣ, ... общаясь отослать все назадъ въ цѣлости и съ благодарностью“ ⁴⁾. Если г. Лукьяновичъ указываетъ еще на то, что въ Острогѣ не была напечатана по гречески книга, о которой пишетъ п. Мелетій Пигасъ ⁵⁾, то это потому, что она

¹⁾ Текстъ письма напечатанъ у Максимовича (Собр. сочин., I, 190), въ Волин. губ. вѣдомостяхъ (1868, № 53), въ Monumenta Confraternitatis stauror. Leopold. (I, 257).

²⁾ Вол. епарх. вѣд., 1881, 862—864.

³⁾ А. З. Р., IV, № 148 (id. Временникъ института ставропигійскаго, 1867). Въ А. З. Р. письмо датировано 1600—1601 г. Но правильнѣе отнести его къ 1603 г., какъ сдѣлалъ Зубрицкій въ Лѣтописи львовскаго братства (Ж. М. Н. Пр., 1849, кн. 62, стр. 90). «Діалогъ» п. Мелетія вышелъ въ свѣтъ въ Острогѣ въ 1605 г.

⁴⁾ Письмо Юрія Рогатинца изъ Острога въ Львовъ, 1596 г. 9 дек. (Крыловскій А., Акты, № 58. Акты эти составляютъ приложеніе къ имѣющему выйти въ свѣтъ изслѣдованію г. Крыловскаго, посвященному исторіи львовскаго братства).

⁵⁾ *Малышевскій*, Мелетій Пигасъ, II, 77.

не была и переведена на греческій языкъ, а послѣднее должно быть объясняемо и обстоятельствами времени, и видами князя Острожскаго, а не отсутствіемъ въ школѣ людей, способныхъ переводить съ русскаго на греческій. Иначе можно утверждать, что такихъ людей не было и въ самой острожской „академіи наукъ“. Что греческій шрифтъ въ острожской типографіи былъ съ самаго начала, въ этомъ удостовѣряетъ насъ Библия 1581 г.: въ ней молитва къ Богу и начало сливающагося съ нею предисловія отъ лица князя Острожскаго напечатаны на греческомъ и славянскомъ языкахъ, какъ и заключительная молитва и послѣсловіе Іоанна Ѳеодорова, датированное 12 авг. 1581 г. Точно также и въ Н. Завѣтѣ 1580 г. есть греческая фраза ¹⁾.

Такимъ образомъ, соображенія Лукьяновича не выдерживаютъ критики и не доказываютъ того, что острожская школа была низшей. Нельзя думать, что среди тѣхъ многихъ ученыхъ, о которыхъ говоритъ Захарія Копыстенскій ²⁾, не было школьныхъ учителей; трудно допустить, чтобы князь Острожскій не воспользовался ихъ познаніями и усердіемъ для устройства приличной школы, если не академіи, и не сдѣлалъ у себя того, къ чему побуждалъ другихъ.

Правда, г. Лукьяновичъ не отрицаетъ въ князѣ Острожскомъ желанія „возвысить школу если не до уровня высшихъ заграничныхъ школъ, то среднихъ, имѣющихъ спеціальною цѣлью—подготовленіе способныхъ и опытныхъ служителей церкви и вѣры“. Князь пытался, по крайней мѣрѣ, ввести здѣсь классическіе языки, которые по Сушѣ и Стебельскому будто-бы и дѣйствительно здѣсь преподавались... Но „нѣкоторыя неблагопріятныя обстоятельства помѣшали осуществленію намѣренія князя“. Впервые подобное намѣреніе созрѣло у него въ то время, когда п. Іоакимъ далъ львовскому училищу свой новый (?) уставъ. Князь Острожскій, бывшій съ 1585 г. въ близкихъ отношеніяхъ съ львовскимъ братствомъ, не могъ-де не видѣть пользы отъ наукъ и задался самъ цѣлью возвысить свое училище. Къ фактамъ таковаго рода г. Лукьяновичъ относитъ слѣдующіе. Около 1587 г. секретарь папскаго нунція въ Польшѣ, кардинала Боленетто, писалъ, что кн. Острожскій просилъ папу прислать ему значительное число священниковъ (карѣпаповъ) для семинаріи, которую онъ началъ закладывать въ своемъ имѣніи. Такъ какъ, комментируетъ это свидѣтельство г. Лукьяновичъ, школа въ Острогѣ въ это время уже несомнѣнно существовала, то выраженіе

---

¹⁾ «Δόξα τῷ συντάζοντι ἀπαντὶ ἀρετῇ» (*Строевъ*, обстоятельное описаніе старопечатныхъ книгъ.. гр. Ѳ. А. Толстова, 1829 г., № 21).

²⁾ «Найдовалися на дворѣ его (кн. Острожскаго) и мовцы оному Демосеенесови ровнии, и Сафанове и иные различни любу мудрци. Найдовалися и докторове славнии, въ Греческомъ, Славенскомъ и Латинскомъ языкахъ выщѣчонни. Найдовалися и математикове и астрологове превыборнии, межи которыми овъ презацнии маематикѣ, философъ и астрологъ, Янъ Лятось (краковскій профессор), который календаръ новый славне зганилъ, и перомъ доводне презъ другъ показалъ, же есть омыльный». «Церкви и дворъ того княжати—полнии (были) православныхъ учителей евангельскихъ и апостолскихъ, полнии и богослововъ истинныхъ... знающихъ богословію и вѣру правую» (Палинодія, П. Ш. Л., 1, 1136, 1137).

„началь завладывать“ обозначает не моментъ основанія школы, а преобразование ея по образцу заграничныхъ, возведеніе ея на степень католическихъ семинарій, среднихъ духовныхъ училищъ ¹⁾. Фактъ, о которомъ рассказываетъ Спанноки (секретарь нунція Боленетто) ²⁾, произошелъ въ 1583 г., когда князь Острожскій замыслилъ соединеніе русской церкви съ римской. Безъ сомнѣнія, на него оказали уже вліяніе въ этомъ направленіи Скарга, посвятившій ему первое изданіе своей книги „O jedności“ (1577), и великій дипломатъ Антоній Поссевинъ, черезъ котораго князь и началъ переговоры съ папой Григоріемъ XIII ³⁾. Князю Константину казалось, что сближеніе православной церкви съ римской должно начаться съ примиренія богословскихъ разностей, слѣдовательно, путь къ нему шелъ чрезъ школу. И вотъ князь задумалъ пригласить въ свое училище преподавателей изъ Рима,—католиковъ греческаго обряда, о чемъ 20 марта 1583 г. доносилъ туда Боленетто со словъ, кажется, кн. Януша Острожскаго ⁴⁾. 8-го же іюля и самъ князь Константинъ, послѣ встрѣчи въ Краковѣ съ папскимъ нунціемъ, обратился къ Григорію XIII съ посланіемъ, въ которомъ, поблагодаривши папу за присылку черезъ Діонисія Палеолога Библии, просилъ прислать для острожской коллегіи ученыхъ и испытанныхъ людей—грековъ и греческой вѣры, которые бы могли переводить греческія книги на славянскій языкъ или, если это окажется невозможнымъ,—на латинскій ⁵⁾. Папа въ своемъ отвѣтномъ посланіи (3 сент. 1583 г.) „весьма охотно“ обѣщалъ князю прислать для коллегіи ученыхъ грековъ и все, что покажется необходимымъ ⁶⁾. Отсюда видно, что пользоваться сообщеніемъ Спанноки г. Лукьяновичъ не имѣлъ права: рѣчь шла совсѣмъ не о преобразованіи низшей острожской школы въ среднюю, а о томъ, чтобы острожской коллегіи, т. е. среднему учебному заведенію, дать латинскую завяску... Другую попытку преобразования нашъ авторъ видитъ въ сношеніяхъ кн. Острожскаго съ восточными патриархами, слѣдствіемъ чего и было прибытіе въ Острогъ ученыхъ грековъ Кирилла и Никифора въ качествѣ помощниковъ и руководителей князя въ школьномъ дѣлѣ ⁷⁾. Но въ такомъ случаѣ г. Лукьяновичу нужно согласиться съ тѣмъ, что попытка князя, дѣйствительно, удалась, и признать острожскую школу средней.

Кромѣ отрицательныхъ по отношенію къ доказательствамъ г. Лукьяновича соображеній, можемъ привести нѣсколько положительныхъ сви-

¹⁾ Вол. епарх. вѣд., 1881, стр. 775, 818, 819.

²⁾ Relacje nuncjuszów apostolskich, I, 459. 460.

³⁾ Рѣчь королевскихъ пословъ на соборѣ 1596 г. (П. П. Л., III, 195—198). *Likowski*, *Unia brzeska*, Poznań, 1896, str. 60, uw. 1. Къ этому времени, должно быть, относятся и переговоры К. К. Острожскаго объ униі съ Стефаномъ Баторіемъ, о которыхъ вспоминаетъ авторъ *Antyrrexisa* (П. П. Л., III, 589).

⁴⁾ *Likowski*, 61, прим.; 223.

⁵⁾ *Theiner*, *Annales ecclesiastici*, III, № 41, p. 431.

⁶⁾ *Ibid.*, № 43.

⁷⁾ Вол. епарх. вѣд., 1881, 820.

дѣтельствъ и доводовъ въ пользу того, что острожское училище съ самаго начала было выше, чѣмъ школы, существовавшія на Руси до него.

5 мая 1581 г. изъ острожской типографіи вышла „Хронологія Римши“, небольшое (2 стр.) стихотворное, расположенное по мѣсяцамъ изложеніе нѣкоторыхъ событій библейской исторіи ¹⁾. Острожская типографія была заведена, какъ соглашается и г. Лукьяновичъ, для высшихъ интересовъ православія,—для изданія богослужебныхъ и богословско-полемическихъ книгъ. Но какое значеніе могло бы имѣть это небольшое „писаніе Андрея Римши“, не имѣющее ни богослужебнаго, ни догматическаго, ни нравственнаго содержанія?²⁾ Думаемъ, что оно—ученическое произведеніе и есть первый плодъ острожской школы. Даже если считать его, судя по послѣднему стиху и нѣкоторому знакомству автора съ еврейскимъ языкомъ, произведеніемъ учителя, оно во всякомъ случаѣ сохраняетъ характеръ школьной работы, а не ученой. Но такая работа возможна ли въ элементарномъ училищѣ?—Въ 1588 г. еп. владимирскій Ѳедосій Лазовскій порѣшилъ вмѣстѣ съ капитулой, „за напоменьемъ вельможнаго пана Костентина княжати Острожскаго“, ремонтировать и благоустроить соборную церковь. „При той же церкви и замочку, говорится далѣе въ ихъ письменномъ обязательствѣ, хотимъ науку детокомъ малыхъ, для чого, абы ховано два бакалары, такихъ жебы одень учили погречку, а другий пословенску; а на школу детемъ до науки, поступили есмо избу мурованую въ замочку, и другую избу деревеную бакаларомъ до мешкяна“ ³⁾. Трудно допустить, чтобы кн. Острожскій проявлялъ такую заботу о школьномъ образованіи во Владимирѣ, не устроивши того же въ Острогѣ. Скорѣе можно думать, что и самая возможность найти для новой школы „людей научныхъ“ и, въ частности, „бакалара“ для греческаго языка обусловливалась тѣмъ, что острожское училище уже успѣло подготовить такихъ людей. Что съ самаго основанія острожскаго училища здѣсь преподавались греческій языкъ и высшія науки, это видно и изъ Житія Іова Княгиницкаго, который учился въ немъ въ зрѣлыхъ лѣтахъ и несомнѣнно отсюда вышелъ съ знаніемъ этого языка ⁴⁾.

---

¹⁾ Вотъ подлинное оглавленіе этого произведенія: «Которогося мѣсяца што за старыхъ вековъ дѣло короткое описаніе».

Что это за «описаніе», видно изъ слѣдующаго четверостишія:

Мѣсяца сентебра по гебренску (по еврейски) елюль
Просто вресень.
Двадцать четвертаго дня мѣсяца сеньтебра
Доробленъ еросалимъ сталась речъ добра.
(Экземпляръ Имп. публ. бібліотеки).

²⁾ Едва ли послѣдняя строфа: «Въ томъ месецы (августѣ) ааронъ умер бжій ерей Того собѣ наприклад ты попе завжды мей»—можетъ выражать общій характеръ стихотворенія, какъ религіозно-назидательный.

³⁾ Арх. Ю.-З. Р., I, I, № 55.

⁴⁾ Зоря Галацкая яко альбумъ, 1860, 228. 230. 249. Авторъ «Житія» Игнатій, младшій современникъ Іова, не опредѣляетъ, когда и чему именно учился онъ въ Острогѣ, но даетъ драгоцѣнныя косвенныя указанія. Іовъ послѣ домашняго воспитанія «вданъ бысть въ наученіе книгамъ», потомъ учился въ уневскомъ монастырѣ, откуда и «устре-

Преподавался онъ и послѣ, почему школа вообще называлась греческой. Такъ, въ одномъ острожскомъ изданіи есть помѣта: „писанъ у Острогу, у школъ Кгрецкой Острозской“¹⁾.—Здѣсь преподавался и латинскій языкъ. Между 1628 и 1633 гг. появился памфлетъ (въ формѣ богослужебныхъ пѣсень) на Мелетія Смотрицкаго, около этого времени перешедшаго въ унию. Въ концѣ его помѣщенъ „синаксарь“, въ которомъ идетъ рѣчь о первыхъ годахъ жизни М. Смотрицкаго. Сказавши нѣсколько словъ о Герасимѣ Смотрицкомъ, авторъ памфлета продолжаетъ: „сей имяше сына именовъ Мексентія или Максима во благочестіи и наказаніи книжномъ и граматичномъ славенски, гречески и латински воспитанна, иже и града Вилна достигъ въ тамошней академіи езуитской латинскую философію учия наверхалъ“²⁾. Безъ знанія, хотя и несовершеннаго, латинскаго языка Мелетій Смотрицкій не могъ бы и поступить въ виленскую академію; необходимо допустить, что этотъ языкъ онъ изучилъ уже въ Острогѣ, о чемъ и говоритъ памятникъ. Но если бы кто вздумалъ ссылаться на свидѣтельство Суши, что Эразмъ (Герасимъ) Смотрицкій отдалъ двухъ своихъ сыновей для воспитанія и обученія Кириллу Лукарису, у котораго Мелетій Смотрицкій и могъ частнымъ образомъ изучить древніе языки, то противъ этого говоритъ сообщеніе того же Суши о томъ, что кн. Острожскій, ревнуя объ утвержденіи русской схизмы, въ Острогѣ воздвигъ училище не только славянскихъ, но и греческихъ и латинскихъ наукъ, и ректоромъ этой „гимназіи“ назначилъ Герасима Смотрицкаго³⁾. Свидѣтельство Суши здѣсь такъ ясно и рѣшительно, что одно можетъ опровергнуть и это предположеніе и всю гипотезу г. Лукьяновича. Не даромъ же самъ Смотрицкій выдѣляетъ острожское училище изъ ряда другихъ, ставя его наравнѣ съ львовскимъ и виленскимъ, которыя, безъ сомнѣнія, принадлежали къ числу среднихъ⁴⁾. Наконецъ, доказательствомъ того, что острожская школа была не низшей, что въ ней преподавались и свободныя науки, служитъ поэма Пе(н)кальскаго „De bello Ostrogiano (1600). Пенкальскій, сказавши о процвѣтаніи

мился къ богоспасаемому граду Острогу, до совершеннѣйшихъ наукъ». Это могло быть до 20-хъ годовъ XVI ст., ибо онъ «списа и псалтырь князю младому Александру», который въ 1592 г. уже женился. Вѣроятно даже, что и до 1586 г., когда было устроено львовское училище: иначе Іовъ искалъ бы въ немъ «совершеннѣйшихъ наукъ». Во всякомъ случаѣ, Іову шель тогда четвертый десятокъ лѣтъ (Іовъ скончался въ 1621 году, имѣя около 70 лѣтъ отъ роду; стр. 250). Быть можетъ, немного позже его учился въ Острогѣ запорожскій гетманъ Петръ Конашевичъ Сагайдачный (Вирши Кассіана Саковича на смерть Сагайдачнаго—у Голубева С. Т., Исторія кiev. дух. акад. прил., стр. 29), умершій въ 1622 г. и предъ смертію завѣщавшій львовскому братству полторы тысячи злотыхъ съ тѣмъ, чтобы проценты съ нихъ (150 зл.) шли «на выхованье ученого майстра, въ греческомъ языкѣ бѣглого» (Максимовичъ, Собраніе сочиненій, I, 377 и слѣд.).

¹⁾ П. П. Л., III, 381.

²⁾ Киев. епарх. вѣд., 1875 г., стр. 564.

³⁾ Ostrogiae.. non slavonicae duntaxat linguae, sed Graecarum juxta, atque Latinarum artium erexit palaestram (Saulus et Paulus, 15. 16) Въ другомъ мѣстѣ Суша называетъ острожскую школу гимназіей (р. 15. 87).

⁴⁾ Paraenesis, 32.

острожской библиотеки и типографіи, говорить о музахъ, поселившихся въ Острогѣ, объ Аполлонѣ, который, оставивъ возлюбленный Делосъ, переселился сюда вслѣдъ за музами, о храмѣ его, наполняемомъ все новыми поколѣніями юношей, которыхъ онъ имѣетъ вѣнчать вѣчно зеленѣющими лаврами, растущими на новомъ Геликонѣ... Странно было бы даже для поэта усвоить Острогу значеніе новаго Геликона, если бы въ немъ была только первоначальная школа, и нужно допустить, что тутъ было училище среднее, гимназія, въ которой преподавались и свободныя искусства. И, дѣйствительно, Пенкальскій называетъ острожское училище „трязычной гимназіей“, а нѣсколько ниже предлагаетъ Волыни радоваться: „Острожскій домъ даетъ тебѣ трязычный лицей (trilingue Lycæam). Прими начатки, быть можетъ послѣдуетъ большее: не презирай ученыхъ богинь, не отвергай музъ, ибо нѣтъ ничего славнѣе благородныхъ искусствъ“ (Artibus ingenuis, nil est praeclaris unquam)¹⁾. Какіе это были языки, не указано, но можно думать, что это были славянскій, греческій и латинскій, которые называются Сушей и позднѣйшими уніатами. Когда въ XVIII ст. возникъ процессъ между епископомъ могилевскимъ Георгіемъ Конисскимъ и полоцкимъ уніатскимъ архіепископомъ Смогоржевскимъ, уніатская сторона, коснувшись личности кн. К. К. Острожскаго, заявляла, что онъ, склонявшійся прежде къ уніи, послѣ брестскаго собора, пламенѣя въ ненависти къ апостольскому престолу, заложилъ въ Острогѣ для поддержки православія публичныя школы славянскаго, греческаго и латинскаго языковъ, пригласилъ кальвинистовъ, лютеранъ и арианъ магистрами и ректоромъ ихъ поставилъ великаго и почтеннаго челоуѣка Герасима Смотрицкаго²⁾.

При всемъ томъ мы не рѣшаемся указывать въ подробностяхъ ни программы преподаванія, ни распредѣленія занятій, ни школьных порядковъ: не сохранилось ни одного памятника въ родѣ уставовъ братскихъ школъ, относящагося къ острожскому училищу. Изображать же устройство его и внутреннюю жизнь на основаніи „Порядковъ“ братскихъ школъ, руководясь соображеніемъ, что острожское училище послужило образцомъ для послѣднихъ и что за единство ихъ уставовъ ручается единство руководителей-грековъ и въ частности п. Кирилла Лукариса³⁾, — мы не можемъ, въ виду того, что нѣтъ данныхъ для установленія факта вліянія острожской школы на братскія и для опредѣленія сравнительной степени участія грековъ въ устройствѣ той или другихъ школъ. Но нельзя отрицать сходства острожскаго училища съ соотвѣтствующими греческими уже въ силу обстоятельствъ его происхожденія. Отвращаясь отъ католиковъ и протестантовъ съ ихъ губительной

¹⁾ De Bello Ostrogiano ad Pianctos cum Nisoviis, libri IV. A Simone Pecalidis artium Baccalaureo conscripti. Cracoviae, 1600, стр. 10 и 25 (ненумер.).

²⁾ Арх. гр.-ун. митр., кн. V, № 346. Uwaga 3, f. 19 ав. (ненумер.)

³⁾ Прав. собес., 1858, I, 536. 537. Проф. Петровъ, — Тр. кiev. дух. акад., 1867, I, 183. Архим. Арсеній аргументируетъ эту мысль тѣмъ, что уставъ лудкой школы былъ данъ будто-бы п. Кирилломъ Лукарисомъ, который, безъ сомнѣнія, изложилъ въ немъ те самыя правила, какія проводилъ во время своего ректорства въ Острогѣ (П. Кириллъ Лукарисъ, 76; Соколовъ, Отнош. протест. къ Россіи, 42). Все это невѣрно, какъ увидимъ ниже.

для православія наукой, кн. Острожскій, какъ нѣсколько позже братства, долженъ былъ искать просвѣщенія на противоположной сторонѣ, откуда Русь познакомилась и съ самимъ православіемъ,—на Востокѣ. И, дѣйствительно, первыми учителями и руководителями острожской школы были „греческіе дидаскалы“ (*διδασκαλοι*), за которыми князь посылалъ въ патриарху, уже устроивши училище ¹⁾. Помимо пріѣзжихъ грековъ кн. Острожскій могъ имѣть учителей изъ грековъ, жившихъ въ Острогѣ и населявшихъ тамъ цѣлую улицу ²⁾. „Не новина отъ часовъ давныхъ бывати грекомъ у Острогу“, замѣчаетъ авторъ Перестроги ³⁾.

Въ литературѣ нашей высказана и поддерживается мысль, что для князя Острожскаго при устройствѣ имъ своей школы образцами служили иновѣрные коллеги. Такъ, проф. Петровъ категорически заявляетъ: „Школа (острожская), безъ сомнѣнія, основана по примѣру арианскихъ (т. е. соцініанскихъ) и католическо-іезуитскихъ и въ противодѣйствіе имъ“ ⁴⁾. Другіе изслѣдователи увѣряютъ насъ, что образцомъ для западнорусскихъ школъ вообще и для острожской въ частности послужили школы протестантскія. И. Соколовъ, а за нимъ г. Ильинскій доказываютъ эту мысль тѣмъ, что въ эпоху учрежденія православными своихъ школъ въ зап. Россіи достигли таковаго расцвѣта протестантскія школы, что онѣ поневолѣ должны были повліять на внутреннее устройство нашихъ учебныхъ заведеній, особенно при тѣхъ хорошихъ отношеніяхъ, какія существовали тогда между протестантами и православными. Даже сами греки, учившіе въ Острогѣ, могли быть проводниками протестантскаго педагогическаго вліянія, такъ какъ они были воспитанниками германскихъ университетовъ. Въ такомъ предположеніи утверждаетъ нашихъ изслѣдователей то полное сходство, какое они находятъ въ устройствѣ протестантскихъ гимназій и острожской школы. Курсъ наукъ, методы преподаванія, классная дисциплина и вообще весь педагогическій строй и даже религіозно-нравственный бытъ острожскаго училища—все это замѣчательно близко подходитъ къ устройству и духу реформатскихъ гимназій ⁵⁾.

---

¹⁾ А. З. Р., IV, 205. 206.

²⁾ *Перлштейнъ*, Описаніе г. Острога (Чт. въ моск. общ. ист. и древн. рос., 1847, № 4, отд. IV, 138).

³⁾ А. З. Р., IV, 216.—Изъ грековъ, учившихъ въ Острогѣ или имѣвшихъ близкое отношеніе къ училищу, извѣстны: Кириллъ Лукарисъ, Пикифоръ, Москопулъ, Палеологъ (*Likowski, Unia brzeska*, 223. 224). Можетъ быть, нѣкоторое значеніе имѣлъ здѣсь и желтинскій епископъ Феофанъ, которому Баторій «подаль» жидичинскій монастырь (Арх. Ю.-З. Р., I, 1, №№ 25 и слѣд.).

⁴⁾ *Батюшковъ*, Волны, 139.

⁵⁾ *Соколовъ*, о. с., 425—427. *Ильинскій*, Вол. еп. вѣд., 1891 г., 820—821 (Юго-западно-русское общество и его умственное и религіозно-нравственное состояніе въ XVI и первой половинѣ XVII в.), и 1893 г., 966—967 (Большой Катихизисъ Лаврентія Зиванія, какъ учено-литературное произведеніе).

Но если намъ болѣе или менѣе извѣстны уставы протестантскихъ школъ XVI ст., то этого нельзя сказать объ острожской школѣ, такъ что сравнивать ихъ никакъ не приходится. Можно только предполагать, что устройство иновѣрныхъ гимназій слегка отразилось на острожской школѣ, да и то не съ самаго начала ея существованія, когда Константинъ Константиновичъ находился подъ вліяніемъ руководителей-грековъ, которые естественно должны были дать всей жизни новаго училища—и внѣшней и внутренней—православно-греческій характеръ, а впоследствии, когда князь открылъ ее дѣйствию просвѣтительныхъ вліяній, шедшихъ съ Запада. Уже было сказано о попыткѣ князя Острожскаго пригласить въ руководители острожскаго училища римскихъ педагоговъ, воспитанниковъ аеанасіевской коллегии. Хотя попытка эта не удалась—отчасти потому, что никто изъ римскихъ богослововъ не рѣшился ѣхать въ Острогъ, отчасти же по той причинѣ, что одинъ изъ близкихъ къ князю людей, нѣкій грекъ Москопулъ, возбудилъ въ немъ нерасположеніе къ св. отцу, къ Риму и къ латинянамъ вообще,—однако изъ исторіи ея, какъ она передается о Ликовскимъ, видно, что католическое вліяніе при дворѣ кн. Острожскаго было довольно сильно. Въ то время при немъ въ качествѣ домашняго человѣка и главнаго совѣтника по дѣламъ церковнымъ былъ грекъ—монахъ Палеологъ, хорошо расположенный къ католической церкви и внушившій К. Острожскому мысль призвать іезуитовъ въ острожскую школу. Правда, онъ скоро оставилъ дворъ кн. Острожскаго, по интригамъ Москопула, но и послѣдній не былъ совершенно чуждъ латинской наукѣ: самъ онъ учился въ Римѣ ¹⁾). Предположеніе же о вліяніи на острожскую школу протестантскихъ началъ получаетъ силу въ виду слѣдующаго. Извѣстно уже, съ какимъ сочувствіемъ относился кн. Острожскій къ просвѣтительной дѣятельности протестантовъ; нѣкоторымъ изъ нихъ онъ давалъ даже порученіе писать полемическія противо-латинскія сочиненія. Возможно, что кто нибудь изъ нихъ и преподавалъ въ его школѣ, какъ то и утверждали латино-униаты ²⁾). Во всякомъ случаѣ вліяніе иновѣрныхъ педагоговъ, если они принимали участіе въ жизни и судьбѣ острожскаго училища, должно было сказаться только въ расширеніи его учебной программы въ пользу свѣтскихъ наукъ, съ сообщеніемъ имъ латинскаго характера; внутренняго же строя его, его православнаго духа и направленія оно едва ли коснулось.

Исторія острожской школы на основаніи неполныхъ историческихъ данныхъ рисуется въ такомъ видѣ. Открыта она была въ концѣ 70-хъ годовъ XVI ст. Такъ какъ она была первой православной шко-

---

¹⁾ *Likowski*, *Unia brzeska*, 61, 223. 224. Палеологъ—не Діонисій ли, чрезъ котораго папа прислалъ кн. Острожскому Библию?

²⁾ Архивъ б. греко-униат. митрополитовъ, кн. V, № 346, увага 3, ф. 19. *Pelesz*, *Geschichte der Union der ruthenischen Kirche mit Rom*, II, 461. Ср. вышеприведенное свидѣтельство униата Дубовича о нѣкоторыхъ знатныхъ панахъ, которые жертвовали большія деньги, чтобы поднять образованіе среди русскаго народа, для чего приглашали въ свои школы учителей изъ нѣмецкихъ коллегій (*Hierarchia*, 1644, str. 194).

лой, способной удовлетворить уже назрѣвшую въ русскомъ народѣ потребность въ просвѣщеніи, то въ нее направилось многочисленное русское юношество, какъ изъ дворянъ, такъ и изъ престопадаря¹⁾. На первыхъ же порахъ она дала добрыя плоды и настолько успѣшно начала осуществлять свою задачу — „размноженіе наукъ вѣры православной“, что уже въ 1581 г. стала извѣстна съ этой стороны Антонію Поссевиу. Намъ думается, что въ связь съ этими внутренними и внѣшними успѣхами острожской школы нужно поставить извѣстіе, извлеченное изъ документовъ лудскаго архива, именно, что кн. Острожскій построилъ въ 1582 г. въ Острогѣ монастырь св. Троицы, завелъ при немъ госпиталь, училище и типографію и въ 1585 г. далъ въ фондущѣ м. Суражъ, с. Туровъ, Оносковичи, Ходаки, Зѣньки, Изерно и Тетеревъ²⁾. Но такъ какъ училище и типографія существовали, безъ сомнѣнія, и до этого, то данное сообщеніе нужно понимать такъ, что въ троицкій монастырь они были переведены изъ старыхъ своихъ помѣщеній, вслѣдствіе тѣсноты послѣднихъ. вмѣстѣ съ тѣмъ, можно думать, связь школы съ монастыремъ отразилась на всемъ внѣшнемъ строѣ ея.

Въ первые десять лѣтъ своей ученой и учебной дѣятельности острожскій кружокъ издателей и педагоговъ развилъ свою дѣятельность до того, что предсѣдатель его Герасимъ Смогрицкій уже могъ (конечно не *de jure*) назвать острожскую школу академіей, быть можетъ, уже мечтая, вопреки увѣреніямъ Сварги, о возможности устройства славянской академіи³⁾. Къ этому то времени, вѣроятно, относится и свидѣтельство „Перестроги“: „зачимъ православіе наше почало было просіявати яко солнце; люди учоныя почали были въ церкви Божіей показоватися, учителя и строители церкви Божіей и книги друкованые почали множитися: що бачучи (что видя) св. патріархъ, тымъ частѣй призирати почалъ и дидакалы мудрыми обсыладъ“⁴⁾. А что оно должно быть отнесено къ концу 80-хъ годовъ и что этотъ умственный подъемъ обязанъ кн. Острожскому, доказательствомъ этого и иллюстраціей къ нему можетъ служить цитованный уще документъ — письменное обязательство владимирскаго епископа съ капитулой, датированное 25 іюля 1588 г.⁵⁾

Но высшій расцвѣтъ острожскаго училища былъ и началомъ его паденія. Въ началѣ 90-хъ годовъ оно замѣтно ослабѣло научными силами и средствами. Составъ его преподавателей, восполнявшійся обыкновенно греческими дидакалами, сильно сократился, и уже 1 декабря

¹⁾ *Suzza*, o. et l. c.

²⁾ *Свящ. Сандульскій*, С. Суражъ кременец. уѣзда (Вол. еп. вѣд., 1873, 664). *Н. Теодоровичъ*, Описаніе волынской епархіи, II, 665. 666.

³⁾ «У nie było jeszcze na świecie, писалъ Сварга въ 1577 г., ani będzie żadney akademiey, ani kollegium, gdzie by theologia, philozophia y inne wyzwolone nauki inszym (т. е., не латинскимъ и греческимъ) wię językiem uczęy y rozumieć mogli» (П. П. Л., II, 485).

⁴⁾ А. З. Р., IV, стр. 206.

⁵⁾ *Арх. Ю.-З. Р.*, I, I, № 55.

1592 г. вн. Острожскій въ письмѣ къ львовскому братству жаловался на недостатокъ учителей и великій умственный голодь. Въ то же время (1593 г.) онъ въ письмѣ къ владимирскому епископу Ип. Потѣю высказывалъ жалобы на то, что „устали учителя, устали проповедачи слова Божого, устали науки, устали казанья“. Подъ вліяніемъ этой, между прочимъ, мысли онъ готовъ былъ даже присоединиться къ обнаружившемуся тогда намѣренію епископовъ подчиниться папѣ. Въ числѣ посланныхъ имъ Потѣю условій соединенія съ Римомъ онъ поставилъ оставленіе за русскими права (и обязанности) „закладанья школъ и наукъ вольныхъ. а звлача (особенно), для двиченья (образованія) духовныхъ... же быхмо (чтобы мы) мѣли учоные презвитеры и казнодѣи (проповѣдниковъ) добрые: бо за тымъ, ижъ наукъ нѣтъ, великое грубіанство въ нашихъ духовныхъ умножилось“ ¹⁾. Скоро онъ увидѣлъ тщетность этой надежды и опять сталъ искать на Востокъ средствъ къ упорядоченію церковной жизни и къ развитію просвѣщенія. Въ это время (въ 1595-6 гг.) въ Валахіи находился протосингелъ патриаршаго престола Никифоръ, „мужъ исполненный всякой науки, въ богословіи духовной и внѣшней бѣглый“ ²⁾. Кн. Острожскій, еще раньше приглашавшій его въ свою школу ³⁾, теперь вновь написалъ ему посланіе о тѣхъ тяжелыхъ обстоятельствахъ, въ какихъ находилась тогда русская церковь, о проискахъ іезуитовъ и просилъ его прійти на помощь православнымъ ⁴⁾. Никифоръ въ этотъ разъ прибылъ въ западную Россію (въ срединѣ 1596 г.), но чрезъ годъ польскимъ правительствомъ былъ посаженъ въ маріенбургскій замокъ, гдѣ и умеръ. Недолго занимался въ Острогѣ и другой ученый грекъ Кириллъ Лукарисъ, прибывшій сюда около 1594 г. и принужденный послѣ формальнаго провозглашенія уніи удалиться изъ предѣловъ польскаго государства.

Острожской школѣ грозило совершенное паденіе. Въ это то время въ судьбахъ зап.-русской церкви и русскаго просвѣщенія принялъ участіе александрійскій патриархъ Мелетій Пигасъ. Ему было извѣстно, что западнорусское духовенство почти лишено средствъ получать образованіе, а Кириллъ Лукарисъ могъ сообщить ему также и о томъ жалкомъ положеніи, въ какомъ оказалась острожская школа. Патриархъ шлетъ (1597 г.) нѣсколько посланій на Русь, въ которыхъ убѣждаетъ завести епархіальныя училища, главнымъ образомъ для образованія духовенства. Кн. Острожскаго Мелетій просилъ прибавить ко всѣмъ трудамъ своимъ на пользу истины и устройство школы, этой наилучшей ограды благочестія; точно также онъ внушалъ казначею К. К. Острожскаго напоминать князю объ устроеніи училища и типографіи ⁵⁾. Не-

¹⁾ П. П. Л., III, 583. 587 (id. А. З. Р., IV, № 45).

²⁾ А. Ю. и З. Р., I, № 210 (Monum. confrat., I, 256).

³⁾ А. З. Р., IV, 213; Странникъ, 1860, V, 199, прим. 3.

⁴⁾ Bibliographie Hellénique s. 17, t. IV, № 51.

⁵⁾ *Малышевскій*, Мелетій Пигасъ, II, №№ 18, 22, 23. П. Мелетію, конечно, было извѣстно, что въ Острогѣ существуетъ училище, и онъ поэтому говоритъ не объ устройствѣ новаго, а о благоустройствѣ упавшаго стараго. Не правъ потому г. Лукьяновичъ,

известно въ точности, какъ отозвался кн. Острожскій на убѣжденія п. Мелетія. Можно догадываться, что, выполняя его именно мысль объ организаціи училища, какъ „ограды благочестія“, кн. Острожскій въ 1602 г. перенесъ центръ тяжести просвѣтительной дѣятельности въ духъ православія въ Дермань. Въ Дермани еще до того существовалъ монастырь, въ которомъ ученые монахи занимались переводами ¹⁾, но теперь князь реорганизовалъ его специально для поддержанія вѣры, для преподаванія и развитія наукъ. Монастырь этотъ, по мысли князя, долженъ быть теперь своего рода училищнымъ монастыремъ: въ него могли поступать только тѣ, кто захотѣлъ бы подчиняться уставу, основнымъ требованіемъ котораго была забота о просвѣщеніи и наукѣ; способные обязывались учиться письменамъ славянскимъ, латинскимъ и греческимъ у лицъ восточнаго исповѣданія ²⁾. вмѣстѣ съ тѣмъ князь завелъ здѣсь и типографію, начальникомъ которой былъ поставленъ пресвитеръ Даміанъ.

Но князь Острожскій не оставлялъ при этомъ мысли объ улучшеніи и острожскаго училища. Къ этому именно времени относится его попытка преобразовать свое училище въ академію, причемъ выстроено было для послѣдней даже особое зданіе ³⁾. Желая поставить ее на твердую почву православія, съ которой ее не могли бы свести профессора иновѣрцы, князь Острожскій опять обратился за учителями въ Грецію. Объ этомъ стало известно даже въ Римѣ. Находившійся тогда въ Римѣ І. В. Рутскій успѣшилъ увѣдомить объ этомъ намѣреніи князя Ник. Хр. Радивилла (15 февр. 1603 г.). Проектъ К. К. Острожскаго былъ такъ широкъ и грандіозенъ, что въ будущую академію его стали стремиться юноши даже изъ римской аеанасіевской коллегіи, въ которой, по словамъ Рутскаго, была сосредоточена вся греческая наука. Но, быть можетъ, потому именно, что въ Греціи, по его выраженію, со

увѣряющій, что патріархъ требовалъ преобразованія низшей острожской школы въ среднюю съ классическими языками и другими науками (Вол. еп. вѣд., 1881, 823): они преподавались здѣсь и ранѣе.

¹⁾ Такъ, здѣсь въ 1599 г. переведена была съ греческаго на славянскій языкъ «Щела или собраніе стиховъ отъ богодухновеннаго писанія и вишнихъ учителей» (Рук. Киево-печерской лаврской бібліотеки, № 58).

²⁾ Разумеется, въ устроеніи дерманскаго училищнаго монастыря можно видѣть вліяніе и того соображенія князя, что ему нельзя полагаться на окатоличившихся или близкихъ къ тому синовей, что ни они, ни ученые разновѣрцы — члены острожскаго ученаго кружка не могутъ гарантировать православнаго характера острожскихъ просвѣтительныхъ учреждений (Вол. еп. вѣд., 1881, 824, 825). Быть можетъ также, что князь хотѣлъ сдѣлать дерманскій монастырь разсадникомъ образованія блага духовенства, о чемъ онъ думалъ еще въ 1593 г. (А. З. Р., IV, № 45). Братскія же школы не вполне удовлетворяли потребностямъ въ образованныхъ священникахъ, что видно изъ жалобъ І. Вышенскаго на отчужденіе братскихъ воспитанниковъ отъ церкви (П. К. К., IV, стр. 38).

³⁾ О немъ находится упоминаніе въ «Инвентарѣ имѣній кн. Острожскаго», составленномъ въ 1620 г.: «Tamże akademia, szkoła, drukarnia, i unsze budowania kollegiackie polskie i ruskie» (Кіев. стар., 1883, III, 343, прим.).

свѣчей трудно было найти ученаго человѣка ¹⁾, проектъ князя не былъ, кажется, осуществленъ, а наступившая скоро послѣ того смерть его нанесла новый и болѣе рѣшительный ударъ „острожскому Геликону“. Правда, виленское братство въ посвященіи изданнаго имъ въ 1608 г. сочиненія: „*Αντιγραφη*“ Янушу Острожскому свидѣтельствуеетъ, что Константинъ Константиновичъ, умирая, поручилъ все множество церквей, школъ, монастырей, основанныхъ имъ для славы Божіей, и лицъ, приставленныхъ къ нимъ, „въ дозоръ, опеку и милостивую оборону“ своему сыну и наслѣднику Янушу и что послѣдній не разъ уже оказывалъ помощь православной церкви ²⁾. Однако сомнѣваемся, чтобы Янушъ, ревностный католикъ, сталъ поддерживать тѣ учрежденія, которыми „питалась схизма“, хотя бы и ради славы отца, какъ допускаетъ это Максимовичъ ³⁾. Янушъ, утверждая въ 1618 г. суражскую фундацію, доходы съ нея назначилъ только въ пользу церкви и госпиталя, не упоминая о школѣ ⁴⁾.

Тѣмъ не менѣе и типографія и школа острожскія продолжали существовать и послѣ смерти ихъ fundатора. Изъ типографіи еще въ 1612 г. вышли Часословъ, изданный съ соблюденіемъ извѣстныхъ критическихъ пріемовъ ⁵⁾, и Полууставъ ⁶⁾. Есть указаніе на то, что и теперь сохранялась прежняя связь типографіи съ школой, что знаніе греческаго языка, необходимое для первой, поддерживалось второю. „Во Острожѣ, во училищи въгревословенскомъ, мѣсяца марта въ 23 день, лѣта 1611“ переведена книга Феодора Авукара, писателя IX в., посвященная архим. Исаи Балабану: „Книга блаж. Феодора, нарицаемаго Авукара, епископа Карійскаго, противу различныхъ еретиковъ, іудей же и срацынъ, ново отъ еллинскаго языка на славенскій единымъ отъ спудеовъ училища острожскаго греко-словенскаго преведена“ ⁷⁾.

¹⁾ Голубевъ, Петръ Могила, прилож., № 23

²⁾ П. П. Л., III, 1154.

³⁾ Собр. сочиненій, I, 189.

⁴⁾ Арх. Ю.-З. Р., I, VI, № 273.

⁵⁾ ... «И то тежъ вѣдати маешъ, ижъ въ томъ выданью зводу грецкого наиболше наслѣдовано», говорятъ издатели его (Чт. въ моск. общ. ист. и древн. рос., 1888, I, 67, прим.).

⁶⁾ На острожскій Полууставъ 1612 г. есть два указанія въ «Вопросахъ еллино-російскихъ» (Супрасль, 1715). Я. Θ. Головацкій, первый сообщившій объ этомъ, склоненъ отождествлять Полууставъ съ Часословомъ (Зап. Имп. акад. наукъ, XXIV, прил. III, № 14). Но «Вопросы» не даютъ на это никакого права. Цитуемая въ нихъ книга два раза названа «Полуставомъ Острожскимъ», причемъ дѣлается ссылка на 992 листъ, какого въ Часословѣ не можетъ быть; да и содержаніе обѣихъ ссылокъ говоритъ противъ предположенія Головацкаго (стр. 72. 73. 104).

⁷⁾ «Похвала Исаи Балабану 1611 г.»—Чт. въ общ. Нест. лѣтоп., VIII, отд. III—материалы, стр. 33. 37 (См. также Строева Описание рукописей Царскаго, № 668). Замѣчательно заявленіе этого «спудея» о мотивахъ къ переводу Авукара: «его же зѣло полезна церкви мнѣвъ быти, потшався даже въ Аравію, и въ ризѣ Еллинской сущу ему, покусихся въ словенскую его облещи, да приступенъ и роду нашему будетъ, во еже пользу ибкую приимати прочитающимъ его писанія» (ibid., стр. 35).

Дальнѣйшія упоминанія объ острожской школѣ мы находимъ въ „Инвентарѣ имѣній кн. Острожскихъ“ и въ Виршахъ на смерть гетмана Сагайдачнаго, написанныхъ въ 1622 г. Здѣсь о кн. Острожскихъ говорится, что они

. . . . . „ ся въ наукахъ вояхали,
На школы маестностей много фундовали:
Абы ся млодь въ наукахъ учтивыхъ цвичила,
Церкви, и тыжъ ойчизнѣ позитечна была.
Дай Боже, бы тая тамъ фундація трвала:
Жебы ся оттоль хвала Божія помнажала“ ¹⁾...

Но пожеланіе автора Виршей не исполнилось. Школа острожская настолько уже упала, что одинъ изъ мѣстныхъ священниковъ въ 1623-4 гг. воспитываетъ двухъ „отрочищъ“, своихъ родственниковъ, въ Вильнѣ ²⁾. И если надо указать годъ, когда перестала она существовать, то такимъ годомъ могъ быть 1624 г., когда Острогъ „пришоль во строеніе Еввина племени“, какъ выражается означенный священникъ (Подвысоцкій), и когда Анна-Алоиза Ходкевичева, княжна Острожская, основала здѣсь іезуитскую коллегію и при ней конвиктъ для учащейся бѣдной шляхты. Возможно, что теперь въ пользу коллегіи поступили и всѣ школьныя зданія. И это тѣмъ вѣроятнѣе, что уже въ 1622 г. княгиня забрала себѣ суражскія имѣнія, обѣщаясь платить за нихъ церкви и шпиталю по 2 т. зл. и на свой счетъ содержать ихъ, чего однако не сдѣлала ³⁾. Впрочемъ, „острожская фундація“ продолжала „травть“ еще до 1640 г.: только теперь княгиня записала на острожскую коллегію и самый троицкій монастырь и всѣ его суражскія имѣнія ⁴⁾. Возможно, что до этого года существовала и типографія, если только дѣйствительно въ 1640 г. здѣсь печаталась книга Нивона черногорца ⁵⁾.

Изъ той массы „розличныхъ любомудрцовъ“, которые, по свидѣтельству Зах. Копыстенскаго, украшали дворъ кн. Острожскаго, до насъ дошли имена очень немногихъ, и изъ нихъ далеко не всѣмъ мы имѣемъ право приписать учительство въ острожской школѣ или хотя бы болѣе или менѣе близкое отношеніе къ ней. Но такъ какъ и совер-

¹⁾ Голубевъ, Исторія Кіевской академіи, прилож., стр. 29.

²⁾ Рукоп. кн. Ае. Миславскаго (Кіево-печер. лавр. библиот., № 20 доп., л. 102).

³⁾ Арх. Ю.-З. Р., I, VI, № 273.

⁴⁾ Вол. еп. вѣд., 1873 г., 664. 665; 1883. 697 (*Рафальскій*, Св. троицкій храмъ въ г. Острогѣ). Крај., 1891: «O kościołu w Ostrogu Wołyńskimъ», №№ 26, стр. 20, и 44, стр. 24. *Kwartalnik historyczny*, 1896, zesz. III, 678. 679.

⁵⁾ *Максимовичъ*, Книжная старина южнорусская (Врем. Имп. моск. общ. ист. и древн. рос., I, 1849. 7. *Wiszniewski*, VIII, 414. *Головацкій*, Дополн. къ Очерку библиографіи Ундольскаго (Зап. Импер. акад. наукъ, XXIV, прилож., № 3, стр. 10).

шенно отрицать участіе большинства изъ нихъ въ трудахъ по устройству ея и преподаванію въ ней, какъ дѣлаетъ это г. Лукьяновичъ, мы не можемъ уже въ силу того нашего возрѣнія, по которому острожская школа была среднимъ учебнымъ заведеніемъ, или, употребляя тогдашнюю терминологию, „школой вызволенныхъ наукъ“, и такъ какъ для насъ должны быть драгоцѣнны имена людей, которые, быть можетъ, создали нашу западнорусскую образованность, пересадивъ науку съ чужой почвы на русскую, то мы считаемъ не лишнимъ сказать нѣсколько словъ о каждомъ изъ нихъ.

Всего неопредѣленнѣе отношеніе къ острожской школѣ Герасима Даниловича Смотрицкаго, котораго называютъ ректоромъ ея. По несомнѣннымъ историческимъ даннымъ, заключающимся въ предисловіи къ Библии 1581 г., онъ былъ руководителемъ ученыхъ работъ по изданію ея; но нѣтъ современныхъ свидѣтельствъ объ его ректорствѣ. Объ этомъ не говоритъ и сынъ Герасима Смотрицкаго Мелетій, хотя онъ въ своемъ сочиненіи „Obropa verificatiey“ (1621 г.) имѣлъ поводъ сказать о ректорствѣ отца ¹⁾. Утвержденіе всѣхъ почти историковъ, что Г. Смотрицкій былъ (первымъ) ректоромъ острожскаго училища, опирается, кажется, только на болѣе позднемъ свидѣтельствѣ извѣстнаго Суши ²⁾. Какъ бы то ни было, замѣтка Смотрицкаго на его сочиненіи: „писано у академіи острожстѣй“, заставляеть думать, что онъ имѣлъ самое близкое отношеніе къ острожскому училищу и даже мечталъ видѣть его академіей.

До своего вызова въ Острогъ Гер. Дан. Смотрицкій былъ городскимъ каменецкимъ писаремъ и пользовался громкой извѣстностью ученаго, что и побудило кн. Острожскаго пригласить его для работъ по изданію Библии ³⁾. Гдѣ онъ получилъ образованіе—не знаемъ; вѣроятно, у домашнихъ учителей: самъ онъ говоритъ о себѣ въ предисловіи къ Библии, что никогда не видѣлъ училища. Несмотря однако на это и на то, что Г. Смотрицкій прилагалъ къ себѣ эпитеты: „неученый, простака, неумѣлый“, почему и просилъ читателей „не поносить его, недостойнаго ненаученія ради“ („Ключъ царства небеснаго“), онъ, дѣйствительно, выдѣлялся изъ среды современниковъ своимъ умственнымъ развитіемъ и языкознаніемъ. Мы уже привели свидѣтельство Суши объ

¹⁾ Арх. Ю.-З. Р., I, VII, 429.

²⁾ Dux ostrogiensis... videns dictum Erasmus Smotryski, vicecapitaneum Camenecensem, eruditionis Ruthenos inter haud spernendae, auctoritate sua tantum apud eum perfect, ut relicto publico honore, (e)ius gymnasii Rectorem subierit (Saulus et Paulus... 15. 16). Но Суша. судя по ходу его рѣчи, основаніе школы относятъ ко времени послѣ 1593 г. когда князь, заявивши было наклонность къ униі, повернулъ назадъ и zelum maximum Ruthenici schismatis tenuit conservandi, почему и устроилъ училище. Въ виду этого мы можемъ отнестись съ недоувѣреніемъ и къ извѣстію Суши о ректорствѣ Смотрицкаго.

³⁾ Неизвѣстно, когда это произошло. Возможно, что еще до 1576 г., если правдоподобно сообщеніе м. Евгенія: «Въ 1576 г. при кн. Острожскомъ упоминается подскарбій Гер. Дан. Смотрицкій» (Словарь писателей дух. чина, I, 96). Кіев. старина, 1897 г., июнь, 371, прим. 4.

его учености; оно, очевидно, основывается на свидѣтельствѣ какого то неизвѣстнаго, современнаго самому Смотрицкому польскаго историка, который назвалъ его „*umiejetnym w naukach greckich, łacinskich i języku słowiańskim*“¹⁾. Относительно общаго характера дѣятельности Г. Смотрицкаго въ Острогѣ мы имѣемъ свидѣтельство автора извѣстнаго памфлета на Мел. Смотрицкаго: „Бысть въ та времена во Острогѣ мужъ именовъ Герасимъ. сынъ Даниловъ, Подолинникъ, з Смотриски, благочестивая мудрствуя и многу помощь и утѣху вѣрнымъ противу еретиковъ и отступниковъ писаними своими подая“²⁾. Изъ такихъ „писаній“, Смотрицкаго, кромѣ предисловія къ Библии, тоже имѣющаго отчасти полемическій характеръ, извѣстенъ „Ключъ царства небеснаго“ (1587 г.)³⁾, являющийся отвѣтомъ на сочиненіе извѣстнаго намъ Бенедикта Гербеста, ректора ярославской іезуитской коллегіи: „*Wiary kosciola Rzymskiego wywody. Greckiego niewolstwa Historya: dla jedności*“. Зах. Копыстенскій даетъ видѣть, что у Г. Д. Смотрицкаго было еще одно сочиненіе. Сказавши въ своей „Палинодіи“ о деморализаціи тогдашняго православнаго духовенства, Копыстенскій продолжаетъ: „Жившій въ тѣ времена доброй памяти мужъ Гер. Дан. Смотрицкій, видя, что церковныя дѣла приходятъ все въ большее разстройство, выразилъ въ русскихъ стихахъ, не очень, правда, искусныхъ, свое негодованіе противъ недостойныхъ русскихъ іерарховъ и священниковъ“⁴⁾. До насъ не дошло это стихотворное обличительное произведеніе Г. Смотрицкаго, но что его „вѣршъ“, дѣйствительно, не былъ искуснымъ, доказательствомъ можетъ служить его „двострочное соглашеніе“, помѣщенное вслѣдъ за предисловіемъ къ Библии и такъ начинающееся:

„Всякаго чина православный читателю
Господу Богу благодаренье воздаймо, яко благодателю“...

Оно представляетъ похвалу еп. Острожскому, „которымъ явилась всесвѣтлыхъ писаній неизглаголанная сладость“ и котораго онъ сравниваетъ съ св. Владимиромъ и Ярославомъ мудрымъ. „Владимеръ бо свои

¹⁾ Вол. еп. вѣд., 1881, 853; 1835, 292.

²⁾ Киев. еп. вѣд., 1875, 564.

³⁾ Напечатанъ по частямъ во II томѣ «Мелетія Пягаса» и въ Арх. Ю.-З. Р., I, VII. Въ предисловіи къ послѣднему г. Голубевъ доказываетъ, что извѣстное до того сочиненіе Смотрицкаго—«Календарь римски новы» (Каратаевъ, 1883, № 116) есть только часть дѣлаго сочиненія—«Ключъ царства небеснаго».

⁴⁾ П. П. Л., I, 1057. Это же извѣстіе попало въ книгу: «О вѣрѣ единой истинной православной», напечатанную въ Москвѣ въ 1648 г. (Словарь м. *Евгенія*, I, 96). Іезуитъ Мартыновъ, говоря о приписываемыхъ Мелетію Смотрицкому «Виршахъ на отступниковъ», датируетъ ихъ почему то 1598 годомъ (Кирилло-меоидіевскій сборникъ, I, пред., ХХIV). Виленское братство въ своей «*Obronie verifisatiey*» говоритъ о трехъ литературныхъ памятникахъ, составленныхъ Гер. Смотрицкимъ, изъ которыхъ первый написанъ для всѣхъ іерарховъ (*przełożonym*) русской церкви, хотя по имени посвященъ одному изъ нихъ (Арх. Ю.-З. Р., I, VII, 429).

народъ крещенемъ просвѣтилъ, Константинъ же благоразумія писаніемъ освѣтилъ“ и т. д.

Усердіе Г. Смотрицкаго въ ученыхъ и учебныхъ трудахъ было таково, что вн. Острожскій подарилъ ему два села—Бахлаевку и Борисовку ¹⁾. Годъ смерти его въ точности неизвѣстенъ. Полагаютъ, что онъ скончался около 1594 г., ибо около этого времени въ Острогѣ является уже Кириллъ Лукарисъ, котораго называютъ преемникомъ Смотрицкаго по ректорству ²⁾.

Кириллъ Лукарисъ ³⁾ родился 13 ноября 1572 г. Опекунъ его, извѣстный Мелетій Пигасъ направилъ его для образованія въ Венецію и затѣмъ въ Падую, гдѣ и самъ учился. Пробывъ около четырехъ лѣтъ въ первой и около семи въ послѣдней, К. Лукарисъ изучилъ древне-греческій, латинскій и итальянскій языки, Свящ. Писаніе, диалектику, риторіку, метафизику и этику по Аристотелю ⁴⁾. Антоній Легеръ и вслѣдъ за нимъ Пихлеръ, относя начало ученія Кирилла Лукариса въ итальянскихъ школахъ къ 12-му году его жизни, а окончаніе — къ 23-му, приурочиваютъ прибытіе его въ Константинополь къ патриарху Мелетію Пигасу къ 1595 году и отправленіе въ Польшу къ 1596-му ⁵⁾. На самомъ же дѣлѣ послѣднее совершилось въ 1594 г.; въ это именно время п. Мелетій, имѣвшій свѣдѣнія о печальномъ положеніи православія въ зап. Россіи, направилъ К. Лукариса, возведеннаго въ санъ архимандрита и облеченнаго особыми полномочіями, къ вн. Острожскому и ко всѣмъ православнымъ западноруссамъ ⁶⁾.

Прибывъ въ срединѣ 1594 г. въ Острогъ, Кириллъ Лукарисъ сразу проникается учеными и учебными интересами и входитъ въ сноше-

¹⁾ Susza. o. et l. c. Cf. Арх. Ю.-З. Р., I, VII, 429.

²⁾ Вол. еп. вѣд., 1885, 293. Авторъ латино-уніатскаго сочиненія: «Sowita wina» (1621) называетъ Гер. Смотрицкаго попомъ: Nagasum pop, którego synem jest wasz Smotrywski (Арх. Ю.-З. Р., I, VII, 492). Если онъ не смѣшалъ Герасима Смотрицкаго съ братскимъ попомъ Герасимомъ, то это извѣстіе не натолкнетъ ли кого-нибудь на выясненіе дальнѣйшей судьбы Гер. Смотрицкаго?—На какомъ основаніи въ Епископ. указывался 1601 г., какъ годъ смерти Гер. Смотрицкаго (XXIII, 733), мы не знаемъ.

³⁾ Извѣстно нѣсколько посвященныхъ Кириллу Лукарису монографій: *Thomas Smithus*, Collectanea de Cyrillo Lucario patriarcha Constantinopolitano, Londini, 1708. *Mloysius Pichler*, Geschichte des Protestantismus in der orientalischen Kirche im 17 Jahrhundert, oder Der Patriarch Cyrillus Lukaris und seine Zeit, München, 1862. *Свящ. Брянецъ* (послѣ архим. Арсеній), Патриархъ Кириллъ Лукарисъ и его заслуги для православной церкви, 1870 г., Симферополь (2-ое изданіе—1881 г. СПб.).

⁴⁾ *Pichler*, o. c., 37—50. *Kohlus*, Ecclesia graeca Lutherizanans, Lubecae, 1723. s. 40. Памятникомъ учебныхъ занятій Кирилла Лукариса въ Падуѣ и Венеціи является его переписка съ Максимомъ Маргуніемъ и другими лицами, напечатанная Эмилемъ Леграномъ въ IV томѣ Bibliographie Hellénique aux XVII siècle (pp. 175—212). Последнее изъ помѣщенныхъ здѣсь писемъ Лукариса помѣчено: Падуя, 29 окт. 1591 г.

⁵⁾ *Leger*, Fragmentum vitae Cyrilli Lucarii (*Thomas Smithus*, Collectanea de Cyrillo Lucario, p. 77. 78). *Pichler*, o. c., 44. 49.

⁶⁾ *Малышевскій*, Мелетій Пигасъ, II, прил. II, стр. 2.

нія съ ієродіакономъ Кипріаномъ и Гавріиломъ Дороеевичемъ, львовяниномъ. Съ ними обоими онъ, повидимому, былъ знакомъ по Константинополю и теперь звалъ ихъ въ Острогъ для обученія ихъ греческому языку и греческой мудрости. Кипріана онъ просилъ прислать ему историка Кедрина, Θому Аквината и др. книги ¹⁾. Дороеевичъ явился на зовъ и засѣлъ за греческій языкъ. Руководителями его были самъ Лукарисъ и какой то Нивифоръ. Но оба они часто уѣзжали изъ Острога, очевидно, по дѣламъ церковнымъ, и покидая Дороеевича одного, заставляли его учить наизусть Исагогику Порфирія или Органъ Аристотеля. Такимъ ходомъ занятій Дороеевичъ былъ недоволенъ и однажды письменно спрашивалъ Лукариса (итти къ нему Дороеевичъ въ тотъ день не могъ, такъ какъ не имѣлъ обуви, между тѣмъ на уликахъ послѣ дождя было очень грязно), что ему дѣлать. „Шесть недѣль прошло, какъ я прибылъ изъ дому, писалъ онъ, а еще ничего полезнаго не сдѣлалъ. Итакъ, прошу совѣта, что мнѣ должно дѣлать, чтобы не тратить напрасно времени“ ²⁾.

Въ этотъ разъ Кириллъ Лукарисъ пробылъ въ Острогѣ сравнительно недолго: въ первой половинѣ 1595 г. онъ перешелъ въ Вильну, гдѣ, по словамъ Легера, провелъ 20 мѣсяцевъ (включая сюда короткій періодъ предъ и послѣ брестскаго собора), занимаясь религиозными спорами и диспутами съ іезуитами и францисканами ³⁾ и преподаваніемъ греческаго языка въ братской школѣ, ректоромъ коей онъ состоялъ. Памятникомъ преподавательской дѣятельности его въ Вильнѣ служить сочиненіе п. Мелетія Пигаса: *Διάλογος Ὁρθόδοξος χριστιανός του ναχαριωτάτου και παναγιωτάτου πάπα και πατριάρχου ἀλεξανδρείας κυρίου μελετίου. εἰς τὴν τῶν σπουδαίων ἀφελειαν. Ἐν Βυλίνῃ αἴης* (1596). *Μηνὶ ἰουλίου* λ᾽ (in 8°. 8 ненумерованныхъ листовъ и 38 страницъ), изданное съ тою цѣлью, какъ сказано въ предисловіи, чтобы кто нибудь изъ учащихъ, прочитавъ его, получилъ для себя пользу, особенно въ этихъ мѣстахъ и городахъ, изобилующихъ разнообразными ересями. Издателями его были ученики виленской братской „академіи“, изучавшіе греческій языкъ (*οἱ τῆς ἐλληνικῆς διαλέκτου σπουδαῖοι οἱ ἐν τῇ τῆς ἀδελφότητος τῆς ἁγίας καὶ ὁμοουσίου καὶ ζωοποιοῦ καὶ ἀδιαρέτου Τριάδος ἀκαδημία τῶν Ῥουσῶν, τῇ ἐν τῇ Βυλίνῃ*). Въ написанномъ ими по гречески посвященіи книги нѣкоему Іоанну, „великому прагматевту“ (? *τῷ μεγάλῳ πραγματεῦτῃ*), студенты ссылаются на „преподобнѣйшаго и расудительнѣйшаго нашего ректора, господина Кирилла Лукариса, синкелла

¹⁾ Bibliographie Hellénique aux 17 s., IV, p. 219. 220 (№ 45—49). Цитуемія здѣсь письма К. Лукариса къ кн. Острожскому, Кипріану и Дороеевичу датированы концомъ іюля, началомъ августа, концомъ октября и началомъ декабря. Судя по содержанію и по тому, что они писаны или изъ Острога или изъ ближайшихъ городовъ (Дубна и какого то Свіала(?)—Σβαλλίθων), ихъ можно отнести только къ 1594 г.

²⁾ *ibid.*, p. 221, № 50.

³⁾ *Smithus*, o. c., 78.

свят. престола александрійскаго“, который сообщил имъ о ревности къ вѣрѣ сего Іоанна ¹⁾.

Съ переходомъ Кирилла Лукариса въ Вильну не прервались его связи съ Острогомъ. Въ Острогѣ чувствовали, чего лишились въ немъ, и Гавріиль Дороеевичъ писалъ ему однажды въ отвѣтъ на его письмо: „постарался бы ты побывать у насъ, собрать всѣхъ во елино, помочь... большую бы пользу оказалъ ты намъ, чѣмъ живя въ Вильнѣ. Этого желаютъ и тѣ греки, что съ нами (ихъ теперь больше, чѣмъ при тебѣ), и самъ Константинъ. Черезъ меня всѣ привѣтствуютъ тебя и поручаютъ сказать это“. Вмѣстѣ съ тѣмъ Дороеевичъ сообщалъ, что въ Львовѣ паписты объявили, что самъ п. Мелетій на сторонѣ уніи, почему Лукарису, какъ носящему лицо патріарха, необходимо бы явиться туда ²⁾.

Какъ видно изъ другого письма Гавр. Дороеевича, К. Лукарисъ не остался равнодушнъ къ мысли о переходѣ во Львовъ, тѣмъ болѣе, что, повидимому, между нимъ и виленскими братчиками возникли какія то недоразумѣнія. Во Львовѣ онъ намѣревался сдѣлаться учителемъ братской школы и Дороеевичъ обѣщалъ быть ему полезнымъ помощникомъ. И первымъ дѣломъ Дороеевичъ даетъ Лукарису совѣтъ. „Мнѣ вѣжется, что прежде чѣмъ вступить тебѣ въ училище, нужно сказать собравшимся ученикамъ, какъ полезна для человѣка мудрость, какая отъ нея польза для церкви, о происхожденіи ея, о томъ, отъ Бога ли она или отъ человѣка, и что пустыя мысли не есть мудрость. Подобнымъ образомъ дѣлаютъ латиняне, когда учитель вступаетъ въ школу“. Но намѣреніе К. Лукариса не осуществилось, потому ли, что этому помѣшала свирѣпствовавшая въ Львовѣ чума, или почему другому ³⁾. Въ январѣ 1596 г. мы видимъ Лукариса въ Острогѣ; быть можетъ, у него была мысль посѣтить Львовъ. Но перебравшійся туда вмѣстѣ съ Кипріаномъ Дороеевичъ въ письмѣ отъ 9 января отсовѣтывалъ дѣлать это по причинѣ трудности пути; при этомъ онъ просилъ Лукариса прислать ему книгу Григорія Богослова ⁴⁾. Изъ Острога Лукарисъ отправился опять въ Вильну и здѣсь во второй половинѣ 1596 г. получилъ письмо отъ протосингела константинопольскаго патріарха—Ники-

¹⁾ На книгѣ дата: 31 іюля 1596 г., посвященіе же помѣчено началомъ сентября. (Bibliographie Hellénique aux XV et XVI s., II, № 218). Единственный известный экземпляръ этого изданія хранится въ британскомъ музеѣ.—Въ литературѣ существуетъ мнѣніе, что К. Лукарисъ сдѣлался ректоромъ виленской школы въ 1592 г. (*Regenvolaciuz, Systema historico-chronologicum Ecclesiarum Slavonicarum*, 1652, p. 470; *Kohlus*, p. 40). Вѣроятно, въ основаніи его лежитъ смѣшеніе Кирилла Лукариса съ Кирилломъ Транквилиономъ Ставровецкимъ, который дѣйствительно въ 1592 г. перешелъ изъ Львова въ учителя виленскаго училища. Вслѣдствіе этого же, надо полагать, явилось мнѣніе о преподавательской дѣятельности Лукариса во Львовѣ въ 1591 г. (*Архим. Арсеній*, 76).

²⁾ *Bibliographie Hellénique aux XVII s.*, IV, № 54 (p. 228). Письмо на греческомъ языкѣ, писано во второй половинѣ 1595 г.

³⁾ *ibid.*, № 53. Письмо датировано 3 октября. Относимъ его къ 1595 г. въ виду упоминанія въ немъ о чумѣ, которая въ этомъ году была въ Черемнышлѣ (Русская летопись—въ Рус. ист. сборн., III, 235) и, вѣроятно, во Львовѣ.

⁴⁾ *ibid.*, 217. 218 (№№ 40. 41).

фора, который изъ Дубна приглашалъ его къ себѣ и къ кн. Константину, чтобы вмѣстѣ приготовиться къ брестскому собору ¹⁾. Послѣ собора К. Луварисъ оставался еще нѣкоторое время въ Вильнѣ, а затѣмъ перешелъ въ Острогъ, гдѣ жилъ около года (по Легеру, два года), „авторитетомъ князя защищаясь противъ интригъ иезуитовъ“ ²⁾. И въ этотъ разъ онъ въ Острогѣ занимался учительствомъ, какъ это видно изъ письма къ нему Гавр. Дорошеевича, отъ 13 іюня 1597 г., адресованнаго „возлюбленному во Христѣ отцу Кириллу дидаскалу“ ³⁾. Въ концѣ 1597 г. или началѣ 1598 г. Кириллъ Луварисъ удалился изъ Россіи въ зап. Европу и здѣсь, въ университетахъ Виттенберга и Женевы, слушалъ лекціи по философіи и богословію. Въ 1600 г. онъ опять былъ посланъ п. Мелетіемъ въ зап. Россію съ письмами къ православнымъ князьямъ и къ протестантамъ, которые хлопотали въ это время о религиозной уніи съ восточной церковію, и съ другими порученіями ⁴⁾. Въ виду послѣднихъ трудно допустить, чтобы Луварисъ занимался здѣсь теперь педагогическимъ трудомъ.—По возвращеніи въ Александрію въ 1601 г., Кириллъ Луварисъ занялъ по смерти М. Пигаса александрійскую кафедру, затѣмъ—константинопольскій престолъ, не переставая заботиться о западнорусской церкви и западнорусскомъ просвѣщеніи. Ниже откроется его участливое отношеніе къ львовской, луцкой и прочимъ братскимъ школамъ.

Извѣстность *Никифора* ⁵⁾, какъ ученаго, началась въ Падуѣ, гдѣ онъ былъ „ректоромъ наукъ Еллинскихъ и Грецкихъ“. Послѣ того онъ въ теченіе семи лѣтъ состоялъ проповѣдникомъ при греческой церкви св. Марка въ Венеціи ⁶⁾. Переселившись въ Константинополь, Никифоръ за свою ученость, соединенную съ твердостью въ православныхъ убѣжденіяхъ, въ 1592 г. былъ возведенъ въ санъ протосингела па-

¹⁾ *ibid.*, 221—224, № 51.

²⁾ *Smithus*, о. с., р. 78. 79. Cf. *Pichler*, 66, прим.

³⁾ *Bibliographie Hellénique* XVII в., IV, № 55 (р. 229).

⁴⁾ *Малышевскій*, Мелетій Пигасъ, II, № 43. Невѣрно утвержденіе Пихлера, что К. Луварисъ жилъ въ этотъ разъ въ Польшѣ два года—съ іюля 1599 года (с. 66). Извѣстная подложная записка, которую Кириллъ Луварисъ вручилъ будто бы львовскому римско-католическому архіепископу І. Д. Соликовскому предъ своимъ отъѣздомъ изъ Россіи (*P. Scarga*, *Na trenu y lament Theophila Orthologa do Rusi Greckiego nabozeństwa przestoga*, 1610, str. 108—113; *Завитневичъ*, Палинодія Захарія Кошистенскаго, 221—227), датируется 24 января 1601 г. Начало 1601 г. и было временемъ оставленія Луварисомъ Россіи.

⁵⁾ Современныя свѣдѣнія о Никифорѣ и въ частности о судѣ надъ нимъ заключаются въ слѣдственномъ о немъ дѣлѣ (А. З. Р., IV, № 117), въ описаніи варшавскаго сейма 1597 г. (*Голубевъ*, Петръ Могила, прил., № 15), въ *Ekthesis'ѣ*, Перестрогѣ. О немъ можно читать также: *М. О. Колловичъ*, Никифоръ, вел. протосингелъ патриаршаго константинопольскаго престола (*Страницы*, 1860, IV); *Кудринскій*, Судьба ексарха Никифора въ З. Россіи (Кіев. стар., 1892 г., іюнь), у *Малышевскаго*, Мелетій Пигасъ, I, 411—416, въ наследованіи Студискаго о Перестрогѣ (105 и слѣд.).

⁶⁾ А. З. Р., IV, стр. 161. Петръ Могила, прилож., стр. 53.

тріаршаго престола ¹⁾. Съ сѣнября 1595 г. видимъ Никифора въ Валахіи, гдѣ онъ принимаетъ участіе въ политическихъ дѣлахъ этой страны, за что поплатился тюремнымъ заключеніемъ въ Хотинѣ ²⁾. Спасшись отсюда бѣгствомъ, Никифоръ направился въ Острогъ, куда еще ранѣе былъ приглашенъ кн. Острожскимъ ³⁾. Въ зап. Россіи ему предстояло устроить нѣкоторыя „справы духовныя“, вызванныя тяготѣніемъ православныхъ владыкъ къ Риму. Онъ то, вѣроятно, сразу не дали Никифору возможности заниматься въ острожскомъ училищѣ. Между тѣмъ надъ нимъ собиралась грозная туча. Еще на брестскомъ соборѣ королевскіе послы старались отстранить Никифора, какъ турецкаго будто бы шпіона, отъ предсѣдательства на немъ, и тогда же онъ былъ „арестованъ“ и оставленъ у К. К. Острожскаго подъ зарукой 200 тысячъ червонцевъ ⁴⁾. Поводомъ въ обвиненію Никифора послужило такое обстоятельство. Въ Шаргородѣ у слуги кн. Острожскаго Яни, ѣхавшаго въ Валахію, были найдены письма съ рѣзкими отзывами о полякахъ (они назывались не иначе, какъ псами) и съ сильнымъ сочувствіемъ къ султану въ его замыслахъ противъ Польши. Никифоръ и былъ заподозрѣнъ въ авторствѣ этихъ писемъ. И хотя на варшавскомъ сеймѣ въ мартѣ 1597 г. Яни заявлялъ, что они были вручены ему какимъ то грекомъ Пафнугіемъ, но не скрылъ, что это произошло по порученію Никифора. По королевскому приговору Никифоръ былъ заключенъ въ мальбургскую (или маріенбургскую) крѣпость (вблизи Данцига), гдѣ черезъ нѣсколько лѣтъ былъ „уморенъ постомъ“, по свидѣтельству автора Перестроги ⁵⁾. Правда, униатскіе писатели увѣряютъ, что Потѣй изгналъ Никифора изъ Польши, подвергнувъ его только покаянію (rokuta) въ Мальборгѣ ⁶⁾. Но ихъ опровергаетъ самъ же Потѣй, въ одномъ письмѣ къ Льву Сапѣгѣ (28 іюня 1605 г.) выразившійся о Никифорѣ, что онъ „на Malborgu zdechl“ ⁷⁾. Наконецъ, противъ нихъ говоритъ и папа Урбанъ VIII, который, требуя отъ в. Сигизмунда III (1624) строгаго наказанія для убійцъ Іосафата Кунцевича, указывалъ, какъ на примѣръ надлежащаго отношенія въ схизматикамъ, на заключеніе Никифора „въ вѣчную темницу“ ⁸⁾.

¹⁾ А. Ю. и З. Р., I, № 210 (Monumenta confraternitatis..., № 256). Дважды онъ былъ мѣстоблжстелемъ патріаршаго престола (А. З. Р., IV, 361).

²⁾ Петръ Могила, прил., стр. 52. На варшавскомъ сеймѣ его винили въ томъ, что онъ былъ въ Валахіи шпіономъ турецкаго султана, что ввелъ Валахію въ миллионныя долги и т. п. (стр. 50).

³⁾ Bibliographie Hellénique s. XVII, IV, № 51.

⁴⁾ П. П. Л., III, 197—203. Петръ Могила, прил., 48 стр.

⁵⁾ А. З. Р., IV, стр. 220. Смитъ говоритъ объ удавленіи Никифора (gula fractus mi-se-re periit. Collectanea de Cyrillo Lucario, p. 12).

⁶⁾ *Susza, Saulus et Paulus. Stebelski, Dwa wielkie swiatła. Rozdział II, 177*, въ примѣчаніи.

⁷⁾ Archivum Sapiehanum, I, № 561.

⁸⁾ *Соловьевъ С. М.*, Исторія Россіи, изд. 2, кн. II, 1469. По свидѣтельству Захаріи Копыстенскаго въ его «Книгѣ о правдивой едности православныхъ христіанъ церкви

Въ 80-хъ годахъ XVI ст. въ Острогѣ дѣйствовали извѣстный уже намъ *Іовъ* (въ мѣстѣ *Іоаннъ*) *Княгиницкій*, о которомъ его биографъ іером. Игнатій изъ Любарова повѣствуетъ, что онъ, „устремившись“ въ Острогъ, „вдасть себе въ училище и прилежаше ученію, яко вскорѣ быти ему въ мѣсто ученика учителемъ прочимъ“ (т. е. для прочихъ учениковъ). Мы не знаемъ однако, какъ долго учительствовалъ здѣсь Іовъ, что преподавалъ, и списаніе имъ псалтири для князя Александра относилось ли къ числу его обязанностей, или было знакомъ его любви и расположенія къ молодому князю. Изъ Острога Іовъ былъ посланъ Константиномъ Константиновичемъ на Аѳонъ для передачи милостыни тамошнимъ монахамъ. Послѣ возвращенія въ Острогъ онъ вторично отправился на Востокъ, чтобы тамъ подвизаться на иноческомъ поприщѣ. 12 слишкомъ лѣтъ провелъ онъ тамъ. Послѣдніе годы жизни Іовъ посвятилъ распространенію монашеской жизни и учрежденію скитовъ и монастырей въ различныхъ мѣстахъ своей родины—Галиціи. Впрочемъ, нѣкоторое время онъ жилъ въ Дермани, куда былъ приглашенъ около 1603—4 г. Исаакиемъ святогорцемъ, тогдашнимъ справцею монастыря, для помощи при печатаніи „охтаевъ“¹⁾.

Однажды только Іовъ Княгиницкій выступилъ на сцену, какъ литераторъ. Это было въ 1619 г., за два года до его смерти. Кирилль Траневилліонъ, начавшій свою карьеру въ львовской православной школѣ и окончившій еѣ въ Черниговѣ въ санѣ уніатскаго игумена, напечаталъ въ 1618 г. свое „Зерцало Богословія“. Выпуская въ свѣтъ эту первую русскую систему богословія, Кирилль, естественно, нуждался въ авторитетномъ одобреніи ея и, написавши оглавленіе ея или то „исповѣданіе вѣры, по нему же и книгу составилъ“, послалъ его къ Іову Княгиницкому для рецензіи. Іовъ рассмотрѣлъ и—въ посланіи отъ 23 авг. 1619 г. совѣтовалъ не прежде книгу „въ типографію подать дондеже не изслѣдуется учеными и учтшими писанія книгъ отеческихъ: лучше замедлити и прославитися, нежели ускорити и обещеститися“, писалъ онъ, объясняя погрѣшности болѣе недосмотромъ и поспѣшностью, чѣмъ намѣреннымъ искаженіемъ истины²⁾. Но выходъ въ свѣтъ Зерцала предупредилъ написаніе рецензіи.

Въ числѣ ученыхъ дѣятелей острожской школы обращаетъ на себя вниманіе нѣкій „*Кириликъ острожской церкви*“, выступившій подъ такимъ названіемъ въ своемъ „Отписѣ на листъ въ Бозѣ велебнаго отца Ипатія, Володимерскаго и Берестейскаго епископа, до ясне освещеннаго княжати Костентина Острозскаго, воеводы Киевскаго о залецанью и прехваляню восточной церкви з' заходнымъ востеломъ унѣи або згоды, въ року 1598 писавый, черезъ одного наменшого влирика церкви острож-

---

Восточной» (1623 г.), въ Мальбургѣ въ его время пожелось «преподобное тѣло священномученика Никифора, великаго протосингела» (*Завитневичъ*, Палинодія Захарія Коппстенскаго, 299).

¹⁾ Зоря Галицкая яко альбумъ, 1860, 228 et passim.

²⁾ Петръ Могила, приложение, № 35.

свой въ томъ же року отписанны“¹⁾. Что онъ имѣлъ ближайшее отношеніе къ училищу, это отърывается какъ изъ помѣты его на своемъ сочиненіи²⁾, такъ и изъ свидѣтельства Мелетія Смотрицкаго и Суши³⁾. Нужно при этомъ замѣтить, что эти писатели, какъ и нѣкоторые другіе (авторъ Перестроги, Петръ Суромятникъ, ректоръ виленской униатской семинаріи, Левъ Кревза, Геласій Диплицъ), считаютъ „Клирика“ авторомъ и приложенной имъ къ своему „Отпису“ „Исторіи о листривійскомъ, т. е., о разбойническомъ, Ферарскомъ або Флоренскомъ синодѣ, в' коротцѣ правдиве списаной“, хотя онъ самъ заявляетъ, что она давно уже вѣмъ то составлена⁴⁾. Справедливо ли или нѣтъ приписывать ее „Клирику“⁵⁾; послѣдній настолько выдавался своимъ богословскимъ развитіемъ и основательностью среди другихъ православныхъ полемистовъ, что Мел. Смотрицкій ставилъ его наряду съ Ст. Зизаніемъ, Филалетомъ и Ортологомъ: всѣ эти „четыре новые богослова были для русскихъ какъ бы какими-то божественными оракулами“⁶⁾.

Каково настоящее имя „Клирика“—неизвѣстно. Г. Бривнеръ называетъ его Авраамомъ⁷⁾. Но его догадка — плодъ чистаго недоразумѣнія⁸⁾. Болѣе старо и болѣе распространено мнѣніе преосвящ. Филарета, отождествлявшаго Клирика съ острожскимъ *пресвитеромъ* (?) *Василіемъ*, въ нѣкоторыхъ своихъ изданіяхъ именующимъ себя тоже „наименшимъ клирикомъ“⁹⁾. Но этотъ писатель, кажется, всюду выставляетъ свое собственное имя. Такъ, подъ сочиненіемъ: „О единой вѣрѣ“ (Сборникъ 1588 г.) онъ подписался: „многорѣшный и худшій въ христіанѣхъ, убогій Василей“¹⁰⁾. Тоже—въ „Правилѣ истиннаго живота христіанскаго“ (Псалтирь слѣдованная, 1598 г.), составленномъ „снисканіемъ отъ святыхъ писаній и трудомъ многорѣшнаго хуждышаго

¹⁾ П. П. Л., III, 377.

²⁾ «Писанъ у Острогу у школѣ Островской» (П. П. Л., III, 381).

³⁾ Apologia, 96. Saulus et Paulus, 86. 87. Вотъ слова Суши: «Anonymus clericus Ostrogiensis, Doctorum Russiae ordine tertius (первые два русскіе ученые—Ст. Зизаній и Филаетъ), quem gymnasii ejus civitatis, superatite Basilio Duce, praecipuum fuisse ajunt didascalum».

⁴⁾ П. П. Л., III, 412. Краткую исторію этого собора написалъ кн. Курбскій, пользуясь трудомъ какого-то виленскаго субдіакона (Сказ. Курб., 294), и, судя по началу, она новліяла на «Исторію» «Клирика».

⁵⁾ Потѣй и Суромятникъ догадываются, что авторомъ ея былъ какой-то «еретикъ» (П. П. Л., III, 1109; Jocher, II, 497).

⁶⁾ Paraenesis, 6.

⁷⁾ Spory o unię w dawnej literaturze (Kwartalnik historyczny, 1896, zes. III, 596. 598).

⁸⁾ Кіевская старина, 1897, іунь, 379: Острожская православная школа.

⁹⁾ Обзоръ русской дух. литературы, 1859, I, 238. Вол. еж. вѣд., 1881, 857.

¹⁰⁾ П. П. Л., II, 938.

въ христіанехъ, убогаго Василя“¹⁾). Съ другой стороны, тогда какъ Василій выступилъ на литературное поприще уже въ 1588 г., относительно „Клирика“ Потѣй сильно увѣренъ въ томъ, что онъ—*student akademiey sławney Ostrozskiey*, что онъ—„жакъ (т. е. ученикъ), почему и пишетъ по жаковски“²⁾). Наконецъ, мы не убѣждены, точно ли Василій былъ священникомъ: самъ онъ такъ себя не называетъ, не называетъ его такъ и вс. Залѣнскій, передающій извѣстіе о диспутѣ „православнаго богослова Василя изъ Острога“ съ іезуитами³⁾).

Но, принадлежалъ ли Василій или не принадлежалъ къ духовному званію,—нѣтъ никакихъ основаній отождествлять ни его, ни тѣмъ болѣе „Острожскаго клирика“, съ которымъ его сливаютъ,—съ священникомъ Василюмъ, дѣятельнымъ членомъ виленскаго братства, подвергшимся гоненію отъ м. Михаила Рагозы въ 1595 г., какъ то дѣлаетъ преосвящ. Филаретъ, вводящій въ біографію „Клирика“ и ту подробность, что онъ былъ нѣкогда виленскимъ субдіакономъ, въ какомъ санѣ и написалъ будто-бы „Исторію о Флорентійскомъ соборѣ“⁴⁾). Виленскій попъ и проповѣдникъ, анаеоматствованный вмѣстѣ съ Ст. Зизаніемъ и присутствовавшій въ 1596 г. на брестскомъ соборѣ подъ именемъ „Василя Троицкаго, братскаго виленскаго пресвитера“⁵⁾), продолжаетъ жить еще въ двадцатыхъ годахъ XVII ст.⁶⁾), между тѣмъ какъ относительно соименнаго ему острожскаго дѣятеля есть основаніе думать, что онъ умеръ скоро послѣ 1598 г., когда послѣдній разъ появилось въ печати его имя⁷⁾). Притомъ же ничто ни уполномочиваетъ насъ перемѣщать Василя изъ Острога въ Вильну, оттуда въ Острогъ и изъ Острога опять въ Вильну.

Возможно, что въ острожской школѣ учительствовалъ *пресвитеръ Даміанъ*, настоятель никольской церкви, извѣстный участіемъ въ брестскомъ соборѣ 1596 г.⁸⁾ и въ подвигахъ своего знаменитаго брата Се-

---

¹⁾ *Каратаевъ*, Описаніе славяно-русскихъ книгъ, напечатанныхъ кирил. буквами, I, № 158. Ср. Чт. въ моск. общ. ист. и древн. рос., 1888, I, 58, прим. 127.

²⁾ П. П. Л., III, 1054. 1115.

³⁾ *Zaleski*, о с., 121, прим.

⁴⁾ *Архип. Филаретъ*, о с., I, 237. 238. Ср. *Никольскій*, Тр. кiev. дух. акад., 1862, II, 141, прим. 2. *Мартыновъ*, Кирилло-меоодіевскій сборникъ, I, 90, прим. 2.

⁵⁾ П. П. Л., III, 375 (id.—Чт. моск. общ. ист. и древн. рос., 1879, I, Ekthesis, 30).

⁶⁾ Въ 1621 г. онъ выступаетъ, какъ «попъ Василій Игнатовичъ», въ дѣлѣ о хиротоніи М. Смотрицкаго (Арх. гр.-уніат. митр., № 466). Въ 1624 г. онъ является подъ монашескимъ именемъ Варлаама: «*Varlaam a pierwiey Bazyli pop wukłęty ktory znnowu jest kaznodzieją u srowiednikiem*», говорится въ жалобѣ уніатовъ на виленское братство (Арх. гр.-ун. митр., № 506; ср. *Кояловичъ*, Лит. церк. унія, II, 353. 354). Повидимому, онъ былъ живъ еще въ 1629 г. (Ekthesis *Мел. Смотрицкаго*, 1629 г., 15 об.).

⁷⁾ Вол. еп. вѣд., 1885, 295.

⁸⁾ П. П. Л., III, 336.

верина Налевайка ¹⁾ и своими литературными трудами, не оригинальными, впрочемъ. Его первымъ литературнымъ произведеніемъ былъ сборникъ изреченій, выбраннымъ изъ Свящ. Писанія, св. отцовъ, и то при помощи старыхъ сборниковъ, въ родѣ „Пчелы“. Вѣроятно, самому Даміану принадлежитъ западнорусскій переводъ славянскаго текста ²⁾. Второй трудъ Даміана, вышедшій въ 1607 г. изъ острожской типографіи, — „Лѣкарство на оспалый умыслъ человѣчій“, представляетъ изъ себя переводъ на церковно-славянскій и западнорусскій языки письма св. Златоуста къ мниху Феодору, — письма, къ которому приложенъ „Тестаментъ грецкаго цезаря Василия до сына своего Льва“, тоже съ переводомъ его „на простую мову“. Но мы не можемъ утверждать на основаніи этого изданія, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые историки, что пресв. Даміанъ зналъ греческій языкъ и самъ переводилъ съ него. „Тестаментъ“ и до того существовалъ въ славянскомъ переводѣ, и Даміану можно приписать только западнорусскій переводъ его (стр. 130); что же касается „Листа“, то его могли перевести съ греческаго сотрудникъ Даміана по дерманской типографіи, гдѣ онъ одно время работалъ. Самъ же Даміанъ, вѣжется, совсѣмъ не зналъ греческаго языка. По крайней мѣрѣ, изданный имъ 6 февр. 1605 г. „Листъ п. Мелетія“ къ Потѣю переведенъ не имъ, а Іоанномъ Борецкимъ (впослѣдствіи митрополитомъ), какъ это видно изъ четверостишія самого Даміана ³⁾. Такимъ образомъ, ученость Даміана едва-ли шла далѣе „славянскихъ наукъ“ и умѣнія писать стихи ⁴⁾. Какъ человѣкъ, Даміанъ Налевайко поль-

---

¹⁾ Арх. Ю.-З. Р., III, I, №№ 29. 31. 33. См. въ предисловіи объ участіи самого кн. Острожскаго въ набѣгахъ и грабежахъ братьевъ Налевайковъ, какъ одномъ изъ средствъ борьбы его съ латино-уніатами... Впрочемъ, самъ К. К. Острожскій въ письмѣ къ Хр. Радивиллу отъ 3 марта 1596 г. клятвенно очищаетъ себя отъ обвиненія въ томъ, будто бы онъ насылалъ Налевайка или зналъ объ его набѣдахъ (Рукоп. Имп. публ. библиот., Пол. Р., IV, № 223, л. 104).

²⁾ Сборникъ москов. Румянц. музея, относимый проф. Соболевскимъ ко второй половинѣ XVI в., л. 94: «Лекція словенскіе Златоустого, отъ бесѣдъ евангельскихъ отъ иерея Налевайка избраніе». («Замѣтка о малоизвѣстныхъ памятникахъ южно-западнорусскаго письма XVI—XVII вв.» въ Чт. ист. общ. Нестора лѣтоп., IX, 19).

³⁾ . . . . «Листъ той въ Египте Авсонски начертанный,
«Русскимъ языкомъ всарматехъ дарованный,
«Борецкимъ надлеръ апольлови коханымъ,
«И въ парнассе на лоне моузъ вихованнымъ»
(Каратаевъ, о. с., № 178).

⁴⁾ См. его посвященіе на гербъ кн. Острожскихъ и «Прозьбу чительникову о чась»:

«Часе дорогій, часе непереплачѣный,
«Назбыть скупю вагою мнѣ узычѣный
«Быстрій надморскій корабль животь мой проводить» и т. д.

(«Лѣкарство на оспалый умыслъ»).

зовался общими симпатіями, такъ что Мел. Смотрицкій сохранилъ къ нему уваженіе даже послѣ своего перехода въ унию. Умеръ въ 1627 году ¹⁾).

Вопросъ о вѣроисповѣданіи автора „Апокрисиса“—*Христофора Филалета (Бронскаго)*, поднятый вслѣдъ за изданіемъ его книги, до сихъ поръ продолжаетъ возбуждать споры. Въ пользу его православія высказалъ вѣскіе доводы проф. Скабалановичъ въ своемъ сочиненіи: „Объ Апокрисисѣ Хр. Филалета“ (Спб., 1873, стр. 7 и слѣд.); православнымъ и даже воспитанникомъ православныхъ школъ, хотя и довершившимъ образованіе за границей, считаетъ его и проф. Малышевскій ²⁾). Въ пользу его неправославія не менѣе сильные аргументы представилъ г. Голубевъ ³⁾). Мы лично склонны думать, что авторъ „Антиррисиса“, такъ часто завѣрявшій, что знаетъ чуть не въ лицо автора „Апокрисиса“, и утверждавшій, что послѣдній былъ явный протестантъ, не лгалъ ⁴⁾). Но кто бы онъ ни былъ, онъ первый осмѣлился выступить печатно противъ Скарги съ своей книгой, представлявшей верхъ тагдашней учености и исторической обстоятельности и основательности ⁵⁾).

О другомъ иновѣрцѣ — *Лятошъ* намъ извѣстно слѣдующее. Докторъ медицины и философіи краковскаго университета Іоаннъ Лятошъ (или Лятось), какъ человѣкъ нечуждый и математики, при введеніи въ Польшѣ календаря папы Григорія XIII высказался печатно противъ него. Не знаемъ, кого сильнѣе задѣло это обстоятельство—краковскаго ли епископа или краковскую академію, гдѣ Лятошъ состоялъ профессоромъ ⁶⁾), но ему пришлось бѣжать изъ города, по свидѣтельству автора Антиррисиса ⁷⁾). Изгнанникъ нашель убѣжище въ Острогѣ, гдѣ является не позже 1599 г., какъ видно изъ того же Антиррисиса, и вѣроятно не задолго предъ этимъ. По крайней мѣрѣ авторъ Перестроги, т. е. Юрій Рогатинецъ, бывшій въ концѣ 1596 г. въ Острогѣ, не зна-

---

¹⁾ Paganesis, 7.

²⁾ Апокрисисъ, 1870, предисл., стр. 33. 40.

³⁾ Тр. кiev. духов. акад., 1876, I, 139—147.

⁴⁾ П. П. Л., III, 667. 669. 721.

⁵⁾ Дѣйствительно ли Хр. Бронскій получилъ отъ кн. Острожскаго, по порученію котораго написалъ Апокрисисъ, и. Вильскъ съ нѣсколькими селами на Украинѣ (*Stebel-ski, Dwa wielkie swiatla...* II, 174. 175 въ прим.), мы не увѣрены. Въ «Старой Польшѣ» Балинскаго и Лицинскаго такого мѣстечка нѣтъ. Извѣстіе Стебельскаго, кажется, заимствовано изъ Антиррисиса, который, впрочемъ, не называетъ тѣхъ мѣстечекъ и селъ, которыми у автора Апокрисиса были «руце добре намазаны» (П. П. Л., III, 767. 769; cf. *Apologia*, 46. См. также *Скабалановича*, о. с., 5—7).

⁶⁾ Его трактатъ «*De mutationibus regionum*» и наблюденія надъ кометами и затмѣніями (*Starovolsciuz, Scriptorum polonicorum Exatoucas*, ed. 1733, № 53), вѣроятно, имѣли отношеніе къ его университетскимъ занятіямъ.

⁷⁾ П. П. Л., III, 773.

еть его и называетъ „нѣякимъ Лятосомъ“¹⁾. Живя въ Острогѣ, Лятошъ написалъ и напечаталъ въ Вильнѣ календарь на 1602 г., въ которомъ много говорилъ противъ реформы въ лѣтосчисленіи и новаго порядка празднованія Пасхи. Свой календарь Лятошъ посвятилъ краковскому епископу Бернарду Мацѣвскому и при этомъ указалъ на свои отношенія къ краковскому университету, чтобы придать себѣ больше авторитета. Это побудило университетъ и епископа осудить календарь Лятоша, какъ „не необходимый и пригодный притомъ къ поддержанію схизмы“ (15 и 24 февр. 1602 г.)²⁾.

Къ числу несомнѣнныхъ дѣятелей острожской типографіи и, вѣроятно, школы относится *іером. Кипріанъ*. Родомъ изъ Острога, онъ получилъ образованіе въ Венеціи и Падуѣ („во Енетіи и Пагавіи“), послѣ чего жилъ нѣкоторое время на Аѳонѣ³⁾ и, вѣроятно, въ Константинополѣ. Прибывшій въ 1594 г. въ западную Россію К. Лукарисъ засталъ его уже здѣсь и продолжалъ руководить имъ въ ученыхъ его занятіяхъ, пригласивши его въ Острогъ. Въ началѣ 1596 г. Кипріанъ былъ въ Львовѣ⁴⁾. На брестскомъ соборѣ 1596 г. онъ переводитъ на греческій языкъ рѣчь еп. Гедсона львовскаго и рассказъ печерскаго архимандрита Никифора Тура, излагающій исторію уніональныхъ стремленій русскихъ владыкъ⁵⁾. Въ 1597 г. мы видимъ Кипріана опять на Востокѣ⁶⁾, а еще чрезъ три года въ Острогѣ, живя въ которомъ, онъ написалъ греческіе посвятительные стихи на гербъ кн. Острожскихъ, помѣщенные на оборотѣ заглавнаго листа извѣстной поэмы *De Bello Ostrogiano*, 1600 г. Здѣсь онъ титулуется архидиакономъ. Около этого же времени онъ перевелъ съ греческаго языка на славянскій Златоустовскія бесѣды на Павловы посланія, по порученію княгини Софіи Боговитиновны, волынской хорунжей⁷⁾. Извѣстенъ еще переводъ Кипріана—50 бесѣдъ блаж. Макарія. Въ спискѣ перевода, хранящемся въ библиотекѣ кіево-софійскаго собора (№ 49) находимъ послѣ 50-ой

¹⁾ Крыловскій, *Акты*, № 58. А. З. Р., IV, стр. 225. Велевицей, говоря о выходѣ въ свѣтъ въ 1598 г. одного сочиненія Феликса Жебровскаго, направленаго противъ Лятоша, называетъ послѣдняго «академикомъ», слѣдовательно, членомъ академической корпораціи (*Scriptores regni polonicarum*, VII, 263).

²⁾ *Wielewiski*, *Scriptores regni polonicarum*, X, 26. 27. Ср. «Указатель, дополненія и примѣчанія къ VII тому Русск. истор. библиотеки», 220. 221.

³⁾ Бесѣды на 14 посланій ап. Павла (Кіевъ, 1623), предисловіе.

⁴⁾ *Bibliographie Hellénique aux 17 s.*, IV, №№ 40, 41, 45—48.

⁵⁾ *Ekthesis*, II. П. Л., III, 335. 354 (id. Чт. въ моск. общ. ист. и древн. росс., 1879, I, 5. 17).

⁶⁾ *Малышевскій*, Мелетій Пигасъ, II, №№ 21. 22.

⁷⁾ Предисловіе къ Бесѣдамъ, Кіевъ, 1623 г. Свящ. Сендульскій сообщаетъ, что этотъ переводъ былъ напечатанъ въ Рахмановѣ на средства кн. Вишневецкаго, подъ заглавіемъ: «Четырнадцать толкованій Апостольскихъ посланій Іоанна Хризостома» (Вол. еп. вѣд., 1871, 131). Но такое изданіе неизвѣстно никому изъ библиографовъ, да едва ли и существовало: въ предисловіи къ Бесѣдамъ 1623 г. прямо сказано, что работа Кипріана не была напечатана въ свое время.

бесѣды такое замѣчаніе нѣкоего писателя Макарія отъ 1610 г. 30 дек.: „въ пресловушемъ градѣ Острогѣ бѣ нѣкто благочестивъ інокъ Кипріанъ, сый горя духомъ и отъ благоговѣинства своего, раченіемъ уязвися, повелѣніемъ благоч. князя сию душеспасительную книгу, бесѣды, блаженнаго отца святаго Макарія, главы 50, преведе“.

Упомянемъ, наконецъ, дѣяка острожской школы *Тимофея Аннича*, *Тимофея Михайловича*, составившаго указатель къ Н. Завѣту 1580 г. ¹⁾, *Григорія Голубникова*, списавшаго въ 1593 г. Номоканонъ ²⁾, *Андрея Рымшу*. Литературная дѣятельность послѣдняго не закончилась Хронологіей. Въ изданномъ Мамоничами въ 1585 г. Сборникѣ онъ помѣстилъ свои стихи съ инициалами А. Р. на гербъ литовскаго канцлера Евстафія Волловича и полностью подписался подъ „эпиграммой“ на гербъ канцлера Льва Сапѣги, помѣщенной въ Литовскомъ Статутѣ 1588 г. ³⁾ и состоящей изъ 17-ти силлабическихъ двустижій. Писалъ Рымша и прозой. Такъ, въ 1585 г. въ Вильнѣ вышло его сочиненіе: *Decretos acroama, to jest, Dziesięcioroczne powieści wojennych spraw Krzyszt. Radziwiłła* ⁴⁾. Въ это время Рымша состоялъ слугою Хр. Радивилла, какъ видно изъ переводнаго его труда: „*Chorographia albo Topographia. To jest, osobliwe a okolne opisanie ziemie świętey: Z łacińskiego języka na polski przetłumaczone przez Andrzeja Rymszę Litwina*“ ⁵⁾.

Изъ воспитанниковъ острожской школы извѣстны Іовъ Княгиницкій, Гавріилъ Дорощевичъ и гетманъ Петръ Конашевичъ—Сагайдачный. Свидѣтельство о послѣднемъ находится въ Виршахъ на его смерть, написанныхъ К. Саковичемъ, ректоромъ кievскаго братскаго училища: „...„Воспитанный съ дѣтскихъ лѣтъ въ вѣрѣ восточной церкви, отправился онъ потомъ въ Острогъ, гдѣ при благочестивыхъ князьяхъ процвѣтали науки. Проживши тамъ нѣсколько лѣтъ и изучивши преподававшіяся на нашемъ славянскомъ языкѣ науки, Конашевичъ поступилъ затѣмъ въ запорожское рыцарство“ ⁶⁾... Но нѣтъ твердыхъ данныхъ для при-

¹⁾ Чт. въ моск. общ. ист. и древн. рос., 1888, I, 90, прим. 141.

²⁾ Чт. въ моск. общ. ист. и древн. рос., 1862, II, Смѣсь. Номоканонъ этотъ сгорѣлъ въ 1812 г. вмѣстѣ съ другими пѣнными рукописями проф. Ваузе.

³⁾ Статутъ перепечатанъ въ Временникѣ моск. общ. ист. и древн. рос., кн. 19.

⁴⁾ *Finkel L.*, Bibliographia Historii Polskiej, I (1891), № 7482.

⁵⁾ Вторую часть книги составляетъ Исторія Іосифа (Флавія) объ осадѣ и разрушеніи Іерусалима. Первая часть — Описаніе Палестины была въ 1595 г. переиздана (*Wierzbowski*, № 2981). Если бы можно было доказать, что Андрей Рымша—воспитаникъ острожской школы, это изданіе дало бы новый доводъ въ пользу преподаванія въ послѣдней латинскаго языка и притомъ—съ начала ея существованія.

⁶⁾ *Голубевъ*, Ист. Кіев. академіи, прилож., стр. 23. Въ письмѣ литовскаго канцлера Льва Сапѣги къ полоцкому униатскому архіепископу Іосифату Кунцевичу (1622) есть «предрагоднѣнное» указаніе на какое-то сочиненіе Петра Конашевича (*Бантышъ-Каменскій*, Исторія. извѣстіе о возникшей въ Польшѣ униі, 1805, стр. 77). Это сочиненіе, какъ до-

численія въ острожскимъ воспитанникамъ Іова Борецкаго, преп. Аванасія Филипповича, Леонтія Карповича, Исаіи Копинскаго, Дм. Самозванца, Захаріи Копыстенскаго ¹⁾).

гадывается м. Макарій, есть записка, поданная гетманомъ королю въ 1621 г. съ просьбой объ утвержденіи православныхъ владыкъ и сверженіи уніатскихъ (XI, 281, примѣчаніе 228).

¹⁾ *Максимовичъ*, I, 183. Вол. еп. вѣд., 1882, 52, прим. 1. *Завитневичъ*, Палинодія Захаріи Копыстенскаго, 255—257. Богословскій вѣстникъ, 1897 г., сентябрь, 199 (*А. Пяковъ*, Эпоха преобразованія зап.-русскихъ церк. братствъ).

ГЛАВА X.

Братскія школы.

Какъ ни огромны были матеріальныя средства князя К. К. Острожскаго, какъ ни велики были его политическое значеніе и церковный авторитетъ ¹⁾, для него и для всѣхъ было ясно, что единичными силами его не исправить того „грубіанства“ въ духовенствѣ и народѣ, въ которомъ и лежалъ корень церковнаго зла, и что онъ самъ нуждается въ помощи. Такую помощь принесли князю и всему народу мѣщане городовъ, сгруппировавшіеся въ братства.

Если вообще понятно, почему просвѣтительное дѣло перешло изъ рукъ духовенства къ свѣтскимъ людямъ, то нетрудно понять и то, почему руководить имъ стали именно горожане. Казалось бы, преимущество въ этомъ дѣлѣ должно принадлежать тому классу народа, который по своему политическому и умственному развитію болѣе другихъ способенъ былъ сознать опасность, грозившую національности и церкви, и найти выходъ изъ нея, а по своимъ матеріальнымъ недостаткамъ и досугу имѣлъ возможность предотвратить ее или уменьшить путемъ распространенія образованія. Но дѣло въ томъ, что къ концу XVI столѣтія тѣ вредныя для русскаго народа вліянія, противъ которыхъ и нужно было бороться, захватили уже цѣлую половину аристократіи русской и значительную часть дворянства. Мелетій Смотрицкій въ своемъ *Өриносѣ* (1610) насчиталъ не одинъ десятокъ знатныхъ русскихъ родовъ, погибшихъ для русскаго народа и для православія. Если же другая часть дворянства была еще сильна своими православными убѣжденіями и національнымъ самосознаніемъ, то не всѣ вельможные паны и дворяне могли взяться за просвѣщеніе народа. Не говоря уже о томъ, что иные изъ нихъ были настолько

---

¹⁾ Въ 1595 г. онъ писалъ о себѣ: «Множайшіе отъ обывателей здешней области панства наяснѣйшаго короля... звлаца правовѣрные хрестіане... мене нікако въ здѣшнемъ краю за начальника въ православію быти менать» (А. З. Р., IV, № 71).

неграмотны, что не могли подписать своей фамиліи ¹⁾, для огромнаго большинства ихъ школа—не низшая, учившая только читать и писать, а школа, какъ средство и сильнѣйшее орудіе культурной и религіозной борьбы, представлялась дѣломъ совершенно новымъ, и не многіе завели ее (князя Курбскій, Острожскій, Слуцкій). Лишенные собственной инициативы, русскіе паны могли дѣйствовать только, какъ члены и покровители церковныхъ братствъ, поддерживая всѣ ихъ добрыя начинанія и учрежденія и позволяя имъ располагать своими деньгами, политическими и общественными вліяніемъ и связями ²⁾. Только князь Острожскій могъ вести борьбу съ разновѣріемъ и невѣжествомъ по собственному почину, исключительно на свой счетъ, систематически, въ теченіе нѣсколькихъ десятиль дѣтъ.

Мѣщане западнорусскихъ городовъ тѣмъ легче могли взять на себя и выполнить просвѣдительную миссію, что они были классомъ болѣе или менѣе независимымъ юридически, такъ какъ пользовались самоуправленіемъ, и, благодаря занятію торговлей и ремеслами, довольно богатымъ, а вслѣдствіе этого болѣе другихъ развитымъ и образованнымъ или, по крайней мѣрѣ, сознававшимъ нужду въ образованіи. Съ другой стороны, въ нѣкоторыхъ городахъ мѣщане уже организовались въ церковныя братства и, такимъ образомъ, просвѣщеніе народа въ православномъ духѣ было для нихъ не постороннимъ какимъ-либо занятіемъ, а только присоединеніемъ къ прежней дѣятельности еще одной функціи, соотвѣтствовавшей потребностямъ времени. Даже и это не было совершенною новостью, такъ какъ извѣстно давнее участіе мѣщанъ—католиковъ въ такихъ городахъ, какъ Львовъ, Вильна, въ завѣдываніи школами. И если братства наши всего естественнѣе считать дальнѣйшей стадіей развитія коллективнаго патроната ³⁾, то должно вмѣстѣ съ тѣмъ признать въ нихъ черты аналогичныя съ особенностями патроната мѣщанъ католиковъ по отношенію къ извѣстнымъ костеламъ города ⁴⁾. И будущему

---

¹⁾ Арх. сб., IV, стр. 305.

²⁾ Такъ, въ львовское братство вписались Ѳ. Скуминъ и Богданъ Саиба, новгородскій и минскій воеводы, «зъ многими великими станы»,—«дабы посполу промышляти о всемъ въ общую ползу, и заступати отъ всякоя напасти» (А. З. Р., IV, № 33, 1).

³⁾ *Голубевъ*, Исторія Кіев. дух. академіи, 79—83. Здѣсь же кратко изложены взгляды на происхожденіе и характеръ нашихъ западнорусскихъ братствъ *С. М. Соловьева* («Братчины», Рус. бесѣда, 1856, кн. IV, смѣсь), свящ. *Г. Флерова* («О прав. церк. братствахъ, противоборствовавшихъ униі въ юго-западной Россіи въ XVI—XVIII ст.», 1857, СПб.), *М. О. Кояловича* («Чтенія о церк. западно-русскихъ братствахъ», День, 1862, №№ 36—42), *Н. А. Скабаланивича* («Западно-европейскія гильдіи и зап.-русскія братства», Христ. чтеніе, 1871, II).

⁴⁾ Это не значитъ, что «мысль о братствахъ перешла къ русскимъ отъ западной церкви, гдѣ въ обычаѣ было составлять добровольныя корпораціи на религіозныхъ началахъ» (*Костомаровъ*, Монографіи, III, 200). Католическія польскія братства съ определенной программой явились, кажется, не раньше 1584 г., когда учреждено было въ Краковѣ братство милосердія (*P. Skarga*, Kazania przygodne, 1610, str. 112, et sqq. и 144 et sqq.: Rozządki bractwa), между тѣмъ наши братства уже въ 1561 г. въ одной королевской грамотѣ названы «звѣчистыми» (Вит. стар., I, № 27), и имѣются данныя для установленія:

историку нашихъ братствъ необходимо обратить вниманіе на эту сторону дѣла,—на то, что во Львовѣ именно въ Вильнѣ, гдѣ всего ранѣе стали исторически извѣстны православныя братства, у католиковъ—горожанъ были такія же отношенія къ своимъ костеламъ и школамъ, какія проявили послѣ православные мѣщане къ своимъ церквамъ и училищамъ ¹⁾.

Не останавливаясь на вопросахъ о происхожденіи, дѣятельности и заслугахъ для православной западнорусской церкви нашихъ братствъ вообще, что нашло уже спеціальныхъ изслѣдователей, считаемъ нужнымъ указать только отношеніе братствъ къ вопросу о просвѣщеніи народа и затѣмъ изложить судьбу ихъ школъ въ періодъ времени отъ появленія послѣднихъ до начала правленія короля Владислава ІV.

Братства при нашихъ церквахъ существовали издавна, но систематическое умноженіе ихъ замѣчается съ того времени, когда стало очевиднымъ для всѣхъ, что польское правительство, руководимое іезуитами, настойчиво домогается поработить папѣ русскую церковь и полонизировать русскій народъ и что, съ другой стороны, на его вѣру и національность покушаются и протестанты. Тогда-то и явилась потребность соединить православныя силы въ братства и, сосредоточивъ ихъ интересы на благосостояніи храмовъ и прихожанъ, укрѣпить національное и православно-религіозное сознаніе. Это оживленіе церковно-приходской жизни всего ранѣе обнаружилось въ Галиціи, гдѣ польско-католическое вліяніе сильнѣе всего давало себя чувствовать ²⁾. Но въ это время явившіяся братства имѣютъ еще, подобно древнѣйшимъ—львовскому-успенскому, виленскому-кушнерскому ³⁾, узко-филантропическій характеръ: они поставляютъ цѣлью своей дѣятельности вспоможеніе бѣднымъ, больнымъ, погребеніе умершихъ, благоустройство храмовъ и иногда только самопросвѣщеніе чрезъ чтеніе священныхъ книгъ ⁴⁾. Но скоро братства расширили кругъ своей дѣятельности и получили даже вліяніе на общецерковныя дѣла.

генетической связи ихъ съ тѣми сѣверо-восточными братчинами, которыя извѣстны уже въ XII в. и даже ранѣе (*Соловьевъ*, Братчины. Ср. Рус. бес., 1858, I, Критика. Рецензія на сочиненіе о. Флерова. *Н. Д. Бяляевъ*, Рассказы изъ рус. исторіи, кн. IV, 1872, 234. 235).

¹⁾ Во Львовѣ патронирваемымъ костеломъ былъ маринскій, послѣ св.-духовскій со школами при нихъ (*Akta Lwowskie*, III, №№ 70, 75; IV, № 5; V, №№ 105, 118), въ Вильнѣ—св.-янскій (*Zbiór praw i przywilejów miasta stołecznego W. X. L. Wilnowi nadanych*, 1788, p. 42).

²⁾ Изъ такихъ братствъ укажемъ львовское-николаевское, на краковскомъ предметѣ, явившееся въ 1544 г. (*Monim confrat. staur. Leopold.*, I, № 48), вышенское (1563), самборское (1564). *Арх. Ю.-З. Р.*, I, VI, № 22. *Добрянскій Алт.*, Песторія епископовъ епархіи перемышльской, самборской и саночской, 1893, Львовъ, 51. 56—58.

³⁾ Оба они становятся извѣстными около середины XV ст. (*М. Макарій*, IX, 33).

⁴⁾ Такія братства продолжаютъ существовать и появляться и въ самомъ концѣ XVI ст. и даже въ XVII ст., когда уже общая программа братской дѣятельности расширилась. Таковы, напр.: крычовское братство (1583), оршанское (1592), предтеченское въ Каменцѣ Подольскомъ (1606), красновставское (1607), холмское (1617), шаргородское (1618) и др. (*А. З. Р.*, IV, №№ 38, 39; *Батюшковъ*, Подолія, 93; Холмско-варш. еп. вѣстн., 1879, 322: 1891, 221).

Они увидѣли, что равнодушіе епископовъ къ церковнымъ нуждамъ было гибельнымъ, особенно теперь, при посягательствахъ на нихъ враговъ православія. Въ виду этого они попытались взять на себя попеченіе о томъ, что ближайшимъ образомъ надлежало бы вѣдать не мірянамъ, а клиру,—т. е. попеченіе о чистотѣ вѣры и нравственности и цѣлости каноническихъ узаконеній. Въ этомъ стремленіи они были поддержаны восточными патріархами, которые дали братствамъ право участія въ дѣлахъ епархіальнаго управленія, право нравственнаго контроля надъ всѣми православными и даже надъ самими епископами ¹⁾. Члены братствъ не могли не видѣть, что душевное спасеніе и спасеніе церкви немислимы безъ укрѣпленія религиозныхъ убѣжденій путемъ образованія — чрезъ школы, проповѣдь слова Божія, чтеніе церковныхъ книгъ, что и самое отступленіе дворянъ въ латинство и протестантство происходитъ отъ того, что „учители и ученія по благочестію не суть“. Они пришли къ сознанию, что „духовная милостыня, албо ялмужна“, выше тѣлесной, что первая вторую „такъ далеце якъ землю небо о базѣ и задности (вѣсомъ и значеніемъ) своей переходитъ (превосходитъ)“ ²⁾. Потому, чѣмъ дальше, тѣмъ чаще въ уставы вновь открываемыхъ братствъ вносятся статьи объ устройствѣ типографій, школъ и самыя школы, наряду съ церквями и гостиницами, считаются учрежденіями богоугодными, священными ³⁾.

Толчокъ къ появленію братствъ съ просвѣдительными задачами, съ ясно поставленной цѣлью—„законъ и вѣру утверждати“, дала попытка короля ввести новый календарь,—такъ, по крайней мѣрѣ, смотритъ на это авторъ „Боркулабовской хроники“, ставящій въ самую тѣсную связь („того-жь часу“..) „замѣшанье“ по поводу этой попытки и устройство школъ и „братерствъ“ во Львовѣ, Вильнѣ, Брестѣ ⁴⁾. Начало длинному ряду такихъ братствъ положено львовянами, устроившими школу въ 1586 г., но еще въ 1585 г. обзаведшимися типографіей. Подъ вліяніемъ львовскаго братства и по его уставу устроились братства въ Рогатинѣ, Городѣ, Галичѣ, Гологурахъ, Красномъ Ставѣ, Сатановѣ, Перемышлѣ, Комарнѣ. Львовскому братству по силѣ благотворнаго вліянія на церковныя

¹⁾ Въ виду патріаршей санкціи такихъ отношеній между мірянами и клиромъ представляется невозможнымъ согласиться съ мыслию г. Кулиша, что братства, по примѣру протестантовъ и усвоивъ протестантскій образъ мыслей, стали вмѣшиваться въ епархіальныя дѣла (Чт. въ моск. общ. ист. и древн. рос., 1888, II, 26, 27); хотя зависимость устройства нашихъ братствъ отъ нѣмецкихъ муниципій совершенно отрицается быть не можетъ (ibid; *Архивъ Филарета*, Обз. рус. дух. литературы, I, 229, 230), за что отчасти можетъ говорить и то обстоятельство, что еп. Гедеонъ Балабанъ обзывалъ львовскихъ братчиковъ «лютрами», чиня ихъ братства производилъ отъ еретиковъ и пр. (Мопшт. confg., I, № 99, 130).

²⁾ Пред. къ Учит. Еванг. 1616 г. (Евье). Ср. «Упись кievскаго братства». Здѣсь «подаване наукъ учтивыхъ и цвичене дѣтей народу христіанского» относится къ числу «христіанскихъ милосердныхъ учинковъ» и ставятся выше «тѣлесныхъ» добрыхъ дѣлъ (*Голубевъ*, Ист. Кіев. акад., прилож., стр. 2).

³⁾ Въ одномъ изъ уставовъ лужской школы сказано, что ученики должны обнаруживать особенное почтеніе къ мѣстамъ, посвященнымъ Богу, какъ-то: монастырямъ, кладбищамъ, школамъ (II. К. К., I, № IX, § 10)

⁴⁾ *Кулишъ*, Матеріалы для исторіи воссоединенія Руси, I, 53.

дѣла и на духовное просвѣщеніе не уступало одновременно съ нимъ преобразовавшееся виленское братство. По чину ихъ обоихъ учреждаются всѣ прочія просвѣтительныя братства. Число ихъ и школъ особенно умножается съ начала 90-хъ годовъ: къ этому вызывало обнаруженіе стремленія владыкъ къ уніи съ Римомъ и затѣмъ самая унія. Что, дѣйствительно, между этими явленіями была причинная связь, на это указываютъ и даты появленія братствъ со школами и свидѣтельство волинскаго чапника Лаврентія Древинскаго на сеймѣ 1620 г. „Если бы, говорилъ онъ, нѣкоторые изъ нашего духовенства не отступили отъ своего законнаго пастыря и если бы ишедшіе отъ насъ не возстали на насъ, то такія науки, такія училища, такое число достойныхъ и ученыхъ людей никогда не явилось бы въ русскомъ народѣ“¹⁾. Изъ такихъ братствъ въ это время получили начало: могилевское, брестское (1591), минское (1592), бѣльское, люблинское (1594), санокское (1600), замостское (1606), кievское (1615), лудское (1617), винницкое, немировское, бѣлиловецкое, пинское, кременецкое.

Исторія братскихъ или городскихъ православныхъ школъ началась въ 1584 г., когда впервые обнаружилось отношеніе польскаго правительства къ школьному образованію православныхъ западноруссовъ. Поводомъ къ тому послужила просьба виленскихъ мѣщанъ передать въ ихъ завѣдываніе св.-троицкій монастырь и позволить имъ содержать въ немъ училище²⁾. Король Стефанъ Баторій разрѣшилъ имъ „школы будовать“ (строить), а въ слѣдующемъ году распространилъ это разрѣшеніе на всѣхъ православныхъ русскихъ, подтвердивъ данныя имъ своими предшественниками привилегіи относительно свободнаго созиданія церквей, госпиталей и школъ (gymnasia), какъ изъ дерева, такъ и изъ камня³⁾. Менѣе сочувственное отношеніе обнаружилъ къ православнымъ школамъ преемникъ Стефана Баторія Сигизмундъ III, хотя и онъ рѣдко отказывалъ имъ и братствамъ въ подтвержденія ихъ уставовъ, особенно въ началѣ своего правленія.

Съ другой стороны, и наша іерархія, вслѣдъ за греческими патриархами, не ставила препятствій просвѣтительной дѣятельности братствъ. И если во Львовѣ епископъ Гедеонъ оспаривалъ не только право „ремесленниковъ“ просвѣщать другихъ, но и пригодность просвѣщенія для нихъ самихъ, какъ мірянъ, то его воззрѣній не раздѣляли другіе епископы западнорусской церкви, во главѣ съ митрополитомъ Михаиломъ Рагозой, который не только осудилъ противниковъ ученія въ львовской школѣ, дѣйствовавшихъ согласно съ епископомъ Гедеономъ⁴⁾, но и

¹⁾ Вантышъ-Каменскій, Историческое извѣстіе о возникшей въ Польшѣ уніи, 1805, стр. 69.

²⁾ А. З. Р., III, № 144.

³⁾ Бѣлорус. арх., I, № 15 (id. Апокрисисъ, II, II. Л., II, 1103 и слѣд.; ср. Синописисъ, Арх. Ю.-З. Р., I, VII, 548—549). Дата привилея—18 мая 1585 г. Поводомъ къ нему послужило удовлетвореніе просьбы православныхъ объ освобожденіи ихъ отъ обязательнаго принятія навязываемаго имъ григоріанскаго календаря.

⁴⁾ А. З. Р., IV, № 24. Самъ епископъ Гедеонъ не былъ врагомъ образованія самого по себѣ, онъ не хотѣлъ только уступить завѣдыванія имъ мірянамъ (объ этомъ ниже).

оказывалъ всяческое покровительство школьному ученію. Мало того: епископы наши, придя къ сознанію „великаго нестроенія межъ духовенствомъ“, порѣшили собираться ежегодно въ Брестѣ, чтобъ соборно „о справахъ церковныхъ обмыслити, о школахъ, о наукахъ, о шпиталяхъ и о иныхъ добрыхъ справахъ святыхъ побожныхъ“, для чего епископы должны были являться съ духовными лицами, „въ писмѣ Божомъ научеными“ ¹⁾. Хотя сами епископы, за исключеніемъ перемышльскаго—Михаила Копыстенскаго, заведшаго вмѣстѣ съ братствомъ школу въ своей епархіи ²⁾, не сочли себя обязанными лично устраивать училища, такъ что спустя нѣсколько лѣтъ кн. Острожскому пришлось „напоминать имъ о томъ, что постановленія брестскихъ соборовъ относительно школъ, типографій и другихъ важныхъ для церкви предметовъ совсѣмъ не исполняются“ ³⁾,—но хорошо уже было то, что они не шли противъ просвѣдательныхъ начинаній братствъ и даже поддерживали ихъ въ случаяхъ, не затрогивавшихъ ихъ прямыхъ, матеріальныхъ интересовъ. Правда, епископы въ концѣ концовъ выразили протестъ противъ завѣдыванія школьнымъ дѣломъ мірянъ: переходя въ унию, они пожелали, чтобы король передалъ его въ ихъ руки, и король, дѣйствительно, грамотой отъ 2 августа 1595 года предоставилъ имъ власть надъ братствами и право „закладанья школъ и семинарій греческаго и словенскаго языка“ и устройства типографій, подъ надзоромъ митрополита и высшимъ контролемъ католической церкви ⁴⁾,—но эта передача не коснулась братскихъ школъ: она является уже однимъ изъ моментовъ исторіи униатскихъ училищъ.

Сами братства нѣсколько затормозили успѣхи просвѣщенія, вздумавъ сосредоточить заботы о немъ въ своихъ рукахъ. Правда, они исходили при этомъ изъ опасенія проведенія неправославныхъ убѣжденій въ другихъ школахъ, не подлежавшихъ ихъ контролю, но и самое опасеніе ихъ было напраснымъ, такъ какъ эти другія школы содержались обыкновенно духовенствомъ или находились подъ его надзоромъ. И если бы нужда въ школахъ не была такъ сильна, братства при своемъ вліяніи на епископовъ могли бы совершенно убить меньшія, приходскія училища въ большихъ городахъ. Уже на брестскомъ соборѣ 1590 г., 22 іюня, м. Михаилъ Рагоза, слѣдуя патріаршему привилею (ноябрь 1589), называлъ братскую школу во Львовѣ, при успенской церкви, соборною и запретилъ подъ клятвою быть другимъ училищамъ, какъ въ самомъ городѣ, такъ и въ предмѣстьяхъ его ⁵⁾. 27 октября 1591 г. это же запрещеніе было примѣнено соборомъ и къ Вильнѣ. Благословивши учрежденіе братствъ въ другихъ городахъ по чину львовскаго, епископы

¹⁾ Соборное дѣланіе 20 іюня 1590 г.—А. З. Р., IV, № 25.

²⁾ *Голубевъ*, Петръ Могила, прилож., №№ 7—9. Копыстенскій получилъ королевскую привиллегію на кафедру 20 іюня 1591 г. (*ibid.*, стр. 30).

³⁾ П. И. Л., III, 603 (*id.* А. З. Р., IV, № 63).

⁴⁾ *Pelesz*, Geschichte der Union, I, 534. А. З. Р., IV, № 79.

⁵⁾ П. К. К., III, № 7 (*id.* Научовый сборникъ, 1868 г. Акты, № 11).

относительно школъ сдѣлали такое опредѣленіе: „Также и школу при тѣхъ же братствахъ львовскомъ и виленскомъ соборнѣйшую вгредцаго и словенскаго языка постановляемъ и друкарню утверждаемъ во Львовѣ и въ Вилни. Школы же иные побутныя (незначительныя, въ углахъ помѣщающіяся) вромѣ единой съборной братской школы при мѣстѣ (въ городѣ) во уничиженію съборной школѣ конечно мѣти забороняемъ (совершенно запрещаемъ)“¹⁾. Еще сильнѣе стремленіе братствъ къ захвату всего просвѣщенія проявилось въ инструкціи виленскаго братства посламъ, отправленнымъ имъ на брестскій соборъ 24 іюня 1594 г. Инструкція эта любопытна и въ томъ отношеніи, что содержитъ въ себѣ цѣлый рядъ мѣръ, выработанныхъ виленскимъ братствомъ для поднятія православнаго просвѣщенія въ русскомъ народѣ, съ попыткой привлечь къ дѣятельному матеріальному участию въ этомъ православное духовенство. Посламъ предложено было домогаться: а) утвержденія братствъ, благословенныхъ митрополитомъ и соборами епископовъ, и уничтоженія тѣхъ братствъ, которыя установлены были еп. Гедеономъ въ противодѣйствіе и во вредъ первымъ; б) учрежденія по ихъ программѣ братствъ въ повѣтовыхъ городахъ и снабженія ихъ учеными попами и школами, чтобы „простяки“ не гибли отъ разныхъ еретиковъ; в) чтобъ въ каждомъ такомъ городѣ была только одна школа—братская и другихъ училищъ во вредъ ей не было; г) чтобъ типографіи оставались только въ Вильнѣ и Львовѣ и чтобъ не были принимаемы въ употребленіе церковныя книги изъ другихъ типографій, подозрительныя и церкви вредныя; д) чтобъ имѣнія, наданныя для славы Божіей и спасенія душъ, не были опустошаемы епископами для личныхъ цѣлей и удовольствій, но были обращаемы на науки, на школы, проповѣдниковъ, хорошихъ священниковъ, сиротъ, на постройку госпиталей и церквей; е) чтобъ митрополитъ и каждый епископъ, архимандритъ и игумень ежегодно отдавали $\frac{1}{10}$ часть всѣхъ своихъ доходовъ на устроеніе школъ, типографій и на иныя церковныя нужды (между прочимъ, на содержаніе постоянного экзарха или легата патриаршаго) и чтобъ на этотъ же предметъ шли доходы съ вакантныхъ кафедръ митрополита и епископовъ; „скрышка“ (сундушокъ) же съ этими деньгами имѣетъ быть поручена брестскому епископу, „такъ какъ все это было постановлено между собой и на прежнемъ (pierwszym) соборѣ“; ж) чтобъ монастыри были наполнены монахами, ибо они пустыютъ теперь отъ того, что епископы захватили ихъ имѣнія; з) чтобъ ежегодно былъ соборъ; и) чтобъ соборныя опредѣленія были внесены на ближайшемъ вальномъ сеймѣ въ конституцію, къ чему митрополитъ и епископы должны расположить шляхту на повѣтовыхъ сеймикахъ, и т. п.²⁾. Соборъ, на которомъ были представители

¹⁾ Monum. confr., I, № 207 (id. Крыловскій, Акты, № 43).

²⁾ Арх. ун. м-товъ, № 168—польскій списокъ инструкціи, подписанный новгородскимъ воеводой Ѳ. Скуминымъ, брестскимъ каштеляномъ Гр. Войной, мстиславскимъ каштеляномъ Семеномъ Войной, судьей Богданомъ Сапѣгой, маршалкомъ Михаиломъ Друцкимъ-Соколинскимъ, Иваномъ Тризной, Авраамомъ Мелешкомъ, Лукой Гарабурдой, Георгіемъ Масальскимъ, Вас. Кирдеемъ, мстиславскимъ подстоіемъ Стан. Карагономъ, ковненскимъ земскимъ судьей Георгіемъ Радошинскимъ, скарбникомъ вел. княжества

оказывалъ всяческое покровительство школьному ученію. Мало того: епископы наши, придя къ сознанию „великаго нестроенія межъ духовенствомъ“, порѣшили собираться ежегодно въ Брестѣ, чтобъ соборно „о справахъ церковныхъ обмыслити, о школахъ, о наукахъ, о шпиталяхъ и о иныхъ добрыхъ справахъ святыхъ побожныхъ“, для чего епископы должны были являться съ духовными лицами, „въ писмѣ Божомъ научеными“¹⁾. Хотя сами епископы, за исключеніемъ перемышльскаго—Михаила Копыстенскаго, заведшаго вмѣстѣ съ братствомъ школу въ своей епархіи²⁾, не сочли себя обязанными лично устраивать училища, такъ что спустя нѣсколько лѣтъ кн. Острожскому пришлось „напоминать имъ о томъ, что постановленія брестскихъ соборовъ относительно школъ, типографій и другихъ важныхъ для церкви предметовъ совсѣмъ не исполняются“³⁾,—но хорошо уже было то, что они не шли противъ просвѣтительныхъ начинаній братствъ и даже поддерживали ихъ въ случаяхъ, не затрогивавшихъ ихъ прямыхъ, матеріальныхъ интересовъ. Правда, епископы въ концѣ концовъ выразили протестъ противъ завѣдыванія школьнымъ дѣломъ мірянъ: переходя въ унию, они пожелали, чтобы король передалъ его въ ихъ руки, и король, дѣйствительно, грамотой отъ 2 августа 1595 года предоставилъ имъ власть надъ братствами и право „закладанья школъ и семинарій греческаго и словенскаго языка“ и устройства типографій, подъ надзоромъ митрополита и высшимъ контролемъ католической церкви⁴⁾,—но эта передача не коснулась братскихъ школъ: она является уже однимъ изъ моментовъ исторіи униатскихъ училищъ.

Сами братства нѣсколько затормозили успѣхи просвѣщенія, вздумавъ сосредоточить заботы о немъ въ своихъ рукахъ. Правда, они исходили при этомъ изъ опасенія проведенія неправославныхъ убѣжденій въ другихъ школахъ, не подлежащихъ ихъ контролю, но и самое опасеніе ихъ было напраснымъ, такъ какъ эти другія школы содержались обыкновенно духовенствомъ или находились подъ его надзоромъ. И если бы нужда въ школахъ не была такъ сильна, братства при своемъ вліяніи на епископовъ могли бы совершенно убить меньшія, приходскія училища въ большихъ городахъ. Уже на брестскомъ соборѣ 1590 г., 22 іюня, м. Михайлъ Рагоза, слѣдуя патріаршему привилею (ноябрь 1589), называлъ братскую школу во Львовѣ, при успенской церкви, соборною и запретилъ подъ клятвою быть другимъ училищамъ, какъ въ самомъ городѣ, такъ и въ предмѣстьяхъ его⁵⁾. 27 октября 1591 г. это же запрещеніе было примѣнено соборомъ и къ Вильнѣ. Благословивши учрежденіе братствъ въ другихъ городахъ по чину львовскаго, епископы

¹⁾ Соборное дѣяніе 20 іюня 1590 г.—А. З. Р., IV, № 25.

²⁾ *Голубевъ*, Петръ Могила, прилож., №№ 7—9. Копыстенскій получилъ королевскую привиллегію на кафедрѣ 20 іюня 1591 г. (*ibid.*, стр. 30).

³⁾ П. Н. Л., III, 603 (*id.* А. З. Р., IV, № 63).

⁴⁾ *Pelesz*, Geschichte der Union, I, 534. А. З. Р., IV, № 79.

⁵⁾ П. К. К., III, № 7 (*id.* Научовый сборникъ, 1868 г. Акты, № 11).

относительно школъ сдѣлали такое опредѣленіе: „Также и школу при тѣхъ же братствахъ львовскомъ и виленскомъ соборнѣйшую вгредскаго и словенскаго языка постановляемъ и друкарню утверждаемъ во Львовѣ и въ Вилки. Школки же иные покутныя (незначительныя, въ углахъ помѣщающіяся) вромѣ единой съборной братской школы при мѣстѣ (въ городѣ) во уничиженію съборной школѣ конечно мѣти забороняемъ (совершенно запрещаемъ)“¹⁾. Еще сильнѣе стремленіе братствъ къ захвату всего просвѣщенія проявилось въ инструкціи виленскаго братства посламъ, отправленнымъ имъ на брестскій соборъ 24 іюня 1594 г. Инструкція эта любопытна и въ томъ отношеніи, что содержитъ въ себѣ цѣлый рядъ мѣръ, выработанныхъ виленскимъ братствомъ для поднятія православнаго просвѣщенія въ русскомъ народѣ, съ попыткой привлечь къ дѣятельному матеріальному участию въ этомъ православное духовенство. Посламъ предложено было домогаться: а) утвержденія братствъ, благословенныхъ митрополитомъ и соборами епископовъ, и уничтоженія тѣхъ братствъ, которыя установлены были еп. Гедеономъ въ противодѣйствіе и во вредъ первымъ; б) учрежденія по ихъ программѣ братствъ въ повѣтовыхъ городахъ и снабженія ихъ учеными попами и школами, чтобы „простаки“ не гибли отъ разныхъ еретиковъ; в) чтобы въ каждомъ такомъ городѣ была только одна школа—братская и другихъ училищъ во вредъ ей не было; г) чтобы типографіи оставались только въ Вильнѣ и Львовѣ и чтобы не были принимаемы въ употребленіе церковныя книги изъ другихъ типографій, подозрительныя и церкви вредныя; д) чтобы имѣнія, наданныя для славы Божіей и спасенія душъ, не были опустошаемы епископами для личныхъ цѣлей и удовольствій, но были обращаемы на науки, на школы, проповѣдниковъ, хорошихъ священниковъ, спроть, на постройеніе госпиталей и церквей; е) чтобы митрополитъ и каждый епископъ, архимандритъ и игумень ежегодно отдавали $\frac{1}{10}$ часть всѣхъ своихъ доходовъ на устроеніе школъ, типографій и на иные церковныя нужды (между прочимъ, на содержаніе постояннаго экзахра или легата патриаршаго) и чтобы на этотъ же предметъ шли доходы съ вакантныхъ кафедръ митрополита и епископовъ; „скрынка“ (сундучокъ) же съ этими деньгами имѣеть быть поручена брестскому епископу, „такъ какъ все это было постановлено между собой и на прежнемъ (pierwszym) соборѣ“; ж) чтобы монастыри были наполнены монахами, ибо они пустыютъ теперь отъ того, что епископы захватили ихъ имѣнія; з) чтобы ежегодно былъ соборъ; и) чтобы соборныя опредѣленія были внесены на ближайшемъ вальномъ сеймѣ въ конституцію, къ чему митрополитъ и епископы должны расположить шляхту на повѣтовыхъ сеймикахъ, и т. п.²⁾. Соборъ, на которомъ были представители

¹⁾ Monum. confr., I, № 207 (id. Крыловскій, Агты, № 43).

²⁾ Арх. ун. м-товъ, № 168—польскій списокъ инструкціи, подписанный новгородскимъ воеводой Ѳ. Скуминнымъ, брестскимъ каштеляномъ Гр. Войной, мстиславскимъ каштеляномъ Семеномъ Войной, судьей Богданомъ Сапѣгой, маршалкомъ Михаиломъ Друцкимъ-Соколинскимъ, Иваномъ Тризной, Авраамомъ Мелешкомъ, Лукой Гарабурдой, Георгіемъ Масальскимъ, Вас. Кирдеемъ, мстиславскимъ подстолиемъ Стан. Карагономъ, ковенскимъ земскимъ судьей Георгіемъ Радошинскимъ, скарбникомъ вел. княжества

не только виленскаго братства, но и львовскаго, брестскаго, красноставскаго, гольшанскаго, городецкаго, галичскаго, бѣльскаго и многихъ другихъ, рассмотрѣвъ эту инструкцію, утвердилъ нѣкоторые ея пункты и обошелъ молчаніемъ тѣ, которые требовали отъ высшаго духовенства матеріальныхъ пожертвованій на пользу церкви. Въ частности, соборная грамота говоритъ: „относительно школъ братскихъ мы, согласно съ патріаршимъ и нашимъ соборнымъ постановленіемъ, такъ опредѣляемъ: быть двумъ соборнѣйшимъ школамъ, — одной въ Вильнѣ, а другой во Львовѣ, при братствахъ церковныхъ, подъ верховенствомъ архіепископа, и не было бы (въ городѣ) никакихъ другихъ, меньшихъ школъ, открытыхъ ко вреду школъ братской; можно только при каждой церкви учить двухъ или трехъ мальчиковъ для помощи священнику“. Контролю митрополита и епископовъ подчинены были также находившіяся въ ихъ епархіяхъ типографіи и выходившія изъ нихъ книги ¹⁾).

Такимъ образомъ, въ постановленіи собора 1594 г. уже обнаруживается намѣреніе положить предѣлъ монополіи братствъ по части образованія и неподчиненности ихъ и школъ духовенству. Хотя церковной власти не удалось сдѣлать это за переходомъ ея въ унию, мысль о подчиненіи школъ духовенству продолжала жить. Несмотря на всѣ плоды братскихъ школъ, несмотря на всю пользу для православной церкви защиты ея правъ людьми свѣтскими, съ самаго начала существованія братствъ чувствовалась неестественность завѣдыванія мірянъ религіозно-просвѣтительными учрежденіями. Невольно возникало при этомъ опасеніе, что міряне—заправили впадутъ въ ересь и при своемъ значеніи вовлекутъ въ нее массы народа, особенно путемъ школьнаго воспитанія, гдѣ и самыя новыя науки способны были отчуждать дѣтей отъ православія. Этимъ то объясняются и тѣ возгласы противъ педагогической системы братствъ, какіе мы читали у Вышенскаго, и тѣ протесты противъ права „ремесленниковъ“ и „шевцовъ“ (портныхъ) учить другихъ, какіе высказывали иногда Геденъ Балабанъ и др. епископы ²⁾, и, наконецъ, заявленія цѣлыхъ

литовскаго Лукой Мамоничемъ, • и иныхъ не мало пановъ шляхты подписалось. Что эта инструкція дана виленскимъ именно братствомъ, въ этомъ убѣждаетъ и сходство многихъ §§—овъ ея съ постановленіемъ самого собора 1594 г., который, дѣйствительно, обещалъ просьбу виленскихъ братчиковъ, «водлугъ инструкци данноѣ имъ зъ братства ихъ церковного Виленскаго» (А. З. Р., IV, № 48), и имена многихъ подписавшихся подъ нею лицъ, о которыхъ извѣстно, что они состояли виленскими братчиками (Чт. въ моск. общ. ист. и древн. рос., 1859. III. отд. 3, стр. 29 и слѣд.), а также ея требованія, чтобы оставались въ силѣ давніе привилегіи церковей въ Ригѣ, Кѣсн, Трокяхъ,—церковей, интересы которыхъ были близки виленскому братству.

¹⁾ А. З. Р., IV, № 48, пп. 4 и 5.

²⁾ Такъ, еп. Геденъ мотивировалъ произнесенную имъ 30 апр. 1586 г. анафему на двухъ львовскихъ братчиковъ—Юрія и Ивана Рогатинцевъ тѣмъ, что они «промежку станы духовными также и общими людьми многи соблазны якимис новыми науками.. (и) сомущеніе чинятъ... зачимъ умножается межи невѣжами ересъ также и васиъ и и небезпеченство здоровья» (Monum. confrat., I, № 86).

группъ людей о томъ, чтобы только духовныя лица заводили и содержали училища. Изъ заявленій послѣдняго рода обращаетъ на себя вниманіе прежде всего инструкція, данная волынскими дворянами своимъ посламъ на варшавскій сеймъ 1607 г. Въ ней читаемъ требованіе, чтобъ на лупкой и владимирской каедряхъ сидѣли православныя владыки и чтобы они завели семинаріи, въ которыхъ бы училось и имѣло содержаніе по меньшей мѣрѣ двадцать шляхетскихъ дѣтей и изъ которыхъ бы выходили достойные служители церкви. Волынскіе дворяне желали при этомъ, чтобы это требованіе вносилось въ каждый привилей, даваемый на епископство новому лицу. Черезъ два года они же опять наказывали посламъ—добившись поставленія православныхъ владыкъ въ Луцкѣ и другихъ мѣстахъ, требовать, чтобы митрополитъ, владыки и (кіево-)печерскій архимандритъ, согласно съ своимъ общаніемъ, устроили семинарію для образованія бѣдныхъ шляхетскихъ дѣтей¹⁾. Затѣмъ, авторы извѣстнаго „Совѣтованія о благочестіи“ разсуждая о способахъ сохраненія и распространенія на Руси вѣры и догматовъ православныхъ, возлагали заботу объ этомъ на епископовъ, которымъ поручали не только „школы фундовати по мѣстахъ“ (въ городахъ), но и самыя братства. Они же должны были заботиться о возвращеніи впавшихъ въ иновѣріе православныхъ, если уже нельзя „обращать въ православіе самихъ папешниковъ и исчадіе ихъ, т. е. аріанъ, евангеликовъ и лютеранъ“; имъ же должны принадлежать и цензура книгъ и надзоръ за типографіями. Въ епископы, въ виду повышенныхъ требованій отъ нихъ, предлагалось потому ставить не „неучей, незнающихъ священнаго писанія и колеблющихся въ вѣрѣ, но людей книжныхъ, исполненныхъ духовной мудрости и приобрѣвшихъ (доброе) свидѣтельство о своей жизни“²⁾. Весьма возможно, что подъ влияніемъ такого рода заявленій, при восстановленіи іерархіи въ 1621 г. обращено было вниманіе на выборъ лицъ съ высокимъ образовательнымъ и нравственнымъ цензомъ, каковы: Іовъ Борецкій, бывшій ректоръ львовской и кіевской братскихъ школъ, Мелетій Смотрицкій, воспитанникъ виленской и нѣсколькихъ заграничныхъ академій, Іезекиль Курцевичъ, потомокъ древнихъ русскихъ князей, слушавшій курсы въ Падубѣ³⁾, Исаія Копинскій, строитель монастырей и мужъ святой жизни. Съ другой

¹⁾ Арх. Ю.-З. Р., ч. II, т. I, стр. 75, 92.

²⁾ §§ 12, 15, 16, 19, 23 (П. К. К., I, 237 и слѣд.). Цензура у насъ существовала и до этого, хотя и не была обязательной. Такъ, Іовъ Княгиницкій въ 1619 г. совѣтовалъ Кириллу Транквилиону отдать въ печать свое „Зерцало Богословіи“ не раньше, какъ оно «ислѣдуется учеными и учтшими писанія книгъ отеческихъ» (*Голубевъ*, Петръ Могила, прилож., стр. 224). См. также оглавленіе Палиподіи, которая «за благословеніемъ старшихъ, чрезъ архимандрита Захарію Кошистенского написана и зъ ревизією учителей выдана а подъ разсудокъ поддана святыхъ Веходныхъ патріарховъ», въ 1621 г. (П. II. Л., I, 313).

³⁾ Archiwum dla dziejów oświaty i literatury w Polsce, VI, 39. Въ спискѣ студентовъ, пользовавшихся польскою бібліотекою, стоитъ такая подпись: «Іеромонахъ Іезехель Курцевичъ рукою власною» (1616 г. 13 іюля).

стороны, сами братства, вообще далекия отъ мысли совершенно устранить духовенство отъ участія въ церковныхъ дѣлахъ¹⁾, благоразумно предоставляютъ завѣдываніе школьной и издательской сторонами своей дѣятельности преимущественно духовнымъ своимъ членамъ,—настоятелямъ и братіи открытыхъ ими монастырей. Такъ было во Львовѣ, Вильнѣ, Луцкѣ, гдѣ игумены были ректорами братскихъ училищъ. Отсюда естественнымъ является переходъ и къ тому порядку вещей, какой представляла кіево-могилянская коллегія, возникшая въ самомъ концѣ нашего періода, въ которой, какъ и въ гойской, всѣ преподаватели были монахами или священниками²⁾.

Исторія нашихъ школъ за избранное нами время кончилась не такъ счастливо, какъ началась, въ виду переменъ отношеній къ нимъ польскаго правительства: если Сигизмундъ III въ началѣ своего правленія охотно давалъ привилегіи на открытіе братствъ и школъ съ довольно широкими программами, то впоследствии добиться ихъ становилось все труднѣе. Мало того. Существовавшія православныя школы стали переходить въ руки униатовъ, покровительствуемыхъ королемъ. И хотя православные депутаты на сеймахъ жаловались на эти и другія стѣсненія, чинимыя имъ, на ихъ заявленія вниманія не обращалось. По смерти Сигизмунда III на конвокаційномъ сеймѣ, въ іюль 1632 г., вновь и болѣе рѣшительно, чѣмъ раньше, поднятъ былъ диссидентами вопросъ о свободѣ какъ вообще религиозныхъ отправленій ихъ, такъ въ частности—просвѣтительныхъ ихъ стремленій, а также о возвращеніи православнымъ отнятыхъ униатами училищъ³⁾. Назначенная для выработки условій соглашенія униатовъ съ православными коммиссія внесла въ число ихъ и параграфъ о предоставленіи православнымъ права строить и содержать школы и семинаріи⁴⁾. Этотъ параграфъ вошелъ и въ составленный на избирательномъ сеймѣ и подписанный новымъ королемъ Владиславомъ IV-мъ въ ноябрѣ 1632 года „Статьи для успокоенія народа русскаго греческой религіи, живущаго въ царствѣ польскомъ и великомъ княжествѣ литовскомъ“⁵⁾, а также въ дипломъ короля отъ 14 марта 1633 г.⁶⁾.

---

¹⁾ Какъ смотрѣли братства на взаимныя права духовенства и мірянъ въ церкви. даетъ видѣть «Постановеніе порядное», составленное въ 1624 г. луцкихъ братствомъ: «Ани свѣтскіи бездуховныхъ, ани духовни безъ свѣтскихъ въ услугованю збавеня людскаго досконале и достатечне потребными быти не могутъ...» (П. К. К., I, стр. 57).

²⁾ Любосъ, Арх. Ю.-З. Р., I, IX, 377.

³⁾ *Голубевъ*, Петръ Могила, прил., стр. 409. 410 (id. Pamiętniki Albrychta Stan Radiwilla, I, 25).

⁴⁾ Ibid., 425, 426. *М. Макарій*, XI, 432.

⁵⁾ *Liberum exercitium Religionis et ss. Sacramentorum administratio, ecclesiarum reparatio, et de novo erectio cum expresso consensu sacrae Regiae Majestatis, sed et xenodochiorum, seminariorum, scholarum, typographiarum, accessusque liber ad civiles magistratus in unione non existentibus in omnibus civitatibus et oppidis Reipublicae datur* (*Theiner*, *Vetera monumenta Poloniae et Lithuaniae*, III, № 336; id. *Felcsz*, *Geschichte der Union*, II, 194. На польскомъ языкѣ: *Supplem.*, № 67. Арх. Ю.-З. Р., II, I, № 18. *Akta Lwowskie*, I, № 39. На русскомъ: *Вантышиъ-Каменскій*, о. с., 95 и слѣд., въ прим. *М. Макарій* XI, 430).

⁶⁾ *Supplem.*, № 69; Арх. Ю.-З. Р., II, I, № 20; *Вит. стар.*, V, I, № 88.

Перейдемъ теперь къ изложенію исторіи каждой братской школы въ отдѣльности; прежде скажемъ о болѣе значительныхъ изъ нихъ, а послѣ о меньшихъ, въ концѣ же главы перечислимъ небратскія школы, большинство которыхъ явилось подъ вліяніемъ просвѣтительной дѣятельности братствъ.

Львовская школа.

Львовская школа была первой братской школой, и по времени учрежденія (быть можетъ, ранѣе ея появилась только виленская), и по богатству научныхъ средствъ, и по составу „дидаскаловъ“, которыми она снабжала многія другія школы. Значеніе львовской школы среди другихъ братскихъ училищъ вполне соответствовало положенію самого братства въ отношеніи къ другимъ братствамъ,—она была какъ-бы метрополіей по отношенію къ своимъ колоніямъ.

Основаніе львовской школы должно ставить въ связь вообще съ измѣненіемъ программы самого братства. Галицкое православное общество ранѣе другихъ западноруссовъ почувствовало всю тяжесть религіознаго и политическаго гнета и всю опасность деморализаціи самой православной іерархіи. Извѣстно посланіе галицко-русскаго дворянства къ митр. Онисифору Дѣвочѣ съ жалобами на допущенные послѣднимъ беспорядки въ церковной жизни и съ просьбой защитить единовѣрцевъ отъ католиковъ, іезуитовъ и жидовъ (14 февр. 1585 г.)¹⁾. Неудивительно, что и мѣщане Львова, этого передового пункта въ борьбѣ двухъ народностей и двухъ культуръ—польской и русской, ранѣе другихъ почувствовали потребность въ просвѣщеніи и прежде всего—для удовлетворенія религіозныхъ вопросовъ, поднимавшихся при столкновеніи съ иновѣріемъ. Но нужда въ школѣ, наукахъ и типографіи чувствовалась и какъ „посполитая (общественная) потреба“; львовяне сознали, что безъ нихъ народъ является какъ бы безсловеснымъ, что наука составляетъ потребность для дѣтей „всякаго стану“, что ею укрѣпляется не только православіе, но и національность²⁾.

Безъ сомнѣнія, на возбужденіе въ православныхъ жителяхъ Львова желанія имѣть свое училище повліяло какъ вѣковое существованіе въ городѣ римско-католической кафедральной школы, такъ и обнаружившеся въ послѣднее время стѣсненіе въ правѣ пользованія ею. Что магистратъ города, состоявшій на половину изъ католиковъ, запрещалъ православнымъ горожанамъ опредѣлять въ эту школу своихъ дѣтей, это открывается изъ просьбы православныхъ львовянъ объ уравниеніи ихъ въ правахъ съ католиками и, въ частности, въ правѣ учиться въ школахъ. И Сигизмундъ Августъ, исполняя ихъ просьбу, своей грамотой отъ 20 мая 1572 г. позволилъ имъ отдавать сыновей своихъ въ школы и гимназіи какъ Львова, такъ и другихъ городовъ королевства, для изу-

¹⁾ А. З. Р., III, № 146.

²⁾ А. З. Р., III, № 157 (id. Временникъ института ставроп., 1871 г., Акты, № 8).

ченія свободныхъ наукъ; приче́мъ король грозилъ штрафомъ въ 20 т. золотыхъ (венгерскихъ) тѣмъ, кто сталъ бы противиться этому. Несмотря на подтвержденіе грамоты королями Генрихомъ (13 апрѣля 1574 г.) и Стефаномъ (26 марта 1577 г.), львовскія городскія власти попрежнему продолжали препятствовать православнымъ обывателямъ изучать свободныя науки въ своей школѣ, какъ это усматривается изъ грамоты Стефана Баторія отъ 21 іюня 1578 года ¹⁾).

Когда львовскіе православные граждане самымъ недоброжелательствомъ католиковъ вынуждены были поставить для себя вопросъ о средствахъ образованія, имъ представился случай обзавестись типографіей. Существовала ли во Львовѣ русская типографія до прибытія сюда діакона Ивана Ѳедорова ²⁾), утверждать это трудно, такъ какъ до сихъ поръ не найдено ни одного львовскаго изданія древнѣе 1574 г. Скорѣе нужно признать, что „Иванъ Друкаръ“ положилъ во Львовѣ начало книгопечатанію. Извѣстно, что онъ недолго работалъ здѣсь послѣ перехода изъ Заблудова, такъ какъ скоро онъ является на службѣ князя Острожскаго. Но въ началѣ 1583 г. видимъ его опять во Львовѣ съ званіемъ типографа ведущимъ переговоры съ какимъ-то Грынемъ Ивановичемъ относительно совмѣстной работы ³⁾). Но здѣсь онъ „впалъ въ болѣзнь во смерти“ и вынужденъ заложить свою типографію жидамъ за 1½ тысячи золотыхъ. Въ 1585 г. епископъ львовскій Гедeonъ „всполю съ паны мещаны львовскими“, услышавъ, что какіе то „жучикове“ хотятъ выкупить у жидовъ „оныя усѣ матрецы и приправы друкарскіе“ и отправить ихъ въ Москву, пришелъ къ убѣжденію, что отъ этого была бы „школа (вредъ) не малая церквамъ божіимъ и всему православію“, почему и поспѣшилъ купить типографскія принадлежности, выдавъ жидамъ, по недостатку денегъ, векселя. Такимъ образомъ, братство львовское, руководимое просвѣщеннымъ епископомъ, рѣшило само заняться изданіемъ книгъ „церквамъ божіимъ на потребу и православнымъ христіаномъ ко науцѣ“, и уже 8 ноября 1585 г. братская типографія напечатала посланіе Гедeона ко всему духовенству западнорусскому и всѣмъ православнымъ, излагающее обстоятельства приобрѣтенія „друкарни“ и приглашающее всѣхъ помочь въ выплатѣ долга жидамъ ⁴⁾).

Приобрѣтеніе братствомъ типографіи навело его на мысль обзавестись и школой, которая служила бы тому же дѣлу просвѣщенія православныхъ. Что, дѣйствительно, между этими двумя явленіями существовала такая связь, это даетъ видѣть слѣдующее мѣсто посланія еп. Гедeона отъ 10 дек. 1586 г.: „мы стараючися о томъ, абы знову

¹⁾ Monum. congr., I, №№ 53, 56, 60, 63 (Ср. Крыловскій, Акты, № 27).

²⁾ Авторъ статьи: «О славянскихъ типографіяхъ въ Галиціи и Лодомиріи» доказываетъ это на основаніи выразеній Ѳедорова въ предисловіи къ Апостолу 1574 г., что онъ *возобновилъ* здѣсь книгопечатаніе, и королевской привилегіи 1592 г. объ изданіи учрежденія ея при львовской церкви (et officinae pro excudendis libris ad eandem Ecclesiam antiquitus institutae). Ж. М. Н. Пр., 1838, ч. 19, 564.

³⁾ Akta Lwowskie, X, № 2219 (id. Крыловскій, Акты, № 169).

⁴⁾ Грамота перепечатана у А. С. Петрушевскаго—«Ив. Ѳедоровъ, русскій первопечатникъ», 26—28. (Ср. Временникъ инст. ставр., 1884, 138 стр. и Monum. congr., I, № 79).

наше писма друговане были и абы при той друкарнѣ школу грецкую для науки нашего благочестія во градѣ Львовѣ фундовати“¹⁾.... Но и тѣ современные свидѣтельства, которые, повидимому, ставятъ фактъ приобрѣтенія типографіи послѣ учрежденія школы, указываютъ въ существѣ дѣла но то, что у львовянъ съ мыслию о типографіи соединялась мысль о школѣ. Такъ, п. Іоакимъ, извѣщая западноруссовъ о намѣреніи львовянъ заложить дома для госпиталя, школы и друкарни, о послѣдней выразился, что они купили ее, какъ къ „той же школѣ потребную“²⁾. Подобнымъ образомъ говоритъ и еп. Іеремія Тиссаровскій въ грамотѣ отъ 3 марта 1609 г.: „Друкарню... въ потребу книгъ церковныхъ и школьныхъ наукъ... выдвигнули“³⁾.

Въ моментъ усилій львовскаго братства, руководимаго епископомъ Гедеономъ Балабаномъ, преобразоваться въ учрежденіе преимущественно просвѣтительнаго характера, въ Львовѣ случайно, но очень кстати, прибылъ антиохійскій патріархъ Іоакимъ (1 января 1586 г.). Къ нему то и обратились львовскіе мѣщане съ просьбой утвердить ихъ братство, причемъ, очевидно, представили ему и проектъ устава братскаго. Патріархъ утвердилъ и благословилъ братство и далъ ему первенство и старѣйшинство въ ряду другихъ братствъ, какъ „несовершенно отъ нѣвоихъ епископъ уставленныхъ“⁴⁾. Хотя въ этой грамотѣ, опредѣлившей юридическое положеніе львовскаго братства и его функціи, п. Іоакимъ ни слова не говоритъ о школѣ и просвѣтительныя задачи братства сводитъ только къ праву „почитати святыя книги ветхаго и новаго закона“ и къ пѣнію священныхъ пѣснопѣній, но это не значитъ, чтобы до пріѣзда патріарха братчики больше ни о чемъ не думали, кромѣ полученія права читать книги. Документально извѣстно, что они уже до пріѣзда п. Іоакима приобрѣли типографію: можно думать, что они тогда же приступили и къ устройству училища. Подтвердительная грамота п. Іереміи даетъ, повидимому, ту мысль, что п. Іоакимъ нашель во Львовѣ какъ братство, такъ и госпиталь и школу. ...„Богохранимаго гражданства Льова благочестивіи панове и ктиторы тамошняго храма всепресвятія... Дѣвы Маріи... восхотѣша... любовь юже имѣють къ Господу явити и ко исполненію заповѣдей его желающе и исправити прехвальнаго братства или совершенія и дати боголюбезнымъ во душевну же въ купѣ и тѣлесную ползу... и найпаче же составиша шпиталь и неподвижну обітель училища в ползу и в сем учителей же и учащихся, въ возраст премудрости наказанія и славы Божія. Вся сія телеснѣ обрѣтъ святѣйшій патріархъ антиохійскій Кіръ Іоакимъ“⁵⁾ ...

¹⁾ Monum. confr., I, № 89.

²⁾ Посланіе п. Іоакима отъ 15 янв. 1586 г. (А. З. Р., III, № 157; ср. Юбил. изд., I, № 84 и Monum. confr., I, № 81).

³⁾ Науковий зборникъ, 1868, — Акты... № 15.

⁴⁾ Monum. confr., I, № 80 (ср. Diplomata statuaria, № 3; П. К. К., III, № 1).

⁵⁾ Дек. 1587 г. Diplomata statuaria, № 7, p. 37: „Α πάντα σωματικῶς εὐρέθεισ ε ἀγίωτατος...; ... «у to wszystko cieleśnie wynalazł święty patryarcha» (соврем. польскій переводъ, ibid., p. 94).

Успѣли ли это сдѣлать львовяне въ отношеніи устройства школы до прибытія патріарха Іоакима или нѣтъ—послѣдній не менѣе охотно санкціонировалъ своею властью и это ихъ предпріятіе¹⁾. Мало того, онъ согласился привлечь къ участию въ немъ все населеніе западной Россіи. Извѣщая послѣднее въ посланіи отъ 15 января 1586 года о намѣреніи львовянъ основать общественную школу греческаго и славянскаго языковъ и заложить домъ для шпиталя и друкарни и каменную церковь, патріархъ просилъ помочь имъ въ этихъ богоугодныхъ дѣлахъ, „понеже ненаученія ради, писалъ онъ, умалѣете всѣхъ благъ, небреженія ради закона Божія“²⁾.

Къ сожалѣнію, новыя права, утвержденныя патріархомъ за братствомъ въ ущербъ епископскимъ правамъ, были причиной того, что съ послѣднимъ разошелся Гедеонъ Балабанъ, бывшій вначалѣ душою просвѣтительныхъ начинаній горожанъ, „за приводомъ“ котораго они и школу заложили и типографію выкупили „для размноженія греческое науки“. Враждебныя отношенія епископа Гедеона къ братству въ той его формѣ, какую утвердилъ за нимъ п. Іоакимъ, обнаружались очень рано, еще въ бытность во Львовѣ патріарха. По свидѣтельству братства, епископъ прямо заявилъ патріарху, что все, что послѣдній постановляетъ, противно (*ἐναντία*) ему, „такъ какъ, говорилъ онъ, я имѣю отъ короля привилегію и никто не можетъ противиться мнѣ, ни даже ты, ибо ты не изъ нашей епархіи, но пришлецъ, и все, что ты устроишь, я уничтожу“³⁾. Возникшія изъ такого источника недоразумѣнія между епископомъ и братствомъ очень скоро выразились въ столь рѣзкой формѣ, какъ двукратное проклятіе послѣдняго Балабаномъ (22 марта и 30 апр. 1586 г.)⁴⁾. Въ виду такихъ отношеній братство должно было

¹⁾ Когда дана эта санкція, неизвѣстно, но можно думать, перваго же января, на что уполномочиваетъ предисловіе къ «Порядку школы» львовской. Но въ виду того, что не сохранилось, повидимому, грамоты патріарха училищу отъ этого числа, мы полагаемъ, что въ этотъ день дано было братству устное благословеніе открыть школу.

²⁾ А. З. Р., III, № 157. Замѣчательно, что въ то время, какъ п. Іоакимъ и п. Іеремія приписываютъ инициативу учрежденія львовской школы братству, послѣднее многократно заявляетъ, что и само оно, и типографія, и школа устроены по совѣту патріарха Іоакима. Такъ, въ посланіи къ п. Θεодиту 28 мая 1586 г. оно говоритъ: «и совѣтова намъ (п. Іоакимъ) да устроится школа, аже нигдѣ же въ насъ до нынѣ обрѣтается... также и друкарню воздвигнути» (Временникъ института ставропійскаго, 1871, «Акты», № 10; ср. предисловіе къ «Порядку школьному» 1588 г. и предисл. къ грамматикѣ 1591 г., а также посланіе къ п. Іереміи 1588 г. (Diplom. stat., № IX, p. 43). Іоакиму же приписываетъ инициативу и м. Михаилъ Рагоза (А. З. Р., IV., № 32). Согласно съ этимъ думаетъ и Зубрицкій (Лѣт. львов. братства, 15). Наше же мнѣніе то, что починъ въ учрежденіи школы принадлежалъ братству, какъ и въ выкупѣ типографіи; и разъ установлено, что послѣднее совершилось еще до прибытія во Львовъ п. Іоакима, то можно думать, что свидѣтельства объ его «совѣтѣ» относительно школы должны имѣть смыслъ не буквальный: именно братство, приписывая п. Іоакиму честь учрежденія училища, хотѣло, во 1-хъ, почтить святителя и, во 2-хъ, защитить его авторитетомъ школу и себя отъ возможныхъ нападковъ со стороны обскурантовъ.

³⁾ Письмо братства къ патр. Іереміи, 1588 г. (Dipl. stat., № IX, pp. 43, 44).

⁴⁾ Лѣтоп. львов. братства, 16.

одно заняться и типографіей, которую оно само выкупило у жидовъ ¹⁾, и устройствомъ школы. Но вражда епископа направилась, главнымъ образомъ, на эту сторону его дѣятельности, возбудивъ противъ нея оппозицію и въ прочихъ гражданахъ, и въ мѣстномъ низшемъ духовенствѣ, которое было непріятно задѣто даннымъ братству правомъ обличать его пороки. Оно именно стало „хулить и возбранять ученія, и проевливать учащихся“, запрещая вмѣстѣ съ тѣмъ мірянамъ сходиться по праздникамъ для чтенія отеческихъ книгъ. Братство, убѣжденное, что если оно и его просвѣтительныя учрежденія „ни во что вмѣнятся“, то всѣ они „во конечное разореніе придуть“,—поспѣшило обратиться за подтвержденіемъ своихъ привиллегій къ вселенскому патріарху. Въ посланіи къ п. Теолипу (28 мая 1586 г.) братство просило утвердить данный Іоакимомъ чинъ не только для Львова, но и для окрестныхъ городовъ, и дать „благословеніе и укрѣпленіе“ школъ и типографіи, „да заградятся всяка уста противящіяся душеполезному сему хотящему быти строенію“. Вмѣстѣ съ тѣмъ оно спрашивало, подобаесть ли мірянамъ—„ремесленникамъ“ сходиться послѣ обѣдни въ праздничные дни для чтенія отеческихъ твореній и какъ имъ думать объ іереяхъ и епископахъ, если они, безчинно живя, „не навидятъ, хулятъ и возбраняютъ ученія и проклинаютъ учащихся, говоря: „яко благословенна всяка душа проста, многіе же книги въ неистовство влагаютъ“ ²⁾. Но разрѣшать сомнѣнія львовскаго братства пришлось не патріарху. Теолипу, а его преемнику Іереміи II, занявшему въ третій разъ константинопольскій престолъ (1586). П. Іоакимъ извѣстилъ его о томъ, что онъ нашель и сдѣлалъ въ Львовѣ относительно братства, да и сами братчики обратились къ нему за утвержденіемъ своихъ правъ и устава. П. Іеремія 2 дек. 1587 г. укрѣпилъ братскія привиллегіи и при этомъ съ особеннымъ одобреніемъ отнесся къ просвѣтительнымъ начинаніямъ братства, заповѣдуя хранить „найпаче училища и друкарни, яко душе полезныхъ и спасенныхъ пути“. Исходя изъ мысли, что „священныя писанія умудрити могутъ и спасти человѣка“ и что поэтому необходимо тщательно изучать ихъ, онъ ставилъ на видъ, что послѣднее можетъ происходить только тогда, когда „христіолюбивые“ стануть оказывать учителямъ и лучшимъ и бѣднымъ (*πενόμενοις*) ученикамъ матеріальное пособие ³⁾.

---

¹⁾ *Петрушевичъ*, Иванъ Федоровъ, 30. Выкупъ этотъ совершился, впрочемъ, не скоро и еще 6 ноября 1589 г. п. Іеремія обращался къ православнымъ западноруссамъ съ просьбой помогать львовскому братству въ этомъ дѣлѣ (*Diplom. stat.*, № 17; ср. *Крыловскій*, Агты, № 176).

²⁾ *Времен. инст.* ставроп., 1871 г. Агты, № 10.

³⁾ Такой именно смыслъ заключается въ греческомъ оригиналѣ и такъ понимала эту фразу редакція Памятниковъ кіевской комиссіи (III, № 3). Но въ современныхъ документѣ русскомъ, польскомъ и славянскомъ переводахъ это мѣсто совершенно затемнено (*Dipl. stat.*, № 7, р. 36 и р. 94).—Въ П. К. К. поставленъ 1588 г., что не вѣрно, такъ какъ въ декабрѣ 1588 г. п. Іеремія былъ уже въ Москвѣ, между тѣмъ изъ данной грамоты не видно, чтобы она написана была не изъ Константинополя. При томъ же и *и. М. Рагоза* свидѣтельствуетъ, что п. Іеремія укрѣпилъ братство прежде своего прибытія въ Россію (*А. З. Р.*, IV, № 32. Ср. *Чт. въ моск. общ. ист. и древн. росс.*, 1848, ч. VI, 55, 56).

Между тѣмъ въ львовской школѣ давно уже началось ученіе. Въ іюнѣ 1586 г. счастливая звѣзда привела въ Львовъ Арсенія, архіепископа димоникскаго и елассонскаго, который ѣздилъ въ Москву за милостыней и теперь возвращался домой. Православные жители Львова, быть можетъ, узнавши о нежеланіи его возвращаться въ Турцію, просили его остаться у нихъ для ихъ ободренія въ виду непріязненныхъ отношеній къ нимъ латинянь¹⁾. Арсеній согласился и скоро открылъ обученіе „письму греческому и словенскому дѣтей всякаго стану, убогихъ „за прости Богъ“, а богатыхъ за рожнымъ даткомъ“ (за разноеобразное вознагражденіе)²⁾. Въ томъ же 1586 г. былъ принятъ братствомъ и другой учитель—„даскаль Стефанъ“, какъ видно изъ дошедшей до насъ первоначальной записи учениковъ львовской школы³⁾. Число послѣднихъ на первыхъ порахъ не было велико⁴⁾,—отчасти по новости дѣла и конкуренціи католическихъ школъ, а отчасти вслѣдствіе недоброжелательства еп. Гедеона. Но скоро совершилось его примиреніе (временное) съ братствомъ, что должно было посодѣйствовать успѣхамъ школы, и прежде всего оно отразилось на внутреннемъ благоустроеніи ея. Львовское братство съ самаго начала обладало уставомъ школы на греческомъ языкѣ, составителемъ котораго могъ, слѣдовательно, быть или патриархъ Іоакимъ или архіепископъ Арсеній елассонскій⁵⁾. Въ виду того, что интересы школы требовали, чтобъ уставъ ея былъ извѣстенъ всѣмъ и говорилъ самъ за себя, братство озаботилось переводомъ его на русскій языкъ, причемъ дало ему форму документа, имѣющаго не общій характеръ, а частный, указывающій на принадлежность его львовской школѣ, а не какой другой. Именно оно снабдило его предисловіемъ, въ которомъ заявляло о возникновеніи львовской школы „волею Божіею, совѣтомъ и повелѣніемъ св. Іоакима, патриарха великія Антиохія, и благословіемъ еп. Гедеона Балабана“, при участіи людей всѣхъ сословій,—а также заключеніемъ и датой: 1586 г. 8 октября. Самостоятельность отношенія львовскаго братства къ греческому тексту „Порядка школы“ не ограничилась только этимъ:

¹⁾ *А. Дмитріевскій*, Архіепископъ Елассонскій Арсеній (Тр. Кіев. дух. акад., 1898, янв., 14)

²⁾ Юбил. изданіе львов. братства, I, № 85. Ср. пред. къ грамматикѣ 1591 г. Въ архивѣ львовской ставропигіи сохранился одинъ документъ, который въ изданіи «*Diplomata statuaria*» озаглавленъ такъ: «Нѣкій грекъ, убѣгающійся о посаду учителя при новоучрежденной школѣ братской, представляетъ свое искусство или свой способъ едуканійный» (№ 5; *ид. Крыловскій*, Акты, № 172). Намъ думается, что этотъ грекъ не кто иной, какъ Арсеній; ниже мы представимъ нѣкоторыя соображенія въ пользу нашего мнѣнія.

³⁾ *Крыловскій*, Акты, № 33.

⁴⁾ Если означенный списокъ полонъ, то въ теченіе 1586—1590 гг. въ львовскую школу было принято только 54 человекъ.

⁵⁾ Вѣроятноже, что имъ былъ архіеп. Арсеній: п. Іоакимъ, безъ сомнѣнія, обозначилъ бы въ началѣ его свое имя, какъ это дѣлалъ онъ въ другихъ случаяхъ и какъ это было въ обычаѣ у лицъ такого высокаго положенія, между тѣмъ какъ этотъ документъ прямо начинается съ правилъ (*Dipl. stat.*, № 6). Впрочемъ, имъ не отрицается этимъ, что настоящими авторами «Порядка» были львовяне и что Арсеній далъ только форму представленному ими содержанію.

братство указало, какими нравственными качествами долженъ обладать „даскаль“, сдѣлало нѣкоторую перестановку §§-овъ, выпустило форму обязательства лицъ, отдающихъ дѣтей въ школу,—не препятствовать даскалу въ его дѣлѣ, а, напротивъ, помогать, намѣтило порядокъ обученія, указало разговорный языкъ для школьничковъ и рукописные учебники. Очевидно, что оно руководилось уже данными опыта, хотя и кратковременнаго. Было, повидимому, обстоятельнѣйшее сужденіе о всемъ строѣ училищной жизни, но братство не всѣ стороны ея регламентировало уставомъ: „а обычае всея школы и порядки вси, въ семь листѣ много бы писати“, замѣтило оно. Руководясь этимъ же указаніемъ опыта, братство теперь поручило надзоръ за школой двумъ представителямъ своимъ, которые бы смотрѣли за исполненіемъ правилъ и которые увеличили собою корпорацию школы ¹⁾).

Но кромѣ участія въ обсужденіи вопросовъ о порядкахъ школы, еп. Гедеонъ взялся хлопотать и о матеріальномъ обезпеченіи ея. 10 декабря 1586 г. онъ обратился къ своей паствѣ съ просьбой оказать помощь львовскому братству въ его заботахъ о типографіи и школѣ греческой, „требующихъ немалаго кошту и накладу (расхода)“, и для сбора пожертвованій послалъ нѣкоторыхъ львовскихъ священниковъ ²⁾). Спустя нѣсколько мѣсяцевъ, именно 1 мая 1587 г., епископъ обратился къ православнымъ съ новой просьбой—„отдѣлить нукою часть з маестности (изъ имущества) своихъ“ для славы Божіей, для своего и своихъ дѣтей спасенія: „раскройте, писалъ онъ, ваши душевныя очи и обратите вниманіе на недостаточность своего просвѣщенія и умилосердитесь надъ собою“ ³⁾). Вмѣстѣ съ тѣмъ священниковъ своей епархіи онъ убѣждалъ оказывать содѣйствіе сборщикамъ пожертвованій и располагать къ нимъ прихожанъ ⁴⁾).

¹⁾ *Diplomata stultnarum*, № 6 (ср. греч. текстъ съ русскимъ). Впрочемъ, относительно даты можетъ возникнуть сомнѣніе въ виду того, что ее д-ръ Скобельскій, которому была поручена редакторомъ окончательная свѣрка русскихъ текстовъ—печатныхъ съ рукописными, читаетъ не МФПБ, а МФПЗ (см. 114). Лишенные возможности лично убѣдиться, на чьей сторонѣ больше вѣроятія, мы склоняемся къ первому чтенію, т. е. 1586. Въ началѣ документа упомянуто имя еп. Балабана, что показываетъ, что братство въ этотъ моментъ находилось съ нимъ въ хорошихъ отношеніяхъ. Между тѣмъ изъ другихъ документовъ мы знаемъ, что Гедеонъ послѣ первой ссоры примирился съ братствомъ къ концу 1586 г., а съ октября 1587 г. опять началъ враждебныя дѣйствія. Съ другой стороны, мы можемъ думать, что въ связи съ этими именно измѣненіями устава стояло одобреніе п. Іоакимомъ 16 дек. 1586 г. порядка, введеннаго въ братской школѣ и типографіи (*М. Макарій*, IX, 415).

²⁾ *Monum. confr.*, I, № 89.

³⁾ *Петрушевичъ*, о. с., 32, 33 (Здѣсь это окружное посланіе неправильно датируется 1 мая 1586 г.). Юбилейное изданіе львов. братства, I, № 85.

⁴⁾ 3 мая 1587 г. *Monum. confr.*, I, № 91. Предъ тѣмъ, какъ видно изъ этого посланія Гедеона, во Львовѣ былъ созванъ соборъ, на которомъ трактовался вопросъ и о школѣ съ типографіей.

Къ несчастію, согласіе еп. Гедеона со львовскимъ братствомъ продолжалось недолго: въ октябрѣ 1587 г. обнаружился симптомъ имѣющей вновь начаться борьбы между ними, которая теперь продолжалась съ небольшими перерывами около 15 лѣтъ и окончилась только въ 1602 г. ¹⁾, послѣ многочисленныхъ усилій прекратить ее со стороны патріарховъ, митрополита, русскихъ соборовъ, кн. К. К. Острожскаго, молдавскихъ господарей. Борьба эта была какъ бы фономъ, на которомъ рисуется дальнѣйшая исторія и самого братства и братской школы. Въ ней оспаривались епископомъ и защищались братствомъ всѣ права послѣдняго, такъ какъ въ нихъ епископъ видѣлъ стремленіе мірянъ подорвать его привилегіи, умалить его честь ²⁾. Епископъ особенно стоялъ за свой авторитетъ, какъ церковнаго учителя. Самъ Гедеонъ былъ человѣкъ довольно образованный ³⁾, что было извѣстно и другимъ владыкамъ, которые на одномъ изъ брестскихъ соборовъ поручили ему исправленіе богослужебныхъ книгъ ⁴⁾. Онъ, конечно, ничего не могъ имѣть противъ школы и типографіи: самъ же онъ побуждалъ львовянъ обзавестись послѣдней ⁵⁾; послѣ онъ на свои средства устроилъ въ родовомъ имѣніи Стратинѣ и училище и типографію. Если онъ и преслѣдовалъ просвѣтительныя начинанія братства, то вооружался собственно противъ стремленія мірянъ учить безъ согласія и вѣдома епархіальной власти. Но въ пылу борьбы онъ часто переходилъ границы и дѣйствовалъ такъ, что, казалось, онъ не могъ допустить и мысли, чтобъ мірянинъ имѣлъ какое-нибудь отношеніе къ наукѣ или книгѣ, и такимъ мнѣніемъ проникались его родственники и слуги. Такъ, Васко Балабанъ, напавши въ концѣ октября 1587 г. на солиднѣйшаго и образованнѣйшаго члена братства Юрія Рогатинца, побои сопровождалъ словами: „такъ какъ ты пишешь и читаешь священныя книги, что прилично духовному лицу, а не тебѣ, то и справедливо, чтобъ ты за имя Христа терпѣлъ мученическія пытки“. А въ Гологурахъ и самъ епископъ высказалъ подобное убѣжденіе. Когда гологурскіе мѣщане просили Гедеона поучить ихъ христіанской вѣрѣ и братскому порядку, каковой они приняли отъ львовянъ, владыка назвалъ львовскій чинъ еретическимъ, „а о наукѣ, добавилъ онъ, не годится вамъ, простымъ людямъ, спрашивать“. Когда же одинъ изъ нихъ, Васко Бабичъ, возразилъ, что ап. Павелъ повелѣваетъ учиться, разсерженный Балабанъ, воскликнувъ: „стану я учить тебя, хлопа, только что вылѣзшаго изъ навоза! Что тебѣ до Писанія (do Piśma)?“, привязалъ бить его. Сообразно съ этимъ Балабанъ преслѣдовалъ всѣ проявленія умственной, книжной дѣятельности, какія только ни совершались по инициативѣ ненавистнаго ему братства: гналъ онъ братскаго типографа — чернца Мину, діабона Игнатія — проповѣдника, мальчика, переписывав-

¹⁾ А. З. Р., IV, № 157.

²⁾ П. К. К., III, № 7. Monument. confr., I, № 105.

³⁾ Думаютъ даже, что онъ учился въ краковской академіи (см. статью о Гедеонѣ Балабанѣ А—скаго въ Вѣстникѣ западной Россіи, 1864, кн. I (іюль), стр. 1, прим. 2, и въ Наук. сборникѣ за 1867 г.

⁴⁾ Пред. къ Стратинскому требнику 1606 г.

⁵⁾ Юбил. изд., I, № 85.

шаго Рогатинцамъ творенія св. отцовъ, и даже запрещалъ читать книги ¹⁾. На этомъ же основаніи онъ преслѣдовалъ и братскую школу.

Братство, справедливо опасаясь за самое существованіе своего училища при такъ обострившихся отношеніяхъ своихъ къ епископу, искало помощи не только въ солидарности своихъ членовъ, но и на сторонѣ, и прежде всего обратилось въ маѣ—іюнѣ 1588 г. къ патріарху Іереміи, который тогда находился въ предѣлахъ западной Россіи ²⁾. Просвѣщенный святитель, дѣйствительно, утвердилъ школу ³⁾, а когда при его возвращеніи изъ Москвы братство опять жаловалось на Гедеона, который запрещалъ учиться и учить въ школѣ, Іеремія осудилъ поведеніе епископа и выдалъ братству въ ноябрѣ 1589 г. грамоту, которая подтверждала грамоту, данную имъ 1 декабря 1587 г., и которая раскрыла вмѣстѣ съ тѣмъ просвѣдительныя права и обязанности братства. Такъ, вторымъ пунктомъ ея патріархъ заповѣдалъ—„не быти другому училищу общему въ мѣстѣ Львовѣ, кромѣ самага единого училища братскаго успенія пречистыя Богородица и во ономъ толко самомъ учити дѣтей благочестивыхъ и православныхъ христіанъ божественнаго и священнаго писанія, словенскаго же и еллинскаго. По времени обрѣтаемыхъ добродѣтельныхъ и благочестивыхъ даскаловъ. Аще же будетъ мѣти кто даскала, толко своихъ дѣтей будетъ ему волно учити, но не иныхъ,

¹⁾ Monum. confr., I, №№ 93. 99. 265.

²⁾ Dipl. stat., № 9. Братство здѣсь проситъ даже какъ будто о возстановленіи школы: το σχολαστήριον σβστηρον.

³⁾ На это указываетъ фраза въ предисловіи къ «Порядку школы»:—«совершеніемъ (ж.) и утвержденіемъ вселенскаго патріарха Іереміи, архіепископа Константинополя Новаго Рима и всего Ороу великия церкви Конст—льскія, рок: а̄ ф̄ п̄ ӣ» (Dipl. stat., p. 30). Этотъ «Порядокъ», представляющій третью редакцію устава львовской школы, былъ утвержденъ п. Іеремією не въ 1588 г., какъ заключаютъ нѣкоторые на основаніи этой фразы (она, взятая въ контекстѣ, говоритъ только объ училищѣ, а не объ уставѣ), а нѣсколько позднеѣ—30 іюня 1592 г. Съ такой именно датой и съ греческими подписями п. Іереміи, терновскаго архіепископа Діонисія и архіепископа Аноима онъ занесенъ былъ въ «Альбумъ Института ставропигійскаго» Ѳ. Кассанидой, дидаскаломъ и братскимъ игуменомъ, въ 1602 г. (Dipl. stat., praef., p. X; cf. p. 130—факсимиле Кассаниды). Что до текста третьей редакціи, то съ формальной стороны онъ представляетъ ту особенность, что имя еп. Гедеона замѣнено въ предисловіи именемъ п. Іереміи, затѣмъ, послѣ перечисленія нравственныхъ качествъ дидаскала, рѣчь идетъ о двухъ школьныхъ старшихъ (что прежде стояло въ самомъ концѣ), пропущенъ §, говорящій о порядкѣ преподаванія и объ языкахъ, и, наконецъ, дано новое заключеніе, трактующее о страшномъ судѣ Христовомъ, въ виду котораго «лучше есть куповати. премудрости воду живу», чѣмъ золото, серебро и пр. Со стороны содержанія новая редакція представляетъ мало перемѣнъ. Определены точнѣе обязанности школьныхъ старшихъ, представлены условія взятія ученика изъ школы, сдѣлано упоминаніе о платѣ за ученіе, указаны опредѣленно нѣкоторые предметы обученія (грамматика, риторика, діалектика, музыка). Третья редакція Устава, кромѣ Dipl. stat., напечатана Я. Ѳ. Головацкимъ еще въ 1863 г. отдѣльной брошюркой подъ заглавіемъ: «Порядокъ школьный или уставъ ставропигійской школы въ Львовѣ 1586 г.», а также въ Галичанинѣ и въ Вѣстн. Зап. Рос., 1863, мартъ. Изъ послѣдняго журнала «Порядокъ» перепечатанъ въ А. Ю. и З. Р., II, № 154, гдѣ, какъ и въ Вѣстникѣ, поставленъ 1584 г. вмѣсто 1588 г.

такъ же и всякій отъ священниковъ да учить одинаго или двоихъ дѣтей для послуги, но не более (ибо это послужило бы) ко уничиженію и прешкодѣ (вреду) общее школѣ“. 3-мъ пунктомъ грамоты п. Іеремія предоставилъ братству право печатать невозбранно, хотя и „з великимъ опатренемъ“, не только богослужебныя книги, сборники, въ родѣ Метафрастовъ, Торжественниковъ ¹⁾, лѣтописи и хроники, „и прочая книги богослововъ церкви нашея Христовы“, но (и) „училищу потребныя и нужныя, сирѣчь грамматику, пѣитику, реторику ²⁾ и философію. Наконецъ, рекомендовалъ братству и всѣмъ христіанамъ оказывать частую помощь „дѣтемъ хотящимъ учиться свящ. писанія нищимъ“ (п. 4) ³⁾. Тогда же патріархъ написалъ письмо кн. Острожскому съ просьбой помирить львовское братство съ Гедеономъ и оказать братской школѣ помощь не только словомъ, но и дѣломъ. О послѣднемъ онъ послылъ и Константина Корнякта, одного изъ видныхъ членовъ львовскаго братства, выставляя ему на видъ, что милостыня, оказанная для науки, превосходитъ всѣ другія добрыя дѣла ⁴⁾.

Однако и авторитетъ патріарха не могъ остановить еп. Гедеопа, хотя онъ самъ подписался подъ ноябрьской грамотой ⁵⁾: онъ продолжалъ тѣснить львовское братство и его училище. Тогда братство прибѣгло подъ защиту митрополита Рагозы, благоволеніемъ котораго оно еще раньше заручилось, поздравивъ его съ полученіемъ митрополичьей кафедры и испросивши себѣ его благословеніе. Братство могло надѣяться, что и къ школѣ онъ станетъ относиться покровительственно, такъ какъ самъ въ отвѣтномъ посланіи (7 декабря 1589 г.) высказалъ пожеланіе, „абы во вѣки вѣчистые благовѣріемъ (его) и пылностью (усердіемъ) науки с писма греческаго и словенскаго“ процвѣтали ⁶⁾. Дѣйствительно, въ письмѣ къ еп. Гедеопу, 29 дек. 1589 г., митрополитъ сталъ рѣшительно на сторону братства. Возблагодаривъ Бога, что въ лицѣ братства „такое просіяваніе и свѣтило въ законѣ нашемъ является и таковыи чинъ и благолѣпіе яко свѣтило веліе въ законѣ нашемъ святомъ сказуется“, Михаилъ Рагоза призналъ за нимъ, согласно съ патріаршей ноябрьской грамотой, авторитетность и всѣ права школьнаго учительства. Митрополитъ убѣждалъ Гедеопа помогать братству въ этомъ и возбранить

¹⁾ Въ Dipl. stat.—Торжники, греч. *πανηγυρικὰ*.

²⁾ Въ соврем. польскомъ переводѣ между пѣитикой и риторикой вставлена диалектика (Dipl. stat., p. 99).

³⁾ Dipl. stat., № 16 (id. П. К. К., III, № 5).

⁴⁾ Юбил. изд., I, № 117. Monum. confr., I, № 132. Dipl. stat., № 13 и стр. 96.

⁵⁾ Интересно, что Гедеопа Балабанъ подписывался какъ подъ патріаршими грамотами, такъ и подъ соборными опредѣленіями, направленными противъ него, и—продолжалъ воевать съ братствомъ.

⁶⁾ Monum. confr., I, № 133. Самъ Рагоза не получилъ школьнаго образованія. Въ письмѣ къ Скумину онъ говоритъ о себѣ, что не знаетъ латинскаго языка (А. З. Р., IV, № 80), а еп. Гедеопа Балабанъ публично о немъ отзывался, что онъ «невѣдущъ св. богодухновенныхъ писаній, ниже каноновъ, ниже Маргарита прочитающе, ниже Бесѣдъ св. Іоанна Златоустаго» (А. З. Р., IV, № 33, 1).

всѣмъ другимъ „приносить“ ученіе, ибо до него, митрополита, дошли слухи, что во Львовѣ „нѣкіе не искусные въ вѣры суще и закону божему неумѣле во оплотковъ (изъ-за заборовъ, плетней) нѣкихъ дидакалы являются и развращеніе и не съгласны ученія по апостолу проповѣдуютъ“¹⁾. Затѣмъ, 7 января 1590 г., митрополитъ Михаилъ въ отвѣтъ на сообщеніе львовянъ о благословеніи п. Іереміей ихъ братства, школы и типографіи, предоставилъ имъ право имѣть при соборной церкви школу „писма греческого и словенского“ и въ ней „науки дѣткамъ размножати“, причемъ запрещалъ существованіе другихъ школъ во Львовѣ, въ городѣ ли то или на предмѣстьи²⁾. Послѣ того, на брестскимъ соборѣ 1590 г. митрополитъ отлучилъ отъ церкви нѣсколькихъ львовскихъ мѣщанъ за противодѣйствіе просвѣтительной дѣятельности братства. „Маемъ вѣдомость,—такъ мотивировалъ Рагоза эту мѣру въ своей влательной грамотѣ,—и жъ вы соединившися зъ епископомъ львовскимъ, тамошнему братству львовскому храму Пречистыя Богоматере повазнилися (возстали) на нихъ самыхъ и на школьное ихъ ученіе, будучи противни непомаду книгамъ святымъ распространенію и слова Божого проповѣди священническаго ученья, и много стропотныхъ словъ съ возногласіемъ отъ хульного наученія въ единомысліи злѣ ревнующи, и глаголющи на братство тамошнее всяко неправду, причитаючи имъ нѣшто въ несовершенной науцѣ пустошного и растлѣнного и малопотребного отъ нихъ ученія, запрещаючи своимъ злымъ наукомъ до нихъ приходити, грамматическаго, діалектическаго и риторическаго ученія и церковного согласія научатися, многимъ людемъ до ихъ соборноѣ школы“³⁾. Этотъ же соборъ, осуждая поштыку епископа Гедеона отнять у мѣщанъ онуфріевскій монастырь, вѣтоторами котораго они издавна были, самый этотъ монастырь обратилъ „въ потребу братскаго благочестиваго ихъ строенія и школьнаго ихъ общаго ученія въ распространеніе, и нищихъ школьныхъ милости требующихъ учащихся въ проворменіе и друкарскихъ книжныхъ сосудовъ на сохраненіе. и всѣмъ христіанскимъ благочестивымъ ихъ строенія дѣламъ въ потребу“⁴⁾. Затѣмъ, въ бытность свою во Львовѣ въ январѣ 1591 г. Рагоза издалъ опять нѣсколько грамотъ въ пользу братства и независимости его просвѣтительныхъ учреждений отъ епископа:

¹⁾ Monum. confr., I, № 140 (id. *Крыловскій*, Акты, № 35).

²⁾ Monum. confr., I, № 142.

³⁾ А. З. Р., IV, № 24.

⁴⁾ П. К. К., III, № 6 (id. *Науковій сборникъ*, 1868, Акты, № 12). При онуфріевскомъ монастырѣ у львовскаго братства существовала особая школа, въ которой дѣти воспитывались «wodług porządków bratshkiey szkoły» (Жалоба братчиковъ и онуфріевскаго игумена на слугъ епископа, избившихъ 1 іюля 1590 г. учениковъ этой школы,—*Monum. confr.*, I, № 149; id. *Крыловскій*, Акты, № 37). Впослѣдствіи (въ 1604 г.) братство такъ опредѣлило отношеніе ея учителя къ главной школѣ: «Діака такъ же хочемъ за залищенемъ (рекомендаціей) ректоровымъ, школы нашею мѣстскою и за поданемъ братскимъ до монастыря примовати», и онъ «въ порядку школьномъ нахиляючися (приближаясь къ) школѣ старшей мѣстской нѣчого своевольне починати не маеть» (*Наук. сборн.*, 1868, Акты, № 19).

„школьного ученія, говорилось въ одной изъ нихъ, сами братство мають съ милостью доглядати, друкарню справовати и въ ней науки школьны, п св. книгъ писанія работою друкарскою размножати“, а еп. Гедеоу вновь внушалось не „сопротивлятися братству, учителю и школьной науцѣ и друкарни“ ¹⁾. Тѣмъ не менѣе, братство и на этотъ разъ не избавилось совершенно отъ неприятностей. Когда спустя нѣсколько мѣсяцевъ оно выпустило въ свѣтъ печатную греко-славянскую грамматику, послѣдняя встрѣтила такое „облыганіе“ отъ нѣкоторыхъ, что братство жаловалось въ Константинополь, и п. Іеремія въ сзоей грамотѣ отъ 17 мая 1591 г. долженъ былъ пригрозить „страшнымъ запрещеніемъ неразрѣшнымъ, явѣ яко и отлученіемъ“ тѣмъ, кто станетъ противиться „сему общепользному дѣлу“ ²⁾.

Успѣхъ братской школы тормозился, кромѣ вражды мѣстнаго епископа, также конкуренціей другихъ львовскихъ училищъ. Не знаемъ, когда послѣднія получили начало,—современны ли онѣ православію во Львовѣ или появились только въ послѣднее время, подъ влияніемъ охватившаго Русь умственного оживленія, но только онѣ упорно отстаивали право на свое существованіе. Извѣстныя постановленія соборовъ 1590 и 1591 гг. о томъ, чтобъ въ Львовѣ была одна только „сборнѣйшая“ братская школа, проведены по инициативѣ не іерарховъ, а львовскаго братства, которое усиленно стремилось централизовать въ своихъ рукахъ образованіе православныхъ горожанъ. Что починъ въ этомъ дѣлѣ исходилъ отъ братчиковъ, видно какъ изъ цитованныхъ уже писемъ м. Михаила Рагозы къ еп. Гедеоу и самому братству (29 дек. 1589 г. и 7 янв. 1590) ³⁾, такъ и изъ упрековъ братства Гедеоу, что онъ не исполнилъ своего обѣщанія, даннаго на брестскомъ соборѣ (1591),—всѣ незначительныя школки соединить въ одну, каковое его обѣщаніе мотивировалось его желаніемъ дать „правдивыя науки душамъ людскимъ“ ⁴⁾. Это же подтверждается и просьбой, предъявленной королю въ 1593 г. православными жителями Львова,—чтобъ въ ихъ городѣ не было никакой другой русской школы, кромѣ общей (*pospolitego zebrania*) школы при церкви, и чтобъ только въ ней можно было учить по гречески и по славянски и чтобъ ни при какой другой церкви и въ домахъ не учили дѣтей—ко пренебреженію и вреду общей братской школы ⁵⁾. Безъ сомнѣнія, львовяне главнымъ образомъ поддержали и требованіе виленскихъ депутатовъ на соборѣ 1594 г. ⁶⁾. Нельзя однако думать, что львовскіе

¹⁾ Monum. confr., I, №№ 169, 170 и 172. (id. Наук. сборн., 1868, Акты, №№ 13, 14 и 14).

²⁾ А. Ю. и З. Р., II, № 159.

³⁾ Monum. confr., I, №№ 140. 142.

⁴⁾ Ibid., № 266.

⁵⁾ Monum. confr., I, № 300. Г. Шараневичъ относить эту просьбу къ 1592 г. (*Patryarchat wschodni wobec kościoła ruskiego i Rzpltej Polskiej—Rozprawy i sprawozdania z posiedzeń Wydziału hist.—filologicz. Akademij Umiejętności w Krakowie, VIII, 292, прим. I*).

⁶⁾ А. З. Р., IV, № 48.

братчики руководились при этомъ своекорыстными побужденіями или только ими. Монополія образованія была тогда въ ходу (вспомнимъ усилія краковской академіи и львовскаго магистрата не допустить іезуитовъ въ Краковъ и Львовъ) и она естественно должна была отразиться и на стремленіи львовскаго братства. При этомъ братство руководствовалось и другими соображеніями. Организовавшись и дѣйствуя по побужденіямъ самымъ чистымъ и искреннимъ—на защиту вѣры, братство полагало, что въ немъ одномъ и заключались всѣ средства спасенія ¹⁾. Ему казалось, что только его школа можетъ предлагать дѣтямъ „правдивую науку“, а что другіе, частные учителя, будучи неискренними въ вѣрѣ, „проповѣдуютъ только развращенія и несогласныя ученія“.

Понятно, что львовскому братству для того, чтобъ уничтожить всякую конкуренцію, нужно было не только пользоваться внѣшними средствами, но и прибѣгнуть къ внутреннему улучшенію въ своемъ училищѣ, тѣмъ болѣе, что это требовалось и самими обстоятельствами происхожденія его. Братство, дѣйствительно, обратило вниманіе на эту сторону дѣла, а счастливый выборъ перваго руководителя школы позволилъ сразу поставить ее на высоту предъявленныхъ къ ней требованій. Школа имѣла быть греко-славянскою—и чрезъ два года ученики ея уже приступили къ переводу на славянскій языкъ составленной архіеп. Арсеніемъ греческой грамматики, начало которой было въ 1588 г. напечатано и отправлено виленскому братству, очевидно, для отзыва ²⁾. Такіе успѣхи воспитанниковъ въ греческомъ языкѣ позволяли братству рассчитывать получить скоро своихъ учителей, которые бы могли замѣнить Арсенія, и оно, повидимому, не сдѣлало никакихъ попытокъ удержать его у себя, когда онъ въ маѣ 1588 г. собрался въ Замостье къ п. Іереміи, чтобъ затѣмъ вмѣстѣ съ нимъ ѣхать въ Москву ³⁾. Тѣмъ менѣе оно дорожило теперь Арсеніемъ, что въ наличности у него имѣлся недурной знатокъ греческаго языка (хотя учившійся не въ братской школѣ)—Кириллъ Траневилліонъ который въ ноябрѣ 1589 г. говорилъ на немъ въ Тарнополь рѣчь предъ патріархомъ въ защиту братства ⁴⁾. И послѣ того знаніе греческаго

¹⁾ Львовяне писали 7 сент. 1592 г. п. Іереміи, что если онъ не отымѣнитъ своего распоряженія о подчиненіи братства еп. Гелеону, то «зѣло вси вознегодуютъ и розмыдутся во своя заблужденія, и въ различныхъ ересехъ въ конецъ погибнутъ претыканія ради и соблазны церковныя». Мы трудимся, говорили они, не себя ради, но ради соблюденія церкви, хотя мы могли бы имѣть безпечальное житіе въ другихъ городахъ (А. З. Р., IV, № 33, II).

²⁾ А. З. Р., IV, № 4.

³⁾ Въ своемъ описаніи путешествія въ Москву самъ архіепископъ Арсеній ни слова не говоритъ объ этомъ (Σάδα, Βιογραφικόν σχιδίασμα παρ' του πατριάρχοу Ιερώνου В' 1870). Παράρτημα, с. 35).

⁴⁾ Лѣтоп. львов. братства, 22. 60. Въ грамотѣ п. Іереміи, данной братству въ ноябрѣ 1589 г., есть одна фраза, которая можетъ наводить на мысль, что послѣ ухода Арсенія преподаваніе греческаго языка въ львовской школѣ прекратилось: «учити дѣтей... священнаго писанія словенскаго же и еллинскаго; по времени обрѣтаемыхъ добродѣтельныхъ и благочестивныхъ даскаловъ» (П. К. К., III, № 5)... Но на самомъ дѣлѣ «ш. патріархъ хотѣлъ только сказать, чтобъ учителями были люди ученые и добродѣ-

языка не уменьшилось во львовской школѣ. Ученики ея не только переводятъ съ греческаго языка патріаршія грамоты ¹⁾, но сами пишутъ по гречески, не только прозой, но и стихами. Такъ, на этомъ языкѣ написаны „предословіе отъ малыхъ“ и привѣтъ перваго хора въ „Просфонимѣ“, напечатанной по случаю прибытія м. Михаила Рагозы во Львовъ 17 янв. 1591 года ²⁾.

Для львовскаго братства митрополитъ Михаилъ былъ желаннымъ гостемъ, какъ давній благодѣтель и благожелатель его, и оно въ торжественной встрѣчѣ его привлекло и школу. Ученики привѣтствовали митрополита стихами и прозой прежде всего въ церкви, предъ народомъ. На другой же день они привѣтствовали его въ самомъ училищѣ, которое посѣтилъ Рагоза. Здѣсь, въ частности, вознесли „къ нему моленіе“ „нищѣбѣдные“—о томъ, чтобъ граждане не запрещали имъ просить милостыню (.... „не боронили толчи въ свои пороги, алчуще просити, поневажъ есмь убоги“) ³⁾. Это посѣщеніе Львова митрополитомъ важно для исторіи мѣстной братской школы и въ томъ отношеніи, что, какъ теперь оказалось, она къ этому времени достигла значенія православнаго духовнаго училища, воспитанники котораго не только сами утверждались въ вѣрѣ, но могли и другихъ укрѣплять въ ней, публично возвѣщая слово Божіе. Это открывается изъ грамоты м. Михаила Рагозы отъ 24 янв., которую онъ благословилъ „Стефана и Кирилла, дидаскалы школы львовской братской и иныхъ спудеовъ (т. е. учениковъ, отъ *σπουδαίος*), на се угожихъ (на это годныхъ), на проповѣданіе и благоговѣствованіе слова Божіе... въ церкви братской Успенія Божія Матери, въ градѣ Львовѣ, и индѣ по прилучаю сущимъ имъ, въ церкви, отъ настоятеля благословеніе взявши“ ⁴⁾. Хотя предоставленіе права проповѣди свѣтскимъ людямъ въ то время было нововведеніемъ, оно было утверждено п. Іереміей, который въ письмѣ къ львовскому братству прибавилъ къ этому приказаніе, чтобъ никто не уходитъ изъ церкви, не выслушавши поученія ⁵⁾.

тельные, а не то, чтобъ ученіе возобновилось, когда найдутся такіе учителя: одинъ изъ нихъ былъ предъ нимъ—это Кирилъ. И еще меньше основанія даетъ она для догадки Аскоченскаго, что до конца 1589 г. ученіе въ львовской школѣ совсѣмъ и не начиналось (Кіевъ съ его древнѣйшимъ училищемъ-академіей, I, 36).

¹⁾ На оборотѣ письма п. Іереміи къ м. Рагозѣ о поставленіи чернышевскаго епископа, въ маѣ 1591 г., есть надпись, удостоверяющая, что оно «слово въ слово з грецкого на словенъское предложено въ школѣ львовской» (Dipl. stat., № 20; cf Monum confr., I, № 189).

²⁾ Такая дата указана на самой брошюрѣ и въ предисловіи къ грамматикѣ 1591 г. Но въ нѣкоторыхъ грамотахъ самого м. Рагозы указывается 18 янв. (Monum. confr., I, № 169; Наук. сборн., 1868 г., Акты, № 14. Ср. Юбил. изд., I, № 88).

³⁾ «Просфонима» перепечатана г. Голубевымъ въ Кіев. епарх. вѣд., 1874 г., № 5. 6. Греческій текстъ въ ней видѣлъ А. О. Бичковъ (Библиограф. записки, III, 1861 г., 580).

⁴⁾ А. З. Р., IV, № 27 (id. Monum. confr., I, № 171).

⁵⁾ Szaraniewicz, Patryarchat wschodni wobec kościoła ruskiego i Rzpltej Polskiej (Wozprawy i sprawozdania... VIII, 321, прим. 2).

Извѣстность львовской школы и ея значеніе стали выходить далеко за предѣлы города и Галиціи. Не только горожане галицкихъ городовъ, организуясь въ братства, пользуются чиномъ львовскаго братства, заимствуются его „порядкомъ школьнымъ“ и его учителями ¹⁾, но и виленскіе братчики прибѣгаютъ въ школьномъ дѣлѣ къ его помощи. Братство львовское еще въ 1588 г. послало виленскому печатное начало своей грамматики. Вильняне въ посланіи отъ 28 мая благодарили львовянъ и просили прислать по отпечатаніи сто или двѣсти экземпляровъ ея и „при нихъ дѣяка или дву, могущихъ достойнѣ разсудити є и инѣхъ научити“ ²⁾. Но печатаніе по причинамъ, о которыхъ будетъ сказано ниже, пріостановилось и закончилось только въ самомъ началѣ 1591 г.: ³⁾. тогда же львовяне послали въ Вильну два экземпляра и пообѣщали дать учителя и, дѣйствительно, въ январѣ 1592 г. они послали туда „учителя богодухновенныхъ наукъ и писаній отеческихъ искусна священноіерея о. Игнатія, а до школы братское даскала мужа ученна въ науце писма и языка еллинска и словенска учения ради детей—пана Кирила“. Оба они скоро зарекомендовали себя предъ виленскимъ братствомъ съ самой хорошей стороны и оно пожелало оставить ихъ у себя, на что и спрашивало согласія у львовянъ ⁴⁾. Послѣдніе не только дали разрѣшеніе, но въ посланіи отъ 14 февр. обѣщали еще прислать учителей и священниковъ; а въ послѣдствіи послали 50 экземпляровъ грамматики ⁵⁾.

Правда, эта щедрость львовскаго братства относительно учителей обусловливалась не богатствомъ учебныхъ силъ, а необходимостью нѣсколько совратить свою дѣятельность въ виду преслѣдованій отъ еп. Гедеопа. Послѣдній 1 янв. 1592 г. наслалъ на братское училище своихъ родственниковъ со слугами, которые стали злорѣчить дидаскаловъ за ихъ препирательства съ владыкой и грозили изсѣчь ихъ саблями, а у Кирилла хотѣли даже вырвать бороду ⁶⁾. Въ виду этого братство и вынуждено было отпустить своихъ учителей—Кирилла въ Вильну, Лаврентія въ Брестъ, а прочихъ въ иные города. 6 февраля 1592 г. братчики сообщали п. Іереміи, что у нихъ изъ всѣхъ учителей остался только одинъ Стефанъ; разошлись даже и священники. Мало того, епископъ возбудилъ въ братству такое нерасположеніе „между людьми всѣхъ сословій“, что оно не могло даже окончить школу, постройку которой начало предъ тѣмъ ⁷⁾. Тавія дѣйствія епископа Балабана возбуждали

¹⁾ Monum. confr., I, №№ 127. 128. 150. 197. 215.

²⁾ А. З. Р., IV, № 4.

³⁾ Уже 17 мая того года п. Іеремія зналъ, что «ищіи порочницы» встрѣтили ее враждебно (А. Ю и З. Р., II, № 159).

⁴⁾ Monum. confr., I, №№ 201. 205. 209 и 213 (id. Крыловскій, Акты, №№ 41. 42. 44. 45)

⁵⁾ Monum. confr., I, № 219 (id. Врем. инст. ставроп., 1871, Акты, № 6; 1874, Акты, № 7). Въ Вильну посланы были два священника: Симеонъ и Феодоръ и діац. Герасимъ.

⁶⁾ Monum. confr., I, № 265.

⁷⁾ А. З. Р., IV, № 33, г. Сборъ пожертвованій на новое школьное зданіе, какъ и на другія строенія, братство начало еще въ 1590 г.; тогда оно обратилось за помощью

особую тревогу въ виду появленія новыхъ враговъ православія—недавно поселившихся въ городѣ „злочестія поборниковъ Езуитовъ“, которые стали злоумышлять противъ братства, и всего болѣе противъ просвѣтительной дѣятельности его. Ее то братство теперь и должно было усилить, такъ какъ теперь стало особенно очевиднымъ, что отступленіе отъ вѣры „державныхъ князей и воеводъ“ и обнаружившееся уже тяготѣніе къ униі съ Римомъ было результатомъ отсутствія учителей и школъ ¹⁾. Какъ сильно тревожилось братство противниками православія, видно изъ той радости, съ какой оно отмѣчаетъ фактъ побѣды надъ ними (въ февралѣ 1592) кипрскаго митрополита Лаврентія, который „самъ дрѣзну внити яко истиненъ ревнитель ку езуитомъ, и ко прочимъ ихъ рекгуламъ (т. е. орденамъ), и ко арменомъ“ ²⁾. Тяжелымъ чувствомъ проникнуты посланія братства къ патріархамъ. Скорбь о церкви, въ которой умножились ереси различныя, безпокойство за типографію и школы, противъ которыхъ возсталъ Гедеонъ, проникаютъ каждое слово ихъ и невольно возбуждаютъ удивленіе и сочувствіе къ этимъ ревнителямъ православія и просвѣщенія. Но энергія братства отъ препятствій какъ бы усиливалась; оно не суживало круга своей дѣятельности и надзора. Оберегая интересы православія, оно слѣдитъ за уклоненіями отъ чистоты его не только въ Галиціи, но и въ Литвѣ. Узнавши о религиозныхъ колебаніяхъ извѣстнаго Θ . Скумина, львовское братство 24 февр. 1592 г. убѣждаетъ его особымъ посланіемъ „твердо стоять въ правой вѣрѣ“ ³⁾.

Въ такихъ тяжелыхъ обстоятельствахъ львовское братство находило нѣкоторый исходъ для своей скорби въ перепискѣ съ другими братствами. Такъ, виленскому оно сообщало 24 февр. 1592 г. „о многихъ бѣдахъ, нападеніяхъ еретическихъ, езуитскихъ искушеніяхъ“, о враждѣ епископа. Оно жаловалось и на то, что „школьное ученіе уничижается, друкарская художества нищетою изнемогаша“ Въ виду этого, а также исходя изъ мысли объ единствѣ братствъ, ихъ „духовныхъ и вещественныхъ потребъ“, львовяне весьма рѣшительно требовали помощи отъ виленскаго братства: „Да не погубите, писали они, въ конецъ, зде церковную общую славу вашу, или намъ помозѣте или единою отрещѣте-

---

къ молдавскому архіепископу Георгію (Юбил. изд., I, № 87; ср. Monum. confr., I, № 162). Въ 1591 г. оно писало п. Іеремію о своемъ желаніи «поновляти домъ на убогия... на стамбу... на школу» (Чт. въ общ. Нестора лѣтоп., V. Матеріалы, сообщенные проф. Голубевымъ, № 5). Затѣмъ оно чрезъ посредство м. Михаила обратилось къ помощи всѣхъ православныхъ соотечественниковъ (А. З. Р., IV, № 32; ср. Monum. confr., I, №№ 211. 212).

¹⁾ А. З. Р., IV, № 33. Monum. confr., I, № 217 (id. Врем. инст. ставр., 1871, Акты, № 8). Посланія братства къ патріархамъ константинопольскому Іеремію и антиохійскому Мелетію отъ 6 февр. и 7 сент.

²⁾ Monum. confr., I, № 214 (id. Врем. инст. ставр., 1871, Акты, № 9; но здѣсь Лаврентій названъ священникомъ (вм. священній).

³⁾ Monum. confr., I, № 220 (id. Врем. инст. ставр., 1871, стр. 141).

ся¹⁾. Нескоро отозвалось виленское братство на призывъ львовскаго: у него были свои нужды. Оно только 22 іюля могло послать въ Львовъ деньги за 50 экземпляровъ греческой грамматики (10 копъ грошей) и 400 польскихъ злотыхъ милостыни на сгорѣвшую церковь. вмѣстѣ съ тѣмъ оно извѣщало, что просило воеводъ минскаго и новгородскаго написать Гедеоу, чтобы онъ, отложивъ гнѣвъ, сталь во главѣ своего братства и защищалъ церковь отъ еретическихъ нападеній²⁾.

Обстоятельства львовской школы измѣнились къ лучшему только во второй половинѣ 1592 г., когда возвратились учителя и ученики³⁾, одинъ изъ которыхъ былъ посланъ въ Перемышль въ качествѣ дидакала⁴⁾. Мало того, братское училище давно привлекло къ себѣ симпатіи „благородныхъ пановъ воеводовъ“ и послѣдніе служили „школьнаго ради ученія“ не только имѣніями своими⁵⁾, но и своимъ вліяніемъ на короля, у котораго исходатайствовали подтвердительную грамоту какъ самому братству, такъ и школѣ. 15 окт. 1592 г., по просьбѣ кн. К. К. Острожскаго и Ѳ. Скумина Тышкевича, Сигизмундъ III пожаловалъ братству два „привилея“, изъ которыхъ первымъ утверждалъ самое братство, типографію и школу, а вторымъ предоставлялъ ему онуфріевскій монастырь и сосѣдніе дуга⁶⁾. Для школы особенно важна была первая грамота, называвшая ее „школой свободныхъ наукъ“ (*schola pro tractandis liberalibus artibus*) и утверждавшая за ней это званіе. Свободная наука были введены въ программу львовскаго училища, вѣроятно, съ самого начала ея существованія, какъ и утверждаетъ это „Перестрога“, говоря о п. Іереміи⁷⁾. И, дѣйствительно, мы знаемъ изъ грамоты п. Іереміи (1589), что здѣсь преподавались грамматика, пѣн-тика, риторика и философія,—по крайней мѣрѣ, типографіи предоставлялось печатать такіа книги, „училищу потребные и нужные“. О томъ же говоритъ и вклятвенная грамота М. Рагозы на нѣкоторыхъ львовскихъ

¹⁾ Врем. инст. ставроп., 1871, Акты, № 4. Въ началѣ петрова поста львовяне опять просили виленское братство о помощи при построеніи храма, домовъ школьнаго, шпитальнаго и поповскаго, но этого писанія не отправили (*ibid.*, № 9).

²⁾ Врем. инст. ставроп., 1874, Акты, № 7.

³⁾ Одно изъ просительныхъ посланій братства къ царю Феодору Ивановичу о милостынѣ, отъ 15 іюня 1592 года, написано, между прочимъ, отъ лица дидакаловъ (А. З. Р., IV, № 34, 1). Что до учениковъ, то въ іюлѣ братство писало перемышлянамъ, въ отвѣтъ на ихъ просьбу прислать дидакала, что «нынѣ спуден разыдошася, овии въ градъ Виленскій; овии же во великій Берестя, инии же инде, но (какъ) скоро посланіемъ нашимъ призовутся посланы будутъ» въ Перемышль. Послѣднее состоялось только въ августѣ (Врем. инст. ставр., 1871 г., Акты, № 7; 1878, № 5).

⁴⁾ Послѣднее не должно насъ удивлять: въ тѣ времена это было обычнымъ явленіемъ. Въ учителя «парохіальныхъ» школокъ выходили недоучившіеся студенты краковской академіи, и въ іезуитскихъ коллегіяхъ «магистрами» въ низшихъ классахъ были студенты (новиціи) высшихъ классовъ, не закончившіе еще своего образованія.

⁵⁾ А. З. Р., IV, № 33, II.

⁶⁾ *Monum. confr.*, I, № 252 (*id.*, *Петрушевичъ*, о. с., стр. 34—36).

⁷⁾ А. З. Р., IV, стр. 206. Ср. пред. къ Львов. Октоиху 1630 г., гдѣ сказано, что патріархами учреждено во Львовѣ братство и постановлено, «гимнасіонъ да будетъ въ обученіе юнымъ, и предложеніе художества писменъ, и ученій внѣшнихъ же и божественныхъ».

мѣщанъ, осуждавшая ихъ за возбужденіе общества противъ „грамматическаго, діалектическаго и риторическаго ученія“ (13 іюня 1590 г.), и предисловіе къ грамматикѣ 1591 г., въ которомъ о семи свободныхъ наукахъ сказано, какъ о такихъ, которыя уже изучались здѣсь („понеже *прежде* въ російскомъ родѣ мало сихъ обрѣсти“...) Тѣмъ не менѣе королевская грамота глубоко отразилась (хотя и не сразу) на внутренней жизни львовскаго училища. До сихъ поръ послѣднее было школой греко-славянскою, изучавшею *только* греческія и славянскія письмена, литературу, жизнь. Королевскій же привилей, утверждая систему свободныхъ наукъ, открывалъ сюда доступъ и латинскому языку, который мыслился неразрывно связаннымъ съ ними, и латинской литературѣ. Что королевская грамота имѣла этотъ смыслъ, это видно изъ свидѣтельства Сильвестра Коссова о дозволеніи львовянамъ содержать школу *латинскую* ¹⁾.

Братство въ хлопотахъ о королевской привилегіи имѣло въ виду гарантировать свое существованіе и цѣлость своихъ владѣній и учрежденій отъ покушеній на нихъ враговъ. Что касается училища, цѣль эта не была достигнута. Напротивъ, королевская грамота только раздражила ректора польскаго панна Крыштофа; въ началѣ декабря онъ дважды насылалъ своихъ учениковъ на братскихъ воспитанниковъ, собиравшихъ позднимъ вечеромъ милостыню. Послѣдняя была отнята, братскіе славельщики были избиты до крови, а нѣкоторые были отведены въ католическую школу, изъ которой ихъ выпустили только утромъ съ новыми побоями. Представители братства и Стефанъ (Зизаній), „ректоръ, т. е. дидакаль школы греческаго обряда“, подали на эти обиды двѣ жалобы въ городской магистратъ ²⁾. Хотя спустя нѣсколько дней они заявили, что панъ Крыштофъ и ксендзъ Перлицкій, оффиціаль львовской капитулы, дали имъ удовлетвореніе, навазавши своихъ виновныхъ учениковъ и запретивши имъ впредь дѣлать что-либо подобное ³⁾,—будущее не предвѣщало школѣ спокойствія. На нее посыпался цѣлый рядъ новыхъ обидъ и при-

¹⁾ Exegesis, 1635 г. (Голубевъ, Исторія Кіевской академіи, прилож., 83). Мы не думаемъ, чтобъ въ львовской школѣ латинскій языкъ преподавался до этого. И если еп. Михайлъ Копыстенскій уже 1 іюля 1592 г. просилъ у львовянъ учителя, свѣдущаго и въ немъ (Врем. инст. ставр., 1878, Акты, № 8), то не видно, чтобъ онъ получилъ его. И первые учителя львовской школы—братья Зизаніи не знаютъ этого языка. Захарія Копыстенскій называетъ Стефана «мужемъ ученымъ велце въ грекомъ и словенскомъ языку», тогда какъ у Леонтія Карновича отмѣчаетъ знаніе и латинскаго (П. П. Л., I, 913). Указанный выше фактъ вліянія на Стефана Люббертова сочиненія не обязываетъ насъ усвоивать Ст. Зизанію знаніе латинскаго языка: онъ могъ пользоваться этимъ сочиненіемъ чрезъ посредство другихъ лицъ. Что до Лаврентія Зизанія, то наше мнѣніе подтверждается сообщеніемъ Боркулабовской хроники, что послѣ того, какъ онъ обучилъ русскому и греческому языкамъ сына Соломирецкихъ, послѣдній для «латинской науки» былъ переданъ другому лицу—М. Смотрицкому (Булишъ, Матер. для ист. соединенія Руси, I, 72, 74).

²⁾ Supplem., № № 61. 62 (id. Monum. confgr., № № 260. 261). Изъ жалобъ видно, что нападеніе на школьниковъ братскихъ совершено было впервые. Возможно, что ректоры тайно руководили іезуитами, какъ догадывается о. Флеровъ (о. с., 94).

³⁾ Monum. confgr., I, № 263.

тѣсненій. Въ представленныхъ королю братствомъ „около 1593 г.“ или только приготовленныхъ для представленія „Требованіяхъ“ читаемъ цѣлый мартирологъ ея. Братство, ходатайствуя въ нихъ о гарантированіи своихъ правъ на школьные и другіе дома и грунты, на которыхъ они стояли, просило вмѣстѣ съ тѣмъ для своихъ бѣдныхъ учениковъ позволенія искать продовольствія (pożywienia) на каждомъ мѣстѣ, въ городѣ и въ его предмѣстьяхъ, безо всякаго съ чьей бы то ни было стороны препятствія, добивалось свободы въ избраніи годныхъ для школы учителей, самостоятельности въ распоряженіи и въ управленіи училищемъ по порядку школьному. Братство домогалось, чтобъ учителя его не подвергались оскорбленіямъ (przenagabienia), а ученики—насиліямъ отъ какихъ бы то ни было властей и другихъ школъ, чтобы жалобы на нихъ приносились школьному дидаскалу и чтобы, наконецъ, во Львовѣ не было никакой другой русской школы¹⁾. Изъ этого видно, какого рода притѣсненія испытывала братская школа. Изъ жалобы въ городской урядъ князей Ружинскаго Кирика и Вишневецкаго Адама узнаемъ еще нѣкоторыя подробности. Католики, запрещая бѣднымъ ученикамъ просить милостыню, ловили ихъ на улицахъ, завлекали въ свою школу, били ихъ, также препятствовали участвовать въ религіозныхъ процессіяхъ, напр. пѣть „Осанна“ въ Лазареву субботу²⁾. Дѣло сводилось, повидимому, къ желанію католиковъ совсѣмъ запретить братству „учневь (учениковъ) русскихъ учить“, какъ сообщалъ вильнянамъ въ 1599 г. Ю. Рогатинецъ. Хотя за обиженное братство „вступился вн. Острожскій вмѣстѣ съ своими сыновьями, точно ему самому была нанесена обида“ и жаловался королю³⁾, школѣ отъ этого не стало легче, такъ какъ притѣсненія эти имѣли не случайный характеръ, а были связаны со всей системой негласнаго заговора польскихъ правительства, духовенства и общества противъ русской національности и православной церкви, представителемъ которыхъ и защитникомъ интересовъ которыхъ было въ Галиціи львовское братство. Эти притѣсненія имѣли еще ту вредную для просвѣтительной дѣятельности послѣдняго сторону, что отнимали у братства матеріальныя средства, которыя оно принуждено было тратить на послыку депутатовъ къ королю и на сеймы и на дариваніе нужныхъ людей⁴⁾. Приходилось братству попрежнему собирать денежныя пожертвованія на школу и типографію⁵⁾.

Тѣмъ не менѣе школа тихо дѣлала свое дѣло. Она твердо стояла на почвѣ православія, продолжая питать дѣтей греко-славянскою наукой и не вводя пока латинской⁶⁾. Въ частности, греческій языкъ оставался

¹⁾ «Postulata Ruthenorum civium Leopoliensium ad regem». Monum. confr., I, № 300.

²⁾ Supplem., № 63. Кирикъ Ружинскій, а не Кириллъ, какъ здѣсь (Кіев. стар., 1882, II, 68—73. Ср. *Boniecki*, *Poczet rodów*, 288).

³⁾ А. З. Р., IV, № 146.

⁴⁾ Въ 1600 г. братство израсходовало на этотъ предметъ не только всѣ свои деньги, но еще и занятыя полторы тысячи золотыхъ (Лѣтоп. лѣв. брат., 81. Ср. *Голубевъ*, *Петръ Могила*, прил., № 20).

⁵⁾ «Оглашеніе церкви братской львовской», Тр. Кіев. дух. акад., 1871, I, 386. 387.

⁶⁾ Въ «Требованіяхъ» королю братчики просятъ, чтобы только въ ихъ школѣ можно

на прежней высотѣ, о чемъ свидѣтельствуесть вышедшая въ 1593 г. (4 апр.) изъ братской типографіи книжка: „Господина Мелетія св. папы Александрійскаго, о христіанскомъ благочестіи къ Іудеомъ отвѣтъ“, въ послѣсловіи которой братство заявляетъ: „сія книжица... богатію Божію, отъ еллинскаго на словенскій языкъ спудеймы (т. е. студентами) школы наша преложивше, въ общую пользу російскому роду нашему еллински и словенски изобразихомъ“. „Спудей“, вѣроятно, перевели на греческій языкъ и самое послѣсловіе ¹⁾. Восточнымъ патріархамъ одно время казалось даже, что львовской школѣ суждено поддержать падающее греческое образованіе. Такъ, п. Мелетій Пигасть, который на самыя западнорусскія братства смотрѣлъ какъ на „утвержденіе церкви“ и „щитъ нѣкій въ помощь самой церкви“ ²⁾, въ частности о школѣ львовскаго братства въ посланіи къ царю Θεодору (6 авг. 1593 г.) выразился: „не маловажная возжена тамъ промысломъ Божіимъ искра, для возстановленія находящагося въ опасности по всему востоку благочестія, для подпоры православія, для оживленія греческаго обученія, въ здѣшнихъ (греческихъ) странахъ совершенно истребленнаго“ ³⁾. И если спустя четыре года онъ убѣждалъ еп. Гедеопа и всѣхъ западноруссовъ „даже академію, сирѣчь училища составити при всякой епархіи, і изряднѣ во Львовѣ, нижъ единого щадѣти иждивенія, въ воставленіе добрыхъ училищъ и составленіе“ ⁴⁾, то, очевидно, онъ имѣлъ въ виду училища епархіальныя, и самого Гедеопа онъ приглашалъ позаботиться или обустройствѣ такой школы во Львовѣ, или о томъ, чтобъ придать исключительно духовный характеръ братскому училищу. Балабанъ, какъ увидимъ ниже, предпочелъ завести такое училище въ Стратинѣ.

Не оставляя вѣрности духу православія, братству львовскому пора было уже подумать и о расширеніи школьной программы на счетъ польскаго и латинскаго языковъ, и оно, дѣйствительно, начинаетъ мало-помалу вводить польско-латинскіе учебники и пользоваться западно-европейской учебной и богословской литературой. Нельзя опредѣленно указать момента, когда это произошло, но во всякомъ случаѣ къ началу XVII ст. выразилось въ формѣ довольно значительной, показателемъ чего служить братская бібліотека, реестръ которой отъ 1600—1601 гг. напечатанъ проф. Голубевымъ ⁵⁾. Здѣсь встрѣчаемъ много книгъ не только на славянскомъ и греческомъ языкахъ, но и на польскомъ и латинскомъ, причемъ число латинскихъ книгъ обазывается вчетверо большимъ, чѣмъ греческихъ. Здѣсь имѣются руководства почти по всѣмъ предметамъ *trivium*'а и *quadrivium*'а: по грамматикѣ (пресловутый Альваръ и „грамматика латинская, партесь осмъ“), по діалектикѣ и ритори-

---

было учить по гречески и по славянски и въ нихъ типографіи печатать книги на этихъ языкахъ, не упоминая о латинскомъ.

¹⁾ Историч. бібліотека, 1879, т. III: *Олоблинъ*, Арсеній, архіеп. Елассонскій, 13. См. также *Bibliographie Hellénique* s. XV et. XVI, t. II, № 200.

²⁾ А. Ю. и З. Р., II, № 159.

³⁾ *Малышевскій*, Мелетій Пигасть, II, № 7.

⁴⁾ *Ibid.*, № 18.

⁵⁾ Петръ Могила, прил., № 21.

риѣ, музыкѣ. Для изученія латинскаго языка служили также „Дивционарь“ (словарь) и книги для чтенія: Овидій, Цицеронъ, Валерій Максимъ, Виргилій, Гораций (конечно, неполныя изданія ихъ), „Сабеликусъ о войнѣ венецкой“, Никифоръ на греческомъ и латинскомъ, „Хронографія“, Плутархъ, даже „Кроничка руская малая“ и „Псалтырь латинская съ польскимъ“. Для греческаго языка находимъ грамматику Кленарда (на лат.)¹⁾; для чтенія имѣлись три Новыхъ Заветъ (третій съ лат. текстомъ), Лукіанъ, Аристотель и, быть можетъ, Фукидидъ²⁾. Библиотечку славянскую составляли главнымъ образомъ книги Священнаго Писанія и богослужебныя. Но было нѣсколько книгъ, имѣвшихъ непосредственное отношеніе къ школѣ. Таковы *школьная Библия*, „Катехизисъ френцѣшкава друку“³⁾, „Космографія Сербская великая, писанная“, „Кроника о грецкомъ панствѣ“; сюда же можно отнести изданія св. отцовъ: Василия В., Златоуста, Теофилакта, Иоанна Лѣствичника, Максима грека, Никона, и Маргарить. Что до польскаго языка, то большинство книгъ на немъ—назидательнаго характера („Животъ Езусовъ“, „Чистецъ людскій“, „Рай духовный“, „Студница живота“), но есть и такія, на которыя можно смотрѣть какъ на учебныя. Таковы: „Молитвы прав. христіанъ“, „Катехизисъ для дѣтей“ (впрочемъ, онъ, какъ и „Катехизисъ польскій“, могъ оказаться здѣсь случайно), „Исторія о потопѣ“, „О збуреніи Іерусалиму“, „Аврелиушъ“, „Кроники всего свѣта на шесть вѣковъ“.

Къ этому же времени должно отнести и введеніе въ школьное преподаваніе латинскаго языка. Хотя первое извѣстіе объ этомъ не восходитъ далѣе 1604 г., когда новый ректоръ львовскаго училища Иванъ Борецкій принялъ на себя обязательство учить обомъ древнимъ языкамъ⁴⁾, но такъ какъ не видно, чтобы теперь впервые вводился латинскій языкъ, и такъ какъ самъ Борецкій, по всей вѣроятности, изучилъ его здѣсь же⁵⁾, то надо предположить, что онъ началъ преподаваться здѣсь нѣсколькими годами раньше.

---

¹⁾ О грамматикѣ 1591 г. не упомянуто, такъ какъ, очевидно, она находилась въ складѣ. А что, дѣйствительно, она въ это время еще существовала, видно изъ журналовъ засѣданій братства, гдѣ сказано, что въ 1612 г. продано нѣсколько экземпляровъ ея, а въ 1616 г. дано 10 экземпляровъ ея Памвѣ для продажи (Ж. М. Н. Пр., 1838, ч. XIX, 568). Затѣмъ, въ 1617 г. ректоръ кievской школы Борецкій приобрѣлъ около 40 экземпляровъ ея (если покупалъ по старой цѣнѣ.—Петръ Могила, прилож., № 34). И въ каталогѣ львовскомъ 1638 г. мы находимъ «Gramatyke greckie, lwowskiego druku, in 8» (Чт. въ ист. общ. Нест. лѣтоп., V, Матеріалы, стр. 194).

²⁾ Относительно послѣдняго мы читаемъ здѣсь только слѣдующія слова: «Книжка въ политуру грецкая». Снеся это мѣсто съ соответствующимъ—каталога 1638 г., мы находимъ: «Fukydidu, xięska w paliturze szęgwoney, sama grecka» (стр. 194).

³⁾ Не ошибка ли здѣсь, если не указаніе на новое сочиненіе Скорины, неизвѣстное, по видимому, автору монографіи о немъ—г. Владимирову?

⁴⁾ Лѣтоп. львов. брат., 91.

⁵⁾ Въ одномъ изъ писемъ къ львовскому братству онъ называетъ себя его воспитанникомъ (*Голубевъ*, Петръ Могила, прилож., № 47).

Однако нельзя дѣлать отсюда тотъ выводъ, что въ это время совершенно измѣнился самый характеръ львовской школы и что въ ней латино-польская наука вытѣснила греко-славянскую или заняла первенствующее положеніе. Напротивъ, львовская школа сохранила свое прежнее направленіе, что видно уже изъ того, что къ ней по старому примѣняется названіе школы греко-славянской (напр., въ „Оглашеніи“, 1600). Затѣмъ, это удостовѣряется каталогомъ братской библіотеки 1637—1638г.: происшедшее къ этому времени обогащеніе ея послѣдовало больше на счетъ славяно-русскихъ и греческихъ книгъ, чѣмъ латинскихъ и польскихъ ¹⁾. Латинскій (и польскій) языкъ вошелъ только въ программу, а самое преподаваніе совершалось на славянскомъ и греческомъ языкахъ, и въ числѣ учителей попрежнему здѣсь встрѣчаются греки, въ родѣ игумена Θεодора Θεραποντα Кассаниды (1602) ²⁾. И это направленіе свое львовская школа, быть можетъ, одна изъ всѣхъ братскихъ, сохранила по крайней мѣрѣ до конца XVII ст. ³⁾.

Какъ ни тяжелы были матеріальныя обстоятельства львовскаго братства въ началѣ XVII ст., оно, считая школьное дѣло одной изъ своихъ важнѣйшихъ функцій, старалось обезпечить правильный ходъ его принсканіемъ хорошихъ учителей и исправной выплатой слѣдуемаго

¹⁾ Изъ *славянскихъ* книгъ, приобретенныхъ въ это время и могшихъ имѣть отчасти школьное назначеніе, можно отмѣтить слѣдующія: Бесѣды Златоуста на Дѣянія апостольскія и Посланія ап. Павла, Діонисія Ареопагита, творенія Василія В., Аванасія алекс., Максима инока, книжку Азаріеву о вѣрѣ единой съ Омиліей погребовой (Зах. Коштыщенскаго) и нѣкоторые сборники проповѣдей. Изъ *греческихъ* изданій: 8 томовъ Златоуста, Діонисій Ареопагитъ, Евставій солунскій, Библіотека Фотія, Плутархъ, Алкивиадъ, Ксенофонтъ, Евсевій, Аристотель (въ 1600 г. была одна «Книга Аристотель греккая», теперь же оказываются слѣдующія: «Organon Aristotelisъ», «Opera Aristotelisъ» вышестю грецкіе, «Organon tis filosofiasъ», «Aristotelis de arte», «Aristotelis greco—latino»), Гезіодъ, Аппіана исторія на греч. и лат. языкахъ, «Oratorum veterum orationes», Платонъ, Еврипидъ, Пиндаръ, Демосеенъ, Энхиридиѳ Александра и Эпиктета на греч. и лат. языкахъ. *Латинскихъ* книгъ вновь приобретено было очень немного: грамматика Корнелія, греко-латин. грамматика (3 экз.), Овидій (2), Аристотель (греко-латинскій), «Ogyiense», Аполлоній александрійскій и др. Изъ *польскихъ*—блаж. Августинъ, Конституціи (2), Венгерская исторія, «Постила Бялобурискего Вялка», «Артыкулы братства св. Ганны» (Чт. въ общ. Нест. лѣтоп., V. Матеріалы, сообщеніе С. Т. Голубевымъ, № 5. Ср. *Крыловскій*, Азты, № 76).

²⁾ Dipl. stat., p. 130 et praef., p. X.

³⁾ Авторъ лѣтописи львовскаго братства свидѣтельствуетъ, что въ львовской школѣ былъ постоянно учитель греческаго языка (154). Извѣстный Павелъ Негребецкій составлялъ, живя въ Москвѣ, въ 1686 г. записку: «Доводъ, яко ученіе и языкъ Еллинно-греческій наипаче нужно потребный, нежели латинскій языкъ и ученіе». Эта записка, вызванная происходившими въ Москвѣ спорами о сравнительномъ достоинствѣ греческаго и латинскаго языковъ, сама по себѣ характеризуетъ дальнѣйшее направленіе львовскаго училища, однимъ изъ воспитанниковъ котораго былъ ея авторъ. Но кромѣ этого въ ней встрѣчается и прямое свидѣтельство о сохраненіи въ немъ греческаго направленія. «Хоть Бѣлоруссы, пишетъ Негребецкій, и учатся латинскимъ языкомъ, скудости ради греческаго, *кромѣ Львова, что учатся гречески*; однакожь припоминати надобно, что малая часть изъ тѣхъ во унию не падаютъ, а я тѣ, что не падаютъ, познаваются въ нихъ остатки езувитскіе; понеже езувиты не учатъ ихъ высокими науками. покажѣтъ предъ Богомъ не общаются держати латинской религіи» (*Архивъ. Филаретъ*, Обзоръ рус. дух. литературы, 1859, I, 297 стр.).

имъ жалованья. Размѣръ послѣдняго опредѣлялся обоюднымъ соглашеніемъ братства и кандидата въ преподаватели. Такъ, Иванъ Борецкій былъ поряженъ за 10 злотыхъ въ каждыя три мѣсяца, а поступившій вмѣстѣ съ нимъ Ѳеодоръ Сидоровичъ, учитель „славянщины“ и регентъ,—за 5 зл. ¹⁾. Что до средствъ самой школы, то, вѣроятно, они были довольно скудны, лишь изрѣдка восполнясь случайными поступленіями, въ родѣ пожертвованія Константина Корнякта, который записалъ братству въ 1603 г. 4 тыс. злотыхъ. Братство, распредѣляя въ слѣдующемъ году проценты съ доходовъ отъ этой суммы (200 зл.), 10 зл. ассигновало „школѣ, дякомъ, спѣвакомъ и выросткомъ ихъ“ и 5—„звонникомъ, спудеомъ школнымъ, убогимъ до пушки ихъ“ (т. е. въ кассу бursy). ²⁾ Но общія средства братства все болѣе истощались, что, понятно, въ концѣ концовъ должно было отразиться невыгодно на судьбѣ школы. Паденіе ея было на время задержано сочувственнымъ отношеніемъ и къ братству и „особливо къ наукѣ школьной и друкарнѣ брацтва“ новаго епископа Тереміи Тиссаровскаго (съ 22 янв. 1608), который пригласилъ свою паству къ жертвованіямъ на эти учрежденія братства, стоившія ему „сумы не малой“, причемъ распространился о значеніи наукъ (3 марта 1609 г.) ³⁾. Но если православными галичанами и была оказана братству помощь, то столь незначительная, что оно стало неаккуратно выплачивать учителямъ жалованье и тѣ оставили школу, тѣмъ болѣе, что въ дѣла послѣдней стали вмѣшиваться чуть ли не всѣ братчики. Просвѣтительная репутация братства поддерживалась только онуфріевскими иноками, продолжавшими работать надъ изданіемъ книгъ, хотя и ихъ останавливала иногда недостатокъ средствъ ⁴⁾.

Наконецъ, братство, рѣшивъ улучшить положеніе школы, стало искать учителей для нея и по традиціи обратилось на Востокъ. Въ то время на александрійскомъ престолѣ сидѣлъ Кирилль Лукарисъ, особенно близко принимавшій къ сердцу интересы западнорусскаго просвѣщенія. На просьбу львовянъ о „дидаскалѣ albo мистрѣ (т. е. магистрѣ) школномъ“ онъ отозвался замѣчательнымъ посланіемъ, въ которомъ, отерывая имъ глаза на причины упадка ихъ училища, далъ нѣсколько

---

¹⁾ Лѣт. львов. братства, 91.

²⁾ Наук. сборн., 1868, Акты, № 19. Мы не пересчитываемъ всѣхъ пожертвованій, поступившихъ въ нашъ періодъ въ пользу львовскаго братства, а указываемъ только тѣ, которыя шли специально на школу: всѣ другія расходовались на общія нужды братства.

³⁾ Наук. сборн., 1868, Акты, №№ 4 и 15. Юбил. изд., I, № 107.

⁴⁾ А. З. Р., IV, № 188. Предлагаемъ интересную страничку изъ исторіи дѣятельности братской типографіи за это время. Въ 1608 г. братство напечатало въ ней 500 часослововъ и 1000 псалтырей; продало ихъ въ 1611 г. на 226 зл. и 20 гр. Въ 1609 г. оно напечатало Златоуста «О воспитаніи чадъ». Въ 1614 г. былъ напечатанъ трудъ св. Іоанна Златоустаго—О священствѣ, въ переводѣ іером. Пафнугія. Въ 1616 г. поручено было о. Памвѣ продать 20 книжекъ «О воспитаніи чадъ» и 10 грамматикъ. Памва Бернида—одинъ изъ извѣстнѣйшихъ нашихъ «маістровъ художества печатнаго», работавшій послѣ въ Кіевѣ и обезсмертившій себя нѣсколькими литературными и учеными трудами (Ж. М. Н. Пр., 1838, XIX, 567).

практическихъ совѣтовъ. Если вы, писалъ онъ изъ Яссы 26 апр. 1614 г., желаете имѣть дидаскала и устроить школу, то нужно предварительно позаботиться о средствахъ для ея содержанія и для приличнаго вознагражденія учителю, потому что никто не согласится жить у васъ безъ жалованія и даромъ учить вашихъ дѣтей, ибо и іезуиты, хвалящіеся тѣмъ, что даромъ занимаются обученіемъ, какимъ то образомъ получаютъ больше другихъ. Патріархъ внушалъ, чтобъ школой завѣдывали только годовичные старшіе, двое или трое, а другіе чтобы не вмѣшивались въ управленіе ею и не препятствовали учителю бить и карать учениковъ и обучать ихъ такъ, какъ ему угодно, а не какъ хочется родителямъ. Нужно вамъ во всемъ такъ себя вести, заключилъ Лукарисъ, чтобы всѣми мѣрами содѣйствовать размноженію и развитію наукъ, въ которыхъ если и не всѣ вы свѣдуци, но есть среди васъ такіе, которые „смаку ихъ скоштовали (познакомились съ ихъ веусомъ) и з молодости своей добрѣ писмо прошли“. Таковъ, напр., Гавріиль Доросеевичъ, „наисоблившій милостникъ науки“, могущій быть очень полезнымъ въ данномъ случаѣ ¹⁾.

Благодаря участію и убѣжденіямъ п. Кирилла Лукариса, львовская школа была возстановлена и уже въ 1616 г. ученики ея выступили предъ мѣстнымъ епископомъ въ той роли, въ какой нѣкогда выступали предъ митрополитомъ Михайломъ Рагозой. Братскій типографъ Памва Берында составилъ и напечаталъ „На рождество Га Бга и Спса нашего Іс Ха Вѣршѣ для утѣхи православнымъ христіаномъ“, посвятивъ ихъ еп. Іереміи, какъ „малый колосъ убогого жнива“ своего. Эти стихи и были „презъ дѣтокъ деклямованы“ (декламированы) предъ епископомъ. Скоро львовское училище опять стало въ первенствующее положеніе по отношенію къ другимъ православнымъ школамъ, снабжая ихъ учебными средствами и служа разсадникомъ дидаскаловъ. Извѣстно нѣсколько фактовъ этого рода. Въ 1617 г. (3 іюня) былъ во Львовѣ ректоръ кievской школы, пресвитеръ Иванъ Борецкій и взялъ для нея нѣсколько десятковъ греческихъ грамматикъ „друку львовскаго“, деньги обѣщавшись отдать въ слѣдующемъ году ²⁾. Въ 1619 г. виленское братство опять просило львовянъ прислать ему способныхъ и православныхъ учителей ³⁾. Около этого же времени „Порядокъ шеольный“ львовскаго училища послужилъ образцомъ для лужскаго школьнаго устава. Въ 1620 г. (7 сент.) львовскіе братчики удостоились отъ п. Теофана похвалы за то, что они „школу во градѣ... возстановиша“ и виноградникъ Божій, „раскопываемый отъ противныхъ, оплотомъ наказаній училищныхъ и изображенія книгъ художествомъ типографскимъ“ ограждаютъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ патріархъ предлагалъ имъ, чтобы они передали инокамъ онуфріевского монастыря завѣдываніе училищемъ и типографіей, оказывая имъ при томъ не

---

¹⁾ Петръ Могила, прилож., № 28 (id. Врем. инст. ставр., 1880; *Малышевскій*, Мелетій Пягасъ, II, № 28).

²⁾ Петръ Могила, прил., № 34.

³⁾ А. З. Р., IV, № 217.

сопротивленіе, а совѣтъ и помощь ¹⁾). Безъ сомнѣнія, это предложеніе стояло въ связи съ тѣмъ отмѣченнымъ нами выше стремленіемъ къ передачѣ образованія въ руки духовенства, какое проявилось въ нѣкоторыхъ другихъ фактахъ. Но не знаемъ, какъ отозвалось львовское братство на предложеніе патріарха.

Изъ событій послѣднихъ лѣтъ исторіи львовскаго училища въ избранный нами періодъ времени обращаютъ на себя вниманіе два крупныхъ пожертвованія на нее—гетмана Коначевича Сагайдачнаго, завѣщавшаго ей въ 1622 г. 1500 зл. ²⁾, и купца Ив. Аффендика, записавшаго ей въ 1630 г. 2091 зл. ³⁾. Какъ видно изъ записи м. Іова, полторы тысячи злотыхъ, имѣвшія приносить ежегодно 150 зл., назначались специально „на выхованье ученого майстра, въ греческомъ языкѣ бѣгло“. Отсылая деньги въ Львовъ, митрополитъ обязывалъ братчиковъ подъ зарукою такой же суммы, проценты съ которой тоже имѣли бы пойти на школу, употребить ихъ по назначенію. Вѣроятно, въ связи съ улучшеніемъ матеріальныхъ обстоятельствъ братской школы стояло и появленіе въ ней преподавателей съ университетскимъ образованіемъ, въ родѣ Сильвестра Коссова и Исаи Трофимовича (о нихъ скажемъ ниже). Заключительный моментъ исторіи львовской школы въ избранный нами періодъ времени составляетъ подтвержденіе королевемъ въ 1633 г., по ходатайству старшихъ братчиковъ, грамотъ Сигизмунда Августа отъ 20 мая 1572 г. и Сигизмунда III отъ 15 окт. 1592 г. ⁴⁾.

Виленская школа.

Одновременно, а можетъ быть и нѣсколько ранѣ львовской, появилась братская школа въ Вильнѣ. Что виленскіе православные граждане ранѣ другихъ пришли къ мысли объ устройствѣ своего училища, это объясняется важнымъ политическимъ значеніемъ города, и тѣмъ, что Вильна была культурнымъ центромъ литовско-русскаго государства, и тѣмъ, наконецъ, что здѣсь давно уже существовали школы католическія и протестантскія. Вліяніе послѣдняго фактора усматривается въ томъ, что въ то время, какъ львовское братство учреждаетъ у себя школу греко-славянскую, виленское сразу даетъ въ своемъ училищѣ мѣсто и латинскому и польскому языкамъ: очевидно, оно стояло ближе къ западной наукѣ и польско-латинской педагогикѣ. Замѣчательно при этомъ и то, что въ Вильнѣ право на устройство школы получили православные мѣщане города еще до того, какъ рѣшили организовать въ братство новой формации, хотя школа эта имѣла быть при троицкомъ монастырѣ.

Свято-троицкій монастырь въ Вильнѣ издавна находился въ „держаніи“ у литовско-русскихъ митрополитовъ, которымъ „подавалъ“ его

¹⁾ А. З. Р., IV, № 219.

²⁾ У *Максимовича*, въ Собр. соч., I, 377 и слѣд., напечатана запись объ этомъ пожертвованіи Іова Борецкаго и представителя запорожскаго войска Олифера Голуба. Лѣтопись львовскаго братства говоритъ только о 250 талерахъ (138).

³⁾ Лѣт. льв. брат., 143.

⁴⁾ Лѣт. льв. брат., 147.

самъ король, патронъ его. Но они, живя обыкновенно въ Новгородѣ и Кіевѣ, не могли заботиться, какъ должно, о благоустройствѣ монастыря, почему и передали ближайшій надзоръ за нимъ виленскимъ гражданамъ. Обыкновенно каждый новый митрополитъ утверждалъ ихъ въ ихъ правахъ. Въ 1584-же году случилось, что сами вильяне просили короля (быть можетъ, съ согласія митр. Онисифора) о передачѣ въ ихъ руки этого монастыря по смерти митрополита. И король, предоставляя виленскимъ бургомистрамъ, радцамъ и лавникамъ (т. е. магистрату города) управленіе и завѣдываніе монастыремъ и его угодіями (27 мая 1584 г.), сдѣлалъ такое распространеніе обычныхъ правъ патроновъ по отношенію къ троицкому монастырю: православные члены магистрата имѣютъ употреблять всѣ доходы монастыря на его церковныя нужды,—на содержаніе „въ писъмѣ ученаго архимандрита“, поповъ, чернцовъ, черницъ, „на сбудованье школъ, на выхованье людей въ писъмѣ умѣлыхъ, для науки дѣтей народу закону греческаго, которыхъ вси люди въ томъ монастыри мѣшкати (жить) будутъ, и на всихъ оныхъ людей“¹⁾. Является вопросъ: по чьей инициативѣ включенъ въ королевскую грамоту пунктъ о школѣ,—по инициативѣ ли короля или самихъ мѣщанъ? Извѣстно, что Стефанъ Баторій заботился вообще о распространеніи образованія въ своемъ государствѣ, но въ данномъ случаѣ, если бы онъ не вызывался на то со стороны, то предложилъ бы только виленскимъ гражданамъ завести школу, какъ это было въ Могилевѣ, не входя въ частнѣйшее опредѣленіе просвѣтительной функціи патроновъ троицкаго монастыря. Вѣроятноже, что короля просили объ этомъ сами мѣщане. Въ такомъ случаѣ передъ нами фактъ высокой значимости: оказывается, что православные вильяне еще до мая 1584 г. поняли права патроната гораздо шире, чѣмъ они обыкновенно понимались, особенно частными патронами. Тѣмъ не менѣе имъ не привелось исполнить принятыхъ на себя обязательствъ по отношенію къ школѣ. Ихъ взяло на себя и прекрасно выполнило,—прекрасно для своего времени, силъ и средствъ,—образовавшееся въ томъ же году троицкое братство.

То безспорная теперь истина, что виленское троицкое братство основано м. Онисифоромъ и не въ 1588 г., какъ думали до послѣдняго времени, а въ 1584 г. Доказательства этого содержатся, прежде всего, въ „Синописѣ“, сочиненіи, посвященномъ историческому обзорнѣю всѣхъ правъ православной церкви вообще и западнорусской въ частности, а также правъ виленскаго братства, которое въ польско-литовскомъ государствѣ было представителемъ и защитникомъ ихъ. Синописѣ составленъ виленскимъ православнымъ братствомъ, а ему хорошо должна была быть извѣстна собственная исторія. Потому вполне должно вѣрить заявленію авторовъ его, которые подъ 1584 г. замѣтили: „Въ этомъ году митр. Онисифоръ Дѣвочка впервые братство наше заложилъ и далъ писанный уставъ“ (Naupergwiey tego roku Metr. Onisiphor Dziewoczka bractwo nasze założył, porządki napisane podał²⁾). Съ другой стороны, въ томъ же 1632 г. виленское уніатское братство въ отвѣтъ на Сино-

¹⁾ А. З. Р., III, № 144.

²⁾ Арх. Ю.-З. Р., I, VII, 548.

пись выпустило свою книгу: „Prawa i przywileje od najjasniejszych królów polskich nadane obywatelom Korony Polskiej i Wielkiego X. L. Religiey Greckiey w jedności z św. Kościołem Rzymskim będącym. Przez Bractwo Wileńskie przesańw. Troycy“. Здѣсь оно, въ доказательство своей мысли, что привилегіи троїцкаго братства принадлежатъ именно троїцкому братству и даны мѣщанамъ Вильны, ссылается на привилей м. Онисифора 1584 г., которымъ онъ „то братство первоначально позволилъ и благословилъ“ (to bractwo na początku pozwolił y błogosławił), и на привилей п. Іереміи, который *черезъ четыре года* подтвердилъ его (а послѣднее состоялось въ 1588 г.)¹⁾. Подобнымъ образомъ и другое уніатское произведение того времени— „Respons krótki na nowe roczne dzieje Ruskie pp. nieunitow“—начало троїцкаго братства рѣшительно относить къ 1584 г.: „Tego roku Bractwo Wileńskie prze Nauswiętszey Troycy (po)czątek swoy wzięło“²⁾. Не отвергаетъ, наконецъ, даты Синописа и еще одно сочиненіе, вышедшее изъ лагеря уніатовъ 1 сентября 1632 г.: „Jedność święta cerkwie wschodniey y zachodniey od początku wiary katolickiey obficie rozkrzewiona“³⁾.

Итакъ, братство виленское основалось въ 1584 году. Можно точнѣе опредѣлять дату его учрежденія. Авторъ „Правъ и привилеевъ“, соглашаясь съ „Синописомъ“, что братство основано еще въ 1584 г. (nastalo jeszcze r. 1584), указываетъ на то, что до полученія подтвержденія отъ п. Іереміи оно существовало безъ патриаршаго благословенія, довольствуясь только благословеніемъ митрополита, „и это продолжалось четыре слишкомъ года“ (a to było przez lat czterę y więcej)⁴⁾. Грамота же п. Іереміи, подтверждавшая виленское братство, датируется 5 іюня 1588 г.⁵⁾. Такимъ образомъ, это „więcej“ дастъ видѣть, что братство учреждено м. Онисифоромъ въ 1584 г. еще до 5 іюня. Съ другой стороны, должно признать, что это могло случиться послѣ 27 мая, ибо въ датированной этимъ числомъ королевской грамотѣ нѣтъ ни малѣйшаго намека на существованіе братства: здѣсь утверждаются извѣстныя льготы не за нимъ, а за православной „лавицей“ (стороной) магистрата Вильны, которой давно принадлежали права патроната по отношенію къ троїцкому монастырю⁶⁾. Православная же половина магистрата не можетъ быть отождествляема съ троїцкимъ братствомъ. Это отърывается какъ изъ того, что въ то время, какъ „русской лавѣ“ магистрата принадлежалъ весь монастырь, братству—только алтарь Срѣтенія Господня въ

¹⁾ Стр. 43 и 48.

²⁾ Арх. гр.-ун. митроп., кн. I, № 8. Это сочиненіе есть отвѣтъ на Supplementum Synopsis, каковое дополненіе къ Синопису, или точнѣе—вторая, болѣе полная редакція его,—вышло въ іюні 1632 г (Петръ Могила, прил., стр. 437 и 446).

³⁾ Str. 41.

⁴⁾ Prawa i przywileje... str. 48.

⁵⁾ Вилен. грам., II, № 3.

⁶⁾ «Право патронатства въ ю.-в. Россіи въ XVI в.» (Лит. еп. вѣд., 1878 г., № 38).

троицкой церкви ¹⁾, такъ и изъ различія состава той и другого. Первую составляли избранные мѣщане города, въ составъ послѣдняго вошли представители различныхъ сословій: тутъ, кромѣ членовъ магистрата съ женами, были вельможные паны, князья и княгини, митрополитъ и священникъ, „старая попадья“, два грека, торговые люди изъ другихъ городовъ (Бѣльска, Орши, Пинска, Бреста) ²⁾. Только потому и могли происходить размолвки между ними ³⁾. Такимъ образомъ, 27 мая и 5 июня 1584 г. являются тѣми предѣльными пунктами, между которыми и должно помѣстить фактъ учрежденія троицкаго братства.

Возможно, что м. Онисифоръ и нѣкоторые мѣщане, получивъ королевскую грамоту, поняли все неудобство принятія магистратомъ на себя такихъ обязанностей, какъ забота о школьѣ, о людяхъ „въ писемѣ бѣглыхъ“ и вообще о православномъ просвѣщеніи. Въ виду этого и рѣшено было возложить ихъ на особое учрежденіе—на братство. М. Онисифоръ составилъ уставъ братства или далъ благословеніе на составленіе его. Въ реестръ братства не замедлило записаться въ томъ же году немало людей, которые сочувствовали дѣлу и стремленію братства „ко составленію любви въ вере по закону церкви Христовы и въ потребу братіямъ недостатствующимъ, возраста деда и ученія, сирѣчь церквамъ въ преспеяніе и прочимъ добродетелемъ“ ⁴⁾. Вновь сформировавшееся право-

¹⁾ О братскомъ алтарѣ—Вил. грам., II, № 4; А. З. Р., IV, № 48. Въ 1590 г. б. митрополитъ Онисифоръ опять «пустилъ» монастырь «бургомистрамъ, радцамъ, лавникамъ и всему посольству мѣщанамъ виленскимъ», и король 22 июня 1592 г. утвердилъ за ними права патроната надъ всѣмъ монастыремъ (А. З. Р., IV, № 35).

²⁾ «Реестръ уписованія братій братства церковного Святой Живоначальной Троицѣ, олтаря Стрѣтенія Господня, въ мѣстѣ виленскомъ, року отъ воплощенія Господа и Спаса нашего І. Христа, 1584» (Чт. въ моск. общ. ист. и древн. росс., 1859, кн. III, отд. III).

³⁾ Такъ, еще до 1594 г. обнаружались случаи столкновенія въ храмѣ священниковъ братскихъ съ «бурмистровскими» (А. З. Р., IV, № 48; ср. № 94). Впослѣдствіи, съ принятіемъ многими изъ городскихъ властей уніи, магистратъ сдѣлался даже орудіемъ въ борьбѣ латино-уніатской партіи съ православнымъ братствомъ.

⁴⁾ Этотъ реестръ представляетъ также одно изъ доказательствъ существованія братства троицкаго уже въ 1584 г. Правда, въ прежнее время, когда не были известны такіе неоспоримые аргументы въ пользу учрежденія братства въ 1584 именно году, какъ свидѣтельства авторовъ «Синописа», «Правъ и привилеевъ» и «Responsa krótkiego»,—дата его подвергалась сильному сомнѣнію, въ виду нѣкоторыхъ несообразностей, въ родѣ того, что въ реестрѣ 1584 г. на первомъ планѣ стоитъ имя митрополита Михаила Рагозы, принявшаго этотъ санъ только въ 1588 г., и имена нѣкоторыхъ вельможъ съ титулами и званіями, полученными ими послѣ 1584 г., что и побудило митрополита Макарія замѣнить эту дату—1594 г. (Исторія русской церкви, IX, 547, примѣч. 522). Но эти несообразности объясняются очень просто. Въ реестрѣ при первоначальной записи были оставлены пустыя мѣста, на которыхъ впослѣдствіи и росписывались новне высокопоставленные братчики въ родѣ митрополита Михаила, Ѳ. Скумина, новгородскаго воеводы, Б. Сацѣги, смоленскаго каштеляна, и др., что продолжалось до 1589 г., когда реестръ былъ занесенъ въ трибунальные книги (Зилитинкевичъ, «Учрежденіе Виленскаго Св.-Троицкаго братства», Лит. еп. вѣд., 1833 г., 301—303; М. П(ашкевичъ), «Виленское Св.-Троицкое братство», 1891, 13—15 (Изслѣдованіе г. П.—ча первоначально печаталось въ Виленскомъ вѣстникѣ за 1890 г.). Мы, впрочемъ, думаемъ, что митрополитъ Рагоза,

славное братство и рѣшилось взять всецѣло на себя заботу о нравственномъ преуспѣяніи православныхъ и о школьномъ образованіи, какъ одномъ изъ средствъ къ тому,—„взять на себя“, такъ какъ патроны троицкаго монастыря отказались отъ нея: православнымъ членамъ магистрата въ 1592 г. „сбудоуанье школъ и выхованье людей въ письмѣхъ умѣлыхъ“ уже не ставится въ обязанность ¹⁾). Просвѣтительныя задачи новаго братства были весьма ясно формулированы въ его уставѣ, 9-й артикулъ котораго гласить: братчики „на сходкахъ должны совѣтоваться и стараться о томъ, чтобы въ школѣ дѣтямъ христіанскимъ преподавались всякія науки, озаботиться о приличномъ содержаніи и вознагражденіи учителю,—человѣку образованному, набожному, трезвенному и сообщающему дѣтямъ совершенную науку, такъ чтобы и люди преуспѣвали въ познаніи и слава Божія умножалась“ ²⁾).

Въ то время, какъ относительно дѣятельности львовскихъ братства и школы въ первые дни ихъ существованія сохранилось множество до-

Ф. Скуминъ и многіе другіе сенаторы и паны вписались въ виленское братство въ 1591 г., какъ сообщалъ объ этомъ львовскому братству новгородскій воевода Ф. Скуминъ (Мощ. софг., I, № 205).

¹⁾ А. З. Р., IV, № 35. Впрочемъ, впоследствии, когда братское училище было перенесено изъ стѣнъ троицкаго монастыря на новое мѣсто, виленскіе мѣщане, представляемые русской левой магистрата, опять рѣшили было завести свою школу. Приглашая въ 1599 г. въ свой монастырь Стефана Зизанія, они позволили ему построить и школу (Вил. вѣстникъ, 1891 г., № 52: *Сприсъзъ*, «Ст. Зизанія—проповѣдникъ слова Божія въ виленскомъ монастырѣ», документъ № 26).

²⁾ *Голубевъ*, Петръ Могила, прилож., стр. 245. Напечатанный здѣсь (№ 36) «Уставъ Виленскаго братства», утвержденный въ 1620 г. патриархомъ Теофаномъ іерусалимскимъ, есть, какъ думаетъ профессоръ Голубевъ, тотъ «порядокъ или чинъ братства», 30 экземпляровъ котораго оно препроводило 23 мая 1588 г. львовскому братству (А. З. Р., IV, № 4; Петръ Могила, прилож., стр. 253—256). Мы утверждать этого рѣшительно не можемъ: между годомъ напечатанія виленскаго устава и годомъ утвержденія его патриархомъ Теофаномъ—такой большой промежутокъ (32 года), что нельзя не предположить, что патриарху Теофану былъ представленъ не первоначальный уставъ, а измѣненный, сообразно съ выяснившимися требованиями жизни. Намъ кажется, что и въ текстѣ напечатаннаго г. Голубевымъ устава есть указаніе на болѣе позднее его происхожденіе. Известно, что до 1596 года у братства не было своей церкви (Арх. Ю.-З. Р., I, VII, 564) и оно пользовалось только срътенскимъ алтаремъ въ троицкой церкви. Между тѣмъ въ тѣхъ мѣстахъ устава, гдѣ говорится о болѣе торжественномъ празднованіи нѣкоторыхъ дней (артикулы 5 и 16), не упоминается о праздникахъ ни Троицы, ни Срътенія Господня, но за то наряду съ Рождествомъ Христовымъ и Пасхой ставится день Сошествія св. Духа, въ память какаго событія былъ построенъ новый братскій храмъ. Во вторыхъ, въ артикулѣ 4 рѣчь идетъ о «благословеніи свят. патриархи», которое имѣетъ быть спрятано въ братской «скринкѣ», а этого «благословенія» виленское братство до іюня 1588 г. не имѣло, хотя заботилось о немъ еще въ маѣ 1587 г. (т. е. тогда оно хотѣло получить его не лично отъ патриарха, а воспользоваться благословенной грамотой его львовскому братству. Мощ. софг., I, № 92). Тѣмъ не менѣе, мы полагаемъ, что послѣдовавшее со временемъ нѣкоторое измѣненіе братскаго устава едва ли коснулось школьныхъ обязанностей братчиковъ—онѣ выражены такъ кратко и просто, что, можно думать, это мѣсто отображаетъ первоначальныя отношенія братчиковъ къ школѣ, когда еще не были опредѣлены особыя лица для завѣдыванія ею.

еументовъ, исторія виленской школы, какъ и самого виленскаго братства, похвалиться этимъ не можетъ, и первые два года ихъ жизни не освѣщаются никакимъ рѣшительно современнымъ свидѣтельствомъ. Это молчаніе не можетъ, конечно, служить доказательствомъ бездѣтельности этихъ учреждений или—тѣмъ болѣе—ихъ несуществованія. Относительно школы, по крайней мѣрѣ, можно утверждать, что она съ самаго начала сдѣлалась однимъ изъ важнѣйшихъ предметовъ заботъ братства. Виленская школа даже ранѣе, чѣмъ львовская, стала пользоваться печатными учебниками. Мы говоримъ объ изданной въ 1586 году, „для наученія и вырозумѣннѣя божественнаго писанья“, славянской грамматикѣ Іоанна Дамаскина, въ переводѣ Іоанна, экзарха болгарскаго. Послѣсловіе этой грамматикѣ, датированное 8 октября 1586 г., удостовѣряетъ, что она взята изъ „газофилакіи“ кн. К. К. Острожскаго, „за прозбою жителей столицы вел. князства литовскаго града Вильни“¹⁾. Если примемъ во вниманіе, что для того, чтобы снестись съ княземъ Острожскимъ и получить грамматку, чтобы затѣмъ редактировать текстъ ея и напечатать, нужно было довольно продолжительное время, тѣмъ болѣе, что это дѣло было совершенно новымъ у насъ,—то должны будемъ согласиться, что мысль о напечатаніи грамматикѣ слѣдуетъ отнести по крайней мѣрѣ къ началу 1586 г., а устройство самой школы—къ предыдущему году, если не къ 1584-му. Текстъ первой печатной славянской грамматикѣ даетъ еще одинъ фактъ, весьма важный для исторіи виленской школы: на поляхъ книжки находятся латинскіе заголовки §§-овъ. Это свидѣтельствуеетъ не только о томъ, что въ виленскомъ братствѣ въ самомъ началѣ его существованія были люди, знакомые съ этимъ языкомъ и привлекавшіеся братствомъ къ участію въ ученыхъ и учебныхъ занятіяхъ, но и о томъ, что латинскій языкъ преподавался въ самой школѣ. Иначе пришлось бы допустить, что редакторъ грамматикѣ хотѣлъ похвалиться своимъ языкознаніемъ, безъ надежды быть понятымъ учениками и полезнымъ имъ. Фактъ этотъ не представляетъ чего либо невѣроятнаго и потому, что патріархъ Іеремія, утверждая въ 1588 г. братскую школу „языка греческаго, латинскаго и русскаго“, говоритъ объ этомъ въ выраженіяхъ, дающихъ видѣть, что здѣсь латинскій языкъ уже преподавался и не былъ новостью. Точно также и король, позволяя въ 1589 г. учить въ школѣ братской языкамъ русскому, греческому, латинскому и польскому, повторяетъ только то, что значилось въ представленномъ ему братскомъ чинѣ²⁾.

Реорганизация львовскаго братства застала виленское братство уже существующимъ: послѣднее встрѣтило съ радостію вѣсть объ его „благочестивомъ, родѣ хрестіанскіи распространяющемъ и любовь множащемъ житіи“ и съ одобреніемъ читало его „порядка и постановленія“. На просьбу львовянъ о присылкѣ книги „Маргаритъ“ виленское братство

---

¹⁾ Единственный въ Россіи, и то дефектный, экземпляръ этой грамматикѣ составляетъ собственность Императорскаго общества любителей древней письменности. Какъ увидимъ ниже, принадлежность грамматикѣ и ея перевода указаннымъ въ послѣсловіи лицамъ—двумъ Іоаннамъ подвергается сомнѣнію.

²⁾ Вил. грам., II, № 3 и 4.

отвѣчало общаніемъ прислать и ее и чинъ свой, какъ только они будутъ переписаны, и вообще посылать, что понадобится ¹⁾). Но сознанныя виленскимъ братствомъ важность ознакомленія съ своимъ уставомъ православныхъ другихъ городовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ встрѣченное имъ со стороны нѣкоторыхъ горожанъ противодѣйствіе въ своей дѣятельности, заставили его просить митрополита Онисифора о дозволеніи напечатать уставъ и о дарованіи новой благословенной грамоты. Последняя и была дана 19 іюня 1587 г. Митрополитъ Онисифоръ, которому былъ представленъ уставъ, „благословилъ всѣхъ православныхъ христіанъ закону нашего греческаго братство церковное имѣти и вся обычаи сего богоугоднаго братства въ книзи сей написанныя хранить“. Подтвердивши такимъ образомъ существованіе братства и его чинъ, митрополитъ продолжаетъ: „тожъ азъ Онисифоръ братству церковному Святыя и Живоначальныя Троица, гражаномъ виленскимъ, печатію моею назнаменовашъ, предахъ и напечатати во извѣщеніе всему православію благословихъ, и школу братскую въ дому братскомъ имѣти“. Въ заключеніе митрополитъ Онисифоръ, по особенной просьбѣ братства, предписываетъ виленскому протопоцу и священникамъ сдѣлать внушеніе „братіи непокоряющейся истинне и соблазнъ о себѣ инѣмъ подающей“, и отлучать всенародно отъ братства, будетъ ли то епископъ, или попъ, или причетникъ или мірской человекъ: на всѣхъ такихъ будетъ неблагословеніе его, митрополита ²⁾). Братство виленское, дѣйствительно, напечатало въ 1588 г. свой уставъ и 28 мая послало 30 экземпляровъ его въ Львовъ ³⁾, а вмѣстѣ съ тѣмъ съ новой энергіей принялось за свое дѣло.

Въ какомъ духѣ работало на первыхъ порахъ виленское братство, показываетъ жалованная грамота (отъ 6 февр. 1588 г.) его „уписныхъ братій“ Богдана Павловича Сапѣги и жены его Аполлоніи на дворъ въ городъ, въ Рыбномъ концѣ, подлѣ никольской церкви, съ каменными и деревянными постройками, подаренный ими братству „для дѣлъ милосердія, служащихъ къ распространенію хвалы Божіей,—для содержанія людей ученыхъ въ Божественномъ Писаніи, и пѣвцовъ, и слугъ церковныхъ“. Жертвователи мотивировали свой подарокъ тѣмъ, что они „присмотрѣлись къ почтенной и благочестивой дѣятельности братства, направляемой каждый разъ, по требованію обстоятельствъ, къ душевному

¹⁾ Посланіе отъ 8 мая 1587 г.—Monum. confr., I, № 92.

²⁾ Арх. ун. митрополитовъ, № 111. Эта грамота митрополита Онисифора и по началу и по окончанію очень напоминаетъ грамоту, данную патриархомъ Іоакимомъ львовскому братству 1 января 1586 г. Здѣсь приведены всѣ тѣ же тексты Св. Писанія, хотя и въ нѣсколько сокращенномъ видѣ, какими мотивировалъ патриархъ Іоакимъ необходимость отлученія непокоряющихся львовскому братству.

³⁾ А. З. Р., IV, № 4. Что «Чинъ» виленскаго братства напечатанъ въ 1588 г., объ этомъ говоритъ патриаршая грамота 5 іюня 1588 г. (Вил. грам., II, № 3). Если же Синопись помѣщаетъ напечатаніе его подъ 1587 г., то, очевидно, потому, что онъ поставилъ его въ связь съ фактомъ обращенія къ братству за списками «Порядка» жѣщанъ другихъ городовъ и прежде всего—Львова. Что это такъ, видно изъ того, что подъ 1587 г. записано и вступленіе въ братство митрополита Рагозы, а это могло статься не ранѣе 1588 г. А авторъ Веерпса krótkiego отнесъ напечатаніе чина къ 1587 г., вѣроятно, вслѣдъ за Синописомъ (Арх. ун. митрополитовъ, кн. I, № 8, подъ 1587 г.).

спасенію людей, въ чести и хвалѣ Господу Богу, въ размноженію наукъ Его святаго Писанія“¹⁾). Въ чемъ именно состояло „размноженіе науки писма святаго“, точно не знаемъ, но можемъ догадываться, что тутъ были и церковная проповѣдь, и издательство книгъ съ полемическимъ характеромъ²⁾, и, наконецъ, заботы о школьномъ обученіи, которое по братскому уставу является одной изъ основныхъ функцій дѣятельности братскихъ сходовъ. Не знаемъ ни именъ первыхъ братскихъ учителей, ни того, чему и какъ они учили. Вѣроятно, братство не всегда имѣло подходящихъ и нужныхъ дидаскаловъ. Такъ, когда въ 1588 г. ему доставлено было изъ Львова начало Еллино-словенской грамматики, братство „разсмотрѣло его достойно“ и нашло пригоднымъ для себя, такъ что просило львовянъ прислать, по окончаніи этого спасительнаго дѣла, 100 или 200 экземпляровъ, „учинивши имъ цѣну слушную“ (подходящую). Но при этомъ оно молило прислать имѣстѣ съ книгами „дыяка или дву, могущихъ достойнѣ разсудити є и инѣхъ научити“, обѣщая устроить имъ „житіе и всякъ достатовъ по потребу тѣлесную достойнѣ“³⁾. Послѣдняя просьба тѣмъ и объясняется, что братство не имѣло еще хорошихъ преподавателей греческаго языка. А дальнѣйшая исторія показываетъ, что не скоро ихъ и получило. Когда львовяне, напечатавъ наконецъ въ 1591 году свою грамматику, послали два экземпляра ея виленскому братству, то, памятуя просьбу послѣдняго, пообѣщали дать и дидаскала, и когда видные представители виленскаго братства—воеводы Скуминъ и Сапѣга подтвердили въ своихъ письмахъ отъ 11 и 22 октября, что оно очень нуждается въ „делателѣ искусномъ до тоежъ науки граматична писма грецкогo и словацкаго, т. е. дидаскалѣ человекѣ добромъ въ томъ умѣтномъ“⁴⁾,—послали въ Вильну Кирилла, пребываніе котораго во Львовѣ послѣ происшествія 1 января 1592 г. становилось для него невозможнымъ. Виленское братство приняло его только послѣ пробныхъ уроковъ, и Ф. Скуминъ писалъ 18 января въ Львовъ, что оно осталось очень довольно новымъ учителемъ и желаетъ навсегда оставить его у себя⁵⁾. Вообще братство нуждалось въ это время въ просвѣщенныхъ дѣятеляхъ, „ища, по выраженію львовянъ, у нихъ священники и учителя, якоже Ахавъ алчнымъ конемъ своимъ травы“⁶⁾, и послѣ пользовалось въ этомъ отношеніи помощью львовскаго братства.

Между тѣмъ виленскому братству представился случай получить для себя и для школы патріаршую санкцію. 3 іюня 1588 г. заѣхалъ

¹⁾ Вѣстн. зап. Рос., 186 $\frac{1}{2}$ г., V, № 1. Черезъ нѣсколько лѣтъ по введеніи униі, сынъ жертвователя Павелъ пытался отнять этотъ домъ (Archivum Sarpieh., I, № 235).

²⁾ 28 мая 1588 г. виленское братство послало львовскому книгу «Маргаритъ въ нейже есть и на Арменскую ересь» (А. З. Р., IV, № 4).

³⁾ А. З. Р., IV, № 4.

⁴⁾ Мошн. софр., I, №№ 201. 205 (id. Крыловскій, Акты, №№ 41. 42).

⁵⁾ Мошн. софр., I, № 209 (id. Крыловскій, Акты, № 44. Едва ли можно принять дату г. Крыловскаго: 8 января. Трудно представить, чтобы въ одну недѣлю Кириллъ могъ собраться изъ Львова, переѣхать въ Вильну и начать ученіе).

⁶⁾ А. З. Р., IV, № 33, п.

въ Вильну, по пути въ Москву, константинопольскій патриархъ Іеремія и прожилъ здѣсь 12 дней ¹⁾. Члены братства обратились къ нему съ просьбой о „разсмотрѣніи и исправленіи“ своего чина. Патриархъ охотно утвердилъ его, увидѣвъ, что все въ немъ написанное служить „къ соединенію любви духовное и къ совершенному христіанскому благочестію“. Въ частности, онъ благословилъ „школу братскую вѣдому братскомъ, языка греческаго, латинскаго и рускаго имѣти. Також и друкарню вся книги ветхаго и новаго завѣта по святыхъ отецъ преданію печатати“ ²⁾. Черезъ годъ, 21 іюля 1589 г., братская греко-латино-русская школа была подтверждена вмѣстѣ съ братствомъ и королемъ. Сигизмундъ III, разсмотрѣвъ представленные ему чинъ братства и грамоту патриарха Іереміи и найдя, что братія умыслила дѣлать не что иное, какъ „науку писма светого помножати и инныя пристойныя sprawy порадне отправовати“, и чувствуя, что онъ, какъ государь, долженъ „не только стародавнихъ правъ, свободъ, вольностей сторожомъ (и) оборонцею быти“, но и умножать ихъ,—утвердилъ всѣ статьи братскаго устава. Сверхъ того онъ далъ братству печать, освободилъ его отъ всякихъ денежныхъ и натуральныхъ повинностей и отъ подчиненности городскимъ и другимъ властямъ и судамъ, взявъ на себя, какъ „оборонцу вшелякихъ добръ духовныхъ и братствъ церковныхъ—справедливость чинити“. Относительно школы королевская грамота выражается: „Вшколе братской детей братии уписное и убогихъ сиротъ езыка и писма рускаго, греческаго, латинскаго и польскаго накладомъ братскимъ дармо учити повинни водле постановенья ихъ братскаго, такоже и людей вписме учоныхъ особъ духовныхъ и светскихъ для науки школьное („и до ученья людей у церкви“—добавлено въ другомъ мѣстѣ) и доспеванья въ справе своей ховати мають“. Точно также и относительно печатанія книгъ король расширилъ позволеніе патриарха: „Книги всякие стараго и новаго закону таеъ въ науце школьной яво и церкви потребны по кгрецѣу по словацку по руску и по польску друковати позволяемъ“ ³⁾.

9 октября 1592 г. виленское братство съ школой получило новую королевскую привиллегію—по такому поводу. До этого оно не имѣло своего дома и „схажки“ (сходки) производило въ троицкомъ монастырѣ, гдѣ помѣщалось и училище. Теперь братство купило у пана Яна На-

---

¹⁾ Голубевъ, Исторія Кіевской духовной академіи, 64. 65.

²⁾ Виленскія грамоты, II, № 3. Подлинная грамота, датированная 5 іюня, хранится въ Архивѣ вилен. св.-троицкаго монастыря.

³⁾ Виленскія грамоты, II, № 5 (id. Чт. моск. общ. ист. и древн. рос., 1859 г., III, отд. III; А. В. А. К., IX, № 52). Было бы въ высшей степени интересно знать, слово «русскій» употребляется тутъ, какъ синонимъ къ «словацкій» или въ смыслѣ противопоставленія послѣднему. Если второе—тогда и «русскій языкъ» въ школахъ по грамотамъ Іереміи и Сигизмунда III будетъ обозначать не славянскій языкъ (какъ въ львовской школѣ), а западнорусскій. Тогда и самая школа получаетъ расширение программы и въ другую сторону. И, дѣйствительно, мы видимъ, что 5 классовъ, на которые раздѣляется она въ 1617—1619 гг., были назначены—три для латыни, одинъ для русскаго языка и одинъ для славянскаго съ греческимъ (А. З. Р., IV, № 217). Впрочемъ, часто слова: «русскій» и «славянскій» отождествлялись, употребляясь одно вмѣсто другого (А. В. А. К., XI, стр. 46, 50, 56).

рушевича за 1200 копъ литовскихъ грошей полукаменный домъ („каменицу муромъ и деревомъ побудованную“¹⁾), и такой же домъ „вѣчностью надалъ“ ему его новый членъ Яковъ Кондратовичъ²⁾. Оба эти дома лежали на Большой улицѣ съ лѣвой стороны, если итти отъ рынка (нынѣ театральная площадь) къ „Острой Брамѣ“³⁾. Братство соединило ихъ въ одинъ домъ, устроило въ немъ „школы греческую, русскую, латинскую и польскую“ (прежде училище помѣщалось въ троицкомъ монастырѣ) и назначило его для своихъ собраний и для „вѣхованья въ немъ людей учонныхъ, духовныхъ и свѣтскихъ, такъ до науки народу хрестіанскаго и дѣтокъ малыхъ, яко и до всякихъ послугъ и оздобъ того братства и набоженства своего“. Такъ какъ въ привиллегіи королевской 21 июля 1589 г. о братскомъ домѣ не сказано было прямо, то теперь братство обратилось къ Сигизмунду III съ просьбой утвердить пріобрѣтеніе и назначеніе новаго дома. Король очень милостиво отвесся къ просьбѣ, освободилъ новый домъ отъ городскихъ повинностей и юрисдикціи и позволилъ строить на его дворѣ церковь. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ подтвердилъ право печатать книги на греческомъ, русскомъ, латинскомъ и польскомъ языкахъ и учить даромъ сиротъ и дѣтей братчиковъ⁴⁾. 2 декабря 1592 г. уполномоченные братства получили въ Вар-

¹⁾ Продажная записка на этотъ домъ, называвшійся Гомшевскимъ, датируется: 1591 an. feria VI in vigilia s. Mathaei (Опредѣл. задвор. корол. суда 1780 г.—А. В. А. К., IX, стр. 446), т. е. 17 июля 1591 г. (Актъ продажи—въ Арх. вил. св.-троицкаго монастыря, связка 12. Ср. О. В. Щербицкій, «Виленскій св.-Троицкій монастырь»—въ Лит. ен. вѣд., 1885 г., № 27.)

²⁾ Фундушова записка датирована: «1592 г. въ пятницу предъ днемъ Іакова» (въ началѣ іюля?). (А. В. А. К., IX, стр. 446). Послѣ смерти Кондратовича король по выморочному праву пожаловалъ было этотъ домъ своему нажму Пеласу Флоріану. Братство вступило за свои права на него. Дѣло изъ ратуши перешло въ задворный судъ и король 10 февраля 1596 г. рѣшилъ его въ пользу братства (Арх. сб., X, № 4). Впослѣдствіи этотъ домъ назывался Яковскимъ по имени жертвователя Якова (А. З. Р., IV, № 159; А. В. А. К., VIII, № 46).

³⁾ Въ королевской грамотѣ мѣстоположеніе этихъ домовъ опредѣляется болѣе точно, но для насъ названія владѣльцевъ сосѣднихъ строеній не уясняютъ дѣла. Судя по топографіи братскихъ владѣній, заключающейся въ свидѣтельскихъ показаніяхъ по дѣлу о нападеніи іезуитскихъ студентовъ на братскіе дома и церковь въ 1598 г., дома эти занимали мѣсто нынѣшняго, недавно построеннаго, духовскаго дома, напротивъ троицкаго монастыря. Крыльцо школьное выходило на плацъ, часть котораго была занята церковью (А. В. А. К., VIII, №№ 13, 14). На это указываютъ и другія историческія свидѣтельства. Въ 1601 г. въ жалобѣ магистрата на братство домъ Нарушевича обозначается лежащимъ на Островотной улицѣ (in platea ostrensi. Арх. сб., X, № 5); въ опредѣленіи королевскаго суда 1780 г. домъ Нарушевича названъ стоящимъ на Большой улицѣ, а Кондратовича—на Троицкой (А. В. А. К., IX, № 160, стр. 446). Довольно неточно указаніе г. Миловидова, что домъ Гомшевскій находился «противъ театральной площади» (Заслуги древняго виленскаго братства для зап.-русской церкви и народности. Хр. чтеніе, 1897, ноябрь, 362).

⁴⁾ А. В. А. К., IX, № 53 (id. 54). Ср. Вил. грам., II, № 42. Не видно, чтобы у братства въ это время была уже своя типографія, и хотя брестскій соборъ 1591 г. утвердилъ друкарни въ Львовѣ и въ Вильнѣ (Monum. confr., I, № 207), ея, кажется, не было здѣсь и въ 1594 г., иначе на брестскомъ соборѣ этого года было бы упомянуто о ней, какъ

шавѣ отъ короля грамоту, подтверждавшю неподсудность Гомшеевского и Яцковскаго домовъ городской юрисдикціи и свободу отъ налоговъ и постоевъ. Но это обстоятельство послужило для магистрата поводомъ въ тому, чтобы начать тяжбу съ братствомъ, будто бы неправильно получившимъ королевскую привиллегію. Началось дѣло. Королевскій судъ въ 1601 г., за непредставленіемъ братствомъ подлинной привиллегіи, рѣшилъ подчинить дома городскому праву и воспретить братчикамъ тайныя сходки. Но братство опротестовало самое право магистрата переносить такого рода тяжбы на задворный судъ (1601, 1603 гг.). Спустя нѣсколько лѣтъ „урядъ мѣстскій Виленскій“ сдѣлалъ было попытку передать эти дома уполномоченному троицкаго монастыря, который называлъ себя владѣтелемъ всего имущества, принадлежащаго троицкому братству. Но объ этомъ узнало братство, и когда къ домамъ явился 22 февраля 1611 г. возный съ понятыми и представителемъ униатскаго монастыря, дворникъ братскій не допустилъ ихъ совершить передачу, стараясь вручить имъ заранѣе заготовленный протестъ братства. Пришедшіе „цедулы не взяли, но прочь отышли, кѣвалтомъ (насилъно) въ тые дома не увязуючися“¹⁾. Что въ послѣдующее время Гомшеевскій и Яцковскій дома оставались за православнымъ братствомъ и что здѣсь именно находилось училище, видно какъ изъ позова братству въ 1624 г., такъ и изъ свидѣтельства автора „Правъ и привилегіевъ“ отъ 1632 г., что на грунтахъ этихъ домовъ „теперешніе паны неуніаты имѣють свои школы и церковь“²⁾.

Изъ другихъ пожертвованій, сдѣланныхъ виленскому братству и имѣвшихъ ближайшее отношеніе къ его школь, отмѣтимъ имѣніе Сударви (въ виленскомъ повѣтѣ), пожертвованное новгородскомъ каштеляномъ княземъ Александромъ Ивановичемъ Полубенскимъ и его женой. Князь еще до 11 марта 1593 г. общалъ это имѣніе и въ этотъ день письменно обязался передать его— „ку хвалѣ Божой, на выхованье и выживенье священникомъ и діакономъ братскимъ, слугамъ перковнымъ и школьнымъ коллегіумъ науки письма грецкого и руского“³⁾. Въ мѣстѣ съ тѣмъ онъ написалъ своему судервскому „враднику“ о передачѣ имѣнія со всѣмъ, что въ немъ находится, братскому писарю Григорию Тышкевичу Бужицѣ, что и состоялось 10 мая. Несмотря на это, Полубенскіе

сказано было о львовской (А. З. Р., IV, № 48). Но уже въ 1596 г. братство владѣло типографіей съ четырьмя шрифтами: славянскимъ (для славянской и русской рѣчи), готическимъ (для польской), латинскимъ и греческимъ (см. изданное въ этомъ году «Казанье св. Кирилла Іерусалимскаго»). Головацкій считаетъ первой книгой, вышедшей изъ духовской типографіи, Исаломницу. Но въ послѣсловіи ея выставлена дата 1596 г. 23 июня (*Wizniowski*, VII, 409; Записки Имп. акад. наукъ, XXIV, прилож. № 3: «Дополненіе къ очерку славяно-русской библиографіи В. М. Ундольскаго», 8. 9). Между тѣмъ можно думать, что изъ братской типографіи вышелъ не только «Листъ Іеремія патріарха» (20 января 1596 г.), но и Катихизисъ Ст. Зизанія (1595 г.).

¹⁾ А. В. А. К., VIII, №№ 10, 13, 20, 46. Арх. сб., X, № 5. А. З. Р., IV, № 159.

²⁾ *Кояловичъ*, Лит. церк. унія, II, 355. *Prawa i przywileje...* str. 47.

³⁾ Въ актѣ обмежеванія имѣнія, составленномъ 2 апрѣля, сказано, что оно назначается «на братство и на школу для науки руского писменія и греческого, также и латинского, старшому ректору въ дозоръ братству».

продолжали, повидимому, пользоваться имѣніемъ, и только 29 сентабря 1594 г. дали братству фундушовую запись на Судерви, причемъ доходы съ нихъ назначили специально „на школу коллегіумъ братского, для твиченія и ученія въ оной школѣ и наукахъ вшелякихъ, такъ языка греческого и словенского, яко и иныхъ“. Запись эта на слѣдующій день была явлена и внесена въ новгородскія трибунальныя книги, а 3 декабря 1594 г. составленъ реестръ угодіямъ и инвентарю имѣнія и оно окончателью передано уполномоченнымъ братства ¹⁾).

Безъ сомнѣнія, это пожертвованіе дало братству возможность улучшить внѣшнюю сторону школьной жизни, назначить учителямъ хорошее жалованье и пр. Въ результатѣ этого было то, что сюда перешли брестскіе „профессора“, побуждаемые къ тому также и притѣсненіями со стороны мѣстнаго епископа Потѣя ²⁾). Что касается внутренней стороны виленскаго училища, то, какъ видно изъ дарственной записи Полубенскаго, въ 1593—1594 гг. школа уже стояла на высотѣ своего положенія: въ ней преподавались не только 4 языка, но и „вшелякія науки“. А на брестскомъ соборѣ 1594 г. она была признана школой „сборнѣйшей“ по отношенію къ другимъ виленскимъ училищамъ, чего добились послы виленскаго братства. Штатъ ея состоялъ въ это время изъ ректора и по крайней мѣрѣ двухъ „дьяковъ школьныхъ“. Ректоромъ же былъ Стефанъ Зизаній, вызванный сюда братствомъ вмѣстѣ съ Юріемъ Рогатинцемъ еще въ 1593 г., какъ человекъ „навченный“, специально для борьбы съ латинствомъ, по увѣренію автора Боркулабовской хроники ³⁾. При этомъ братство поручило ему и школу, что видно изъ одного документа 1595 г., гдѣ читаемъ: „але дей, ты пане Стефане казнодея, дня вчорашнего, въ недѣлю рано, посыладезь до священниковъ соборныхъ двухъ *своихъ* дьяковъ школьныхъ“ ⁴⁾. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ и самъ преподавалъ здѣсь, былъ „дидаскаломъ школьнымъ“ ⁵⁾. Школьная дѣятельность Стефана Зизанія, вѣроятно, продолжалась только до 1596 года, когда онъ послѣ столкновенія съ митрополитомъ Рагозой, уніональные замыслы котораго обнаружилъ и публично обличилъ, подвергся банниці; по крайней мѣрѣ, объ его учительствѣ болѣе ничего неизвѣстно. Но братская школа отъ этого нисколько не пострадала,

¹⁾ Арх. сб., VI, № 41. А. В. А. К., XI, №№ 20—22; VIII, № 5. Въ 1596 г. ксендзь кафедральнаго костела Мазановичъ заявилъ было претензію на то, что братство завладѣло его землей по сосѣдству съ Судервой, но доказать жалобы не могъ (А. В. А. К. XI, № 23). Въ 1669 г. настоятель св. духовскаго монастыря Дороеевичъ продалъ Судерви виленскому новиціату за 2 т. зл. (№ 65, ср. 82).

²⁾ 25 марта 1595 г. самъ Потѣй писалъ о нихъ князю Острожскому, что они „залакомствомъ удавшися, до Вильни на сытшыя пироги отбѣгли“ (А. З. Р., IV, № 63). Къ сожалѣнію, Потѣй не назвалъ ни одного имени.

³⁾ *Кулишъ*, Матеріалы для исторіи воссоединенія Руси, I, 57. Ср. Виленскій вѣстникъ, 1891 г., № 52. Въ цитуемомъ мѣстѣ Боркулабовской хроники такъ характеризуется дѣятельность Юрія Рогатинца и Стефана Зизанія въ Вильнѣ: „Тые сильную и великую войну мевали зъ римляни, не только на ратушахъ и при рынку, по дорогахъ, но и посредку церкви светое войну, потарчку великую мевали“.

⁴⁾ А. В. А. К., VIII, № 8.

⁵⁾ А. З. Р., IV, № 73.

такъ какъ перешла въ завѣдываніе новаго ректора— Кирилла Лукариса, который прибылъ сюда изъ Острога еще въ первой половинѣ 1595 года и занимался въ братскомъ училищѣ преподаваніемъ греческаго языка. Напротивъ, можно даже думать, что при Лукарисѣ именно произошла таковой подъемъ различныхъ сторонъ школьной жизни, что явилась уже мысль о виленской православной академіи¹⁾... Къ сожалѣнію, ректорство Кирилла Лукариса въ Вильнѣ продолжалось только до конца 1596 года. Съ его уходомъ, который совпалъ съ провозглашеніемъ брестской уніи, для виленской школы начался печальный періодъ: являясь вмѣстѣ съ братствомъ представительницей и передовымъ пунктомъ православія въ Вильнѣ и даже во всей Литвѣ, она прежде всего должна была подвергнуться нападеніямъ со стороны латино-уніатовъ. Первый такой приступъ виленская школа выдержала въ 1598 году.

Апрѣльскій разгромъ братской школы іезуитскими студентами и католической толпой въ 1598 г. интересенъ для насъ въ томъ отношеніи, что знакомитъ насъ съ нѣкоторыми подробностями школьной жизни и сообщаетъ имена нѣсколькихъ братскихъ учителей. Рядъ нападеній на братство начался въ великую субботу. Депутатъ трибунала епископъ Геліашевичъ съ толпой іезуитскихъ студентовъ пришелъ „до колеуму русскаго“ къ о. Никифору чернцу „и началъ ся самъ вдавати з нимъ въ диспутацию,“ а одинъ изъ его спутниковъ сталъ затрогивать („вадитися и фукати“) Фирса Ольшевскаго, „педагога“, который ходилъ въ школу съ сыномъ князя Огинскаго, подкоморія троцкаго. Вечеромъ та же толпа производила безобразія уже въ храмѣ; свидѣтелемъ ихъ былъ, въ числѣ другихъ, „педагогъ“ Тимофей. Въ свѣтлое воскресенье, во время литургіи, католики и преимущественно іезуитскіе студенты толкали въ церкви богомольцевъ, смѣялись, не допускали къ св. причастію, кололи, „слова невстыдливыя мовили,“ били по шеѣ кадившаго діакона, а „бо-воляра крещенаго Демьяна Капишовскаго“ за его замѣчаніе; „панове, уступитесь“, ударили по губамъ, „шарпали за сукню,“ волокли изъ церкви... Вънѣ церкви они даже обнажили оружіе. Когда толпа была выпровожена на Субочъ-улицу, часть ея вернулась чрезъ другія ворота (съ Островоротной улицы) и, кинувшись къ школѣ, на ея крыльцѣ изранила Симона, слугу смоленской воеводины. Вечеромъ того же дня собралось нѣсколько сотъ челоувѣкъ, которые и возобновили нападеніе, направивъ его главнымъ образомъ на школу, причеиъ разбили въ ней стекла, поломали оконные переплеты, испортили крышу, поранили школьную челядь; разбили окна и въ типографіи. Не оставили братства въ покоѣ и въ понедѣльникъ. Но когда братство принесло въ этотъ день (25 апрѣля) жалобу въ гродскій судъ, онъ ея не принялъ; въ виду того, что нашествія студентовъ продолжались, православные 5 мая перенесли дѣло въ главный трибуналъ. Но такъ какъ іезуитскіе студенты отрицали насилія и побои и притомъ ссылались на свои привиллегіи, то судьи трибунала совѣтовали обратиться къ королевскому сеймовому суду въ

¹⁾ Ὁρθόδοξος χριστιανός патр. Мелетія, 1596 г. Вильна (Bibliographie Hellénique s. XV et XVI, t. II, № 218). Heineccius, Abbildung der alten und neuen griechischen Kirche. Leipzig, 1711, I, 195. Smithus, Collectanea de Cyrillo Lucario, 73.

Варшавѣ. Братскіе старосты, принимая во вниманіе дальность и неудобства пути и близость къ смерти нѣкоторыхъ избитыхъ, потребовали, чтобы свидѣтели ихъ были выслушаны на городскомъ урядѣ въ самой Вильнѣ. Тогда же братство жаловалось на насилія іезуитскихъ студентовъ предъ православнымъ дворянствомъ лидскаго, трокскаго и ошмянскаго уѣздовъ ¹⁾).

Не знаемъ, какое удовлетвореніе получило братство и получило ли. Во всякомъ случаѣ эта обида очень содѣйствовала сближенію братства съ кальвинистами, въ которыхъ оно надѣялось найти защиту отъ насилій лагинской партіи. Еще въ 1595 г. митрополитъ Рагоза обвинялъ Стефана Зизанія въ томъ, что онъ „прибѣжища ищетъ принять отъ лукавыхъ и сыродныхъ волковъ иного православія, а не своего си“ ²⁾). Нѣсколько позже и авторъ „Перестроги“ свидѣтельствовалъ: „Виленское братство въ купѣ zostało, маючи при себѣ геретиковъ, которыхъ имъ Господь Богъ заступцами далъ“, послѣ того, какъ „отступники отъ православія ударили на братства Виленское и Брестское“ ³⁾). Эти дружественныя отношенія между виленскимъ братствомъ и протестантами способствовали процвѣтанію и школы братской, такъ какъ ввухали твердую надежду на ея цѣлость. Что, дѣйствительно, виленская школа продолжала развиваться и послѣ удаленія Кирилла Лукариса, объ этомъ свидѣлствуютъ та-же „Перестрога“ ⁴⁾ и Катихизисъ, изданный братствомъ въ 1600 г. и представляющій часть курса по догматическому богословію ⁵⁾).

Впрочемъ, эти успѣхи были относительными и очень часто подвергались колебаніямъ въ зависимости отъ состава преподавательской корпораціи. Въ послѣдующее время братству приходилось терпѣть недостатокъ въ хорошихъ учителяхъ и восполнять его наймомъ людей случайныхъ, не всегда удовлетворявшихъ нравственнымъ требованіямъ отъ нихъ, выражавшимся въ уставахъ братскихъ училищъ. Такъ, въ концѣ мая 1605 г. братство должно было разстаться съ своимъ „бакаляромъ рукодайнымъ юргельтовымъ“ (т. е. состоявшимъ у него на жалованьи), братскимъ іеродіакономъ Антоніемъ Ѳедоровичемъ Грековичемъ и даже возбудить противъ него дѣло за незаконную связь его съ черницей духовскаго монастыря Катериной Лычанкой ⁶⁾), а въ декабрѣ покончить

¹⁾ А. В. А. К., VIII, №№ 13—15. Виленскій вѣстникъ, 1870 г., №№ 49 и 50.

²⁾ А. З. Р., IV, № 88.

³⁾ А. З. Р., IV, стр. 215.

⁴⁾ Чѣмъ больше православные вильняне были преслѣдуемы и гонимы, говоритъ авторъ ея, тѣмъ больше проявлялась къ нимъ милость Божія, — братство множилось, школа росла, людей зъ ней ученыхъ много и казнодѣевъ мудрыхъ выходитъ... Што такъ дѣется и по сей часъ (А. З. Р., IV, стр. 215).

⁵⁾ Катихизисъ переизданъ проф. Голубевымъ въ Чтеніяхъ истор. общ. Нестора лѣтописца, IV, отд. III.

⁶⁾ «Справа виленскаго братства... съ Грековичемъ» (Чт. въ моск. общ. ист. и древн. рос., 1859 г., III, отд. III). Cf. Arch. Sarpieh., I, № 561. До этого Грековичъ былъ въ Дермані діакономъ и съ 9 апрѣля 1598 г. — архимандритомъ; въ 1609 г. получилъ право проповѣди. Спасеніе отъ преслѣдованія братства и трибунальнаго осужденія на смерть

расчетъ и съ другимъ баваларомъ, преподавателемъ польскаго и латинскаго языковъ—Ольбрихтомъ Чаплинскимъ, кажется, еще до окончанія договорнаго срока ¹⁾). Поводомъ къ этому послужило панесенное Чаплинскимъ братскому попу о. Ивану Семеновичу въ братской столовой, гдѣ собрались „особы духовныя, и иныя на кгрунтѣхъ братскихъ мѣшкаючія“, оскорбленіе—сначала словами „понудливыми и неучтивыми“, а затѣмъ и дѣйствіемъ (Чаплинскій ударилъ о. Ивана въ спину и кинулъ въ него горшкомъ). По жалобѣ оскорбленнаго, поданной 4 декабря братскимъ старшинамъ, послѣдніе въ присутствіи вознаго „учиняли справедливость“. Сначала они установили тотъ фактъ, оспариваемый Чаплинскимъ, что онъ, какъ „юркелтовый и рукодаинный братскій слуга“, подлежитъ ихъ суду. Послѣ того уполномоченный о. Ивана заявилъ, что обидчикъ по 39 артикулу IV раздѣла Статута теряетъ руку, если онъ простой человекъ, а если шляхтичъ, то по 47 артикулу подлежитъ заключенію. Хотя Чаплинскій утверждалъ, что онъ шляхтичъ, но доказать этого не могъ. Тогда судьи рѣшили отослать Чаплинскаго въ тотъ повѣтъ, откуда онъ былъ родомъ, для удостовѣренія его дворянскаго званія.

Судьба виленской школы въ слѣдующія нѣсколько лѣтъ покрыта мракомъ неизвѣстности, будучи затемнена болѣе крупными событіями изъ жизни всего братства, притомъ не особенно благопріятными. Виленское униатское братство, открытое въ 1608 г. при троицкомъ монастырѣ, начало дѣлать „опресны и пренагабени“ православному братству, заявляя притязанія на братскіе грунты, на типографію и пр. Несмотря на фиктивность основаній домогательства униатскаго братства, духовскимъ братчикамъ приходилось серьезно считаться съ ними, тѣмъ болѣе, что на сторонѣ униатовъ стояли магистратъ города, католическій епископъ, самъ король. Покровительство послѣднихъ сказалось очень чувствительно на духовскомъ братствѣ въ исторіи съ Ориносомъ. Братская типографія выпустила въ 1610 году сочиненіе Максима Смотрицкаго: „*Oratio to iest Lament serkwі wschodniey*“... Такъ какъ оно было написано въ анти-католическомъ духѣ, то Сигизмундъ III распорядился изъ-подъ Смоленска сдѣлать въ духовской типографіи обыскъ, подозрительныя книги сжечь, типографовъ засадить въ тюрьму и шрифтъ огнять. Въ результатѣ этого декрета было отобраніе городскими властями нѣсколькихъ экземпляровъ Ориноса, найденныхъ въ типографіи и у переплетчика Нерца. Въмѣстѣ съ тѣмъ поплатился и главный типографъ—„братскій слуга и писарь Логинъ Карповичъ, шляхтичъ учтивый“: слуги виленскаго бискупа схватили его въ самую великую субботу и засадили въ смрадную тюрьму. Братство жаловалось трибуналу, а послѣдній въ 1611 г. рѣшилъ отослать это

Грековичъ нашель у униатскаго митрополита Ипатія Потѣя, который назначилъ его своимъ намѣстникомъ въ Кіевѣ и настоятелемъ выдубицкаго монастыря («Справа... Арх. униат. митр., № 315, 316; А. Ю. и З. Р., II, № 36, 37). Въ 1618 г. онъ былъ утопленъ казаками въ Днѣпрѣ (Арх. униат. митроп., № 412).

¹⁾ Чаплинскій нанятъ былъ на годъ за 20 копѣй лит. грошей.

дѣло „на розсудокъ сеймовы“¹⁾. Съ 1613 г. притязанія униатскаго братства дѣлаются все настойчивѣе. Оно опротестовывало, какъ незаконныя и вредныя для себя, всѣ дѣйствія православнаго братства и, наконецъ, предъявило къ послѣднему искъ въ количествѣ 40 т. копѣ лит. грошей. Король сдѣлалъ позовъ виленскому братству 5 іюля 1613 г., а затѣмъ 16 іюля 1614 г.²⁾ Доказать свои мнимыя права на грунты и имущество духовскаго братства униатамъ не удалось, но возбужденная ими тяжба должна быть сильно отразиться на финансахъ перваго: судебныя пошлины собраны были не только съ живыхъ, но и съ умершихъ братчиковъ³⁾. Понятно, что это не могло не повліять неблагоприятно и на просвѣтительную сторону дѣятельности виленскаго братства, отозвавшись прежде всего на содержаніи школы. Быть можетъ, оттого именно не встрѣчается въ теченіе десяти почти лѣтъ никакого указанія на школу, хотя, разумѣется она существовала, какъ не прекратилась и переводческо-издательская дѣятельность братства⁴⁾.

Троицкіе униаты, начавъ борьбу съ духовскимъ братствомъ, не ограничились одной юридической тяжбой. Пользуясь сосѣдствомъ съ духовскимъ монастыремъ, они стали бомбандировать его со всѣмъ усердіемъ, употребляя для того и камни, и ружья. Стараясь подстрѣлить кого либо изъ духовныхъ, они въ 1614 г. едва не убили на смерть архимандрита Леонтія Карповича. Страдала при этомъ и школа. Въ 1615 г. 4 августа возный нашель какъ въ братскихъ помѣщеніяхъ монастыря, такъ и въ ней немало пулъ и знаковъ отъ камней. Опасности, угрожавшія зданію и ученикамъ, должны были естественнымъ образомъ повліять на уменьшеніе числа послѣднихъ, и униатамъ удалось переманить къ себѣ изъ духовскаго монастыря „не мало чернцовъ и хлопчатъ“⁵⁾.

¹⁾ А. В. А. К., VIII, №№ 44, 45. Петръ Могила, прилож., № 25. Арх. гр.-униат. митр., № 326.

²⁾ Арх. униат. митрополитовъ, №№ 350, 369. Въ королевскомъ позовѣ духовскому братству отъ 10 іюля 1621 г. сумма убытковъ, понесенныхъ будто-бы униатскимъ братствомъ, опредѣлялась уже 50 тысячами копѣ грошей (Арх. вил. дух. монаст., № 105).

³⁾ Summariusz urazów Bractwa Wileńskiego, Арх. ун. митрополитовъ. № 378.

⁴⁾ Высокій образецъ беззавѣтнаго служенія православному просвѣщенію представляеть въ это время братскій іеродіаконъ Виталій (См. Посвященіе князю Огинскому въ изданной братствомъ въ 1612 г. книгѣ: «Діоптра альбо Зерцало... на словенскій языкъ, вѣчное памяти, годнымъ о. Виталиемъ ігуменомъ въ Дубнѣ преложона и написана», 1612, Евве).

⁵⁾ Арх. ун. митрополитовъ, № 382 (выписъ изъ городскихъ книгъ виленскаго воеводства жалобы духовскаго братства); ср. Summariusz urazów Bractwa Wileńskiego, 1624 г.—ibid. № 378 (послѣдній документъ напечатанъ въ Вѣстникѣ Западной Россіи, 1864 г., окт., стр. 60, и въ Сборникѣ документовъ, уясняющихъ отношеніе латинско-польской пропаганды къ русской народности, II, № 11, но здѣсь, какъ и въ Описаніи рукописей архива униатскихъ митрополитовъ, онъ неправильно отнесенъ къ 1614 г.; невѣрно потому, что въ немъ Леонтія Карповичъ названъ погубленнымъ,—во первыхъ; во вторыхъ, упоминаемый въ немъ случай избіенія кievскими мѣщанами четырехъ униатскихъ монаховъ произошелъ въ началѣ 20-хъ годовъ; въ третьихъ, наконецъ, здѣсь рѣчь идетъ объ обидахъ, терпимыхъ православнымъ братствомъ въ теченіе 25 лѣтъ со времени отступленія нѣкоторыхъ отъ константинопольскаго патріарха, т. е. отъ 1596 г.).

Переманиванье же къ себѣ братскихъ воспитанниковъ практиковали и иезуитскіе студенты. Характерно дѣло о насиліяхъ, учиненныхъ 13 августа 1614 г. Мартину Войславскому, педагогу родственниковъ пана Дубовича, учившихся въ братской школѣ. Затащивши его къ себѣ подъ тѣмъ предлогомъ, что желаютъ продать ему Библию латинскую и діалектику, студенты эти сначала угощали его вишнями. Затѣмъ, снесшись съ своимъ начальствомъ, они почти до смерти исколотили Войславскаго саблѣй, палками, веревками, „до присяги его примушаючи жебы до веры ихъ приступилъ и заровно зъ ними до шеолы ихъ ходилъ“. Онъ, наконецъ, далъ свое согласіе и они отпустили его. Не знаемъ, увеличилось ли фактически число студентовъ виленской академіи: Войславскій былъ избитъ до того, что „неизвѣстно было, останется ли онъ живъ“, какъ доносили на другой день братчики ¹⁾.

Вообще въ десятихъ годахъ XVII столѣтія виленскому православному братству жилось тяжело. Оно испытывало на себѣ всю горечь печальнаго положенія западнорусской церкви и, въ частности, виленскаго православнаго населенія. А до чего доведено было послѣднее врагами православія, видно изъ посланія виленскаго братства къ львовскому въ 1619 г.: „Только смирихомся, заедва тѣнь лѣпoty и величества широкоевладнаго рода Россійскаго и благочестія его оста намъ“ ²⁾. Но удары враговъ не сломили энергіи братства и не подорвали его благотворительной и просвѣтительной дѣятельности. Напротивъ, оно теперь особенно сильно сознаетъ двѣ свои главныя задачи — „ходить по заповѣдемъ Христовымъ“ и „восточныя, святаыя цереве догматовъ и преданій цѣлость неподвижну сохранить“. Теперь особенно ясно чувствуется солидарность его съ львовскимъ братствомъ, съ которымъ, „въ супругъ ига Христова выя свои сляши“, виленское братство взялось на нивѣ церевы Его „рало тягнути и тощѣ бразды ея бѣдами, посаженными и тѣснотами по Христвѣ изглубляти“.

Сношенія съ львовскимъ братствомъ вильняне возобновили въ 1619 г. и опять по поводу школьныхъ затрудненій. Въ 1617 г. братство сооружало каменное зданіе для школы, такъ какъ, повидимому, наплывъ учащихся сдѣлалъ старое помѣщеніе тѣснымъ ³⁾. Но вмѣстѣ

¹⁾ Арх. униатскихъ митрополитовъ, № 371. Профессоръ Голубевъ (Ист. кiev. акад., 202) и г. Рункевичъ (Описаніе архива униатскихъ митрополитовъ, № 371) называютъ Войславскаго учителемъ братской школы. На самомъ дѣлѣ онъ былъ только педагогомъ дѣтей, которые суть при пану Ясѣ Дубовичу и «которые въ школе братской учатся». Педагоги же, какъ выяснится ниже, были старшими учениками тѣхъ же школъ. Потому то Войславскаго и спрашивалъ одинъ иезуитскій студентъ, «где бы се онъ училъ, а онъ ему все поведалъ, где се училъ... Потому же студенты и принуждали его «заровно зъ ними до ихъ школы ходитя», что было бы нелѣпно, если бы Войславскій былъ уже учителемъ.

²⁾ А. З. Р., IV, № 217. Ср. посланіе виленскаго братства на Леонъ, 1619 г. (Рукописная книга Аванасія Миславскаго, л. 93).

³⁾ Въ началѣ 1617 г. униаты избрали болѣе двадцати шляхетскихъ дѣтей, учившихся въ братской школѣ (А. В. А. К., VIII, № 49). Если эту сумму удвоить, то получится приблизительноное число воспитанниковъ—шляхтичей, которые, судя по львов-

съ тѣмъ происходила реформа внутренняя: школа была раздѣлена на пять классовъ (быть можетъ, по образцу іезуитской или кальвинской гимназіи), съ преподаваніемъ въ трехъ латинскаго языка, въ одномъ русскаго и еще въ одномъ—славянскаго и греческаго. Братство, помня изначальную задачу своей школы—защиту православія, „пробыло своего рода и благочестія трудолюбны учителя имѣти“ для всѣхъ классовъ и посылало къ людямъ, „искуснымъ на дѣло сіе“. но никого не могло убѣдить учительствовать въ своей школѣ. Правда, оно нашло лучшаго и искуснѣйшаго учителя въ лицѣ Мелетія Смотрицкаго, автора учебника по славянской грамматикѣ, которую онъ самъ и преподавалъ юношеству ¹⁾. Для преподаванія же „латинской науки“ братству должно было нанять еще въ 1617 г. „иноувѣрныхъ нѣмецъ“ ²⁾. Но, очевидно, это было неприятно братству, тѣмъ болѣе, что оно въ это время ставило ближайшей цѣлью своей школы образованіе духовенства. Въ виду „сихъ тяжкихъ и въ челоувѣка убогихъ временъ“ виленскіе братчики и просили львовянъ прислать имъ способныхъ людей, если они знаютъ такихъ. Виленское братство требовало людей не славныхъ мнимой учестостью, а полезныхъ, которые бы удовлетворили главной задачѣ школы—дать не только гороламъ, но и сѣдамъ искусныхъ іереевъ ³⁾. Но едва-ли львовское братство отозвалось на эту просьбу: „нѣмцы“ учили въ виленской школѣ еще въ 1621 г. и позже ⁴⁾. Недостатокъ въ учителяхъ у православныхъ вильнянъ бытъ таковъ, что они, если вѣрять автору „Examen“, искали ихъ у униатовъ. Склоняя послѣднихъ къ соединенію съ собою, православные будто бы говорили имъ: мы имѣемъ молодежь для наукъ, средства, фундаціи и обѣщанія новыхъ фундушей, а вы—тѣхъ, кто можетъ учить; отъ соединенія скоро зацвѣтутъ школы, семинаріи, вся Русь будетъ полна ученыхъ людей, годныхъ для службы Божіей и для родины ⁵⁾.

скимъ спискамъ, составляли меньшую половину общаго количества учащихся. Впрочемъ, построеніе новой школы можно ставить также въ связь съ пожертвованіемъ братству Богданомъ Огинскимъ двухъ новыхъ плацовъ и домовъ рядомъ съ братскими грунтами (В. З. Р., 1865-6 г., кн. V, № 2: 27 іюля 1617 г.).

¹⁾ Свидѣтельство Суши о томъ, что Смотрицкій преподавалъ въ виленской школѣ «*Latinas artes humaniores*» (*Saulus et Paulus*, p. 19), кажется намъ сомнительнымъ въ виду заявленія братства о преподаваніи ихъ «нѣмцами».

²⁾ Кто были эти «нѣмцы», даетъ видѣть Левъ Кривза, троицкій униатскій архимандритъ. Защищая базиліанъ въ томъ, что они ищутъ науки у виленскихъ іезуитовъ, онъ противопоставляетъ имъ «другихъ, которые ихъ укоряли, но которые для своей школы добываютъ учителей изъ Данцига, Крелевца, изъ виленскаго збора и имъ поручаютъ своихъ дѣтей» (Ш. П. Л., I, 255).

³⁾ А. З. Р., IV, № 217.

⁴⁾ Авторъ сочиненія: «*Examen obrony t. j. odpis na skript Obrona Werificatieu nazwanu*» (1621), доказывая дѣйствительность права церковнаго патроната короля, съѣтуетъ автору «*Obrony*» спросить объ этомъ «*у owuch niemcow, kiogу uszъ w wielebnym isz Bractwie Wileńskim*» (p. 6). Наконецъ, одинъ учитель-иноувѣрецъ упоминается подъ 1626 г., именно *Wojcech Rhetelius* (*Jukasz*, IV, 267. прим. 1).

⁵⁾ *Examen obrony*, str. 35.

Учебныя силы и средства виленской школы и ея значеніе увеличились, когда управление ею перешло въ руки Іосифа Бобриковича, который въ началѣ 1622 года сдѣлался „старшимъ и ректоромъ монастыря (церкви) Св. Духа“ ¹⁾ и намѣстникомъ Мелетія Смотрицкаго, полоцкаго архіепископа и духовскаго архимандрита. Бобриковичъ заставилъ братство увеличить школьный бюджетъ и, такъ какъ въ 1621 г. состоялся выпускъ нѣсколькихъ очень даровитыхъ воспитанниковъ, то онъ возымѣлъ мысль оставить ихъ при школѣ для подготовки къ занятію преподавательскихъ должностей, и съ этой цѣлью убѣдилъ братство выписать нѣсколькихъ учителей, которые руководили бы молодыхъ кандидатовъ въ ихъ знакомствѣ съ наукой и съ дидактическими приѣмами. Но эти кандидаты (Сильвестръ Коссовъ, Псаія Трофимовичъ) еще равнѣ того рѣшили продолжать свое образованіе въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ и, распростившись на нѣсколько лѣтъ съ своими, отправились въ Люблинъ. Однако и безъ нихъ приглашеннымъ учителямъ удалось такъ быстро улучшить положеніе школы, что Іосифъ Бобриковичъ очень скоро извѣщалъ Сильвестра Коссова, что у нихъ „начинаютъ течь ручьи свободныхъ наукъ (artium liberalium), благодаря усердію и немалымъ издержкамъ“. Тѣмъ не менѣе Бобриковичъ настойчиво звалъ въ Вильну и ихъ, чтобы они здѣсь совершенствовались въ наукахъ подъ руководствомъ вызванныхъ учителей; при томъ же онъ боялся за чистоту ихъ религіозныхъ убѣжденій, такъ какъ уже былъ случай измѣны православію одного питомца виленской школы, продолжавшаго образованіе въ иновѣрныхъ коллегіяхъ. Но Коссовъ и Трофимовичъ не поддались убѣжденіямъ Бобриковича ²⁾.

Іосифъ Бобриковичъ оставался главнымъ начальникомъ виленской школы до самой своей смерти и во все время содѣйствовалъ успѣхамъ ея. Значеніе виленскаго училища поднялось до того, что сюда пріѣзжали учиться даже изъ такихъ отдаленныхъ городовъ, какъ Острогъ ³⁾, хотя къ послѣдному были ближе училища кievское и луцкое. Этотъ успѣхъ, въ связи съ подъемомъ дѣятельности самого братства, подтверждаетъ и митрополитъ Іовъ Борейскій, который въ письмѣ къ львовянамъ отъ 11 января 1627 г. выразился о виленскомъ братствѣ, что оно пользуется счастливыми плодами отъ церкви, школы и типографіи ⁴⁾. Впослѣдствіи онъ былъ засвидѣтельствованъ тѣмъ привилеемъ кор. Владислава IV (1635), по которому виленская школа была выдѣлена изъ числа всѣхъ прочихъ: только ей и кievской коллегіи дано было право учить по гречески и по латыни, хотя и не далѣе діалектики съ логикой ⁵⁾. Что же касается свидѣтельства Мелетія Смотрицкаго, который въ своемъ „Увѣщаніи“ къ братчикамъ (1628 г.) ставитъ на видъ, что виленская школа, несмотря на множество издержекъ и на не недостатокъ трудящихся въ ней, представляетъ изъ себя какъ бы узкую щель, чрезъ которую

¹⁾ Рукоп. книга Аѳ. Миславскаго, оборъ перваго листа.

²⁾ Письмо Сил. Коссова (?) къ Іосифу Бобриковичу, отъ 15 февр. 1622 г. (Рукоп. книга Аѳанасія Миславскаго: рукоп. кievо-печер. библіотеки, № 20 доп., л. 87 и 88).

³⁾ Рукоп. книга Аѳанасія Миславскаго, л. 102.

⁴⁾ Петръ Могила, прилож., № 47.

⁵⁾ Арх. Ю.-З. Р., I, VI, № 280.

тиснутя ученики, что отъ нея, какъ отъ камня, въ теченіе столькихъ лѣтъ, ни воды, ни огня ¹⁾),—то нужно имѣть въ виду, что о результатахъ школьной дѣятельности виленскаго братства Смотрицкій судилъ по сравненію съ дѣятельностью іезуитскихъ коллегій, въ которыхъ училось по нѣскольку сотъ человекъ и которыя, дѣйствительно, выпустили немало ученыхъ богослововъ и философовъ и еще больше шумѣли о своихъ успѣхахъ. Виленская братская школа на эффектъ не была и, не крича о себѣ, скромно шла къ своей главной цѣли—отвратить русское общество отъ того самаго Рима, къ единенію съ которымъ привлекалъ Смотрицкій въ своемъ Парэнесисѣ, обѣщая, что оно и школы подниметь, и семинаріи откроеть, и дастъ хорошихъ проповѣдниковъ, катихизисы и пр.... Ниже мы увидимъ, насколько Римъ осуществилъ эти ожиданія Смотрицкаго, но теперь не можемъ не замѣтить, что просвѣтительной и ученой дѣятельности виленскаго братства очень повредила самъ Смотрицкій. Будучи настоятелемъ монастыря, онъ свободно пользовался братской библіотекой. Перейдя въ унию, онъ присвоилъ себѣ книги, бывшія у него на рукахъ, какъ и другое имущество братства. Хотя послѣднее запесло протестъ въ лиція городскія книги и хотя Смотрицкій обѣщалъ возвратить все взятое имъ, онъ этого не сдѣлалъ, какъ видно изъ свідѣтельства Синописа ²⁾).

Заботы троицкаго православнаго братства о благочестіи и православіи и стойкость его въ борьбѣ съ иновѣріемъ давно уже привлекли къ нему сочувствіе той части западнорусскаго народа и особенно дворянства, которой не увлекли въ разновѣріе учителя протестантства, не склонили къ латинству іезуиты и которая не пошла вслѣдъ за епископами—уніатами. На него начинаютъ смотрѣть какъ на „жрѣдло (источникъ), с котораго не перестаетъ выплывать вода... благочестія и правовѣрія“. Оно становится „главой“ другихъ братствъ (*caput aliarum confraternitatum*) и центромъ, притягивающимъ къ себѣ энергію, силы и средства православныхъ ³⁾). Оно съ своимъ монастыремъ дѣлается на пространствѣ не только всей Литвы, но и нѣкоторыхъ областей Польши, руководителемъ религіозной и просвѣтительной дѣятельности. Частныя лица фундуируютъ церкви, монастыри, школы, посовѣтовавшись съ архимандритомъ

---

¹⁾ *Parænesis*, 32.

²⁾ Архивъ греко-униатскихъ митрополитовъ, № 572 (*Голубевъ*, Петръ Могила, прилож., № 68 и стр. 322). Арх. Ю.-З. Р., I, VII, 572. Въ окружномъ посланіи униатскаго митрополита Рутскаго по поводу смерти Смотрицкаго разсказывается, что послѣдній предъ кончиной поручилъ своему прислужнику сжечь еретическія и схизматическія сочиненія, и тотъ три дня топилъ ими печь (Тр. Кіев. дух. акад., 1887, 68 стр. Ср. *Susza, Saulus et Paulus*, 136). Возможно однако, что виленскіе братчики признали бы своими нѣкоторыя изъ тѣхъ книгъ, оставшихся въ дерманскомъ монастырѣ послѣ смерти Смотрицкаго, какія тамъ видѣлъ профессоръ Голубевъ (Тр. Кіев. дух. акад., 1876 г., I, 627—629).

³⁾ По свідѣтельству униатскихъ епископовъ въ 1624 г., виленское братство со дня своего основанія собрало на защиту интересовъ православной церкви 200 тысячъ флориновъ (*Harasiewicz, Annales Ecclesiae Ruthenae*, 1862, p. 257)

томъ, иноками духовскаго монастыря и со всѣмъ братствомъ, покровительству котораго и поручаютъ основываемыя учрежденія. Такъ, подъ его протекторатъ отдаются монастыри: наревскій вознесенскій (передъ 1617 г.)¹⁾, минскіе—мужской и женскій, цеперскій (1618 г.), могилевскій богоявленскій, евейскій (1619 г.), кроньскій (1629 г.), боркулабовскій (1626 г.), сновскій, новодворскій, купятицкій, сѣлецкій, буйничскій, лепесовскій и другіе²⁾. И, что для насъ особенно важно, при фундаціи ихъ непремѣнно требуется, чтобы въ пастоятели избирался „человѣкъ доброй вѣры, годный, въ науцѣ и словѣ Божомъ умѣтный, который абы не чужой и намъ незвыклой вѣры и обрадеовъ церковныхъ училъ, але власной нашей католической восточной вѣры и признанія старожитного учителемъ былъ“³⁾. Въ тѣхъ же дарственныхъ записяхъ, въ которыхъ фундаторы монастырей выражаютъ желаніе, чтобы при нихъ были устроены школы, отмѣчается, что виленское братство беретъ на себя заботу о снабженіи ихъ учителями. Извѣстно нѣсколько такихъ колоній виленской школы (онѣ указаны будутъ ниже).

Судьба виленской братской школы за избранный нами періодъ времени оканчивается привилеемъ 18 марта 1633 г., которымъ король Владиславъ IV утвердилъ представленную ему братствомъ грамоту своего отца отъ 9 октября 1592 г., съ измѣненіемъ нѣкоторыхъ артикуловъ, вызваннымъ расширеніемъ и развитіемъ благотворительной и просвѣтительной дѣятельности братства. Именно онъ позволилъ братству имѣть церковь деревянную и строить каменную, содержать монастыри мужской и женскій, общежитіе „для убогихъ студентовъ“, принимать патронатство надъ другими монастырями и пр.⁴⁾. Впрочемъ, 12 іюля этого же года король утвердилъ оба привилея своего отца (21 іюля 1589 г. и 9 октября 1592 г.) за троицкимъ униатскимъ братствомъ⁵⁾....

Брестская школа.

У православныхъ мѣщанъ Бреста просвѣтительныя стремленія обнаружались впервые въ 1590 г., еще до соединенія ихъ въ братство. Здѣсь, какъ и въ Вильнѣ, желаніе мѣщанъ имѣть свою школу вытекало изъ ихъ патронатскихъ правъ и обязанностей. Первымъ доку-

¹⁾ Завѣщаніе князя Ѡ. Масальскаго—Арх. сб., VI. № 35. Но здѣсь невѣрно указанъ 1574 г., когда еще не существовало виленскаго духовскаго монастыря, которому Масальскій подчинилъ наревскій. Скончался онъ въ 1617 году (*Wojciecki, Roczet rodów*, 177, примѣч. 1)

²⁾ Вил. грам., II, №№ 40, 42. А. В. А. К., XI, №№ 31, 37; Минскія грам., №№ 64, 65. Арх. сб., II, №№ 31, 34. А. Ю. и З. Р., II, № 56.

³⁾ Арх. сб., VI, № 35.

⁴⁾ Вилен. грам., II, № 42 (id. В. З. Р., 186³/₄ г., кн. VIII, отд. I, № 3).

⁵⁾ Вилен. грам., II, № 31.

ментомъ, начинающимъ недолгую исторію брестской православной школы, была благословенная грамота епископа владимирскаго и брестскаго Мелетія Хрептовича, отъ 6 іюля 1590 г. Изъ этой грамоты открывается слѣдующее: къ епископу пришли брестскіе мѣщане какъ „ктиторы и дозорцы соборной церкви“, прося позволенія „имѣть свою вольную городскую общественную школу и при ней дьяка или двухъ для наученія ихъ собственныхъ сыновей и внучъ, если бы кто и изъ постороннихъ захотѣлъ отдать сюда своихъ дѣтей“. Епископъ не сразу согласился. Но, найдя послѣ совѣта съ капитулой и крылошанами, что просьба мѣщанъ „не есть ни въ чемъ церкви Божей и нашей епископіи и всимъ священникамъ здешнимъ противна, але овшемъ во всемъ потребна“, позволилъ и благословилъ имъ „школу свою рускую грецкіе науки при церкви соборной на грунте мескомъ (городскомъ) збудовати и дьяка своего албо колко ихъ собе потребовати будѣтъ“ держать, выразивъ отъ всего сердца пожеланіе, чтобы отъ школьной науки хвала Божія множилась и ширилась и церковь Божія „всими порядками и достатками была украшена“. Въ этихъ видахъ Мелетій свое и своихъ преемниковъ благословеніе на учрежденіе школы давалъ подъ тѣмъ условіемъ, чтобы школьный учитель („дьякъ“) и его ученики посѣщали храмы ради спасенія и чтенія слова Божьяго. Свободу послѣдняго онъ обезпечивалъ обѣщаніемъ, что ни онъ самъ, ни уставщики, пономари и иные дьяки и священники не будутъ запрещать имъ читать въ церкви. Но при этомъ за каждымъ мѣстнымъ священникомъ оставлялось право „детей двое албо трое и наибольшъ учти въ дому своимъ къ пожитку (пользѣ) своему и потребе церкви Божой паравыей (прихода) своей“¹⁾. Мѣщане, получивъ эту грамоту, не медлили: они выстроили на городскомъ группѣ противъ церкви св. Николая, патронами коей они были, „школу рускую для науки дѣтей всякого стану“— „мѣщанскихъ и иныхъ посполитыхъ людей“, и обратились къ королю съ просьбой освободить и домъ и грунты отъ всякихъ „господарскихъ“ и городскихъ повинностей, податей и постоевъ. Сигизмундъ, которому при этомъ представлена была грамота еп. Мелетія, напелъ „челомбитие“ брестскихъ мѣщанъ справедливымъ и ихъ заботу объ образованіи и „наукѣ дѣтей малыхъ народу христіанского“ доброй и полезной не только для самого города, но и для всей Рѣчи Посполитой, почему просьбу ихъ исполнилъ, позволивъ и школу имѣть, и содержать людей для обученія и образованія дѣтей и юношей, сообразно съ ихъ средствами (28 января 1591 г.)²⁾.

Между тѣмъ обстоятельства церковной жизни втянули брестскихъ мѣщанъ въ водоворотъ событій и заставили ихъ подумать о расширеніи круга дѣятельности. Надлежало заботиться не только о приходскомъ николаевскомъ храмѣ, но и о благосостояніи всей западнорусской церкви. Средствомъ къ полученію возможности принимать участіе въ общей церковной жизни было—организоваться въ братство, по примѣру другихъ городовъ. Брестскіе мѣщане такъ и сдѣлали. Ближе къ нимъ и извѣст-

¹⁾ Арх. сб., XI, № 6.

²⁾ А. З. Р., IV, № 28.

нѣе было львовское братство, и они „молиша его всѣ купно препода-
тися имъ чинъ братства“. Львовяне прислали имъ чинъ, изложенный
п. Иоакимомъ, и подтвердительные привилеи п. Іереміи ¹⁾). Получить за-
тѣмъ грамоту на учрежденіе братства мѣщанамъ Бреста было тѣмъ
легче, что имъ сочувствовалъ брестскій каштелянъ Адамъ Потѣй, кото-
рый и холатайствовалъ за нихъ передъ епископомъ ²⁾). Такъ какъ ядро
новаго братства составили ктиторы и патроны николаевской церкви, то
къ нему перешла и школа соборная. При этомъ она была преобразована
по чину львовскаго училища ³⁾). Единство образовательныхъ цѣлей и
внѣшняя связь обѣихъ школъ выразились въ томъ, что въ Брестѣ одно
время училъ львовскій дидаскалъ Лаврентій Зизаній (въ началѣ 1592 г.) ⁴⁾).
Нетрудно было затѣмъ брестскому братству получить подтвердительную
грамоту и отъ короля, что произошло 11 октября 1592 г. ⁵⁾). Въ ней,
какъ и въ грамотѣ еп. Мелетія, права и порядки братства расширены
до объема правъ и вольностей виленскаго и львовскаго братствъ. Въ
частности, позволено имѣть „для науки христіанскихъ дѣтей всякаго
положенія, къ украшенію и пользѣ Рѣчи Посполитой“, школу греческаго,
латинскаго, польскаго и русскаго языковъ и содержать для этого людей
ученыхъ, свѣтскихъ и духовныхъ.

Жившаяся при столь благопріятныхъ обстоятельствахъ, покровитель-
ствуемая притомъ Потѣемъ, который, по его словамъ, готовъ былъ не
пожалѣть на содѣйствіе просвѣтительной дѣятельности братства даже
остатковъ имѣній своихъ, брестская школа должна была очень скоро
процвѣсти и сравниться съ школами виленскою и львовскою, такъ что
ея учителя иногда называются даже „професорами“ ⁶⁾). Но этотъ же
Потѣй и погубилъ ее.

Адамъ Потѣй, дворянинъ, получилъ первоначальное образованіе и
началъ карьеру при дворѣ Радзивилловъ и потому по своимъ убѣжденіямъ
склонялся къ протестантству ⁷⁾). Освободившись затѣмъ отъ кальвин-
скихъ вліяній, Потѣй исповѣдывалъ вѣру отцовъ, православіе, хотя и

¹⁾ См. чинъ львовскаго братства, внесенный въ 1641 г. въ брестскія книги игу-
меномъ Аванасіемъ Филипповичемъ:—Чт. въ моск. общ. ист. и древн. росс., годъ III
(1848 г.), ч. VI, отд. IV, стр. 55.

²⁾ Грамота еп. Мелетія отъ 26 окт. 1591 г.—въ Діаріушѣ Аванасія Филипповича
(П. П. Л., I, 64—68) Какое большое участіе принималъ Потѣй въ учрежденіи братства,
видно изъ словъ львовлянъ, что онъ именно «чинъ братства львовскаго въ Берестью
заложилъ» (А. З. Р., IV, № 33, г). Будучи еще свѣтскимъ, Потѣй обнаруживалъ интересъ
къ духовнымъ и церковнымъ дѣламъ: онъ присутствовалъ на брестскихъ соборахъ 1590
и 1591 гг. (Monum. confr., I, №№ 160, 207).

³⁾ Въ грамотѣ еп. Мелетія сказано: «учителей школьныхъ чадомъ своимъ и при-
шельцомъ убогимъ по чину школъ приймвати», а тогда былъ извѣстенъ только львов-
скій чинъ.

⁴⁾ А. З. Р., IV, № 33, г.

⁵⁾ А. Ю. и З. Р., I, № 206. «Діаріушъ»—П. П. Л., I, 70.

⁶⁾ П. П. Л., III, 605 (А. З. Р., IV, № 63).

⁷⁾ *Maciejowski*, III, Dodatki, 201—205 (сп. А. З. Р., стр. 209, прим.).

питалъ одно время симпатіи къ латинству и велъ бесѣды съ іезуитами о привлеченіи русскихъ къ уніи съ Римомъ. Еще въ 1588 г. онъ подавалъ дуцкому католическому епископу Бернарду Мацѣевскому, при объѣздѣ послѣднимъ своей епархіи, и находившемуся при немъ іезуиту коварный для православія совѣтъ—устроить дѣступъ съ п. Іереміей и греками и, побѣдивъ ихъ, тѣмъ уронить восточную церковь и вѣру въ глазахъ русскихъ ¹⁾. Убѣжденный княземъ Острожскимъ занять владимирскую и брестскую кафедру, освободившуюся за смертію еп. Мелетія Хрептовича, Потѣй, дѣйствительно, мѣняетъ сенаторское званіе на епископское и имя Адама на—Ипатія ²⁾... Случайно сдѣлавшись владыкой, Потѣй не былъ подготовленъ къ новому служенію ни предшествующей жизнью, ни образованіемъ: „въ латынѣ бѣглый, въ законѣ церкви восточные онъ былъ незнающимъ“, по свидѣтельству Перестроги. При нетвердости религиозныхъ убѣжденій, ему легко было примкнуть къ стремленію другихъ епископовъ къ уніи съ Римомъ, которая, казалось, давала болѣе просторъ свободѣ и самостоятельности епископовъ. чѣмъ зависимость отъ константинопольскихъ патріарховъ. Съ другой стороны, съ Потѣемъ должно было повториться то же, что и съ епископомъ Гелеономъ и съ другими владыками, которые остались страшно стѣснены и недовольны предоставленнымъ братствамъ правомъ контроля надъ дѣйствіями епископовъ. Естественное поэтому столкновеніе Потѣя съ николаевскимъ братствомъ не заставило себя долго ждать. Но и здѣсь, какъ и въ Львовѣ, непріязнь епископа къ братству прежде всего направилась на школьныхъ учителей, что и понятно, такъ какъ они были выразителями духовной, умственной силы братства и болѣе основательными обличителями незаконныхъ съ догматической и канонической точекъ зрѣнія поповленій Потѣя. Но въ Брестѣ учителя оказались не въ силахъ выносить преслѣдованія со стороны епископа и бѣжали. Свидѣтельство объ этомъ бѣгствѣ мы находимъ у самого же епископа въ его письмѣ къ князю Острожскому (25 марта 1595 г.): „и теперь, пишетъ онъ, што ся стало у Берести, же ся школа разорила чрезъ самыхъ же проесоровъ школьныхъ, которые, за лавомъствомъ удавшись, до Вильни на сытыше пироги отбегли, а тутъ, къ большой ганьбѣ (позору) и жалю убогого христіанства, на уруганье противниковъ нашихъ все покинули, безъ жадной слупной (законной) прычины“ ³⁾... Но, очевидно, у учителей была такая причина и заключалась она не въ „превротности“ ихъ характеровъ и не въ ихъ корыстолюбіи, а въ измѣнившихся отношеніяхъ къ нимъ самого Потѣя, и его сожалѣнія о судьбѣ брестской школы были только кроводилковыми слезами. Спустя немного ненависть Потѣя къ брестскому братству, которое хранило вѣрность православію, дошла до того, что онъ формально признавалъ ихъ „еретиками отъ церкви Божей выклятыми“ и запретилъ брест-

¹⁾ *Theiner, Vetera monumenta Poloniae et Lithuaniae*, III, № 46. Lit. an. S. I. 1588, p. 115, 116.

²⁾ А. З. Р., IV, № 44 и стр. 209.

³⁾ И. П. Л., III, 605 (id. А. З. Р., IV, № 63).

свому духовенству сообщать имъ церковныя таинства (3 октября 1596 года), а затѣмъ заставилъ многихъ изъ его членовъ „отъ домовъ своихъ прочь разбѣгнуться“ ¹⁾. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ отнялъ у братства и его школу (26 іюня 1597 г.) ²⁾.

Такимъ образомъ, брестская православная школа прекратила свое существованіе, не успѣвъ оказать почти никакого вліянія на поднятіе просвѣщенія. Впослѣдствіи, при Владиславѣ IV православныя брестскіе мѣщане учредили братство при церкви Рождества пресв. Дѣвы Маріи. Король въ 1641 г. подтвердилъ его и позволилъ „школу языка руского и польского и шпитальъ при той же помененой церкви мѣти“ ³⁾.

Минскія школы.

Въ Минскѣ въ разсматриваемое нами время было два церковныхъ братства съ просвѣдательными задачами—шпитальное и петропавловское, смѣнившихъ одно другое, и—двѣ школы.

„Шпитальное“ братство при соборной церкви (въ минскомъ замкѣ) было утверждено королемъ 11 сентября 1592 года, и тогда же позволено было ему „для науки дѣтовъ малыхъ школу мѣти и бакалара въ ней ховати и тамъ дѣтей письма Греческого и Руского учити давати“ ⁴⁾. Съ тѣхъ поръ слѣды этой школы теряются, хотя о самомъ братствѣ встрѣчается упоминаніе въ 1601 г. въ королевской грамотѣ, предлагавшей минской ратушѣ не препятствовать братству строить бумажную или хлѣбную мельницу для увеличенія своихъ средствъ. Но когда въ 1616 г. Аванасій Павоста, минскій уніатскій архимандритъ, спрашивалъ магистратъ о госпитальномъ соборномъ братствѣ, которому въ 1592 г. были предоставлены такія-то права, „зъ чого всего якъ бачу, говорилъ онъ, ничего не осталось и братства того уже здавна неслыхатъ“,—бургомистры, эти „справцы и сторожы всего мѣста“, подтвердили, что братство, дѣйствительно, было, „но теперъ вслѣдствіе раздоровъ оно прекратило свое существованіе, и гдѣ оно нынѣ находится или кто его составляетъ“,—они не знаютъ. Уніаты воспользовались этимъ и, „мовчкомъ“ выхлопотавъ у короля право на имущество исчезнувшаго братства, завладѣли имъ, несмотря на протесты (запоздалые) минскаго магистрата ⁵⁾.

Въ 1613 г. на мѣсто соборнаго братства стало новое—петропавловское, которое и взяло на себя заботу о школѣ. Учреждено оно было шляхтой при основанномъ ею же въ 1612 г. петропавловскомъ монастырѣ. Давъ гранты для послѣдняго, минское дворянство заложило и школу „для помноженья хвалы Божое, для твиченя внеи детокъ и для оздобы

¹⁾ А. Ю. и З. Р., I. № 220. А. З. Р., IV, стр. 215.

²⁾ А. З. Р., IV, № 122. Дальнѣйшая судьба этой школы будетъ изложена въ главѣ объ уніатскихъ училищахъ.

³⁾ П. П. Л., I. 72.

⁴⁾ А. З. Р., IV, № 36.

⁵⁾ Минскія грамоты, №№ 42, 54, 56, 68.

той церкви“¹⁾. Изъ подтвердительной грамоты, полученной петропавловскимъ братствомъ отъ собора восточныхъ святителей (Луки, м. бѣлградскаго, Павла, еп. далматскаго, Сергія, еп. „микачоскаго и мароморитскаго“) въ 1614 г., мы узнаемъ, что оно взяло себѣ въ образецъ порядки виленскаго братства и завело училище съ языками греческимъ, славянскимъ и латинскимъ²⁾. Помѣщалась школа при самой церкви и въ 1617 г. въ ней преподавало уже нѣсколько учителей; завѣдывала ею игумень монастыря³⁾.

Но если въ Минскѣ не было католической школы, то была униатская, ученики которой усвоили себѣ всѣ іезуитскіе приемы борьбы съ православными воспитанниками, начиная отъ угрозъ и кончая изувѣченіемъ. Все это скоро пришлось испытать на себѣ „дѣтямъ школы братское“. Послѣднія не разъ подвергались нападеніямъ со стороны „выростковъ и хлопчатъ“ униатской козмодемьянской школы, а 16 февраля 1617 г. нѣкоторые изъ нихъ были избиты чуть не до смерти. Возный, свидѣтельствовавшій ихъ по протестаціи настоятеля петропавловскаго монастыря, доносилъ 24 февраля, что онъ видѣлъ жертвы униатскаго буйства избитыми, окровавленными, а о нѣкоторыхъ выражался: „неведати если будетъ живъ“⁴⁾. Дальнѣйшая же исторія минской братской школы представляетъ нѣсколько фактовъ борьбы православныхъ съ униатами за самое ея существованіе. Уже 27 ноября 1619 г. православнымъ дворянамъ и обывателямъ Литвы и Польши пришлось протестовать противъ намѣренія минскаго воеводы Петра Тышкевича завладѣть церковью, монастыремъ и училищемъ⁵⁾. Спустя нѣкоторое время послѣднему стала угрожать опасность со стороны униатскаго училища. Такъ какъ православные „даки чинили перешкоду школамъ его милости о. митрополита“ (униатскаго), которыя имѣли привилей короля, то минскій намѣстникъ м. Рутскаго Барановичъ и пожаловался королю на это, указавши въ жалобѣ и на то, что минское братство возмущаетъ народъ противъ уни, приобрѣтаетъ новые грунты, строить на нихъ церкви, приглашаетъ монаховъ изъ Вильны и т. п. Братство получило 15 января 1620 г. позовъ на королевскій судъ. Тогда дворяне послали къ королю депутата изъ своей среды, снабдивъ его довѣренностью, въ которой рѣшительно опротестовывалось привлеченіе мѣщанъ къ суду, такъ какъ не они, а шляхта фундовала и церковь, и монастырь, и школы и притомъ на своихъ соб-

¹⁾ Мин. грам., № 65. Вѣст. Ю.—З. и З. Р., 1863/4 г., кн. IV, № 2, 3. Мин. еп. вѣд., 1871 г., № 2. А. В. А. К., XI, № 36.

²⁾ Мин. еп. вѣд., 1870 г., № 23. Эта грамота была подтверждена н. Теофаномъ въ 1620 г. (ibid., № 24; id. Чт. въ моск. общ. ист. и древн. рос., 1896, I, Смясь, 12).

³⁾ Мин. грам., № 62.

⁴⁾ Ibid.

⁵⁾ Мин. грам., № 73. (id. Чт. въ моск. общ. ист. и древн. рос., годъ III (1848), ч. VI, отд. IV). Поводомъ къ протесту послужило собственно обвиненіе воеводой минскихъ мѣщанъ въ опустошеніи замковой церкви, съ приложеніемъ къ нимъ эпитета «схизматики». Православные и догадались, что Тышкевича не столько интересуетъ эта церковь, сколько ему хочется «церковь и монастырь светлыхъ апостолъ Петра и Павла и школу принеи... фундованую знести»...

ственныхъ плацахъ ¹⁾). Но 1 апрѣля Барановичъ опять занесъ жалобу на братство и на „дьяковъ школьныхъ, которыхъ патроны новой церкви вмѣстѣ съ другими содержать на свой счетъ при школѣ и церкви“. Въ этотъ разъ учителя братскіе провинились тѣмъ, что отбили у уніатовъ цѣлаго попа Феодора Ермолича, который, разорвавши связи съ ними, искалъ убѣжища у братства. Когда уніаты, поймавъ гдѣ то о. Ермолича, влекли его въ свой монастырь, школьные дьяки освободили его и съ триумфомъ ввели въ братство, причемъ похвалялись предъ уніатами („похвалѣу чинили и целою губою ихъ лжили“ ²⁾).

Исторія умалчиваетъ, при какихъ условіяхъ существовала мишская школа до привилея короля Владислава IV (18 марта 1633 г.), утвердившаго ее и позволившаго братству завести и типографію ³⁾.

Могилевская школа.

Могилевъ былъ, кажется, единственнымъ западнорусскимъ городомъ, дарованіе которому магдебургскаго права было соединено съ позволеніемъ завести и школу. Такую грамоту жители Могилева получили отъ короля Стефана Баторія 28 января 1578 г.: „обыватели места Могилевского... ратушь тежъ и школу Христіанскую збудовать и фундовать мають“, говорится здѣсь ⁴⁾. Но право устроить школу было ли испрашено самими горожанами (какъ думаетъ о. Флеровъ ⁵⁾), или оно дано было Стефаномъ Баторіемъ по тому же побужденію, по какому вопросъ о православныхъ школахъ былъ влюченъ въ его грамоту 18 мая 1585 г. ⁶⁾,—могилевскіе мѣщане не пожелали воспользоваться имъ, и не магдебургское право создало въ Могилевѣ школу, хотя оно и вызывало необходимость учиться грамотѣ. Интересовъ самоуправленія и просвѣщенія самихъ по себѣ оказалось недостаточно для того, чтобы граждане города устроили у себя училище,—нужно было, чтобы къ нимъ присоединились болѣе сильныя интересы—церкви и вѣры. И дѣйствительно, первая православная школа въ Могилевѣ устраивается при учрежденіи характера преимущественно церковнаго—при спасскомъ братствѣ. Начало же послѣдняго должно относить ко времени проѣзда черезъ западную Россію п. Іереміи, отъ котораго въ іюлѣ 1589 г. братство получило благословенную грамоту. Скоро послѣ того жители Могилева вошли въ сношенія съ львовскимъ братствомъ, уставомъ котораго и стали руководиться (1590) ⁷⁾. Тогда же,

¹⁾ Мин. грам., № 74. 75.

²⁾ Мин. грам., № 77.

³⁾ Мин. грам., № 123 (id. В. Ю. З. Р., 1862/4, V, № 10; А. В. А. К., XI, № 36).

⁴⁾ Вѣдор. арх., I, № 12. «Incolae Mohilovienses... praetorium, alias Ratusz. et scholam Christianam fundabunt et construent».

⁵⁾ О братствахъ... 97.

⁶⁾ Г. Жудро (Исторія могил. Богоявл. братства, 85) сообщаетъ, что отъ короля послѣдовалъ даже особый указъ относительно устройства школы...

⁷⁾ Арх. сб., II, № 43; Боркулабовская хроника (*Кулишъ*—Матеріалы для исторіи возсоед. Руси, I, 56). Впрочемъ, авторъ хроники относитъ начало могилевскаго братства къ 1594 г.

вѣроятно, могилевское братство обзавелось и училищемъ: прося короля въ 1597 г. объ утвержденіи своего чина, братство упоминало и о немъ: „Въ школѣ братской дѣтей братьи уписной и убогихъ сиротъ языка и письма Словенскаго, Рускаго, Греческаго, Латинскаго и Польскаго накладомъ братскимъ, дармо учить повинны водлугъ постановенья нашего братскаго; также и людей въ писмѣхъ учоныхъ, особъ духовныхъ и свѣтскихъ, для науки школьной, до проповѣди слова Божого, до науки дѣтей и до спѣванья, въ справѣ и въ звыклости своей ховати маемъ“¹⁾.

Могилевское братство, возникшее въ самый разгаръ религіозной полемики по поводу вводимой уніи и получившее отъ протосингела Никифора грамоту, благословляющую его „быть всеобщимъ училищемъ божественному и священному писанію и всякому другому ученію“ и не принимать никогда никого, „кто бы дезнулъ вносить или превозносить унію“²⁾,—естественно должно было поставить свою школу такъ, чтобы она была рассадникомъ истинно-православныхъ людей. Оно, дѣйствительно, развило очень скоро противо-уніатскую дѣятельность, такъ что епископъ полоцкій (уніатскій) уже въ 1601 году жаловался королю на то, что братчики, не исполнивши привилея короля Стефана, вмѣсто школы католической выстроили на плацу спасскаго монастыря свой домъ, въ которомъ производятъ собранія, держатъ проповѣдниковъ (Котковскаго, Хому Тавборовича и Радка), „которые, не имѣя благословенія отъ владыки полоцкаго, говорятъ проповѣди, проклинаютъ самого владыку и возмущаютъ народъ противъ правительства“. Изъ вызваннаго этой жалобой еп. Гедеопа Брольвицкаго королевскаго позова братству можно заключить, что въ анти-уніатской дѣятельности послѣдняго принимала живое участіе и школа, и что въ ея зданіи означенныя лица (можетъ быть, ея учителя) дѣйствовали противъ уніи. Не знаемъ, выдало ли братство королю этихъ „бунтовниковъ“³⁾.

Дальнѣйшая исторія могилевскаго братства и его школы представляеть нѣчто до такой степени запутанное, что въ немъ почти нѣтъ возможности разобраться. Только что цитованная королевская грамота, которая требовала, чтобы братство представило привилей Стефана Баторія и оправдалось въ своемъ противленіи полоцкому архіепископу, датирована 7 августа 1601 г. Отъ 5-же декабря 1602 г. сохранилась грамота Сигизмунда III, утверждавшая въ Могилевѣ братство при церкви „Светога Въѣханія Господня“⁴⁾. Затѣмъ, отъ 7 іюля 1605 г. мы имѣемъ посланіе львовскаго братства къ „братству храма Преображенія Христа

¹⁾ А. З. Р., IV, № 119. Грамота короля датирована 21 марта 1597 г.

²⁾ Могил. губ. вѣд., 1845 г., № 41. Грамота эта писана была въ Варшавѣ въ мартѣ 1597 г., т. е. за нѣсколько дней до осужденія Никифора.

³⁾ Арх. сб., II, № 19. Интереснѣе всего, что въ этой королевской грамотѣ извѣстное позволеніе Стефана Баторія завести школу толкуется, какъ требованіе «збудовати школу христіанскую католичскую для науки дѣтей языка латинскаго, польскаго и рускаго».

⁴⁾ Бѣлор. арх., I, № 28 (id. Арх. сб., II, № 22).

Бога Нашего, паномъ мѣщаномъ всего мѣста Могилевскаго“¹⁾). Является вопросъ: нужно ли здѣсь разумѣть одно братство или два, и если два, то не уніатское ли братство утвердилъ король при церкви Входа Господня въ Иерусалимъ? Въ послѣднемъ смыслѣ рѣшилъ его г. Елеонскій²⁾). Но высказанное еще въ 1869 г. Костомаровымъ³⁾ сомнѣніе въ вѣрности такого рѣшенія вопроса получаетъ еще большую силу при томъ освѣщеніи фактовъ, какое даетъ г. Жудро. Уніатскаго братства, по нему, въ Могилевѣ не было, а грамота 1602 г. дана была братству православному, на что указываютъ сходство ея съ королевской грамотой 1597 г. и тожество лицъ, упоминаемыхъ въ той и другой. Что же до подчиненія братства грамотой 1602 г. митрополиту (уніатскому), то оно, будучи, быть можетъ, единственнымъ условіемъ подтвержденія братства королемъ, въ существѣ дѣла не было обязательнымъ для мѣщанъ и они легко могли согласиться на это навязанное имъ требованіе. Г. Жудро думаетъ, что переходъ спасскаго братства къ церкви Входа Господня, построенной братствомъ же, обусловливался отнятіемъ у него епископомъ спасскаго монастыря и что съ возвращеніемъ послѣдняго оно опять стало называться спасскимъ, подъ какимъ именемъ и сносится съ львовскимъ⁴⁾). Если это такъ, то въ грамотѣ 1602 г. мы видимъ новое подтвержденіе братской школы, выраженное буквально въ тѣхъ же словахъ, что и въ привилеѣ 1597 г. Затѣмъ, на протяженіи 1603—1618 гг. мы не встрѣчаемъ ни малѣйшаго упоминанія о ней.

Въ 1618 г. на кафедрѣ архіепископа полоцкаго, витебскаго и мстиславскаго вступилъ извѣстный Иосафатъ Кунцевичъ. Его ревность по вѣрѣ католической очень скоро отразилась на судьбѣ могилевскаго братства и школы самымъ печальнымъ для нихъ образомъ. Онъ началъ съ того, что отнялъ у братства спасскій монастырь, но школу въ этотъ разъ братчики отстояли и удержали за собой⁵⁾). И хотя въ 1619 г. королевскимъ декретомъ было приказано отдать и ее вмѣстѣ съ церквами и фундушами архіепископу Кунцевичу⁶⁾), братство продолжало владѣть ею до мая 1624 г., когда магистратъ, которому могилевскій

¹⁾ Арх. сб., II, № 24.

²⁾ Арх. сб., II, пред., IV; см. также Вил. вѣсти., 1870 г., № 20: «О началѣ православнаго и уніатскаго братствъ въ Могилевѣ».

³⁾ Отечеств. записки, 1869, авг., 277.

⁴⁾ Жудро, о. с., 25, 27.

⁵⁾ Такъ мы понимаемъ жалобу спасскаго уніатскаго игумена Гервасія Гостиловскаго, что братство въ 1618 г. насильно отняло у спасскаго монастыря школу, издавна принадлежавшую къ нему (Арх. сб., II, 30); мы не согласны съ Костомаровымъ, который полагаетъ, что монастырь спасскій издавна принадлежалъ уніатамъ и что въ 1618 г. православные отняли у нихъ школу (Отеч. зап., I, с).

⁶⁾ Это, вѣроятно, декретъ 22 марта объ отдачѣ Кунцевичу всѣхъ могилевскихъ церквей и монастырей «съ аппаратами ихъ», въ наказаніе могилевцамъ за ихъ вооруженное сопротивленіе архіепископу (Арх. гр.-уніат. митр., № 430,—печат. текстъ). Надо думать, что этимъ королевскимъ декретомъ было вызвано нападеніе челяди спасскаго

староста Левъ Сапѣга напомнилъ о долгѣ повиновенія королю, отдалъ ее въ распоряженіе о. Гостиловскаго, игумена спасскаго монастыря ¹⁾.

Такимъ образомъ, въ 1624 г. могилевское братство лишилось всего, чѣмъ оно издавна владѣло. Но еще въ 1618 г., очевидно тотчасъ по отнятіи спасскаго монастыря, оно позаботилось приобрѣсти себѣ недвижимое имущество и 29 октября купило у могилевскихъ мѣщанъ домъ и плацъ, лежавшіе на большой Шкловской улицѣ по лѣвой сторонѣ, если итти отъ Шкловскихъ воротъ къ рынку. Продавцы заявили въ магистратѣ, что они купили означенный плацъ за 400 в. гр. у княгини Евы Корсаковны Соломирецкой, а теперь, узнавши о желаніи братства построить на немъ монастырь, „пустили и продали“ ему плацъ за ту же сумму и деньги получили ²⁾. Но, повидимому, эта сдѣлка все же не состоялась, или приняла другой видъ. Дѣло въ томъ, что объ означенномъ плацѣ въ дальнѣйшей исторіи братства нѣтъ помину, а есть рѣчь о плацѣ, пожертвованномъ Яномъ Богдановичемъ Огинскимъ и купленнымъ имъ у мѣщанъ за 500 копѣ грошей. Такъ какъ этотъ плацъ находился на той же улицѣ и по той же лѣвой сторонѣ ея, то приходится думать, что Огинскій купилъ плацъ на свои деньги, чтобы затѣмъ подарить его братству, и что мѣщане взяли лишнее съ него, какъ съ частнаго лица. Свое наданіе Огинскій обусловилъ такими требованіями, чтобы на его плацѣ были выстроены церковь во имя Богоявленія, общежительный монастырь и школа. Но всѣ эти учрежденія онъ „соединилъ и спойлъ и прилучилъ до церкви сошествія Св. Духа и монастыря при той же церкви, на грунтахъ братства виленскаго“, утвержденныхъ п. Іереміей, королемъ и сеймами ³⁾. Но эта прибавка связала могилевскому братству руки, лишивши его права строиться на плацѣ Огинскаго, какъ ему угодно, и поставивъ въ зависимость отъ виленскаго братства; а послѣднее, имѣя въ своемъ завѣдываніи много другихъ монастырей, не соорудило здѣсь ни монастыря, ни церкви, въ виду чего въ 1635 г. и уступило плацъ могилевскому братству ⁴⁾. Что до школы, то она послѣ 1624 г. едва ли находилась въ цвѣтущемъ состояніи. Въ первые годы она ютилась вблизи Рыбнаго рынка въ „Максимовскомъ дворѣ“ (т. е.,

---

уніатскаго монастыря 22 сент. 1619 г. на православное училище, причемъ былъ избитъ до смерти бакаляръ Павелъ Попель и приведены были въ плачевный видъ окна и двери школьныя (Арх. гр.-уніат. митр., № 434).

¹⁾ Арх. сб., II, № 30. Здѣсь выставленъ 1621 г., но невѣрно, такъ какъ Антоній Селява, фигурирующий въ этой грамотѣ подъ именемъ полоцкаго архіепископа, въ 1621 г. еще не былъ имъ. Потому мы и датируемъ ее, вслѣдъ за м. Макаріемъ, 1624 годомъ, т. е. годомъ вступленія Селявы на кафедру (Ист. рус. церкви, XI, 323, прим. 257 и 331).

²⁾ Арх. сб., II, № 26.

³⁾ Фундація Яна Огинскаго въ подтвердительной грамотѣ короля Владислава 19 марта 1633 г., въ выписи изъ книгъ могилевскихъ,—въ Арх. ун. митр., кн. I, № 20 (к. 21). Въ подтвердительной грамотѣ короля отъ 6 марта 1633 г., напеч. въ Арх. сб., II, № 34, фундація Огинскаго датирована 4 іюня 1619 г., но самое пожертваніе совершилось ранѣе: еще въ маѣ или даже въ апрѣлѣ могилевскіе братчики просили виленскихъ о томъ, чтобы князь Огинскій внесъ наданіе въ актовыя книги. (Арх. сб., II, № 27).

⁴⁾ Арх. сб., II, № 40.

вѣроятно, въ частномъ домѣ одного изъ братчиковъ). Но въ 1626 г., въ свѣтлый понедѣльникъ, пожаръ истребилъ и рынокъ и всю часть города, называвшуюся „Острогомъ“. Послѣ того здѣсь же былъ выстроенъ новый братскій домъ и въ немъ помѣщено было училище ¹⁾. Какъ долго находилось оно здѣсь, неизвѣстно. Извѣстно только, что съ 1633 г. братство, запасшись подтвердительными грамотами отъ короля, стало сооружать на грунтахъ Огинскаго церковь и монастырь. Съ исторіей братства на этихъ мѣстахъ и связывается дальнѣйшее существованіе братской школы, которую Владиславъ IV позволилъ строить на этомъ плацу вмѣстѣ съ церковью, монастыремъ, братскимъ домомъ ²⁾. Самый же плацъ въ 1637 г. былъ увеличенъ новымъ наданіемъ Стеткевичей ³⁾.

Какіе предметы преподавались въ могилевской школѣ, кромѣ пяти языковъ (если только всѣ они изучались),—мы не знаемъ. Свидѣтельство Игнатія Іевлевича о томъ, что одинъ изъ бакаляровъ „улучшалъ его характеръ“ (*wprawał w charakter dobry*),—мы затрудняемся понимать въ томъ смыслѣ, что здѣсь преподавалось и „дѣльное“ или нравственное богословіе,—развѣ признать вмѣстѣ съ г. Жудро, что послѣднее „состояло въ наставленіяхъ и совѣтахъ на разные случаи жизни“ ⁴⁾. Изъ учителей братской могилевской школы конца 20-хъ и начала 30-хъ годовъ XVII ст. Игн. Іевлевичъ называетъ Тимофея Грибача, Павла, *statecznego człowieka*, Константина, Афанасія Стрѣлецкаго, учившаго начаткамъ латыни, Феодора Тарасовича, который и исправлялъ характеръ Іевлевича, и помощника двухъ послѣднихъ—Игнатія. Онъ же упоминаетъ еще о Саввѣ Андреевичѣ (передъ тѣмъ, около 1630 г., преподававшемъ въ кievской братской школѣ) и Косовичѣ, кievскомъ студентѣ ⁵⁾.

Далѣе въ порядкѣ происхожденія слѣдуетъ кievская братская школа, но въ силу того, что она представляла по своему типу и судьбѣ переходъ къ новому—могилянскому—періоду исторіи нашихъ училищъ, мы займемся ею послѣ Луцкой.

Луцкая школа.

Луцкое братство, какъ видно изъ дошедшаго до насъ „*κατάλογος*“ или реестра“ братчиковъ, основалось въ 1617 г. ⁶⁾. Особенностью этого

¹⁾ Автобіограф. записка Игнатія Іевлевича (*Голубевъ*, Ист. Кievской академіи, прил., 75 стр.). Хроника бѣлор. города Могилева, *Трубицкаю* (Чт. въ моск. общ. ист. и древн. рос., 1887 г., III, 18).

²⁾ Грамота Владислава IV отъ 3 марта 1633 г. позволила братству „школы наукъ вызволенихъ языковъ вшелякихъ мѣти, семинаріа и школы фундовати“ (Арх. сб., II, № 34), а грамота отъ 19 марта разъясняетъ, что подъ «вшелякими языками» надо разумѣть языки русскій, греческій, латинскій и польскій (Арх. уніат. митр., кн. I, № 20).

³⁾ Арх. сб., II, № 45. *Жудро*, 85. 86.

⁴⁾ *Жудро*, 87.

⁵⁾ *Голубевъ*, Исторія Кievской академіи, прилож., 75. 76.

⁶⁾ П. К. К., I, № 1. Правда, есть слѣды существованія братства въ Луцкѣ и до этого времени. Таково письмо виленскаго священника Гр. Ждановича къ нѣкоторымъ

братства, по сравненію съ виленскимъ, минскимъ, могилевскимъ, было то, что изъ 15-ти членовъ—учредителей (употребляя современный терминъ) 9-ть принадлежали къ духовенству бѣлому и черному; даже „кѣиторомъ“ его былъ іеромонахъ—игуменъ черницкаго монастыря Герасимъ Микуличъ ¹⁾.

Повидимому, лучшее братство сначала было только госпитальнымъ, но въ 1619 году (20 февр.) оно получило отъ короля право вновь выстроить сгорѣвшій госпиталь и основать церковь съ школою „для побожныхъ наукъ людей молодыхъ потребною“ ²⁾. Но школа была выстроена не сразу. По крайней мѣрѣ 1 сентября 1619 г. о ней идетъ рѣчь, какъ о дѣлѣ будущаго: въ листѣ, данномъ въ этотъ день волынскими дворянами лучшимъ мѣщанамъ, съ обязательствомъ защищать послѣднихъ, говорится, что для постройки церкви и госпиталя еще только выбрано мѣсто, и самая постройка ставится въ зависимость отъ „преможенья“ ихъ ³⁾. Не существовало еще училища и въ январѣ 1620 г.; протестъ лучкаго уніатскаго епископа и капитулы (14 и 24 января) противъ правъ, данныхъ братству королевемъ, не упоминаютъ о немъ ⁴⁾: очевидно его еще не было. Но въ этомъ же году, несмотря на то, что король, дѣйствительно, 26 авг. запретилъ лучшимъ ремесленникамъ строиться ⁵⁾, для школы былъ сооруженъ каменный домъ ⁶⁾, въ которомъ и началось ученье. Уже 21 июля 1621 года лучкій бурмистръ Сам. Вас. Солтанъ сдѣлалъ въ ея пользу пожертвованіе. Отказывая братству по духовному завѣщанію домъ и лавку съ товарами, онъ потребовалъ, чтобы послѣдніе были проданы и проценты съ вырученной суммы шли „на выховане слушное шпитальнымъ... такъ же нищимъ школьнымъ, на науку приходящимъ“ ⁷⁾. Подъ 1622 г. 15 сент. упоминается „дѣтя монастырскаго, сиротка въ десети летехъ в науцѣ будочее, меновите Филонъ Рий“ (сынъ священника), израненный ворвавшимся въ монастырь шляхтичемъ Раецкимъ ⁸⁾.

членамъ лучкаго братства въ 1603 г. (Арх. Ю.-З. Р., I, VI, № 130). Къ этому же времени (около 1600 г.) относятъ пожертвованіе лучкому братству женою Лавр. Древинскаго 3 т. злотыхъ (П. К. К., I, 184 стр.; Арх. Ю.-З. Р., I, IV, пред., стр. 30). Но не видно, чтобы это братство имѣло школу и чтобы основанное въ 1617 г. стояло въ генетической связи съ нимъ.

¹⁾ Герасимъ Микуличъ впервые является, какъ священноинокъ и духовникъ Гневша Семеновича Гулевища Дрозденскаго, который далъ ему въ 1613 г. поле въ с. Дроздиѣ съ правомъ основать здѣсь скитъ (Арх. Ю.-З. Р., I, VI, № 170).

²⁾ П. К. К., I, № 2 (id. Арх. Ю.-З. Р., I, VI, № 185).

³⁾ П. К. К., I, № 3

⁴⁾ Арх. Ю.-З. Р., I, VI, №№ 187. 188.

⁵⁾ *Перлиштейнъ*, Лучкъ и его окрестности (Врем. моск. общ. ист. и древн. рос., кн. IX (1851), смѣсь, 42. 43.

⁶⁾ П. К. К., I, стр. 115.

⁷⁾ Арх. Ю.-З. Р., I, VI, № 201.

⁸⁾ Арх. Ю.-З. Р., I, VI, № 206.

Въ первые же годы своего существованія лужская школа озаботилась получить подтвержденіе своихъ правъ и порядковъ у высшей духовной власти—у митр. Іова Борецкаго и патріарха константинопольскаго Кирилла Лукариса: о благословеніи перваго и „совѣтъ и повеленіи“ втораго говорится въ дошедшемъ до насъ спискѣ лужскаго „Порядка школьнаго“, который представляетъ собою копию львовскаго школьнаго порядка 1586 г. ¹⁾ Однако лужскіе братчики, несмотря на всю авторительность для нихъ послѣдняго, были далеки отъ мысли рабски слѣдовать ему: они въ 1624 г. составили и ввели въ употребленіе свой собственный уставъ—„Правъ школы Греко, Латинословенской Луцкой, Артикулы“ ²⁾. Внѣшнимъ поводомъ къ составленію устава послужила передача школы въ непосредственное завѣдываніе инокамъ братскаго монастыря, а внутреннія побужденія заключались въ стремленіи поднять ее на одинъ уровень съ мѣстной іезуитской коллегіей ³⁾.

Означенная передача состоялась въ Ооминъ понедѣльникъ 1624 г. и закрѣплена была особымъ документомъ: „Постановеніе порядное межѣ Брацтвомъ свѣцкимъ и духовными. сирѣчь, игуменомъ і иноками общаго житія Киновіатовъ“. Въ немъ опредѣляются права, обязанности и взаимныя отношенія обѣихъ половинъ лужскаго братства—свѣтской и духовной, представленной игуменомъ и иноками врестовоздвиженскаго мона-

---

¹⁾ П. К. К., I, № 10. Этотъ лужскій школьный порядокъ до буквальной почти схожъ съ львовскимъ Порядкомъ 1586 г. въ его русской редакціи. Разница только въ томъ, что пунктъ его, которымъ къ школѣ приставлены были два братчика, перенесенъ съ конца въ 1-й параграфъ, и имена патр. Іереміи и еп. Гедсона замѣнены именами м. Кирилла Лукариса и м. Іова Борецкаго. Когда именно лужскіе граждане получали изъ Львова школьный уставъ, а отъ Кирилла Лукариса и Іова Борецкаго его утвержденіе, неизвѣстно.

²⁾ П. К. К., I, № 9. Редакція Памятниковъ кievской комиссіи сочла эти «Артикулы» первымъ лужскимъ школьнымъ уставомъ на томъ основаніи, что въ томъ лужскомъ сборникѣ, откуда она извлекла ихъ, они помѣщены впереди «Порядка школьнаго» (стр. 93). Но естественнѣе предположить, что лужское братство первоначально воспользовалось уже готовымъ львовскимъ «Порядкомъ», а затѣмъ уже составило свой. За это говорить и содержаніе обонхъ. Первый, львовскій Порядокъ, есть уставъ школы греко-славянской, т. е. безпримѣснаго типа первоначальной братской школы, создавшейся подъ непосредственнымъ воздѣйствіемъ грековъ и старыхъ церковно-національныхъ преданій; второй есть уставъ училища, въ программу котораго включенъ и латинскій языкъ. Но никто не будетъ спорить, что и по отношенію къ лужской школѣ скорѣе нужно допустить расширеніе ея программы въ пользу латинскаго языка, какъ это было и въ другихъ братскихъ училищахъ, чѣмъ съуженіе ея исключеніемъ этого языка,—скорѣе прогрессъ, чѣмъ регрессъ, тѣмъ болѣе, что и дѣйствительно мы находимъ въ дальнѣйшей исторіи лужской школы указаніе на изученіе его (какъ и польскаго языка).

³⁾ На это, кромѣ латинскаго языка, указываютъ § 9 Артикуловъ, запрещающій носить въ школу оружіе и читать иновѣрческія и еретическія книги, §§ 11 и 12, рекомендующіе аккуратное хожденіе въ церковь и частую исповѣдь (Ср. соответствующіе §§ изъ *Rat. Stud. S. I. Reg. extern. audit.*). Возможно, что это же имѣлъ въ виду Головацкій, когда говорилъ, что «Артикулы» составлены, кажется, по образцу среднихъ училищъ, существовавшихъ тогда и въ Польшѣ и въ другихъ краяхъ запад. Россіи (см. пред. къ изданному имъ «Порядку школьному»).

стыря, который сдѣланъ былъ теперь общежительнымъ. Въ частности, по отношенію къ школѣ здѣсь указаны такія обязанности игумена: въ числѣ братіи онъ содержитъ и учителя, продовольствуя его, какъ и „старшого спѣвака (пѣвчаго)“, общимъ столомъ и отечески заботясь о нихъ, ибо они особенно сильно содѣйствуютъ красотѣ богослуженія. Вмѣстѣ съ братіей онъ избираетъ изъ своей среды ректора для ежедневнаго надзора за всѣми пѣвчими, за школой и поведеніемъ и занятіями какъ учащихся, такъ и даскала. Каждая четыре недѣли этотъ ректоръ долженъ производить экзамень, чтобы видѣть, чему мальчики научились, дабы напрасно не тратились молодые годы отданныхъ въ ученіе дѣтей, за которыхъ учителя должны будутъ дать отвѣтъ Богу. Должность ректора имѣетъ быть бесплатной. Что же касается содержанія учителя и бѣдныхъ учениковъ, то свѣтская половина братства брала это на себя ¹⁾.

Такимъ образомъ, школа переходила въ завѣдываніе—учебное и педагогическое—игумена съ иноками. Вѣроятно, новымъ начальствомъ ея и былъ составленъ ея новый уставъ ²⁾. Впрочемъ, это не значитъ, что старый Порядокъ былъ совершенно изъять изъ употребленія,—продолжалъ существовать и тотъ, такъ какъ каждый изъ нихъ обнималъ далеко не всѣ стороны училищной жизни: тогда какъ „Артикулы“ даютъ нѣсколько новыхъ правилъ относительно пріема воспитанниковъ и нѣсколько педагогическихъ требованій, не касаясь дидактической стороны дѣла, въ старомъ была затронута и она. Съ другой стороны, высшій контроль за педагогической дѣятельностью иноковъ и за успѣхами училища принадлежалъ все же братству въ цѣломъ его составѣ, какъ это можно видѣть изъ слѣдующаго случая. 14 сентября 1626 г. въ храмовой братскій праздникъ игумень Герасимъ Микуличъ просилъ братство объ увольненіи его по болѣзни отъ должности. Въ преемники ему былъ избранъ яблоченскій игумень іеромонахъ Митрофанъ (Дементіановичъ). Послѣдній находился здѣсь же и къ своему согласію на избраніе присоединилъ желаніе быть заодно проповѣдникомъ и ректоромъ. Братство приняло предложеніе и единогласно ассигновало ему сто польскихъ злотыхъ, съ уплатой ихъ въ два срока, и кромѣ того передавало ему всѣ тѣ доходы, которые шли до того „дьяку при монастыре мешкающему“, т. е. учителю. Братство обязывало новаго игумена, чтобы онъ „въ повинности своей казнодѣйской былъ полнымъ, школы самъ през себе, любо през своего намѣстника порадне справоваль, яко бы съ тое его услуги, и Панъ Богъ былъ похваленъ и брацтво (наше) сполне з тыми, кото-

¹⁾ П. К. К., I, № 8, стр. 61. 67. 68. Составъ монастырской братіи опредѣляется здѣсь такъ: духовникъ, проповѣдникъ, священникъ, діаконь, уставщикъ, экклезіархъ, эконокъ, палатный, два собирателя подааній, поваръ, послушникъ и даскаль. Замѣчательна дѣлаемая при этомъ оговорка: такихъ лицъ требуемъ для того, что такія лица бывають повсюду избираемы и поставляемы, не только въ городскихъ монастыряхъ, но и въ пустынныхъ общежительныхъ, и это не нововведеніе какое нибудь.

²⁾ За это говорятъ и его послѣдніе §§, которыми отношенія учениковъ къ нѣзъ религиознымъ обязанностямъ опредѣляются болѣе полно, чѣмъ въ львовскомъ Порядкѣ.

рые до того места свѣтого згромажаются, потѣху духовную, и науку отнесли“¹⁾).

Для сужденія о томъ, какое направленіе приняла въ луцкой школѣ учебная часть, обратимъ вниманіе на тѣ книги, какія оказались въ братствѣ около 1627 г. Здѣсь мы находимъ прежде всего множество нотъ, затѣмъ 4 славянскія грамматики, грамматики греческую и латинскую Доната, Нов. Завѣтъ греческій съ латинскимъ и одинъ латинскій, псалтирь латинскую, словарь латинскій, катихизисъ латинскій съ польскимъ, *Vita honesta* латин. съ польскимъ²⁾). Такимъ образомъ, оказывается, что въ луцкой школѣ изучались латинскій и польскій языки. Относительно послѣдняго есть еще свидѣтельство въ жалобѣ луцкаго братства на іезуитскихъ студентовъ, напавшихъ 8 окт. 1627 г. на братскую школу, избившихъ учениковъ и изорвавшихъ учебники до того, что на другой день возный нашель „и въ школе и предъ школою книгъ словенскихъ, рускихъ и польскихъ веле подертыхъ, пошарпанныхъ и въ нивечь (въ ничто) оберненныхъ“. Причина же этого нападенія заключалась въ зависти іезуитовъ, издавна глядѣвшихъ недоброжелательно на успѣхи братской школы и на братскую дѣятельность вообще, что и выражалось въ нанесеніи студентами различныхъ обидъ и побоевъ братскимъ ученикамъ, нападеніяхъ на госпиталь и т. п. Поводомъ же было желаніе іезуитовъ переманить къ себѣ одного братскаго воспитанника и пѣвчаго Ивана „дышкванъцисту (дисканта)“. Но когда убѣжденія и „намовы“ не помогли, власти коллегіи вооружили для взятія его и „другихъ при немъ выборвѣйшихъ спеваковъ з монастыря и з школы брацкое“ сначала нѣсколькихъ студентовъ, а потомъ и всю свою школу, человекъ до двухсотъ. Студентамъ поручено было захватить не только пѣвчихъ—учениковъ братскаго училища, но и „дозорцу albo учителя тое школы“, о. Елисея Илковскаго и прочихъ законниковъ монастыря. Вооруженные студенты напали на монастырь и школу во время вечерни, когда „старшій школы о. Елисей з иными свецкими“ (учителями?) находился въ церкви. Но, тѣмъ не менѣе, въ школѣ они нашли много учащихся дѣтей „пляхецкихъ и люду посполитого“ и избили ихъ нагайками, палками, учебниками; нѣкоторыхъ изранили до крови. Затѣмъ долго буйствовали въ самомъ монастырѣ. Черезъ нѣсколько дней тѣ же студенты напали на одного пѣвчаго, затащили въ свою бурсу и тамъ страшно избили, сдѣлавъ это „на одстрашенъе сусчихъ спиваковъ, слугъ церковныхъ“³⁾).

---

¹⁾ Рук. кн. Аван. Миславскаго, л. 58 об.—59. Въ 1629 г. мы видимъ о. Митрофана въ Вильнѣ въ качествѣ инока духовскаго монастыря (Арх. Ю.-З. Р., I, VI, № 241), а затѣмъ—его старшаго. Документы, напечатанные въ Архивѣ Ю.-З. Р., I, VI, подъ №№ 239. 302. 305. 306, показываютъ, что и послѣ въ луцкомъ братствѣ сохранились такія отношенія къ школѣ, что игумень завѣдывалъ ею и являлся ея представителемъ и ходатаемъ предъ властями, а свѣтскіе члены братства давали на нее средства.

²⁾ П. К. К., I, 252. 266. 267.

³⁾ Арх. Ю.-З. Р., I, VI, №№ 238. 239. Послѣ, около 1634 г., въ Луцкѣ страшно разгорѣлось такого же рода полемика: били іезуитскихъ студентовъ, и они опять разгромили братскій монастырь и школу (№№ 275. 276. 278).

Какія требованія создала въ обществѣ луцкая школа, можно видѣть изъ слѣдующаго случая. Въ числѣ волинскихъ дворянъ, обязавшихся въ 1619 г. охранять и защищать луцкое братство, находился Семень Гулевичъ Воютинскій ¹⁾. Вотъ онъ, основывая въ 1636 г. общежительной монастырь въ с. Бѣломъ Стоѣ, поставилъ монахамъ такое требованіе: они должны избрать изъ своей среды трехъ „искусныхъ“ инокъ, изъ которыхъ бы одинъ былъ „годнымъ казнодѣю и проповѣдачемъ слова Божого“, другой бы читалъ богословіе монахамъ, желающимъ учиться, а третій—училъ бы шляхетскихъ „и розное кандыции людей, по руску и по латыни, кграмматики, синтаксим и поетыи“ ²⁾...

Кіевскія школы — братская и лаврская.

До 1865 г. въ нашей исторической литературѣ господствовало убѣжденіе, что кіевская братская школа получила свое начало въ 1588—1589 г., когда явилось (будто бы) и само богоявленское братство; причѣмъ, нѣкоторые изслѣдователи полагали, что она была учреждена въ это время кіевскимъ воеводой кн. Острожскимъ ³⁾. Но въ настоящее время, послѣ критической провѣрки тѣхъ документальныхъ и историческихъ данныхъ, на которыхъ оно опиралось,—провѣрки, произведенной М. А. Максимовичемъ ⁴⁾, И. И. Малышевскимъ ⁵⁾ и, главнымъ образомъ, С. Т. Голубевымъ ⁶⁾,—установившееся было мнѣніе о началѣ кіевского братства и школы „не только поколеблено“, но и окончательно „подорвано въ корнѣ“. На его же мѣсто означенными изслѣдователями поставлено новое, вполне научно обоснованное, положеніе о появленіи кіевского богоявленскаго братства только въ 1615 г. И „доводы г. Голубева таковы, говоритъ рецензентъ его послѣдняго сочиненія, нанесшаго окончательный ударъ старой теоріи, А. И. Соболевскій,—доводы

¹⁾ П. К. К., I, № 3. Въ 1633 году онъ былъ однимъ изъ кандидатовъ въ чернышльскіе епископы и затѣмъ, дѣйствительно, занялъ эту кафедру (Арх. Ю.-З. Р., I, VI, №№ 270. 310).

²⁾ Арх. Ю.-З. Р., I, VI, № 237.

³⁾ М. Емель (Описаніе Кіево-софійскаго собора, прил. № 41), М. Макарій (Ист. Кіев. дух. акад., 1843), Аскоченскій (Кіевъ съ его древнѣйшимъ училищемъ-академіей, I, 57, 60; Аскоченскій думаетъ даже, что въ 1588 г. кіевская школа, основанная въ эпоху люблинской уніи, была преобразована въ высшую), Закревскій (Лѣтопись и описаніе г. Кіева—Чт. въ моск. общ. ист. и древн. рос., 1858, II, 29. 64) и мн. др.

⁴⁾ Записки о первыхъ временахъ Кіево-Богоявл. братства, 1865 (перепеч. въ Собр. соч., II, 173—176).

⁵⁾ Историч. записка о состояніи Кіев. дух. академіи (Тр. Кіев. дух. ак., 1869, IV).

⁶⁾ О первыхъ временахъ Кіево-богоявл. братства и школы при немъ (Тр. Кіев. дух. акад., 1882, III); Древнія и новія сказанія о началѣ Кіевской академіи (Кіев. ст. 1835, I); Исторія Кіев. дух. академіи, I, 1886, гл. I.

г. Голубева таковы, что противъ нихъ трудно спорить, и можно думать, что мнѣніе г. Голубева будетъ принято всѣми“¹⁾).

Тѣмъ не менѣе нѣкоторые ученые находятъ еще возможнымъ отстаивать старое мнѣніе. Такъ, проф. Лашкаревъ усиливается возвести начало училища къ 1589 г.²⁾ А г. Каманинъ, давній приверженецъ его, въ 1895 г. вновь выступилъ въ оборону его. Въ своей статьѣ: „Еще о древности братства и школы въ Кіевѣ“³⁾, онъ пытается возстановить силу ослабленныхъ проф. Голубевымъ аргументовъ въ пользу происхожденія братства въ XVI ст. Отказываясь, впрочемъ, отъ защиты учрежденія братства и школы патр. Іереміей въ 1588—1589 гг., онъ всѣ усилія направляетъ на то, чтобы утвердить значеніе купчей кievскаго землянина Андрея Обуха 1594 г., продавашаго „въ братскій монастырь“ дворъ въ Кіевѣ и сѣнокосъ. Но хотя г. Каманинъ увѣряетъ, что это ему удалось сдѣлать и что „документъ 1594 г. остается неподорваннымъ въ своемъ значеніи и по прежнему свидѣтельствуемъ о существованіи братства въ концѣ XVI в.“, мы стоимъ за болѣе позднее происхожденіе братства и относимъ его начало къ 1614—1615 гг., находя подтвержденіе своего мнѣнія въ томъ, между прочимъ, обстоятельствѣ, что въ нѣкоторыхъ свидѣтельствахъ о кievскомъ братствѣ, относящихся къ 1619—1624 гг., оно называется *новозаложеннымъ* и выдѣляется изъ ряда другихъ, ранѣе явившихся братствъ, чего не было бы при болѣе, чѣмъ четвертьвѣковомъ, существованіи его. Такъ, напр., 6 февр. 1618 г. м. Рутскій въ протестаціи противъ кievлянъ, утопившихъ Антонія Грековича, говорить, что кievское духовенство и мѣщане, издавна отличавшіеся неповиновеніемъ митрополю, теперь *недавно* устроили какое то братство въ Кіевѣ⁴⁾. Въ грамотѣ патр. Теофана 1620 г. 17 мая кievское братство называется *новодруженнымъ*⁵⁾. Въ донесеніи уніатскихъ епископовъ въ Римъ въ 1624 г. („Informatio“...) кievское братство называется новѣйшимъ, послѣднѣйшимъ (*confraternitates sunt multiplicatae per alienas minores civitates, et nunc ultimo Kijoviae*)⁶⁾. И если согласиться съ г. Каманинымъ, что выраженія „новодруженное“, „новозаложенное“ въ утвердительныхъ грамотахъ патріарховъ не должны быть понимаемы буквально, то свидѣтельства уніатскихъ писателей имѣютъ въ приложеніи къ кievскому братству полную силу, тѣмъ болѣе, что въ одномъ изъ нихъ прямо указывается время его учрежденія. Около 1619 г. м. Рутскій говорить о кievскомъ братствѣ, какъ основанномъ за три года до того⁷⁾. Наконецъ, неопровержимымъ образомъ за это говорить и „Упись кievскаго братства“,

¹⁾ Ж. М. Н. Пр., 1887, мартъ, Критика и библиографія, 38.

²⁾ По вопросу о началѣ Кiev. академіи (Кiev. стар., 1885, февр.).

³⁾ Чт. въ общ. Пестора лѣтописца, т. IX (1895 г.).

⁴⁾ „Teraz niedawno Bractwo iakiés w mieście Kijowie ufundowawszy... (Арх. ун. митр., № 412).

⁵⁾ Голубевъ, Исторія Кiev. академіи, прил., № 3.

⁶⁾ Harasiewicz, 257.

⁷⁾ „Na wielkiej przekazie uniy w Kijowie jest nowe Bractwo przedetrzema laty od schizmatykw zaczęte.... Проектъ уніат. митрополита о мѣрахъ къ введенію въ Кіевѣ

несомнѣнно первый документъ въ его исторіи. Онъ, правда, не датированъ, но время его составленія можетъ быть выведено изъ такихъ данныхъ: братство начинается „благословеніемъ и повеленіемъ“ свѣтѣйшаго патріарха Тимофея константинопольскаго (а онъ сдѣлался патріархомъ только въ 1612 г.)¹⁾,—это съ одной стороны, съ другой,—уже 4 янв. 1616 г. въ „Упись“ вписался Захарія Копыстенскій, по всему видно—не первый братчикъ и не членъ-учредитель²⁾.

Братство въ Кіевѣ является сравнительно позже, чѣмъ въ другихъ городахъ зап. Россіи. Кіевъ, выражаясь словами „Уписа“, „едва позднѣе когда возбудилъ отъ многого нерадѣнія и лѣности и мрачнаго суетія мирскаго“, и позже другихъ городовъ „прозрѣлъ къ свѣту благоразумія“. Но тѣмъ сильнѣе сознано было православными кіевлянами печальное положеніе церковныхъ и политическихъ дѣлъ и тѣмъ яснѣе выразилось это сознание въ учрежденіи братства, которое явилось, какъ средство къ „утѣшенію и утвержденію въ благочестіи Россійскому роду сыномъ восточнаго православія“ и къ отраженію иновѣрныхъ³⁾. Братство при такъ ясно поставленной цѣли избрало и исполнѣ подходящія средства и, прежде всего, „подаване наукъ учивыхъ и цвиченъ дѣтей народу христіанскаго отъколю хвала всемогущаго Бога на земли множитя, потѣха родичомъ изъ сыновъ наказанныхъ ростеть, речи посполитой оброна мощная и озбода предивная фундуется и цвѣтеть“ („Упись“). Потребность въ школѣ и именно „славяноросскаго, эллиногреческаго“, вызывалась у кіевлянъ и тѣмъ опасеніемъ, что православные, „отъ чуждаго источника приуще, смертоносна яда западнаго схизмы упившеся (и) ко мрачно-темнымъ римляномъ уклонятся“⁴⁾.

Не знаемъ, какъ случилось, что вновь устроенное братство въ скоромъ времени появляется уже на грунтахъ, подаренныхъ 14 окт. 1615 г. Елисаветой (Галшкой) Гулевичовной Лозкиной⁵⁾ православ-

уни—Вѣсти Ю.-З. Р., 1864, I, октябрь, 63. Этотъ документъ м. Макарій датируетъ «около 1620 г.»; проф. Голубевъ относитъ его ко времени «около 1618—1619 гг.» (Ист. Кіевской дух. акад., 14).

¹⁾ Μανουὴλ Γεωργίου, Πατριάρχικοι πίνακες, 548, 549.

²⁾ Голубевъ, Ист. Кіев. дух. акад., прилож., № 1. Соответствующія разъясненія самого г. Голубева въ текстѣ, стр. 27—42. До него этотъ «Упись» былъ напечатанъ въ Нам. К. К., II, № 2.

³⁾ Письмо членовъ кіев. братства къ думному дяку Ив. Грамматину 10 апрѣля 1625 г. (Арх. Ю.-З. Р., I, VI, № 221). Въ этомъ посланіи выразительнѣе, чѣмъ гдѣ либо, высказывается полемическій, такъ сказать, характеръ позднѣйшихъ западнорусскихъ братствъ: «братство нарицается, егда христіане православные, живущие посредѣ иновѣрныхъ, посредѣ Ляховъ, унѣатовъ и проклятыхъ еретиковъ и хотяще отъ нихъ отлучатися и съ ними ничтоже смѣсно имѣти, сами со собою любовию совокупляются, имена своя во едино списуютъ и братіями нарицаются, се же да твердѣе и скорѣе противовѣрныхъ отразити возмогутъ».

⁴⁾ Арх. Ю.-З. Р., I, VI, № 229.

⁵⁾ Что Галшка—Елисавета, а не Анна, какъ думали прежде (М. Макарій, Аскоченскій etc.), очевидно и само по себѣ и доказывается гг. Новицкимъ (Кіев. стар., 1885 г., XII, 732) и Голубевымъ (Ист. Кіев. акад., 120—122). Мужъ ея (второй)—мозырскій маршалокъ Стеф. Дозка: первымъ мужемъ ея былъ одинъ изъ трехъ сыновей Ип. Потѣя—Христофоръ (Голубевъ, 123—127, 136—138).

нымъ обывателямъ кievскаго, волинскаго и браславскаго воеводства съ тѣмъ, чтобы на нихъ были построены монастырь, странноприимница и школа ¹⁾. Возможно, что слияніе существовавшего до того братства съ проектированными Галшкою учрежденіями обуславливалось однородностью преслѣдуемыхъ ими цѣлей и тѣмъ, что первое не успѣло еще совершенно ни сформироваться, ни устроиться на своихъ грунтахъ ²⁾. Но, какъ ни кратковременно было существованіе братства до фундаціи Галшки, оно, очевидно, успѣло уже завести школу (хотя, быть можетъ, спеціального зданія для нея еще не приобрѣло), которую жертвователница и „вприводила“ на свой дворъ, вмѣстѣ съ нѣсколькими „духовными и свецкими“, во главѣ съ инокомъ Исаіей Копинскимъ. Такъ получила начало братская школа—первое въ Кіевѣ правильно организованное училище.

Говоря—„первое“, мы должны представить нѣкоторыя разъясненія и опровергнуть возраженія, что потребуетъ отъ насъ длиннаго отступленія.

Указываютъ на кievское письмо, „по красотѣ своихъ закругленныхъ буквъ не имѣющее себѣ подобнаго“ и разившееся уже въ половинѣ XVI в., какъ на доказательство существованія школъ въ Кіевѣ до начала XVII в. ³⁾. Можно согласиться, что „для поддержанія и сохраненія отличнаго характера кievскаго письма должно предположить существованіе въ Кіевѣ школъ“, но, кажется для этого вполне достаточно было элементарныхъ училищъ, воспитанники которыхъ непременно выходили съ умѣніемъ читать и писать. И, безъ сомнѣнія, такія школы существовали въ Кіевѣ при церквахъ, какъ онѣ существовали во Львовѣ, Брестѣ и въ другихъ городахъ ⁴⁾, служа къ „потребѣ церкви Божой“ и „къ пожитку“ занимавшихся обученіемъ священниковъ. Но въ обоихъ случаяхъ, когда выступаетъ предъ нами существованіе этихъ школъ (въ соборной грамотѣ 1594 г. и грамотѣ брестскаго епископа 1590 г.), онѣ оказываются только приходскими и съ очень ограниченнымъ числомъ учениковъ, причѣмъ оно сокращается грамотами даже до минимума (2—3 чел.),—по крайней мѣрѣ по отношенію къ Бресту и Львову. И этихъ школокъ, и аналогичныхъ съ ними кievскихъ ни въ какомъ случаѣ нельзя назвать правильно устроенными училищами, которыя могли стать въ уровень пробудившихся въ православномъ обществѣ умственныхъ потребностей.

Но не была ли такимъ училищемъ лаврская школа, которая по мнѣнію проф. Голубева существовала въ печерскомъ монастырѣ до фундаціи Галшки Гулевичовны и которая и была введена ею на пожертвованный ею плацъ? ⁵⁾. Всего естественнѣе было бы думать, что если гдѣ, то именно въ печерской лаврѣ, которая обладала огромными

¹⁾ Фундуш. запись—П. К. К., II, № 1. Голубевъ, о. с., прилож., № 2.

²⁾ Голубевъ, о. с., 152.

³⁾ И. Каманинъ, Кіев. стар., 1837, май, 178, 179. Чт. въ общ. Нест. лѣт., IX, 180.

⁴⁾ А. З. Р., IV, № 48. Арх. сб., XI, № 6.

⁵⁾ Петръ Могила, 280. 281. Ист. Кіев. дух. акад., 146. 147. Тр. Кіев. дух. акад., 1887, II, 133—140.

богатствами ¹⁾, преимущественно предъ другими монастырями заботились о церковномъ просвѣщеніи и въ частности о школѣ. Въ дѣйствительности же только съ начала XVII ст. здѣсь стало замѣтно умственное оживленіе,—съ того именно времени, когда настоятелемъ монастыря сдѣлался Елисей Плетенецкій. Г. Голубевъ, изображая дѣятельность его, направленную къ развитію просвѣщенія, указываетъ на слѣдующія явленія, вызванныя имъ къ жизни: 1) заведеніе въ лаврѣ типографіи (около 1616 г.) ²⁾; 2) устройство бумажной фабрики въ Радомыслѣ; 3) вызовъ въ лавру ученыхъ людей, а также лицъ, знакомыхъ съ типографскимъ искусствомъ; 4) изданіе книгъ; 5) образованіе института проповѣдниковъ... На основаніи знакомства съ этими сторонами просвѣдательной дѣятельности Плетенецкаго г. Голубевъ находитъ возможнымъ допустить, что онъ позаботился и о школахъ, а нѣкоторыя положительныя свидѣтельства позволяютъ ему категорически причислить и 6) устройство школы въ лаврѣ—къ числу заслугъ этого архимандрита. Данные эти находятся въ двухъ проповѣдяхъ Захаріи Копыстенскаго—при погребеніи Плетенецкаго и при его годичномъ поминовеніи. Въ первой изъ нихъ Копыстенскій говорилъ: „Науки намъ такъ познаны разныхъ діалектовъ явѣ и выразумѣнія письма жичиль (почившій) и о дида-скалы искусные старался“ („Казанье погребовое“, 1625 г.). Въ другой проповѣди Копыстенскій выражается: „Мы поминаемъ (въ настоящее время) ученыхъ людей прибѣжище, наукъ любящихъ промотора и школъ на разныхъ мѣстахъ зычливаго фундатора“ („Омилія“, 1626 г.) ³⁾. Мы, конечно, не станемъ утверждать, подобно А. И. Соболевскому, что первая часть свидѣтельства З. Копыстенскаго, заключающагося въ „Казаньи“, „имѣеть въ виду, кажется, заботы Плетенецкаго объ исправленіи. сочиненіи и изданіи книгъ“, а вторая говоритъ не объ учителяхъ въ узкомъ значеніи этого слова, а о проповѣдникахъ ⁴⁾: несостоятельность такого толкованія ясно видна изъ контекста рѣчи ⁵⁾. Но оба эти свидѣтельства, довольно рѣшительно говорящія въ пользу того, что Ел. Плетенецкій заботился и о наукахъ,—нельзя не согласиться съ проф. Соболевскимъ,—довольно неопредѣленны для того, чтобы утверждать, что онъ завелъ школу въ числѣ другихъ „разныхъ мѣсть“ и въ лаврѣ. Напротивъ, образъ выраженія Копыстенскаго таковъ, что заставляетъ думать, что въ лаврѣ-то школа и не была устроена: Плетенецкій только желалъ („жичиль“) лаврѣ наукъ и объ дида-скалахъ искусныхъ только старался, но не могъ осуществить своего желанія, тогда какъ „проповѣдниковъ слова Божого приспособлялъ, задерживалъ, выхване ихъ стану и повинности пристойне и довольно давалъ, и самъ любовне ихъ слушаючи, неохочимъ слушачомъ до чюлости (къ усердію) былъ поводомъ и прикладомъ (примѣромъ)“... Въ пользу существованія

¹⁾ Арх. Ю.-З. Р., I, I, № 91.

²⁾ О лаврской типографіи см. прим. къ IV гл. «Петра Могила», стр. 336 и слѣд. Что книгопечатаніе въ Кіевѣ не древнѣе 1616 г., это до г. Голубева доказывалъ еще Максимовичъ (Книжная старина южнорусская, 1850; Кіев. еп. вѣд., 1872, № 10).

³⁾ Петръ Могила, 276—281.

⁴⁾ Ж. М. Н. Пр., 1887 г., мартъ, 47.

⁵⁾ Тр. Кіев. дух. акад., 1887, II, 138—139.

школы въ лаврѣ не можетъ говорить и Часословъ 1617 г., напечатанный лаврой между прочимъ съ тою цѣлью, „да исполнится требованіе, еже во училищахъ въ православномъ градѣ Кіевѣ и въ прочіихъ“: такими училищами въ самомъ Кіевѣ были школы братская и первоначальная, церковно-приходскія. Во всякомъ случаѣ, требованіе исходило не изъ лаврской школы, которой, очевидно, и не было, ибо о ней не упоминаетъ и панегирикъ, поднесенный въ 1618 г. Ел. Плетенецкому ¹⁾. Что же до тѣхъ „училичныхъ“ книгъ, о которыхъ говорится въ „Казань“, какъ объ изданныхъ Плетенецкимъ, то З. Копыстенскій могъ разумѣть подъ ними и одинъ Часословъ.

Г. Голубевъ, отстаивая мысль о существованіи школы въ лаврѣ, указываетъ на то, что Ел. Плетенецкій еще въ первое десятилѣтіе своего архимандритства сдѣлалъ обѣщаніе устроить школу, причемъ ссылается на цитованную уже нами инструкцію волинскихъ дворянъ своимъ посламъ при отправленіи ихъ на варшавскій сеймъ (1608 г.), въ которой говорится, что митрополитъ, владыки и архимандритъ печерскій обѣщали фундовать для бѣдныхъ шляхетскихъ дѣтей школы ²⁾. Но изъ сопоставленія съ печерскимъ архимандритомъ митрополита можно вывести то, что это обѣщаніе дано было за много лѣтъ до того, когда еще митрополитъ русскій былъ православнымъ, именно на одномъ изъ брестскихъ соборовъ, когда наша іерархія обязалась, собираясь ежегодно, совѣтоваться между прочимъ и о школахъ и, конечно, заводить ихъ, если вн. Острожскій ставилъ ей въ укоръ неисполненіе этого обязательства ³⁾. Въ такомъ случаѣ подъ печерскимъ архимандритомъ нужно разумѣть Мелетія Хрептовича, владимирскаго и брестскаго епископа. Но не видно, чтобы Хрептовичъ завелъ въ лаврѣ училище. И Елисей Плетенецкій не сразу по своемъ вступленіи на должность печерскаго архимандрита развилъ свою просвѣтительную дѣятельность: тѣ ученые мужи, которыхъ вызвалъ онъ сюда, являются здѣсь не ранѣе 1614—1616 г. ⁴⁾ и притомъ, кажется, заняты исключительно писательской и издательской дѣятельностью. Правда, г. Голубевъ указываетъ на нѣсколько лицъ, которыя могли быть учителями въ лаврской школѣ. Таковы: Лавр. Зизаній, Лавр. Дорошеевичъ, которые назывались дидаскалами, и Александръ Митура, бывший прежде учителемъ въ Львовѣ ⁵⁾. Но кто поручится, что ихъ учительская дѣятельность не закончилась во Львовѣ или что свидѣтельства объ ихъ учительствѣ въ Кіевѣ не могутъ быть относимы къ ихъ занятіямъ въ братской школѣ?

Такимъ образомъ, въ лаврѣ и вообще не существовало школы (до Петра Могилы) и не она и не какая-либо другая школа была введена Галшкой Гулевичевой на подаренный ея плацъ, а братская.

Братское училище, если не сейчасъ по водвореніи на грунтѣ Галшки, то очень скоро было поручено воскресенскому священнику

¹⁾ «Вѣрунокъ цнотъ»—Ж. М. Н. Пр., 1887, мартъ, 46.

²⁾ Тр. Кіев. дух. акад., 1837, II. 140.

³⁾ А. З. IV, Р., № 25. 63.

⁴⁾ Петръ Могила, 273, прим. 62.

⁵⁾ *ibid.*, 281.

Іоанну Борецкому, бывшему ректору львовской школы, челоуѣку и „въ свободныхъ наукахъ високо образованному“, и „у письмѣ словенскомъ, и кгрепцомъ и латинскомъ ученому“¹⁾. Онъ недолго оставался въ этой должности, такъ какъ въ концѣ 1618 г. получилъ игуменство въ михайловскомъ златоверхомъ монастырѣ²⁾. Тѣмъ не менѣ при немъ и школа должна была високо стать, и самое братство широко развить свою дѣятельность. Насколько послѣдняя была плодотворна для православія, видно изъ того, что около 1619 г. митр. Рутскій отчаявался за судьбу уни въ кievскихъ земляхъ, если братство не будетъ уничтожено³⁾. Между тѣмъ успѣхи и братства и школы должны были еще болѣе подняться съ 1620 г., когда они получили утверждение и помощь отъ патріарховъ Теофана и Кирилла и когда ректоромъ школы сдѣлался Кассіанъ Сакновичъ.

Іерусалимскій патр. Теофанъ, прибывшій въ мартѣ 1620 г. въ Кіевъ, проявилъ здѣсь большую заботливость вообще о поднятїи церковной жизни православнаго западнорусскаго народа и, въ частности, обратилъ вниманіе на развитіе просвѣщенія въ духѣ православной церкви. Онъ убѣждалъ всѣхъ западноруссовъ заводить греко-славянскія училища⁴⁾ и охотно утверждалъ уставы братствъ съ просвѣтительными задачами. Кіевское братство, прїютившее его, выхлопотавъ у него привилегію на учрежденіе ставропигии, вмѣстѣ съ тѣмъ получило подтвержденіе и своей „школы наукъ едлинословенскаго и латино-польскаго письма“, которую оно завело къ „цвѣченю побожнаго живота, (въ) подаваню наукъ належныхъ, гдѣ визнанія вѣры непорushно и догматъ св. вселенскими седми соборами церкви восточной уставленныхъ, неотмѣне хотащимся учити, а звлаща младенческому уму наука чрезъ учителей тоежъ церкви шире показывана и вливана быти маеть“⁵⁾. Одновременно съ этимъ кievской школѣ оказалъ большое одолженіе другой восточный патріархъ—Кириллъ александрійскій. Онъ 3 іюня 1620 г. отправилъ на Бѣлую Русь своего ученаго іеромонаха Іосифа съ тѣмъ, чтобы онъ „братію нашу вѣры христіанскія поучалъ, дабы отъ нея не отставали, и грамоту преподавалъ, чтобы наша братія пребывала въ добрѣ и утверждалась вѣра христіанская, и врагъ бы ихъ не искусилъ отъ истинной христіанской вѣры въ лютерскую“. Главнымъ образомъ К. Лукарьскій имѣлъ въ виду религиозное положеніе тѣхъ, среди которыхъ находился честной киръ-Гавріилъ, которому поручено переводить толкованіе Іоанна Златоуста на Библию. А такъ какъ здѣсь разумѣется, по всей вѣроятности, извѣстный патріарху Гавріилъ Дорошеевичъ, который, дѣйствительно, за-

¹⁾ Октояхъ, 1615, Дерманъ, пред.; Патріархъ Сил. Коссова, 1635, 180; Кіевская лѣтопись (Сборникъ лѣтописей, относящихся къ исторіи Юго-зап. Руси, 1888), стр. 86.

²⁾ Пред. къ Анеологіону, 1619; *Голубевъ*, Ист. Кіев. акад., 213. 214; Тр. Кіев. дух. акад., 1887, II, 152.

³⁾ Вѣстн. Ю.-З. и З. Р., 1864/5, т. I, октябрь, стр. 68.

⁴⁾ Петръ Могила, прилож., № 37.

⁵⁾ 26 мая 1620 г. *Голубевъ*, Ист. Кіев. дух. акад., прилож., № 4 (id. П. Б. К., II, № 4 Но здѣсь въ текстѣ грамоты опущено слово «польскаго». См. Ист. Кіев. дух. акад., прилож., стр. 14. 15).

нимался въ Кіевѣ переводомъ Бесѣдъ Златоустаго, то отсюда и открывается, что К. Луварисъ направилъ Іосифа прежде всего въ Кіевъ, съ которымъ Іосифъ предъ тѣмъ познакомился, собирая тамъ милостыню. Но, впрочемъ, преподаваніемъ наукъ онъ занимался не только въ Кіевѣ, но и въ Галичѣ и Львовѣ. Послѣ почти двухъ лѣтъ педагогическаго труда Іосифъ за невозможностью—по причинѣ войны съ Турціей—пробратъ къ александрійскому патріарху, протосингеломъ котораго онъ былъ, въ началѣ 1622 г. отправился съ проѣзжавшимъ чрезъ Кіевъ сербскимъ епископомъ Антоніемъ въ Москву, съ тѣмъ, чтобы „видѣть государевы очи и побить челомъ о милостынѣ“, гдѣ и пробылъ до февраля 1623 г. На возвратномъ пути Іосифъ остался въ Кіевѣ, гдѣ принималъ участіе въ переводѣ съ греческаго на славянскій нѣкоторыхъ книгъ. Въ 1632 г. онъ опять прибылъ въ Москву и здѣсь царь съ патріархомъ особой грамотой поручили ему „переводити греческіе книги на славянскій языкъ и учить на учительномъ дворѣ малыхъ ребятъ греческаго языка и грамотѣ“. Черезъ два года онъ здѣсь скончался ¹⁾.

Съ именемъ патр. Теофана у прежнихъ историковъ кіевской школы связывается представленіе о самыхъ тяжелыхъ временахъ ея: враги-де православія, возбужденные дѣйствіями Теофана и казацкимъ движеніемъ, разгромили богоявленскій монастырь и школу, которая нашла особенно ярыхъ недруговъ въ лицѣ іезуитовъ, поселившихся въ Кіевѣ на мѣстѣ нынѣшней семинаріи. На защиту святынь и училища въ 1622 г. поднялся, рассказываютъ эти историки, гетманъ Сагайдачный, возстановившій школу и пожертвовавшій на нее свое имущество. Катастрофа, постигшая братство и школу, была такъ сильна, что Сагайдачнаго называютъ даже „основателемъ братскаго монастыря и школъ кіевскихъ“ ²⁾. Но все это, какъ доказалъ тотъ же проф. Голубевъ, едва ли достовѣрно: извѣстія о раззореніи врагами православія школы и монастыря и не подтверждаются другими современными свидѣтельствами, и находятся въ противорѣчьи съ фактами, показывающими, что братство продолжало попрежнему и существовать и развиваться, и что, если кто терпѣлъ въ это время въ Кіевѣ, то не православные, а уніаты ³⁾.

¹⁾ Сношенія Россіи съ Востокомъ по дѣламъ церковнымъ, II, 5—7, 142. 143. Предъ къ Бесѣдамъ Златоуста на Дѣянія апостольскія, 1624. Послѣсловіе къ «Аввы Дорофея поученіямъ душеполезнымъ», Кіевъ, 1618. М. Макарій, XI, 71—73.

²⁾ Последнее утверженіе нашло мѣсто во многихъ лѣтописяхъ малорусскихъ, каковы: Лѣтопись Грabanки (изд. 1854, стр. 27); «Краткое лѣтоизобразительное и памяти достойныхъ дѣйствъ и случаевъ описаніе»; «Имянная перепись малороссійскихъ гетмановъ» (Южно-русскія лѣтописи, открытыя и изданныя Вѣлорусскимъ, I (1856), 57. 132). Тоже—въ «Спискахъ игуменовъ кіевско-братскаго монастыря», составленныхъ при ректорѣ кіевской академіи Самуилѣ Миславскомъ (Тр. Кіев. духов. акад., 1895, дек.: Н. Петровъ, «Кіевская академія во второй половинѣ XVII в.», прилож. II, стр. 590). См. также Рубанъ, Краткая лѣтопись Малой Россіи, Спб., 1777, 12; Историч. извѣстіе о кіевской академіи (Др. Росс. Вивліюника, изд. II, ч. XVI (1791), 284; *Амеросій іером.*, Ист. Рос. іерархіи, I, 473; *Гр. М. Толстой*, Разказы изъ исторіи Рус. церкви, V (1879), 34; *Іером. Макарій*, Ист. Кіев. акад., 20; *Аскоченскій*, о. с., I, 90. 91.

³⁾ Ист. Кіев. дух. акад., 165—167.

Православные чувствовали себя тогда такъ хорошо и увѣренно, что сама иезуитская коллегія, какъ мы видѣли, должна была перейти на время въ Фастовъ. И что достовѣрно въ этихъ извѣстіяхъ, такъ это только участіе Конашевича-Сагайдачнаго въ судьбахъ братской школы, которое выразилось, кажется, только въ томъ, что гетманъ, будучи самъ человѣкомъ „въ науцѣ письменной отъ иныхъ непослѣднимъ“, записался въ братство со всѣмъ запорожскимъ войскомъ съ цѣлью поддерживать въ немъ школьное ученіе и, умирая, завѣщавъ въ пользу братства свое имѣніе и нѣкую сумму денегъ²⁾. Онъ скончался 10 апрѣля 1622 г., и по смерти удостоенъ былъ со стороны братства и школы довольно значительныхъ почестей. Онъ не только былъ погребенъ при братской церкви, но при его похоронахъ „спудей“ училища говорили „вѣршѣ“, сочиненныя ректоромъ его, инокомъ Кассіаномъ Саковичемъ. 20 учениковъ восхваляли въ силлабическихъ стихахъ всѣ подвиги почившаго гетмана, его любовь къ родинѣ, къ церкви, къ королю, его семейныя добродѣтели и пр.³⁾

Это стихотвореніе говорить уже противъ мысли о разрушеніи школы послѣ п. Теофана: едва ли въ полтора-два года она могла такъ подняться и зацвѣсти, чтобы вновь собрано было такое большое число учениковъ (безъ сомнѣнія, говорили стихи только лучшіе ученики и ихъ оказалось не меньше двадцати) и чтобы они научились если не писать стихи, то по крайней мѣрѣ съ толкомъ декламировать ихъ. Противъ этого же говорить и ректорство Кассіана Саковича, продолжавшееся, по его собственнымъ словамъ, около четырехъ лѣтъ, т. е. съ 1620 по 1624 г.⁴⁾, и, повидимому, не прерывавшееся никакими препятствіями, потрясеніями и разрушеніемъ кievской школы.

Саковичъ былъ воспитанникъ замостской академіи, и это обстоятельство, вѣроятно, отразилось на внутренней жизни братскаго училища, усиливъ въ немъ латинскій языкъ⁵⁾ и прививъ любовь къ панегири-

²⁾ *Голубевъ*, Ист. Кіев. акад., прилож., 33. Лѣтопись событій въ Ю.-З. Россіи въ XVII в. *Самоила Величка*. Кіевъ, 1848, т. I, прилож., стр. 50. Ср. «Имянную переписку малороссійскихъ гетмановъ», гдѣ сказано, что онъ «отдалъ по смерти своей имѣніе на училище» (Южно-рус. лѣтописи, открытыя и изданныя Бѣлорусскимъ, I (1856), 57. 132). Въ *Виршахъ Саковича* о Сагайдачномъ говорится, что онъ «тисичій килка офѣрвавъ (на братскій монастырь) а жебы тамъ науки фундовано жадалъ». — Запорожскіе казаки, отправляя въ 1623 г. пословъ на варшавскій сеймъ, наказывали имъ между прочимъ просить о привилегіи для братства при церкви пресв. Богородицы и для школы разныхъ языковъ (п. 13 инструкціи посламъ. Рус. Имт. публ. библ., F, IV, № 174. Указаніемъ на эту инструкцію мы обязаны проф. *И. Н. Жуковичу*). Что здѣсь нужно разумѣть богоявленское братство, а не какое другое, — см. *С. Т. Голубева*, Ист. Кіев. акад., 151.

³⁾ Стихи эти, съ присоединеніемъ двухъ образцовыхъ рѣчей для произнесенія при погребеніи знатнаго человѣка, были напечатаны въ томъ же 1622 г. Перепечатаны г. Голубевымъ въ прилож. къ Ист. Кіев. дух. акад. (№ 6). Изъ подписей подъ стихами видно, что въ школѣ учились, между прочимъ, дѣти кievскихъ бурмистра, протопопа..

⁴⁾ «Ліцеосъ» съ собственноручными замѣтками К. Саковича, — Арх. Ю.-З. Р., I, IX, стр. 37 (замѣч. 2) и 326. *Голубевъ*, Ист. Кіев. акад., 215.

⁵⁾ Латинскій языкъ преподавался здѣсь и прежде. Сильвестръ Коссовъ говоритъ въ своемъ *Ехеgeisіs* о томъ, что прежніе ректоры братской школы — *Мелетій Смотричскій*, *Кассіанъ* и другіе учили по латини безъ перерыва (*sine interruptione*) до послѣдняго времени (*Голубевъ*, Ист. Кіев. акад., прилож., 83).

камъ, эпиталямямъ, рѣчамъ, придавъ при томъ всему этому черты польско-латинской поэтики и риторики.

Хорошо это было или худо, во всякомъ случаѣ оно свидѣтельствоvalo объ успѣхахъ школы, достигнутыхъ при Кассіанѣ. Правда, этому какъ будто противорѣчить письмо митр. Іова Борецкаго къ литовскому гетману Хр. Радивиллу, въ отвѣтъ на его просьбу прислать учителя для слудкой школы. Митрополитъ писалъ ему (24 авг. 1624 г.): „рѣдко встрѣчается въ мірѣ фениесь, рѣдко драгоценный камень между камнями и золото въ рудѣ, но еще рѣже можно встрѣтить среди насъ человѣка ученаго и разсудительнаго (z nauką y trzeźwością)“¹⁾. Но и не давая мѣста предположенію, что митрополитъ просто хотѣлъ такимъ образомъ мотивировать свой отказъ послать учителя въ Слуцкъ, вызываемый опасеніями за православныя убѣжденія его,—этотъ песимическій отзывъ Борецкаго о кievскихъ ученыхъ (которые были все-таки) —можно объяснить тѣмъ, что митрополитъ въ то время находился въ не совсѣмъ дружелюбныхъ отношеніяхъ къ братству, на что онъ самъ намекаетъ, говоря, что для своихъ судныхъ дѣлъ (sądowych spraw) онъ долженъ держать подрастаа, потому что никого не можетъ имѣть „od narodu uszonych“.

Изъ дальнѣйшей жизни кievской школы до 1630 г. знаемъ только то, что она существовала и что братство заботилось о ней. Такъ, оно въ 1626 г. обращалось къ царю Михаилу Ѳеодоровичу съ просьбой о помощи ей²⁾. И если въ 1629 г. оно, прося короля объ утвержденіи грамоты Галшки Гулевичевны, говоритъ только о церкви и госпиталѣ, не упоминая о школѣ, то, быть можетъ, это потому, что оно не надѣялось получить подтвержденіе послѣдней³⁾. Въ послѣдніе годы нашего періода кievское училище дѣлилось на четыре класса, изъ которыхъ въ „русскомъ классѣ“ (ruska szkoła) преподавалъ уставщикъ Ѳеодоръ Москвитянинъ, въ инфимѣ Яковъ Мемлевичъ (впослѣдствіи переяславскій протопопъ), въ грамматикѣ Савва Андреевичъ изъ Могилева, въ синаксимѣ—Василій Березецкій, сынъ кievскаго протопопа, послѣ сдѣлавшійся извѣстнымъ юристомъ въ коронномъ трибуналѣ. Ректоромъ его былъ Ѳома Іевлевичъ. Все это были люди свѣтскіе, благородные, почтенные (swięccy, zasni, godni)⁴⁾. Изъ событій внѣшней жизни братской школы въ концѣ царствованія Сигизмунда III должно отмѣтить моровое повѣтріе, посѣтившее осенью 1630 г. Кіевъ и заставившее братство распустить учениковъ. Ректоръ съ учителями удалился за три мили отъ города въ имѣнье Юрьевку, принадлежавшее михайловскому монастырю. Очевидно, эту услугу оказалъ имъ митр. Іовъ, который и самъ

¹⁾ Арх. сб., VII, № 55.

²⁾ Арх. Ю.-З. Р., I, VI, № 229.

³⁾ П. К. К., II, № 6. Въ королевскомъ привилеѣ, дѣйствительно, о школѣ не упоминается.

⁴⁾ Свидѣтельство Игнатія Іевлевича въ его автобиографической запискѣ относится къ 1630—1632 гг. (Голубевъ, Ист. Кіев. акад., прил., 75). Проф. Голубевъ опредѣляетъ ректорство Ѳомы Іевлевича 1628—1632 г., считая его преемникомъ Мелетія Смотрицкаго, ректорство котораго относить къ 1626—1628 гг., хотя правдоподобнѣе мнѣніе А. И. Соболевскаго, приурочивающаго послѣднее къ 1618—1619 г. (Ист. Кіев. акад., 218. 219; Тр. Кіев. дух. акад., 1887, II, 156—165; Ж. М. Н. Пр., 1887, мартъ, 49).

тамъ жилъ. Возвратились въ городъ въ концѣ декабря, хотя эпидемія еще не прекратилась, и 2 янв. 1631 г. вновь началось учение ¹⁾).

Кіевская богоявленская школа съ своимъ первоначальнымъ характеромъ, съ типомъ братскихъ школъ, существовала только до конца 1631^{1/2}, учебнаго года. Съ началомъ 1632^{2/2}, уч. года она соединена была съ лаврскимъ училищемъ, составивъ вмѣстѣ съ нимъ славную могилянскую коллегию, послѣ—академію. Такъ какъ основаніе лаврской школы совершилось еще до окончанія изслѣдуемаго нами періода и такъ какъ она имѣла самое близкое отношеніе къ богоявленской школѣ и во всѣмъ другимъ братскимъ училищамъ, характеризуя общее состояніе послѣднихъ въ началѣ XVII в. и являясь слѣдующей фазой ихъ развитія,— то мы скажемъ здѣсь нѣсколько словъ и о ней.

Мы видѣли, какъ увеличилось число православныхъ школъ въ послѣдніе полвѣка и какой огромный шагъ впередъ сдѣлали онѣ, по сравненію съ старыми приходскими училищами. Во многихъ изъ нихъ наша педагогика стала въ непосредственныя отношенія съ западноевропейской, и наука наша оживилась, благодаря тому, что къ старымъ источникамъ знанія присоединились новые. При всемъ томъ были поводы къ недовольству ими. Во первыхъ, тѣ предметы, которые характеризовали школу греко-славянскую, все еще продолжали изучаться по старымъ учебникамъ и со старыми дидактическими приѣмами. Съ другой стороны, сближеніе съ латино польской наукой едва-ли было полнымъ, едва-ли простиралось во многихъ школахъ далѣе изученія грамматики польскаго и латинскаго языковъ, преподаваніе которыхъ, какъ и другихъ наукъ, шло на славянскомъ или греческомъ языкахъ. Наконецъ, слабую сторону нашихъ училищъ составлялъ преподавательскій персоналъ. Нигдѣ онъ не носилъ такого разнообразнаго и случайнаго характера, какъ у насъ. Здѣсь мы встрѣчаемъ и представителей старой русской педагогій—дьяковъ школьныхъ, и грековъ, и московскихъ выходцевъ, и учениковъ іезуитскихъ школъ, и протестантскихъ ученыхъ, и студентовъ замостской академіи и, вѣроятно, краковской. Объ единствѣ направленія здѣсь не могло быть и рѣчи. Его не могло установить даже то обстоятельство, что учителя и даже студенты лучшихъ изъ братскихъ училищъ преподавали въ менѣе видныхъ изъ нихъ ²⁾).

¹⁾ Голубевъ, Ист. Кіев. акад., прилож., 76. По свидѣтельству Тарасія Земки, повѣтріе свирѣпствовало въ Кіевѣ съ 1 авг. 1630 г. по апрѣль 1631 г. (Тріодіонъ сместъ: трипѣнець, 1631 г., «Предъсловіе въ книгу»).

²⁾ Разсказъ Игнатія Іевлевича о томъ, какъ онъ учился, даетъ видѣть и то, какъ сильно стремились у насъ изучить латинскій языкъ и какъ нелегко было это сдѣлать. Начатки латыни преподавалъ ему въ Могилевѣ одинъ братскій учитель (Стрѣлецкій). Затѣмъ Іевлевичу пришлось переѣхать въ Кіевъ и здѣсь онъ такъ успѣлъ въ изученіи этого языка, что... чрезъ два года былъ переведенъ на грамматику (очевидно, онъ одинъ годъ былъ въ русскомъ классѣ, а годъ въ инфимѣ). По возвращеніи въ Могилевъ (1632 г.) онъ у какого то Симеона въ Буйничахъ *wprawował grękę* (т. е. учился писать—по латыни, вѣроятно), затѣмъ опять изучалъ латынь у Стрѣleckаго, потомъ въ фарной (соборной) католической школѣ у Самуила Литвина, который и школу содержалъ и былъ педагогомъ у пановъ Байковскихъ, затѣмъ опять въ братскомъ учи-

А давленіе со стороны латино-уніатовъ подрывало часто и то значеніе нашихъ школъ, какое еще заключалось въ нихъ самихъ ¹⁾. Въ частности и кіевское училище подъ конецъ изслѣдуемаго нами періода времени начало приходиться въ упадокъ ²⁾.

Эти недостатки яснѣе, чѣмъ кому либо, стали видны Петру Могила, который былъ знакомъ и съ братской наукой (онъ или самъ учился во Львовѣ, или съ нимъ занимались на его родинѣ, въ Молдово-Валахіи, львовскіе братскіе учителя), и съ западно-европейской, такъ какъ онъ, кажется, закончилъ свое образованіе въ европейскихъ университетахъ ³⁾. Съ другой стороны, ему, какъ челоуѣку новому въ Россіи, сразу могли броситься въ глаза и „неумѣтность духовныхъ и не двиченіе молодежи“, которыхъ не могли еще разсѣять усилія братскихъ школъ. Вотъ онъ то и поставилъ своею задачею вывести западно-русское просвѣщеніе на новый путь, дать народу высшее богословско-научное образованіе, а нашимъ школамъ—учителей, изучившихъ высшія философско-богословскія науки у себя дома, а не въ Замостьѣ, Вильнѣ, Краковѣ и въ заграничныхъ академіяхъ, однимъ словомъ,—учредить въ Россіи высшее училище, въ которомъ западная наука была бы цѣликомъ пересажена на православную почву, но въ которомъ молодежь попрежнему бы воспитывалась „въ шеляхой побожности, въ обычаяхъ добрыхъ“ ⁴⁾.

Благопріятное условіе для того представляло вступленіе Петра Могила въ ряды высшей русской церковной іерархіи. Уже по своему избраніи въ архимандриты печерской лавры (6 сент. 1627 г.) Петръ Могила далъ себѣ обѣщаніе позаботиться о поднятій нашего образованія и, вѣроятно, тотчасъ же приступилъ къ исполненію его ⁵⁾. Онъ, по свидѣтельству архимандрита Гавриила Домецкаго, „пославъ отъ всея капитулы кіевскія въ Царьградъ къ св. патріарху, испроси отъ него бла-

лицъ у новаго преподавателя Саввы Андреевича и у кіевского студента Коссовича. «Отъ всего этого только и было пользы, рассказываетъ Іевлевичъ, что я не забылъ того, чему научился въ Кіевѣ». Затѣмъ онъ состоялъ при дворѣ Богдана Стеткевича, гдѣ вмѣстѣ съ его сыномъ занимался у педагоговъ Хаціентовскаго и потомъ—Сokolовскаго. Затѣмъ, противъ воли отца, не желавшаго содержать его въ Кіевѣ, бѣжалъ туда въ 1636 г. и скоро былъ переведенъ въ синтаксиму. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ его опять взялъ въ свое семейство Б. Стеткевичъ въ товарищи по ученію къ сыну. Переведенный въ слѣдующій классъ, Іевлевичъ ушелъ отъ Стеткевича къ племяннику Исая Трофимовича, но затѣмъ сталъ опять учиться съ сыномъ Стеткевича. Продолжая потомъ учебныя занятія въ коллегіи кіевской, Іевлевичъ лѣтомъ уѣзжалъ на кондичіи въ различные дома. Оканчивалъ свое образованіе въ Замостьѣ и въ другихъ городахъ и, наконецъ, въ Кіевѣ (*Голубевъ*, Ист. Кіев. акад., прилож., 75—78).

¹⁾ Объ этомъ упадкѣ свидѣлствуютъ К. Саковичъ («Desiderosus», 1625, пред. къ правосл. читателю), Мелетій Смотрицкій (Рагаensis, 32; Exethesis, 100—101).

²⁾ Въ предисловіи къ Анеологіону (1636) м. Петръ Могила говоритъ, что онъ обновилъ гимназію, т. е. школы въ Кіевѣ, отчасти бывшія уже въ упадкѣ и опустѣлыя.

³⁾ Петръ Могила, I, 18. 19. Bibliographie Hellénique s. XVII, t. IV. Notices biographiques, p. 106.

⁴⁾ П. К. К., II, №. 7, 12.

⁵⁾ Духовное завѣщаніе Петра Могила—П. К. К., II, стр. 151. 152.

гословеніе завести школы въ Кіевѣ латинскихъ и польскихъ училищъ, и прежде избравъ монаховъ угодныхъ, разослалъ (ихъ) въ разныя государства ради наукъ; между которыми былъ покойный Иннокентій Гизель¹⁾. Позднѣйшіе историки (м. Евгеній, преосв. Макарій—въ Исторіи кіевской академіи, Аскоченскій, Костомаровъ и др.), дополняя свидѣтельство Домецкаго, указываютъ имена еще нѣсколькихъ лицъ, которыхъ Могила будто-бы послалъ въ концѣ 20-хъ годовъ за границу для обученія „словеснымъ и высшимъ наукамъ“:—Сильвестра Коссова, Тарасія Земки, Исаи Трофимовича Козловскаго, Софронія Почаскаго, Игнатія Оксеновича—Старушича. Но проф. Голубевъ еще въ 1883 г. доказалъ, что почти всѣ эти лица задолго до появленія Петра Могилы въ печерской лаврѣ были извѣстны, какъ люди, уже вступившіе въ жизнь, и что изъ всѣхъ ихъ только относительно Почаскаго можно предполагать, что онъ былъ отправленъ Петромъ Могилой за границу. При всемъ томъ „самый фактъ посланки Могилой способныхъ людей въ иностранныя училища для довершенія образованія не подлежитъ сомнѣнію“²⁾, тѣмъ болѣе, что контингентъ профессоровъ могилянскои коллегіи и находившейся въ ея вѣдѣніи винницкой, по позднѣйшему (1635 г.) свидѣтельству Сильвестра Коссова, дѣйствительно, состоялъ изъ лицъ, „учившихся въ академіяхъ латинскихъ въ Польшѣ, Литвѣ и Вѣнѣ (цезарской)“³⁾.

Когда именно Петръ Могила началъ устраивать школу въ лаврѣ, достовѣрно неизвѣстно, но, очевидно, уже до 1 марта 1631 г. имъ было высказано это намѣреніе, если м. Іовъ въ духовномъ завѣщаніи, датированномъ этимъ числомъ, „подъ неблагословеніемъ приказывалъ, абы школы въ братствѣ киевскомъ для цвиченя дѣтокъ хрестіанскихъ, а не гдѣ индей фундованы были“⁴⁾. Борецкій, очевидно, боялся соперничества новой школы и именно лаврской, хотя не упоминаетъ ни о ней, ни о Петрѣ Морилѣ, какъ ея инициаторѣ. Но послѣдній шелъ неуловно къ исполненію даннаго имъ себѣ обѣщанія. Находясь во Львовѣ, по случаю освященія успенской братской церкви, строившейся въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, Петръ Могила нашелъ тамъ двухъ прекрасныхъ

¹⁾ Письмо къ новгородскому м-ту Іову, въ концѣ XVII ст. (Приб. къ Твор. св. отецъ, 1846, 37).

²⁾ Голубевъ, Петръ Могила, I, 424—427; Ист. Кіев. акад., 225. 226. Мы не можемъ согласиться съ тѣмъ мнѣніемъ г. Голубева, что эпитетъ «Mohilowianin», прилагаемый къ Саввѣ Андреевичу и учителю коллегіи о. Рафаилу Заецкому Іевлевичемъ, указываетъ на то, что они были стипендіатами Петра Могилы (Ист. Кіев. акад., 226. 227; прил., стр. 75. 77) Едва-ли «Mohilowianin» аналогично съ нашимъ «Платоновъ», прилагающимся къ фамиліямъ людей, воспитавшихся въ московской академіи на стипендіи м. Платона; скорѣе оно означаетъ просто происхожденіе этихъ лицъ изъ Могилева, откуда былъ родомъ и самъ Іевлевичъ. При томъ же, какъ тогда Андреевичъ, если даже предположить посланку его за границу въ 1628 г. (ранѣе нельзя, а позже—можно), успѣлъ пройти до 1630 года курсъ высшихъ наукъ и почему онъ очутился въ братской школѣ? Развѣ вслѣдствіе ссоры съ Петромъ Могилой, какъ догадывается г. Голубевъ?

³⁾ Ист. Кіев. акад., прилож., 80. 81.

⁴⁾ Петръ Могила, прилож., № 71.

учителей—Исаію Трофимовича и Сильвестра Коссова. Онъ пригласилъ ихъ въ свою школу и письменно общалъ имъ и тѣмъ, кто къ нимъ присоединится, обезпечить и ихъ и самоѣ школу достаточнымъ фундаментомъ, будетъ ли она открыта въ печерскомъ монастырѣ или гдѣ либо въ другомъ мѣстѣ ¹⁾.

Осенью 1631 г. было уже открыто ученіе. Мѣсто для коллегіи архимандритъ Петръ Могила нашель въ самой печерской лаврѣ. При выходѣ изъ главныхъ воротъ ея находился троицкій больничный монастырь, и зданіями его Могила рѣшилъ воспользоваться для училища. Когда этому воспротивились больничные старцы, которые не хотѣли уступить своихъ помѣщеній, а совѣтовали архимандриту устраивать школу въ городѣ, если угодно, Могила смѣстилъ архим. Арсенія и съ назначеннымъ имъ новымъ настоятелемъ троицеаго монастыря—Филоеомъ совершилъ замѣну монастырской усадьбы, причемъ монахи переведены были по лѣвую сторону воротъ. Одновременно съ этимъ было получено отъ п. Кирилла Лукариса благословеніе на учрежденіе училища, и 18 ноября Петръ Могила извѣстилъ о немъ православную Русь, добавивъ, что школу лаврскую „дозволили и благословили“ митр. Исаія Копинскій съ тремя епископами: Исаакіемъ луцкимъ, Аврааміемъ пинскимъ и Паисіемъ холмскимъ, и что школа уже водворена при троицкой церкви, для преподаванія свободныхъ наукъ на греческомъ, славянскомъ и латинскомъ языкахъ, съ сохраненіемъ христіанской вѣры восточнаго православія, и всегда будетъ пользоваться отъ лавры полнымъ содержаніемъ ²⁾.

Лаврское училище было устроено по образцу іезуитскихъ школъ. Оно состояло изъ философскаго отдѣленія и пяти низшихъ классовъ: инфимы, грамматики, синтаксисы и риторики съ поэзіей. Въ первыхъ трехъ классахъ, которые „wkurіе тіапо“ (т. е. которые представляли какъ бы три отдѣленія одного класса), „магистромъ“ былъ о. Ивашковскій, въ двухъ послѣднихъ, которые тоже считались за одинъ, профессорствовалъ о. Почаскій (Poczauski) ³⁾. Игнатій Левлевичъ, сообщившій эти интересныя свѣдѣнія, не говоритъ, преподавали-ли что-нибудь префектъ школы Сил. Коссовъ и ректоръ—Ис. Трофимовичъ. Но, по всей вѣроятности, занимались и они, такъ какъ трудно въ самомъ дѣлѣ допустить, чтобы они, виднѣйшіе педагоги, ничего не преподавали, особенно при такомъ недостаткѣ учителей, что одинъ изъ нихъ занимался въ трехъ классахъ. Что въ частности здѣсь преподавалась философія, это видно изъ свидѣтельства Геласія Диплица, который въ посвященіи своей Антапологии Петру Могила, датированномъ 31 марта 1631 г., называетъ іеромонаха Исаію Филипповича (sic) профессоромъ философіи. Точно также и въ спискахъ должностныхъ лицъ братскаго монастыря и академіи, составленныхъ въ половинѣ XVIII в., Исаія

¹⁾ 15 іюня 1631 г. П. К. К., II, № 7 (il. Митр. Евгеній, Описаніе Кіево-печерской лавры, изд. 2, прилож., № 4).

²⁾ Описаніе Кіево-печерской лавры, изд. 2, прил., №№ 5—7. Latorisiec *Ierlicza* (Голубевъ, Петръ Могила, прил., стр. 551—552; см. также текстъ, 333, прим. 133). Автобiогр. записка *Левлевича* (Голубевъ, Ист. Кіев. акад., прил., стр. 76).

³⁾ Голубевъ, Ист. Кіев. акад., прил., 76. 77.

Филипповичъ (и здѣсь и въ Антапологии нужно читать: Трофимовичъ) является, какъ профессоръ богословія, уже подь 1631 г. ¹⁾. Съ другой стороны, возможно, что въ программу преподаванія было включено и богословіе—догматическое ли или какъ совокупность знаній по всеѣмъ предметамъ богословскаго вѣдѣнія: за это говоритъ Евхаристиріонъ, панегирикъ, поднесенный Могилѣ въ Пасху 1632 г. „одъ Спудеовъ Гимназіумъ Его Милости зъ Школы (класса) Реторіки“. Произведеніе это, имѣющее значеніе и историческое, какъ показывающее и своей формой и содержаніемъ, какъ близко подошла лаврская школа къ латино-польской риторикѣ и поэтикѣ, относительно богословія выражается, что Петръ Могила „увопаль колюмну“ его на берегахъ Днѣпра и что теперъ, дастъ Богъ, Русь „чужихъ Кривіологовъ понехавши“, станетъ слушать своихъ „Теолоіговъ“ и „славить Христа съ Дамаскиномъ, Духа зъ Отцомъ хвалить и зъ предвѣчнымъ Сыномъ“ ²⁾).

Читалось ли здѣсь православное богословіе или нѣтъ, внѣшнее сходство лаврской школы съ іезуитскими коллегіями обусловило и быстрый успѣхъ ея ³⁾, и постигшую ее опасность, едва не разрѣшившуюся ужасной катастрофой. Едва только учителя начали лекціи въ стѣнахъ лавры, какъ противъ нихъ было воздвигнуто гоненіе. Въ народѣ распространились подозрѣнія относительно чистоты ихъ религиозныхъ убѣжденій, ихъ называли уніатами, неправославными. Возбужденіе народа было такъ сильно, что учителя, въ ожиданіи, что ими начнутъ „начинять желудки двѣпровскихъ осетровъ“, приготовились къ смерти исповѣдію. Но, къ счастью, тѣ громы, которые обрушились на нихъ и которыхъ „нельзя даже описать“ (język atramentowy anatomi-zować nie może), прекратились, тучи ложныхъ мнѣній разсѣялись. Обыватели Кіева и повѣтовъ, убѣдившись въ православіи лаврскихъ преподавателей, наполнили ихъ школу своими дѣтьми обильнѣе, чѣмъ когда-либо прежде ⁴⁾.

¹⁾ Тр. Кіев. дух. акад., 1895, III, 596.

²⁾ *Голубевъ*, Ист. Кіев. акад., прил., 53 (здѣсь перепечатанъ полный текстъ «Евхаристиріона albo, Вдячности»). Панегирикъ этотъ состоитъ, кромѣ обычнаго стихотворенія на гербъ Могилы и вступительной рѣчи Софронія Почаскаго, который громко называетъ себя: «Гумнастесъ Кіновита Монастыра Печерскаго Реторіки профессоръ», изъ двухъ частей—«Геликона» и «Парнаса», двухъ «садовъ умѣтности». Въ первой части приносятъ «вдячность» Могилѣ самъ Геликонъ, какъ источникъ науки, семь свободныхъ искусствъ, эти «корни умѣтности», и богословіе—«корень и верхъ всеѣхъ наукъ и умѣтностей». Во второй части Могилу благодарятъ девять «лѣтораслей наукъ»—девять музъ и «лѣторосль, цвѣтъ и оздоба всеѣхъ наукъ и умѣтностей»—самъ Аполлонъ. Хотя подь стихотвореніями подписались 22 студента, но, вѣроятно, все оно—плодъ наитія Мельпомены на Софронія Почаскаго... Имя послѣдняго встрѣчается впервые въ «Вѣршахъ» Саковича.

³⁾ Въ первый же годъ въ ней собралось болѣе ста студентовъ (*Голубевъ*, Ист. Кіев. акад., прилож., 77).

⁴⁾ «Exegesis, to jest: dane sprawy o szkołach Kiowskich i Winickich u których uczą zakonnicy Religiey Graeckiey, przez wielebnego Oycza *Sylwestra Kossowa*, Electa Episkopa Mscislawskiego, Mohilowskiego, Orszanskiego, przed rokiem terazniejszym w tychże szkołach Professora, napisane... 1635. (*Голубевъ*, Ист. Кіев. акад., прил., стр. 80). Такъ какъ Exege-

Кто был виновникомъ возмущенія противъ лаврской школы? Прежде всего можно заподозрить въ этомъ тѣхъ больничныхъ старцевъ, которые оказали Петру Могилѣ первое сопротивленіе. Ерличъ, сообщивши, что Могила, по удаленіи ихъ, началъ строить и построилъ въ троицкомъ монастырѣ новые дома для науки дѣтямъ, продолжаетъ: „Но затѣмъ онъ принужденъ былъ портить и разрушать эти зданія и переносить ихъ въ Кіевъ, за что игумень того троицеаго монастыря Арсеній, уже слѣпой, былъ такъ избитъ, что чрезъ нѣсколько недѣль скончался“¹⁾. Положимъ, не больничные старцы заставили Петра Могила перенести лаврскую школу въ городъ, въ братскій монастырь, но если на нихъ онъ излилъ свой гнѣвъ, то, очевидно, ему стало извѣстно, что они возбуждали общество и народъ противъ лаврскаго училища. Кромѣ ихъ послѣднимъ были недовольны многіе, а особенно кіевскіе братчики. И они не прочь были, подобно другимъ, присвоить себѣ монополію православнаго образованія въ городѣ и его окрестностяхъ, и ихъ поддерживалъ въ этомъ м. Іовъ (Дух. завѣщаніе). Понятно, что они должны были отнестись несочувственно къ плану Могила. Спорить съ послѣднимъ имъ не приходилось, и вотъ ревнители братскаго просвѣщенія прибѣгаютъ къ средству, которое могло имѣть очень дурныя послѣдствія. Пользуясь своимъ вліяніемъ на своего сочлена—казачество и на народъ, они, съ одной стороны, напомнили имъ, что почившій любимый ими митрополитъ устроилъ школы въ братскомъ именно монастырѣ „клялъ за напершій и церкви Божой и всему православному народови російскому потребнѣйшій пунктъ въ томъ тестаментѣ“, а съ другой—дали понять, что въ новой школѣ преподаваніе идетъ на латинскомъ и польскомъ языкахъ и что, слѣдовательно, ея профессора—уніаты²⁾. Что дѣйствительно обвиненіе лаврскихъ учителей въ неправославіи исходило изъ братства, видно и изъ способа заявленія Сильвестра, что буря пронеслась, когда всѣ узнали, что лаврскіе учителя православны и остаются вѣрны константинопольскому патріарху. Безъ сомнѣнія, Сил. Коссовъ выразился бы яснѣе и опредѣленнѣе, если бы виновникомъ возмущенія былъ кто нибудь другой, а не та корпорація, къ составу которой принадлежали и митрополитъ, и онъ самъ, и всѣ преподаватели колле-

---

гізъ вышелъ изъ печати въ 1635 г., то до послѣдняго времени думали, что описываемое здѣсь возмущеніе противъ школы было въ 1634—1635 г. Но на самомъ дѣлѣ оно произошло, какъ весьма основательно доказываетъ проф. Голубевъ, именно въ началѣ ученія, скоро по прибытіи учителей съ архим. Могилой въ Кіевъ, какъ только начали они *palladyjskie kunsztu w Akademiach katolickich idaeowane, na dowcipach Ruskich.. Latina lingua floguzowac...* (Голубевъ, Петръ Могила, I, 436—444; Ист. Кіев. акад., 229. 230).

¹⁾ Петръ Могила, прил., стр. 551, 552.

²⁾ «Отъ неученыхъ поповъ и казаковъ, пишетъ Демецкій, велие было негодование: на што латинское и польское училище заводите, чего у насъ не бывало и спасались... было хотѣли самаго Петра Могила и учителей до смерти побити: едва ихъ уговорили». (Голубевъ, Ист. Кіев акад., 229. Горскій, «Петръ Могила», въ Приб. къ Твор. св. отецъ, 1846, 69, прим. ь). Проф. Голубевъ имѣетъ поводъ подозрѣвать участіе въ возмущеніи противъ лаврскаго училища и митрополита Исаія Копинскаго (Тр. Кіев. дух. акад., 1897, окт., 219—221).

гій.... Наконецъ, наше предположеніе подтверждается и дальнѣйшими событіями, послѣдовавшими за возмущеніемъ, и показывающими, что истинными мотивами его было не опасеніе за чистоту религиозныхъ убѣжденій лаврскихъ учителей. Петръ Могила такъ и понималъ, что отъ него домогаются перенесенія школы въ богоявленскій монастырь, и онъ, дорожа „этимъ единственнымъ залогомъ своимъ“¹⁾, согласился перенести ее туда, какъ на мѣсто „способнѣйшее для выхованья учащимся“. Но это согласіе его, „латвое (будто бы) и невзбороненое“, по всему видно, было вынуждено обстоятельствами и настояніями братства и сочувствующихъ ему.

Повидимому, скоро послѣ возмущенія дворяне, духовенство и обыватели предъявили въ Петру Могилю формальное предложеніе соединить свою школу съ братской, и Могила, уступая имъ, согласился на это, выговоривши себѣ званіе старшаго члена братства и пожизненнаго блюстителя и защитника братскаго училища и другихъ братскихъ учреждений. Объ этихъ условіяхъ мы узнаемъ изъ двухъ документовъ, подписанныхъ отдѣльно свѣтской половиной братства и духовной (20 декабря 1631 и 5 января 1632 г.) и представлявшихъ какъ бы объявленіе о совершившемся соглашеніи (подписи самого Могила здѣсь нѣтъ²⁾). Спустя два мѣсяца въ пользу соединенія школы высказался и гетманъ запорожскій Ив. Петрижицкій, признавшій его вмѣстѣ съ войскомъ за „речь святобливаю, и всей церкви православной велице потребную, и пожитечную“, и пославшій 17 марта „атаману и всѣмъ товаришомъ“ своимъ, находившимся въ Кіевѣ, извѣщеніе о состоявшемся рѣшеніи казачества стоять до смерти („стоять и опоновать до гардль своихъ“) за то, чтобы науки преподавались въ братскомъ монастырѣ „за старанемъ, коштомъ и накладомъ“ архим. Петра Могила³⁾.

Петръ Могила вписался въ богоявленское братство, какъ его „старшій братъ, опекунъ и фундаторъ“, только 11 марта 1632 г.⁴⁾ и тогда же, очевидно, далъ письменное согласіе на водвореніе лаврской школы на мѣстѣ братской, въ силу чего записавшійся вмѣстѣ съ нимъ Сильвестръ Коссовъ уже называлъ себя „префектомъ школъ кіевскихъ братскихъ“⁵⁾. Но рѣшено было оставить школы до окончанія учебнаго года въ прежнемъ положеніи,—и до лѣта онѣ существовали еще отдѣльно одна отъ другой.

¹⁾ *Unicum pignus meum*, выражается о ней Могила въ своемъ духовномъ завѣщаніи (П. К. К., II, стр. 153).

²⁾ П. К. К., II, № 8. 9. (Голубевъ, Ист. Кіев. акад., прилож., № 9).

³⁾ П. К. К., II, № 10. Голубевъ, Ист. Кіев. акад., прил., № 10.

⁴⁾ „Уписць“... (Ист. Кіев. акад., прил., № 1). Здѣсь, впрочемъ, стоитъ дата: 11 марта 1631 г. Но проф. Голубевъ документально доказываетъ, что Могила не могъ вписаться въ братство 11 марта 1631 г., такъ какъ въ это время находился въ отлучкѣ, и что весь ходъ переговоровъ о соединеніи школъ заставляеть думать, что вмѣсто «1631 г.» нужно читать «1632» (Ист. Кіев. акад., 34—37).

⁵⁾ Въ связи съ этимъ, очевидно, стоитъ и удаленіе изъ братской школы ея ректора Фомы Іевлевича (въ половинѣ февраля) и нѣсколько позже — Саввы Андреевича (Голубевъ, Ист. Кіев. акад., прилож., 76).

Какъ начался новый учебный годъ въ преобразованной братской школѣ и какою видъ принимало западнорусское просвѣщеніе въ новомъ періодѣ своей исторіи, видно изъ письма ректора Исаи Трофимовича къ о. Теофілу Леоновичу отъ 30 августа 1633 г.: „Мы першого сентеврія зачинаемъ *по старому*: я курсъ философіи, о. Косовъ риторіеу, которій уже и священникомъ zostалъ (доселѣ Косовъ былъ простымъ инокомъ), отецъ Пацевскій поэтику, которій также южъ священникомъ zostалъ, а прочіи въ своихъ школахъ“¹⁾.

Есть извѣстіе, что въ мартѣ 1633 года, когда королемъ Владиславомъ IV были подтверждены права прочихъ православныхъ училищъ, Петръ Могила ископоталъ у короля для своей коллегіи привилегіи и титулъ академіи, но утвердить ихъ подписомъ не пожелали ни канцлеръ, ни подканцлеръ²⁾.

Прочія братскія и небратскія школы.

Братства львовское, виленское, брестское, могилевское, луцкое и кievское выдавались среди другихъ по своему значенію; сообразно съ этимъ и школы этихъ братствъ стояли выше другихъ. Изложенная нами исторія ихъ можетъ дать довольно ясное представленіе какъ о ходѣ нашего братскаго образованія, такъ и о качественной сторонѣ его. Для сужденія же о количественной сторонѣ его важно было бы имѣть свѣдѣнія о *всѣхъ* существовавшихъ въ этотъ періодъ братскихъ училищахъ и явившихся подъ ихъ воздѣйствіемъ. Но едва ли это возможно... Намъ удалось собрать свѣдѣнія только о слѣдующихъ а) братскихъ и б) небратскихъ школахъ.

А) *Рогатинская* (въ Галиціи) школа основана, вѣроятно, вмѣстѣ съ учрежденіемъ братства, а послѣднее благословилъ п. Іеремія уже въ октябрѣ 1589 г., по образцу братствъ львовскаго и виленскаго³⁾. И противъ такого предположенія не говоритъ нисколько тотъ фактъ, что въ львовской школѣ въ 1590 году учился сынъ одного рогатинскаго мѣщанина Теодора Грека⁴⁾: онъ могъ поступить сюда еще до открытія училища въ своемъ родномъ городѣ. Учителемъ рогатинской школы до апрѣля 1591 г. былъ дякъ Теодоръ, выписанный братствомъ изъ Львова. Изъ-за него то въ этомъ году рогатинскому братству пришлось подвергнуться большой неприятности. Дѣло въ томъ, что бурмистру и его единомышленникамъ не нравилось, что „дякъ“ опредѣленъ безъ ихъ

¹⁾ Рукоп. кн. Аван. Миславскаго (письмо это напечатано проф. Голубевымъ въ прилож. къ „Петру Могила“, № 89). Ср. относящееся къ началу 1633^{1/2}, уч. года извѣстіе Игнатія Іевлевича, что въ братской школѣ *statecznieu zaszęli aż po samą philosophię* (Ист. Кіев. акад., прил., стр. 77).

²⁾ *Kulesza, Wiąga prawosławna*,—у *Горскаго*, Приб. къ Твор. св. отецъ, 1846, 42. прим. ш. Скоро послѣ того (въ концѣ 1634 г.) король по проскамъ латинно-униатовъ велѣлъ было закрыть латинскія школы въ Кіевѣ, Винницѣ и другихъ мѣстахъ кievскаго, волынскаго и браславскаго воеводства. Отвѣтомъ на это требованіе былъ *Exegesis S. Косова* (Кіев. стар., 1898, янв. 30—33).

³⁾ *Monum. confr.*, I, № 128 (id. *Diplomata statuaris*, № 15).

⁴⁾ *Monum. confr.*, I, № 149.

вѣдома и согласія, почему они выразили желаніе его „метати, а Илка осадити на томъ мѣстѣ з города“, и даже послали за послѣднимъ. Свой поступокъ они оправдывали тѣмъ, что Теодоръ боленъ, да и поеть не по мѣстному, а по „литовскому“. Братство вступило въ пререканія съ магистратомъ и потребовало въ этой „пилной и квалтовной потребе“ помощи у львовянъ. Прося новаго учителя, рогатинскіе братчики указывали, что имъ нуженъ такой человекъ, которой бы и „у перкви рядъ отправлялъ, ачеи (и притомъ) бы нѣчто и по грецку учити могъ“¹⁾. Споръ между рогатинскимъ братствомъ и магистратомъ кончился въ пользу перваго: Теодоръ остался на мѣстѣ и къ нему былъ приданъ и тоже изъ Львова другой „дьякъ школьный“, съ помощію котораго Теодоръ и велъ рогатинскую „школу львовское науки“. Но тутъ явилась опасность съ другой стороны. Еп. Гедеонъ Балабанъ, недовольный рогатинскимъ братствомъ за его близкія отношенія къ львовянамъ, возбудилъ противъ него нѣкоторыхъ „пустошныхъ людей“ изъ его же среды и навелъ на него даже королевскую комиссію. Въ результатѣ этого было полное разореніе братства и „спустошеніе науки школьной“. Учителя были избиты, изранены и разогнаны, а злосчастный Теодоръ былъ даже „о смерть приправленъ“²⁾.

Въ 1591 г. жители г. *Городка* (въ землѣ львовской), организовавшись въ братство, пожелали и обѣщали предъ митрополичьимъ посланцомъ жить по чину львовскаго братства, „такъ тыжь и о школу еъ наученію чадомъ своимъ промышляти“³⁾.

Въ 1592 г. появилась школа въ *Перемышлѣ* при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Жители этого города почувствовали, что ихъ „сторона и повѣгъ зѣло оскудѣли въ наученіи“, почему и пожелали имѣть учителя, мужа искуснаго въ греческомъ, славянскомъ и латинскомъ языкахъ. Педагогическимъ своего рода институтомъ было въ Галиціи львовское братство, и къ нему епископъ перемышльскій Михаилъ Копыстенскій обратился 1 іюля съ просьбой прислать дидакала или двухъ „до столицы премыское для наученія писменнаго дѣтей“. „Се zde, писалъ епископъ, отъ благородныхъ (даже) становъ желаютъ сидеваго учителя и хошуть подаяти дѣти свои кнаученію письменаго“. Копыстенскій просилъ прислать извѣстныхъ въ Перемышлѣ Александра или Семеона Чунчу⁴⁾. Изъ отвѣтнаго посланія братства видно, что просимыя лица были собственно „спудеями“, т. е. учениками львовской школы, и братство „независтно и усердно“ обѣщало послать ихъ, какъ скоро призоветъ ихъ изъ различныхъ городовъ, куда они разошлись. Но перемышлянамъ скоро наскучило ожиданіе, и они убѣдили Василя Панковича, одного изъ своихъ согражданъ, за отсутствіемъ изъ города епископа, писать въ Львовъ вторично,—и 19 августа Панковичъ, „со

¹⁾ Monum. confr., I, № 180.

²⁾ Позовъ м. Михайломъ Гедеона Балабана на соборный судъ, 6 іюня 1593 г., по жалобѣ рогатинскаго братства (Monum. confr., I, № 283).

³⁾ Monum. confr., I, № 197.

⁴⁾ Петръ Могила, прилож., № 7 (id. Врем. инст. ставроп., 1878, Акты, № 8. Но здѣсь посланіе неправильно датируется 6 іюля: 5 іюля львовское братство уже писало отвѣтъ).

всею купно братією своею“, написал довольно нескладное письмо, которое „своими литературными недостатками подтверждало сѣтованіе перемышльскаго братства о низкомъ уровнѣ школьнаго образованія въ его средѣ“ (Голубевъ). Посланіе, въ которомъ выражалось горячее желаніе мѣщанъ перемышльскихъ имѣть у себя училище „для исправленія благожитія“, повезла въ Львовъ цѣлая депутація, которая и достигла своей цѣли: 24 августа львовяне послали Перемышлю „и прочимъ градовомъ“ Александра, „дидакала правовѣрна и честна и благопотребна“, и „вся належащая съ нимъ“, съ тѣмъ, чтобы онъ устроилъ все по уставу братскому и школьному „совершеннѣ и богоугоднѣ“¹⁾. Александръ тотчасъ по прибытіи въ Перемышль началъ „чинъ творити школьнаго ученія и насыщать всѣхъ брашномъ душевнымъ“. Копыстенскій утѣшался этимъ, но 30 августа просилъ „къ помощи Александрови яковаго младенца наученнаго прислати, понеже онъ самъ не можетъ сие сдѣлати“²⁾. Дальнѣйшихъ свѣдѣній о перемышльской школѣ мы не имѣемъ, но можемъ думать, что она заняла съ теченіемъ времени довольно видное мѣсто въ ряду другихъ братскихъ училищъ, соотвѣтственно съ положеніемъ самого братства въ ряду другихъ западнорусскихъ братствъ³⁾.

Тотъ же Михаилъ Копыстенскій содѣйствовалъ открытію школы въ *Комаринѣ* (въ львовской землѣ): онъ въ 1592 г. благословилъ комарнское братство, давъ ему право завѣдывать церковью, шпиталемъ и школой и „повелѣвъ всякому стану людемъ христьянскимъ сходячися до священника или въ братствѣ почитати св. книги ветхаго и новаго закона по святыхъ отецъ преданію“⁴⁾.

На братскомъ соборѣ 28 іюня 1594 г. м. Михаилъ Рагоза выдалъ благословенную грамоту на учрежденіе братства въ *Люблинѣ*, позволивъ при этомъ гражданамъ „науку школную чядомъ своимъ мети, пришедцовъ убогихъ по чину школному приимовати“. Грамоту митрополита утвердили 22—апрѣля 1596 года король Сигизмундъ⁵⁾.

¹⁾ Времен. инст. ставроп., 1878, Акты, № 4 и 5 (id. Петръ Могила, прил., № 8 и прим.).

²⁾ Петръ Могила, прилож., № 9 (id. Врем. инст. ставроп., 1878, № 11. Здѣсь опечатка въ датѣ: вмѣсто 1592 г. выставленъ 1591 г.) Всѣ цитованные акты сношеній Перемышля съ Львовомъ по вопросу о школьныхъ учителяхъ перепечатаны еще разъ въ Monumenta confraternitatis, I, №№ 233, 234, 241—243.

³⁾ Факты, говорящіе за то, что перемышльское братство къ концу нашего періода было довольно значительнымъ, суть: письмо къ нему драговичскаго братства (1623 г.), которое, очевидно, стояло къ нему въ отношеніяхъ колоніи къ метрополію, и письмо къ перемышльскимъ братчикамъ Петра Могила съ приглашеніемъ прислать депутатовъ въ кіево-печерскую лавру къ храмовому празднику (1628 г.). Петръ Могила, прил., №№ 50 и 54. Въ мартѣ 1633 г. перемышльская школа вмѣстѣ съ братствомъ получила подтвержденіе отъ к. Владислава (Кіев. стар., 1898, янв., 14, прим. 9)

⁴⁾ А. Добрянскій, Исторія епископовъ епархій перемышльской, самборской и саноцкой, приложение

⁵⁾ Арх. Ю.-З. Р., I, VI, № 51. Холмско-варшав. епарх. вѣстн., 1892 г.: «Истор.-статистич. описаніе свято-преображенскаго прихода въ Люблинѣ». Нужно замѣтить, однако, что въ литературѣ существуетъ попытка отнести начало люблинскаго братства къ 15 янв. 1586 г., по грамотѣ патр. Іоакима (Лончиновъ, „Древнѣйшій храмъ въ Люблинѣ и существовавшее при немъ братство“, Холмско-варш. еп. вѣстн., 1883, 27).

и 15 марта 1633 г. Владиславъ IV ¹⁾).

Школа въ *Бѣльскѣ* начала свое существованіе по благословенной грамотѣ брестскаго епископа Ипатія Потѣя бѣльскому богоявленскому братству отъ 29 іюня 1594 г., которою предоставлялось „дидакаловъ или учителей школьныхъ дѣтемъ своимъ и пришельцевъ убогихъ по чину школъ прійимовати“ ²⁾. Но бѣльской школѣ пришлось испытать судьбу другихъ православныхъ училищъ, брестскаго и владимирскаго, находившихся въ епархіи Ипатія Потѣя:—она вмѣстѣ съ церковью и шпиталемъ отнята была униатами. Когда это произошло, неизвѣстно. Но правдоподобно мнѣніе м. Магарія, что это сдѣлалъ самъ Ипатій Потѣй, перейдя въ унию ³⁾. По универсалу короля Владислава IV отъ 14 марта 1633 г. она передана была обратно православнымъ 3 авг. этого года ⁴⁾. Но скоро униатами вновь была захвачена богоявленская церковь, а также, вѣроятно, и школа ⁵⁾. Къ маю 1634 г. православные опять возвратили себѣ церковь и школу и у Петра Могилы испросили подтвержденіе своихъ привиллегій ⁶⁾.

Вѣроятно, въ концѣ XVI ст. уже существовала школа при *Каменецъ-Подольскомъ* троицеомъ братствѣ, учрежденіе котораго относить къ 1589 г. ⁷⁾.

Въ *Замостьѣ* братство было учреждено по благословенію львовскаго епископа Гедона Балабана въ 1606 г. ⁸⁾. Но школа при немъ открылась нѣсколько позже. Въ 1633 г. она несомнѣнно существовала ⁹⁾.

Во *Львовѣ*, кромѣ братской успенской школы, извѣстна была еще одна школа, принадлежавшая богоявленскому братству, „у галицкой браны“. Это братство, организовавшееся по чину успенскаго, 26 янв. 1591 г. получило подтвердительную грамоту отъ м. Михаила, но послѣдній, въ силу постановленія собора 1590 г., не разрѣшилъ ему открыть свою школу, а взамѣнъ этого благословилъ „нищимъ въ школѣ посполитой братской въ мѣстѣ (въ городѣ) божественнаго писанія учащимся мило-

¹⁾ Киевская старина, 1898 г., январь. 14.

²⁾ А. З. Р., IV, № 49. Само бѣльское братство существовало еще до этой грамоты, которая только давала ему право организоваться по образцу львовскаго и виленскаго братствъ (№ 43).

³⁾ Ист. рус. церкви, XI, 467.

⁴⁾ Арх. сб., II, №№ 101. 102. Ср. Арх. Ю.-З. Р., I, VI, № 267 (Арх. ун. митр., № 630). 3 августа, очевидно, по новому стилю; ему соотвѣствовало 24 іюля стараго стиля, указываемое Ѳ. Леонвичемъ, какъ день передачи братству богоявленской церкви со всемъ относящимся къ ней (Рукоп. книга Аван. Миславскаго, л. 32).

⁵⁾ Протестація богоявленскаго братства 8 сент. и письмо бѣльскаго братства къ Петру Могилѣ 21 сент. 1633 г. (Рукоп. кн. Ав. Миславскаго, лл. 9 и 31. Ср. Арх. сб., II, № 103).

⁶⁾ А. З. Р., V, № 9. Впрочемъ и послѣ того и церковь, и школа не разъ переходили отъ православныхъ къ униатамъ и обратно (Арх. ун. митр., кн. V, № 422; Арх. сб., II, №№ 104. 106. 108).

⁷⁾ *Батюшковъ*, Подолія, 98.

⁸⁾ Текстъ грамоты напечатанъ въ Киев. стар., 1882, II, 153 и сл., у свящ. *Гербачевскаго*, Рус. древности и памятники православія холмско-подляшской Руси, 56—59, и у свящ. *А. Будиловича*, Русская православная старина въ Замостьѣ, 29 и слѣд.

⁹⁾ *Будиловичъ*, о. с., 80. 81.

стиню по силѣ своей давати“¹⁾. Тѣмъ не менѣ къ 1609 г. оно обзавелось своимъ училищемъ и выстроило для него даже отдѣльное зданіе²⁾. Дальнѣйшее упоминаніе о богоявленской школѣ находится въ подтвердительной грамотѣ братству короля Владислава IV отъ 12 октября 1634 г.³⁾ Безъ сомнѣнія, богоявленская школа была одной изъ тѣхъ многихъ „покутныхъ“ школъ, съ которыми боролось успешное братство.

Была школа въ *Галичь* (въ землѣ галицкой): въ ней одно время учительствовалъ протосингелъ александрійскаго патріарха Кирилла Лувариса Іосифъ⁴⁾. Происхождение ея, какъ и галичскаго братства, можно относить тоже къ концу XVI ст.

Въ 1617 г. основалось братство въ *Холмѣ*. Вѣроятно, оно обзавелось и школой, если допустимо предположеніе, что для братскаго именно училища холмскій православный епископъ Паисій Ипполитовичъ подыскивалъ въ 1627 г. бакалара⁵⁾.

Существовали братскія школы въ *Винницѣ* и *Немировѣ* (брацлавскомъ), какъ видно изъ просьбы немировскихъ гражданъ къ м. Іову Борецкому объ утвержденіи ихъ церковнаго братства, при которомъ бы „учители дѣтвомъ ихъ побожные и учоные найдоватися могли“, по примѣру Вильны, Кіева, Львова, Люблина, Могилева, *Винницы* и другихъ городовъ. Митрополитъ, дѣйствительно, благословилъ 9 ноября 1626 г. немировское братство и его просвѣтительныя начинанія⁶⁾. Относительно винницкой школы извѣстно изъ Exegetis'a Сильвестра Коссова, что она не только была устроена по уставу кіевской, но и перешла подъ завѣдываніе послѣдней. „Мы, говорилъ Коссовъ, отвѣчая на обвиненіе кіевскихъ и винницкихъ преподавателей въ еретичествѣ, мы, которые учимъ въ Кіевѣ и Винницѣ“...⁷⁾.

Къ этому же времени относится упоминаніе о школѣ въ *Бѣлгородѣ*, неизвѣстномъ бѣлорусскомъ городѣ. Въ Румянцевскомъ музеѣ

¹⁾ Monum. confrat., I, № 174 (id. *Крыловскій*, АКТЫ, № 39).

²⁾ Мѣстоположеніе дома нѣкоего Кирилла Великаго въ продажной записи этого года опредѣляется: Domus... Leopoli, in suburbio Haliciensi, in Platea Szeroka dicta, prope scholam synagogae Bohojawlenia» (*Шараневичъ*, Гальшка, княгиня Острожска, 193).

³⁾ *Крыловскій*, АКТЫ, № 74.

⁴⁾ Сношенія Россіи съ Востокомъ по дѣламъ церковнымъ, II, 5, 6.

⁵⁾ А. В. А. К., XXIII, № 40. Рук. книга Ае. Миславскаго, л. 99.

⁶⁾ Чтенія въ обществѣ Нестора лѣтописца, V. Матеріалы, сообщенныя С. Т. Голубевымъ, № 10.

⁷⁾ Ист. Кіев. акад., прил., 81. Кіев. стар., 1898, янв., 30—33. Мы не знаемъ, когда и почему прекратила свое существованіе винницкая школа, во всякомъ случаѣ не можемъ согласиться съ проф. Петровымъ, по которому она переведена была въ Гоцу (Тр. кіев. дух. акад. 1895, II, 601): школа гойская, или гоцская, фундована въ 1639г. Региной Соломирецкой совершенно вновь, безъ всякаго упоминанія о винницкой школѣ, хотя и стала въ такіе же отношенія къ могилянской коллегіи, въ какихъ стояла послѣдняя (фундушова записъ Соломирецкаго—въ Вол. губ. вѣд., 1868, №№ 8—10 и Арх. Ю.-З. Р. I, VI, № 303 и прим.): подобно тому, какъ винницкая школа подверглась въ 1631 г. вмѣстѣ съ кіевской обвиненію въ томъ, что учителя ея заражены протестантизмомъ (Exegetis, *ibid.*), такъ въ 1642 г. гойская удостоилась вмѣстѣ съ кіевской похвалы отъ Саковича (Епачорѣць, 112. 113).

хранится рукописный октоихъ бѣлорусскаго почерка конца XVI или начала XVII в., написанный „въ богохранимомъ граде Белиловци за старанемъ и наглядомъ иванна иляшевича спевака и уставника белиловскаго при святой троици въ школе братской“, и 26 мая 1627 г. купленный однимъ иереемъ ¹⁾.

Въ Пинскѣ школа существовала еще до учрежденія братства, находясь подъ патронатомъ мѣщанъ, которые нанимали учителей. Но 21 августа 1631 г. школа эта, по повелѣнiю пинскаго униатскаго епископа Григорія и пинской капитулы, была отнята вознымъ у православныхъ вмѣстѣ съ церковью св. Θεодора, при которой она состояла. Въ моментъ отнятія училища въ немъ находились нѣсколько десятковъ „хлопять“ и бакаляръ Аванасій Стрѣлецкій. Послѣдній раньше преподавалъ во Могилевѣ начатки латыни; можно поэтому думать, что и въ Пинскѣ изучался латинскій языкъ. Изъ донесенія вознаго объ отнятіи у пинскихъ мѣщанъ церкви и школы можно видѣть, что ученики собирались по звонку: возный нашель „звонувъ на звонницы 5, а шостый збиты у школы“ ²⁾.

3 Марта 1633 г. король Владиславъ IV позволилъ пинскому братству, которое уже заручилось благословеніемъ константинопольскаго патріарха, построить церковь Богоявленія съ монастыремъ и въ немъ содержать нужныхъ людей и школы наукъ вызволенныхъ—языковъ греческаго, латинскаго, русскаго и польскаго и строить семинаріи и шпитали ³⁾. Но братская школа, вновь ли открытая или возобновленная, существовала недолго. Въ томъ же году, какъ извѣстно, въ Пинскѣ Альбертъ Радивилль открылъ іезуитскую коллегію, въ которую съ самаго начала поступило 40 русскихъ юношей, совращенныхъ въ латинство. Между тѣмъ іезуитамъ казалось, что училище, въ которомъ „фотиніане“ вознамѣрились открыть ученіе на латинскомъ языкѣ, съ учебникомъ грамматики Эм. Альвара, сильно можетъ повредить ихъ коллегіи. Ихъ

¹⁾ Востокъ, Описаніе рукописей Румянцевскаго музея, № 290 (стр. 409).

²⁾ Арх. сб., VI, № 57 (id. Вѣстн. Зап. Рос., 1868. кн. V, № 5). Св.-ѳеодоровская церковь издавна принадлежала православнымъ, но, отнятая у нихъ униатами, до 1627 г. стояла запечатанной. Въ этомъ же году мѣщане ее распечатали и стали совершать богослуженіе, пока въ 1631 г. она опять не была отнята у нихъ (Арх. сб., VI, №№ 54—56, 129). Возможно, что и училище терпѣло такія же перемѣны. Изъ дальнѣйшей исторіи пинской школы извѣстенъ такой случай, бросающій свѣтъ на отношенія къ братской школѣ латино-униатовъ. Въ 1647 г. ректоръ пинской іезуитской коллегіи явился съ понятными къ игумену братскаго монастыря Макарію и предъявилъ ему королевскій листъ, представлявшій только коллегіи право преподавать польскій и другіе языки. Обучали ли тогда въ братской школѣ польскому и латинскому языкамъ, на что она имѣла будто бы королевскую привиллегію, или нѣтъ,—игумень отвѣтилъ ректору коллегіи: «въ монастырѣ нашемъ только по руску обучаются, а по польску и латинску не мамы жадней школы», при этомъ оно объяснилъ, что въ школу часто поступаютъ мальчики, уже знающіе польскій языкъ (А. Миловидовъ, Пинскій богоявленскій монастырь. Вилев. календарь, 1897, 194, прим.).

³⁾ Минскія грамоты, № 164.

опасенія раздѣлялъ и Радивилль, который и велѣлъ закрыть православную школу, какъ только услышалъ о ней ¹⁾).

Б) Кромѣ собственно братскихъ училищъ въ западной Россіи въ періодъ времени 1584—1633 гг. возникло множество училищъ монастырскихъ, приходскихъ и частныхъ, большинство которыхъ обязано своимъ существованіемъ просвѣдительною дѣятельности братствъ. Последняя съ самаго же начала пробудила въ соотвѣтствующемъ направленіи энергію частныхъ лицъ, преимущественно высшаго сословія. Особенно благотворна была дѣятельность виленскаго братства, одушевившаго Огинскихъ, Далматовъ, Ходкевичей и многія другія знатныя фамиліи. Въ Учительномъ евангеліи 1616 г., въ „предмовѣ“ къ Аннѣ Ходкевичовнѣ, княгинѣ Корецкой, виленское братство даетъ такое свидѣтельство объ ея заботахъ о потребностяхъ церкви и просвѣщенія: „духовную многимъ ялмужну (милостыню) даешь и о розширене и помножене хвалы створителя своего (заботишься)... церкви, монастыри, школы и дома пріимныи, великимъ коштомъ и превагой будуючи, и гоине а щодробливе странно надаючи“ ²⁾).

Въ 1586 г. становится исторически извѣстной *владимирская* соборная школа съ „установникомъ“ ³⁾). По почину кн. К. К. Острожскаго она въ 1588 г. была преобразована въ училище съ греческимъ языкомъ и съ двумя бакаларами ⁴⁾). Но едва ли запись еп. Лазовскаго могла имѣть силу для его преемника, въ руки котораго должны были перейти черезъ три года всѣ имѣнія, назначенныя на школу, проповѣдниковъ и благоустройство соборной церкви. Митр. Макарій сомнѣвается даже, чтобы и самъ Лазовскій могъ принести такую крупную жертву, какъ отдача нѣсколькихъ имѣній ⁵⁾). Но во всякомъ случаѣ, если намѣреніе епископа съ капитулой и не было осуществлено, то, по крайней мѣрѣ, продолжала существовать старая школа, въ которой и до того „дети учивано“, пока она не была отнята уніатскимъ епископомъ Ипатіемъ Потѣмъ. Православные владимирцы вновь обзавелись своей школой не ранѣе 1633 г., когда привилеемъ Владислава IV имъ было возвращено нѣсколько церквей; открыта она была при пятницкой церкви ⁶⁾).

Въ 1596 г. имѣло быть открыто училище въ *пересотницкомъ монастырѣ* (на Волини), по фундушевой записи Елены Горностаевой, изъ рода Чарторыйскихъ, которая, возстановляя упавшую обитель, обязала игумена содержать опредѣленное количество братіи, священника, діакона,

¹⁾ Rostowski, 333.

²⁾ О «будованіи» этой книжненькой школы «великимъ коштомъ» говоритъ и Д. Карповичъ въ предисловіи къ своимъ «Казанье двое» (1615 г. Черепеч. архим. Леонидомъ въ Чт. Моск. общ. ист. и древн. рос., 1875 г., и отд. брош.).

³⁾ *Op. Левинскій*, Историческое описаніе владимиро-волинскаго усненскаго храма. 1892 г., Кіевъ, 75.

⁴⁾ А. Ю.-З. Р., I, I, № 55. Очевидно, «напомнене» князя Острожскаго даетъ г. Архангельскому поводъ приписывать ему и самое основаніе школы (Чт. въ Моск. общ. ист. и древн. рос., 1888, I, 34)?

⁵⁾ Ист. рус. церкви, IX, 445.

⁶⁾ *Левинскій*, о. с., 78.

дьяковъ, а также шпиталь для убогихъ и недужныхъ и школу для науки дѣтямъ ¹⁾). Однако въ инвентарѣ пересопницкаго монастыря, составленномъ въ 1600 г., мы не видимъ еще ни школы, ни какой либо школьной принадлежности или учебной книги ²⁾).

Между 1597—1604 г. открыты были Гедеономъ Балабаномъ училище и типографія въ *Стратинѣ*, его родовомъ имѣніи. Побудило его къ этому извѣстное посланіе п. Мелетія, который увѣщевалъ западноруссовъ „гумнасіа и типографію сѣставити—умноженія ради книгъ, въ преподаваніе разума“ ³⁾. Но у еп. Гедеопа былъ и другой мотивъ къ открытію училища—желаніе уничтожить вредное въ религіозномъ отношеніи вліяніе заграничнаго образованія на представителей нашего дворянства и духовенства, на что онъ самъ жаловался въ предисловіи въ Стратинскому Требнику 1606 г.: „мнози отъ многихъ, говоритъ онъ, бывающе въ Италиі, суетудріемъ внѣшнихъ ученій прельщающеся, въ различныя ереси впадаютъ и обнажившеся благочестія, отъ церкви отпадаютъ“. Стратинское училище по своей программѣ приближалось къ львовскому братскому; здѣсь преподавались славянскій, русскій, греческій языки, діалектика, риторика и прочіе предметы ⁴⁾).

Подъ 1604 г. упоминается школа въ *Дубнѣ*. Въ рукописномъ собраніи Е. В. Барсова есть евангеліе 1604 г. съ такою надписью на оборотѣ послѣдняго листа: „Дописана быст сіа книга стаа евангелія въ сред. мѣца фѣ 15 день... въ року мѹд през славетнаго пана Семіона. діака дубецкаго на тен час вшколѣ дѣти учащаго“. Въ томъ же февралѣ Симеонъ сдѣлался городскимъ писаремъ и евангеліе продалъ за 6½ зл. ⁵⁾).

Въ самомъ же началѣ XVII ст. въ *Могилевѣ* были школы приходскія помимо братской. Это открывается изъ разсказа іезуита Велевицкаго о Богданѣ, писцѣ „истиннаго“ Димитрія, бѣжавшемъ по его убіеніи въ Литву и прожившемъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Могилевѣ, гдѣ нѣкій протопопъ поручилъ ему въ завѣдываніе русскую школу при своей церкви ⁶⁾).

Въ 1609 г. удостовѣряется существованіе школы въ *Ярославѣ* (въ землѣ перемышльской), гдѣ предъ тѣмъ былъ учителемъ Вареоломей Жачковскій, впоследствии виленскій униатскій протопопъ. Изъ занесенной противъ него ярославскимъ духовенствомъ протестаціи узнаемъ, что онъ былъ учителемъ и во многихъ другихъ галицкихъ школахъ ⁷⁾).

¹⁾ Арх. Ю.-З. Р., I, I, № 118.

²⁾ Арх. Ю.-З. Р., I, VI, № 116.

³⁾ Служебникъ Стратинскій, 1604, пред.

⁴⁾ Наукowy сборникъ, 1867, 126—8. М. Макарій, X, 341. Что, дѣйствительно, въ Италиі учились и представители православнаго русскаго духовенства, это видно изъ примѣровъ іеромъ Кипріяна, Іезекіиля Курцевича...

⁵⁾ Чт. въ моск. общ. ист. и древн. рос., 1884, II, 13.

⁶⁾ *Scriptores regum polonicarum*, X, 239 (подъ 1607 г.).

⁷⁾ *Relacja y uwazenie postępkow niektórch około cerkwi Ruskich Wileńskich. 1608. y 1609. Wilnu wszyskiemu świadomych, rozd. 2.*

Въ 1616 г. Мелхіоръ Шеметь (или Шеміотъ) на Ельнѣ, виленскій подкоморій, и жена его Варвара Огинская фундовали въ *Ельнѣ* (въ предѣлахъ вилен. губ.), при новой церкви, монастырь и школу. Штатъ монастыря опредѣленъ былъ изъ шести человѣкъ: двухъ священниковъ, діакона, пѣвчаго, хлопца, прислужника и— „бавалара для обученія дѣтей шляхетскихъ“ ¹⁾.

Въ 1618 г. дворянинъ Конст. Долмать съ женой, фундуя *цеперскій* монастырь (въ новгородскомъ повѣтѣ), „варовали (поставили условіе), абы при томъ монастыри школа для ученя детей и размноженя хвалы Божес неуставающая была“ и чтобы „вшколе млоденцы наученные годные для ученя дѣток уставичне (постоянно) были“ ²⁾.

Въ 1619 г. Богданъ Огинскій, давній членъ и благодѣтель виленскаго братства, далъ вмѣстѣ съ женой Раиной Воловичовной новую фундушовую запись монастырю въ *Евнѣ* (близъ Вильны), при которомъ уже нѣсколько лѣтъ работала типографія ³⁾. При этомъ онъ выразилъ желаніе, „абы тежь и наука швольная для дѣтей быти могла“. Въ 1633 году Раина Огинская, уже вдова, пожертвовала „вѣчными часы на школу въ томъ монастыру будущую“ тысячу золотыхъ, но пока „се еще школа грунтовнѣ уфундуеть“, позволяла употребить эту сумму на мельницу и бумажную фабрику ⁴⁾.

Подъ 1621 г. упоминается училище въ *Межибожь* (въ Подоліи, при сліяніи Бужка съ Бугомъ). Авторъ Львовской лѣтописи или, такъ называемой, Русской хроники говоритъ о себѣ подъ этимъ годомъ: „Тогожь року ямь (я) ся учити почаль, въ Межибожу, у дѣка Дмитрія Щирецкого. Тогожь року отецъ мой умерь; я зъ школы занѣсь въ домъ хоробу горячку“ ⁵⁾.

Около 1625 г. дѣлается извѣстной школа въ *Шкловѣ* (въ оршанскомъ повѣтѣ), бавалары которой Стефанъ и потомъ Макарій изъ Головчина учили Игнатія Іевлевича начаткамъ русскаго языка ⁶⁾.

Въ 1626 г. Богданъ Богдановичъ Соломирецкій, воспитанникъ Лаврентія Зизанія и Мелетія Смотрицкаго, фундуя *боркулабовскій* монастырь (въ оршанскомъ повѣтѣ), требовалъ, чтобы при немъ было училище. Впрочемъ, эта фундація не осуществилась, и въ 1633 г. сестра Соломирецкаго съ своимъ мужемъ Богданомъ Стетевичемъ передали грунты основанному ими монастырю въ Буйничяхъ ⁷⁾.

¹⁾ Рукоп. книга Аван. Миславскаго, л. 113 об.

²⁾ Вилен. грам., II, № 40 (id. Вѣстн. Зап. Рос., 1866, V, № 3; но здѣсь послѣдней фразы—о «млоденцахъ» не читается).

³⁾ Туда перешла виленская братская типографія послѣ исторіи съ Оршаномъ.

⁴⁾ А. В. А. К., XI, № 31. 37 (см. также Архивъ вилен. св.-духовскаго монастыря, старая опись, св. 30).

⁵⁾ Научовый сборникъ, 1867, 267. Еще ранѣе, въ 1838 г., Львовская лѣтопись была напечатана въ Рус. ист. сборн., кн. III. См. въ Ж. М. Н. Пр., 1838 г., ч. 13, ст. *Войничкаю*: «О Русской лѣтописи».

⁶⁾ *Голубевъ*, Ист. Кіев. акад., прил., 75.

⁷⁾ Арх. сб., II, № 31. А. Ю. и З. Р., II, № 56. Не въ монастырской ли школѣ въ Буйничяхъ Игнатій Іевлевичъ «wpragował rękę» (*Голубевъ*, Ист. Кіев. акад., прилож., 76)?

Въ 1629 г. Райна Огинская, основывая монастырь въ *Кронягъ* (въ ковенскомъ повѣтѣ), дала нѣсколько сель на содержаніе въ немъ иноковъ, „также спѣваков и выростков для пилнованя школы и науки“. ¹⁾

Въ 1630 г. былъ основанъ Богданомъ Стеткевичемъ монастырь въ Кутейнѣ (оршанскаго повѣта), и нѣсколько позже мать Стегкевича, княжна Анна Богдановна Огинская пожертвовала кутейнскому монастырю с. Бѣлковщизну, позволяя игумену Юлию Труцевичу съ иноками, если „похочутъ школу наукъ писма языкомъ Елѣнословенского, Латѣнскаго, Польскаго и Русскаго, также и друкарню ведлугъ возможности мѣти“ ²⁾. Вѣроятно, монахи не отказались завести училище; по крайней мѣрѣ типографія здѣсь была, хотя и частная—Спиридона Соболя, кievскаго типографа, который напечаталъ здѣсь „Брашно духовное“ (1630) и Молитвословъ (1631) ³⁾.

Въ 1633 г. получила начало школа въ *Полоцкѣ* при богоявленской церкви, по фундушовой записи этой церкви браславскимъ земскимъ судьей Севастьяномъ Мирскимъ пол-плаца въ городѣ, съ правомъ построенія на немъ монастыря, церкви, госпиталя и училища. Запись сдѣлана была 6 июня, а 12 іюля король подтвердилъ её, давъ при этомъ согласіе на „збудованье школы для науки дѣтемъ христіанскимъ“ ⁴⁾.

Названныя нами школы составляютъ, быть можетъ, только незначительную часть всѣхъ существовавшихъ въ зап. Россіи въ 1584—1633 гг. училищъ. Чтобы намъ не быть голословными, приведемъ нѣсколько строкъ изъ описанія путешествія въ Россію папріарха антиохійскаго Маварія, сдѣланнаго его сыномъ, архидіакономъ Павломъ Алеппскимъ. Въ г. Рашковѣ (на лѣвомъ берегу Днѣстра) путешественники поразились продолжительностью богослуженій и тѣмъ, что въ пѣніи принимали участіе наряду съ взрослыми и малыя дѣти. По этому поводу Павелъ Алеппскій дѣлаетъ такое замѣчаніе: „Начиная съ этого города и по всей землѣ русскихъ, т. е. казаковъ, мы замѣтили возбудившую наше удивленіе прекрасную черту: всѣ они, за исключеніемъ немногихъ, даже большинство ихъ женъ и дочерей, умѣютъ читать и знаютъ порядковъ церковныхъ службъ и церковныхъ напѣвовъ; кромѣ того священники обучаютъ сиротъ и не оставляютъ ихъ шататься по улицамъ невѣждами“. Самъ онъ такъ объясняетъ это почти всеобщее распространеніе грамотности въ южной Россіи въ срединѣ XVII ст.

---

¹⁾ Вкл. грам., II, № 41 (въ Вѣстн. Зап. Россіи, 186%, VIII, № 2, этой фразы опять нѣтъ).

²⁾ Арх. сб., II, № 33.

³⁾ М. Миллеръ, XI, 387.

⁴⁾ Витебскія стар., V, I, № 90. Въ Полоцкѣ до того едва ли была православная школа, но существовала при соборѣ огромная бібліотека, которая, по словамъ Гейденштейна, имѣла въ глазахъ ученыхъ такую же цѣнность, какъ и прочая добыча, найденная въ этомъ городѣ при взятіи его Баторіемъ въ 1579 г. (Вит. стар., IV, стр. 215).

(свидѣтельство его относится къ 1654 г.): въ странѣ этой, благодаря постояннымъ войнамъ казаковъ съ поляками и другими народами, имѣется множество сиротъ, которыя живутъ милостыней, собираемой ими по вечерамъ, послѣ заката солнца, въ теченіе круглаго года, съ пѣніемъ гимновъ пресв. Дѣвѣ; такимъ образомъ, они должны учиться читать и пѣть, чтобы поддерживать свое существованіе, и занимаются собираніемъ милостыни, пока не окончатъ ученія. По словамъ Павла, число грамотныхъ особенно увеличилось со времени появленія Хмея (Хмѣльницкаго) который почти не переставая велъ страшныя войны...¹⁾ Если приводимая Павломъ Алепскимъ причина того, что большинство населенія южной Россіи было грамотно въ 1654 г., должна быть принята, то отсюда можно сдѣлать такіе выводы: такъ какъ она дѣйствовала и въ другихъ областяхъ польско-литовскаго государства и притомъ дѣйствовала за много лѣтъ до проѣзда п. Макарія, то въ ней нужно усматривать одинъ изъ сильныхъ факторовъ распространенія грамотности въ зап. Россіи и въ изучаемый нами періодъ; съ другой стороны, свидѣтельство Павла даетъ право думать, что просвѣщеніе распространялось и школьнымъ путемъ, тѣмъ болѣе, что школа въ нашъ періодъ не только не препятствовала дѣтямъ собирать милостыню пѣніемъ подъ окнами, но даже старалась упорядочить это явленіе.

Въ заключеніе должно сказать, что образовательныя средства православныхъ въ концѣ XVI и началѣ XVII ст. не исчерпывались однѣми братскими и приходскими школами: по прежнему они могли учиться и за границей и на дому, пользуясь домашними учителями. Конечно, по сравненію съ предыдущимъ періодомъ образовательный цензъ послѣднихъ сталъ выше. Изъ такихъ домашнихъ учителей мы знаемъ Лаврентія Зизанія и Мелетія Смотрицкаго, занимавшихся въ домѣ Соломирецкихъ, Аеанасія Филипповича, брестскаго игумена, исповѣдника православія, который по окончаніи наукъ „церковно-русскихъ“, въ теченіе семи лѣтъ состоялъ въ домѣ канцлера Льва Сапѣги „инспекторомъ“ при Дмитровичѣ (Лубѣ), выдаваемомъ поляками за московскаго царевича, сына Маринки²⁾. Наконецъ, братства не отказывались посылать своихъ учителей и за границу. Такъ, въ 1614 г. одинъ изъ такихъ учителей состоялъ при дворѣ молдавскаго господаря Могилы³⁾.

¹⁾ Чт. въ моск. общ. ист. и древн. рос., 1897, IV, отд. III, 2.

²⁾ Діаріушъ *Ав. Филипповича*, П. П. Л., I, 84.

³⁾ Suppl., 480 (id. Юбил. изд., I, № 67). Петръ Могила, I, 16. Аристократы—молдавчане иногда посылали своихъ дѣтей въ львовскую школу (Петръ Могила, прил., № XIX, 8).

ГЛАВА XI.

Дидаскалы и ректора братскихъ школъ.

Биографическія свѣдѣнія объ учителяхъ относятся къ внѣшней исторіи училищъ, дополняя и освѣщая ее. Мы выдѣляемъ ихъ въ особую главу, чтобы не прерывать нити событій каждой отдѣльной школы частыми отступленіями. Но объ огромномъ большинствѣ братскихъ преподавателей нельзя сказать больше того, что они учительствовали тамъ-то и тогда-то. Здѣсь даемъ рядъ краткихъ біографій болѣе выдающихся изъ нихъ, оставившихъ болѣе глубокой слѣдъ въ исторіи нашего образованія.

1) Первое мѣсто въ ряду такихъ учителей принадлежитъ организатору братскихъ школъ—греку *Арсенію, архіепископу елассонскому и димоникскому* ¹⁾. Родился онъ около середины XVI ст. и въ школѣ г. Трикви, основанной ларисскимъ митрополитомъ (впослѣдствіи вселенскимъ патриархомъ) Іереміей Трансомъ, изучилъ грамматику, піитику и риторикѣ ²⁾. Въ началѣ восьмидесятихъ годовъ онъ былъ поставленъ въ епископы Елассона. Въ 1585 г. онъ вмѣстѣ съ епископомъ дирахійскимъ Паисіемъ былъ отправленъ въ Москву, между прочимъ, для сообщенія о тяжеломъ положеніи патриархіи (посольство это снаряжено было п. Теолиптомъ въ отвѣтъ на присылку царемъ милостыни на поминъ души ц. Ивана). Въ началѣ 1586 г. архіеп. Арсеній былъ на границѣ Россіи и въ мартѣ уже выѣхалъ изъ Москвы съ щедрой милостыней ³⁾. Обратный путь посольства лежалъ чрезъ польско-литовское государство и чрезъ г. Львовъ. Радужно принятый въ этомъ городѣ православнымъ населеніемъ, архіеп. Арсеній склонился на просьбы нѣкоторыхъ лицъ и

---

¹⁾ Елассонъ—въ Старой Фессаліи. Арсенію посвящены статьи г. *Оглобина* въ Исторической бібліотекѣ, 1879, III (Арсеній, архіепископъ елассонскій и его «Описаніе путешествія въ Московію»), и проф. *А. Дмитриевскаго* въ Трудахъ Киев. дух. академіи, 1898 г., январь (Архіеп. Елассонскій Арсеній (Суздальскій тожъ) и его вновь открытыя историческія мемуары)

²⁾ Тр. Киев. дух. акад., 1898, янв., 7—9.

³⁾ Посольству предшествовала грамота патриарха отъ 27 мая 1585 г. (Сношенія Россіи съ Востокомъ. I, 152—155, 169, 179, 180. Тр. Киев. дух. акад., 1898, янв., 12, 13). Г. Дмитриевскій предполагаетъ, что въ архіепископы Арсеній былъ возведенъ при отправленіи его въ Россію (стр. 12, пр. 4).

остался здѣсь. Арсеній въ Константинополь не заѣзжалъ ¹⁾ и не могъ тамъ быть, такъ какъ отъ марта по іюнь, когда онъ прибылъ въ Львовъ, для этого было очень мало времени. Если современныя свидѣтельства твердятъ, что онъ явился отъ п. Іереміи ²⁾, то ихъ нужно понимать такимъ образомъ, что львовскіе братчики, упросивъ проѣзжавшаго чрезъ ихъ городъ архіеп. Арсенія остаться у нихъ учителемъ, послѣ того послали отъ себя или отъ его имени за благословеніемъ патріарха. На вселенскій престолъ въ это время вступилъ (въ третій разъ) п. Іеремія Транось, который зналъ Арсенія по триккской школѣ и всегда покровительствовалъ ему. Онъ то, вѣроятно, и благословилъ Арсенія остаться во Львовѣ ³⁾.

Арсеній всего болѣе былъ нуженъ львовянамъ для постановки учебнаго дѣла и для преподаванія греческаго языка; правила послѣдняго онъ излагалъ по славянски ⁴⁾. Учительствовалъ онъ здѣсь безъ малаго два года. Повидимому, онъ уже намѣревался оставить преподавательство, когда получилъ 1 мая 1588 г. письмо отъ п. Іереміи, который ѣхалъ въ Москву и сообщалъ ему съ границъ Польши, что приглашенъ польскимъ канцлеромъ въ Замостье. Арсеній быстро собрался и 20 мая имѣлъ уже въ этомъ городѣ свиданіе съ патріархомъ, причемъ испросилъ у него позволеніе отправиться вмѣстѣ съ нимъ въ Москву. Въ Москвѣ архіеп. Арсеній принималъ участіе во всѣхъ переговорахъ и торжествахъ по случаю поставленія м. Іова въ русскіе патріархи. Въ маѣ 1589 г. Арсеній разстался навсегда съ п. Іереміей, такъ какъ остался въ Москвѣ, очевидно, по предложенію ц. Θεодора, который обѣщалъ его „уповоигъ, дать богатые города съ деревнями и сдѣлать надъ всѣми ими архіереемъ“ ⁵⁾. Вѣроятно, только послѣ этого патріархъ Іеремія,

¹⁾ ...«И онъ (Арсеній), пріѣхавъ въ Литовскую землю во Львовъ, съ тѣхъ мѣсть жил во Львовѣ, а в своей области не былъ, да опять с патріархомъ пріѣхалъ» (Греческій статейный списокъ—Тр. Кіев. дух. акад., 1898, янв., 14, прим. 3).

²⁾ «Въ то же лѣто, мѣсяца Іюнія, отъ вселенскаго патріарха екзаршески пріиде митрополитъ(?) димонитскій и елассонскій киръ Арсеніе, иже, школьное ученіе наченше, пребысть здѣ во градѣ Львовѣ. уча лѣтъ лѣтъ», говорится въ предисловіи къ грамматикѣ 1591 г. А Перестрога выражается, что п. Іеремія «чрезъ митрополита Елассонскаго и Димонискаго чрезъ двѣ лѣтъ училъ» (А. З. Р., IV, стр. 206; ср. 222).

³⁾ Тр. Кіев. дух. акад., 1898, янв., 15. 16.

⁴⁾ «Грамматику Грецкую и зъ Словенскимъ писмомъ не Арсеній ли... училъ двѣ лѣтъ?»—спрашиваетъ авторъ Перестроги (А. З. Р., IV, 222). Впрочемъ, г. Дмитріевскій доказываетъ, на основаніи Службеника, пожертвованнаго Арсеніемъ въ 1599 г. въ московскій архангельскій соборъ, что онъ «владелъ церковно-славянскимъ языкомъ небоико, даже и на первыхъ порахъ своего пребыванія уже въ Россіи». Въ этомъ Службеникѣ виленской печати 1598 г. рукою, кажется, самого Арсенія написаны по гречески чины посвященія въ чтецы, пѣвцы, инодіаконы, діаконы и пресвитеры: очевидно, заключаетъ г. Дмитріевскій, Арсеній при богослуженіи пользовался *предпочтительно* греческимъ языкомъ, и только молитвы, читаемыя вслухъ, онъ произносилъ на славянскомъ языкѣ (Тр. Кіев. дух. акад., 1898, янв., 17, прим. 2).

⁵⁾ Г. Оглоблинъ ошибочно полагаетъ, что Арсеній уѣхалъ изъ Москвы вмѣстѣ съ п. Іереміей и вновь возвратился въ 1592 г. (стр. 14—17): его опровергаютъ рѣчь самого Арсенія при прощаніи патріарха съ царемъ («пусть я останусь здѣсь», говорилъ онъ царю) и извѣстіе объ участіи Арсенія въ встрѣчѣ м. тырновскаго Діонисія 12 янв. 1590 г. (Снош. Россіи съ Востокомъ, I, 246. Тр. Кіев. дух. ак., 1898, янв., 27 и слѣд.).

возвратившись въ Константинополь, замѣстилъ елассонскую каведру новымъ лицомъ ¹⁾.

Царь Θεодоръ Ивановичъ сдержалъ свое обѣщаніе: онъ далъ Арсенію нѣсколько деревень (*χωρία*), на доходы съ которыхъ Арсеній приобрѣлъ себѣ въ Кремлѣ домъ и устроилъ въ немъ храмъ въ честь великомуч. Димитрія солунскаго, а затѣмъ, въ 1596 или 1597 г. Арсеній былъ опредѣленъ къ архангельскому собору въ Москвѣ съ титуломъ „архіепископа архангельскаго“ и съ обязательствомъ поминать усопшихъ великихъ князей и царей. Въ этомъ званіи Арсеній принимаетъ близкое участіе во всѣхъ важнѣйшихъ церковныхъ и политическихъ событіяхъ русскихъ. Онъ участвовалъ въ избраніи на царство Бориса Годунова, въ встрѣчѣ Лжедмитрія, въ коронованіи его и Марины Мнишекъ, въ низложеніи п. Іова и избраніи п. Игнатія, въ избраніи на русскій престолъ Василія Шуйскаго, въ кремлевскомъ сидѣніи съ поляками, сопровождавшемся видѣніемъ ему преп. Сергія, во встрѣчѣ царя Михаила Θεодоровича. Въ 1613 г. Арсеній былъ назначенъ епископомъ тверскимъ и кашинскимъ, а чрезъ два года переведенъ въ Суздаль. Но и послѣ того онъ не сталъ въ сторонѣ отъ явленій русской общецерковной жизни. Умеръ онъ въ Суздаль въ 1626 г., на 77 году своей жизни, продолжая послѣ смерти своей пользоваться „величайшимъ уваженіемъ и благоговѣніемъ горожанъ“. Такимъ же уваженіемъ онъ пользовался и при жизни своей, „какъ человекъ весьма образованный для своего времени, какъ поэтъ—писатель, педагогъ лингвистъ, художникъ—каллиграфъ, по характеру мягкій и благодушно-уступчивый, съ сердцемъ нѣжнымъ и весьма отзывчивымъ на все доброе, преданный и вѣрный до самоотверженія своему дѣлу архипастырь, рѣдкій любитель благолѣпія христіанскихъ храмовъ и щедрый благотворитель“ (Дмитріевскій) ²⁾.

Изъ литературныхъ произведеній Арсенія елассонскаго до насъ дошло, кромѣ его Еллино-словенской грамматики, стихотворное описаніе путешествія его въ Москву въ 1588 г. и поставленія п. Іова: *Κότοι καὶ διατριβὴ τοῦ ταπεινοῦ ἀρχιεπισκόπου Ἀρσενίου, υἱᾶφι καὶ τῆν προβίβαν τοῦ πατριάρχου Μοβχολίας* ³⁾, и Историческіе

---

¹⁾ Преемникомъ Арсенія былъ Макарій, подпись котораго имѣется на одномъ документѣ 1591 г. (Dipl. stat., p. 111). До этого же времени Арсеній постоянно титуловался и, вѣроятно, оставался елассонскимъ епископомъ. И если въ 1588 г. Героевъ, еп. монемвасійскій, спутникъ п. Іеремии въ его путешествія въ Москву, выразился объ Арсеніи, что онъ не имѣетъ каведры, то и онъ назвалъ его елассонскимъ архіепископомъ (Хронографъ Дорооева, у Ф. Терновскаго, Изученіе византійской исторіи... II, 72. Σχθ α Βογυραφικον εχδωχθιx παρι τοῦ πατριάρχου Ιερζμου Β. Παρχητηx, σ. 21). Впрочемъ, Арсенія и впослѣдствіи титуловали по прежней каведрѣ, напр. п. Мелетій Цигасъ въ письмѣ отъ 1592 г. (Σθθ, 83, прим. 2).

²⁾ Σθθ, о. с. Παρχητηx, 35. 36. Ομολογία, 14 и слѣд. Тр. Кіев. дух. акад., 1893, янв., 19 и слѣд.

³⁾ Греческій текстъ—въ приложеніи къ цитованному сочиненію г. Сатъ (с. 35 и слѣд.). Латинскій переводъ у Старчевскаго: *Historiae ruthenicae scriptores exteri saeculi XVI*, II, 369 et sqq., русскій—у г. Ομολογία; у него же и библиографія этого произведенія (см. также Тр. Кіев. дух. акад., 1898 г., янв., 28, прим. 3).

мемуары, обнимающіе время отъ вступленія на царство Θεодора Ивановича до восшествія на престолъ Михаила Θεодоровича Романова ¹⁾.

2) *Стефанъ Зизаній*, извѣстный и какъ педагогъ, и какъ писатель—полемистъ, началъ свою духовно-учебную службу въ Львовѣ въ 1586 г., одновременно съ архіеп. Арсеніемъ. Въ дошедшемъ до насъ реестрѣ учениковъ, принятыхъ въ львовскую школу въ 1586—1590 гг., читаемъ въ самомъ началѣ его такую записку: „Я Иванъ Богатырецъ, крамаръ (лавочникъ), отдаю сына своего Михаила Стефану даскалу рускому на науку словенского писма“ ²⁾.

Не знаемъ, былъ ли Ст. Зизаній шляхетскаго происхожденія, какъ доказываютъ нѣкоторые на томъ основаніи, что его братъ Лаврентій извѣстенъ съ дворянской фамиліей „Тустановскій“ ³⁾, или мѣщанскаго, какъ даетъ думать выходка противъ него автора брошюры: „Plewy Stephanka Zyzaniey Heretyka, z cerkwi Ruskiey wykłętego“ (Wilno, 1596): „лучше тебѣ, говорилъ онъ Зизанію, смотрѣть за горшками и тисками, чѣмъ, будучи мужикомъ, проповѣдывать“. Неизвѣстно также, гдѣ онъ получилъ образованіе,—въ львовской ли городской школѣ или въ какой другой.

Въ львовскомъ братскомъ училищѣ Ст. Зизаній скоро занялъ видное мѣсто и сталъ пользоваться большимъ научнымъ авторитетомъ. какъ это открывается изъ того, что одинъ львовскій священникъ, купивъ славянскую Библию, далъ просмотрѣть ее и провѣрить, полна ли она, ему именно (1590). Въ январѣ 1591 г. Стефанъ вмѣстѣ съ Кирилломъ Траневиліономъ получилъ отъ м. Михаила право проповѣдывать въ городскихъ церквяхъ. Въ началѣ 1592 г., когда всѣ братскіе учителя разошлись по разнымъ городамъ, онъ одинъ остался въ Львовѣ и тогда же, вѣроятно, занялъ положеніе ректора школы, въ какомъ званіи въ концѣ этого года онъ заносилъ въ городской судъ жалобы на ректора каедральнаго училища и его учениковъ. Одновременно Ст. Зизаній выступилъ на общественное поприще, быть можетъ, въ качествѣ обличителя униональных замысловъ русскихъ владыкъ, что послѣ дало Рагозѣ поводъ обвинять его въ томъ, что онъ „во Львовѣ крвопролития насѣялъ съ своими пособниками“ ⁴⁾. Эта же сторона дѣятельности Зизанія обратила на него вниманіе виленскаго братства, которое вызвало его къ себѣ „на поратунокъ, якъ чоловѣка навчонаго“ ⁵⁾. Произошло это въ 1593 г., какъ видно изъ протеста Зизанія отъ 15 окт. 1599 г. противъ нападенія на него членовъ виленскаго магистрата, гдѣ онъ указываетъ на то, что „въ монастыру Виленскомъ въ церкви святой Троицы больше отъ

---

¹⁾ Мемуары эти, писанные въ большей своей части Арсеніемъ, открыты въ трапезундскомъ сумелійскомъ монастырѣ проф. А. Дмитріевскимъ (Тр. Кіев. дух. акад., 1898, янв., 4. 5).

²⁾ *Крыловскій*, Акты, № 33; ср. *Голубевъ*, Исторія Кіевской академіи, 209.

³⁾ *Енцикл. powяз.*, XXV, 775. «Указатель, дополненіе и прилѣчанія къ VII тому Русской исторической бібліотеки», 209. Тр. Кіев. дух. акад., 1898, февр., 159, — *Ильинскій*, Большой катихизисъ Л. Зизанія.

⁴⁾ *Мовиш. confг.*, I, № 146. А. З. Р., IV, №№ 27. 33, г. 73. Suppl., №№ 61. 62.

⁵⁾ Боркулабовская хроника, 57.

шести летъ проповѣдуетъ“¹⁾. Проповѣди его и здѣсь носили догматико-полемиической характеръ, будучи направлены противъ католической церкви и предполагаемаго соединенія съ нею православной; при этомъ онъ затрогивалъ и личность м. Михаила, и послѣдній долженъ былъ защищаться предъ виленскимъ братствомъ въ чистотѣ своихъ намѣреній и вмѣстѣ съ тѣмъ запретить ему и Зизанію распускать ложные слухи и чинить бунты противъ своихъ архипастырей, подъ угрозой вѣчной клятвы и свѣтскаго наказанія (16 іюля 1595 г.). Но угроза не подѣйствовала на Ст. Зизанія, и 30 октября онъ получилъ отъ митрополита неблагословенную грамоту, въ которой обвинялся въ томъ, что, будучи „простымъ“, проповѣдуетъ, что попираетъ чины церковныя, неистовствуетъ противъ пастырей своихъ, проповѣдуя и пиша противъ нихъ протестаціи, что онъ „возмущаетъ церкви“ и даже противится королевскому величеству и что, наконецъ, сносится съ протестантами. Объявляя Зизанію о своемъ съ епископами рѣшеніи созвать на него соборъ, Рагоза запретилъ ему до того лouchать, пѣть и читать въ церкви. Означенный соборъ состоялся 25 янв. 1596 г. въ Новгородѣ. Послѣ того, какъ были прочитаны позовъ Зизанію и его „внижка, выданная на римскій востелъ“, найдено было, что обвиняемый проводитъ въ ней еретическія мнѣнія (напр., не признаетъ Иисуса Христа Ходатаемъ) и вообще „аргументуетъ не писмомъ слова шырого (истиннаго) Божого и апостольскаго и учителей церковныхъ, а только силогизмоу“. Отцы собора 27 янв. опредѣлили лишить Стефана церковнаго общенія. Въ соборномъ осужденіи въ вину ему ставилось и то, что онъ не явился на соборъ. Между тѣмъ оказалось, что его и не приглашали, и 1 февр. виленскій братскій діаконъ Алексій Блажковичъ занесъ въ новгородскія градскія книги отъ имени Зизанія и двухъ осужденныхъ вмѣстѣ съ нимъ священниковъ протестъ противъ соборнаго опредѣленія. Тѣмъ не менѣ послѣднее не только осталось въ силѣ, но и повлекло за собою королевскій приговоръ, по которому Стефанъ съ двумя братскими попами подвергались банниціи. Но Зизаній не палъ духомъ: онъ „утекся“ до трибунала и самого митрополита „до права потегалъ“. и трибуналъ, дѣйствительно, сталъ на его сторону, найдя новымъ и необычнымъ сопровождать церковную клятву изгнаніемъ. Впрочемъ, депутаты трибунала должны были замолчать, получивъ отъ короля строгое внушеніе²⁾. Соборнымъ осужденіемъ самимъ по себѣ Зизаній не особенно стѣснялся: онъ и послѣ него продолжалъ и проповѣдывать и писать полемиическія сочиненія противъ Рима и униі³⁾. Но королевскій „вырокъ“, въ силу котораго всѣ государственныя и городскія „урядники“ должны были взять его, „гдѣ бы ся притрафили до везенья и въ везенью задержавши“, извѣстить объ этомъ короля, — могъ испугать его и заставить нѣсколько притихнуть.

¹⁾ Вил. вѣстн., 1891 г., № 52. «Ст. Зизанія—проповѣдникъ слова Божія въ Виленскомъ троицкомъ монастырѣ», документъ № 25.

²⁾ А. З. Р., IV, №№ 73. 88. 91. 92. 95. 98. *Bielski, Dalszy ciąg kroniki polskiej* (1851), str. 281. 283. 284.

³⁾ 20-мъ мая 1596 г. датировано Зизаніемъ посвященіе Кон. Острожскому «Казанья св. Кирилла Іерусалимскаго».

Зизаній продолжалъ, вѣроятно, заниматься въ братской школѣ, какъ не оставилъ онъ проповѣдничества, на что указываетъ выше цитованное. заявленіе его, что онъ около шести лѣтъ проповѣдуетъ въ троицкомъ монастырѣ,—но дѣлалъ это уже не съ такимъ полемическимъ рвеніемъ. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ принялъ по давно данному обѣту монашество съ именемъ Сильвестра, что случилось до 15 окт. 1599 г. ¹⁾.

Въ первыхъ числахъ августа 1599 г. Зизаній, „будучи отъ бурмистровъ намовленный и упрошенный... и (съ) позволенія братского удался на мешканье“ въ троицкій монастырь ²⁾. Любезно принятый здѣсь патронами послѣдняго, т. е. мѣщанами, и духовенствомъ, онъ получилъ „въ доворъ скарбы того монастыря“ и ему было обѣщано „его за архимандрита мети“. При этомъ „ему позволили школу закладати.., збирати и всѣхъ юдей презъ казанья до церкви згромажати и всякій порядокъ въ монастыри управляти“. Въ отсутствіе архим. Іоасафа Зизаній исполнялъ даже его обязанности, неустанно при этомъ проповѣдуя и побуждая слушателей къ благоустроению виленскихъ церквей. Но недолго пришлось ему быть здѣсь. 24 сент. Ипатій Потѣй, новонареченный униатскій митрополитъ, услышавъ объ его мѣстопробываніи, велѣлъ своему виленскому намѣстнику—соборному протопопу Парѣеновичу, разузнавъ, своею ли волею вошелъ Зизаній въ монастырь или благодаря бурмистрамъ и мѣщанамъ,—запечатать церковь и не допускать „проклятому банниту“ что нибудь дѣлать въ ней. Съ другой стороны, король, извѣщая 29 сент. виленскихъ мѣщанъ о назначеніи Потѣя митрополитомъ, обвинилъ ихъ въ томъ, что они дозволили Зизанію проповѣдывать въ троицкой церкви, и положилъ на нихъ заруку въ количествѣ 3 тысячь копѣ лит. грошей. Встревоженные мѣщане измѣнили своимъ симпатіямъ къ Зизанію и рѣшили выжить его изъ монастыря. Но послѣ того, какъ онъ отвѣтилъ и имъ и Парѣеновичу, что вошелъ въ монастырь и проповѣдуетъ съ согласія его архимандрита и „не пойдетъ зъ монастыря жаднымъ способомъ“,—имъ оставалось прибѣгнуть къ насилію, что они и сдѣлали. Вооружившись „оружьемъ rozmaityмъ, кордами, секирами и топорами“, мѣщане пошли къ Стефану. Онъ, больной, вступилъ съ ними въ переговоры чрезъ рѣшетку окна, прося не оскорблять насиліемъ святости монастыря и кладбища и не трогать его, который явился сюда по ихъ же зову и теперь молится за государя и за нихъ и хочетъ здѣсь окончить жизнь, для чего и въ монахи постригся. „Што они слышачи, намнійся не хотѣли погамовати, але тымъ барзей моцью, квалтомъ въ двери з топорами почали ся добывати, мовечи: южь ся тч намъ не выщобечешь пташкомъ, и не будешь больше по свету летати“. Прорубивъ дверь изъ корридора въ сѣни, они принялись за другую. Но Зизаній, перейдя въ сосѣднюю келію, бѣжалъ въ одномъ „кожушку“ (полушубкѣ)

¹⁾ Вил. вѣстн., 1891 г., № 52. Документъ № 25.

²⁾ О братскомъ позволеніи говорилъ самъ Стефанъ, но когда 9 окт. въ ратушѣ допрашивали братскихъ старостъ объ его мѣстожителствѣ, они отвѣчали, что Стефанъ Зизаній у нихъ „былъ и служилъ, но недавно безъ вѣдома рады и ихъ позволенія ушелъ... и такъ какъ намъ, говорили они, онъ болѣе не служить, мы не хотимъ бѣтъ его панами“ (Арх. униат. митроп., № 235).

изъ монастыря и въ тотъ же день (15 окт.) записалъ двѣ жалобы—въ урядѣ и у вознаго ¹⁾). Дальнѣйшая судьба его неизвѣстна. Можно догадываться, впрочемъ, что онъ упоминается подъ именемъ „отца Селивестра иеродиякона, инока монастыря церкви св. Духа“, въ жалобѣ виленскаго братства трибуналу на отобрание книжекъ „Ориноса“ ²⁾). Скончался до 1621 г., т. е. до написанія „Палинодіи“, въ которой онъ причисляется къ умершимъ уже русскимъ писателямъ ³⁾).

Изъ сочиненій Стефана Зизанія, котораго Захарія Копыстенскій аттестуетъ, какъ „мужа въ Грецкомъ и Словенскомъ языку учонаго велце“, извѣстны:

а) Катихизисъ, изданный въ 1595 г. и послужившій матеріаломъ для обвиненія Зизанія на новгородскомъ соборѣ ⁴⁾). Этотъ катихизисъ не дошелъ до насъ и свѣдѣнія о немъ почерпаются изъ вызванныхъ имъ двухъ современныхъ брошюръ: „Kąkol, który rozsiewa Stephanek Zizaniea w Cerkwiach ruskich w Wilnie“, 1595 г., Жебровскаго Феликса и „Plewy Stephanka Zyzaniey“ ⁵⁾).

б) „Листъ Іереміи патріарха напоминальныи. До того отца нашего Кирилла патріарха Іерусалимскаго, о второмъ пришествіи Христовѣ, и о Антихриствѣ. А ву тому отъ Златоустаго и отъ Ипполита папы римскаго згодливе о томъ пишучихъ привожено“, 20 янв. 1596 г. (28 листовъ) ⁶⁾).

в) Въ томъ же году вышло „Казанье св. Кирилла Іерусалимскаго“, съ посвященіемъ кн. Острожскому и съ польскими стихами на его гербъ. „Казанье“ написано на польскомъ и западнорусскомъ языкахъ. Въ основаніи его лежитъ 15-ое огласительное слово св. Кирилла. Въ сочиненіи проводится мысль, что антихриствъ уже пришелъ и царствуетъ на землѣ въ лицѣ римскаго папы,—мысль, взятая Зизаніемъ у протестантскихъ писателей и развитая имъ по Любберту, какъ доказываетъ г. Студинскій на основаніи сличенія обоихъ авторовъ ⁷⁾). Сообразно съ этой тенденціей Зизаній значительно исказилъ при переводѣ текстъ св. Кирилла; грамматическія же ошибки произошли, вѣроятно, отъ желанія переводить

---

¹⁾ А. З. Р., № 142. 144—146 и стр. 225 («Стефана Зизанія, дидаскала школьного и казнодѣю, который на васъ волагъ и книжки свои явнѣ друковалъ, обезчестили есте и на его здоровье такъ есте ся важили, ажъ черезъ коминъ (дымовую трубу) вытиснувшися утекъ зъ Вилна»,—укоряетъ латино-униатовъ авторъ Пересторога, но не знаемъ, описанный ли нами случай имѣеть онъ въ виду или другой). Вил. вѣств., 1891, № 52

²⁾ Петръ Могила, прил., № 25. Впрочемъ, мы не увѣрены, принялъ ли Зизаній священный санъ: Копыстенскій называетъ его просто монахомъ (П. П. Л., I, 913)

³⁾ П. П. Л., I, 913.

⁴⁾ Студинскій, Пересторога, 146.

⁵⁾ Голубевъ, Библиографическія замѣчанія о старопечатныхъ книгахъ (Тр. Кіев. дух. акад., 1876, I, 129—135).

⁶⁾ Каратаевъ, о. с., № 142.

⁷⁾ Студинскій, Пересторога, 162—166.

слово за словомъ, что, конечно, не рекомендуетъ ученыхъ пріемовъ Зизанія ¹⁾...

Наконецъ, Ст. Зизанію принадлежитъ „Изложеніе о православной вѣрѣ“, приложенное къ азбукѣ его брата Лаврентія (1596) ²⁾.

Стефана Зизанія и католики, и уніаты, и православный соборъ въ Новгородѣ сочли еретикомъ ³⁾. Основываясь на этомъ, г. Голубевъ, а за нимъ м. Макарій настаиваютъ на томъ, что по нѣкоторымъ вопросамъ (напр., объ І. Христѣ, какъ Ходатаѣ Нашемъ предъ Богомъ, о частномъ судѣ) онъ дѣйствительно уклонялся отъ ученія православной церкви, но оправдываютъ его младенческимъ состояніемъ русской богословской мысли во времена Зизанія ⁴⁾. Но проф. Завитневичъ и вслѣдъ за нимъ г. Бѣлановскій выяснили и доказали, что и здѣсь Зизаній былъ вполне православнымъ ⁵⁾. Не вдаваясь въ подробности ихъ доводовъ, мы укажемъ на то, что если бы Зизаній дѣйствительно погрѣшалъ противъ ученія восточной церкви, то онъ не былъ бы оправданъ на брестскомъ соборѣ 1596 г. ⁶⁾ и его сочиненія не пользовались бы такимъ большимъ уваженіемъ и значеніемъ у православныхъ, что они, по словамъ автора „Гармоніи восточной церкви съ костеломъ римскимъ“, его „книжкамъ баламутнымъ лѣтѣй, ниже евангеліи, вѣрили“ ⁷⁾. Наконецъ, по спорнымъ пунктамъ согласно съ нимъ учили авторы „Антиграфовъ“ (Смотрицкій), „Антапологи“ (Геласій Диплицъ), „Палинодіи“ (Копыстенскій), „Вопросовъ и отвѣтовъ православному зъ папезниковъ“ ⁸⁾.

---

¹⁾ Бѣляновскій, Стефанъ Зизанія (Вол. еп. вѣд., 1887, 369, 370). Впослѣдствіи «Казанье» вошло въ составъ статей «Кирилловой книги», 1644 г., перепечатанной въ 1786 г. въ Гроднѣ раскольниками, ученію которыхъ о пришествіи антихриста оно очень благоприятствовало («Ст. и Лавр. Зизаній», Рук. для сел. паст., 1865, II, 465—467).

²⁾ Оно перепечатано г. Бѣляновскимъ въ Вол. еп. вѣд., 1887, 551—559.

³⁾ Жебровскій насчиталъ у Зизанія десять ересей: 1) непризнание І. Христа Ходатаемъ, 2—4) непризнание св. Духа дуновеніемъ, даромъ и перстомъ Божиимъ, 5) извѣденіе св. Духа только отъ Отца, 6—8) утвержденіе, что злое въ адѣ, а доброе въ рай ранѣе суднаго дня не попадаютъ. 9) наименованіе еретиками тѣхъ, кто не употребляетъ при евхаристіи кваснаго хлѣба, и 10) — тѣхъ, кто не допускаетъ дѣтей до св. причастія (Тр. Кіев. дух. акад., 1876, I, 130—132) Іосифъ Рутскій обвинялъ его въ 1608 г. въ отрицаніи единства церкви здѣсь, на землѣ (Theses Tojest pewne przelożenia z nauki o Sakramentach cerkiewnych. ВиЛ. публ. библ.).

⁴⁾ Тр. Кіев. дух. акад., 1876, I, 133—135. М. Макарій, IX, 614. 615.

⁵⁾ Завитневичъ, Палинодія Захарія Копыстенскаго, 119 и слѣд. Вол. еп. вѣд., 1887, 361. 362. Даже г. Студинскій признаетъ Ст. Зизанія православнымъ, хотя онъ и оговаривается, что Жебровскій не намеренно старался выскрывать у него ереси, что поводъ къ обвиненію подавалъ неясный и неполный способъ выраженія Зизанія, чего послѣдній не избѣжалъ въ нѣкоторыхъ вопросахъ даже и въ «Казаньи» (Пересторога, 147—149).

⁶⁾ Замѣчательно, что въ опредѣленіи этого собора новгородское осужденіе Зизанія мотивируется желаніемъ м. Рагозы скрыть свое тяготѣніе къ Риму, и это объясненіе является тѣмъ драгоцѣннѣе, что его высказываютъ почти все тѣ-же духовные, которые присутствовали и въ Новгородѣ, начиная съ еп. Гедеона Балабана (А. З. Р., IV, № 91. 105).

⁷⁾ П. П. Л., II, 180. Точно также и Петръ Суромятникъ выражается, что Русь «chwali, przumię, y za Ewangelią chowa» сочиненія Ст. Зизанія (Locher, II, 496).

⁸⁾ Студинскій, о. с., 148. 149.

3) Гдѣ учился *Лаврентій Зизаній Тустановскій*, родной братъ Стефана, неизвѣстно. Едва ли въ львовской братской школѣ: учителемъ ея онъ сдѣлался еще до 1592 г., между тѣмъ его имени не значится въ спискахъ учениковъ, принятыхъ сюда въ 1586—1590 гг. Не доказательно также утверждение, что онъ вмѣстѣ съ братомъ и Кирилломъ Трансвиллиономъ получилъ образование въ острожскомъ училищѣ: „близкое знакомство Лаврентія Зизанія съ семействомъ кн. Константина Острожскаго“ могло завязаться и послѣ ¹⁾. Въ Львовѣ Лаврентій учительствовалъ только до 1592 г. Въ началѣ его онъ перешелъ въ брестскую школу, а въ 1595 г. въ виленскую ²⁾. Выдвинувшись въ Вильнѣ издаваемъ въ 1596 г. *Азбуки съ „Лексисомъ“ и славянской грамматики съ толкованіемъ молитвы Господней*, онъ сталъ извѣстенъ князьямъ Соломирецамъ, которые пригласили его къ себѣ въ домашніе учителя. „Року 97, говоритъ авторъ Боркулабовскій хроники, во великій постъ его милость кн. Богданъ, именемъ Исакий, у месте Боркулабове почаль учитися по руску грамоте и по вгрецу; а былъ бакаларемъ панъ Лаврентій Зизаній, человекъ навченый, зъ места Виленского прибавленый“. Здѣсь Лаврентій оставался до 14 апр. 1600 г., когда Соломирецкіе взяли у него сына „зъ науки“ и отдали для обученія латинскому языку Максиму Смотрицкому ³⁾. 1 сент. Зизаній отправился отсюда въ Галицію, „къ отчеству своему и родителемъ“, везя съ собой письмо Соломирецкихъ къ львовскому братству, поручавшее его любви и вниманію послѣдняго ⁴⁾. Затѣмъ онъ является въ званіи домашняго учителя и проповѣдника у кн. Ал. К. Острожскаго въ Ярославѣ. Но здѣсь онъ оставался недолго: 2 дек. 1602 г. князь скончался и его вдова Анна Косткова, ярая католичка, дала Лаврентію отставку ⁵⁾. Послѣ того онъ на цѣлыя десять лѣтъ исчезаетъ съ исторической сцены. Вновь онъ появляется на ней въ маѣ 1612 г., когда получилъ отъ кн. Іоакима Корецкаго и его жены Анны Ходкевичевны мѣсто священника при соборной церкви въ Корцѣ, съ земельными доходами и съ жалованьемъ въ 60 пол. зл., къ которымъ были прибавлены „фаленьдишу ловоть осмъ и футро

¹⁾ Лаврентій Зизаній Тустановскій (Вол. еп. вѣд., 1890, 2—4). *Г. Ильинскій*, Большой катихизисъ Лавр. Зизанія, какъ учено-литературное произведеніе (Вол. еп. вѣд. 1893, 965; ср. Тр. Кіев. дух. акад., 1893, февр., 160).

²⁾ А. З. Р., IV, № 33, т. 63.

³⁾ *Кулишъ*, Матеріалы для исторіи воссоединенія Руси, I, 72. 74. Кн. Богданъ началъ учиться у Лаврентія на 11-мъ году своей жизни.

⁴⁾ А. З. Р., IV, № 154.

⁵⁾ Записки м. Петра Могилы (Арх. Ю.-З. Р. I, VII, 93). *Максимовичъ*, Собраніе сочиненій, I, 191. Мнѣніе, что Л. Зизаній былъ отправленъ въ Ярославъ тотчасъ послѣ извѣстнаго письма К. К. Острожскаго (Вол. еп. вѣд., 1881, 816, прим. 1),—есть, повидимому, просто догадка. Но можно однако допустить, что кто-нибудь изъ львовскихъ ученыхъ посланъ былъ тогда въ Ярославъ для укрѣпленія въ вѣрѣ молодого князя, усѣвшаго между зубами западныхъ людей вѣры и науки: несмотря на то, что Александръ Острожскій былъ дружески расположенъ къ іезуитамъ, коллегію которыхъ посѣщалъ проповѣди слушалъ и учрежденія хвалилъ (Lit. an. S. I., 1593, p. 261), они частіи и единия не имѣли въ немъ,—онъ остался православнымъ.

(шуба) лисее“¹⁾). Въ началѣ 20-хъ годовъ XVII ст. мы видимъ Лаврентія въ Кіевѣ въ числѣ членовъ ученаго кружка, собраннаго архим. Елисеємъ Плетенецкимъ. Здѣсь онъ является съ репутаціей мужа „благоговѣйна, словеснѣйна дидаскала и вѣтїи“, человекѣа, „стяжавшаго художнаго еллиногреческаго языка умѣніе и искусство“, почему его привлекли вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими къ редактированію перевода Бесѣдъ св. Іоанна Златоуста на Посланія ап. Павла, сдѣланнаго Кипріаномъ изъ Острога. Переводъ этотъ былъ изданъ въ Кіевѣ въ 1623 г.²⁾ Чрезъ два года былъ выпущенъ въ свѣтъ Зизаніевъ переводъ „Толкованія на Апокалипсисъ“ св. Андрея кессарійскаго³⁾. Одновременно Лаврентій Зизаній обрабатывалъ свой катихизисъ, съ которымъ онъ въ 1626 г. является въ Москвѣ. Чѣмъ была вызвана эта поѣздка, которую Лаврентій совершилъ въ сопровожденіи двухъ своихъ сыновей, документально не выяснено. 24 апр. 1626 г. на заставѣ въ Путивлѣ онъ говорилъ, что ѣдетъ въ Москву за милостыней⁴⁾. Можетъ быть; но исторія пребыванія Лаврентія въ Москвѣ вся сосредоточивается на судьбѣ его катихизиса, который онъ представилъ п. Филарету съ цѣлю получить его одобреніе и разрѣшеніе къ печати, чего онъ, вѣроятно, не могъ добиться въ западной Россіи. Когда книга была переведена съ западнорусскаго языка, на которомъ была написана, на славянскій⁵⁾, патріархъ, прочтя ее всю, повелѣлъ напечатать. Но предварительно онъ произвелъ въ ней такіа передѣлки и измѣненія, начиная съ самаго заголовка⁶⁾, что авторъ, которому 18 февр. 1627 г. былъ врученъ печатный экземпляръ, сказалъ на третій день: „много понудихся, и книгу едва не всю проидохъ. и зѣло добра и мудра. а иное мнитса кабы не все съ моего переводу писано. Кабы иное перестуцлено“, да и послѣ очень дивилса мудрости патріарха, выразившейся въ исправленномъ катихизисѣ настолько, что онъ обрѣлъ въ немъ большое просвѣщеніе для своей души⁷⁾.

¹⁾ Арх. Ю.-З. Р., I, VI, № 159.

²⁾ Пред. къ «Бесѣдамъ Златоуста на 14 посланій ап. Павла» (1623). Такъ какъ «Бесѣды» начали печататься въ маѣ 1621 г., а Лаврентій работалъ надъ ними около двухъ лѣтъ, то можно думать, что въ Кіевъ онъ прибылъ въ 1619 г. (Вол. еп. вѣд., 1890, 5).

³⁾ Вѣроятно, Д. Зизанію принадлежать стихи «на гербъ зацнои и шляхетнои фамиліи панов Долматовъ» въ «Бесѣдахъ Златоуста на Дѣянїя апостольскїа» (Кіевъ, 1624), подписанные мниціалами: I. Л. З.

⁴⁾ Вол. еп. вѣд., 1890, 7 (id. Тр. Кіев. дух. акад., 1898, февр., 165).

⁵⁾ Когда московскіе книжки спросили Лаврентія, зачѣмъ у него вмѣсто «въ купнїи» написано «во пнѣ» и вмѣсто «лѣвити» — «хлѣбъ», онъ сказалъ, что писалъ, какъ слѣдуетъ, но что переводчикъ ошибся, и что если бы онъ зналъ, что это произойдетъ, то далъ бы святъ патріарху всю свою книгу на славянскомъ языкѣ («Засѣданіе въ книжной палатѣ 18 февр. 1627 г. по поводу исправленій Катихизиса Лавр. Зизанїа», Изд. общ. любит. древней письменности, 1878, стр. 19).

⁶⁾ Книга называлась у Д. Зизанїа «Оглашенїемъ», но патріархъ «переименова ъ бесѣдословіе, понеже оглашенїе есть книга. кїрїла архїепископа іерусалимскаго, новокрещавшимся въ іерусалимѣ; I единимъ именемъ многимъ книгамаъ быти нелѣпо» (ibid., 2).

⁷⁾ Ibid., 32. 46.

П. Филаретъ, предвидя, очевидно, недовольство Зизанія произведенными имъ поправками, а быть можетъ, и желая поиспытать автора на счетъ его православія, повелѣлъ богоявленскому игумену Илиі „да отъ книжныя sprawy Григорію Онисимову“ имѣть съ нимъ разговоръ объ исправленныхъ статьяхъ, въ присутствіи вн. Черкаскаго и дьяка Лихачева. Бесѣды происходили 18—20 февр. въ книжной палатѣ и на подворьи, гдѣ остановился Лаврентій. Московскіе книжники предъявили много возраженій, частію дѣльныхъ, а частію мелочныхъ, и хотя, по повелѣнію патріарха, старались говорить „любовнымъ обычаемъ и смиреніемъ права“, однако своею придирчивостію довели Зизанія до того, что онъ сдѣлалъ имъ уступки по всѣмъ пунктамъ, даже гдѣ былъ правъ. Однѣ погрѣшности въ своемъ катихизисѣ онъ свалилъ на переписчика, относительно другихъ сознавался: „мнѣ де такъ спростовалоса“. Въ концѣ концовъ онъ заявилъ: „а азъ для того сюда и приѣхалъ. чтобы мнѣ отъ васъ здѣсь лучшая наука пріяти. а вѣдаю и самъ что въ моей книгѣ много было и недѣло писано“¹⁾.

Въ февралѣ 1627 г. Лаврентій Зизаній уѣхалъ изъ Москвы. Въ августѣ слѣдующаго года онъ игралъ вмѣстѣ съ случившимъ протопопомъ Андреемъ Мужилковскимъ очень видную, даже руководящую роль на соборѣ, состоявшемся въ Кіевѣ по дѣлу Мелетія Смотрицкаго. Подъ соборной грамотой онъ подписался „протопопомъ Корецкимъ“²⁾. Отъ 1631 г. о немъ имѣется лестный отзывъ Геласія Диплица: „родной братъ Стефана Зизанія, тоже Зизаніемъ называющійся, мужъ почтенный въ народѣ нашемъ русскомъ, еще по Божіей милости живеть“³⁾. Живъ онъ былъ еще въ началѣ 1634⁴⁾.

Кромѣ названныхъ уже оригинальныхъ и переводныхъ трудовъ Лавр. Зизанія, послѣ него осталась еще одна рѣчь надъ гробомъ княг. Чарторыйской, произнесенная въ 10-хъ годахъ XVII ст.⁵⁾.

4) *Кириллъ Транквилионъ-Ставроуекій* впервые становится известнымъ въ ноябрѣ 1589 г., когда ему, тогда уже учителю львовской братской школы, пришлось говорить по гречески отъ лица братства и въ защиту его рѣчь предъ п. Іереміей⁶⁾. Нѣтъ основаній думать, что греческій языкъ онъ изучилъ въ братской школѣ: его имени нѣтъ въ числѣ ея первыхъ учениковъ. Еще невозможное утвержденіе Чистовича, что Транквилионъ учился въ замостеской академіи⁷⁾: послѣдняя была открыта только въ 1594—1595 гг. Всего вѣроятнѣе, что онъ получилъ образованіе въ львовскомъ каедральномъ училищѣ, въ программу котораго входилъ греческій языкъ. Какъ долго Кириллъ учительствовалъ въ Вильнѣ, куда онъ бѣжалъ отъ ярости еп. Балабана въ январѣ 1592 г.,

¹⁾ «Засѣданіе въ книжной палатѣ»... 35. 39. 45.

²⁾ *Голубевъ*, Петръ Могила, прилож., № 55, стр. 313. *Protestacia*, *ibid*, № 56. Полагаютъ, что въ протопопы Л. Зизаній былъ произведенъ п. Теофаномъ въ 1620 г. (Тр. Кіев дух. акад., 1898, февр., 164).

³⁾ *Antapologia*, 614.

⁴⁾ Арх. Ю-З Р., I, VI, № 159.

⁵⁾ Труды III археол. съѣзда, II, прилож., 220.

⁶⁾ Лѣтопись львов. братства, 22. 60.

⁷⁾ Очеркъ исторіи зап.-рус. церкви, II, 302.

не знаемъ. Въ началѣ XVII ст. онъ опять является въ Галиціи и здѣсь становится въ очень близкія отношенія къ рогатинскому братству, для исторіи котораго онъ оставилъ много матеріаловъ въ своихъ, еще неизданныхъ, запискахъ (1601—1621 гг.). До 3 янв. 1618 г. Кириллъ былъ уневскимъ игуменомъ, что видно изъ его прощальной рѣчи къ братіи этого монастыря. Въ 1618—1619 гг. онъ, уже игуменъ любартовскій, пишетъ листъ о стояніи за истинную вѣру членамъ минскаго братства и всѣмъ православнымъ ¹⁾.

Въ это же время Транквилионъ выступаетъ печатно, какъ богословъ. Въ 1618 г. онъ издалъ въ Почаевѣ, въ собственной типографіи, „Зерцало Богословія“, первую русскую догматическую систему. Но наше духовенство отнеслось къ нему не совсѣмъ сочувственно. Извѣстный Іовъ Княгиницкій, которому Кириллъ послалъ для рецензіи „оглавленіе или основаніе“ „Зерцала“, далъ о немъ 23 авг. 1619 г. строгій критическій отзывъ, найдя въ немъ нѣсколько неправославныхъ мнѣній, и совѣтовалъ печатать его не ранѣе того, какъ оно „изслѣдуется учеными и учтшими писанія книгъ отеческихъ“: „лучше замедлитъ и прославится, писалъ онъ автору, нежели ускоритъ и обещестится“ ²⁾. Въ 1619 г. Кириллъ напечаталъ въ Рахмановѣ „Евангеліе Учительное albo Казаня на недѣли презъ рокъ и на праздники Господскіе и нарочитымъ святымъ угодникамъ Божіимъ“. Сюда же вошли поученія и на особые случаи, въ родѣ освященія церкви, постриженія монаховъ, погребенія и т. п. Напечатано оно было на средства владѣлицы Рахманова Ирины Вишневецкой, и часть экземпляровъ была посвящена ей, часть вн. Ю. Чарторыйскому, часть вн. Сам. Корецкому. Хотя Учит. Евангеліе Ставровецкаго представляетъ сборникъ проповѣдей, написанныхъ по большей части на основаніи Бесѣдъ п. Филоеоя и говоренныхъ Кирилломъ въ различныхъ городахъ западной Россіи, и притомъ составленный, какъ видно изъ предисловія, съ одобренія и благословенія львовскаго епископа Теремія Тиссаровскаго и монемвасійскаго митрополита Іоасафа ³⁾,—оно, въ силу уже подорванной Іовомъ репутаціи автора, встрѣтило много враговъ, тѣмъ болѣе, что въ составъ его вошло кое-что изъ „Зерцала Богословія“ ⁴⁾. Затѣмъ оно было осуждено на соборѣ русскихъ епископовъ во главѣ съ м. Борецкимъ, которые постановили: „тѣхъ книгъ новаго слогу Кириллова Учительнаго Евангелія никому отъ православныхъ и благочестивыхъ христіанъ въ церквахъ и домѣхъ не держати, ни чести, ни покупати, а кто начнетъ чрезъ ихъ повелѣніе соборное тѣ книги въ церквахъ или въ домѣхъ держати, или чести, или покупати,

¹⁾ *Е. І. Калужняцкій*, Обзоръ сл.-русскихъ памятниковъ письменности, находящихся въ библиотекѣ и архивахъ львовскихъ (Тр. III археол. съѣзда, II, прилож., 219). *Голубевъ*, Петръ Могила, прилож., 233. Не былъ ли Кириллъ въ концѣ XVI ст. въ Минскѣ?

²⁾ Петръ Могила, прилож., № 35. Рецензія Іова очень не понравилась Кириллу и онъ написалъ ему отвѣтъ, «полный ярости и гнѣва» (*ibid.*, 233). Вѣроятно, Кириллъ, посылая Іову свое «исповѣданіе вѣры», какъ бы тезисы, извлеченные изъ «Зерцала», не упомянулъ, что оно было уже напечатано. Издано вторично въ 1690 г. въ Уневѣ.

³⁾ *А. Г-въ*, Судьба Учит. Евангелія Кирилла Транкв.—Ставровецкаго (Чт. въ моск. общ. любит. дух. просвѣщ., 1890, I, 537).

⁴⁾ *Арзіенъ Филаретъ*, Обзоръ рус. дух. литературы, I, 204. Чт. въ общ. люб. дух. просвѣщ., 1890, I, 537—539. Руков. для сел. пастырей, 1873, I, 274, прим.

такові да будуть прокляти“¹⁾). Это опредѣленіе имѣло рѣшающее вліяніе и на рецензію на Учит. Евангеліе московскихъ богослововъ: Аеанасія Китайчича, игумена Иліи и Ив. Насѣдки, которымъ поручено было высказаться о немъ, когда Кириллъ прислалъ въ Москву нѣсколько десятковъ экземпляровъ его. На основаніи отзыва этихъ критиковъ, отзыва чрезвычайно пристрастнаго и выходившаго изъ убѣжденія, что проповѣдникъ не долженъ отступать отъ „божественныхъ писаній“ не только въ отношеніи мыслей, но и буквы, и принимавшаго каждую ошибку, даже грамматическую, за ересь, книги Транквиліона, по указу царя Михаила Ѳеодоровича и п. Филарета, велѣно было „собрать и на пожарахъ сжечь, чтобы та ересь къ смута въ мірѣ не была“. Впрочемъ, нѣкоторые экземпляры Учит. Евангелія спаслись отъ аутодафе и послѣ служили образцомъ для проповѣдниковъ въ родѣ автора „Статира“, священника г. Орлова (вятской губ.)²⁾.

Въ 1621 г. видимъ Кирилла уже въ Замостьѣ, гдѣ онъ трудится до 1625 г., какъ проповѣдникъ слова Божія³⁾. Сохранилось нѣсколько рѣчей его въ честь Ѳомы Замойскаго⁴⁾. Послѣ этого онъ уже—уніатъ. Изъ письма къ Кириллу скитскаго игумена Ѳеодосія видно, что до 1625 г. онъ былъ ревнителемъ православія, старавшимся объ утвержденіи его и объ изобличеніи неправыхъ и нечестивыхъ людей. Поэтому едва ли можно согласиться съ авторомъ рукописи: „Indicium, t. j., rozkazanie serkwie prawdziwey“ (1638), что Ставровецкій (Kirył bez brody) перешелъ въ унію изъ-за упрямства и самолюбія, оскорбленнаго требованіемъ церковныхъ властей отдать Евангеліе подъ цензуру собора⁵⁾. Но возможно, что нерасположеніе къ Кириллу православнаго духовенства, причины котораго лежали, быть можетъ, въ личномъ характерѣ Транквиліона, побудило его къ этому шагу. За свой переходъ въ унію онъ былъ награжденъ королемъ архимандріей въ Черниговѣ (25 марта 1626 г.), гдѣ и умеръ въ 1646 г., получивъ за три года до смерти коадьютора въ лицѣ законника Колковскаго⁶⁾. Послѣднія 20 лѣтъ жизни Кирилла Ставровецкаго ознаменовались только тремя событіями: а) посылкой въ Москву Учит. Евангелія (1627 г.), б) участіемъ въ интригѣ противъ

¹⁾ Чт. въ общ. люб. дух. просвѣщ., 1890, I, 539.

²⁾ М. Макарій, XI, 48. 49. Чт. въ общ. люб. дух. просвѣщ., 1890, I, 540 и слѣд.

³⁾ Первая дата устанавливается сообщеніемъ автора житія Іова Княгиницкаго, что предъ его смертію († 29 дек. 1621 г.) у него былъ іеромонахъ Кириллъ изъ Замостья, который по гречески просилъ его о прощеніи и о молитвѣ (Зоря Галицкая, 1860, 249); вторая—Писаніемъ душеполезнымъ преп. Ѳеодосія игумена скитскаго преподобійшему во іеромонаствѣ Господину отцу Киръ Кириллу, люботрудному проповѣднику слова Замостскому, отъ іюня 1625 г. (Петръ Могила, прилож., 233).

⁴⁾ Тр. III археол. съѣзда, II, прилож., 219.

⁵⁾ Петръ Могила, прилож., 233. 234. Головацкий, Библиографическія находки во Львовѣ (Зап. Имп. ак. наукъ, XII, прилож., № 4).

⁶⁾ Арх. Ю.-З. Р., I, VI, № 311. Этотъ документъ даетъ видѣть, что въ 1643 г. въ черниговской области вся «св. унія» заключилась только въ одной особѣ Кирилла Транквиліона.

м. Петра Могилы, суть которой состояла въ томъ, что Кирилль съ двумя униатскими владыками убѣдилъ какого то странствующаго епископа занести подь чужимъ именемъ жалобу на митрополита, будто послѣдній ограбилъ его въ дорогѣ ¹⁾, и в) написаніемъ „Перла Многоцѣннаго“ (1646 г.) ²⁾.

5) *Гавріилъ Дороеевичъ*, родомъ изъ Львова, впервые является въ исторіи въ октябрѣ 1594 г., когда онъ прибылъ въ Острогъ по вызову Кирилла Лукариса для продолженія съ нимъ занятій по гречески. Занятія эти, по видимому, начались въ Константинополѣ и при участіи притомъ патріарха Мелетія Пигаса. О близкихъ отношеніяхъ между послѣднимъ и Дороеевичемъ говоритъ одна фраза изъ письма Дороеевича къ Кириллу Лукарису. Приглашая Лукариса въ учителя львовской школы, Дороеевичъ выразилъ: „И преблаженный мой господинъ, господинъ Мелетій имѣлъ бы тебя въ любви, если бы ты потрудился среди русскихъ, вывода ихъ изъ тьмы невѣдѣнія въ свѣту православія“ ³⁾. Еще ближе стоялъ Дороеевичъ къ Кириллу Лукарису, который былъ знакомъ—лично или заочно—съ его родителями и обмѣнивался съ ними привѣтствіями ⁴⁾. Учебныя занятія Гавріила Дороеевича въ Острогѣ продолжались недолго: послѣ перехода Лукариса въ Вильну онъ оставилъ Острогъ. Цитованное нами письмо отъ 3 окт. 1595 г. писано Дороеевичемъ или изъ Львова или изъ ближайшаго къ нему пункта. Жалуясь въ немъ на разлуку съ К. Лукарисомъ, Дороеевичъ всего болѣе огорченъ тѣмъ, что въ Лукарисѣ судьба лишила его того, чего онъ болѣе всего жаждалъ,—учителя; завѣряетъ Лукариса въ искренности своего стремленія къ ученію, цѣль котораго—желаніе помогать другимъ; проситъ помощи для себя, бѣднаго ученика. „Если поможешь мнѣ, проводящему печально время въ сихъ мѣстахъ, то я буду тебѣ полезнымъ помощникомъ, когда ты будешь учи-

---

¹⁾ 1636 г. Арх. Ю.-З. Р., I, VI, № 295.

²⁾ «Перло многоцѣнное»—сборникъ духовныхъ пѣсенъ и гимновъ, молитвъ, казаній и орацій, содержаніе которыхъ составляютъ «тайны избавленія». Здѣсь читатель найдетъ похвалы Богу, Дѣвѣ Маріи, апостоламъ, ангеламъ, мученикамъ, «богословцамъ», по поводу важнѣйшихъ праздниковъ, страстямъ Господнимъ, «Лѣкарство души въ покутѣ бывшимъ», «Лѣкарство на 7 смертныхъ грѣховъ», о четырехъ вратахъ, ведущихъ къ загробной жизни. Широтѣ содержанія соответствуетъ глубина его. Но нельзя не видѣть самоиѣнія автора въ его объясненіи, что его книга названа «Перломъ многоцѣннымъ» «для двухъ причинъ поважныхъ; для високого Розума богословского и сладкоглаголиваго языка Риторского. и для поетическаго художества», и что она можетъ быть полезна для проповѣдниковъ, которые могутъ одинъ—два стиха ея распространить въ вѣлую рѣчь, и для студентовъ, которые «могутъ собѣ стонъ книги святой избирати вѣрши на свою потребу, и творити знихъ ораціи розмаити часу потребъ своихъ; хочъ и на комедіяхъ духовныхъ». Вотъ образецъ стиха «Циріахса Транквѣлуса Ставровецкаго»: «Отче нашъ, иже еси на небесѣхъ | Слава тобѣ о всѣхъ, и держава на всѣхъ. | Отче нашъ, небесный пресвятѣйшій | Ты у славы вѣчной, надъ солнце яснѣйшій | Ты самъ свѣтъ славы своей | У величествѣ державы твоей»...

³⁾ Bibliogr. Hellén. v. XVII, IV, № 53: 3 окт. (1595).

⁴⁾ *ibid.*, № 49.

телемъ львовскаго училища, что, я надѣюсь, въ скорости случится, только бы утихла эпидемія“. Принятый въ львовское братство, Г. Дороеевичъ отплатилъ ему черной неблагодарностью, перейдя на сторону еп. Гедеона и измѣнически передавши ему ключи отъ церковной братской казны. Несмотря на заступничество Кирилла Лукариса (18 янв. 1601 г.), онъ былъ исключенъ за это изъ братства ¹⁾). Свѣдѣнія о Гавріилѣ Дороеевичѣ послѣ того прерываются длиннымъ промежуткомъ времени: только въ 1614 году о немъ вспоминаетъ константинопольскій патріархъ Кирилла Лукарисъ въ своемъ извѣстномъ посланіи львовскому братству, заключающемъ совѣты относительно лучшаго устройства типографіи, школы и т. п. Въ немъ въ числѣ лицъ, которыя „смолоду вкусили сладости наукъ и прошли хорошую школу“, патріархъ называетъ Дороеевича, особеннаго любителя наукъ, который болѣе чѣмъ кто способенъ помочь львовянамъ въ возсозданіи и переустройствѣ училища ²⁾). Послѣдній разъ Дороеевичъ упоминается въ 1624 г., въ изданныхъ въ этомъ году Бесѣдахъ на Дѣянія св. Апостоль. Изъ предисловія къ нимъ узнаемъ, что въ ихъ переводѣ принималъ участіе „словеснѣйшій мужъ кир Гавріилъ Дороеевичъ, Примікіріи П. (ечерскій?) и клирикъ церкви львовскія, дідакаль въ Еллино-греческомъ любомудрѣйшомъ и художномъ языкѣ иже отъ Еллино-греческаго архитипу в Етонѣ изображенаго в славенскій языкъ якоже зрите разумнѣ и правѣ преводе и преложи“. Указаніе довольно неопредѣленное. Оно не даетъ видѣть, гдѣ тогда подвизался Дороеевичъ—въ Кіевѣ или въ Львовѣ ³⁾).

6) *Ювъ*, въ мірѣ Иванъ, *Борецкій* былъ родомъ изъ Борчи въ Галиціи ⁴⁾). Образование онъ получилъ въ львовской братской школѣ ⁵⁾). У насъ нѣтъ данныхъ, чтобы согласиться съ свящ. Викуломъ, что Борецкій послѣ того учился въ Острогѣ, хотя и можно принять предположеніе проф. Голубева, что онъ слушалъ лекціи въ какомъ нибудь высшемъ учебномъ заведеніи, въ виду его „довольно либеральныхъ по тому времени взглядовъ на западно-европейскую науку“ и его ученой дѣятельности ⁶⁾). Какъ бы то ни было, въ 1604 г. Борецкій сдѣлался ректоромъ львовской школы. „Того же часу, записано въ протоколѣ братскихъ засѣданій подѣ

¹⁾ Лѣтопись львов. братства, 84. 85.

²⁾ Петръ Могіла, прил., № 28.

³⁾ Изъ предисловія къ Львовскому изданію книги О священствѣ (1614) открывается, что Дороеевичъ занимался этимъ переводомъ еще во Львовѣ по желанію еп. Гедеона Балабана (*Завитневичъ*, о. с., 301).

⁴⁾ Петръ Могіла, прил., № 53: Письмо-Борецкаго къ львовскому братству въ 1628 г. Свящ. Викулъ, основываясь на томъ, что «на варшавскомъ сеймѣ яхи попрекали Юва ж др. іерарховъ Теофанова посвященія ихъ хлонскимъ происхожденіемъ», утверждаетъ, что онъ былъ простаго званія (Под. еп. вѣд., 1894, 435, прим. 3). Но для поляковъ поводомъ къ такому попреку могло служить происхожденіе изъ крестьянъ хотя бы и одного изъ поставленныхъ этимъ патріархомъ епископовъ. Цитованное же письмо Борецкаго показываетъ, что онъ былъ шляхтичемъ и однимъ изъ владѣльцевъ с. Борчи, отчего и фамилію свою носилъ.

⁵⁾ Въ одной грамотѣ къ львовскимъ братчиновъ м. Ювъ называетъ себя ихъ «споль братомъ и выгованкомъ з ними въ Богоспасаемомъ градѣ Львовѣ» (Петръ Могіла, прил., № 47).

⁶⁾ Под. еп. вѣд., 1894, 436. *Голубевъ*, Ист. Кіев. акад., 213; Тр. Кіев. дух. акад., 1887, II, 151-152.

1604 г., принятый был отъ всего братства до школы за ректора Іоанъ Борецкій, которому братья подали въ мощь школу такъ же и порядки школьные. И поступили му на каждый кварталъ (четверть года) давати по золотыхъ польскихъ 10. За что онъ, подавовавши братіямъ, такуюю контентацію завдячне (съ благодарностью) принялъ и офѣровался дѣтей и грецкого и латинскаго языка учить¹⁾. Въ 1611—1613 г. мы видимъ Борецкаго въ Кіевѣ воскресенскимъ священникомъ²⁾. Былъ ли онъ вызванъ сюда Ел. Плетенецкимъ, или явился въ Кіевъ по собственной инициативѣ, въ всякомъ случаѣ среди мѣстныхъ ревнителей духовнаго просвѣщенія онъ занялъ настолько видное мѣсто, что ему поручили въ 1615—1616 г. ректуру въ богоявленской братской школѣ. Росписка Борецкаго львовскому братству о забранныхъ имъ учебникахъ греческой грамматики можетъ свидѣтельствовать какъ о томъ, что онъ былъ очень внимателенъ къ нуждамъ своей школы, такъ и о томъ, что онъ и здѣсь преподавалъ древніе языки³⁾. Въ пользу послѣдняго говоритъ и слѣдующее свидѣтельство о немъ: „Іовъ Борецкій бѣ митрополитъ благочестивъ и премудръ, въ божественномъ писаніи искусенъ, греческій и латинскій языкъ добръ умѣный и тѣхъ языковъ инья въ школахъ учивый и учащихся студентовъ всякими потребами довольствовавый“,—свидѣтельство, приложимое и къ львовскому, и къ кіевскому періодамъ его педагогической дѣятельности⁴⁾. Но, съ другой стороны, отзывы о немъ современниковъ, какъ о человѣкѣ „достоверномъ въ божественныхъ писаніяхъ“ и относящаяся къ нему надпись на одной изъ книгъ бібліотеки кіево-софійскаго собора: „princeps scholarum, qui causa necessitatis illustrissimus ipse professor fuerat haurientibus sacra studia“,—даютъ право заключать, что онъ преподавалъ и духовныя науки⁵⁾.

На этотъ разъ школьная дѣятельность Борецкаго продолжалась недолго. Во второй половинѣ 1618 г. онъ былъ избранъ въ игумены михайловскаго монастыря⁶⁾ и въ виду новыхъ обязанностей и отдаленности богоявленскаго училища долженъ былъ оставить его. Впрочемъ, ни игуменство, ни посвященіе въ кіевскіе митрополиты (8 окт. 1620 г.) не заставили Борецкаго совершенно прекратить свои отношенія къ нему: онъ и послѣ того продолжалъ покровительствовать училищу, и Кальнофойскій по справедливости назвалъ его въ своей эпитафій меценатомъ⁷⁾... Даже наканунѣ своей смерти († 2 марта 1631 г.) м. Іовъ принялъ нѣкоторыя мѣры къ тому, чтобы обезопасить свою любимую школу отъ конкуренціи, какою могло представить для нея проектированное Петромъ Могилой

¹⁾ Тр. Кіев. дух. акад., 1887, II, 129.

²⁾ Ист. Кіев. акад., 213, 214. Сборникъ лѣтописей, относящ. къ исторіи южной и западной Руси (Кіевъ, 1888), 83.

³⁾ Петръ Могила, прилож., № 34.

⁴⁾ Рукоп. кн. Ав. Миславскаго, л. 104 об. Ср. отзывъ Сильвестра Коссова: «Іовъ Борецкій—человѣкъ хорошо образованный, въ свободныхъ наукахъ, въ знаніи греческаго, латинскаго и славянскаго языковъ едва ли кому равный. Школѣ былъ покровителемъ, самъ въ нихъ училъ и учащихся всѣмъ необходимымъ снабжалъ» (Патериковъ, 1635, 180).

⁵⁾ Под. еп. вѣд., 1894, 436, прил. 6.

⁶⁾ Ж. М. Н. Пр., 1887, мартъ, Критика, 48. Тр. Кіев. дух. акад., 1887, II, 152.

⁷⁾ Тараторщина, 27.

лаврское училище, „заказавши“ устраивать школы въ другомъ мѣстѣ, кромѣ братства. Очень удачно распорядился онъ въ томъ же духовномъ завѣщаніи своей бібліотекѣ, отказавши архим. Могилѣ греческія и латинскія книги и михайловскому монастырю—славянскія и польскія ¹⁾. Наконецъ, доказательствомъ заботливости Іова Борецкаго о русскомъ просвѣщеніи служить открытіе имъ на одномъ изъ своихъ дворовъ въ Кіевѣ, на Подолѣ, типографіи. Ею завѣдывалъ съ 1625 по 1627 г. Тимошей Александровичъ Вербицкій, а съ 1627 по 1630 г.—Спиридонъ Соболя. Отсюда вышло нѣсколько богослужебныхъ и отеческихъ книгъ ²⁾.

Изъ литературныхъ произведеній м. Іова, кромѣ множества посланій и писемъ, до насъ дошли только его переводы съ греческаго. Два изъ нихъ мы уже указали. Кромѣ того онъ, будучи михайловскимъ игуменомъ, принималъ участіе въ переводѣ съ греческаго и въ истолкованіи Анологіона, напечатаннаго въ 1619 г. въ Кіевѣ, причемъ обнаружилъ вновь тотъ поэтический талантъ, о которомъ упомянуто было въ предисловіи къ „Листу п. Мелетія Пигаса“ ³⁾.

Мы не касаемся другихъ сторонъ жизни и дѣятельности м. Іова Борецкаго,—ни подробностей поставленія его въ митрополиты, ни неприємностей и даже опасностей, какимъ подвергся онъ за это отъ враговъ православія, ни его усилій оправдать предъ ними и, въ частности, предъ королемъ законность своей хиротоніи, ни его борьбы за православіе и русскую народность, ни его тяготѣнія къ Москвѣ и возникшихъ отсюда переговоровъ съ московскимъ правительствомъ: все это уже достаточно обследовано ⁴⁾. Нѣтъ намъ также нужды выяснять фактъ наклонности Борецкаго къ уніи съ Римомъ, которая была результатомъ его стремленія создать для православной церкви въ Польшѣ такой *modus vivendi*, при которомъ она, сохраняя неприкосновенными свои догматы и обрядность, могла бы быть свободна отъ внѣшнихъ преслѣдованій и постоянныхъ столкновеній съ уніатами; достаточно указать только на то, что Борецкій разошелся съ М. Смотрицкимъ, какъ только замѣтилъ, что тотъ понимаетъ унію нѣсколько иначе...

7) *Мелетій*, въ мірѣ Максимъ, *Смотрицкій* былъ сынъ извѣстнаго острожскаго дѣятеля Герасима Даниловича ⁵⁾. Родился онъ около 1577—

¹⁾ Дух. завѣщаніе отъ 1 марта 1631 г. (Петръ Могила, прилож., № 71). Сохранилось доселѣ нѣсколько книгъ, отданныхъ м. Іовомъ въ михайловскій монастырь съ собственноручной подписью его по листамъ (таковы, напр. слѣдованная псалтырь, сочиненія Амфилохія). Интересно знать, что это за «работа алхимичская», о которой Борецкій говоритъ въ завѣщаніи, что много лѣтъ старался ее окончить, «и не безъ кошту и макладу тое все робило и не докончило»?

²⁾ Под. еп. вѣд., 1894, 541. 542. Впрочемъ, м. Макарій видитъ здѣсь двѣ частныя типографіи Вербицкаго и Соболя, изъ которыхъ первому м. Іовъ оказывалъ только помощь (XI, 386. 387).

³⁾ Петръ Могила, I, 393. Ж. М. Н. Пр., 1837, мартъ, Критика, стр. 48.

⁴⁾ Кромѣ С. М. Соловьева. м. Макарія, г. Голубева, можно читать цитованную уже нами монографію свящ. П. Викула: Кіевскій м. Іовъ Борецкій (Под. еп. вѣд., 1894, №№ 24—28).

⁵⁾ О М. Смотрицкомъ можно читать, между прочимъ: *Suzza, Saulus et Paulus... Stebelski, Dwa wielkie światła...*; *Колловичъ*, Литовская церк. унія, II; *Елемескій*, Прав.

1578 г. въ Смотричѣ (въ Подоліи). Получивъ первоначальное образование подъ руководствомъ своего отца и Кирилла Лукариса, Мелетій отправился или былъ отправленъ кн. К. К. Острожскимъ въ виленскую академію для изученія философіи ¹⁾. 14 апр. 1600 г. Смотрицкій поступаетъ въ домашніе учителя къ Соломирецкимъ ²⁾. Черезъ нѣсколько лѣтъ онъ посѣщаетъ съ своимъ воспитанникомъ заграничныя университеты—бреславскій, лейпцигскій, нюрнбергскій и другіе, гдѣ почерпаетъ, по выраженію Суши, ядъ ересей ³⁾. Возвратился онъ на родину не въ 1610 г., какъ обыкновенно думаютъ ⁴⁾, а еще до 1608 г. и тогда же, вѣроятно, вступилъ въ виленское братство, какъ можно заключать изъ заглавія и предисловія вышедшей въ этомъ году его книга: „*Αντιγραφὴ*“ albo *odpowiedź na script uszczypliwy, przeciwko ludziom starożytney religiey Graeckiey od apostatow cerkwie Wschodniey wydany, ktoremu tytuł: „Heresiae, Ignorantiae y Politika popow y mieszczan bractwa Wileńskiego“, tak też y na książkę, rychło potom ku objaśnieniu tegoż scriptu wydaną, nazwiskiem „Harmonią“*. Przez iednego brata bractwa cerkiewnego Wileńskiego religiey starożytney Graeckiey w porogwczą dana. W Wilnie roku 1608“ ⁵⁾. А что авторомъ ея былъ Смотрицкій, это видно изъ его собственнаго заявленія ⁶⁾. Это было первое печатное произведение Смотрицкаго, въ которомъ онъ заявилъ себя спокойствіемъ тона, стремленіемъ опровергнуть всѣ нападки латино-уніатовъ, отличнымъ польскимъ языкомъ и даже способностью къ версификаціи (очень недурна его „Эпиграмма“ на гербъ кн. Острожскихъ) ⁷⁾. Черезъ два года

обозр., 1861, май—іюнь; *Мартыновъ*, Кирилло—меодіевскій сборникъ, I (предисловіе къ „Апологии“ Смотрицкаго); *Голубевъ*, Петръ Могила, I, гл. III; *Pelesz*, Seschichte der Union. II, 388—407.

¹⁾ Pamфлетъ на Мел. Смотрицкаго (Кіев. еп. вѣд., 1875, 564).

²⁾ Боркулабовская хроника, 74. Суша сообщаетъ, что кн. Острожскій отправилъ Смотрицкаго въ академію вмѣстѣ съ своимъ родственникомъ Георгіемъ въ 1601 г. (р. 16), но уже въ 1600 г. онъ извѣстенъ автору хроники, какъ «панъ Максимъ Герасимовичъ Смотрицкій»; притомъ трудно допустить, что онъ былъ отправленъ въ академію на 23 году своей жизни.

³⁾ *Saulus et Paulus*, 16. Арх. ун. митр., V, № 343. Uwaga 3, f. 19 обор. М. Смотрицкій въ своей Апологии писалъ о Теофілѣ Ортологѣ (т. е. о самомъ себѣ), что онъ—приверженецъ Лютера, проведшій свою молодость въ академіяхъ лейпцигской и виртембергской, при гробѣ Лютера (95. 96).

⁴⁾ Мацѣевскій полагаетъ даже, что Смотрицкій поѣхалъ за границу только около 1610 г. (*Piśmiennictwo Polskie*, III, 455).

⁵⁾ Перепечатано въ III томѣ Пам. полем. литературы.

⁶⁾ *Arologia*, 105. *Скабалановичъ П.*, 96ъ Апокрисисъ Христофора Филалста, 59, прим. 4

⁷⁾ Первымъ литературнымъ трудомъ М. Смотрицкаго нужно, кажется, счесть другое сочиненіе, сохранившееся въ рукописи—автографъ Импер. публ. бібліотеки (34 листа,—безъ начала и конца). Въ немъ Смотрицкій, исходя изъ разсужденія о дѣлахъ діавола, въ примѣненіи его къ исторіи католической церкви, выводитъ заключеніе, что папа не антихристъ, но и не отъ Бога, а отъ Его противника «посланіе свое имѣтъ» (л. 12). Нѣсколько протестантскій взглядъ на иконы (л. 11 об.) въ связи съ ссылкой на 1601 г., годъ выхода въ свѣтъ 7 тома «Анналовъ» Баронія (л. 30), заставляетъ насъ отнести написаніе сочиненія къ первымъ годамъ по возвращеніи Смотрицкаго изъ Гер-

онъ выпустилъ новое сочиненіе, произведшее огромное впечатлѣніе: „*Θρηνοσ* to jest Lament iedyney ś. Powszechney Apostolskiey Wschodniey Cerkwie, z objaśnieniem Dogmat wiary. Pierwiey z Graeckiego na Słowiański, a teraz z Słowiańskiego na Polski przełożony przez Theophila Orthologa, teyże świętey Wschodniey Cerkwie Syna. W Wilnie. Roku Pańskiego 1610“,—сочиненіе, представляющее изображение печальнаго положенія православной церкви, до котораго довели ее ея враги, и опроверженіе тѣхъ пунктовъ католическаго вѣроученія, какими оно отличается отъ православнаго. Его высоко цѣнили не только православные, изъ которыхъ иные завѣщали даже похоронить себя съ этой книгой, но и протестанты. Смотрицкаго называли „защитникомъ вѣры, отцомъ православія“ (religionis tutor, propagator fidei, orthodoxiae genitor). Совершенно иначе должны были отнестись къ „Θриносу“ латино-уніаты, для которыхъ каждое слово въ немъ было жестокой раной, каждая мысль смертоноснымъ ядомъ, причемъ польскій языкъ являлся какъ бы приправой¹⁾. И Смотрицкій не даромъ скрылъ свое имя: широкое распространеніе „Θриноса“, ставшаго извѣстнымъ даже въ Москвѣ, въ связи съ войной, ведшеюся тогда съ царемъ московскимъ, заставило уже Скаргу признать его политически неблагодѣльнымъ и вызвало репрессивныя мѣры короля и виленскаго магистрата противъ виленскаго братства и его типографовъ. Авторъ избѣгъ наказанія, такъ какъ псевдонимъ его не былъ, повидимому, раскрытъ, хотя Скарга и похвалялся скоро это сдѣлать²⁾.

Многолѣтнія школьныя занятія и литературныя труды вынудили Смотрицкаго искать отдыха внѣ Вильны, и онъ провелъ нѣсколько лѣтъ w dwornych zabawach (въ свѣтскихъ развлеченіяхъ) и только послѣ этого рѣшилъ вновь поступить на службу въ виленское братство³⁾. Здѣсь онъ занимаетъ должность учителя и продолжаетъ съ интересомъ слѣдить за религіозной борьбой въ западной Россіи. На это же время (1616—1617 г.) падаетъ извѣстный эпизодъ о тайныхъ хожденіяхъ Смотрицкаго въ св.-троицкій монастырь. Уніатскіе писатели спусти нѣсколько лѣтъ передавали, что онъ тогда въ своихъ бесѣдахъ съ уніатами обнаруживалъ самое горячее желаніе соединенія съ Римомъ, къ чему обѣщаль привлечь и своихъ единовѣрцевъ, и высказывалъ сожалѣніе о написаніи „Плача“ и довольство направленнымъ противъ послѣдняго сочиненіемъ Іоак. Мороховскаго (*Παρηγορία*); лучшимъ средствомъ къ убѣжденію православныхъ въ истинѣ латинства онъ считалъ диспутъ съ ними, и устно и письменно совѣтовалъ, какъ это сдѣлать. Мало того. Когда уніаты приготовили

маніи (Разнояз., Q., I, 47). Быть можетъ, болѣе детальное знакомство съ этимъ произведеніемъ дастъ возможность установить генетическую связь его съ другими трудами Смотрицкаго, напр. съ «Θриносомъ», какъ и догадывается г. Брикнеръ (Kwartalnik historyczny, 1896, III, 643 прим.).

¹⁾ Susza, o. c., 18. 19.

²⁾ Na threny y lament Th. Orthologa, do Rusi Greckiego Nabożenstwa Przestroga (1610). Przedmowa, f. 2 об.

³⁾ «Obrona Werificatye» (Арх. Ю.-З. Р., I, VII, 425). Но Суша сообщаетъ, что до этого онъ велъ въ Минскѣ борьбу съ уніатами (o. c., 17).

въ печати книгу, въ которой болѣе полно развивались тезисы диспута (Obrona jedności, 1617), Смотрицкій прислалъ имъ свой трактатъ объ исхожденіи св. Духа и отъ Сына, прося напечатать и его заодно съ книгой; но мы, рассказываютъ уніаты, нашли возможнымъ сдѣлать оттуда только выдержки ¹⁾). Самъ Смотрицкій не отрицалъ своихъ сношеній съ уніатами, но оправдывалъ себя тѣмъ, что онъ говорилъ съ ними объ единеніи церкви съ согласіемъ своихъ старшихъ, а что касается посланныхъ имъ тезисовъ объ исхожденіи св. Духа, то они представляютъ-де схоластическія упражненія его и были составлены имъ не для диспута, а просто для свѣдѣнія (na uwazenie) уніатовъ, чтобы они знали, какими подъ-часъ невѣрными свидѣтельствами подерѣпляются ихъ догматы ²⁾). Натянутость этого объясненія убѣждаетъ насъ въ томъ, что, дѣйствительно, въ Смотрицкомъ происходило тогда религіозное колебаніе, на что указываетъ и написанная имъ около этого времени „Палинодія“, не одобренная православными къ печати ³⁾. Архим. Леонтій Карповичъ и братство, желая укрѣпить Смотрицкаго въ православіи и преданности тому дѣлу, за которое онъ началъ такъ блестяще бороться, много разъ просили его принять монашество. Въ концѣ концовъ онъ подчинился ихъ просьбамъ и даже требованіямъ ⁴⁾, и уже въ 1618 г. выступаетъ съ именемъ монаха Мелетія ⁵⁾.

Но еще ранѣе того Смотрицкій ѣздилъ на Волынь и въ Кіевъ, по совѣту будто бы уніатовъ, которымъ хотѣлось утвердить его въ симпатіяхъ къ уніи ⁶⁾. Какъ ни кратковременно было его пребываніе въ Кіевѣ, намъ думается, что въ это именно время онъ былъ ректоромъ тамошней школы, тотчасъ послѣ Іова Борецкаго. Фактъ ректорства его въ Кіевѣ не подлежитъ сомнѣнію, такъ какъ опирается на свидѣтельствъ Сил. Коссова ⁷⁾, но проф. Голубевъ находитъ всего удобнѣе помѣщать его

¹⁾ «Sowita wina» (Арх. Ю.-З. Р., I, VII, 492. 493), «Examen Obrony, t. j. Odpis na script Obrona Werificatyej nazwany» (1621), 43—45.

²⁾ «Obrona Werificatyej», 1621 (Арх. Ю.-З. Р., I, VII, 425. 428).

³⁾ Прав. обзор., 1861, V, 120. 121. Въ своей «Апологии» Смотрицкій говоритъ, что представилъ «Палинодію» дерманской капитулѣ (str. 105; cf. «Antarologia», 51. 52).

⁴⁾ Смотрицкій въ «Obrona Werificatyej» утверждаетъ, что онъ сдѣлался монахомъ добровольно, по давней склонности (Арх. Ю.-З. Р., I, VII, 246), но написанный въ отвѣтъ на нее «Examen Obrony» настаиваетъ, что онъ, пойманный въ многократныхъ прогулкахъ въ троицкій монастырь, принуждаемъ былъ постричься (45, 46), съ чѣмъ впоследствии согласился и самъ Смотрицкій («Exthesis», 15 об.), впрочемъ, возражая Мужилковскому, который увѣрялъ, что Л. Карповичъ не хотѣлъ постригать его, зная объ его тяготѣніи къ уніи («Antidotum», 6 об.).

⁵⁾ См. первый заглавный листъ слаціанской грамматики Смотрицкаго, изданной собственно въ Евѣ въ 1619 г. Очевидно, послѣднее обстоятельство дало поводъ Маджевскому (о. с., III, 455), а за нимъ Головацкому (Зоря Галицкая, 1860, 459) и другимъ считать Смотрицкаго евьевскимъ учителемъ. Но школа въ Евѣ была фундована впервые въ 1619 г. и не видно, чтобы въ ней тогда же началось ученіе (см. выше), и во всякомъ случаѣ она была низшей, и Смотрицкій, человѣкъ съ университетскимъ образованіемъ, ни самъ не пошелъ бы въ нее, ни его не пустили бы туда изъ виленскаго училища.

⁶⁾ Examen Obrony, 45.

⁷⁾ «Te Szkoły, w których teraz uczymy, przed tym zawsze były u są p nas in possessione: gdyż był nad nimi przed tym Rektorem Smotryski, Kassyan y inszy»... («Exegesis». Голубевъ, Ист. Кіев. акад., прил., 83).

въ періодъ времени 1626—1628 г., относительно каковыхъ трехъ лѣтъ г. Голубеву положительно извѣстно, что Смотрицкій прожилъ ихъ въ Кіевѣ, гдѣ, безъ всякаго сомнѣнія, ему, при посредствѣ его тогдашняго пріятеля м. Іова, и предложена была ректура въ братскомъ училищѣ¹⁾. Но если Борецкій былъ въ то время другомъ Мелетія, то къ нимъ обоимъ не особенно благоволило кіевское братство. Дѣло въ томъ, что Смотрицкій привезъ съ собой съ Востока въ срединѣ 1625 г.²⁾ соборное опредѣленіе патріарховъ объ уничтоженіи ставропигій въ западно-русскихъ монастыряхъ и братствахъ. А грамота п. Кирилла отъ 15 дек. 1626 г. разъяснила, что тутъ имѣлись въ виду ставропигія, установленныя іерусалимскимъ патріархомъ Теофаномъ и прежде всего, слѣдовательно, кіевская³⁾. Понятно, что кіевское братство должно было почувствовать сильное нерасположеніе и къ Смотрицкому, привезшему патріаршее рѣшеніе, и къ Борецкому, относительно котораго было подозрѣніе, что онъ то и послалъ Смотрицкаго на Востокъ. Мало того. Еще въ бытность Смотрицкаго на Востокѣ К. Саковичъ, бывшій ректоръ кіевской школы, перешедшій незадолго предъ тѣмъ въ унию, сталъ распространять слухи, что онъ замыслилъ подчинить русскую церковь папѣ⁴⁾. Заподозрѣнъ былъ въ участіи въ замыслѣ и м. Іовъ, и возбужденіе противъ обоихъ святителей дошло до того, что они въ февралѣ 1626 г. принуждены были публично свидѣтельствовать свою невинность и чистоту православныхъ убѣжденій; но и это не помогло, и въ маѣ митрополитъ долженъ былъ особой грамотой оправдывать себя и Смотрицкаго отъ обвиненій въ сношеніяхъ съ униатами⁵⁾. Можно ли повѣрить послѣ этого, что братство приняло въ ректора своей школы чловека, который и лишилъ ихъ ставропигійныхъ привиллегій, и подозрѣвался въ склонности къ униі? Послѣдняго братство особенно должно было остерегаться въ виду примѣра Саковича. Но и помимо того, мы не представляемъ физической возможности для Смотрицкаго быть въ это время ректоромъ кіевской школы: онъ живетъ больше внѣ Кіева, чѣмъ въ самомъ городѣ. Сначала, резиденціей его былъ, повидимому, межигорскій монастырь, откуда въ августѣ 1626 г. онъ писалъ письмо виленской игуменьѣ Куликовской. Послѣдовавшія же съ конца этого года попытки Смотрицкаго получить дерманскій монастырь и нѣсколько связанный съ ними переходъ его въ унию постоянно отвлекали его на Волинь, гдѣ

¹⁾ Ист. Кіев. акад., 217. 218. Тр. Кіев. дух. акад., 1887. II, 156 и слѣд.

²⁾ Временемъ возвращенія Смотрицкаго съ Востока обыкновенно считаютъ конецъ 1625 или начало 1626 г. (*М. Макарій*, XI, 333. *Голубевъ*, Петръ Могила, прил., 233). Но въ рукоп. книгѣ Ае. Миславскаго сохранилось письмо къ нему, по его возвращеніи въ Россію, датированное 9 іюля 1625 г. (л. 78). Полагаемъ, что г. Голубевъ не вѣрно прочелъ «1626 г.» (Петръ Могила, прилож., № 44)

³⁾ Петръ Могила, прилож., № 46.

⁴⁾ *Mużyłowski*, «Antidotum przezacnemu narodowi Ruskiemu albo warunek przecięw Apologię, którą wydał Melety Smotrzycku».. f. 8. Петръ Могила, прил., 231. 232.

⁵⁾ Рукоп. кн. Ае. Миславскаго, л. 76 (напеч. въ «Петръ Могила», прилож., № 43).

онъ и поселился въ срединѣ 1627 г. ¹⁾). Мы при этомъ не только не оспариваемъ приводимаго проф. Голубевымъ свидѣтельства одного современнаго Смотрицкому писателя о томъ, что онъ жилъ при Боревкомъ четыре года, но и полагаемъ, что г. Голубевъ напрасно считаетъ его преувеличеннымъ ²⁾: самъ Смотрицкій говоритъ, что онъ „mieszkał z nim (съ Боревкимъ) przez lat cztery“ ³⁾. Но, спрашивается, нужно ли понимать это такъ, что Смотрицкій прожилъ въ Кіевѣ четыре года безпрерывно, въ одинъ, такъ сказать, приемъ? Нельзя ли разложить ихъ на два срока: 1622—1623 и 1625—1627 гг.? Проф. Голубевъ, опровергая проф. Соболевскаго, который проводитъ ту мысль, что Смотрицкій могъ быть ректоромъ въ 1618—1619 г., въ отвѣтъ на одинъ его доводъ утверждаетъ, что Мелетій предъ поѣздкой на Востокъ былъ сравнительно недолго въ Кіевѣ,—только гостилъ тамъ ⁴⁾. Но намъ кажется, что время его пребыванія въ Кіевѣ можно значительно удлинить. Въ своемъ „Exethesis'ъ“ Смотрицкій вспоминаетъ о происшествіи, которое должно отнести къ 1622 г. Именно онъ говоритъ о трехъ виленскихъ троицкихъ униатскихъ монахахъ, которые, прибывъ въ Кіевъ, подверглись нападенію казаковъ. „Если бы я не помѣшалъ, говоритъ онъ, ваши Каины отправили бы ихъ на тотъ свѣтъ“ ⁵⁾... Такимъ образомъ, ничто не обязываетъ насъ принимать цитованныя свидѣтельства за доказательство того, что Смотрицкій весь промежутокъ времени отъ своего возвращенія съ Востока до перехода въ унию провелъ въ Кіевѣ; еще меньше они даютъ основаніе для утверженія, что тогда именно онъ былъ ректоромъ. Всего естественнѣе поэтому думать, что онъ ректорствовалъ въ 1618 г., до Саковича, на что указываетъ и порядокъ, хотя, быть можетъ, и случайный, въ какомъ поставлены ихъ имена въ „Exegesis'ъ“. Да и названіе его по фамилии, тогда какъ Саковичъ названъ по имени, можетъ наводить на мысль, что Смотрицкій тогда былъ еще свѣтскимъ. А непродолжительностью его ректорства удобно объясняется то, что оно не оставило никакихъ слѣдовъ въ современныхъ памятникахъ, кромѣ упоминанія Сил. Коссова.

Въ октябрѣ 1620 г. Мелетій Смотрицкій, посланный архим. Л. Карповичемъ въ Кіевъ на свиданіе съ п. Теофаномъ, по вліянію виленскаго братства былъ посвященъ въ архіепископы полоцкіе. Прибывъ въ Вильну, онъ засталъ Карповича уже мертвымъ и его похороны 2 ноября 1620 г. почтилъ надгробнымъ словомъ, которое тогда же было отпечатано. Уже на печатныхъ экземплярахъ „Казанья“ Смотрицкій выступаетъ, какъ „електъ архимандрита виленскаго“ ⁶⁾. Заявъ двѣ весьма

¹⁾ Петръ Могила, прил., № 45. «Протестація» Смотрицкаго, *ibid.*, стр. 323 и слѣд. М. Макарій, XI, 333—340.

²⁾ Петръ Могила, прилож., 349. Ист. Кіев. акад., 217, прим. Тр. Кіев. дух. акад., 1887, II, 163.

³⁾ Петръ Могила, прилож., 334.

⁴⁾ Тр. Кіев. дух. акад., 1887, II, 159. 160.

⁵⁾ Exethesis, f. 4.

⁶⁾ «Казанье на честный погребъ пречестного и превзлебного мужа господина и отца, господина отца Леонтія Карповича, номината епископа володимерского и бере-

видныя церковныя должности, онъ обнаружилъ самую энергичную и многостороннюю дѣятельность. Церковь русская, послѣ столькихъ лѣтъ безначалія, пришла въ такое состояніе, что новымъ епископамъ и, въ частности, Мелетію приходилось очень много работать. Необходимо было обновить и пополнить сильно оскудѣвшій составъ священнослужителей, привлечь паству въ храмъ благолѣпіемъ церковной службы ¹⁾, поучать ее вѣрѣ и нравственности ²⁾. Но ревность Смотрицкаго на первыхъ же порахъ встрѣтилась съ чрезвычайно затруднительными обстоятельствами, созданными самой его хиротоніей. Не успѣлъ п. Теофанъ выѣхать за предѣлы Польши, какъ противъ поставленныхъ имъ архіереевъ латино-уніаты подняли преслѣдованіе. Въ самомъ Теофанѣ они усмотрѣли турецкаго шпіона, а въ хиротонисанныхъ имъ — политическихъ преступниковъ и оскорбителей королевскаго величества, на право подаванія котораго они посягнули. Сигизмундъ III съ февраля 1621 г. издаетъ цѣлый рядъ указовъ, направленныхъ противъ ихъ всѣхъ и особенно противъ Смотрицкаго съ Борецкимъ, которыхъ велѣно было ловить. Съ другой стороны, Смотрицкому пришлось столкнуться съ полоцкимъ уніатскимъ архіепископомъ Іосафатомъ Кунцевичемъ, который сталъ жаловаться на вторженіе его въ дѣла своей епархіи. Митр. Іосифъ Рутскій вздумалъ было приглашать Смотрицкаго на судъ къ себѣ и, когда тотъ не явился и по третьему зову, анаематствовалъ его ³⁾.

Противъ всѣхъ враговъ у Смотрицкаго было одно оружіе—перо, и имъ онъ охотно пользуется. Онъ написалъ въ это время цѣлую серію сочиненій въ защиту православной церкви и восстановленной іерархіи и въ опроверженіе всѣхъ нападокъ на нихъ. Это были: а) „*Verificatia niewinności*“ (1621 г.—изд. 1), б) „*Obrona Verificathey*“ (1621), в) „*Elenchus pism uszczypliwych przez zakonnika zgromadzenia wileńskiego Św. Troycy wydanych*“, г) „*Justificatia niewinności*“ (1622) и д) „*Supplicatia*“. Последнія два сочиненія имѣли характеръ докладныхъ записокъ и были представлены королю ⁴⁾.

Но борьба сломила Смотрицкаго, а тѣ преслѣдованія противъ православныхъ, какія вызвало убіеніе Кунцевича, устроили его и заставили искать безопасности подалеже отъ Вильны и Полоцка. Онъ ѣдетъ въ Кіевъ и оттуда въ началѣ 1624 г. отправляется на Востокъ. Кромѣ дру-

стенского, архимандрита виленскаго презъ Мелетія Смотрискаго, см(вреннаго) архіепископа полоцкаго, владыку витебскаго и мстиславскаго, електа архимандрита виленскаго, отправанное въ Вилни року отъ воплощенія Бога Слова 1620, ноября 2 дня» (М. Макарій, XI, 252).

¹⁾ Саковичъ свидѣтельствуетъ, что въ бытность свою въ Вильнѣ Смотрицкій старался вывести изъ церковнаго пѣнія хомонію («Листо» съ замѣтками Саковича, Арх. Ю.-З. Р., I, IX, 117, прим.).

²⁾ Дипляцъ увѣряетъ, впрочемъ, что Смотрицкимъ въ это время произнесено только пять проповѣдей, включая и «Казанце» («Antapologia», 54).

³⁾ Огромное дѣло о восстановленіи іерархіи п. Теофаномъ—въ Арх. ун. митр., № 458. Нѣкоторые акты его и новыя документы—въ рукоп. кн. Ав. Миславскаго, лл. 76—96. Многое напечатано уже.

⁴⁾ М. Макарій, XI, 296. 297. «*Verificatia*», «*Obrona Verificathey*» и «*Justificatia*» перепечатаны въ Арх. Ю.-З. Р., I, VII.

ихъ мотивовъ этого путешествія у Смотрицкаго былъ одинъ, который ясно свидѣтельствуетъ, что въ его душѣ опять началось религіозное колебаніе, и съ наклономъ въ сторону Рима. Впослѣдствіи онъ говорилъ, что везъ патріархамъ для разсмотрѣнія написанный имъ катихизисъ. Катихизисъ же этотъ былъ составленъ въ такомъ духѣ, что показать его патріархамъ Смотрицкій не осмѣлился, а послѣ, когда пожелалъ представить его въ цензуру русской іерархіи, счелъ нужнымъ подготовить послѣднюю къ чтенію и принятію его— „Апологіей“¹⁾... По возвращеніи съ Востока Смотрицкій остается на югѣ Россіи и затѣмъ принимаетъ въ 1627 г. унію. Весь образъ дѣйствій его въ это время, полный притворства и неискренности, и его стремленіе овладѣть дерманскимъ монастыремъ дѣлаютъ очень правдоподобнымъ увѣреніе пресвитера Мужиловскаго, что Мелетій сталъ уніатомъ не столько по искреннему убѣжденію, сколько по корысти, ради достиженія спокойной жизни (dla potrzebnej intraty у doczesnego życia spokojnego)²⁾. Умеръ Смотрицкій въ Дермани 27 дек. 1633 г. въ санѣ епископа іерополитанскаго, который данъ былъ ему п. Урбаномъ VIII тотчасъ по переходѣ его въ унію. Надгробное слово надъ нимъ на тему—обращеніе Савла въ Павла—было сказано іезуитомъ Кортизиємъ³⁾.

Литературныя произведенія послѣднихъ лѣтъ жизни Мелетія Смотрицкаго—латино-уніатскаго содержанія и апологетико-полемическаго характера. Въ нихъ Смотрицкій связываетъ защиту своей личности съ апологіей католичества и съ нападками на православіе. Таковы: „Apologia peregrinatiey“ (1628, Lwow), „Protestacia przeciwko soborowi w Kijowie obchodzonemu“ (Lw., 1628)⁴⁾, „Paraenesis abo napomnienie do przezacnego Bractwa Wileńskiego cerkwie Sw. Ducha, a w osobie jego do wszystkiego tey strony narodu Ruskiego uczynione“ (Krakow, 1629) и „Exethesis abo Expostulatio t. j., Rozprawa między Apologią у Antidotem“ (Lw., 1629).

8) *Леонтій (Лонгинъ) Карповичъ*, аттестованный Копыстенскимъ, какъ „мужъ боговдохновенный, въ языку греческомъ и латинскомъ знамените бѣглый и оборонца благочестія“⁵⁾, родился окъ 1581 г. и по происхожденію принадлежалъ къ шляхтѣ пинскаго повѣта (отецъ его былъ священникомъ). Съ первыхъ лѣтъ дѣтства онъ живетъ въ Вильнѣ и, вѣроятно, учится въ братской школѣ. Такъ завязываются отношенія его къ самому братству, членомъ котораго онъ состоялъ уже до 1609 г. Въ слѣдующемъ году онъ становится извѣстенъ по исторіи съ „Өриносомъ“, какъ писарь и старшій типографъ и корректоръ братства. За напечатаніе его онъ былъ схваченъ по требованію короля и цѣлыхъ два года, пока дѣло ходило по разнымъ инстан-

¹⁾ Петръ Могила, прилож., 323. 324.

²⁾ Antidotum, Przedmowa.

³⁾ „Widok potyczki wygraney, zawodu dopełnionego, wiary dotrzymaney od przewielebnego w Christusie I. M. Оуса Mel. Smotrzyckiego... 1634 г.

⁴⁾ Перепечатано въ «Петръ Могила» подъ однимъ N-омъ (56) съ письмомъ Смотрицкаго къ Лавр. Древинскому.

⁵⁾ П. П. Л., I, 913.

ціямъ, провель въ тюремномъ заключеніи ¹⁾). Это „исповѣдничество“ Карповича, въ связи съ его предшествовавшими трудами на пользу братства, способствовало тому, что онъ тотчасъ послѣ освобожденія сдѣлался „попомъ церкви новое и старшимъ братства тоежь церкви“ ²⁾). Въ это же время онъ устраиваетъ общежительный монастырь и становится въ немъ первымъ архимандритомъ (1613) ³⁾). Несмотря на свои надорванные трудами и судебной волокитой силы, Леонтій оказался очень энергичнымъ и учительнымъ пастыремъ. „Учительную свою обязанность онъ, по свидѣтельству Смотрицкаго въ его „Казаньи“, проходилъ ревностно и неусыпно, какъ устно, такъ и письменно. Ничто не удерживало его отъ божественной службы и ежедневнаго принятія безкровной жертвы и отъ частаго проповѣдыванія спасительнаго евангельскаго ученія, ни слабость здоровья, ни повѣтріе, ни лютая непогода“ ⁴⁾).

По званію архимандрита Карповичъ имѣлъ отношеніе и къ братской школѣ, ректоромъ которой онъ состоялъ. Правда, единственнымъ пока доказательствомъ этого служатъ четыре учебныя рѣчи, находящіяся въ одномъ изъ сборниковъ кіево-софійской бібліотеки и произнесенныя въ 1618 и ближайшіе къ нему годы ⁵⁾). Въ одной изъ нихъ ораторъ—ученикъ обращается къ „преосвященному господину отцу архимандриту, и честному господину отцу ректору“, причемъ изъ содержанія рѣчей видно, что послѣдній былъ ректоромъ не только монастыря, но и школы, такъ какъ очень близко стоялъ къ вопросу о „розмноженіи младенцы во обученіи въ общую ползу церкви Христовы“ и о „розширенію хвалы Божое и наукъ отъ Бога данныхъ“.

Ревность Л. Карповича по вѣрѣ, его ученость, ораторскій талантъ и благочестіе были почтены со стороны православныхъ тѣмъ, что они избрали его въ 1620 г. во владимирскіе и брестскіе епископы; но ему не пришлось быть хиротонисаннымъ: въ срединѣ сентября 1620 г. онъ умеръ ⁶⁾). Кромѣ извѣстной проповѣди М. Смотрицкаго, кончина его была оплакана еще въ одномъ стихотворномъ произведеніи: „Ляментъ

---

¹⁾ А. З. Р., IV, № 179. Арх. ун. митр., № 326. А. В. А. К., VIII, № 45. М. Макарій, X, 432. 433; XI, 254. *Голубевъ*, «Библіограф. замѣтка» въ Холмско-варш. еп. вѣстн., 1880, № 3.

²⁾ Арх. ун. митр., №№ 350. 369. Вѣст. Зап. Рос., 1864, кн. 3, Матеріалы, 41—45.

³⁾ Вил. грам., II, № 42. Рукоп. кн. Ае. Миславскаго, л. 95. Въ своихъ запискахъ Петръ Могилъ говоритъ о Карповичѣ: «Сей въ Вилнѣ первый начальникъ общему житію былъ» (Арх. Ю.-З. Р., I, VII, 57).

⁴⁾ М. Макарій, XI, 254, 255. Записки м. Петра Могилы (Арх. Ю.-З. Р., I, VII, 57—59).

⁵⁾ Сборникъ № 46, лл. 180—189. Хотя здѣсь не названы ни Карповичъ, ни виленская школа, нѣтъ никакихъ основаній относить ихъ къ какому-нибудь другому современному училищу. Нѣкоторыя изъ рѣчей по стилю очень напоминаютъ ораторскія произведенія виленскаго питомца Леоновича, записанныя въ его книгѣ (такъ называемая рукописная книга Ае. Миславскаго), да и въ самомъ Сборникѣ встрѣчается его имя («Толкованіе Андрея Кесар. на Апокалипсисъ», л. 2). Рѣчи эти напечатаны нами въ Лит. еп. вѣд., 1897 г., № 22, въ приложеніи къ статьѣ: «Виленская братская школа въ первые полвѣка ея существованія».

⁶⁾ Въ нашей литературѣ до послѣдняго времени господствовало убѣжденіе, что Карповичъ получилъ санъ владимирскаго епископа еще въ 1616 г. Но въ «Казаньи» Смотрицкаго онъ названъ «номинатомъ» владимирскимъ, а не епископомъ.

у свѣта убогихъ на жалосное преставленіе святобливаго а въ оуби до-бродѣтели богатога мужа въ Бозѣ велебного господина отца Леонтіа Карповича Архимандрита общія обители при церкви Сошествія св. Духа братства церковного Віленскаго прав. Греч.: въ Вильнѣ въ друкарни брат-ской“ (1620 г.)¹⁾. Какъ высоко современники цѣнили Карповича, показы-ваетъ слѣдующій отрывокъ изъ „Мнемозины“, панегирика, поднесеннаго м. Петру Могилѣ по возвращеніи его въ 1633 г. съ коронаціонныхъ тор-жествъ студентами его коллегіи: „Теперь пожелай только отправиться до Вильны и другихъ городовъ русскаго и литовскаго міра, и увидишь, какъ встрѣтятъ тебя радостно тѣ, которыми полны были темницы, полны были ратуши, полны были темничныя подземелья за пречистую восточную вѣру, какъ встрѣтятъ тебя (въ Вильнѣ) и проводятъ до своего руко-водителя въ тѣснѣни, предводителя въ благочестіи, подобнаго Златоусту въ витійствѣ, за нѣсколько лѣтъ предъ симъ скончавшагося архиман-дрита Леонтіа Карповича. Увидѣвъ нетлѣвныя мощи его, увидѣвъ ближ-нихъ за вѣру пострадавшихъ, ты почувствуешь, какимъ великимъ дѣ-ломъ услужилъ ты несчастному народу нашему“²⁾. Почитали его и униаты, въ родѣ Якова Суши³⁾.

Изъ литературныхъ трудовъ Л. Карповича извѣстны, прежде всего, его „Казанье двое. Одно на Преображеніе Господа Бога и Спаса Нашега Іс. Ха. Другое на Успеніе Пречистое... Дѣвы Маріи“, сказанныя имъ 6 и 15 августа 1615 г. и напечатанныя въ Евѣ⁴⁾. По словамъ м. Ма-карія, онѣ обнаруживаютъ въ Карповичѣ „не простаго начетчика, ка-кіе прежде появлялись у насъ верѣлко, но человѣка съ научнымъ обра-зованіемъ, и не только знатока Свящ. Писанія и св. отцовъ, но до-вольно развитаго мыслителя и довольно искуснаго оратора, знакомаго съ ораторскими приѣмами“⁵⁾. Карповичъ же написалъ предисловіе къ „Вертограду душевному“ (1620) и перевелъ съ греческаго „Выклатъ на молитву Отче Нашъ“—Златоуста, изданный въ томъ же году. Ему же приписываютъ составленіе „Киновіона, или изображенія иноческаго общаго житія“ (Евѣе, 1618), и двухъ посланій отъ лица виленскаго братства—въ Львовъ и на Аеонтъ (1619)⁶⁾.

¹⁾ *Максимовичъ*, «Книжная старина вѣнорусская» (Временникъ Имп. моск. общ. ист. и др. рос., IV (1849), Смѣскъ, 3, прим. 2). Проф. Голубевъ называетъ «Ля-ментъ» надгробнымъ поученіемъ самаго Карповича и сообщаетъ о двухъ изданіяхъ его— на русскомъ и польскомъ языкахъ (Ист. Кіев акад., 106, прим. 2). Мы находимся въ возможности объяснить такое странное совпаденіе: въ одинъ годъ въ одномъ городѣ выходятъ два произведенія съ тождественными заголовками, изъ которыхъ въ одномъ Карповичъ оплакиваетъ чью то смерть, въ другомъ кто-то оплакиваетъ его самаго!

²⁾ *М. Макарій*, XI, 456.

³⁾ *Saulus et Paulus*, 21. 22.

⁴⁾ Перепечатаны архим. Леонидомъ въ Чт. моск. общ. ист. и др. рос., 1878, I (и отд. брош).

⁵⁾ *М. Макарій*, X, 435. Ср. Прав. обозр., 1880, III, 495 и слѣд. (*Молчановъ*, Леонтіи Карповичъ, церковный витія православной юго-западной Руси въ XVII ст. и два его слова).

⁶⁾ *Арх. Филаретъ*, Обзоръ рус. дух. лит.—ры, I, 241. 242. *Н. Петровъ*, Лит. еп-вѣд., 1891, № 26. *Васильевскій*, Вильна (Памят. рус. стар. въ зап. губ., VI), 173.

9) *Иосифъ Бобриковичъ* былъ родомъ, повидимому, изъ Вильны: по крайней мѣрѣ извѣстенъ виленскій священникъ съ его фамиліей (Леонтиѣ, въ 1609 г.)¹⁾. Въ Вильнѣ же онъ и воспитался подъ благотворнымъ вліяніемъ Л. Карповича, котораго Сил. Коссовъ называетъ „магистромъ Бобриковича“. Мы легко повѣрили бы проф. Голубеву, что Бобриковичъ продолжалъ образование въ западно-европейскихъ или польскихъ училищахъ²⁾, если бы не читали въ одномъ письмѣ къ Бобриковичу, что онъ очень боялся западной науки³⁾... Въ началѣ 20-хъ годовъ XVII Бобриковичъ дѣлается ректоромъ виленскаго духовскаго монастыря, какъ видно изъ подписи его на оборотѣ заглавнаго листа рукописной книги Аѳ. Миславскаго: „Ioseph Bobrikowicz starszy u Rector monastera Cerkwie sw. Ducha, tak się teraz podpisuie“, причемъ надъ этими словами выставленъ 1622 годъ. Старшимъ онъ сталъ еще до 1622 г., такъ какъ въ письмѣ къ виленскому братству торнскаго игумена Григорія, отъ 11 янв. этого года, Бобриковичъ выступаетъ на первомъ планѣ. Одновременно подъ его управленіе поступила и братская школа. Сдѣлавшись ея ректоромъ, Бобриковичъ сразу поднялъ ея достоинство и значеніе, заставивши братство ассигновать не нее порядочную сумму денегъ и пригласить новыхъ учителей, такъ что въ письмѣ къ Сил. Коссову въ самомъ началѣ 1622 г. онъ могъ уже хвалиться, что у нихъ „strumienia artium liberalium za pilnym staraniem у niemałym sumptem рўnać rozsypaуа“. Черезъ два года „господинъ Іосифъ“ Бобриковичъ является начальникомъ школы въ письмѣ къ нему острожскаго пресвитера Подвысоцкаго, который просилъ его понаблюдати за его двумя родственниками, учившимися въ Вильнѣ, „да не всуе время изнуреваютъ“, а 12 янв. 1625 г. его званіе и должности опредѣляются адресомъ посланія къ нему м. Іова: „Всепреподобнѣйшему в іеромонасѣхъ господину отцу Иосифу ректору школъ и проповѣднику слова Христова“⁴⁾. И хотя ректоромъ школы Іосифъ не называется и не выступаетъ болѣе нигдѣ, являясь въ современныхъ документахъ съ титулами: „старшій“, или „ректоръ“, или „старшій ректоръ монастыря“, или „намѣстникъ и ректоръ монастыря братскаго“⁵⁾,—но надо полагать, что съ этими должностями онъ попрежнему соединялъ надзоръ и за учебной частью, что продолжалось до самой его смерти, которая послѣдовала въ первой половинѣ 1634 г. Умеръ онъ на каедрѣ мстиславскаго епископа, на которую былъ избранъ православными въ ноябрѣ 1632 г. При погребеніи его надгробное слово было сказано его преемникомъ по каедрѣ Сильвестромъ Коссовымъ, а виленская школа отозвалась цѣлымъ рядомъ элегій, напечатанныхъ подъ заглавіемъ: „Echo żalu na głos lamentującego po nieopłakaney śmierci patrona swego w Bodzie przewielebnego

¹⁾ Арх. ун. митр., № 303.

²⁾ «Объяснительные параграфы по исторіи з.-рус. церкви» (Кіев. еп. вѣд., 1893, 126. 127).

³⁾ Рук. кн. Аѳ. Миславскаго, лл. 87. 88.

⁴⁾ Рук. кн. Аѳ. Миславскаго, лл. 70 об., 87, 88, 102, 105.

⁵⁾ См., напр., Арх. ун. митр., №№ 521. 556. 572. Рук. кн. Аѳ. Мисл., л. 89. Петръ Могила, прил., № 68 и стр. 312. Арх. вил. св.-духов. монаст., связка 7, № 135.

Оуца jeho M. Оуца Iosepha Bobrykowicza, episcopa Mscislawskiego, у Mohylowskiego, archymandryty Wilenskiego, odprawujace się w Kongregatiew studenskiej swiętych Konstantina у Heleny przy cerkwi św. Ducha w Wilnie“ (1635)¹⁾.

Не вдаваясь въ подробности жизни и смерти Бобриковича (интересующихся ими отсылаемъ къ „Параграфамъ“ проф. Голубева), мы должны разъяснить одинъ вопросъ, связанный съ высказаннымъ нами положеніемъ о непрерывности ректорства его въ теченіе 1622—1634 гг. Это положеніе какъ будто подрывается жалобой на виленское братство и позвоомъ ему въ іюль 1624 г.: въ обоихъ документахъ въ числѣ другихъ упоминается „Іосифъ Левоновичъ или Левоневичъ (въ позовѣ—Lewonawicz), называющій себя ректоромъ и проповѣдникомъ“²⁾. Подъ этимъ лицомъ проф. Петровъ склоненъ усматривать Теофила Леоновича, только названнаго здѣсь свѣтскимъ именемъ³⁾. Дѣйствительно, Ѳ. В. Леоновичъ жилъ въ Вильнѣ въ это время⁴⁾. Но, во 1-хъ, намъ не извѣстно его свѣтское имя. Во 2-хъ, признавши его ректоромъ монастыря и школы въ 1624 г., мы должны будемъ прервать ректуру Бобриковича и поставлены будемъ въ необходимость объяснять этотъ предполагаемый перерывъ. Въ 3, что самое главное, профессіей Ѳ. Леоновича было проповѣдничество и къ школѣ онъ никакого отношенія не имѣлъ. Когда холмскій епископъ Паисій Ипполитовичъ обратился къ нему въ 1627 г. за совѣтомъ относительно попавшагося ему „педагога“, Леоновичъ отвѣчалъ ему изъ Люблина: „я тутъ не могу дать вашему преподобію никакого совѣта, такъ какъ съ этимъ дѣломъ хорошо не знакомъ и не имѣю къ нему касательства“⁵⁾. Въ виду такого заявленія мы не можемъ также согласиться съ проф. Петровымъ, что Леоновичъ былъ въ 1621—1622 г. учителемъ въ виленской школѣ и что ему принадлежитъ цитованное выше письмо къ Бобриковичу, датированное 15 февр. 1622 г. Авторъ этого письма серьезно занимается наукой, изученію которой вознамѣрился посвятить нѣсколько лѣтъ; на приглашеніе Бобриковича возвратиться въ Вильну онъ отвѣчаетъ удивленіемъ и полнымъ отказомъ, между тѣмъ Леоновича въ сентябрѣ этого года мы видимъ въ Вильнѣ. При этомъ заслуживаетъ вниманія то обстоятельство, что Леоновичъ, бывшій уже въ 1621 г., если не въ 1619 г., монахомъ, имѣлъ сына, обучавшагося въ 1631 г. у виленскаго братскаго учителя Петра Андрушковича, слѣдовательно, въ монахи поступилъ изъ вдовцовъ, что признаетъ и самъ г. Петровъ. Быть же въ такомъ разѣ товарищемъ Исаи и Евстафія (двухъ другихъ питомцевъ виленской братской школы, отправившихся въ чужіе края) онъ не могъ⁶⁾. Что же до „Іосифа Левоновича“, то это имя, мы

¹⁾ Голубевъ, «Объяснительные параграфы»... (Кіев. еп. вѣд., 1893, 68 и слѣд.).

²⁾ Арх. ун. митр., № 506. *Кояловичъ*, Лит. церк. уніа, II, 354.

³⁾ Литовскія еп. вѣд., 1894, № 26.

⁴⁾ Въ Вильнѣ Ѳ. Леоновичъ былъ съ 1622 по 1627 г. (Рук. кн. Аѳ. Миславскаго, лл. 77 об., 99, 110, 114 об.).

⁵⁾ *Ibidem*, л. 99.

⁶⁾ Рук. кн. Аѳ. Миславскаго, лл. 1 и 63 об. Ср. Сборникъ вѣво-софійской библ., № 46, л. 2.

полагаемъ, произошло отъ смѣшенія Теофила Леоновича съ Іосифомъ Бобриковичемъ, что было естественно, такъ какъ оба они занимались проповѣдничествомъ.

Бобриковичъ пользовался у современниковъ славой хорошаго богослова и игралъ потому видную роль въ исторіи осужденія Смотрицкаго. Онъ упоминается также въ числѣ тѣхъ немногихъ богослововъ, которыми, по свидѣтельству Диплица, любилъ окружать себя Петръ Могила ¹⁾. Но изъ литературныхъ произведеній Бобриковича мы знаемъ только его проповѣдь при погребеніи Б. Огинскаго, изданную въ 1625 г. въ Евѣ въ переводѣ на польскій языкъ ²⁾.

10) *Кассіанъ*, въ мірѣ Каллисть, *Саковичъ* происходилъ изъ семьи православнаго священника, родился около 1580 г. въ Подтеличѣ, въ Галиціи ³⁾. Учасъ въ замостской академіи, онъ состоялъ инспекторомъ („педагогомъ“) студента Адама Киселя, съ которымъ не разъ ѣздилъ на канивулы къ его родителямъ на Волинь ⁴⁾. По окончаніи курса онъ былъ нѣкоторое время дякомъ въ Перемышлѣ, при униатской церкви Іоанна Крестителя, но долженъ былъ бѣжать отсюда, такъ какъ возбудилъ настолько сильныя и основательныя подозрѣнія въ своей нравственной чистотѣ, что ему, по словамъ „Ливоса“, грозила даже висѣлица ⁵⁾. Судьба дала ему болѣе почетное положеніе ректора кievской школы. Возможно, что его выдвинули два печатные труда, изданные предъ тѣмъ въ Краковѣ: а) „*Dezyderos polski*“ и б) „*Problemata abo pytania o przyrodzeniu człowieczym z łacińskiego na polski język przełożone. Do których przydane są przedmowy, Aktom Weselnym y Pogrzebnym służące, przez Kalixtego Sakowicza*“ (изд. въ нач. 1620 г., 249 стр.). Въ обоихъ этихъ произведеніяхъ Саковичъ говоритъ, между прочимъ, о недостаткѣ у насъ училищъ. Такъ, въ посвященіи „Проблемъ“ волинскому чашнику Лаврентію Древинскому онъ замѣчаетъ: „Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ теперь нужнѣе школы, чѣмъ обиліе церквей. Ибо бываетъ такъ, что въ одномъ городѣ находится 10—15 церквей, а школы ни одной. Но откуда будутъ выходить добрые чтецы, писцы, пѣвцы и, наконецъ, пресвитеры, если училищъ не будетъ? Но объ этомъ было уже сказано въ „Дезидерозѣ польскомъ“ ⁶⁾. Ректоромъ въ Кіевѣ Саковичъ былъ около четырехъ лѣтъ ⁷⁾, т. е. съ 1620 по 1624 г., уча здѣсь риторикѣ съ поэтикой и давая латино-польскій тонъ всему преподава-

¹⁾ «Antapologia», Przedmowa.

²⁾ Кіев. еп. вѣд., 1893, 126, прим. 2.

³⁾ «Ливосъ», Арх. Ю.-З. Р., I, IX, 63, 179.

⁴⁾ «Епаворѣмъ» Саковича, стр. 20.

⁵⁾ Арх. Ю.-З. Р., I, IX, 53. Ср. «Indicium, t. j. pokazanie cerkwie prawdziwey... (Головацкій, «Библиограф. находки во Львовѣ», Зап. Имп. акад. наукъ, XXII, прилож., № 4, стр. 8).

⁶⁾ *Maciejowski*, Piśmiennictwo Polskie, III, 670. *Ioher*, № 150 и прим. къ нему (стр. 130).

⁷⁾ «Pomnę, говорить Саковичъ, gdy był rektorem szkół waszych kiiowskich przez lat cztery»... (Арх. Ю.-З. Р., I, IX, 37, прим. 2; 326, прим.).

нію ¹⁾. Въ первой половинѣ 1624 г. Саковичъ перешелъ по просьбѣ Древинскаго въ Люблинъ и здѣсь около года проповѣдывалъ въ братствѣ, а потомъ онъ совсѣмъ порвалъ связи съ православіемъ. Его переходъ въ унию проф. Голубевъ правдоподобно объясняетъ характеромъ полученнаго имъ образованія, его честолюбіемъ, которому въ православіи не давали ходу (до послѣдняго времени Саковичъ оставался простымъ монахомъ), и его недовольствомъ вмѣшательствомъ мірянъ—братчиковъ въ церковныя дѣла ²⁾. На дальнѣйшую судьбу Саковича повліяло его сближеніе съ кн. Ал. Заславскимъ—католикомъ. По его совѣту онъ сталъ слушать лекціи по богословію у люблинскихъ доминиканъ, а затѣмъ въ Краковѣ. Здѣсь онъ издалъ въ 1625 г. „Traktat o duszy“ и „Desiderosus abo scieszka do miłości Bożej y do doskonałości żywota chrześcijańskiego“. Послѣднее изданіе было собственно чужимъ переводомъ одного аскетическаго сочиненія, снабженнымъ только собственными предисловіями Саковича ³⁾. Въ то же время Саковичъ получаетъ отъ кн. Заславскаго дубенскій на Волыни монастырь и начинаетъ играть какою то не совсѣмъ ясную роль въ обращеніи въ унию Смотрицкаго. Мы видѣли, что еще въ бытность послѣдняго на Востокѣ онъ распустилъ въ народѣ слухи неблагопріятные для него, какъ для православнаго епископа; это же онъ подтверждалъ и въ своемъ „Desiderosus“ ⁴⁾. Послѣ того Смотрицкій, уже готовый формально отречься отъ православія, поручилъ ему переводъ на польскій языкъ своей „Апологіи“ и изданіе ея. Привнесъ ли Саковичъ въ нее что-нибудь свое или нѣтъ, во всякомъ случаѣ Смотрицкій, оправдывая себя, свалилъ на него вину найденныхъ тамъ неправославныхъ мнѣній и перенесъ на его голову анаѹему кievскаго собора 1628 г. ⁵⁾. Въ теченіе слѣдующаго десятилѣтія о Саковичѣ упоминается только однажды—въ дѣлѣ объ его попыткѣ насильно обратить въ унию одного жидичинскаго монаха, который проѣздомъ остановился въ Дубнѣ ⁶⁾. Настоятелемъ дубенскаго монастыря онъ оставался до 1639 г., когда уступилъ его ректору владимирской униатской школы Хмѣлевскому. Актъ передачи говоритъ о добровольной, по преклонности лѣтъ, уступкѣ Саковича ⁷⁾, тѣмъ не менѣе, и авторъ „Ливоса“ и униатскій писатель Пахомій Оранскій стараются доказать ея вынужденный характеръ. Но можно утверждать только то, что въ это время Саковичъ возбудилъ противъ себя униатскія цер-

---

¹⁾ См. «Вѣршѣ» Саковича на смерть Сагайдачнаго съ присоединеніемъ двухъ образцовыхъ рѣчей при погребеніи (1622 г. Перепечатаны въ прилож. къ «Ист. Кіев. акад.»). Интересно бы прослѣдить, откуда родилась басня объ изученіи Саковичемъ въ Кіевѣ турецкаго языка съ цѣлью обращать магометанъ въ христіанство (Encykł. powsz., XXII, 821).

²⁾ Арх. Ю.-З. Р., I, IX, пред., 14. 15.

³⁾ Maciejowski, о. с., III, 670. 671. Петръ Могила, прилож., 282, прим.

⁴⁾ «Antidotum», 8. Петръ Могила, 123—126.

⁵⁾ «Аполлеа: Апологіи» (Петръ Могила, прил., 308 и слѣд.); «Протестація» Смотрицкаго (ibid., 339).

⁶⁾ 1636 г. Арх. Ю.-З. Р., I, VI, № 294.

⁷⁾ Чт. въ общ. Нестора лѣтоп., V. Матеріалы для исторіи зап.-русской церкви, № 12. Ср. Епанорѣазис, посвящ. Стан. Любомирскому.

ковныя власти своими нападеами на греко-русскій календарь, заключающимися въ его рукописномъ сочиненіи, съ которымъ онъ самъ познакомилъ ихъ, а также не совсѣмъ безукоризненнымъ образомъ жизни ¹⁾.

Послѣ сдѣлки съ Хмѣлевскимъ у Саковича началась свитальчешская жизнь: онъ побывалъ въ Вильнѣ, въ Дермани, Холмѣ, Владимирѣ, Супраслѣ, ведя при этомъ литературную борьбу съ православными. Къ этому времени относятся: а) „Kalendarz stary, w ktorym jawny u oczywisty bład okazuje się około oświeceniа Paschi. У responsa na zarzuty starokalendarzan u co za pożytki Ruskiemu narodowi z przięcia nowego kalendarza, a iakie szkody z trzymania się starego, u iako sie ma rozumieć poprawa kalendarza“ (Wilno, 1640); б) „Sobor kijowski schizmaticki, przez Piotra Mohilę złożony u odprawiony r. 1640... Z ruskiego na polski język przełożony“, съ примѣчаниями Саковича и его предостереженіемъ русскому народу (Warsz., 1641) ²⁾; в) „Dialog abo rozmowa Maćka z Dyonizym popem schizmatickim wileńskim o wielkieynocy Ruskiey r. 1641“ ³⁾; г) „O mytarstwie czyli drugim miejscu ро śmierci“ (Kr., 1641) ⁴⁾. Но воюя съ православными, Саковичъ сталъ попутно задѣвать и униатовъ, и новыя преслѣдованія со стороны послѣднихъ подготовили его бѣгство въ католичество. Свой переходъ въ латинство, совершившійся въ Луцеѣ въ 1641 г., К. Саковичъ счелъ нужнымъ мотивировать должнымъ образомъ и въ видѣ апологіи его выпустилъ въ 1642 г. сочиненіе, въ которомъ сильно нападалъ и на православіе и на унию; послѣдняя по нему была унией только по имени, а на дѣлѣ была той же схизмой. Сочиненіе это— „*Etawoowobis* abo Perspectiwa u obiasnienie Błędow, herezyey, u zabobonow w Greko-Ruskiey Cerkwi Dizunickiey tak w artykułach wiary, jako w administrowaniu sacramentow, u w inszych obrządkach u ceremoniach znajdujących się (Kr.). „Перспектива“ вызвала со стороны православныхъ появленіе знаменитаго „Лиѳоса“. Противъ послѣдняго Саковичъ написалъ, но не издалъ— „Oskard albo młot na skruszenie... Lithosa“, 1646 г. ⁵⁾. Еще ранѣ того, въ 1644 г, онъ напечаталъ въ Краковѣ „Okulary kalendarzowi staremu. przy ktorych u Responsa katolickie na objectie starokalendarzan są położone“... Умеръ въ 1647 г. католическимъ капланомъ.

11) *Томашъ Левлевичъ*, послѣдній ректоръ кievской братской школы до ея соединенія съ лаврской, былъ родомъ изъ Могилева и образованіе получилъ въ краковской академіи, какъ можно догадываться по вышедшей въ 1625 г. въ Краковѣ его брошюркѣ: „Labirint abo droga zawiolana, gdzie piękna mądrość z powinności swey P. P. Mohilowianom u im niektorym w przedsięwzięciach swych podobnym krotszą u daleko lepszą drogę pokazuje, napisana przez Thomasza Iewlewicza studenta nauk wyzwolonych. Do Bractwa mlodszeго Mohilowskiego nowo poczętego,

¹⁾ Арх. Ю.-З. Р., I, IX, пред., 16 и слѣд.

²⁾ Перепечатанъ въ П. П. Л., I. Въ 1642 г. въ Краковѣ вышло 2-ое изданіе «Собора».

³⁾ *Maciejowski*, о. с., III, 671. 672.

⁴⁾ *Enc. powsz.*, XXII, 822

⁵⁾ Арх. Ю.-З. Р., I, IX, пред., 133.

ku sobie sale urzeczywego“ etc. ¹⁾). Когда онъ занялъ должность ректора въ Кіевѣ—неизвѣстно. Проф. Голубевъ полагаетъ, что въ 1628 г., тотъ-часъ послѣ окончанія утверждаемаго имъ ректорства М. Смотрицкаго. Оставилъ же Іевлевичъ кіевскую школу въ срединѣ февраля 1632 г. ²⁾).

Сильвестръ Коссовъ, Исаія Трофимовичъ и Софроній Почаскій—дѣятели могилянскаго періода западнорусской образованности, по такъ какъ они по своему первоначальному образованію и первымъ годамъ педагогической службы принадлежать братской школѣ, то здѣсь мы скажемъ и о каждомъ изъ нихъ.

12 и 13) *Сильвестръ Коссовъ* и *Исаія Трофимовичъ Козловскій*, окончивъ виленское училище, рѣшились „наибольшія старанія и самыя тяжелыя труды предпринять“, чтобы поддержать образованіе въ православно-мъ духѣ въ Вильнѣ, „въ томъ городѣ, изъ котораго обильныя источники чистой воды истекали на всю окраину милой родины, очищая мутныя болота безбожныхъ противниковъ и другихъ сектъ“. Свою подготовку къ педагогической дѣятельности они начали въ Люблинѣ,—очевидно, въ іезуитской коллегіи ³⁾, и продолжали ее въ замостской академіи ⁴⁾. Но этимъ дѣло не ограничилось. Какъ видно изъ „*Патерикова*“ Сил. Коссова, Исаія Трофимовичъ имѣлъ титулъ доктора богословія ⁵⁾. Получить его въ Замостьѣ онъ не могъ, такъ какъ тамъ до 1639 г. богословіе не преподавалось. Нужно, слѣдовательно, признать, что онъ получилъ его въ какомъ-нибудь другомъ высшемъ учебномъ заведеніи, и что къ нему и къ Коссову относится свидѣтельство послѣдняго, заключающееся въ „*Ехеge-sis*’ѣ“ (1635): „тѣ, которые и теперь учать въ школахъ кіевскихъ и винницкихъ, произошли отъ родителей греческой вѣры и учились въ академіяхъ латинскихъ, въ Польшѣ, Литвѣ и цезарской (т. е. вѣнской)“ ⁶⁾. Возвратившись на родину, Сильвестръ и Исаія привяли въ Вильнѣ монашество ⁷⁾ и тамъ, жо, очевидно, начали свою педагогическую карьеру. Но въ 1631 г. мы уже видимъ ихъ во Львовѣ, откуда Петръ Могила перетянулъ ихъ въ свою коллегію. Въ Кіевѣ Коссовъ былъ префектомъ лаврской, а затѣмъ братско-могилянскаго школы, а Трофимовичъ—ректоромъ.

Дальнѣйшая судьба и дѣятельность Сильвестра Коссова была такова. Послѣ смерти могилевскаго и метиславскаго епископа Іосифа Бобриковича въ 1634 г., онъ былъ избранъ на его мѣсто и въ качествѣ

¹⁾ Голубевъ, «Матеріалы для исторіи зап.-рус. церкви» (Чт. въ ист. общ. Нестора лѣтописца, V, 226, прим.).

²⁾ Голубевъ, Ист. Кіев. акад., 218. 219 и прилож., 75. 76.

³⁾ Имя Люблина указано въ концѣ письма одного изъ этихъ лицъ къ І. Бобриковичу (Рук. кн. Ао. Миславскаго, лл. 87. 88).

⁴⁾ На 1 л. книги Ао. Миславскаго есть такая фраза: «Dilecte in Christo, fri *Silvestri Kossow. academico Zamoscien.*, si reddantur...»

⁵⁾ «*Патерикова*», 1635, 181.

⁶⁾ Голубевъ, Ист. Кіев. акад., прилож., 81.

⁷⁾ Въ своихъ запискахъ м. Петръ Могила называетъ «Исаіу Трофиміуса» іеромонахомъ виленскаго братства (Арх. Ю.-З. Р., I, VII, 57). О своемъ желаніи принять монашество Коссовъ писалъ еще въ 1622 г. изъ Люблина, гдѣ, по его словамъ, онъ жилъ такъ, что только по одеждѣ отличался отъ монастырскаго образа жизни (Рук. кн. Ао. Миславскаго, лл. 87. 88).

„электа“ почтилъ своего предшественника надгробнымъ словомъ, изданнымъ подъ такимъ заголовкомъ: „Cherubin przy Akcie pogrebowymъ przewielebnego w Bogu Oycy jego M. Oycy Iosepha Bobrykowicza, Episkopa Mscisławskiego, Orszanskiego, Mohilowskiego, Archimandryty Wilenskiego, w Cerkwi Bratskiej Wilenskiej Zeyscia Ducha ś., r. 1635 aprilis 9 dnia przez Succesora iego Wielebnego w Bogu Oycy Sylwestra Kossowa. Electa Episkopa Mscisławskiego, Orszan.: у Mohilow.: wykontersetowany. a swiežo z ruskiego na polski przełożony (1635 г.)¹⁾. Въ томъ же 1635 г. Коссовъ написалъ въ защиту кievской и винницкой школъ, преподаватели которыхъ подверглись обвиненію въ еретичествѣ, свой „Exegesis“²⁾. Тогда же онъ выпустилъ въ свѣтъ „*Πατερικόν*“ albo *żywoty s. s. oycow pieczarskich* „—житія кievо-печерскихъ святыхъ, снабженныя примѣчаніями, заимствованными изъ польскихъ и другихъ историковъ. съ присоединеніемъ исторіи крещенія Руси и хронологіи кievскихъ митрополитовъ³⁾. Въ январѣ 1637 г. еп. Сильвестръ напечаталъ „Дидаскалію о 7 сакраментѣхъ“, представляющую изложеніе ученія о семи таинствахъ, которое онъ предложилъ духовенству своей епархіи, собранному на помѣстный соборъ 18 окт. 1636 г. въ Могилевѣ. Наконецъ, Коссову же іезуитъ Рутка приписываетъ участіе въ составленіи Ливоса⁴⁾. Въ 1644 г. Коссову данъ былъ коадьюторъ въ лицѣ Іосифа Горбачаго, который назывался „бѣлорусскимъ епископомъ“, хотя нѣкоторое время оставался въ санѣ игумена (михайловскаго, въ Кіевѣ)⁵⁾. Въ 1647 г. Сильвестръ былъ избранъ въ митрополиты кievскіе на мѣсто скончавшагося 1 янв. Петра Могилы и оставался имъ до самой смерти, послѣдовавшей въ 1657 г. Нужно отмѣтить, что м. Сильвестръ относился не совсѣмъ сочувственно къ московскому правительству и къ совершившемуся во время его управленія западнорусской церковью присоединенію въ Москвѣ Малой Россіи, что историки объясняютъ какъ полученнымъ Коссовымъ образованіемъ и естественнымъ отсюда тяготѣніемъ его къ польскому строю государственной и общественной жизни, такъ и опасеніемъ его потерять съ подчиненіемъ московскому патриарху ту независимость, какою онъ пользовался до того⁶⁾.

Исаія Трофимовичъ съ ректорствомъ въ коллегіи соединялъ дятловское игуменство⁷⁾ и оставался въ этихъ должностяхъ до 1638 г., когда получилъ отъ м. Петра Могилы, духовникомъ котораго онъ состоялъ, николо-пустынской монастырь. Изъ внѣ-школьной его дѣятель-

¹⁾ *Голубевъ*, «Объяснительные параграфы»... (Кiev. еп. вѣд.. 1894, 69).

²⁾ Отрывки изъ «Exegesis'a» напечатаны проф. Голубевымъ въ Кiev. еп. вѣд.. 1874 г., №№ 16—20, прилож., и въ Ист. Кiev. акад., прилож., № 12.

³⁾ Въ 1661 г. вышло второе изданіе Коссовскаго Патерика на русскомъ языкѣ и съ нѣкоторыми дополненіями и измѣненіями (*Чистовичъ*, Очеркъ ист. Зап.-рус. церкви, II, 132).

⁴⁾ *М. Макарій*, XI, 530 и 602.

⁵⁾ А. З. Р., V, № 19. П. К. К., II, № 12, стр. 176. *М. Макарій*, XI, 532.

⁶⁾ *Соловьевъ*, Исторія Россіи, изд. II, кн. II, 1639—1643 ст. *Чистовичъ*, о. с., II, 132—135.

⁷⁾ Петръ Могила; прилож., № 89.

ности заслуживаютъ упоминанія поѣздка его въ началѣ 1633 г. въ Константинополь для испрошенія у п. Кирилла Лукариса благословенной грамоты на посвященіе Петра Могилы въ кievскіе митрополиты ¹⁾, участіе въ отнятіи у униатовъ кievско-софійскаго собора и въ дѣйствіяхъ кievскаго собора 1640 г. ²⁾. Въ началѣ его Трофимовичъ держалъ рѣчь о причинахъ созванія собора и затѣмъ, вѣроятно, очень много содѣйствовалъ разрѣшенію догматическихъ вопросовъ, возникавшихъ при чтеніи катихизиса, составленнаго предъ соборомъ, почему м. Петръ Могила въ одномъ изъ засѣданій предложилъ признать его докторомъ богословія ³⁾. Въ послѣднемъ обстоятельстве м. Макарій видитъ доказательство того, что означенный катихизисъ, или извѣстное „Православное исповѣданіе каеолической и апостольской церкви восточной“, былъ составленъ Исаіей именно, недоумѣвая въ противномъ случаѣ, за что могло быть дано ему ученое званіе доктора, такъ какъ никакихъ другихъ богословскихъ трудовъ у Козловскаго не было. Ему, разсуждаетъ просв. Макарій, какъ лучшему православному богослову, „доктору богословія“, по аттестаціи Коссова, м. Могила и поручилъ составленіе катихизиса ⁴⁾. Правдоподобнѣе представляется намъ старое мнѣніе, признающее авторомъ катихизиса самого Могилу. Г. Червяковскій, ставшій на его сторону, весьма основательно доказываетъ, что и при этомъ предложеніе м. Петра не должно казаться страннымъ: богословскія познанія Исаіи Трофимовича достаточно могли обнаружиться какъ въ участіи его въ разрѣшеніи богословскихъ вопросовъ на самомъ соборѣ, такъ и въ написанномъ имъ монастырскомъ уставѣ, который былъ тогда же читанъ ⁵⁾. Но согласился соборъ съ предложеніемъ митрополита или нѣтъ, во всякомъ случаѣ Трофимовичу именно принадлежитъ честь перваго русскаго доктора богословія ⁶⁾, какъ Скоринѣ—перваго русскаго доктора философіи и медицины. Послѣ собора Исаія ѣздилъ вмѣстѣ съ Іосифомъ Кононовичемъ Горбацкимъ, ректоромъ коллегіи, и Игнатіемъ Оксеновичемъ—Старушичемъ въ Яссы на соборъ, созванный тамъ молдавскимъ господаремъ Василіемъ Лупулой для сужденія о кальвинскомъ катихизисѣ п. Кирилла Лукариса: туда же онъ повезъ и „Православное исповѣданіе“. Умеръ онъ въ 1651 г. ⁷⁾.

14) *О Софроніи Почаскомъ* можно сказать немного. Учился онъ, безъ сомнѣнія, въ кievской братской школѣ. Въ числѣ тѣхъ 20-ти учениковъ ея, которые восхваляли при погребеніи заслуги и добродѣтели гетмана Сагайдачнаго, его фамилія стоитъ первою. Послѣ этого онъ продолжалъ, кажется, свое образованіе за границей—самъ ли, или по

¹⁾ Петръ Могила, I. 543. Охранная грамота Владислава IV для поѣздки къ Константинополю дана была Исаіи Трофимовичу и настоятелю кирилловскаго монастыря Леонтію 12 ноября 1632 г. (Кiev. епарх. вѣд., 1893, 286).

²⁾ Патериковъ, 181. М. Макарій, XI, 496. Тр. Кiev. дух. акад., 1895, дек., 592. 593.

³⁾ Н. Н. Л., I, 28. 29.

⁴⁾ М. Макарій, XI, 590. 591.

⁵⁾ Е. Червяковскій, «Римскій Катихизисъ и православное исповѣданіе Петра Могилы», 37. 38 (Оттискъ изъ Холмскаго-варшав. епарх. вѣстн., 1889 г.).

⁶⁾ Вѣроятно, объ этомъ фактѣ не зналъ прот. С. Смирновъ, приписывающій эту часть Палладію Роговскому (Приб. къ изд. Твореній св. отцовъ, 1883, ч. XXXII, 269).

⁷⁾ М. Макарій, XI, 591. 592.

иниціативѣ Петра Могилы, и въ лаврской школѣ преподавалъ въ 1631½, уч. году риторику съ поэтикой¹⁾. Оттуда онъ перешелъ, конечно, и въ братскую школу и въ 1638 г. сдѣлался здѣсь ректоромъ и братскимъ игуменомъ. Къ его ректорству относится попытка завязать учено-богословскія сношенія съ константинопольской школой, памятникомъ чего является догматическое посланіе ректора патріаршей школы Теофила Коридалея къ „Софронію Почаскому, прежде ректору кievской коллегии, теперь же—игумену молдавскому ясскому“²⁾. Изъ Яссъ Почаскій въ 1641 г. ѣздилъ въ Львовъ по порученію господаря Василя Лупулы, который просилъ у тамошняго братства типографскихъ принадлежностей³⁾. Перу Почаскаго принадлежитъ „Евхаристиріонъ“, поднесенный Петру Могилѣ въ Пасху 1632 г.

Остальные преподаватели и даже ректора братскихъ школъ или оставили по себѣ самые незначительные слѣды своей педагогической дѣятельности, или даже извѣстны только по однимъ именамъ. Поэтому говорить о нихъ здѣсь—значило бы повторять ихъ названія⁴⁾.

Наконецъ, мы готовы были бы признать, что съ учительства начинали свое служеніе церкви, какъ это было и въ другихъ исповѣданіяхъ, многочисленныя члены львовскаго, виленскаго, кievскаго и другихъ учено-издательскихъ кружковъ и всѣ наши выдающіеся писатели, въ родѣ архидіакона Виталія, котораго Захарія Копыстенскій называетъ „учителемъ и любомудрецомъ“⁵⁾ и о которомъ въ евьевскомъ изданіи „Діоптры“ говорится, что онъ „перло наукъ боговдохновенныхъ Вкуплю житія своего набывши, проповѣди слова Божого обралъ (избралъ) себѣ катедру“, Памвы Беринды, Захарія Копыстенскаго, Тарасія Леоновича Земки, Тимофея Александровича, Іосифа Кирилловича, Андрея Мужиловскаго... Но и въ такомъ случаѣ ихъ имена принадлежатъ болѣе исторіи западно-русской литературы, чѣмъ исторіи педагогій.

---

¹⁾ Ист. Кіев. академіи, прилож., 21. 76. 77.

²⁾ *Н. Петровъ*, «Кіевская академія во второй половинѣ XVII ст.» (Тр. Кіев. дух. акад., 1895, дек., 596. 597). Коридалей, афинянинъ родомъ, изучавшій въ Римѣ энциклопедію и въ Падуѣ—философію, былъ приглашенъ въ ректора константинопольской школы п. Кирилломъ Лукарисомъ въ 1626 г. (Bibliographie Hellénique а. XVII, т. I, №№ 143, 144, 289. Чтенія въ обществѣ любителей дух. просвѣщенія, 1884, 548).

³⁾ Supplem., № 200. Bibliogr. Hellén. а. XVII, т. IV, р. 117.

⁴⁾ Мы можемъ только дополнить здѣсь списокъ кievскихъ братскихъ бакалавровъ магистровъ Алексѣемъ Ивашковскимъ, который, впрочемъ, автору «Indicium'a» извѣстенъ болѣе, какъ развратникъ, наполнившій блудодѣянїемъ весь Кіевъ и бѣжавшій въ унію. *Головацкий*, «Библиографическія находки во Львовѣ» (Зап. Имп. акад. наукъ, XXII, прилож., № 4, стр. 8).

⁵⁾ П. П. I., I, 913.

ГЛАВА XII.

Общій характеръ, учебная программа, учебники и устройство братскихъ школъ.

Вопросъ о происхожденіи и характерѣ дидактики и педагогики нашихъ братскихъ школъ, какъ и всей западнорусской образованности въ періодъ времени отъ 1584 по 1633 г., не принадлежитъ къ числу вопросовъ, на которые можетъ быть только одинъ отвѣтъ. И это потому, во первыхъ, что въ періодъ устройства этихъ училищъ западная Русь подвержена была самымъ разнообразнымъ школьнымъ вліяніямъ, и во вторыхъ, потому, что исторія не сохранила какихъ нибудь неопровержимыхъ свидѣтельствъ о томъ, что наши братства позаимствовались уставами именно этого, а не другихъ изъ прежде существовавшихъ училищъ. Въ силу этихъ обстоятельствъ такъ противоположны рѣшенія даннаго вопроса, предлагаемыя нашей исторической литературой. Большинство историковъ настаиваютъ на томъ, что школьная западнорусская наука и образованность въ этотъ періодъ, въ отличіе отъ послѣдующаго времени, носили строгій греко-славянскій характеръ, что самые „порядки школьные, характеризующіе воспитательную часть“, были сходны съ порядками нѣкоторыхъ греческихъ училищъ (наприм., венеціанскаго братскаго),—однимъ словомъ, это большинство находятъ, что Греція, давъ намъ первыхъ учителей, дала вмѣстѣ съ ними „и всѣ начала православнаго образованія и воспитанія“¹⁾. Другіе же склонны переносить на нихъ черты науки и образованности западной, латинской. Г. Кулишъ, напр., ставитъ наше умственное движеніе въ концѣ XVI и въ XVII в. въ прямую связь съ схоластическимъ богословствованіемъ среднихъ вѣковъ, характеризуя его отрѣшенностью отъ

---

¹⁾ Проф. Мамшиевскій, Мелетій Пигасъ, I, 471; Бедрицкій—Мин. епарх. вѣдомости, 1888 г., 124; Архим. Серій—«Греческія школы (преимущественно средневѣковыя) и наши братскія и церковно-приходскія» (Хр. чт., 1888, I, 704—707).

жизни и цѣлей гражданственности, невѣжественностью по части исторіи, физики и философіи, а школьные порядки сближаетъ съ таковыми же протестантскихъ училищъ, которымъ наши „во всемъ подражали“¹⁾. Иные, въ противоположность Г. Кулишу, доказываютъ, что наши наука и литература въ данное время были совершенно чужды схоластическихъ тонкостей средневѣковой учености и характеризовались наклонностью къ изученію проявленій древняго гениа по греческимъ первоисточникамъ и въ реальному направленію. Источникъ такихъ именно свойствъ ихъ эти изслѣдователи находятъ въ протестантскихъ западнорусскихъ и западно-европейскихъ училищахъ, у которыхъ наши братскія школы, вслѣдъ за острожской, позаимствовали будто бы и направленіе, и курсъ наукъ, и методъ преподаванія, и классную дисциплину, и вообще весь педагогическій строй²⁾. Наконецъ, нѣкоторые соединяютъ оба школьныя вліянія—латинское и греческое и утверждаютъ, что наши братскія училища устроились по типу и программѣ школъ семи свободныхъ искусствъ, потому что наши первые учителя—греки приходили къ намъ съ тѣми понятіями объ образованіи юношества, съ какими познакомились въ западной Европѣ, откуда и Польша переняла свое школьное ученіе³⁾.

При сужденіи о происхожденіи строя нашихъ братскихъ училищъ (острожское мы оставляемъ въ сторонѣ, такъ какъ и исторія его зарожденія не достаточно выяснена, и характеръ его не вполне определенъ) и направленія учебной дѣятельности считаемъ болѣе удобнымъ отдѣльно говорить о сторонѣ образовательной и отдѣльно—о воспитательной.

Ключъ къ рѣшенію вопроса о томъ, откуда наши школы взяли дидактическую часть своего устава, находимъ какъ въ самомъ названіи ихъ, такъ и въ обстоятельствахъ ихъ появленія. Мы не разъ отмѣчали эпитетъ „греко-словенскій“ въ приложеніи къ нашимъ первоначальнымъ братскимъ училищамъ. Это названіе обозначаетъ не только то, что здѣсь преподавались греческій и славянскій языки (такъ называются они и послѣ, когда въ программу ихъ введены были и другіе языки—латинскій, польскій),—оно даетъ понять, что здѣсь и самое преподаваніе велось по славянскъ и по гречески. И, дѣйствительно, дошедшіе до насъ братскіе учебники всѣ написаны на славянскомъ (или русскомъ) языкѣ или на славянскомъ и греческомъ (Львовская грамматика 1588—1591 г.). Точно также и отъ учениковъ требовалось говорить только на этихъ языкахъ. Но въ названіи „греко-славянская школа“ содержится и другой, болѣе глубокий смыслъ: оно означаетъ, что вся программа, вся

---

¹⁾ Кулишъ, Исторія воссоединенія Руси, III, 111—113, 120, 121.

²⁾ Соколовъ, Отношеніе протестантизма къ Россіи въ XVI—XVII вв., 408—410, 418 и слѣд. Н. Ильинскій, «Юго-зап. русское общество и его умственное и религіозно-нравственное состояніе въ концѣ XVI и въ первой половинѣ XVII ст.» (Вол. еп. вѣд., 1891, 819—821; ср. 1893, 966. 967).

³⁾ Лебедевъ Ст., Историко-критическое разсужденіе о степени вліянія Польши на языкъ и устройство училищъ въ Россіи (1848, СПб.), 50. 51.

система училищныхъ порядковъ была пронизана духомъ греческо-славянскимъ, въ противоположность школамъ латинскимъ, что здѣсь все основано было на началахъ православной, восточной старины, — все, начиная съ славянской азбуки и кончая философiей отцовъ восточной церкви съ Іоанномъ Дамаскинымъ включительно. И этому нисколько не противорѣчитъ то, что уже съ первыхъ годовъ существованiя братскихъ школъ въ ихъ программахъ видны элементы системы семи свободныхъ наукъ, которая составляла самую суть образованiя въ польско-европейскихъ училищахъ. Не противорѣчитъ потому, что науки *trivium* и *quadrivium* были необходимыми элементами образованiя и въ Греціи; ихъ знали языческіе учоные и ихъ приняла христіанская школа, которая и удержала ихъ до XVI вѣка и далѣе ¹⁾.

Но послѣднее обстоятельство, т. е. сходство въ программахъ между греческими и латинскими школами, затрудняетъ рѣшеніе вопроса, заставляя изслѣдователя судить о вещахъ не по однимъ уже названiямъ, на и по существу. Если бы рѣчь шла только о названiи и общемъ содержанiи учебныхъ предметовъ, вошедшихъ въ курсъ братскихъ школъ, нельзя было бы и допытываться, откуда именно братства заимствовали свою программу: въ концѣ XVI вѣка въ западной Европѣ идея обязательности для школъ системы семи свободныхъ наукъ носилась, такъ сказать, въ воздухѣ, и возможно, что онѣ включены были въ программу только по молчаливому соглашенiю тѣхъ лицъ, кто взялъ въ свои руки дѣло просвѣщенiя православныхъ массъ, безъ всякихъ справокъ о томъ, что онѣ преподаются тамъ то и тамъ-то. Доискиваться, откуда онѣ перешли къ намъ, было бы такъ же странно, какъ допытываться въ наше время, изъ программы какихъ школъ — министерскихъ ли или земскихъ или церковно-приходскихъ — вошли въ курсъ такого-то частнаго училища Законъ Божій, русскій языкъ, ариметика, чистописаніе. Но когда приходится принять во вниманіе подробности содержанiя, способъ трактованiя учебныхъ предметовъ, учебники, по которымъ они излагались, — тогда опять мы склоняемся къ убѣжденiю, что все это заимствовано было съ Востока и подъ его непосредственнымъ воздѣйствiемъ. Съ этимъ легко согласиться, если вспомнимъ, что потребность просвѣщенiя въ западнорусскомъ обществѣ была вызвана главнымъ образомъ опасенiемъ за цѣлость и чистоту православiя. Такъ какъ „латинская наука“ представлялась опасной для послѣдняго, будучи преподаваема въ стѣнахъ католическихъ и протестантскихъ учебныхъ заведенiй, то тѣмъ менѣе она могла казаться невинной, буду-

---

¹⁾ Въ 1561 г. п. Іоасафъ извѣщалъ царя Ивана Васильевича, что въ патриаршей константинопольской школѣ, кромѣ „мудрыхъ мужей философъ, суть и иные учителя: вѣтъ, сирѣчь риторическое ученіе, пѣнтига, сирѣчь творительное, и грамматика и жусики ученіе“ (Сношенiя Россiи съ Востокомъ по дѣламъ церковнымъ, I, 103). Грамматикѣ, пѣнтикѣ и риторикѣ учился и Арсенiй елиссонскій въ триккской школѣ, какъ видно изъ его житiя (Тр. Кіев. дух. акад., 1898, янв., 8. 9). Затѣмъ, изъ письма Герлаха (1576 г.) извѣстно, что Зигомала преподавалъ въ патриаршей школѣ діалектику, риторику, логику... (Заѣа, о. с., 45, прим. 1).

чи пѣликомъ пересажена въ православныя школы. Въ такомъ видѣ она представлялась гибельной не только для аскетовъ въ родѣ Іоанна Вышенскаго, но и для людей съ болѣе свободными взглядами. Спасеніе отъ опасности, думали они, не на Западѣ, а на Востокѣ. Какъ разъ предъ этимъ временемъ оживлены были сношенія съ Греціей, а счастливый пріѣздъ п. Іоакима и архіеп. Арсенія елассонскаго оформилъ стремленія львовянъ къ образованію, давъ имъ именно греческое направленіе.

Что крестнымъ, такъ сказать, отцомъ западнорусскаго школьнаго просвѣщенія былъ не кто другой, какъ Арсеній, въ этомъ для насъ нѣтъ сомнѣній. Является только вопросъ, не былъ ли онъ самъ воспитанникомъ западно-европейскихъ университетовъ. Но онъ можетъ быть рѣшенъ, какъ намъ кажется, въ отрицательномъ смыслѣ. Выше высказано нами предположеніе, что авторомъ „Проекта образованія“, сохранившагося въ архивѣ львовской ставропигіи на греческомъ языкѣ ¹⁾, былъ архіепископъ Арсеній. Въ началѣ этого документа говорится, что львовскіе граждане, побуждаемые ревностью по Богѣ, премудрость возлюбили и большое усердіе и любовь обнаруживаютъ къ мудрости и изученію греческихъ письменъ (хотя сами по языку и алфавиту отъ природы славяне), почему и училище воздвигли и желаютъ съ Богомъ начать ученіе, и всѣ съ готовностью хотять слушать, каковы должны быть дѣятельность и направленіе школы (*οἷαν πολιτεῖαν διδάξει τὸ σχολεῖον*) и какой плодъ можно получить послѣ трудовъ... Судя по этому замѣчанію автора „Проекта“, послѣдній можно смѣло отнести ко времени возникновенія школы во Львовѣ, когда зданіе училища было уже готово и дѣло стояло только за опытнымъ и авторитетнымъ руководителемъ ²⁾. Исторія сохранила намъ имя одного только грека, который явился въ 1586 г. кандидатомъ на такую должность и получилъ ее. Это—архіеп. елассонскій Арсеній. Но какіе педагогическіе взгляды проводить въ своей программѣ Арсеній и на чьемъ авторитетѣ основываетъ ихъ? На авторитетѣ учебной традиціи греческой церкви. Арсеній заявляетъ, что онъ будетъ учить такъ, „какъ самъ научился отъ своего учителя, мудрѣйшаго киръ Дамаскина, митрополита навпактскаго и артскаго ³⁾, и отъ мудрѣйшаго Матвѣя ⁴⁾, мужей добродѣтельныхъ (*εναρτέτων*) и православныхъ, и отъ вселенской великой Христовой церкви, въ патріаршество святѣйшаго киръ-Іереміа“. Что касается самого п. Іереміа, немало повліявшаго на развитіе просвѣщенія въ Греціи, то о немъ современникъ его и учитель Іероѳей, митрополитъ монемвасійскій,

¹⁾ *Diplomata statuaria*, № 5; id. *Крыловскій*, Акты, № 172.

²⁾ На этомъ то, вѣроятно, основаніи и г. Крыловскій помѣтилъ документъ 1586 годомъ.

³⁾ Митрополитъ навпактскій и артскій Дамаскинъ Студитъ—авторъ нѣсколькихъ историческихъ трудовъ: «О патріархахъ константинопольскихъ», «Политическая исторія Константинополя» (1391—1578), «Историческое сочиненіе (*Βιβλίον ιστορικόν*)». *Лебедевъ* А. И. Исторія Греко-восточной церкви подъ властію турокъ, т. I, стр. 35—40. 43—45.

⁴⁾ Монахъ Матвѣй, учитель триккской школы въ ларисской епархіи, привлекавшій сюда множество юношей (Тр. Кіев. дух. акад., 1898, янв., 8. 9).

говорить, что онъ учился у монемвасійскаго (у Героеа?), у терновскаго Арсенія, у навпактскаго Дамаскина и позднѣе—у Матвѣя критскаго, который былъ ученикомъ Арсенія терновскаго ¹⁾. Тотъ же Героеей монемвасійскій даетъ возможность итти и дальше въ отысканіи источника того учебно-воспитательнаго плана, какой представилъ львовскому братству Арсеній елассонскій. Въ патриаршество Діонисія (1544—1552), говоритъ онъ, былъ въ Константинополѣ нѣкій великій риторъ Θεομα (въ монашествѣ Θεοφάνης), еженедѣльно учившій народъ въ церкви и имѣвшій многихъ удивительныхъ учениковъ,—Θεону еесалоникійскаго, Арсенія терновскаго, Дамаскина навпактскаго и артскаго, Мееодія меленивскаго, Героеей монемвасійскаго и др. Такимъ образомъ, рядъ учителей Арсенія возводится къ Θεομῳ, который былъ проповѣдникомъ и частнымъ наставникомъ взрослыхъ ²⁾. Но нигдѣ нѣтъ ни малѣйшаго указанія, чтобъ онъ самъ или кто-нибудь изъ его учениковъ, начиная съ Θεοны и кончая Арсеніемъ елассонскимъ, путешествовалъ на Западъ для довершенія образованія. Правда, п. Діонисій сдѣлалъ было попытку сблизить константинопольскую школу съ западной наукой, поручивъ ее завѣдыванію Михайла (въ монашествѣ Γορμόδορος) Листарха, грека, учившагося въ римской гимназій Яноса Ласкариса и въ феррарскомъ университетѣ, а затѣмъ учительствовавшего въ первой. Но, во 1-хъ, Листархъ скоро оставилъ ректорство, по случаю смутъ въ патриархіи, наступившихъ въ концѣ управленія церковью Діонисія, а во 2-хъ, мы не находимъ никакихъ слѣдовъ вліянія его или просто сношеній его съ Θεοφάνημ, или съ его учениками ³⁾.

Итакъ, наши братскія школы, въ моментъ своего появленія на свѣтъ, получили науку греческую. Греческія именно и грамматику, и діалектику, и риторику предстояло изучать ихъ первымъ воспитанникамъ; къ этому подготовляла, впрочемъ, и предшествовавшая исторія нашего школьнаго образованія, отрывки изъ которой представляютъ біографія вн. Курбскаго и автобіографическая записка іерод. Іоакима. Но, конечно, не исключительно греческими стали наши братскія училища: они были грево-славянскими. Въ нихъ изучался тотъ же курсъ „славянскихъ наукъ“, какой проходилъ въ нашихъ церковно-приходскихъ школахъ: азбука, грамматика, часословъ и псалтирь съ другими богослужебными книгами, церковное пѣніе,—вообще все то, что и до того изучалось въ „правовѣрной“, по Вышенскому, школѣ, и съ этой точки зрѣнія можно утверждать связь братскихъ школъ съ приходскими ⁴⁾.

---

¹⁾ Σαδα, ο. с., Παράρτημα: Απολογία ἐκ τοῦ χρονογράφου Διορόδου Μονεμβασίας, τ. 9. *Лебедевъ*, ο. с., 222. Авторомъ такъ называемаго Хронографа Дороеева былъ не Дороеей, а Героеей, митрополитъ монемвасійскій, списавшій свою исторію у Дамаскина Студита и дополнившій ее повѣствованіемъ о событіяхъ своего времени, между прочимъ о поѣздкѣ въ Москву п. Іереμιά Η. (*Лебедевъ*, ο. с., 5. 6, 43—46)

²⁾ Σαδα, Παράρτημα, 6; ср. Βιογραφικὸν εὐδελία 4. *Малышевскій*, Мелетій Пигаць, I, 58. 59.

³⁾ Мелетій Пигаць, I, 57—59.

⁴⁾ *Владимирскій-Будановъ*, Государство и народное образованіе въ Россіи (Ж. М. Н. Пр., 1874, апр., 256—258).

Всѣ наши братства, за исключеніемъ виленскаго и могилевскаго, на первыхъ порахъ обзаводились школами греко-славянскими въ самомъ строгомъ смыслѣ слова. Но мы никакъ не беремъ утверждать, что такой характеръ эти школы сохранили до самаго конца періода, т. е. до 1633 г. Наши братства въ то время были слишкомъ живой силой и не могли допустить рутину въ школьномъ дѣлѣ. Очень чуткія къ потребностямъ времени, они постоянно вводили въ курсъ школы новыя дополненія и перемѣны. Какъ скоро они замѣтили, что въ такомъ государствѣ, какъ Польша, нельзя обойтись безъ знанія латинскаго и польскаго языковъ, они присоединили и ихъ къ своей программѣ. Увидѣли они, что диалектика и риторика византійскія не много могутъ въ Польшѣ, и мало-по-малу въ наши школы проникаютъ польско-европейскіе учебники этихъ предметовъ. Когда братства увидѣли, что русское церковное пѣніе, при немзыкальности своей лишавшее смысла самое содержаніе пѣснопѣній, какъ пѣніе хомовое, не въ силахъ бороться съ вліяніемъ латинопротестантскихъ „партесовъ“, они ввели новое, искусственное пѣніе, которое суровый ригористъ Вышенскій назвалъ „вавилонскими страстями музыки“¹⁾. Конечно, постановка всѣхъ этихъ предметовъ была такая, что не дозволяла проникнуть въ наши школы духу неправославія. И въ содержаніи преподаваемаго, и въ методахъ и приѣмахъ не было ничего, что могло бы набросить тѣнь на чистоту православія, даже когда учителями были иновѣрцы. Суть дѣла была только въ перемѣщеніи центра тяжести съ греческой и церковно-славянской литературы на латинскую и свѣтскую, въ предпочтеніи „машкарниковъ Аристотелевъ и Платоновъ“ отцамъ и „плачливымъ охтайкамъ“, въ нѣкоторомъ уменьшеніи духа церковности, т. е. въ томъ именно, что успѣлъ замѣтить въ лвовской школѣ Іоаннъ Вышенскій въ свой пріѣздъ въ западную Россію²⁾. Понятно, что ознакомленіе воспитанниковъ съ иновѣрными догматами и мнѣніями могло поколебать въ иныхъ изъ нихъ ихъ православныя религіозныя убѣжденія, но въ массѣ молодежи новое направленіе преподаванія не только укрѣпляло эти убѣжденія путемъ сравненія и критики, но и научало защищать ихъ отъ нападковъ враговъ православія.

Такимъ образомъ, наши братскія школы въ изслѣдуемый нами періодъ времени не носили одного опредѣленнаго характера,—онѣ не были ни исключительно греческими, ни исключительно латинскими. Нельзя рѣшительно противопоставлять ихъ школамъ слѣдующаго періода, школамъ типа могиланской коллегии, какъ это обыкновенно дѣлаютъ, но нельзя и отвергать, подобно г. Пыпину, всякое сходство ихъ съ греческими³⁾. Трудно сказать, когда именно совершился переходъ отъ греческаго типа ихъ къ латинскому. Каждая школа уже въ нашъ періодъ прошла двѣ стадіи своего развитія: сначала она существовала,

---

¹⁾ Петръ Могила, прилож., стр. 73.

²⁾ Арх. Ю. - З. Р., I, VII, 28. 29.

³⁾ Г. Пыпинъ готовъ совершенно отрицать греческое школьное вліяніе на нашу образованность и братскія школы, для которыхъ, по нему, только и былъ одинъ образецъ предъ глазами—латинскія, католическія училища (Послѣднія времена московской Россіи, Вѣстн. Евр., 1894 г., т. V, 764—766).

какъ школа греко-славянская, потомъ постепенно сближалась съ латинопольскою, причемъ это сближеніе заходило порой очень далеко. Случалось также, что въ нѣкоторыхъ школахъ происходило вновь оживленіе греческаго вліянія, и онѣ становились ближе къ типу греко-славянскаго училища, чѣмъ латинопольскаго (такъ было во Львовѣ, насколько можно судить объ этомъ по составу каталоговъ братской библіотеки). А иногда латинскій и польскій языки сразу вводились въ программу, оттѣсня даже греческій языкъ, какъ это было въ Вильнѣ, гдѣ на первыхъ порахъ не нашлось преподавателя послѣдняго и гдѣ впослѣдствіи изъ пяти классовъ только въ двухъ изучались славянскій и греческій языки, а въ остальныхъ трехъ читалась „латинская наука“. Тоже была и въ кievской школѣ предъ 1630 г. Отсюда не трудно и естественъ былъ тотъ шагъ, какой сдѣлалъ Петръ Могила, устроившій училище съ преподаваніемъ на латинскомъ и польскомъ языкахъ, и какой пыталось было сдѣлать пинское братство. — Исторія постановки каждаго отдѣльнаго предмета братской программы подтверждаетъ мысль о постепенности сближенія нашей школы съ западною наукою, не давая однако опредѣленныхъ указаній относительно времени.

Параллельно съ этимъ шло и сближеніе западнорусской литературы съ польско-латинской. Оно обнаружилось прежде всего въ томъ, что наши полемисты стали писать на польскомъ языкѣ и пользоваться европейскими изданіями св. отцовъ, соборовъ и латино-протестантскими сочиненіями, а затѣмъ выразилось и въ самомъ способѣ трактованія темы, во внесеніи въ церковно-богословскія сочиненія предметовъ постороннихъ, свѣтскихъ, и, наконецъ, даже въ нѣкоторомъ прираженіи нашихъ писателей къ неправославному образу мыслей, не только относительно обрядовой стороны, но и догматической. Въ протестанствѣ латино-уніаты винили Стефана Зизанія, „Острожскаго влирика“, „Оеофила Ортолога“, и православные не особенно рѣшительно опровергали эти обвиненія. Обвиненію въ латинствѣ же и въ искаженіи православія латинскую ученость подвергались два другіе братскіе ученые—Кириллъ Транквилионъ и Лаврентій Зизаній, и послѣднихъ заподозрила въ симпатіяхъ къ латинству не только Москва, но и западная Русь.

Болѣе устойчивости и опредѣленности представляютъ начала братской педагогики, нашедшія себѣ отображеніе въ „Порядкѣ школы“ львовской, составленномъ въ 1586 г. Цѣль воспитанія дѣтей и сущность воспитательной системы всего яснѣе высказаны въ § 14 этого Порядка. „По вечерни в субботу маеть дидакаль зъ дѣтьми намовлятися (бесѣдовать) часъ немалый больше ніжъ въ дни иные, оучачи ихъ страху Божию и обычаемъ встыдливимъ младенческимъ яко мають быти въ церкви противъ Богу, дома противъ родичовъ своихъ, и инде инымъ, цноту (добродѣтель) и встыдъ заховывати, Богу мовлю и его святымъ честь и страхъ, родичови и дидакалови послушенство, посполите (вообще) противъ всѣмъ покору и уваженіе, собѣ самому встыд и цноту“. Такого справедливаго, чисто-нравственнаго отношенія ко всѣмъ людямъ, такого гармоничнаго сочетанія „покоры“ съ сознаніемъ собственнаго достоинства, при руководствѣ страха Божія, — такихъ воспитательныхъ принциповъ или, по крайней мѣрѣ, столь ясно выраженныхъ, не находимъ въ

уставахъ школъ ни католическихъ, въ частности іезуитскихъ, ни протестантскихъ. Происхожденія ихъ надо искать въ другомъ мѣстѣ, т. е. на Востокѣ, гдѣ эти принципы были началами воспитанія не только школьнаго, но и общецерковнаго. И тѣмъ естественнѣе признать греческое происхожденіе ихъ въ нашихъ школахъ, что онѣ оттуда же заимствовали и дидактическую сторону своего устава. Было бы странно предполагать въ львовскихъ братчикахъ въ моментъ учрежденія ими школы колебаніе и раздвоеніе между восточными и западными педагогическими вліяніями. И, дѣйствительно, можно усмотрѣть выраженіе этихъ же педагогическихъ принциповъ въ „планѣ“ архіеп. Арсенія. „Начало премудрости страхъ Божій“, такъ начинается овъ... затѣмъ Арсеній предлагаетъ— „учить дѣтей прежде всего вышней философіи страха Божія (*την ἀνω φιλοσοφίαν του τοῦ Θεοῦ φόβου*), какъ и Христосъ сказалъ: „ищите прежде царствія Божія и прочая вся приложатся вамъ“; во вторыхъ, надлежащей любви и почтенію (*εὐλαβείαν*) къ собственнымъ родителямъ и во всѣмъ старшимъ и къ братьямъ по благоустроенію Христову“. Львовское братство само заявило о родствѣ или тождествѣ своей педагогики съ греческой, издавъ въ 1609 г. не какое-либо европейское педагогическое сочиненіе, а— „О воспитаніи чадъ“ св. Іоанна Златоустаго ¹⁾.

Не такъ легко выяснитъ, откуда заимствованы братствами подробности учебно-воспитательнаго плана. Въ Планѣ самого Арсенія мы находимъ ихъ очень немного, да и то такія, которыя были извѣстны и западной школѣ („протосколы“, т. е. первые ученики-помощники наставника, субботнія репетиціи, письменныя упражненія). Въ „Порядкѣ“ же львовской школы можно съ одинаковымъ вѣроятіемъ усматривать педагогическія воззрѣнія какъ Арсенія, такъ и львовянь, которые только предложили Арсенію обсудить ихъ и формулировать. И въ данномъ случаѣ мы тѣмъ затруднительнѣе чувствуемъ себя, что намъ почти ничего не извѣстно объ устройствѣ греческихъ школъ XVI в. Конечно, о немъ можно было бы судить по порядкамъ греческихъ школъ конца XVII или начала XVIII ст., на что даетъ нѣкоторое право консерватизмъ грековъ. Но извѣстія и изъ этого времени такъ небогаты, что начинаешь думать, что у грековъ не было подробно выработанной системы дидактическихъ и педагогическихъ приемовъ и что, слѣдовательно, крайняя простота характеризовала школьныя отношенія въ Греціи и въ концѣ XVI вѣка ²⁾. Остается, такимъ образомъ, допустить, что „Порядокъ школьный“ выработанъ въ мѣстѣ, въ Львовѣ, совокупными усиліями Арсенія и братчиковъ и выработанъ съ большой осмысленностью, продуманностью и соображеніемъ всѣхъ частей его съ Священнымъ Писаніемъ, цитатами изъ котораго (не всегда, правда, идущими къ дѣлу) подтвер-

¹⁾ «Иже въ Святыхъ отца нашего Іоанна Златоустаго. Бесѣда избранная о воспитаніи чадъ». Кромѣ бесѣды здѣсь помѣщены нѣкоторыя изреченія св. Василія Вел. и Ливанія софиста (*Голубевъ*, Ист. Кіев. акад., 211, прим.)

²⁾ О греческихъ школахъ конца XVII и начала XVIII ст можно читать у *Александра Геладія* въ *Status praesens Ecclesiae Graecae*, 1714. (Прав. обозр., 1872, I, 725—730; Христ. чт., 1888, I, 701—703).

ждается всякій параграфъ его. Но ни духъ всего учебно-воспитательнаго плана, ни отношенія къ латинянамъ не могли мѣшать львовянамъ влючить въ свой „Порядокъ школьный“ что нибудь изъ ихъ уставовъ. Правила іезуитскихъ школъ едва ли были въ то время близко знакомы львовскимъ братчикамъ, но за то послѣдніе хорошо знали порядки школъ кафедральныхъ, въ одной изъ которыхъ (въ львовской), вѣроятно, многіе изъ нихъ сами учились. Отсюда то они могли позаимствовать въ свой „Порядокъ“ такія подробности, какъ оставленіе за учениками права просить милостыню (§ 5), диспуты въ области словаря (§ 11), наказаніе дѣтей по субботамъ (§ 14), чтеніе апостола и евангелія въ воскресенье и праздничные дни и толкованіе ихъ (§ 15). Впослѣдствіи въ жизнь братскихъ школъ могли войти еще новыя черты изъ уставовъ училищъ іезуитскихъ, какъ видимъ это отчасти въ Лудцѣ, или протестантскихъ, что могло легко случиться въ Вильнѣ, при дружескихъ отношеніяхъ тамошняго братства къ кальвинистамъ и при пополненіи преподавательскаго персонала „нѣмцами“.

Въ такомъ видѣ представляется намъ общій характеръ учебно-воспитательной системы братскихъ школъ.

Учебные предметы.

Главное мѣсто въ программахъ братскихъ школъ занялъ *славянскій языкъ*, что обуславливалось и уменьшеніемъ знакомства съ нимъ западноруссовъ и его значеніемъ. Уже съ XIV ст., какъ показываютъ дошедшіе до насъ списки богослужебныхъ и отеческихъ книгъ юго-западнорусскаго происхожденія, славянскій языкъ становится все менѣе извѣстнымъ въ западной Россіи, и въ періодъ времени XIV—XVI вв. людей, владѣвшихъ имъ такъ же мастерски, какъ владѣли сѣверо-русскіе агіографы, у насъ почти не видно ¹⁾. Мало того. Въ концѣ XVI ст. его не знали даже многіе изъ нашего духовенства, которымъ, по свидѣтельству Скарги, понятнѣе былъ польскій языкъ, къ пособію котораго они и обращались ²⁾. По словамъ кн. Курбскаго, въ западной Россіи скорѣе можно было найти знающихъ греческій или латинскій языкъ, чѣмъ славянскій ³⁾. Такой упадокъ знакомства съ церковно-славянскимъ языкомъ прежде всего долженъ былъ невыгодно отозваться въ религіозной сферѣ его примѣненія, на красотѣ и важности церковнаго богослуженія. Вѣроятно, въ концѣ XVI в., нерѣдко происходили случаи замѣны его въ богослуженіи языкомъ народнымъ или лексической и синтаксической порчи его послѣднимъ, если нѣкоторые паны, основывая церкви, требовали, чтобы священники и преемники ихъ теперь и „въ позднѣйшій вѣкъ“ совер-

¹⁾ *Соболевскій*, Ж. М. Н. Пр., 1888, окт., Критика и библиографія, 324—325.

²⁾ П. П. Л., II, 436. Что у насъ, дѣйствительно, «лѣпшаго ради выразумѣннѣ» славянскаго языка обращались къ польскому, доказываетъ фактъ перевода съ перваго на второй Псалтыри въ к. XVI ст. (*Востоковъ*, Опис. рукописей Румянц. музея, № 335) и Златоуста—кн. Острожскимъ (Сказ. кн. Курбскаго, 254).

³⁾ Сказанія кн. Курбскаго, 257.

шали службы на славянскомъ именно языкѣ ¹⁾. Не только для цѣлей бого-служебныхъ долженъ быть введенъ въ наши школы церковно-славянскій языкъ,—онъ одновременно являлся языкомъ науки, богословія. Такое именно положеніе его обуславливалось исторически сложившимся значеніемъ его у славянскихъ народовъ греческаго православія, аналогичнымъ съ значеніемъ латинскаго языка на западѣ Европы. Въ православной Руси, по словамъ Костомарова, изавна „все, что имѣло въ ней признакъ умственнаго труда и мысли, выражалось не на обычномъ всеневномъ, а на богослужебно-церковномъ языкѣ славянскомъ. Онъ былъ для нея языкомъ учености и умственнаго труда“ ²⁾.

И однако такому значенію славянскаго языка до конца XVI ст. совсѣмъ не соотвѣтствовала та постановка его въ школахъ, какая дана была ему съ IX в. Славянскій языкъ у насъ изучался, но не научно. Азбука и апостолъ были альфой и омегой славянскаго языка, какъ учебнаго предмета. Неудивительно, что даже полякъ и католикъ Скарга обратилъ вниманіе на это обстоятельство. Онъ еще въ 1577 г. утверждалъ, что нельзя сдѣлаться ученымъ съ однимъ славянскимъ языкомъ, который настолько не разработанъ, что не имѣется будто бы ни правилъ, ни грамматикъ его, ни словаря; что не было еще никогда и не будетъ академіи или коллегіи, гдѣ философія, богословіе и другія свободныя науки изучались бы не по гречески или не по латыни. Только эти два языка служатъ орудіями науки; ни на какой другой языкъ нельзя перевести съ нихъ научныхъ системъ и сочиненій, такъ какъ, во первыхъ, они не разработаны и, во вторыхъ— не остановились еще въ своемъ развитіи ³⁾. Едва-ли Петръ Скарга, высказывая эти мысли, имѣлъ въ виду какія-либо другія цѣли, кромѣ восхваленія древнихъ языковъ и латино-польской образованности, которой чуждались православные, тѣмъ не менѣе онъ оказалъ славянскому языку огромную пользу, не только побудивъ западноруссовъ къ изученію его, но и указавъ средства къ научной разработкѣ его—въ составленіи грамматикъ и словарей, въ переводѣ на него руководствъ по богословію, философіи и другимъ наукамъ. Западноруссы, дѣйствительно, обратили вниманіе на замѣчанія Скарги и постарались оградить отъ укоровъ достоинства славянскаго языка. Такъ, Вышенскій въ нападкахъ на него Скарги усмотрѣлъ ни болѣе ни менѣе какъ походъ діавола, который „толикую зависть имаетъ на словенскій языкъ, же ледво (едва) живъ отъ гнѣва; радъ бы его до щеты (совершенно) погубити, и всю борбу свою на тое двигнулъ, да его обмерзитъ и въ огиду (отвращеніе) и ненависть приведетъ“, потому что этотъ языкъ „плодоноснѣйшій отъ всѣхъ языковъ и Богу любимѣйшій: понеже безъ поганскихъ хитростей и руководствъ, се же есть вграматикъ, риторикъ, діалектикъ и прочихъ ихъ коварствъ тщеславныхъ, діавола вмѣстныхъ, простымъ прилѣжнымъ читаніемъ, безъ всякаго ухищренія, къ Богу приводитъ, простоту и смиреніе будуетъ (со-

¹⁾ А. В. А. К., III, № 11: фундушова запись Ярослава Солтана волчинской церкви въ 1586 г.

²⁾ Костомаровъ, Истор. монографія, III, 214.

³⁾ П. П. Л., II, 485. 486.

здаетъ) и Духа святого подъемлетъ“; онъ „только истинною правдою Божіею основанъ, збудованъ и огороженъ есть; и ничтоже другое ухищреніе въ себѣ не имѣетъ“¹⁾). Но славянскій языкъ едва-ли выигралъ бы отъ такого защитника, который имѣлъ въ виду только нравственное его значеніе и не заботился объ его научномъ развитіи и обработкѣ. Иначе посмотрѣлъ на него кн. Курбскій, который старался доказать его научное значеніе и большее, по сравненію съ польскимъ, богатство его формъ и словъ: „вѣрь ми, ваша милость, писалъ онъ кн. Острожскому, если бы и не мало ученыхъ сошлось, словенска языка клоняюще чины грамотическіе и прелагающе въ Польскую барбарію: изложити текстъ въ текстъ не возмогуть, а не токмо словенскія або грецкія бесѣды, а ниже слюбимыя ихъ латинскія. Сенсъ (мысль) быти нѣяко можетъ; но околичность слогней зѣло будетъ далека“²⁾). Подобнымъ образомъ, но уже въ противоположность „языку простому русскому“, — „подлѣйшему и простѣйшему“, превозносятся качества славянскаго языка въ „Предмовѣ“ къ Учителному Евангелію 1616 г.; онъ называется здѣсь „взачтѣйшимъ, пекнѣйшимъ, звязнѣйшимъ, сущтельнѣйшимъ и достаточнѣйшимъ“. Въ силу такихъ его достоинствъ и согласованія по природѣ и по богатству съ греческимъ, онъ является, преимущественно предъ латинскимъ, годнымъ для перевода съ греческаго и вообще для науки. „Безпечнѣйшая есть рѣчь, пишетъ Захарія Копыстенскій, и увѣреннѣйшая философію и еологію славенскимъ языкомъ писати и зъ грецкого переводити, нѣжли латинскимъ: который оскудный есть, же такъ реку до трудныхъ высокихъ и богословскихъ речій недовольный и недостаточный“³⁾). Мало того. Наши писатели въ пылу усердія стали доказывать преимущества славянскаго языка даже предъ греческимъ. Уже Вышенскій мимоходомъ далъ знать, что онъ „предъ Богомъ честнѣйшій есть и отъ Еллинскаго и Латинскаго“, и серьезно увѣрялъ, что это не басни, но отказался дать о томъ „доводъ широкій“, такъ какъ это отвлекло бы его отъ темы⁴⁾). Послѣ него мысль о превосходствѣ славянскаго языка предъ греческимъ доказывалась и историческимъ путемъ⁵⁾).

Сказаннымъ достаточно выяснены причины, по которымъ славянскому языку отведено было въ братскихъ училищахъ первенствующее мѣсто. Онъ сталъ не только учебнымъ предметомъ, но и языкомъ пре-

¹⁾ А. Ю. и З. Р., II, 210. *Голубевъ*, Петръ Могила, прилож., стр. 94. 95.

²⁾ Сказ. кн. Курбскаго, 254. 255.

³⁾ «Бесѣды Златоуста на 14 посланій ап. Павла» (1623), — посвятит. «предмова». Точно также въ «Предмовѣ» къ Трїодіону (1627) Копыстенскій называетъ славянскій языкъ «глубокоразумнымъ, кмѣющимъ разумъ и мудрость якоже греческая и прочая граматичная писанія».

⁴⁾ А. Ю. и З. Р., II, 210.

⁵⁾ Азбука 1621, Вильна. Еще въ IX в. черноризецъ Храбръ говорилъ, что такъ какъ «словѣнскія книги единъ стѣи Квнстантинъ, нарицаемый Кирилъ, и писмена створи и книги прѣложи въ малѣхъ лѣтѣхъ», тогда какъ надъ составленіемъ греческой азбуки трудилось семь человекъ въ продолженіе многихъ лѣтъ, — «тѣмже словѣнская писмена святѣйши сѣтъ и честнѣйша, святъ бо мужъ створилъ я есть, а Гръчская Еллини погани» (*Калайдовичъ*, Іоаннъ Экзархъ Болгарскій, 1824, прилож., 191).

подаванія. На него были переведены еще въ 1586 г. (или ранѣе) риторика, діалектика „и иные философскіе письма школы належачіе“ ¹⁾ и, вѣроятно, руководства по другимъ предметамъ; на немъ читались лекціи и произвѣдилась „аргументація“ ²⁾. Ученикамъ запрещалось уставомъ гофорить въ классѣ другъ съ другомъ „простою мовою“, а непременно такъ, чтобы спрашивающему по гречески товарищъ отвѣчалъ по славянски; по русски можно было отвѣчать только спрашивающему по славянски ³⁾. Мелетій Смотрицкій въ предисловіи къ своей грамматикѣ требуетъ даже, чтобы „діалектъ въ звыклой школьной розмовѣ (разговорѣ) славенскій межѣ тщателми (т. е. студентами или спудеями, — буквальный переводъ) каранемъ (подъ угрозой наказанія) захованъ былъ“.

Относительно метода преподаванія славянскаго языка въ братскихъ училищахъ свѣдѣній сохранилось мало. Львовскій уставъ 1586 г. и луцкая его редакція говорятъ объ этомъ слѣдующее: „школы словенское наука починается. На первѣй научивши ся складовъ литеръ, потомъ грамматикѣ учать, при томъ же и церковному чину учать, читаню спѣваню. также учать на кажды день, абы дѣти единъ другого пыталъ по грепку, абы ему отповѣдалъ по словенску, и тыжъ пытаются по словенску, абы имъ отповѣдано на простой мовѣ“ (заключеніе). Въ другомъ мѣстѣ этотъ уставъ такъ опредѣляетъ порядокъ дневныхъ занятій учениковъ, имѣя прежде всего въ виду славянскій языкъ. „По рану напервѣе по молитвахъ мають мовити, кождый вчорашню науку свою, и письмо свое што дома писалъ, выкладъ науки своеи показовати маеть и потомъ оучитися мають дроблѣ ⁴⁾ фалтыри, или грамматикѣ зъ розвязованемъ еи“... „По обѣдѣ ⁵⁾ хлопцы мають писати сами на таблицахъ кождый свою науку выданую имъ отъ дидаскала ⁶⁾, кромѣ малыхъ, котрымъ самъ виненъ (долженъ) будетъ дидаскаль писати, а въ школѣ научившись о трудныхъ словѣхъ спытовати

¹⁾ Львовскій «Порядокъ» 1586 г., окончаніе.

²⁾ Предисловіе къ грамматикѣ Мелетія Смотрицкаго, 1619.

³⁾ Львовскій Порядокъ 1586 и луцкая его редакція, окончаніе. Такой порядокъ вопросо-отвѣтовъ заведенъ, вѣроятно, на слѣдующемъ основаніи. Для того, чтобы отвѣтить по гречески на греческій вопросъ, задуманный, очевидно, раньше, нужно много сравнительно времени; поэтому казалось достаточнымъ, если спрошенный пойметъ его и отвѣтитъ хотя бы по славянски. Быстрый и толковый славянскій отвѣтъ на славянскій вопросъ тоже могъ быть нѣсколько затруднителенъ, потому допускалась здѣсь и русская рѣчь. Последняя запрещалась въ разговорахъ.

⁴⁾ Въ львовской редакціи 1586 г. — дробли, — по частямъ, какъ переводятъ его. Въ греческомъ оригиналѣ этотъ параграфъ читается кратко: τὸ πρῶτὸν ἔχει τὰ παιδεία μαθεῖν τοῦ πινυκτίου καὶ τοῦ φαλτηρίου...

⁵⁾ Въ братскихъ школахъ, какъ и въ новобранныхъ того времени, учебный день дѣлился на двѣ части — до обѣда и послѣ.

⁶⁾ Μετὰ τοῦ ἀρίστου ἔχουσι τὰ παιδεία γράψαι εἰς τὸ πινυκτίου βιβλίον... τὸ ἰδίον μαθημάτων... Точно также и въ Еллино-словенской грамматикѣ 1591 г. въ отдѣлѣ о спряженіяхъ рекомендуется записывать на «дощицы или листы» болѣе трудныя формы (л. 137). Г. Лавровскій справедливо объясняетъ этотъ способъ обученія отсутствіемъ печатныхъ учебниковъ. Оттого мы встрѣчаемъ указанія на него еще задолго до этого. Въ житіи св. Петра митрополита разсказывается объ его школьныхъ занятіяхъ: «елика написоваше ему учитель его, малымъ проученіемъ изучеваше» (Лавровскій, о. с., 111).

маеть единъ другого (то есть диспутоватися) а до дому отходячи съ тыхъ подтвердити, абы оу вечерь изъ школы пришедши до дому дѣти оумѣли... науки... прочитати... зъ выкладомъ по обычаю науки школьное, а что учили того дне мають оу вечерь дома написати и до школы принести порану показати предъ дидаскаломъ своимъ“ (§§ 10. 11). Къ этому Мелетій Смотрицкій добавляетъ, что издревле повелось послѣ азбуки изучать часословъ и псалтырь, а также писать, а послѣ приступать къ грамматикѣ, почему и совѣтоваль учить сначала буквварь, „по часословѣ зась и псалтири (которые опусканы быти не мають) выучению ся оваа грамматика зъ выкладами, то есть, зъ показованемъ и уживанемъ еи пожитковъ, наступити“¹⁾. Последнее велось, вѣроятно, такъ, что сначала растолковывалось ученикамъ извѣстное правило, которое выяснялось на устныхъ и письменныхъ примѣрахъ; часто учитель обращался къ посредству лучшихъ учениковъ, которые и доводили до сознанія своихъ менѣ толковыхъ товарищей то или другое грамматическое положеніе. Но, къ сожалѣнію, оказывается, что дѣло не всегда велось такъ рационально. Такъ какъ случалось, что въ учителя славянскаго языка попадали люди, которые „сами граматичного художства не учили“, то приходилось внушать имъ, чтобъ они дѣтямъ, уже умѣющимъ читать по славянски, грамматику „до выученья подавали, которая памяти повѣрена ладно (легко) и скоро за оказіею прест'я (перехода) ихъ до знаменитшей школы вырозумѣна ими будетъ и до пожиточного въ художствѣ и уживанья приведена“, — т. е. предлагалось задавать ученикамъ уроки изъ грамматики для зубренія, въ надеждѣ, что она будетъ „вырозумѣна“ ими въ старшемъ классѣ или въ высшей школѣ (предисловіе къ грамматикѣ 1619 г.: то же, вѣроятно, было и съ другими учебными предметами). Дальнѣйшей ступенью въ изученіи славянскаго языка былъ переводъ съ него на русскій священныхъ книгъ, что совѣтоваль М. Смотрицкій въ своей грамматикѣ, употребленіе его на урокахъ и въ рѣчи и, наконецъ, въ сочиненіяхъ.

Второе мѣсто въ системѣ наукъ, преподававшихся въ братскихъ училищахъ, принадлежало *греческому языку*. Объясняя этотъ фактъ, Головацкій восходитъ къ первымъ вѣкамъ христіанства на Руси и на основаніи ссылокъ нашихъ лѣтописцевъ на греческихъ классическихъ и христіанскихъ писателей заключаетъ, что „у насъ знали греческій языкъ и читали творенія греческіи въ тое время, коли еще на западѣ о нихъ ледвищо слышно было“²⁾. Но мы можемъ найти въ исторіи нашей западнорусской церкви конца XVI ст. еще особыя обстоятельства, обусловившія высокое положеніе греческаго языка въ нашихъ школахъ. Напоръ протестантства и латинства на православную церковь и релігіозное шатаніе умовъ заставляли западноруссовъ обращаться за помощью и поддержкою туда, откуда пришло къ намъ христіанство въ формѣ

¹⁾ Предисловіе къ грамматикѣ 1619 г. Относительно чистописанія, какъ особаго учебнаго предмета, мы встрѣчаемъ указаніе въ львовскомъ «Реестрѣ» школьномъ, гдѣ священникъ Сиховскій при опредѣленіи сына поставилъ условіемъ, чтобъ его научили «писать, абы умѣлъ *скоропись* и иныхъ братственныхъ наукъ» (*Крымловскій, Акты, № 33.*) Учили писать не только скорописью, но и уставомъ и полууставомъ.

²⁾ Зоря Галицкая, 1860, 448.

православія: естественно было теперь въ твореніяхъ греческихъ св. отцовъ и богослововъ искать опроверженія неправославныхъ ученій. Возобновившіяся же сношенія съ Востокомъ сами по себѣ уже требовали знанія греческаго языка для чтенія посланій, грамотъ. Нужно оно было и для исправленія богослужебныхъ, каноническихъ книгъ и перевода святоотеческой литературы, необходимость чего уже сознавалась кн. Курбскимъ. Даже задолго до него одинъ супрасльскій архимандритъ, оправдываясь въ письмѣ къ митрополиту Макарію отъ обвиненія въ самовольномъ исправленіи устава церковнаго, говорилъ (1536): „а того ради, абы съборное правило святое было не пестро, але однолично... не отъ Литвы а ни отъ Москвы, но оттоль, отколь намъ крещеніе процвете и вѣра, яже въ Отца и Сына и св. Духа, иврате, и благочестіе насадися, и святыя книги на нашъ словенскій языкъ изъ грѣческаго и съелинскаго выложенія изыйдоша, и еще бы теперь исходили, ихъ же не имамы, естль бы о нихъ попеченіе было“ ¹⁾. Но ближайшимъ образомъ на введеніе греческаго языка въ школьное преподаваніе повліяли патріархи, которые были, такъ сказать, воспріемниками нашихъ зарождавшихся училищъ, которымъ они дали и учителей и которымъ оказывали всяческую поддержку. Наконецъ, отъ греческаго языка львовскіе братчики не могли отказаться уже потому, что онъ преподавался даже въ католической городской школѣ. Благодаря этимъ то обстоятельствамъ, создались наши „греческія“ училища съ ихъ „дидасками“ и „спудеями“. Греческій языкъ получилъ въ нихъ значеніе, подобное значенію латинскаго въ польско-европейскихъ школахъ; на немъ даже говорили въ школахъ. Съ самаго же начала онъ такъ хорошо былъ поставленъ въ братскихъ училищахъ, что ученики скоро озацались въ состояніи переводить съ греческаго на славянскій учебники и патріаршія грамоты, писать и произносить на немъ привѣтствія. Въ школьное употребленіе входятъ мало-по-малу греческія изданія греческихъ св. отцовъ и классиковъ. Даже Аристотель, которымъ, казалось, всецѣло завладѣла западная Европа, штудирруется въ львовской школѣ по греческимъ изданіямъ его. И языкъ греческій, несмотря на то, что уже съ конца XVI ст. явился опасный соперникъ для него въ латинскомъ, который озацался болѣе полезнымъ въ виду богатства современной литературы, написанной на немъ, долго еще сохранялъ все свое обаяніе, какъ языкъ православія, богословія и настоящей, церковной науки, церковной философіи ²⁾. Даже въ самомъ концѣ изслѣдуемаго нами періода проповѣдники западнорусскіе считали и умѣстнымъ и возможнымъ цитовать Священное Писаніе по гречески и предлагать греческія названія нѣкоторыхъ предметовъ и церковныхъ дѣйствій („Омилія“ Захаріи Копыстенскаго, 1626 г.) ³⁾.

¹⁾ Арх. Ю.-З. Р., I, VII, 14.

²⁾ Предисловіе Захаріи Копыстенскаго къ «Бесѣдамъ Златоуста на 14 посланій ап. Павла» (1623).

³⁾ Въ исторической литературѣ поддерживается извѣстіе объ одной западнорусской писательницѣ, переведшей съ греческаго на славянскій Бесѣды Златоуста. Это—Софія Боговитинская, уречденная Чарторыйская, волынская хорунжая (*Siarczynski, Obraz wieku panowania Zygmunta III, I, 38. 39. Wiszniewski, VIII, 484. Васильевскій, Вильна, VI. 182.*

То, что сказано о методѣ преподаванія славянскаго языка, вѣроятно, приложимо и къ греческому. Объясненіе правилъ на устныхъ и письменныхъ примѣрахъ, записываніе ихъ на доскахъ или въ тетрадяхъ, спрашиваніе учениками другъ друга о труднѣйшихъ вещахъ, чтеніе текста, быть можетъ письменныя упражненія,—все это имѣло мѣсто и здѣсь.

Русскій языкъ. Если православную вѣру въ западной Руси хотѣли поддержать изученіемъ первоисточниковъ ея—Священнаго Писанія и священнаго преданія—на греческомъ и славянскомъ языкахъ, то русскій языкъ былъ необходимъ, какъ знамя русской народности, которая въ польско-латинскомъ государствѣ подвергалась стѣсненіямъ и, вслѣдствіе этого, сліянію съ польскимъ элементомъ. Русскій языкъ, т. е. южно-и западнорусское нарѣчіе, во времени люблинской уніи уже въ достаточной мѣрѣ развился, обособившись отъ общаго корня славянской рѣчи и принявъ отдѣльное отъ него теченіе. Въ литовскомъ государствѣ онъ получилъ права гражданства; употребленіе его въ русскихъ областяхъ при судопроизводствѣ и административныхъ сношеніяхъ было узаконено. Потому то онъ долженъ былъ сдѣлаться и предметомъ школьнаго изученія. Послѣднее являлось прямой необходимостью въ виду двухъ частнѣйшихъ обстоятельствъ. Во 1-хъ, знатные люди, которые давно приобщились къ польско-европейской культурѣ, стали пренебрегать своимъ роднымъ языкомъ, смотрѣть на него „со взгардою“: и не только русскіе аристократы, но и духовенство наше учили своихъ дѣтей по польски, сами не зная русскаго языка и не понимая его, по совершенному отсутствію школъ для изученія его („але и ани школы коу науце его нигде мають“). Это одна сторона дѣла, и на нее обратилъ вниманіе переводчикъ и издатель Тяпинскаго Евангелія ¹⁾. Другимъ обстоятельствомъ побуждавшимъ изучать русскій языкъ, было все большее отклоненіе простой, разговорной рѣчи отъ славянскаго языка, вслѣдствіе чего послѣдній дѣлался все болѣе непонятнымъ для народа, который лишался такимъ образомъ возможности понимать богослуженіе. Отсюда происхо-

---

Теодоровичъ. Описаніе Волынской епархіи, III, 372, и мн. др.). Г. Васильевскій называетъ это извѣстіе драгоценнымъ. Оно и было бы такимъ, такъ какъ представляло бы новое доказательство и распространенности и значенія въ западной Россіи греческаго языка въ концѣ XVI и началѣ XVII ст., если бы оно не опиралось всецѣло на неправомерно понятомъ свидѣтельствѣ Кирилла Транквилліона въ его «Учительномъ Евангеліи» (1619). Транквилліонъ въ посвященіи его кн. Юрію Чарторыйскому говорить о томъ, что свой трудъ онъ составилъ, между прочимъ, на основаніи «бесѣдъ евангельскихъ и почасті апостольскихъ, кѣторыхъ преложила зъ грецкого языка на словенскій, старанямъ, промысломъ и коптомъ своимъ ея милость... Софія Боговитинова». Отсюда видно, что ей принадлежали инициатива перевода и матеріальныя затраты, а не литературный трудъ, что подтверждается и слѣдующимъ извѣстіемъ, заключающимся въ предисловіи къ «Бесѣдамъ Златоуста на 14 посланій». Здѣсь Боговитинова, хорунжая волынская (впрочемъ, уже съ именемъ Теодора) является, какъ «умолившая преп. Кипріяна, суща отъ града Острога... яко да бесѣдъ св. І. Златоустаго... отъ Еллинскаго языка на славенскій превожденіе сѣтворить, иже и сѣтвори избраженіе, обаче тѣхъ типографна видѣти не получи». Этимъ переводомъ Кипріяна, очевидно, Кирилль Транквилліонъ и воспользовался,—Кипріяна, но не Боговитиновой.

¹⁾ Пред. къ Евангелію Вас. Тяпинскаго. Кіев. стар., 1889, янв., прилож. III, стр. 3.

дять попытки переводить священныя и богослужебныя книги на „простую мову“. Первую попытку въ этомъ родѣ сдѣлалъ д-ръ Фр. Скорина, издавшій Библию съ цѣлью „наученія простыхъ людей русскаго языка“; но у него это стремленіе выразилось собственно въ толкованіи нѣкоторыхъ славянскихъ словъ и передачѣ ихъ по русски. Черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ появился настоящій переводъ части Священнаго Писанія на западнорусскую рѣчь. Разумѣемъ Пересопницкое Евангеліе архим. Григорія (1556—1561). Замѣчательно, что переводчикъ рассчитывалъ и на потребности римско-католиковъ. Онъ объясняетъ, что въ Евангеліи его кромѣ зачалъ указаны и главы, а написаны онѣ „для людей закону римского, сирѣчь латинянь. иже внихъ не взываются зачала едно капитулы а по нашему языкоу главы. Буде же онъ тебе о што просити абы еси ему немедло, сирѣчь борзо нашельши указалъ“ ¹⁾. Для простого народа перевелъ Евангеліе и Василій Тяпинскій. Такому же стремленію слѣдовали и издатели учительныхъ евангелій. Первая попытка—Ходкевича не осуществилась, благодаря тому, что его совѣтчики нашли, что „прекляданіемъ здавныхъ пословиць на новыя, помылка чинится не малая“ ²⁾. Послѣ этого вышло нѣсколько сборниковъ толкованій евангелійскихъ чтеній на русскомъ языкѣ. Таково, напр., Учительное Евангеліе Евьевское (1616), изданное ради „пренезнаемости и неумѣтности языка словенскаго многихъ“, вслѣдствіе чего нѣкоторые „удавались до заразливыхъ еретической науки паствискъ“. Точно также и въ „Триодіонѣ“ (1627) синаксари переведены „на російскую бесѣду общую“, что сдѣлано „ревностью и жалѣніемъ рода нашего Малой Россіи Благородныхъ, Гражданскихъ и прочихъ различнаго причта людей, неучившихся словенскаго языка глубокоразумнаго“ ³⁾. Даже І. Вышенскій, убѣжденный защитникъ славянскаго языка, сурово внушавшій: „Книги церковныя всѣ и уставы словенскимъ языкомъ друкуйте... Евангелія и Апостола въ церкви на литургіи простымъ языкомъ не выворочайте“, — и онъ, уступая этому стремленію, далъ позволеніе: „по литургіи же, для вырозумѣнья людскаго, по просту толкуйте и выкладайте“ ⁴⁾. Такимъ образомъ, западнорусская рѣчь получала въ нѣкоторомъ родѣ значеніе богослужебнаго языка. Въ этомъ отражалось вліяніе не только Запада, гдѣ реформація поддержала права народныхъ языковъ на церковное употребленіе, но и Византіи, такъ какъ и здѣсь уже въ XVI в. проповѣдники начали дѣлать уступки народной рѣчи, въ виду того, что классическій языкъ сталъ непонятенъ толпѣ. Такъ, уже п. Іеремія произнесъ въ 1573 г. три или четыре проповѣди на народномъ языкѣ (*lingua vulgari*) ⁵⁾. Новый греческій языкъ во второй половинѣ XVI ст.

¹⁾ Труды III археологическаго съѣзда, т. II, прилож. къ реферату г. Житецкаго: «О пересопницкой рукописи», стр. 54.

²⁾ Предисловіе къ Заблудовскому Учит. Еванг. 1563—1569 г.

³⁾ *Голубевъ*, Петръ Могіла, I, 399.

⁴⁾ А. Ю. и З. Р., II, 210. У насъ, дѣйствительно, проповѣдывали на русскомъ языкѣ; на него переводили даже славянскія поученія. Такова «наука предъ сповѣдью з словенскаго переложена» (Требникъ, 1621 г. Вильна. Приложение 3).

⁵⁾ *Заѣзъ*, с. с., 41, прим. 4.

настолько отошелъ отъ классическаго, что Θεодосій Зигомала, которому была подсказана Крузіемъ мысль о желательности и необходимости составленія грамматики его и лексикона, а также перевода на него священныхъ книгъ, согласился съ нею, но замѣтилъ, что безъ вознагражденія никто не станетъ трудиться надъ этимъ. Если бы кто прислалъ изъ Германіи награду, писалъ онъ, мы въ одинъ годъ совершили бы работу. Впрочемъ, на народный языкъ были переведены уже многія книги, такъ что, по словамъ Ст. Герлаха, онъ въ Константинополѣ не могъ найти ничего на древнемъ греческомъ языкѣ, кромѣ нѣкоторыхъ богослуженныхъ книгъ ¹⁾. Ясно отсюда, что разъ русскій языкъ получалъ всѣ права гражданства и становился рядомъ съ славянскимъ, хотя нѣкоторыми и отличался отъ послѣдняго, какъ „подлѣйшій, простѣйшій“,—его нужно было и изучать. И, дѣйствительно, русскій языкъ былъ введенъ въ наши братскія школы, хотя, нужно замѣтить, не вездѣ. Такъ, не видно, чтобъ онъ изучался въ Минскѣ,—по крайней мѣрѣ отдѣльно отъ славянскаго. Въ лужской школѣ „простая мова“ хотя не получила по первому школьному уставу (львовской редакціи) равенства съ славянскимъ языкомъ, но въ 1627 г. уже преподавалась, какъ отдѣльный предметъ, по крайней мѣрѣ возный видѣлъ послѣ іезуитскаго нападенія много изорванныхъ книгъ славянскихъ, *русскихъ* и польскихъ ²⁾. О постановкѣ русскаго языка въ братскихъ школахъ мы не знаемъ ничего. Вѣроятно, онъ изучался практически, такъ какъ грамматики его не было. Дѣлать какіе-нибудь выводы изъ сообщенія Игнатія Іевлевича, что въ Кіевѣ русскій языкъ преподавалъ великоруссъ (*Moskal rodem*) ³⁾,—мы не беремъся.

Изученіе *латинскаго языка*, хотя противъ него были многіе ревнители православія, проникло очень скоро въ наши школы. Этому способствовало прежде всего то, что безъ латинскаго языка невозможно было доступъ къ „вышнимъ наукамъ“ и къ университетскому образованію не только за границей, но и у себя—въ Краковѣ, Вильнѣ, Замостьѣ. Кромѣ научной стороны дѣла была и другая: латинскій языкъ въ польско-литовскомъ государствѣ имѣлъ весьма важное общественное и политическое значеніе,—онъ былъ языкомъ разговорнымъ и—трибуналовъ, сеймовъ, судовъ и пр. „Въ латинскомъ языкѣ, аргументируетъ Сильвестръ Коссовъ въ своемъ *Exegesis'ѣ*, намъ прежде всего та нужда, чтобы бѣдной Руси не звали глупой Русью. „Учитесь, говоритъ обманщикъ (*Udawca*), по гречески, а не по латыни“. Совѣтъ добрый, но полезный въ Греціи, а не въ Польшѣ, гдѣ латинскій языкъ наиболѣе успѣваетъ (*pruży*). Поѣдетъ бѣдняга русинъ на трибуналь, на сеймъ, на сеймигъ, въ городской или земскій судъ—безъ латыни платитъ вины. Безъ нея ни судьи, ни стряпчаго, ни ума, ни посла;

¹⁾ Письмо Зигомала къ Мартину Крузію отъ 15 апрѣля 1576 г. и письмо Герлаха къ Давиду Хитрею изъ Константинополя въ 1574 г. *Davidis Chytraei Oratio de statu ecclesiarum hoc tempore in Graecia, Asia, Voëmia etc.* 1583, pp. 72. 95 (cf. 164); ср. *Мамиевскій*, Мелетій Пигасъ, I, 82 и слѣд.

²⁾ П. К. Е., I, стр. 115. Арх. Ю.-З. Р., I, VI, № 239.

³⁾ *Голубевъ*, Исторія Кіев. академіи, прилож., 75.

но только присматривается то къ тому, то къ другому, вытаращивъ глаза, какъ воршунъ (kapia). Не нужно насъ побуждать къ изученію греки: стараемся и о ней при латинѣ, такъ что, дастъ Богъ, будетъ Graeca ad Chorim, а Іасіна ad forim. Не вспоминаемъ о диспутахъ: не много въ Польшѣ грекой надиспутировалъ бы¹⁾. Впослѣдствіи авторъ Лиоса, отвѣчая на то мѣсто „Перспективы“, гдѣ Саковичъ предлагалъ, чтобъ русскіе учились въ своихъ школахъ только по гречески, славянски и польски, такъ формулировалъ необходимость для нихъ латинскаго языка. Нельзя безъ него обойтись въ королевствѣ, гдѣ онъ употребляется не только въ церкви, но и въ сношеніяхъ съ королемъ, въ сенатѣ, въ трибуналѣ, въ посольской избѣ, на сеймѣ, сеймикахъ и во всѣхъ политическихъ дѣлахъ; если кто и не хочетъ самъ быть ораторомъ, то нужно, чтобъ могъ хотя понять, что говорятъ другіе. И въ религіозныхъ дѣлахъ, когда тебя спрашиваютъ объ артикулахъ вѣры по латыни или по польски съ примѣсю латинскихъ выраженій, нужно отвѣчать на тѣхъ языкахъ, на какихъ спрашиваютъ, а не по славянски или по гречески. Кромѣ того, на славянскомъ языкѣ мало богословскихъ книгъ и нѣтъ свѣтскихъ (politickich), греческія же можно приобрести только съ большими трудностями и издержками, тогда какъ латинскія доставать легко. Наконецъ, начавши учиться по латыни, Русь пожелаала только выбиться изъ того невѣжества, въ которомъ ее упрекали²⁾. Безъ сомнѣнія, всѣ эти соображенія имѣли мѣсто еще въ періодъ возникновенія братскихъ школъ. Не даромъ Василій Загоровскій, этотъ типичнѣйшій представитель русской національности и православія, завѣщалъ дѣтямъ, чтобы они послѣ того, какъ пройдутъ „въ своемъ языкѣ Рускомъ, въ писме светомъ, науку досконалую“, учились у бакалара латинскому языку³⁾. Потому то послѣдній очень скоро занялъ извѣстное положеніе въ программѣ братскихъ училищъ, а въ нѣкоторыхъ сталъ даже на первое мѣсто (въ Вильнѣ, Кіевѣ). И хотя процвѣтанію его препятствовало отсутствіе способныхъ преподавателей, которыхъ братства должны были искать у протестантовъ и готовить за границей въ иновѣрныхъ академіяхъ⁴⁾, во всякомъ случаѣ наши полемическія сочиненія того времени свидѣтельствуютъ, что братскимъ воспитанникамъ онъ не былъ чуждъ, что имъ они такъ же свободно пользо-

¹⁾ Голубевъ, Ист. Кіев. академіи, прилож., 82, 83. Г. Голубевъ полагаетъ, что тотъ Удавса, съ которымъ полемизируетъ авторъ Exegesis'a, есть не кто другой, какъ м. Іосифъ Рутскій. Но г. Голубевъ, доказывая свою мысль, сдѣлалъ двѣ натяжки: поналъ выраженіе Коссова—zaspnąt—въ смыслѣ умеръ (Удавса на самомъ дѣлѣ только уснулъ, успокоился: Коссовъ вызываетъ его на литературный бой и ждетъ его пробужденія) и—укоротилъ жизнь Рутскаго почти на два года: Рутскій умеръ не «не задолго до изданія Exegesis'a», а спустя около двухъ лѣтъ (текстъ, стр. 230. 231). А затѣмъ, насколько мы знакомы съ тогдашнимъ состояніемъ униатскихъ училищъ, никакъ не можемъ утверждать, чтобъ авторомъ пасквиля противъ православныхъ школъ былъ униатъ: ему едва ли Коссовъ сказалъ бы, что онъ имѣетъ латинской науки «nie tylko z gębę, ale y za gębę» (прилож., 83).

²⁾ Арх. Ю-З. Р., I, IX, 375. 376.

³⁾ Арх. Ю-З. Р., I, I, № 16.

⁴⁾ Exegesis. Голубевъ, Ист. Кіев. акад., прилож., 83.

вались, какъ и греческимъ. Достаточно просмотрѣть цитаты изъ латинскихъ авторовъ и изданій, чтобы убѣдиться въ этомъ; даже Библія цитруется ими иногда по латыни ¹⁾).

Введеніе въ школьную программу *польскаго языка* было такою же уступкою требованіямъ времени, какъ и латинскаго. Проникновеніе его, какъ и вообще польской культуры, въ обиходъ русской жизни началось давно. Самый языкъ русскій подвергся въ концѣ XVI в. такому сильному вліянію польскаго, что даже человекъ, не получившій спеціальнаго филологическаго образованія, вызванъ былъ въ такое сравненіе: „Якъ Поляцы у свой языкъ намѣшали словъ Латинскихъ, которыхъ южь и простые люди зъ налогу уживають (по привычѣ употребляютъ); такъ же и Русь у свой языкъ намѣшали словъ Польскихъ и оныхъ уживають“ ²⁾). Религіозная же борьба католиковъ съ протестантами создала польскому языку такое положеніе, что онъ сдѣлался литературнымъ, и сами православные избрали его орудіемъ полемики съ латино-уніатами.

Польскій языкъ изучался, какъ достовѣрно извѣстно, въ виленской, могилевской, львовской, лудской, кіевской братскихъ школъ. Хорошо ли или нѣтъ преподавался онъ здѣсь,—прямыхъ указаній мы не имѣемъ. Н. А. Скабалановичъ, на основаніи сличенія западнорусскаго перевода Апокрисиса съ польскимъ его подлинникомъ, высказываетъ сужденіе, что польскій языкъ въ православныхъ школахъ былъ поставленъ невысоко, такъ какъ переводчикъ при всей своей добросовѣстности допустилъ множество грамматическихъ ошибокъ ³⁾. Но неизвѣстно, имѣлъ ли переводчикъ какое-нибудь отношеніе къ братскимъ училищамъ и былъ ли воспитанникомъ ихъ. Дошедшая же до насъ рѣчь одного изъ воспитанниковъ виленской братской школы, помѣченная 1618 годомъ, даетъ видѣть, что авторъ ея довольно хорошо владѣлъ польскимъ языкомъ ⁴⁾. О томъ же могутъ свидѣтельствовать письма и сочиненія людей, несомнѣнно вышедшихъ изъ братскихъ училищъ (Іовъ Борецкій, Теофілъ Леоновичъ, Сильвестръ Коссовъ). Не видно, грамматически ли изучался здѣсь польскій языкъ: въ каталогахъ братскихъ библіотекъ нѣтъ ни одной грамматики его и ни одного словаря.

Хотя наши школы обыкновенно назывались школами такихъ то и такихъ языковъ, это не должно понимать, конечно, въ томъ смыслѣ, что въ нихъ только и занимались грамматическимъ и практическимъ изученіемъ ихъ. Напротивъ, языки были не цѣлю школьнаго образованія, а только средствомъ къ изученію другихъ предметовъ, „ключемъ“ къ нимъ. Грамматика составляла только „основание первое и подошву всѣмъ хитростемъ“ ⁵⁾. Излагая исторію отдѣльныхъ школъ, мы старались выяснитъ, какія изъ этихъ „хитростей“ преподавались въ каждой.

¹⁾ Напр., Андреемъ Мужилоскимъ въ «Отписѣ на листъ унитовъ Виленскихъ», 1616 г. (Арх. Ю.-З. Р., I, VII, 266 и слѣд.).

²⁾ Перестрога. А. З. Р., IV, стр. 229.

³⁾ Н. Скабалановичъ, Объ Апокрисисѣ Христофора Филалета, 24—27.

⁴⁾ Рукописный сборникъ кіево-софійской библіотеки, № 46, л. 190: Oratio in pactivitate Christi. Напечатана въ Лит. еп. вѣд., 1897 г., № 22.

⁵⁾ Лавровскій, о. с., 180.

Теперь займемся вопросомъ, какіе вообще предметы изучались у насъ и какъ было поставлено преподаваніе ихъ.

Относительно постановки и характера преподаванія *діалектики* существуетъ два мнѣнія—г. Линчевскаго, по которому въ нашихъ западнорусскихъ училищахъ изучалась діалектика Дамаскина ¹⁾, и проф. Голубева, утверждающаго, что она у насъ проходила по латинскимъ руководствамъ, переведеннымъ на русскій языкъ ²⁾. Полагаемъ, что правы они оба. Безъ сомнѣнія, у насъ употреблялась діалектика или логика Дамаскина ³⁾. Въ западной Россіи, кромѣ древняго перевода ея, приписываемаго обыкновенно эзарху Іоанну ⁴⁾, существовалъ въ концѣ XVI ст. еще новѣйшій переводъ, слѣвадный кн. Курбскимъ съ латинскаго. Послѣдній въ своемъ „сказѣ о ложѣ“, которую онъ называетъ свѣтлѣйшею наукою, способствующею уразумѣнію философскихъ писаний христіанскихъ и языческихъ и имѣющею при умственной работѣ то же значеніе, что у кузнеца клещи,—заявляетъ, что перевелъ ее съ латинскаго потому, что, какъ говорилъ ему его учитель Максимъ Грекъ, въ Греціи словесныя науки едва ли остались, такъ какъ по разрушеніи греческаго царства онѣ перешли къ латинамъ, а тѣ „перевели на свой имъ языкъ, и переведше наши греческіе книги пожгли (многіе ради зависти) еже были наилучшіе премудрыхъ ельниново ученія, сирѣчь, физику и метафизику, и тую то ложку, або діалектикову“ ⁵⁾. Но названное сочиненіе Дамаскина, заключающее въ себѣ и физику, и метафизику, и діалектику, было очень кратко, по сознанію самого Курбскаго, и не вполне соответствовало тому, что называется логикою. Поэтому то кн. Курбскій рѣшилъ приложить къ нему „толкованіе (переводъ) отъ другіе діалектики ивна спанинъбергера о силлогизме“. Въ „Сказѣ Андрѣя чего ради сіи написаны“ поясняется, что хотя не всѣ силлогизмы защищаютъ правду, но важно знать всѣ ихъ, чтобъ умѣти отличать истину отъ лжи и мочь заграждать уста сопротивниковъ правды указаніемъ на ихъ логическіе промахи и софизмы: „святые-де нашіе страны премудрые навывше той словесной силе“, изобличали съ успѣхомъ еретиковъ ⁶⁾. Но такъ какъ трудно допустить, чтобъ люди,

¹⁾ Педагогія древнихъ братскихъ школъ (Тр. Кіев. дух., акад. 1870, III, 133).

²⁾ Ист. Кіев. акад., I, 202.

³⁾ Философская книга или діалектика Дамаскина предваряла его Богословіе; въ ней авторъ бесѣдуетъ о разумѣ, мысли; опредѣляетъ науку, наставницу жизни; предлагаетъ раздѣленіе оной; говоритъ о ея пользѣ и, соединяя логическія умствованія съ филологіею, заключаетъ свое сочиненіе краткимъ обзорѣніемъ явленій природы. (*Калаидовичъ*, Іоаннъ эзархъ болгарскій, 81).

⁴⁾ Горскій и Невоструевъ, описатели славянскихъ рукописей московской синодальной бібліотеки, отрицаютъ принадлежность этого перевода эзарху Іоанну (II, ч. 2, 314—318).

⁵⁾ *Поповъ*, Описание рукописей Хлудова, 117. 118.

⁶⁾ *Ibid.*, 116. 117. Намъ кажется, что оригиналомъ для Курбскаго было слѣдующее изданіе: *Trivii Erotemata. Hoc est. Grammaticae, Dialecticae. Rhetoricae. Quaestiones, ex doctissimorum nostri seculi virorum libris, in puerorum usum congestae, per Ioannem Spangenberg, Hendersianum, apud Northusianos verbi Dei ministrum, вышедшее въ Краковѣ дважды, въ 1544 и 1552 г. (Wierzbowski, о. с., № 1225. 1298).*

ставшіе во главѣ нашего учебно-воспитательнаго дѣла, притомъ знакомые съ вн. Курбскимъ, не знали о его переводческихъ трудахъ и не воспользовались ими въ то время, когда въ нихъ была самая настоятельная нужда, то мы и находимъ возможнымъ утверждать, что въ нашихъ школахъ съ самаго же начала употреблялись и діалектика Дамаскина и латинскіяруководства ¹⁾). Но, съ другой стороны, такъ какъ сочиненіе Дамаскина не было діалектикой въ собственномъ смыслѣ, то съ теченіемъ времени оно должно было уступить свое мѣсто учебникамъ, употреблявшимся въ польскихъ и европейскихъ, католическихъ и протестантскихъ школахъ. Фактическое подтвержденіе этой мысли даютъ прежде всего каталоги львовскаго братства, изъ которыхъ въ первомъ (1601 г.) цитируется „Діалектика Мѣнанѣ и реторика“, а во второмъ (1638)—она же, кажется, называется ея настоящимъ именемъ: „*Dyalectusae et retorysae precepta*“ ²⁾, а затѣмъ—изложенный выше рассказъ о Войславскомъ, ученикѣ виленской братской школы (1614), который хотѣлъ купить у іезуитскихъ студентовъ „библію латинскую и *діалектику*“,—тоже, очевидно, латинскую ³⁾). Въ пользу того, что въ нашихъ школахъ преподавалась латинская діалектика, говорятъ и тѣ ожесточенныя нападки, какіе сыпались на нее съ вершины Аѳона. Аѳонскіе иноки едва ли позволили бы себѣ назвать діалектику Дамаскина наукой, учащей „зъ бѣлаго черное, а зъ черное бѣлое прекладати“.

Если справедливо, что въ братскихъ школахъ употреблялась на первыхъ порахъ діалектика Дамаскина, то въ этомъ должно видѣть доказательство и того, что тамъ проходились и другія части философіи, такъ какъ въ философскомъ трактатѣ этого св. отца заключалась и физика съ метафизикой. И когда русская редація львовскаго Порядка школьнаго 1586 г. говоритъ о томъ, что въ Львовѣ имѣются въ славянорусскомъ переводѣ „диалектика и реторика и иные *философскіе* писма школе належачіе“, и въ § 12 предлагаетъ учить и „отъ философовъ“ ⁴⁾—намъ думается, что здѣсь прежде всего имѣлся въ виду Іоаннъ Дамаскинъ, философія котораго считалась „священной“ въ Россіи и была извѣстна и въ первый періодъ нашего просвѣщенія (іерод. Іоакимъ). Но братства не чуждались и языческихъ философовъ: у нихъ были не только „Официумъ и Сентенціе Цицеронисъ“, Платонъ, Эпиктетъ, но и самъ Аристотель, который во всѣхъ среднихъ и высшихъ училищахъ среднихъ и даже новыхъ вѣковъ былъ какъ бы столпомъ и утвержденіемъ истины. Что дѣйствительно въ нашей школѣ дано было мѣсто и философіи и притомъ—языческой, видно изъ программы обученія, предложенной Вышенскимъ, который совѣтуетъ изучать октоихъ

---

¹⁾ Порядокъ школьный 1586 г. уже упоминаетъ «о диалектике и реторике, которые науки по словенску переведенные вынайдено въ школѣ львовской рускимъ языкомъ списано, диалектику и реторику и иные философскіе писма школы належачіе» (Dipl. stat., № 6), но не указываетъ авторовъ ихъ.

²⁾ *Голубевъ*, Петръ Могилы, прил., № 21. Чг. въ общ. Нестора лѣтоц., V, матеріалы, стр. 195. Означенная книга издавалась дважды—въ 1563 и 1581 гг.

³⁾ Арх. униат. митроп., № 371.

⁴⁾ Въ греческомъ оригиналѣ этого мѣста нѣтъ.

„вмѣсто філософіи свѣтской и настраивающей мысль на свитаніе по воздуху“, приче́мъ о́нъ отличаетъ собственно філософію отъ діалектики и риторики ¹⁾.

Положеніе *риторики*, науки „словъ и мовы“, какъ опредѣляетъ ее „Евхаристиріонъ“, было аналогично съ положеніемъ діалектики,— сначала, вѣроятно, она изучалась по греческимъ руководствамъ и образцамъ, а затѣмъ—по латинскимъ. Кое-какія свѣдѣнія по риторикѣ пришли къ намъ съ Востока еще въ XI в. ²⁾. Въ XVI в. наши западнорусскіе педагоги могли пользоваться при изложеніи ея Аристотелемъ въ подлинникѣ. Но скоро появились и латинскія переработки того-же Аристотеля, Цицерона и польско-европейскія попытки болѣе или менѣе самостоятельнаго изложенія правилъ краснорѣчія. Польско-латинское вліяніе въ области риторики проникало въ наши школы довольно медленно, выражаясь первоначально только въ случайномъ заимствованіи чуждыхъ восточному краснорѣчію фигуръ и въ испещреніи рѣчей польскими и латинскими словами. Но памятниковъ школьнаго краснорѣчія (не церковнаго) до насъ дошло немного и то изъ одного только періода времени, тае́ что по нимъ можно судить не о быстротѣ хода латино-польскаго риторическаго вліянія, а о томъ, какъ говорили наши воспитанники въ это время. Предъ нами пять школьныхъ рѣчей, произнесенныхъ воспитанниками виленскаго братскаго училища въ 1617—1618 и 1621 гг., въ дни Рождества Христова и Пасхи, первая предъ св.-духовскимъ архимандритомъ Л. Карповичемъ, послѣдняя, вѣроятно, предъ Мелетіемъ Смотрицкимъ ³⁾. Рѣчи начинаются выраженіемъ радости по случаю свѣтлаго и великаго праздника и слабости силъ оратора изобразить прилично событіе, „таемница“ котораго скрыта отъ премудрыхъ вѣка сего. Затѣмъ говорится о важности событія боговоплощенія (или воскресенія Христова), приче́мъ ораторы естественно простираются въ глубину вѣковъ, къ паденію человѣка. Въ заключеніи ораторы обращаются къ „преосвященному господину о. архимандриту и въ любви своей милому патрону и непреодолимому пастырю и учителю своему“, поздравляютъ его съ праздникомъ и желаютъ ему (и братіямъ) Божьяго благословенія во всѣхъ его дѣлахъ и особенно въ заботахъ о школьномъ образованіи. Въ послѣдней рѣчи авторъ желаетъ архіепископу расширенія и расцвѣта, подобно лиліи въ долинѣ и масличному дереву на полѣ и кедру на горѣ ливанской ⁴⁾. Какъ проста

¹⁾ Петръ Могила, прилож., 73.

²⁾ Въ Изборникѣ Святослава (1073) содержится статья «Георгія Хоуровска о образѣхъ» (*Востоковъ*, Опис. рукописей Румянц. музея, № 356, стр. 503).

³⁾ Сборн. кіево-соф. библ., № 46, лл. 180, 190 и 306 об. Годъ—1618—обозначенъ только на 3 и 4 рѣчахъ, на русскомъ и польскомъ языкахъ, произнесенныхъ въ день Р. Х. Возможно, что въ томъ же году составлена и вторая рѣчь—на день Пасхи; тогда первую—на Р. Х. легко отнести къ 1617 г. Послѣдняя рѣчь—на день Пасхи—обращена

къ «преосвященному в бже превелебному гдну отцу архіепископу», подъ которымъ, вѣроятно, должно разумѣть не кого другого, какъ Мелетія Смотрицкаго, который въ этомъ санѣ встрѣчалъ первую Пасху въ 1621 г.

⁴⁾ Ср. подобное же желаніе въ «орацийѣ мовенной в Люблинѣ въ 1634 г. Петру Могилѣ Теофіломъ Леоновичемъ (Рукоп. кн. Аѳ. Миславскаго, л. 36 об.).

форма этих рѣчей, такъ просто и изложеніе. Впрочемъ, во второй рѣчи должно отмѣтить пріемъ распространенія евангельскихъ словъ: Божія Матерь, обращаясь къ Спасителю, висѣвшему на крестѣ, „горко и жалостливо плачучи мовила: вижу ты нынѣ прелюбезный мой сынъ накрестѣ завѣшеного и естемъ зраненна наддеръ (весьма) сердцемъ... (слово не разобрано) але дай ми утѣшное слово добротливей служебницѣ твоей. Не есть утаенна от мене смотренія твоего Сыне и Боже мой тайна: хотячи абовѣмъ з невымовного милосердія своего створене свое волное от проху (отъ тлѣнія) учинити, зезволилъ еси умрѣти але воскреснеши яко Богъ“ и т. д. Въ языкѣ изрѣдка встрѣчаются польскія и латинскія слова: ангельскіе гуфы, элемента натуры, триумфальне, затраченье, сказа, вѣкуистый, фигура, афект веселя...

Здѣсь же должно сказать нѣсколько словъ о двухъ примѣрныхъ панегирическихъ рѣчахъ, составленныхъ ректоромъ кievской школы Кассіаномъ Саковичемъ и изданныхъ имъ въ 1622 г. вмѣстѣ съ стихами на смерть гетмана Сагайдачнаго ¹⁾. Первая изъ нихъ озаглавляется: „Матерія для учиненія подякованя при погребѣ якого задного чловѣка“, вторая есть образецъ „мовы“, которую можетъ сказать кто-либо изъ гостей къ осиротѣвшему семейству почившаго. Въ первой рѣчи высказываетъ сожалѣніе о смерти NN, какое она вызвала въ его семьѣ, среди родныхъ, пріятелей, въ государствѣ, у священнаго чина и у сиротъ; всѣ они оплакиваютъ въ немъ его добродѣтели, его образованіе, знатный родъ, мужество въ бояхъ и пр. Собравшіеся на его похороны уже этимъ самымъ доказываютъ и его достоинства и свое къ нему уваженіе, что можетъ служить примѣромъ и утѣшеніемъ и для дѣтей почившаго. Въ заключеніе ораторъ благодаритъ всѣхъ отъ имени вдовы и проситъ ихъ „на хлѣбъ жалосный“ (на поминальный обѣдъ). Во второй „мовѣ“ Кассіанъ Саковичъ предлагаетъ утѣшать семейство умершаго мыслію о неизбежности смерти, которой ничѣмъ нельзя „преломити и змякчити“, историческими примѣрами мужественнаго перенесенія смерти близкихъ и размышленіемъ о достоинствахъ умершаго, доказательство чего его семейство можетъ видѣть въ томъ, что отдать ему послѣдній долгъ собралось столько его пріятелей, которые готовы молиться Богу и оказывать вдовѣ свои услуги. Хотя и въ этихъ рѣчахъ попадаются польскія слова и выраженія, но польско-латинское вліяніе и въ нихъ еще довольно слабо ²⁾.

Болѣе опредѣленно выразилось оно въ двухъ отрасляхъ науки и литературы, непосредственно примыкающихъ къ риторикѣ—въ поэтикѣ и поэзіи, съ одной стороны, и гомилетикѣ и проповѣди, — съ другой.

Западноруссы издавна получили вкусъ и склонность къ поэтическому выраженію своихъ мыслей, но ихъ творчество въ этомъ напра-

¹⁾ Голубевъ, Исторія Кіев. акад., прил., стр. 41—46.

²⁾ Интересно было бы сличить съ этими ораторскими произведеніями хранящіеся въ бібліотекѣ имени гр. Оссолинскихъ рѣчи Кирилла Транквилліона и Лаврентія Зизанія (Труды III археол. съѣзда, II, прилож. Г. Калужняцкій, Обзоръ славянорусскихъ памятниковъ языка и письма, находящихся въ бібліотекахъ и архивахъ львовскихъ, стр. 219. 220).

вленіи было очень небогатымъ и далекимъ отъ оригинальности: все оно сводилось къ панегирикамъ, какой видъ поэзіи былъ такъ развитъ въ польской школѣ и литературѣ. Изъ Польши же русскіе заимствовали и форму ея (первичными образчиками ея были стихи на гербы тѣхъ лицъ, которымъ посвящались новыя изданія, безъ чего и въ Польшѣ и у насъ рѣдко выпускалась въ свѣтъ книга) и самый стихъ—силлабическій, въ которомъ все состояло въ соблюденіи рѣзъ, цезуры и количества слоговъ. И несмотря на все неудобство этого рода стихосложенія, въ которомъ требованіе ударенія неизмѣнно на предпоследнемъ слогѣ каждаго стиха вело къ отступленію отъ естественнаго произношенія русскихъ словъ и даже къ нарушенію правилъ синтаксиса, въ виду чего уже Лаврентій Зизаній и Мелетій Смотрицкій пытались перенести въ славяно-русскую грамматику правила греческой просодіи ¹⁾, — оно и послѣ удержалось у насъ, очевидно, подъ живымъ вліяніемъ польскихъ поэтическихъ образцовъ. Безъ сомнѣнія, и нашей „поэтикѣ“, которая во Львовѣ преподавалась, быть можетъ, какъ предметъ совершенно отдѣльный отъ риторики ²⁾ (обыкновенно она входила въ составъ грамматики, подъ названіемъ просодіи), была дана та постановка, съ какой преподавалась и польская поэтика въ польскихъ училищахъ, хотя это совершилось не сразу, какъ даетъ видѣть сравненіе тѣхъ поэтическихъ произведеній, которыя вышли изъ братскихъ школъ. Мы считаемъ нелишнимъ нѣсколько остановиться на анализѣ нѣкоторыхъ изъ нихъ, чтобъ очевиднѣе была та перемѣна, какую вносила въ поэтическія понятія и выраженіе ихъ польская поэтика.

Первое мѣсто въ ряду такихъ произведеній занимаетъ „*Пробовница*“ привѣтъ преосвященному архіепископу Кво-Михаилу, митрополиту кievскому и галицкому и всея Россіи. Въ братской школѣ Львовской составленный. Егда же въ градъ Львовъ, первѣе по священномъ рукоположеніи бѣ. Генуарія 17. року 1591. Тогда таково приглашеніе, въ церкви предъ народомъ отъ дѣтей пріемъ, первое. Во утріе же въ школу любезно посѣщающе прійде, и тамо отъ нищѣбѣдныхъ моленіе къ нему бѣ, второе. Во Львовѣ. В друкарни братской, февруалія 1. року 1591“. Привѣтъ этотъ состоитъ изъ 8 стиховъ на гербъ города (Львова) „предословія отъ малыхъ“ (*πρόλογος τῶν μικρῶν*—прозой), нѣсколькихъ строфъ самаго текста (по большей части—четверостишіи) и послѣсловія. Онъ имѣетъ драгоцѣнное значеніе, какъ матеріалъ для сужденія о характерѣ риторики въ нашихъ школахъ въ самое первое время ихъ существованія. На ряду съ немногими стихотвореніями на выходныхъ листахъ богослужебныхъ книгъ, онъ представляетъ образецъ риторическаго произведенія, почти совершенно свободнаго отъ вліянія польско-латинской поэтики. Если панегирики позднѣйшей эпохи характеризуются латинскимъ или польскимъ языкомъ, вычурностью и замысловатостью формы, богатствомъ миеологическаго матеріала, множе-

¹⁾ Засадкевичъ, Мелетій Смотрицкій, какъ филологъ, 95—97.

²⁾ Грамота патріарха Іеремія львовскому братству въ ноябрѣ 1589 г.

ствомъ цитатъ изъ классиковъ, тонкими сравненіями и т. п., то нельзя не видѣть, что „Просфонима“ представляетъ полнѣйшую противоположность имъ—и по языку западнорусскому, близкому даже къ церковнославянскому, почти безъ всякой примѣси польскихъ словъ, и по внѣшнему построенію, и по содержанію и изложенію, чуждому всякихъ утонченныхъ метафоръ и мифологическихъ прикрасъ, и по простотѣ и естественности тона. Сравненія и метафоры не мифологическія, а библейскія или взятія прямо изъ природы, какъ у св. Кирилла туровскаго. Дѣти сравниваютъ свое желаніе видѣть митрополита—съ „прагненемъ“ земли, жаждущей воды, свою радость—съ радостью Лота, спасеннаго ангелами, пастырей, услышавшихъ благовѣстіе, трехъ отроковъ въ печи, увидѣвшихъ ангела... Въ этомъ еще мало фразерства и напыщенности, и немного больше ихъ—въ прилагаемыхъ къ митрополиту эпитетахъ: „солнце свѣтлое“, „едино око Россіи“, „Европы звѣзда“. Только силлабическое стихосложеніе, помѣщеніе герба города съ объяснительными стихами, присутствіе польскихъ словъ могутъ быть принямы за слѣды польско-латинскаго вліянія. Для сужденія о стихосложеніи и языкѣ приведемъ слѣдующую строфу:

Ликъ второй:— „Прагнула ты душа наша, прагнули ты и кости мѣи,
 Якъ земля прагнетъ дожда в лѣтніи зноби,
 Нѣ единъ тавъ покормъ тѣлу не смакуеть,
 Якъ упріймня душа видѣти ты роскошуетъ“¹⁾.

„Вѣршѣ на Рождество Христово“ (1616)²⁾ представляютъ уже значительное уклоненіе въ сторону польской риторики, характеризуемое прежде всего множествомъ словъ и выраженій польскихъ, не соответствующихъ притомъ важности предмета. Таковы: маестать, моцарство, рыцарство небесное, хентне (охотно), чины ангельскіе гуфомъ отступали и т. п. По изложенію и содержанію „Вѣршѣ“ напоминаютъ даже мистеріи: одинъ изъ мальчиковъ говоритъ, какъ человекъ, лично слышавшій отъ вилеємскихъ пастырей объ явленіи имъ ангеловъ; декламация прерывается пѣніемъ и пр.³⁾

„Вѣршѣ на жалосный погребъ Зацного Рыцера Петра Коначевича Сагайдачнаго, гетмана Войска Его Кор. Милости Запорозкого, Зложонны презъ инока Касіана Саковича Ректора школъ Кіевскихъ въ Брацтвѣ. Мовленые отъ его спудеовъ на погребѣ того цного рыцера въ Кіевѣ, въ недѣлю проводную, року Божого, тысяча шесть сотъ двад-

¹⁾ Голубевъ, Кіев. епарх. вѣдомости, 1874, № 5 и 6.

²⁾ Съ ними одно пѣлое составляютъ Вирши «на Стефана первомученика», на Обрѣзаніе Господне, въ честь Василія великаго.

³⁾ Вѣроятно, съ этими Вѣршами сходны и по содержанію, и по формѣ, и по изложенію «Верше съ трагодіи Григорія Богослова во св. вел. Пятокъ и на день Воскресенія Христова» (1630, Львовъ), а также Вирши Іоанникія Волковича—«Размышленіе о муцѣ Христовой и на Воскресеніе Христово» (Львовъ, 1631).

цать-второго“,—являются новымъ шагомъ къ сближенію нашей поэтики съ польской. Возвышенный тонъ, разсматриваніе заслугъ восхваляемаго лица со всѣхъ сторонъ и особенно со стороны древности рода, военныхъ и гражданскихъ отличій, риторическія фигуры, сравненія заимствованныя изъ міеологіи и древней исторіи (Сагайдачный сравнивается, напр., съ Несторомъ, съ Ахилломъ, Аяксомъ, Гекторомъ, Перилломъ, Оемистокломъ, „Курциушомъ и Помпеушомъ“),—всѣ эти характерныя свойства латино-польской панегирической литературы достаточно сильно отразились на Виршахъ Саковича, что было тѣмъ естественнѣе, что авторъ ихъ самъ воспитывался въ католическихъ академіяхъ ¹⁾).

Полнаго расцвѣта панегирическая литература въ польско-схоластическомъ духѣ достигла къ концу изслѣдуемаго нами періода и выразилась уже въ „Евхаристиріонѣ“, поднесенномъ Петру Могилѣ въ 1632 г. студеями его лаврской школы. Произведеніе это составлено было профессоромъ риторики Софроніемъ Почаскимъ, однимъ изъ тѣхъ 20-ти учениковъ кіевской братской школы, которые десять лѣтъ тому назадъ говорили Вирши при гробѣ Сагайдачнаго. Къ числу панегириковъ типа „Евхаристиріона“ относятся также „Вѣзеруновъ цнотъ превелебнаго въ Бозѣ Е. М. Ел. Плетенецкаго“ (1618), два панегирика, поднесенные Петру Могилѣ служащими въ кіево-печерской лаврской типографіи: „Имнологія (1630) ²⁾ и *Евфонія*“ ³⁾, „Мнемозина“ (1633) ⁴⁾ и др. Д-ръ Студинскій, перепечатавшій текстъ „Евфоніи“, хотя считаетъ этотъ панегирикъ только „початкомъ новой науки“, т. е. польско-латинскаго направленія риторики, но не можетъ уже отыскать

¹⁾ Если эти свойства не такъ ясно отразились на примѣрныхъ рѣчахъ Саковича, то, вѣроятно, именно въ силу того, что онѣ были только формой, содержаніе которой имѣлъ дать погребаемый индивидуумъ. Интересно было бы сопоставить съ Вѣршами Саковича однородныя по содержанію: а) «Плачь альбо Лямент по зестю з свѣта сего вѣчной памяти годного Григорія Желиборскаго» (1615, Львовъ), б) «Епикидіонъ альбо Вѣрше жалобныя на погребеніе Васялисы Яцковны» *Стеф. Полумерковича* (Луцкъ, 1628), в) «Ляментъ по пресвитерѣ Іоаниѣ Васильевичѣ іерод *Давыда Андреевича* (Луцкъ, 1628)

²⁾ «Имнологія си есть, пѣснословіе. Альбо пѣснь през части Писмомъ мовленаа на день възнесенія Господа Нашего Іисуса Христа». Перепечатана—г. Студинскимъ въ XII выпускѣ «Записокъ науковаго товариства імени Шевченка». Этотъ панегирикъ г. Студинскій относитъ къ памяткамъ греко-славянскій эпохи въ исторіи нашихъ школъ, такъ какъ «мітологія старинного свѣта тутки майже цілкомъ виключена» (стр. 2. 3). Наше мнѣніе опирается на обилие польскихъ словъ и выраженій, пестрящихъ текстъ Имнологіи.

³⁾ «Евфонія веселобрмячая. На висоцеславный оронъ митрополіи кіевскои щасливе вступувшему: в бозѣ Преосв., его милости: Гану Отцу Куръ Петру Могилѣ.. митрополиту Кіевскому... отъ типографовъ въ той же ст. Чудотворной Лаврѣ Печерской прапуючих, при унижѣномъ поклонѣ прудко Дедикованная. 1633, 5 іюля» (Перепечатана г. Студинскимъ въ VIII томѣ «Записокъ... імени Шевченка». ср. *Лекарскій*, Отеч. зап., 1862, III, 197. 204—209).

⁴⁾ «Mnemozyne Sławy, prac y trudow przeoswieconego w Bogu оуца, J. M. оуца Piotra Mohily, na požądany onego wjazd do Kijowa, od Studentow gymnasium w Bractwie Kijowskim przezen fundowanego, światu podana. r. 1633».

въ немъ „иныхъ ознакъ давной греко-славянскоі школы“—„крім грецкого заголовку“ и, пожалуй, русской рѣчи ¹⁾). Панегирикъ состоитъ изъ стиховъ на гербъ Могилы, изъ самой „Евфоніи веселобрмачей, которой краегранесіе: Петр Могила, митрополит кievский“, и „Дедикаціи“. Въ образецъ стиха мы приведемъ нѣсколько строфъ:

- 1) „Пречъ з’розолянскихъ, смутки уступите
Границъ, ляменты сердца не турбуйте.
Южь есть веселье, ах досыть стогнаня!
Пречъ нареканя!
- 3) Триумфу заччи Евфрозіно смѣле
Гимнъ выерикати: почни волат миле;
Што то за радость в російском Сіонѣ:
въ Кіевской Зонѣ...

„Савроматы“, „Зефир лагодный“, „горекотиранскій“, „ратуновъ“, „фрасуновъ“, „тарча Сіона“, „атлантъ“, „адамантъ“—все это характеризуетъ стихотвореніе со стороны языка и стиля. Тѣмъ не менѣе собственно въ братскихъ школахъ простота и естественность риторическихъ произведеній не такъ скоро уступили мѣсто изысканности и вычурности. Такъ, изъ виленской школы еще въ 1635 г. вышло сочиненіе: „Echo żalu na głos lamentującego“, состоящее, по словамъ историка польской литературы Вишневеца, изъ „двѣнадцати элегій (trepow) и двухъ эклогъ, отличающихся изящной простотою“ ²⁾). Къ греко-славянскому направленію примыкаетъ также и „Αναθήνα τῆς τιμῆς“ Іакова Седовскаго (Венеція, 1641), вышедшаго, повидимому, изъ львовской школы ³⁾.

Къ риторикѣ тѣсно примыкаетъ гомилетика, какъ наука духовнаго краснорѣчія. Необходимость ея въ кругѣ братскаго образованія вызывалась развитіемъ проповѣдничества у протестантовъ и католиковъ, съ одной стороны, и полнымъ почти забвеніемъ у насъ проповѣднической обязанности, въ связи съ необразованностью духовенства, съ другой. Существовали, правда, у насъ толковыя или учительныя евангелія, но они не вездѣ имѣлись, чтобъ всюду могли удовлетворять созрѣвшей нуждѣ въ проповѣданіи слова Божія ⁴⁾). „Не мовлю я, говорить право-

¹⁾ Записки наукового товариства імени Шевченка, том VIII (1895), 5. 6.

²⁾ *Wiszniewski*, VIII, 410.

³⁾ Перепечатана Головацкимъ въ статьѣ: «Библиограф. находки въ Львовѣ» (Зап. Имп. акад. наукъ, XXII, прил. № 4, стр. 21 и слѣд.) и г. *Студинскимъ* въ Запискахъ наукового товариства імени Шевченка, т. XII. Панегирикъ этотъ написанъ въ честь Григорія Кирницкаго, «обывателя Львовскія земля въ Россіи», по случаю полученія имъ степени доктора философіи въ падуанской академіи.

⁴⁾ Въ инвентарѣ одного имѣнія (1571 г.), при перечисленіи церковныхъ книгъ, сказано: «евангелии толковое нѣтъ, изъ чого бы поль мѣлъ людъ въ церкви учить науки и воли Божьи» (Арх. сб., IV, № 68).

славный въ одномъ полемическомъ діалогѣ, жебы проповѣди слова Божого и науки въ церкви Божой непотреба было и овшемъ (наоборотъ), и барзо (очень) есть речъ потребна и забвенна¹⁾. Этимъ и создавалась нужда въ преподаваніи гомилетики, тѣмъ болѣе, что нѣкоторыя братскія школы, напр., виленская, одно время ставили своей прямой задачей приготовленіе „искусныхъ іереевъ не точю во градѣхъ, но и въ весѣхъ“²⁾. Что, дѣйствительно, проповѣдываніе слова Божьяго имѣло непосредственное отношеніе къ школьнымъ задачамъ, видно изъ благословенной грамоты м. Михаила Рагозы двумъ дидакаламъ львовской школы „и инымъ студеямъ“, 24 янв. 1591 г.³⁾. И это былъ не единичный примѣръ,—и послѣ дидакалы школь одновременно съ преподаваніемъ проповѣдывали, служа образцомъ для своихъ учениковъ.

Конечно, на первыхъ порахъ наша западнорусская проповѣдь имѣла характеръ вполне греческій: наши проповѣдники стояли „на певномъ фундаментѣ писма святого“, не ступая „на песокъ змышленныхъ речій“. Они ясно понимали различіе направленій восточной проповѣди и западной и осуждали приемы католическихъ церковныхъ ораторовъ, которые „мимо науку апостольскую и отцевъ святыхъ, выдворными якими або полными философіи своее думами и марными (пустыми) мозку своего снами людъ Божій... заражаютъ и тревожатъ“⁴⁾. Подобнымъ образомъ характеризуется разность греческаго и латинскаго направленій въ проповѣди—въ предисловіи къ Учительному Евангелію 1616 г.: „Тѣ есть каждого христіанскаго казнодѣй повинность, не дискурсы о непонятыхъ вѣры таемницъ скрытостяхъ строити, але воли и привязанямъ Божскимъ простыхъ и неукныхъ людей учити“. Мудрый проповѣдникъ, говорится здѣсь же, ищетъ не славы своимъ остроуміемъ, а спасенія людей; онъ долженъ помнить, что пять словъ, хорошо понятыхъ, полезнѣе тысячи непонятыхъ.

Но мало-по-малу польско-латинское вліяніе въ области науки вообще проникло и въ гомиетику. Совершилось оно на почвѣ практическаго пользованія инославными сборниками проповѣдей, „постиллами“. Уже Кирилль Ставропедскій свидѣтельствовалъ о тѣхъ „духовныхъ, которыя стали подражать чужимъ проповѣдямъ и разнымъ постиламъ, противнымъ церкви Божей, аріанскимъ, понурскимъ и калвѣнскимъ“⁵⁾. Мелетій Смотрицкій по переходѣ въ унию тоже констатировалъ фактъ вліянія католической проповѣди на православную. Обращаясь къ православному проповѣднику, онъ говоритъ: „Если бы не римскія поученія, не поспѣшилъ бы на кафедрѣ ораторъ и не имѣлъ бы чѣмъ удивить слушателей софистъ. Цѣлуй Бессія, который поучаетъ тебя произносить съ кафедръ; безъ него, я хорошо знаю, твои колеса скрипятъ, какъ у кучера безъ мазницы. Одинъ на кафедрѣ съ Россіемъ, другой съ Фабриціемъ,

¹⁾ «Вопросы и отвѣты православному съ папезникомъ», 1603 г. (П. П. Л., II, 81).

²⁾ А. З. Р., IV, № 217.

³⁾ А. З. Р., IV, № 27.

⁴⁾ П. П. Л., II, 83. Ср. требованіе м. Михаила, чтобы проповѣдь не отклонялась отъ ученія св. отцовъ и церкви (А. З. Р., IV, № 27).

⁵⁾ Учт. Евангеліе, 1619 г. «Предмова до чителника».

третій со Скаргой, а иные съ другими проповѣдниками римской церкви, безъ которыхъ вы ни шагу“¹⁾). И свидѣтельства этихъ писателей не были голословны: мы, дѣйствительно, находимъ въ братскихъ библиотекахъ и у частныхъ православныхъ проповѣдниковъ изданія католическихъ церковныхъ ораторовъ. Въ львовскихъ каталогахъ упоминаются Постилла польская и Постилла Бялобуриского (?), въ луцкомъ— „Латинскіе двѣ книги доказанія, што ихъ зовуть Бессей опера (Bessei opera) ин кварто, за злотыхъ, 15 купленые“²⁾). А въ спискѣ книгъ извѣстнаго русскаго „казнодѣи“ Ѳ. Леоновича, проповѣдывавшаго въ Вильнѣ, Люблинѣ, Бѣльсѣ и, наконецъ, въ Кіевѣ, значился знаменитый польскій проповѣдникъ Фабіанъ Бирковскій, который по таланту былъ не ниже Скарги, но превосходилъ его ученостію³⁾).

Этимъ и объясняется то, что на рѣдкомъ изъ нашихъ проповѣдниковъ того времени не отразилось болѣе или менѣе ясно польско-латинское вліяніе—въ построеніи ли проповѣдей, или въ испещреніи славянскаго или русскаго языка полонизмами и выраженіями, съ нашей точки зрѣнія не совсѣмъ удобными (напр. Леонтій Карповичъ въ своихъ Казаньяхъ называетъ Иисуса Христа „навышшимъ гетманомъ“, который „рыцеровъ своихъ контентуетъ“; святыхъ онъ называетъ „рыцарями, жолнерами“ и т. п.). Въ сторонѣ отъ него стояли немногіе: Захарія Копыстенскій (см. его „Казанье погребовое“ и „Омилию“) и Кирилль Транквилионъ, котораго проф. А. И. Соболевскій считаетъ даже единственнымъ исключеніемъ изъ общаго положенія⁴⁾). Поученія послѣдняго изданы подъ именемъ Учительнаго Евангелія. Въ предисловіи къ нимъ самъ Кирилль заявилъ, что пособиями для него служили греческіе проповѣдники: Іоаннъ Златоустъ, п. Филоей и др. Слѣдовательно, на немъ всего сильнѣе должно было сказаться вліяніе ихъ краснорѣ-

¹⁾ Exthesis, 6 об.—«Kazania na niedziale i święta całego roku» П. Скарги издаваемы были много разъ: въ 1595, 1597, 1602, 1609, 1610, 1618 гг. (*L. Fukszewicz, Ryw dziejów piśmiennictwa polskiego, wyd. 2, 108*) и, при извѣстности автора, дѣйствительно, могли сдѣлаться пособиемъ для многихъ православныхъ проповѣдниковъ. Саковичъ увѣрялъ, что схизматическіе попы въ его время пользовались проповѣдями Скарги, Вуйка, Бялобужскаго (Мартина, каменецкаго епископа), Житіями святыхъ Скарги, а одинъ изъ нихъ, за Львовомъ, по невѣжеству предложилъ своей паствѣ выслушать «казанья св. Рея»... (*Епархологъ*, 105).

²⁾ П. К. К., I, 269.

³⁾ Рукоп. кн. Аѳ. Миславскаго, л. 46. Кромѣ Бирковскаго, въ библиотекѣ Леоновича были еще слѣдующія книги: Библия славянская и латинская, Новый Завѣтъ славянскій, Требникъ, Flores doctorum, Лексиконъ, Compendium Кромера, Часовникъ, Учительное Евангеліе, Бароній въ славянскомъ переводѣ, Политика Аристотеля...—Проповѣди Бирковскаго вышли въ 1620 и 1623 гг. подъ заглавіемъ: «Kazania na niedziale i święta całego roku», Krakow (Encykł. powsz., III. 569—571). Прекрасную исторію польскаго свѣтскаго и духовнаго краснорѣчія даетъ г. Mecherzyński въ своей *Historya wpmowy w Polsce*, тт. I—III.

⁴⁾ Ж. М. Н. Пр., 1887, мартъ, Критика, 44, прим. 1. Сюда же примыкаютъ тѣ «казанья» и «науки», которыя помѣщены въ концѣ Требника, изданнаго въ Вильнѣ въ 1621 г.

чія. По формѣ почти всѣ поученія Транквилліона представляютъ ораторское слово. Состоятъ они изъ *вступленія*, предшествующаго евангельскому тексту, *изслѣдованія*, основаніе которому даетъ извлеченная изъ текста главная мысль (изслѣдованіе дѣлится на двѣ и даже на три части, посвященныя главнымъ мыслямъ евангельскаго чтенія и празнику; каждая часть предваряется своимъ *приступомъ* и *темой*), и *заключенія*, относящагося или ко всему изслѣдованію или къ одной изъ частей его, преимущественно къ третьей; содержаніемъ его служить выводъ изъ изслѣдованія или похвала Богородицѣ и святымъ или исповѣданіе изъясненнаго догмата. Изслѣдованіе у Кирилла Ставропедскаго состоитъ преимущественно въ истолкованіи евангельскаго текста, каждаго слова и дѣйствія, сопровождаемомъ назиданіемъ. Въ этомъ онъ идетъ по стопамъ своихъ руководителей — греческихъ проповѣдниковъ. У нихъ же онъ, безъ сомнѣнія, заимствовалъ и тѣ приемы и обороты, какіе составляютъ существо краснорѣчія, въ отлічіе отъ философскихъ трактатовъ,—изобразительность, употребленіе сравненій, подобій, аллегорій и примѣровъ, которые берутся изъ окружающей природы, изъ Библии, отеческихъ твореній и богослужебныхъ книгъ, драматизмъ, выражающійся въ обращеніи къ слушателямъ, къ Божіей Матери, святымъ и даже къ отсутствующимъ людямъ и неодушевленнымъ предметамъ и въ діалогахъ, распространеніе евангельскихъ разговоровъ и даже присвоеніе евангельскимъ лицамъ такихъ рѣчей и дѣйствій, о которыхъ въ священныя книги не говорится ¹⁾.

Такую постановку и такое развѣтвленіе получили у насъ науки *trivium'a*. Въ худшемъ сравнительно положеніи были науки *quadrivium'a* и прежде всего—*математика*. Въ Европѣ она вообще не пользовалась тогда большимъ уваженіемъ. Тоже было и у насъ. Не даромъ Савовичъ ставилъ въ 1640 г. на видъ, что на Руси никогда еще не было математики ²⁾. Безъ сомнѣнія, математическія свѣдѣнія были позаимствованы русскими прямо изъ Греціи ³⁾ и съ самаго начала исторіи нашего просвѣщенія были у насъ въ ходу, довазательствомъ чего служитъ статья — „Кирика діакона и domestica новгородскаго антоніева монастыря ученіе, имже вѣдати чловѣку числа всѣхъ лѣтъ“. Кирикъ показываетъ, какъ можно опредѣлить число мѣсяцевъ, недѣль, дней, индиктовъ, солнечныхъ и лунныхъ круговъ, протекшихъ отъ созданія міра, какъ находить „дробные часы“ (т. е. доли часа отъ постепеннаго дѣленія на пять). Но, къ сожалѣнію, онъ не объясняетъ, какимъ обра-

¹⁾ Руководство для сельскихъ пастырей, 1873, I, 304—309; 403—408; 571.

²⁾ «W jednym mieście krakowskim, wileńskim, lwowskim, lubelskim, poznańskim, powiem bezpiecznie w jednym klasztorze wielkim więcej jest ludzi uczonych i teologów, niżli we wszystkiej Rusi, a Matematyka żadnego dotąd w Rusi niemasz» (Kalendarz stary—у *Lukaszevicza*, Hist. szkół, I, 352).

³⁾ Здѣсь въ XI в. былъ написанъ Михаиломъ Пселломъ трактатъ по математикѣ, напечатанный въ 1556 г. подъ заглавіемъ: De quatuor mathematicis scientiis (арифметикѣ, музыкѣ, геометріи, астрономіи). «Счетная мудрость».—Изд. общ. любит. древней письменности, 1879, пред., стр. 14.

зомъ должно производить всѣ эти сложныя операціи умноженія и дѣленія. Послѣ Кирика математическое развитіе русскихъ подвинулось впередъ еще далѣе: самъ онъ сотни тысячъ называетъ „невѣдіями“, а въ XIII в. счетъ раздвинулся уже до милліона, въ ходу превращеніе именованныхъ чиселъ и т. д. ¹⁾). Но и теперь и, вѣроятно, долго и послѣ вся сумма математическихъ познаній, сообщавшихся въ русскихъ школахъ, ограничивалась ариѳметикой, такъ какъ у насъ „землемѣріе“ и „остроумѣя звѣздочетья“ и „знаменіе лунное и солнечное“ запрещены были наряду съ „сонникомъ, волхнованіями и чарованьемъ птичнымъ“. Тѣмъ не менѣе въ Россіи уже въ XVI в. существовало практическое руководство по геометріи ²⁾).

Въ какомъ объемѣ преподавались въ нашихъ братскихъ училищахъ математика и другія части квалривіума, точно неизвѣстно. Программу по математикѣ „Порядокъ школьный“ такъ опредѣляетъ: „учити мають пасхалии и лунного теченія и личбы и рахованя“ (§ 13). Ариѳметика, вѣроятно, не шла у насъ далѣе первоначальныхъ правилъ, могшихъ имѣть примѣненіе и въ житейскомъ обиходѣ, при торгово-промышленныхъ операціяхъ мѣщанъ, и въ пасхалистическихъ вычисленіяхъ, составлявшихъ въ первые годы существованія братскихъ школъ злобу дня, такъ какъ споры о преимуществахъ двухъ календарей, юліанскаго и григоріанскаго, не потеряли своей жгучести съ изданіемъ королемъ Баторіемъ грамоты, освобождавшей православную Русь отъ обязательнаго принятія произведенныхъ папой Григоріемъ поправокъ въ лѣтосчисленіи. Намъ кажется, что ариѳметика, вошедшая въ составъ „Счетной мудрости“ и написанная въ XVII ст., — не великорусскаго происхожденія, а заимствована съ Запада при посредствѣ, всего вѣроятнѣе, братскихъ училищъ. На это указываетъ, прежде всего, заглавіе ея: „Сія книга глаголема по гречески ариѳметика, а по немецки алгоризма, а по руски цифирная счетная мудрость“. . . А на л. 131 об. нѣкоторыя астрономическія свѣдѣнія прямо предваряются замѣчаніемъ: „Изъ астрономи немецкихъ переводовъ“; за это же говорятъ слова: „субстракціо“ (вычитаніе), „дивизія“ (дѣленіе), „крьжъ“ (крестъ). Если можно поэтому судить по данной „Счетной мудрости“ о постановкѣ математики въ братскихъ школахъ нашего періода, то въ нихъ ариѳметика ограничивалась правилами о „нюмерасии“ или счетѣ (леодръ или милліонъ и здѣсь есть то число, „болѣ котораго нѣсть человѣческому уму разумѣвати“, стр. V), сложеніи, вычитаніи, умноженіи и дѣленіи цѣлыхъ чиселъ и дробей; далѣе шла „статья тройная въ цѣлыхъ и въ доляхъ“, т. е. тройное правило, мѣры жидкостей и сыпучихъ тѣлъ. Наконецъ, еще менѣе мы ошибемся, если предположимъ, что кое-какіе изъ учебниковъ ариѳметики, употреблявшихся въ католическихъ школахъ XVI и начала XVII в., были извѣстны и братскимъ педагогамъ.

---

¹⁾ В. Бобынинъ, Состояніе математическихъ наукъ въ Россіи до XVI в. (Ж. М. Н. Пр., 1884, апрѣль, 186—188. 191. 194—198).

²⁾ «Счетная мудрость», пред., 11—13.

Въ „Евхаристиріонѣ“ *геометрія* понимается какъ наука, которая „учитъ землѣ размѣрена“. Если у насъ она преподавалась, то именно какъ наука, имѣвшая ближайшій практической интерес ¹⁾.

Что касается *астрономіи*, то едва ли она свелась у насъ, какъ въ католическихъ школахъ, къ ученію о „лунномъ теченіи какъ искать мѣсяцовъ рождение“, къ опредѣленію врупелѣта, золотого числа и прочихъ пасхалистическихъ терминовъ ²⁾. Вѣроятно, въ составъ ея входило немало свѣдѣній и изъ другихъ наукъ, въ родѣ физической географіи и метеорологии, каковыя свѣдѣнія помѣстилъ было въ свой Катихизисъ Лаврентій Зизаній. Его московскіе оппоненты ставили ему въ счетъ, что у него въ Катихизисѣ шла рѣчь „о кружѣхъ небесныхъ, і о планитахъ, і о зодіяхъ и о затмѣніи солнца, о громѣ. і о молніи, і о тресновеніи, і о шибеніи. і о перунѣ. о комитахъ і о прочихъ звѣздахъ. потому что тѣ статіи искниги острологии“. Л. Зизаній придерживался обычныхъ въ то время объясненій этихъ явленій, отъ которыхъ, впрочемъ, уже отстали московскіе книжники. Послѣдніе указывали, напр., автору, что вѣтъ правды въ его объясненіи грома и молніи, по которому „облака надувшись сходятся и ударяются. и от того бывает, яко отъ камня и желѣза громъ і огонь“. И звѣзды Л. Зизаній „называлъ животными зверми, яже на тверди небеснѣй“. Но нужно однако сказать, что астрономія братскихъ школъ не состояла цѣликомъ изъ „ходячихъ выдумокъ и басней астрономическихъ“, какъ увѣряетъ проф. Голубевъ ³⁾: Лаврентій Зизаній „не писалъ кола ни счастья ни рожденія человѣческаго. ни по звездамъ правленія житію нашему“... ⁴⁾.

Послѣдняя наука изъ семи свободныхъ — *музыка*, подъ именемъ которой въ нашихъ братскихъ училищахъ было извѣстно церковное пѣніе. Сдѣлать послѣднее предметомъ преподаванія было прямой необходимостью: къ срединѣ XVI ст. оно у насъ до того упало, что дьяки должны были изучать его за границей, какъ видно изъ одного письма молдавскаго господаря Александра къ львовскому братству отъ 6 іюля 1558 г. „Пришлите до насъ, писалъ онъ, чотыри дѣяки млоденци добрыи, а мы ихъ дамо на наученіе пѣтя Греческого и Сербского, и коли ся научатъ, а мы ихъ зася пустимо до васъ, одно штобы мѣли голосы добрыи, бо изъ Перемышля такожь до насъ посланы суть дьякове на науку“ ⁵⁾. Въ виду этого упадка церковнаго пѣнія въ Россіи, а также по причинѣ воспитательнаго значенія его, оно сразу же получило мѣсто въ программахъ братскихъ училищъ, являясь уже въ „Порядкѣ школьномъ“ подъ именемъ „мусики“ (§ 12), и уже въ 1591 г.

---

¹⁾ Съ русской геометрией XVI—XVII вв. можно познакомиться по «Счетной мудрости».

²⁾ «Счетная мудрость». Ср. «Порядокъ школьный», § 13.

³⁾ Исторія Киевской дух. академіи, 206.

⁴⁾ «Засѣданіе въ книжной палатѣ», 33. 34. Ср. рукописный экземпляръ Пренія—въ софійской бібліотекѣ (Петербург. дух. акад.), № 1185 (1656—1657 г.), л. 210.

⁵⁾ А. Ю. и З. Р., I, № 133, ш.

львовскіе школьники обнаружили свое искусство въ пѣніи, встрѣтивъ тремя лицами м. Михаила.

Должно остановиться на разъясненіи самаго термина „музыка“. Нѣкоторые усиливаются видѣть въ немъ указаніе на изученіе въ нашихъ братскихъ школахъ инструментальной музыки, отдѣльно отъ вокальной ¹⁾. Но слово музыка даже въ католическихъ школахъ употреблялось, какъ названіе искусства пѣнія (*Muzika zaś spiewania... uszy*). Такъ она опредѣляется и въ „Порядкѣ школьномъ“: „мусикъ церковного пѣнія“ (§ 12), а въ „Евхаристиріонѣ“ прямо сказано, что „музыка учитъ спѣваня“. За это же говоритъ и § 7 Инструкціи учителю Рукевичу: (Учитель) „обязательно долженъ позаботиться о музыкѣ, чтобы басъ былъ съ хорошимъ голосомъ и ровнымъ (*romiernym*), дисканты — съ возможно болѣе (звонкими и) пріятными голосами, то же и альтъ съ теноромъ, и дискантовъ чтобы содержалъ прилично, дабы кто вслѣдствіе недостатка не сбѣжалъ“ ²⁾. Былъ, повидимому, въ Львовѣ разговоръ о введеніи въ церковное употребленіе и, слѣдовательно, въ школьную программу и инструментальной музыки, но онъ не могъ, конечно, имѣть фактическихъ результатовъ: противъ этого была и вѣковая церковная практика, и авторитетъ греческихъ патріарховъ. Когда львовское братство обратилось къ п. Мелегію Пигасу съ запросомъ относительно того, можно ли ввести въ церковь фигуральную или партесную музыку, т. е. пѣніе ³⁾, патріархъ, котораго, вѣроятно, спрашивали и объ органахъ, отвѣтилъ въ посланіи ко всѣмъ православнымъ Польши (въ 1594—1598 гг.): „Что скажемъ о музыкѣ? То, что восхваляемъ Бога и живымъ голосомъ или и голосами, какъ гдѣ и у кого принято пѣть Богу... Мы не порицаемъ ни одnogласнаго, ни многогласнаго пѣнія, лишь бы оно было вполнѣ прилично и благопрістойно. Что же касается до шума и гудѣнія бездушныхъ органовъ, то Іустинъ философъ и мученикъ осуждаетъ это и никогда это не было принято въ церкви восточной“ ⁴⁾.—У защитниковъ мысли объ изученіи въ нашихъ братскихъ школахъ музыки есть еще одно доказательство. Г. Линчевскій видитъ въ тѣхъ инструментахъ, которые запрещено было ученикамъ носить въ классы, музыкальные именно инструменты и включаетъ: очевидно, у учениковъ сильна была страсть въ музыкѣ и послѣдняя, значить, преподавалась имъ. Но, во первыхъ, запрещеніе

---

¹⁾ *Линчевскій*, Тр. Киев. дух. акад., 1870, III, 140. Г. *Налинскій*, въ Вол. еп. вѣд., 1893, 967.

²⁾ *Dipl. stat*, p. 111—112. Id. *Крыловскій*, Акты... № 171. Г. Крыловскій датируетъ эту инструкцію 1536 годомъ и фамилію учителя читаетъ нѣсколько иначе—Рукевичъ. Содержаніе этого документа будетъ изложено ниже.

³⁾ «A jeśli się o figuralną albo partesną muzykę która się w cerkwi Ruskiej, jakoby rzecz nowa na on czas być zdawała, swego własnego pasterza, patryarchy Konstantynopolskiego pytali,—słusznie czynili i nie godziło się im bowiem bez pasterskiego błogosławieństwa u pozwolenia do cerkwi takowego śpiewania przyjmować... (Люоць, Арх. Ю.-З. Р. I, IX, 352).

⁴⁾ *Мальшевскій*, Мелетій Пигасъ, II, 89.

носить въ классы музыкальные инструменты логичнѣе принять за доказательство того, что въ классахъ они не были нужны, а затѣмъ, въ луцкомъ уставѣ рѣчь идетъ только о военныхъ снарядахъ (рынштувахъ) и ремесленныхъ инструментахъ.

Итакъ, церковное пѣніе такъ-же, какъ и другія части системы семи свободныхъ наукъ, очень скоро подверглось сильному западному вліянію. До конца XVI ст., а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и дольше, въ юго-западной Россіи было пѣніе хоровое, съ растяженіемъ гласныхъ. И у насъ, какъ въ московской Руси, пѣли: „согрѣшихомо, беззаконовахомо“, „о рекошеихо мони“ (вмѣсто „о решихъ мнѣ“), „Христосо Бого наше“ (вм. „Христосъ Богъ Нашъ“) и т. п. ¹⁾. Братства поняли, что такое пѣніе не имѣетъ въ себѣ ни смысла, ни привлекательности, особенно по сравненію съ пѣніемъ католическимъ, и задумались надъ новой постановкой его и въ церкви, и въ школахъ. Конечно, у нихъ не было бы никакихъ сомнѣній относительно законности введенія искусственного пѣнія, если бы оно тогда было въ Греціи. Но тамъ давно уже прошло то время, когда греки чрезъ своихъ пѣвцовъ насаждали въ православныхъ странахъ „ангелоподобіе пѣніе: — изрядное осмогласіе, трисоставное сладкогласованіе и самое красное демественное пѣніе“ ²⁾. „Cantus figuralis apud Graecos non est“, писалъ въ 1575 г. Стефанъ Герлахъ Мартину Крузію ³⁾. Надлежало въ виду этого обратиться къ Западу, что братства и сдѣлали, испросивши предварительно разрѣшеніе у вселенскаго патріарха. Правда, и тутъ не обошлось безъ протеста со стороны Іоанна Вышенскаго, который въ „Порадѣ о очищеніи церкви“ (послѣ 1608 г.) строго внушалъ православнымъ: „Латинскій смрадъ пѣсней изъ церкви изжденѣте, простою же нашею пѣснію Русскою поюще, Бога благодарѣте“ ⁴⁾. О развитіи искусственного пѣнія болѣе другихъ братствъ заботилось, кажется, луцкое, которое владѣло немалымъ числомъ „партесъ“, нотныхъ тетрадей для 5, 6 и 8 голосовъ ⁵⁾ и пѣвчіе школьники котораго возбуждали зависть даже у іезуитовъ луцкихъ. Были извѣстны братствамъ и сочиненія по теоріи музыки. Таково „Квестіонесъ музыка“, упоминаемое въ каталогѣ львовскаго братства ⁶⁾.

¹⁾ «Листо», Арх. Ю.-З. Р., I, IX, 115, прим.; 350, прим. 2.

²⁾ «Степенная книга», I, 224.

³⁾ «Danidis Svytraei oratio», 1583, p. 163.

⁴⁾ А. Ю. и З. Р., II, 209. Франко, о. с., 358. Повидимому, не одинъ Вышенскій былъ противникомъ новаго пѣнія, если въ послѣдствіи Смотрицкій писалъ по адресу православныхъ: «Вы кричите: злая унія, злая унія! а давно ли говорили: злая проповѣдь, проклятое искусное (figurale) пѣніе! Однакожь теперь, когда все это заимствовали, считаете добромъ» (Exthesis, л. 100 об).

⁵⁾ П. К. К., I, 266.

⁶⁾ Петръ Могіла, прилож., № 21. «Quaestiones musicae in usum scholae Northusianae per Jo. Spangenbergium collectae diligenterque ab auctore recognitae. Crae. typ. Mathiae Garivoli. a. 1584» (*Bandtkie*, о. с., I, 186. 187).

Наконецъ, въ нашихъ школахъ преподавалось кое-что и изъ *исторіи*. По крайней мѣрѣ, „Порядокъ школьный“ велить учителю „на писмѣ подавати“ ученикамъ „отъ философовъ, поетовъ, *историковъ* и прочая“ ¹⁾. Такъ какъ исторія въ то время не была обработана систематически для потребностей низшихъ и среднихъ школъ, то можно согласиться съ проф. Голубевымъ, что въ братскихъ училищахъ „историческіе факты сообщались самыя отрывочныя и служили прикладными знаніями къ другимъ предметамъ (напр. риторики, чтобы „при случаѣ блеснуть ерудиціею“) ²⁾. Впрочемъ, въ каталогахъ львовской братской бібліотеки находимъ нѣкоторыя сочиненія по древней гражданской исторіи (Фукидидъ, Ксенофонтъ, Плутархъ, Аппіанъ), по церковной (Евсевій), по новѣйшей европейской („Гисторія Венгерская“) и польской (Хроника Бѣльскаго).

Въ такомъ видѣ древняя система семи свободныхъ наукъ нашла приложеніе къ нашимъ братскимъ училищамъ. Но, разумѣется, не ею создавалось то положеніе школъ, въ которое ихъ поставили обстоятельства времени, и не изученіемъ пяти языковъ онѣ могли спасти западно-русскій народъ отъ увлеченія протестантствомъ разныхъ оттѣнковъ и латинствомъ. Напротивъ, знакомство, хотя бы поверхностное, съ внѣшней, „Аристотелевскою“ мудростію скорѣе могло содѣйствовать переходу въ иновѣріе, что и засвидѣтельствовалъ Іоаннъ Вышенскій ³⁾. Надлежало дать воспитанникамъ, какъ и совѣтовалъ онъ, прочное богословское образованіе и тогда только приступать къ свѣтскимъ наукамъ. И, дѣйствительно, изученіе основаній православной вѣры и нравственности христіанской было выдвинуто на первый планъ, и утвержденіе учащихся въ благочестіи стало главнѣйшей миссіей братскихъ школъ. Такое именно направленіе ихъ обусловилося, впрочемъ, не только религиозными интересами западнорусской церкви, но и общеевропейскимъ направленіемъ школьнаго образованія. XVI вѣкъ былъ вѣкомъ богословствованія, какъ XVIII-й — философствованія (проф. Шуйскій), и этотъ характеръ его долженъ былъ отразиться и на школахъ. Поэтому даже протестантскіе педагоги, ратовавшіе за отдѣленіе школы отъ церкви, на практикѣ оставили дѣло въ прежнемъ положеніи ⁴⁾. Въ католическихъ же и особенно въ іезуитскихъ школахъ связь съ церковью была еще сильнѣе. Тоже должно было повториться и у насъ, несмотря на то, что наши училища взяло въ свои руки не духовенство, а міряне въ лицѣ братствъ.

Религиозно-нравственный характеръ образованія проходитъ у насъ чрезъ весь курсъ ученія. Параллельно съ изученіемъ азбуки и грамматики шло уже обученіе „церковному чину, чтаню, спѣваню“ ⁵⁾. Матеріаломъ для первоначальнаго славянскаго чтенія служили псалтирь и

¹⁾ § 12 львовской редакціи 1586 г. и лудкой.

²⁾ Голубевъ, Исторія Кіевской академіи, 206.

³⁾ Арх. Ю.-З. Р., I, VII, 28. 29.

⁴⁾ Шмидтъ, Исторія педагогики, III, 27. 30.

⁵⁾ „Порядокъ школьный“, редакціи львовская 1586 года и лудкая, окончаніе.

часословъ. Дидаскаль долженъ былъ предлагать уроки, между прочимъ, „отъ св. евангелія, отъ книгъ апостолскихъ, отъ пророковъ всѣхъ, отъ отецъ святыхъ ученія“¹⁾. § 15 „Порядка“ требовалъ: „Въ недѣлю и въ праздники Господскія со всѣми маеть дидаскаль поки пойдуть до литургіи розмовляти (бесѣдовать) и ихъ учити о святѣ и празднику томъ и учити ихъ волѣ Божой, а по обѣдѣ евангелію и апостолу праздника того маеть всѣхъ научити: блаженъ бо, рече, поучаяся закону Господню день и ночь“. А прелыдущій—14-й—параграфъ велить учителю субботніе дни, преимущественно предъ другими, посвящать развитію нравственныхъ понятій воспитанниковъ, „учачи ихъ страху Божиему и обычаемъ встыдливимъ младенческимъ“. Что касается собственно учебныхъ духовныхъ предметовъ, то приведенныя выдержки уполномочиваютъ насъ признать, что въ братскихъ училищахъ преподавались сваяц. писаніе, церковный уставъ съ литургикой, догматическое и нравственное богословіе. Въ частности, на Свящ. Писаніе обращалось особенное вниманіе, какъ на источникъ другихъ богословскихъ наукъ, почему п. Іеремія и признавалъ необходимымъ прилежное изученіе его²⁾. Но оно, очевидно, изучалось не все и не въ обычномъ порядкѣ; на первомъ планѣ стоялъ Новый Завѣтъ, затѣмъ—каноническія книги Ветхаго Завѣта³⁾. Догматическое богословіе, вѣроятно, въ большинствѣ школь исчерпывалось рамками катихизисовъ, гдѣ находило мѣсто и нравственное богословіе.—Но вопросъ о постановкѣ учебныхъ предметовъ переводить насъ въ учебникамъ братскихъ школь, гдѣ онъ болѣе можетъ выясниться.

Учебники и учебныя пособія братскихъ школь.

Славянскій языкъ. а) Первая славянская грамматика была издана въ 1586 г. съ такимъ выходомъ или послѣсловіемъ: „Бога благаго благодатію. а за прозбою жителей столицы великаго князства Литовьскаго града вильни. Сія Кграматика словенска языка. згазофилакїи славнаго града Острога властно отчизны яснѣвельможнаго княжати на Острогу, пана на Дубнѣ, воеводы Кіевьскаго. маршалька земли Волыньское и прочая. Зъ щодробливое его милости ласки выдана для наученья и вырозумѣнья божественнаго писанья. а за помочью Хрїстовою на несмертную славу народу дому его княжатской милости выдрукована вмѣсте виленьскомъ. В року отъ нароженья Слова и Бога и Спаса Нашего Ісуса Хрїста мѣсяца октяврїя и дня, на память преподобныя матере нашея Пелагеи. а

¹⁾ Ibid., § 12. Въ львовской редакціи 1588 г. въ качествѣ источниковъ вѣро-и нравоученія указаны только Евангелія и Посланія.

²⁾ П. К. К., III, № 3.

³⁾ Неканоническія книги авторъ «Зачапен», хотя и допускаеть, но только какъ «забаву» и вещь, во всякомъ случаѣ болѣе полезную, чѣмъ «поганскіе учителя» (Петръ Могила, прилож., 73, 74).

отсворенія света 134-го. в друкарни дому Мамоничовъ“¹⁾.—Въ томъ экземплярѣ грамматики, какой былъ у насъ подъ руками, нѣтъ ни начала, ни конца; къ тому же онъ бракованный. Авторъ ея обозначенъ въ новѣйшей припискѣ: „Святаго Іоанна Дамаскина о осми частехъ слова“. И, дѣйствительно, текстъ ея есть текстъ той грамматики, которая извѣстна по нѣсколькимъ спискамъ XVI—XVII вв., какъ составленная св. Іоанномъ Дамаскинымъ и переведенная на славянскій языкъ болгарскимъ экзархомъ Іоанномъ въ X вѣкѣ. Разница самая незначительная, если не считать латинскихъ заголовковъ на поляхъ²⁾. Другой вопросъ—въ самомъ ли дѣлѣ первый Іоаннъ есть авторъ этой грамматики, а послѣдній—переводчикъ,—со времени Калайдовича, открывшаго Іоанна болгарскаго, успѣлъ уже породить цѣлую литературу. Самъ Калайдовичъ рѣшилъ его въ положительномъ смыслѣ. За нимъ пошли Шафарикъ, Востоковъ, Бодянский и др. Но въ 1859 г. авторы „Описанія рукописей московской синодальной библіотеки“ А. В. Горскій и К. И. Невоструевъ высказали мнѣніе, что ни самая грамматика Дамаскину не принадлежитъ, такъ какъ между твореніями этого св. отца она не упоминается, ни переводъ ея нельзя усвоить экзарху Іоанну. Они склонялись къ мысли, что грамматика—произведеніе неизвѣстнаго сербскаго писателя³⁾. Къ мнѣнію Горскаго и Невоструева присоединился Ягичъ, на сторонѣ Калайдовича стали Срезневскій, Потебня, г. Малининъ⁴⁾. Предоставляя филологамъ вѣдаться съ этимъ вопросомъ, мы обратимъ только вниманіе на то, что означенная грамматика едва ли была удобной для изученія славянскаго языка по своей краткости, преслѣдовавшей, повидимому, не школьныя задачи, а общее знакомство съ теоріей языка⁵⁾, и по своей неупорядоченности. Такъ, здѣсь §§ слѣдуютъ въ такомъ порядкѣ латинскихъ заголовковъ: Numeri nominum. Numerus pluralis. Nominis accidunt quinque, genus, species, figura, numerus, et casus. Derivativa nomina (названія лицъ отъ рода ихъ дѣя-

¹⁾ До послѣдняго времени фактъ напечатанія грамматики въ 1586 г. удостовѣрился только существованіемъ этого выхода при нѣкоторыхъ рукописныхъ текстахъ грамматики (см., напр., *Строева* «Описаніе рукописей Царскаго, № 423»). Въ настоящее время извѣстны два печатные экземпляра ея—въ Петербургѣ и въ Перемышлѣ (*Каратаевъ*, *Описаніе*... 1883, № 113. *Голубевъ*, *Ист. Кіев. акад.*, 190, прим. 2). Теперь теряетъ значеніе «Свѣдѣніе о неизвѣстной книгѣ виленской печати 1586 г.» А. Н. Попова (*Чт въ моск. общ. ист. и др. росс.*, 1881 г., II, Матеріалы, XI), по которому этой книгой была диалектика, какъ думалъ г. Поповъ на основаніи положенія этого выхода въ Сборникѣ чудова монастыря послѣ «Сказа Андрея» (Курбскаго) о силлогизмахъ. Въмѣсто «граматика» Поповъ, нужно еще замѣтить, читалъ «грамотка»...

²⁾ Мы сличали печатный текстъ ея съ тою частью рукописнаго текста, кабая перепечатана у Калайдовича въ его сочиненіи: Іоаннъ экзархъ болгарскій, 1824, 167—173.

³⁾ «Описаніе», II, 2 ч., 311—313.

⁴⁾ В *Малининъ*, *Грамматика Іоанна, экзарха болгарскаго* (Сборникъ статей по славяновѣдѣнію, 1883, СПб.).

⁵⁾ *Малининъ*, *ibid.*, 194.

тельности: древодѣль, ковачь...). *Nomen Simplex. Nomen compositum. Tempus praeteritum, Futurum.* Далѣ о дѣйствительномъ и страдательномъ залогахъ (заголовковъ нѣтъ) и о прочихъ измѣненіяхъ, какиимъ подвергаются глаголы. *Participium. Casus. De verbo narratio, I. explicatio...* Съ другой стороны, здѣсь дана только часть грамматики—этимологія, и то безъ фонетики.

б) Вторымъ учебникомъ славянской грамматики была книжка Лаврентія Зизанія: „Грамматика словенска совершеннаго искусства осми частей слова, і иныхъ нуждныхъ. Новосъставлена Л. З. ¹⁾“. Въ Вилнѣ. въ друкарни братской. Року Божого 1596, а отъ созданія міра 7103, мѣсяца февраля 12“ (95 листовъ).—На 2 листѣ помѣщена „Епиграмма на грамматику“, изъ которой читатель узнаетъ, что грамматика состоитъ изъ четырехъ частей: орѳографіи, просодіи, „синтаксисоса“ и этимологіи, и есть „ключъ отворяющій всѣмъ умъ, къ познанію въ преправный разумъ“, и что по ней „власне якъ по всходѣхъ (по ступенькамъ) пойдетъ, каждый если хочеть всѣхъ наукъ доидеть“ ²⁾. Въ „посланіи къ спудеомъ“ авторъ разсуждаетъ о двухъ „скуткахъ“ (результатахъ) отъ изученія грамматики—умѣніи хорошо понимать читаемое и самому „правописати“, и удостоѣряеть, что она чрезъ „риторику и словесницу, вкупѣ чѣсной философіи“, доводитъ до „естественнаго богословія“. Далѣ рѣчь идетъ о метрѣ и риемѣ — „Перестрога хотящимъ вѣршиѣ складати“. — Хотя въ началѣ текста вторично заявляется, что грамматика состоитъ изъ четырехъ частей, на самомъ дѣлѣ здѣсь даны только три: орѳографія или правописаніе (1—4 л. ³⁾), просодія или припѣло (о мѣстѣ ударенія въ словахъ, 5—15 л.) и этимологія или истиннословіе (до конца книги). Последняя часть трактуетъ о осьми видахъ слова или частяхъ рѣчи и даетъ общіе „каноны“ правописанія. Съ 89 листа говорится о метрахъ: „ироническомъ, элегіическомъ, іамвическомъ“, даются образцы каждаго и совѣтуется въ писаніи стиховъ слѣдовать греческимъ поэтамъ, хотя самъ Зизаній пишетъ риемованные силлабическіе стихи ⁴⁾. Къ грамматикѣ приложено истолкованіе молитвы Господней.

в) Въ томъ же году Л. Зизаній выпустилъ славянскую азбуку подъ заглавіемъ: „Наука къ читаню и розумѣню писма славенскаго. Тутъ о святой Троицы и о въчловеченю Господни. Въ Вилни. В друкарни братской“. На заглавномъ же листѣ расположены буквы славянскаго алфавита и слоги, послѣдніе—и на оборотѣ его. За слогами слѣдуютъ молитва Иисусова съ объясненіемъ того, какая мысль содержится въ каждомъ ея словѣ, какой догматъ, противъ какихъ ересей, молитвы св. Духу, Пресв. Троицѣ, Богу Отцу (молитва Господня), символъ вѣры.

¹⁾ Инициалы раскрыты далѣ, въ началѣ текста.

²⁾ Мысли этой „эпиграммы“, какъ и стихотворнаго обращенія „Типографа (къ) младенцемъ“, заимствованы, повидимому, изъ предисловія къ греческой грамматикѣ 1591 г.

³⁾ Эта часть изложена на двухъ языкахъ—славянскомъ и западнорусскомъ.

⁴⁾ Головацкий, Зоря Галицкая, 1860, 453.

Съ 5 листа—„Лексисъ, сирѣчь реченія, Въ кратцѣ събранны. Изсловенскаго языка. на простыи руский діалектъ истолкованы. Л. З. Кромѣ этого перваго славяно-русскаго словаря, къ азбукѣ приложено „Стефана Зизанія изложеніе о православной вѣрѣ“ (о немъ ниже).

г) Въ 1619 г. вышла въ свѣтъ знаменитая грамматика Мелетія Смотрицкаго: „Грамматикѣ славенскія правилное синтагма потщаніемъ многогрѣшнаго мнѣха Мелетія Смотрискаго, въ коіновіи Братства церковного Виленскаго, при храмѣ Сошествія пресвятаго и животворящаго Духа назданномъ, странствующаго, снисканное и прижитое, тѣта отъ воплощенія Бога Слова 1619. правящу апостольскій престолъ великія Божія Константинопольскія церкви вселенскому патріарсѣ, господину отцу Тимоѳею. Виленскому же коіновію предстателствующу господину отцу Леонтію Карповичу архімандриту, в'Евю“ (248 листовъ)¹⁾.—Грамматика Смотрицкаго разнится отъ грамматикѣ Лаврентія Зизанія, которую первый, повидимому, совсѣмъ игнорируетъ (см. предисловіе), не только тѣмъ, что здѣсь разработана уже и четвертая часть ея—синтаксисъ, но и большей обстоятельностью и самостоятельностью въ установкѣ законовъ славянскаго языка, „начомъ барзо сходило“ до него. Установленныя Смотрицкимъ правила послужили основаніемъ для дальнѣйшей разработки грамматическаго матеріала славянскаго языка. Грамматика Смотрицкаго издавалась нѣсколько разъ²⁾ и надолго сохранила свое научное значеніе; еще Ломоносовъ называлъ ее „вратами учености“, а Добровскій самого автора—*principes Grammaticorum Slavicorum*³⁾. Тѣмъ не менѣе грамматика Смотрицкаго не безупречна: по общему отзыву ученыхъ и знатоковъ славянскаго языка она грѣшитъ тѣмъ, что въ ней многое взято изъ греческой грамматикѣ и даже изъ латинской, какъ замѣтилъ еще Юрій Крыжаничъ⁴⁾. Особенно несамостоятеленъ Смотрицкій въ отдѣлѣ о синтаксисѣ, гдѣ онъ не только прилагаетъ къ славян-

---

¹⁾ Нѣкоторые утверждаютъ, что первое изданіе грамматикѣ Смотрицкаго было сдѣлано въ Вильнѣ въ 1618 г. и что евьевское изданіе было вторымъ, ссылаясь на другой заглавный листъ. Дѣйствительно, существуютъ экземпляры грамматикѣ съ двумя выходными листами, различающимися датами, отчасти шрифтами и бордюрами. Но трудно допустить, чтобы первое изданіе разошлось въ теченіе одного года. Естественнѣе предположить, что печатаніе грамматикѣ, начатое въ 1618 г., по какимъ либо причинамъ было приостановлено и вышло въ слѣдующемъ году съ новымъ заглавнымъ листомъ или цѣлымъ предисловіемъ, если справедливо сообщеніе Я. Ѳ. Головацкаго, что приводимое Іос. Левицкимъ въ прибавленіи къ его «Грамматикѣ рускаго языка» (Перемысль, 1834) предисловіе Смотрицкаго «оучителемъ школьнымъ» отличается отъ предисловія 1619 г. «не только въ правоисаніи, но и во многихъ разнословіяхъ» (Зоря Галицкая, 1860 г., 460, прим.).

²⁾ Въ 1629 г. въ Вильнѣ, въ 1648 и 1721 гг. въ Москвѣ, въ 1755 г. въ Валахіи для сербовъ и болгаръ. Головацкій думаетъ, что и «Грамматика или писменница языка словенскаго тщателемъ в кратцѣ издана в Кремянци», 1638 г., есть передѣлка или сокращеніе грамматикѣ Смотрицкаго (I. c.; ср. *Каратаевъ*, о. с., № 474).

³⁾ Зоря Галицкая, 1860, 460.

⁴⁾ Чт. въ моск. общ. ист. и др. рос., 1888, I, 108 въ прим.

своему языку греческія правила, но и заимствуетъ греческія слова даже въ ихъ собственной формѣ и съ ихъ окончаніями (парадигмати, схемати, синтаксеосъ). Всего больше онъ попользовался греческой грамматикой архіеп. Арсенія (1591 г.).

Грамматика М. Смотрицкаго специально обследована г. Засадвичемъ ¹⁾, къ которому мы и отсылаемъ читателя, желающаго поближе познакомиться съ нею, помимо самой грамматики. Мы же укажемъ здѣсь на любопытное предисловіе къ ней, обращенное къ „учителемъ школьнымъ“. Мелетій Смотрицкій ведетъ въ немъ рѣчь о „пожиткахъ“ отъ славянской грамматики, очевидныхъ особенно для тѣхъ, „которые гречею любь латинской грамматики худозству учили“, и рекомендуетъ учителямъ заботиться о развитіи и распространеніи среди русскаго народа „забедбаннаго“ въ немъ славянскаго языка, содѣйствуя его пониманію, употребленію и пользѣ. Онъ обѣщаетъ успѣхъ, если при изученіи грамматики будутъ читаться и лекціи на славянскомъ языкѣ, какъ это обычно, и если книги Соломоновы, Сирахова и другія, переведенныя съ греческаго на чистый славянскій языкъ, будутъ переводиться на русскій при помощи словаря и если, наконецъ, бесѣды въ школѣ будутъ вестись на славянскомъ языкѣ.

д) „Грамматика албо, сложеніе писмена, хотящимся учити словеньскаго языка. Младолѣтнимъ отрочатомъ... Въ Вилни, року, 1621“ (68 листовъ, съ шестью картинками). Изученіе алфавита здѣсь идетъ параллельно съ спряженіями и склоненіями. Напр., при буквѣ Буди стоятъ формы: „Будя—онъ; Будиши—ты; Будить—той; Будима—мы два“ и т. д. Сопоставляя такую особенность этой азбуки, въ связи съ помѣщеніями въ ней выдержками изъ часослова и ветхозавѣтныхъ мудрецовъ, и поясненіемъ: „а сія азбука. отъ книги осмочастныя. сирѣчь грамматики“ (2-й листъ), — съ находящимися въ предисловіи въ грамматикѣ 1619 г. словами: „Дѣткамъ учитися починаючимъ букварь, звыкле реши алфавитарь зтойж грамматики вычерпненый, абы склоненіямъ грамматичнымъ злѣтъ детинныхъ змогою заразъ приывкали, до выучена подаванъ нехай будетъ. По часословѣ зас и псалтыри (которые опусканы быти не мають) выученю ся овая грамматика... наступитъ“, — сопоставляя одно съ другимъ, мы получаемъ нѣкоторое основаніе считать М. Смотрицкаго авторомъ и этой азбуки, которая „вычерпнена“ изъ его грамматики и напечатана только въ 1621 г.—Но содержаніе „грамматики“ 1621 г. не исчерпывается алфавитомъ и спряженіями,—здѣсь помѣщены краткія свѣдѣнія „по прозодіи“ (сопоставленіе формъ словъ, въ которыхъ удареніе можетъ стоять на различныхъ слогахъ: буди и буді, варите и варитѣ...), „по орфографіи“ (ознакомленіе съ сокращеніями и титлами: Бгъ, Бъ, Бга, Ба...). Послѣ всего этого мы находимъ краткія изреченія и тексты Свящ. Писанія въ алфавитномъ порядкѣ: „а. азъ есмь свѣтъ міру; б. Богъ есть прежде всѣхъ вѣкъ... н. на крестѣ пропаша мя; о. оцта и желчи на-

¹⁾ «Мелетій Смотрицкій, какъ филологъ». Одесса, 1883 г.

поиша мя; п. праведна Сына Божія“ и т. д. ¹⁾). Далѣ помѣщены прерываемыя священными изображеніями молитвы и отрывки изъ Свящ. Писанія: молитвы Іисусова, Господня, Василия великаго („Господи Боже, избави насъ отъ всякія стрѣлы, летяція во дни“...), Св. Духу, 50-й псаломъ, символъ вѣры, „Ослаби, остави“, „Всесвятая Троице“, молитва Манассія царя, пѣснь Богородицы и молитва, которую можно назвать школьной: „Премудрости наставниче и смыслу давче, немудрымъ наказателю и нищимъ защитниче“...; отрывки изъ Притчей, Товита, Сираха, Посланія къ римлянамъ. Далѣ—„Сказаніе како состави св. Кирилъ философъ азъбуку“, аскетическое разсужденіе—„о възгорженіи свѣта“, гимнъ блаж. Амвросія, десятословіе, двѣ заповѣди Новаго Завѣта, девять заповѣдей блаженства, 20-я глава Исхода ²⁾... Всего 136 страницъ.

е) „Букварь сирѣчь, начало ученія дѣтемъ начинающимъ чтенію извыкати. въ Кутейнѣ изобразися. в типографіи Спиридона Соболя“, 1631, in 12, 40 листовъ ³⁾).

ж) Для филологическаго изученія славянскаго языка служилъ также „Лексиконъ славено-роскій, и именъ Тлъбованіе“ Памвы Беринды, написанный и изданный имъ въ пользу спудеевъ (1627). Словарь этотъ во много разъ обширнѣе Лаврентіева „Лексиса“ (475 столбцовъ), выходъ котораго въ свѣтъ совпалъ съ намѣреніемъ Памвы выбирать и систематизировать славянскія слова. Такимъ образомъ, Беринда трудился надъ своимъ словаремъ болѣе 30 лѣтъ. Источниками и пособиями для него служили: Библия, толкованія Максима Грека, Мануиль риторъ, Василий в., Кирилль іерусалимскій, Григорій Богословъ, Никонъ Черногорець, Іоаннъ, экзархъ болгарскій, Андрей критскій, Іоаннъ Лѣствичникъ, Патериви, Уставъ Θεодора Студита, Θукидидъ, Аристотель, Плутархъ. Въ 1653 г. Лексиконъ Беринды, „якъ потребный и полезный многимъ“, былъ переизданъ въ кутейнскомъ монастырѣ ⁴⁾).

¹⁾ Это—то же самое, что въ великорусскихъ рукописныхъ учебникахъ извѣстно подъ именемъ азбукъ—гралицъ или толковыхъ азбукъ. Онѣ часто имѣли догматико-полемическое содержаніе, иногда библейско-историческое. Это содержаніе, изложенное въ стихахъ, начинающихся каждыи особой буквой алфавита (акростихъ), оживляло и облегчало изученіе азбуки и такимъ образомъ имѣло дидактическое значеніе (*Миропольскій С.*, Очеркъ исторіи церковно-приходской школы, III, 28—30. 112—116).

²⁾ Изданная въ Москвѣ въ 1634 г. азбука Вас. Бурцева почти буквально воспроизводитъ виленскую азбуку 1621 г.: тѣ же молитвы, примѣры, выдержки изъ Свящ. Писанія, даже фраза: «а сія азбука. отъ книги осмочастныя»... Только послѣсловіе принадлежитъ самому Бурцеву.

³⁾ *Каратаевъ*, о. с., № 381. Г. Каратаевъ первый изъ библиографовъ дѣлаетъ указаніе на этотъ учебникъ, единственный экземпляръ котораго онъ видѣлъ во Львовѣ. Очевидно, этотъ же Букварь былъ вторично напечатанъ Соболемъ въ Могилевѣ въ 1637 г. (*ibid.*, № 437).

⁴⁾ Сл. *Головацкий*, Зоря Галицкая, 457 Чт въ моск. общ. ист. и др. росс., 1888, I, 109, прим.; 173. — Извѣстенъ еще одинъ «Лексисъ съ толкованіемъ словенскихъ мовъ просто», написанный въ острожскую Библию, принадлежавшую о. архим. Амфилохію, и напечатанный имъ въ Чт. моск. общ. ист. и др. росс., 1884, II, отд. II.

Для практическаго ознакомленія съ славянскимъ языкомъ въ братскихъ школахъ, какъ и вообще въ русскихъ училищахъ всѣхъ временъ, служили священныя и богослужебныя книги, но были и спеціальныя учебныя изданія, въ родѣ Сворининской псалтыри 1517 г., назначенной „детемъ малымъ“, въ качествѣ „початка всякое доброе науки, грамоты“, учащей „добре чести и мовити“. Впрочемъ, по своему составу Псалтырь Сворины, какъ и сходныя съ нею другія учебныя псалтыри (заблудовская 1570 г. и виленскія 1586 и 1593 гг.), ничѣмъ не отличаются отъ прочихъ, неучебныхъ ¹⁾. Изъ учебныхъ часослововъ извѣстны острожскій 1602 г. (въ немъ очень крупный шрифтъ) и кievскій 1617 г. Была, наконецъ, у львовскаго братства „школьная библия“, неизвѣстно чьею изданія.

Греческій языкъ. Упомянутое нами не разъ львовское братское изданіе носить такое названіе: „*Γραμματικὴ συντεθείσα ἐκ διαφορῶν γραμματικῶν δια σπουδαίων, οἱ ἐν τῷ τῆς Λεοπόλεως παιδοτρύβια*“, или: „Грамматика сложонна отъ различныхъ грамматикъ, спудейми иже во львовской школѣ“. Подъ этимъ заголовкомъ на первомъ листѣ помѣщено на двухъ языкахъ изреченіе: „Примѣте наказаніе да не когда прогнѣвается Господь и погибнете отъ пути неправеднаго“. На оборотѣ этого листа (ненумерованнаго) и на 2-мъ помѣщено нѣсколько опредѣленій грамматики на греческомъ и славянскомъ языкахъ (изъ нихъ самое простое: „Грамматика есть, художество зрительное и дѣлательное еже благоглаголати и благописати учащее насъ“). Съ оборота 2-го листа начинается самая грамматика: „о раздѣленіи писменъ“, о числѣ ихъ, о слогѣ, словѣ,—всего четыре листа. Далѣе текстъ прерывается четырьмя вставными листами, на которыхъ помѣщены новый заголовокъ и предисловіе. Новое заглавіе такое: „*Ἀδελθότης*. Грамматика доброглаголиваго еллинословенскаго языка. Совершеннаго искусства осми частей слова. Ко наказанію многоименитому російскому роду. Во Львовѣ. В друкарни Братской. року 1591“. На оборотѣ этого заглавнаго листа помѣщенъ гербъ Львова со стихами, на слѣдующемъ—предисловіе: „правовѣрнымъ оученія любителемъ“ (греческій текстъ короче славянскаго). Потомъ титулы греческихъ патріарховъ и буквы греческаго алфавита. Славянскій текстъ лицевой стороны 9 листа является переводомъ греческаго текста оборота 4 листа ²⁾. Такимъ образомъ, имѣется греко-славянская грамматика съ двумя заглавными листами, причемъ первый—безъ даты. Нѣкоторые ученые (напр. Лелевель, Головацкій, г. Оглоблинъ, А. И. Соболевскій), основываясь на извѣстномъ посланіи виленскаго братства львовскому отъ 28 мая 1588 г., относятъ

¹⁾ *Владимировъ*, Докторъ Францискъ Скорина, 208. 210.

²⁾ Таковъ порядокъ первыхъ 8 листовъ въ экземплярѣ Импер. публ. библиотекы. Въ другихъ извѣстныхъ намъ экземплярахъ (петербургскихъ духовныхъ академій—православной и римско-католической) онъ нѣсколько иной. Въ экземплярѣ, который описываетъ г. Студинскій («Адельфотес», 1895, Львів, стр. 10) листы 1—4 соответствуютъ нашимъ 5—8-му. Въ экземплярѣ же литовской духовной семинаріи совсѣмъ нѣтъ 5—8 листовъ.

первый заглавный листъ къ 1588 г. и утверждаютъ, что въ этомъ году была напечатана вся грамматика и что въ 1591 г. было второе ея изданіе. Но справедливо возражаютъ, что посланіе не даетъ права отнести къ 1588 г. напечатаніе всей грамматики,—оно говоритъ только о началѣ ея: „посласте намъ начало, проображеніе святыхъ писаній Грамматическихъ языка Греческого и Словенскаго, наказующе ны, да прийдемъ со благоразуміемъ, да и прочимъ сподобимся, по евангельскому реченію. Сія убо разсмотрѣвши достойно молихомъ Спаса Нашего, да яко же прежде начать, такожде и да совершить во васъ благодать сію. Егда же сподобитъ вы оно благодарственное и спасительное начало совершити, молимъ, да избытокъ благодати ихъ будетъ и въ нашемъ лишеніи. И съ проста рещи, 100 или 200 книгъ пошлите намъ“. Для всякаго должно быть очевидно, что здѣсь идетъ рѣчь о началѣ книги, а не о началѣ издательской дѣятельности львовскаго братства. При этомъ, допущеніе двухъ изданій необходимо вызываетъ возраженія. Трудно согласиться, чтобы братство, издавая вторично грамматику, въ предисловіи къ ней не сказало объ этомъ, какъ о крупномъ проявленіи школьныхъ успѣховъ, когда оно съ такими подробностями излагаетъ исторію своего училища. Еще труднѣе допустить, чтобы первое изданіе грамматики могло разойтись въ два—три года при какихъ-нибудь пяти школахъ съ греческимъ языкомъ (львовская, виленская, острожская, брестская, владимирская), тогда какъ второе изданіе, при существованіи гораздо большаго числа ихъ, продавалось еще въ 1617 г. Всего естественнѣе предположить, что львовское братство, напечатавъ въ 1588 г. начало грамматики (4 листа), прекратило на время работу по случаю отъѣзда архіеп. Арсенія и, быть можетъ, вслѣдствіе затрудненій типографскаго характера. Въ 1591 же году, составивъ новое заглавіе и необходимое предисловіе и прибавивъ пропущенный — было греческій алфавитъ, оно продолжило печатаніе и выпустило книгу въ свѣтъ, присоединивъ, конечно, первые четыре листа. Таково самое вѣрное, по нашему мнѣнію, объясненіе состава извѣстныхъ экземпляровъ „Еллино-словенской грамматики“.—Проф. Голубевъ, доказывая, что было только одно изданіе грамматики—1591 г., высказалъ предположеніе, не было ли прислано виленскому братству въ 1588 г. рукописное начало ея ¹⁾. Но противъ этого говорятъ и текстъ отвѣтнаго посланія вильнянъ, и существованіе двухъ заглавныхъ листовъ, и сличеніе шрифтовъ первыхъ четырехъ листовъ нашей грамматики съ остальными листами. Оказывается, что въ той части ея, которая признается нами напечатанной въ 1591 г., есть одна особенность, отличающая ее отъ первыхъ четырехъ листовъ, именно здѣсь нѣкоторыя начальныя буквы славянскаго текста—греческаго характера: *Ν* (вм. *Н*), *Ζ* (вм. *З*), *Ψ* (вм. *Ч*), *Δ* (вм. *Д*), *Σ* (вм. *С*), *Η* (вм. *И*) ²⁾.... Обстоятельство это служитъ доказательствомъ

¹⁾ Тр. Кіев. дух. акад., 1887, II, 123, прим.

²⁾ Эту особенность шрифта славянскаго текста въ изданіи 1591 г. замѣтилъ уже Головацкій, но онъ не сличалъ его съ частью, напечатанною въ 1588 г.

того, что изданіе было сдѣлано не въ одинъ приѣмъ и что, слѣдовательно, виленскому братству было послано напечатанное въ первый разъ.

Грамматика 1591 г. напечатана на греческомъ и славянскомъ языкахъ ¹⁾. Авторомъ ея считается обыкновенно архіепископъ Арсеній, монограмма котораго помѣщена въ концѣ книги. Но онъ не былъ оригиналенъ и самостоятеленъ: онъ сложилъ учебникъ, сильно попользовавшись тѣми „различными грамматиками“, о которыхъ говоритъ первый заголовокъ. Болѣе другихъ Арсенію принесла пользы грамматика Константина Ласкариса, издававшаяся нѣсколько разъ въ теченіе XV ст. ²⁾. Пользовался онъ также грамматиками Крузія, Меланхтона, Кленарди, изъ которыхъ онъ бралъ цѣлыя отдѣлы, обнаруживая самостоятельность только въ умѣломъ выборѣ надлежащаго матеріала и формулировкѣ нѣкоторыхъ новыхъ законовъ ³⁾. Что до славянскаго текста, то онъ представляетъ по большей части буквальный переводъ греческаго. Технические же термины въ немъ заимствованы изъ грамматики, извѣстной подъ именами Дамаскина и экзарха Іоанна. Потому несправедливо считать Арсенія творцомъ западнорусской грамматической терминологіи ⁴⁾. Въ переводѣ съ греческаго языка на славянскій участвовали подъ редакціей Арсенія ученики львовской школы, какъ это сказано въ заголовкѣ грамматики и какъ подтверждается авторомъ Перестроги, который говоритъ, что Арсеній „грамматику чрезъ своихъ учневъ зъ друку выдалъ“ ⁵⁾.

Были извѣстны братствамъ и другія греческія грамматики. Такъ, въ каталогѣ львовской братской бібліотеки упоминается „Кленарди грамматика“ на латинскомъ языкѣ ⁶⁾. Возможно, что это экземпляръ виленскаго ея изданія 1600 г. ⁷⁾.

Въ исторической литературѣ есть извѣстіе о греческой грамматикѣ, написанной будто бы Мел. Смотрицкимъ на латинскомъ языкѣ и изданной имъ въ Кельнѣ въ 1615 г. подъ заглавіемъ: „Institutionum

¹⁾ На одномъ славянскомъ языкѣ изложены правила о «вынятїяхъ» (исключенїяхъ) въ отдѣлѣ о спряженїяхъ. Не составлены ли они кѣмъ-нибудь изъ братскихъ педагоговъ уже послѣ отъѣзда Арсенія?

²⁾ *О Ленкій*, «Нѣсколько словъ о греческо-славянской грамматикѣ», изданной во Львовѣ 1591 г. Львовъ, 1872.

³⁾ *Д-ръ Кирилъ Студинскій*, «Аделфотес», 12—23. Впрочемъ г. Студинскій, понимая буквально заглавіе грамматики, говоритъ не объ одномъ авторѣ (Арсеніи), а о многихъ, доказывая, что первые ученики Арсенія могли быть съ знанїемъ греческаго языка, которое дали имъ иновѣрные школы. Такими онъ считаетъ братьевъ Зизанїевъ (стр. 4). Но Ст. Зизанїи уже съ 1586 г. состоятъ учителями львовской школы, и ученикомъ Арсенія не могъ быть.

⁴⁾ *О Ленкій*, о. с., 14.

⁵⁾ А. З. Р., IV, стр. 222. Тр. Кіев. дух. акад., 1898, янв., 17—19.

⁶⁾ Петръ Могила, прилож., № 21.

⁷⁾ Намъ извѣстно, впрочемъ, и болѣе раннее ея изданіе—франкфуртское 1590 г.: «Institutiones ac meditationes in graecam linguam».

linguae graecae libri duo“¹⁾). Но никто изъ библиографовъ не видѣлъ ея. Суша, говоря о Лексиконѣ Смолитцаго и его славянской грамматикѣ, о греческой не упоминаетъ²⁾). Потому и нужно признать это извѣстіе невѣрнымъ, тѣмъ болѣе, что въ 1615 г. Мелетій Смолитцкій въ Кельнѣ не былъ и не имѣлъ никакихъ причинъ и поводовъ писать грамматику на латинскомъ языкѣ и издавать ее за границей.

Для изученія *латинскаго языка* употреблялись грамматики Доната, Альвара, какаго то Корнелія (не Ультраектина-ли?) и—неизвѣстнаго автора, обозначенная въ львовскомъ каталогѣ словами: „Грамматика латинская партесь осмъ“. Во второй каталогъ книгъ львовскаго братства внесено три экземпляра греко-латинской грамматики. Здѣсь же упоминаются латинскій словарь и нѣсколько латинскихъ классиковъ и историковъ, которые могли служить для братскихъ воспитанниковъ матеріаломъ для примѣненія къ дѣлу ихъ познаній въ латинскомъ языкѣ³⁾).

Богословіе и катихизисы.—Православные западноруссы вступили въ новый періодъ исторіи своего просвѣщенія не совершенно безоружными и чуждыми средствъ къ богословскому образованію. У нихъ уже былъ одинъ катихизисъ—„Френцѣшкова дружу“⁴⁾, и переводная система одного изъ замѣчательнѣйшихъ греческихъ богослововъ—Богословіе св. Іоанна Дамаскина. Переводъ Богословія Дамаскина на славянскій языкъ былъ совершенъ еще экзархомъ болгарскимъ Іоанномъ, который, впрочемъ, перевелъ изъ 100 главъ только 48⁵⁾). Это и дало поводъ ревнителю православія и просвѣщенія кн. А. М. Курбскому дополнить его, а заодно и исправить устарѣвшій Іоанновъ переводъ по греческому и латинскому текстамъ. Въ новомъ переводѣ Богословіе Дамаскина изложено въ 4 книгахъ и въ 105 главахъ. Первая книга tratta о Богѣ, Его сущности, единствѣ, непостижимости, о Лицахъ св. Троицы, о божескихъ именахъ, объ Его духовности и другихъ свойствахъ (20 главъ). II-ая книга говоритъ „о вѣку“, о твари, объ ангелахъ и дѣмонахъ, о сотвореніи міра видимаго, о небесахъ, огнѣ, свѣтѣ и свѣтилахъ небесныхъ, о воздухѣ, водѣ, землѣ, человекѣ, причѣмъ вѣдается въ область психологіи, о промыслѣ Божиѣмъ, о предвѣдѣніи и предустановленіи (30 гл.). Въ III и IV книгахъ рѣчь идетъ „о божественномъ строителствѣ и нашемъ заступленіи“, о боговоплощеніи, о способѣ и слѣдствіяхъ его по отношенію къ Самому Сыну Божию и Пресв.

¹⁾ Wiszniewski, VI, 215, прим. 326. Lelewel, I, 353. Maciejowski, III, 469. Головацкий, Зоря Галицкая, 1860, 460. Сливовъ, Рус. вѣсти., 1875, IX, 24. Сяччинскій высказалъ даже мысль, что М. Смолитцкій исправилъ собственно греческую грамматику Юрія Либанія, краковскаго профессора начала XVI в.

²⁾ «Saulus et Paulus»... 19. О словарѣ М. Смолитцаго мы рѣшительно нигдѣ не встрѣтили болѣе упоминаній.

³⁾ Петръ Могила, прилож. № 21. Чт. въ общ. Нестора лѣтописца, V, Матеріалы сообщенныя С. Т. Голубевымъ, № 5.

⁴⁾ Петръ Могила, прилож., № 21. Во второмъ каталогѣ о немъ нѣтъ и помину.

⁵⁾ Перечень ихъ у Калайдовича (Іоаннъ, экзархъ болгарскій, 1824, стр. 19. 20). Весь же переводъ напечатанъ въ Чт. моск. общ. ист. и др. рос., 1877, IV).

Дѣвъ, о вѣрѣ, крещеніи, крестѣ, о таинствахъ, о молитвѣ, о почитаніи Дѣвы Маріи и святыхъ, о цѣли творенія, о законѣ Божіемъ, антихри-стѣ и воскресеніи мертвыхъ (27 и 28 главъ ¹⁾).

а) Первымъ православнымъ катихизисомъ, вышедшимъ изъ братскихъ школъ, былъ катихизисъ Стефана Зизанія 1595 г. ²⁾ Такъ какъ катихизисъ этотъ католикъ Жебровскій называетъ „объясненіемъ Никейскаго символа“, то можно думать, что содержаніе его состояло ести не цѣликомъ, то главнѣйшимъ образомъ изъ истолкованія символа ³⁾. Изъ брошюры этого же Жебровскаго открывается, что катихизисъ Ст. Зизанія имѣлъ въ виду учебные интересы: авторъ увѣряетъ, что полемизируетъ противъ Зизанія не изъ вражды къ нему, а по любви христіанской, боясь, чтобы столь самовольнымъ ученіемъ многія души какъ

---

¹⁾ *Цитовъ*, Описание рукописей А. И. Хлудова, № 60: Творенія Дамаскина въ переводѣ Курбскаго.

²⁾ Известенъ еще болѣе ранній катихизисъ, приписываемый виленскому братству (*Bandkie*, II, 259): «Катехизмъ или наука всѣмъ православнымъ христіаномъ къ повченію велики полезно златинскаго языка на русскій языкъ новопредложено. Друкованъ у Вильни, 1585, здозволенемъ старшихъ» Но приходится спорить не только относительно принадлежности его св. троицкому братству, но даже относительно того, православными ли онъ изданъ. Можно утверждать, какъ это и дѣлаетъ м. Макарій, что этотъ катихизисъ — католическаго происхожденія (IX, 421). Правда, проф. Голубевъ допускаетъ, что онъ православный: «Имѣя въ виду общее содержаніе катихизиса, говоритъ онъ, нѣтъ основаній предполагать, что онъ изданъ былъ не православными, а католиками въ видахъ своей пропаганды». Впрочемъ, окончательное рѣшеніе вопроса г. Голубевъ оставляетъ будущему времени, когда будетъ найденъ полный экземпляръ катихизиса (Ист. Киев. акад., 194, прим.). — Означенный катихизисъ состоитъ изъ пяти главъ: о вѣрѣ и преданіи, о надеждѣ и молитвѣ Господней, о любви и заповѣди Божіи, о сакраментѣхъ, о повинности справедливости христіанское. Въ томъ экземплярѣ его, который хранится въ Импер. публ. библиотекѣ и которымъ пользовались проф. Голубевъ и мы, имѣется только пятая глава, т. е. та, содержаніе которой всего менѣе можетъ служить къ выясненію занимающаго насъ вопроса. Тѣмъ не менѣе мы думаемъ, что катихизисъ вышелъ изъ латинскаго лагеря. Прежде всего намъ подозрителенъ самый терминъ «здозволенемъ старшихъ». Какіе это старшіе? св. троицкаго братства? Но мы не знаемъ ни одного братскаго изданія, которое было бы разрѣшено къ печати старшинами братства и чтобы это разрѣшеніе было обозначено на книгѣ. При томъ же, если бы виленское братство и успѣло до 1585 г. реорганизоваться такимъ образомъ, что для должностныхъ лицъ его были уже опредѣлены и такія обязанности его, какъ цензура книгъ, то весьма сомнительно, то гдѣ оно напечатало этотъ катихизисъ? Въ типографіи Мамоничей, откуда вышла и славянская грамматика 1590 г.? Но Мамоничи на своихъ изданіяхъ почти всегда обозначали свое имя. Наконецъ, сомнительно и то, чтобы православные въ пору усилена реакціи противъ католичества стали переводить латинскіе катихизисы. Всего вѣроятнѣе, что этотъ «Катехизмъ» принадлежитъ къ серіи тѣхъ сочиненій, которыя были рекомендованы Скаргой и Поссевиномъ для распространенія среди православныхъ, съ чѣмъ соглашается и кс. Ликовски (*Przewodnik Polski*, 1836, zes. X., str. 10). Что онъ не православнымъ изданъ, это отыскивается и изъ сообщенія Бергія объ ушальскомъ экземплярѣ его, въ которомъ первая глава излагаетъ «правильное» ученіе объ исхожденіи св. Духа и отъ Сына (*Bergerius Nic., Libro de statu ecclesiae et religionis Moscoviticae*. Holmiae, 1764, p. 31). Не переводъ ли это катихизиса Канизія, который тоже дѣлился на пять главъ съ тѣми же заглавными?

³⁾ Руковод. для сел. пастырей, 1865, II, 416. 460.

простыхъ людей, такъ въ особенности невинныхъ дѣтей, которымъ указанна заблужденія даются къ школьному изученію, не были заражены и осуждены навѣки ¹⁾).

б) Учебнымъ же руководствомъ по предмету вѣроученія могло служить приложенное къ азбукѣ Лавренція Зизанія 1596 г. „Стефана Зизанія изложеніе о православной вѣрѣ. Короткимъ пытаниемъ и отвѣданьемъ для латвѣйшого (легчайшаго) вырозумѣннѣ христіанскимъ дѣтемъ“ (6 листовъ). Оно выясняетъ главнѣйшіе пункты нашей догматики посредствомъ бесѣды между „страннымъ“ и „зловѣрнымъ“. причемъ особенное вниманіе обращено на ученіе объ исхожденіи св. Духа ²⁾ и „о въчлочеченіи Господни“. Въ концѣ говорится о томъ, какъ слагать персты для крестнаго знаменія.

в) „Катехизисъ, албо вызнане вѣры святое, соборное, апостольское, въсходнее церкви“, 1600 г. ³⁾. Катихизисъ этотъ обнимаетъ не всю совокупность православнаго ученія, а есть скорѣе собраніе трактатовъ по нѣкоторымъ важнѣйшимъ вопросамъ православной догматики, причемъ вопросъ объ единствѣ и троичности лицъ въ Богѣ изложенъ съ особой полнотой, — быть можетъ, въ противовѣсъ сочиненіямъ. Представляли ли „Катехизисъ“, напечатанный, по свидѣтельству униата Дубовича, dla nauk dzieciom, нѣчто цѣлое или былъ только извлеченіемъ изъ болѣе обширнаго курса догматики, читаннаго въ виленской школѣ, какъ догадывается проф. Голубевъ ⁴⁾, неизвѣстно. Но правдоподобнѣе послѣднее мнѣніе въ виду неупорядоченности главъ, негармоническаго распределенія догматическаго матеріала и отсутствія цѣлыхъ отдѣловъ. Стоитъ катихизисъ изъ 12-ти главъ, которыя расположены въ такомъ порядкѣ. 1) Первый членъ символа вѣры, — объясненіе словъ: Вѣра, Богъ, Отецъ, Вседержитель, Творецъ. 2) Доказательства бытія Божія. Его духовность. 3) Объясненіе мѣстъ Свящ. Писанія, въ которыхъ Богу приписывается тѣлесность. 4 и 5) Единство Божіе при троичности Лицъ. 6) „О крестѣ: о утискахъ, албо бѣдахъ, людей побожныхъ и благочестивыхъ“. 7 и 8) О тайнахъ ветхозавѣтныхъ и новозавѣтныхъ. 9) О пресв. Троицѣ или о трехъ Божескихъ Лицахъ. 10) Объ исповѣданіи православной вѣры и объ ея символахъ. 11 и 12) О вѣрѣ, ея „пожиткахъ“ и необходимости добрыхъ дѣлъ.

г) „Книга о вѣрѣ“. До сихъ поръ не выяснены вопросы ни о числѣ изданій такъ называемой Азаріевой книги, ни о времени и мѣстѣ ихъ, ни объ отношеніи ихъ другъ къ другу. Въ рѣшеніи ихъ г. Голубевымъ, по которому было два ея изданія—виленское 1602 г. и кievское

¹⁾ Вол. еп. вѣд., 1887, 231: *Бялямовскій*, «Стефанъ Зизаній».

²⁾ Это мѣсто діалога перепечатано проф. Голубевымъ въ Ист. Кіев. академіи, 196—198, а весь онъ—въ Вол. еп. вѣд., 1887, 551—559.

³⁾ Перепечатанъ проф. Голубевымъ въ Чт. общ. Нестора дѣтон., IV, отд. III. Возможно, что этотъ катихизисъ былъ изданъ вторично въ Евѣ, какъ свидѣлствуютъ униаты Дубовичъ и иезуитъ Рутка (*ibid.*, предисл., 2. 3).

⁴⁾ *Ibid.*, 5.

1619 г. ¹⁾, послѣ возраженій, сдѣланныхъ г. Гильтебрандтомъ, остается вѣрнымъ только то, что около 1619 г. въ Кіевѣ была издана Захаріей Копыстенскимъ „Книга о вѣрѣ“. Что же до другого изданія ея, то гдѣ оно вышло—неизвѣстно; можно только допустить, что оно предшествовало кіевскому изданію ²⁾. Нельзя даже согласиться съ тѣмъ мнѣніемъ г. Голубева, что первое изданіе „Книги о вѣрѣ“ составляютъ тѣ сочиненія о пресв. Троицѣ и „О образѣхъ, о крестѣ, о хвалѣ Божіей и молитвѣ святыхъ, и о иныхъ артикулахъ вѣры, единое правдивое церкви Христовы“, которыя до того считались отдѣльными. Видѣть въ нихъ двѣ части одного и того же произведенія мѣшаетъ, во первыхъ, то, что извѣстны экземпляры первой книжки съ современными выходу надписями на ней самой и на переплетѣ, удостовѣряющими, что она была именно „Книжкой о пресв. Троицѣ“ ³⁾. Во вторыхъ, и послѣ эти книжки считались отдѣльными произведеніями. Такъ, въ каталогѣ бібліотеки, оставшейся послѣ смерти виленскаго бургомистра Степана Лебедича въ 1649 г., значится книга: „O obraziech y o krzyscie katechizm in 8“ ⁴⁾. Какъ бы то ни было, оба эти сочиненія въ совокупности и кіевское изданіе 1619 г. представляли богатый догматическій матеріалъ. заключающій въ себѣ статьи: о пресвятой Троицѣ, о божествѣ и воплощеніи Сына Божія, о божествѣ и исхожденіи Духа св., „о понуреньи новокрещенскомъ, и о крещеніи дѣтей“, о пречистыхъ тайнахъ Тѣла и Крови Христовыхъ (въ изданіи 1619 г.), о образахъ, о крестѣ, о призываніи святыхъ, о молитвѣ и милостынѣ за усопшихъ, „противъ огнеи чистителному“ (въ изд. 1619 г.), о постѣ, объ исповѣди. Въ изданіи 1619 г. сюда присоединены еще два слова преп. Максима Грека о цѣлости символа вѣры и объ исхожденіи св. Духа ⁵⁾.

д) Руководствомъ по богословію или пособіемъ къ нему могъ служить *Rozdział X* Фринуса, представляющій по своему содержанію „*Katechizm, t. j. sumariusz albo krótkie zebranie wiary y ceremonij serkwie św. Wschodniey*“, и изложенный въ формѣ исповѣданія вѣры. Здѣсь разъясняются собственно два догматическіе вопроса: о троицности Божескихъ Лицъ (л. 208—209) и о воплощеніи Христа (209—210); главное же содержаніе этого отдѣла составляетъ истолкованіе и выясненіе въ православномъ духѣ множества догматическихъ, нравственныхъ и литургическихъ понятій и терминовъ, какъ напр.: *Mundi creatio et providentia, prudentia vel precognitio, contingentia* (противъ необходимости, проповѣдуемой стойками), *praedestinatio, fides, charitas, lex, liberum arbitrium, bona opera, angeli et daemones, sacramenta etc. etc.*

е) Такимъ же пособіемъ могъ служить изданный въ 1603 г. въ Острогѣ на греческомъ и русскомъ языкахъ „Диалогъ албо Розмова“ п. Мелетія: онъ, представляя, по словамъ м. Макарія, родъ краткаго ка-

¹⁾ «Библіографическія замѣчанія»... Тр. Кіев. дух. акад., 1876, I, 363 и слѣд.

²⁾ Ср. *Завитневичъ*, Палинодія Захарія Копыстенскаго, 278. 279.

³⁾ П. П. Л., I, прим., 23. 24.

⁴⁾ А. В. А. К., IX, № 168.

⁵⁾ Тр. Кіев. дух. акад., 1876, I, 371—377.

тихизиса, могъ замѣнять для православныхъ Литвы отсутствіе надлежащаго руководства ¹⁾.

ж) Но, повидимому, въ Острогѣ былъ изданъ и настоящій катихизисъ. По крайней мѣрѣ, въ описи имущества упомянутого уже нами виленскаго бургомистра Ст. Лебедича внесенъ Катихизисъ острожской печати, in 4-to ²⁾.

з) „Зерцало богословія“ Кирилла Транквилліона, 1618 г. ³⁾, хотя и не было одобрено Іовомъ Княгиницимъ, который нашелъ въ немъ нѣкоторыя „прегрѣшенія“,—вѣроятно, употреблялось нашими догматистами въ качествѣ пособія при преподаваніи богословія: недостатки, замѣченные Іовомъ, происходили отъ неточности выраженія и маловнимательности автора ⁴⁾, притомъ же относились не къ самому „Зерцалу“, а къ присланному Кирилломъ „исповѣданію вѣры“ или „оглавленію“. „Зерцало богословія“ дѣлится на двѣ части. Первая (15 главъ) трактуетъ о познаніи Бога, объ Его именахъ, свойствахъ и существѣ, о Лицахъ въ Богѣ, въ частности—о Сынѣ Божіемъ, Его вочеловѣченіи, искупленіи, вознесеніи. Вторая (35 гл.)—о твореніи міровъ невидимаго и видимаго, о четырехъ элементахъ послѣдняго, о чловѣкѣ и составѣ его, о врагахъ чловѣчества, о Вавилонѣ (духовномъ), о трубномъ гласѣ, о церкви и послѣднихъ судьбахъ ея, о страшномъ судѣ.

и) „Сѣбраніе вѣратцѣ словесъ отъ Божественнаго писанія и съ объясненіемъ изложенія св. Апостоль двунадесяти артыкуловъ православной вѣры“, 1618 г., въ Угорцахъ (самборскаго повѣта), напечатано иждивеніемъ Александра Шептицькаго іером. Павломъ Домживъ-Лютковичемъ и іерод. Сильвестромъ (48 л. in 4-to) ⁵⁾.

і) Катихизисъ Лаврентія Зизанія, напечатанный въ 1627 г. въ Москвѣ, послѣ сдѣланныхъ здѣсь измѣненій, подъ заглавіемъ: „Книга глаголемая по гречески катихизис. Политовски оглашеніе. Рускимже языкомъ нарицаемъ бесѣдословіе, Избрана отъ божественныхъ писаніи. Евангельскія проповѣди. и апостольскихъ ученіи. ісвятыхъ богоносныхъ отецъ. Ввопросахъ и отвѣтахъ. рекше во образѣ хотящаго разумѣти. і во образѣ могущаго разумъ дати“.—Мы видѣли, что этотъ катихизисъ былъ написанъ на западнорусскомъ нарѣчій, и возможно, что онъ упо-

¹⁾ М. Макарій, X, 335.

²⁾ А. В. А. К., IX, № 163 (стр. 483). Интересенъ составъ бібліотеки Лебедича; большинство книгъ—латинскія.

³⁾ «Сія книга нарицаемая зерцало богословія, избрана отъ многихъ книгъ богословскихъ и трудолюбіемъ съставлена еромонаха Кирила Транквилліона и проповѣдника слова Божія его власнымъ коштомъ и накладомъ видрукована вманастыру почаевскомъ вмастности его милости пана андрѣя Фирлѣя. року АХМ, мѣа марта 12 дня», 84 листа.

⁴⁾ Кириллъ писалъ, напр., что хлѣбъ видимый премѣняется въ истинное Тѣло и Кровь Христа, а Іовъ усмотрѣлъ въ этомъ латинство, такъ какъ по католическому вѣрованію облатка премѣняется въ Тѣло и Кровь одновременно. Въ упрекъ Кириллу его рецензентъ ставилъ и то, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онъ «богословствуетъ и догматизуетъ сокращеніи», не давая нужныхъ объясненій (Петръ Могила, прилож., № 35).

⁵⁾ Памяти. рус. старины въ зап. губерніяхъ имперіи, VI, 180.

треблялся въ нашихъ школахъ задолго до своего напечатанія ¹⁾. Возможно также, что Л. Зизаній вывезъ изъ Москвы въ Литву экземпляры своего катихизиса, хотя нужно замѣтить, что существуетъ гораздо больше рукописныхъ экземпляровъ его, чѣмъ печатныхъ ²⁾, что объясняютъ тѣмъ, что Лаврентіева катихизиса не одобрили будто бы восточные патриархи, къ которымъ посылалъ его п. Филаретъ и которые велѣли сжечь его ³⁾.—Катихизисъ Лаврентія Зизанія состоитъ изъ слѣдующихъ частей: 1) Символь вѣры, 2) Молитва Господня, 3) О любви и десягословіи, 4) О Богѣ, 5) Объ исхожденіи св. Духа отъ Отца и 6) о семи таинствахъ ⁴⁾.

Кромѣ всего этого, пособиями при изученіи православной вѣры служили многочисленныя полемическія сочиненія. Интересъ къ религиознымъ вопросамъ въ ту пору былъ такъ живъ и силенъ въ нашемъ обществѣ, что сочиненія православныхъ полемистовъ прочитывались сообща ⁵⁾ и чаще всего въ школахъ именно, гдѣ учитель могъ и прочитать ихъ вслухъ всѣхъ и истолковать непонятное. Указаніе на это мы встрѣчаемъ въ сочиненіи Вышенскаго: „Краткословный отвѣтъ Феодула“, въ которому приложена небольшая статья: „О чину прочтанія сего писанія“. Здѣсь Вышенскій убѣждаетъ: „соборно собравши братію православныхъ въ школу рано проспани пошномъ доколѣ еще молва мирская, сомущеніе и попеченіе на мысль болрую и здравую не възйдегъ и не оболѣтегъ промысломъ земнымъ, и доколѣ еще чрево неналадовано (не набито) гноемъ снѣднымъ, тогда да читаетъ“—„прочитатель во чтеніи искусень“, но не въ одинъ пріемъ, чтобы не утомить и не разсѣять вниманія слушателей. „Сеже вездѣ на соборахъ братскихъ тако да исправляется, идѣже сіе писаніе дойдегъ, яко знаютъ христіане что есть наша простая восточныхъ вѣра, и что другихъ отщепенцовъ хитрое безвѣріе“ ⁶⁾. Что это былъ не единичный случай и что желаніе Іоанна Вышенскаго не было вызвано авторскимъ самолюбіемъ его, а отображало существовавшую въ братствахъ практику, видно изъ слѣдующаго.

---

¹⁾ Окончательно отдѣланъ или дописанъ катихизисъ послѣ 1620 г., судя по ссылкѣ въ немъ, по вопросу объ исхожденіи св. Духа, на п. Теофана, съ которымъ, повидимому, Л. Зизаній лично объяснялся (Вол. еп. вѣд., 1890, 9. 10; ср. Тр. Кіев. дух. акад., 1898, февр., 168. 169).

²⁾ Печатные экземпляры имѣются въ Румянцевскомъ музеѣ, въ бібліотекахъ Хлудова и Солдатенкова («Засѣд. въ книж. палатѣ», пред., 3).

³⁾ Руков. для сел. паст., 1865, II, 508. 509. Вол. еп. вѣд., 1890, 137—140. Впослѣдствіи катихизисъ Л. Зизанія былъ перепечатанъ раскольниками въ Гроднѣ въ 1783 и 1788 гг. и единовѣрцами въ Москвѣ въ 1874.

⁴⁾ *Архим. Леонидъ*, Описаніе рукописей гр. Уварова, I, №№ 270. 271.

⁵⁾ Сказанія кн. Курбскаго, 262. 263.

⁶⁾ *Голубевъ*, Петръ Могила, прилож., 144. 145, Ср. *Франко*, 281. 282, гдѣ онъ выражаетъ увѣренность, что эта статейка впослѣдствіи самимъ Вышенскимъ была помещена въ началѣ составленнаго имъ сборника своихъ сочиненій.—Какъ широко распространены были произведенія Вышенскаго, видно изъ письма священноинокъ скитской обители Леонтія къ одному львовскому мѣщанину (*Голубевъ*, «Объяснительные параграфы».... Кіев. еп. вѣд., 1893, 320).

Тарасій Земка, касаюся въ предисловіи къ служебнику 1629 г. вопроса объ еретичествѣ автора Апокрисиса, оправдываетъ православную церковь тѣмъ, что она и не принимала соборно книги Филалета: „Когда (церковь) отъ него изданное похвали и утвърди; гдѣ *оъ училищехъ*, гдѣ въ церквахъ отъ амвона людемъ прочитывашеса?“ спрашиваетъ Земка ¹⁾). Значить, другія полемическія произведенія читались въ школахъ и ихъ, разумѣется, слушали не только взрослые, но и ученики.

Вотъ все, что мы знаемъ о печатныхъ учебникахъ братскихъ шкোলъ. Но, конечно, ихъ было больше, а затѣмъ, недостатокъ печатныхъ руководствъ восполнялся записками, выдавать которыя ученикамъ уполномочивалъ дидаскаловъ § 12 „Порядка школьнаго“. Безъ сомнѣнія, всѣ означенныя руководства распространялись чрезъ посредство братствъ и по другимъ православнымъ училищамъ, небратскимъ, и ими же пользовались домашніе учителя. Но, вѣроятно, ни одно братство не имѣло полнаго подбора учебниковъ; тѣмъ бѣднѣе ими были менѣе значительныя школы. Въ иныхъ захолустныхъ городахъ и селахъ вся учебная литература исчерпывалась кругомъ богослужебныхъ книгъ, только иногда выходя за предѣлы его, если случалось, что въ церковь кто-нибудь завѣщаль свою бібліотеку. Иногда жертвователъ давалъ книгъ специальное учебное назначеніе. Драгоцѣнное указаніе въ этомъ родѣ даетъ замѣтка на одной книгѣ, хранящейся въ виленской публичной бібліотеки: „Книга тайная тайныхъ, или наставленія Аристотеля Александру Македонскому“. Замѣтка эта гласить: „Сия книга рекома я до науки и выразумена людского дана ми есть отъ пана швацьгра моего отъ пана Яроша Каспоровича Лединскаго въ р. 1607 22 ноября, которую я Григорей по животе своемъ при церкви Девятковской, храме светое пятницы вечне, а непорочне (sic) zostавую, *котре книги каждый верный крестьянинъ а иле крещное веры читати и учитисе буде*“... ²⁾).

Педагогія братскихъ шкোলъ; организація ихъ.

Какъ были устроены братскія училища, на сколько классовъ дѣлилось каждое, что изучалось въ отдѣльномъ классѣ, въ какомъ порядкѣ выполнялась программа, каковы были средства нравственнаго воздѣйствія братскихъ педагоговъ на учащихся,—свѣдѣній обо всѣмъ этомъ сохранилось, нельзя сказать, чтобы вполнѣ достаточно. Въ дошедшихъ до насъ памятникахъ мы имѣемъ отображеніе далеко не всей школьной жизни, благодаря тому, что братства находили, что „обычай всея школы и порядки вси—много бы писати“. На основаніи же записаннаго картина школьной жизни представляется намъ въ слѣдующемъ видѣ.

Высшій надзоръ надъ всѣми братскими школами въ изслѣдуемый нами періодъ времени принадлежалъ, конечно, константинопольскимъ патріархамъ и кievскимъ митрополитамъ. Они оказывали покровитель-

¹⁾ Голубевъ, «Библіограф. замѣчанія... (Тр. Кіев. дух. акад., 1876, I, 143).

²⁾ Ф. Добрянскій, Описаніе рукописей виленской публичной бібліотеки, № 272.

ство школамъ и слѣдили за тѣмъ, чтобы школы оставались вѣрны духу православія.

Каждая отдѣльная школа находилась въ нравственной и матеріальной зависимости отъ устроившаго ее братства. Но такъ какъ отъ вмѣшательства въ ея жизнь всѣхъ и cadaго могло потерпѣть учебное дѣло, что и случилось въ десятихъ годахъ XVII ст. въ Львовѣ, то братства непосредственный надзоръ надъ училищами передали особымъ должностнымъ лицамъ изъ своей среды. „Мають быти приставлены отъ братій два челоуѣка искусные ради строенія школьного—говорится въ Порядкѣ 1588 г.,—да соглядяють науки, и дѣль дидаскаловыхъ благыхъ и лукавыхъ. еже бо сѣеть челоуѣкъ, то же и пожнетъ. И тымъ братіямъ маеть быти данъ реестръ подъ печатью братскою, въ который мають дидаскали вписовати дѣти данные до науки“ (§ 1). Эти „строители школьные“, наблюдая за исполненіемъ устава какъ учителями, такъ и учениками, время отъ времени напоминали родителямъ и хозяевамъ ученическихъ квартиръ, чтобы дѣти и дома поступали „ведле порядку науки школьной“. И если оказывалось въ ученикахъ что-нибудь противное „науцѣ“ и „людскости“, они подвергали взыскаіію виновныхъ—учителя или тѣхъ, кто препятствовалъ ученію и добрымъ правамъ, увольняя перваго и удаляя вторыхъ (§§ 18 и 20). Въ виленскомъ братствѣ „дозорцы школьные“ (они же и шпитальные) заботились также „о поживенію (о содержаніи) нищихъ убогихъ школьныхъ“. Въ случаяхъ, выходящихъ изъ ряда обыкновенныхъ, они привлекали къ совѣщанію и прочихъ четырехъ представителей братства—братій старшихъ и строителей церковныхъ. А затѣмъ школьныя нужды были предметомъ разсужденій на общихъ сходкахъ, на которыхъ братчики контролировали дѣйствія преподавательскаго состава и дозорцевъ школьныхъ ¹⁾).

Къ концу нашего періода надзоръ надъ нѣкоторыми братскими училищами перешелъ къ духовнымъ членамъ братствъ. Въ Вильнѣ начальство надъ нимъ стало принадлежать „старшему и ректору“ св.-духовскаго монастыря съ десятихъ годовъ XVII ст., въ Луцкѣ—съ 1624 г. Въ зависимости отъ этого находилось различіе въ обязанностяхъ ректора школы: тогда какъ въ Львовѣ онъ былъ вмѣстѣ и преподавателемъ, въ Луцкѣ онъ соотвѣтствовалъ львовскимъ „строителямъ школьнымъ“,—былъ обыкновенно только администраторомъ. Здѣсь онъ наблюдалъ за учителями, учениками и порядкомъ въ классахъ, производилъ мѣсячные экзамены, принималъ въ школу новичковъ и слѣдилъ за тѣмъ, чтобы ученики не держали у себя иновѣрческихъ и еретическихъ книгъ ²⁾). Наконецъ, ректоръ училища являлся—одинъ ли или вмѣстѣ съ „строителями“—представителемъ интересовъ его предъ гражданскими властями.

¹⁾ Артикулы виленскаго братства, §§ 6 и 9 (*Голубевъ*, Петръ Могила, прилож., 243 и 245). П. Теремія въ соборной грамотѣ отъ 17 мая 1591 г. называетъ наблюдателя надъ школой—*ѣфудіар:осъ*, «недѣльникъ» (*Dipl. stat.*, № 22; *id. A. Ю. и З. Р. II*, № 159). Но невидно, чтобы «дозорца» былъ только одинъ и чтобы его служба продолжалась такъ недолго: обыкновенно «старшіе» избирались на годъ.

²⁾ «Постановеніе порядное», П. К. К., I, 67. 63. Луцкій школьный уставъ, §§ 1. 2. 9.

Учителя избирались и нанимались братствами или въ полномъ ихъ составѣ или ихъ уполномоченными, т. е. тѣми же строителями, а въ нѣкоторыхъ городахъ—игуменами братскихъ монастырей. Такъ какъ дидаскалы должны быть примѣромъ для дѣтей во всѣхъ добрыхъ дѣлахъ, то требовалось, чтобы они удовлетворяли извѣстнымъ нравственнымъ условіямъ,—чтобы были людьми благочестивыми, разсудительными, смиренными, цѣломудренными, воздержными ¹⁾. Но, конечно, при этомъ обращалось вниманіе и на ихъ умственную правоспособность; виленское братство приняло Кирилла Транквилліона послѣ пробныхъ уроковъ. При наймѣ учителя братство заключало съ нимъ письменный или устный договоръ, содержаніе котораго составляли вопросы о срокѣ службы, о жалованьи, о предметахъ преподаванія. Иногда братчики давали новому учителю письменную инструкцію, соблюдать которую онъ обязывался собственноручной подписью. Такова инструкція Рукевичу, въ силу которой онъ долженъ былъ: 1) храниль трезвость; 2) присутствовать въ церкви на клиросѣ, особенно въ праздничные дни, а въ случаѣ невозможности—замѣнить себя кѣмъ-либо другимъ и объяснить старшему (papi prowizorowi szkolnemu) причину своей неявки; 3) установить дежурства по колокольні, наказывая непослушныхъ плетью, а болѣе возрастнымъ дѣлая выговоръ или донося дозорцѣ школьному; 4) въ школѣ поддерживать уваженіе къ себѣ и согласіе и любовь между учениками; 5) наблюдать, чтобы чередной во время богослуженія не пускалъ въ школу разныхъ подмастерьевъ (szewczykow, krawczykow); 6—8) присматривать хорошихъ пѣвчихъ и заботиться о церковномъ пѣніи; 10) наблюдать, чтобы ученики во время проповѣди въ церкви стояли противъ каеэды, и каждый урокъ начинать молитвой; 11) слѣдить, чтобы бѣдные ученики не ходили за сборомъ милостыни долѣе опредѣленнаго часа ночи. 9-й пунктъ этой инструкціи возлагалъ на Рукевича особую обязанность, не имѣвшую отношенія къ его прямому дѣлу, именно приготовленіе свѣчъ,—для членовъ братства, вѣроятно.

Отсюда видно, что братскіе учителя служили не только школѣ, не и церкви, организму для послѣдней пѣвческіе хоры и, очевидно, принимая непосредственное участіе въ церковномъ пѣніи и чтеніи. Это же подтверждается и довольно часто прилагавшимся къ нимъ названіемъ „дьякъ“ ²⁾, а также исторіей рогатинскаго бакаляра Θεодора, которымъ городскія власти въ Рогатинѣ остались недовольны за то, что онъ пѣлъ „не по нашему, а по литовски“; рискуя лишиться его, тамошнее братства просило львовянъ прислать человѣка, который бы „у церкви рядъ отправлялъ, ачеи бы нѣчто и по грецку учить могъ“ ³⁾. Насколько часто

¹⁾ Порядокъ школьный, §§ 1. 20. Инструкція учителю Рукевичу, § 1 (Dipl. stat., 111; id. Крыловскій, Акты, № 171). Уставъ вилен. братства, § 9 (Петръ Могила, прилож., стр. 245).

²⁾ Въ 1590 г. подъ именемъ „дьяка Стефана“ фигурируетъ львовскій учитель Стефанъ Зизаній (Monum. confr., I, № 146), а въ 1604 г.—учитель школы онуфрѣвскаго монастыря (Наукъ сборн., 1868 г., Акты, № 19). Дьяками называются школьные учителя въ Брестѣ въ 1590 г. (Арх. сб., XI, № 6), въ Минскѣ въ 1619 г. (Минскія грам., № 74), въ Луцкѣ въ 1626 г. (Рукоп. кн. Ае. Миславскаго, л. 59 об.).

³⁾ Monum. confr., I, №№ 180. 283.

происходило въ тѣ времена совмѣщеніе бакалярства съ дьячествомъ, показываетъ и отвѣтъ К. Саковича на упрекъ автора Ливоса, что онъ не знаетъ устава церковнаго, хотя былъ дьякомъ: „Нисколько не вредитъ доброй славы ни моей, ни другихъ то, что, будучи прежде бакалярами, или дьяками, послѣ становимся священниками и пресвитерами, ибо изъ хорошаго бакаляра выходитъ также добрый священникъ. А я былъ не только бакаляромъ, но старшимъ надъ бакалярами, т. е. ректоромъ въ вашихъ кievскихъ шкoлахъ“¹⁾...

Въ связи съ вопросомъ о сложныхъ обязанностяхъ нашихъ братскихъ ректоровъ и учителей стоитъ вопросъ объ обезпеченіи ихъ. „Строители шкoльные“ жалованья не получали: эта должность была почетной. Не получали его и ректора-игумены²⁾. Прочіе ректоры находились въ одномъ положеніи съ рядовыми дидасками, учительскіе труды которыхъ они раздѣляли. Братскіе учителя были наемными, „юркгелтовыми“ слугами братствъ и состояли на ихъ полномъ иждивеніи, получая отъ нихъ не только деньги, но и пищу, одежду и вообще все нужное для жизни³⁾. Точно также и въ меньшихъ шкoлахъ—приходскихъ и патронирuемыхъ братствами—учителя получали содержание натурою. Такъ, бакаляръ ельневской шкoлы, по фундушовому листу ея основателя, участвовалъ наряду съ членами причта во всѣхъ ихъ ружныхъ доходахъ, состоявшихъ изъ жита, ячменя, ваішчу (?), гречихи, гороху, солода, пшеницы, масла, сыровъ, соли; сверхъ того онъ получалъ 4 к. гр. на одежду (на suknie gasse)⁴⁾. Размѣры жалованья не были одинаковы въ различныхъ братствахъ и даже въ одномъ и томъ же подвергались колебаніямъ, въ зависимости отъ благосостоянія его; принимались также во вниманіе и количество и важность предметовъ, которые преподавали учителя. Такъ, львовское братство назначило въ 1604 г. своему новому ректору Іoанну Борецкому, который взялся преподавать древніе языки, 40 зл. въ годъ, а Сидоровичу, учителю славянскаго языка и регенту,—20 зл.⁵⁾ Преподаватель польскаго и латинскаго языковъ въ виленской шкoлѣ Чаплинскій сговоренъ былъ въ 1605 г. за 20 к. гр., т. е. приблизительно за 60 рублей, по нынѣшнему счету⁶⁾. Кромѣ жалованья братскіе учителя имѣли и другіе денежные доходы⁷⁾. Въ числѣ ихъ были проценты съ завѣщанныхъ благотворителями капиталовъ (напр., Сагайдачнымъ въ Львовѣ) и взносы за право ученія. Что

¹⁾ Арх. Ю.-З. Р., I, IX, 326, прим. (замѣчаніе Саковича).

²⁾ Впрочемъ, въ Луцкѣ игумень Митрофанъ, принявшій на себя и ректорство и проповѣдываніе въ храмѣ, получалъ отъ братства 100 зл. (Рукоп. кн. Аѳ. Миславскаго, л. 59).

³⁾ Письмо Ѳ. Скумина къ львовскому братству 22 окт. 1591 г. (Monum. congr., I, № 205). А. В. А. К., VIII, № 26.

⁴⁾ Рукоп. кн. Аѳ. Миславскаго, л. 113 об.

⁵⁾ Лѣтоп. Львов. брат., 91. Тр. Кіев. д. акад., 1837, II, 129. 130.

⁶⁾ А. В. А. К., VIII, № 26.

⁷⁾ На разнообразіе ихъ указываетъ луцкое братство, когда говоритъ: «доходы всѣ которые колвекъ на дьяка нашего при монастыре мешкающаго, якимъ колвекъ именовъ названые шли». (Рукоп. кн. Аѳ. Миславскаго, л. 59 об.).

последніе поступали въ ихъ именно пользу, указаніе на это мы видимъ въ „Порядкѣ школьномъ“. „И тымъ братіямъ (т. е. строителямъ школьнымъ), говорится здѣсь, маеть быти данъ реестръ подѣ печатью братскою, въ который мзюють дидаскалы вписовати дѣти данные до науки, и ведлугъ лѣтъ и науки дитинное маеть быти и заплата имъ, т. е. дидаскаломъ“¹⁾.

Плата за право ученія на первыхъ порахъ совсѣмъ не была опредѣлена. Въ первой редакціи „Порядка“ о ней нѣтъ и помину. Отношеніе братства львовскаго къ этому вопросу было самое свободное: оно предоставляло родителямъ платить по силѣ возможности. Еп. Гедeonъ писалъ 1 мая 1587 г., что Арсеній елассонскій учитъ убогихъ „за прости Богъ“, а богатыхъ— „за рожнымъ даткомъ“. Изъ другихъ современныхъ документовъ мы узнаемъ, что „нищіе“ и сироты совсѣмъ освобождались отъ взноса за право ученія, замѣняя плату молитвами за братство²⁾, а съ болѣе состоятельныхъ взималось по 6, 8, 10, 12 и даже 16 грошей за четверть года. Сумма взноса опредѣлялась, очевидно, степенью состоятельности родителей и тѣмъ классомъ, куда принимался ученикъ. Если отецъ приводилъ сразу двухъ сыновей, за одного платилъ обыкновенно 12 грошей, за другого вдвое менѣе. Иные обѣщали прибавить къ этому возъ дровъ на зиму. Заслуживаетъ вниманія еще одна запись въ „Реестрѣ школьномъ“: „Священникъ Сиховскій Іoаннъ Лазара сына своего далъ учити писати, абы умѣлъ скоропис и иныхъ братственныхъ наукъ, змовилъ до Великодне (до Пасхи) быти ему, за то маеть дати 30 грошей, (возъ дровъ), или што ласка его“. Повидимому, онъ хотѣлъ, чтобы его сына обучили въ нѣсколько мѣсяцевъ, почему и долженъ былъ уплатить больше другихъ, причемъ обѣщаль наградить учителей еще чѣмъ-нибудь. Такое рѣшеніе вопроса о платѣ осталось дѣйствующимъ въ львовскомъ братствѣ, повидимому, навсегда, такъ какъ оно было узаконено „Порядкомъ“ 1588 г., гдѣ сказано, что „заплата“ учителямъ имѣеть бытъ „ведлугъ лѣтъ и науки дитинное“, почему размѣръ ея опредѣлялся каждый разъ по соглашенію строителей школьныхъ съ родителями „хлопца“ (§ 1). Въ луцкомъ братствѣ въ этомъ вопросѣ руководились сначала „Порядкомъ“ 1586 г., а потомъ установили опредѣленный взносъ при поступленіи ученика—4 гроша, которые шли въ школьную кассу³⁾. Что касается, въ частности, братчиковъ, то хотя въ школьномъ реестрѣ и они значатся вносящими известную плату за своихъ дѣтей (напр., Ив. Красовскій, Ив. Рогатинець), но на ихъ волю было предоставлено, сколько давать. Въ протоколѣ львовскаго братства 1604 г. вписана такая статья: „Братія, которые сыны свои

¹⁾ Редакція 1588 г. § 1. Впоследствии въ Львовѣ эти взносы зачитывались учителю въ качествѣ жалованья (Тр. Кіев. дух. акад., 1887. II, 132. 133).

²⁾ Реестръ учениковъ, поступившихъ въ львовскую школу въ 1586—1590 гг. (Крыловскій, Акты, № 33). Въ инструкціи учителю Рукевичу мы читаемъ: «Niszczę po wieczornią koniecznie mają przed obrazem Panny Przechystey «za wsich molyszysia» co dzien odpiewуwać» (§ 6).

³⁾ Луцкій уставъ, § 2. Здѣсь не выяснены ни назначеніе школьной кружки, ни роль «пенитарха», который записывалъ «въ большой школьный реестръ» внесшихъ деньги.

даючи до школы учить языка грецкого и латинскаго схоти (по желанію) своей поступаючи кождый съ преужоженя своего отъ сына братству всему, с которыхъ то грошій маеть давати тую контентацію (вогнагражденіе) дидакалови вышмененную“ (т. е. жалованье Ивану Борецкому) ¹⁾. Въ другихъ школахъ, напр. виленской, могилевской, дѣти братчиковъ учились совершенно даромъ ²⁾.

Наши братскія школы были общесословными, и потому происхожденіе мальчика нисколько не вліяло на пріемъ его въ училище. Въ львовскую школу, какъ видно изъ ея „Реестра“, принимались дѣти „пановъ“, т. е. шляхты, священниковъ, діаконовъ, кузнецовъ, пекарей, маляровъ, кравцовъ, кушнеровъ и даже нищіе. И въ самой школѣ къ богатому относились такъ же, какъ и къ бѣдному: „богатыи над оубогимъ в школѣ нѣчимъ вышшии не мають быти, только самою наукою, плотію же равно вси, всѣ бо есми о Христѣ братія, Христа главы единою оуды, ни единъ же оудъ, око рупѣ и рука нозѣ рещи можетъ не требѣ ми еси“ („Порялокъ“, § 4). Точно такъ же пріемъ въ училище не обусловливался ни возрастомъ дѣтей, ни временемъ года. Хотя и есть данныя предполагати, что въ болѣе благоустроенныхъ школахъ учебный годъ начинался съ сентября и вообще осенью ³⁾, но на первыхъ порахъ и въ этомъ отношеніи господствовала полная свобода. Изъ львовскаго „Реестра“ мы узнаемъ, что сынъ пана Алексѣя былъ принятъ 16 ноября, сынъ священника Θεодора—3 декабря, сыновья Ивана Ковала Когута и Григ. Щуцкаго—4 февраля (1588 г.), около 10 человекъ—7 марта и четыре—10 марта, затѣмъ обозначены 10, 14 апрѣля, 8 и 20 мая, великій постъ, 2 и 4 недѣли по Пасхѣ..

Но существовали все же извѣстныя формальности, которыми обставлялся пріемъ въ школу. Мальчикъ непременно долженъ былъ приводиться отцомъ или матерью, а въ случаѣ круглаго сиротства—опекуномъ или человекомъ, извѣстнымъ братству. Такъ, мы читаемъ въ львовскомъ „Реестрѣ“, что „Сташковская, удова съ предмѣстья Галицкого, отдала Антонія, сироту“, что „Варвара Грицкова отдала, презъ пана Леска, сына своего Феѣдка“, что „панъ Стефанъ самъ презъ себе далъ хлопця Арсенія“... Требовалось также, чтобы отецъ, приводя сына, бралъ съ собой сосѣда или двухъ, въ присутствіи которыхъ и договаривался бы съ учителемъ и дозорцами школьными относительно того, чему должно обучать его и сколько за него платить. Предварительно онъ долженъ былъ познакомиться съ уставомъ училища, „абы вѣдалъ, яковымъ способомъ будутъ сына его учить (и што за то повиненъ), и яко бы мѣлъ ему въ томъ порядку непрешкажати, але помагати всякимъ способомъ дѣтину къ науцѣ, и послушенству дидакаловому приводячи, якъ

¹⁾ Тр. Кіев. дух. акад., 1887, II, 132. 133.

²⁾ А. В. А. К.. IX, № 53. А. З. Р., IV, № 119. „Дѣтей братии уписной и убогихъ сиротъ... накладомъ братскимъ дармо учить повинны“, говорится въ королевскихъ грамотахъ, утверждавшихъ братскіе уставы.

³⁾ 1 сентября начиналось ученіе въ могиланской коллегіи (Петръ Могіла, прилож., № 89). Каникулы братскихъ училищъ приходились приблизительно на мѣсяцы іюль и августъ (см. переписку львовскаго братства съ черемшылянами; *ibid.*, №№ 7—9).

правдивый отецъ, хотячи потѣху по працѣ (и накладѣ) благый плодъ видѣти, и маеть въ реестръ по обычаю вписатися“¹⁾. Съ этой же цѣлью въ луцкомъ уставѣ предлагается новопоступающему и самому присматриваться въ теченіе трехъ дней къ школьнымъ порядкамъ и къ учению, пользуясь въ случаѣ бѣдности даровымъ содержаніемъ, „жебы сквапливе (поспѣшно) почавши, прудко (скоро) не раскаялся, и предсявзягъ (намѣренія) не покинулъ“, и только послѣ этого предварительнаго знакомства съ школой онъ вносился въ число ея учениковъ (§§ 1. 2). Нѣкоторыми же формальностями сопровождалось и взятіе ученика изъ школы, если только при опредѣленіи не было сказано, что онъ отданъ на такой-то срокъ. Именно требовалось, чтобы отецъ или опекунъ бралъ мальчика изъ школы при тѣхъ же свидѣтеляхъ, при которыхъ и отдалъ его, чтобы не нанесено было обиды и поношенія учителю²⁾.

Въ нашихъ братскихъ школахъ первоначально не было дѣленія на классы. Ученики могли поступать въ теченіе круглаго года и начинали или съ азбуки или съ другого учебнаго предмета, смотря по своей подготовкѣ и развитію и по желанію родителей. Такъ, напр., „панъ Дубовичъ далъ сына псалтыру учить“, а свящ. Сиховскій требовалъ, чтобы его сына научили „писати, абы умѣлъ скоропис и иныхъ братственныхъ науъ“. Съ другой стороны, и самому ученику давалась иногда свобода выбора специальности. Луцкій уставъ позволилъ новопоступившему, если онъ не могъ быстро ориентироваться въ программѣ и опредѣлитель, къ какимъ наукамъ онъ способенъ, спросить „старшаго“, за что ему взяться: въ такомъ случаѣ уже послѣдній совѣтовалъ то или другое, сообразуясь съ лѣтами, наклонностями и способностями ученика (§ 4). Вслѣдствіе всего этого приходилось дѣлать учениковъ не болѣе или менѣе значительное число группъ. Въ „Порядкѣ школьномъ“ относительно этого сказано: „Въ школѣ мають быти дѣти роздѣлены на трое: едны которые ся будутъ оучити словъ познавати и складати, другіи которыи ся будутъ оучити читати и на память многихъ ся речий оучити, третіи ся будутъ оучити читаючи выкладати, розсуждати и розумѣти; рече бо Павелъ святыи: егда бѣхъ младенецъ, младенческая мудрствовахъ и смысляхъ, егда же достигохъ въ мужъ совершенъ, млека не потребую“ (§ 9). Но легко понять, что это дѣленіе относится только къ первоначальнымъ

¹⁾ «Порядокъ школьный», § 1. Слово, взятыя нами въ скобки, нѣтъ въ редакціи 1586 г. и въ луцкой.

²⁾ Кгда бы тыжъ кто хотѣлъ от дядьскала сына своего на потребу иную взяти, теды небезочне, а не презъ кого иного, толко самъ своею особю и при томъ же чловѣку единомъ. или двома, при которыхъ его отдалъ на науку взяти его маеть, абы ся тымъ оуближена недѣяло, оучню и ему самому за непорядное неступована, такъ тежъ и дядьскалови. от которого бы не отповѣдне оучня взялъ, гдыжъ тотъ порядокъ вси иные ремесницы мають, кгда при людехъ и порядне не толко сына, але и слугу до ремесника приказуютъ, и потомъ кгда ся чого научить, тымъ барзѣй занехати того нехотятъ. многихъ зобравши. статечность и терпеливость родичовъ и его залецають, отколя и мистрови великая потѣха кгда видить оучня не подлѣйшого, што далеко болше въ школахъ и людехъ христіанскихъ мѣти потреба; писано бо: всякъ дѣлаяй злая не приходитъ ко свѣту. творяя же истину, грядеть къ свѣту, да явятся дѣла его яко о Бозѣ сущъ содѣянна («Порядокъ школьный», § 19).

ученикамъ, изучавшимъ „славянскую науку“, и не указываетъ, сколько вообще группъ было въ школѣ. Но съ теченіемъ времени, когда могло быть урегулировано поступленіе учениковъ, было введено опредѣленное дѣленіе ихъ на классы. Въ виленской школѣ въ 1617—1619 гг. было пять классовъ; шли они, вѣроятно, въ такомъ порядкѣ: классъ русскаго языка, славянскаго и греческаго и три—„латинской науки“. Послѣдніе соотвѣтствовали, конечно, тремъ латинскимъ классамъ кievской школы—инфимѣ, грамматикѣ и синтаксимѣ. Въ такомъ случаѣ, дѣленіе „латинской науки“ на три „училища“, какъ названы классы въ извѣстномъ посланіи виленскаго братства къ львовянамъ 1619 г., являлось сколкомъ съ іезуитскихъ коллегій, въ которыхъ латинская грамматика преподавалась въ теченіе трехъ лѣтъ въ классахъ подобныхъ же названій.

Принятый въ учебное заведеніе мальчикъ долженъ былъ жить или у родителей или на квартирѣ у людей достойныхъ и извѣстныхъ школьному началству. Впрочемъ, для сиротъ, нищихъ и иностраннихъ учениковъ существовали при вѣкоторыхъ школахъ общежитія ¹⁾, гдѣ они содержались „коштомъ, старанемъ и працею“ братствъ, причемъ пѣвчіе, обязанные бывать ежедневно у богослуженія, получали отъ нихъ и жалованье ²⁾. Но братства не лишали своихъ интерновъ, а также экстерновъ возможности восполнять недостатокъ своего содержанія издавнимъ и всеобщимъ способомъ—путемъ выпрашиванія „живности“. Въ актахъ того времени очень часто можно натолкнуться на упоминаніе, что „павперове ³⁾ (той или другой) школы брацкое... водлугъ звычайо жebreючи (выпрашивая) себе поживенья и штуки (куска) хлѣба ходили спиваючи въ домахъ розныхъ“, и не только дѣти низшихъ сословій, но и шляхетскаго. Братства защищали даже это право своихъ воспитанниковъ отъ попытокъ католиковъ стѣснить его ⁴⁾. Они старались однако о томъ, чтобы упорядочено было пользованіе имъ посредствомъ опредѣленія времени для сбора подаваній. „Лѣтомъ бѣдныя ученики могутъ ходить съ пѣніемъ только до часу ночи, а послѣ часа калитка должна быть непременно заперта. Если кто придетъ позже часу—его нужно наказать, болѣе же возрастнаго отослать къ дозорцѣ школьному для внушенія (tego dać na delacie im. p. prowizorowi). Зимой же могутъ ходить до

¹⁾ Такія общежитія, какъ документально извѣстно, были въ Львовѣ, Могилевѣ. По отношенію къ Могилеву свидѣтельство такого рода заключается въ жалобѣ мѣстныхъ городскихъ властей на Іоанна Дубовича, намѣстника полоцкаго униатскаго архіепископа. Онъ, временно проживая въ спасскомъ монастырѣ, въ ночь на 22 сент. 1619 г. напалъ съ толпой вооруженныхъ людей на братскую школу, избилъ до полусмерти учителя Павла Попеля, изломалъ двери, окна и разогналъ «нищихъ, которые при той школѣ мѣшкаючи учились...» (Арх. униат. митроп., № 434).

²⁾ Арх. Ю.-З. Р., I, VI, № 239. Изъ этого документа видно также, что пѣвчіе опускали даже уроки ради того, чтобы присутствовать при богослуженіи.

³⁾ Отъ латинскаго pauper—бѣдный.

⁴⁾ Порядокъ школьный, § 5. Арх. Ю. З. Р., I, VI, № 305. Suppl., № 61. 62. Ср. Промѣненіе отъ «нищобѣдныхъ» львовскихъ школьниковъ въ «Просфонимѣ».

третьяго часа ночи, въ это время церковный дворъ обязательно долженъ быть запертъ“ (Инструкція Рузкевичу, § 11).

Въ основѣ братскаго образованія лежало желаніе воспитать изъ учениковъ убѣжденныхъ христіанъ. Это достигалось не только сообщеніемъ имъ истинъ христіанскаго вѣроученія и требованій христіанской нравственности, но и привитіемъ имъ нравственныхъ навыковъ и добродѣтелей. Много поводовъ для всего этого давало уже содержаніе уроковъ. Но помимо этого „Порядокъ школьный“ назначилъ особые дни для развитія въ ученикахъ нравственныхъ понятій и чувствъ—субботы и праздники. Въ эти дни ученики выслушивали, можно сказать, цѣлыя лекціи по нравственному богословію и научались волю Божіей изъ истолкованія дневныхъ апостола и евангелія. Чувство благоговѣйнаго страха по отношенію къ Богу и Его святымъ, послушаніе родителямъ и дидаскаламъ, покорность и уваженіе ко всѣмъ вообще, „встыдъ и цнота“ по отношенію къ себѣ—вотъ тѣ главные добродѣтели, которыя старалась развить въ молодомъ поколѣннн братская педагогія (§§ 14. 15). Однимъ изъ лучшихъ средствъ къ тому, а также проявленіемъ истинно-христіанскаго настроенія считалось ею неопустительное посѣщеніе въ праздники богослуженій—вечерни, утрени, литургіи и опять вечерни. Было также въ обычаѣ водить учениковъ въ церковь и въ будни по очереди, по списку. Кто могъ пѣть—пѣлъ, а всѣ вообще приглашались стоять въ церкви съ подобающимъ мѣсту благоговѣніемъ, внимательно слушая и молитвы и поученія, для чего ихъ ставили противъ кафедры проповѣдника. Такъ какъ Источникъ мудрости есть Христосъ, то братства въ цѣляхъ приближенія къ ней рекомендовали ученикамъ какъ можно чаще пріобщаться Его Тѣла и Крови,—болѣе рачительнымъ во всѣ Господскіе праздники и въ большіе посты, а менѣе набожнымъ и всѣмъ вообще, по крайней мѣрѣ, четыре раза въ годъ, въ посты великій, петровъ, успенскій и рождественскій, предварительно исповѣдавъ свои грѣхи ¹⁾). Наряду съ церковью ученики должны были показывать уваженіе и къ другимъ мѣстамъ, посвященнымъ Богу,—монастырямъ, кладбищамъ, школамъ, воздерживаясь въ нихъ отъ неприличныхъ поступковъ, словъ, шутокъ. Свое почтеніе къ духовнымъ и свѣтскимъ людямъ они должны были выражать поклонами при встрѣчахъ и сниманіемъ шапокъ. Съ другой стороны, имъ надлежало избѣгать мѣстъ непристойныхъ, всякихъ неприличныхъ собраній и пирушекъ и лицъ, наклонныхъ къ нимъ.

Классная дисциплина братскихъ училищъ слагалась изъ слѣдующихъ правилъ. Всѣ ученики—и пансіонеры и приходящіе—собираются на уроки къ 9-ти часамъ утра; зимой, въ „дни меншіе“, время для начала занятій назначаетъ учитель. Дидакаль тщательно наблюдаетъ, всѣ ли явились; если кого нѣтъ налицо, онъ посылаетъ за нимъ дежурнаго, который разузнаетъ причину неявки (сонъ, лѣнь, игры по дорогѣ) и приводитъ его въ школу, „бо писано: иныхъ страхомъ и нуждею спасай“ (Порядокъ школьный, §§ 6. 7). Неявка въ училище или опозданіе ведетъ за собой строгое наказаніе, а въ случаѣ двукратнаго повторенія—исключеніе. Можно не пойти въ классъ только по особенно важ-

¹⁾ Луцкій уставъ. §§ 11 и 12. Инстр. Рузкевичу, § 10.

нымъ причинамъ, и то съ позволенія учителя (§ 17; лудкій уставъ, § 7). Ученики должны приходять въ школу только съ учебными принадлежностями, безъ всякаго оружія и ремесленныхъ инструментовъ, чтобы послѣдніе не препятствовали прямымъ занятіямъ—обученію наукамъ и добродѣтелямъ (Лудкій уставъ, § 9). Садятся ученики въ классъ на опредѣленные мѣста и начинаютъ уроки молитвой („Премудрости наставниче“...) и „обычнымъ предсловіемъ“ (Порядокъ, §§ 3. 8. Инструкція Рузкевичу, § 10). Въ классъ они должны отсидѣть положенное время; выйти съ урока можно только съ разрѣшенія учителя (Лудкій уставъ, § 7). Во время уроковъ должно сидѣть тихо, не переходя съ мѣста на мѣсто, не пересмѣиваясь и не перешептываясь, а слушая внимательно то, что говоритъ учитель, и стараясь запомнить не только мысли, но и слова его (Лудкій уставъ, § 5). Но не только въ классъ учитель имѣетъ власть и значеніе,—ими онъ пользуется и внѣ его. Безъ вѣдома и разрѣшенія учителя ученики не должны производить никакихъ сдѣловъ—продажи, покупки, заклада; во всемъ должны совѣтоваться съ нимъ.

Вообще отношенія учениковъ къ учителямъ и къ старшимъ школьнымъ по лудкому уставу должны характеризоваться совершеннымъ, почти безусловнымъ повиновеніемъ. Но оно было не слѣпымъ и вынужденнымъ, а добровольнымъ и сознательнымъ. Ученикамъ предлагалось помнить, въ первыхъ, что дидакалы учатъ ихъ только полезному и приличному, и во вторыхъ, что послушаніе необходимо вездѣ, даже при обученіи ремесламъ (§§ 3. 6. 7). Съ другой стороны, и учителя должны были поддерживать свой авторитетъ и уваженіе къ себѣ одинаково благожелательнымъ отношеніемъ ко всѣмъ, „уча и любя вси заровно, якъ сыновъ богатыхъ, такъ и сиротъ убогихъ, и которые ходять по улицамъ живности просячи, якъ который водлугъ силы научитися можетъ“ (Порядокъ школьный, § 5).

Во взаимныхъ своихъ отношеніяхъ ученики должны были поддерживать миръ, согласіе и любовь, живя честно (honorificie; Инстр. Рузкевичу, § 4). Впрочемъ, безусловнаго равенства между ними не было: хотя учителю предлагалось учить ихъ всѣхъ „заровно... не пилней единого нѣжли другаго“, но различіе природныхъ дарованій выдѣляло нѣкоторыхъ изъ среды прочихъ, а Порядокъ велѣлъ отмѣчать этихъ лучшихъ по успѣхамъ сажаніемъ на переднія мѣста: „котрый болше умѣеть, сидѣти будетъ выше, бы и барзо вищъ былъ (хотя бы былъ очень бѣденъ), котрый меньше умѣти будетъ—на подлѣйшемъ (низшемъ) мѣску сидѣти маеть“ (§§ 3 5). Но кромѣ внѣшняго отличія у лучшихъ учениковъ было и внутреннее, болѣе существенное, именно они дѣлались помощниками учителей и тѣмъ становились въ особыя отношенія къ своимъ менѣе успѣвавшимъ товарищамъ. Уже въ программѣ архіепа Арсенія было упомянуто о „протосколахъ“ (*протобѣхолои*), которые должны были излагать и объяснять въ классѣ предъ младшими то, что слышали сами отъ учителя ¹⁾. Львовское братство, дѣйствительно, ввело

---

¹⁾ „Я обявуясь учить учениковъ безъ перерыва въ теченіе двухъ часовъ съ такою скоростью, съ какою они могутъ воспринять науку. Послѣ того ихъ будутъ учить протосколы, показывая имъ въ такомъ порядкѣ, въ какомъ узнали отъ меня, вплоть до

въ свою педагогическую систему этихъ помощниковъ учителей, тѣмъ болѣе, что они существовали въ Польшѣ и во всей Европѣ и могли оказать большую пользу школѣ при малочисленности преподавательскаго персонала. Въ инструкціи учителю Рувкевичу мы находимъ ясно выраженное требованіе, „чтобы каждый студентъ или взрослый ученикъ помогалъ бѣдному товарищу своему въ награду за услуги съ его стороны (aby student každy albo wyrostek paupierowi swemu naukę dawał w nagrode usługi iego“; § 4). Отсюда уже открывается, что болѣе возрастные ученики (предполагается, что они были и лучшими) за свой трудъ пользовались нѣкоторыми услугами со стороны младшихъ и слабѣйшихъ товарищей.

Протосколы могли быть полезны не только въ дидактическомъ, но и въ воспитательномъ отношеніи. Въ болѣе значительныя школы отдавались дѣти не только мѣстныхъ гражданъ, но и уроженцы сосѣднихъ городовъ и сель, а также сироты. Жили ли они при школѣ или монастырѣ, или на „господѣ“, т. е. въ частныхъ квартирахъ, необходимъ былъ надъ ними извѣстный надзоръ. Сами учителя при сложности своихъ занятій не всегда могли слѣдить за жизнью и поведеніемъ воспитанниковъ, „старшіе“ же школьные не были облечены инспекторскими полномочіями. Являлась необходимость поручить дѣтей старшимъ и болѣе надежнымъ товарищамъ ихъ, и такимъ образомъ протосколы стали „педагогами“. Упомянутое о послѣднихъ встрѣчается очень рано. Въ жалобѣ львовскихъ братчиковъ и онуфріевского игумена на еп. Гедсона Балабана отъ 2 іюля 1590 г. говорится, что слуги послѣдняго навану-нѣ, при заходѣ солнца, „схватили бѣдныхъ сиротъ—школьныхъ педагоговъ (sieroth ubogich szkolnych pedagogow), которымъ даны были въ опеку малыя бѣдныя дѣтки (учащіяся) въ томъ нашемъ монастырѣ для воспитанія (wychowywacz) ихъ согласно съ порядками нашей братской школы, и разогнали малыя дѣтокъ—сиротъ“... Въ числѣ захваченныхъ „педагоговъ“ упоминаются Сава и Ермолай, а въ числѣ „хлопцевъ“ — 12-тилѣтній сынъ Θεодора Грека, рогатинскаго мѣщанина, отданный въ львовскую школу ¹⁾. Но вмѣстѣ съ этими школьными, такъ сказать, педагогами, которые были чѣмъ то въ родѣ классныхъ наставниковъ, мы видимъ и домашнихъ. Подобно тому, какъ у іезуитовъ лучшіе студенты нанимались въ дома болѣе состоятельныхъ лицъ, чтобы слѣдить за успѣхами и поведеніемъ ихъ дѣтей, — и у насъ нѣкоторые болѣе возрастные ученики, продолжая сами учиться, поступали къ знатнымъ и богатымъ людямъ на такого же рода службу: они помогали ихъ дѣтямъ готовить уроки, отводили ихъ въ школу и приводили назадъ, дѣлаясь въ бувальномъ смыслѣ педагогами, т. е. дѣтководителями. Такими были въ Вильнѣ Фирсъ Ольшевскій, педагогъ сына кн.

девятого часа, съ опасеніемъ и осторожностью (μέτξ φόβου καί εὐλάβειας). И въ нимѣ дѣти обязаны имѣть страхъ немалый и почитительность. (Dipl. stat., № 5; id. Крыловскій, Акты, № 172).

¹⁾ Мопшт. confg., I, № 149. Таковъ же, вѣроятно, былъ виленскій педагогъ Тимошеѣ, 1598 г. (А. В. А. К., VIII, №№ 13—15).

Огинскаго (1598 г.), Мартинъ Войславскій, педагогъ малолѣтнихъ родственниковъ пана Яна Дубовича (1614 г.) ¹⁾.

Кромѣ педагоговъ въ братскихъ училищахъ имѣли еще нѣкоторое воспитательное значеніе дежурные по школѣ, которые являлись помощниками учителей и составляли служебный персоналъ школы. „Порядокъ школьный“ такъ опредѣляетъ ихъ число и обязанности: „Двоухъ или четырехъ хлопцовъ на каждый тыждень (недѣлю) инымъ порядкомъ (т. е., по очереди) мають на сохраненіе выставляти, зъ чого ся ни единъ вымовляти (отказываться) не можетъ, гды на него черга (очередь) придетъ. Дѣло ихъ будетъ ранѣй до школы прийти, школу помести, въ печи затопити, и оу дверей сидѣти, а которые выходятъ и входятъ, о всѣхъ вѣдати, и которые ся бы неучили, пустовали, или въ церкви нерадне стояли, или до дому идучи обычаине бы ся незаховали, написовати и оповедати ихъ мають; речено бо: блюдѣтес како да опасно ходите, не яво немудры, но яво премудры, искупующе время, яво дни лукави суть“ (§ 16). Инструкція Руккевичу указала дежурному (она говоритъ объ одномъ) еще одну функцію. Такъ какъ случалось, что въ школу во время богослуженія набирались массы городскихъ мальчишекъ, то ему вѣнено было въ обязанность запираеть ее и не пускать туда никого, кромѣ тѣхъ бѣдныхъ мальчиковъ, которые желали бы обогрѣться въ ней. Въ случаѣ же слишкомъ настойчивыхъ попытокъ со стороны подмастерьевъ проникнуть въ школу, дежурному слѣдовало бѣжать въ церковь и извѣстить объ этомъ старшаго школьнаго или кого нибудь изъ братчиковъ (§ 5). Наконецъ, вѣроятно съ еженедѣльными дежурствами по школѣ совпадали дежурства по колокольнѣ, — по очереди же ученики отправлялись по сигналу звонить къ богослуженію не только въ праздники, но и въ будни (*ibid.*, § 3).

Братская педагогія не чужда была и дисциплинарныхъ мѣръ и взысканій въ духѣ того времени. Тѣлесныя наказанія существовали тогда во всѣхъ почти западно-европейскихъ училищахъ, пользовались ими польскіе педагоги, не чуждалась ихъ и византійская школа, наслѣдовавшая завѣтъ премудраго сына Сирахова: „любяй сына своего, участитъ ему раны“ (XXX, 1). Возрѣнія грековъ того времени на воспитательное значеніе ихъ выразились весьма ясно въ началѣ одной изъ главъ Стослова Геннадіева: „боится ученикъ учителява жезла паче самого учителя“, а также въ замѣчаніи Максима Грека, что изученіе грамматики совершается у добраго учителя долго и со многимъ трудомъ и біеніемъ ²⁾. Не отвергъ ихъ и п. Кириллъ Лукарисъ, имѣвшій ближайшее отношеніе къ братскимъ училищамъ. Онъ именно совѣтовалъ львовявамъ не препятствовать дидаскалу „бить и карать“ ихъ дѣтей ³⁾. Въ виду всего этого можно утверждать, что въ этомъ отношеніи брат-

---

¹⁾ А. В. А. К., VIII, № 13. 14. Арх. ун. митр., № 371.

²⁾ *Востоковъ*, Описаніе рукописей Румянцевскаго музея, № 186 и 262 (стр. 233 и 370).

³⁾ Петръ Могила, прилож., стр. 201.

ская система взысканій была не мягче пресловутой домостроевой ¹⁾. И, дѣйствительно, Порядокъ школьный внушаетъ учителю „не боронити памятного по чаши школьной; писано бо есть: любяй сына прилежнѣе наказуетъ, а нелюбяй шадить жезла; и паки: отрочатю безуміе на сердци привязано, жезломъ же изженеши е“ (§ 14). Подобнаго рода педагогическіе совѣты, извлеченные изъ Сираховой книги, заключаются и въ грамматику 1621 г. Но на практикѣ библейскій жезль замѣнялся розгами и плетью или ремнемъ (*korburz, korbacz*) ²⁾. Нужно замѣтить однако, что братскіе педагоги старались ограничить не только злоупотребленіе этимъ наказаніемъ, но и примѣненіе его. Дидаскаль, говорится въ „Порядкѣ школьномъ“, долженъ наказывать дѣтей за непослушаніе, чтобы небрежностью не погубить порученную ему душу, „но не тирански, а учительски, не выше, но по силѣ, не распустне, но покорне и смиренне, не толико мирски, но и выше мирскихъ“ (§ 2) ³⁾. Съ другой стороны, они совсѣмъ освободили отъ тѣлеснаго наказанія старшихъ учениковъ: въ то время, какъ учитель Рукевичъ могъ бить плетью младшихъ, болѣе возрастнымъ за ту же вину онъ дѣлалъ только выговоръ или доносилъ о ней дозорцѣ школьному (§§ 3. 11). Высшей и послѣдней мѣрой наказанія было удаленіе провинившагося изъ училища. Она примѣнялась въ случаяхъ упорнаго непосѣщенія уроковъ и обна-

¹⁾ Домострой, гл. 19 и 21 (Чт. въ моск. общ. ист. и др. рос., 1881, II, Матеріалы, 58. 60).

²⁾ Инструкція Рукевичу, § 3. Издатели виленской грамматики 1621 г. поступили не очень тактично, помѣстивъ на заглавномъ листѣ картинку, изображающую сѣченіе ученика... Картинка эта интересна и въ томъ отношеніи, что даетъ нѣкоторое представленіе объ обстановкѣ класса. За столомъ (не за партой) сидятъ четыре «младенца»; предъ ними лежатъ книжки, стоитъ чернильница съ гусинымъ перомъ. Всѣ они съ ужасомъ смотрятъ на разага учителя, который, держа въ лѣвой рукѣ пучъ розогъ, возится съ барахтающимся въ его ногахъ мальчуганомъ, изъ глазъ котораго большими ручьями текутъ слезы (Подобная картинка приложена и къ азбукѣ Бурцева 1634 г.) Впрочемъ, виленскіе братчики подражали въ данномъ случаѣ старому европейскому обычаю (*Mecherzynski, Historia języka łacińskiego w Polsce, 10*).

³⁾ Исслѣдователи школьнаго дѣла въ древней Руси расходятся въ пониманіи этого выраженія. Г. Владимірскій—Будановъ толкуетъ это мѣсто такъ, что виновный наказывается «не по формальному соответствію проступка съ наказаніемъ, а по нравственной мѣркѣ» (Ж. М. Н. Пр., 1873 г., окт., 200). Проф Леонтовичъ справедливо выражаетъ, что при этомъ пониманіи не соблюдается двойственность въ родѣ наказанія, выражающая въ словахъ: «не только... но и». Подъ наказаніемъ «по мірски» онъ разумѣетъ наказаніе по общему, государственному закону; по его мнѣнію, учителю должно руководиться не только общими законами о проступкахъ и наказаніяхъ, но и своею личною оцѣнкой виновности ученика (Школьный вопросъ въ древней Россіи, Варш. ун. изв., 1894, V, 41, 42 и прим. 1). Но если мы примемъ во вниманіе, что наши западно-русскія братства и ихъ школы пользовались самоуправленіемъ и неподсудностью общимъ установленіямъ и судамъ, то для толкованія г. Леонтовича не остается мѣста, тѣмъ болѣе, что рѣчь идетъ о наказаніяхъ не за какіе либо уголовные проступки, а за непослушаніе. Мы полагаемъ, что наказаніе мірски—тѣлесное наказаніе, которому противопоставляются мѣры духовнаго наказанія—увѣщанія, выговоры и т. п.

руженія въ ученикахъ такихъ пороковъ, какъ пьянство, блудъ, воровство, сребролюбіе, клеветничество, гордость (Порядокъ школьный, §§ 17. 20).

Наконецъ, для полноты картины внутренней жизни братскихъ школъ должно упомянуть о младшихъ или младенческихъ братствахъ и о школьныхъ спектакляхъ.

Во многихъ западнорусскихъ городахъ при главныхъ братствахъ были такъ называемыя младенческія братства. Они состояли изъ юношей, которые, подражая взрослымъ, соединялись въ общества, преслѣдовавшія тѣ же религіозно-нравственныя задачи, что и старшія братства. Послѣднія давали имъ свой уставъ и руководителей. Первое такое братство—замостское упоминается въ 1606 г., когда оно вмѣстѣ съ старшимъ, получило благословеніе отъ еп. Гедсона Балабана ¹⁾. Но уже въ 1620 г. п. Теофанъ, давая грамоту кievскимъ братствамъ—старшему и младшему, о послѣднемъ выразился, что оно благословляется „по образу православныхъ благочестивыхъ братствъ въ многѣхъ градовѣхъ“ ²⁾. Общій характеръ такихъ братствъ ясно выраженъ въ посланіи м. Исаія Копинскаго къ лучшему младенческому братству 1632 г. Митрополитъ хвалитъ его членовъ, что они, будучи отроками возрастомъ, „мужеская мудрствовать предначинають, еже въ благочиніи цѣломудрено церковному возслѣдовати наказанію“, и укрѣпляетъ ихъ въ стремленіи къ нравственному совершенству. М. Исаія повелѣваетъ, чтобы ихъ собранія не бывали безъ поученія и наставленія книжнаго, во избѣжаніе смѣха и празднословія, и внушаетъ заботиться объ училищѣ и дѣлахъ милосердія ³⁾. Но хотя ни въ одномъ документѣ не говорится, что эти братства образовались внутри школъ и состояли изъ воспитанниковъ послѣднихъ,—возрастъ ихъ членовъ позволяетъ думать, что и ученики входили въ ихъ составъ. Старѣйшія братства и руководители училищъ могли допустить это, такъ какъ участіе въ нихъ учениковъ должно было сильно способствовать нравственному преуспѣянію ихъ, подобно тому, какъ это было и въ іезуитскихъ коллегіяхъ. А въ виленской школѣ мы видимъ нѣчто въ родѣ настоящаго студенческаго братства. Это—„студенческая конгрегація свв. Константина и Елены“, о которой упоминается въ „Ешо залу“ (1635).

Еще яснѣ можно усматривать вліяніе инославныхъ школъ во введеніи въ наши училища діалоговъ и спектаклей, которые могли имѣть значеніе и педагогическое и дидактическое. Что, дѣйствительно, они у насъ имѣли мѣсто, на это указываютъ какъ сообщеніе г. Франка о найденныхъ имъ и относящихся, повидимому, къ изслѣдуемому нами періоду времени „двухъ религіозныхъ драмахъ, двухъ школьныхъ діалоговъ“, такъ и свидѣтельство Іоанна Вышенскаго, представляющее, по словамъ д-ра

¹⁾ Киев. стар., 1862, II, 156. Ср. 158. 159.

²⁾ Голубевъ, Ист. Киев. акад., прилож., № 3.

³⁾ Н. К. К., I, № 12. Изъ другихъ младенческихъ братствъ намъ еще извѣстно могилевское, образовавшееся предъ 1625 г., какъ видно изъ посвященія ему Ѳомой Іезевичемъ своего «Лабиринта» (Чтенія въ истор. обществѣ Нестора лѣтоп., V, Матеріалы, 226, прим.).

Франка, „драгоцѣнное въ историко-литературномъ отношеніи извѣстіе о значительномъ распространеніи и любви въ драматическому искусству въ тогдашнихъ школахъ православныхъ“. Именно Вышенскій, констатируя тотъ фактъ, что при принятой львовскимъ братствомъ системѣ воспитанія пропадаетъ въ русскомъ народѣ церковность, такъ какъ „досягнувшіе стиха якого басней аристотельскихъ... псалтыри читати ся соромѣютъ и прочее правило церковное ни за что не вмѣняютъ“, замѣчаетъ: „А тежъ не вижу иныхъ, толко простую наукою нашего благочестія воспитавшіеся, тые и подвигъ церковный носятъ и отправуютъ; а латинскихъ басней ученицы, зовемыя казнодѣи, трудитися въ церкви не хочють, *толко комедіи строятъ и играютъ*“¹⁾).

Заслуги братскихъ школъ.

Обслѣдованный нами періодъ исторіи братскихъ училищъ составляетъ первые полвѣка ихъ существованія,—время довольно значительное для того, чтобы можно было подвести нѣкоторые итоги ихъ дѣятельности.

По сравненію съ католическими и протестантскими училищами, наполненными сотнями учащихся, блиставшими учеными титулами профессоровъ и выходившихъ изъ нихъ студентовъ, славившимися ихъ учеными трудами, публичными диспутами, пышными празднествами и спектаклями, разыгрывавшимися въ ихъ стѣнахъ,—наши школы были болѣе чѣмъ скромны. Ученыхъ званій онѣ не давали, и образование, въ нихъ получавшееся, было настолько недостаточно, что за учителями братства обращались къ протестантамъ, прося милостыни, по выраженію Сильвестра Коссова, по разнымъ Ингольштадтамъ и Ольмюцамъ²⁾. Даже около 1620 г. православные не могли похвалиться избыткомъ хорошихъ учителей и ученыхъ богослововъ, что Захарія Копытенскій не находилъ и удивительнымъ. „Въ многомъ Израилю, писалъ онъ, одинъ Моисей, еденъ Веселеиль, одинъ Давидъ, одинъ и Соломонъ. Силныхъ немного, якъ Сампсонъ, Давидъ и Ависай. Одинъ межи діаконы мудрый и мужной архидіаконъ Стефанъ. Якъ камень дорогій рѣдко находится, такъ и правая мудрость и правая еологія не лако (не легко) ся въ многихъ находити можетъ“³⁾. Не удивляемся и мы, но по другимъ основаніямъ. Мы имѣемъ въ виду тѣ неблагопріятныя вѣшнія условія, въ какихъ находилось большинство нашихъ школъ, и то, что онѣ и не стремились къ дальнѣйшей разработкѣ науки и къ тому, чтобы давать своимъ питомцамъ высшее образование. Цѣлью ихъ было—укрѣпить массы народа въ православіи, и этого онѣ достигали

¹⁾ Арх. Ю.-З. Р., I, VII, 28. 29. Франко, Иван Вышенскій, Передне слово, IV, и 313.

²⁾ Голубевъ, Ист. Кіев. акад., прилож., 83.

³⁾ П. П. Л., I, 912. 913.

съ успѣхомъ. Если вообще нашимъ братствамъ принадлежитъ та заслуга, что они парализовали успѣхи униі и латинства въ западной Россіи ¹⁾, то огромная часть этой заслуги падаетъ на долю школъ, которыя и процвѣли то на почвѣ противодѣйствія униі ²⁾. Братскія училища достигали этого не только преподаваніемъ, но и развитіемъ проповѣдничества и богословско-полемической литературы, произведенія которой нерѣдко и читались и истолковывались въ классахъ вслухъ всего народа. Въ виду послѣдняго нельзя суживать кругъ благотворнаго вліянія нашихъ школъ только тѣми лицами, которыя въ нихъ учились. Сама школьная наука не была удѣломъ только молодого поколѣнія: она была достояніемъ и взрослыхъ людей, умственные потребности которыхъ имѣли въ виду составители „Порядка школьнаго“. Здѣсь именно проведено требованіе, чтобы ученики предъ уходомъ изъ школы домой вытвердили урокъ, „абы оу вечер изъ школы пришедши до дому дѣти оумѣли предъ родичми своими или посторонни дѣти всякого стау живучи въ господѣ предъ господаремъ своимъ науку, што въ школѣ оучили, прочитати повинни зъ выкладомъ по обычаю науки школнои“ (§ 11). Конечно, можно и должно видѣть здѣсь желаніе, чтобы и родители и квартирные хозяева контролировали и содѣйствовали успѣхамъ учениковъ, чего у нихъ требуетъ и § 1; но если мы примемъ во вниманіе, что огромное большинство ихъ было не настолько образовано, чтобы могло судить, правильно или неправильно передаетъ ученикъ содержаніе урока, придется допустить, что здѣсь имѣлось въ виду познакомить съ учебными предметами и старшее поколѣніе. И это предположеніе станетъ еще болѣе естественнымъ, когда мы сопоставимъ съ даннымъ параграфомъ „Порядка“ 8-ую статью „Луцкихъ Артикуловъ“: „Вшколѣ штося колъ векъ мовити албо дѣяти будетъ, жаден заporог школный выносити немает“, — статью, на которой отразился переходъ луцкой школы въ руки монастырскаго духовенства и, быть можетъ, вліяніе іезуитской педагогики: ни іезуиты, ни иноки наши не могли такъ близко принимать въ сердцу умственные интересы всего народа, какъ мѣщане.

Но братскія школы достигли извѣстныхъ результатовъ не только въ силу того, что онѣ стояли очень близко къ жизни. Другая черта ихъ характера—общесловность, народность—содѣйствовала не въ меньшей степени какъ религиозно-нравственнымъ успѣхамъ школъ, такъ и національнымъ. Наши школы были общесловными и по происхожденію, такъ какъ устроены были не только „старанемъ и наглядомъ мѣщанъ“ городовъ, но и „милостынями всѣхъ православныхъ христіанъ, яко стау духовного, также особъ княжецкихъ, панскихъ, шляхецскихъ и всего посполитого народу, даже и до убогихъ вдовицъ“ ³⁾, и по составу учениковъ, среди которыхъ мы встрѣчаемъ представителей различныхъ классовъ, начиная съ князей (Огинскій въ Вильнѣ) и кончая

¹⁾ Эту заслугу признаетъ за братствами даже Ливовскій (Unia brzeska, 1897, 66).

²⁾ *Бялмыш-Каменскій*, Историческое извѣстіе о возникшей въ Польшѣ униі, 1805, 69.

³⁾ Пред. къ «Порядку школьному» редакціи львовской 1536 г. и луцкой.

„нищими“. Конечно, это не было специфической особенностью братскихъ школъ: такъ повелось у насъ со временъ Владимира св., когда „дѣти первостепеннаго боярина обучались точно такъ же и по тѣмъ же самымъ книгамъ, какъ и дѣти простолюдина“¹⁾. Съ другой стороны, тоже представляли и инославныя училища. Но въ то время, какъ въ іезуитскихъ коллегіяхъ больше заботились о дѣтяхъ знатныхъ, у насъ богатымъ не дѣлалось никакого предпочтенія... Вотъ это то имѣло огромное педагогическое значеніе. Та идея братства и равенства всѣхъ о Христѣ, которая лежала въ основѣ самихъ братствъ, проникала и школьныя отношенія, укрѣпляя юныя поколѣнія въ чувствѣ искренняго народничества и самаго законнаго демократизма²⁾. Объединяя представителей различныхъ сословій, она привлекала всѣхъ ихъ къ любви и служенію всему тому, что было народнымъ, русскимъ и, слѣдовательно, православнымъ.

Наши братскія школы, далѣе, имѣли значеніе не только національное и религіозное, но и культурно-общественное. Братчики видѣли, что гуманитарный и цивилизующій характеръ школы заключается не только въ связи ея съ церковью, но и въ самой наукѣ. Они воздвигали училища, „промышляючи о всякомъ недостатку законное науки, нерадивыхъ человѣкъ подвизающе, противныхъ же уста заграждающе, дабы отъ сяду злобѣ измѣнивше ся, благыхъ начало воспріяти и по всей братіи спасенію распространитися, измѣненіе бо злобы начатокъ есть во спасеніе, близъ бѣды спасеніе“³⁾. Братства стремились не только укрѣпить въ своихъ питомцахъ православныя убѣжденія, но и сообщить имъ знанія по тѣмъ предметамъ, которые могли быть полезны и для общаго ихъ развитія, „подеруя“ ихъ умы, и для служенія обществу и государству. Потому то они расширили свои программы свѣтскими, „латинскими науками“. Мало того. Они нашли, что и воспитательная часть не должна ограничиваться только сообщеніемъ ученикамъ христіанской морали и укрѣпленіемъ ихъ въ нравственныхъ навыкахъ, но что слѣдуетъ знакомить ихъ и съ кодексомъ свѣтскихъ приличій, которыя не всегда вѣдь такъ условны и неважны и знаніе которыхъ въ такомъ государствѣ, какъ Польша, было такъ необходимо, почему ввели и этотъ предметъ въ воспитательную систему, подъ именемъ „людскости“, „учтивости“⁴⁾.

Затѣмъ, наши братскія школы немало послужили и самой наукѣ. Наибольшую услугу онѣ оказали, конечно, догматическому богословію составленіемъ и изданіемъ катихизисовъ и догматико-полемическихъ сочиненій, въ которыхъ обслѣдованы главнымъ образомъ вопросы спорные между восточной церковью, съ одной стороны, и католической и протестантской — съ другой.

---

¹⁾ *Забѣлинъ*, Характеръ древняго народнаго образованія въ Россіи (Отч. зап., 1856, т. 105, Критика, стр. 9).

²⁾ Ср. *Сумиловъ Н.*, Характеристика южно-русской лит-ры XVII в. (Кіевъ, 1895), 11. 12

³⁾ Предисловіе къ львовскому уставу 1536 г. и лупкой его редакція.

⁴⁾ Въ виду этого должно ограничить утвержденіе проф. Леонтовича, что въ до—Петровскій періодъ всѣ русскія школы и въ томъ числѣ братскія имѣли только миссіонерское значеніе, а не культурное (Варш. унив. изв., 1894, V, 43. 44).

стантской — съ другой. Тѣ же сочиненія являются большимъ шагомъ впередъ и въ развитіи общей и русской церковной исторіи и историографіи, такъ какъ въ нихъ истина православія защищается не только отъ Свящ. Писанія и философски, но и путемъ историческихъ доказательствъ и письменныхъ памятниковъ. „Ектезисъ“, „Апокрисисъ“, „Перестрога“, „Өринось“, „Палинодія“ и другія западнорусскія полемическія сочиненія наполнены драгоцѣнными историческими свидѣтельствами и актами, многіе изъ которыхъ авторами этихъ сочиненій были впервые открыты и спасены отъ истребленія ихъ людьми и временемъ. Кромѣ богословія и исторіи, братскимъ школамъ нашего періода обязана и филологія славянская, для которой особенно много сдѣлали Л. Зизаній, М. Смотрицкій и П. Берында, первые изданіемъ грамматикъ, второй — словаря ¹⁾).

Если ко всему этому мы прибавимъ, что братская школа нашего періода принесла огромную пользу просвѣщенію народному, какъ расширеніемъ его программы и составленіемъ и изданіемъ учебниковъ, такъ и содѣйствіемъ умноженію училищъ во всѣхъ областяхъ зап. Россіи, и если уважемъ на вліяніе ея на приходскія училища восточной Руси, что удостоверяется сходствомъ великорусскихъ азбуконниковъ съ Порядкомъ школьнымъ ²⁾ и употребленіемъ въ Великороссіи западнорусскихъ школьныхъ книгъ, — то заслуги ея и значеніе въ исторіи русской культуры выступать въ еще болѣе яркомъ свѣтѣ.

Но все же главное значеніе ея состоитъ въ укрѣпленіи религиозныхъ устоевъ православныхъ западноруссовъ и въ противодѣйствіи уніи. Послѣдняя же потому и имѣла малый успѣхъ, что у нея не было своихъ училищъ, подобныхъ нашимъ. Къ уніатскимъ школамъ мы теперь и переходимъ.

---

¹⁾ *Сумцовъ*, о. с., 9. 10.

²⁾ Такъ, напр., §§ 3 и 4 «Порядка» требуютъ, чтобы учитель разсаживалъ учениковъ не по знатности и богатству, а по успѣхамъ въ наукахъ, и азбуконники гласятъ: «Маліи въ васъ и величии вси равни, Ученіи же ради вящихъ мѣстомъ да будутъ знатни». § 16 «Порядка» велитъ назначать дежурныхъ, которые бы и печи топили, и азбуконники повторяютъ: «школу кто нагрѣваетъ, той и все въ ней пристраиваетъ» (*Мордовцевъ Д.*, «О русскихъ школьныхъ книгахъ XVII в.». Чт. въ моск. общ. ист. и др. рос.- 1861, IV, 7. 12. Ср. *Миропольскій С.*, о. с., 101; 105).

ОТДѢЛЪ ІУ.
УНІАТСКІЯ ШКОЛЫ.

ГЛАВА XIII.

Уніатскія школы до уніи и въ періодъ уніи. Устройство ихъ.

Тѣ усиленныя заботы о развитіи просвѣщенія въ западнорусскомъ народѣ, какія проявили въ концѣ XVI ст. наши церковныя братства и отдѣльные ревнители православія, были ни въ силахъ совершенно предотвратить грозившія послѣднему опасности. Какъ ни велики были ихъ просвѣтительныя средства, они оказались значительно ниже и бѣднѣе тѣхъ, которыми владѣли враги православной церкви и, въ частности, латиняне.

Впрочемъ, не побѣда латинской науки, выразившаяся въ сближеніи съ ней православной науки и школы, доставила римской церкви то торжество, въ память котораго папа Климентъ VIII велѣлъ выбить медаль съ изображеніемъ колѣнопреклоненныхъ предъ нимъ русскихъ епископовъ. Не потому Ипатій Потѣй и Кирилль Терлецкій кланялись папѣ до земли и цѣловали его ноги, что видѣли въ немъ и его церкви свѣточъ истины и знанія, а въ латинской наукѣ—орудіе спасенія своего народа отъ бездны русско-греческаго невѣжества; ибо едва-ли могли судить о достоинствахъ католической науки люди, изъ которыхъ одинъ учился въ протестантскихъ школахъ, а другой не зналъ даже латинскаго языка. Оба они, какъ и ихъ довѣрители, дѣйствовали по другимъ, болѣе сильнымъ мотивамъ—отчасти общаго, отчасти личнаго характера. И если въ переговорахъ, предшествовавшихъ заключенію уніи, они не прошли молчаніемъ вопроса о просвѣщеніи и школахъ, то ради того только, чтобы нѣсколько скрыть другого рода побужденія: дальнѣйшая исторія ихъ отношеній къ нему рѣшительно доказываетъ это. Не станемъ касаться ни тѣхъ церковныхъ и политическихъ обстоятельствъ, которыя привели къ брестской уніи, ни того, какимъ образомъ она совершилась: объ этомъ читатель найдетъ много и въ спеціальныхъ монографіяхъ, посвященныхъ ей, и въ общихъ курсахъ церковной исторіи.

Исторія русских униатских школ старѣ самой уни. Папы и иезуиты давно поняли, что однимъ изъ лучшихъ средствъ къ пропагандѣ католическихъ идей среди различныхъ народностей, не менѣе сильнымъ, чѣмъ пріобрѣтеніе политическаго вліянія въ государствѣ, является школьное образование въ духѣ латинской церкви. Воспитывать въ послѣднемъ молодыхъ людей изъ извѣстной націи, чтобы затѣмъ отправлять ихъ на родину, какъ нѣкоторую закваску латинства, — казалось папамъ превосходнымъ лекарствомъ для возстановленія силъ римской церкви, потрясенной двукратнымъ отторженіемъ отъ нея „схизматиковъ“ — грековъ и „еретиковъ“ — протестантовъ. Эта-то идея нашла себѣ сильное сочувствіе въ папѣ Григоріи XIII, который преобразовалъ въ 1573—1574 гг. германскую коллегію, основанную въ Римѣ папой Юліемъ III, учредилъ въ 1577 году въ Римѣ же греческую коллегію, въ 1579 г. — англійскую, въ 1584 г. — маронитскую ¹⁾. Греческая коллегія и была первой, въ которой стали выработываться дѣятели русской церковной уни ²⁾.

Основывая ее 13 января 1577 года, Григорій XIII не скрывалъ истинной ея цѣли. Такъ какъ въ Греціи, говорилось въ буллѣ, даже духовныя лица по незнанію свящ. богословія и католическихъ догматовъ расположены къ уклоненію въ ереси и расколы, куда тянутъ и народъ, — то папа, изъ любви къ погибавшимъ и заботясь объ ихъ душевномъ спасеніи, и рѣшилъ открыть въ Римѣ коллегію, гдѣ бы дѣти и юноши греческіе изучали при помощи мужей испытанной вѣры и знаній, греческія письмена, свободныя науки и въ особенности — священное писаніе и церковныя обряды. Воспитаные здѣсь въ католическомъ духѣ, молодые греки, по намѣренію папы, должны были по возвращеніи на родину утверждать соотечественниковъ въ латинскомъ ученіи, принявъ-ли духовный или монашескій санъ, или оставаясь свѣтскими учителями. Наставленія въ монашеской дисциплинѣ по чину католической церкви, проповѣди и школы должны были служить орудіями въ ихъ спасительной дѣятельности. Открываемой коллегіи Григорій XIII далъ всѣ тѣ права и привиллегіи, какія принадлежали римскимъ главнымъ курсамъ (*Studium Generale*) ³⁾, — въ частности, право производить своихъ студентовъ въ ученые степени бакалавровъ, лиценціатовъ, докторовъ, магистровъ. Надзоръ за административно-педагогическою и экономическою частями папа возложилъ на четырехъ кардиналовъ — протекторовъ, освободивъ всѣхъ лицъ, прикосновенныхъ къ коллегіи, и принадлежащее ей имущество отъ подчиненности всякимъ другимъ властямъ и судамъ. На содержаніе ея папа назначилъ изъ казны своей и апо-

¹⁾ *Magnum bullarium romanum*, II, pp. 375. 386. 409. 422. 475.

²⁾ Для греческихъ юношей еще въ началѣ XVI ст. была заведена въ Римѣ у подножья квиринальскаго холма гимназія, устроенная Іоанномъ Ласкарисомъ по предложенію папы Льва X (*Bibliogr. Hellén.* v. XV et XVI, t. II, p. 54).

³⁾ Это была академія иезуитскаго ордена, въ которой кромѣ иезуитскихъ студентовъ слушали иногда науки и воспитанники національныхъ коллегій (*Архим. Никодимъ*, Римская пропаганда, ея исторія и нынѣшнее состояніе, СПб., 1889, стр. 29. 30).

стольской камеры 1200 скути (scuta) ежегодно и сверхъ того доходы (за вычетомъ 300 скути) въ теченіе 15 лѣтъ съ вакантной сельской (rurale) епископіи въ Киссамо на Критѣ. 28 марта означенная булла была явлена въ апостолической камерѣ¹⁾. Сначала коллегія помѣщалась въ наемной, повидимому, квартирѣ, затѣмъ для нея купленъ особый домъ, приспособленный къ потребностямъ училища въ 1581 г. Зданіе это было украшено греческими и латинскими надписями, свидѣтельствовавшими о щедрости папы и о назначеніи этой коллегіи, окрещенной именемъ св. Аѳанасія, александрійскаго архіепископа²⁾. Въ апрѣлѣ 1581 г. извѣстный Θεодосій Зигомала писалъ М. Крузію: „нынѣшній папа основалъ большое училище, собралъ мальчиковъ греческихъ, досталъ изъ Греціи же и учителей для нихъ. И теперь, какъ я узналъ изъ писемъ моихъ друзей, учителя и ученики, съ Божіей помощію, прилично занимаются“³⁾.

Высшая власть надъ аѳанасіевской коллегіей принадлежала папѣ, который самъ назначилъ для нея четырехъ протекторовъ изъ числа приближенныхъ кардиналовъ. Последніе избирали ректора коллегіи, которому и передали ближайшій надзоръ за всѣми сторонами жизни коллегіи и ея воспитанниковъ, оставивъ за собой право каждый разъ контролировать дѣятельность ректора. Такъ какъ аѳанасіевская коллегія была учреждена съ цѣлью приготовленія католическихъ миссіонеровъ для народовъ восточнаго православія, то въ ней религіозно-нравственному воспитанію было отведено столько же мѣста, сколько и наукѣ (если не больше). Таковъ характеръ учрежденія проявлялся во всей его жизни; имъ обуславливался самый пріемъ воспитанниковъ. Сюда принимались мальчики хорошихъ дарованій, добрыхъ нравовъ, послушные и не старше 14 лѣтъ, такъ какъ юноши старше этого возраста менѣ склонны къ повиновенію школьно-церковной дисциплинѣ. Исключенія допускались самимъ святѣйшимъ отцомъ для лицъ, имѣющихъ даже 18 лѣтъ, если они отличались усердіемъ къ религіи и по своей подготовленности обѣщали быть полезны церкви⁴⁾. Прежде окончательнаго пріема въ колле-

¹⁾ *Magnum bullarium romanum*, II, pp. 409. 410. Доходы съ киссамоской кафедры, по ходатайству протекторовъ коллегіи, навсегда остались за ней (*Петръ Аркудія*, *Collegii Graecorum de Urbe primordia*—Историческая записка о началѣ коллегіи, составленная въ 1624 г. *Bibliographie Hellénique* s. XVII, t. III, 483). Кроме того, коллегія были уступлены аббатство милетское и виноградники папы Юлія и на счетъ папы выстроены въ ней капелла св. Григорія Назіанзина и церковь въ память св. Аѳанасія (*ibid.*, 483. 484).

²⁾ *Leo Allatius*, *De ecclesiae occidentalis atque orientalis perpetua consensione libri tres* (1648), pp. 985. 986. *Bibliogr. Hellénique* s. XVII, t. III, 482.

³⁾ *Малышевскій*, *Мелетій Пигасть*, I, 232. По свидѣтельству Аркудія, въ аѳанасіевской коллегіи въ самомъ началѣ ея существованія (при н. Григоріи XIII и одномъ изъ первыхъ ея протекторовъ—Северино) обучалось свыше 60 человекъ; большая часть ихъ была съ греческихъ острововъ, принадлежавшихъ Венеціи (*Bibliographie Hellénique* s. XVII, t. III, p. 484. 485). Аллаций говоритъ о 65 учащихся (*ibid.*, 985).

⁴⁾ Въ послѣдствіи (1624 г.) для воспитанниковъ назначенъ былъ возрастъ отъ 12 до 16 лѣтъ; свыше 16-ти принимались съ разрѣшенія протектора и старше 18 лѣтъ—съ разрѣшенія папы (*Bullarium romanum*, XIII, 245).

гю юношамъ предлагалось овнакомиться съ ея уставомъ и даже жить въ ней нѣкорое время, чтобы они сознательно могли дать вѣдвенное обязательство подчиняться ея правиламъ и затѣмъ содѣйствовать осуществленію ея плановъ ¹⁾.

Религіозно-нравственное воспитаніе въ греческой коллегіи осуществлялось путемъ преподаванія Закона Божія (на латинскомъ или итальянскомъ языкѣ, а для незнающихъ ихъ—на греческомъ), изясненіемъ Катихизиса св. Кирилла іерусалимскаго, утренней, полуденной и вечерней—умной и словесной молитвой, соединенной съ испытаніемъ своей совѣсти, ежедневнымъ слушаніемъ обѣдни съ прислуживаніемъ при богослуженіи, а по воскресеньямъ — слушаніемъ слова Божія, ежемѣсячнымъ совершеніемъ мессы за основателя коллегіи, за ея протекторовъ - кардиналовъ и за Грецію, еженедѣльной исповѣдію и частымъ принятіемъ св. Таинъ, соблюденіемъ постовъ римской церкви и греческой, чтеніемъ душеспасительныхъ книгъ, упражненіемъ въ христіанскихъ добродѣтеляхъ ²⁾). Этой же цѣли имѣло служить участіе въ братствѣ св. Дѣвы, учрежденномъ при коллегіи 2 февр. 1592 г. ³⁾.

Самой главной изъ этихъ добродѣтелей считалось послушаніе и преданность церковной власти. Она укрѣплялась соблюденіемъ устава коллегіи во всѣхъ его подробностяхъ, „такъ какъ онъ данъ сіятельнѣйшими отцами—покровителями коллегіи не безъ внушенія Бога“, какъ средство къ ихъ преуспѣванію въ духовной жизни. Относясь съ полнымъ довѣріемъ къ своему ректору и наставникамъ, воспитанники безпрекословно должны исполнять всѣ ихъ требованія, видя въ самомъ повиновеніи удовольствіе. Воспитанники должны, затѣмъ, избѣгать всякихъ проявленій гордости, самовосхваленія, ропота, праздныхъ словъ, вѣтвпреступленія, богохудства... Пресупившій эти требованія строго наказывается ректоромъ; провинившійся трижды удаляется изъ коллегіи ⁴⁾.

¹⁾ Правила греческой коллегіи, оглашенныя 5 іюня 1583 г. (*Ordini per il Collegio Greco*)—*Bibliogr. Hellénique* s. XVII, t. III, 495. 496. Дополненія къ Правиламъ, изданныя въ октябрѣ 1584—*ibid.* pp. 507 et seqq. Форма присяги слѣдующая — для лицъ, готовящихся по окончаніи коллегіи принять священный санъ: „Я, такого то города или такой то епархіи, даю обѣщаніе принять духовный санъ по греческому обряду, одобренному св. Римскою церковію; никогда не буду заниматься гражданскимъ правомъ или медициной (*juris civilis aut medicinae studia nunquam professurum*); ни въ какомъ случаѣ не оставлю этой греческой коллегіи до полного окончанія курса ученія и безъ приказанія святѣйшихъ и достопочтеннѣйшихъ кардиналовъ—покровителей коллегіи; обѣщаюсь охотно исполнять то, что тѣмъ же достопочтеннымъ кардиналамъ покажется полезнымъ для спасенія душъ и выгоднымъ для коллегіи, даже ранѣе вышесказаннаго срока, и это предъ Богомъ и вами я обѣщаю и клянусь. Такъ да поможетъ мнѣ Богъ и сіе св. Его Евангеліе“ (*ibid.* p. 507). Означенная присяга дается по достиженіи мальчикомъ 12 лѣтъ (507), а по конституціи 1624 г.—16-ти лѣтъ (*Bullar. rom.*, XIII, № 98).

²⁾ Правила греч. коллегіи (*ibid.*, pp. 496—498. 506). Ср. *Bullar. rom.*, XIII, № 98.

³⁾ *Bibliogr. Hellén.* s. XVII, t. III, p. 515.

⁴⁾ *Ibid.*, pp. 498—499. Интересно правило о наказаніяхъ. Ректоръ долженъ имѣть при себѣ кошелекъ (бумажникъ) съ тремя отдѣленіями и носить въ нихъ билеты съ

Во взаимныхъ отношеніяхъ воспитанники должны проявлять полную любовь и доброжелательство и избѣгать грубости и доносовъ другъ на друга. Послѣднимъ дается мѣсто въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло касается нравственной пользы самого провинившагося и когда онъ не внялъ увѣщанію товарища. Впрочемъ, изданныя въ 1584 г. дополненія къ правиламъ коллегіи вводятъ въ дѣйствіе пѣлую систему шпионства и доносовъ. Они предписываютъ ректору „приложить всѣ старанія къ тому, чтобы имѣть между воспитанниками такого, который доводилъ бы до его свѣдѣнія все, что дѣлается“. Самъ ректоръ могъ посѣщать жилища комнаты воспитанниковъ даже безъ ихъ вѣдома. „Для этого онъ долженъ былъ имѣть ключи отъ всѣхъ комнатъ, чтобы имѣть возможность входить, когда ему угодно, и смотрѣть, какія книги, какія письма, какія рукописи и какія одежды имѣются въ шкафахъ“. Эти тайные осмотры ему предлагалось дѣлать какъ можно искуснѣе, чтобы не возбудить ни въ комъ изъ учениковъ подозрѣній.

Подъ надзоромъ ректора воспитанники находились постоянно—и днемъ, во время занятій и прогулокъ, и ночью, такъ какъ въ спальнѣ горѣла лампа. Каждый шагъ alumnosъ былъ подверженъ контролю. Безъ разрѣшенія ректора они не могли входить въ чужія комнаты, отправлять и получать писемъ, даже распорядиться своими деньгами и вещами, ни принимать постороннихъ лицъ (при бесѣдѣ воспитанника съ посѣтителемъ присутствовалъ самъ ректоръ или одинъ изъ воспитателей), ни выходить изъ зданія. Воспитанникъ, которому разрѣшенъ выходъ, сопровождается префектомъ или своимъ товарищемъ, которые слѣдятъ за его поведеніемъ. Ректоръ долженъ былъ наблюдать, чтобы между учениками не завязывались тѣсныя дружескія отношенія; запрещалось поэтому бывать вмѣстѣ двумъ ученикамъ и уединяться по угламъ: разговоръ долженъ быть общій ¹⁾.

Программа коллегіи состояла изъ слѣдующихъ предметовъ: закона Божія или краткаго катихизиса для начинающихъ, и для болѣе взрослыхъ—катихизиса Кирилла іерусалимскаго и римскаго катихизиса. Для изученія греческаго языка правилами рекомендовались Константинъ Ласкарисъ, Хризолоръ и другіе авторы, которые писали о греческомъ языкѣ. Для приобрѣтенія слога указывались Исократъ, Демосенъ, Софокль, Оукидидъ, свв. Василій вел. и Іоаннъ Златоустъ. Изгонялись писатели неправственные, въ родѣ Лукіана и Аристофана. Латинскій языкъ изучался по Гуарино и Сидицино, а въ старшихъ классахъ по Эммануилу (Альвару); изъ латинскихъ авторовъ читали Цицерона, Саллюстія, Цезаря, Вергилія, Горация и другихъ „хорошихъ“ писателей. По латыни обязаны были говорить всѣ воспитанники, кромѣ старшаго класса, и за исключеніемъ рекреационнаго времени. Діалектика и философія изучались по сочиненіямъ Аристотеля, Порфирія,Themistія, Фи-

---

обозначеніемъ наказаній за крупныя проступки, средніе и маловажныя и затѣмъ предлагать провинившемуся ученику самому вытащить изъ извѣстнаго отдѣленія билетъ... (р. 511).

¹⁾ Bibliogr. Hellén, s. XVII, t. III, pp. 500. 501. 503. 510. 511.

лопона и имъ подобныхъ; предлагалось читать ихъ по латыни, слѣдующему порядку, принятому въ итальянскихъ школахъ. Собственно богословское образование заканчивалось изученіемъ системы богословія (*Summa totius Theologiae*) Ѳомы Аквината, чтеніе котораго сопровождалось частыми ссылками на восточныхъ отцовъ—Іоанна Дамаскина, Діонисія Ареопагита, приводимыми обыкновенно на греческомъ языкѣ. Окончившимъ полный курсъ схоластики позволялось читать Афанасія вел., Григорія Назіанзина, Василія в, Златоуста, Кирилла, Максима и другихъ греческихъ отцовъ и дѣянія вселенскихъ соборовъ. Наклоннымъ къ монашеской жизни предлагались правила св. Василія (Аскетика), проповѣди Ефрема Сирина и т. п. Воспитанники коллегіи должны были постоянно упражняться въ диспутахъ, чтобы приобрести навыкъ въ защитѣ истинъ вѣры, и въ писательствѣ — съ тою же цѣлью. Воспитанниковъ коллегіи, утвердившихся въ истинѣхъ католической вѣры, знакомили съ полемической литературой, съ твореніями Марка Ефесскаго, Паламы, Максима Плануди, съ одной стороны, и съ другой — съ греческими трактатами кардинала Виссаріона, Іоанна Векка, протосингела Григорія, Георгія (Геннадія) Схоларія, Димитрія Сидонія, Георгія Трапезундскаго, св. Ѳомы, папы Льва IX и съ постановленіями вселенскихъ соборовъ католической церкви. Для упражненія въ духовномъ краснорѣчїи воспитанники по очереди читали въ столовой во время ѣды, вмѣсто обычнаго священнаго чтенія, проповѣди, — изучающіе грамматику — на греческомъ языкѣ, прочіе на своихъ родныхъ языкахъ. Въ рекреационные дни воспитанники изучали церковное пѣніе и обряды церковныя ¹⁾. Послѣ передачи афанасіевской коллегіи при папѣ Григоріи XV (1621—1623 г.) подѣ завѣдываніе общества Іисусова, она приблизилась къ строю жизни іезуитскихъ коллегій и къ программѣ послѣднихъ. Отъ курса іезуитскихъ коллегій программа афанасіевской стала отличаться, кажется, тѣмъ только, что въ ней особенное вниманіе удѣлялось греческому языку. По окончаніи риторики, гдѣ изучались оба классическіе языка, давался еще одинъ годъ для спеціальнаго изученія греческаго; въ послѣднемъ упражнялись и на высшихъ курсахъ путемъ лекцій, диспутовъ, писанія сочиненій. Точно также и греческому обряду дано теперь преимущество предѣ латинскимъ ²⁾.

¹⁾ Bibliogr. Hellén. s. XVII, t. III, 501. 502. 504. 505. 512. 513.

²⁾ Первоначально афанасіевская коллегіа была поручена монаху изъ августинскаго ордена, затѣмъ бѣлому священнику и опять монаху; съ 1591 по 1604 г. она находилась подѣ завѣдываніемъ ордена іезуитовъ; съ 1609 г. ея управляли доминикане (Bibliogr. Hellén. s. XVII, t. III, pp. 217, прим. 6; 440 486. 488. 490. 491). Вторично афанасіевская коллегіа была передана іезуитскому ордену при п. Григоріи протекторомъ ея кардиналомъ Барберини, составившимъ новую конституцію ея, утвержденную имъ же 23 ноября 1623 г. подѣ именемъ папы Урбана VIII (Bullarium romanum, XIII, № 98, pp. 245 et seq.; id. — Iuris pontificii de propaganda fide pars I-ma, vol. I, Urbanus VIII, № 6. Ed. *Martinis de Raphaëlis*). По новой конституціи ректора коллегіи назначалъ и смѣщалъ генералъ іезуитскаго ордена, какъ и служащихъ — іезуитовъ. Самыя важныя дѣла рѣшались собораніемъ всѣхъ протекторовъ коллегій и старшихъ (суперіоровъ) іезуитскаго ордена.

Сфера спасительнаго вліянія аеанасіевской коллегіи, по намѣренію Григорія XIII, не должна была ограничиться предѣлами греческой церкви, — она должна была захватить и русскихъ. 21 мая 1577 г. было послано папскому нунцію въ Польшѣ Лаурео статсъ-секретаремъ папы и отъ его имени предложеніе озаботиться „присканіемъ пяти или шести мальчиковъ изъ такъ называемыхъ польскихъ грековъ и русиновъ и столькихъ же изъ московскаго царства, которые были бы рождены отъ законнаго брака, воспитаны въ греческомъ обрядѣ, въ возрастѣ отъ 12 до 18 лѣтъ, съ хорошими наклонностями, съ понятливымъ умомъ и способностями къ наукамъ и которые при томъ имѣли бы родныхъ, или что нибудь такое, вслѣдствіе чего охотнѣе возвратились бы въ свои родныя мѣста; хорошо, если бы они были благороднаго званія и знали первые начатки наукъ“. Нунцій, послѣ всѣхъ усилій и переписки съ различными польскими епископами, могъ чрезъ годъ представить только трехъ человекъ, вмѣсто требуемыхъ 10—12. Первые двое, найденные жмудскимъ епископомъ, были родомъ изъ зап. Россіи, 17 и 12 лѣтъ. Послѣдній былъ „сынъ виленскаго консула, котораго считаютъ шляхтичемъ, который богатъ и настолькоъ преданъ своей русской религіи, что на свои средства приказываетъ печатать въ Вильнѣ русскія книги“... Оба мальчика порядочно говорили по латыни. Но такъ какъ изъ московскаго государства нельзя было достать требуемыхъ людей, ибо „русскіе были настолькоъ упрямы и суевѣрны въ своихъ заблужденіяхъ, что согласились бы скорѣе умереть, нежели послать въ Римъ своихъ дѣтей“, — то Лаурео пришлось, согласно съ совѣтомъ изъ Рима, гдѣ предвидѣли это обстоятельство, завербовать одного тринадцатилѣтняго мальчика, попавшагося въ плѣнъ при возвращеніи какой то ливонской крѣпости, хотя онъ не умѣлъ ни читать, ни писать. Въ іюлѣ 1578 г. нунцій послалъ всѣхъ троихъ въ Римъ съ Антоніемъ Поссевиномъ, возвращавшимся изъ Швеціи ¹⁾.

Такая неудача папской политики обусловливалась прежде всего и главнымъ образомъ отдаленностью Рима отъ западной Россіи, а во вторыхъ — русскіхъ затрудняло преподаваніе въ аеанасіевской коллегіи наукъ на греческомъ языкѣ, далеко не всѣмъ имъ знакомомъ. Въ виду этихъ обстоятельствъ Антоній Поссевинъ, который во время своего посольства къ Иоанну Грозному достаточно хорошо, казалось, изучилъ положеніе церковныхъ дѣлъ въ Россіи — западной и восточной, выступилъ съ другимъ проектомъ, изложеннымъ и обоснованнымъ въ его сочиненіи: „Com-

¹⁾ *Ф. Вержбовскій*, Отношенія Россіи и Польши въ 1574—1578 гг., по донесеніямъ папскаго нунція В. Лаурео (Ж. М. Н. Пр., 1882, августъ, стр. 238—241). Ср. *Pierling, La Russie et le Sainte-Siège*, t. I (Paris, 1896), p. 400. 401. Интересно, что Поссевинъ, въ бытность свою въ Москвѣ въ 1581 г., предлагалъ царю послать молодыхъ людей, которые умѣли бы читать и писать по русски, въ Римъ, гдѣ ихъ стануть учить вѣрѣ греческой вмѣстѣ съ приглашенными изъ Греціи. Грозный отвѣчалъ: «А чтобы послать въ Римъ людей учиться Римскому языку, и такихъ скорѣе избрать невозможно, которые бы къ такому дѣлу были годны; а какъ такіе люди обраны будутъ, и впродъ такихъ людей къ Папѣ пришлютъ» (Древн. Росс. Вивліюника, VI, 97, 101).

mentarius primus de rebus Moscoviticis ad religionem spectantibus“, написанномъ въ концѣ 1581 года въ с. Боръ, между Новгородомъ и Псковомъ. Признавая однимъ изъ дѣйствительнѣйшихъ средствъ къ распространенію католицизма въ Россіи учрежденіе семинаріи для русскихъ, которая могла бы доставить хорошихъ дѣлателей на нивѣ Христовой,— Поссевинъ находилъ, что открытіе ея въ Римѣ и особенно въ соединеніи съ греческой коллегіей было бы весьма полезнымъ. Но, добавляеть онъ, трудности дальняго пути и то высокомѣріе, которое можетъ возникнуть у этихъ уроженцевъ сѣвера отъ предположенія, что ихъ обязаны окружать извѣстными заботами, дѣлаеть не особенно удобной посылку въ Римъ русскихъ, тѣмъ болѣе, что если ктонибудь изъ нихъ и знаетъ латинскій или греческій языкъ, ему должно еще изучитъ итальянскій, что служить большимъ затрудненіемъ, какъ и случилось съ тѣмъ москвитяниномъ, котораго я привезъ три года тому назадъ. Въ Римъ можно было бы посылать очень немногихъ, избранныхъ, и то послѣ того, какъ они на родинѣ получаютъ солидное гуманитарное образованіе. Въ Вильнѣ, продолжалъ Поссевинъ, есть университетъ общества іезуитовъ, но русскихъ въ немъ не такъ много (populi) учится, и то безъ пользы для вѣры католической: бѣдные, которыхъ большинство, прилежнѣе изучаютъ тѣ науки, которыя кажутся имъ болѣе выгодными для веденія частныхъ дѣлъ, а болѣе богатые не склонны посвящать свои труды на дѣло Божіе. Что касается уроженцевъ Московіи, то князь никого еще не послалъ сюда для образованія, и нѣтъ надежды на то, особенно вслѣдствіе войны и постояннаго нерасположенія къ литовцамъ. Въ виду этого Поссевинъ совѣтовалъ открыть въ Вильнѣ или Полоцкѣ семинарію для русскихъ Польши и для тѣхъ москвитянъ, которые попались въ плѣнъ въ теченіе трехъ лѣтъ войны. Уроженцевъ Московіи можно было бы посылать въ папскія семинаріи въ Ольмюцъ или Прагу, гдѣ имъ нетрудно было бы учиться по причинѣ родства русскаго и чешскаго языковъ. Во время пребыванія ихъ тамъ слѣдовало бы, чтобы ихъ посѣщали опытные дѣлатели (operarii), которые снабжали бы ихъ письмами и книгами для пересылки воспитанниками къ своимъ. По окончаніи образованія эти люди могли бы уже работать на пользу церкви въ различныхъ мѣстахъ своего отечества ¹⁾. На необходимости учрежденія національной семинаріи въ предѣлахъ Россіи Поссевинъ настаивалъ и въ своемъ письмѣ къ папскому секретарю кардиналу ди-Комо, отъ 13 янв. 1582 г. ²⁾.

Въ Римѣ мысль Поссевина приняли сочувственно и тотчасъ же занялись ея осуществленіемъ. Уже 5 февр. 1582 г. была подписана папой Григоріемъ XIII булла объ открытіи въ Вильнѣ семинаріи для русскихъ. „Чѣмъ дальше отстоятъ члены Христа отъ своей главы, говоритъ здѣсь, тѣмъ сильнѣе должно согрѣвать ихъ жаромъ вѣры. Пе-

¹⁾ *Starczewski, Historiae ruthenicae scriptores exteri saeculi XVI, t. II, pp. 284. 285 (id Supplem., p. 35. 36).*

²⁾ *Supplem., № 30 (p. 72).*

чально положеніе страны русиновъ и москалей, заселенной схизмативами и турками, отдаленной отъ насъ и находящейся въ холодѣ и темнотѣ. Посему, а также зная объ усердіи въ вѣрѣ и въ воспитаніи общества іезуитовъ, благодаря которымъ тамъ уже укрѣпилась вѣра, мы, продолжаетъ папа, учреждаемъ въ Вильнѣ коллегію, которая должна называться семинаріей и въ которой русская и московская молодежь изучала бы самую чистую католическую вѣру, ученіе Христово и добрыя науки и успѣвала въ добрыхъ нравахъ, наподобіе другихъ семинарскихъ коллегій, открытыхъ нами въ Богеміи, Польшѣ, Германіи, Трансильваніи, и поручаемъ ее заботливости и управленію нынѣшняго ректора виленской іезуитской коллегіи—его самого или кого онъ назначить“. Ректору и аюмнамъ семинаріи папа усвоивалъ права и привилегіи другихъ подобныхъ заведеній, а на содержаніе ихъ ассигновалъ по 1200 скути золотомъ въ теченіе 15 лѣтъ ¹⁾. Извѣстіе объ этой милости доставило Поссевину большое удовольствіе и онъ послѣдшилъ подѣлиться имъ съ другимъ іезуитомъ, сообщивши ему въ апрѣлѣ въ письмѣ изъ-подъ Риги о назначеніи папой виленской русской коллегіи по 1200 коронатовъ ежегодно ²⁾. Въ тотъ же день и оттуда же король Стефанъ въ письмѣ къ п. Григорію выразилъ свою радость и надежду на то, что новая семинарія оважется весьма полезной для королевства, для Московіи и всей схизматической Руси ³⁾.

Litterae annuae сообщаютъ, что Поссевинъ до своего возвращенія въ Римъ, т. е. до сентября 1582 г., успѣлъ уже выполнить папское повелѣніе относительно открытія семинаріи въ Вильнѣ ⁴⁾. Но въ дѣйствительности послѣднее произошло нѣсколько позже—по отсутствію ли денегъ въ распоряженіи Поссевина, или по недовольству его самой папской буллой. По крайней мѣрѣ, мы видимъ, что онъ осенью работаетъ въ Римѣ надъ составленіемъ проекта диплома на семинарію и, заручившись обѣщаніемъ помощи отъ генерала іезуитскаго ордена, проситъ кардинала Комскаго о дальнѣйшемъ движеніи дѣла (15 окт. 1582 г.). Вторично отправленный въ Польшу для посредничества между Баторіемъ и императоромъ Рудольфомъ, Поссевинъ въ началѣ декабря былъ уже въ Варшавѣ, гдѣ обрадовалъ короля папской буллой на семинарію (не знаемъ, новой редакціи или старой) и деньгами на нее и гдѣ совѣтовался съ польскимъ провинціаломъ относительно способовъ ея открытія. 6 февраля 1583 г. онъ писалъ изъ Кракова, что папскія семи-

¹⁾ Рукоп. вилен. публ. библ. Б. 53. 37: *Bulla erectionis seminarie Vilnae pro Ruthenis* (копія 1741 г.). О ней см. также въ буллѣ п. Бенедикта XIV отъ 1753 г. (А. В. А. К., XVI, № 138).

²⁾ *Suppl.*, p. 402. Коронатъ, очевидно, равняется скути, а цѣнность послѣдняго въ *Litterae annuae* (которыя почему то говорятъ о 700 скути) опредѣляется такъ: «centum rublionibus id est scutatis circiter ducentis», т. е. скути равнялось приблизительно полурублю (1582, pp. 256. 266).

³⁾ *Theiner*, *Annales ecclesiastici*, III, a. 1582, № 28; cf. № 40.

⁴⁾ *Lit. an.* 1582, p. 256.

наріи въ Трансильваніи, Пруссіи и *Литвѣ* открываются (instituantur) ¹⁾.

Историки расходятся въ рѣшеніи вопроса, дѣйствительно ли была открыта папская семинарія въ Вильнѣ. Ростовскій кратко передаетъ, что намѣреніе п. Григорія XIII осуществилъ Поссевинъ ²⁾. Крашевскій въ одномъ мѣстѣ полагаетъ, что дѣло ограничилось только совѣтомъ Поссевина, въ другомъ—говоритъ, что Поссевинъ выхлопоталъ іезуитамъ право открыть школку для обращенія дѣтей иныхъ исповѣданій, особенно русскаго, и что на этотъ предметъ были даны средства и доходы и школу поручили ордену ³⁾. Митрополитъ Макарій на основаніи заявленія самого Поссевина утверждаетъ, что она была открыта, но существовала недолго, такъ какъ преемники Григорія XIII († 1585 г.) перестали высылать нужные средства ⁴⁾. Есть историческія свидѣтельства, говорящія за то, что семинарія была учреждена, но скоро упала. Такъ іезуитъ Велевицкій по поводу смерти п. Григорія XIII говоритъ, что онъ воздвигъ (excitavit) нѣсколько семинарій, въ томъ числѣ въ Вильнѣ ⁵⁾. Въ *Litterae annuae S. J. 1586—1587* гг. разсказывается объ одномъ любекскомъ юношѣ, пріѣхавшемъ въ Вильню учиться польскому языку и пожелавшемъ послѣ поступить въ „папскую семинарію“ (*seminarium pontificis*) ⁶⁾. Съ другой стороны, въ пользу того увѣренія митрополита Макарія, что папскій аліюмнатъ въ Вильнѣ прекратилъ быстрое существованіе, говоритъ письмо папы Климента VIII къ виленскому электу—епископу Бенедикту Войнѣ, отъ 9 сентября 1600 г. Въ немъ папа убѣждаетъ епископа, для пользы уніи, способствовать учрежденію въ Вильнѣ русской коллегіи, причемъ указываетъ на средства къ тому въ сбереженіяхъ, какія скопились въ виленской каедрѣ за нѣсколько вакантныхъ лѣтъ. Въ руководство же Войнѣ Климентъ VIII предложилъ тѣ распоряженія и декреты, какіе изданы были Александромъ Комулеемъ, ревизовавшимъ епархію нѣсколькими годами раньше ⁷⁾. Епископъ Война дѣйствительно внялъ призыву папы: 11 декабря 1600 г. онъ сдѣлалъ предложеніе виленской капитулѣ относительно „возведенія семинаріи, или школы для уніатскихъ дѣтей“ ⁸⁾.

Какъ бы то ни было, виленская папская семинарія дѣйствовала уже въ самомъ началѣ XVII ст. и въ ней существовали спеціальныя стипендіи для русскихъ уніатовъ. Вѣроятно, она именно имѣлась въ

¹⁾ *Pierling, Bathory et Possevino*, № 65 и 72. Ср. *Wielewicki, Scriptores rerum polonicarum*, VII, 26. 28. 39.

²⁾ *Rostowski*, 113.

³⁾ *Wilno*, I, 301 и II, 422.

⁴⁾ *Исторія русской церкви*, IX, 408.

⁵⁾ *Script. rerum polon.*, VII, 80.

⁶⁾ *Lit. an. 1586—1587*, pp. 138—140.

⁷⁾ *Theiner, Vetera monumenta Poloniae et Lithuaniae*, t. III, № 207. p. 275.

⁸⁾ Выпись изъ протоколовъ вид. капитулы, № 205, пунктъ 4 (Опис. рук. отд. вил. публ. библ., вып. I, прилож., стр. 74).

виду составителями инструкции для второго Лжедмитрія (1607), совѣтовавшими ему, въ интересахъ распространенія уніи въ московскомъ государствѣ, посылать молодыхъ людей для обученія въ Вильну или туда, гдѣ нѣтъ отщепенцевъ, въ Римъ ¹⁾. Виленская русская семинарія помѣщалась рядомъ съ іезуитской коллегіей ²⁾. Послѣ пожара 1610 года, истребившаго папскую коллегію вмѣстѣ съ іезуитской ³⁾, она вновь была восстановлена, и съ 1615-го года въ ней стало учиться на папскій счетъ по шести уніатскихъ „законниковъ“ ⁴⁾.

Виленская папская семинарія въ своемъ устройствѣ воспроизводила типичныя черты другихъ папскихъ семинарій и ближе всего — аеанасіевской, объединяясь съ ними и единствомъ цѣлей и высшей власти — Конгрегаціи распространенія вѣры ⁵⁾. До насъ дошло нѣсколько извлеченій изъ учредительной буллы Григорія XIII (1582). При приемѣ воспитанниковъ ихъ подвергали шестимѣсячному искусу, причемъ обращалось главное вниманіе на пригодность и готовность кандидата къ принятію священнаго сана и на его благочестивую настроенность. Съ точки зрѣнія благочестія опѣивали воспитанниковъ и послѣ: обладавшихъ имъ избавляли отъ наказаній, а не обладавшихъ и служившихъ соблазномъ для другихъ изгоняли изъ заведенія. Удаленіе изъ семинаріи грозило за всевозможныя нарушенія школьной дисциплины, за неприличныя дѣйствія, слова и взгляды въ храмѣ, за нежеланіе изучать свящ. церемоніи или упражняться въ нихъ или бывать въ церкви и участвовать въ хорѣ. Отлучиться изъ семинаріи алумнъ могъ, только получивши себѣ отъ сеніора спутника, который и слѣдилъ за нимъ ⁶⁾.

Заботы Римскаго престола о привлеченіи къ себѣ русскихъ, встрѣтившись съ уніональными стремленіями нѣкоторыхъ православныхъ владыкъ, разрѣшились брестскимъ соборомъ 1596 г. Съ этого времени и стала существовать унія, какъ новая форма церковной жизни, какъ религиозное общество, отличное отъ католической и православной церквей. Это обстоятельство заставляло представителей уніи позаботиться о сво-

¹⁾ Соловьевъ, Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ, изд. 2-е, кн. 2, 847.

²⁾ Іезуитская коллегія занимала въ Вильнѣ цѣлый кварталъ, ограниченный улицами: Замковой, Ивановской, Бискупской (Дворцовой) и Скоповской. Въ зданіи нынѣшней генераль-губернаторской канцеляріи помѣщалась епархіальная семинарія, а рядомъ — папская (А. В. А. К., XX, пред. 194. 195).

³⁾ Васильевскій, Пам. рус. стар. въ зап. губ., V, 75.

⁴⁾ Оборона уніи — П. П. Л., I, 286.

⁵⁾ Аеанасіевская коллегія служила образцомъ для виленской и послѣ — въ XVIII ст. (А. В. А. К., XVI, № 154).

⁶⁾ Рукоп. вилен. публ. библ. Б. 53. 37. Excerpta ex bulla Gregorii XIII. Такъ какъ виленская папская семинарія была поручена іезуитамъ, въ завѣдываніи которыхъ находилась до XVIII ст., когда была передана въ вѣдѣніе базилианскаго протоархимандрита (А. В. А. К., XVI, № 154), то, понятно, на устройство ея повліяло Ratio et institutio studiorum S. I. — Отметимъ, что у папскихъ алумновъ въ Вильнѣ существовало братство по образцу іезуитскаго студенческаго (Lit. an. S. I. 1609, 442).

ихъ собственныхъ школахъ, отдѣльныхъ и отъ католическихъ и отъ православныхъ. Хотя католическія школы всегда оставались открыты для русскихъ униатовъ и были для нихъ идеаломъ и образцомъ, какъ по своему устройству, такъ и по высшему достоинству богословской и свѣтской науки, — совершенно удовлетворить ихъ онѣ не могли, потому что были очень немногочисленны въ областяхъ съ сплошнымъ русскимъ населеніемъ и потому, затѣмъ, что у русскихъ униатовъ были сильны, особенно на первыхъ порахъ, такія умственные потребности и практическія нужды, на какія плохо отвѣчали и іезуитскія и всякія другія латинскія училища. Униаты были по національности русскіе и по старымъ церковнымъ преданіямъ — славяне восточнаго обряда. Въ силу перваго русскій языкъ долженъ былъ быть имъ не менѣе дорогъ, чѣмъ и латинскій языкъ, этотъ ключъ ко всякой мудрости и истинному, католическому богословію. Съ другой стороны, соединившись съ Римомъ подъ условіемъ сохраненія чистоты обряда, руководители униі естественно должны были заботиться и о славянскомъ языкѣ, какъ богослужебномъ, и объ изученіи славянской церковной обрядности. Наконецъ, не могли они забыть и о греческомъ языкѣ, игравшемъ такую важную роль въ исторіи христіанства въ Россіи и столь дорогомъ для западноруссовъ, которые столько вѣковъ воспитывались на твореніяхъ восточныхъ отцовъ. Въ іезуитскихъ же школахъ греческій языкъ если и преподавался, то во всякомъ случаѣ шелъ позади латинскаго и не стоялъ на желательной для униатовъ высотѣ; а русскій и славянскій языки далеко не во всѣхъ коллегіяхъ и изучались. Папская же семинарія въ Вильнѣ, хотя вполнѣ соотвѣтствовала всѣмъ этимъ требованіямъ, но какъ разъ во времени заключенія униі перестала подавать признаки своего существованія.

Такія именно стремленія въ постановкѣ школьнаго дѣла въ униатской церкви обнаружались еще до официальнаго провозглашенія самой униі и до учрежденія униатскихъ школъ. Еще 1 іюля 1595 г. митрополитъ Михаилъ Рагоза и три епископа подписали условія соединенія съ Римомъ, въ числѣ которыхъ были подчиненіе имъ церковныхъ братствъ и полная свобода въ учрежденіи типографій, школъ и семинарій греческаго и славянскаго языковъ ¹⁾, и король, утвердивъ 2 августа всѣ статьи составленнаго владыками договора, предоставилъ имъ свободу

---

¹⁾ Collegia sive confraternitates speciales — просили епископы — non ita pridem a patriarchis constitutae et a S. R. Majestate confirmatae, quemadmodum Vilnae, Leopoli, Brestae et alibi ut integrae et illaesa maneat ita tamen, ut obedientiam Summo Pontifici nobisque Eppis Religionis Graecae praestare teneantur sintque astricti. Scholas, seminaria graecae slavicae linguae extruere ubi commodius videbitur, ut liberum nobis sit, sic et officinas imprimendorum librorum, quae quidem omnia sub obedientia Epporum sint. Текстъ этихъ условій — Articuli sive conditiones, quas a S. Regis Majestate confirmari petimus, — напечатанъ у *Малиновскаго*, Die Kirche und Staats-Satzungen, bezüglich des griechisch-katholischen Ritus der Ruthenen in Galizien (s. 20. Bemerck), у *Пелеша*, Geschichte der Union, I, 532—534. На русскомъ языкѣ у митр. Макарія (IX, 574, 575). Ср. Арх. гр.-ун. митр., кн. II, № 55, numero 10, гдѣ они отнесены къ 1594 г.

и въ отношеніи устройства школъ съ этими именно языками ¹⁾. Эти тенденции продолжали существовать и послѣ, хотя все болѣе уступали предъ другими образовательными идеалами и системами и, благодаря нерадѣнію епископовъ, слабо проводились въ жизнь. Послѣдніе, не смотря на то, что свой переходъ въ унию объясняли, между прочимъ, тѣмъ, что хотѣли вывести русскій народъ изъ того невѣжества, въ какомъ онъ погрязъ вслѣдъ за грѣками,—не слишкомъ спѣшили пользоваться своимъ новымъ положеніемъ для исправленія указаннаго зла. Сравнительной близостью къ латинской наукѣ и къ латинскимъ источникамъ знанія они готовы были больше теоретически наслаждаться и ставить ее въ укоръ православнымъ грѣкамъ и русскимъ, чѣмъ практически пользоваться ею, просвѣщая свою церковь. Ничего въ частности не сдѣлалъ для просвѣщенія униатской церкви первый ея митрополитъ, Михаилъ Рагоза, хотя по одной, заподозриваемой въ подлинности инструкции, составленной для него іезуитами около 1596 г., ему совѣтовалось учреждать школы для дворянскихъ дѣтей, въ которыхъ бы они подготовлялись къ дальнѣйшему образованію въ іезуитскихъ училищахъ ²⁾.

Первымъ униатскимъ училищемъ было (или, вѣрнѣе, могло быть) *брестское*. Но это была не вновь устроенная самими униатами школа, а—отнятая у православнаго братства. 26 іюня 1597 года, король, желая, чтобы въ брестской русской школѣ „лѣпшій (лучшій) порядокъ и наука быти могла“, передалъ ее въ вѣдѣніе Ипатія Потѣя, брестскаго епископа. Въмѣстѣ съ тѣмъ король пожаловалъ „на выхованье учителей въ той школѣ и дѣтей людей убогихъ, которые ся учити будутъ, и для опатренья всякихъ потребъ и порядку въ той школѣ“ села Торокань и Лѣсну, принадлежавшія жидичинскому монастырю ³⁾. Однако не видно, чтобы Потѣй тотчасъ же приступилъ къ переустройству училища. По крайней мѣрѣ, еще въ августѣ 1599 года король говорилъ о брестской униатской школѣ, какъ о будущей ⁴⁾. Между тѣмъ у Потѣя былъ уже

---

¹⁾ А. З. Р., IV, № 79. П. П. Л., II, 1144. *Malinowski*, о. с., 21, Remark; cf. Арх. Ю.-З. Р., I, VII, 629.

²⁾ *Крачковскій*, Очерки униатской церкви. Чт. въ моск. общ. ист. и древн. рос., 1871, I, 43—45.

³⁾ А. З. Р., IV, № 122. «Прилучено до той школы» Тороканя и Лѣсны не осталось безъ протеста со стороны жидичинскаго архимандрита Григорія Балабана, который постарался отнять одно изъ нихъ (Торокань) силой. Но Сигизмундъ III, подавая, по словамъ автора *Антирроекса*, своимъ подданнымъ примѣръ уваженія къ закону, вернулъ Торокань владимирскому епископу «не безъправне, ани ктвалтомъ», но путемъ позова и суда (П. П. Л., III, 859). Вѣроятно, въ связи съ оспариваніемъ жидичинскихъ имѣній архим. Балабаномъ стоятъ тѣ королевскіе привилеи на с. Торокань, отъ 1598, 1599, 1600, 1610, 1611 гг., о которыхъ упоминаетъ прот. А. Сосновскій, какъ о находившихся въ его время въ архивѣ тороканскаго монастыря. «Записка о средствахъ умноженія въ греко-униатскомъ духовенствѣ просвѣщенія» (А. В. А. К., XVI, № 233; впервые эта записка была напечатана въ Лит. еп. вѣд., 1874 г., №№ 19—24).

⁴⁾ «Кгда коллегіумъ албо семинаріумъ для науки людей молодыхъ религѣи Греческой тамъ заложено будетъ»... (А. З. Р., IV, № 141).

и человекъ, годный для устройства первой уніатской школы или даже семинаріи. Это былъ Петръ Аркудій, „писма святого докторъ и священникъ вѣры русской подлугъ закону греческаго“. Родомъ корцирянинъ, Аркудій въ 1578 г. поступилъ въ афанасіевскую коллегію, изъ которой вышелъ въ 1591 г. съ степенью доктора философіи и богословія ¹⁾. По окончаніи коллегіи онъ отправленъ былъ въ зап. Россію по просьбѣ луцкаго католическаго епископа Бернарда Мацѣвскаго, и здѣсь обратилъ многихъ къ общенію съ римской церковью, между прочимъ Ипатія Потѣя. По возвращеніи въ Римъ онъ 21 марта 1596 г. вторично отправился въ зап. Россію съ еп. Потѣемъ, и провелъ здѣсь около 20 лѣтъ, дѣйствуя въ пользу уніи ученіемъ, жизнью, проповѣдями и сочиненіями. Онъ бывалъ даже съ польскими послами въ Москвіи, вездѣ распространяя католическую вѣру и „возвращая русскихъ къ повиновенію апостольскому престолу“ ²⁾. Вотъ этого то Аркудія Потѣй въ 1599 г. рекомендовалъ королю „какъ человекъ въ наукахъ греческихъ бѣглаго“ и способнаго и другихъ научать, и просилъ Сигизмунда утвердить за нимъ им. Тороканъ, уступленное имъ послѣднему. Король 23 августа 1599 г. исполнилъ просьбу Потѣя, поставивъ только условіемъ, чтобы Аркудій, когда въ Брестѣ будетъ открыта коллегія или семинарія для русскихъ юношей греческой религіи, „научалъ ихъ, ведучи до добрыхъ обычаевъ и вѣры старожитной греческой подъ послушествомъ костела повшехного римскаго“. Впрочемъ, за Аркудіемъ оставлялось право требовать себѣ за свои труды „слушнаго выхованья, вромѣ доходовъ села Торокана“ ³⁾.

¹⁾ Арх. ун. митрополитовъ, № 248. *Theiner, Vetera monumenta...* III, № 245. *Bibliogr. Hellén. s. XVII, t. III, 209—211.* Въ бібліотекѣ коллегіи хранится до сихъ поръ дипломъ Аркудія отъ 24 янв. 1591 г. Изъ него мы узнаемъ, что Петръ Аркудій, послѣ 14-ти-лѣтняго изученія греческихъ и латинскихъ письменъ, свободныхъ наукъ, философіи и богословія и послѣ публичнаго диспута по философіи и двухъ по богословію, признанъ достойнымъ докторства и по учености и по добрымъ нравамъ. Для публичныхъ лекцій ему были даны темы: по философіи—изъ физики Аристотеля мѣсто, гдѣ содержится опредѣленіе природы, по богословію—§§ 2 и 4-й 36-го вопроса первой части «Сумы» Фомы Аквината (объ исхожденіи св. Духа отъ Сына и о томъ, Отецъ и Сынъ суть ли одно начало Духа).

²⁾ *Bibliogr. Hellén. s. XVII, t. III, pp. 212. 216. 523. Allatius, o. c., 999. Petri Arcudii corcyraei presbyteri, philosophiae ac Sacrae Theologiae doctoris, libri VII. De concordia ecclesiae occidentalis et orientalis, in septem sacramentorum administratione.* Посвященіе Аркудія королю Сигизмунду III, написанное въ 1624 или 1625 г. (Мы пользовались парижскимъ изданіемъ 1671 г.; первое изданіе вышло въ Парижѣ въ 1626 г. Ср. *Bibliogr. Hellén. s. XVII, t. I, № 153.* О пребываніи Аркудія въ Москвѣ мы имѣемъ свидѣтельство *Annuae litterae S. I. 1591:* «Изъ Вильны съ Львомъ Сапѣгой двое нашихъ отправлялись въ Москву. Третьимъ съ ними поѣхалъ греческій пресвитеръ изъ Корциры, съ перваго возраста воспитанный въ греч. коллегіи въ Римѣ и сверхъ того докторъ теологіи» (р. 769). Вторично Аркудій былъ въ Москвѣ въ концѣ 1600 и нач. 1601 г. (*Pierling, La Russie et le Saint-Siège, II, 375. 376.*)

³⁾ А. З. Р., IV, № 141.

Но едва ли Петру Аркудію приходилось заниматься въ брестской школѣ: мы не встрѣчаемъ больше указаній на его педагогическую дѣятельность или званіе. Повидимому, онъ съ самаго начала былъ принятъ Потѣемъ на должность секретаря и въ ней оставался и послѣ, работая въ то же время на пользу унив. Такъ, онъ скрѣпляетъ архіерейскую присягу съ исповѣданіемъ вѣры Гедеопа Брольницкаго, нареченнаго архіепископа полоцкаго, учиненную въ Вильнѣ 6 августа 1601 г. ¹⁾ Не говорится объ его учительствѣ или ректорствѣ ни въ жалованной грамотѣ короля на лаврашевскую архимандрію 4 мая 1601 г., гдѣ онъ именуется „отцемъ Петромъ Аркудіуномъ, грекомъ“, ни въ листѣ Сигизмунда, отъ 3-го марта 1603 г., разрѣшавшемъ Аркудію промѣнять на кобринское архимандритство пинское протопопство, которымъ онъ владѣлъ до того, ни въ письмѣ виленскаго епископа Войны, рекомендовавшаго его папѣ, какъ человѣка, которымъ онъ пользовался въ интересахъ унив. во всѣхъ важнѣйшихъ дѣлахъ. Изъ этого письма Войны, датированнаго 1 марта 1609 г., видно также, что въ это время Аркудіѣ собрался уже въ Римъ ²⁾. Навсегда ли онъ оставилъ зап. Россію или еще разъ являлся сюда и окончательно возвратился въ Римъ только въ 1613 г.—точно неизвѣстно, но можно скорѣе принять первое предположеніе: 16 іюня 1612 г. Потѣй отдалъ лаврашевскій монастырь, какъ вакантный, епископу Рутскому ³⁾. Имѣ-

¹⁾ Архивъ ун. митр., № 248.

²⁾ А. З. Р., IV, № 155. А. Ю. и З. Р., II, № 13. *Theiner, Vetera monumenta Poloniae et Lithuaniae*, III, № 245. Въ августѣ 1609 г. Аркудіѣ былъ еще въ Вильнѣ (*Harasiewicz*, 258. 259).

³⁾ Арх. ун. митр., № 334. А. З. Р., IV, № 185 и прим 95. Въ Римѣ П. Аркудіѣ былъ цензоромъ сочиненій Такъ, въ 1616 г. имъ разрѣшенъ къ печати переводъ на греческій языкъ катихизиса Беллармина (*Διακδικαλὰ χριστιανικῆ...*), въ 1621 г. Греческо-италианскій словарь, и еще нѣсколько въ 1628 г. (*Bibliogr. Hellén. v. XVII, t. I, №№ 87. 123. 179. 181. 183*). — Аркудіѣ остатокъ дней провелъ въ аванасіевской коллегіи, въ церкви которой и погребенъ († 1633 г.). *Bibliogr. Hellén. s. XVII, t. III, p. 216 — 218*. Кромѣ цитованнаго выше сочиненія, Аркудію принадлежать еще слѣдующіе труды и изданія: а) *Bessarionis Cardinalis, Archiepiscopi Nicoeni Opusculum de processione Spiritus s.*, переведенное Аркудіемъ на латинскій языкъ и изданное въ 1602 г. въ Краковѣ; въ 1605 г. оно издано вновь въ польскомъ переводѣ кс. Яна Личушевскаго; б) *Іоанна Векка Собраніе изреченій св. отцовъ объ исхожденіи св. Духа*, переведенное Аркудіемъ на лат. языкъ и изданное въ 1603 г. въ Краковѣ съ посвященіемъ краковскому архіепископу Б. Мацѣвскому (ему же посвящено первое изданіе); в) Латинскій переводъ двухъ греческихъ надписей, касающихся Ирода Антиппы и его жены (изданъ послѣ 1606 г.); г) *Opuscula aurea theologica quorundam clariss. virorum posteriorum grecorum... circa processionem Spiritus Sancti.* (Romae, 1630), д) *Utrum detur purgatorium et an illud sit per ignem* (Romae, 1632), е) *De purgatorio igne adversus Barlaam*, на греч. и лат. языкахъ, посмертное сочиненіе (1637, Romae), ж) Латинскій переводъ греческаго Менологія императора Василія Младшаго. Изъ неизданныхъ сочиненій П. Аркудія г. Легранъ называетъ между прочимъ: *Historia de Ruthenorum cum Romana sede unione* и *Collegii Graecorum de Urbe primordia*, хранящіяся въ архивѣ грече-

емъ основанія утверждать, что Аркудій и не могъ заниматься въ брестской уніатской школѣ, такъ какъ ея и не существовало. Королевскія грамоты виленскому троицкому монастырю, отъ 20 декабря 1613 г. и 2 сентября 1621 г., говорятъ о ней такимъ образомъ: — „котороѣ-то школы не заложивши (Ип. Потѣй) съ сего свѣта зшолѣ“, а за его смертью „тая школа въ Берестѣи фундована быти не могла“¹⁾. . . Итакъ, одной русской школой стало меньше: брестское братское училище было потеряно не только для православной церкви, но и вообще.

Нѣсколько лучше обстояло дѣло съ другой уніатской школой—*владимирской*, бывшей православной. Она перешла въ Потѣю вмѣстѣ съ соборомъ, при которомъ находилась, и вмѣстѣ съ соборнымъ проповѣдникомъ пользовалась доходами съ владимирскаго спасскаго монастыря, наданнаго для этой цѣли королемъ. Потѣй отдалъ этотъ монастырь со всѣми его доходами владимирской капитулѣ, преобразованной имъ 20 февраля 1598 г. по типу латинскихъ капитулъ, и „уряду казнодѣйскому“ (проповѣдникамъ). Хотя въ „листѣ“ Потѣя о школѣ и ея потребностяхъ не сказано ни слова, но можно думать, что она не была совершенно устранена отъ пользованія монастырскими доходами или что ей были даны какія-нибудь другія средства, на которыя она кое-какъ могла существовать. Положеніе ея улучшилось только въ 1609 году, когда митрополитъ Ипатій Потѣй значительно увеличилъ ея доходы. Продавши церковное имѣніе Илинщизну, Потѣй отдалъ часть денегъ (2 1/2 т. зл.) въ долгъ пану Василю Коптю подъ залогъ одного его имѣнія, которое приносило ежегодно 250 зл. Вотъ эти то 250 зл. митрополитъ и обратилъ „на школу при церкви Владимирской лежащую, т. е. на бакаляра какаго-нибудь хорошаго и на ремонтъ самой школы въ случаѣ нѣжды“, причемъ бакаляру онъ назначилъ 200 зл., а на ремонтъ училища 50. Но, повидимому, владимирская школа и при фун-

---

ской коллегіи въ Римѣ (Bibliogr. Hellén. s. XVII, t. III, № 201, 213, 254; pp. 220, 225, 228, 230—232. Ср. Allatius, o. c., 998, 999. Encykl. powsz., II, 180). «Primordia» изданы самимъ Леграномъ (ibid., pp. 481—493). Наконецъ, тотъ же г. Легранъ окончательно рѣшаетъ вопросъ объ авторѣ Антирриса—въ пользу Петра Аркудія. Высказанное Стебельскимъ (Dwa wielkie światła, I... «Arkudiusz») мнѣніе о томъ, что «Антиррисъ или Аполлогія противъ Христофора Филалета» написанъ Аркудіемъ по порученію Ипатія Потѣя, поддержано Ехеромъ (Fischer, o. c., III, № 9452, p. 553) и проф. Голубевымъ (Тр. Кіев. дух. акад., 1876, I, 156—161), но оспаривается проф. Скабалановичемъ (Объ Апокрисисѣ Хр. Филалета, 56, 57). Н. А. Скабалановичъ въ своемъ отрицаніи исходитъ изъ сомнѣнія въ достовѣрности извѣстія Стебельскаго о томъ, что Антиррисъ написанъ въ 1598 г. Аркудіемъ на латинскомъ языкѣ, между тѣмъ какъ «содержаніе Антирриса показываетъ, что онъ составленъ въ 1599 г. на русскомъ языкѣ (въ 1600 переведенъ на польскій) и только одно предисловіе написано по-латыни». Теперь оказывается, что Стебельскій правъ: у г. Леграна былъ въ рукахъ манускриптъ 17 ст., содержащій латинскій текстъ Антирриса (169 л. in 8-о), съ такимъ заглавіемъ: «Petri Arcudii Cor-sugaei Arologia adversus Christophorum Philalethem (Bibliogr. Hellén. s. XVII, t. III, pp. 221, 222).

¹⁾ А. З. Р., V, № 6.

даціи Потѣя не могла подняться надъ уровнемъ элементарныхъ школокъ: самъ онъ называетъ образованіе, получаемое въ ней, „кой-какимъ“ (паука... така яка) и надѣется для дѣтвей большаго отъ благочестивыхъ преемниковъ своихъ. Такіе, дѣйствительно, нашлись, хотя и нескоро. Только 3-го февраля 1631 года владимирскій епископъ Іоакимъ Мороховскій записалъ на соборную школу 600 зл. съ тѣмъ, чтобы проценты съ нихъ шли въ пользу учителя. По смерти епископа сумму эту взялъ въ долгъ изъ 8 0/0 годовыхъ панъ Адамъ Кисель, который, выдавая 26 марта заемную запись и обязательство аккуратно выплачивать проценты бакаляру школы, тутъ же вручилъ о. Прокопію Хмѣлевскому 48 зл.—за годъ впередъ ¹⁾).

Кромѣ о. Хмѣлевскаго извѣстенъ еще одинъ бакаляръ владимирскаго униатскаго училища—соборный діаконовъ Ѳеодоръ Мелешковичъ. Въ качествѣ „ректора школы католицкой Володимирской“, онъ вмѣстѣ съ епископомъ Іоакимомъ Мороховскимъ принесъ въ городской урядъ жалобу на шляхтича Соколовскаго, который избилъ студентовъ училища во время ихъ прогулки ²⁾). Повидимому, Ѳеодоръ Мелешковичъ или Мелешко очень долго занималъ должность учителя во Владимирѣ, какъ можно заключать изъ сообщенія автора рукописи: *Indicium, t. j. pokazanie cerkwie prawdziwey*“ (1638), что послѣ смерти холмскаго униатскаго епископа Аѳанасія Пакосты на его мѣсто былъ назначенъ „нѣкій Ѳеодоръ, человекъ мудрый и ученый по мнѣнію свѣта, владимирскій бакаляръ“. Аѳанасій Пакоста, который ошибочно называется здѣсь владимирскимъ епископомъ, умеръ въ началѣ сентября 1625 г. и 28 сент. королемъ дана была грамота на холмскую епископію владимирскому архидакону Ѳеодору Мелешко, но послѣдній въ день посвященія во епископа скончался во время обѣдни отъ падучей болѣзни, какъ объясняетъ авторъ ³⁾).

Несравненно больше заботъ и средствъ митрополитъ Ипатій Потѣй употребилъ на устройство *духовной семинаріи въ виленскомъ троицкомъ монастырѣ*, который формально сталъ принадлежать униатамъ только съ 1609 г., но фактически перешелъ въ ихъ руки нѣсколькими годами раньше. Начало троицкой униатской семинаріи надо относить къ 21 январю 1601 г., когда митрополитъ Потѣй обезпечилъ ея суще-

¹⁾ Арх. Ю.-З. Р., I, VI, №№ 84. 152. 253. 256.

²⁾ Арх. Ю.-З. Р., I, VI, № 174.

³⁾ *Головацкий*, Библиографическія находки во Львовѣ (Зап. Имп. акад. наукъ, XXII, прилож. № 4, стр. 9). Свидѣтельно «*Indicium*»: о внезапной смерти Ѳеодора подтверждается донесеніемъ въ Римъ Якова Суши. Произошла она въ 1626 г., между 11 июля, когда былъ явленъ отъ лица Ѳеодора позовъ Ѳомѣ Замойскому, кievскому воеводѣ, и 7 ноября, когда папа Урбанъ VIII опротестовалъ назначеніе м. Рутскимъ М. Терлецкаго холмскимъ епископомъ (А. В. А. К., XXIII, №№ 62. 65. 66. 68 и предисл., стр. 60—62. 68).

ствование фольваркомъ Печерскомъ съ селами, лежавшими въ оршанскомъ повѣтѣ. Въ данномъ королевѣмъ подтвержденіи этой фундаціи читаемъ, что митрополитъ основалъ „семинариумъ виленское при церкви светое Троицы для двиченя людей молодыхъ такъ законныхъ яко и светскихъ въ побожности и наукахъ, скоторыхъ бы выходили на потом люди годные до услугованя церкви Божое“, и что онъ назначилъ „старшимъ“ этой семинаріи честнаго отца Петра Ѳеодоровича Суромятника (кова). А 15 августа 1601 г. троицкій іеромонахъ Самуиль Сенчило, надворный митрополитчій пресвитеръ, явившись лично въ Печерскъ, передалъ въ присутствіи понятыхъ этотъ фольварокъ съ приписанными къ нему селами: Цвирковомъ, Борсуками и Тарасовичами „въ мощъ и вдержане“ посланцу этого Суромятника, „старшого на тотъ часъ семинариумъ, и тымъ которые на потомъ по нимъ на тое старшенство наступятъ, вечными часы, такъ ижъ вже отъ того року и дня вси пожитки (доходы) того имени до выш помененого семинариумъ отдаваны быти мають“¹⁾.

Однако средства, данныя митрополитомъ новой семинаріи, были настолько недостаточны и не гарантированы, что самъ Потѣй выразилъ сожалѣніе объ ея шаткомъ положеніи и о необезпеченности семинаристовъ²⁾. Дѣло въ томъ, что означенныя имѣнія издавна принадлежали кіево-печерскому монастырю. Въ 1597 г. король назначилъ архимандритомъ послѣдняго Михаила Рагозу, но печерскіе монахи во главѣ съ архимандритомъ Никифоромъ Туромъ воспротивились этому. И новый митрополитъ Потѣй, которому король передалъ печерское архимандритство, точно также не былъ допущенъ ни въ монастырь, ни въ имѣнія его, за исключеніемъ тѣхъ, которыя лежали въ великомъ княжествѣ литовскомъ и, слѣдовательно, Печерска съ названными селами: ими онъ успѣлъ овладѣть насильно, на что и занесена была въ оршанскія книги протестація (22 ноября 1600). Съ тѣхъ поръ эти имѣнія слѣдвались предметомъ продолжительной тяжбы между уніатскими митрополитами и кіево-печерской лаврой. Повидимому, послѣдняя скоро отняла имѣнія назадъ, за что говорить тѣ жалобы и усиленныя просьбы о помощи бѣднымъ воспитанникамъ виленской семинаріи, какія посылалъ митрополитъ Потѣй къ своему благодѣтелю, канцлеру литовскому Льву Сапѣгѣ³⁾. Вліяніе послѣдняго, а также епископа виленскаго Войны, который помогаль уніатской семинаріи не только при учрежденіи ея, но и послѣ⁴⁾—побудило короля еще разъ дать Потѣю 20 февраля 1605 г.

¹⁾ Арх. гр.-ун. митр., № 249. Дѣло о передачѣ имѣнія Печерска виленской троицкой семинаріи.

²⁾ Archivum Sapiehanum, I, № 437. «I seminarium owo nasze ubogie Ruskie, co ledwie jako kokosze żarno dostało się, i to w niwecz się obróci... W Panu Bogu tylko nadzieja» (Письмо къ Льву Сапѣгѣ отъ 5 апрѣля 1603 г.).

³⁾ 1603—1604 гг. Archivum Sapiehanum, №№ 433. 437. 438.

⁴⁾ *Iocher*, II, 495 (посвященіе Суромятника къ книгѣ: «Obrona s soboru Floremskiego»); Arch Sapieh., I, 437.

подтвердительный привилей на всѣ имѣнія печерскаго монастыря и, въ частности, на села, наланныя имъ „на семинарыумъ Рускую Виленскую“ ¹⁾. Но новый печерскій архимандритъ Елисей Плетенецкій подъялъ опять дѣло изъ-за означенныхъ имѣній. Послѣ присужденія ихъ въ пользу Плетенецкаго новгородскимъ земскимъ судомъ въ 1609 г., дѣло проходило послѣдовательно различныя судебныя инстанціи. Въ 1613 году по смерти Потѣя имѣніями завладѣлъ было Плетенецкій, но въ томъ же году взялъ ихъ въ держаніе по королевскому привилею митрополитъ Рутскій. Черезъ два года Рутскій, убѣдившись изъ представленныхъ Плетенецкимъ документовъ въ извѣстную принадлежность печерскому монастырю имѣній въ великомъ княжествѣ литовскомъ и въ Бѣлоруссіи, добровольно отказался отъ нихъ, взявши, впрочемъ, „певную (извѣстную) суму пенезей“, и король 1-го апрѣля 1615 г. вновь утвердилъ ихъ за печерскимъ монастыремъ. Но Рутскій при этомъ поступилъ не совсѣмъ честно: онъ отдалъ Плетенецкому далеко не всѣ документы, и когда послѣдній послалъ уполномоченнаго, чтобы завладѣть этими имѣніями, могилевскій подстароста Водорацкій воспротивился этому, какъ представитель будто бы митрополита. Въ это же время выступилъ новый претендентъ на имѣніе Печерскъ съ селами. Это былъ старшій виленской уніатской семинаріи Иосафатъ Кунцевичъ, явившійся защитникомъ интересовъ троицкой семинаріи и представившій королевскій привилей 1601 г. Хотя въ одномъ судѣ нашли, что семинарія потеряла права на имѣніе Печерскъ въ силу истевшей давности, такъ какъ не заявляла ихъ съ 1609 г., съ какаго года это дѣло успѣло пройти 8 инстанцій,—тѣмъ не менѣе тяжбу рѣшено было отослать на королевскій судъ. Чѣмъ рѣшилъ король, документально неизвѣстно. Можно догадываться, что дѣло выигралъ троицкій монастырь. По крайней мѣрѣ, въ сентябрѣ 1620 г. его настоятель Левъ Кривза отдалъ имѣніе Печерскъ съ селами упомянутому Водорацкому въ аренду срокомъ на 3 года и съ платой по 200 к. гр.; и, повидимому, имѣніе было прочно закрѣплено за монастыремъ, если отъ арендатора требовалось, чтобы онъ выстроилъ въ немъ мельницу (въ счетъ платы). А въ 1634 году намѣстникъ виленскаго монастыря Ал. Дубовичъ вновь отдалъ его въ аренду могилевскому игумену съ платой по 700 зл. ²⁾. Но по универсалу короля Владислава IV, отъ 14 марта 1635 года, означенныя имѣнія должны были поступить на содержаніе мстиславскаго и могилевскаго православнаго владыки ³⁾.

¹⁾ А. Ю. и З. Р., II, № 16.

²⁾ Арх. ун. митр., №№ 390. 457. 599. 600. 647. *Голубевъ*, Петръ Могила, прилож., №№ 30. 31.

³⁾ Арх. Ю.-З. Р., I, VI, № 280. Для представленія хода тяжбы изъ-за печерскихъ имѣній, кромѣ цитованныхъ документовъ, служить Рукоп. книга киево-печерской лаврской библіотеки, № 236 (Документы, относящіяся къ исторіи лавры, переводъ архим. Модеста): №№ 4—8, 11—14, 25, 28, 30 et seq. См. также кн. № 205, л. 310—312. Многое напечатано въ А. З. Р., IV; А. Ю. и З. Р., II; Арх. сб., IV. См. также статью *К. Малевича*: «Киево-печерская лавра въ XVI и нач. XVII ст.» (Лит. ен. вѣд., 1877).

Такимъ образомъ, фундушъ троицкой семинаріи былъ очень ненадежнымъ. Возможно, что у нея были и другіе источники доходовъ; но во всякомъ случаѣ недостаточность ихъ нужно объяснить какъ то, что учебное дѣло въ ней далеко не сразу было поставлено на должную высоту, такъ и то, что она скоро захирѣла. Какъ невысоко она стояла до поселенія въ монастырѣ Іосифа Рутскаго, т. е. до 1606 года, видно изъ слѣдующаго факта. Когда въ основанный имъ новиціатъ стали стекаться молодые люди, преимущественно изъ учениковъ іезуитской коллегіи, ихъ принимали, но приказывали заниматься науками тамъ же, освобождая ихъ отъ монашескихъ обязанностей. Очевидно, въ троицкомъ монастырѣ тогда еще не было ничего, чѣмъ бы можно было замѣнить іезуитскую школу ¹⁾. Впрочемъ, скоро новиціатъ былъ снабженъ приличными преподавателями изъ папскихъ алюмновъ, а также изъ іезуитовъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ поднялось значеніе и семинаріи, которая, очевидно, тоже пользовалась ими; ее стали посѣщать и православные юноши ²⁾.

Нужно нѣсколько остановиться на біографіи Рутскаго, чтобы понять то направленіе, какое приняли въ его управленіе уніатскою церковью и церковная жизнь вообще и школьное преподаваніе въ частности. Отпрыскъ великорусской фамилии, Іосифъ Вельяминъ Рутскій (род. 1573 г.) имѣлъ родителей протестантовъ и послѣ домашняго образованія въ духѣ кальвинской секты отправленъ былъ въ виленскую протестантскую гимназію. Знакомство съ іезуитскими студентами и проповѣдями было началомъ обращенія его къ католичеству, законченнаго его дальнѣйшимъ образованіемъ въ Прагѣ и въ аеанасіевской коллегіи. Дарованія Рутскаго и его ревность по вѣрѣ обратили на него вниманіе іезуитскихъ властей и папы Климента VIII, которые нашли, что онъ принесетъ больше пользы церкви, если сдѣлается католикомъ по греческому обряду, т. е. уніатомъ. Они и не ошиблись. Ознакомившись съ положеніемъ дѣлъ въ зап. Россіи въ 1603—1605 гг., во время личнаго пребыванія тамъ, Рутскій вторично ѣхалъ изъ Рима въ Вильну (въ концѣ 1606 года) уже съ опредѣленнымъ планомъ переустройства русскаго монашества,—планомъ, который долженъ былъ поставить всю уніатскую церковь на подобающую ей высоту и который вызвалъ въ Римѣ сочувствіе и одобреніе, такъ какъ здѣсь надѣялись, что онъ привлечетъ къ апостольскому престолу и московскую Русь ³⁾.

Предполагавшееся преобразование монашества должно было состоять, при возможной вѣрности правиламъ и имени Василія великаго, въ приближеніи его къ устройству и духу рим.-католическихъ монашескихъ орденовъ и въ частности—іезуитскаго. Имѣлось въ виду создать изъ уніатскаго монашества стройный и цѣльный организмъ, который былъ

---

¹⁾ Тр. кiev. дух. акад., 1870, II, 452—453.

²⁾ Арх. сб., VI, № 88.

³⁾ Инструкція кардинала Боргезе епископу Симонетти ди-Фоллиньо, 11 ноября 1606 (Relacoe nunc. apost., II, 101. 107).

бы квинтъ-эссенціей всего, что есть лучшаго въ униі, и сосредоточить въ немъ всё высшія должности униатской церкви. Но для этого необходимо было повысить образовательный уровень монашества, что нужно было прежде всего для самого монашества, а затѣмъ для того, чтобы распространять чрезъ него просвѣщеніе и во всей униатской церкви ¹⁾). И вотъ Рутскій сразу по прибытіи въ Вильну основываетъ при троицкомъ монастырѣ новиціатъ. Послѣдній, какъ и католическіе новиціаты, не былъ въ собственномъ смыслѣ училищемъ, а былъ только пригготовительнымъ къ монашеству учрежденіемъ, почему въ него принимались люди и взрослые и неграмотные ²⁾). Но, разумѣется, и въ немъ преподавались науки и свободныя, и богословскія, какъ необходимыя для будущаго служенія церкви этихъ кандидатовъ монашества и духовныхъ должностей. Въ новиціатѣ Рутскаго скоро собралось до 100 юношей, и онъ, съ 1609 г. уже архимандритъ троицкаго монастыря, строить для нихъ въ этомъ году новое зданіе. Очень скоро новиціатъ Рутскаго получилъ возможность поставлать образованныхъ монаховъ и въ другіе униатскіе монастыри.

Усилія Рутскаго къ поднятію образованія въ униатскомъ клирѣ скоро оцѣнили и отиѣтили митрополитъ Потѣй. Назначая его своимъ епархіальнымъ намѣстникомъ, онъ въ окружной грамотѣ по этому случаю писалъ, что заботами о. Іосифа въ Вильнѣ „теперь хвала Божая общимъ житіемъ и цвиченіемъ людей молодыхъ явъ въ законѣ Божомъ, такъ тежъ и въ наукахъ учтивыхъ, ко помноженію единости святоѣ зачала“ ³⁾). Спустя нѣсколько мѣсяцевъ Рутскій опять проявилъ заботливость о троицкой семинаріи. Дѣло шло собственно о томъ, чтобы выжить изъ монастыря архимандрита Самуила Сенчилу, который измѣнилъ униі и засѣлъ здѣсь, чтобы удержать монастырь за православными. Интересно, что Рутскій мотивировалъ необходимость удаленія Сенчилы такимъ, между прочимъ, образомъ: если онъ останется въ монастырѣ, то мы всё уйдемъ, но тогда прекратится и хвала Божія при троицкой церкви, ибо при ней не останется никого ни изъ священниковъ и діаконовъ, ни изъ братіи, „закроется школа и семинарія дѣтей шляхетскихъ, которая недавно получила тамъ начало ради распространенія нашей вѣры, прекратятся проповѣди и исповѣдь, которыми украшался монастырь, вслѣдствіе чего ослабѣетъ дѣло униі, къ великой радости схизматиковъ и еретиковъ, давно и всячески добивающихся этого, и къ большому огорченію правовѣрныхъ, полагающихъ всю свою надежду на это св. мѣсто“ ⁴⁾). Сенчило, дѣйствительно, долженъ былъ оставить монастырь, и семинарія могла теперь совершенно спо-

---

¹⁾ Relacja y uważenie postępków niektórych około cerkwi Ruskich Wileńskich, r. 1608. y 1609... Rozdz. I.

²⁾ Объ устройствѣ униатскихъ новиціатовъ можно читать у проф. Петрова въ Тр. хіев. дух. акад., 1870, II, 460—465.

³⁾ А. З. Р., IV, № 175.

⁴⁾ Арх. сб., VI, № 54 (стр. 119).

койно работать на пользу униі, тѣмъ болѣе, что по завѣщанію Потѣя (27 апрѣля 1613 г.) она получила его латинскія книги духовнаго содержания, между прочимъ книги Свящ. Писанія, свв. отцовъ ¹⁾).

Заслуги, въ самое короткое время оказанныя троицкимъ монастыремъ униатскому просвѣщенію и духовному и свѣтскому, позволили Юсифу Рутскому думать, что онъ въ состояніи уже взять въ свои руки образованіе всей униатской церкви, скудной „школами порадными (порядочными), для твиченя людей молодыхъ“, и вотъ Рутскій 31 марта 1613 года, еще будучи галичскимъ епископомъ, выхлопоталъ у короля привилей, по которому виленскимъ троицкимъ монахамъ, успѣвшимъ уже зарекомендовать себя „побожностью и въ наукахъ вызволенныхъ твиченьемъ“, предоставлено было завѣдывать всѣмъ образованіемъ въ народѣ рускомъ. Король позволялъ инокамъ „основывать школы въ Новгородѣ, въ Минскѣ и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ бы имъ казалось наиболее удобнымъ, и въ этихъ школахъ учить, по силѣ возможности, всѣмъ наукамъ, на языкахъ греческомъ, латинскомъ, славянскомъ, польскомъ и рускомъ. Имѣютъ они, говорилъ далѣе король, тѣми своими школами управлять и распорядяться по своему усмотрѣнію, подчиняясь въ этомъ своимъ духовнымъ старшимъ — униатскимъ церковнымъ властямъ. Никто изъ нашихъ городскихъ, земскихъ и главныхъ трибунальныхъ чиновъ не долженъ имѣть никакого касательства къ этимъ школамъ и къ учащимся въ нихъ и не можетъ судить ихъ; въ случаѣ же провинности должны отсылать учащихся къ ихъ школьнымъ старшимъ“. Однимъ словомъ, Сигизмундъ III предоставлялъ будущимъ униатскимъ училищамъ „все права, вольности и привилей“ польскихъ католическихъ школъ, для того, чтобы въ нихъ „молодой людъ тымъ охотнѣй брался“ за науки. Униатскимъ школамъ король „для большаго такихъ школъ безпеченства“ предоставилъ этой же грамотой монополію на образованіе, запретивъ быть въ государствѣ всякимъ другимъ учебнымъ заведеніямъ, кромѣ католическихъ ²⁾).

Такимъ образомъ, Рутскій, испрашивая королевскую привилегію, имѣлъ въ виду поставить униатское монашество въ такія же отношенія къ школьному дѣлу, въ какихъ стояли іезуиты, если еще не владѣвшіе образованіемъ всей католической церкви, то стремившіеся къ тому и

---

¹⁾ Дополненіе къ духовному завѣщанію. Арх. Ю.-З. Р., I, VI, № 162. Извѣстна одна изъ такихъ книгъ, перешедшихъ въ троицкій монастырь. Это—*Homiliae, sive conciones praestantissimorum Ecclesiae Catholicae doctororum. Coloniae. M. D. LXXIV, in fol.* (Тр. Кіев. дух. акад., 1876 г., I, 629, 630. *Голубевъ*, Археологическая замѣтка). Изъ надписей на этой книгѣ, которую проф. Голубевъ видѣлъ въ 1875 г. въ дерманскомъ монастырѣ, открывается, что до 1601 г. она была собственностью какого-то діакона, продавшего ее въ этомъ году за 60 гр. лит. нѣкому Леонтію Васильевичу Шелону (Szelow) (*ibid.*).

²⁾ А. Ю. и З. Р., II, № 45. Спустя немного, 20 декабря 1613 г., король, поощряя просвѣтительную дѣятельность троицкихъ монаховъ, далъ имъ село Торокань, перешедшее къ нему по смерти митр. Потѣя, а 2 сент. 1621 г. — и другія села, лежашія въ пинскомъ повѣтѣ (А. З. Р., V, № 6).

фактически бывшіе недалеко отъ этой цѣли. Но Рутскій не рассчиталъ силъ этого монастыря. Оно оказалось не въ состояніи не только за- давить всякія другія училища и, прежде всего, православныя, но и по- ставить надлежащимъ образомъ свое собственное образованіе.

Самъ Рутскій, повидимому, тотчасъ же по полученіи королевскоѣ грамоты и митрополичьей каедры (Потѣи скончался 18 іюля 1613 г.), открылъ на своемъ дворѣ *въ Новгородкѣ* школу для шляхетскихъ и городскихъ дѣтей, причемъ нѣкоторыхъ содержалъ на свой счетъ, над- зоръ же за школою поручилъ „иновамъ новгородскаго монастыря, за- кону св. Василя“¹⁾. Жалоба игумена этого монастыря Сильвестра Котлубая на новгородскихъ кальвинистовъ, занесенная въ градскія кни- ги 30 мая 1616 г., открываетъ и еще нѣкоторые факты изъ исторіи этой школы. Кальвинисты, поселившись въ августѣ мѣсяцѣ предыду- щаго года въ Новгородѣ и построивши противъ соборной церкви свои зборъ и русскую школу, старались пожитья на счетъ уніатской школы и въ короткое время успѣли „отмовить до себе“ не только двухъ учениковъ уніатской школы, но и ея учителя Александра Предример- скаго... Неудачи въ дальнѣйшихъ посягательствахъ на цѣлость уніат- ской школы раздражили кальвинистовъ, и они допустили рядъ круп- ныхъ насилій по отношенію и къ „студентамъ“, и къ монахамъ, и къ зданіямъ монастырскимъ, соборнымъ и школьнымъ. Жалоба монаховъ новгородскому судѣ Ѳ. Евлашевскому не улучшила ихъ положенія: онъ же еще пригрозилъ жалобщикамъ²⁾.

Нѣсколько позже была заведена школа и *въ Минскѣ*, при козмо- демьянскомъ монастырѣ. Настоятель послѣдняго Аванасій Пакоста внесъ 19 октября 1615 г. въ трибунальныя минскія книги королевскій при- вилей 1613 г., которымъ онъ хотѣлъ, очевидно, защитить или открытое уже училище или только открываемое. Во всякомъ случаѣ, оно въ фев- ралѣ 1617 г. несомнѣнно уже существовало и въ немъ учило два ба- калара: о. Діонисій Хмѣльницкій и Николай Новакъ³⁾.

Между тѣмъ предоставленная королемъ уніатскимъ монахамъ монополія образованія юношества *in bonis artibus ac doctrina christia- na* была подтверждена 3 декабря 1615 г., по ходатайству митрополи- та Іосифа, папой Павломъ V, который при этомъ въ видахъ поощре- нія молодежи къ занятіямъ сравнилъ въ правахъ уніатскія школы и воспитанниковъ съ іезуитскими⁴⁾. Вмѣстѣ съ тѣмъ митрополитъ Рут-

¹⁾ Вѣроятно, это былъ монастырь свв. Бориса и Глѣба: въ 1638 г. упоминается такой монастырь и «вся школа того кляштору» (Арх. уніатскихъ митрополитовъ, № 492).

²⁾ Арх. ун. митрополитовъ, № 393. Г. Рункевичъ читаетъ: „Предримерскій“.

³⁾ А. Ю. и З. Р., II, № 45. Минскія грамоты, № 62.

⁴⁾ Bullae et brevia summorum Pontificum, sacrarum Congregationum. Decreta nec non serenissimorum Regum Poloniae, 1767, Pars. I, p. 30—35. Id. *Парвовъ*, Папскія буллы по греко-уніатскому вопросу, стр. 27. Въ этой буллѣ воспитанники уніатскіе приравни- ваются собственно къ членамъ іезуитскихъ студенческихъ братствъ.

скій ходатайствовалъ о принятіи четырехъ уніатскихъ юношей въ греческую коллегію въ Римѣ, и папа издалъ 2 декабря 1615 г. распоряженіе о постоянномъ замѣщеніи четырехъ вакансій въ коллегіи русскими уніатами, съ которыми онъ велѣлъ обращаться какъ съ аломнами другихъ національностей, держа ихъ на счетъ заведенія ¹⁾. Но милости папы къ уніатской церкви не ограничились этимъ: въ этомъ же году и въ началѣ слѣдующаго онъ предоставилъ уніатскимъ юношамъ еще 18 стипендій въ различныхъ аломнатахъ, какъ видно изъ свидѣтельства Льва Кривзы, троицкаго виленскаго архимандрита, въ 1617 г. „Недавно, года два назадъ, мы получили отъ святаго отца, говорить онъ, то благодарѣніе, что двадцать два законника (*braci zakonney*) могутъ учиться на его счетъ въ разныхъ христіанскихъ странахъ, въ важѣйшихъ городахъ, гдѣ могутъ и науки изучить, и получить знакомство съ чужими краями, каковое служить украшеніемъ каждому человѣку, а именно: четыре въ Римѣ, въ греческой коллегіи, два въ Вѣнѣ, два въ Прагѣ, два въ Ольмоуцѣ, шесть въ Брунсбергѣ, шесть въ Вильнѣ“ ²⁾. Наконецъ, примѣру папы послѣдовали польскіе епископы и іезуиты, которые съ своей стороны уступили русскимъ уніатскимъ юношамъ нѣсколько мѣстъ въ коллегіяхъ Калиша, Пултуска, Вильны и Брунсберга, какъ свидѣтельствовалъ о томъ митрополитъ Рутскій на новгородовичской конгрегаціи 1617 г. ³⁾.

Такимъ образомъ, къ 1617 г. уніатская церковь или точнѣе—базиліанскій орденъ—обладала слѣдующими образовательными средствами: виленской троицкой семинаріей, съ которой былъ соединенъ новиціатъ, тремя низшими школами: въ Минскѣ, въ Новгородкѣ и во Владимирѣ и нѣсколькими десятками стипендій въ католическихъ коллегіяхъ. Мы сказали: „точнѣе—базиліанскій орденъ“—не даромъ: къ этому времени проектированное Рутскимъ преобразование уніатскаго монашества въ орденъ, по образцу латинскихъ, закончилось и онъ, дѣйствительно, завладѣлъ всѣмъ просвѣщеніемъ уніатскимъ и даже захватилъ стипендіи въ латинскихъ коллегіяхъ, хотя ни папа Павелъ V, ни, вѣроятно, другіе благодѣтели уніатовъ не предоставляли означенныхъ стипендій монашествующимъ именно. Стремленіе высшихъ уніатскихъ властей держать эти стипендіи въ своихъ рукахъ доходило до того, что онѣ не

---

¹⁾ *Theiner, Vetera monumenta Poloniae et Lithuaniae*, III, № 287 (id. А. В. А. К., XVI, № 116). Протоіерей Ант. Сосновскій утверждаетъ на основаніи письма нунція къ Потѣю, отъ 23 авг. 1607 г., что еще въ этомъ году позволено было послать русскихъ юношей въ аломнаты Рима и Граца (А. В. А. К., XVI, стр. 523). Но едва ли уніаты воспользовались тогда этимъ дозволеніемъ: въ грацкой коллегіи мы совсѣмъ не видимъ русскихъ, а папская булла 1615 г. позволяетъ думать, что теперь впервые открыты были для русскихъ уніатовъ спеціальныя стипендіи въ аванасіевской коллегіи.

²⁾ «Оборона уніи», II. П. Л., I, 286.

³⁾ Базиліанскій рукописный капитулярій—Рук. Имп. публ. библ., Пол. F, I, № 48, л. 4 (Ср. капитулярій на русскомъ языкѣ—Разнояз. Q, I, № 60, л. 3 об.).

замѣщали ихъ совѣтъ, если не находили подходящихъ законниковъ¹⁾. И такое устраненіе бѣлаго елира и мірянъ отъ высшаго образованія не было случайнымъ, но вошло въ систему, которая была формулирована и закрѣплена на нѣсколькихъ базилианскихъ конгрегаціяхъ.

Первую такую конгрегацію Рутскій созвалъ въ своемъ имѣніи Новгородовичахъ (слоним. пов.) въ юлѣ 1617 г. Открывая её, онъ прямо заявилъ, что исправленіе духовенства уніатскаго возможно только чрезъ реформу монашества, а для этого необходимо, чтобы монахамъ дано было образованіе и духовныя упражненія. Съ этой цѣлью, говорилъ митрополитъ, я обращался къ кармелитамъ босымъ въ Краковѣ, но Провидѣнію угодно было сблизить съ нами іезуитовъ, которые и будутъ нашими учителями въ духовной жизни²⁾. Вопросомъ о монастырскихъ школахъ занялись на VI сессіи. Было высказано тогда убѣжденіе, что хотя желательно было бы имѣть во всякомъ монастырѣ молодыхъ людей, которые учились бы и духовной жизни и церковнымъ вещамъ, но что для размноженія ордена необходимо имѣть особое мѣсто, гдѣ бы братія училась тѣмъ наукамъ, къ которымъ способна и которыя соотвѣтствуютъ ея призванію. При этомъ постановлено было, чтобы въ тѣхъ монастыряхъ, гдѣ имѣютъ быть новиціаты и школы для братіи, монаховъ было немного, развѣ увеличатся ихъ фундуши; такъ, для виленскаго монастыря назначена цифра 25: 15 законниковъ и 10 братій. Впрочемъ, новиціаты должны находиться внѣ монастырей и въ нихъ должны учиться только лица, имѣющія священныи санъ. Лаики какъ во всемъ прочемъ должны быть ниже посвященныхъ, такъ и въ отношеніи образованія: „имъ не должно дозволять учиться, развѣ бы только между ними нашелся столь способный (zпасzny), отъ котораго бы ордену могла быть большая польза въ наукахъ; но и это можно допустить только съ разрѣшенія протоархимандрита“³⁾. На 8-й сессіи уніатскія власти опредѣлили перечислить къ ордену три овручскихъ монастыря, имѣнія которыхъ наданы были на виленскую русскую семинарію. „Ибо мы понимаемъ, говорили онѣ, что въ такомъ глухомъ краю, гдѣ нѣтъ учителей ни церковныхъ, ни свѣтскихъ, большая похвала будетъ отъ того Господу Богу“⁴⁾... Что касается свѣтскаго образованія, то новгородовичская конгрегація не прошла молчаніемъ и его, но уже предварительныя совѣщанія обнаружили стремленіе ордена оставить его за собой, такъ какъ вопросъ былъ формулированъ такимъ образомъ: имѣеть быть сужденіе объ „особенной орденской школѣ для братіи“ и

¹⁾ П. П. Л., I, 286.

²⁾ Рук. Имп. публ. библ. Пол. Ф, I, № 48, л. 4. Впослѣдствіи, въ 1624 г. Рутскій вновь обратился къ кармелитамъ (*Likowski*, о. с., 318).

³⁾ Рук. Имп. публ. библ. Пол. Ф, I, № 48, л. 11.

⁴⁾ *Ibid.*, л. 12—13 (А. В. А. Б., XVI, стр. 538; прим. 20: «три монастыри въ Овручомъ наданы суть на семинаріумъ Виленское русское... учинити о томъ старане, якобы то до нашего держанія пришло». Когда они были даны троицкой семинаріи, не знаемъ; мы встрѣтили только указаніе, что въ 1607 г. митр. Ипатій Потѣй выхлопоталъ «добра Овручкіе» у короля для виленскаго духовенства (Арх. сб., VI, № 61).

о „школахъ нашихъ для свѣтскихъ“ ¹⁾. Сообразно съ этимъ, конгрегация прежде всего обратила вниманіе на существовавшія уже монастырскія школы въ Новгородѣ и Минскѣ. Въ частности, она порѣшила латинское отдѣленіе минской школы раздѣлить на два класса, поручивъ каждый изъ нихъ профессору изъ братіи; въ русскомъ классѣ учителемъ могъ быть и свѣтскій, лишь съ подчиненіемъ его одному изъ первыхъ двухъ. Обѣ эти школы конгрегация рекомендовала особой заботливости старшихъ тѣхъ монастырей, гдѣ онѣ находились; старшіе обязывались наблюдать за способами ученія и успѣхами учащихся—сами или черезъ уполномоченныхъ, способныхъ къ тому. Программу преподаванія конгрегация поручила составить протоархимандриту и школьный порядокъ постановила сдѣлать предметомъ обсужденія слѣдующаго съѣзда, къ каковому времени должны были быть составлены правила для орденскихъ властей и другихъ лицъ, въ томъ числѣ для протоархимандрита и профессоровъ школьных ²⁾.

Такова была образовательная тенденція новгородовичскаго съѣзда униатскихъ властей, руководимаго Рутскимъ, и она продолжала жить и послѣ, хотя митрополитъ и находилъ препятствіе къ скорѣйшему ея осуществленію въ косности настоятелей монастырей ³⁾. Вторая конгрегация (1621 г.) обращаетъ исключительное вниманіе на образование молодыхъ монаховъ. Подтвердивъ высказанное раньше требованіе, чтобы „лаики никогда ни учились“ и чтобы никого изъ братьевъ—студентовъ не посылать на науку прежде произнесенія обѣта (*przed professiä*),—она сдѣлала относительно учащихся базилианъ нѣсколько новыхъ распоряженій. Въ виду обнаруженной многими братьями небрежности въ ученіи, съѣздъ опредѣлилъ подвергать ихъ наказанію („покутѣ“) и наблюденіе за ними возложилъ на одного изъ наиболѣе почтенныхъ монаховъ въ монастырѣ. Этотъ отецъ долженъ постоянно находиться при нихъ, присутствуя при репетиціяхъ, экзаменахъ, духовныхъ упражненіяхъ. Точно также долженъ быть назначенъ надзиратель за молодыми базилианами въ тѣхъ городахъ, гдѣ есть коллегіи студентовъ, избираемый изъ отцовъ мѣстнаго монастыря; онъ долженъ наблюдать за поведеніемъ „русскихъ студентовъ“ вообще и за отправленіемъ ими религіозныхъ обязанностей въ частности. На пропитаніе учащихся братьевъ и на переѣзды ихъ для изученія наукъ изъ одного города въ другой конгрегация постановила взыскивать 20-й грошъ изъ доходовъ каждаго монастыря. Заботиться объ удовлетвореніи нуждъ иногороднихъ студентовъ долженъ былъ визитаторъ, который имѣлъ потому, по мысли кон-

¹⁾ Рук. Имп. публ. библ. Пол. Ф, I, № 48, 3 листъ. Пункты 19 и 26.

²⁾ *Ibid.*, л. 13 и 15 об.

³⁾ Въ 17 пунктѣ меморіала, составленнаго на второй лаврашевской конгрегациі, читаемъ такое интересное признаніе: «постановленія конгрегациі, сказано здѣсь, должны быть приведены въ исполненіе—не такъ, какъ постановленія первой, оставшіяся на бумагѣ только, а не перешедшія въ дѣло» (*ibid.*, л. 31).

грегациі, сноситься съ ними письменно ¹⁾). Точно также и рутская конгрегациія (1623 г.) думаетъ только объ образованіи базилианъ. Именно на ней рекомендовано было настоятелямъ монастырей, для утвержденія доброй славы ордена, замѣщать вакансіи въ папскихъ алюмнатахъ и особенно въ Римѣ наилучшими студентами ²⁾). Что подъ этими студентами разумѣлись базилиане, которыхъ почти однихъ уніатскія власти посылали въ папскія коллегіи и, въ частности, въ римскую, показывается слѣдующій случай. Въ 1623 г. Іосифъ Рутскій просилъ Конгрегацию распространенія вѣры объ увеличеніи числа русскихъ алюмновъ въ аѳанасіевской коллегіи. Она исполнила эту просьбу, прибавивъ для нихъ 23-го мая 1623 г. двѣ стипендіи, и при этомъ позволила посылать въ Римъ наряду съ духовными и свѣтскихъ уніатовъ: митрополитъ, повидимому, спрашивалъ и объ этомъ. Но, не былъ ли онъ извѣщенъ объ этомъ декретѣ или не понялъ его, какъ составленнаго въ неопредѣленныхъ выраженіяхъ, только въ слѣдующемъ году онъ опять обратился съ вопросомъ относительно того, можно ли посылать свѣтскихъ въ греческую коллегію. Конгрегациія распространенія вѣры 30 апрѣля 1624 г. разрѣшила посылать и мірянъ, такъ какъ, говорила она, декретъ 23 мая 1623 г. имѣетъ и ихъ въ виду (*complectitur*), какъ и духовныхъ, но при этомъ сдѣлала оговорку, чтобы митрополитъ избиралъ изъ лаиковъ для послыки въ Римъ людей испытанной жизни, могущихъ приносить пользу церкви ³⁾). Такимъ образомъ, относительно этого вопроса къ 1623 г. установилась было настолько вѣрпкая традиція, что даже митрополитъ не рѣшался нарушить ее своею властію.

Систематическія заботы высшей уніатской власти объ образованіи членовъ базилианскаго ордена и о передачѣ въ его вѣдѣніе всего уніатскаго просвѣщенія позволили Рутскому уже въ 1624 г. похвалиться въ своемъ донесеніи въ Римъ, что „базилиане содержатъ школы, занимаясь обученіемъ юношества, и своими публичными спорами назидаютъ свѣтскихъ уніатовъ“ ⁴⁾). Но немного этихъ школъ содержалъ тогда орденъ: кромѣ минской и новгородской въ его рукахъ находились еще двѣ-три школы, отнятыя у православныхъ, каковы бѣльская, могилевская ⁵⁾, холмская ⁶⁾. Но теперь насущнымъ вопросомъ являлся вопросъ объ образованіи не столько мірянъ, сколько клира, бѣлаго духовенства, которымъ до сихъ поръ почти совершенно пренебрегали. Сами уніатскіе

¹⁾ Рук. Имп. публ. библ. Пол. Ф. I, № 48, л. 20. 21. 24. 25. 32.

²⁾ *Ibid.*, л. 38.

³⁾ Арх. ун. митрополитовъ, № 500. Ср. А. В. А. К., XVI, 523.

⁴⁾ *Harasiewicz Mich., Annales ecclesiae Ruthenae*, p. 295.

⁵⁾ Арх. сб., II, №№ 30, 102.

⁶⁾ Упомянутое о холмской монастырской школѣ встрѣчаемъ впервые въ 1628 г. въ жалобѣ еврея Авраама Савинскаго на ея ректора Захарію Острожика и его брата Теодора, слугу митрополита Рутскаго, напавшихъ 23 ноября на еврейскій домъ (А. В. А. К., XXIII, пред., стр. 65). Подъ 1633 г. упоминается бакалавръ ея Валентинъ Дмовскій (*ibid.*, 160).

писатели признавались, что въ то время, какъ въ орденъ базилианскій поступило сто слишкомъ молодыхъ людей, прошедшихъ школы,—у нихъ „еще не было приступлено къ перевоспитанію (do przepolegowania) бѣлаго духовенства“¹⁾. А между тѣмъ и сотня образованныхъ священниковъ составляла-бы только незначительную часть бѣлаго униатскаго духовенства²⁾. Правда, у униатовъ еще въ началѣ XVII ст. была духовная семинарія при виленскомъ монастырѣ. Но мы видѣли, при какихъ неблагопріятныхъ матеріальныхъ условіяхъ она начала свое существованіе, и если новиціатъ, заведенный при томъ же монастырѣ, спасъ ея жизнь, то, съ другой стороны, онъ же долженъ былъ и погубить ее. Самое завѣдываніе семинаріей находилось въ рукахъ монаховъ, въ родѣ Іосифа Рутскаго, Іосафата Кунцевича, которымъ выгодно было заботиться больше о новиціатѣ, чѣмъ о ней, такъ какъ не въ интересахъ базилианскаго ордена было развивать образованіе бѣлаго духовенства въ ущербъ черному. И, дѣйствительно, уже въ 1617 г. орденъ отчислилъ отъ семинаріи принадлежавшія ей имѣнія овручскихъ монастырей, а въ 1632 или 1633 году митрополитъ Рутскій отнялъ у виленскаго монастыря имѣнія Торокань, данное ему королемъ для воспитанія юношества³⁾. И хотя семинарія троицкая еще продолжала существовать, какъ видно изъ пожертвованія въ пользу бурсаковъ, сдѣланнаго въ 1625 г. полоцкимъ войскимъ Евстафіемъ Корсакомъ Голубицкимъ⁴⁾, — но значеніе ея, какъ духовной школы, настолько упало, что о ней не вспоминаеть ни одна конгрегація при разсужденіяхъ своихъ объ образованіи бѣлаго духовенства, ни митрополитъ Рутскій.

Вопросъ объ устройствѣ новой духовной семинаріи назрѣлъ у митрополита, очевидно, еще задолго до 1620 г., если къ 15 іюня этого года уже было собрано нѣсколько тысячъ, какъ доносилъ въ Римъ самъ Рутскій, обратившійся въ Конгрегацію распространенія вѣры съ просьбой ассигновать на семинарію тысячу талеровъ, находившуюся въ распоряженіи папскаго нунція въ Польшѣ⁵⁾. Въ 1621 г. Рутскій просилъ папу Павла V подѣйствовать чрезъ нунція на короля, чтобы послѣдній по-

¹⁾ «Sowita wina», 1621 (Арх. Ю.-З. Р., I, VII. 499, cf. 505) и «Obrona Werificatiey» (441).

²⁾ По словамъ одного папскаго нунція, на котораго ссылается кс. Ликовскій, скоро послѣ брестскаго собора униатскихъ церквей въ зап. Россіи было 2169, а схизматическихъ 1089 (Likowski, Historia unii kościoła Ruskiego z kościołem Rzymskim (1875), str 72).

³⁾ Bullarium romanum, XIV, p. 318.

⁴⁾ Въ пользу бурсаковъ имѣла итти часть доходовъ съ завѣщаннаго Корсакомъ троицкому монастырю имѣнія Залѣся (полоцкаго пов.). (Арх. сб., X, стр. 185). Завѣщаніе Корсака, впрочемъ, оспаривалось. Троицкій монастырь выигралъ дѣло только въ 1636 г., причѣмъ конгрегація постановила взять вмѣсто имѣнія 3 т. зл. (Рук. Имп. публ. библ. Пол. Р., I, № 48, стр. 59).

⁵⁾ Тр. Киев. дух. акад., 1870, II, 474. Одновременно съ этимъ митрополитъ имѣлъ намѣреніе открыть въ Киевѣ суффраганство и при немъ школу (Проектъ митрополита о мѣрахъ къ введенію въ Киевъ уни. В. З. Р., 1864/5, т. I, окт., 66. 67).

вліялъ на наслѣдниковъ кн. Острожскаго, чтобы они отдали на уніатскую семинарію имѣнія, отнятыя старымъ княземъ у луцкой каведры; впоследствии митрополитъ готовъ былъ довольствоваться и половиной этихъ имѣній, но не получилъ ничего, такъ какъ они были переданы латинскимъ костеламъ и монастырямъ ¹⁾. Съ тѣхъ поръ дѣло о семинаріи поднималось нѣсколько разъ, но оно свелось къ длинному ряду попытокъ завести ее, — ряду, далеко выходящему за рамки нашего изслѣдованія. Въ этомъ отношеніи въ уніатской церкви того времени вполне можно примѣнить слова поэта: „Даны ей благіе порывы, свершить ничего не дано“... И это — не смотря на постоянную поддержку уніатской церкви ея „старшей сестрою“ — римской церковью, которая всегда готова была оказывать и оказывала ей и нравственную и матеріальную поддержку. Такъ, когда Рутскій вновь написалъ въ Римъ 10 марта 1623 г. о своемъ желаніи открыть духовную семинарію, папа не только сочувственно отнесся къ нему, но и согласился помочь дѣлу деньгами, лишь бы было положено начало ²⁾. Митрополитъ серьезно принялся за дѣло и 27 января слѣдующаго года послалъ кардиналу Бандини проектъ собиранія денегъ на семинарію. Проектъ этотъ былъ здѣсь одобренъ, по крайней мѣрѣ на основаніи его состоялись черезъ два года постановленія по этому вопросу уніатскаго собора и базилианской конгрегаціи ³⁾. вмѣстѣ съ тѣмъ Конгрегація распространенія вѣры обратилась къ виленскому епископу и палскому нунцію въ Польшѣ (14 мая и 9 августа 1624 г.), чтобы они содѣйствовали учрежденію русской уніатской семинаріи ⁴⁾. Затѣмъ, чтобы побудить и самихъ уніатскихъ владыкъ къ энергичной помощи предпріятію, оо. Конгрегаціи, опредѣляя равенство уніатскаго духовенства во всѣхъ отношеніяхъ съ католическимъ (30 апр. 1624 г.), выразились, что русскимъ епископамъ и можно и должно открывать школы по священнымъ канонамъ ⁵⁾.

И сами они пришли къ сознанію необходимости школъ и духовныхъ семинарій, какъ это видно изъ донесенія Конгрегаціи распространенія вѣры о положеніи уніатской церкви (1624 г.). По этому донесенію, дѣла уніи и школьнаго просвѣщенія въ частности были не въ блестящемъ положеніи. Епископы хвалились нѣсколькими „богословами, свѣдущими въ греческомъ и латинскомъ языкахъ, чего на Руси не было (будто бы) видано на ихъ и ихъ отцевъ памяти“, но они тутъ же заявляли, что этого страшно мало для всей церкви и что нужно

¹⁾ *Likowski*, Unia brzeska, 299. 300. *Harasiewicz*, 296.

²⁾ Письмо кардинала Бандини къ митр. Рутскому, 5 іюля 1623 г. (А. В. А. К., XVI, стр. 523).

³⁾ А. В. А. К., XVI, 489.

⁴⁾ Арх. ун. митр., кн. VI, № 437, л. 8 об.

⁵⁾ Арх. ун. митр., кн. 66 (Копія декретовъ Конгрегаціи распространенія вѣры, касающихся уніатской церкви, — книга, составл. въ 1710 г.), р. 1. Cf. *Bullae et brevvia summorum Pontificum...* 1767, Pars I, 44, b.

устроить семинарію, которая приготавлила бы безженных священников¹⁾, хороших монаховъ и благочестивыхъ учителей школъ. Нужна была своя именно семинарія, такъ какъ въ латинскихъ школахъ, куда уніаты, особенно шляхта (*nobiles*), отдавали часто своихъ дѣтей, обнаружались случаи совращенія послѣднихъ въ латинство или къ латинскому обряду²⁾. Притомъ же оказалось, что и католическое общество стало смотрѣть на унію очень несочувственно. Самымъ появленіемъ своимъ уніа вызвала столько волненій, безпокойствъ и кровопролитныхъ схватокъ во множествѣ западнорусскихъ городовъ, что возбудила противъ себя большое недовольство со стороны здравомыслящихъ католиковъ³⁾. А затѣмъ, и само духовенство латинское стало принципиально преслѣдовать уніатовъ за ихъ слишкомъ большое, по его мнѣнію, тяготѣніе къ старинѣ, къ греко-славянскому обряду⁴⁾. Наконецъ, и въ заграничныхъ коллегіяхъ стало обнаруживаться стремленіе ограничить приемъ уніатскихъ юношей. Такъ, папа Урбанъ VIII утвердилъ 23 ноября 1624 года новый уставъ аванасіевской коллегіи, по которому въ ней оставлялось для русскихъ не болѣе четырехъ стипендій⁵⁾. И хотя

---

¹⁾ Безженные священники казались уніатскимъ владыкамъ удобнѣе женатыхъ по тѣмъ же причинамъ, по которымъ введенъ celibatus и въ католической церкви. Имъ думалось, что celibatus повыситъ нравственный и умственный цензъ духовенства. «Даль бы то Панъ Богъ, говоритъ авторъ Антиррисиса, жебы ся и наши поны обачыли, а женамъ покой давши, въ чыстости правой жыти хотели. Подобно бы пыльнейшыя книги и науки были, ани бы дети ихъ дурныяе церковей дедичнымъ правомъ не домогалися» (С. II. Л., III, 745).

²⁾ *Harasiewicz*, о. с., pp. 266. 274. 278. 284. 285. 296. 297. Изъ католическихъ школъ, писали епископы, почти 200 юношей перешли въ латинскій обрядъ и столько же при дворѣ и въ войскѣ; владыки требовали, чтобы русскихъ юношей, даже преданныхъ схизмѣ, благородныхъ и плебеевъ, воспитывающихся въ иезуитскихъ коллегіяхъ, не принуждали къ оставленію русскаго обряда и даже не допускали, если бы они и хотѣли этого. Объ этомъ же просилъ папу въ 1630 г. и Мелетій Смотрицкій (*Theiner*, *Vetera monumenta...* III, № 328, p. 386. Ср. *Likowski*, *Unia brzeska* (1596 г.), str. 266. 318. 320.

³⁾ Известное письмо литовскаго канцлера Льва Сапѣги къ Иосафату Кунцевичу, изображающее все зло, какое внесла въ государство уніа, тѣмъ болѣе цѣнно, что Сапѣга былъ сторонникомъ ея (Оно напечатано у *Байтышъ-Каменскаго* въ его Историческомъ извѣстіи о возникшей въ Польшѣ уніи, 1805, стр. 75 et seq., у *Wiszniewskiego*, *Hist. liter. pol.*, VIII, 497 seq.).—13 июля 1622 г. Русскій писалъ Аркудію, что изъ латинянъ уніи симпатизировали нунцій Диоталлеви и король: «кромѣ ихъ двухъ мы, писалъ Русскій, не имѣли никого, кто бы намъ столько помогъ» (*Likowski*, *Unia brzeska*, 304, прим. 1). Въ 1628 г. папа счелъ нужнымъ поручить русскихъ уніатовъ, которые подвергались обидамъ отъ католиковъ-поляковъ, особой защитѣ гнізненскаго архіепископа (*Raphaëlis de Martinis pars I*, vol. I, Urbanus VIII, № 40).

⁴⁾ Красноставскій соборъ 1643 г. подъ страхомъ отлученія запретилъ католикамъ посылать дѣтей въ уніатскія училища (*Harasiewicz*, 352; id. *Brodowicz*, *Widok przemocy na słabą niewinność strogo wywartej*, II, Lwow, 1862, str. 81. 82). См. также постановленіе варшавскаго синода того же года о вышнихъ отличіяхъ уніатскихъ епископовъ (*Likowski*, о. с., 314).

⁵⁾ *Bullarium romanum*, XIII, p. 245 (№ 98).

папа послѣ присоединилъ къ нимъ еще двѣ, но на дѣлѣ уніаты, кажутся, были стѣснены въ своемъ поступленіи туда, если въ маѣ 1630 г. папа опять повелѣлъ кардиналу Барберини, протектору коллегіи, позаботиться о принятіи большаго числа русскихъ ¹⁾. Тотъ же папа, реформируя въ 1627 году пражскую и вѣнскую коллегіи, не оставилъ ни одной стипендіи для русскихъ, хотя прежде въ каждой изъ нихъ ихъ было по двѣ ²⁾. А изъ постановленія Конгрегаціи распространенія вѣры 22 ноября 1630 года мы узнаемъ, что ректоръ не только вѣнской коллегіи, но и ольмюцкой, отказывалъ русскимъ въ приемѣ. Митрополитъ Рутскій жаловался на это въ Римъ, и тамъ поручили папскому нунцію въ Германіи спросить означенныхъ ректоровъ, по какой причинѣ они отказываются принимать русскихъ ³⁾.

Несмотря на это, дѣло затянулось опять. Наконецъ, папа Урбанъ VIII, извѣрившись въ энергіи уніатскаго митрополита и епископовъ, пишетъ къ нимъ 22 августа 1626 г. два письма, въ которыхъ заявляетъ, что рѣшилъ открыть въ предѣлахъ Польши семинарію, которая была бы гимназіей для русскаго юношества; желая, чтобы они считали его не только иниціаторомъ (author), но и участникомъ (comitem) въ этомъ благочестивомъ дѣлѣ, папа сообщаетъ, что распорядился объ отпускѣ тысячи скути. Призывая епископовъ поддержать пожертвованіями новую крѣпость религіи и надѣясь на ихъ благочестіе и щедрость, Урбанъ сравниваетъ ихъ съ семью свѣтильниками церкви, почему они должны разливать по всѣмъ направленіямъ свѣтъ не только истины, но и благодѣяній . . . Отъ митрополита же папа ожидалъ, что онъ вѣрѣ поможетъ не только деньгами, но и примѣромъ ⁴⁾. Но еще раньше, чѣмъ были получены въ западной Россіи эти письма, митрополитъ провель на лаврашовской базилианской конгрегаціи, собравшейся 10 августа (по старому стилю), и на кобринскомъ соборѣ 26 авгу-

¹⁾ Арх. уніат. митр., кн., 66, стр. 49. Ср. кн. VI. № 437, л. 8 об. У Алляція мы читаемъ имена многихъ замѣчательныхъ дѣятелей уніатской церкви, вышедшихъ изъ аванасіевской коллегіи: кромѣ Петра Аркудія, Іосифа Рутскаго, тамъ учились еще Левъ Кривза, Анастасій Селява, Рафаиль Корсакъ, Ілія Мороховскій, Іеремія Почаповскій, Пахомій Война Оранскій, Меодій Терлецкій и мн. др. (De ecclesiae occid. et orient. perpetua concessione, 987. 988). Николай Комнень Нападополи готовъ видѣть огромную историческую заслугу этой коллегіи уже въ воспитаніи одного Рутскаго, привлекаемаго къ униі 2 милліона русскихъ и названнаго папой Урбаномъ VIII «Athanasius Russiae, Atlas unionis» (Praenotiones Mystagogicae ex jure canonico, 1697, pp. 128, 129).

²⁾ Magn. bullar. rom., IV, p. 122. 124 (ib. Bullarium romanum, XIII, №№ 246. 247, и Iuris pontificii de propaganda fide pars 1-ma Raphaelis de Martinis, vol. I, Urbanus VIII, № 33, § 4; № 34, § 2).

³⁾ Арх. ун. митр., кн. 66, стр. 49. Къ 1652 г. русскіе уніаты и, въ частности, базилиане лишились очень многихъ стипендій — по своей ли небрежности, или потому, что были вытѣснены изъ нѣкоторыхъ аллюмнатовъ. Минская конгрегація, разсуждая объ этомъ, постановила стараться, чтобы онѣ опять были предоставлены ордену, и выслала въ Римъ двухъ монаховъ (Рук. Имп. публ. библ. Пол. F, I, 48, стр. 71. 74).

⁴⁾ Theiner, Vetera monumenta Poloniae et Lithuaniae, III, № 318, p. 379.

ста 1626 г. ¹⁾, а немного спустя и на новгородскомъ соборѣ бѣлаго духовенства рядъ постановленій о взносѣ денегъ на проектированную семинарію.

На предложеніе Іосифа Рутскаго на 3-й сессіи IV лаврашевской конгрегаціи сдѣлать складчину на ея основаніе и содержаніе, Рафаиль Корсакъ, новый протоархимандритъ и настоятель виленскаго троїцкаго монастыря, ассигновалъ изъ его доходовъ $\frac{1}{8}$ часть, т. е. по 100 копъ грошей ежегодно, въ теченіе четырехъ лѣтъ. Вслѣдъ за нимъ настоятель лаврашевскаго монастыря обѣщаль 100 зл. Столько же постановлено взять съ жировицкаго монастыря; съ монастырей новгородскаго, гродненскаго, черейскаго и могилевскаго предписано было взимать въ теченіе четырехъ лѣтъ $\frac{1}{8}$ дохода; точно также и польскіе монастыри (т. е. находившіеся въ областяхъ, принадлежавшихъ Коронѣ) должны были вносить $\frac{1}{8}$ часть, но въ первые два года они освобождались отъ налога. Доходы минскаго монастыря всецѣло обращены были на семинарію. Что касается бытеньскаго монастыря, то въ виду того, что въ немъ находился новиціатъ, предоставлено было на добрую волю архимандрита, сколько дать ²⁾.

На соборъ въ Кобринъ съѣхались митрополитъ, епископы, архимандриты, протопопы и игумены. Обсуждая дѣла своей церкви, униатское духовенство пришло къ мысли, что все добро какъ въ церкви, такъ и въ политической жизни людей, происходитъ отъ наилучшаго воспитанія юношей, и единогласно постановило, чтобы въ предѣлахъ вѣвской митрополіи была учреждена главная гимназія (*Generale gymnasium*, или по гречески *φροντιστήριον*), куда бы люди высокаго положенія (*nobilis conditionis*) изъ всѣхъ странъ Россіи присылали дѣтей для напоенія ихъ свободными науками и ученіемъ своей вѣры. На эту гимназію, или семинарію, отцы собора обязались сдѣлать изъ собственныхъ доходовъ пожертвованія въ такомъ размѣрѣ. Митрополитъ Рутскій записалъ 10 т. флориновъ; Іоакимъ Мороховскій, епископъ владимирскій, 2 т. одновременно и затѣмъ ежегодно до своей смерти по 100 флориновъ; Іеремія, епископъ острожскій и луцкій, по 2 т. въ теченіе первыхъ четырехъ лѣтъ и по 1200 въ теченіе четырехъ послѣдующихъ; Антоній, архіепископъ полоцкій, витебскій и мстиславскій, — тысячу; Григорій, епископъ пинскій и туровскій, — 2500 флориновъ; Левъ, епископъ смоленскій и черниговскій, и Аванасій, епископъ перемышльскій и самборскій, по 500 флориновъ ³⁾. Игумены же базилианскихъ

¹⁾ Митрополитъ Іовъ Борецкій писалъ 31 іюля царю, что «униатове огласиша духовный свой соборъ въ Кобрини въ лѣто сее августа 26 дня» (Арх. Ю.-З. Р., I, VI, № 233). Но этотъ соборъ датируется обыкновенно по новому стилю — 6 сентября (А. З. Р., IV, № 226).

²⁾ Рук. Имп. публ. библ. Пол. Р, I, 48, стр. 41. Арх. ун. митр., кн. I, № 27, л. 2: *Particuli congr. Lauriszowiensis IV habitae 1628.*

³⁾ Флоринъ (*florenum polonicum*), или польскій золотой, въ 1626 году равнялся 59^а коп. (*Н. Горбачевскій, Словарь древняго актовaго языка, 133.*)

монастырей подтвердили свое обязательство о взносѣ въ теченіе первыхъ четырехъ лѣтъ $\frac{1}{8}$ своихъ доходовъ и объ обращеніи на семинарію минскаго монастыря со всѣми его доходами. Подписавшіеся обязывались въ случаѣ невнесенія денегъ дать вдвое, не внесшіе и вторично—рисковали лишиться своей должности. Далѣе, предположено было увеличить собранную сумму покупкой чрезъ четыре года имѣній (вопа). По окончаніи сбора имѣло быть опредѣлено, сколько каждый изъ подписавшихся можетъ послать изъ своей епархіи учениковъ, сообразно съ внесеннымъ имъ капиталомъ (при расчетѣ по 100 флоринновъ на пищу и одежду одному воспитаннику). Оставшіяся вакансія замѣщаетъ митрополитъ. На собранныя деньги, или на счетъ самой семинаріи, должны содержаться только бѣднѣйшіе воспитанники и изъ нихъ тѣ, которые префектамъ семинаріи покажутся годными для распространенія славы Божіей по греческому обряду и въ священномъ санѣ. „Провизоры“ семинаріи имѣютъ избираться на общемъ собраніи епископовъ и подчиняться протоархимандриту базилианскаго ордена и во всемъ зависѣть отъ него. На частныхъ соборахъ епископы должны убѣждать пресвитеровъ отдавать въ эту семинарію дѣтей къ назначенному сроку ¹⁾. Программы преподаванія соборъ не выработалъ, хотя въ его опредѣленіи есть нѣкоторыя указанія на нее. Такъ, здѣсь говорится объ общаніи базилианскаго ордена дать семинаріи латинскихъ наставниковъ для низшихъ классовъ до риторики и учителей, которые бы излагали по русски необходимыя священному чину науки. А на основаніи текста утвержденія соборнаго постановленія папой Урбаномъ VIII (6 декабря 1629 г.) можно думать, что уніатскія власти имѣли въ виду приблизить свою семинарію къ латинскимъ, устраивавшимся по декретамъ тридентскимъ ²⁾.

Наконецъ, митрополитъ привлекъ къ участию въ пожертвованіяхъ на задуманную семинарію бѣлое духовенство кievской епархіи. 15 октября 1626 г. съѣхались на соборикъ въ Новгородокъ нѣсколько десятковъ протопоповъ и поповъ въ качествѣ депутатовъ отъ всей епархіи. Они охотно отозвались на предложеніе митрополита и рѣшили пожертвовать по копѣ лит. грошей, не отказываясь дать и больше, если визитаторъ найдетъ чей-нибудь приходъ особенно хорошимъ; при этомъ они оговорились, что этотъ взносъ имѣетъ быть единичнымъ, а не постояннымъ. Духовенство обѣщало представить деньги на слѣдующемъ съѣздѣ — въ 1628 г. И, дѣйствительно, въ назначенному сроку было уже собрано 200 зл. ³⁾.

¹⁾ Изъ рѣчи митр. Рутскаго на соборикѣ бѣлаго духовенства въ Новгородкѣ, 15 окт. 1626 г., видно, что въ семинаріи имѣли учиться «дѣти священническіе и шляхетскіе и разныхъ становъ» (Арх. ун. митр., № 536).

²⁾ *Kulczyński Ign.*, Appendix ad Specimen ecclesiae Ruthenicae, p. 89 et sqq. Ср. текстъ утвержденія папой постановленій кобринскаго собора, 6 дек. 1629 г. (*Raphaelis de Martinis* p. 1, vol. 1, Urbanus VIII, № 49).

³⁾ Арх. ун. митр., № 536. Тр. Киев. дух. акад., 1870, II, 475.

Всѣхъ горячѣе относился къ дѣлу митрополитъ Рутскій. Кромѣ обѣщанныхъ десяти тысячъ флориновъ, онъ въ томъ же 1626 году назначилъ на будущую минскую семинарію большую часть доходовъ съ своего родового имѣнія Руты, въ теченіе четырехъ лѣтъ. Въ своемъ завѣщаніи (20 марта 1627 г.) митрополитъ Рутскій умолялъ, „жебы съладанка на семинарыумъ през смерт (его) не разрывалась“; въ частности, онъ просилъ преемника порадѣть о столь благомъ дѣлѣ и собрать съ доходовъ митрополии обѣщанныя 10 тысячъ злотыхъ, а съ доходовъ холмской епархіи, бывшей тогда вакантною,—двѣ тысячи, причемъ указывалъ, съ какаго фольварка и какимъ образомъ могутъ быть получены эти всѣ тысячи (впрочемъ, самъ митрополитъ еще „ничого не спенежылъ“ (не собралъ), живя въ этомъ фольваркѣ—въ Бѣломъ Полѣ) ¹⁾. Нѣсколько позже онъ отнялъ у троицкаго монастыря имѣніе Торокань, чтобы увеличить имъ фондъ будущей семинаріи, и папа Урбанъ VIII подтвердилъ эту передачу ²⁾. Помнили о своихъ обязательствахъ и другіе епископы. Такъ, Іоакимъ Мороховскій по духовному завѣщаніи 3 февраля 1631 г. отказалъ „полтрети тысячи (золотыхъ польскихъ, т. е. 2500) на семинаріумъ наше, на сенодѣ Кобрынскомъ от насъ намовѣленное (условленное) и постановленное“ ³⁾. Не забыли о нихъ и настоятели монастырей, о чемъ свидѣлствуетъ постановленіе жировицко-фалимичской конгрегачіи 1629 г., чтобы митрополитъ отдалъ на минскую семинарію 300 злотыхъ, взятыхъ имъ отъ папа Хрептовича ⁴⁾. Но сами они дѣлали взносы далеко не аккуратно, какъ видно прежде всего изъ письма протоархимандрита Рафаила Корсака къ митрополиту Рутскому отъ 13 февраля 1628 г. „Соборъ въ Минскѣ, писалъ онъ, я открылъ. Свя-

---

¹⁾ Арх. униат. митрополитовъ, № 541. Интересно, что Рутскій такъ былъ увѣренъ въ близкомъ устройствѣ семинаріи, что въ завѣщаніи выговорилъ въ ней одно мѣсто для воспитаника изъ рода своего отца—Вельяминовскаго.—Послѣ смерти нареченнаго холмскаго епископа Ѳ. Мелешковича митрополитъ Рутскій назначилъ въ Холмъ Меодія Терлецкаго, чѣмъ нарушилъ права апостольскаго престола, о чемъ 7 ноября 1626 г. папа писалъ королю. По поводу этого же назначенія папскій нунцій требовалъ отъ Рутскаго часть епископскихъ доходовъ на нужды семинаріи. Тогда временное управленіе холмской епархіей взялъ самъ митрополитъ и держалъ его до 1630 г., хотя уже въ февралѣ 1629 г. Меодій Терлецкій былъ утвержденъ въ званіи холмскаго епископа (А. В. А. К., XXIII, пред., 67. 68. 71).

²⁾ Bullarium romanum, XIV, p. 318 (№ 455).

³⁾ Арх. Ю.-З. Р., I, VI, № 253, стр. 628.

⁴⁾ Рук. Имп. публ. библ. Пол. Ф, I, 48, л. 47. Еще на новгородовичской конгрегачіи было заслушано предложеніе Адама Хрептовича основать въ своемъ имѣніи Красный Боръ униатскій монастырь. Съѣздъ тогда окончательнo не принялъ предложенія, ибо, хотя онъ и находилъ, что тамъ можетъ быть послѣ учреждена школа монашеская, но былъ настроенъ противъ учрежденія монастырей въ мѣстахъ безлюдныхъ. Впослѣдствіи Хрептовичъ замѣнилъ красноборскую фундацію шестью тысячами злотыхъ, каковыми и завладѣлъ митрополитъ (*ibid.*, л. 12 и замѣчаніе на полѣ). Ошибается потому Пелешъ, когда утверждаетъ, что въ Красномъ Борѣ дѣйствительно существовалъ новиціатъ (*Pelesz*, II, 139).

щенники внесли на семинарію контрибуціи 200 зл., которые я тотчас передалъ о. Александру для постройки (pro fabrica). Контрибуція (сборъ) съ монастырей нашихъ на семинарію можетъ считаться плохую: потому что, такъ какъ здѣсь только спорять, особенно въ Жировицахъ, Могилевѣ, Черей, то отсюда можно получить контрибуціи не болѣе 200 злотыхъ, изъ Вильны 1000. Всѣ остальные не хотятъ давать: Бытень 200, Жировицы 200, Новгородокъ 250, Могилевъ 20, Черей 100, Полоцкъ 250¹⁾. А къ 1636 году на одномъ могилевскомъ монастырѣ выросла недоимка до 400 зл.; она и не была выплачена, такъ какъ на виленской конгрегаціи этого года протоархимандритъ сложилъ ее, принявъ во вниманіе пожаръ въ могилевскомъ монастырѣ²⁾.

Несмотря на всѣ эти постановленія, несмотря на то, что на помощь уніатской церкви пришли: папа, давшій 3 т. зл. и утвердившій передачу учреждаемой коллегіи им. Тороканъ³⁾, король, виленскіе латинскіе епископы и „много мірскихъ господъ“⁴⁾, — само уніатское духовенство во главѣ съ базилианскимъ орденомъ оказалось не въ силахъ справиться съ этимъ предпріятіемъ⁵⁾ и — семинарія въ нашъ періодъ открыта не была. Правда, сдѣлавъ былъ шагъ къ осуществленію кобринскаго проекта перенесеніемъ въ Минскъ возмодемьянской школы въ монастырь св. Духа, причемъ ей, по одному современному документу, усвоено было имя семинаріи⁶⁾, но дѣло не пошло дальше этого и дальше разсужденій на виленской конгрегаціи 1636 года относительно того, кто имѣетъ учить въ минской семинаріи⁷⁾. „Рутскій, пишетъ Саковичъ, собралъ на минскую семинарію 50 тысячъ злотыхъ какъ отъ короля Сигизмунда III, такъ и отъ нѣкоторыхъ бискуповъ и владыкъ, и хотъ школы были устроены, не было кому учить; хотъ святой Отецъ

¹⁾ Тр. Кіев. дух. акад., 1870, II, 475.

²⁾ Рук. Импер. публ. библ. Пол. Ф, I, № 48, л. 60. Но есть основаніе думать, что это та сумма, которую конгрегація 1631 г. велѣла возвратитъ виленскому монастырю, какъ бывшую «семинарскую минскую», т. е., очевидно, эти 400 злотыхъ могил. монастырь взялъ въ долгъ у виленскаго монастыря (А. В. А. К., XVI, 538, прим. 21).

³⁾ Булла п. Урбана VIII отъ 21 февраля 1633 г. (Bullarium romanum, XIV, p. 318; id. — *Raphaelis de Martinis* p. I. Vol. I. № 61). Иосифъ Рутскій доносилъ папѣ, что онъ самъ (ipse) хочетъ воздвигнуть коллегію для русскихъ и московскихъ юношей и ей намѣренъ передать им. Тороканъ, отданное Потѣмъ 30 лѣтъ назадъ русской уніатской коллегіи и на время приписанное къ виленскому монастырю. Папа разрѣшилъ эту передачу, добавивъ, что она должна имѣть силу, если коллегія будетъ учреждена не сразу, а потомъ (collegio. erigendo, si et postquam canonice erectum fuerit).

⁴⁾ А. В. А. К., XVI, 523, 539, прим. 23; Ср. *Sakowicz*, *Эпачарѣшчэ*, 113.

⁵⁾ Мы объясняемъ неуспѣхъ дѣла исключительно инертностью уніатскаго духовенства, не придавая вѣры свидѣтельству автора Галицкой лѣтописи, будто въ 1630 г. казаки перехватили собранныя на семинарію деньги (Рус. ист. сб., III, 240); оно не подтверждается болѣе нигдѣ, хотя поводовъ къ упоминанію о немъ было немало.

⁶⁾ Арх. уніат. митрополитовъ, № 702. Фактъ перенесенія датируютъ 1635 г. (Мин. еп. вѣд., 1877, стр. 424, 457; 1879, 82, 83).

⁷⁾ Рукон. Импер. публ. библиот. Пол. Ф, I, № 48, л. 57.

отвелъ 24 стипендіи въ разныхъ мѣстахъ, но не было пользы, такъ какъ не хотѣли учиться“¹⁾). Дальнѣйшая исторія обнаруживаетъ все болѣе достойное жалости безсиліе униатской церкви въ этомъ дѣлѣ. На минской, напр., конгрегаціи 1652 г. униатскія власти, рѣшивъ открыть съ новаго года семинарію, преподавательскій ея составъ опредѣлили 2—3 человеками, а число воспитанниковъ—только пятью²⁾). Минская семинарія въ 1655 г. была разрушена при нападеніи на городъ московскаго войска³⁾).

Внѣшняя исторія униатскихъ училищъ за изслѣдуемый нами періодъ времени кончилась тѣмъ же, чѣмъ и началась, — захватомъ православной школы въ Пинскѣ въ 1631 году⁴⁾...

Составъ преподавателей въ униатскихъ училищахъ. Униатскія школы находились въ рукахъ монашествующаго духовенства; бѣлое духовенство завѣдывало только школами сельскими, гдѣ онѣ были, а изъ городскихъ — владимирской, бѣльской, пинской. Въ послѣднихъ учило или оно само или низшіе члены причтовъ. Въ школахъ же монастырскихъ преподавали, конечно, сами базилиане, изрѣдка только допуская въ низшіе классы свѣтскихъ бакалавровъ. Многие изъ преподавателей—базилианъ прошли, конечно, курсы наукъ въ папскихъ и иезуитскихъ коллегіяхъ⁵⁾, и на этомъ основаніи можно было бы утверждать, что они стояли на высотѣ своего призванія, если бы не извѣстны были, съ одной стороны, мѣропріятія базилианскихъ конгрегацій противъ „недбалства“ лѣнливыхъ студентовъ⁶⁾, съ другой—признаніе Саковича по поводу быстраго паденія минскаго училища по его возведеніи въ семинарію. Изъ базилианъ—педагоговъ выдаются три ректора виленской троицкой семинаріи.

Личность первого ректора ея и старшаго троицкаго монастыря *Петра Федоровича Суромятника* остается невыясненной. Извѣстно только, что онъ въ 1602 г. написалъ, по порученію митрополита Потѣя, опроверженіе вышедшей въ 1598 г. въ Острогѣ Исторіи о флорентійскомъ соборѣ⁷⁾). Послѣ его смерти книга его вышла въ свѣтъ въ 1602 г. въ польскомъ переводѣ, сдѣланномъ виленскимъ архиман-

¹⁾ Епачѣрѣшис, 113.

²⁾ Рук. Импер. публ. библ. Пол. Р, I, № 48, стр. 71, 75, 76.

³⁾ А. В. А. К., XVI, 523.

⁴⁾ Арх. сб., VI, № 57.

⁵⁾ Виленская конгрегація 1636 г. сдѣлала формальное постановленіе, чтобы папскіе алумны пріѣхавши съ наукъ, поступали въ вѣдѣніе старшихъ и учили въ школахъ (Рук. Имп. публ. библ. Пол. Р, I, 48, л. 62)

⁶⁾ Постановленія лаврашевской конгрегаціи 1621 и виленской 1636 гг. (Рук. Имп. публ. библ. Р, I, № 48, стр. 19. 64).

⁷⁾ Посвященіе опроверженія датировано 1 апр. 1602 г. (*Tocher*, II, № 3051 и стр. 494—497. *Pelesz*, II, 384. 385). Ликовскій считаетъ авторомъ «Обгону» самого Потѣя (о. с., 289; ср. Arch. Sapiehanum, 368).

дритомъ Геласіемъ Русовскимъ ¹⁾). Вторымъ извѣстнымъ ректоромъ былъ *Іосифъ Рутскій*. Впрочемъ, мы утверждаемъ фактъ ректуры Рутскаго только на основаніи того обстоятельства, что онъ былъ устройтеlemъ новиціата и руководителемъ не только духовной жизни новиціевъ, но и ихъ умственнаго развитія ²⁾). Преемникомъ его былъ *Іосафатъ Кунцевичъ*, изъ Владимира волынскаго. Образованія школьнаго онъ не получилъ ³⁾ и изъ языковъ зналъ польскій и славянскій, и только живя уже въ троицкомъ монастырѣ, гдѣ готовился къ принятію габита, чтеніемъ богословскихъ книгъ и частнымъ слушаніемъ лекцій іезуитскихъ профессоровъ дошелъ до такой степени совершенства въ богословіи, что на диспутахъ, по свидѣтельству его біографа—епископа владимирскаго Мороховскаго, былъ непобѣдимъ ⁴⁾). Извѣстно даже нѣсколько богословскихъ трактатовъ, авторомъ коихъ онъ выставляется. Таковы: О порчѣ славянскихъ книгъ противниками митрополита и о заблужденіяхъ, которыя разсѣваются братскими типографіями Вильны, Острога и Львова; О крещеніи св. Владимира; О духѣ и обязанностяхъ мо-

---

¹⁾ «Obrona ś. Synodu Florenskiego powszechnego, dla prawowierney Rusi napisana przez Piotra Fiedorowicza w Wilnie, Collegium Ruskiego I. M. Księdza Mitropolity Kijowskiego Rectora, a przez Gelasia Rusowskiego, archimandritę Wileńskiego na polski język przełożona» (*Голубевъ*, Библиографич. замѣчанія... Тр. Кіев. дух. акад., 1876, I, 359. 360). Не былъ ли въ 1605 г. напечатанъ оригиналъ книжки? Вишневскій указываетъ, по крайней мѣрѣ, — «Оборону собору флорентійскаго осмаго, противъ фальшивому недавно отъ противниковъ згодъ выданному», Вильна, 1605, in 4-о, 126 стр. (VIII, 315).

²⁾ «Тезисъ Сиречь. Извѣстныя предложенія отъ учений еже о тайнахъ церковныхъ. Наразмышленіе къобщему состезанію данны. Честнымъ отцемъ Іосифомъ Великимъ Рутскимъ, Инокомъ. Закону святого Василія, въ М-ру Виленскомъ святое Живоначное Троицы. Состязаніе же се наобычномъ мѣсте учений будетъ, прим-ри предреченномъ. Року отпорожена Х-ва, 1608, мѣс. генваря дня и. часу второго пополудни». Параллельно съ славянскимъ текстомъ «Тезисовъ» идетъ польскій—«Theses To jest Pełne przełożenia z nauki o Sakramentach cerkiewnych. Wydane na Disputacia rozpolita. Przez оуца Јоzerpha Wielamina Rutskiego Professora (вм. Professa) zakonu św. Bazylego»... Всѣхъ тезисовъ шесть: 1) Человѣкъ состоитъ изъ души и тѣла; справедливо потому, что благой Богъ сопровождаетъ прощеніе грѣховъ нѣкоторыми вещественными знаками. 2) Мистера или тайны, т. е. дѣйствія, которыя при видимыхъ знакахъ дають человѣку очищеніе, существовали еще въ ветхомъ заветѣ. 3) Для совершенія новозавѣтнаго таинства нужны матерія, форма и вѣра (интенція) совершающаго. 4) Новозавѣтныя таинства, дѣйствительно,—орудія божественной милости и оставленія грѣховъ; церковь не ошибается, когда креститъ младенцевъ. 5) Какъ матерія дѣйствуетъ на тѣло, такъ Божія благодать дѣйствуетъ на духъ; таинство не есть «умшленіе наго». 6) Таинствъ семь; непреклонная и единая вѣра во всѣхъ ихъ служитъ признакомъ единства церкви. Каждый тезисъ кромѣ положительной стороны представляетъ и отрицательную, такъ какъ опровергаетъ лжеученія еретиковъ, преимущественно протестантовъ. «Тезисы» обнаруживаютъ знакомство Іосифа Рутскаго какъ съ святоотеческой литературой, такъ и съ протестантской.

³⁾ Не знаемъ, на какомъ основаніи Ликовскій увѣряетъ, что Кунцевичъ учился во владимирской школѣ (*Unia brzeska*, 375).

⁴⁾ «Relacia o zamordowaniu okrutnym... Wiel. оуца Јосафата Кунцевича... w Zamowciu, 1624.

нашеской жизни; О целибатѣ клира; Совѣты іереямъ (*Regula presbyter.*), Катихизисъ; Разсужденіе о спорныхъ пунктахъ между схизматиками и католиками ¹⁾. Въ 1608—1609 г. Иосафатъ Кунцевичъ состоялъ если не ректоромъ, то однимъ изъ преподавателей троицкой семинаріи, на что указываетъ жалоба архим. Сенчила, что Иосафатъ „зъ студентами“ покушался на его здоровье ²⁾. Послѣ краткаго игуменства въ Бытенѣ и Жировицахъ Иосафатъ Кунцевичъ въ 1613 г. былъ назначенъ архимандритомъ виленскаго троицкаго монастыря, а въ 1617 г. коадьюторомъ архіепископа полоцкаго Брольницеаго и затѣмъ его преемникомъ. Здѣсь онъ заявилъ себя какъ разумными мѣрами на пользу своей паствы, такъ и фанатизмомъ въ отношеніи къ православнымъ, который и довелъ витеблянъ до кровавой расправы съ Кунцевичемъ (1623 г.) ³⁾.

Однако мы составили бы невѣрное представленіе и о богатствѣ научныхъ силъ базилианскаго ордена въ изслѣдуемый нами періодъ времени, и о характерѣ школьнаго униатскаго образованія, еслибы подумали, что униатская школа держалась на ногахъ сама собой, безъ помощи со стороны католической церкви. Въ числѣ другихъ проявленій этой помощи мы должны указать на пользованіе учителями іезуитскаго и другихъ католическихъ орденовъ. Въ ближайшее отношеніе къ униатскому школьному дѣлу стали виленскіе іезуиты со времени устройства при троицкомъ монастырѣ новиціата. Въ самомъ устройствѣ его Рутскій, прошедшій курсъ духовныхъ упражненій въ несвижской коллегіи, руководился указаніями Валентина Фабриція, доктора богословія ⁴⁾. Этотъ же Фабрицій и Гружевскій были учителями Иосафата Кунцевича и нѣкагого монаха Варсонофія ⁵⁾. Но кромѣ этихъ частныхъ профессоровъ были и въ троицкой школѣ учителя—іезуиты: не даромъ въ концѣ 1608 г. архимандритъ Сенчило и виленское духовенство жаловались на Потѣя, что онъ, въ своемъ тяготѣннѣ къ сближенію съ латинской церковью, „езуитовъ и кармелитовъ до того монастыря Святое Троицы впровадилъ (ввелъ), якожь вжо и школъ своихъ для науки языка нашего словенского не маемо, о дьяка трудно“ ⁶⁾. А что означенные іезуиты занимались въ это время именно школьнымъ преподаваніемъ, а не руководствовали новиціевъ въ духовной жизни, видно изъ слѣдующаго: въ 1612 г. виленскому архимандриту случилось посѣтить вмѣстѣ съ епископомъ Рутскимъ іезуитскій новиціатъ и онъ такъ восхитился видѣннымъ тамъ, что обѣщалъ присылать сюда для наста-

¹⁾ *Iacobus Susza, Cursus vitae et certamen martyrii B. Iosaphat Cuncevicii, 7. Pelesz, II, 306—307. Likowski, Unia brzeska, 347. Колловичъ, Лит. церк. униа, II, 329—330.*

²⁾ Арх. сб., VI, стр. 116. 117.

³⁾ *Pelesz, o. c., 308 sqq.*

⁴⁾ *Kojałowicz, Miscellanea, 16. 17.*

⁵⁾ *Susza, Cursus vitae... Iosaphat Cuncevicii (1665), pp. 5. 11. 17.*

⁶⁾ Арх. сб., VI, № 62.

вленій и духовныхъ упражненій своихъ новиціевъ ¹⁾. Впослѣдствіи, когда уніатскимъ митрополитомъ сдѣлался Рутскій, питомецъ іезуитовъ, и когда папа Павелъ V разрѣшилъ послѣднимъ вступать въ базилианскій орденъ (1613) ²⁾, между обоими орденами должны были завязаться еще болѣе близкія отношенія, повліявшія, разумѣется, и на постановку и характеръ школьнаго уніатскаго образованія, въ частности—монашескаго. Кромѣ того, что уніатамъ іезуиты предоставили нѣсколько мѣстъ въ своихъ коллегіяхъ,—митрополитъ Рутскій въ бытность свою въ Римѣ (около 1615 года) выпросилъ у генерала ордена двухъ іезуитовъ съ тѣмъ, чтобы они жили съ уніатами, пока вся братія получитъ хорошее духовное воспитаніе, т. е., значить, пока не утвердится въ правилахъ монашеской жизни и католическаго богословія ³⁾. Всѣ эти сношенія уніатовъ съ іезуитами вызвали у православныхъ вильнянъ подозрѣніе относительно характера ихъ, и Левъ Кревза, троицкій архимандритъ, долженъ былъ оправдывать базилианъ тѣмъ, что они ищутъ у іезуитовъ не чего другого, а только науки. „Въ Вильнѣ нѣкоторые подозрѣваютъ насъ, что мы входимъ въ соглашеніе (*nakładamy się*) съ оо. іезуитами. Нашъ отвѣтъ таковъ. Самъ природный умъ учить человѣка искать у сосѣдей того, чего нѣтъ у самого. Нашей монашествующей братіи нужна наука для размноженія славы Божіей. Дома мы еще ее не можемъ имѣть. Что же удивительнаго, если за нею обращаемся къ тѣмъ, у кого она есть,—къ своимъ сосѣдямъ, нашимъ согражданамъ и братьямъ? Не къ непріятелямъ мы обращаемся, не такъ, какъ другіе, которые насъ осуждаютъ и въ то же время приглашаютъ въ свои школы учителей изъ Гданска и Кролевца или изъ виленскаго сбора, и имъ поручаютъ своихъ дорогихъ дѣтей“ ⁴⁾. И впослѣдствіи уніатскія власти на своихъ конгрегаціяхъ не разъ поднимали рѣчь о болѣе тѣсномъ союзѣ съ іезуитами и о приглашеніи послѣднихъ въ свои новиціаты и семинаріи, и переписка между митрополитомъ и генераломъ іезуитскаго ордена не разъ касалась этого вопроса ⁵⁾.

Организація уніатскихъ школь.

О внутреннемъ устройствѣ уніатскихъ школь изслѣдуемаго періода сохранилось очень немного свѣдѣній; но на основаніи отношеній къ нимъ іезуитовъ можно утверждать сходство ихъ съ іезуитскими коллегіями и въ правилахъ дисциплины, и въ характерѣ взаимныхъ отноше-

¹⁾ Lit. an. S. I. 1612, pp. 507. 508.

²⁾ *Harasiewicz*, 70.

³⁾ Рук. Имп. публ. библ. Пол. F, I, № 48, л. 4. 5. Эти два іезуита—Симонъ Прускій и Андрей Конинскій, назначенные въ 1616 г. руководителями бытскаго общаго новиціата и въ слѣдующемъ году участвовавшие въ дѣяніяхъ рутской конгрегаціи (*Likowski, Unia brzeska*, 297).

⁴⁾ П. П. Л., I, 285.

⁵⁾ Рук. Имп. публ. библ. Пол. F, I, 48, стр. 19. 30. 57. А. В. А. К., XVI, 522. *Mump. Makarij*, X, 491.

ній преподавателей и воспитанниковъ, и въ программахъ и методѣ обученія, и, наконецъ, въ нѣкоторыхъ учебникахъ ¹⁾).

Высшій надзоръ за уніатскими школами предоставленъ базилианскими конгрегациями протоархимандриту, какъ генералу іезуитскаго ордена—надъ іезуитскими. Ему вмѣнено правилами въ обязанность заботиться, чтобы орденъ имѣлъ школы упорядоченныя, съ достаточнымъ числомъ учащихся и съ надлежащимъ составомъ учителей, чтобы братія прилежно изучала церковныя пѣніе и церемоніи; ему же предоставлялось наблюдать за занятіями учащихся, не успѣвшихъ въ свободныхъ наукахъ не допускать учиться дальше, прошедшихъ новиціатъ отсылать, послѣ того какъ дадутъ монашескіе обѣты, въ высшія школы или назначать ихъ на духовныя должности. Раздѣленіе школы на классы тоже зависѣло отъ протоархимандрита, который въ своемъ отношеніи къ училищамъ долженъ былъ вообще руководиться тѣмъ убѣжденіемъ, что школа — единственное дѣйствительное средство къ распространенію ордена. Все это касается отношеній протоархимандрита собственно къ орденской школѣ, но ему же были подчинены и всѣ другія училища, содержимыя базилианами. На его же обязанности лежало воздвигать въ удобныхъ мѣстахъ школы для свѣтскихъ юношей, гдѣ бы преподавались имъ свѣтскія науки и христіанское ученіе. Онъ же по порученію первой конгрегации долженъ былъ составить и программы для нихъ. Контролировались уніатскія школы тоже протоархимандритомъ,—орденская лично имъ, всѣ прочія особыми должностными лицами, визитаторами, которые не упускали изъ виду и юношей, учившихся въ алюмнатахъ и коллегіяхъ. Ближайшій надзоръ за каждой отдѣльной школой принадлежалъ настоятелю того монастыря, гдѣ она находилась, который или самъ входилъ во всѣ подробности училищной жизни или поручалъ это лицу довѣренному ²⁾).

Обращаясь къ программѣ уніатскихъ школъ, остановимся прежде всего на языкахъ. Въ этомъ отношеніи у уніатовъ нѣтъ слѣпago подражанія іезуитамъ: здѣсь они руководились своими нуждами, почему и выхлопотали въ 1613 году право „учить всѣхъ наукъ, водлугъ преможенья (своего), языкомъ вгредскимъ, латинскимъ, словенскимъ, польскимъ и рускимъ“. Но желаніе ихъ стать поближе къ источникамъ католической науки выдвинуло на первый планъ изъ всѣхъ этихъ языковъ—*языкъ латинскій*. Уже минская школа въ составѣ своихъ трехъ классовъ считала съ 1617 года два латинскихъ и только одинъ русскій. Одно изъ правилъ протоархимандриту требуетъ, чтобы ученики хорошо и совершенно изучали латинскій языкъ, такъ чтобы и говорить и писать могли на немъ. А въ орденской школѣ, или новиціатахъ, можно думать, латинскій языкъ былъ даже языкомъ преподаванія, какъ видно изъ того, что протоархимандриту повелѣвается поощрять къ изученію

---

¹⁾ *Eukasz.*, Hist szkół, I, 354.

²⁾ *Regulae protoarchimandritaе*, cap. IV. De scholis (Рук. Имп. публ. библ. Разнояз. Q, I, № 60). Правила орденскія составлены митроп. Рутскимъ и утверждены на конгрегации 1621 г. (*Pelesz*, II, 455).

нравственнаго богословія не только знающихъ латинскій языкъ, но и незнающихъ его ¹⁾. И въ проектированной въ нашъ періодъ духовной семинаріи латинскому языку отводилось очень видное мѣсто, такъ что она называется то просто латинской школой, то латинской и славянскою ²⁾.

Хотя потребность въ *греческомъ языкѣ* первыми русскими униатами сознавалась, но у нихъ не хватало силъ и средствъ ввести его въ кругъ преподаванія. По крайней мѣрѣ еще въ 1617 г. онъ не изучался даже въ виленской троицкой школѣ: Левъ Кривза въ этомъ году высказываетъ только надежду, что онъ скоро будетъ введенъ туда ³⁾. Въ то же время униатскія власти составляютъ проектъ устройства даже отдѣльныхъ греческихъ школъ. Такъ, въ правилахъ протоархимандриту требуется, чтобы для униатскихъ юношей была одна особенная (*singularis*) школа греческая, въ которой бы этотъ языкъ, столь необходимый, изучался основательнымъ образомъ (*e fundamentis ordinateque*); протоархимандритъ могъ, впрочемъ, соединить ее съ латинской школой, если бы нашла удобнѣе ⁴⁾. Кажется, это желаніе униатскихъ властей осталось въ области *ria desideria*. Греческій языкъ, если и изучался въ нѣкоторыхъ униатскихъ школахъ, то такъ неуспѣшно, что въ 1642 году Саковичъ увѣрялъ, что Русь и алфавита греческаго не знаетъ, хотя и называется греческою ⁵⁾.

Не пользовался большимъ значеніемъ въ униатскихъ школахъ и *славянскій языкъ*, хотя онъ имѣлъ всѣ права на особенное къ себѣ вниманіе, какъ языкъ богослужебный. Какое было его положеніе, напр., въ троицкомъ виленскомъ монастырѣ, даетъ видѣть цитованная уже жалоба архимандрита Самуила Сенчила на то, что, благодаря іезуитамъ и кармелитамъ, въ немъ уже въ 1608 г. не было мѣста „для науки языка нашего словенскаго“. Не лучше онъ былъ поставленъ и въ другихъ школахъ, какъ это открывается между прочимъ изъ сочиненія Смотрицкаго: *Werificatia niewinności* (1621 г.). М. Смотрицкій свидѣ-

¹⁾ Reg. protoarchimandritae, с. IV, р. 2 и 5.

²⁾ Арх. ун. митр., № 536. 541.

³⁾ „Miedzy inezemi naukami Grecki język z collegium Greckiego w krotkim, dali Bog, czasie wprowadzi się do nas, bo to już nam obiecano. Ledwie gdzie w krześcianstwie uczą tak dobize po Grecku, jako w pomienionym Collegium! Uczyniliż co podobnego temu patriarchy(e) Carogrodzcy przez siedem set lat, jako się Rus okrzyła? («Obrona jedności», 1617, П. П. Л., I, 287). Тоже повторяетъ другой униатскій писатель Дубовичъ (*Hierarchia*, 1644, р. 201). Удивительная похвальба и ослѣпленіе! Какъ будто они не знали, что пока изъ Рима обѣщали только ввести греческій языкъ въ униатскія школы, въ православныхъ училищахъ уже 30 лѣтъ какъ ему было отведено первенствующее мѣсто.

⁴⁾ Reg. protoarchimandritae, сар. IV, р. 4.

⁵⁾ *Ελευθέρως*, III. Интересно, что впоследствии сами папы рекомендовали униатскимъ монашествующимъ властямъ, наряду съ сохраненіемъ греческаго обряда, и тщательное изученіе греческаго языка, напр., папа Бенедиктъ XIV въ 1751 году (А. В. А. К., XVI, № 139).

тельствуетъ, что соединеніе съ Римомъ принесло вообще малую пользу русскому народу и, въ частности, не помогло просвѣщенію уніатскаго духовенства, которое продолжаетъ оставаться „въ невѣжественной простотѣ: о школахъ нѣтъ попеченія, славянскій языкъ въ пренебреженіи, русскій осмѣивается“¹⁾. Пренебрежительное отношеніе къ славянскому языку, какое обнаружили вожди уніи съ самаго начала, способствовало тому, что черезъ какіе нибудь сто лѣтъ онъ сталъ совершенно непонятенъ даже духовенству уніатскому, въ силу чего у него отнято было еще одно средство образованія. „Теперь нѣтъ уже славянскихъ школъ и наукъ, свидѣтельствуетъ одинъ уніатскій писатель конца XVII или начала XVIII в.,— всѣ науки изложены латинскимъ языкомъ. Вся наука о священствѣ (o stanie kapłanskim), о таинствахъ содержится въ латинскихъ книгахъ, и если кто не понимаетъ ихъ, конечно, не въ состояніи будетъ уразумѣть тѣ тайны“²⁾. Ко времени замойскаго собора изъ представляемыхъ въ священники уже едва сотый понималъ славянскій языкъ, такъ что митр. Кишеѣ пришлось озаботиться изданіемъ „Лексикона, сирѣчь словесника словенскаго, имѣющаго въ себѣ словеса первѣ словенскія, азбучныя, по семъ же польскія, благопотребнаго къ выразумѣнію словесъ словенскихъ, обрѣтающихся въ книгахъ церковныхъ“ (Супрасль, 1722)³⁾. Въ уніатскихъ школахъ славянскій языкъ изучался, вѣроятно, по православнымъ изданіямъ его азбуки и грамматикъ и по церковно-богослужбнымъ книгамъ⁴⁾.

Положеніе *русскаго языка* должно было быть въ уніатскихъ училищахъ нѣсколько лучшимъ сравнительно съ славянскимъ уже въ силу того, что безъ знанія его нельзя было сноситься съ тѣмъ простымъ народомъ, который и составлялъ главнымъ образомъ уніатскую церковь. Послѣдній настолько былъ отчужденъ отъ славянскаго языка, что приходилось вводить русскій даже въ богослуженіе, что и узаконила виленская конгрегація 1636 г., предписавъ на своей XV сессіи, чтобы монахи—проповѣдники произносили проповѣди на руссомъ языкѣ⁵⁾. Впрочемъ, фактъ школьнаго употребленія русскаго языка, даже какъ языка преподаванія, доказывается уже тѣмъ, что уніатскія училища часто называются русскими⁶⁾; на немъ имѣли преподаваться священныя

¹⁾ Арх. Ю.-З. Р., I, VII, 336.

²⁾ Рук. сборн. кievской дух. акад. № 122 (по Опис. проф. Петрова): *Epitome albo krotka nauka kapłanow...* пред., л. 9 об.

³⁾ Ю. Крачковскій, Чт. въ моск. общ. ист. и древн. рос., 1871 г., II, 219, 220.

⁴⁾ На одномъ октоихѣ XVII вѣка, принадлежащемъ виленской публ. библиотекѣ, есть надпись: «азъ многорѣшный Францишекъ Ланѣвскій тутъ у Супраслю з ласки его милости о. архимандрита Юсафата Михневича милъ (имѣлъ) позволеніе на той книжѣ учитися» (*Добржанскій, Описание рукописей...* 79). Вѣроятно, богослужбныя именно книги послалъ м. Рутскій въ луцкую іезуитскую коллегію для изученія славянскаго языка (Lit. an. S. I., 1613—1614, p. 414).

⁵⁾ Рук. Им. публ. библ. Пол. Р., I, № 48, стр. 62.

⁶⁾ Ср. извѣстіе о zaloженіи супрасльскимъ архимандритомъ Дубовичемъ *szkoły dla uczenia Ruszczyzny* (Арх. сб., IX, № 63). Дубовичъ былъ настоятелемъ супрасльскаго монастыря въ 1645—1652 гг. (*ibid.* № 56 и стр. 215).

науки даже въ проектированной на вобринскомъ соборѣ минской семинаріи ¹⁾); ему же дано въ ней одинаковое мѣсто съ латинскимъ и по постановленію минской конгрегаціи 1652 г. И русскій и польскій языкъ изучались, конечно, практически, путемъ разговорнаго и письменнаго употребленія, какъ это было и въ православныхъ училищахъ.

Относительно того, какія „вызволелныя науки“ и въ какомъ объемѣ преподавались въ уніатскихъ школахъ въ первое время ихъ существованія, свѣдѣній мы не имѣемъ никакихъ, хотя могли бы воспользоваться для этого аналогіей ихъ съ іезуитскими и отчасти православными школами. Увѣреннѣе мы можемъ судить о духовныхъ предметахъ ихъ курса. Конечно, конфессіональный элементъ былъ сильнѣе въ троицкой семинаріи и въ новиціатахъ, чѣмъ въ прочихъ школахъ. Отъ воспитанниковъ ихъ требовалось изученіе церковнаго пѣнія, церемоній, нравственнаго богословія и, конечно, катихизиса. И если въ методѣ преподаванія нравственнаго богословія уніаты напоминали нѣсколько католиковъ, придавая ему казуистическій характеръ ²⁾, то во всѣхъ прочихъ предметахъ духовныхъ употреблялись, вѣроятно, приемы изученія и учебныя пособія православныя. Даже въ изученіи катихизиса уніатская школа не совершенно примкнула къ католической. По крайней мѣрѣ митрополитъ Ипатій Потѣй воспользовался ученостью Петра Архудія, чтобы имѣть свой катихизисъ. Написанная послѣднимъ „Сума науки христіанское“ была оставлена имъ въ виленскомъ монастырѣ, но, повидимому, пашла доступъ и въ другія обители и школы; супрасльскій, напр., монастырь владѣлъ уже въ 1614 г. экземпляромъ ея ³⁾. Быть можетъ, онъ именно былъ напечатанъ въ типографіи виленскаго троицкаго монастыря въ 1628 г. (in 12-to, 24 листа) ⁴⁾. Могли быть, затѣмъ, учебниками и руководствами по катихизису тѣ многочисленныя сочиненія въ латино-уніатскомъ духѣ, переводы которыхъ на греческомъ и славянскомъ языкѣ по совѣту Поссевина стали издаваться въ началѣ 80-хъ годовъ XVI ст. и распространяться въ тысячахъ экземпляровъ по Греціи, южной и западной Россіи ⁵⁾. Наконецъ, что касается ме-

---

¹⁾ *Kulczynski*, Appendix ad Specimen ecclesiae Ruthenicae, p. 93. Впрочемъ, въ постановленіи новгородскаго соборика блага духовенства о пожертвованіи на семинарію она названа со словъ митр. Рутскаго «школой латинской и словенской»; но это произошло вслѣдствіе обычнаго въ то время смѣшенія русскаго и славянскаго языковъ (Арх. ун. митроп., № 536).

²⁾ По правиламъ протоархимандриту, нравственное богословіе должно было преподаваться въ тѣхъ монастыряхъ, гдѣ есть опытный человѣкъ, могущій разрѣшать сомнѣнія совѣсти. Рук. Имп. публ. библ. Разнояз. Q, I, 60. Правила протоархимандриту, сар. IV, p. 5.

³⁾ *Архим. Николай*, Супрасльскій благовѣщенскій монастырь, 98 и 99, прим. 1. Въ вилен. публ. библиотекѣ, куда по сообщенію автора поступилъ означенный экземпляръ, его не оказывается.

⁴⁾ *Васильевскій*, Вильна, VI, 173.

⁵⁾ *Supplementum . . .* 39, 40. Изъ катихизисовъ, изданныхъ въ Римѣ до уніи, мы знаемъ два: катихизисъ Александра Комулея, напеч. въ 1582 г. на слав. яз. латинскими буквами, и катихизисъ Петра Канизія — Сумма наука христіанскаго част-

тогда преподаванія богословскихъ предметовъ, то мы должны отмѣтить употребленіе въ униатскихъ школахъ, духовныхъ, по крайней мѣрѣ, диспутовъ, на что указываетъ „Θ:σ:σ“ І. Рутскаго.

Еще меньше извѣстны школьные порядки и педагогическіе приемы. Въ этомъ отношеніи униатскія школы стояли посрединѣ между православными и іезуитскими. Къ первымъ примыкали больше училища, отнятыя у православныхъ и подчиненныя бѣлому духовенству, ко вторымъ болѣе тяготѣли базилианскія. Іезуитское вліяніе можно усматривать въ братствѣ студенческомъ, существовавшемъ одно время при троицкой семинаріи и восстановленномъ по предложенію митрополита на виленской конгрегаціи 1636 г.: оно, подобно іезуитскимъ училищнымъ братствамъ, имѣло цѣлію развитіе благочестія въ учащихся и „привлеченіе ихъ къ монашеству“¹⁾. И благочестіе, насыщаемое въ униатскихъ школахъ, было такого-же свойства, какъ и то, какого добивались іезуиты, т. е. нечуждо было фанатизма. Студенты троицкой школы, предводительствуемые старшимъ монастыря и ректоромъ своимъ Іосафатомъ Кунцевичемъ, не разъ совершали насилія надъ православными въ теченіе 1607, 1608 и 1614—1617 гг.²⁾ Въ Минскѣ ученики униатской школы тоже не отличались спокойнымъ нравомъ: въ февралѣ 1617 г. они до того избili многихъ православныхъ школьниковъ, что возный, свидѣтельствовавшій ихъ, сомнѣвался относительно нѣкоторыхъ, останутся ли они живы. Интересно, что „бакалары“ минскаго униатскаго училища, посылая своихъ питомцевъ противъ православныхъ школьниковъ и вообще для „розруховъ и до звад“, дали имъ „хоронгевву (знамя)“³⁾. Въ 1628 г. Захарія Острожикъ, ректоръ холмской монастырской школы вмѣстѣ съ своимъ братомъ разгромилъ домъ еврея Савинскаго⁴⁾. Особеннымъ буйствомъ отличались ученики холмской гимназіи⁵⁾.

Жалоба владимирскаго униатскаго епископа Мороховскаго въ 1616 г. открываетъ еще одну любопытную черту быта униатскихъ школьниковъ. Послѣдніе были избиты шляхтичемъ Соколовскимъ „в ден Марии Мак-

наго учителя Богослова Петра Конисіе тоумачена изъ латинскаго языка оу словенскы... Шимономъ Вудиничемъ, въ 1583 г. О послѣднемъ—*Головацкій*, *Вибліогр.* находки въ Львовѣ (Зап. Имп. акад. наукъ, ХХІІ, прил. № 4. 31—34).

¹⁾ Р. И. П. Б. Пол. Ф, I, № 48, стр. 64.

²⁾ А. В. А. К., VIII, № 28. Арх. сб., VI, стр. 116. 117. Арх. греко-униат. митропол., № 382.

³⁾ Минскія грамоты, № 62.

⁴⁾ А. В. А. К., ХХІІІ, пред., стр. 15.

⁵⁾ *Ibid.*, №№ 192—196. 200. 202. 206. Холмская гимназія была основана въ 1639 г. еп. Меодіемъ Терлецкимъ для обученія юношества греческимъ и латинскимъ наукамъ и утверждена была кор. Владиславомъ (1640 г.) и Конгрегаціей распространенія вѣры (1643). Вмѣстѣ съ тѣмъ папа Урбанъ VIII просилъ краковскую академію удѣлить холмской школѣ привилегіи своей колоніи, хотя и подъ управленіемъ оо. базилианъ (*Theiner, Vetera monum. Poloniae*, III, № 376. А. В. А. К., ХХІІІ, № 338. Холмскій греко-униатскій мѣсяцесловъ 1868 г.: «Informatio de scholis Chelmae erectis ad ecclesiam Ritus Graeci Cathedralis...» 92—95. «Ostatnie Stabelskiego prace»—*Scriptores rerum polonic.*, IV, 313).

гдалены римского свята“, когда „ходили въ поле адъ виргатум“ ¹⁾. Значеніе послѣдняго выраженія объясняетъ г. Левицкій указаніемъ на древне-германскій школьный обычай заготовленія учениками лозъ для сѣченія. Школьники въ праздничные дни ходили въ сопровожденіи учителя въ лѣсъ за розгами и, нарѣзавъ пучки послѣднихъ, возвращались домой съ пѣснями (Ruthenzug, Virgatum Gehen) ²⁾... Наконецъ, и униатскіе школьники восполняли недостатокъ средствъ существованія выпрашиваніемъ милостыни, „подъ окна ходячи спивая“ ³⁾.

Заканчивая отдѣлъ объ униатскихъ училищахъ, приведемъ два отзыва о нихъ униатскихъ же писателей Мелетія Смотрицкаго и Кас. Саковича, которые вполне безпристрастно, надѣемся, охарактеризуютъ и количественную и качественную стороны униатскаго школьнаго просвѣщенія, — отзывы тѣмъ болѣе цѣнные, что авторы ихъ были нѣкогда православными и имѣли самое близкое отношеніе къ нашимъ училищамъ. И Смотрицкій и Саковичъ послѣ знакомства съ униатскими школами выразили убѣжденіе, что унія съ Римомъ не привела русскій народъ къ полной уніи съ католическимъ просвѣщеніемъ и не создала умственного оживленія. Такъ, первый изъ нихъ, совѣтуя русскимъ въ Рагаепезис'ѣ (1628 г.) избрать своего патріарха, высказался, что такая мѣра поведетъ къ „устроенію школъ и семинарій, къ снабженію церквей хорошими проповѣдниками, къ водворенію порядка въ монастыряхъ, къ изданію катихизиса соединеннаго вѣроисповѣданія, къ исправленію напѣвовъ, къ пересмотру церковныхъ книгъ. А то въ настоящее время имѣемъ ли мы катихизисъ, есть ли у насъ проповѣди, житія святыхъ“ ⁴⁾. Впрочемъ, не видно, чтобы самъ Смотрицкій, который сильнѣе другихъ сознавалъ органическую связь школъ съ церковью ⁵⁾, — заботился о развитіи униатскаго школьнаго образованія и содѣйствовалъ церкви униатской по всѣмъ указаннымъ пунктамъ. Саковичъ же ставитъ современныя ему униатскія училища не только ниже католическихъ, но и православныхъ кievской и гоцской, гдѣ „добрѣ и искусно учать“. Изъ свидѣтельства Саковича (ок. 1642 г.) видно также, что въ его время униаты могли хвалиться только соборными школами, но и онѣ были немногочисленны и малолюдны: во Владимирѣ училось только нѣсколько человекъ, въ Новгородѣ и Минскѣ также учащихся немного, а „холмское училище какъ недавно основано, такъ недолго

¹⁾ Арх. Ю.-З. Р., I, VI, № 174.

²⁾ *Op. Левицкій*, Ист. описаніе влад.-вол. успенск. храма, стр. 78. Ср. *Кулишевъ*, Очерки сравнительн. этнографіи и культуры, 141.

³⁾ *Левицкій*, о. с., 79.

⁴⁾ Рагаепезис, 32. Exthesis, 100. 101. Не отрицаемъ, что Смотрицкій не высокаго мнѣнія и о православномъ просвѣщеніи. Ср. его отзывъ о состояніи русскаго, въ частности униатскаго, образованія въ «Obropa Werificatie» (Арх. Ю.-З. Р., I, VII, 441).

⁵⁾ «Школы, писалъ Смотрицкій, — житницы церкви; онѣ обогащаютъ города, мѣстечки и села мудрыми людьми, умѣлыми дьяками, искусными (roztrornymi) духовниками, учителями и проповѣдниками. Безъ школъ церковь, какъ тѣло безъ души» (Exthesis, 100-об.).

будеть и свѣтить“¹⁾. Вообще Саковичъ обнаружилъ въ этомъ сочиненіи большое недовольство положеніемъ школьнаго дѣла у русскихъ, указывая и на незнаніе попами русскаго языка, и на незнакомство Руси съ греческимъ алфавитомъ, даже на то, что изъ русскихъ школъ не вышло еще ни одного порядочнаго латиниста, почему и предлагалъ, чтобы латинскій языкъ русскіе изучали въ латинскихъ коллегіяхъ, обративъ въ своихъ школахъ все вниманіе на греческій и русскій языки²⁾. Въ частности, базилианскій орденъ не оправдалъ возлагавшихся на него надежды и въ отношеніи образованія монашества, хотя о немъ всего болѣе заботился. Новиціаты его скоро до того упали, что на конгрегаціяхъ 1636 и 1652 гг. приходилось заботиться о возстановленіи ихъ въ Вильнѣ и Жировицахъ, и сами униатскія власти выразились въ 1636 г. о своей „малой братіи, что она имѣетъ еще только початокъ наукъ“³⁾.

---

¹⁾ 'Епавѣрѣѣс, 112—113.

²⁾ 'Епавѣрѣѣс, 111—112. Хотя это мѣсто относилось и къ православнои Руси, что видно изъ возраженія автора Лиоса (Арх. Ю.-З. Р., I, IX, стр. 375. 376), но оно главнымъ образомъ имѣло приложеніе къ униатской церкви.

³⁾ Рук. Имп. публ. библ. Пол. Р., I, № 48, стр. 57. 72.

УКАЗАТЕЛИ.

УКАЗАТЕЛЬ

ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ, ВСТРѢЧАЮЩИХСЯ ВЪ СОЧИНЕНІИ, И ЦИТУЕМЫХЪ АВТОРОВЪ.

А.

- Абрамовичи, дворянская фамилія, 146.
- Абрамовичъ Янъ, смоленскій воевода, 162. 177. 211.
- Августинъ блаж., 29. 125. 130. 135. 308.
- Аверроесъ, арабскій философъ, 91.
- Авнсай (Авесса), іудейскій полководецъ, 473.
- Авраамій, епископъ пинскій и туровскій, 359.
- Авраамъ, предполагаемое имя «Клирика Острожской церкви», 270.
- Аврелій Викторъ, римскій историкъ, 307.
- Авукаръ Феодоръ, еп. варійскій, писатель IX в., 260.
- Адамовичъ А., цит. авторъ, 143. 144. 152. 155. 203.
- Адрианъ, московскій патріархъ, 176.
- Аварія—псевдонимъ Захарія Копытенскаго, 308. 455.
- Аквавина Клавдій, генералъ іезуитскаго ордена, 79. 80. 90. 106.
- Аквинатъ Фома, католическій богословъ, 80. 87. 91. 93. 94. 98. 214. 265. 484. 492.
- Алабанъ Гарсій, ректоръ виленской коллегіи, 61.
- Аландъ, несвижскій іезуитъ, профессоръ богословія, 72.
- Александровичъ Тимофей, членъ кіевскаго ученаго кружка, 408.
- Александръ:
- царь македонскій, 459.
  - древній язическій писатель, 308.
  - король польскій, 5. 192. 193.
  - молдавскій господарь, 440.
  - перемышльскій братскій учитель, 364. 365.
  - (Сколдыскій или Школдицкій), игуменъ св.-духов. монастыря въ Минскѣ, 513.
- Алексій, львовскій житель, 464.
- Алживіадъ, военскій военачальникъ, 308.

Алліцій Левъ, греко-уніатъ, цитуемый авторъ, 481. 492. 494. 509.

Альбертранди, цитуемый авторъ, 4. 37. 40. 42. 121. 148. 209.

Альбертъ I бранденбургскій, послѣдній ведкій магистръ тевтонскаго ордена и первый прусскій герцогъ, 144. 152. 174. 191.

Альбианъ Юрій, виленскій суффраганъ, 56.

Альбрехтъ Янъ, король польскій, 4.

Альваръ Эммануилъ, авторъ латинской грамматики, 84. 85. 96. 306. 368. 453. 483.

Амвросій:

- епископъ медиоланскій, 7. 449.
- сотрудникъ кн. Курбскаго, 217.
- іеромонахъ, цитуемый авторъ, 353.

Аммоній, философъ, 220.

Амфилохій:

- епископъ иконійскій, 390.
- (Сергіевскій), архимандритъ (нынѣ епископъ), 449.

Андреевичъ Давидъ, западнорусскій писатель, 434.

Андреевичъ Савва, кievскій и могилевскій братскій бакаляръ, 341. 355. 357. 358. 362.

Андрей:

- архіепископъ Кессаріи Каппадокійской, 383. 398.
- критскій, преп., 449.
- гочовскій плебанъ и бакалавръ, 5.
- львовскій священникъ, 188.

Андрушковичъ Петръ, учитель виленской братской школы, 401.

Анна, королева польская, сестра Сигизмунда II и жена Стефана Баторія, 46.

Анибалъ изъ Капуи, папскій нунцій въ Польшѣ, 156.

Аничиъ Тимоѳей, учитель острожской школы, 246. 275.

Антоній:

- печерскій, преп., 240.
- сербскій епископъ, 353.
- (въ мірѣ Анастасій) Селява, полонкій уніат. архіепископъ, послѣ митрополитъ, 340. 509. 510.

Антонинъ, императоръ, 174.

Аноимъ, архіепископъ, 295.

Аполлоній александрійскій, грамматикъ, 308.

Апціанъ, историкъ 2 вѣка по Р. Хр., 308. 443.

Аргентъ Янъ, визитаторъ іезуитскихъ учреждений, цитуемый авторъ, 59. 64. 69. 77. 84. 89. 103. 112. 118.

Аріасъ Антоній, іезуитъ, 89.

Арій, ересіархъ, 47.

Аристотель, философъ, 29. 62. 80. 86. 87. 91. 92. 97. 98. 126. 131. 138. 139. 179. 181. 182. 217. 221. 231. 234. 235. 264. 265. 307. 308. 414. 422. 429. 430. 437. 443. 449. 459. 483. 492.

Аристофанъ, греческій комическій поэтъ, 82. 483.

Архудій Петръ, греко-уніатскій пресвитеръ, цитуемый авторъ, 481. 492. 493. 494. 508. 509. 521.

Арсеній:

- архіепископъ елассонскій и димоникскій, 223. 292. 299. 374—377. 411. 412. 413. 416. 448. 451. 452. 464. 468.
- терновскій архіепископъ, 413
- ученикъ львовской братской школы, 464.
- настоятель троїцкаго монастыря въ Кіевѣ, 359. 361.
- (Брянцевъ), архим. (нынѣ архіеп.), цитуемый авторъ, 187. 242. 244. 254. 264. 266.

Артемій старецъ, б. игуменъ троїцко-сергіева монастыря, цитуемый авторъ, 147. 151. 196. 209. 213. 216. 217. 231.

Артикъ, ректоръ виленской гальвинской гимназіи, 159.

Архангельскій А., цитуемый авторъ, 201. 219.

- А**—скій, цитуемый авторъ, 294.
- Аскоченскій В.**, цитуемый авторъ, 300. 346. 348. 353. 358.
- Ахавъ**, царь израильскій, 318.
- Аффендикъ Иванъ**, львовскій купецъ, 311.
- Афеоній**, греческій риторъ, 139.
- Ахиллъ**, греческій герой, 434
- Аванасій:**
— архієпископъ александрійскій, 308 481. 484.
— (**Крупецкій**), епископъ перемышльскій и самборскій (униатскій), 510.
- Аякъ**, греческій герой, 434.

В.

- Вабичъ:**
— **Васко**, годогурскій мѣщанинъ, 294.
— **Яковъ**, виленскій бургомистръ, 198.
- Вайковскіе**, западнорусская фамилія, 356.
- Валабанъ:**
— **Васко**, 294.
— **Гедеонъ**, львовскій православный епископъ, 192 226. 227. 231. 274. 280. 281. 283. 284. 288. 289. 290. 291. 292. 293. 294. 295. 296. 297. 598. 299. 301. 302. 303. 306. 334. 343. 364. 366. 370. 381. 384. 388. 463. 469. 472.
— **Григорій**, жидичинскій архимандритъ, 491.
— **Исаія**, архим., 260.
- Валинскій Михаилъ**, цитуемый авторъ, 6. 8. 9. 10. 17. 20. 21. 40. 41. 42. 47. 48. 49. 50. 51. 52. 53. 54. 55. 56. 57. 58. 59. 62. 63. 88. 94. 97. 100. 101. 121. 157. 159. 273.
- Вальцеръ Панкратій**, ректоръ паневецкой кальвинской школы, 161.
- Бандвинъ**, кардиналь, 507.
- Бандтке**, цитуемый авторъ, 65. 74. 131. 161. 177. 180. 442. 454.

- Вантышъ-Камеискій**, цитуемый авторъ, 275. 281. 286. 474. 508.
- Варанецкій**, цитуемый авторъ, 30.
- Варановичъ Иларіонъ**, минскій наместникъ униатскаго митрополита, 336. 337.
- Варберни:**
— кардиналь (послѣ папа Урбанъ VIII), 484 (см. Урбанъ VIII).
— кардиналь, протекторъ аванасіевской коллегіи, 509.
- Варгель Андрей**, учитель львовской каедральной школы, 13. 22.
- Вароній Цезарь**, авторъ Анналовъ, 391. 437.
- Варончъ**, цитуемый авторъ, 13. 14. 73.
- Варсовъ Е. В.**, 370.
- Вартоломей (Вареоломей)**, сотрудникъ кн. Курбскаго, 218.
- Вартошинъ**, фундаторъ таурогенской школы, 20.
- Вартшъ (Borussius) Фридрихъ**, ректоръ виленской коллегіи, 61.
- Баторій Стефанъ**, польскій король, 5. 40. 41. 48. 49. 50. 51. 52. 57. 58. 66. 67. 69. 78. 99. 121. 126. 155. 192. 207. 251. 255. 281. 288. 312. 337. 338. 372. 439. 487.
- Батюшковъ П.**, цитуемый авторъ, 28. 255. 279. 366.
- Ваузе**, московскій профессоръ, 275.
- Ваянъ**, древне-русскій пѣвецъ, 189.
- Ведрицкій Н.**, цитуемый авторъ, 187. 409.
- Вейнартъ Амвросій**, виленскій ексендъ, 55
- Беканъ Михаилъ**, ректоръ полоцкой коллегіи, 63.
- Бедляринъ**, кардиналь, авторъ римскаго катихизиса, 33. 493.
- Венедиктъ:**
— XIV, папа, 487. 519.
— **Врачиславскій**, ректоръ львовской католич. школы, 11.

- Венедиктъ Николай**, преподаватель по-
лоцкой коллегіи, 68.
- Бергій Ник.**, цитуемый авторъ, 454.
- Березецкій Василій**, учитель кievской
братской школы, 355.
- Берында Намва**, типографъ львовскаго
братства, 307. 309. 310. 408. 449. 476.
- Бессей**, католическій проповѣдникъ, 436.
437.
- Бѣстель**, цитуемый авторъ, 5.
- Бестужевъ - Рюминъ К.**, цитуемый ав-
торъ, 3.
- Бирковскій:**
— **Симонъ**, профессоръ и ректоръ за-
мостской академіи, 129. 131. 132. 139.
— **Фабіанъ**, учитель львовской ка-
едральной школы, польскій проповѣд-
никъ, 13. 437.
- Блажковичъ Алексій**, виленскій брат-
скій діаконъ, 378.
- Бландрата**, проповѣдникъ соціанства
въ Польшѣ, 44. 154.
- Вледскій Симеонъ**, профессоръ виленской
академіи, 60. 62.
- Воболя** (псевдонимъ Росцѣшевскаго)
Іоаннъ, студентъ виленской академіи,
94.
- Вобрыковичъ:**
— **Іосифъ**, старшій и ректоръ вилен-
скаго духовскаго монастыря и школы,
послѣ—епископъ моголевскій, 329. 400.
401. 402. 405. 406.
— **Леонтій**, виленскій священникъ,
400.
- Вобровичъ**, цитуемый авторъ, 44. 126.
127. 128. 136. 137. 145. 148.
- Вобынинъ**, цитуемый авторъ, 439.
- Вогатырець:**
— **Иванъ**, львовскій лавочникъ, 377.
— **Михаилъ**, сынъ Ивана, ученикъ
братской школы, 377.
- Вогданецъ (Вогданъ)**, 194.
- Вогданъ**, писецъ Лжедмитрія, 370.
- Воговятинова Софія (Феодора)**, кня-
гиня, волынская хорунжая, 274. 422.
423.
- Вогухвалъ Павша**, овручскій земскій
«врадникъ», 228.
- Вогушъ Ксаверій**, виленскій прелатъ,
цитуемый авторъ, 9.
- Водянскій О.**, цитуемый авторъ, 445.
- Возграве Яковъ**, профессоръ виленской
академіи, 51.
- Войеръ Лаврентій**, профессоръ вилен-
ской академіи, 62.
- Вовна Павелъ**, ректоръ виленской кол-
легіи, послѣ литовскій іезуитскій про-
винціалъ, 60. 61.
- Болѣнетто**, папскій нунціи въ Польшѣ,
250. 251.
- Бона**, польская королева, супруга Сигиз-
мунда I, 21. 194.
- Бонецкій**, цитуемый авторъ, 305. 331.
- Вонжіованни Вернардъ**, папскій нун-
ціи, 145. 151.
- Вонифацій IX**, папа, 4.
- Боргезе**, кардиналъ, 498.
- Ворецкій Іовъ (Іоаннъ)**, ректоръ львов-
ской и кievской братскихъ школъ, кiev-
скій митрополитъ, 159. 211. 272. 276.
285. 307. 309. 310. 311. 329. 343. 351.
355. 358. 361. 367. 385. 388. 389. 390.
393. 394. 395. 396. 400. 427. 462. 464.
510.
- Ворисъ Феодоровичъ (Годуновъ)**, мо-
сковскій царь, 191. 376.
- Ворроей Карлъ**, кардиналъ, 442.
- Вортянскій Янъ**, ректоръ острожской
коллегіи, 77.
- Возцій**, философъ и математикъ, 126.
- Вредіи Самуилъ**, учитель любартовской
соціанской школы, 164.
- Вренцій**, авторъ протестантскаго кати-
хизиса, 171.
- Врикнеръ Александръ**, цитуемый ав-
торъ, 270. 392.
- Вродовичъ Ф.**, цитуемый авторъ, 508.
- Врозка Лаврентій**, учитель львовской
каедральной школы, 13.

Врововскій:

— студентъ виленской академіи, 58.

— **Фома**, учитель львов. кафедр. школы, 13.

Врольницькій Гедеоиъ, полоцкій, могилевскій и мстиславскій униатскій архіепископъ, 338. 493. 516.

Вросцій Янъ (Вржовка), краковскій профессоръ, цитуемый авторъ, 90. 113. 117.

Врумъ, сотрудникъ гн. Курбскаго, 218.

Врянцевъ:

— **Александръ**, свящ., см. **Арсеній** архим.

— **П. Дм.**, цитуемый авторъ, 187. 244.

Вудиловичъ А., цитуемый авторъ, 366.

Будиничъ Симонъ, переводчикъ канзіевскаго катихизиса, 522.

Будный Симонъ, кальвинскій, послѣ сцивіанскій министръ, 163. 175. 176. 196. 212. 231.

Будринъ Евл., проф., цитуемый авторъ, 143. 146. 161. 180. 181.

Бужица Тышкевичъ Григорій, виленскій братскій писарь, 321.

Буковский кс., цитуемый авторъ, 9. 39. 143. 144. 146. 152. 160. 161. 163. 174. 177. 182.

Бурскій или Бурсей (Bursius) Адамъ, ректоръ львовской кафедральной школы, потомъ—профессоръ замостской академіи, 13. 131. 132. 138.

Бурцевъ Вас., авторъ азбуки, 449. 471.

Бухананъ Георгій, поэтъ и историкъ, переводчикъ псалмовъ, 179.

Бухау, путешественникъ по Россіи, цитуемый авторъ, 191.

Бычковъ А. Ф., цитуемый авторъ, 300.

Вѣлецкій А., цитуемый авторъ, 202.

Вѣлорусскій, цитуемый авторъ, 353. 354.

Вѣльскій, историкъ польскій, цитуемый авторъ, 157. 378. 443.

Вѣляевъ Ив., цитуемый авторъ, 279.

Вѣляновскій, цитуемый авторъ, 381. 455.

Вялобржесскій Мартинъ, каменецкій католическій епископъ, 437.

В.

Валеріанъ еп.—см. **Протасевичъ—Супковскій**.

Ваноци, секретарь папской миссіи въ Польшѣ, 126. 127. 128. 136.

Валовская, фундаторша люблинской коллегіи, 69.

Варлаамъ, монашеское имя **Василія** **Игнатовича**, виленскаго братскаго попа, 271.

Варсонофій, монахъ униатскій, 516.

Варшеницкій Станиславъ, ректоръ виленской коллегіи, 46. 61.

— **Христофоръ**, польскій писатель и политическій дѣятель, 5.

Василій:

— **Вел.**, св., 86. 105. 217. 307. 308. 416. 433. 449. 483. 484. 498. 501.

— греческій императоръ, 272.

— **II Младшій**, императоръ византійскій, 493.

— авторъ разсказа объ ослѣпленіи **Василья** **Галичскаго**, 189.

— **Ивановичъ**, вел. князь московскій, 191.

— православный острожскій богословъ, цитуемый авторъ, 215. 232. 270. 271.

— люблинскій священникъ, 230.

— (**Игнатовичъ**) **Троицкій**, виленскій братскій попъ, 271.

Васильевичъ:

Іоаннъ, пресвитеръ, 434.

— **Михаилъ**, переписчикъ **Пересопницкаго Евангелія**, 194.

Васильевскій В., цитуемый авторъ, 58. 157. 214. 399. 422. 423. 489. 521.

Василько, кн. галичскій, 189.

Васко, дьякъ, 200.

Вассіанъ, московскій вольнодумецъ, 147.

- Вега Эммануэль**, профессор виленской академіи, 61. 94.
- Векель Іоаннъ**, константинопольскій патріархъ, 484. 493.
- Велевицкій Янъ**, іезуитъ, цитуемый авторъ, 13. 57. 61. 63. 64. 66. 67. 68. 69. 70. 71. 72. 73. 74. 75. 79. 84. 88. 105. 106. 110. 117. 274. 370. 488.
- Величко Самуилъ**, цитуемый авторъ, 15. 354.
- Величко Янъ**, ошмянскій подстолий, 52.
- Вельгаушъ Андрей**, изъ Данцига, ректоръ вилен. кальвинской гимназіи, 159.
- Венгерскій** (псевдонимъ Регенвольскаго Адриана), 143. 147. 159. 163. 266.
- Вендландъ Іоаннъ**, ректоръ виленской кальв. гимназіи, 159.
- Вербицкій Тимошоей Ал.**, кievскій типографъ, 390.
- Вергерій**, протестантскій писатель—педагогъ, 171.
- Верещинскій Іосифъ**, кievскій католическій епископъ, 201.
- Вержбицкій:**
— **Адрианъ**, королевскій секретарь, 53. 56.
— **Викторинъ**, луцкій католическій епископъ, 28.
— **Іеронимъ**, студентъ замостской академіи, 132.
- Вержбовскій Феодр.**, цитуемый авторъ, 32. 57. 115. 171. 175. 177. 275. 428. 485.
- Вернянъ Михаилъ**, авторъ, 24
- Веселиялъ**, одинъ изъ устроителей скинн. 473
- Веселовскій Фома**, авторъ панегиристь, 135.
- Вивисъ Людовикъ**, писатель-латинистъ, 174.
- Вигляницій Григорій**, учитель львовской каедральной школы, 13.
- Виклефъ**, церковный реформаторъ, 152.
- Викулъ П.**, свящ., цитуемый авторъ, 388. 390.
- Вильчовскій Ст.**, виленскій каноникъ, 52. 57.
- Винглеръ Янъ**, проповѣдникъ лютеранства въ Вильнѣ и основатель лютер. школы, 152.
- Виргилій**, римскій поэтъ, 7. 19. 20. 26. 35. 86. 116. 126. 174. 307. 483.
- Вислоцкій**, цитуемый авторъ, 14.
- Виссаріонъ**, кардиналъ, 484. 493.
- Виталій**, іеродіаконъ, 326. 408.
- Витовтъ**, великій князь литовскій, 9.
- Вишневецкіе**, княжескій родъ, 146.
- Вишневецкая Ирина**, владѣлица Рахманова, 485.
- Вишневецкій:**
— **Адамъ**, князь, 305.
— **князь**, 274.
— **Юрій**, 76.
- Вишневскій**, цитуемый авторъ, 63. 261. 321. 422. 435. 453. 508. 515.
- Вишоватый Андрей**, социніанскій писатель, 166. 182. 183.
- Владимировъ П.**, цитуемый авторъ, 193. 195. 196. 197. 198. 227. 307. 450.
- Владимирскій-Будановъ М.**, цитуемый авторъ, 413. 471.
- Владимиръ кн.**, св. 176. 188. 189. 263. 475. 515.
- Владиславъ (III) Варнскій**, король польскій 11.
- Владиславъ IV**, король польскій, 36. 51. 62. 150. 152. 158. 279. 286. 329. 331. 335. 337. 340. 341. 363. 365. 366. 367. 368. 369. 407. 497. 522.
- Влошекъ Станиславъ**, ректоръ вилен. коллегіи, 61.
- Водорацкій Николай**, могилевскій подстароста, 497.
- Воеводка Бернардь**, авторъ учебника арифметики, 30
- Войдовскій Андрей**, учитель любартовской социніанской школы, 164. 165. 178
- Войны**, дворянскій родъ, 146.

Война:

— Вонедиктъ, виленскій католическій епископъ, 54. 55. 488. 493. 496.

— Григорій, брестскій каштелянъ, 283.

— Семень, мстиславскій каштелянъ, 283.

Война-Оранскій Пахомій, епископъ пинскій и туровскій (уніатскій), 509.

Войславскій Мартинъ, педагогъ пана Яна Дубовича, 327. 429. 470.

Войснаровичъ Казимиръ, виленскій каноникъ, 56.

Войцицкій, цитруемый авторъ, 371.

Войшевскій Станиславъ, бакаляръ кн. Курбскаго, 218.

Воданъ Андрей, кальвинскій пасторъ и писатель, 47. 61. 94.

Волковичъ Іоанникій, западнорусскій авторъ-стихотворецъ, 433.

Волловичи, дворянскій родъ, 146.

Волловичъ:

— Евстаѳій, литовскій подканцлеръ, послѣ канцлеръ, 49. 275.

— Евстаѳій, виленскій католическій епископъ, 56.

Вольскій, виленскій каноникъ, 54.

Вольтеръ, цитруемый авторъ, 33. 172.

Вольфъ Іер., нѣмецкій педагогъ, 81. 169.

Вольфъ, цит. авт., 244.

Волюцкій Павелъ, луцкій католическій епископъ, 75. 104.

Вондловскій Лука, ректоръ новгородской кальвинской школы, 162.

Востоковъ Ад., цитруемый авторъ, 199. 247. 368. 417. 430. 445. 470.

Всеволодъ Ярославичъ, князь кievскій, 189.

Всеславъ, князь полоцкій, 189.

Вуйкъ:

— Станиславъ, преподаватель каменецкой коллегии, 76.

— Яковъ, иезуитъ, ректоръ виленской коллегии, 33. 61. 114. 437.

Вудканъ Пога, слуга Шюмберга, 191.

Вурвичъ Барль, польскій историкъ и географъ, 80.

Высоцкій, королевскій писарь, 225.

Вышенскій Іоаннъ, авенскій подвижникъ, цитруемый авторъ, 226. 227. 231. 232. 233. 234. 235. 259. 284. 412. 413. 414. 418. 419. 424. 429. 442. 443. 458. 472. 473.

Г.

Г—въ А., цитруемый авторъ, 385.

Гастанъ, папскій нунцій въ Польшѣ, 25.

Гай Янъ, учитель риторики въ виленской иезуитской коллегии, 46.

Галенъ, врачъ-писатель II в. по Р. Хр., 131. 139.

Галонзка Станиславъ, учитель виленской каедр. школы, послѣ—виленскій юристъ, 10.

Галшка Гулевичевна, жена Стефана Ловки, фундаторша кievскаго братскаго монастыря, 348. 349. 351. 355.

Гарабурда Лука, шляхтичъ, 283.

— **Михаилъ**, литовскій королевскій писарь, 240.

— **Феодоръ Наумовичъ**, бояринъ дерманскій, 246.

Гарасевичъ, цитруемый авторъ, 242. 247. 330. 347. 493. 505. 507. 508. 517.

Гартлибъ Войтѣхъ, ректоръ виленской кадьв. гимназии, 159.

Гаштольдъ Войтѣхъ Мартиновичъ, виленскій воевода, 8. 21.

— **Мартинъ**, кievскій воевода, 21.

— **Станиславъ Войтѣховичъ**, воевода трокскій, 153.

Гваньнини, польскій историкъ, 25.

Гедеонъ Балабанъ, см. Балабанъ.

Гедеонъ Мануилъ, цитруемый авторъ, 348.

Гедройць Мельхиоръ, жмудскій епископъ, 52. 56. 123.

- Гезіодъ, греческій поэтъ, 87. 220. 221. 308.
- Гейденштейнъ, цитуемый авторъ, 372.
- Гейнекцій Мих., цитуемый авторъ, 323.
- Гекторъ, троянскій герой, 434.
- Геліашевичъ, кс., депутатъ виленскаго трибунала, 323.
- Гелладій (Елладій) Александръ, цитуемый авторъ, 416.
- Геннадій:
— св. патріархъ цареградскій, авторъ Стоклова, 470.
— архієпископъ новгородскій, 190. 202. 240.
- Генрихъ Валуа, король польскій, 288.
- Георгій:
— Хуровскій, авторъ статьи «о образъ», 430.
— (Геннадій) Схоларій, см. Столарій.
— Трапезундскій, ученый грекъ, 484.
— молдавскій архієпископъ, 302.
— (Конисскій), могилевскій архієпископъ, 254.
— ректоръ перемышльской каедральной школы, 14.
— назъ Эйпшишекъ, магистръ свободныхъ наукъ, 8 21. 152.
— (Юрій), родственникъ кн. К. Острожскаго (сынъ Януша Заславскаго?), 391.
- Герасимъ, священникъ виленскаго братства (прежде львовскій братскій діакопъ), 264 301.
- Гербачевскій, свящ., цитуемый авторъ, 366.
- Гербестъ Венедиктъ, ректоръ львовской каедр. школы, краковской маринской, скерневицкой, познанской, впоследствии іезуитъ; цитуемый авторъ, 13. 18. 19. 20. 22. 24. 30. 32. 33. 64. 65. 263.
— Янъ, іезуитъ, 22. 29. 65
- Гербуртъ, польскій историкъ, 32.
— Валентинъ, перемышл. латин. епископъ, 77.
— Янъ, кодификаторъ польскихъ законовъ, 206.
- Герлахъ Стефанъ, 220. 411. 425. 442.
- Германнъ Даніиль, авторъ панегиристъ, 128.
- Гермогенъ, греческій риторъ, 220. 221.
- Гизе Тидеманъ, кульмскій католическій епископъ, 144.
- Гизель Иннокентій, архимандритъ киевопечерскій, 358.
- Гиловскій Пав., авторъ протестант. катихизиса, 158.
- Гильтебрандтъ П. А., цит. авт., 196. 456.
- Глареанъ Генрихъ, авторъ учебника ариеметики, 30.
- Гличнеръ Эразмъ, польскій писатель-педагогъ, 115. 203.
- Глогговскій Іоаннъ, краковскій профессоръ, 26.
- Глѣбовичи, дворянскій родъ, 146.
- Годуновъ, см. Борисъ Θεодоровичъ.
- Гожалчинскій, цитуемый авторъ, 193
- Гозій Станиславъ, вармійскій епископъ, 39. 42. 43. 44. 45. 112. 117. 148.
- Гойскіе:
— дворянскій родъ, 165.
— Гавріиль и Романъ, владѣльцы Гошца, киевскіе каштеляны, 166.
- Головацкій Я. Ѳ., цитуемый авторъ, 192. 200. 260. 261. 295. 321. 343. 386. 393. 402. 408. 421. 435. 446. 447. 449. 450. 451. 453. 495. 522.
- Голубевъ С. Т., цитуемый авторъ, 27. 71. 107. 109. 130. 195. 200. 211. 213. 223. 223. 232. 244. 246. 253. 260. 261. 263. 267. 273. 275. 278. 280. 282. 285. 286. 300. 302. 304. 305. 306. 307. 308. 315. 319. 324. 327. 330. 341. 346. 347. 348. 349. 350. 351. 352. 353. 354. 355. 356. 357. 358. 359. 360. 361. 362. 363. 365. 367. 371. 377. 380. 381. 384. 385. 388. 390. 391. 393. 394. 395. 398. 399. 400. 401. 403. 405. 406. 416. 419. 424. 425. 426. 428. 429. 431. 433. 440. 443. 445. 451. 454. 455. 456. 458. 459. 460. 472. 473. 494. 497. 500. 515.
- Голубинскій Е. Е., цитуемый авторъ, 189. 194. 219.

Голубниковъ Григорій, острожскій дѣя-
тель, 275.

Голубъ Олиферъ, гетманъ запорожскій,
311.

Годшанская Марія, княжна, 202.

Гомеръ, греческій поэтъ, 87.

Гомоляневскій Станиславъ, голмскій ка-
толическій епископъ, 132.

Гоневскій Петръ, соцініанскій ученій,
146.

Горацій, римскій поэтъ, 62. 86. 96. 114.
174. 182. 307. 483.

Горбацкій Юсефъ Кононовичъ, ректоръ
киевскій могиланской коллегіи, бѣло-
русскій епископъ, 406. 407.

Горбачевскій Никита, цитуемый авторъ,
11. 34. 136. 160. 201. 239. 510.

Горецкій Стан., виленскій каноникъ,
54.

Горностай Евстаѳій, новгородскій вое-
водичъ, 154.

Горностаева Елена (изъ рода Чарторый-
скихъ), 369.

Горские, дворянская фамилія, 146.

Горскій А., цитуемый авторъ, 361. 363.
428. 445.

Гостыловскій Гервасій, могилевскій
уніат. игумень, 339. 340.

Грабовскій, цитуемый авторъ, 118.

Грабянка, цитуемый авторъ лѣтописи,
353.

Градовскій Мартинъ, новгородъ-сѣвер-
скій плебанъ, 78.

Грамматинъ Ив., думный дѣякъ, 348.

Грассеръ, издатель, 28.

Грековичъ Антоній Феодоровичъ, ви-
ленскій братскій діаконъ и бакаляръ,
киевскій намѣстникъ уніат. митропо-
лита, 324. 325. 347.

Гретцеръ Іаковъ, авторъ греческой грам-
матики, 26. 97.

Грибачъ Тимоѳей, могилевскій братскій
бакаляръ, 341.

Григорій:

— **Вогословъ (Назіанзанъ)**, 25. 26.
86. 202. 217. 266. 433. 449. 481. 484.

— **Налама**, архіепископъ солунскій,
218. 484.

— **XIII**, папа, 38. 50. 99. 103. 221.
251. 273. 439. 480. 485. 486. 487. 488.
489.

— **XV**, папа, 484.

— **Протосингелъ**, 484.

— іером., переводчикъ Пересопницкаго
Евангелія, 196. 424.

— изъ Жарновца, авторъ кальвин-
скихъ Постиллъ, 156.

— нотарій на брестскомъ соборѣ, 188.

— (Грегоръ), луцкій всендѣ, 15. 106.

— владѣлецъ «Книги тайная тайныхъ»,
459.

— горскій игумень, 400.

— (Михаловичъ), епископъ пинскій
и туровскій (уніатскій), 368. 510.

Грицкова Варвара, 464.

Гродяскій Станиславъ, профессоръ
вилен. академіи, 57. 62.

Гроховскій:

— **Ак.**, луцкій католическій епископъ, 16.

— профессоръ виленской юридической
школы, 36.

Гроцій Гуго, голландскій юристъ, госу-
дарств. дѣятель и писатель (конца XVI
и нач. XVII в.), 62.

Гружевскій:

— **Григорій**, профессоръ вилен. ака-
деміи, 62. 516.

— **Іоаннъ**, ректоръ вилен. коллегіи, 61.

Грушевскіе, дворянская фамилія, 146.

Гуаринъ, филологъ-латинистъ, 483.

Гудевичевна-Лозкина Елизавета (Галш-
ка), см. Галшка Гудевичевна.

Гулевичъ:

— Дрозденскій, Гневошъ Семеновичъ, владѣлецъ с. Дроздна, 342.

— Воютинскій Семень, луцкій земскій писарь, послѣ — перемышльскій правосл. епископъ, 346.

Гулькевичъ Яковъ, кievскій протопопъ, 194.

Гурій, архіепископъ казанскій, 190.

Гуринцкій Лука, польскій писатель, 115.

Гурскій Яковъ, 13. 29.

Д.

Давидъ, псалмопѣвецъ, 179. 203. 240. 473.

Дамаскинъ Іоаннъ св., писатель-богословъ, 204. 216. 218. 221. 316. 360. 411. 428. 429. 445. 452—454. 484.

Даміанъ (Налевайко), острожскій пресвитерь, 259. 271. 272.

Даниль, галицкій король, 192.

Даниловичъ, цитумный авторъ, 3. 42. 144.

Даука Николай, жмудскій каноникъ, 33. 172.

Дашкевичъ Н., цитумный авторъ, 27. 28.

Деколоній, педагогъ—іезуитъ, 80.

Дементіановичъ Митрофанъ, луцкій братскій игумень и ректоръ, 344. 345. 462.

Демосѳенъ, греческій ораторъ, 87. 100. 126. 174. 250. 308. 483.

Демьяновичъ А., цитумный авторъ, 65.

Деукаша, лѣтовскій іезуитскій провинціалъ, 90.

Двѣдушакскій, цитумный авторъ. 61.

Димитрій Сидоній, грекъ, противоправославный полемистъ, 484.

Димитровичъ Павель, ректоръ вилен. кальвинской гимназіи, 159. 174.

— Павель, переводчикъ Кромера, 63.

Дионисій: Ареопажитъ, 308. 484.

— Галикарнассскій, римскій риторъ 131. 139.

— константинопольскій патріархъ, 413.

— тырновскій архіепископъ, 295. 375.

— протосингелъ п. Іеремія II, 222.

Діоталлеви, папскій нунцій въ Польшѣ, 508.

Дидлицъ Геласій (псевдонимъ), цитумный авторъ, 165. 270. 359. 381. 384. 396. 402.

Дискордія (Пражницкій) Лавр., проповѣдникъ протестантства въ Польшѣ, 145.

Дицусъ Николай, виленскій деканъ, 56.

Длугошъ, польскій историкъ, цитумный авторъ, 189.

Дмитріевскій А., проф., цитумный авторъ, 292. 374. 375. 376. 377.

Дмитровичъ (Луба), сынъ Марини Мишекъ, 373.

Дмовскій Валентинъ, бакалавръ холмской униат. школы, 505.

Добржанскій Андрей, новгородскій кальвинскій пасторъ, 173.

Добровскій Іосифъ, славистъ, 447.

Добрянскій:

— Ант., цитумный авторъ, 279. 365.

— Фл., цит. авт., 196. 239. 459. 520.

Долматы, дворянская фамилія, 369.

Долмать Константинъ, фундаторъ церскаго монастыря, 371.

Долецкій Гавріиль, архимандритъ симонахъ, потомъ вѣрва монастыря, цит. авт., 357. 358. 361.

Домживъ-Лютковичъ Павель, іеромонахъ, типографъ, игумень черненскаго монастыря, 457.

Домникия, старица, 234.

Донатъ Элій, авторъ латинской грамматики, 26. 47. 131. 345. 453.

Дорогостайскіе, дворянская фамилія, 146.

Дорогостайскій—Монвидъ Николай, полоцкій воевода, 66. 67.

Дорошевичъ Гавріиль, львовскій братскій учитель, 265. 266. 267. 275. 310. 351. 352. 387. 388.

Дорошевичъ Дав., настоятель вилен. св.-духов. монастыря, 322.

Дорошеи, мнимый авторъ Хронографа Дорошеева, 376. 413.

Достоевскій Стеф., минскій землянинъ, 225.

Древинскій Лаврентій, волынский чашникъ, 281. 342. 397. 402. 403.

Дрезнеръ Фома, замостскій профессоръ, 130. 132. 139.

Друцкій-Соволинскій Михайль, маршалокъ, 283.

Дубовичъ:

— **Алексій**, архимандритъ супрасльскій, потомъ намѣстникъ виленскаго троицкаго монастыря, 497. 520.

— **Янъ**, намѣстникъ полоцкаго униат. архіепископа, цитруемый авторъ, 214. 256. 455. 466. 519.

— **Янъ**, панъ, 327. 470.

— львовскій житель, 465.

Дуксъ (Дуксовъ) Теодоръ, болгарскій черноризецъ (X ст.), 194

Дуодо Петръ, венеціанскій посолъ въ Польшѣ, 148.

Дуроссій Даниль, ректоръ гоцкой соцініанской школы, 166.

Духъ (Spiritus), проповѣдникъ протестантизма въ Польшѣ, 146.

Дѣвочка Онисфоръ, кievскій митрополитъ, 221. 287. 312. 313. 314. 317.

Дюканжъ, французскій византистъ и лингвистъ, цитруемый авторъ, 202.

Дягилевичъ Андрей, кievлянинъ, 225.

Е.

Евгеній:

— XIV, папа, 11. 214.

— (**Божховитиновъ**), кievскій митрополитъ, цитруемый авторъ, 189. 262. 263. 346. 358. 359.

— священникъ слудскій, 189.

Евлашевскій Теодоръ, новгородскій подсудокъ и судья, 203. 501.

Евлашковичъ Василій, кандидатъ въ епископы, 225.

— **Михайль Васильевичъ**, писарь королевскій, 225.

Еврипидъ, греческій трагикъ, 308.

Евсевій, церковный историкъ, 308. 443:

Евстафій, архіепископъ солунскій, писатель и церк. ораторъ (XII в.), 308.

— воспитаникъ виленской братской школы, 401.

Евфросинъ преп., 229.

Елена, мать императора Константина, 401. 472.

Еленевскій К., цитруемый авторъ, 243. 390.

Еленекъ (Ielenek) Николай, учитель виленской каеедральной школы, 9.

Елеонскій Ф., цитруемый авторъ, 339.

Елисавета, англійская королева, 51.

Елксей, аеонскій старецъ, 235.

Едлашевичъ Мельхiorъ, жмудскій епископъ, 55.

Ерличъ Іоакимъ, цитруемый авторъ, 359. 361.

Ермолай, львовскій братскій «педагогъ», 469.

Ермоличъ Теодоръ, минскій священникъ, 337.

Ефремъ Сирийскій, св., писатель, 484.

— (мнимый) епископъ луцкій и острожскій, 193.

Ехеръ Адамъ, цитруемый авторъ, 6. 13. 18. 26. 33. 63. 96. 97. 114. 115. 128. 131. 135. 138. 139. 165. 174. 175. 179. 180. 270. 381. 402. 494. 496. 514.

Ж.

Жагель Мартинъ, студентъ виленской академіи, послѣ вилен. каноникъ, 94. 116.

Жачковскій Варооломей, вилен. протопопъ, 370.

Ждановичъ Григорій, виленскій священникъ, 341.

Жебровскій Феликсъ, католическій писатель-полемистъ, 274. 380. 381. 454.

Желиборскій Григорій, 434.

Житецкій П., цитумный авторъ, 424.

Жудро О., цитумный авторъ, 337. 339. 341.

Жуковичъ Пл., цитумный авторъ, 143. 148. 354.

З.

Забѣлинъ И., цитумный авторъ, 475.

Завитневичъ В., цитумный авторъ, 267. 269. 276. 381. 388. 456.

Завиши, литовская дворянская фамилія, 63. 146.

Загоровскій:

— авторъ латинской орографіи, 175.

— Василій, брацлавскій каштелянъ, 199. 200. 201. 207. 218. 426.

— Иеронимъ, іезуитъ, 110.

Задвикъ Іаковъ, краковскій епископъ, 28.

Заерскій Францискъ, препозитъ оджской коллегіаты, 17.

Зажецкій Рафаилъ, учитель кіево-могил. коллегіи, 358.

Закревскій Н., цитумный авторъ, 346.

Залѣнскій Стан., вк., цитумный авторъ, 80. 85. 88. 96. 105. 106. 108. 112. 215. 271.

Замойская:

— Варвара, супруга Яна Замойскаго, 70.

— Екатерина, супруга Оомы Замойскаго, 120.

Замойскій: Янъ, польскій канцлеръ и гетманъ коронный, 15. 65. 116. 126. 127. 128. 129. 130. 131. 132. 135. 136. 137. 138. 139. 162. 247.

— Оома, сынъ Яна, кіевскій воевода, 129. 135. 138. 139. 386. 495.

— Янъ, львовскій католическій архиепископъ, 12.

Зандъ, цитумный авторъ, 40. 146. 147. 149. 163. 165. 166. 175. 177. 179. 180. 181. 182. 183.

Заремба, профессоръ замостской академіи, 132.

Зарѣцкіе, виленскіе граждане, 198.

Засадкевичъ, цит. авт., 432. 448.

Заславскіе, княжеская фамилія, 22.

Заславскій Александръ, князь, владѣлецъ острожскихъ имѣній, 403.

Захарія Копыстенскій—см. Копыстенскій Зах.

Зделаритцъ Оома, профессоръ философіи въ виленской коллегіи, 47.

Зебржидовскій Н., люблинскій воевода, 69.

Земка Тарасій Леоновичъ, кіево-печерскій типографъ и проповѣдникъ, 356. 358. 408. 459.

Зеновичи:

— дворянская фамилія, 146.

— Христофоръ, брестскій воевода, 162.

Зигомала:

— Іоаннъ, ректоръ константинопольской патриаршей школы, великій риторъ, 220. 411.

— Феодосій, сынъ Іоанна, константинопольскій протоноторій, цит. авт., 219. 221. 425. 481.

Зигровскій (Зегровіушъ) Янъ, новгородскій кальвинскій министръ, 162.

Зиваній Лаврентій (Тустановскій), братскій педагогъ, 210. 301. 304. 333. 351. 371. 373. 377. 381. 382. 383. 384. 415. 431. 432. 440. 446. 447. 449. 452. 455. 457. 458. 476.

Зизаній Стефанъ (въ монаш. Сильвестръ),
братскій педагогъ, 212. 270. 271. 292.
300. 301. 304. 315. 321. 322. 324. 377.
378. 379. 380. 381. 382. 384. 415. 447.
452. 454. 455. 461. 464.

Зилитимкевичъ Ил., цит. авт., 314.

Зиморовичъ, цитуемый авторъ, 73.

Зиновій, много отенскій, писатель, 147.

Златоустъ Іоаннъ, св., 85. 86. 105. 217.
272. 274. 296. 307. 308. 309. 352. 353.
380. 383. 399. 416. 417. 419. 422. 423.
437. 483. 484.

Зубрицкій Діон., цит. авт., 249. 290.

И.

Ивановичъ Грынъ, львовянинъ, 288.

Ивановъ В., цитуемый авторъ, 193.

Иванъ, ученикъ луцкой братской
школы, 345.

Ивашковскій Алексій, кievскій бака-
ляръ, 408.

Ивашковскій о., учитель кievской лавр-
ской школы, 359.

Игнатій:

— патриархъ московскій, 376.

— авторъ житія Іова Княгиницкаго,
252. 269.

— діаконь, послѣ священникъ, про-
повѣдникъ львовскаго братства, 294.
301.

— могилевскій братскій бакаляръ, 341.

— московскій вольнодумецъ, 147.

Изократъ, аѳинскій ораторъ, 7. 86. 483.

Иконниковъ В., цитуемый авторъ, 28.
191.

Илья, боголюбивскій игуменъ въ Москвѣ,
книжный справщикъ, 384. 386.

Илко (Илья), кандидатъ въ рогатин-
скіе учителя, 364.

Илковскій Елисей, о., учитель луцкой
братской школы, 345.

Ильинскій Ѳ., цитуемый авторъ, 377.
382. 410. 441.

Ильяшовичъ Іоаннъ, уставникъ бѣлло-
вецкій, 368.

Ипполитовичъ Пансій, холмскій пра-
вославный епископъ, 359. 367. 401.

Ипполатъ, папа римскій, 380.

Иродъ Антипа, царь. «четверовласт-
никъ» галилейскій, 493.

Исаакій (Борисковичъ), настоятель дер-
манскаго монастыря, послѣ луцкій и
острожскій епископъ, 269. 359.

І.

Іаковъ, ректоръ санецкой католической
школы, 5.

Іевлевичъ:

— **Игнатій**, игуменъ могилевскаго
боголюб. монастыря, послѣ архимандр-
итъ полоцкій. цит. авт., 130. 341. 355.
356. 357. 358. 359. 363. 371. 425.

— **Ѳома**, дядя Игнатія, ректоръ кiev-
ской братской школы, 355. 362. 404.
405. 472.

Іеремія II (Транось), констант. па-
триархъ, 220. 221. 222. 240. 289. 290. 291.
295. 296. 297. 298. 299. 300. 301. 302.
303. 313. 316. 319. 333. 334. 337. 340.
343. 347. 363. 374. 375. 376. 380. 384.
412. 413. 424. 432. 444. 460.

Іеронимъ блаж., 25. 26.

Іерофей, митрополитъ монемвасійскій,
376. 412. 413.

Іоакимъ, антиохійскій патриархъ, 222.
250. 239. 290. 291. 292. 317. 333. 365.
412.

Іоакимъ, кievскій іеродіаконь, 204. 221.
240. 413. 429.

Іоаннъ:

— **Златоустъ**, см. Златоустъ.

— **Лѣствицникъ** св., 307. 449.

— **экзархъ болгарскій**, 316. 428. 445.
449. 452. 453.

— **IV Грозный**, московскій царь, 190.
240. 374. 411. 485.

— **Сакробусго (de Sacro Busto)**, авторъ
учебника арифметики, жившій въ XIII
ст., 30. 31.

- великій «прагматовъ» (Янъ Замоискій, великій коронный канцлеръ и гетманъ?), 265. 266.
- гочовскій плебанъ и бакалавръ, 5.
- изъ Ланцуты, авторъ учебника арифметики, 30.
- Юасафъ:**
- II, констант. патриархъ, 220. 411.
- монемвасійскій митрополитъ, 385.
- архимандритъ вилен. троицкаго монастыря, 379.
- Ювъ:**
- митрополитъ московскій, 375. 376.
- новгородскій митрополитъ, 358
- Юсафатъ Кунцевичъ**—см. Кунцевичъ.
- Юсифъ**, протосмигелъ константин. патриарха, 211. 222. 352. 353. 367.
- Юстинъ:**
- Философъ, 441.
- историкъ II в. по Р. Хр., 32. 174.
- К.**
- Кавчинскій Матвѣй**, несвижскій староста и владѣлецъ типографіи, 175.
- Казаневичъ Янъ**, жмудскій каноникъ, 124.
- Казимирскій Николай**, владѣлецъ Лубартова, 163. 164.
- Казимиръ:**
- великій, король польскій, 3. 4.
- Ягелловичъ, король польскій, 59.
- польскій королевичъ, святой, 10. 21. 59. 103.
- Калайдовичъ К.**, цит. авторъ, 194. 419. 428. 445. 453.
- Калигари**, папскій нунцій въ Польшѣ, 65. 69.
- Калишскій Войтѣхъ-Альбертъ**, цит. авторъ, 117. 126. 131. 163. 164. 165. 179. 180.
- Каллистъ Никифоръ**, греческій хроникеръ, 217.
- Калуганъ Ѳ.**, цит. авт., 147.
- Калужняцкій Е. I.**, цит. авт., 385. 431.
- Кальвинъ**, реформаторъ, 47. 151. 169. 173. 177.
- Кальнофойскій Аван.**, іеромонахъ, цит. авторъ, 198. 389.
- Калѣчицкій Сасинъ**, державца мареннискаго монастыря на Жмуди, 229.
- Каманинъ И.**, цит. авт., 347. 349.
- Канизій Петръ**, іезуитъ, авторъ катихизиса, 32. 33. 39. 214. 454. 521. 522.
- Капелла Марціанъ**, римскій филологъ, 29.
- Каперій Войтѣхъ**, ректоръ гоцкой социніанской школы, 166.
- Капшовскій Даміанъ**, бакаляръ греческаго языка въ вилен. братской школѣ, 323.
- Каратаевъ И.**, цит. авт., 227. 234. 263. 271. 272. 380. 445. 447. 449.
- Карачонъ Станиславъ**, мстиславскій подстолій, 283.
- Карканъ Іоаннъ**, виленскій типографъ, 97.
- Карниковскій Станиславъ**, католикъ влоцлавскій (или куявскій) епископъ, 121.
- Карпентарій Іаковъ**, естествовѣдъ, 131.
- Карповичъ Леонтій** (въ мѣрѣ Логинъ), виленскій духовскій архимандритъ, 276. 304. 325. 326. 369. 393. 395. 397. 398. 399. 400. 430. 437. 447.
- Барскій Е.**, цит. авт., 206.
- Карѣвъ Н.**, цит. авт., 143. 145. 151.
- Кассианда Феодоръ Ферапонтъ**, дидакаль и игуменъ львовскаго братства, 295. 308.
- Кастелліонъ**, латинскій писатель XVI в., 174.
- Катонъ старшій**, римскій государственныи дѣятель и писатель, 7. 24. 33. 174.
- Катулла**, римскій лирическій поэтъ, 85.
- Квятковскій Мартинъ**, польскій протестантскій писатель, 115. 144. 171.
- Кебесъ** (Κεβης), ученикъ Сократа, писатель—философъ, 85.
- Кедринъ**, историкъ, 265.

Бимбаръ Сергій, супрасльскій архимандритъ, 195. 196.

Биприанъ:

— епископъ, виленскій суффраганъ, 10. 21.

— іеромонахъ, острожскій дѣятель, 235. 265. 266. 274. 275. 370. 383. 423.

Бирдея Василій, 283

Бирякъ, діакопъ новгород. антоніева монастыря, 438. 439.

Бирилловичъ Іосифъ, членъ кіевскаго ученаго кружка, 408.

Бирвль: александрійскій св., 217. 484.

— іерусалимскій св., 212. 321. 380. 383. 449. 482. 483.

— (Константинъ), первоучитель славянъ, 419. 449.

— св., еп. туровскій, 189. 433.

— еп. пинскій и туровскій, 222.

— аеонскій старецъ, 235

— «Великій», львовскій мѣщанинъ, 367.

— Транквилионъ, см. Ставровецкій

Бирницкій Григорій, львовянинъ, докторъ философіи, 435.

Бисель Адамъ, владѣлецъ Гоши, каштелянъ кіевскій и брацлавскій, воевода кіевскій, 166. 402. 495.

— (или Гисель) Евстаѳій, ректоръ кіселинской соціал. школы, 165.

Битайчичъ Аеанасій, книжный справщикъ въ Москвѣ, 386.

Бяшки, дворянская фамилія, 146

— Левъ, уніатской митрополитъ, 520.

— Станиславъ, жмудскій епископъ, 124.

— Янъ, жмудскій староста, потомъ виленскій каштелянъ, 147. 161. 175.

Бленардъ Николай, авторъ греч. грамматики, 26. 97. 174. 307. 452.

Блиментъ XIII, папа, 128. 130. 479. 488. 498.

— бакалавръ и алтаристъ львовскій, 11.

Бмициць Николай, авторъ поэмы о смерти Кунцевича, 63.

Блосъ О., ксендзъ, авторъ учебника ариѳметики, 30.

Бнапскій Григорій, авторъ лексикона, 97. 114.

— Станиславъ, преподаватель полоцкой коллегіи, 68.

Бноглеръ Квиринъ, учитель вилен. калвъ. гимназіи, 159.

Бнягвиницкій Іовъ (Іоаннъ), западно-русскій подвижникъ, 200. 252. 253. 269. 275. 285. 385. 386. 457.

Боваль Когуть Иванъ, львовской житель, 464.

Бовальскій (Фабрицій) Вал., см. Фабрицій.

Бовнацкій Михаилъ, ректоръ крожской іезуит. коллегіи, 77.

Болаковскій Іеронимъ, замостскій профессоръ, 130.

Болій І. Р., цит. авт., 264. 266.

Болковскій Ілар, коадьюторъ черниговскаго уніатскаго архимандрита, 386.

Боллинсъ, путешественникъ по Россіи, цит. авт., 191.

Боменскій Янъ Амось, епископъ чешскихъ братьевъ, педагогъ, 81.

Бомендоне Янъ Францискъ, папскій нунцій въ Польшѣ, кардиналъ, 4. 37. 39. 42. 47. 120. 121. 148. 208.

Бомо (Бомскій), кардиналъ, 65. 486. 487.

Бомудей (Бомудловичъ) Александръ, папскій легатъ въ Польшѣ и Россіи, 54. 55. 122. 123. 438. 521

Бондратовичъ Л., цит. авт., 63.

— Яковъ, виленскій братчикъ, 320.

Бонецпольскій, люблинскій земскій судья, 70.

Бонинскій Андрей, іезуитъ, 517.

Бонисскій Георгій, см. Конисскій.

Бонстантинъ Воликій, императоръ, 401. 472.

— могилевскій братскій бакаляръ, 341.

Бодерникъ Николай, авторъ ариѳметики, астрономъ, 31.

- Бопинскій Ісаія**, перемышльскій єпископъ, послѣ кievскій митрополитъ, 276. 285. 349. 359. 361. 472.
- Боптъ Василій**, 494.
- Бопыстонскій Захарія**, архимандритъ печерскій, цит. авторъ, 209. 235. 236. 250. 261. 263. 268. 276. 285. 304. 348. 350. 351. 380. 381. 397. 408. 419. 422. 437. 456. 473.
- **Михайлъ**, перемышльскій єпископъ, 282. 304. 364. 365.
- Корецкая Анна**, княгиня, урожденная Ходкевичъ, 382.
- Корецкіі Іоакимъ**, кн., 382.
- **Самуиль**, князь, сынъ Іоакима, 385.
- Коридалей Теофілъ**, ректоръ константиноп. патр. школы, 408.
- Корнелій**, см. Ультраектинъ.
- Корнякъ Константинъ**, львовскій братчикъ, 296. 309.
- Корсакъ Голубицкіі Евстаоій**, полоцкіі войскій, 506.
- **Рафайлъ**, настоятель вилен. троїцкаго монастыря, послѣ уніат. митрополитъ, 509. 510. 512.
- **Янъ Николай**, земскій судья ошмянскаго повѣта, 52. 55.
- Корчвій**, іезуитъ, 397.
- Косовичъ**, кievскій студентъ, послѣ могилевскій братскій бакаляръ, 341. 357.
- Коссовъ Сильвестръ**, преподаватель львовской школы, префектъ могопянской коллегіи, могилевскій єпископъ, кievскій митрополитъ, цит. авт., 140. 304. 311. 329. 352. 354. 358. 359. 360. 361. 362. 363. 367. 389. 393. 395. 400. 405. 406. 407. 425. 426. 427. 473.
- Костка Янъ**, сандомирскій воевода, 245. 248.
- Костомаровъ Н.**, цит. авторъ, 187. 237. 239. 278. 339. 358. 418.
- Котковскій**, проповѣдникъ могилевскаго братства, 338.
- Котлубай Сильвестръ**, игуменъ новгородскаго уніат. монастыря, 162. 501.
- Кохановскій Янъ**, польскій писатель, 179.
- Кожутскій Станиславъ**, польскій переводчикъ, 115.
- Кояловичъ Альбертъ Вуйкъ**, іез., цитуемый авторъ, 27. 45. 53. 56. 63. 120. 124. 144. 147. 152. 154. 516.
- **М. О.**, цит. авторъ, 107. 215. 267. 271. 278. 321. 390. 401. 516.
- Кранскій Христофоръ**, авторъ кальвинскаго катихизиса, 158.
- Кракіери Леонардъ**, ректоръ виленской коллегіи, 61.
- Крамеръ Даниль**, кальвинскій богословъ, 61.
- Красинскій В.**, гр., цитуемый авторъ, 39. 143. 146. 149. 150. 156. 158. 163. 171. 172. 180. 181.
- Красицкіі Геръ**, перемышльскій пробощъ, 77.
- Краснодубскій Лука**, ксендзь, 56.
- Красовскій Иванъ**, львовскій братчикъ, 463.
- **Лука**, преподаватель грамматики въ виленской коллегіи, 47.
- Крачковскій Юл**, цит. авторъ, 491. 520.
- Крашевскій Іос.**, цитуемый авторъ, 8. 9. 20. 21. 37. 42. 46. 49. 54. 55. 56. 57. 58. 63. 87. 89. 90. 111. 153.
- Кривза Левъ**, архим. вилен. троїцкаго монастыря, цит. авторъ, 270. 328. 497. 502. 509. 517. 519.
- Кредль Іоаннъ**, раковскій профессоръ, социанскій писатель, цит. авт., 179. 181. 182.
- Крисъ блаж.**, 65.
- Кромеръ Мартинъ**, польскій историкъ, 25. 63. 117. 437.
- Крузій Мартинъ**, тюбингенскій ученый, 219. 221. 425. 442. 452. 481.
- Бруновичъ**, цит. авторъ, 162.
- Крыжанчычъ Юрій**, ученый хорватъ (XVII ст.), 447.
- Крыловскій А. С.**, цит. авт., 249. 274. 283. 288. 291. 292. 297. 301. 308. 313. 367. 377. 412. 421. 441. 461. 463. 469.
- Крыскій А.**, цит. авт., 234.

Крышковскій Лаврентій, кальвинскій министр, 163. 175.

Крыштофъ (Христофоръ), ректоръ львовской каедрал. школы, 304.

Крюгеръ, профессоръ вилен. академіи, 61.

Ксеонофонтъ, греческій историкъ, 174. 308. 443.

Кудринскій Ф., цит. авт., 267.

Кузьмичъ Ивашко, бакаларъ холмской монастырской школы, 200.

Кулеша, цит. авторъ, 363.

Куликовская Александра, виленская игуменья, 394.

Кулшперъ, цит. авторъ, 523.

Кулишъ П., цит. авторъ, 41. 187. 218. 219. 231. 237. 238. 245. 280. 304. 322. 337. 382. 409. 410.

Кульва Авраамъ, основатель виленской лютеранской школы, королевецкій профессоръ, 152.

Кульчинскій Игнатій, цит. авторъ, 511. 521.

Кунцевичъ Иосафатъ, полоцкій униат. архіепископъ, 62. 63. 268. 276. 339. 396. 497. 506. 508. 515. 516. 522.

Курбскій Андрей Михайловичъ, князь, цит. авт., 165. 175. 198. 202. 206. 209. 212. 213. 215. 216. 217. 218. 221. 222. 233. 239. 245. 270. 278. 413. 417. 419. 422. 428. 429. 445. 453. 454. 458.

Курцевичъ Іезекииль, владимирскій и брестскій епископъ, 285. 370.

Курцій Руфъ, римскій историкъ, 32. 86. 96.

Л.

Лаврентій:

— кипрскій митрополитъ, 302.

— Зизаній--Тустановскій, см. Зизаній Лаврентій.

Лавровскій Н., цит. авт., 188. 189. 190. 202. 420. 427.

Лазовскій Феодосій, епископъ лудскій и владимирскій, 226. 227. 237. 252. 369.

Лайнезъ Іаковъ, генералъ іезуитскаго ордена, 39. 42.

Ланѣвскій Францишекъ, 520.

Ласкарисъ:

— **Константинъ**, авторъ греческой грамматики, 220. 452. 483.

— **Яносъ (Іоаннъ)**, основатель греческой гимназіи въ Римѣ, 413. 480.

Ласковскій, студентъ виленской академіи, 58.

Лаурео Викентій, папскій пунцій въ Польшѣ, 485.

Лашкаревъ П., цит. авт., 347.

Лебедевъ:

— **А. П.**, проф., цит. авт., 219. 412. 413.

— **Ст.**, цит. авт., 410.

Лебедичъ Степанъ, виленскій бургомистръ, 456. 457.

Левницкій:

— **Іосафъ**, цит. авт., 447.

— **Орестъ**, цит. авт., 143. 163. 165. 197. 523.

Левъ:

— **ІХ**, папа, 484.

— **X**, папа, 480.

— сынъ императора Василія I, 272.

— князь, сынъ галицкаго короля Данила, 192.

— епископъ смоленскій и черниговскій (униатскій), 510.

Легеръ Антоній, цит. авт., 264. 265. 267.

Легранъ Эмиль, цит. авт., 264. 265. 266. 267. 268. 274. 306. 323. 357. 408. 481. 482. 484. 492. 493. 494.

Ледесма, іезуитъ, авторъ Катихизиса, 33.

Лединскій Ярошъ Каспоровичъ, 459.

Лелеведъ Іоакимъ, пол. историкъ, цит. авт., 206. 450. 453.

Леонидесъ Янъ, замостскій профессоръ, 130.

- Леонидъ (Кавелинъ), архимандритъ,** цит. авт., 239. 369. 399. 453.
- Леоновичъ Феодимъ, западнорускій проповѣдникъ,** 363. 366. 398. 401. 402. 427. 430. 437.
- Леонтій:**
— еп. ростовскій, 189.
— священноинокъ, 458.
— настоятель кіевскаго кириллова монастыря, 407.
- Леонтовичъ Ѳ., проф., цит. авт.,** 189. 471. 475.
- Леонтовичъ-Доруминъ Феоданъ, старшій св.-духова вилен. монастыря,** 211.
- Леополита Янъ, издатель Библии на польскомъ языкѣ,** 174. 206.
- Лепкій О., цит. авт.,** 224. 452.
- Леско панъ, житель Львова,** 464.
- Лещинскіе, дворянскій родъ,** 161.
- Лжедмитрій (Димитрій Самозванецъ),** 70. 72. 88. 116. 166. 276. 370. 376. 489.
- Либаній Юрій, краковскій профессоръ,** 453.
- Ливаній софистъ,** 416.
- Ливій Титъ, римскій историкъ,** 85. 86. 96.
- Лизманини, проповѣдникъ реформы въ Польшѣ,** 145.
- Ликовскій Эдуардъ, еп., цит. авт.,** 251. 255. 256. 454. 474. 503. 506. 507. 508. 514. 515. 516. 517.
- Лилеевъ, цит. авт.,** 130.
- Линчевскій М., цит. авт.,** 428. 441.
- Липинскій Тим., цит. авт.,** 159. 273.
- Липномани, папскій пунцій въ Польшѣ,** 145.
- Лисевичъ, цит. авт.,** 207.
- Листархъ Михайлъ (Горимодоръ), ректоръ константиноп. школы,** 413.
- Лихачевъ Феодоръ, думный дьякъ, печатникъ и начальникъ посольскаго приказа,** 384.
- Лицвиній см. Намисловскій.**
- Лозка Стефанъ, мозырскій маршалокъ,** 348.
- Лойола Игнатій, основатель іезуитскаго ордена,** 38. 79. 107.
- Ломоносовъ М. В.,** 447.
- Лонгиновъ Ар., цит. авт.,** 365.
- Лоренцо Франко, итальянецъ,** 106.
- Лорихій Рейнардъ, писатель-педагогъ,** 115.
- Лотъ,** 433.
- Луговскій, гелевскій староста,** 115.
- Лука. м. бѣлградскій,** 336.
- Лукарисъ Кириллъ, патриархъ константинопольскій,** 109. 211. 212. 222. 251. 253. 254. 255. 258. 264. 265. 266. 267. 274. 309. 310. 323. 324. 343. 352. 353. 359. 367. 387. 388. 391. 394. 407. 408. 470.
- Лукашевичъ Іосифъ, цитуемый авторъ,** 4. 5. 6. 11. 13. 14. 17. 18. 21. 23. 24. 26. 29. 30. 32. 33. 34. 35. 37. 40. 43. 44. 45. 47. 48. 49. 50. 51. 53. 55. 56. 60. 65. 74. 76. 77. 78. 82. 83. 84. 85. 86. 87. 92. 94. 96. 97. 99. 100. 101. 106. 107. 108. 109. 118. 119. 121. 122. 123. 125. 127. 128. 129. 130. 132. 133. 134. 135. 137. 138. 139. 143. 146. 149. 150. 151. 152. 154. 156. 157. 158. 159. 160. 161. 163. 165. 172. 173. 174. 178. 179. 180. 182. 183. 213. 243. 245. 328. 438. 518.
- **Лославъ, цитуемый авторъ,** 17. 63. 120. 175. 437.
- Лукіанъ (Самосатскій), философъ и ораторъ (II ст. по Р. Хр.),** 85. 174. 307. 483.
- Лукьяновичъ, цит. авт.,** 241. 242. 243. 244. 245. 246. 247. 248. 249. 250. 251. 252. 253. 258. 262.
- Лупула Василій, молдавскій господарь,** 407. 408.
- Лушковскій, слуга кн. Острожскаго,** 211.
- Лычанка Катерина, черница духовскаго монастыря въ Вильнѣ,** 324.
- Лянчицкій Ник., сынъ вилен. типографа,** 156.

Любарть Гедиминовичъ, князь лудкій и владимирскій, 192. 193.

Люббертъ Зибрандъ, протестантскій писатель, 212. 231. 304. 380.

Любенецкій Станиславъ, сочиніанскій писатель, цитуемый авторъ, 71. 131. 143. 162. 165. 166. 175.

Любкерь Фр., цитуемый авторъ, 85.

Любовичъ Н., цитуемый авторъ, 39. 40. 42. 46. 64. 65. 66. 69. 121. 126. 143. 144. 145. 146. 148. 151. 172. 215.

Любомирскій:

— Станиславъ, князь, 403.

— Юрій, 115

Лютеръ Мартинъ, реформаторъ, 6. 7. 47. 81. 120. 143. 144. 151. 167. 168. 169. 171. 391.

Лянчицкій Станиславъ, преподаватель полоцкой коллегии, 67.

Лянкусъ Викентій, папскій легатъ въ Польшѣ, 121. 154.

Лятошъ (Лятось) Янъ, краковскій профессоръ, 241. 250. 273. 274.

М.

Маджю, австрійско-польскій іезуитскій провинціалъ, 45. 46. 48.

Мазановичъ Павелъ, виленскій ксендзъ, 322.

Мазингъ, цитуемый авторъ, 30.

Май Янъ, вице-ректоръ паневецкой кальвинской школы, 161.

Макарій:

— Великій (Египетскій), блаженный, 274. 275.

— антиохійскій патріархъ, 372. 373.

— кievскій митрополитъ XVI в., 196. 422.

— (Булгаковъ), митр., цит. авт., 187. 190. 192. 214. 229. 235. 243. 276. 279. 286. 293. 314. 340. 343. 353. 358. 366. 369. 370. 372. 381. 386. 390. 394. 395. 396. 398. 399. 406. 407. 454. 456. 457. 488. 490. 517.

— архіепископъ елассонскій, 376.

— неизвестный западнорусскій писатель, 275.

— изъ Головчина, бакаляръ шелвской прав. школы, 371.

— игуменъ пинскаго монастыря, 368.

Макеимовичъ М. А., цит. авторъ, 187. 193. 243. 249. 253. 260. 261. 276. 311. 346. 350. 382. 399.

Максимъ Валерій, римскій писатель, 307.

— Исповѣдникъ, церковный учитель, 484

— Грекъ, инокъ Аеонской горы, жившій въ Москвѣ, писатель, 191. 217. 227. 240. 307. 308. 428. 449. 456. 470.

Макушевъ В., цитуемый авторъ, 25. 115. 151.

Маласпина, папскій нунцій въ Польшѣ, 22.

Малевичъ К., цит. авторъ, 497.

Малининъ В., цит. авторъ, 445.

Малиновскій Мих., цит. авторъ, 490. 491.

Малышевскій Ив., цит. авт., 143. 147. 176. 212. 219. 221. 222. 239. 245. 249. 258. 264. 267. 273. 274. 306. 310. 346. 409. 413. 425. 441. 481.

Мамоничи Козьма и Лука, вилен. типографы, 198. 218. 275. 445. 454.

— Лука, типографъ и скрбникъ вел. княжества литовскаго, 283. 284.

Манассія, царь іудейскій, 449.

Мануиль риторъ, 449.

Маргуартъ Іаковъ, іезуитъ, профессоръ богословія, 98.

Маргуній Максимъ (въ мирѣ Еммануиль), квоирскій епископъ, 220. 264.

Марина Миншекъ, жена Лжедмитрія, 373. 376.

Марицкій, цитуемый авторъ, 17.

Маркевичъ Н., цитуемый авторъ, 15.

Марковъ Вл., цит. авторъ, 90. 102.

- Маркъ:**
— евангелистъ, 267.
— митрополитъ ефесскій, 484.
- Мартинъ:**
ректоръ перемышльской кафедральной школы, 14.
— изъ Душниковъ, виленскій каноникъ, 9.
- Мартыновъ И.**, изв., цит. авт., 263. 271. 391.
- Марціалъ Валерій**, римскій поэтъ эпиграмистъ, 96.
- Марципоръ**, ректоръ вилен. лютер. школы, 153.
- Масальскій:** Вацлавъ,
— Георгій, 233.
— О., кн., 331.
- Матвій:**
— Бритскій, 413.
— монахъ, учитель трикской школы, 412.
— виленскій іерей, 201.
- Мацѣвскій:**
— Вацлавъ, цитумый авторъ, 6. 29. 35. 128. 130. 131. 132. 138. 139. 174. 175. 333. 391. 393. 402. 403. 404. 453.
— Бернардъ, луцкій и краковскій католическій епископъ, впоследствии гвѣзненскій архіепископъ, 15. 69. 74. 78. 274. 334. 492. 493.
- Медвѣцкій**, виленскій мѣщанинъ, 58.
- Мезгеръ**, цитумый авторъ, 87. 91. 122
- Меланхтонъ Филиппъ**, реформаторъ, 7. 81. 82. 144. 169. 452.
- Мелетій:**
— антиохійскій патриархъ, 302.
— Пигасъ, константиноп. патриархъ, см. Пигасъ.
— Смотрицкій, см. Смотрицкій М.
- Мелецкій**, 12.
- Мелецкій Николай**, подольскій воевода и хмѣльницкій староста, 163.
- Мелешко:**
— Авраамъ, 283.
— Иванъ, смоленскій каштелянъ, 207.
— Янъ, 55.
- Мелешковичъ (Мелешко) Теодоръ**, ректоръ владимирской униат. школы, послѣ — холмскій епископъ, 495. 512.
- Мемлевичъ Яковъ**, учитель кiev. братской школы, 355.
- Мемората Анна**, польская поэтесса, 151.
- Мехержинскій Бардъ**, цитумый авторъ, 61. 437. 471.
- Меодій меленицкій**, 413.
- Микуличъ Герасимъ**, игуменъ черницкаго монастыря, 342. 344.
- Милецкій (Милецыусъ) Симонъ**, докторъ-философъ, 45.
- Мяловидовъ А.**, цит. авт., 320. 368.
- Миана**, типографъ львов. братства, 294.
- Мвидоній Леонардъ**, хіосскій врачъ, 220.
- Миропольскій С.**, цит. авт., 188. 189. 190. 192. 202. 449. 476.
- Мирскій Севастьянъ**, brasлавскій земскій судья, 372.
- Миславскій:**
— Аонасіи, б. владѣлецъ рукописной книги, цитумой подъ его именемъ, 235. 261. 327. 329. 345. 363. 366. 367. 371. 389. 394. 396. 398. 400. 401. 405. 430. 437. 461. 462
— Самуилъ, ректоръ кievской академіи, 353.
- Митрофанъ**, летописецъ пинскій, 189.
- Митура Александръ**, львовскій братскій учитель, 351.
- Митуричъ Дмитрій**, уставникъ и бакаларъ туровскій, 199.
- Михаилъ Теодоровичъ**, царь, 355. 376. 377. 336.
- Михаилъ Корибутъ Вишневецкій**, король польскій, 139.
- Михаилъ:**
— учитель виленской кафедральной школы, 10.

— бакалавръ перемышльской каедральной школы, 14.

Нихайловичъ Тимошей, острожскій дѣятель, 275.

Нихалонъ Литвинъ, цитуемый авторъ, 28.

Нихневичъ Юсафатъ, супрасльскій уніат. архимандритъ, 520.

Могяла:
— **Петръ, кievскій митрополитъ, 165. 211. 351. 357. 358. 359. 360. 361. 362. 363. 365. 366. 387. 389. 390. 398. 399. 402. 405. 406. 407. 408. 415. 430. 434. 435.**
— **Симеонъ, молдавскій господарь, отецъ Петра Могялы, 373.**

Модестъ архим., 497.

Модржевскій Андрей, польскій публицистъ XVI ст., 17. 115. 117.

Моисей, 473.

Модиторъ Теофілъ, ректоръ гещкой соцініанской школы, 166.

Моллеръ Квиріаъ, учитель вилен. калвъ. гимнази, 159.

Молчановъ, цит. авт., 399.

Монегинъ Бернадъ, замостскій профессоръ, 130.

Моравинскій, 12.

Мордовцевъ Дан., цитуемый авторъ, 476.

Мороховскій Илія (въ монашествѣ Іоакимъ), королевскій секретарь, послѣ владимирскій уніат. епископъ, цит. авторъ, 212. 392. 495. 509. 510. 512. 515. 522.

Морштинъ, виленскій купецъ, 152.

Москопулъ, грекъ, 255. 256.

Мотовилло, западнорусскій еретикъ, 212. 238. 241.

Можковскій Геронимъ, соцініанскій писатель, 180. 181.

Мстиславецъ Петръ Тимошеевъ, московскій первопечатникъ, 198. 216. 239.

Мужиловскій Андрей, слупскій протопопъ, цитуемый авторъ, 384. 393. 394. 397. 408. 427.

Музоній Андрей, ректоръ слупской калвъинской гимнази, 160.

Муканте, секретарь нунція Гаэтана, 25.

Муравьевъ А., цит. авт., 220. 221.

Муреть Маркъ Антоній, профессоръ вилен. академіи, 62.

Мухаммедъ пбнъ-Муза Альхваризми, авторъ арабской ариѳметики, 30.

Мучковскій Іос., цитуемый авторъ, 8. 24. 197.

Мышковоскій:

— **Петръ, краковскій епископъ, 118.**

— **Петръ, люблинскій каштелянъ, 115.**

Н.

Навинъ Іисусъ, 234.

Назевайко Северинъ, предводитель казацкаго возстанія, 271. 272.

Намысловскій Іоаннъ Лициній, новгородскій пасторъ и ректоръ соцін. школь, 147. 175.

Нарамовскій, іезуитъ, историкъ, 58.

Нарбуттъ:

— **Войгѣхъ, кievскій католич. епископъ, 15.**

— **Феод., цитуемый авторъ, 36. 37. 45. 58. 120. 152. 153.**

Нарушевичъ, дворянская фамилія, 146.

Нарушевичъ Янъ, виленскій домовладѣлецъ, 319. 320.

Насѣдка Иванъ, московскій книжный справщикъ, 386.

Неандеръ Михаэль, нѣмецкій педагогъ, 81. 169.

Невоструевъ К. И., цит. авт., 428. 445.

Негалевскій Валентинъ, соцініанинъ переводчикъ Н. Завѣта на малорос. нарѣчіе, 176.

Негребецкій Павелъ, воспитанникъ, львовской школы, цит. авт., 308.

Немиричъ Юрій, соцін. писатель, 175. 176.

- Немовскій Янъ**, гальвинскій богословъ, 215.
- Ненотъ Корнедій**, римскій историкъ, 84. 96.
- Нерць**, виленскій переплетчикъ, 325.
- Несторъ**, лѣтописецъ, цит. авт., 189.
— греческій герой, 434.
- Нестерець (Несторъ)**, дьякъ западнорускій, 196.
- Никифоръ:**
— Григора, греческій историкъ, 307.
— цареградскій патриархъ, 229.
— протосингелъ конст. патриарха Іеремія II, 222.
— острожскій учитель, 265.
— грекъ, протосингелъ констант. патриарха, 131. 247. 251. 255. 258. 266. 267. 268. 269. 338.
— чернецъ вилен. братскаго монастыря и учитель братской школы, 323.
- Никлевичъ Симонъ**, ректоръ вилен. коллегіи, 61.
- Никодимъ архим.**, цитуемый авторъ, 480.
- Николай:**
— мирликійскій свят., 203. 332.
— изъ Конаревъ, магистръ львовской каедр. школы, 11.
— архимандритъ супрасльскій, цитуемый авторъ, 521.
- Никольскій А.**, цит. авт., 271.
- Никонъ Черногорець**, писатель, 261. 307. 449.
- Нилъ**, архіеп. солунскій, 218.
- Новакъ Николай**, учитель минской униат. школы, 501.
- Новицкій И.**, цит. авт., 348.
- Носковскій Андрей**, плецкій католич. епископъ, 39. 40.
- Нѣмцевичъ Янъ**, цит. авторъ, 127. 131.
- Нѣсецкій Б.**, цит. авт., 242. 247.

O.

- Оболенскій Мих.**, кн., 217.
- Обухъ Андрей**, кievскій землянинъ, 347
- Овидій Назонъ**, римскій поэтъ, 26. 85. 96. 114. 307. 308.
- Огинскіе**, княжеская фамилія, 146. 369.
- Огинская:**
— Анна Богдановна, 372.
— Варвара, жена М. Шемета, виленскаго подкоморія, 371.
— Раина Воловичовна, жена Богдана Огинскаго, 371. 372.
- Огинскій Богданъ кн.** троцкій подкоморій, 323. 328. 371. 402. 470. 474.
— Янъ Богдановичъ, 340. 341.
- Оглоблинъ**, цит. авт., 306. 374. 375. 376. 450.
- Одерборнъ Павелъ**, лютеранскій проповѣдникъ, цит. авт., 200. 203. 246.
- Одровонжовая Софія**, основательница ярославской коллегіи, 64.
- Одровонжъ Станиславъ**, владѣлецъ г. Ярослава, 21. 35.
- Озиминскій Балтазаръ**, студентъ вилен. академіи, 88.
- Оксеновичъ - Старушичъ Игнатій**, ректоръ кievо-могилянскои коллегіи, 358. 407.
- Олесницкіе**, Самуиль и Николай, владѣльцы г. Хмѣльника, 163.
- Ольшевскій Фирсъ**, педагогъ князя Огинскаго, 323. 469.
- Онацевичъ З.** цитуемый авторъ (издатель сочиненія Альбертранди), 49. 50.
- Онисимовъ Григорій**, книжный справщикъ въ Москвѣ, 384.
- Онисифоръ митр.** сж. Дѣвочка Онисифоръ.
- Онъковъ Богданъ**, виленскій житель, 198.
- Оранскій Война Пахомій**, жидичинскій униат. архимандритъ, послѣ епископъ пинскій и туровскій, цит. авт., 493. 509.

- Оржѣховскій Станиславъ**, краковскій каноникъ, польскій писатель, 115. 117. 163. 174. 206.
- Оросей**, католическій проповѣдникъ, 436.
- Ортицъ Михаилъ**, ректоръ вилен. боллеги, 61.
- Ортицъ (Ортицъ) Иаковъ**, виленскій иезуитскій профессоръ, 62. 98.
- Ортологъ Теофіялъ**, псевдонимъ М. Смотрицкаго, 270. 391. 392. 415.
- Орѣховскій Вареоломей**, иезуитскій питомецъ, поэтъ, 63.
- Освѣцимскій Янъ**, каноникъ, краковскій профессоръ и ректоръ, 29.
- Осеодинскіе**, 431.
- Осеодинскій Іос.**, цитуемый авторъ, 36. 37.
- Остородтъ Христофоръ**, социніанскій писатель, 181. 182.
- Острожикъ:**
— **Захарій**, ректоръ холмской уніат. школы, 505. 522.
— **Феодоръ**, слуга м. Рутскаго, 505.
- Острожскіе:**
— **Константинъ Ивановичъ**, гетманъ литовскій, 198. 241. 242. 244.
— **Константинъ—Василій Константиновичъ**, кievскій воевода, маршалокъ волянскій и староста владимирскій, 131. 162. 166. 199. 211. 212. 213. 218. 221. 222. 227. 234. 237. 238. 239. 240. 241. 242. 243. 245. 246. 247. 248. 249. 250. 251. 252. 253. 254. 255. 256. 257. 258. 259. 260. 261. 262. 263. 264. 265. 266. 267. 268. 269. 272. 273. 277. 278. 282. 288. 294. 296. 303. 305. 316. 322. 334. 346. 351. 369. 378. 380. 382. 391. 417. 419. 444. 507.
— **Александръ**, сынъ Кон—на Кон—ча, 65. 242. 244. 248. 253. 269. 382.
— **Константинъ**, сынъ Кон—на Кон—ча, 65. 242.
— **Янушъ**, сынъ кн. Кон—на Кон—ча, 77. 242. 244. 248. 251. 260.
- Острожская Анна Костковая**, супруга кн. Александра, 65. 77. 382.
— **Беата (Косцелецкая)**, супруга кн. Иды Константиновича Острожскаго, 21.

Отвиновскій Эразмъ, социніанскій поэтъ, 175.

Отманъ Рудольфъ, цитуемый авторъ, 115.

II.

Пабіановскій Самуилъ, учитель любартовской социніанской школы, 164.

Павель:

— апостоль, 6. 7. 23. 173. 234. 274. 294. 308. 383. 419. 422. 465.

— **Самосатскій**, еретикъ, 238.

— III, римскій папа, 38.

— V, папа, 129. 501. 502. 506. 517.

— бакалавръ перемышльской кафедральной школы, 14.

— **Гольшанскій**, виленскій католич. епископъ, 9. 21. 152.

— еп. далматскій, 336.

— **могилевскій братскій бакаляръ**, 341.

— **Алепскій**, архидаконъ, сынъ антиохійскаго патріарха Макарія, цитуемый авторъ, 372. 373.

Павинскій Адольфъ, цитуемый авторъ, 6. 7.

Пансіъ:

— еп. дирахійскій, 374.

— еп., см. Ипполятовичъ Пансіъ.

Пакоста Аеліасій, минскій уніат. архимандритъ, послѣ холмскій епископъ, 335. 495. 501.

Палама, см. Григорій Палама.

Палеологъ:

— **Діонисій**, грекъ, 251.

— монахъ, 255. 256.

Палюдій Соломонъ, ректоръ гошской социніан. школы, 166.

Панковичъ Василій, перемышльскій мѣщанинъ, 364.

Панадополи Николай Комненъ, цитуемый авторъ, 509.

- Напковъ А., цит. авт., 276.
- Напроцкій:
— Вареломей, іезуитъ, 97. 98.
— Франц., іезуитъ, историкъ, 80.
- Нарвовъ, цитуемый авторъ, 501.
- Наркосскій Яковъ, ректоръ браковской академіи, 175.
- Нароеновичъ Іоаннъ, виленскій соборный протопопъ и митрополичій намѣстникъ, 379.
- Науля Григорій, браковскій соцініанскій пасторъ и сеніоръ, 180.
- Нафнутій грекъ, 268.
- Нафнутій, іеромонахъ, львовскій братскій переводчикъ, 309.
- Нафнутій, афонскій старецъ, 235.
- Нацы, литовская дворянская фамилія, 146.
- Наць Николай, епископъ жмудскій, 56. 123. 124.
- Нацовскій, священникъ, учитель киево-могилянскои коллегіи, 363.
- Н(ашкови)чъ Ж., цит. авт., 314.
- Некарскій П., цит. авт., 434.
- Некноржецкій Іосифъ (псевдонимъ Шембека Фридриха), цитуемый авторъ, 40. 77. 90. 109. 110. 117. 120.
- Нелешъ Юліанъ, цитуемый авторъ, 3. 256. 282. 286. 391. 490. 512. 514. 516. 518.
- Нельцель Самуилъ, учитель паневедкой калъв. школы, 161.
- Нельчицкій Леонтій, холмскій правосл. епископъ, 226.
- Нелясъ Флоріанъ, королевскій нажъ, 320.
- Ненацкій Педіанъ, докторъ, учитель львовской каедр. школы, 13.
- Ненатій Ст., учитель львовской каедр. школы, 13.
- Ненкальскій Симонъ, цит. авт., 253. 254.
- Нерикъ, афонскій полководецъ и государственный дѣятель, 434.
- Перлицкій кс., официалъ львовской капитулы, 304.
- Перлштейнъ, цит. авт., 255. 342.
- Перлицкій, докторъ, учитель львовской каедр. школы, 13.
- Пероговскій Вас., цит. авторъ, 78.
- Петкевичъ:
— Юрій, жмудскій католич. епископъ, 123. 124.
— Петръ, ксендзъ, 123.
- Петрижицкій Иванъ, гетманъ запорожскій, 362.
- Петровъ Н., проф., цит. авт., 196. 204. 242. 254. 255. 353. 367. 399. 401. 408. 499. 520.
- Петръ:
— апостоль, 234.
— московскій митрополитъ, 190. 192. 420.
— Могила, см. Могила Петръ.
- Петрушевичъ А. С., цит. авт., 239. 238. 291. 293. 303.
- Пеховичъ (Пеховскій) Симонъ, профессоръ замостской академіи, 131. 132. 139.
- Пягасъ (Пяга) Мелетій, антиохійскій, потомъ константинопольскій патріархъ, 221. 222. 235. 249. 258. 259. 264. 265. 266. 267. 306. 370. 376. 387. 441. 456.
- Пій:
— IV, папа, 34, 38. 214.
— V, папа, 38.
- Пяндаръ, греческій лирическій поэтъ, 87. 308.
- Пправскій, цитуемый авторъ, 12.
- Пирлингъ П. О., цитуемый авторъ, 65. 66. 126. 435. 488. 492.
- Пихлеръ Азонвій, цит. авт., 264. 267.
- Пивогоръ философъ, 182.
- Плавтъ, римскій поэтъ-драматургъ, 82.
- Плануди Максимъ, греческій монахъ (XIV в.), писавшій противъ латинянъ, 484.

- Платонъ:**
— греческій философъ, 86. 87. 126. 131. 182. 232. 234. 235. 303. 414. 429.
— митр. московскій, 358.
- Плотенецкій Елисей**, киево-печерскій архимандритъ, 350. 351. 383. 389. 434. 497.
- Плоцанскій**, цитуемый авторъ, 21. 35.
- Плутархъ**, греческій историкъ, 25. 26. 86. 307. 308. 443. 449.
- Погодинъ М. П.**, цит. авт., 230.
- Подвысоцкій**, острожскій священникъ, 261, 400.
- Полетаевъ Н.**, цит. авт., 189.
- Полубенскій Алекс. Иван.**, кн., новгородскій каштелянъ, 321. 322.
- Полумерковичъ Стефанъ**, западнорусскій авторъ-панегристъ, 434.
- Помпей**, римскій полководецъ и триумвиръ, 434.
- Понель Павелъ**, бакаляръ могилевской прав. школы, 340. 466.
- Поповъ А. Н.**, пят авторъ, 188. 196. 216. 218. 423. 445. 454.
- Порфариъ:**
— языческій философъ и риторъ (III ст. по Р. Х.), 139. 265. 433.
— (Успенскій), еп., цит. авт., 229.
- Поссевицъ Антоній**, иезуитъ, папскій посолъ и цитуемый авторъ, 65. 104. 127. 214. 227. 243. 246. 248. 251. 257. 454. 485. 486. 487. 488. 521.
- Потебня А. А.**, ученый филологъ, 445.
- Потоцкій Янъ (Юаннъ)**, брацлавскій воевода и каменец. староста, 161.
- Потъй Ипатій (Адамъ)**, брестскій каштелянъ, послѣ—брестскій униатскій епископъ и митрополитъ, 162. 200. 213. 219. 222. 226. 244. 245. 246. 258. 268. 270. 271. 272. 322. 325. 333. 334. 348. 366. 369. 379. 479. 491. 492. 493. 494. 495. 496. 497. 499. 500. 501. 502. 503. 513. 514. 516. 521.
- Потъй Христофоръ**, сынъ Ипатія, 348.
- Почаповскій Геремія**, епископъ лудскій и острожскій (униатскій), 509. 510.
- Почаскій Софроній**, профессоръ кievской лаврской школы, ректоръ могиланской коллегіи, яскскій игуменъ, 358. 359. 360. 405. 407. 408. 434.
- Поэтивинскій Юаннъ**, учитель любартовской соціаніанской школы, 165.
- Поюанъ Бонав.**, цит. авт., 119. 121. 125.
- Предримерскій Александръ**, учитель новгородской униат. школы, 501.
- Пржерембскій Янъ**, гнѣзненскій архіепископъ, польскій примасъ, 13.
- Прокль**, философъ-неоплатоникъ, астрономъ, математикъ и грамматикъ, 131.
- Пронскіе**, княжескій родъ, 146.
- Промерцій**, римскій поэтъ, 85. 96.
- Протасевичъ - Сущковскій Валеріанъ**, виленскій катол. епископъ, 9. 10. 42. 43. 44. 45. 46. 47. 48. 49. 50. 51. 52. 53. 54. 56. 57. 121. 154.
- Прохаска Ант.**, цитуемый авторъ, 23.
- Прохвицкій Юаннъ Андрей**, каменецъ-подольскій епископъ, послѣ львовскій катол. архіепископъ, 74. 76.
- Прохоръ**, еп. ростовскій, 192.
- Прусскій Симонъ**, иезуитъ, 517.
- Пршвалговскій Викентій**, цитуемый авторъ, 6. 10. 21. 22. 23. 34.
- Пселль Михаилъ**, философъ и математикъ, 438.
- Иташицкій Ст.**, цит. авт., 239.
- Пузыны**, дворянская фамилія, 146.
- Пыпинъ А. Н.**, цит. авт., 414.
- Пясецкій Пав.**, цит. авт., 145.

P.

Рагоза Михаилъ, униатскій митрополитъ, 188. 206. 207. 211. 271. 281. 282. 290. 291. 296. 297. 298. 300. 302. 303. 310. 314. 317. 322. 324. 364. 365. 366. 377. 378. 381. 432. 436. 441. 490. 491. 496.

Радивиллы, литовская княжеская фамилія, 22.

Радивялдь:

— **Николай (Черный)**, князь олькский и несвижский, виленский воевода и литовский канцлер († 1565), 42. 57. 153. 154. 176. 245.

— **Юрий**, сынъ Николая Чернаго, виленский коадьюторъ, послѣ—кардиналъ († 1600), 43. 57. 60. 70. 116. 121. 122. 154. 156.

— **Николай Христофоръ (Сиротка)**, сынъ Николая Чернаго, князь на Олькѣ и Несвижѣ, воевода троцкскій и виленскій († 1616), 45. 48. 56. 63. 71. 72. 76. 78. 97. 116. 121. 154. 155. 172. 246. 259. 275.

— **Станиславъ**, владѣлецъ Ольки, староста жмудскій, сынъ Николая Чернаго († 1599), 15. 16. 52.

— **Альбертъ (Альбрехтъ)**, сынъ Станислава, владѣлецъ Ольки, литовскій канцлеръ († 1656), 16. 17. 78. 368. 369.

— **Николай Рыжій**, виленскій воевода и литовскій канцлеръ († 1588), 49. 154. 155. 159. 176. 245.

— **Христофоръ**, сынъ Николая Рыжаго, виленскій воевода и литовскій гетманъ († 1603), 211. 272.

— **Христофоръ**, второй сынъ Христофора, польный гетманъ литовскій, виленскій воевода, князь на Слуцкѣ, Биржахъ и Дубингахъ († 1640), 159. 160. 176. 211. 355.

— **Анна**, жена его, изъ рода Кишекъ, 160.

— **Янъ**, сынъ Христофора и Анны, вел. гетманъ литовскій (1656), 174.

— **Янъ Христофоръ**, сынъ Христофора и его второй жены Екатерины Острожской, князь на Биржахъ и Дубингахъ, подчашій литовскій и каштелянъ виленской († 1620), 157. 159.

— **Войтъхъ**, сынъ Яна, 159.

Радко, проповѣдникъ могилевскаго братства, 338.

Радосшевскій Богуславъ, кievскій католич. епископъ, 77.

Радосианскій Георгій, ковенскій земскій судья, 283.

Радрузіанъ Михаилъ, учитель красно-

ставской каѳедральной школы, красноставскій офиціалъ, 14.

Раецкій, луцкій шляхтичъ, 342.

Разій Адамъ, ректоръ биржанской кальвинской гимназіи, 159.

Рангоня, папскій нунцій, 72.

Раумеръ Карлъ, цит. авт., 80. 81. 82. 87. 92. 94. 95. 106. 167. 168.

Рафанъ Мартинъ, цит. авторъ, 484. 508. 509. 511. 513.

Рафальскій Лука, цит. авт., 261.

Ревера Станиславъ, владѣлецъ им. Паневцы, 161.

Регенвольскій Адр., см. Венгерскій.

Рей Николай изъ Нагловницъ, польскій поэтъ и писатель, 114. 206. 437.

Рейнгольдъ Адамъ, ректоръ слудской кальв. гимназіи, 160.

Рейхлинъ Іоаннъ, извѣстнѣйшій гуманистъ, авторъ первой еврейской грамматики, 167.

Ржетельскій Войтъхъ, учитель виленской братской школы, 328.

Ржеховскій Мартинъ, авторъ, 73.

Ржечицкій Юрій, староста уржендовскій, 179.

Рий Филонъ, ученикъ луцкой братской школы, 342.

Риновидкій Іаковъ, ректоръ киселинской школы, 175.

Робертъ Стефанъ, издатель, 173. 177.

Рогатинецъ:

— **Юрій**, львовскій братчикъ и цѣгуемый авторъ, 188. 231. 249. 273. 284. 294. 295. 305. 322.

— **Иванъ**, братъ Юрія, 234. 295. 463.

Роговскій Палладій, докторъ богословія, учитель закононастной славяно-греко-латинской академіи, 407.

Родецкій Алекс., раковскій типографъ, 40.

Родосскій Ал., цит. авт., 176.

Росень Гавріилъ, львовскій шляхтичъ, 12.

С.

Розумскій Бенедиктъ, ректоръ виленской кальвинской гимназіи, 158.

Ровніи Петръ, виленскій архиіакопъ, начальниѳъ юридической школы, 36. 37. 46.

Роотганъ Янъ, генераль іезуитскаго ордена, 80.

Ростовскій Станиславъ, іез., цитуемый авторъ, 22. 41. 45. 46. 47. 48. 52. 53. 54. 58. 59. 60. 63. 66. 67. 68. 69. 71. 72. 77. 78. 89. 117. 144. 152. 153. 154. 155. 156. 488.

Росцій Генрихъ, учитель любартовской социн. школы, 163.

Росцѣшевскій, см. Воболя.

Ротундъ-Милевій (или Мелескій) Августинъ, докторъ права, виленскій войтъ и королевскій секретарь, 37. 40. 44. 45. 58. 112. 238.

Руаръ Мартинъ, раковскій профессоръ, 179.

Рубанъ В., цит. авт., 353.

Руджіери Фульвій, папскій нунцій въ Польшѣ, 151.

Руджіери Юліи, папскій нунцій въ Польшѣ, 44. 143.

Рудольфъ, императоръ германскій, 487.

Руякевичъ, львовскій братскій учитель, 441. 461. 463. 467. 468. 469. 470. 471.

Рункевичъ Ст., цит. авт., 327.

Ружинскій Карякъ, кн., 305.

Руссовскій Геласій, архимандритъ вилен. троцкаго монастыря, 515.

Рутка, іез., писатель, 406. 455.

Рутскій Іосифъ-Вельяминъ, униат митрополитъ, 75. 219. 246. 259. 330. 336. 347. 352. 381. 396. 426. 493. 495. 497. 498. 499. 500. 501. 502. 503. 504. 505. 506. 507. 509. 510. 511. 512. 513. 515. 516. 517. 518. 520. 521. 522.

Рымша Андрей, западнорусскій писатель, 252. 275.

Рышвинскій Феофанъ, полоцкій православный архіепископъ, 66. 67.

Сабеливусъ, неизвѣстный историкъ, 307.

Сава, львовскій братскій «педагогъ», 469.

Савинскій Авраамъ, холмскій еврей, 505. 522.

Савицкій:
— **Каспаръ**, профессоръ вилен. академіи, духовникъ Мирны Мншескъ, цитуемый авторъ (писавшій, между прочимъ, подъ псевдонимомъ Цихоцкаго), 62. 111. 120. 164.

Сагайдачный Петръ Конашевичъ, гетманъ запорожскій, 253. 261. 275. 311. 353. 354. 403. 407. 431. 433. 434. 462.

Саконичъ Касіанъ (Каллистъ), ректоръ кievской братской школы, 140. 253. 275. 352. 354. 355. 357. 360. 367. 393. 394. 395. 396. 402. 403. 404. 426. 431. 433. 434. 437. 438. 462. 513. 514. 519. 523. 524.

Сакро Бусто Іоаннъ, см. Іоаннъ Сакро-Бусто.

Саллюстіи, историкъ, 32. 85. 86. 96. 483.

Самаринъ Ю. Ф., цитуемый авторъ, 110.

Самборчикъ-Виглянции Григорій, краковскій профессоръ, польско-латинскій поэтъ, 22.

Самсонъ, 473.

Самундъ Литвинъ, учитель могилевской соборной школы, 356.

Сангушко Феодоръ Андреевичъ, князь, 196.

Сауновъ, цитуемый авторъ, 68.

Сапѣги, литовская дворянская фамилія, 22. 146.

Сапѣга:
— **Богданъ Павловичъ**, смоленскій каштелянъ, минскій воевода, 278. 283. 314. 317. 318.
— **Аполлонія**, его жена (урожденная Друцкая-Соколинская), 317.
— **Павелъ**, сынъ, 318.

- Левъ. литовскій канцлеръ. 51. 52. 72. 157. 268. 275. 340. 373. 492. 496. 508.
- Сарбѣвскій Мацѣй Казимиръ**, профессоръ вилен. академіи и поэтъ, 62. 63.
- Сарыгопанъ Маркъ**, московскій бѣглець, слуга кн. Слуцкаго, 217.
- Сата Б.**, цитумый авторъ, 220. 299. 376. 411. 413. 424.
- Сафанъ**, писецъ во времена царя Іосія, 250.
- Свѣчковичъ Лаврентій**, учитель львовской каедр. школы, 13.
- Святославъ Ярославичъ**, вел. князь, 430.
- Северино**, кардиналъ, 481.
- Седовскій Іаковъ**, львовянинъ, 435.
- Секлюціанъ Янъ**, авторъ протестантскаго катихизиса, 144. 171.
- Селява**—см. Антоній Селява.
- Семець (Siemek) Каспаръ**, краковскій профессоръ философіи и математики, цитумый авторъ, 5.
- Семеновичъ Иванъ**, священникъ виленскаго братства, 325.
- Сендудьскій Ап.**, сваяц., цитум. авторъ, 257. 274.
- Сенска**, римскій философъ, 7. 182.
- Сенчило (или Сенчиловичъ) Самуиль**, виленскій тронцкій архимандритъ, 496. 499. 516. 519.
- Сергій:**
- преп., 376.
- епископъ микачоскій и мароморитскій (?), 336.
- архим. цитумый авторъ, см. также Соколовъ, 409.
- Сестренцевичъ Петръ**, ректоръ вилен. калв. гимназіи, 153. 159.
- Сехиній Янъ**, профессоръ и ректоръ замостской академіи, 132.
- Сигизмундъ:**
- I, король польскій. 21. 56. 144. 225.
- II Августъ, король польскій, 10. 28. 36. 37. 39. 42. 47. 56. 145. 199. 204. 240. 287. 311.
- III, король польскій, 40. 41. 56. 59. 60. 61. 73. 88. 116. 150. 155. 192. 225. 268. 281. 286. 303. 311. 319. 320. 325. 332. 338. 355. 365. 396. 491. 492. 493. 500. 513.
- Сигонъ Барлъ**, издатель Аристотеля, 29.
- Сидицино**, филологъ-латинистъ, 483.
- Сидоровичъ Федоръ**, львовскій братскій учитель, 309. 462.
- Сикеть:**
- V, папа, 103. 118.
- Эразмъ, львовскій мѣщанинъ, 74.
- Сила**, священникъ, сотрудникъ кн. Курбскаго, 218.
- Силинѣусъ Іеремія**, ректоръ слуцкой калвинской гимназіи, 160.
- Сильванъ**, ученикъ Максима грека, 240.
- Сильвестръ:**
- александрійскій патриархъ, 221. 229.
- Вѣлькевичъ, кievскій митрополитъ, 198.
- Боссовъ, митр., см. Боссовъ Сильвестръ.
- іеродиаконъ, типографъ, 457.
- Сямашкевичъ М.**, цитумый авторъ, 23. 76. 163.
- Симеонъ:**
- полоцкій епископъ, 229.
- львовскій братскій священникъ, 301.
- изъ Буйничъ, учитель, 356.
- дубецкій дьякъ, 370.
- Симонетти Фолиньо**, епископъ, папскій нунцій въ Польшѣ, 121. 498.
- Симоновичъ Симонъ**, профессоръ замостской академіи, 129. 138.
- Симонъ:**
- московскій митрополитъ, 190. 202.
- слуга смоленской воеводины, 323.

Синезій, 86.

Спрахъ, 448. 449. 470. 471.

Сяръ Публліій (миль), римскій писатель и актеръ, 24.

Сяховскій:

— Іоаннъ, священникъ львовскій, 421. 463. 465.

— Лазарь, ученикъ львовской братской школы, 463.

Сжабалановичъ Н., цит. авт., 212. 273. 278. 391. 427. 494.

Скарга Петръ, ректоръ виленской коллегии, цит. авт., 6. 43. 47. 56. 61. 62. 64. 66. 67. 94. 114. 120. 150. 164. 200. 209. 214. 216. 219. 227. 238. 241. 248. 249. 251. 257. 267. 273. 278. 392. 417. 418. 437. 454.

Скорина:

— Францискъ, издатель Библіи, 197. 198. 202. 203. 234. 239. 307. 407. 424. 450.

— Алхимъ и его сынъ Сава, подданные полоцкаго архіепископа, 197.

Скобельскій, цит. авт., 293.

Скуминъ Феодоръ, новгородскій воевода, виленскій братчикъ, 211. 278. 283. 296. 302. 303. 314. 315. 318. 462.

Сливовъ Н., цит. авт., 122. 453.

Слупскій:

— Юрій Юрьевичъ Одельковичъ, отецъ, князь, 217. 243. 278.

— Юрій Юрьевичъ, сынъ, князь, 159.

Смера Иванъ, мнимый авторъ подложнаго письма къ кн. Владимиру, 176.

Смьтъ Оома, цит. авт., 264. 265. 267. 268. 323.

Смирновъ С., прот., цит. авт., 407.

Смогоржевскій Іасонъ, полоцкій униатскій архіепископъ, послѣ митрополитъ, 254.

Смотряцкій:

— Герасимъ Даниловичъ, острожскій дьятель, 204. 205. 215. 244. 245. 246. 253. 254. 257. 262. 263. 264. 390.

— Мелетій (Максимъ), братскій педагогъ, послѣ полоцкій архіепископъ, 165. 195. 203. 212. 213. 226. 230. 244. 248. 253. 262. 263. 264. 270. 271. 273. 277. 304. 325. 328. 329. 330. 354. 355. 357. 371. 373. 381. 382. 384. 390. 391—7. 398. 402. 403. 405. 420. 421. 430. 432. 436. 442. 447. 448. 452. 453. 476. 503. 519. 523.

Снигдетонъ Ричардъ, профессоръ вилен. академіи, 60.

Соболевскій А., проф., цит. авт., 195. 272. 346. 350. 355. 395. 417. 437. 450.

Соболь Сирридонтъ, западнорусскій типографъ, 372. 390. 449.

Собѣскій Яковъ, красноставскій староста, 23.

Соколовскій:

— Бартошъ, владимирскій шлятичъ, 495. 522.

— Іоаннъ, учитель любартовской социанской школы, 164.

— краковскій ксендзъ, 118.

— домашній учитель Стеткевичей, 357.

Соколовъ:

— Ив. (въ монастырѣ Сергій, архим. и епископъ), цит. авт., 143. 161. 162. 165. 187. 254. 255. 409. 410.

— Пл., цит. авт., 224.

Сократъ, греческій философъ, 85.

Солдатенковъ, владѣлецъ собранія старопечатныхъ книгъ, 458.

Солниковскій Янъ Дмитрій, королевскій секретарь, львовскій католич. архіепископъ и цит. авт., 14. 41. 48. 49. 50. 73. 267.

Содовьевъ С. М., цит. авт., 268. 278. 279. 390. 406. 459.

Соломи(е)рецкіе, дворянская фамилія, 304. 391.

Соломи(е)рецкая:

— Ева, супруга кн. Богдана Ивановича Соломирецкаго, урожденная Корсава, 340.

— Регина или Райна (Ирина), урожденная Гойская, владѣлица Гошчи (острожскаго повѣта), 166. 367.

Соломярецькій:

— Богданъ (Исаакій) Богдановичъ, воспитанникъ Л. Зизанія и М. Смотряцкаго, 304. 371. 382.

— его сестра Елена, супруга Богд. Стеткевича, 371.

Соломонъ, 23. 234. 448. 473.

Солтановичъ Александръ, шляхтичъ логойскаго повѣта, 201.

Солтанъ:

— Іосифъ, кievскій митрополитъ, 228.

— Сам. Вас., луцкій бурмистръ, 342.

— Ярославъ, владѣлецъ им. Волчинъ, 418.

Солтыковичъ Іосифъ, цит. авторъ, 13. 22. 138.

Сольскій Баспаръ, профессоръ замостской академіи, 129. 130.

Сосновскій Ант., прот., цит. авт., 491. 502.

Софоклъ, греческій драматургъ, 82. 483.

Социнь:

— Лелія, основатель секты антиришитаріевъ, 146.

— Фаустъ, еретикъ, племянникъ Лелія, цит. авт., 146. 149. 163. 165. 178. 179. 180. 183.

Спангенбергъ Іоаннъ, авторъ учебниковъ по грамматикѣ, риторикѣ и диалектикѣ, 32. 428. 442.

Спанноки, секретарь нунція Боленетто, 251.

Спрогисъ Ив. Як., цит. авт., 315.

Срезневскій Изм. Ив., славистъ, 445.

Ставровецкій Кириллъ Транквилионъ, братскій учитель, перешедшій въ унию, 200. 231. 266. 269. 285. 299. 300. 301. 318. 377. 382. 384. 385. 386. 387. 415. 423. 431. 436. 437. 438. 457. 461.

Стадниций:

— Адамъ, белзскій воевода, 77.

— владѣлецъ Дубецка, 163.

Станиславъ (Костка) блаженный, 65. 70. 107. 108.

Станкаръ:

— Петръ, гродненскій городской писарь, 71.

— Францискъ, ректоръ пичовской и дубенкой сочиніанскихъ школъ, цит. авт., 146. 163.

Старнигельскій Лаврентій, замостскій профессоръ, 130.

Старовольскій Сямонъ, цит. авт., 13. 126. 138. 139. 273.

Старосельская Ранна, сестра м. М. Рагозы, 206.

Стархін Іоаннъ и Фридрихъ, сеніоры кейданской гальвинской школы, 161.

Старчевскій Войтъхъ, цит. авт., 191. 203. 243. 376. 486.

Статорій Петръ, ректоръ пичовской кальвин. школы, потомъ сочиніанскій писатель, 173. 175. 180.

Шашковскій Яковъ, первый виленскій схоластикъ, 9.

Шашковская, вдова родомъ изъ Львова, 464.

Шашковскій Антоній, ученикъ львовской братской школы, 464.

Штебельскій Игн., цит. авторъ, 78. 242. 243. 250. 268. 273. 390. 494. 522.

Штегманъ:

— Іоаннъ, раковскій ректоръ, 182.

— Хр., сочиніанскій писатель, 182.

Штеткевичи, 341.

— Богданъ Заерскій, подкоморій мстиславскій, 357. 371. 372.

Штефановичъ Мельхюръ, профессоръ и ректоръ замостской академіи, 132.

Штефановскій Іер., профессоръ вилен. академіи, 62.

Штефанъ:

— архидіаконъ и первомученикъ, 433. 473.

— Махрацкій, св., 192.

— Баторій, см. Баторій.

— Зизаній, см. Зизаній Стефанъ.

— викарій и ректоръ перемышльскої кафедральной школы, 14.

— бакаляръ цкловскої православної школы, 371.

Стецкій Фаддей, цит. авт., 243.

Стобницкій Войтѣхъ, ректоръ виленскої кафедральной школы, 10.

Сгороженко А., цит. авт., 15. 201.

Стравинская Домника, жена витебскаго каштеляна, 157.

Строевъ П., цит. авт., 250. 260. 445.

Стрыковский Матвѣй, цит. авторъ, 3. 187.

Стрѣлецкій Леоначій, могилевскій братскій бакаляръ и писемскій, 341. 356. 368.

Студинскій Кириллъ, цит. авт., 165. 212. 218. 231. 237. 267. 380. 381. 434. 435. 450. 452.

Студитъ:

— **Дамаскинъ**, митрополитъ навпактскій и артемакій, 412. 413.

— **Феодоръ**, исповѣдникъ, церк. писатель IX в., 449.

Суарець Киприанъ, авторъ учебника риторики, 86. 97.

Сумцовъ Н., цит. авт., 475. 476.

Суннеръ Францискъ, иезуитъ, викарій австрійскаго провинціала, 42. 45.

Суромятникъ (-овъ) Петръ Федоровичъ, ректоръ виленскої униатскої семинаріи, цит. авт., 270. 381. 496. 514. 515.

Суходольскій Мартъ, виленскій каноникъ, 54.

Суша Яковъ, холмскій униатскій епископъ, цит. авт., 242. 243. 247. 250. 253. 257. 262. 264. 268. 270. 323. 330. 390. 391. 392. 399. 453. 495. 516.

Сколарій Геннадій (изъ мѣръ Георгій), цареградскій патріархъ, 214. 220. 484.

Симонъ, Францискъ-Альбинъ, католическій епископъ, цит. авторъ, 15. 16. 17.

Сѣдларъ Симеонъ, львовскій мѣщанинъ, 198.

Сярчинскій Фр., цит. авторъ, 162. 422. 453.

Т.

Тавборовичъ Тома, проповѣдникъ могилевскаго братства, 338.

Тарло:

— **Павелъ**, львовскій католическій архіепископъ, 120.

— **Петръ**, люблинскій воевода, 183.

Тарновская (Одровонжовал) Софія, основательница ярославскої коллегіи, 64.

Татищевъ В., цит. авт., 180

Тацитъ, римскій историкъ, 96.

Ташицкий Станиславъ, 40.

Тейнеръ Августинъ, цит. авт., 48. 50. 52. 59. 60. 71. 118. 121. 155. 156. 245. 251. 286. 334. 487. 488. 492. 493. 502. 508. 509. 522.

Тенчинскій:

-- **Андрей**, белзскій воевода, 69.

— **Станиславъ**, каштелянъ львовскій, воевода краковскій, 161.

Теодоровичъ Н., цит. авт., 22. 23. 78. 200. 227. 257. 423.

Теренцій, римскій комикъ, 82. 96. 174.

Терещенко А., цит. авт., 196

Торлецкій:

— **Кириллъ**, епископъ луцкій и острожскій, 226. 227. 479.

— **Меодій**, холмскій униат. епископъ, 495. 509. 512. 522

Терновскій Ф., цит. авт., 221. 376.

Тибуллъ, римскій элегикъ, 85. 96.

Тимофей:

— **константинопольскій патріархъ**, 348. 417.

— **виленскій братскій педагогъ**, 323. 469.

Тинловскій, польскій мемуаристъ, цит. авторъ, 15.

Гиссаровскій Іеремія, львовскій прав.
єпископъ, 289. 309. 310. 335.

Товитъ, благочестивый израильтянинъ,
авторъ, 449.

Толетъ, авторъ учебника логики, 91.

Толстой:

— М., цит. авт., 353.

— Ф. А., гр., владѣлецъ библиотеки
старопечатныхъ книгъ, 250.

Тольгедорфъ Эдуардъ, ректоръ рижской
коллегіи, 89.

Торресъ, папскій нунцій, 148.

Транквилліонъ, см. Ставровецкій.

Тренка Евстаѳій, проповѣдникъ люте-
ранства въ Польшѣ, 144.

Тризна Иванъ, 283.

Тротцендорфъ Валентинъ, нѣмецкій
педагогъ, ректоръ гольдбергской гимна-
зіи, 81. 82. 109. 169.

Трофимовичъ-Козловскій Исаія, рек-
торъ меглянскій коллегіи, игуменъ
кіевского никола-пустынскаго монасты-
ря, 140. 311. 329. 357. 358. 359. 360.
363. 401. 405. 406. 407.

Трубинскій, цит. авт., 341.

Труцевичъ Іонъ, игуменъ кутенскаго,
потомъ оршанскаго монастыря, 372.

Тумасовъ Н., цит. авт., 27.

Тургеневъ А. И., цит. авт., 67.

Туръ Никифоръ, кіево-печерскій архи-
мандритъ, 274. 496.

Тышквичъ:

— Бужица Григорій см. Бужица.

— Петръ, минскій воевода, 336.

— Юрій, королевскій дворянинъ, 52.

— Юрій, профессоръ вилен. академіи,
62.

Тяпкинскій Вас., переводчикъ Евангелія
на малороссійскій языкъ, 200. 227. 423.
424.

У.

Уваровъ А. С., гр., владѣлецъ рукопис-
наго собранія, 239. 458.

Угневскій Симоно, ректоръ виленской
іез. коллегіи, 61.

Узбекъ, ханъ татарскій, 190.

Ультраектинъ Борнедій, авторъ латин.
грамматики, 26. 308. 453.

Уманецъ, цит. авт., 151.

Урбанъ VIII, папа, 62. 107. 263. 397.
484. 495. 508. 509. 511. 512. 513. 522.

Урсинъ Янъ, ректоръ львовской кафе-
дральной школы и профессоръ замест-
ской академіи, авторъ латинской грам-
матики, 13. 18. 29. 130. 131. 132. 133.
139.

Ф.

Фабрицій (Ковальскій) Валентинъ,
профессоръ виленской академіи и като-
лическій проповѣдникъ, 62. 436. 516.

Фабръ, путешественникъ, цит. авторъ,
191.

Фалимичъ Стефанъ, естествовѣдъ, 206.

Фальконій:

— Іоаннъ, учитель бѣльскій каль-
винско-социніанской школы, 161. 163.

— Фома, люблинскій кафедральный
каноникъ, потомъ клецкій кальвинскій
пасторъ, перешедшій затѣмъ въ соци-
ніанство, 163. 175.

Фальтинъ Павелъ, преподаватель каме-
нецкой коллегіи, 76.

Фарновскій, социніанскій писатель, 175.

Федръ, римскій баснописецъ, 84.

Фелъгибель Балтазаръ, ректоръ па-
невекской кальвинской школы, 161.

Фѣльколь (Volkelius), социніанскій писа-
тель, 181.

Фердинандъ, императоръ, 36.

- Фрстеманнъ**, цит. авторъ, 144.
- Флалетъ Христофоръ** (псевдонимъ Бронскаго), 270. 273. 427. 459. 494.
- Филаретъ:**
— (Никитичъ), патриархъ московскій, 383. 384. 386.
— архіеп. цит. авторъ, 270. 271. 280. 308. 385. 399.
- Филипповичъ Анастасій**, игуменъ брестскій, преподобномученикъ, 276. 333. 373.
- Филононъ**, греческій риторъ, 483. 484.
- Филосей:**
— константиноп. патриархъ, 385. 437.
— настоятель троїцкаго монастыря въ Кіевѣ, 359.
- Финкель Людвигъ**, цит. авторъ, 275.
- Фирлей:**
— Андрей, владѣлецъ почаевскій, 457.
— Николай, люблинскій воевода, 163.
- Фирдесая**, супруга Николая, 163. 164.
- Фишеръ Г. В.**, цит. авторъ, 161.
- Флавій Юсіфъ**, іудейскій историкъ, 275.
- Флеровъ Г.**, свящ., цит. авт., 278. 279. 304. 337.
- Флоръ**, историкъ II в. по Р. Хр., 32.
- Фонсека**, философъ-схоластикъ, 91.
- Фотинусъ (Фотинъ)**, еретикъ, 238.
- Фотій**, константиноп. патриархъ, 308.
- Франкенъ**, ректоръ хмѣльницкой соции. школы, 40. 163.
- Франко Иванъ**, цит. авт., 188. 233. 234. 235. 442. 458. 472. 473.
- Францискъ:**
— (Боржіа), генералъ іезуитскаго ордена, католическій святой, 42. 108.
— (Ковверій), св., 107.

Фривій:

- ректоръ вилен. академіи, 55. 61.
— авторъ арифметики, 32.

Х.

- Хацѣнтовскій**, домашній учитель Стеткевичей, 357.
- Хитрей Давидъ**, цит. авторъ, 203. 219. 220. 425. 442.
- Хлудовъ А. И.**, владѣлецъ библиотеки старопечатныхъ книгъ, 458.
- Хмѣлевскій Прокопій**, ректоръ владимирской униатской школы, 403. 404. 495.
- Хмѣльницкій:**
— Богданъ, гетманъ запорожскій, 15. 373.
— Діонсій, учитель минской униат. школы, 501.
- Ходкевичи**, литовская дворянская фамилія, 22. 146. 369.
- Ходкевичъ:**
— Анна-Аловна, дочь кн. А. К. Острожскаго, жена Яна-Карла Ходкевича, 77. 78. 261.
— Анна, жена князя Іоакима Корецкаго, 369.
— Александръ Ивановичъ, новгородскій воевода, фундаторъ супрасльскаго монастыря, 224. 223.
— Григорій Александровичъ, кѣвскій воевода, потомъ виленскій каштелянъ и вел. гетманъ литовскій, 22. 199. 228. 239. 424.
— Іеронимъ, виленскій каштелянъ, потомъ воевода, 228.
— Юрій Александровичъ, каштелянъ троїцкій, 228.
— Юрій Юрьевичъ, староста жмудскій, 54.
— Янъ-Карлъ, жмудскій староста, виленскій воевода, великій гетманъ литовскій, 59. 69. 76.

- Янъ, жмудскій староста и виленскій каштелянъ, 229.
- Храбрь, черноризецъ, 419.
- Хрептовичъ:
— Адамъ, подкоморій новгородскій, 312.
- Богуринскій Мелетій, владимирскій и брестскій епископъ, 332. 333. 334. 351.
- Хризолоръ, греческій филологъ, 483.

Ц.

- Царскій Ив., владѣлецъ рукописнаго собранія, 260. 445.
- Цвинглы, релігіозный реформаторъ, 47. 81. 169.
- Цезарь:
— Іоаннъ, авторъ діалектики, 30.
- Юлій, римскій полководецъ и писатель, 85. 86. 96. 126. 483.
- Цепоринъ Іаковъ, авторъ греческой грамматики, 26.
- Циммерманъ Ф., студентъ паневецкой кальвинской школы, 161.
- Цихоцкій, псевдонимъ Савицкаго, — см. Савицкій Каспаръ.
- Цицеронъ, римскій ораторъ, писатель и государственный дѣятель, 7. 13. 18. 19. 20. 23. 25. 26. 29. 84. 85. 86. 87. 96. 97. 98. 100. 131. 134. 138. 139. 174. 182. 232. 307. 429. 430. 483.

Ч.

- Чаплинскій Ольбрихтъ (Альбрехтъ), учитель виленской братской школы, 325. 462.
- Чанлчи — Шпановскіе:
— Мартинъ, фундаторъ брестеческой соціанской школы, 166.
- Юрій, фундаторъ киселинской соцін. школы, 165. 166.

Чарторыйская Евдокія, княгиня, супруга кн. Ивана Феодоровича Чарторыйскаго, 215.

Чарторыйскій Юрій, сынъ ея, князь на Клевани, первый изъ Чарторыйскихъ, измѣнившій православію, 215.

Чарторыйская Софія, княгиня, 334.

Чарторыйскій Юрій, 335. 423.

Чацкій Фаддей, цитруемый авторъ, 5

Червяковскій Евст., цитруемый авторъ, 407.

Черкасскій Ив. Бор., думный дьякъ, 334.

Чермакъ, цитруемый авторъ, 115.

Чеховичъ Мартинъ, кальвинскій, послѣ соціанскій пасторъ, 163. 175. 212.

Чистовичъ И. А., цитруемый авторъ, 384. 406

Чунча Спмеонъ, ученикъ львовской братской школы, 364.

III.

Шарановичъ Исидоръ, цитруемый авторъ, 29. 298. 300. 367.

Шарфенбергеръ, краковскій типографъ, издатель польской Библии (леополитовской), 174.

Шафарикъ Павелъ Іосифъ, цитруемый авторъ, 445.

Швейковскій, сеніоръ литовскихъ кальвинистовъ, 157.

Шеловъ Леонтія Васильевичъ, 500.

Шембекъ Фридрихъ, см. Пекноржецкій.

Шеметь:
— (Шеміотъ) Мельхіоръ, виленскій подкоморій, 371.

— Варвара, жена его (урожденная Огнянская), 371.

Шептицкій Александръ, 457.

Шядловскій, профессоръ львовской коллегіи, 97. 98.

Шярвидъ Константинъ, профессоръ вѣдемской коллегіи, 62. 89. 114.

Шашковскій Мартинъ, краковскій католическій епископъ (прежде луцкій), 7. 14.

Шлякинъ А. И., цитуемый авторъ, 197.

Шмальцъ Валентинъ, социніанскій писатель, 175. 178. 180. 181.

Шмиглецкій Мартинъ, профессоръ виленской академіи, 62.

Шмидтъ Карлъ, цитуемый авторъ, 79. 80. 81. 167. 168. 169. 413.

Шолковичъ Сем., цитуемый авторъ, 27.

Шоманъ Георгій, авторъ социніанскаго катихизиса, 180.

Штурмъ Іоаннъ, вѣмецкій педагогъ, ректоръ страсбургской гимназіи, 81. 88. 164.

Шонбергъ, посоль Альберта, прус. магистра, 191.

Шуйскій:

— Вас., царь московскій, 376.

— Іос., проф., цитуемый авторъ, 143. 443.

Щ.

Щербяцкій О. В., цит. авторъ, 320

Щирецкій Дмитрій, дьякъ межибожской школы, 371.

Щуцкій Григорій, житель Львова, 464.

Ѳ.

Ѳеклидъ, александрійскій математикъ, 82. 92.

Ѳврипидъ, греческій драматургъ, 82.

Ѳзонъ, греческій баснописецъ, 7. 19. 26. 85.

Ѳльгеръ Юрій, ректоръ рижской коллегіи, 90.

Ѳпиктетъ, стоическій философъ, 308. 429.

Ѳразмъ Роттердамскій, гуманистъ, 33. 167.

Ѳстикомніанъ Янъ, писатель-педагогъ, 29.

Ю.

Ювеналь, римскій сатирикъ, 96.

Ювенцій, педагогъ-іезуитъ, 80.

Юзефовичъ Ѳома, цитуемый авторъ, 12. 14. 73. 74.

Юлій III, папа, 38. 480. 481.

Юстиніанъ, императоръ, 179.

Юцовичъ Людвигъ Адамъ, есендзъ, цит. авт., 123. 124.

Я.

Яблонскій, цит. авт., 149. 163.

Яворовскій Матвѣй, профессоръ и ректоръ замостской академіи, 132.

Яворскій Станиславъ, преподаватель несвижской коллегіи, 97.

Ягелло (Ягайло) — Владиславъ, великій князь литовскій и король польскій, 3. 4. 11. 14. 27. 150. 223.

Ягичъ В., цит. авт., 445.

Ядвига, польская королева, 3.

Яковъ, галицкій архіепископъ, 10. 11.

Яни, слуга кн. Острожскаго, 268.

Яницкій Клим., польско-латинскій поэтъ и историкъ, 32.

Янка, дочь кн. Всеволода Ярославича, 189.

Янушовскій Янъ, есендзъ, переводчикъ, 493.

Янъ:

— Альбрехтъ, король польскій, 4.

— виленскій католическій епископъ, 6. 9. 144.

— Русинъ, настоятель маріинскаго костела въ Львовѣ, 10.

Ярославичъ Ѳедоръ Ивановичъ, кн., 197.

Ярославъ Мудрый, кievскій князь, 189. 263.

Ярошевичъ Юс., пятусмый авторъ, 8. 10. 15. 20. 21. 22. 23. 27. 45. 53. 55. 93. 110. 113. 114. 117. 118. 121. 122. 123. 127. 153. 198.

Ярушевичъ Ао., цит. авт., 242.

Яенискій:

— виленскій архидіаконъ, 44.

— Михайлъ, наслѣдникъ архидіакона, 44.

Яцко, 195.

Яцковна Василиса, 434.

Юеько, ученикъ львовской братской школы, 464.

Юемястій, греческій риторъ, 483.

Юемястоуль, аенискій полководецъ, 434.

Юеогнидь, греческій элегическій поэтъ, 86.

Юеодоровъ Иванъ, діаконъ, русскій пер-
вопечатникъ, 216. 230. 239. 240. 250. 288.

Юеодоръ:

— мнихъ, современникъ Златоуста, 272.

— **Ивановичъ**, царь московскій, 221. 303. 306. 375. 376. 377.

— сынъ зюмненскаго архимандрита, переписчикъ Закономъправила 1565 г., 200.

— спудей, 221. 222.

— львовскій братскій священникъ, 301. 464.

— грекъ, рогатинскій мѣщанинъ, 363. 469.

— учитель рогатинской школы, 363. 364. 461.

— Москвитянинъ, учитель кievской братской школы, 355.

Юеодосій:

— преп., кievо-печерскій игуменъ, 189.

— Юеосой, московскій еретикъ, 147.

— святскій игуменъ, 386.

Юеодуль, псевдонимъ Вышенскаго, 233. 458.

Юеодиситъ, патриархъ конст-скій, 290. 291. 374.

Юеона, архіепископъ ессалоникскій, 413.

Юеофанъ:

— патриархъ іерусалимскій, 223. 310. 315. 336. 347. 352. 353. 354. 384. 388. 394. 395. 396. 458. 472.

— меглинскій епископъ, настоятель жидичинскаго монастыря, 255.

Юеофилактъ, архіеп. болгарскій, 307.

Юеона:

— Кемпійскій, 165.

— (въ монастырѣ Юеофанъ) Элеавуль-
косъ, риторъ константинопольской цер-
кви и частный наставникъ, 413.

— западнорусскій еретикъ, 147.

Юеуквидиъ, греческій историкъ, 86. 87. 307. 443. 449. 483.

УКАЗАТЕЛЬ

географических названий и школъ, упоминаемыхъ въ
сочиненіи.

А.

Адріанопольская школа, 220.

Азія, 66.

Александрія, 267.

Амбукровъ, деревня близъ Олыки (на
Волыни), 17.

Америка, 66.

Англія, 51. 191.

Антверпенъ, 62.

Аравія, 260.

Аррагонское королевство, 37.

Афонъ. 205. 218. 221. 233. 234. 269. 274.
327. 399. 429.

Б.

Базель, 23.

Баклаевка, село, 264.

Баръ, городъ въ Подоліи, и барская
іезуитская школа, 77.

Безданы, фольваркъ, 52.

Бельзъ, городъ, 208.

Берестечко (или Берескъ), мѣстеч-
ко луцкаго повѣта, 166.

Берестечская кальвинская, послѣ
сочиіанская школа, 163. 166.

Берестовица Великая, село грод-
нен. пов. и велико-берестовиц-
кая католическая школа, 23.

Биржи, м. унитскаго пов., и биржан-
ская кальвинская школа, 159.

Блоне, имѣніе, 53. 56.

Богемія, 487.

Бологое, дер., 55.

Болонія, городъ въ Италіи, 36.

Борисовка, село, 264.

Борисовъ, городъ, и борисовскій
повѣтъ, 21. 23.

Боркулабовъ, им. оршанскаго повѣ-
та, 342.

Боркулабовскій православи. мона-
стырь и училище, 371.

Борсуки, с. въ оршан. пов., 496.

Борча, село въ Галиціи, 388.

Боръ, село между Новгородомъ и Пско-
вомъ, 486.

Брацлавъ (или Браславль), гор. въ
Подоліи, 16.

Брацлавское воеводство, 349. 363.

Бреславль, гор. въ Германіи, и брe-
славльскій университетъ, 391.

Брестъ литовскій, гор., 56. 73. 143.
175. 197. 245. 280. 282. 301. 303. 314.
331. 333. 334. 349. 461. 490. 492. 494.

Брестскій повѣтъ, 147.

Брестская братская православная
школа, 281. 331—335. 363. 332. 451.
461. 491. 494.

Брестская униатская школа, 491—
494.

Бр(а)унсбергъ, городъ въ Варми, 39.
40. 44. 45. 502.

Брунсбергская іезуитская колле-
гія съ гимназіей, 39. 40. 44. 45. 61.
502.
— папская семинарія, 502.

Бугъ:
— Западный, рѣка, 23.
— Южный, р., 371.

Бужокъ, р., 371.

Буйниччи, им. близъ Могилева, 356.
371.

Буйничскій православный монастырь
и школа, 371.

Буковина, им., 127. 123.

Бытень, м. слоним. пов., 513. 516.

Бѣла, городъ сѣдл. губ., 23. 161.

Бѣльскія школы: католическая, 23.
— кальвинская, 161. 163.
— социніанская, 161. 163.

Бѣлжиза, им. близъ Люблина, 161.
165.

Бѣлжизкая кальв. школа, 161.
— социни. — , 165.

Бѣлиловець, городокъ въ Бѣлорус-
сіи, 367. 368.

Бѣлиловецкая братская школа,
281. 367. 368.

Бѣлковщина, село, 372.

Бѣлое Поле, фольваркъ, 512.

Бѣлостокъ, городъ, 21.

Бѣлый Стокъ, село на Волини, 23.
346.

Бѣлостокская католич. школа, 23.

Бѣльскъ, городъ гродн. губ., 313. 366.
437.

Бѣльскій повѣтъ, 20. 165.

Бѣльскія школы: кальвинская, 161.
— — православная, 231.
366.
— — униатская, 366. 505.

Бѣньюицы, село, 45. 121.

В.

Валахія, Молдовалахія, 239. 253. 263.
357. 447.

Варшава, 15. 16. 39. 40. 320. 321. 324.
338. 437.

Варшавская іезуитская коллегія,
40.

Васильковъ, городъ кiev. пов., 223.

Венеція, 219. 264. 267. 274. 435. 481.

Вераны, мѣстечко на Волини, 226

Вержболово, мѣстечко на прусской
границѣ, 76.

Византія, 202. 219. 424.

Вилейка, городъ, и вилейскій
уѣздъ, 199.

Вилія, рѣка, 49. 52.

Вильна, городъ, 3. 6. 8—10. 20—22. 26. 34. 36. 37. 39. 40. 42—55. 57—62. 64. 66. 68. 71. 77. 82—84. 89. 94. 103. 104. 106. 107. 111. 112. 121. 123. 124. 143. 148. 150. 152—156. 158. 165. 169. 170. 174. 175. 177. 178. 197. 198. 201. 207. 214. 215. 218. 239. 245. 249. 253. 261. 265—267. 271. 274. 275. 278—280. 282—284. 286. 301. 303. 311. 313. 316. 318—320. 322—324. 329. 331. 334. 336. 345. 357. 367. 371. 380. 382. 384. 387. 392. 395—401. 404. 405. 415. 417. 419. 424—426. 437. 438. 444. 446—448. 454. 460. 469. 474. 485—490. 492. 493. 498. 499. 502. 513. 515. 517. 524.

Виленскій повѣтъ, 157. 162. 321.

Виленскія школы: католическая-ка-едральная, 6. 8—10. 54. 117.

— св.-янекая, 8. 10. 20. 21. 58.

— юридическая (Ромізіевская), 36. 37.

— іезуитская коллегія (академія), 10. 16. 21. 40. 42—64. 71. 84. 88. 89. 92—94. 99—101. 107. 116. 121. 123. 125. 155—158. 214. 215. 244. 248. 253. 327. 391. 486. 487. 489. 498. 502.

— католическая епархіальная семинарія, 56. 60. 116. 121—123. 489.

— кальвинская школа, 43. 45. 49. 58—60. 117. 150. 153—158. 174. 498.

— лютеранская — , 53. 152. 153. 169—171.

— православная братская, 58. 222. 253. 265. 266. 280—286. 301. 311—325. 326—331. 333. 363. 379. 382. 397. 398. 400. 401. 405. 414. 415. 427. 429. 430. 435. 451. 460—462. 464. 466. 472.

— папская или русская семинарія (алюмпатъ), 56. 60. 486—490. 502.

— униатская семинарія, 495—500. 502. 503. 506. 513. 514. 516. 522.

— униатскій новціатъ, 498. 499. 502. 506. 515. 516. 524.

Вилькійская католич. школа рос-сіем. повѣта, 23.

Вильскъ, мѣст., 273.

Винница, городъ, 77. 367.

Винницкія школы: іезуитская, 77.

— православная, 231. 360. 363. 367. 405. 406.

Витебскъ, городъ, 153.

Витебская лютеранская школа, 153.

— кальвинская — , 162 (см. въ опечаткахъ).

Виттебергъ, городъ, 37. 144. 152. 267.

Виттебергскій университетъ, 144. 267. 391.

Владимиръ волыніскій, городъ, 189. 199. 200. 218. 225. 237. 252. 404. 495. 502. 515. 523.

Владимирскій повѣтъ, 165. 218.

Владимирскія школы: православная, 199. 200. 201. 227. 237. 252. 369. 451. 494.

— униатская, 369. 403. 494. 495. 502. 523.

Влодава, городъ, 23. 161. 201.

Влодавская кальвинская школа, 161.

Влоцлавъ, влоцлавская католич. епархіальная семинарія, 121.

Возгелишки, фольварекъ, 121.

Войковая, деревня, 28.

Войкуцкая католич. школа россіем. пов., 23.

Волославъ, островъ на р. Лугвѣ, 226.

Волчинъ, м-ко, и волчинская церковь, 418.

Волынь, 23. 147. 165. 166. 175. 176. 189. 191. 192. 195. 206. 217. 246. 254. 369. 393. 394. 402. 403.

Волыньское воеводство, 348. 363.

Ворне(и) или Мѣдники, м-ко на Жмуди, 3. 123. 124.

Ворненская жмудская епарх. семинарія, 123. 124.

Ворняны, им. виленскаго повѣта, 162.

Ворнянская кальвин. школа, 162.

Вышня, с. въ Галиціи, и вышенская приходская школа, 232.

Вѣна, 36. 61. 353. 502.
 Вѣнская академія, 405.
 — папская семинарія, 502. 509.
 Вюртембергское княжество, 209.

Г.

Гаевъ, село борисовскаго повѣта, и гаевская католич. школа, 21.
 Галиція, 5. 64. 145. 191. 200. 206. 207. 224. 232. 269. 279. 301. 302. 305. 363. 364. 382. 385. 388. 402.
 Галнчъ, городъ въ Галиціи, 3. 11. 222. 280. 353. 367.
 Галичскій повѣтъ, 5.
 Галичская братская школа, 367.
 Германія, 6. 116. 146. 163. 168. 169. 209. 219. 391. 392. 425. 487. 509.
 Глубокое, мѣстечко полоцкаго пов., 162.
 Глубокская кальвин. школа, 162.
 Голлогурь, мѣст. въ Галиціи, 280. 294.
 Головчинъ, с. оршанскаго пов., 371.
 Гольдбергъ. гольдбергская гимназія, 82.
 Городокъ, городъ въ Галиціи, 280. 364.
 Городокская братская школа, 364.
 Горы. с. оршан. пов. и горинская католич. школа, 23.
 Гочовъ, гор. въ Галиціи, и гочовская католич. школа, 5.
 Гоша, имѣніе острожскаго уѣзда, 166. 367.
 Гошеская соцініанская школа, 166.
 Гошеская (или гоѣская) прав. школа, 166. 236. 367. 523.
 Грацъ, городъ. и грацкая папская коллегія, 502.
 Греція, 190. 219. 221. 237. 246. 259. 409. 411. 412. 416. 425. 428. 438. 442. 480. 481. 482. 485. 521.

Гродна, 21. 78. 381. 453.
 Гродненскій повѣтъ, 21. 23.
 Гродненская католич. школа, 21
 Гукловичи, м. въ Галиціи, и гукловичская католич. школа, 5.

Д.

Даниловская католич. школа диснен. пов., 23.
 Данцигъ (Гданскъ), городъ, 41. 143. 159. 172. 263. 323. 517
 Данцигская іезуит. резиденція, 40. 61.
 Двина Западная, рѣка, 66.
 Дворище, фольваркъ, 45.
 Декшицкая католич. школа борисов. пов., 23.
 Делось, островъ, 254.
 Дермань, село луцкаго повѣта, 324. 397. 404.
 Дерманскій учительный монастырь, 259. 269. 394. 397.
 Дернтъ (Юрьевъ), городъ, 41. 71. 89. 164.
 Дернтская іезуит. коллегія, 40. 41. 89.
 Дисна, дисненскій повѣтъ, 23.
 Днѣпръ, рѣка, 325. 360.
 Днѣстръ, р., 372.
 Дроздно, село на Волыни, 342.
 Друя, гор. браславскаго пов., и друйская католич. школа, 23.
 Дубецкая (въ санодкомъ повѣтѣ) кальвинская, послѣ соцініанская школа, 161. 163.
 Дубно, городъ на Волыни, 265. 267. 326. 370. 403.
 Дубенская прав. школа, 370.
 Душники, 9.

Б.

Европа, 6. 25. 29. 38. 39. 81. 97. 139.
144—146. 148. 202. 214. 267. 410. 411.
418. 422. 433. 438. 469.

Евье, мѣстечко близъ Вильны, 371. 393.
399. 402. 447. 455

Евьевская прав. школа, 371. 393.

Екимани, им., 67.

Елассонъ, городъ въ Фессалии, 374.

Ельно, им., 371.

Ельненскій православ. монастырь и
школа, 371. 462.

Етонъ (Ton), городъ въ Англіи, 388.

Ж.

Жвинговская росіен. повѣта катол.
школа, 23.

Женева, 144. 148. 267.

Женевскій университетъ, 144.
267.

Жижморы, село трокскаго повѣта, и
жижморская катол. школа, 21.

Жировицы, м-ко слоним. пов., 513.
516. 524.

Жировицкій униатскій новици-
атъ, 524.

Жмудъ, 3. 27. 76. 120.

Жмудская (или мѣдницкая) ка-
едральная школа, 15.

Жмудская или ворненская, послѣ
крожская, епарх. семинарія, 116.
123. 124.

Жоговская катол. школа шавель-
скаго пов., 23.

Жодзинская катол. школа ново-
александрскаго пов., 23

В.

Заблудовъ, м-ко близъ Бѣлостока,
199. 201. 239. 238.

Заблудовскія школы:

— католическая, 21. 199.

— православная, 199.

Задорожъ, село диснен. повѣта, и за-
дорожская катол. школа, 23.

Залѣсье, им. полоцкаго пов., 506.

Замостье, городъ, 65. 126. 128. 131.
133. 135. 137—139. 161. 299. 357. 366.
375. 386. 405. 425.

Замостская иезуитская школа, 65.

— академія, 13. 64. 116. 126—137.
139. 247. 354. 384. 402. 405.

— духовная семинарія, 129.

— прав. братская школа, 281. 366.

Заславль, городъ на Волыни, и за-
славльскія катол. школа, 23.

Заславъ, городъ минскаго повѣта, 147.

Зимненскій монастырь близъ Влади-
мира волын., 200. 228.

Зимненская монастыр. школа, 200.

Зѣньки, село на Волыни, 257.

И.

Изерио, село на Волыни, 257.

Иказнь, село диснен. пов., и казнен-
ская катол. школа, 23.

Илницязна, им., 494.

Ингольштадтъ, 62. 473.

Инфлянты, 156. 159.

Испанія, 116.

Италія, 72. 116. 148. 152. 217. 219. 370.

Г.

Иерусалимъ, 71.

К.

Казань и казанская монастырская школа, 190.

Калишъ, городъ, 70. 502.

Калишская иезуит коллегія, 40. 502.

Каменецъ-Подольскъ, 3. 76. 204. 279. 366.

Каменецкія школы:

— иезуитская, 40 76. 162.

— кальвинская (подкаменецкая), 76.

— православная, 366.

Каменный Лохъ (или Мѣдники), село, 45.

Капуя, 156.

Квасовъ, м-ко на Волыни, 225.

Кейданы, м-ко на Жмуди, 160. 178. 203.

Кейданская кальвин. школа, 160. 174.

Кельнъ, гор., 452. 453.

Кены, им. вилен. пов., 157.

Киселинъ, м-ко владимир. пов., и киселинская сочинян. школа, 165. 166. 175.

Киссамо, городъ на Критѣ, 481.

Кіевъ, 3. 15. 36. 165. 192. 195. 200. 222. 225. 309. 312. 325. 346—349. 351—353. 355—358. 360—362. 367. 383. 384. 388—390. 393—396. 402. 403. 405. 406. 425. 426. 433. 437. 456. 506.

Кіевское воеводство, 348. 363.

Кіевскія школы—католическія:

— кафедральная, 15.

— приходская, 21.

— открытая генуэзцами, 36.

— иезуитская, 77. 354.

— — православныя:

— въ михайловскомъ золотоверхомъ монастырѣ, 200. 228.

— братская богоявленская, 140. 275. 281. 285. 307. 310. 329. 341. 346—349. 351—358. 361—363. 367. 389. 393. 394. 402. 404. 405. 407. 414. 425. 427. 433. 434. 462.

— лаврская, 346. 349—351. 356—361. 466.

— могилянская коллегія (братская школа по соединеніи съ лаврскою), 140. 165. 286. 329. 357. 359—363. 367. 399. 405. 406. 414. 464. 523.

Клаваньская католич. школа унитскаго пов., 23.

Клавдіополь, городъ, 61.

Климовичскій повѣтъ, 22.

Княгининскій ключъ, 77.

Кобринъ, городъ, 510.

Ковна, 78. 153. 203.

Ковенскій повѣтъ, 372.

Ковенская лютеран. школа, 153.

Коломнскій повѣтъ, 5.

Комарно, м-ко въ Галиціи. 280. 365.

Комарнскія школы:

— католическая, 5.

— православная, 365.

Конары, м-ко въ серадзскомъ воеводствѣ, 11.

Константинополь (Царьградъ), 219—222. 264. 265. 267. 274. 291. 298. 357. 375. 376. 387. 407. 413. 425.

Константинопольская патриаршая школа, 220. 408. 411. 413.

Корець, м-ко на Волыни, 382.

Корцира, о-въ, 492.

Коссовъ, м-ко слоним. пов., и коссовская католич. школа, 23.

Краковъ, 4. 8. 13. 18. 26. 29. 30. 32.
36. 39. 40. 61. 112. 117—119. 127. 131.
138. 139. 146. 152. 165. 171. 178. 197.
206. 217. 251. 273. 278. 299. 357. 402—
404. 425. 428. 437. 438. 487. 493. 503.

Краковскій университетъ (академія), 4—7. 13. 14. 22. 24—26. 29. 32.
33. 36. 49. 61. 73. 117. 118. 131. 136.
138. 145. 155. 197. 273. 274. 294. 299.
303. 404.

Краковское маринское училище,
13. 18.

Краковская іезуитская коллегія,
84. 118.

Красноставъ (Красный Ставъ), гор.,
14. 15. 199. 280.

Красноставскія школы:

— католическая городская или каедральная, 14. 15. 126.

православная, 199.

Красный Боръ, им., 512.

Кременецъ, городъ на Волыни, 21.
447.

Кременецкія школы:

— католическая, 21.

— православная, 281.

Криличинская католич. школа
упитского пов., 23.

Критъ, о-въ, 481.

Кроже(ш), на Жмуди, 62. 76. 77. 124.

Крохскія:

— іезуит. коллегія, 40. 76. 77. 89.
124.

— епарх. семинарія, 140.

Кролевецъ (Кенигсбергъ), 144. 171.
328. 517.

Кролевецкій университетъ,
144. 152. 153.

Крони ковен. повѣта, 372.

Кронскіе православн. монастырь и
школа, 372.

Кросенская іезуит. резиденція
въ перемышл. повѣтѣ, 40. 78.

Куренець, м-ко вилейскаго уѣзда, и
куренецкая прав. школа, 199.

Курляндія, 156. 159.

Курскъ и курская школа, 189.

Кутейнъ, им. оршан. пов., 372. 449.

Кутейнскіе православ. монастырь и
школа, 372. 449.

Кѣсь, 284.

Л.

Лазовичи, село климовичскаго пов.,
и Лазовичская католич. школа,
22.

Ланцута, село перемышл. пов., 30.
161.

Ланцутская кальвин. школа, 161.

Латичовъ, городъ въ Подоліи, 76.

Лезово, село, 70.

Лейденъ, лейденскій универси-
тетъ, 153.

Лейпцигъ (Липскъ), городъ, 144.

Лейпцигскій университетъ, 144. 391.

Лепель, городъ, и лепельская католич.
школа, 23.

Ливецъ, рѣка, 15.

Лида, лядскій уѣздъ, 324.

Липская волость, 71.

Литва, литовское, литовско-русское го-
сударство, 3. 4. 21. 26—28. 36. 37. 42—
44. 46. 107. 144. 150. 151. 153. 156. 159.
167. 178. 183. 193. 197. 209. 214. 240.
302. 323. 330. 336. 358. 370. 405. 422.
423. 457. 458. 488. 497.

Литвиновъ галичскаго повѣта и ли-
твиновская католич. школа, 5.

Логойскъ, логойскій повѣтъ, 201.

Логойская католич. школа, 23.

Лозки, им. ошмян. пов., 147.

Ломжа, 77.

Ломжинская іез. коллегія, 40.

Л ь в о в ь, 5. 10. 11. 17. 18. 39. 62. 65.
73. 74. 77. 83. 84. 89. 93. 108. 131. 138.
139. 143. 198. 207. 221—223. 230. 234.
235. 239. 248. 249. 266. 274. 278—284.
286—293. 295. 297—300. 303. 305. 306.
308. 310. 311. 317. 318. 320. 349. 351.
353. 357. 358. 363—367. 374. 375. 377.
382. 387. 388. 399. 405. 408. 412. 415.
416. 422. 432—435. 437. 438. 441. 449.
450. 452. 460. 462. 463. 466. 490. 515.

Л ь в о в с к і я ш к о л ы:

— католическая кафедральная, 5. 10—
14. 17—20. 24. 73. 117. 131. 133. 287.
288. 292. 304. 305. 377. 417.

— иезуитская коллегія, 12—14. 40. 73.
74. 84. 93.

— братская усненская, 140. 222. 237.
247—250. 253. 266. 269. 280—311. 315.
333. 351. 352. 363. 364. 366. 373. 375.
377. 382. 384. 387—389. 412. 414—417.
422. 427. 429. 432. 435. 436. 441. 450—
453. 460—466. 469. 470.

— братская въ онуфріевскомъ мона-
стырѣ, 297. 461. 469.

— братская богоявленская, 366. 367.

Л у г а, рѣка на Волыни, 226.

Л у д з и н ь, дер. близъ Олны, 17.

Л у к и ш к и, предмѣстье Вильны, 52.
153.

Л у ц к ь, городъ на Волыни, 3. 16. 74.
75. 93. 106. 120. 165. 215. 285. 286. 341.
345. 404. 417. 434. 460—462.

Л у ц к і й п о в ѣ т ь, 166.

Л у ц к і я ш к о л ы:

— католич. кафедральная, 15.

— иезуитская коллегія, 40. 74—76. 89.
93. 104. 343. 520.

— братская православная, 76. 247.
254. 281. 286. 310. 329. 341—346. 363.
417. 425. 427. 442. 460—463. 465. 474.

Л ь с н а, село, 491.

Л ю б а р о в ь, село въ Галиціи, 269.

Л ю б а р т о в ь, городъ, 163—165.

Л ю б а р т о в с к а я с о ц и н . ш к о л а, 131.
163. 164. 179. 180

Л ю б е к ь, городъ, 175. 191.

Л ю б л и н ь, 5. 69. 70. 71. 83. 93. 101.
107. 143. 150. 161. 197. 329. 365. 367.
401. 403. 405. 430. 437. 438.

Л ю б л и н с к а я г у б е р н і я, 126.

Л ю б л и н с к о е в о в о д с т в о, 161.

Л ю б л и н с к і я ш к о л ы:

— католическая, 5.

— иезуитская коллегія, 40. 69—71. 88.
93. 101. 107. 137. 161. 405.

— кальвинская, 161.

— социніанская, 150. 165.

— православная, 281.

Л ю б ч ь, им. новгородскаго повѣта, 147.
160.

Л ю б о м л ь с к а я к а т о л и ч . ш к о л а в ъ
х о л м с к о м ъ п о в ѣ т ѣ, 23.

Л я х о в и ч и, село слупскаго повѣта, 23.
203.

Л я х о в и ч с к а я к а т о л и ч . ш к о л а, 23.

М.

М а д е р а, о-въ, 96.

М а л ь б у р г ь (Маріенбургъ), 268. 269.

М а р б у р г с к і й у н и в е р с и т е т ь, 153.

М а ц ѣ в с к а я к а т о л и ч . ш к о л а б л и з ъ
Влодавы, 23.

М е ж и б о ж ь в ъ л а т ы ч о в с к о м ъ п о в ѣ т ѣ,
371.

М е ж и б о ж с к а я п р а в . ш к о л а, 371.

М е й ш а г о л ы, м-ко виленскаго повѣта,
44. 45.

М е р е ч ь, м-ко въ троицкомъ повѣтѣ, 45.
121. 153.

М и л ь н о в и ч и, м-ко владимир. повѣта,
и шкoла, 218.

М и н с к ь, 189. 335. 336. 392. 425. 461.
500—502. 504. 512. 513. 522. 523.

Минскій повѣтъ, 23. 147.

Минскія школы:

— православная, 189. 281. 335—337. 355. 425. 461. 522.

— униатскія. 336. 500—502. 504. 505. 513. 514. 518. 522. 523.

— униатская семинарія, 506—514. 519. 521.

Мозырь, городъ, и мозырское училище, 189.

Могилевъ, городъ, 23. 312. 337—339. 355—358. 367. 368. 370. 404. 406. 449. 466. 513.

Могилевскія школы:

— католическая, 23. 356.

— православная братская. 281. 337—341. 356. 357. 363. 414. 427. 464. 466.

— православная приходская, 370.

— униатская, 505.

Могунція, городъ, 79.

Москва, 70. 72. 147. 191. 202. 204. 214. 220. 222. 239. 240. 263. 288. 291. 292. 295. 299. 303. 319. 353. 374—376. 383. 384. 386. 390. 392. 406. 413. 415. 422. 447. 449. 457. 458. 485. 492.

Московская школа, 353.

Мосты, село гроднен. пов., и мостовская католич. школа, 21.

Мушинскій ключъ, 28.

Мѣдники (или Ворне), м-ко на Жмуди, 3.

Мѣдницкая (или жмудская) каедр. школа, 15.

Мѣдники или Каменный Лохъ, село, 45. 121.

Н.

Нагловицы, 114. 206.

Наревская католич. школа, 21 (см. въ опечаткахъ).

Нарочъ, озеро, 55.

Начская католич. школа (на Подляшья), 21.

Недзвѣдская католич. школа (въ слудкомъ пов.), 21.

Нежировъ брацлавскаго пов., 367.

Немировская братская школа, 281. 367.

Несвижъ, городъ, 60. 61. 63. 63. 71. 72. 89. 245.

Несвижскія:

— иезуит коллегія, 40. 60. 63. 71. 72. 88. 516.

— кальв. школа, 117.

Новгородокъ (литовскій), 162. 312. 373. 380. 381. 500—502. 504. 511. 513. 523.

Новгородское воеводство, 209.

— повѣтъ, 147. 209. 371.

Новгородскія школы:

— кальвинская, 162. 501.

— униатская, 500—502. 504. 505. 523.

Новгородовичи, им. слоним. пов., 503

Новгородъ (Великій), 189. 190. 486.

Новгородское училище, 189.

Новгородъ—Сѣверскъ, 78.

Новгородъ—сѣверская иезуитская школа, 78.

Новоалександровскій повѣтъ (ковен. губ.), 23.

Новый Городъ (Nowe Miasto, Nova Civitas), городъ въ Галиціи, 13. 197.

Новый Дворъ, м-ко близъ Гродны, и новодворская католич. школа, 21.

Новый Сончъ, городъ въ Галиціи, и новосончская католич. школа, 5.

Носковцы, село, 45. 121.

Нюрнбергскій университетъ, 391.

О.

Овручъ, городъ на Волыни, 228. 503.

Оксфордскій университетъ (въ Англии), 153.

Олыка, мѣстечко на Волыни, 15. 16. 124.

Олыкская коллегіатская школа, 15. 16. 17. 124.

— дух. семинарія, 17. 124.

Ольмюць, городъ, 473 486. 502.

Ольмюцкая іезуит. коллегія, 214.

— панская семинарія, 486. 502. 509.

Оносковичи, село на Волыни, 257.

Орловъ, городъ вятской губ., 386.

Орша, 68. 69. 314.

Оршанскій повѣтъ, 23. 371. 372.

Оршанская іезуит. коллегія, 40. 68. 69.

Остапковичи, городъ въ Галиціи, коломыйскаго повѣта, 35.

Остапковичская катол. школа, 5. 35.

Островъ, островъ на р. Полотѣ, 66. 68.

Острогъ, городъ на Волыни, 77. 211. 215. 227. 237. 239. 241. 242. 244. 245. 247—271. 273—275. 323. 329. 333. 337. 388. 423. 444. 456. 457. 514. 515.

Острожскій повѣтъ, 166.

Острожскія школы:

— іезуитская, 77. 78. 261.

— православная, 131. 201. 222. 236. 237. 241—265. 267—271. 274. 275. 382. 410. 451.

Ошмянскій повѣтъ, 21. 147. 324.

II.

Падуя (Патавія), городъ въ Италіи, 36. 126. 130. 138. 197. 219. 264. 267. 274. 408.

Падуанская академія, 126. 267. 274. 285. 435.

Палестина, 95.

Паневцы. им. въ Подоліи, и паневецкая кальвин. школа, 161.

Парижъ, 139. 165. 492.

Перемишль, городъ въ Галиціи, 3. 77. 83. 197. 266. 280. 303. 364. 365. 402. 440. 445.

Перемишльскій повѣтъ, 5. 22. 78. 128.

Перемишльскія школы:

— католическая кафедральная, 5. 14.

— іезуитская, 40. 77.

— православная братская, 364. 365.

Пересопницкій прав. монастырь на Волыни и школа, 369. 370.

Петроковъ, городъ, 39. 121.

Печерскъ, фольваркъ, 496. 497.

Пильцюны, село, 45. 121.

Пинскъ, городъ, 16. 78. 117. 189. 197. 314. 368. 514.

Пинскій повѣтъ, 397. 500.

Пинскія школы:

— іезуитская, 78. 368.

— православная, 117. 189. 281. 368. 369. 415. 514.

— униатская, 514.

Пинчовъ, городъ въ сандомирскомъ воеводствѣ, 146. 163.

Пинчовская кальвинская, послѣ соцініанская школа, 164. 173. 175.

Плоцкъ, плоцкая іезуит. резиденція, 40.

Повендепъ, м-ко тельшев. уѣзда, и повенденская катол. школа, 23.

Поврозникъ, дер. въ мушинскомъ вѣдѣ, 28.

Подкаменецкая (см. Каменецкая) кальв. школа, 161.

Подляшье, 21. 161.
 Подолія, 23. 145. 161. 163. 164. 191.
 371. 391.
 Подтеличъ, село въ Галиціи, 402.
 Познань, городъ, 39. 61. 143. 145. 215.
 238.
 Познанская лютер. школа, 145.
 — іезуит. коллегія и гимназія,
 13. 40. 61.
 Полота, рѣка, 66.
 Полоцкъ, городъ, 41. 49. 57. 66—68.
 88. 89. 197. 372. 396. 486.
 Полоцкій повѣтъ, 162. 506.
 Полоцкая іезуитская коллегія, 40.
 41. 66—68. 89.
 Полоцкая калвъ. школа, 162 (см. въ
 опечаткахъ).
 Полоцкая прав. школа, 372.
 Польша, польское, польско-литовское
 государство, Рѣчь Посполитая, Корона,
 3—5. 17. 22. 23. 25—29. 32. 39—44. 58.
 59. 64. 66. 97. 107. 110. 112. 114. 119.
 127. 130. 143. 145—148. 151. 156. 161.
 166. 171—174. 178. 183. 188. 193. 203.
 205. 206. 214. 227. 240. 245. 247. 250.
 258. 264. 267. 268. 273. 330. 332. 333.
 336. 343. 358. 374. 375. 390. 396. 405.
 410. 414. 425. 426. 432. 441. 469. 475.
 486. 487. 506. 507. 509. 510.
 Почаевъ, им., 385.
 Прага, городъ въ Чехіи, 198. 486. 498.
 502.
 Пражская панская семинарія,
 486. 502. 509.
 Пруссія, 144. 146. 156. 488.
 Псковъ, 40. 191. 486.
 Пултускъ, городъ, 39. 40. 44. 60. 61.
 502.
 Пултуская іезуит. коллегія, 39.
 40. 44. 502.
 Путивль, городъ, 383.

Р.

Рава, городъ. Равская іезуит. резиденція, 40.

Радомысль, м-ко житомир. повѣта,
 228. 350.
 Раковъ, городъ въ сандомир. воевод-
 ствѣ, 112. 164. 175. 179. 180. 183.
 Раковская социн. академія, 112.
 162. 164. 166. 179.
 Рахмановъ, м-ко на Волыни, 274. 385.
 Рашковъ, городъ брацлавскаго пов.,
 372.
 Ржеша (Rzesza), фольваркъ, 52.
 Рига, 41. 89. 128. 164. 203. 229. 284.
 487.
 Рижская іезуит. коллегія, 40. 41.
 89.
 Рикойна, село, 45. 121.
 Римъ, 11. 33. 37. 61. 62. 64. 66. 69. 128.
 145. 211. 219. 221. 251. 256. 258. 259.
 268. 281. 302. 330. 334. 347. 373. 381.
 390. 392. 397. 408. 480. 485—487. 489.
 490. 492—495. 498. 502. 505—507. 509.
 517. 519—521. 523.
 Римскія учебныя заведенія:
 — іезуитская коллегія, 61. 80.
 — главные курсы (Studium Generale),
 480.
 — греческая гимназія Яноса Ласка-
 риса, 413. 480.
 — національныя коллегіи — герман-
 ская, англійская и маронитская, 480.
 — греческая (аванасіевская), 256. 480 —
 485. 489. 492. 493. 498. 502. 505. 508.
 519.
 Ровенская катол. школа на Волы-
 ни, 21.
 Рогатинъ, городъ въ Галиціи, 23. 280.
 461.
 Рогатинскія школы:
 — католическая, 23.
 — православная, 363. 364. 461.
 Россіенскій повѣтъ, 20. 23.

Ростовъ яросл. губ. и ростовское училище, 189.

Русь, Россія, 3 23. 88. 114. 139. 189—191. 193. 194. 203. 211. 216. 222. 223. 247. 252. 255. 258. 267. 285. 291. 298. 316. 328. 357. 359. 360. 372. 374. 375. 381. 394. 397. 406. 418. 421. 423. 425—427. 429. 432. 433. 435. 438—440. 486. 490. 507. 510. 519. 524.

Бѣлая Русь, 222. 352. 497.

Восточная Россія, Московія, 147. 176. 187. 188. 190. 191. 195. 201—203. 221. 229. 442. 476. 485—487. 489. 492. 498.

Западная Россія, 4. 6. 20. 22. 23. 26—28. 40. 41. 53. 64. 78. 82. 83. 87. 89. 93. 106. 112—114. 120. 143. 144. 146. 147. 149—152. 156. 169. 175. 179. 184. 187. 188. 191. 192. 194. 197. 198. 202. 204. 205—209. 211—213. 216. 221—223. 228. 230. 234. 237. 239. 240. 255. 258. 264. 267. 268. 274. 290. 295. 337. 343. 348. 368. 372. 373. 383. 385. 392. 409. 414. 415. 417. 423. 428. 442. 474. 476. 485. 492. 493. 498. 506. 509. 521.

Малая Россія, 406. 424.

Червоная Русь, 207.

Южная Россія, 372. 373. 521.

С.

Савинъ, городокъ холмскаго пов., 74.

Савинскія катол. школы: приходская и іезуитская, 74.

Савсуны, урочище, 52.

Самборъ, городъ въ перемышл. землѣ, 13. 22. 457.

Самборская катол. школа, 22.

Сандомиръ, городъ, 110. 148. 155.

Сандомирская епарх. семинарія, 17.

— іезуитская коллегія, 40. 110.

Саноцъ, городъ въ Галиціи, 5.

Саноцкій повѣтъ, 161.

Саноцкая католическая школа, 5.

— православная — , 281.

Сатановъ, городъ въ Галиціи, 230.

Семятичъ, м-ко бѣльскаго повѣта, 165.

Семятичскія школы:

— католическая, 20. 35.

— еоциніанская, 165.

Сіена, городъ въ Италиі, 152.

Скерневицы, въ равскомъ воеводствѣ, и скерневицкое училище, 13.

Скилондзівская катол. школа тельшевскаго повѣта, 23.

Скміанъ шавельскаго повѣта и скміанская катол. школа, 23.

Слонимскій повѣтъ, 503.

Слуцъ, городъ, 159. 178. 189. 355.

Слуцкій повѣтъ, 21. 23. 203.

Слуцкія школы:

— кальвинская, 159. 160. 173. 355.

— православная, 189. 243. 246.

Смоленскъ, 59. 61. 77. 88. 325.

Смоленская іезуитская резиденція, 40. 77.

Сморгонь, м-ко ошмян. повѣта, и сморгоньская кальв. школа, 162.

Смотричъ, м-ко въ Подолиі, 23. 263. 391.

Смотричская катол. школа, 23.

Соловки, 216.

Старжинъ, село минскаго повѣта, и старжинская катол. школа, 23.

Страсбургъ, 165.

Страсбургская гимназія, 81. 164. 172.

Стрѣанице, дер. близъ Львова, 14.

Стрятинъ, мѣстн., и стрятинская прав. школа, 294. 306. 370.

Судерви, им. въ вилен. пов., 321. 322.

Суздадь, городъ, 376.

Супрасль, 404. 520.

Суражъ, м-ко на Волыни, 257.

Т.

- Тарасовичи, село въ оршанскомъ повѣтѣ, 496.
- Тарнополь, городъ, 299.
- Таурогенъ, городъ рессіенскаго повѣта, и таурогенская католич. школа, 20.
- Тельшевскій повѣтъ, 23.
- Тельшевская католич. школа (на Жуди), 23.
- Тетеревъ, село на Волыни, 257.
- Толочинъ, м-ко въ оршан. пов. и толочинская католич. школа, 23.
- Торнъ, городъ, 143 149 172. 211.
- Торнская іез. коллегія, 40.
- протестантская гимназія, 172.
- Тороканъ, село, 491. 492. 500. 506 512 513.
- Трабская католич. школа (ошмян. пов.), 21.
- Трансильванія, 41. 487. 488.
- Трикки, городъ въ Фессалии, 374.
- Триккская школа, 374. 375. 411. 412.
- Троки, городъ близъ Вильны, 284.
- Трокскій уѣздъ, 324.
- Трокская католич. школа, 6.
- Туробинская (близъ Замостья) кальвинская, послѣ социн. школа, 161. 163.
- Туровъ, городъ, 189. 199.
- Туровская прав. школа, 189 199. 237. 247.
- Туровъ, село на Волыни, 257.
- Турція, 239 292. 353.
- Тыкоцинь, городъ, 16.
- У.**
- Угорцы (самбор. повѣта), 457.
- Украина, 273.

Умань, городъ, 16.

Уневъ, 385.

Уневскій монастырь въ Галиціи и школа въ немъ, 200. 228. 252.

Ушитскій повѣтъ (ковен. губ.), 23.

Ф.

Фастовъ, городъ, 77. 354.

Фастовская іезуит. школа, 77.

Феррарскій университетъ, 413.

Феціерна (?). имѣніе, и феціерна-ская католич. школа, 23.

Франкфуртъ на Віадрѣ, 165.

Франція, 96. 112. 116.

Х.

Харизмъ, провинція персидская, 30.

Ходаки, село на Волыни, 257.

Холмъ, городъ люблин. губ., 3. 23. 74. 106. 225. 367. 404. 512.

Холмскій повѣтъ, 74.

Холмскія школы:

— католич. приходская, 23 106.

— православная монастырская, 200. 228.

— братская, 367.

— униатская школа, 505. 522. 523.

— гимназія, 522.

Хмѣльникъ, городъ въ Подоліи, и хмѣльницкая соц. школа, 163.

Хорошово, село на Волыни, 176.

Хотинъ, городъ, 263.

Ц.

Цвирково, село въ оршанскомъ пов., 496.

Цеперскій монастырь новгород. повѣта и школа, 371.

Ч.

Чекусская католич. школа россиен.
пов., 23.
Черая, м-ко оршан. пов., 23. 513.
Черейская католич. школа, 23.
Черниговъ, 269. 386.
Черновцы, 16.
Чечела, деревня близъ Семятичъ, 35.
Чехія, 146.

Ш.

Шавли и шавельскій повѣтъ, 23.
Шаргородъ, городъ, 268.
Швеція, 485.
Ширвинты, имѣніе, 45.
Шкловъ, м-ко оршан. пов., и шклов-
ская прав. школа, 371.
Шкуды, мѣстечко тельшевскаго пов., и
шкудская католич. школа, 23.
Шмигла, им., 178.
Шотландія, 123.

Э.

Эйшишки (близъ Вильны), 8. 152.
Эльбингъ, 172.

Ю.

Юхновецкая католич. школа (близъ
Бѣлостока), 21.
Юрьевка, имѣніе, 355.

Я.

Яново, мѣстечко на Подлясьи, 16.
Ярославъ, городъ въ Галиціи, 21. 35.
64. 70. 83. 84. 110. 245. 248. 370. 382.
Ярославскія школы:
— католическая приходская, 21.
— іезуит. коллегія, 40. 64. 65. 137.
214. 263.
— православная, 370.
Ясевъ, имѣніе въ ошмян. повѣтъ, 55.
Яссы, 222. 310. 407. 408.
Ястребецъ, деревня въ мушинскомъ
ключѣ, 28.

Ѳ.

Ѳеодосія, городъ, 36.
Ѳесалія, область, 374.

ВАЖНѢЙШІЯ ОПЕЧАТКИ.

Стр. Строка.	Напечатано.	Должно читать.
V 7	существованія	существовавшія
28	и словныя	многочисленныя
39	католическихъ	католическимъ
—	предметовъ	предметомъ
VI 11	говорится	и говорится
28	отразились	отразилось
IX 11	Augustiae	Augustae
X 1	scriptores	scriptores
4 сн.	do	od
XI 6 сн.	Seschichte	Geschichte
—	Fortschritt	Fortschritts
5 18 сн.	нонниками	нониками
6 18 сн.	князей незаконный	князей (незаконный
7 сн.	sprosbia	sprosbiae'
9 23 сн.	богослуженіи	богослуженія
25	послѣдній	послѣдней
32	протоколовъ	протоколовъ
10 10 сн.	Rutnenus	Kuthenus
12 24	епископа	архіепископа
13 21 сн.	принасомъ	принасомъ
12 —	Computus	Computus
1 —	Simonis Storovolsci	Simonis Starovolsci
15 1 сн.	каноникъ	каноникъ
9	архидіаконъ	архидіаконъ, а также каноникъ,
16 1	Браславлемъ	Браславомъ
20 1 сн.	4 прим.	4 и прим.
21 10 сн.	<i>городненская (1555), заблудовская,</i>	<i>городненская (1555), нарвская бѣльскаго пов. (1560 г.—А. В. А. К., XIV, стр. 68), заблудовская,</i>
22 3 сн.	1558 г.	1598 г.
1 —	I,	II,
23 17 сн.	капитана	старосты
27 —	школы	школь
2 сн.	304	704
25 2 сн.	¹⁾	²⁾
28 4 сн.	nobis	nobis
29 14 сн.	Rhetorica	Rhetorica
10 —	направивъ	направилъ
5 —	rhetoricae	rhetoricae
32 15 сн.	Spandenbergio	Spangenbergio
5 сн.	debitum	debitum
35 2 сн.	овса	овса и ржи
9 сн.	ими	или

38	2 сн.	Григорій VIII	Григорій XIII
40	6 сн.	Ташуцкому	Ташуцкому
41	8 сн.	2 янв.	20 янв.
42	8 сн.	10, 170,	10, 11, 115, 170,
44	8 —	Михайль	Николай
48	12 сн.	19 окт.	29 окт.
	9 —	29 окт.	26 июля
51	13 сн.	Льва	Казимира Льва
53	12 сн.	Bostowski	Rostowski
55	7 сн.	№ IV	№ VI
57	1 сн.	Script.	(Script.
58	8 св.	къ	въ
62	3 св.	Валер.	Валентинъ
63	17 сн.	F, I, IV,	F, IV,
	—	о	до
64	4 св.	Ярославѣ	Ярославѣ
66	14	ревизоровъ	ревизоровъ
	22	2 января	20 января
	9 сн.	епископомъ	архіепископомъ Теофаномъ
67	11 св. }	епископа	архіепископа
	5 сн. }		
68	26 св.	здѣсь	въ Полоцкѣ
	27 —	для нихъ	для учащихся
	34 —	2 января	20 января
71	11 сн.	(16)	(6)
73	22	граждане	горожане
	25		
	11 сн.	996—	696—
77	5 сн.	Cratis	Gratis
78	17 сн.	Вол. епарх. вѣд.	Вол. губ. вѣд.
83	17 сн.	50	60
84	6 св.	налицо; лишній	налицо лишній
89	15 сн.	2-9.	299.
94	5 и 6 св.	—не видно, чтобы преподавалось въ нашъ періодъ даже въ виленской академіи.	преподавалось въ львовской, не-свижской и виленской коллегіяхъ; въ Вильнѣ — та его часть, которая примыкаетъ къ казуистикѣ (moralis theologia, quae conscientiae jura docet. Lit. an. S. I. 1608, 741. 742).
96	4 сн.	Теренцій, Марціалъ и	Теренцій и
114	14 св.	что тѣ два	что два
115	11 сн.	15-8	1558 и 1606 г.
122	5 сн.	213 circa Trid. sess. 23.	231 circa decret. Trid. sess. 2. 3.
123	3 сн.	75.	74.
124	24 св.	нами	нами
146	1 сн.	23 sqq.	231 et sqq.
155	12 св.	кои.	коиъ
157	19 сн.	школу.	школы.
	14 —	воеводы	каштеляна
	2 —	176.	376.
162	6 св.	Къ нимъ принадлежали <i>ворнянская</i>	Къ нимъ принадлежали: <i>полоцкая</i> (1589 г. Rost., 173), <i>витебская</i> (упоминаемая подъ 1641 г. Вит. ст., I, 600), <i>ворнянская</i>
167	3 сн.	учился;	учился
169	4 сн.	лютер.	лютеранской
172	21 св.	он	но
175	6 { св.	Фарновскаго	Рарновскаго
	8 {		
176	8 св.	народу	народу языкъ
	2 сн.	влад.	владѣльцами ея
181	7 св.	Regnum	Regnum
188	1	время подобно,	время подобно
189	25	л 20	2
190	19	бора	собора
	20	въ вел.	и въ вел.
	30	быти	быть

197	7 сн.	П	кн. III, отд. 1.
201	14 св.	упомянутого выше	киевского католич. епископа
209	9 сн.	1)	1)
	8 —	1)	2)
	7 —	2)	3)
211	7	въ 1597—8 и 1605 г.	въ 1597—8 г.
	11	опять обратилось	обратилось
	12 св. }	Хр. Радивиллу	Христофору Христофоровичу Ра-
	11 сн. }		дивиллу
	14 сн.	л. 49 и 118	л. 49 (ср. 118: письмо К. К. Острожекаго къ Янушу Радивиллу съ ходатайствомъ за вил. братство, 1605 г.)
216	9 сн.	еще	аще
	6 —	III	II
219	16 сн.	VII	II
235	20 св. }	Копыстенскій	Копыстенскій
236	4 — }		
238	26	Сомосатскаго	Самосатскаго
243	7 сн.	1586;	1579;
	6 —	который	сынъ котораго Юрій
254	17 св.	еписко(помъ)	архіеписко(помъ)
	2 сн.	те	тѣ
	1 —	42).	427).
268	13 сн.	361	161 —
272	3 св.	выбраннымъ	выбранныхъ
273	3 сн.	№ 53	№ 64.
274	27	Боговигиновы	Боговигиновой
275	13	канцлера	подканцлера
	14 сн.	Смѣсь.	смѣсь, стр. 54.
283	2 —	Карагономъ	Карачономъ
284	8 —	Ригѣ	Ридлѣ
288	4—5 сн.	libris ad eandem Ecclesiam antiquitus institutae	libris institutionem ad eandem Ecclesiam antiquitus institutam
295	12 св.	1 декабря	2 декабря
298	2	милостью	милостью (усердіемъ)
300	29	уходить	уходить
302	5 сн.	антиохійскому	александрійскому
306	19 св.	академію	академіи
	4 сн.	№ 159.	№ 164.
309	13 св.	колы.	школы.
318	25	граматычна	граматычное
	33	священники	священника
319	11 сн.	№ 5	№ 4
322	11 —	82	81
324	2 —	1609	1605
327	19 св.	заедва	яко заедва
	32	сооружало	сооружило
330	8 сн.	Тр. Кіев. дух. акад., 1887,	Кіев. епарх. вѣдом., 1877,
333	1 —	А. З. Р.,	А. З. Р., IV,
335	12 св.	пшительное	пшительное
337	12 сн.	(1590)	(1597)
338	18 и 25 св.	епископъ	архіепископъ
340	5 сн.	6 марта	3 марта
348	2 —	Лозка:	Лозка;
350 (на- печ.-140)	19 св.	письма	письма святого
351	3 сн.	А. З. IV, Р.,	А. З. Р., IV,
354	13 —	Имт.	Имт.
364	2	города	Городка
	2 сн.	№ 8.	№ 3.
365	26	братскомъ	брестскомъ
367	5 и 6 сн.	Соломирцакаго	Соломирцакаго
368	6—7 —	имѣла будто бы	имѣла
369	16 св.	приниман	странноприниман
375	22	торжествахъ	торжествахъ

375	34 св.	лѣтъ	лѣтъ
376	13 сн.	еп.	митрополитъ
379	13 св.	юдей	людей
380	13 сн.	А. З. Р.,	А. З. Р., IV,
382	16 сн.	Г. Ильинскій,	О. Ильинскій,
	11 —	на 11-мъ	на 9-мъ
383	10 —	бнижки	книжники
389	7 —	кн. Ао. Миславскаго,	киев.-печ. лавр. библ., № 202,
391	26 —	май-іюнь	іюнь-іюль
	25 —	Seschichte	Geschichte
395	12 —	нагробнымъ	надгробнымъ
405	22 —	тамъ же,	тамъ же,
406	11 —	1894	1893
413	9 св.	осеса-ло-	осеса-ло-
427	6	культуры	культуры
	17	школь.	школахъ.
433	22	упріймяя	упріймая
446	2	praeteritum,	praeteritum, praesens,
448	23	Буди	Буки
458	9 сн.	Москвѣ	Псковѣ
469	24 св.	іюля	іюня
470	3 сн.	262	254
479	3 св.	ни въ силахъ	не въ силахъ
481	4 сн.	985	986
492	12 —	212. 216.	212—216.
494	15 —	Антирриса	Антиррисса
496	3 —	438.	538.
502	9 —	№ 116	№ 115
506	7 —	185	195
510	3 —	1628	1626
511	2 —	№ 49	№ 47
512	13 —	1629 г.	1628 г.
514	13 —	1602 г.	1603 г.
520	7 —	79	№ 179.
522	9 —	стр. 15	стр. 65.
VI	1 св., 2 ст.	овручскій	писарь землн кievской,
XV	3 сн., 2 ст.	Сакробусго	Сакробусго
XVI	16 св., 1 ст.	констант.	александрійскаго
XXIX	10 св., 2 ст.	62. 111.	62. 104. 111.
XXXIV	7 сн., 2 ст.	Фарновскій	Гарновскій

ОГЛАВЛЕНИЕ.

ВВЕДЕНИЕ	Стр. III—XIII.
--------------------	-------------------

Отдѣлъ первый. Католическія школы.

Глава I. Школы каѳедральныя и приходскія.

Распространеніе католичества въ западной Россіи. Условія происхожденія древняго католическаго просвѣщенія въ зап. Россіи и характеръ его; католическія школы до XVI в. Обстоятельства, содѣйствовавшія развитію католическаго просвѣщенія въ зап. Россіи съ начала XVI ст.; протестантство, какъ одно изъ нихъ; заботы соборовъ объ умноженіи и улучшеніи школъ. Каѳедральныя школы: виленская, лововская, перемышльская, красноставская, кievская, мѣдницкая, луцкая и олыкская - коллегіатская. Устройство каѳедральныхъ школъ. Приходскія училища до прибытія іезуитовъ въ зап. Россію и вліяніе послѣднихъ на народное образованіе. Парохіальныя школы второй половины XVI и первой XVII ст. Устройство ихъ; росписаніе уроковъ и программа; языки, система семи свободныхъ наукъ. Воспитательная часть. Содержаніе учителей и учениковъ. Кіевская генуэзская школа. Роизіевская юридическая школа въ Вильнѣ . . . . .

1—37.

Глава II. Іезуитскія училища. Исторія ихъ.

Условія распространенія іезуитскаго ордена по зап. Европѣ и по польско-литовскому государству. Симпатіи къ іезуитамъ польскихъ епископовъ и короля Стефана Баторія. *Виленская академія*. Дѣятельность еп. Валеріана Протасевича по вызову въ Вильну іезуитовъ и первые ихъ шаги въ этомъ городѣ. Преобразование гимназіи въ академію. Бурсы, бібліотека, типографія. Внутренняя жизнь академіи. Ректора и профессора ея. Ярославская коллегія. Замостская школа. Полоцкая коллегія. Оршанская школа. Люблинская, несвижская, львовская

коллегии. Савинская школа. Коллегии лужская, каменецкая, крожская, перемышльская, смоленская, барская, винницкая, фастовская, острожская, пинская, новгородъ-сѣверская . . . 38—78.

Глава III. Іезуитскія училища. Организація ихъ.

Происхожденіе іезуитскаго учебно-воспитательнаго плана. Дидактика іезуитовъ: дѣленіе низшихъ школъ (gymnasia) на классы; планъ наукъ въ каждомъ; общій характеръ гимназическаго образованія. Философскій и богословскій курсы. Учебныя руководства. Администрація іезуитскихъ школъ; преподавательскій персоналъ. Педагогика іезуитовъ; воспитательные приемы; дисциплина; награды и наказанія. Достоинства и недостатки іезуитской педагогической системы . . . 79 - 118.

Глава IV. Духовныя семинаріи.

Необходимость духовныхъ семинарій въ зап. Россіи. Семинаріи виленская и жмудская. Устройство духовныхъ семинарій по плану тридентскаго собора . . . . . 119—125.

Глава V. Замогская академія.

Основатель ея—капцлеръ Янъ Замогскій. Мотивы и цѣль учрежденія. Средства содержанія. Дѣленіе на классы. Администрация, профессоры, студенты. Причины непопулярности академіи. Болѣе видные представители ея. . . . . 126—140.

Отдѣлъ второй. Протестантскія школы.

Глава VI. Распространеніе реформаціи въ зап. Россіи и судьба протестантскихъ школъ.

Школа и книга—главныя орудія распространенія протестанства въ зап. Россіи. Отношеніе къ протестанству короля Сигизмунда Августа. Лютеранство, кальвинство, соципианство; взаимная борьба ихъ и паденіе. Отношеніе протестантовъ къ школамъ и къ просвѣщенію. Школы лютеранскія, кальвинскія (виленская, биржанская, служская, кейданская и др.) и соципианскія . . . . . 141—166.

Глава VII. Организація протестантскихъ школъ.

Общее значеніе реформаціи въ исторіи педагогики. Лютеръ. Устройство лютеранскихъ школъ въ зап. Россіи; уставъ виленской школы. Администрация, внутренніе порядки, программа кальвинскихъ школъ. Устройство соципианскихъ училищъ . . . . . 167—184.

Отдѣлъ третій. Православныя школы.

Стр.

Глава VIII. Православное просвѣщеніе въ зап. Россіи до учрежденія острожской и братскихъ школъ и обстоятельство, обусловившія появленіе ихъ.

Различное рѣшеніе историками вопроса о количественной и качественной сторонахъ западнорусскаго просвѣщенія въ XVI—нач. XVII в. Дѣленіе этого періода на двѣ части: до начала 1580-хъ годовъ и—послѣ. Западнорусскія школы до XVI в. Данныя о распространеніи грамотности среди духовенства и монашества, аристократіи и шляхты, горожанъ и крестьянъ. Приходскія и монастырскія школы, существованіе которыхъ удостовѣряется въ первую половину XVI в. (до 1580-хъ годовъ). Характеръ ихъ, учителя, учебные предметы и книги. Недостаточность даваемого ими образованія въ виду новыхъ запросовъ времени и возникающее отсюда въ западнорусскомъ обществѣ умственное оживленіе. Руководители его—аристократія и горожане въ лицѣ братствъ. Анализъ различныхъ просвѣтительныхъ вліяній, которымъ подвергалась зап. Русь во вторую половину XVI ст. Вліяніе польской культуры. Протестантство и взаимныя отношенія между православными и протестантами. Католическое вліяніе и иезуиты. Московское вліяніе и греческое; характеръ отношеній грековъ и западноруссовъ въ концѣ XVI и нач. XVII ст. Патронатъ и его вліяніе на судьбу нашего школьнаго образованія. Реакція духовенства противъ улучшенія образованія вообще и противъ польско-европейской постановки его въ частности; примиреніе съ ними въ концѣ нашего періода. 185—236.

Глава IX. Острожское училище.

Общее значеніе кн. Константина Константиновича Острожскаго въ исторіи нашего просвѣщенія. Вліяніе на кн. Острожскаго кн. А. М. Курбскаго. Друкаръ Пв. Феодоровъ и открытіе типографіи въ Острогѣ. Острожская школа. Учрежденіе ея не К. П. Острожскимъ, а Константиномъ Константиновичемъ, около 1580 г. Отрицательныя и положительныя доказательства того, что острожская школа была не академіей, но и не низшимъ училищемъ, а скорѣе всего—среднимъ. Отсутствие историческихъ данныхъ объ ея внутреннемъ устройствѣ. Внѣшняя исторія училища. Ея устройство и успѣхи. Ослабленіе послѣднихъ въ 90-хъ годахъ XVI ст. Подача съ помощи изъ Греціи. Дерманскій монастырь. Попытка кн. К. К. Острожскаго преобразовать училище въ академію. Существованіе острожской типографіи и школы послѣ смерти фундатора. Острожскіе ученые: Герасимъ Смотрицкій,

Кирилль Лукарьскъ, Никифоръ Грекъ, „Клирикъ острожской церкви“, Василій, пресвитеръ Даміанъ, Христофоръ Филалетъ Бронскій, Лятошъ, іером. Кипріанъ и др. . . . . 237—276.

Глава X. Братскія школы.

Общая причина происхожденія и размноженія братствъ и братскихъ училищъ. Обстоятельства, побудившія братства именно взяться за просвѣщеніе народа. Общая исторія братскихъ школъ; отношеніе къ нимъ правительства, іерархіи. Стремленіе братствъ монополизировать въ своихъ рукахъ народное образованіе; противодѣйствіе этому. Вопросъ о правѣ православной церкви и братствъ заводить школы—при восшествіи на престолъ Владислава IV.—Львовская школа. Реорганизация львовскаго братства, пріобрѣтеніе имъ типографіи и устройство училища. Антиохійскій патріархъ Іоакимъ, еп. Гедеонъ Балабанъ, п. Іеремія, м. Михайлъ Рагоза и ихъ отношенія къ братству и просвѣтительнымъ учрежденіямъ его. Успѣхи львовской школы и ея отношенія къ школамъ другихъ городовъ. Привилей к. Сигизмунда III отъ 15 октября 1592 г. Нападенія на братскую школу. Братская бібліотека въ 1600—1601 гг., какъ показатель постановки школьнаго дѣла. Упадокъ братской школы и ея возстановленіе. Виленская школа. Время происхожденія братства и училища. Недостатокъ преподавателей и отношенія къ львовской школъ. Подтвердительныя грамоты п. Іереміи и к. Сигизмунда. Пожертвованія въ пользу школы. Нападеніе іезуитскихъ студентовъ. Непріятности съ учителями. Враждебныя отношенія латино-уніатовъ. Іосифъ Бобриковичъ улучшаетъ школу. Виленское братство и монастырь дѣлаются центромъ просвѣтительныхъ стремленій православныхъ западноруссовъ. Утвержденіе братства съ школой к. Владиславомъ IV. Брестская школа, начало ея, отношенія къ львовскому училищу и переходъ въ руки уніатовъ. Минскія школы—шпитальная и петропавловская; нападеніе на послѣднюю со стороны уніатовъ. Могилевская школа. Привилей могилевцамъ на открытіе школы короля Стефана. Устройство ея беретъ на себя братство. Вопросъ о количествѣ братствъ (и школъ) въ Могилевѣ въ нач. XVII ст. Отнятіе уніатами у спасскаго братства монастыря и школы. Судьба послѣдней. Луцкая школа. Происхожденіе ея и утвержденіе. Уставъ ея. Переходъ ея въ руки монаховъ братскаго монастыря. Постановка учебнаго дѣла. Кіевскія школы—братская и лаврская. Начало кіевскаго братства и школы въ 1614—1615 гг. Отсутствіе въ Кіевѣ до того времени правильно организованныхъ училищъ. Утвержденіе школы п. Теофаномъ. Гетманъ Конашевичъ-Сагайдачный. Судьба братской школы до соединенія ея съ лаврской.

Основаніе послѣдней Петромъ Могилой: составъ преподавателей и курса. Опасность, грозившая лаврской школь, и перенесеніе ея въ братскій монастирь. *Прочія братскія и небратскія школы.* А) братскія: рогатинская, городокская, перемышльская, комарнская, люблинская, бѣльская, каменецъ-подольская, замостская, львовская богоявленская, галичская, холмская, винницкая, бѣлшовецкая, пипская. Б) небратскія: владимирская, пересопницкая, стратинская, дубенская, моголевская, ярославская, ельненская, цеперская, евьевская, межбожская, шкловская, (борьколабовская), кроньская, бутешская, полоцкая . . . . . 277—373

Глава XI. Дидасналы и ректора братскихъ школъ.

Арсеній, архіепископъ елассонскій. Стефанъ Зизаній. Лаврентій Зизаній. Кириллъ Транквилліонъ Ставровецкій. Гаврилъ Дороеевичъ. Іовъ Борецкій. Мелетій Смотрицкій. Леонтій Карповичъ. Іосифъ Бобриковичъ. Кассіанъ Саковичъ. Оома Іевлевичъ, Сильвестръ Коссовъ, Ісаія Трофимовичъ, Софроній Почаскій . . . . . 374—408.

Глава XII. Общій характеръ, учебная программа, учебники и устройство братскихъ школъ.

Рѣшеніе спора объ источникѣ и общемъ характерѣ учебной и воспитательной частей братскихъ школъ—въ пользу Византіи, съ предоставленіемъ извѣстнаго мѣста и другимъ дидактическимъ и педагогическимъ вліяніямъ. Учебные предметы: славянскій, греческій, русскій, латинскій и польскій языки; діалектика, риторика съ поэзіей и гоилетикой, арифметика, геометрія, астрономія, музыка (пѣніе), исторія и богословскія науки. Учебники и учебныя пособія братскихъ школъ: грамматики славянскаго, греческаго и латинскаго языковъ; руководства и пособія по богословію. Педагогія братскихъ школъ; организація ихъ. Администрація, учителя, содержаніе ихъ. Условія пріема воспитанниковъ; дѣленіе школъ на классы; средства содержанія учениковъ. Принципъ воспитанія; классная дисциплина. Взаимныя отношенія учителей и учениковъ; протосколы, педагоги и дежурные. Наказанія. Младенческія братства въ школахъ. Заслуги братскихъ школъ для церкви и вѣры, для національности русской, для науки и для просвѣщенія. . . . . 409—476.

Отдѣлъ четвертый. Уніатскія школы.

Глава XIII Уніатскія школы до уніи и въ періодъ уніи. Устройство ихъ.

Значеніе школъ въ исторіи церковной уніи съ Римомъ. Національныя коллегіи въ Римѣ; аонасіевская коллегія, вну-

треннее устройство ея и программа. Совѣтъ Поссевина объ учрежденіи семинаріи для русскихъ въ Вильнѣ; открытіе ея и общее устройство. Отношеніе русскихъ владыкъ—упіатовъ къ вопросу о школахъ; сознанныя ими необходимость учрежденія своихъ, уніатскихъ училищъ. Школы брестская, владимирская. Виленская семинарія. Іосифъ Рутскій и его проектъ поднятія просвѣщенія въ уніатскомъ клирѣ; устроенный имъ въ Вильнѣ новиціатъ. Королевскій привилей, передавшій монахамъ завѣдываніе школьнымъ дѣломъ (1613 г.). Школы новгородская и минская. Стипендіи, предоставленныя уніатскимъ юношамъ въ папскихъ и іезуитскихъ коллегіяхъ. Тенденція базилианскаго ордена захватить въ свои руки все уніатское образованіе. Новгородовичская, 1-ая лаврашевская и рутская базилианскія конгрегаціи и ихъ отношеніе къ этому вопросу. Потребность въ учрежденіи новой духовной семинаріи для блага духовенства взамѣнъ упавшей виленской; исторія назрѣванія ея и неудачныхъ попытокъ ея удовлетворенія. Содѣйствіе Рима. Лаврашевская конгрегація, кобрынскій соборъ и новгородскій соборіеъ (1626 г.). Усердіе м. Рутскаго и неакуратность монастырей. Преподаватели уніатскихъ училищъ. Петръ Теодоровичъ Суромятникъ, Іосифъ Рутскій, Іосафатъ Кунцевичъ; іезуиты. Организациія уніатскихъ школъ; администрація, программа, дисциплина. Свидѣтельства Мелетія Смотрицкаго и Кассіана Саковича, характеризующія состояніе въ ихъ время школьнаго дѣла у уніатовъ. . . . 477—524.

Указатель личныхъ именъ, встрѣчающихся въ сочиненіи, и цитуемыхъ авторовъ . . . . . I—XXXVIII.

Указатель географическихъ названій и школъ, упоминаемыхъ въ сочиненіи. . . . . XXXIX—LI.

Важнѣйшія печатки . . . . . LIII—LVI.

Оглавленіе . . . . . LVII—LXII.

Цѣна 3 рубля съ пересылкой.

Книга продается: въ Казани—у автора, преподавателя духовной семинаріи К. В. Харламповича, и въ книжныхъ магазинахъ А. А. Дубровина (Гостинный Дворъ и по Воскресенской улицѣ въ домѣ Мартинсона) и Бр. Башмаковыхъ (Городской Пассаждь); въ Петербургѣ—у Бр. Башмаковыхъ (Екатерининская ул., № 2) и въ книжномъ магазинѣ Новаго времени (Невскій проспектъ, № 40); въ Вильнѣ—въ книжномъ магазинѣ Стракуна.

47 90 137ST2 53 005 BR 1

6601

BV 4140 .R9 K5 C.1
Zapadnoruskaia pravoslavnaia
Stanford University Libraries

3 6105 040 987 211

CECIL H. GREEN LIBRARY
STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
STANFORD, CALIFORNIA 94305-6063
(650) 723-1493
greencirc@stanford.edu

All books are subject to recall.

DATE DUE

5/22/2006
SEP 5 2006
KCCU

BV 4140 .R9 K5 C.1
Zapadnoruskija pravoslavnyja
Stanford University Libraries

3 6105 040 987 211

CECIL H. GREEN LIBRARY
STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
STANFORD, CALIFORNIA 94305-6063
(650) 723-1493
greencirc@stanford.edu

All books are subject to recall.

DATE DUE

5/22/2006
SEP 5 2006
KCCU

